ТОЛЬКО на ЛИТРЕС

ВЯЧЕСЛАВ НИКОНОВ

ЛЕНИН

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ИЗМЕНИЛ ВСЁ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вячеслав Никонов – видный российский политик, политолог, доктор исторических наук, председатель комитета Государственной Думы по образованию и науке, декан факультета государственного управления Московского государственного университета, председатель правления фонда «Русский мир». 22 АПРЕЛЯ 2020 ГОДА – 150 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЛАДИМИРА ЛЕНИНА. По воздействию на судьбы нашей страны и мира Ленину нет равных. В его планах было переустройство жизни человечества, и во многом ему это удалось. Образованная им партия три четверти века правила в СССР. В некоторых странах компартии до сих пор у власти. В книге – без гнева и пристрастия, – исключительно на документах и воспоминаниях, показан жизненный путь вождя с упором на годы пребывания у руля государства. Не обойдены таинственные и спорные страницы жизни – немецкие деньги, отношения с Арманд, участие в организации террора, отношения со Сталиным и Троцким, секреты «Завещания» и другое.

- Вячеслав Никонов
  - ○
  - ○ Введение
  - ○ Глава 1
    - ■ Брыкаска
    - ■ Слишком далеки они от народа
    - ■ Марксист
    - ■ Декабрист 2.0
    - ■ Из «Искры»…
  - ○ Глава 2
    - ■ Будет такая партия
    - ■ Лидер
    - ■ Новая жизнь
    - ■ «Ваза»
  - ○ Глава 3
    - ■ Антиэмпириомонист
    - ■ Париж, Инесса…
    - ■ В Австро-Венгрии
    - ■ Пораженец
  - ○ Глава 4
    - ■ Февральский разлом
    - ■ Пломбированный вагон
    - ■ На броневике

- Есть такая партия
- В бегах
- Прорыв к власти

- Глава 5
  - Марксизм и ленинизм
  - Консолидация
  - Учредилка
  - Вплоть до отделения
  - Довоенный коммунизм
  - Брестская травма
- Глава 6
  - Мирная передышка и внеочередные задачи
  - Чехословацкий дебют
  - Мятежное лето
  - Миллиметр до смерти
- Глава 7
  - Против всех
  - Тотальная оборона
  - Версальский не-мир
  - Москва островком
  - Коренной перелом
- Глава 8
  - Испорченный юбилей
  - На штурм
  - Чудо на Висле и кошмар в Москве
  - Восточная партия
- Глава 9
  - Государство диктатуры пролетариата
  - Чтобы не было богатых
  - Советский народ
  - Очень культурная революция
- Глава 10
  - Вызов Троцкого
  - Нэп
  - Голод
  - К длительной осаде
  - Вторая фаза
- Глава 11
  - Костино
  - Остановить отступление
  - Ген NT5E
- Глава 12
  - Ленин вернулся
  - Завещание

        - Смертельный ток
    - Заключение
    - Примечания
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7

Вячеслав Никонов
Ленин. Человек, который изменил все

Вячеслав Никонов – видный российский политик, политолог, доктор исторических наук, председатель комитета Государственной думы по образованию и науке, декан факультета государственного управления Московского государственного университета, председатель правления фонда «Русский мир».

22 АПРЕЛЯ 2020 ГОДА – 150 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЛАДИМИРА ЛЕНИНА.

По воздействию на судьбы нашей страны и мира Ленину нет равных. В его планах было переустройство жизни человечества, и во многом ему это удалось. Образованная им партия три четверти века правила в СССР. В некоторых странах компартии до сих пор у власти.

В книге без гнева и пристрастия, исключительно на документах и воспоминаниях показан жизненный путь вождя с упором на годы пребывания у руля государства. Не обойдены таинственные и спорные страницы жизни: немецкие деньги, отношения с Арманд, участие в организации террора, отношения со Сталиным и Троцким, секреты «Завещания» и другое.

© Никонов В., 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Введение

Время – начинаю про Ленина рассказ.

Почему Ленин?

Потому что Ленин – уникален. «Владимир Ильич был человеком, который так помешал людям жить привычной для них жизнью, как никто до него не умел сделать это»[1], – справедливо замечал Алексей Максимович Горький. В этом смысле Ленин – самый крутой из всех людей, когда-либо живших в России. А может, и не только в России. По своему взрывному воздействию на судьбы нашей страны и мира ему нет равных.

Он собрался переустроить жизнь всего человечества. Трудно назвать человека, кто ставил бы сопоставимые по масштабам задачи. И во многом ему это удалось. Образованная им Коммунистическая партия три четверти века правила в СССР и продолжает заседать в Государственной думе.

Он создал первое в мире государство, назвавшее себя социалистическим. Насколько оно действительно было социалистическим, коротко сказать не берусь, но то, что это было государство нового типа, альтернативное всему тому, что существовало на Земле раньше, – это бесспорно. Он был демиургом новой общественной модели – диктатуры пролетариата и подчиненной государству экономики – без собственности и религии.

Ленин создал мировое коммунистическое движение, являвшееся важнейшей политической силой на планете в XX веке, которое породило множество партий, правивших, а также продолжающих править и сейчас – в Китае, Вьетнаме, КНДР, на Кубе.

Это единственный в истории россиянин, чье тело после смерти было не похоронено, а забальзамировано и выставлено на обозрение в специальном Мавзолее, стоящем на главной площади столицы. Оно и сейчас там.

Каждый, особенно в старшем поколении, проникнут ленинскими фразами, тестами, образами. Для этого не надо было обязательно, как мне, внимательно штудировать труды Ленина по курсам множества университетских дисциплин. Рассказы о его отношении к детям, о его любви к зверушкам и бедным людям были известны дошколятам ничуть не хуже, чем сказки про Колобка и Курочку Рябу. На октябрятском значке – барельефный облик юного вождя. С повязанным на шею пионерским галстуком

каждый вступал в ряды ленинской пионерской организации. Затем если не всех, то очень-очень многих впереди ждал ленинский комсомол. А меньшинство получало членский билет партии Ленина с его ликом на обложке.

У меня не было проблем с эпиграфами к главам этой книги. Я их взял из головы, все они принадлежат Владимиру Владимировичу Маяковскому. Когда я учился в десятом классе, учитель технического перевода Николай Дмитриевич Чебурашкин – ветеран войны и большой затейник – придумал поставить поэтический спектакль по поэмам Маяковского «Ленин» и «Октябрь». Выучили поэмы наизусть. Очень скоро мне это сильно помогло, потому что на вступительном экзамене на истфак МГУ темой сочинения оказалось: «Маяковский – поэт-летописец эпохи». Две поэмы покрывали тему почти полностью, оставалось разве что добавить стихотворение о советском паспорте. Из всех поступивших в тот год на факультет (а конкурс был 25 человек на место) я оказался единственным, кто написал сочинение на пятерку. А строки из «Ленина» и «Октября» в память впились навсегда. Они и перед введением, и перед каждой главой, и перед заключением этой книги.

Ленин – самый публиковавшийся автор в истории человечества, с которым могут конкурировать разве апостолы-евангелисты и пророк Магомед. На 1 января 1990 года труды Ленина были изданы только в СССР общим тиражом более 653 млн экземпляров на 125 языках. Самая издаваемая речь – «Задачи союзов молодежи» – выходила 660 раз тиражами в 50 млн экземпляров на 96 языках[2].

Мы постоянно повторяем ленинские афоризмы, даже не задумываясь, кому они принадлежат. «Есть компромиссы и компромиссы». «Политика – это не тротуар Невского проспекта». «Учиться, учиться и учиться!». «Какая глыба, а? Какой матерый человечище!» Это Ленин о Льве Толстом (по словам Горького). Ему приписывают крылатые выражения, которые ему не принадлежат. Например, что «кухарка может управлять государством». Ленин говорил, что кухарка не может управлять государством, но сможет, если ее этому научить.

В каждом большом и небольшом городе России найдется проспект, сквер, площадь или улица Ленина, даже после того, как в некоторых местах в 1990-е годы их переименовали. Нет другого имени, столь часто мелькающего на табличках с названиями улиц. По данным «Яндекс-карты», в Российской Федерации в 2020 году есть 5167 улиц Ленина общей длиной 8631,5 км. Ближайшие конкуренты сильно отстают: улиц Гагарина насчитывается 2998, Пушкина – 2573 и Горького – 2062. Стоит заметить, что есть два

названия улиц, которые используются немного чаще в современной России, чем имя Ленина. Но это улицы Советская и Октябрьская, то есть, по сути, тоже Ленина. А ведь есть еще 224 улицы Ульянова…

По количеству памятников, стоящих в России (и не только) и снесенных на Украине, Ленин тоже вне конкуренции. В нашей стране сохраняется около 6 тысяч монументов, на Украине в период «ленинопада» после 2014 года было сокрушено более 2 тысяч. Но даже на территории бывшей УССР остается около 350 памятников Ильичу (главным образом в ДНР и ЛНР), до 400 стоит в Белоруссии, больше 150 – в Казахстане. И так далее.

«Ленин – категория метафизическая… По влиянию на судьбы России Ленина можно поставить в один ряд лишь с Петром. Что же касается воздействия на мировые события XX века, то тут Ленину не найти ни русских, ни иноземных соперников»[3], – замечает академик РАН Юрий Пивоваров.

Гениальный в своем фанатизме и предельно циничный политик, неплохой публицист и оратор. Человек, чуждый общечеловеческим ценностям и морали, ставивший идею коммунизма гораздо выше человеческого счастья и даже жизни. Лидер, жертвовавший национальными интересами во имя мировой революции, который разрушил и воссоздал российскую государственность, надолго изолировав страну от мира. Творец концепции тотальной войны, позволившей победить в Гражданскую.

Результаты его правления имели трагические последствия для нашей страны, ее экономики и общества.

И именно Ленин стал источником вдохновения и примером для подражания для сотен миллионов во всем мире. За него шли на смерть, свергали правительства, давили друг друга, только чтобы хоть одним глазом взглянуть на него. Ленин сыграл множество символических ролей: пророка, героя, учителя, образца, первоисточника власти. Именно в нем черпали свою легитимность все последующие советские лидеры. Он был предметом поклонения и символом ненависти для сотен миллионов человек.

Александр Николаевич Потресов – юношеский приятель Ленина (были ли у Ленина вообще друзья – отдельный вопрос), заработавший туберкулез в застенках ЧК, – вырвавшись в Париж, в 1927 году писал о Великой французской революции: «И до сих пор еще, на расстоянии почти полутора века, читая несчетные исследования, ей посвященные, чувствуешь в исследователе то прокурора, то адвоката… И до сих пор еще всякого рода общественные симпатии и антипатии мешают взглянуть на

кровавую драму конца XVIII века глазами нелицеприятного ученого»[4].

Полтора века отделяют нас от появления на свет Ленина. И несчетные писания все еще распадаются на адвокатские и прокурорские. Как правило, Ленин – либо величайший гений, вождь мирового пролетариата и самый человечный человек. Либо – величайший преступник, обрекший Россию на неисчислимые страдания, и жрец террора.

Полагаю, сейчас настало то время, когда уже можно отнестись к Ленину иначе, поместив его в категорию «историческая фигура», а содеянное им – в «историю».

Эта книга просто про Ленина.

Особая благодарность за помощь в работе над книгой Светлане Алексеевне Трубниковой, Марине Евгеньевне Веселовской и Галине Викторовне Цапалиной.

Глава 1
Ульянов

Мы
не одиночки,
мы —
союз борьбы
за освобождение
рабочего класса.

Брыкаска

Интернационализм был у Ленина в крови. Буквально. Поволжье испокон веку было местом смешения народов, и восточные черты, столь отчетливо проявлявшиеся в его широкоскулом лице, пришли, похоже, по отцовской, русской линии.

Дед по этой линии – Николай Васильевич Ульянин – сын крепостного крестьянина из Нижегородской губернии – не желал мириться ни со своим статусом, ни даже со своей фамилией. Он вышел из крепостного состояния через выкуп или был отпущен на оброк (науке точно не известно) и в 1799 году в Астрахани перешел в категорию государственных крестьян, а в 1808 году – в мещанское сословие и занялся портняжным бизнесом. Сменив фамилию сначала на Ульянинова, а затем и Ульянова, он женился на дочери астраханского мещанина – Анне Алексеевне Смирновой (по версии Мариэтты Шагинян и Дмитрия Волкогонова – из семьи крещеных калмыков), которая была моложе мужа на 18 лет. Сын Илья – отец Ленина – появился на свет в 1831 году, когда Николаю Васильевичу было уже шестьдесят.

Илья Николаевич семи лет лишился отца, и его воспитанием занимался энергичный старший брат Василий, постаравшийся дать младшим хорошее образование. Илья закончил с серебряной медалью гимназию в Астрахани. А затем отправился в Казань, где учился на физико-математическом факультете университета, из которого Ленина исключат. Получив звание кандидата физико-математических наук, Ульянов мог остаться на кафедре, что предлагал ему сам великий Лобачевский, но предпочел карьеру хоть и педагогическую, но не университетскую. Он стал преподавать математику в старших классах Дворянского института в Пензе, в 1860 году был удостоен чина титулярного советника.

В Пензе Илья Николаевич познакомился с молоденькой Марией Александровной Бланк – матерью Ленина, – приезжавшей в гости к сестре. В 1863 году состоялась помолвка. И тогда же Мария Бланк с поддержкой возлюбленного, который стал ее репетитором, экстерном сдала экзамены в Самаре и получила звание учительницы начальных классов «с правом преподавания Закона Божьего, русского языка, арифметики, немецкого, французского языка».

Мария Александровна имела более чем интернациональное происхождение. Ее отец – дед Ленина по материнской линии – Сруль (Израиль) Бланк был выходцем из принявшей христианство

зажиточной еврейской семьи, которая обитала сначала в Житомирской губернии, но затем перебралась в Петербург. Там Израиль по крещении стал Александром Дмитриевичем – в честь своего воспреемника графа Александра Апраксина. Закончив столичную Медико-хирургическую академию, дед Ленина работал уездным врачом в Смоленской губернии, а затем штаб-лекарем в Петербурге. Проведя много времени на европейских курортах, в частности в Карлсбаде, он стал одним из основоположников отечественной бальнеологии – лечения минеральными водами.

В Санкт-Петербурге Бланк сделал предложение Анне Ивановне Грошопф, чей отец был прибалтийским немцем, служившим в Государственной Юстиц-коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел; а мать (в девичестве носившая фамилию Эстедт) происходила из купеческой семьи шведских лютеран. Их дочь Мария родилась в 1835 году.

Анна Ивановна умерла, когда девочке было шесть лет, и Александр Дмитриевич сошелся с ее тоже овдовевшей сестрой Екатериной. Семейство переехало в Пермь, где дед Ленина стал инспектором Пермской врачебной управы, а закончил свою карьеру инспектором Златоустовских госпиталей в чине надворного советника (подполковник в армейских чинах). В 1859 году Александр Бланк и его потомки были утверждены в потомственном дворянстве[5].

Уйдя в отставку, он – с Екатериной Ивановной – купил в Казанской губернии за 9,6 тысячи рублей серебром, частично в ипотеку, имение Кокушкино в 49 верстах от Казани с 500 гектарами земли. Туда семья и перебралась. Ко времени отмены крепостного права в Кокушкино было 15 дворов, в которых проживал 41 крепостной мужского пола и 46 крепостных женского пола[6].

И именно в Кокушкине 25 августа 1863 года отец и мать Ленина сочетались законным браком. После чего отбыли в Нижний Новгород, где молодой муж стал старшим учителем математики и физики в мужской гимназии. Учеником Ильи Николаевича окажется Дмитрий Владимирович Каракозов, первым в 1866 году покушавшийся на императора Александра II. И Николай Андреевич Ишутин, кузен Каракозова и руководитель воспитавшего его подпольного кружка. Тогда буря расследования попытки цареубийства обошла педагога стороной.

За четыре дня до выстрела Каракозова у Ульяновых родился первенец – Александр. Через год дочь – Анна.

В 1869 году в 34 губерниях Российской империи была учреждена новая должность – инспектор народных училищ. В Симбирской губернии эту должность получил Илья Николаевич

Ульянов. Семья переехала в Симбирск. Ульянову-старшему определили жалованье в 73 рубля 50 копеек в месяц (рабочий получал 15–30 рублей, университетский профессор – 250 рублей). Своим жильем обзавелись не сразу: за первые девять лет жизни в Симбирске Ульяновы сменили шесть съемных квартир.

В одной из них – в съемном флигеле во дворе дома Прибыловской на Стрелецкой улице – 10 (22) апреля 1870 года появился на свет сын Владимир. Летом мама вывезла детей в Кокушкино, где крошечного Володю успел подержать на руках дед – Александр Дмитриевич Бланк – за несколько дней до смерти.

Имение после его кончины перешло пяти дочерям. В 1880-е годы доходы от имения составляли 2,7 тысячи рублей в год, чистая прибыль – 1000 рублей, что приносило Марии Александровне около 200 рублей ежегодно.

В 1871 году у Ульяновых родилась дочь Ольга, в следующем году – Николай, не проживший и месяца. В 1874 году, семья пополнилась сыном Дмитрием, в 1878 году дочерью Марией. Большая семья, с которой жили еще кухарка Настя и няня – солдатка из Пензенской губернии Варвара Григорьевна Сарбатова.

Отец Ленина – интеллигент в первом поколении, типичный разночинец – был убежденным «шестидесятником», сторонником либеральных реформ Александра II, видевший в них перспективу для развития страны и приложивший немало сил для развития земского просвещения. Илья Дмитриевич инспектировал и строил школы, раздобывал для них учебники и канцелярские принадлежности, подбирал учительский состав, проверял уровень преподавания, ведал делопроизводством, финансами, ведомственной перепиской.

Он был идеалистом. Дочь Мария расскажет: «Надо было колесить по губернии и в метели, и в осеннюю и весеннюю слякоть и распутицу, обследуя школы, распинаясь на мирских сходах крестьян, следя за постройкой новых училищ, настаивая на ассигновании средств на школы у земств и т. п.»[7]. Всего за годы попечения Ильей Николаевичем народного образования в Симбирской губернии было открыто 250 школ, число обучающихся удвоилось, бюджет образовательной сферы вырос в 3,5 раза, зарплаты учителей – втрое.

В 1874 году новым Положением о народных училищах была введена должность директора народных училищ, которую и получил статский советник Ульянов. В конце 1877 года ему был присвоен чин действительного статского советника, что соответствовало в табели о рангах генеральскому званию и

давало право на пожизненное дворянство. Заработок директора народных училищ составлял 2,5 тысячи рублей в год (а вскоре и 3,5 тысячи). На следующий год семейство Ульяновых впервые обзавелось собственным деревянным домом «со строением и землей, состоящей в первой части города Симбирска, по Московской улице, в приходе Богоявления Господня».

Своей миссией Илья Николаевич искренне считал избавление людей от невежества и тьмы. Учил состраданию, готовности воспринять чужое горе как свое. Он привносил в семью культ просвещения, входивших в моду либеральных ценностей. Но отец был и искренне набожным человеком, водил детей в церковь. При этом рассказывал о звездах, тайнах Вселенной, читал наизусть Некрасова, пел народные песни и романсы. «Требовательный к себе и к другим во время работы, он умел быть увлекательным, веселым собеседником во время отдыха, шутил с детьми, рассказывал им сказки и анекдоты. В разговорах и играх (шахматы, крокет) держал себя с детьми по-товарищески, увлекаясь не меньше их»[8], – вспоминала Анна Ильинична.

Мать была опорой дома, прививавшей порядок и педантизм, учившей ценить время. «Это был недюжинный человек, очень одаренный, обладавший, кроме того, большим педагогическим тактом, большой силой воли и горячим мужественным сердцем, – не скрывала своих чувств к матери младшая сестра Мария, которую чаще называли Маняшей. – Не прибегая почти к строгости и наказаниям, не стесняя без нужды свободы детей, она имела на них огромное влияние, пользовалась их неограниченным уважением и любовью»[9].

Мария Александровна израсходовала свои педагогические знания на детей, с которыми, как могла, занималась музыкой, чтением, письмом, иностранными языками. «Любимым удовольствием ее была музыка, которую она страстно любила и очень одухотворенно передавала. И дети любили засыпать под ее музыку, а позднее – работать под нее»[10]. Впрочем, она не имела специального музыкального образования, училась только дома, у тетки, а потому к сложным фортепианным произведениям не подступалась.

Володя, третий ребенок, вспоминала старшая сестра Анна, рос «очень шумным – большим крикуном, с бойкими, веселыми карими глазками. Ходить он начал почти одновременно с сестрой Олей, которая была на полтора года моложе его… И если сестренка его падала неслышно – “шлепалась”, по выражению няни, – и поднималась, упираясь обеими ручонками в пол, самостоятельно, то он хлопался обязательно головой и поднимал отчаянный рев на весь дом. Вероятно, голова его перевешивала.

Все сбегались к нему, и мать боялась, что он сильно разобьет себе голову или будет дурачком»[11].

Но, научившись ходить, Володя стал быстро делать успехи. «Живой, бойкий и веселый, он любил шумные игры и беготню. Он не столько играл игрушками, сколько ломал их. Лет пяти он выучился читать, затем был подготовлен приходским учителем»[12]. Главной подругой для игр была Ольга. А непререкаемым авторитетом и образцом для подражания – старший брат Александр. «Владимир Ильич обыкновенно все делал, “как Саша”, как он говорил»[13], – припоминала Маняша. (Ох уж эти бесконечные «Владимиры Ильичи» в воспоминаниях о нем даже близких людей. Буду сокращать до «ВИ», тем более что часто Ленина так и называли.)

Александр Ульянов уже в восемь лет наизусть выучил «Размышления у парадного подъезда» Некрасова и оды Рылеева, полные осуждения тиранства. Затем увлекся естественной наукой, собирал гербарии, препарировал лягушек, подражая любимому литературному персонажу – Базарову. Детским шалостям он предпочитал чтение книг по биологии и разглядывание в микроскоп различных насекомых. В 15 лет Александр соорудил у себя в комнате целую лабораторию – с пробирками, трубками и препаратами. Оттуда весь дом нередко заволакивало едким дымом. Тогда же, к неудовольствию родителей, он перестал ходить в церковь и выставил из своей комнаты иконы[14]. Анна писала, что «различие натур обоих братьев выделялось уже с детства, и близкими друг другу они никогда не были, несмотря на безграничное уважение и подражание Саше со стороны Володи с ранних лет»[15].

Для младшего брата Дмитрия брат Володя нередко выступал в образе «брыкаски». «Мы с Олей сидим на полу нашего симбирского дома и с замиранием сердца ожидаем появления “брыкаски”. Вдруг за дверью или под диваном слышатся какие-то звероподобные звуки. Внезапно выскакивает что-то страшное, мохнатое, рычащее, это и есть “брыкаска” – Володя в вывернутом наизнанку меховом тулупчике. Может быть, “брыкаска” сердитая, злая: от нее нужно бежать, прятаться под диван или под занавеску, а то укусит или схватит за ногу; а может быть, она только с виду страшная, а на самом деле добрая, и от нее совсем не надо бегать, можно даже с ней подружиться и приласкать ее. Этого никто не знает. Все зависит от ее настроения. Полумрак, мохнатое существо на четвереньках…» Да уж…

Наиболее популярной в семье была игра в солдатики. «В нее в разное время играли братья Саша, Володя, сестры Оля, Аня и я, но учил нас этой игре и вырезыванию солдатиков из бумаги

старший брат Саша» [16], – вспоминал Дмитрий. У каждого из детей была своя армия бумажной пехоты и кавалерии. Так, «у Саши были итальянские бойцы под командой свободолюбивого Гарибальди. У Ани и Оли – испанские стрелки. У Володи – армия североамериканская Авраама Линкольна из Гражданской войны в США демократического Севера с рабовладельческим Югом. Володя тогда очень увлекался идеей освобождения негров от рабства. Повесть Бичер-Стоу “Хижина дяди Тома” была у него и у Оли настольной книгой. Оба они зачитывались детским журналом “Детское чтение”, который выписывал отец… Прекрасный в то время журнал “Детское чтение” давал очень много материала о гражданской войне в Северной Америке»[17]. Ветер свободы для юного Ленина дул из-за океана.

При этом Америка вдохновляла Володю не только свободолюбивым пафосом Линкольна, но и романтикой индейцев. «Научились читать Володя и Оля почти одновременно и читали в детстве одни и те же книжки. Вот под влиянием чтения про индейцев у них и создалась такая игра, когда они, изображая индейцев, то и дело прятались от взрослых и шушукались между собой, как бы скрывая что-то»[18]. Это была первая школа конспирации, которую проходили – и еще пройдут – все дети Ульяновых.

Едва научившись читать, Володя стал завсегдатаем Карамзинской библиотеки. Издавали еженедельный семейный журнал «Субботник», в котором крепкий и плотный Володя получил свой первый псевдоним – Кубышкин. Слово «субботник» через несколько десятилетий узнает вся страна.

Володю учили игре на фортепьяно. «В возрасте восьми-девяти лет он бойко играл многие детские пьесы, а также с матерью и со старшими в четыре руки, – свидетельствовал Дмитрий. – Однако, поступив в гимназию, он в первых же классах совершенно бросил рояль… Причиной… были рутинные взгляды того времени, что на рояле должны учиться играть девочки»[19].

Но детство проходило не только и не столько в стенах дома, сколько на улице. «На дворе, между каретным сараем и погребом, были устроены “гигантские шаги”, на которых мы все иногда катались. Чтобы Володя увлекался ими, я не помню. Скорее, это можно было сказать по отношению к крокету, в который Володя с Олей научились играть лучше других… Летом каждый вечер мы отправлялись с папой на Свиягу, купаться. Отец абонировал на весь сезон определенные часы в купальне некого Рузского… Зимой на Свияге устраивался общественный каток и высокие ледяные горы. Каждый день после обеда мы уходили туда с Володей кататься на коньках. Иногда нас сопровождали сестры:

Оля также каталась на коньках, а маленькую Маню мы катали по катку в кресле. На нашем дворе также была ледяная гора с длинным ледяным раскатом – дорожкой»[20].

Александра и Володю родители отпускали летом в многодневные лодочные путешествия по Волге. Целью было не любование красотами и не рыбалка, а поиск Александром разных водяных тварей для своих исследований. В Кокушкине вместе с местными пацанами ходили в ночное, бултыхались в реке.

В девять лет Володя поступил в Симбирскую гимназию, где старший брат уже был пятиклассником. Директором гимназии тогда же был назначен Федор Михайлович Керенский, отец будущего министра-председателя Временного правительства, который появится на свет там же, в Симбирске, в 1881 году. Ульяновы и Керенские дружили семьями, ходили друг к другу в гости.

Были ли в те годы знакомы два будущих руководителя России – юный Володя Ульянов и еще более юный Саша Керенский? Да, были. Керенский-младший штурмовал впервые лестницу дома Ульяновых, когда ему было три года. А в пять лет он заболел, и Володя Ульянов навещал его после школы, читал свою любимую «Хижину дяди Тома», стихи Пушкина и Лермонтова и рассказы об индейцах. И в будущем – до поры – Александр Керенский называл Ленина «учителем и старшим другом»[21].

Володя гимназию недолюбливал, у Ленина можно найти множество самых нелестных отзывов о старой образовательной системе Российской империи. Любимых учителей не было. Сестра Мария передавала с его слов, «что состав учителей был плохой. Некоторые выезжали на том, что заставляли зубрить, другие относились к преподаванию спустя рукава. Благодаря этому особого уважения к себе учителя не могли внушить»[22]. Это не помешало Володе Ульянову на протяжении всех лет учебы быть первым учеником и получить хорошее по любым тогдашним меркам образование. Уже в гимназии Владимир неплохо овладел пером, чему немало способствовала линия Керенского-отца на развитие у учеников навыков сочинительства.

«Отец сидит за работой в своем кабинете, – вспоминал Дмитрий Ильич. – Наверху, в антресолях, каждый у себя в комнатах, сидят за книгами братья Саша и Володя. Внизу, в столовой, за большим столом сидит за шитьем или другой работой мать. Тут же, около нее, с книгами и тетрадями сидят сестры Аня и Оля, здесь же и мы, меньшие (Митя и Маня), тихо чем-нибудь занимаемся. Шуметь и мешать старшим строго запрещается»[23].

Серьезным увлечением братьев Ульяновых стали шахматы.

«Пятнадцати лет ВИ стал обыгрывать отца, – рассказывал Дмитрий. – …Летом 1886 года ВИ много сражался в шахматы со старшим братом Александром»[24]. Об исходе их шахматных баталий история умалчивает. Ленин расскажет супруге:

«Сначала отец нас обыгрывал, потом мы с братом достали руководство к шахматной игре и стали отца обыгрывать. Раз – мы наверху жили – встретил отца, идет из нашей комнаты со свечой в руке и несет руководство по шахматной игре. Затем за него засел»[25].

В школе у Ленина с товарищами по классу были ровные и холодные отношения. Но у него не было друзей. Вторым учеником в классе был Александр Наумов, которого император Николай II в разгар Первой мировой войны назначит министром земледелия. Он хорошо запомнил юного Ульянова: «Маленького роста, довольно крепкого телосложения, с немного приподнятыми плечами и большой, слегка сдавленной с боков головой, Владимир Ульянов имел неправильные, я бы сказал, некрасивые черты лица: маленькие уши, заметно выдающиеся скулы, короткий, широкий, немного приплюснутый нос и вдобавок – большой рот с желтыми, редко расставленными зубами. Совершенно безбровый, покрытый сплошь веснушками, Ульянов был светлый блондин с зачесанными назад длинными, жидкими, мягкими, немного вьющимися волосами. Но все указанные выше неправильности невольно скрашивались его высоким лбом, под которым горели два карих круглых уголька…

Он ни в младших, ни тем более старших классах никогда не принимал участия в общих детских и юношеских забавах и шалостях, держась постоянно в стороне от всего этого и будучи беспрерывно занят или учением, или какой-либо письменной работой. Гуляя даже во время перемен, Ульянов никогда не покидал книжки и, будучи близорук, ходил обычно вдоль окон, весь уткнувшись в свое чтение. Единственное, что он признавал и любил как развлечение, – это игру в шахматы, в которой обычно оставался победителем даже при одновременной борьбе с несколькими противниками. Способности он имел совершенно исключительные, обладал огромной памятью, отличался ненасытной научной любознательностью и необычайной работоспособностью… Воистину, это была ходячая энциклопедия, полезно-справочная для его товарищей и служившая всеобщей гордостью для его учителей…

По характеру своему Ульянов был ровного и скорее веселого нрава, но до чрезвычайности скрытен и в товарищеских отношениях холоден, он ни с кем не дружил, со всеми был на «вы», и я не помню, чтобы когда-нибудь он хоть немного позволил

себе со мной быть интимно-откровенным… В общем, в классе он пользовался среди всех своих товарищей большим уважением и деловым авторитетом, но вместе с тем нельзя сказать, что его любили, скорее – его ценили. Помимо этого, в классе ощущалось его умственное и трудовое превосходство над всеми нами, хотя надо отдать ему справедливость – сам Ульянов никогда его не выказывал и не подчеркивал»[26].

Молодой Ленин был, похоже, достаточно равнодушен к женскому полу. Николай Владиславович Валентинов (Вольский), знавший Ленина по совместной революционной деятельности, приводит фразу, произнесенную им в 1904 году в Женеве: «Ухажерством я занимался, когда был гимназистом, на это теперь нет ни времени, ни охоты»[27]. Сестры приложили немало сил, чтобы познакомить лучшего ученика со своими подружками, но это не выливалось для Володи в серьезные увлечения. А с малознакомыми девочками он проявлял очевидную стеснительность.

Илья Николаевич, будучи либеральным земцем (Мария Ильинична так характеризовала политические взгляды отца: «либерал или мирного направления народник»[28]), никак не сочувствовал революционерам, а тем более террористам. Когда народовольцы взорвали Александра II, он надел парадный мундир и направился на панихиду в кафедральный собор. Дети понимали, что нужно поддерживать верноподданническое реноме отца, без чего он быстро бы остался без работы, а семья – без средств к существованию. И Илья Николаевич не забывал об этом в деликатной форме напоминать своим многочисленным отпрыскам.

Анну Ильиничну позднее возмущали появлявшиеся в советской литературе сведения, будто «Илья Николаевич часто дебатировал на революционные темы, что тон задавал Александр, а Владимир часто удачно принимал участие в спорах. ВИ было всего 15 лет в последнее лето жизни Ильи Николаевича и пребывания на каникулах старшего брата, как он мог принимать, да еще удачно, участие в таких спорах? Да и вообще они в нашем доме не велись»[29].

Ульяновы не принимали видимого участия в нелегальных оппозиционных кружках, которые и в Симбирске, и в самой гимназии уже активно распространяли подрывные взгляды и литературу. Но, конечно, Володя Ульянов был в курсе этой деятельности, и ему доводилось читать то, что считалось неположенным. И он рано подался в атеисты. Глебу Максимилиановичу Кржижановскому он расскажет, что «уже в пятом классе гимназии резко покончил со всяческими вопросами

религии: снял крест и бросил его в мусор»[30]. По собственноручной записи в анкете Всероссийской переписи коммунистов 1922 года, его разрыв с религией произошел в 16 лет [31].

В 1883 году, после окончания гимназии с золотой медалью Александр Ульянов отправился в Петербургский университет – на естественно-научное отделение физико-математического факультета. За ним последовала и Анна, поступившая на филологическое отделение Высших (Бестужевских) женских курсов.

Первого января 1886 года Илья Николаевич был удостоен своего пятого ордена – Святого Станислава 1-й степени с муаровой лентой через плечо. И получил известие от министра просвещения Делянова, что срок его службы истечет через год, а не через пять, как надеялся Ульянов-старший. Тому стало плохо. Доктора диагностировали «гастрическое состояние желудка». А 12 января на руках супруги и детей – Анны и Володи – Илья Николаевич умер от инсульта[32]. Ему шел 55-й год. Ровно столько же времени будет отмерено Ленину.

Уже после смерти Ильи Николаевича вдова оформила в дворянское сословие себя и своих детей. Семье была назначена пенсия в 1,2 тысячи рублей в год, из которых одна половина полагалась вдове, а другая – несовершеннолетним детям в равных долях.

Володя тяжело пережил смерть отца. И почему-то (наверное, переходный возраст) стал хуже относиться к матери. Сестру Анну выводило из себя, что «его насмешливость, дерзость, заносчивость проявлялись по отношению к матери, которой он стал отвечать порой так дерзко, как никогда не позволял себе при отце». За грубость в отношении матери Володе доставалось и от Александра[33].

В последнее лето, проведенное братьями вместе, Александр в Кокушкино читал Карла Маркса. Владимира этот автор тогда не заинтересовал. Он был увлечен любовной прозой Тургенева.

Александр вернулся в столицу. Казалось, он весь в учебе: занимался по 16 часов в сутки, мало спал, плохо ел, промозглой питерской зимой заболел еще и тифом. Бог в тот раз миловал. В университете ходил в биологический, экономический и литературный кружки. Он – гордость Петербургского университета, как сказал ректор Андреевский, вручая ему золотую медаль за победу в конкурсе научных работ за «Исследование строения сегментарных органов пресноводных». От лягушек и пиявок Александр перешел к червям, изучая их органы зрения для магистерской диссертации. Сам Менделеев

прочил ему профессорскую кафедру в двадцать пять лет.

Но к земноводным и членистоногим теперь добавился не только Маркс, но и Энгельс, и Плеханов. Душа Александра кипела от окружавшей несправедливости. Подумать только: закрыли журнал «Отечественные записки», редактором которого был любимый Салтыков-Щедрин; полиция разогнала демонстрацию памяти Добролюбова!

В декабре 1886 года Александр Ульянов и его единомышленник Петр Шевырев решили восстановить разгромленную спецслужбами «Народную волю», создав ее «Террористическую фракцию». Кроме них, в организацию вошло еще с десяток сокурсников. Ульянов сочинил программу, где ближайшей задачей объявлялось цареубийство, а конечной – утверждение социалистического строя. Для приобретения динамита Александр продал заслуженную в Симбирске золотую медаль[34].

Приближалась встреча Ульяновых с Историей.

В начале марта 1887 года они прочли правительственное сообщение: «1 сего марта на Невском проспекте около 11 часов утра задержаны три студента Санкт-Петербургского университета, при коих по обыску найдены разрывные снаряды. Задержанные заявили, что они принадлежат к тайному преступному сообществу, а отобранные снаряды по осмотру их экспертом оказались заряженными динамитом и свинцовыми пулями, начиненными стрихнином»[35]. В Симбирске еще не знали, что текст сообщения утвердил сам император Александр III. А лидером упомянутого тайного преступного сообщества был Александр Ильич Ульянов.

Слишком далеки они от народа

Один из самых выдающихся ответов, которые мне доводилось слышать за много лет преподавания в МГУ имени М. В. Ломоносова, прозвучал на безобидный вопрос о том, когда состоялось восстание декабристов:

– Ночью.

– Почему ночью?!

– Так ведь они разбудили Герцена!

Действительно, когда же еще можно было разбудить юного Александра Ивановича Герцена, как не ночью. А каждый школьник в СССР знал статью «Памяти Герцена», где Ленин обозначил своих предшественников по революционному ниспровержению Российского государства. «Сначала – дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию»[36].

Ленинизм, да и все революционные традиции в России родились из чернильницы. Они вышли из-под пера русских литераторов и нескольких западных философов.

Интеллектуальный слой в России появился довольно поздно и страдал множеством детских болезней. Образованная и остальная Россия не понимали друг друга, часто разговаривая – буквально – на разных языках – и редко даже пытались понять. Кроме того, в России интеллектуальный класс был антибуржуазен. «Трагедия России в том, что Петр, способствуя зарождению интеллигенции западного типа, не смог укрепить ее с развитием буржуазии западного типа, – пишет известный британский историк Ричард Саква. – Это умерило бы радикализм и утопизм изолированной русской интеллигенции»[37].

Возникшая в XVIII веке в России философия был вторичной: появилась как реакция на европейскую мысль – от нее отталкивалась, в ней искала источники вдохновения, с ней спорила, ей подражала, ее опровергала или развивала. При этом философские теории поначалу просто заглатывались русскими неофитами и воспринимались как истина в последней инстанции. Российская мысль была социальной, ориентированной на практические интересы развития страны, морализирующей и теснейшим образом связанной с самыми разнообразными политическими течениями. К концу XIX – началу XX века Россия не будет знать себе равных в мире по идейно-политическому плюрализму.

В Западной Европе либеральная философская и общественно-политическая мысль предшествовала в своем развитии консервативной. Основоположник либерализма Джон Локк жил в XVII веке. Консерватизм возник как реакция испуганных интеллектуалов на Великую французскую революцию, и его основоположник – Эдмунд Берк – жил в XVIII веке. В России оба течения возникли практически одновременно – под влиянием все той же Французской революции. Родоначальником российского консерватизма я склонен считать великого историка и писателя Николая Михайловича Карамзина, который емко и исчерпывающе суммировал суть своей концепции в следующих словах: «Россия основывалась победами и единоначалием, гибла от разновластия и спасалась мудрым самодержавием»[38].

Основоположником российского либерализма, а одновременно и типом первого русского интеллигента был, пожалуй, Александр Николаевич Радищев, автор «Путешествия из Петербурга в Москву». Он был воспитан на идеях французского Просвещения, выдвигая на первый план сострадательность и человеколюбие. Его слова – «душа моя страданиями человеческими уязвлена была» – стали, по сути, матрицей сознания русской интеллигенции. Зародившийся либерализм оказался изначально в оппозиции государственной власти и затем никогда оттуда не уходил.

Увлечение идеями Французской революции, несбывшиеся мечты о либеральных реформах в правление Александра I, зарубежный поход русской армии породили декабристов, предпринявших неудавшуюся попытку дворцового переворота или революции 14 декабря 1825 года. Московский генерал-губернатор Ростопчин недоумевал: «У нас все наизнанку – во Франции *la roture* [1] хотела подняться до дворянства – ну, оно и понятно; у нас дворяне хотят сделаться чернью – ну, чепуха». Дворяне во все времена будут в рядах видных революционеров, дворянами были и Керенский, и Ленин. Они победят, и дворянство действительно превратится в чернь. Казнь пятерых декабристов, которых восприняли как мучеников и «первенцев русской свободы» (в иных странах за попытки госпереворотов казнили сотнями, если не тысячами), и преследование еще шести сотен человек отозвались бурей возмущения во множестве сердец. Герцен действительно вспоминал: «Казнь Пестеля и его товарищей окончательно разбудила ребяческий сон моей души».

Деление на либералов и консерваторов усложнилось в 1830–1840-х годы делением на западников (у истоков – Петр Яковлевич Чаадаев), которые надолго стали одним из наиболее влиятельных подвидов либералов; и славянофилов (основоположник – Алексей

Степанович Хомяков), ставших заметной, хотя и не преобладающей интеллектуальной силой в консервативной среде, которая существовала в различных обличиях. Не были однозначными славянофилами те, кого я бы назвал интеллектуальными консерваторами, наиболее видные представители которых – Александр Пушкин, Николай Гоголь, Федор Тютчев, Федор Достоевский. Всегда существовало и консервативно-охранительное течение мысли, связанное с политической деятельностью всех последних российских императоров, которое также ассоциируется с такими крупными общественно-политическими фигурами, как Уваров, Катков, Победоносцев.

Западники призывали к солидарности с Западом в борьбе с традиционными основами русского бытия, критиковали российские порядки, возмущались крепостничеством, самодержавием, самовластием чиновников, экономической отсталостью, невежеством народа. Именно из либерального западничества, к которому была сделана прививка западных марксизма и анархизма, а также ряда доморощенных идей вырос российский социализм, принявший также множество обличий – от революционной демократии и утопического социализма до народничества, социал-демократии и русского анархизма.

Как и сейчас, в XIX веке на Западе охотно давали приют всем, кто объявлял себя борцом за свободу от российского антинародного режима. Первопроходцем революционной эмиграции, которая вскоре примет массовый характер, стал Герцен. Живя в Западной Европе со швейцарским паспортом и издавая «Колокол», он не принял ее порядки, предложив для России иной путь: свергнув царизм и крепостное право, народ должен утвердить строй на основе принципов крестьянской общины и сельхозартели. Именно отсюда истоки народнической социалистической идеологии.

Эти идеи в полной мере подхватил и развил идеолог крестьянской социалистической революции Николай Гаврилович Чернышевский. В его понимании, общинный строй, не знающий частной собственности и имущественного неравенства, станет основой новой социалистической России. За Чернышевским и его романом «Что делать?» со знаковым героем Рахметовым следовали все более радикальные люди, такие как лидер «Народной расправы» и автор «Катехизиса революционера» Сергей Нечаев, для которых высокая цель оправдывала любые средства, включая убийства. Нечаев был одним из кумиров юного Ульянова.

Наиболее крупным теоретиком русского (и не только)

анархизма стал Михаил Бакунин, полагавший, что после неизбежной социальной революции необходимо организовать общество на основе свободной федерации крестьянских и рабочих ассоциаций. Идеи Бакунина подхватил камер-паж Александра II князь Петр Кропоткин. Анархистов отличало от прочих радикальных группировок отрицание любых форм государственности. Террор рассматривался ими как один из немногих доступных видов сопротивления, призванных разбудить мятежные инстинкты народа.

Радикальные идеи привлекали все большее внимание разночинной интеллектуальной публики, которая стала заметно расти и численно, и по своему влиянию с началом либеральных реформ императора Александра II, в царствование которого и появился на свет Ленин.

Этот царь-освободитель приступил к грандиозному социальному эксперименту – к революции сверху. Манифест об отмене крепостного права положил начало целой серии глубочайших преобразований. Среди них – суд с участием присяжных, который укреплял гражданский порядок. Выборные земства становились органами самоуправления, благодаря которым появились и земские врачи, и агрономы, и ветеринары, и школы, и статистические исследования. Создавалось городское общественное самоуправление с избирательными собраниями, думами, городскими управами. Началось становление гражданского общества и правового государства.

Промышленное производство с 1860-х годов и вплоть до Первой мировой войны увеличивалось в среднем на 5 % в год. В деревне выделяется энергичный слой «кулаков», предпринимателей, скупщиков дворянской земли, основывающих торговые предприятия. Объем вывоза хлеба за границу возрастал с каждым годом, невзирая на частые неурожаи. Оживлению внешней торговли способствовало разрешение на свободный выезд за границу для всех российских подданных, заключение договоров о торговле и мореплавании с основными державами[3940]. От протекционизма Россия переходила к свободе торговли.

Но была, как везде, и другая сторона реформ. «Мобилизация дворянских земель, железнодорожное строительство вызвали горячку ажиотажа, создавали огромные богатства, нередко дутые и грюндерские предприятия. 60-е годы – первая волна русского капитализма, очень нездорового и хищнического. Банковские судебные процессы и сатира Некрасова отразили эту пиратскую эпоху “первоначального накопления”»[41], – отмечал философ Георгий Федотов.

И одними из важнейших следствий преобразований стали заметное оживление общественной активности, рост интеллигенции и ее радикализация. В конце 1860-х годов Герцен чувствовал себя на обочине жизни, оттесняемый все новыми «штурманами будущей бури». Его революционную агитацию, замечал Ленин, «подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями “Народной воли”. Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом»[42].

Идеи Герцена, Огарева и Чернышевского вдохновили создателей тайного революционного общества – «Земля и воля», – поставившей в 1861 году целью подготовку крестьянской революции. Летом 1862 года власти арестовали лидеров и идеологов организации – Чернышевского, Серно-Соловьёвича и Писарева, и через пару лет она тихо самоликвидировалась.

В 1870-е годы, когда Ленин был еще маленьким, интеллигенция – по большей части студенты – предприняла «хождение в народ» (термин изобрел Бакунин), чтобы помочь ему обрести лучшую долю и избавиться от векового угнетения. Народники (заметим, на английский это слово переводится как «populists», «популисты») создавали первые инфраструктуры протестного движения – артели, школы, медпункты, где раздавали нелегальную литературу и листовки, учили революционным песням. «Хождение в народ» закончилось полным провалом. На интеллигентское подвижничество крестьяне смотрели как на господские забавы, видя в студентах барских сынков, несущих богопротивную ересь[43].

Фиаско заставило развернуться к классовому подходу, сформулированному в западной мысли – народ в интеллигентском сознании начал делиться на крестьян и рабочих. Преобладающая часть интеллигенции сочла передовым классом, который поведет страну в светлое будущее, крестьянство, класс наиболее многочисленный, близкий к земле и духовно чистый. Меньшая часть увидела могильщика старого мира в пролетариате, следуя строго за учением Карла Маркса.

Второй состав «Земли и воли», возродивший ее в 1876 году, включал в себя таких лидеров, как Михайлов, Плеханов, Лизогуб. Заявив себя народнической организацией, она провозгласила идеал «анархизма и коллективизма»: передачу всей земли крестьянам в равных долях, введение общинного самоуправления и право наций на самоопределение. Средства – как пропагандистские, так и террористические. «Земля и воля» станет корнем последующих народнических организаций (в начале XX века из них будут иметь значение три группы – эсеры, энэсы и

трудовики).

В 1879 году «Земля и воля» распалась. Меньшинство – сторонники мирных и экономических методов борьбы – создало «Черный передел» (Плеханов, Аксельрод, Вера Засулич, Дейч, Стефанович, Буланов и др.), любители террора – «Народную волю» (Лавров, Желябов, Михайлов, Перовская, Фигнер, Морозов, Тихомиров, Халтурин, Кибальчич и др.).

Народовольцы явились и первой на планете Земля организацией, которая стала добиваться политических целей путем осуществления терактов против правительственных чиновников и самого царя, став предтечей всех последующих террористических организаций. Причем террористы пользовались большим сочувствием в российском обществе, рассматривавшем их как защитников народных интересов. Убийцы становились настоящими идолами для передовой интеллигенции. Литература, благодаря талантливым или просто модным писателям, таким как Некрасов, Тургенев, Войнич, Степняк-Кравчинский, превратила радикализм и террор в культовое явление андеграунда, в нечто органичное интеллигенции.

Очень точно схватил современное ему использование понятия «интеллигенция» известный экономист и историк Михаил Иванович Туган-Барановский: «Интеллигент – отщепенец и революционер, враг рутины и застоя, искатель новой правды»[44]. Интеллигенция, плотью от плоти которой был Ленин, в чистом значении этого понятия навсегда останется в оппозиции власти. И всякий раз ее оппозиционность будет по экспоненте возрастать в условиях либерализации режима, когда власть активнейшим образом атаковали за недостаточность усилий по либерализации и/или их неискренность. Российская интеллигенция в 1860-е годы насчитывала около 20 тысяч человек, а к концу столетия – более 200 тысяч, составляя 0,2 % населения империи. Однако именно это меньшинство во многом определит характер политической жизни России.

Чем русский интеллигент отличался от интеллектуала в западном понимании? Интеллектуал искал пользу, предлагал продукт своего труда и пытался его капитализировать. Интеллигенция искала справедливости. Интеллектуал всегда был, в худшем случае, нейтрален по отношению к государству, пытаясь использовать его в своих целях. И в этом смысле нельзя не согласиться с Бердяевым и в том, что «русская интеллигенция, хотя и зараженная поверхностными позитивистскими идеями, была чисто русской в своей безгосударственности»[45].

Одним из выводов было признание российской цивилизации как несостоятельной. Во множестве трудов известных

представителей русской интеллигенции конца XIX – начала XX века можно было прочесть, что в России нечего охранять, нечего беречь, она бесплодна. Все это придало нашей интеллигенции черты не только антигосударственности, но и крайнего радикализма.

Откуда такие настроения? Может, от невыносимых жизненных условий, на которые интеллигенция неизменно жаловалась? Вряд ли. Она была слоем весьма тонким, достаточно привилегированным и необездоленным. Может, распространению антивластных настроений способствовала сама власть, не подпускавшая оппозиционных интеллигентов к административной деятельности, что превращало их в антисистемную силу? Да, и это было. Но настоящий интеллигент к этой деятельности не стремился, напротив, считал для себя зазорным служить ненавистному режиму.

Прогресс, демократия представлялись русской интеллигенции не как результат эволюционного развития и реформаторских усилий, а как естественное для человека состояние, стремление, реализации которых мешает только одно – самодержавный строй. В основе этого лежало весьма специфическое представление о человеческой природе. Петр Бернгардович Струве утверждал: «Интеллигенция выросла во вражде к государству, от которого она была отчуждена, и в идеализации народа, который был вчерашним рабом, но которого, в силу политических и культурных условий и своего, и его развития, она не знала»[46].

Американский историк Ричард Пайпс не без оснований подчеркивает: «В начале XX века в России не было предпосылок, неумолимо толкавших страну к революции, если не считать наличия необычайного множества профессиональных и фанатичных революционеров… Группы этих “делателей” революции и представляет интеллигенция»[47]. В этой мысли есть огромная доля истины.

Как в те дни становились революционерами, рассказывал мне мой дед, Вячеслав Михайлович Молотов. Он говорил, что к революционной деятельности его подтолкнуло в первую очередь чтение художественной литературы. Традиционные для российской интеллигенции трогательная забота о «маленьком человеке», размышления о никчемности жизни, задавленной нищетой и чиновничьим произволом, искания лучшей доли бередили сердце, заставляли его кипеть возмущением против существующих порядков, звали на баррикады.

Но еще большее значение для мировоззрения российской интеллигенции имела трансплантация на русскую почву

заимствованных идей, за которые хватались с наивностью неофитов. Западные абстрактные теории, интересные только самим философам, в России становились руководством к действию. Кого-то заинтересовали британская или американская модели, и этот кто-то стал либералом. А кого-то уже влекла еще нигде не опробованная социалистическая мечта.

Марксизм долгое время не пускал в России глубоких корней потому, что революционеры, которых разбудил Герцен, не могли до 1870-х годов обнаружить в России того самого рабочего класса, который, по мысли Маркса и Энгельса, должен был выступить основной движущей силой будущих революций. После этого начали появляться и первые рабочие союзы. В 1875 году – «Южнорусский союз рабочих», просуществовавший 9 месяцев до разгона полиции. В 1878 году – «Северный союз русских рабочих» во главе со столяром Степаном Николаевичем Халтуриным и рабочим Виктором Павловичем Обнорским.

На похоронах Карла Маркса 17 марта 1883 года присутствовало всего одиннадцать человек.

«Его имя и труд переживут столетия», – предрек Фридрих Энгельс в речи у могилы на Хайгейтском кладбище[48].

Коммунизм как утопия существовал испокон веку, увенчанный трудами Сен-Симона и Фурье. После революций 1848 года в Западной Европе социалистическая мысль покидает сферу мирных утопий и ставит перед собой задачу организации пробуждающегося рабочего движения. Маркс и Энгельс публикуют «Коммунистический Манифест», ставший евангелием революционного социализма.

На Западе фигуры основоположников научного социализма и их идеи большого интереса не вызывали. Самый цитируемый современный историк и политолог Ниал Фергюсон пишет: «Карл Маркс был отвратительным человеком. Неопрятный попрошайка и свирепый спорщик, Маркс хвастался, что его супруга – урожденная баронесса фон Вестфален. При этом, однако, экономка родила от него сына. Маркс лишь однажды пытался получить работу: он хотел устроиться клерком на железную дорогу, но ему отказали из-за ужасного почерка. Он начал играть на фондовом рынке, но безуспешно. Поэтому большую часть своей жизни Маркс зависел от подачек Энгельса, для которого социализм был хобби наряду с лисьей охотой и распутством»[49]. Знаменитый английский философ Бертран Рассел, в ряду других западных философов, отводил Марксу довольно скромное место выходца «из философских радикалов… который возродил материализм, дав ему новую интерпретацию и по-новому увязав

его с человеческой историей»[50].

Марксистская концепция общественно-экономических формаций доказывала: человечество в своем развитии проходит определенные этапы, продиктованные уровнем развития производительных сил и характером производственных отношений, в которых основными отличительными признаками выступают отношения собственности и классовое деление. История – арена непримиримой борьбы классов. В эпоху капитализма – буржуазии и пролетариата. Но классовое деление не вечно. «Классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли, – полагал Энгельс. – С исчезновением классов исчезнет неизбежно государство. Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музее древностей, рядом с прялкой и бронзовым топором»[51].

Отправит государство в музей пролетариат, которого эксплуатирует капитал и которому нечего терять, кроме своих цепей. Маркс в 1852 году писал Вейдемейеру о своих интеллектуальных достижениях: «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано с определенными фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов…»[52] Установление диктатуры пролетариата возможно только в результате социалистической революции. Вообще революции – локомотивы истории, а насилие – не только зло, оно играет важнейшую революционную роль, выступая повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым. Конечная цель развития человеческого сообщества и политической борьбы – коммунизм, когда «сможет написать на своем знамени: “Каждый по способностям, каждому по потребностям”»[53].

В Европе и Америке у Маркса нашлись сторонники, создавшие Социалистический интернационал под лозунгом: «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» Но нигде марксизм не добьется такого ошеломительного успеха, как в России. «Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий…»[54] – утверждал Ленин.

Валентинов объяснял феномен успеха марксизма в России его социологическим и экономическим оптимизмом: «Развивающийся

капитализм, разлагая и стирая основу старого общества, создает новые общественные силы (среди них и мы), которые непременно повалят самодержавный строй со всеми его гадостями. Свойственная молодости оптимистическая психология искала и в марксизме находила концепцию оптимизма. Нас привлекало в марксизме и другое: его европеизм. Он шел из Европы, от него веяло, пахло не домашней плесенью, самобытностью, а чем-то новым, свежим, заманчивым… Запад нас манил»[55].

Наши соотечественники с Марксом встречались, и большой симпатии у них он не вызывал. Одним из основных идейных противников Маркса стал Бакунин. Герцену – читайте «Былое и думы» – Маркс так просто внушал антипатию. Литературный критик Петр Васильевич Анненков – ближайший друг Герцена – писал о Марксе: «Предо мной стояла олицетворенная фигура демократического диктатора…»[56] Чувства были взаимными. Маркс с Энгельсом видели в бакунинско-нечаевском «Катехизисе революционера» зачатки «казарменного коммунизма», который возможно устроить лишь полицейскими репрессиями.

Тем не менее Россия оказалась первой страной мира, где еще в 1872 году был издан перевод 1-го тома «Капитала». Причем его первый тираж – 3 тысячи экземпляров – в три раза превысил тираж первого гамбургского издания на языке оригинала[57]. Маркс это успел оценить: «Нигде мой успех не мог бы быть для меня более приятен»[58]. В предисловии, специально написанном для русского издания «Манифеста Коммунистической партии» в 1882 году, Маркс и Энгельс подчеркнули, что «Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе»[59]. В Англии, где Маркс творил, при его жизни не вышло ни одного издания «Капитала», что Маркс считал симптомом «национальной близорукости»[60].

В год смерти Маркса в 1883 году, в Женеве образовалась первая российская марксистская социал-демократическая организация – группа «Освобождение труда», куда перекочевали лидеры «Черного передела». Отцами и матерью-основателями выступали Георгий Валентинович Плеханов, Павел Борисович Аксельрод, Вера Ивановна Засулич и Лев Григорьевич Дейч. «Освобождению труда» принадлежали первые два проекта программы российской социал-демократии – 1884 и 1887 годов. На книге Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда в истории», как подтверждал Ленин, «воспиталось целое поколение русских марксистов»[61]. Но до поры не марксисты задавали тогда тон в российском протестном движении.

В полдень 1 марта 1881 года император Александр II одобрил проект конституционной реформы, предложенной министром

внутренних дел Лорис-Меликовым. Через несколько часов бомба террориста прервала жизнь царя-освободителя, которого народовольцы считали кровавым диктатором. У Александра III, за семьей которого борцы за свободу продолжали азартную охоту, не было пиетета перед убившей его отца и приветствовавшей цареубийство интеллигенцией, которая, в свою очередь, отрицала наличие у императора здравого смысла и понимания прогресса.

«Император Александр III считал, что большинство русских бедствий происходило от неуместного либерализма нашего чиновничества и от исключительного свойства русской дипломатии поддаваться всяким иностранным веяниям»[62], – вспоминал великий князь Александр Михайлович. Проект Лорис-Меликова был положен под сукно. При этом за все годы правления Александра III за терроризм было казнено всего 17 человек, а за другие преступления смертной казни не предусматривалось вообще. При Александре III страна круто развернулась от фритредерства к протекционизму. В 1880-е годы начинается настоящий промышленный бум, который серьезно менял лицо страны. К концу XIX века заговорили о «русском экономическом чуде», страна решительно вошла в рыночную экономику. Народ богател, быстро рос количественно. Без России в Европе ни одна пушка не стреляла. Но это никак не останавливало революционеров, желавших народ осчастливить.

В день шестой годовщины убийства отца Александр III утром направился в Петропавловский собор, где отслужили панихиду. Он вернулся в Аничков дворец, когда со срочным донесением прибыл министр внутренних дел Дмитрий Андреевич Толстой. Накануне Санкт-Петербургское секретное отделение получило информацию о готовящемся покушении на императора и его семью и успело задержать студентов, у которых при обыске были обнаружены «метательные снаряды». Их показания позволили быстро выявить всю тайную организацию, арестовать ее участников. При обыске у них обнаружили бомбы, начиненные динамитом и свинцовыми пулями со стрихнином.

Новое донесение из МВД от 5 марта сообщало, что «во главе преступного предприятия стояли студенты: Шевырев, Говорухин и Ульянов, из которых последние двое в действительности находились под наблюдением полиции». Прилагались и показания Ульянова: «Я признаю свою виновность в том, что, принадлежа к террористической фракции партии “Народной Воли”, принимал участие в замысле лишить жизни Государя Императора… Я приготовлял некоторые части разрывных метательных снарядов, предназначавшихся для выполнения этого замысла, а именно: часть азотной кислоты для приготовления

динамита и часть белого динамита… затем я приготовлял часть свинцовых пуль, предназначавшихся для заряжения снарядов, для чего я резал свинец и сгибал из него пули, но стрихнином пуль не начинял». Но это было еще не все. Александру III положили на стол и «Программу террористической фракции партии Народной воли», вышедшую из-под пера самого Александра Ульянова.

«Террор должен действовать систематически и, дезорганизуя правительство, окажет огромное психологическое воздействие: он поднимет революционный дух народа, подорвет обаяние правительственной силы и подействует пропагандистским образом на массы. Фракция стоит за децентрализацию террористической борьбы: пусть волна красного террора разольется широко и по провинции, где система устрашения еще более нужна, как протест против административного гнета…» На этом документе император написал: «Это записка даже не сумасшедшего, а чистого идиота»[63].

В Симбирске первой об участии Александра в заговоре узнала близкая к семье учительница Вера Васильевна Кашкадамова, получившая письмо об этом из столицы. Прежде чем показать его Марии Александровне, она посоветовалась с Володей. «Крепко сдвинулись брови Ильича, он долго молчал…

– А ведь дело-то серьезное, – сказал он. – Может плохо кончиться для Саши».

Потом и Мария Александровна прочла письмо.

– Я сегодня уеду; навещайте, пожалуйста, без меня детей, – вот все, что она сказала и ушла.

Перед отъездом Мария Александровна ровным, спокойным голосом давала распоряжения, делала наставления прислуге и ВИ как старшему из оставшихся… Когда приходилось говорить с ним о брате, он повторял:

– Значит, он должен был поступить так, – он не мог поступить иначе»[64].

За решеткой оказался не только Александр, но и Анна Ульянова. Мария Александровна выехала в Петербург ходатайствовать перед императором: «Если у сына моего случайно отуманился рассудок и чувство, если в его душу закрались преступные замыслы, Государь, я исправлю его: я вновь воскрешу в душе его лучшие человеческие чувства и побуждения, которыми он так недавно еще жил. Милости, Государь, прошу милости»[65]. На ее прошении Александр III начертал: «А что же до сих пор она смотрела?»

Александр Ульянов на следствии признал свою руководящую роль и в создании организации, и в подготовке теракта. Его судили в составе преступной группы из 14 человек. Александр

отказался от услуг нанятого матерью адвоката. Пятеро заговорщиков уже 19 апреля были приговорены к смертной казни. Среди них был и Ульянов. Мария Александровна умоляла сына просить о помиловании. Поначалу Александр отказал матери.

«Представь себе, мама, двое стоят друг против друга на поединке. И тот, кто уже выстрелил, обращается к противнику с просьбой не пользоваться оружием. Нет, я не могу так поступить!»[66].

Но затем все-таки написал Александру III: «Во имя моей матери и малолетних братьев и сестер, которые, не имея отца, находят в ней свою единственную опору, я решаюсь просить Ваше Величество о замене мне смертной казни каким-либо иным наказанием. Это снисхождение возвратит силы и здоровье моей матери и вернет ее семье, для которой ее жизнь так драгоценна, а меня избавит от мучительного сознания, что я буду причиной смерти моей матери и несчастья всей моей семьи»[67].

Лев Данилкин, яркий биограф Ленина, пишет: «Это прошение похоже на «развилку русской истории»: если бы ему был дан ход, возможно…» Неизвестно, прочел ли Александр III эту просьбу о помиловании. Но император оставил письмо без рассмотрения.

Пятого мая Владимир Ульянов начал сдавать выпускные экзамены в гимназии, написав сочинение по «Борису Годунову» Пушкина. В семье еще надеялись на смягчение приговора.

Восьмого мая Александр Ульянов был повешен. 10 мая правительственное сообщение о казни было расклеено в публичных местах по городам страны, включая и Симбирск. О речи Александра на суде, его мужественном поведении во время казни написала английская, французская, швейцарская, польская пресса.

Владимир был раздавлен.

Тем не менее он героически продолжал блестяще сдавать экзамены. По окончании гимназии Ульянов был удостоен золотой медали, Наумов – серебряной.

Мать вернулась из Петербурга – совсем убитая.

Хрестоматийные слова о том, что «мы пойдем другим путем», которые приводила Мария Ильинична, а за ней и все биографы, Владимир, может, и не произносил. Откуда он мог знать, каким путем надо идти и кто такие «мы»? А может, и произносил. Но память о повешенном Александре будет важнейшим фактором в его жизни. «Казнь старшего брата – безусловно, та психотравма, которая могла стать для ВИ причиной морального заикания и невроза на всю оставшуюся жизнь. Похоже, что май 1887-го как раз и есть для ВИ то самое событие-которое-все-объясняет, ключ ко всем его дальнейшим мотивировкам»[68].

Тем летом Владимир Ульянов несколько раз перечитал «Что делать?» Чернышевского, найдя его полностью созвучным своему состоянию души. Главный вывод из чтения романа?

«Всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером»[69].

Уверен, идея мести за брата жила в Ленине всегда. Цель у него будет та же, что и у брата, – уничтожение династии Романовых. И он отомстит. Будет казнена вся родня Александра III, которая только окажется в руках у большевиков, включая двух его сыновей и пятерых внуков. Только это станет для Ленина лишь одной из целей, достижение которой должно предшествовать уничтожению капитализма и всей господствующей элиты. И добиваться этих целей он будет не собственными руками, начиняя бомбы свинцом и стрихнином, а руками чужими, сплачивая все больше людей для самых радикальных действий.

Тогда же из почтенной семьи действительного статского советника Ульяновы в одночасье превратились в семью врагов страны и ее императора. Они сразу же почувствовали опасливо-брезгливое отторжение со стороны симбирской публики, даже большинства друзей и знакомых. В доме перестали бывать гости. Семью молчаливым осуждением выдавили из общества. Володе, как и всей семье, пришлось привыкать к тому, что на тебя смотрят либо с боязливым любопытством, либо с нескрываемым холодом или даже презрением. Для властей Владимир Ульянов (Ленин) всегда будет братом опаснейшего государственного преступника. Для революционеров – братом прославленного революционера, окруженного ореолом мученичества. Это автоматически обеспечивало ему иммунитет от возможных подозрений в сотрудничестве со спецслужбами.

Понятно, в семье ожидали серьезных проблем с поступлением Владимира в вуз. Помогли репутация отца, медаль и блестящие отзывы Керенского-отца. Хотя навещать дом Ульяновых он уже не решался, но поддержал своего лучшего выпускника, несмотря на призывы сверху к обратному. «Керенский дал тогда ВИ не только золотую медаль, но и очень хорошую, местами грешившую даже против истины, характеристику»[70], – засвидетельствует сестра Анна. Правда, в аттестат была вписана одна четверка – по логике, которую преподавал сам Керенский, вероятно, считавший увлечение радикальными идеями крайне нелогичным. Полагаю, дальнейшее поведение Владимира Ульянова было не последней причиной, из-за которой Министерство народного просвещения отослало Федора Михайловича Керенского куда подальше, в Ташкент, где уже будет учиться будущий премьер Александр

Федорович[71].

Владимир подал заявление о приеме на юрфак Императорского Казанского университета и был принят. Это стало поводом для того, чтобы уехать из ставшего в одночасье столь негостеприимным Симбирска. Родительский дом был продан полицмейстеру Минину за 6 тысяч рублей. Мария Александровна с детьми покинула город, которой 37 лет спустя будет назван в честь ее семьи, и вслед за Володей переселилась в Казань. Анна Ильинична зафиксирует: «В Казани была снята с конца августа 1887 года квартира в доме б. Ростовой, на Первой горе, откуда ВИ переехал через месяц со всей семьей на Ново-Комиссариатскую, в дом Соловьевой»[72].

Первокурсник Ульянов, сам того не желая, сразу стал звездой университета. На сей раз – не благодаря своим успехам в учебе: занятия он посещал нерегулярно. Призер еще гимназических соревнований по плаванию и конькобежному спорту, Ульянов и в университете проявил себя в атлетических состязаниях. И, конечно, он стал, согласно официальной биохронике, активистом нелегальных студенческих кружков, где имя его старшего брата уже вызывало преклонение. Его сразу же приглашают в компании старшекурсников. Но реально он успел отметиться только в самарско-симбирском землячестве университета. Землячества были тайными студенческими обществами, запрещенные университетским уставом 1884 года. За участие в них грозило отчисление.

Четвертого декабря Ульянов участвовал в студенческих волнениях. На него донесли: «Еще дня за два до сходки Ульянов дал повод подозревать его в подготовке чего-то нехорошего: проводил время в курильной комнате, беседуя с наиболее подозрительными студентами; уходил домой и снова возвращался, приносил что-то по просьбе других и вообще вел себя очень странно. 4-го же декабря бросился в актовый зал в первой партии бунтовщиков и вместе со студентом Полянским он первым несся с криком по коридору 2-го этажа, махая руками, как бы желая этим воодушевить других». Митинговали и били «академистов» – студентов, желавших учиться.

Власти подтянули к университету батальон солдат, после чего бунтари покинули здание, а Ульянов швырнул привратнику свой студенческий билет. 5-го числа он оказался в числе сорока студентов, отправленных в одну общую камеру пересыльной тюрьмы. Мама принесла еду из лучшего трактира. Молодые люди в большинстве своем восприняли заключение как авантюрное приключение. Не Ульянов, который был предельно серьезен.

«Мне что ж думать… Мне дорожка проторена старшим

братом», – мрачно заметил Владимир.

Его не выгоняли из университета – он ушел сам. Пребывая в мрачно-бунтарском настроении, написал ректору прошение: «Не признавая возможным продолжать мое образование в Университете при настоящих условиях университетской жизни, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать надлежащее изъятие меня из числа студентов Императорского Казанского университета»[73].

Заключение в тюрьме было недолгим, 7 декабря Ульянова выслали из Казани в Кокушкино под гласный надзор полиции. Там уже была и Анна, которую по делу старшего брата приговорили к пяти годам высылки в Сибирь, замененной по ходатайству матери на Кокушкино. «Провели мы зиму в полном одиночестве, – вспоминала Анна. – Редкие приезды двоюродного брата да посещения исправника, обязанного проверять, на месте ли я и не пропагандирую ли крестьян, – вот и все, кого мы видели. ВИ много читал – во флигеле был шкаф с книгами покойного дяди, очень начитанного человека, были старые журналы с ценными статьями; кроме того, мы подписывались в казанской библиотеке, выписывали газеты»[74].

С учебой в Казанском университете было покончено. Но не с учебой. Ленин расскажет, что он никогда так много не читал, как в кокушкинскую высылку.

«Это было чтение запоем, с раннего утра до позднего часа. Я читал университетские курсы, предполагая, что мне скоро разрешат вернуться в университет. Читал разную беллетристику, очень увлекался Некрасовым… Но больше всего я читал статьи, в свое время печатавшиеся в журналах «Современник», «Отечественные записки», «Вестник Европы»… Моим любимейшим автором был Чернышевский… Благодаря Чернышевскому произошло мое первое знакомство с философским материализмом»[75].

Чернышевскому даже написал письмо, но ответа не дождался, а через год писатель отойдет в мир иной. Именно на Чернышевского у Ленина ляжет марксизм. «Кроме чтения ВИ занимался в Кокушкине с младшим братом, ходил с ружьем, зимой на лыжах. Но это была его первая, так сказать, проба ружья, и охота была всю зиму безуспешной… Летом приехали двоюродные братья – у Володи появились товарищи для прогулок, охоты, игры в шахматы, но все это были люди без общественной жилки и интересными собеседниками для Володи быть не могли»[76].

Мать опять хлопочет: позволить сыну учиться в любом университете страны или разрешить ему уехать на учебу за

рубеж. Минпрос отказал. Более того, Владимир Ильич Ульянов оказался в списке лиц, коим навсегда был заказан путь на государственную службу[77]. И в армию он не попал, потому что был старшим сыном при матери-вдове, а такие освобождались от призыва.

В сентябре 1888 года Анне и Владимиру разрешили вернуться в Казань, где они поселились во флигеле дома Орловой на Первой горе Арского поля. «В первом этаже были почему-то две кухни, а в верхнем – остальные комнаты. Володя выбрал себе вторую, лишнюю, кухню потому, что она была уединеннее и удобнее для занятий, чем верхние комнаты, окружил себя книгами и просиживал с ними большую часть дня. Здесь начал он изучать 1-й том “Капитала” Карла Маркса»[78].

В числе других – продолжавшихся – увлечений очевидцы называли шахматы и музыку. Записался в Казанский шахматный клуб. «В 1888–1890 годах ВИ часто пел под рояль с Ольгой Ильиничной, которая хорошо играла, имела голос и умела петь»[79], – запомнил брат Дмитрий. Ольга оставалась самым близким для Владимира человеком.

К систематическому изучению Маркса Владимир пристрастился в кружке Марии Павловны Четверговой. Ветеран «Народной воли» – ей уже было за 40, – она была в большом почете среди казанского революционного молодняка. «Капитал» освоил по русскому изданию 1872 года. «Нищету философии» читал по-французски. А почти все остальное из Маркса и Энгельса – на немецком.

Но что из всех их многочисленных трудов читать? Ответ дала попавшая в руки Владимира программа марксистского чтения, составленная Николаем Евграфовичем Федосеевым. Его кружок, созданный в 1888 году, играл немалую роль в распространении «самого передового учения» в Поволжье. Федосеев, сын следователя, был на год младше Ленина. Этого марксиста-самоучку выгнали из гимназии за революционную деятельность, и он посвятил свободное время организации кружков, составляя для них программы чтения, готовя разоблачительные рефераты по истории и социально-экономическим проблемам России. Ленин в 1922 году напишет, что «для Поволжья и для некоторых местностей Центральной России роль, сыгранная Федосеевым, была в то время замечательно высока, и тогдашняя публика в своем повороте к марксизму несомненно испытала на себе в очень и очень больших размерах влияние этого необыкновенно талантливого и необыкновенно преданного своему делу революционера»[80].

В рекомендуемом Федосеевым списке для чтения

содержались уже труды основоположников группы «Освобождение труда», которая стремительно интегрировалась в международное социалистическое движение. Группа оказалась среди участников Первого, или Учредительного, конгресса II Интернационала, который в июле 1889 года собрал в Париже делегатов практически от всех существовавших на тот момент рабочих и социалистических организаций – марксистских и анархистских – Старого и Нового Света. Плеханов выступал на конгрессе от русских марксистов, Лавров – от имени народовольцев. На Второй конгресс 1891 года в Брюсселе «Освобождение труда» уже направила собственный доклад, но на Третьем конгрессе 1893 года в Цюрихе Плеханов был докладчиком от комиссии по военному вопросу[81]. Однако, завоевывая позиции в международном социализме, группа «Освобождение труда» была мало известна в самой России, ее труды в очень небольшом количестве проникали в Россию и очень немногими читались. Среди этих немногих одним из самых внимательных читателей был Владимир Ульянов.

Марксист

Ленин расскажет молодым социал-демократам:

«– Я начал делаться марксистом после усвоения 1-го тома «Капитала» и «Наших разногласий» Плеханова…

– Когда это было?

– Могу вам точно ответить: в начале 1889 года, в январе»[82].

Как раз в это время на деньги, вырученные от продажи дома в Симбирске, семья Ульяновых приобрела хутор близ деревни Алакаевка в Самарской губернии. Начался самарский период жизни Ленина. По доверенности покупку осуществил Марк Тимофеевич Елизаров, жених Анны Ильиничны. Он что-то смыслил в агрономии, и у Марии Александровны теплилась смутная надежда, что он сможет заинтересовать ее беспокойных детей ведением собственного хозяйства. В мае семейство переехало в Алакаевку. И, как выяснится, очень вовремя.

В Казани как раз пошли аресты. Ленин напишет: «Весной 1889 года я уехал в Самарскую губернию, где услыхал в конце лета 1889 года об аресте Федосеева и других членов казанских кружков, – между прочим, и того, где я принимал участие. Думаю, что легко мог бы также быть арестован, если бы остался тем летом в Казани»[83].

В апреле Владимир Ульянов получил свидетельство за подписями двух медицинских светил о наличии у него болезни желудка, для лечения которой требуется пить щелочные воды, лучше всего во французском Виши. На этом основании он подал прошение казанскому губернатору о выдаче ему заграничного паспорта. Губернатор в ответ рекомендовал попить Ессентуки № 17 на Кавказе[84]. Рекомендацией Ульянов пренебрег и поехал в Алакаевку, где обосновался с родней, как зафиксировало всевидящее жандармское управление, 4 (16) мая 1889 года.

Естественно, хозяйством Ульяновы заниматься не стали, сдав земли в арену. Но Владимир имел возможность познакомиться с крестьянским миром. «Много заимствовал Владимир Ильич и из непосредственного общения с крестьянами в Алакаевке, где он провел пять летних сезонов подряд, по три-четыре месяца в год, а также и в деревне Бестужевка, куда ездил с Марком Тимофеевичем к родным последнего»[85], – напишет сестра Анна. «Но если хозяйство не пошло и от него скоро отказались, то как дача Алакаевка была очень хороша, и мы проводили в ней каждое лето, – замечала Мария Ильинична. – Особенно хороши там были степной прозрачный воздух и тишина кругом»[86]. Брат Дмитрий добавлял: «Вблизи дома находился большой пруд, сильно

заросший, особенно по берегам, водяными растениями. Сюда мы ходили раза по два в день купаться, для чего у нас была приспособлена на чистом месте дощатая раздевалка».

Деревянный, зеленой краской покрашенный дом – метров^2 120. Самым большим помещением была кухня. И еще столовая, которой предпочитали небольшую веранду у входной двери. Справа от входа была комната Владимира, угловая, сразу с четырьмя окнами. Он вел жизнь интеллигента-дачника: читал, думал и набирался сил. «В северо-западном углу сада был “Володин уголок” – деревянный столик и скамья, укрепленные в земле; этот уголок был весь в зелени, и солнце почти не заглядывало туда. Около столика Володя очень скоро протоптал дорожку в 10–15 шагов, по которой часто ходил, обдумывая прочитанное. Обычно около девяти часов утра он приходил сюда с книгами и тетрадями и работал до двух часов без перерыва. В течение пяти лет, с 1889 по 1993 год, это был настоящий *рабочий кабинет* Ильича»[87].

Анна Ильинична 28 июля (9 августа) 1889 года сочеталась с Елизаровым законным браком в соседнем селе Тростянке, при этом Владимир выступал в роли, как тогда говорили, поручителя.

В конце августа Владимир отвез младших в Самару, где они теперь должны были учиться в гимназии, и оставил на квартире Елизарова под присмотром Ольги. Самара была создана хлебным бизнесом и волжской вольницей. Город быстро развивался, правильно и красиво застраивался, хотя еще не мог похвастаться качественным водопроводом или канализацией. Летом тучи белой пыли из степи носились по улице.

Владимир с матерью приезжают в Самару 21 сентября (9 октября), и семья воссоединилась в доме Кулагина на Полицейской площади. Потом переехали. «В Самаре жили зиму 1889/90 года в доме Каткова на Заводской улице под горой у самого берега Волги. Красный каменный дом, снимали весь второй этаж, – писал Дмитрий. – С мая 1890 года до отъезда из Самары в августе 1893 года жили на углу Сокольничьей и Почтовой улиц в доме Рытикова, деревянный двухэтажный дом… Здесь ВИ болел тифом сравнительно в легкой форме, очевидно так называемым теперь паратифом, помнится, осенью 1890 года»[88].

Мария Ильинична отнесет эту болезнь на более поздний срок, подчеркивая крепкое – до времени – здоровье брата: «От природы ВИ был крепким, здоровым, жизнерадостным человеком… Он редко хворал и из серьезных болезней перенес только в 1892 году в Самаре брюшной тиф, да и то не в сильной форме. Весь этот период своей жизни он провел в семье, пользовался хорошим

домашним столом, не был перегружен нервной работой, имел возможность проводить лето за городом (в казанский период в с. Кокушкино, а в Самарский – на хуторе Алакаевка)»[89]. Его революционная деятельность, если таковая и была, пока не влекла за собой серьезных нервных стрессов.

Самарским партнером по шахматам стал присяжный поверенный окружного суда Андрей Николаевич Хардин, у которого была и хорошая библиотека. Ульянов также «пользовался книгами публичной библиотеки по абонементу Анны Ильиничны. Но он получал также книги и из библиотеки Благородного собрания, в которой был более богатый фонд толстых журналов и иностранной литературы»[90].

Ульянов по-прежнему был намерен учиться. 28 октября (9 ноября) он направил прошение министру народного просвещения разрешить ему держать экстерном экзамен по курсу юридического факультета в каком-либо учебном заведении. В резолюции министерства Ульянов был охарактеризован как «скверный человек», последнее слово оставлялось за Департаментом полиции. Тот оказался против. Делать нечего.

Теперь Владимир Ульянов, его братья и сестры, тоже уже проникнувшиеся или еще только проникавшиеся марксизмом, окунулись в самарскую кружковую среду. «В Самаре революционно настроенной молодежи было, конечно, меньше, чем в Казани – городе университетском, но и там она была, – вспоминала Анна Ильинична. – Были, кроме того, и пожилые люди, бывшие ссыльные, возвращавшиеся из Сибири, и поднадзорные. Эти последние были, конечно, все направления народнического и народовольческого»[91].

Полагаю, Ленин излагал свое идейное становление и эволюцию, описывая в «Что делать?» молодых социал-демократов: «Многие из них начинали революционно мыслить, как народовольцы. Почти все в ранней юности восторженно преклонялись перед героями террора. Отказ от обаятельного впечатления этой геройской традиции стоил борьбы, сопровождался разрывом с людьми, которые во что бы то ни стало хотели остаться верными “Народной воле” и которых молодые социал-демократы высоко уважали»[92]. Но именно народовольцы окажутся теми первыми непримиримыми противниками (сколько их еще будет), с которыми вступил в борьбу юный Ульянов. От них марксисты нередко слышали вопрос: «Зачем же вы *непременно хотите* разорить крестьян, во что бы то ни стало превратить их в пролетариев?»[93].

Осенью он познакомился с организатором протестных кружков в Самаре Алексеем Павловичем Скляренко (он же Попов,

Бальбуциновский, Роман), внебрачным сыном военного врача и активным кружкистом Матвеем Ивановичем Семеновым (Бланом), с сельским учителем Алексеем Александровичем Беляковым.

Собрания кружка происходили обычно на квартире Скляренко. «Как сейчас вижу невысокую, крепкую фигуру ВИ в косоворотке и в коротком сером пиджаке, – рассказывал Семенов. – Он спокойно усаживается за стол, вынимает из кармана небольшую тетрадку – свою рукопись и начинает читать вслух». Встав на почву марксизма, Ульянов стал беспощаден к народникам. Его фирменный стиль полемики уже начал формироваться. «В общении его с людьми отчетливо обнаруживались резкие различия: с товарищами, которых он считал своими единомышленниками, он спорил мягко, подшучивал весьма добродушно и старался всякими способами выяснить их ошибку и сделать ее для них очевидной, – подтверждал Семенов. – Но раз он усматривал в оппоненте представителя другого течения, например заскорузлого и упорного народника, его полемический огонь становился беспощаден. Он бил противника по самым больным местам и мало стеснялся в выражениях»[94].

Нравы наставника быстро усваивались юными последователями. Беляков вспоминал: «Самарские кружки до Ленина, с народническими замашками, со всей бездной народнических предрассудков, с Н. К. Михайловским как источником всяческой мудрости, “властителем дум” той эпохи, с 1890 года, пожалуй, можно сказать, кончили свое существование… Микроб революционного марксизма был занесен в Самару В. И. Ульяновым»[95]. На собрания «стариков» – народников со стажем – Ульянов не ходил. Вечеринки либеральной молодежи, часто с околополитическим подтекстом – сборы денег на Красный Крест, на библиотеку, – его ни разу не заинтересовали.

Иногда устраивали и выездные занятия кружка: на лодках, на волжских островах. В начале мая предприняли «кругосветное путешествие» – вниз по Волге до села Переволоки, волоком на реку Усу, по ней до Волги и вниз до Самары. Вовсе даже не брезговали любимыми народом напитками, основным из которых было «Жигулевское». «Иногда Скляренко затаскивал его вместе с другими товарищами в пивной павильон Жигулевского завода на берегу Волги, и здесь компания за веселым разговором и шутками проводила час-другой. ВИ прозвал Скляренко за уменье организовать такие увеселения «доктором пивоведения». Разумеется, во время таких увеселительных прогулок нередко разгорались и споры по серьезным вопросам»[96]. Беляков так

вообще доказывал социологическое значение походов в пивную: «ВИ очень любил посещать этот павильон, но не ради пива, а, несомненно, ради того многообразного проявления жизни торгово-промышленного города, которое удавалось там наблюдать»[97]. Заметим, что и в год 150-летия Ленина пиво на легендарном заводе производится на том же оборудовании, что и в XIX веке.

В мае 1890 года Мария Александровна выехала в Петербург, помимо прочего, хлопотать за сына. Она вновь обратилась и в Департамент полиции, и к министру народного просвещения Делянову с просьбой разрешить ему экстерном сдать экзамены в любом из российских университетов. «Мучительно больно смотреть на сына, как бесплодно уходят самые лучшие его годы… Такое бесцельное существование без всякого дела не может не оказывать самого пагубного нравственного влияния на молодого человека, – почти неизбежно должно наталкивать его на мысль даже о самоубийстве». Делянов не выдержал натиска и 19 мая поставил резолюцию: «Можно допустить к экзамену в Университетской комиссии»[98].

Департамент полиции хоть и отметил, что Ульянов вел знакомство с «лицами сомнительной благонадежности» и особых занятий не имел, но «в политическом отношении за ним замечено ничего не было». Владимиру Ульянову разрешили сдавать экзамены экстерном «в испытательной комиссии при одном из университетов, управляемых уставом 1884 года». Ура! Он думал не долго. Конечно же, столица: юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета.

Лето провел в Алакаевке. Познакомился с народником Алексеем Андреевичем Преображенским, который организовывал земледельческую коммуну на хуторе в трех верстах от Алакаевки. «Наш хутор Шарнеля служил местом паломничества крестьян-сектантов, ищущих правды и спрашивавших, как жить по-божьи». Ульянов часто туда по вечерам захаживал. «Мы вели с ним продолжительные споры, иногда затягивавшиеся до утра… Для подтверждения того, что капитализм проникает в деревню и происходит процесс пролетаризации крестьянства, ВИ предложил мне провести подворное обследование с. Неяловки, Тростянской волости»[99]. Этот Преображенский продолжит с подачи Ильича решать крестьянский вопрос при советской власти, возглавив совхоз в Горках Ленинских.

Мысли Ульянова были уже в Санкт-Петербурге. Он начал готовиться к экзаменам. Беляков вспоминал, как «в августе перед отъездом в Питер Владимир Ильич раза три заходил на квартиру Скляренко, но уже не для занятий, а так, вообще, повидаться и

покалякать». 25 августа (6 сентября) Владимир погрузился на пароход, следующий в Казань. Неделя там, встречи с нужными людьми и родней. И вот он – через Нижний Новгород – впервые в Санкт-Петербурге. Гидом в великом городе выступала сестра Ольга. Изучил программу госэкзаменов, взял список литературы, записался в библиотеку.

Полиция 17 (29) ноября зафиксировала возвращение Ульянова в Самару и его проживание в доме Рытикова на углу Почтовой и Сокольничьей улиц. Теперь он готовился к сдаче экзаменов. Но не только. Беляков рассказывал, как в начале марта 1891 года Ульянов отметился на «журфиксе» в популярном салоне дантиста Анны Абрамовны Кацнельсон, где выступал известный народник Россиневич. «Собрание было многочисленное, народнические звезды всех величин были в полном сборе… ВИ благоглупости Россиневича привели в отличное расположение духа, ироническая усмешка в глазах и на губах ВИ играла вполне отчетливо». Он взял слово. И кто бы сомневался: «Это был первый триумф ВИ на большом собрании с участием широких кругов радикальной интеллигенции и учащейся молодежи…»[100].

Весной предстояло сдавать экстерном экзамены за первые два курса юрфака. 26 марта (7 апреля) Ульянов подал прошение в испытательную комиссию при Петербургском университете. Видом на жительство в столице служила копия выписки из протокола заседания Симбирского дворянского депутатского собрания с подтверждением прав на потомственное дворянство, на которой сам он написал: «Дворянин Владимир Ильич Ульянов, 21 года, приехал из Самары держать экзамен в Испытательной юридической комиссии при Императорском С.- Петербургском университете». Тут же полицейская отметка о его проживании на Тучковой набережной, дом № 2, кв. 47[101]. Зачастил к сестре Ольге в общежитие Высших женских (Бестужевских) курсов.

Экзамены он начал сдавать 4 (16) апреля в малом конференц-зале Академии наук с истории русского права, отвечал на вопрос о формах зависимости холопов в феодальных княжествах Древней Руси. Оценка самая высокая – «весьма удовлетворительно». На следующий день государственное право (вопрос о сословных учреждениях) с тем же результатом.

На радостях взял передышку, навестил Ольгу, зашли к родственникам Песковским. Ольга была в прекрасном весеннем настроении, вместе смотрели, как ломался лед на воспрянувшей Неве. Сестра порадовала мать в письме успехами Владимира.

Сразу два экзамена 10 (22) апреля – по политической экономии (форма заработной платы) и статистике (германский

статистик XVII века Конринг). Затем экзамен по энциклопедии права и истории философии права (Платон о законах). 24 апреля (6 мая) сдал последний в весеннюю сессию экзамен по истории римского права, отвечал на вопрос о законах, издаваемых выбранными властями. Все на «отлично».

И тут снова трагедия. Прямо какой-то рок, совпадающий с экзаменами. Ольга заболела брюшным тифом. В конце апреля Владимир отвез сестру в Александровскую больницу на набережной Фонтанки. Регулярно ее навещал. Телеграфировал матери в Самару: «У Оли брюшной тиф, лежит в больнице, уход хорош, доктор надеется на благоприятный исход». Ей все хуже. В начале мая он вызывает Марию Александровну: «Оле хуже. Не лучше ли маме ехать завтра»[102].

Умерла Ольга 8 (20) мая. Хоронили с матерью и несколькими знакомыми и однокурсницами Ольги на Волковском кладбище, на Литераторских мостках. «ВИ был один с матерью в первые, самые тяжелые, дни. Он привез ее домой в Самару»[103].

Лето с семьей в Алакаевке, подготовка к следующим экзаменам. Тогда Ульянов познакомился с Алексеем Ивановичем Ермасовым, организатором кружков в Сызрани и весьма состоятельным молодым человеком. Ему предстоит стать одним из негласных спонсоров «Искры» и «Вперед».

В начале сентября Владимир вновь едет из Алакаевки и Самары в столицу – на второй раунд экзаменов. Поселился на Екатерингофском проспекте, все время проводил в библиотеке Академии наук. В зале Совета Петербургского университета писал сочинение по уголовному праву. Результат тот же – «весьма удовлетворительно». Затем в малом конференц-зале Академии наук устный экзамен по уголовному праву и судопроизводству (защита в уголовном процессе и кража документов) – вновь, как всегда. В октябре по римскому праву достались вопросы о дарении и о влиянии времени на происхождение и прекращение права. Гражданское право (передаточные договоры), торговое право (торговые книги), полицейское право (наука полиции и ее содержание), финансы (о бюджете) приносят наивысшие оценки. Со 2 (14) ноября Ульянов сдавал устные экзамены по церковному праву (отвечал на вопрос об истории русского церковного законодательства) и международному праву (о праве нейтралитета). Вновь безупречно. Экзамены тогда держали 134 человека, Ульянов, как и в гимназии, оказался первым в выпуске[104].

Решил вновь попытать счастья и лично явился к вице-директору Департамента полиции, чтобы просить разрешение о выезде за границу. Без результата. 11 (23) ноября поехал обратно

в Самару, никуда не заезжая. 22 ноября (4 декабря) испытательная комиссия при Петербургском университете выдала Ульянову свидетельство № 205 на получение диплома первой степени.

В 1891–1892 годах в России разразился голод. Весной и в начале лета не было ни дождичка, посевы высохли. Крестьяне, прекрасно знавшие, что бывает в «черные годы», собирали свой скарб и тянулись к пристаням и городам. Сильнее всего голод ударил по Поволжью. «Толпы голодающих были очень неспокойны и разговаривали с начальством весьма непочтительно»[105]. Земство, народническая интеллигенция организовали комиссию помощи голодающим. Развертывалась программа общественных работ для нуждавшихся: строили элеваторы и расширяли порт. Правительство выделило на помощь голодающим 2 млн рублей, столько же собрали в Самаре. Приезжал даже Лев Николаевич Толстой, оставивший своего сына в качестве организатора благотворительных столовых.

«ВИ вернулся в Самару из Питера в ноябре в самый разгар болтовни в пользу голодающих», – рассказывал Беляков. Позиция Ульянова была однозначна и заключалась в том, что «революционные группы и кружки обязаны стоять в стороне, не работать вместе с чиновниками и либералами, ибо подобная помощь означала прежде всего укрепление той системы управления, при которой голод превратился бы в периодическое явление, способствовала укреплению основ буржуазного строя…».

Ульянов заявлял, что «последствия голода – нарождение промышленного пролетариата, этого могильщика буржуазного строя, – явление прогрессивное, ибо содействует росту индустрии и двигает нас к нашей конечной цели, к социализму через капитализм… Радикалы и либералы, испуганно тараща глаза, приходили к заключению: “спятил мальчик с ума бесповоротно”… Мы неоднократно тянули ВИ на собрания комитета помощи, но он всегда и очень решительно отказывался, указывая, что с таким собранием губернаторских чиновников есть один способ разговора: “рукой за горло и коленкой на грудь”. К концу ноября 1891 года нам удалось работу комитета дезорганизовать…»[106] Подтверждала и новая знакомая – Мария Петровна Голубева: «Из всей самарской ссылки только ВИ и я не принимали участия в работах этих столовых»[107]. Идея накормить голодавших была Ульянову действительно глубоко чужда, поскольку не работала на свержение антинародного режима.

Голубева, которую, по ее словам, Владимир при каждой встрече провожал домой на другой конец Самары, была старше его на девять лет. Она запомнила: «Обычный костюм его в это

время – ситцевая синяя косоворотка, подпоясанная шнурком… Когда узнал, что я выслана по делу якобинцев-бланкистов, что я якобинка, он очень заинтересовался этим обстоятельством и, по-видимому, взял меня как объект для изучения… Часто и много мы с ним толковали о “захвате власти” – ведь это излюбленная тема у нас, якобинцев»[108].

Новый, 1892 год товарищи встречали на квартире Кацнельсон. «Это была первая большая вечеринка с участием ВИ. Было очень шумно и весело… Была объявлена “всеобщая, прямая и явная кадриль” без различия пола и возраста… Пришлось и ВИ отплясывать кадриль. Это было уморительно веселое зрелище, ВИ… давал руку чужой “даме” вместо своей, брал за талию вместо “дамы” случайно подвернувшегося кавалера из другой пары…»[109].

С января 1892 года Ульянов начал работать: занялся адвокатской практикой, получив на то разрешение и Самарского окружного суда, и Департамента полиции, который тем не менее сохранял над ним, как и над всей семьей, негласный надзор. Он стал помощником присяжного поверенного и партнера-шахматиста Хардина. Опытный адвокат Хардин, отмечал его коллега, «не стеснял своих помощников в их занятиях и не был сторонником “натаскивания” их по делам; этому последнему он предпочитал самую широкую самодеятельность молодняка адвокатуры»[110].

С 5 (17) марта, когда он впервые выступает в суде в качестве защитника по делу крестьянина Муленкова, присяжный поверенный Ульянов представлял интересы обвиняемых как минимум по 17 делам самой разной значимости – от кражи зерна из амбара и богохульства до присвоения 12 317 рублей 58 копеек купцом Брискером. Клиентами были и крестьяне, и мещане, и отставные военные, и крупные дельцы, и землевладельцы[111]. Ульянов, судя по всему, был хорошим адвокатом, способным помочь своим клиентам. Видные представители самарского судейского корпуса видели в нем «будущего светилу», отмечали высокую образованность и даже воспитанность[112]. Но у того были другие увлечения.

К 1892 году официальные биографии относят создание собственно марксистского кружка в Самаре под идейным руководством Ульянова – Скляренко, Семенов, Лебедева, Кузнецов и др. Это был первый опыт формирования ленинской команды. Тогда же Ульянов наладил переписку с Федосеевым, сосланным во Владимир[113]. «В кружке Скляренко ВИ начал довольно часто ставить вопрос о необходимости встать на путь Н. Е. Федосеева, завязывающего во Владимире связи с рабочими,

организующего рабочие кружки», – свидетельствовал Беляков. Естественно, первые усилия были предприняты на близком по духу Жигулевском пивоваренном заводе, но они успеха не принесли[114]. Единственный зафиксированный опыт общения Ульянова с рабочими: в самарских железнодорожных мастерских он прочел реферат на актуальную для них тему: «Об общине, ее судьбах и путях революции».

Летом в Самаре вспыхнула холера, были дни, когда число смертей измерялось сотнями. В деревнях разгорались холерные бунты, убивали врачей, фельдшериц, санитаров, подвернувшееся под руку начальство. Осенью в Самару зачастили революционеры. Ульянова они не заинтересовали. Даже когда в город приехал культовый для народников (и наиболее критикуемый Ульяновым) «сам» Михайловский, молодой марксист с ним не виделся (или не был удостоен аудиенции)[115]. Ульянов критиковал либеральных народников за отсутствие настоящего революционного антиправительственного пафоса. Но при этом сам какой-либо активной революционной работы не вел, больше томился. «Последний год в Самаре, хотя и забросил туда нового ценного единомышленника Исаака Христофоровича Лалаянца, с которым основывалась первая группа социал-демократов в Самаре (Ильич, Скляренко, Лалаянц), переживался ВИ более томительно, чем первые»[116], – подтверждала Анна Ильинична. Оставался, чтобы поддержать мать.

Лалаянц в воспоминаниях особой «томительности» у Ульянова не замечал. Места встреч были те же. «У Попова была удивительная способность быстро и наверняка находить чистенькую и спокойную пивную с великолепным жигулевским пивом». Занятия носили исключительно теоретический характер. Лалаянц в то время замечал наличие «некоторых симпатий у ВИ к народовольческому террору». Никаких занятий ни с кем никто из кружковцев нигде не вел. «Это просто была маленькая группа очень близко сошедшихся между собой товарищей-единомышленников, тесно сплотившихся друг с другом среди моря окружающей нас разномыслящей интеллигенции»[117]. Уже тогда, как зафиксировала входившая в один из кружков Прасковья Ивановна Кулябко, Ульянова коллеги называли «Ильичем» и «Стариком»[118].

Лето, как обычно, провел в Алакаевке, куда регулярно наезжали Скляренко и Лалаянц. 20 августа (1 сентября) 1893 года Владимир навсегда покинул Самару.

По дороге опять заехал в Нижний Новгород, чтобы познакомиться с марксистом Скворцовым, о котором был наслышан. Оттуда во Владимир, где надеялся повидаться с

сидевшим там в тюрьме Федосеевым: его должны были выпустить на поруки. Но не выпустили, и встреча не состоялась. «Я приехал туда в надежде, что ему удастся выйти из тюрьмы, но эта надежда не оправдалась, – вспоминал Ленин. – Затем Федосеев был сослан в Восточную Сибирь одновременно со мной и в Сибири кончил жизнь самоубийством, кажется, на почве тяжелой личной истории в связи с особенно неудачно сложившимися условиями жизни»[119].

Декабрист 2.0

Осенью 1893 года семейство Ульяновых в полном составе покидало самарские края и перебиралось в столицы. «ВИ переехал в Петербург, остальные же члены семьи – в Москву, где брат Дмитрий поступил в университет, – объясняла Мария. – Пришлось продать и Алакаевку, которая не могла уже служить нам дачей». Продавали долго. В тот год пытались пристроить хутор губернскому секретарю Данненбергу за 8,5 тысячи рублей (купили за 7,5 тысячи), но сделка, которую со всем тщанием профессионально готовил присяжный поверенный Владимир Ульянов, сорвалась. В итоге хутор сдавался в аренду до 1897 года, когда его удастся продать зажиточному крестьянину Данилину (у Маняши он – местный купец).

Почему Владимир не поехал со всеми в Москву? Как писала Анна, «он решил поселиться в более живом, умственном и революционном центре – Питере. Москву питерцы называли тогда большой деревней, в ней в те годы было еще много провинциального, а Володя был уже сыт, по горло сыт провинцией»[120]. Ульянов прибыл в Петербург 31 августа (12 сентября) 1893 года. Формально для того, чтобы устроиться на адвокатскую работу.

Пятого октября (первое письмо родным в Полном собрании сочинений Ленина) он писал матери: «Комнату я себе нашел наконец-таки хорошую, как кажется, других жильцов нет, семья небольшая у хозяйки… Комната чистая и светлая. Так как при этом очень недалеко от центра (например, всего 15 минут ходьбы до библиотеки), то я совершенно доволен… На Волковом кладбище был вскоре после приезда: там все в сохранности – и крест, и венок». На могиле Ольги. «Прошу прислать деньжонок: мои подходят к концу. Из Самары мне пишут, что деньги по делу Графова (Казанское дело, которое я вел в Самаре) обещались уплатить в ноябре… Мне обещают здесь место в одном юрисконсульстве, но когда именно это дело устроится (и устроится ли), не знаю»[121].

В сентябре Ульянова зачислили помощником присяжного поверенного у близкого знакомого Хардина – известного адвоката Михаила Филипповича Волкштейна. Теперь, «облачаясь в отцовский фрак, ему приходится регулярно ходить на Литейный проспект в Совет присяжных поверенных при Петербургском окружном суде для юридических консультаций и ведения судебных дел»[122].

Ульянов не ставил цели заработков. «В сословие ВИ

записался, но работал в нем мало, хотя некоторое время он, очевидно, интересовался юридической практикой, работая в консультациях на окраинах города, – напишет общавшийся с ним тогда студент Петербургского университета Михаил Александрович Сильвин. – Но когда я как-то спросил его… как идет его юридическая работа, он сообщил мне, что работы, в сущности, никакой нет, что за год, если не считать обязательных выступлений в суде, он не заработал даже столько, сколько стоит помощнику присяжного поверенного выборка документов»[123].

Именно с переезда в Петербург в 1893 году и начинается собственно революционная деятельность Ульянова-Ленина. В установлении контактов с питерским подпольем помогло письмо от нижегородцев студентам-землякам, которое он вручил именно Сильвину. «Уничтожив письмо, в тот же день я разыскал Германа Красина, сообщив об интересном приезжем и настойчиво предложил познакомиться. Имя “Ульянов” произвело впечатление, но мне заявили “обсудим”»[124], – вспоминал Сильвин. Марксистский кружок студентов Технологического института во главе с братьями Красиными усиленно шифровался, кроме того, новичка из Поволжья решили проверить на знание марксизма. Учением Маркса Ульянов владел лучше молодых технологов, но их сильно смутила его приверженность террору, не свойственная социал-демократам. Отнесли это на издержки «фамильной трагедии».

Ветеран социал-демократии Василий Андреевич Шелгунов подтверждал, что к приезду Ульянова в Санкт-Петербурге «уже существовала марксистская группа, причем интеллигенция и рабочие группировались каждые отдельно. У рабочих существовал центральный кружок, в который входили Фишер, Кайзер, Норинский и Шелгунов; из марксистской интеллигенции в этот кружок входили Старков, Кржижановский, Радченко». Ульянов «охотно ходил на кружки и пытливо присматривался к каждому рабочему-революционеру»[125].

Кржижановский, будущий творец плана электрификации Советской России, поделится воспоминаниями: «Вернувшись осенью 1893 года с летней заводской практики, я нашел весь свой кружок в состоянии необычайного оживления именно по той причине, что наш новый приятель, пришедший к нам с берегов Волги, в кратчайший срок занял в нашей организации центральную роль. Уже одно то обстоятельство, что он был братом Александра Ильича Ульянова, одного из последних славных народовольцев, казненного в 1887 году, создавало ему самые благоприятные предпосылки для дружеского восприятия в нашей среде… За обнаженный лоб и большую эрудицию ВИ

пришлось поплатиться кличкой Старик, находившейся в самом резком контрасте с его юношеской подвижностью и бившей в нем ключом из всех жизненных пор молодой энергией…»[126].

Свой партийный стаж Ленин отсчитывал именно с 1893 года, когда вошел в марксистский кружок студентов Технологического института. Кружок этот стал уже следующей – после самарской – командой (ЦК) Ленина. Как расскажет Сильвин, весьма примечательной: «Спокойный, сдержанный, даже несколько скрытный, но добродушный Степан Радченко, с хохляцким юмором и с хитрой усмешкой опытного конспиратора; чувствительный и нежный поэт-революционер Кржижановский; всегда казавшийся замкнутым в себе Старков, которому, по-видимому, чужды были всякие сантименты; Малченко – изящный брюнет, с лицом провинциального тенора, всегда молчаливый, всегда любезный товарищ; широкоплечий, кудлатый Запорожец, в глазах которого светилась вера подвижника; Ванеев – с его тонкой иронией, в которой сквозил затаенный в душе скептицизм к вещам и людям; и, наконец, я, смотревший на мир жадно открытыми глазами, часто полными наивного недоумения, которое приводило иногда в смешливое настроение ВИ»[127].

Кружковая работа Ульянову казалась слишком узкой. «Как и все мы, ВИ тоже имел свой кружок рабочих, с которыми занимался, но относился он к этому делу всегда несколько скептически, – подтверждал Сильвин. – Для этого большого человека нужна была большая аудитория, широкая арена»[128]. И он искал эту арену за пределами подпольных организаций.

Ульянов быстро выдвинулся как видный критик народничества. Федор Ильич Дан, выступив позднее в роли историка партии, замечал: «Яркое выражение этому наступательному духу дала вышедшая в 1894 году брошюра, озаглавленная “Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов (ответ на статьи “Русского богатства” против марксистов)”. Брошюра, отпечатанная на мимеографе, состояла из трех отдельных выпусков, посвященных Михайловскому, Южакову (этот выпуск найти до сих пор не удалось) и Кривенко…»[129]. Даже без не разысканной второй части «Друзья народа» составили львиную долю толстого первого тома Полного собрания сочинений Ленина.

Смысл: народничество выродилось в пошлость, филистерство, «пустолайство», «пустоболтунство». Из политической программы, нацеленной на то, чтобы «*поднять крестьянство* на социалистическую революцию *против основ современного общества,* выросла программа, рассчитанная на то, чтобы заштопать, “улучшить” положение крестьянства *при*

сохранении основ современного общества». А вот социал-демократы «будут самым энергичным образом настаивать на немедленном возвращении крестьянам отнятой у них земли, на полной экспроприации помещичьего землевладения – этого оплота крепостнических учреждений и традиций». Решить эту задачу сможет исключительно повысивший свою сознательность пролетариат, который поведет к победоносной коммунистической революции[130].

Брошюра Ульянова вышла еще нелегально, небольшим тиражом. Но российский марксизм – в немалой степени благодаря усилиям Вольного экономического общества – уже начал пробивать себе дорогу и в легальную литературу. В том же 1894 году вышла легально книга Струве «Критические заметки. К вопросу об экономическом развитии России», также нацеленная против народничества.

Лето 1894 года Ульянов провел в Подмосковье, как запомнил московский социал-демократ и будущий директор Музея революции Сергей Иванович Мицкевич, «на даче у Анны Ильиничны, близ станции Люблино Курской железной дороги, в дачном поселке Кузьминки. Ильич заходил иногда ко мне, бывал и я несколько раз у него на даче у Елизаровых»[131]. Полиция зафиксировала также и появление Владимира Ульянова на вечеринке 12 (24) января 1894 года в доме Залесской на Воздвиженке, где он с «полным знанием дела» дискутировал с известным народником Василием Павловичем Воронцовым[132].

«Волжанин» становился популярной личностью в узких марксистских кругах, где после «Друзей народа…» его авторитет был уже общепризнан. Среди заинтересовавшихся им была и Надежда Крупская, девушка на год его старше. «Увидала я ВИ лишь на масленице. На Охте у инженера Классона, одного из видных питерских марксистов, с которым я два года перед тем была в марксистском кружке, решено было устроить совещание некоторых питерских марксистов с приезжим волжанином. Для ради конспирации были устроены блины. На этом свидании, кроме ВИ, были: Классон, Я. П. Коробко, Серебровский, Ст. Ив. Радченко и другие; должны были прийти Потресов и Струве, но, кажется, не пришли… Речь шла о путях, какими надо идти. Общего языка как-то не находилось. Кто-то сказал – кажется, Шевлягин, – что очень важна вот работа в комитете грамотности. ВИ засмеялся, и как-то зло и сухо звучал его смех – я потом никогда не слышала от него такого смеха:

– Ну, что ж, кто хочет спасать отечество в комитете грамотности, что ж, мы не ме-шаем…

Подошел Классон и, взволнованный, пощипывая бороду,

сказал:

– Ведь это черт знает, что он говорит.

– Что ж, – ответил Коробко, – он прав, какие мы революционеры…

Помню, когда мы возвращались, идя вдоль Невы с Охты домой, мне впервые рассказали о брате ВИ, бывшем народовольце…»[133]. Их встреча произошла, по версии Крупской, в конце февраля 1894 года. Историки утверждают, что годом позже, поскольку Классон в начале 1894-го находился в Германии.

Однако есть основания полагать, что на той встрече была еще одна девушка – Аполлинария Якубова и на нее первую Ульянов положил глаз. Она была подругой Крупской. Именно к ней якобы сватался Владимир Ульянов. Но Якубова предложение руки и сердца отвергла, предпочтя профессора Тахтерева, редактора левого журнала «Рабочая мысль». Позднее будут и переписка между Лениным и Якубовой, и встречи, в частности, в Лондоне, где она будет жить[134].

Но Крупская сразу влюбилась в своего будущего мужа, хотя он поначалу и не отвечал ей взаимностью. Как вспоминала ее очень проницательная гимназическая подруга, а затем известная журналистка Ариадна Тыркова-Вильямс, она «по-прежнему жила с матерью на третьем дворе, в большом доме Дурдиных, на Знаменской. Жили все так же тихо, уютно, с лампадками, как будто по-старосветскому… Но за всем этим я чувствовала другую Надю. Она уже прокладывала путь к тому, что вскоре должно было стать смыслом, целью и, как это ни странно звучит для моей скромной Нади, роскошью ее жизни. Началось это с вечерних курсов для рабочих за заставой. Надя глухим, монотонным голосом рассказывала мне, как важно пробудить в рабочих классовое сознание. Я плохо понимала, что это значит. Но я видела, что от этих таинственных слов Надя расцветала… Уже не в Петербурге, а летом у них на даче, под Окуловкой, впервые услыхала я от Крупской имена Карла Маркса и Ульянова»[135].

Надежда была из семьи обедневшего дворянина Виленской губернии. Константин Игнатьевич Крупский окончил Михайловское артиллерийское училище, Военно-юридическую академию и дослужился до чина майора. «Отец всегда очень много читал, не верил в бога, был знаком с социалистическим движением на Западе, – рассказывала Надежда Константиновна. – В доме у нас постоянно, пока был жив отец, бывали революционеры (сначала нигилисты, потом народники, потом народовольцы)»[136]. Ей было всего 14 лет, когда отца не стало.

Мать Надежды – Елизавета Васильевна – в скором времени теща Ленина – была набожной женщиной, воспитанницей

Института благородных девиц, имела диплом домашней учительницы. После смерти мужа она получала пенсию. Жили скромно. Тыркова удивлялась, «как могут они с матерью существовать в такой тесноте?»[137]. – Помогал брат отца – действительный статский советник. Надежда училась в престижной гимназии княгини Оболенской, закончила ее с золотой медалью, годом позже обрела диплом преподавателя русского языка и математики и пошла на Высшие (Бестужевские) женские курсы. Там подруги познакомили ее с технологами-марксистами.

Сама она рассказывала: «Когда Бестужевские курсы открылись, я на них поступила, думала, сейчас там мне расскажут о всем том, что меня интересует, и когда там заговорили совсем о другом, бросила курсы»[138]. Надежда пошла работать в Главное управление железных дорог, а многие вечера посвящала преподаванию в рабочей школе и участию в марксистском кружке.

«Зимою 1894/95 г. я познакомилась с ВИ уже довольно близко. Он занимался в рабочих кружках за Невской заставой, я там же четвертый год учительствовала в Смоленской вечерне-воскресной школе… Я жила в то время на Старо-Невском, в доме с проходным двором, и ВИ по воскресеньям, возвращаясь с занятий в кружке, обычно заходил ко мне, и у нас начинались бесконечные разговоры… Хождение по рабочим кружкам не прошло, конечно, даром: началась усиленная слежка. Из всей нашей группы ВИ лучше всех был подкован по части конспирации: он знал проходные дворы, умел великолепно надувать шпионов, обучал нас, как писать химией в книгах, как писать точками, ставить условные знаки, придумывать всякие клички»[139].

Тыркова подметила (женщины это хорошо чувствуют) перемены в мыслях и чувствах Надежды, которые теперь «были неразрывно связаны с человеком, который ее захватил тоже целиком. Надя изменилась. С ней что-то произошло. Что-то новое пробивалось сквозь прежнюю монашескую тихость… У Нади была очень белая, тонкая кожа, а румянец, разливавшийся от щек на уши, на подбородок, на лоб, был нежно-розовый. Это так ей шло, что в эту минуту моя Надя, которую я часто жалела, что она такая некрасивая, показалась мне просто хорошенькой. В моем воображении тогда еще крепко связались “Капитал” и “один товарищ”. Но если бы кто-нибудь мне тогда сказал, что этот товарищ, опираясь на “Капитал”, переломает всю русскую жизнь, зальет Россию кровью и что Надя будет ему усердно в этом помогать, это показалось бы мне бредом! Тогда он еще назывался

не Ленин, а Ульянов. Надя говорила о нем скупо, неохотно. Я ни одним словом не дала ей понять, что она в него влюблена по уши»[140].

Той осенью 1894 года Александр III стремительно угасал от заболевания почек. 26-летний Николай Александрович запомнит слова, сказанные отцом на смертном одре: «Тебе предстоит взять с моих плеч тяжелый груз государственной власти и нести его до могилы так же, как нес его я и как несли наши предки… Меня интересовало только благо моего народа и величие России. Я стремился дать внутренний и внешний мир, чтобы государство могло свободно и спокойно развиваться, нормально крепнуть, богатеть и благоденствовать. Самодержавие создало историческую индивидуальность России. Рухнет самодержавие, не дай Бог, тогда с ним рухнет и Россия. Падение исконной русской власти откроет бесконечную эру смут и кровавых междоусобиц»[141]. 1 ноября 1894 года императора на стало.

Для Владимира Ульянова мало что изменилось. Теперь ему просто предстояло заняться свержением уже следующего императора. Николая II.

Во время рождественских каникул 1894/95 года на собрании на той же Охте с Ульяновым встретились первые знакомцы среди легальных марксистов, его сверстники Петр Бернгардович Струве и Александр Николаевич Потресов. Дворянин, генеральский сын Потресов учился в Петербургском университете – сначала на естественно-научном, затем юридическом факультете. Внук создателя Пулковской обсерватории, сын пермского (а до этого иркутского и астраханского) губернатора, Струве проделал ту же образовательную траекторию, после чего пополнял знания в австрийском Граце. Важным связующим звеном легальных марксистов с подпольем выступала Александра Михайловна Калмыкова, вдова сенатора, «имевшая в то время книжный склад на Литейном. С Александрой Михайловной познакомился тогда близко и ВИ. Струве был ее воспитанником, у нее всегда бывал и Потресов, товарищ Струве по гимназии. Позднее Александра Михайловна содержала на свои деньги старую “Искру”, вплоть до II съезда»[142].

Нашему герою не было и 25 лет, но Потресову он показался гораздо старше своих лет: «Он был молод – только по паспорту. На глаз же ему можно было дать никак не меньше сорока – тридцати пяти лет. Поблекшее лицо, лысина во всю голову, оставлявшая лишь скудную растительность на висках, редкая рыжеватая бородка, хитро и немного исподлобья прищуренно поглядывающие на собеседника глаза, немолодой, сиплый голос… У молодого Ленина на моей памяти не было молодости…

Мы не раз шутили, что Ленин даже ребенком был, вероятно, такой же “лысый” и “старый”, каким он нам представлялся в 95-м году».

На этом собрании на Охте речь шла о книгах Струве «Критические заметки» и Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Потресов вспоминал: «Ленин, вскользь чрезвычайно хвалебно отозвавшись о книге Плеханова – Бельтова, с той же большой энергией, со всей ему свойственной ударностью, направил свою критику против Струве» [143]. Пикантность происходившему придавало присутствие при сем самого Струве, который припоминал: «Прочтя краткое резюме своей статьи упомянутой группе лиц, Ленин прочел ее целиком мне одному у меня в комнате на Литейном»[144].

Впечатление Потресова: «Большая сила, но в то же время и что-то однобокое, однотонно-упрощенное и упрощающее сложности жизни… И тогда же в разговоре о нем произнесено было слово – сектант. Да, сектант! Но сектант, прошедший серьезную сектантскую выучку! Сектант-марксист!.. И не суждено ли марксизму в конечном счете победить сектантство – победить особенно в человеке, в котором чувствуется такая внутренняя сила, такая незаурядная логика, такая выдающаяся подготовка?»[145]. Потресов надежды не терял.

Действительно, Ульянов выделялся из общей марксистской среды. У него была идея фикс. Революция. Петр Павлович Маслов, позднее ставший меньшевиком и советским академиком, утверждал: «Когда в 1895 году в Петербурге я встретил ВИ в литературном кружке марксистов и заговорил о чем-то с П. Б. Струве по поводу революционных вопросов и дел, он меня сразу прервал:

– Об этих делах нужно говорить с ВИ».

Его идеологический и этический багаж, утверждал Маслов, был прост:

«– Что есть истина?

– То, что ведет к революции.

– Что нравственно?

– То, что ведет к революции.

– Кто друг?

– Тот, кто ведет к революции.

– Кто враг?

– Тот, кто ей мешает.

– Что является целью жизни?

– Революция.

– Что выгодно?

– То, что ведет к революции»[146].

Кржижановский подтверждал, что уже тогда в Ленине проснулся «грозный полемист, гневно ниспровергающий все то и всех тех, кто становится на путях пробуждения самостоятельной революционной пролетарской мысли»[147]. В этом идейном багаже не находилось места для такого понятия, как человеческое счастье.

В апреле 1895 года в петербургской типографии вышел сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», под обложкой которого ужились две статьи Плеханова и по одной – Ульянова (под псевдонимом К. Тулин), Струве, Потресова, Скворцова и других. Это был первый опыт симбиоза эмигрантского, легального и подпольного марксизма в России.

Вскоре у Ульянова появилась возможность приобрести личный опыт подобного симбиоза: ему наконец удалось обзавестись заграничным паспортом.

Он поспешил отправиться за границу, пообщаться с марксистским зарубежьем, а заодно поправить здоровье. Заботливая Мария Ильинична замечала, что в Петербурге ее брат «впервые был лишен семейных удобств: пришлось жить в комнатах, питаться в столовках. Сказалась на его здоровье и нервная работа революционера. Он нажил себе скоро катар желудка, от которого не скоро мог избавиться»[148]. 2 (14) мая 1895 года Владимир сообщал матери из Зальцбурга: «По “заграницe” путешествую уже вторые сутки и упражняюсь в языке: я оказался совсем швах, понимаю немцев с величайшим трудом, лучше сказать, *не понимаю вовсе*… Несмотря на такое позорное фиаско, духом не падаю и довольно усердно коверкаю немецкий язык». 8 (20) мая двинулся в Швейцарию, «начались Альпы, пошли озера, так что нельзя было оторваться от окна вагона»[149].

Но это для мамы и для заинтересованных читателей из Департамента полиции. Ульянов, естественно, ничего не писал о не менее важной цели поездки в Швейцарию – познакомиться с лидерами «Освобождения труда». Первым среди них по праву считался Плеханов, сын отставного штабс-капитана, выпускник юнкерского училища и Горного института в Петербурге. Ему было уже под сорок. «Совсем европеец, культурный, образованный серьезный марксист несколько академического типа»[150], – вспоминала неоднократно встречавшаяся с ним поэтесса Зинаида Гиппиус.

В Лозанне через родственников Классона Ульянов раздобыл адрес Плеханова и направился к нему в Женеву. Свидетелем их первой встречи был Евгений Игнатьевич Спонти, отметивший, что Ульянов «был очень сдержан, держал себя с большим достоинством… говорил мало, вернее, ничего, кроме

необходимых в общем разговоре реплик». Очевидно, что довлел моральный авторитет предводителя русских марксистов. Владимир подарил Плеханову своих «Друзей народа», тот «бегло посмотрел брошюру и заметил: «Да, это, кажется, серьезная работа»[151].

Плеханов произвел на молодого человека исключительно сильное впечатление, тот ощутил нечто сродни «юношеской влюбленности». Ленин напишет, что тогда и он, и его приятели «были влюблены в Плеханова»[152]. Со стороны Плеханова чувствовался некоторый холодок. В этом пока не было ничего личного, Плеханов всегда держал дистанцию, особенно когда имел дело с досаждавшей ему молодежью из России. Большевики и люди к ним близкие единодушно будут инкриминировать Плеханову то, что можно объединить словом «барство». Горький, сам человек талантливый и тщеславный, характеризовал его: «Талантливейший литератор, основоположник партии, он вызывал у меня глубокое почтение, но не симпатию. Слишком много было в нем “аристократизма”»[153].

Для конкретных переговоров Плеханов отправил Ульянова к Аксельроду, который проживал в Цюрихе. С ним найти общий язык оказалось гораздо проще. Аксельрод на неделю увез ВИ в деревушку Афольтерн, где они вместе гуляли по окрестностям, поднимались «на гору около Цуга и все время беседовали о волновавших общих вопросах». Аксельрод развивал идею о необходимости создания в России партии, которую ему с Плехановым было бы не стыдно представлять в Интернационале. Договорились о переписке, об издании в Петербурге нелегальной рабочей газеты, а в Швейцарии сборника «Работник», куда материалы будут присылать о России. Поспорили о теории и не сошлись в отношении к либералам. Аксельрод, как и Плеханов, считал либералов возможными союзниками социалистов, Ульянов – однозначно противниками[154]. Аксельрод, гражданин Швейцарии, был от той встречи в восторге: «Я тогда почувствовал, что имею дело с человеком, который будет вождем русской революции. Он не только был образованным марксистом – таких было очень много, – но он знал, что он хочет сделать и как это надо сделать. От него пахло русской землей»[155].

Из Швейцарии Ульянов едет в Париж. 25 мая (6 июня) сообщает матери: «Впечатление производит очень приятное – широкие, светлые улицы, очень часто бульвары, много зелени; публика держит себя совершенно непринужденно, – так что даже несколько удивляешься сначала, привыкнув к петербургской чинности и строгости. Чтобы посмотреть как следует, придется провести несколько недель»[156]. Помимо достопримечательностей

его интересует в первую очередь встреча с Полем Лафаргом, зятем Маркса и культовой фигурой для любого марксиста, тем более начинающего. И встреча состоялась. О ней Ульянов поведает Мартову:

«– Чем же вы занимаетесь в этих кружках? – спросил Лафарг. Ульянов объяснил, как, начиная с популярных лекций, в кружках из более способных рабочих штудируют Маркса.

– И они читают Маркса? – спросил Лафарг.

– Читают.

– И понимают?

– И понимают.

– Ну, в этом-то вы ошибаетесь, – они ничего не понимают. У нас после 20 лет социалистического движения Маркса никто не понимает»[157]. Маркса, как я полагаю, и в СССР не поймут после 70 лет изучения при советской власти.

С помощью Лафарга Ульянов надеялся познакомиться с Энгельсом и даже собирался ехать к нему в Лондон. Но тот был уже серьезно болен и никого не принимал. Поэтому, поработав немного в парижской Национальной библиотеке, Ульянов вернулся в Швейцарию. Откуда 6 (18) июля писал матери: «С того времени я многонько пошлялся и попал теперь… на один швейцарский курорт: решил воспользоваться случаем, чтобы вплотную приняться за надоевшую болезнь (желудка), тем более что врача-специалиста, который содержит курорт, мне очень рекомендовали как знатока своего дела. Живу я в этом курорте уже несколько дней и чувствую себя недурно, пансион прекрасный и лечение, видимо, дельное, так что надеюсь дня через 4–5 выбраться отсюда»[158].

Был ли Ульянов действительно на курорте, история умалчивает. Но известно, что вместе с Плехановым, Александром Воденом и подтянувшимся из России Потресовым он отправился в горную деревушку Ормоны. Потресов напишет, что там они проводили время в «прогулках и бесконечных разговорах на ходу». Плеханов ему показался куда более интересным собеседником. «По сравнению с широким умственным кругозорам Плеханова, с его всеобъемлющими интересами, дававшими пищу для неизменно яркого и талантливого реагирования его ума, Ленин казался таким серым и тусклым во всем, что не входило непосредственно в сферу той социальной проблемы, в которой помещалась целиком и без остатка проблема всей его жизни… С Лениным, при всей его осведомленности в русской экономической литературе и знакомстве с сочинениями Маркса и Энгельса, тянуло говорить лишь о вопросах движения. Ибо малоинтересный и неинтересный во всем остальном, он, как

мифический Антей, прикоснувшись к родной почве движения, сразу преображался, становился сильным, искрящимся…»[159].

А путь Владимира лежал дальше – в Германию. 10 (22) августа он писал матери из Берлина: «Устроился я здесь очень недурно: в нескольких шагах от меня – Tiergartiergarten (прекрасный парк, лучший и самый большой в Берлине), Шпрее, где я ежедневно купаюсь, и станция городской железной дороги… Плохую только очень по части языка: разговорную немецкую речь понимаю несравненно хуже французской… Если ты послала уже мне денег, то напиши, пожалуйста, мне об этом тотчас же; а если нет, то пошли сюда».

Похоже, здесь Ульянова застало известие о смерти Энгельса, сел писать некролог. В залах Прусской государственной библиотеки Владимир познакомился с новинками марксистской литературы. Походил на рабочие собрания. 17 (29) августа он вновь рассказывал и жаловался Марии Александровне: «Занимаюсь по-прежнему в Konegliche Bibliothek, а по вечерам обыкновенно шляюсь по разным местам, изучая берлинские нравы и прислушиваясь к немецкой речи… Да и вообще шлянье по различным народным вечерам и увеселениям нравятся больше, чем посещение музеев, театров, пассажей и т. п. … К великому моему ужасу, вижу, что с финансами опять у меня «затруднения»: «соблазн» на покупку книг и т. п. так велик, что деньги уходят черт их знает куда»[160].

Ульянов ждал встречи с одним из лидеров Германской социал-демократической партии – Вильгельмом Либкнехтом. Она стала возможна благодаря письму Плеханова: «Рекомендую Вам одного из наших лучших русских друзей. Он возвращается в Россию. Он расскажет Вам об одном, очень важном для нас деле. Я уверен, что Вы сделаете все от Вас зависящее»[161]. Судя по всему, речь на встрече шла о возможности издания в Германии нелегальной литературы и переправки ее в Россию.

И, наконец, письмо матери 26 августа (7 сентября): «Получил сегодня твое письмо с деньгами, дорогая мамочка, и благодарю за него… Обжился уже настолько, что чувствую себя почти как дома, и охотно остался бы тут подольше, – но время подходит уже уезжать… Я чувствую, что следует накупить всякой дряни»[162]. 7 (19) сентября 1895 года Ульянов возвращается в Россию через станцию Вершболово. «Его желтый чемодан с двойным дном, наполненный запретной печатной продукцией, был сработан немцами отлично. И начальник пограничного отделения докладывает в департамент полиции, что по самому тщательному досмотру багажа Ульянова ничего предосудительного не обнаружено»[163].

Аксельроду Ульянов поведал про свои последующие путешествия: «Был прежде всего в Вильне. Беседовал с публикой о сборнике. Большинство согласно с мыслью о необходимости такого издания и обещают поддержку… Далее. Был в Москве. Там громадные погромы, но, кажется, остался кое-кто, и работа не прекращается. Мы имеем оттуда материал – описание нескольких стачек. Вышлем. Потом был в Орехово-Зуеве. Чрезвычайно оригинальны эти места, часто встречаемые в центральном промышленном районе…»[164]. Это уже похоже на отчет в центр о проделанной подрывной работе.

Анна Ильинична встретила его по приезде в Россию. «ВИ был очень доволен своей поездкой… Он рассказывал по возвращении, что отношения с Плехановым установились хотя и хорошие, но довольно далекие, с Аксельродом же совсем близкие, дружественные»[165]. Плеханов же позднее откровенничал: «Как только я познакомился с ним, я сразу понял, что этот человек может оказаться для нашего дела очень опасным, так как его главный талант – невероятный дар упрощения»[166].

Вернувшись в Петербург, Ульянов поселился в Большом Казачьем переулке, неподалеку от Сенного рынка. Он все еще числился помощником присяжного поверенного. «Несколько раз брат и выступал, но, кажется, только по уголовным судам, по назначению суда, то есть бесплатно, причем облекался во фрак покойного отца, – подтверждала Анна Ильинична. – В это время круг его знакомых был уже довольно широк; он много бегал и суетился»[167].

Как литератор Ульянов был чрезвычайно плодовит. Он стремительно покрывал своим мелким угловатым почерком толстые тетради, в которых доставалось в основном по-прежнему народникам. Однако основные усилия Ульянова были теперь направлены на создание новой, первой на территории России социал-демократической организации. После его возвращения в столицу, писал Кржижановский, связи с группой «Освобождение труда» помогли питерским социал-демократам «расширить круг своих русских знакомств. К этому времени относится наше сближение с Мартовым, доктором Ляховским, а также с социал-демократическими кружками в Н.-Новгороде, Москве, Иваново-Вознесенске, Вильне и в некоторых волжских городах»[168]. То, что войдет в историю как «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», сложилось в ноябре 1895 года из двух групп, одну из которых возглавлял Ульянов, другую – Мартов.

Юлий Осипович Мартов (Цедербаум) родился в Стамбуле в очень богатой семье. Его дед был основателем первых еврейских

газет и журналов в России, отец работал в Русском обществе пароходства и торговли, был корреспондентом «Петербургских новостей» и «Нового времени». Учился Мартов, как и Потресов со Струве, на естественном отделении физмата Санкт-Петербургского университета, откуда его исключили за распространение нелегальщины и выслали в Литву. Отбыв наказание, Цедербаум вновь вернулся в столицу.

На Мартова наш герой произвел тогда благоприятное впечатление. «В. Ульянов был еще в той поре, когда и человек крупного калибра, и сознающий себя таковым, ищет в общении с людьми больше случаев самому учиться, чем учить других. В этом личном общении не было и следов того апломба, который уже звучал в его первых литературных выступлениях, особенно в критике Струве… Но и в отношениях к политическим противникам в нем сказывалась еще изрядная доля скромности»[169].

Вновь созданная организация начала подпольные операции и агитацию раньше, чем успела оформиться. Неподписанная листовка к бастовавшим рабочим шерстяной фабрики Торнтона (автор – Ульянов) была ее первым обращением вовне[170]. За ней в столице стали появляться и другие марксистские печатные прокламации. Вспоминал Шелгунов: «Их было выпущено четыре или пять… Под ними стояла подпись “Группа социал-демократов”. ВИ поставил вопрос о том, что нужно создать организацию». Ее основы закладывались на тайных встречах на снятой Шелгуновым конспиративной квартире[171].

От прокламаций решили перейти к газете. В первый номер планировавшейся к изданию «Рабочей газеты» была заверстана написанная Ульяновым передовица «О чем думают наши министры?»[172]. Но первыми читателями газеты стали не трудящиеся столицы, а сотрудники спецслужб, которые на этом этапе и пресекли деятельность Ульянова с коллегами. Сильвин запомнил «торжественное собрание всего нашего кружка на квартире Степана Ивановича Радченко 6 декабря 1895 года, где читался первый номер “Рабочего дела”, все статьи которого принадлежали членам нашего кружка, включая Мартова… Этот номер в рукописи был арестован в ночь на 9 декабря у Ванеева, который должен был передать его в типографию»[173]. Крупская немного иначе описывала фабулу событий: «8 декабря было у меня на квартире заседание, где окончательно зачитывался уже готовый к печати номер. Он был в двух экземплярах. Один экземпляр взял Ванеев для окончательного просмотра, другой остался у меня»[174].

Девятого декабря пошли аресты, в тюрьме оказалась добрая

половина организации, включая и Ульянова. Так появились новые «декабристы». «Чтобы доказать, что полиция ошиблась в адресе», и тем облегчить участь арестованных товарищей, оставшиеся, с Мартовым во главе, решили ускорить официальное оформление организации: 15 декабря была выпущена прокламация, впервые обращавшаяся к рабочим от имени «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»[175].

«Двоих из нас это тюремное заключение сломило навсегда, – говорил Кржижановский. – А. Ванеев получил жесточайший туберкулез, скоро сведший его в могилу, а П. Запорожец захворал неизлечимой формой мании преследования»[176]. Ульянова тюрьма скорее закалила.

В доме предварительного заключения составили портрет обвиняемого: «Рост 2 арш. 5 ½ вершка (166–167 см. – *В.Н.*), телосложение среднее, наружность производит впечатление приятное, волосы на голове и бровях русые, прямые, на усах и бороде рыжеватые, глаза карие, средней величины, голова круглая, средней величины, лоб высокий, нос обыкновенный, лицо круглое, черты его правильные, рот умеренный, подбородок круглый, уши средней величины»[177]. 21 декабря подполковник Отдельного корпуса жандармов Клыков допрашивал обвиняемого, который играл в несознанку: «Не признаю себя виновным в принадлежности в партии социал-демократов или какой-либо партии… Противоправительственной агитацией среди рабочих не занимался»[178].

И далее в том же духе. Ни в чем Ульянов не сознается. А домой он 2 (14) января 1896 года писал: «Литературные занятия заключенным разрешаются: я нарочно справлялся об этом у прокурора, хотя знал и раньше (они разрешаются даже для заключенных в тюрьме). Он же подтвердил мне, что ограничений в числе пропускаемых книг нет… Книг нужно много»[179]. Списки специализированной литературы по социально-экономической проблематике, которые составлял заключенный Ульянов, выглядели весьма впечатляюще – от Рикардо и второго тома «Капитала» до земско-статистических сборников по Воронежской губернии. И он эти книги получал.

Анна Ильинична подтверждала: «То была полоса довольно благоприятных условий сидения… Передачи пищи принимались три раза в неделю, книги – два раза… ВИ, налаживаясь на долгое сидение, ожидая далекой ссылки после него, решил использовать за это время и питерские библиотеки, чтобы собрать материал для намеченной им работы – «Развитие капитализма в России»… ВИ обучил меня еще на воле основам шифрованной переписки, и мы переписывались с ним очень деятельно, ставя малозаметные

точки или черточки в буквах и отмечая условным знаком книгу и страницу письма… И, вспомнив одну детскую игру, ВИ стал писать молоком между строк книги, что должно было проявлять нагреванием на лампе. Он изготовил себе для этого крошечные чернильницы из черного хлеба, с тем чтобы можно было проглотить их, если послышится шорох у двери…»[180]. Этот сюжет станет хитом многочисленных детских книг о Ленине в советское время.

Еды помимо «чернильниц» хватало. «Получил вчера припасы от тебя, – сообщал он Анне, – и как раз перед тобой еще кто-то принес мне всяких снедей, так что у меня собираются целые запасы: чаем, например, с успехом мог бы открыть торговлю, но думаю, что не разрешили бы, потому что при конкуренции с здешней лавочкой победа осталась бы несомненно за мной… Здоровье вполне удовлетворительно. Свою минеральную воду я получаю и здесь: мне приносят ее из аптеки в тот же день, как закажу. Сплю я часов по девять в сутки и вижу во сне различные главы будущей своей книги»[181]. Приглашал к себе Ульянов и дантиста.

Мария Ильинична отмечала, что, «как это ни странно может показаться», заключение в «предварилке», где Владимир пробыл больше года, положительно повлияло «в смысле его желудочной болезни»: «Правильный образ жизни и сравнительно удовлетворительное питание (за все время своего сидения он все время получал передачи из дома) оказали и здесь хорошее влияние на его здоровье. Конечно, недостаток воздуха и прогулок сказался на нем – он сильно побледнел и пожелтел, но желудочная болезнь давала меньше себя знать, чем на воле»[182].

На свободе жизнь шла своим чередом. Дмитрий Ульянов летом 1896 года «давал уроки в Смоленской губернии, а мама и сестры (Анна Ильинична и Мария Ильинична) жили в Финляндии на даче, где-то у Белоострова, для того, чтобы быть ближе к Питеру… так как он продолжал сидеть, и они организовали ему передачи… Осенью я приехал в Питер на пару дней и ходил на свидание»[183]. «Союз борьбы», несмотря на аресты, продолжал функционировать. «Листковая агитация имела большой успех. Стачка 30 тысяч питерских текстилей, разразившаяся летом 1896 г., прошла под влиянием социал-демократов и многим вскружила голову»[184], – замечала Крупская, также поддерживавшая заключенного.

Как замечал Леонид Млечин, «поначалу Крупская была для Ленина, говоря современным языком, заочницей, то есть женщиной на воле, которой зэки пишут обширные и жалостливые послания: ВИ переписывался с ней, сидя в петербургской тюрьме.

Как это принято среди заключенных, стал называть ее невестой, ведь обычно заочницам обещают, выйдя на свободу, жениться на них»[185].

Приговора ждали с волнением, не исключали длительной каторги. Поэтому, как свидетельствовала Анна, вынесенный в феврале 1897 года «приговор к ссылке на три года в Восточную Сибирь был встречен всеми прямо-таки с облегчением»[186]. Как итог очередных хлопот матери, Владимиру разрешили отправиться в Сибирь не по этапу, а своим ходом, и он был избавлен от скитаний по пересылочным тюрьмам. Ехал долго и не без удобств.

Три дня он мог вкушать столичную жизнь в компании коллег и товарищей, а потом ему разрешили держать путь через Москву. Там он задержался даже дольше установленного срока в семейном кругу. «Жил он у нас на Собачей площадке и ходил каждый день с утра в Румянцевский музей… потому что хотел использовать материал для работы “Развитие капитализма в России”, – запомнил брат Дмитрий. – Он брал с собой Марию Ильиничну, чтобы она ему помогала делать выписки»[187].

Родня распрощалась с Владимиром 22 февраля. «Он обещал писать домой часто и действительно писал нам чаще, чем в другие периоды своей жизни». Мать хотела ехать за непутевым сыном. «ВИ поощрял больше план съездить нам обеим с мамой на лето в Швейцарию, куда убеждал сестру Марию Ильиничну ехать еще раньше, бросив гимназию, плохо отражавшуюся на ее здоровье. Этот план, в конце концов, и осуществился»[188], – рассказывала Анна Ильинична.

Путь ссыльного лежал – без полицейского эскорта – железной дорогой в Сибирь. 2-го марта Ленин писал матери со станции Обь: «Несмотря на дьявольскую медленность передвижения, я утомлен дорогой несравненно меньше, чем ожидал… Это мне самому странно, ибо прежде, бывало, какие-нибудь 3 суток от Самары до С.- Петербурга и то измают. Дело, вероятно, в том, что и здесь все ночи без исключения прекрасно сплю».

Вообще-то Ульянову проходным свидетельством был назначен город Иркутск. Но, доехав до Красноярска, он написал прошение иркутскому генерал-губернатору «разрешить мне остаться в городе Красноярске впредь до распоряжения о назначении мне места жительства… Вместе с тем я ходатайствую о назначении мне места жительства, ввиду слабости моего здоровья, в пределах Енисейской губернии и, если возможно, в Красноярском или Минусинском округе». В ожидании решения Владимир задержался на пару месяцев в Красноярске. Сестре Марии он сообщал 27 марта: «…Живу по-прежнему, шляюсь в

библиотеку, за город, шляюсь просто по окрестностям для прогулки, шляюсь к знакомым, сплю за двоих, – одним словом, все как быть следует».

О том, что местом ссылки будет Шушенское, неофициально стало известно 17 апреля, о чем Владимир сообщал сестрам: «Лето я проведу, следовательно, в “Сибирской Италии”, как зовут здесь юг Минусинского округа… Между тем и здесь окрестности города, по реке Енисею, напоминают не то Жигули, не то виды Швейцарии… Здесь я живу очень хорошо: устроился на квартире удобно – тем более что живу на полном пансионе»[189].

В Красноярске воссоединился с другими «декабристами», которые «были разосланы по другим селам. В худшие условия попал – очевидно как еврей – Ю. О. Цедербаум. Он был сослан в самый северный пункт, в Туруханск…»[190]. Остальные товарищи по несчастью расселились неподалеку. Кржижановский рассказывал: «Мы были одними из первых социал-демократов, очутившихся в Восточной Сибири, и вся старая ссылка присматривалась к нам со смешанным чувством любопытства и недоверия… Мы со Старковым при этом были назначены в село Тесинское, а ВИ в село Шушенское, находившееся от нас в расстоянии, несколько большем 100 верст»[191].

«Шу-шу-шу – село недурное, – писал Владимир сестрам 18 мая. – Правда, лежит оно на довольно голом месте, но невдалеке (версты 1½ – 2) есть лес, хотя и сильно повырубленный… На горизонте – Саянские горы или отроги их; некоторые совсем белые, и снег на них едва ли когда-либо стаивает. Значит, и по части художественности кое-что есть, и я недаром сочинял еще в Красноярске стихи: “В Шуше, у подножья Саяна…”, но дальше первого стиха ничего, к сожалению, не сочинил!» На этом поэтический пыл Ленина навсегда погас, так и не вспыхнув ярким светом.

В плохом настроении окружающая действительность представлялась менее поэтично. «Село большое, в несколько улиц, довольно грязных, пыльных – все как быть следует. Стоит в степи – садов и вообще растительности нет. Окружено село… навозом, который здесь на поля не вывозят, а бросают прямо за селом, так что для того, чтобы выйти из села, надо всегда пройти через некоторое количество навоза. У самого села речонка Шушь, теперь совсем обмелевшая. Верстах в 1–1 ½ от села (точнее, от *меня*: село длинное) Шушь впадает в Енисей, который образует здесь массу островов и протоков, так что к главному руслу Енисея прохода нет. Купаюсь я в самом большом протоке, который теперь тоже сильно мелеет»[192].

Ни в чем серьезно не нуждался, жизнь в Сибири была

дешевой. «Например, ВИ за свое “жалованье” – восьмирублевое пособие – имел чистую комнату, кормежку, стирку и чинку белья, – и то считалось, что дорого платит, – расскажет Крупская. – Правда, обед и ужин был простоват – одну неделю для ВИ убивали барана, которым кормили его изо дня в день, пока всего не съест; как съест – покупали на неделю мяса, работница… рубила купленное мясо на котлеты для ВИ, тоже на целую неделю. Но молока и шанег было вдоволь и для ВИ, и для его собаки, прекрасного гордона – Женьки, которую он выучил и поноску носить, и стойку делать, и всякой другой собачьей науке»[193]. В годы «военного коммунизма», когда по инициативе Ленина у крестьян отберут все «излишки» продовольствия, сопротивление советской власти в Сибири будет особенно сильным.

Летом мать и сестра поехали отдыхать в Европу. Переписка из Шушенского шла с Варшавой, швейцарскими курортами. А ссыльный жаловался, что «жизнь слишком однообразна… день ото дня отличается только тем, что сегодня читаешь одну книгу, завтра – другую; сегодня идешь гулять направо от села, завтра – налево; сегодня пишешь одну работу, завтра – другую. Здоров я, конечно, вполне, охочусь иногда». Была возможность и путешествовать для встреч с товарищами, и принимать их у себя.

Вернувшись от Кржижановского и Старкова, 30 сентября писал матери: «Тесинцы устроились отлично. Занимают прекрасную квартиру в большом двухэтажном доме (в Шуше и дома-то такого нет), лучшем в селе. Занимают весь верх, 4 больших комнаты с кухней и прихожей в придачу». На Рождество 1897/98 года уже Кржижановский приезжал в гости, и Ульянов рассказывал, что «праздники были нынче в Шу-шу-шу настоящие, и я не заметил, как прошли эти десять дней». Кржижановский пел, «так что мои молчаливые комнаты сильно повеселели с его приездом и опять затихли с отъездом»[194].

Ульянов был полон творческих замыслов. Тем более что публиковаться даже ссыльным было где. К весне 1897 года в руки марксистов перешел петербургский ежемесячный журнал «Новое слово», в котором наряду со статьями Ульянова, Струве и Туган-Барановского впервые стали появляться статьи Мартова, в художественном отделе видное место занял молодой Максим Горький[195]. 24 января 1898 года Ульянов писал сестре Анне: «У меня теперь в голове все планы об издании своих статей особой книгой… Озаглавить бы можно хоть: “К оценке романтических учений народничества”».

Романтические чувства посещали не только народничество. 8 января административно-ссыльный Ульянов телеграфировал в

Петербург директору Департамента полиции: «Имею честь просить разрешить моей невесте Надежде Крупской переезд в село Шушенское». Родные уже интересовались перспективами приглашения на свадьбу с невестой «декабриста». «Какая быстрая! – отвечал он Анне. – Сначала надо еще Надежде Константиновне приехать, затем на женитьбу надо разрешение начальства – мы ведь люди совсем бесправные. Вот тут и “приглашай!”»[196].

Создание Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) обошлось без Ленина. Первый, учредительный съезд прошел в Минске 1–3 (13–15) марта 1898 года, участвовали 9 человек, представлявших «Союзы борьбы» Петербурга, Москвы, Киева и Екатеринослава, а также «Рабочую газету» и еврейский Бунд. В Манифесте съезда, составленном Струве, говорилось, что «полная свобода нужна русскому пролетариату, как чистый воздух нужен для здорового дыхания. Она – основное условие его свободного развития и успешной борьбы за частные улучшения и конечное освобождение». Съезд выбрал Центральный комитет (ЦК) партии (в составе Степана Радченко от «Союза освобождения», Арона Иосифовича Кремера – от Бунда и Бориса Львовича Эйдельмана – от «Киевской рабочей газеты»), объявил «Рабочую газету» ее Центральным органом (ЦО), постановил начать издание брошюр, поручив их редактирование Ульянову, и возложить представительство партии за границей на «Союз русских социал-демократов», основанный в 1895 году группой «Освобождение труда».

Однако уже через несколько недель прошли аресты, снесшие зачаточные основания юной партии. За решетку попали и свежеизбранный ЦК, и Центральный комитет Бунда, и представители ряда местных организаций. Была потеряна и нелегальная типография, в которой намеревались печатать «Рабочую газету». «От только что основанной “партии” остались лишь ее “манифест” и название, подхваченное местными организациями, которые именно с этого времени начали множиться и расти и, одна за другой, превращаться из “Союзов борьбы” в “комитеты РСДРП”»[197]. Мельчайшие капельки ртути, рассеянные по просторам России и некоторым европейским столицам, начали стекаться в каплю, называвшую себя РСДРП.

И сразу же, не успев возникнуть, российская социал-демократия (эсдеки) стала колоться. Началась полемика между умеренными социал-демократами, получившими потом название «экономистов» и выступавших за защиту социально-экономических прав трудящихся, за осторожную просветительскую работу в кружках и группировавшихся вокруг

журнала «Рабочее дело»; и сторонниками политической борьбы, революционной агитации против царизма, организации стачек с помощью листовок, которых стали называть «левыми», или «революционными», социал-демократами, во главе с Плехановым и группой «Освобождение труда». Стоит ли говорить, где окажется Ульянов.

Среди задержанных властями по итогам I съезда была и Крупская. «Мне дали три года Уфимской губернии, я перепросилась в село Шушенское Минусинского уезда, где жил ВИ, для чего объявилась его “невестой”»[198]. 8 марта 1898 года Ленин писал матери: «С Надеждой Константиновной пришли мне, пожалуйста, побольше финансов… Расходы могут предстоять изрядные, особенно если придется обзаводиться своим хозяйством, так что я намерен прибегнуть к изрядному округлению своего долга и к повторному внутреннему займу. К осени, вероятно, получу за перевод достаточно для покрытия долгов…»[199].

Крупская вместе со своей матерью Елизаветой Васильевной объявилась в Шушенском 7 (19) мая. Как вспоминала Надежда, «мы приехали в сумерки; ВИ был на охоте. Мы выгрузились, нас повели в избу. В Сибири – в Минусинском округе – крестьяне очень чисто живут, полы устланы пестрыми самотканными дорожками, стены чисто выбелены и украшены пихтой. Комната ВИ хоть и невелика, но также чиста. Нам с мамой хозяева уступили остальную часть избы. Наконец, вернулся с охоты ВИ. Удивился, что в его комнате свет… Ильич быстро взбежал на крыльцо. Тут я навстречу ему из избы вышла. Долго мы проговорили в ту ночь»[200].

Владимир через пару дней делился с Марией Александровной: «Я нашел, что Надежда Константиновна высмотрит неудовлетворительно – придется ей здесь заняться получше своим здоровьем. Про меня же Елизавета Васильевна сказала:

– Эк Вас разнесло! – отзыв, как видишь, такой, что лучше и не надо!»

Крупская же рассыпалась в комплиментах жениху (в письме Марии Ильиничне): «По-моему, он ужасно поздоровел, и вид у него блестящий сравнительно с тем, какой был в Питере. Одна здешняя обитательница полька говорит: “пан Ульянов всегда весел”». А 14 июня Крупская сообщала будущей свекрови: «Мы каждый день ходим по вечерам гулять, мама-то далеко не ходит, ну а мы иногда и подальше куда-нибудь отправляемся. Вечером тут совсем в воздухе сырости нет и гулять отлично. Комаров хотя много, и мы пошили себе сетки, но комары почему-то специально

едят Володю, а в общем жить дают»[201].

Полагаю, в планы Ульянова не входила женитьба. В письме матери он был откровенен: «Н.К., как ты знаешь, поставила трагикомическое условие: если не вступит *немедленно* (sic!) в брак, то назад, в Уфу. Я вовсе не расположен допускать сие, и потому мы уже начинаем “хлопоты” (главным образом прошения о выдаче документов, без которых нельзя венчать)»[202]. Бракосочетание затягивалось. Владимир то ли жаловался, то ли оправдывался: «Прошение о высылке необходимых документов я подал почти месяц назад и в Минусе сам ходил справляться к исправнику о причинах волокиты. Оказалось (сибирские порядки!), что в Минусе нет *до сих пор* моего статейного списка… Придется выписывать его из Красноярска… Во всяком случае, раньше июля свадьба теперь состояться не может»[203].

Брак был зарегистрирован 10 (22) июля. На свадьбу подъехали Кржижановский, Старков, другие ссыльные, но свидетелями выступили шушенские обитатели – Ермолаев и Журавлев. Поздравление поступило и от Аполлинарии Якубовой, отбывавшей ссылку под Красноярском. Молодые обвенчались, но обручальных колец никогда не носили. И ночевать предпочитали в разных комнатах.

Справили новоселье. «Так как у Зыряновых мужики часто напивались пьяными, да и семейным образом жить так было во многих отношениях неудобно, мы перебрались вскоре на другую квартиру – полдома с огородом наняли за четыре рубля. Зажили семейно. Летом никого нельзя было найти в помощь по хозяйству. И мы с мамой вдвоем воевали с русской печкой… В огороде выросла у нас всякая всячина – огурцы, морковь, свекла, тыква; очень я гордилась своим огородом. Устроили из двора сад – съездили мы с Ильичем в лес, хмелю привезли, сад соорудили. В октябре появилась помощница, тринадцатилетняя Паша, худющая, с острыми локтями, живо прибравшая к рукам все хозяйство»[204]. Детский труд борцы за свободу запретят позднее.

Сами же ссыльные занялись чтением, прогулками и литературным трудом. Совместными усилиями молодожены принялись за переводы, взяв для начала книгу супругов Вебб о британском тред-юнионизме. Но при этом Крупская жаловалась Марии Ильиничне: «Вот нам с Володей с языками беда, оба плоховато их знаем, возимся с ними, возимся, а все знаем плохо. Опять принялись за английский. Который это уже раз!»[205]. При плохом знании английского помог немецкий перевод. «С утра мы брались с ВИ за перевод Вебба, который достал мне Струве… Как-то прислал Потресов на две недели книжку Каутского против Бернштейна, мы побросали все дела и перевели ее в срок – в две

недели»[206].

Ульянов публиковался. «Он во время ссылки написал и ряд статей, помещавшихся частью в тогдашнем легальном марксистском журнале “Новое слово” и собранных затем в одну книжечку…»[207]. Этот сборник его произведений – «Экономические этюды и статьи» – вышел в Петербурге в 1898 году. Автором значился Владимир Ильин.

В Шушенском он скоро стал личностью популярной – как знаток законов – после того, как «помог одному рабочему, выгнанному с приисков, выиграть дело против золотопромышленника. Весть об этом выигранном деле быстро разнеслась среди крестьян. Приходили мужики и бабы и излагали свои беды… Собственно говоря, заниматься юридическими делами ВИ не имел права как ссыльный, но тогда времена в Минусинском округе были либеральные. Никакого надзора фактически не было».

Прогулки, охота. Защитникам животных и любителям дикой природы не рекомендую читать следующий отрывок из воспоминаний Крупской: «ВИ был страстным охотником, завел себе штаны из чертовой кожи и в какие только болота не залезал. Ну, дичи там было!.. ВИ был страстным охотником, только горячился очень. Осенью идем по далеким просекам. ВИ говорит:

– Знаешь, если заяц встретится, не буду стрелять, ремня не взял, неудобно будет нести.

Выбегает заяц, ВИ палит. Поздней осенью, когда по Енисею шла шурга (мелкий лед), ездили на острова за зайцами. Зайцы уже побелеют. С острова деться некуда, бегают, как овцы, кругом. Целую лодку настреляют, бывало, наши охотники».

Ссыльные продолжали активную светскую жизнь. «Получали письма из далекой ссылки – из Туруханска от Мартова, из Орлова Вятской губернии от Потресова… Из Минусинска (Шушенское было в 50 верстах от него) писали Кржижановские, Старков; в 30 верстах в Ермаковском жили Лепешинский, Ванеев, Сильвин…; в 70 верстах в Теси жили Ленгник, Шаповал, Барамзин, на сахарном заводе жил Курнатовский»[208]. Владимир съездил в Красноярск, откуда сообщал 16 сентября: «Поездкой своей сюда я очень доволен: вылечил себе зубы и проветрился несколько после 1½-годового шушенского сидения. Как ни мало в Красноярске публики, а все-таки после Шуши приятно людей повидать и поразговаривать об охоте и о шушенских “новостях”».

Рождество начинающее семейство отпраздновало в Минусинске. «На Рождество в город съехался почти весь округ, так что Новый год встретили большой компанией, и встретили очень весело… Сварили глинтвейн; когда он был готов,

поставили стрелку на 12 часов и проводили старый год с честью, пели все, кто во что горазд, провозглашали всякие хорошие тосты: “за матерей”, “за отсутствующих товарищей” и т. д., а в конце концов плясали под гитару».

Третьего марта 1899 года Ульянов писал матери: «Посылаю тебе сегодня, дорогая мамочка, остальные две тетради своих “рынков”… Наконец-то покончил я с работой, которая одно время грозила затянуться до бесконечности». Из тетрадок вышла книга «Развитие капитализма в России». Опубликовать помог Струве, более того, именно он и дал ленинскому труду это название. Хотя оно автору не понравилось: «Надо бы поскромнее, чем “Развитие капитализма в России”. Это слишком смело, широко и многообещающе»[209]. А Струве не понравилась сама книга, она наводила на него «эстетическое уныние», поскольку в ней отсутствовало какое-либо «движение мысли»[210].

По весне ульяновская родня было собралась проведать молодоженов в Шушенском. Владимир идею поддерживал: «Как дача, Шуша ничего себе, немногим хуже, я думаю (если хуже), других дач. Вопрос только в дороге»[211]. Но в дорогу так никто и не собрался.

В августе Ленин получил из Петербурга от сестры Анны манифест группы «экономистов» во главе с Екатериной Дмитриевной Кусковой, названный «Credo “молодых”». Ленин написал ответ, ставший известным как Anti-Credo, или «Протест российских социал-демократов», под которым подписались еще 19 единомышленников. Ленинский ответ стал широко известен в узких революционных кругах. Мартов рассказывал: «Появление “Credo” оживило мою переписку с В. И. Ульяновым и А. Н. Потресовым… В конце последнего года ссылки я получил поэтому от В. И. Ульянова письмо, к котором он мне глухо предлагал “заключить тройственный союз”, в который входили бы, кроме нас двух, еще А. Н. Потресов, для борьбы с ревизионизмом и “экономизмом”. Этот союз, прежде всего, должен соединить силы с группой “Освобождение труда”»[212].

У Ленина в голове уже существовал четкий организационный план. Он пришел к выводу, что в России сложился достаточный уровень капиталистических отношений, чтобы обеспечить определяющую роль пролетариата в революционном движении. Центральные звенья его плана – партия и нелегальная газета. «… Идея не только деятельного участия социал-демократии в политической борьбе, но ее руководящего участия, ее гегемонии, как представительницы рабочего класса, и была той платформой, на которой в годы ссылки, путем переписки, подготовлялся, а по окончании ссылки в 1900 году осуществился «тройственный

союз» наиболее талантливых деятелей старого петербургского “Союза борьбы” – Ленина, Мартова и Потресова – для “завоевания партии”. Орудием этого завоевания должна была служить намеченная к изданию за границей, совместно с группой “Освобождение труда”, большая политическая газета»,[213] – писал Федор Дан.

Теперь Ленин переживал, чтобы только не застрять в ссылке. Подтверждала супруга: «ВИ перестал спать, он страшно исхудал». И в это время нагрянула полиция. «Обыск сошел благополучно, но боязно было, чтобы не воспользовались предлогом и не накинули еще несколько лет ссылки. Побеги были еще тогда не так обычны, как позднее, – во всяком случае, это бы осложнило дело». Обошлось.

Срок ссылки истек 29 января (10 февраля) 1900 года. Как пишет Крупская, «мы двинулись в Россию». Сибирь, как видим, Россией не считали. Не отходившую от Владимира собаку Женьку бросили, оставив соседям. Доехали сначала до Минусинска, где собрались возвращавшиеся ссыльные. «Наконец, урядившись в валенки, дохи и пр., двинулись в путь. Ехали на лошадях 300 верст по Енисею, день и ночь, благо луна светила вовсю»[214].

Супруги вынуждены были разделиться: у Надежды срок ссылки еще не истек, и остаток его она отбывала в Уфе. Супруг ее туда отвез, побыл пару дней и, «поговоривши с публикой и перепоручив меня с мамой товарищам, двинулся дальше, ближе к Питеру».

Куда ехать? Незадолго до этого была арестована сестра Мария, ее занятия в Брюссельском университете были прерваны, ее выслали в Нижний Новгород. Брат Дмитрий тоже прошел по своему первому делу и жил под надзором полиции в Туле. Несчастная мать путешествовала то в Тулу, то в Нижний[215].

Дмитрий Ильич встретил брата в Подольске. «ВИ выглядел поздоровевшим, поправившимся, совсем, конечно, не так, как после предварилки»[216]. Вместе они приехали в Москву. «Мы жили в то время на окраине Москвы у Камергер-Коллежского вала, по Бахметьевский улице… Первым раздалось горестное восклицание матери:

– Как же ты писал, что поправился? Какой же ты худой!» – вспоминала Анна Ильинична.

Возвращающимся из ссылки тогда запрещалось жить в столицах и еще в шести десятках крупных городов. Ульянов еще в Сибири выбрал из оставшихся Псков, «как более близкий к Петербургу, и согласился относительно этого местожительства с Цедербаумом и Потресовым»[217].

Попытался перевести в Псков и супругу, для чего 10 (23) марта 1900 года писал директору Департамента полиции: «Окончив в настоящем году срок гласного надзора, я вынужден был избрать себе для жительства из немногих разрешенных мне городов город Псков, ибо только там я нашел возможным продолжить свой стаж, числясь в сословии присяжных поверенных, подведомственных С.- Петербургскому совету присяжных поверенных». Просил разрешить жене «отбывать оставшуюся еще треть назначенного ей срока гласного надзора не в Уфимской губернии, а в городе Пскове… Наконец, я в течение уже многих лет страдаю катаром кишок, который еще усилился вследствие жизни в Сибири, и теперь я крайне нуждаюсь в правильной семейной жизни»[218]. Полиция ответила отказом.

А Надежда в Уфе болела. Из письма Владимира матери 6 апреля: «Надя, должно быть, лежит: доктор нашел (как она писала с неделю назад), что ее болезнь (женская) требует упорного лечения, что она должна на 2–6 *недель* лечь». Женские болезни бывают чреваты бесплодием. Не эта ли болезнь явилась причиной того, что Ленин не оставит потомства? Кто знает…

Но зато 5 мая он не без удовлетворения информировал Марию Александровну: «Вчера получил свидетельство от местного полицмейстера о неимении с его стороны препятствий к отъезду моему за границу, сегодня внес пошлину (десять рублей)

и через два часа получу заграничный паспорт. Значит, двинусь летом в теплые края; немедленно ехать отсюда я не могу, потому что надо еще снестись с редакциями и некоторыми издателями переводов и покончить некоторые денежные дела…»[219].

В планах Ульянова – ни много ни мало – созвать Второй съезд РСДРП. Он полагал, что сделать это лучше за рубежом. «Повальные аресты на юге в апреле 1900 года – и Лалаянца в том числе – убедили окончательно ВИ в невозможности созвать съезд в России, – подтверждала Анна Ильинична. – Он говорил мне об этом в июле, перед отъездом за границу…»[220].

Но грандиозным планам чуть не помешал провал. Ульянов с Мартовым зачем-то рискнули – с нелегальной литературой – сунуться в Царское Село. Александром Исаевичем Солженицыным в величественном «Красном колесе» этот эпизод выделен как одна из тех точек, откуда история могла принять другую траекторию, не будь недоразумений и случайностей. Тогда «с корзинкой нелегальщины, с химическим письмом о плане “Искры”, – перемудрили, переконспирировали: полагается в пути менять поезда, не подумали, что тот пойдет через Царское, – и в нем заподозрены, взяты жандармами, и только по спасительной российской неповоротливости полиция дала им время сбыть корзину, а письмо прочла по наружному тексту, не удосужившись подержать над огнем – и тем была спасена “Искра”!»[221]. А сколько еще будет таких развилок, когда случай (или Провидение?) вел Ленина, а значит, и нашу историю.

Ульянов провел в заключении с 21 по 31 мая (3–13 июня) 1900 года. Приехал в Подольск «сияющий», и «даже с заграничным паспортом в кармане, – вспоминала Анна. – Оказалось, улик не было найдено: ВИ и Цедербаум, арестованные вместе, были признаны виновными лишь в неразрешенной поездке в Петербург». Но погостил недолго. До отъезда за границу решил съездить в Уфу, повидаться с женой. Компанию составили мать и сестра Анна.

«И вот мы втроем выехали по железной дороге в Нижний, с тем чтобы продолжить путь на пароходе… Был июнь месяц, река была в разливе, и ехать на пароходе по Волге, потом по Каме и, наконец, по Белой было дивно хорошо. Мы проводили все дни на палубе». Задержался в Уфе около трех недель. «В Уфе Владимир Ильич виделся с местными товарищами… Мы с матерью уехали через три дня; он же оставался дольше и назад поехал по железной дороге… По возвращении в Подольск собрался скоро за границу. Недели через две после него выехала туда же и я»[222], – писала Анна.

Прибытию Ульянова сотоварищи в Европу ветераны российской социал-демократии были – поначалу – рады. Аксельрод расскажет: «Только после десяти лет активной пропаганды нам, наконец, удалось привлечь на свою сторону небольшое меньшинство молодых революционеров. В первых рядах молодых “новообращенных” был Ленин, который, отбыв срок ссылки в Сибири, вместе с Л. Мартовым и А. Потресовым приехал в 1900 г. в Швейцарию, чтобы помочь “Группе Освобождения Труда” организовать широкую пропаганду наших взглядов, литературную и личную, и объединить существовавшие тогда силы молодой русской социал-демократии»[223].

Ульянов вновь поколесил по Старому Свету. В августе 1900 года информировал мать из Нюрнберга: «…Я писал тебе уже дважды из Парижа и теперь пишу с дороги (ездил кататься на Рейн). Я здоров и провожу время недурно: видел на днях Анюту, катался с ней по одному очень красивому озеру и наслаждался прелестными видами при хорошей погоде…»[224]. В том же месяце в местечке Бельрив близ Женевы прошло совещание, давшее начало «Искре» и «Заре». Участвовали Плеханов, Засулич, Ульянов, Потресов, Бауман и Стеклов.

Юрий Михайлович Стеклов (Нахамкис) впервые встретил Ленина: «Жил он тогда в крестьянском домике недалеко от Женевы, вместе с Потресовым (Мартов временно задержался в России)… Ленин громко хохотал, изрекал безапелляционные приговоры, но больше выспрашивал, чем говорил… Однако хотя Ленин и шутил, откидываясь назад всем телом по известному ему приему, смеялся и рассказывал анекдоты, но сразу видно было, что это прирожденный вождь, вождь, которого не только выдвинула на это место история, но который и сам прекрасно сознает свое назначение. Это чувствовалось им самим и окружающими. Нельзя было сказать, что он навязывал свою волю и личность. Это делалось как-то естественно и незаметно. Даже Плеханов, который имел гораздо более богатый революционный стаж и научное образование, перед Лениным как-то отступал на второй план»[225].

И вокруг Ленина начало формироваться все расширявшееся конфликтное поле. Туган-Барановский в конце 1901 года прочитал одну из статей Ленина и делился своими ощущениями со Струве: «Боже, как все это кажется давно и по-детски наивно! Как смешно встречать этот задорный самоуверенный тон, эти запальчивые нападения на литературных противников, эту наивную уверенность, что мы нашли, наконец, самую настоящую истину, и эта истина заключена в “Капитале” Маркса… Так хотелось сказать – “маленький ты мальчик, не горячись, будь

спокойнее, то, что тебе кажется верным, вовсе не так верно – жизнь неизмеримо сложнее, глубже, таинственнее, чем ты это себе представляешь"…»[226].

Критики не знали, но скоро узнают, что Ленин был о них куда более плохого мнения, чем они о нем. Как и об остальных мыслителях, не придерживавшихся строгих рамок учения Маркса и Энгельса. Струве у Ленина проходил под кличкой Иуда. Потресову о статье Туган-Барановского он писал: «Черт знает что за глупый и претенциозный вздор!» Плеханову: «Из России пишут, что публика страшно увлекается *Бердяевым.* Вот кого надо бы разнести *не только* в специально-философской области»[227].

«Из искры возгорится пламя», – отвечали Пушкину на его послание сосланные декабристы. Название газеты – а это почти полдела – было готово. Редакцию «Искры» составили на паритетных началах из двух троек – Плеханов, Аксельрод, Засулич и Ленин, Потресов, Мартов. Секретарем редакции «Искры» была сначала Инна Гермогеновна Смидович. С весны 1901 года – Крупская.

Место выхода газеты определялось возможностями издания. Свидетельствовал видный уже на то время российский и немецкий социал-демократ Александр Львович Парвус (Израиль Лазаревич Гельфанд): «Когда Ленин, Мартов и Потресов посетили меня в Мюнхене и представили план издания газеты "Искра", я убедил их осесть в Мюнхене и именно так издавать свою газету. При этом я преследовал цель сблизить редакцию, состоящую из интеллигентов, с массовым рабочим движением немецкой социал-демократии»[228]. В Мюнхене под чужими именами поселились Ульянов и Потресов, к которым вскоре присоединились Мартов и Засулич, а «тайный набор и печатание газеты, первый номер которой вышел в декабре 1900 года, производились в Штутгарте, при известной социал-демократической типографии Дитца»[229].

«Прежде чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, необходимо решительно и определенно размежеваться»[230]. Этим парадоксальным принципом Ленин будет руководствоваться всю свою жизнь. На сей раз он уже размежевывался с грандами российской социал-демократии.

Ульянов, Мартов и Потресов позиционировали себя как самостоятельную группу. Это был очередной «ленинский ЦК» (или Политбюро, кому как нравится). «Мы представляем из себя самостоятельную литературную группу. Мы хотим остаться самостоятельными. Мы не считаем возможным вести дело без таких сил, как Плеханов и группа "Освобождение труда", но

отсюда *никто не вправе заключать,* что мы *теряем хоть частичку нашей самостоятельности*», – объяснял Ленин в сентябре 1900 года.

В «Заявлении редакции» в первом номере «Искры» он писал, что видит социал-демократию не как агитатора в стихийной борьбе пролетариата за свои права, а «как направленную против абсолютизма революционную партию, неразрывно связанную с рабочим движением. Только организованный в такую партию пролетариат, этот наиболее революционный класс современной России, в состоянии будет исполнить лежащую на нем историческую задачу: объединить под своими знаменами все демократические элементы страны и завершить упорную борьбу целого ряда погибших поколений конечным торжеством над ненавистным режимом». Для этого годятся любые средства, «лишь бы они соответствовали наличным силам партии и давали возможность достигать наибольших результатов, достижимых при данных условиях»[231].

У Крупской кончался срок ссылки, и Ленин отправился в российское консульство в Вене (в Мюнхене консульства не было, да и сам он шифровался, делая в переписке вид, что жил не в Мюнхене, а в Праге) хлопотать о выдаче ей загранпаспорта. Крупской с паспортом не отказали, и вскоре она появилась в Мюнхене и приступила к бурной деятельности. Именно она оказалась в центре сети, которую начали плести искровцы, а точнее – сам Ленин.

«Когда я приехала в Мюнхен, ВИ жил без прописки у… Ритмейера, назывался Мейером. Хотя Ритмейер и был содержателем пивной, но был социал-демократом и укрывал ВИ в своей квартире… ВИ, когда я приехала, рассказал, что он провел, что секретарем “Искры” буду я, когда приеду. Это, конечно, означало, что связи с Россией будут вестись все под самым тесным контролем ВИ. Дело было организовано так: письма из России посылались на различные города Германии по адресам немецких товарищей, а те все пересылали на адрес доктора Лемана, который все уже пересылал нам… Транспорта для перевозки “Искры” в Россию еще не было. “Искра” перевозилась главным образом в чемоданах с двойным дном с различными попутчиками, которые отвозили в Россию эти чемоданы в условленное место, на явки»[232].

Газету планировалось доставлять в Россию, перепечатывать в нелегальных типографиях и распространять, словами Ленина, через собственную «социалистическую почту», опираясь на сеть корреспондентов, агитаторов и иного рода «агентов». Чем должны заниматься агенты, Ленин объяснял одному из них – Виктору

Павловичу Ногину: «1) перевозка через границу литературы; 2) развозка по России; 3) организация рабочих кружков для распространения газеты и доставки сведений и т. п., т. е. вообще организация распространения газеты и организация тесных и правильных связей между ней и отдельными комитетами и группами».

Дела шли неважно. Жалобы на нехватку ресурсов почти во всех ленинских письмах того времени. Ульянов умолял Дана 22 марта: «Собирайте деньги. Мы доведены почти до нищенства, для нас получение крупной суммы – вопрос жизни». 24 марта: «Финансы – совсем швах, Россия не дает почти ничего. Перевозка – по-прежнему совершенно не налажена и случайна»[233].

В четвертом номере «Искры» – в мае 1901 года – Ульянов публикует «С чего начать?». Он убеждал, что «исходным пунктом деятельности, первым практическим шагом к созданию желаемой организации, наконец, основной нитью, держась которой мы могли бы неуклонно развивать, углублять и расширять эту организацию, – должна быть постановка общерусской политической газеты». Газета – это «не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор». Сеть ее агентов «будет остовом именно такой организации»[234]. Такой общероссийской газетой Ленин уже видел «Искру».

Редколлегия собиралась каждый день. «В начале первого – после обеда – приходил Мартов, подходили и другие, шло так называемое заседание редакции. Мартов говорил, не переставая, причем постоянно перескакивал с одной темы на другую… Для “Искры” Мартов был прямо незаменим. ВИ страшно уставал от этих ежедневных 5–6-часовых разговоров, делаясь от них совершенно болен, неработоспособен… Потом приехал Дан с женой и детьми»[235].

Потресов описывал трудности работы с Лениным: «Атмосфера общения с ним была в корне отравлена тем, что Ленин, в сущности, органически не переваривал мнений, отличных от его собственных. Поэтому всякое редакционное разногласие имело тенденцию превращаться в конфликт с резким ухудшением личных отношений, с открытием военных действий, с стратегическими хитростями и неистовыми усилиями дать, чего бы то ни стоило, перевес своим взглядам»[236]. Приезжал Струве. «ВИ отказался его видеть, – замечала Крупская. – Струве был страшно обижен. Пахнуло какой-то тяжелой достоевщиной»[237].

Ленин все сильнее подтягивал «искровское» одеяло на себя. Троцкий напишет: «Политическим руководителем “Искры” был Ленин. Главной публицистической силой газеты был Мартов…

Связи с Россией Ленин сосредоточил в своих руках. Секретарем редакции была жена его, Надежда Константиновна Крупская. Она стояла в центре всей организационной работы, принимала приезжавших товарищей, наставляла и отпускала отъезжавших, устанавливала связи, давала явки, писала письма, зашифровывала, расшифровывала. В ее комнате почти всегда был слышен запах жженой бумаги от нагревания конспиративных писем»[238].

Крупская плела сеть «искровцев» за границей и в России. В Европе незаменимы были Инна Смидович (конспиративная кличка – Димка) и ее брат Петр Гермогенович (Матрена) – специалисты по конспирации и поддельным паспортам. В Самаре действовали Кржижановский (Клэр, Брут) и его супруга Зинаида Павловна (Улитка), Мария Ильинична Ульянова (Медвежонок). Ленгник (Курц) работал в Полтаве, а затем в Киеве; Лидия Петровна Книпович (Дяденька) – в Астрахани; Лепешинский (Лапоть) и Любовь Николаевна Радченко (Паша) – в Пскове; Бауман (Виктор, Дерево, Грач) и Бабушкин (Богдан) – в Москве; Елена Дмитриевна Стасова (Гуща, Абсолют) – в Петербурге. Транспорт с изданиями и корреспонденцией шел через Вильно. На «Искру» работала типография в Баку, за которую отвечали братья Енукидзе под руководством Красина (Лошадь). Развозными агентами «Искры» были Иван Иванович Радченко (Аркадий, Касьян), Сильвин (Бродягин).

«Была переписка с агентами “Искры” в Берлине, Париже, Швейцарии, Бельгии. Они помогали, чем могли, отыскивая соглашающихся брать чемоданы, добывая деньги, связи, адреса и т. д.»[239].

Лето 1901 года Ульянов с супругой решили провести в городе, не перебираясь на лоно природы. Мюнхен к тому располагал. «Мы, например, имеем возможность и купаться каждый день в очень хорошей купальне по сравнительно не очень дорогой цене, и гулять есть где, да и недалеко и за город выбраться, – писал Ленин матери в июле. – Движение уличное здесь несравненно меньше, чем в таком же большом русском городе: это потому, что электрические конки и велосипеды совершенно оттеснили на задний план извозчиков»[240].

В сентябре – октябре супруги ездили в Цюрих на «Объединительный» съезд заграничных организаций РСДРП. Собственно, речь шла о союзе «искровцев» с «Рабочим делом», из которого ничего не вышло. «Акимов, Кричевский и другие договорились до белых слонов. Мартов страшно горячился, выступая против рабочедельцев, даже галстук с себя сорвал…

Плеханов блистал остроумием. Составили резолюцию о невозможности объединения. Деревянным голосом прочел ее на конференции Дан… Плеханов был весел и разговорчив. Жили мы в одном отеле, кормились вместе, и время прошло как-то особенно хорошо»[241]. Создали «Заграничную лигу» русской революционной социал-демократии. Из этого беспорядочного собрания Ульянов вынес убеждение в необходимости формирования дисциплинированной организации. Настоящей партии. Вернувшись из Цюриха, он дописал «Что делать?».

В ней он предложил: «Дайте нам организацию революционеров, и мы перевернем Россию!.. Единственным серьезным организационным принципом для деятелей нашего движения должны быть: строжайшая конспирация, строжайший выбор членов, подготовка профессиональных революционеров». Чуть позже он напишет: «У пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации». Партия должна состоять из двух частей – узкого круга руководящих профессиональных революционеров, «людей, которых профессия состоит в революционной деятельности». Ибо «десяток умников выловить гораздо труднее, чем сотню дураков». И из широкой сети периферийных парторганизаций, объединяющей членскую массу.

Социал-демократ должен был готов «*на все,* начиная от спасенья чести, престижа и преемственности партии в момент наибольшего революционного “угнетения” и кончая подготовкой, назначением и проведением *всенародного вооруженного восстания*». Конечная цель партии – свержение капитализма и утверждение социалистического строя. Ближайшая задача – свержение царизма и установление демократических порядков. «Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата»[242].

Потресов возмущался, что «создается концепция, в которой на первое место выступает централизованная организация профессиональных революционеров в качестве носительницы социалистического начала, а рабочее движение само по себе представляется идущим в направлении буржуазного развития»[243]. Но совершенно иной была реакция на «Что делать?» у работавшего в России революционного молодняка. Валентинов подтверждал: «Ленин воспевал “беззаветную решимость”, “энергию”, “смелость”, “инициативу”, “конспиративную ловкость” революционера и доказывал, что личность в революционном движении может творить “чудеса”… Она полыхала буйным волюнтаризмом (в ее основе, несомненно, лежало далеко

отходящее от марксизма “героическое понимание истории”), и ее призывы “водить”, действовать, бороться, проникаться “беззаветной решительностью»” находили у нас самый пламенный отклик»[244].

В декабре 1901 года вышедшие в «Заре» первые главы статьи «Аграрный вопрос и “критики Маркса”» были подписаны «Н. Ленин». Откуда этот псевдоним? Сам герой этой книги отказывался раскрыть тайну (и вообще-то псевдонимов у него за всю жизнь набралось больше полутора сотен). Может, от названия реки Лена – в пандан Плеханову, который был Волгиным. Так, по утверждению племянницы Ленина Ольги Дмитриевны, считали в семье Ульяновых[245]. А может, от имени реального Николая Ленина, паспортом которого Ульянов когда-то пользовался в конспиративных целях.

Как бы то ни было, появился Ленин. Вскоре появится и партия.

Глава 2
Орден меченосцев

Партия и Ленин —
близнецы-братья —
Кто более
матери-истории ценен?

Будет такая партия

На рубеже веков население Российской империи в массе своей оставалось политически индифферентным. Это категорически не устраивало лидеров плодившихся, как грибы после дождя, крошечных организаций, называвших себя партиями. Их генезис был весьма специфическим. На Западе консервативные партии имущей элиты возникали раньше других. У нас все было наоборот: первыми были радикальные левацкие группировки.

Другая специфическая черта: первые партии возникли не в столицах, а на национальной периферии. К рубежу столетий уже активно действовали польские, литовские, латышские, еврейские, армянские, украинские радикальные группы. Первой организацией в самой Великороссии, которая назвала себя партией, была «Народная воля». Социал-демократы, как мы знаем, заявили о себе в 1898 году. В 1902 году у РСДРП появятся новые конкуренты-союзники – социалисты-революционеры (эсеры).

Эсеры, борьбе с которыми (как, впрочем, и со всеми остальными) Ленин посвятит так много времени, объединили народнические группировки, переживавшие второе рождение на фоне протестного пробуждения деревни. Идеологом нового народничества выступил в первую очередь дворянин из Камышина Виктор Михайлович Чернов, попытавшийся выработать европеизированное социалистическое учение для страны с преимущественно крестьянским населением. Сформулировать программу коротко можно словами Чернова: «Бей чиновников царских, капиталистов и помещиков! Бей покрепче и требуй – земли и воли!»[246]. Устав боевой организации (БО) партии предусматривал «борьбу с самодержавием путем террористических актов»[247]. БО, которой руководили Гершуни, Азеф и Савинков, впервые громко заявила о себе покушением на министра внутренних дел Сипягина в апреле 1902 года, и с тех пор волна эсеровского терроризма только набирала силу. Не случайно осведомителям за выданного боевика эсеров платили тысячу рублей, а за большевика – только трешку.

Ленин торопил создание полноценной партии эсдеков внутри России, ее идейное и организационное оформление. Он сообщал Плеханову 7 июля 1901 года: «Из России нам опять пишут, что собирается съезд Российской социал-демократической рабочей партии – в одном городе даже приглашение получено. Крайне важно поспешить с программой… Кроме Вас и П.Б. (Аксельрода. –

В.Н.) ведь некому…» Первое обсуждение партийной программы, подготовленной Плехановым, состоялось на совещании редакции «Искры» в Мюнхене 21 января 1902 года. Ленин, как он это мог, подверг проект уничтожающей критике, хотя и не счел его безнадежным. Плеханов ответил критикой аграрной программы, вышедшей из-под пера Ленина. Тот обиделся и 14 мая писал старшему товарищу: «Хорошие у Вас понятия о такте в отношениях с коллегами по редакции! Вы даже не стесняетесь в выборе самых пренебрежительных выражений… Что же касается не деловых, а личных отношений, то их Вы уже окончательно испортили или вернее: добились их полного прекращения»[248].

«Борьба приняла очень драматический характер. Посредниками выступали Засулич и Мартов: Засулич от Плеханова, Мартов от Ленина… Вера Ивановна, по ее собственному рассказу, говорила Ленину:

– Жорж (Плеханов) – борзая: потреплет, потреплет и бросит, а Вы – бульдог: у вас мертвая хватка».

По словам Засулич, это сравнение Ленину очень понравилось»[249].

Плеханов предпочел замириться. 23 июня Ленин писал: «Дорогой Г. В.! Большой камень свалился у меня с плеч, когда я получил Ваше письмо, положившее конец мыслям о “междоусобии”. Чем неизбежнее казалось нам это последнее, тем тяжелее были такие мысли, ибо партийные последствия были бы самые печальные…»[250]. Но разрывов будет еще много.

Уютный и поначалу гостеприимный Мюнхен пришлось покинуть. Как объяснял участник «Заграничной лиги» и агент «Искры» Николай Леонидович Мещеряков, «искровцы» надеялись, что «этот небольшой городок на юге Германии не будет привлекать внимания, так как там русские никогда не создавали своих революционных организаций. Но было упущено из виду русское студенчество, которого в Мюнхене было очень много… За «искровцами» стали ходить студенческие хвосты… Заинтересовалась полиция. В результате пришлось бросить Мюнхен»[251].

Редакция переселялась в Лондон. Весной 1902 года, рассказывал бежавший туда из Сибири Николай Александрович Алексеев, «ВИ приехал в Лондон вместе с Надеждой Константиновной. Ю. О. Цедербаум приехал недели на две позже. Это было за несколько дней до убийства Балмашевым министра внутренних дел Сипягина.

– Чисто сделано, – сказал Владимир Ильич, когда, зайдя к нему однажды утром, я сообщил ему об этом событии…

Около недели с небольшим ВИ и НК прожили в одной из

многочисленных в Лондоне “спальных комнат”, сдаваемых от себя небогатыми квартирохозяевами, затем нашли себе две комнаты без мебели, недалеко от станции городской железной дороги – Кингс-Кросс-Роуд. В этих двух комнатах… ВИ и НК прожили все время до переселения “Искры” в Швейцарию (весной 1903 г.)». Из редакции газеты в Лондон переехала еще только Засулич. «Плеханов и Потресов приезжали только на время. Аксельрод за лондонский период “Искры” не приезжал ни разу»[252].

С точки зрения конспирации, рассказывала Крупская, «устроились как нельзя лучше. Документов в Лондоне тогда никаких не спрашивали, можно было записаться под любой фамилией. Мы записались Рихтерами. Большим удобством было и то, что для англичан все иностранцы на одно лицо, и хозяйка так все время и считала нас немцами»[253]. Ленин сказал Алексееву, что «прочие искровцы будут жить коммуной, он же совершенно не способен жить в коммуне, не любит быть постоянно на людях»[254].

В Англии было сложнее, чем в Германии, прежде всего из-за языка. «Когда приехали в Лондон, оказалось – ни мы ни черта не понимаем, ни нас никто не понимает, – признавала Крупская. – Попадали мы вначале в прекомичные положения. ВИ это вначале забавляло, но в то же время задевало за живое. Он принялся усиленно изучать язык. Мы стали ходить по всяческим собраниям, забираясь в первые ряды и внимательно глядя в рот оратору… Потом ВИ раздобыл через объявления двух англичан, желавших брать обменные уроки, и усердно занимался с ними. Изучил он язык довольно хорошо»[255].

Встреч со звездами старой эмиграции, а их в Лондоне тогда было множество – Кропоткин, Чайковский, Волховский, Ротштейн и другие, – Ленин избегал. Зато встретился с посетившим британскую столицу Павлом Николаевичем Милюковым, который желал повидать «искровцев». «Беседовали с ним главным образом Ю. О. Цедербаум и В. И. Засулич. ВИ при беседе не присутствовал, с ним Милюков виделся потом отдельно, – свидетельствовал Алексеев. – Милюков, отмечая огромную популярность марксизма, очень упрекал «искровцев» за полемику против террора после убийства Балмашевым Сипягина и уверял нас, что еще один-два удачных террористических акта – и мы получим конституцию…»[256].

Выступал Ленин пару раз в Уайтчепеле, где регулярно собирались рабочие, в основном из числа еврейских эмигрантов из России. В Лондоне его заинтересовали также зоопарк и читальный зал Британского музея. Выезжали на Prime Rose Hill,

откуда был виден «чуть не весь Лондон – задымленная громада» и откуда было недалеко до кладбища, где похоронен Карл Маркс. 27 ноября сообщал матери в Самару: «Погода стоит удивительно хорошая: в награду за мерзкое лето. И мы с Надей изъездили и исходили уже порядочное количество окрестностей, нашли и прехорошие места»[257].

Тихо, незаметно Ленин завоевывал все больший авторитет среди эсдеков. Собравшийся в мае 1902 года в Белостоке неофициальный «съезд» представителей семи социал-демократических организаций, в основном эмигрантских, уже показал идейное доминирование «искровцев». Один из них, Федор Дан, напишет: «Таким образом, “Искра” одержала полную победу. Но в двойном дне чемоданов, с которыми нелегально приехал на Белостокскую конференцию “искровский” делегат (им был автор этих строк), были доставлены в Россию первые несколько десятков новой книги Ленина “Что делать?”. Идеи, развитые в этой книге, оказались динамитом, через какой-нибудь год с небольшим взорвавшим единство победителей»[258]. В Белостоке успели принять решение о создании оргкомитета по созыву съезда партии. Но и этот оргкомитет был арестован.

Ленин почувствовал, что наступало его время. Время замахнуться на руководство той партией, которую он описал в «Что делать?». Жесткой, дисциплинированной, революционной. Вырвать партию из рук мягкотелых коллег по «Искре». Ленин начинает работу по сколачиванию *своего* ЦК – через создание *своего* оргкомитета следующего партийного съезда. 6 мая он пишет своему главному кореннику в России – Кржижановскому: «Свидание с Сашей (так обзывали конференцию в Белостоке. – *В.Н.*)… привело к назначению комиссии по созыву съезда через пять месяцев. Теперь наша *главная* задача – подготовить это, т. е. чтобы *вполне* свои люди проникли в возможно большее число комитетов и постарались подорвать южный ЦК… Поэтому ближайшая задача: чтобы Курц + Эмбрион оба тотчас вошли в комитеты. Затем чтобы Клэр и Бродягин последовали в той или иной форме их примеру. Это – главная задача, ибо сейчас нас неизбежно оттеснят: подчините все остальное этой задаче, помните о важнейшем значении Второго съезда!.. Обдумайте атаку на центр, Иваново и др., Урал и Юг. Теперь формальная сторона приобретает сугубое значение». Под псевдонимами скрывались Ленгник (Курц), Барамзин (Эмбрион), Кржижановский (Клэр) и Сильвин (Бродягин).

Ленин 23 мая наставлял Ленгника: «Ваша задача теперь создать *из себя* комитет по подготовке съезда, принять в этот комитет бундовца (оценив оного *со всех сторон* – это NB!),

просунуть своих людей в наибольшее количество комитетов, сохраняя себя и своих паче зеницы ока до съезда… Будьте в этом смелей, наглей и изобретательней, а в остальном – потише и поосторожнее. Мудры, аки змеи – и кротки (с комитетами: Бундом и Питером) – аки голуби)»[259].

С середины июня Ленин перебрался на северный берег Франции – в Логиви, где отдыхал вместе с супругой, тещей, матерью и сестрой Анной. «Море с его постоянным движением и безграничным простором он очень любил, у моря отдыхал»[260]. Правда, почему-то у моря бывал редко, явно предпочитая горы.

Он продолжал подвигать соратников на обеспечение доминирования на предстоявшем съезде. Послание Радченко 16 июня в Петербург: «Образовать русский ОК непременно должны Вы и взять его в свои руки: Вы от Вани, Клэр от Сони, да + еще один из наших с юга – вот идеал». Ваней называли Петербургский комитет, а Соней – “искровский центр” в Самаре… «Объясняйте всем и везде, что это сплетня, будто редакция “Искры” хочет сама стать ЦК русской партии. Это вздор. ЦК может быть только на поле действия, и мы мечтаем, чтобы он вырос из ОК да из рабочих-революционеров». В Лондон из Франции в конце июля Ленин вернулся окрыленный. «Из России хорошие новости о повороте к “Искре” комитетов, даже *питерского* (sic!)»[261].

Однажды в октябре 1902 года в дверь трижды постучали. За дверью стоял человек, который, как он объяснит в мемуарах, бежал из сибирской ссылки и «оказался в Самаре, где был сосредоточен в то время внутренний, т. е. не эмигрантский штаб “Искры”. Во главе его под конспиративной кличкой Клэр стоял инженер Кржижановский… В Самаре я, так сказать, официально примкнул к организации “Искры” под данной мне Клэром конспиративной кличкой “Перо”: это была дань моим сибирским успехам журналиста… Клэр снабдил меня деньгами на дорогу и необходимыми указаниями для перехода австрийской границы у Каменец-Подольска». Из Цюриха через Париж «Перо» добрался до Лондона. «Ленин находился еще в постели, и на лице его приветливость сочеталась с законным недоумением… В то же утро или на другой день я совершил с ВИ большую прогулку по Лондону»[262]. Этот приезжий войдет в историю как Троцкий.

Лев Давидович Троцкий (Бронштейн) родился в Херсонской губернии в семье зажиточного землевладельца. Закончил реальное училище в Николаеве, поступил вольнослушателем на физико-математический факультет Новороссийского университета в Одессе, но так и не закончил его. Григорий Зив, знавший Бронштейна с младых ногтей, считал его ум выдающимся: «Обладая блестящей памятью, он умел на лету

схватывать доводы сторонников и противников, быстро ассимилировать нужное ему и тут же преподносить слушателям продукт своей талантливой импровизации, заполняя пробелы прочным цементом непобедимой “логики”».

Один из организаторов «Южно-русского рабочего союза», в 1898 году Троцкий был арестован, два года провел в тюрьмах, а затем был сослан в Восточную Сибирь. «”Искра” не могла пренебречь такой восходящей звездой, как Бронштейн. И он получил приглашение принять активное участие в газете. Бронштейн не заставил себя долго ждать. Он бросил крокет, жену и двух детей (второй только что родился) и бежал из ссылки, пробыв там около года»[263]. И вот он в Лондоне.

Ленин видел в Троцком свой важный актив в борьбе за руководство в партии. «ВИ приглядывался к нему, много расспрашивал его про впечатления от русской работы. Троцкого звали на работу в Россию, но ВИ считал, что ему надо остаться за границей, подучиться и помогать работе “Искры”. Троцкий поселился в Париже»[264]. Когда Ленин собрался обеспечить себе более крепкие позиции в ЦО партии, он предложил ввести седьмым членом редакции именно Троцкого, хотя и не был до конца в нем уверен. 2 марта 1903 года Ленин написал Плеханову: «Человек, несомненно, с недюжинными способностями, убежденный, энергичный, который пойдет еще вперед… Возможные доводы против: 1) молодость; 2) близкий (*может быть*) отъезд в Россию; 3) перо (без кавычек) со следами фельетонного стиля, с чрезмерной вычурностью и т. д.»[265]. Но инициатива Ленина не встретила понимание.

После года в Лондоне, где Ленину уже нравилось, пришлось вновь собирать вещи. Группа «Освобождение труда» поставила вопрос о переезде в Женеву. Один Ленин голосовал против, как и его организм. Крупская рассказывала, что он заболел тяжелой нервной болезнью «священный огонь», которая «заключается в том, что воспаляются кончики грудных и спинных нервов. Когда у ВИ появилась сыпь, взялась я за медицинский справочник. Выходило, что по характеру сыпи это – стригущий лишай. Тахтарев – медик не то четвертого, не то пятого курса – подтвердил мои предположения, и я вымазала ВИ йодом, чем причинила ему мучительную боль… Дорогой в Женеву ВИ метался, а по приезде туда свалился и пролежал две недели».

В конце апреля Ленин с супругой поселились в женевском пригороде Secheron, где заняли целый небольшой дом. «Кухня была у нас и приемной… Игнат (Красиков) в шутку назвал как-то нашу кухню “притоном контрабандистов”. Толчея у нас сразу образовалась непротолченная. Когда надо было с кем потолковать

в особицу, уходили в рядом расположенный парк или на берег озера»[266].

Одним из первых приехал тогда из России молодой Алексей Иванович Рыков (он же Власов, Сергеев). Человек, который сменит Ленина на посту председателя Совнаркома, в год своего тридцатилетия (в 1911-м) напишет: «Не успел я сесть на студенческую скамью, как попал в каталажку. С тех пор прошло 12 лет. Но из них я около 5 ½ лет в этой каталажке прожил. Кроме того, три раза путешествовал этапом в ссылку, которой тоже посвятил три года своей жизни… Не было квартиры, на которой я прожил бы более двух месяцев. Дожил до 30 лет и не знаю, как выправлять себе паспорт. Понятия не имею, что такое снять где-то постоянную квартиру»[267]. А впереди у Рыкова будет еще несколько арестов и ссылок, откуда он регулярно сбегал. Ленин был рад новому соратнику. Но все внимание – предстоящему съезду.

«Большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года»[268], – напишет Ленин. Он был прав в том, что именно тогда, на II съезде, заварилась та склока, которая годом позже приведет к расколу РСДРП, формированию большевизма и той партии, которая 14 лет спустя и возьмет власть в стране.

Ленин тщательно готовился к бою за захват командных позиций. «Съезжались первые делегаты съезда, и с ними шли непрерывные совещания, – расскажет Троцкий. – В этой подготовительной работе Ленину принадлежало бесспорное, хотя и не всегда заметное руководство»[269]. Съезд собрался 17 (30) июля в Брюсселе. Прибыли 43 делегата с решающим голосом (14 – с совещательным) от 26 организаций. Организационные усилия внутри страны не прошли даром. 33 делегата были «искровцами», из них 24 числили в твердых «искровцах», сторонниках Ленина.

Съезд открывал Плеханов. «Большое окно мучного склада около импровизированной трибуны было завешено красной материей. Все были взволнованы. Торжественно звучала речь Плеханова… И как могло быть иначе! Казалось, долгие годы эмиграции уходили в прошлое… По существу дела II съезд был учредительным»[270].

«Положение дел настолько благоприятно теперь для нашей партии, что каждый из нас, российских социал-демократов, может воскликнуть: «*Весело жить в такое время*», – заявил Плеханов, назвав РСДРП самой сильной из революционных и оппозиционных партий в России[271].

Место для заседаний было выбрано явно неудачно. В памяти

Троцкого это историческое событие запечатлелось так: «В отведенном для наших работ складе, достаточно скрытом от посторонних глаз, хранились тюки с шерстью, и мы подверглись атаке несметного количества блох… Заседания представляли собою подлинную физическую пытку. Еще хуже было то, что уже в первые дни делегаты стали замечать за собой активную слежку»[272].

В таких условиях делегаты провели 13 заседаний, успев обсудить процедурные вопросы, степень автономности Бунда. Споры вокруг программы свелись, по сути, к одному пункту: может ли рабочий класс самостоятельно выработать классовое сознание или партии следует ему подсказать. В программе-максимум говорилось о социалистической революции и установлении диктатуры пролетариата. В программе-минимум – о свержении самодержавия, демократической республике, 8-часовом рабочем дне, возвращении крестьянам «отрезков» – участков, перешедших помещикам после отмены крепостного права. Эта Программа оставалась в силе вплоть до VIII съезда, состоявшегося в 1919 году.

Между тем делегаты стали получать приглашения в полицейский участок, где им вручалось предписание покинуть пределы Бельгии в 24 часа. Российские спецслужбы были хорошо информированы о съезде доктором Житомирским, который участвовал в его организации из Берлина. 24 июля (6 августа) брюссельская часть съезда завершилась. Потянулись в Лондон, где полиции было все равно. Там прошли 23 завершающих заседания съезда. Как человек, проведший значительную часть своей жизни в заседаниях, должен сказать, что так самозабвенно могли заседать только люди, которым совершенно нечего делать. Закладывались традиции многодневных ленинских съездов.

Руки дошли до устава. Споры развернулись прежде всего вокруг первого пункта: кого считать членом партии? «Ленин добивался резких и отчетливых границ партии, узкого состава редакции и суровой дисциплины. Мартов и его друзья тяготели к расплывчатости и семейным нравам»[273].

«Наша задача, – уверял Ленин, – оберегать твердость, выдержанность, чистоту нашей партии. Мы должны стараться поднять звание и значение члена партии выше, выше и выше»[274].

Ленин создавал «орден меченосцев», предназначенный для целей захвата власти силой. Мартов видел партию, претендующую на массовость. Троцкому «пришлось председательствовать на том собрании искровцев, где определился будущий раскол между большевиками и меньшевиками. Нервы у всех были напряжены до крайности.

Ленин ушел с собрания, хлопнув дверью. Это единственный случай, когда он потерял на моих глазах самообладание в острой внутрипартийной борьбе…»[275]. Ленин выступал резко. И внешне был в восторге от хода съезда и его результата. Он вспоминал разговор на эту тему с делегатом «центра»:

«– Какая тяжелая атмосфера царит у нас на съезде! – жаловался он мне. – Эта ожесточенная борьба, эта агитация друг против друга, эта резкая полемика, это нетоварищеское отношение!

– Какая прекрасная вещь – наш съезд! – отвечал я ему. – Открытая, свободная борьба. Мнения высказаны. Оттенки обрисовались. Группы наметились. Руки подняты. Решение принято. Этап пройден. Вперед! – вот это я понимаю. Это – жизнь. Это не то что бесконечные, нудные интеллигентские словопрения, которые кончаются не потому, что люди решили вопрос, а просто потому, что устали говорить…»[276].

Но, похоже, он бравировал своим боевым настроем. Крупская свидетельствовала: «С самого начала съезда нервы его были напряжены до крайности… В Лондоне же он дошел до точки, совершенно перестал спать, волновался ужасно»[277]. Большинством в 28 голосов против 22 при одном воздержавшемся первый параграф устава был принят в редакции Мартова. Раскола еще нет. Уже после съезда Ленин скажет, что вовсе не считал «наше разногласие (по § 1) таким существенным, чтобы от него зависела жизнь или смерть партии. От плохого пункта устава мы еще не погибнем»[278].

Съезд приближался к избранию руководящих органов. И тут Ленину повезло. Со съезда ушли делегаты от Бунда, недовольные отказом делегатов признать его единственным представителем еврейского пролетариата в России; а также два «экономиста», поскольку съезд не признал их заграничный союз. Теперь у Ленина большинство. В ЦК, где были представлены только работавшие в России, выбраны твердые искровцы – Кржижановский, Ленгник и Носков. Заметим, Ленгника и Кржижановского на съезде не было. Но перевес у ленинцев минимальный: из 44 решающих голосов 20 воздержались от голосования. По предложению Ленина в редакцию «Искры» 19 голосами против 17 избрали Ленина, Плеханова и Мартова. Но это значит, что ленинцы выбрасывали из редакции Аксельрода, Засулич и Потресова. Зачем Ленину это понадобилось? Он объяснит это Валентинову интересами дела: «Я просто исходил из необходимости составить редакцию из наиболее полезных и работоспособных литераторов… Собственно, в редактировании «Искры», в подборе, заказе статей и корреспонденции, в правке

материала, в выпуске газеты, кроме меня и Мартова, никто никогда не принимал участия».

Коллеги восприняли ситуацию иначе, назвав Ленина (он сам воспроизвел слова) «хамом, Собакевичем, наступающим всем на мозоли, самодержцем, Бонапартом, бюрократом, человеком, желающим похорон старых товарищей»[279]. Мартов настаивал на сохранении прежней редакционной шестерки и взял самоотвод. «На съезде Ленин завоевал Плеханова, но ненадежно, одновременно он потерял Мартова, и навсегда, – подтверждал Троцкий. – Плеханов, по-видимому, что-то почувствовал на съезде. По крайней мере, он сказал тогда Аксельроду про Ленина:

– Из такого теста делаются Робеспьеры»[280].

Раскол стал явью. Именно благодаря большинству, полученному при избрании руководящих органов на II съезде, сторонники Ленина получили название большевиков, или беков. А противники – меньшевиков, или меков. Назовись большевики меньшевиками, история могла пойти иначе.

Вспоминал участник съезда большевик Мартын Николаевич Лядов (Мандельштам): «Мы оформляем нашу фракцию… Сам он, бодрый, решительный, смело смотрит в будущее. Его энтузиазмом заразился и Плеханов. Он блещет остроумием в характеристиках своих товарищей, очутившихся в лагере меньшевиков. Мы весело хохочем над анекдотами, которые рассказывает Плеханов про Засулич, Дейча, Аксельрода и Мартова. Веселей и заразительнее всех хохочет Ильич, потягивая любимое им мюнхенское пиво»[281].

Троцкий не без доли самокритики замечал, что прежнее партийное руководство явно недооценило Ленина: «Острота вспыхнувшего на съезде конфликта, помимо своей едва намечавшейся принципиальной стороны, имела причиной неправильность глазомера стариков в оценке роста и значения Ленина… Это был уже не просто выдающийся работник, это был вождь, насквозь целеустремленный и, думается, окончательно почувствовавший себя вождем, когда он стал бок о бок со старшими, с учителями, и убедился, что сильнее и нужнее их»[282].

А что же сам Троцкий? Он неожиданно оказался в лагере меньшевиков. И не потому, что был в чем-то сильно не согласен с Лениным. Зив считал: «Меньшевизм совершенно несовместим со всем характером Троцкого. Его место скорее было там, где находился Ленин… Но там первое место было занято самим Лениным… А Троцкий никогда не принадлежал к тем людям, которые могут занимать второе место или даже терпеть кого-либо рядом с собой»[283].

Большевизм, представлявший собой систему взглядов Ленина, сложился в общих чертах из сочетания народничества, марксизма, французского якобинства, наложенных на российскую самодержавную политическую традицию. «Вера в духе Чернышевского и левых народовольцев, якобинцев-бланкистов в социалистическую революцию и неискоренимая, недоказуемая, глубокая, чисто религиозного характера уверенность, что он доживет до нее, – вот что отличало (и выделяло) Ленина от *всех* прочих (большевиков и меньшевиков) российских марксистов. В этом была его *оригинальность*»[284], – писал хорошо знавший Ленина меньшевик Николай Валентинов (Николай Вольский).

Идеологически Ленин тогда разошелся со своими меньшевистскими коллегами по РСДРП по нескольким основным позициям. Во-первых, он полагал, что рабочий класс самостоятельно может выработать лишь тредюнионистское сознание, а революционные идеи способна привить ему только интеллигенция в лице революционной партии. Меньшевики исходили из тезиса о классовой самостоятельности пролетариата. Во-вторых, Ленин не видел возможности союза с либерально-демократическими силами в революции. Троцкий напишет: «Меньшевики стремятся согласовать политику русского пролетариата с либеральной буржуазией. Ленин видит ближайшего союзника пролетариата в крестьянстве»[285]. В-третьих, Ленин не возражал против революционного насилия. Конечно, он осуждал мелкомасштабный индивидуальный террор эсеров. Но, по его словам, «нисколько не отрицая в принципе насилия и террора, мы требовали подготовки таких форм насилия, которые бы рассчитывали на непосредственное участие массы и обеспечивали бы это участие»[286]. Меньшевики же отрицали террор как индивидуальный, так и массовый.

Наконец, Ленин считал необходимым строить партию как жестко законспирированную и дисциплинированную группу, объединенную верой в вождя и во имя захвата власти через вооруженное восстание. Большевизм выступал не столько в виде идеологии, сколько как верование, не допускающее сомнений и возражений, как в средневековых орденах. Николай Бердяев замечал: «Большевизм и есть социализм, доведенный до религиозного напряжения и до религиозной исключительности»[287]. Меньшевики, напротив, допускали плюрализм, у них существовало несколько течений, которые схематично выглядели следующим образом: Потресов олицетворял правый фланг, Троцкий – крайне левый. Лидером правого центра был Аксельрод, а левого центра – Мартов.

После съезда раскол пошел глубже, принимая все более

бурные и брутальные формы. Все закусили удила, закрутили интриги. Ленин пережил нервный срыв. Троцкий подтверждал: «Ленин, наиболее активная фигура в борьбе, раскола не предвидел и не хотел. Обе стороны переживали разразившиеся события крайне тяжело. Ленин проболел после съезда несколько недель нервной болезнью»[288].

Недавние коллеги и партнеры резко рвали отношения. Мартов, замечала Крупская, «выпустил брошюру “Осадное положение”, наполненную самыми дикими обвинениями. Троцкий также выпустил брошюру “Отчет сибирской делегации”, где события освещались совершенно в мартовском духе, Плеханов изображался пешкой в руках Ленина и т. д.»[289]. Потресов напишет: «1903 год положил конец моему личному общению с Лениным… Начало разрыву положено было именно аморальной атмосферой, в которой якобинско-сектантские мотивы Ленина носились еще в эмбриональном виде, но которая делала уже невозможной дальнейшую совместную работу с ним в одной организации»[290].

Дрязги дошли до Калмыковой в Дрезден, Ленин оправдывался: «Меньшинство искровцев мягкого или зигзагового курса разбило большинство (на вопросе об уставе, и не раз) коалицией Бунда + болота + южнорабоченцев. А когда Бунд и «Рабочее дело» ушли, большинство искряков взяли реванш. Voila tout. И ни один человек не сомневается в том, что, не уйди Бунд, Мартов разбил бы нас в центрах. И из такого финала вывести оскорбление, обиды, раскол партии! Это безумие». Полагаю, на Калмыкову, финансировавшую «Искру», ленинские аргументы не подействовали. Ленин в сентябре жаловался на меньшинство Кржижановскому: «…Озлоблены они чертовски, сфантазировали себе кучу обид и оскорблений, воображают, что спасают партию от тиранов, кричат об этом направо и налево, мутят людей. Их смута отняла уже у нас… два наших крупнейших источника денег. Направьте все отчаяннейшие усилия на добычу денег – это главное».

Ленин не оставлял попыток примирения и пытался полуоправдываться, полуизвиняться перед Потресовым, перебирая события и впечатления съезда: «…Я сознаю, что действовал в страшном раздражении, “бешено”, я охотно готов признать *перед кем угодно эту свою вину*, – если следует назвать виной то, что естественно вызвано было атмосферой, реакцией, репликой, борьбой etc. Но, смотря без всякого бешенства теперь на достигнутые результаты, на осуществленное посредством бешеной борьбы, я решительно не могу видеть в результатах ничего, ровно ничего вредного для партии и абсолютно ничего

обидного или оскорбительного для меньшинства».

Меньшевики так не думали, развернув военные действия против ленинского руководства и в эмигрантских кругах, и внутри России. «Никакой, абсолютно никакой надежды на мир больше нет, – Ленин писал Кржижановскому и Носкову 3 октября. – Вы себе не реализуете и десятой доли тех безобразий, до которых дошли здесь мартовцы, отравив всю заграницу сплетней, перебивая связи, *деньги*, литературные материалы и проч. Война объявлена, и они… едут уже воевать в Россию. Надо непременно занять своими людьми места во *всех* комитетах без исключения»[291]. Сдаваться, как видим, Ленин не собирался. Он требовал от своих ставленников в ЦК приехать в Женеву и навести порядок во внутрипартийных делах, разобравшись с оппонентами. Приехал Ленгник (Курц) и «почувствовал себя совершенно подавленным той склокой, которая царила в Женеве».

Меж тем меньшевики решили перехватить инициативу через Лигу русских социал-демократов за рубежом. Был созван ее съезд, куда пригласили с отчетным докладом делегата Лиги на II съезде, коим был Ленин. «ВИ перед съездом Лиги, задумавшись, наехал на велосипеде на трамвай и чуть не выбил себе глаз, – описывала драматизм ситуации Крупская. – Повязанный, бледный, ходил он на съезд Лиги. С бешеной ненавистью нападали на него меньшевики». Более того, меньшевики изменяют устав Лиги, делая ее независимой от российского ЦК. Ленгник требует восстановить прежний устав, но ему отказывают. Тогда он от имени ЦК и явно по наущению Ленина объявил Лигу распущенной[292].

И в этот момент Плеханов, не выдержав склоки, предпочел покинуть Ленина. Тот описывал ситуацию в письме Лядову: «Суббота. ЦК читает свое заявление о неутверждении устава Лиги и о незаконности собрания (заявление, раньше до тонкости, до буквы обсужденное с Плехановым). Все наши уходят со съезда при воплях мартовцев: “жандармы” etc. Суббота вечером. Плеханов “сдал”: он не идет на раскол. Он требует начала мирных переговоров. Воскресенье (1. XI). Я подаю Плеханову свою отставку письменно (не желая участвовать в таком разврате, как переделка партийного съезда под влиянием заграничного скандала; я уже не говорю о том, что и с чисто стратегической точки зрения нельзя было глупее выбрать момента для уступок)»[293].

Теперь уже Ленин играет ва-банк, хлопнув дверью редколлегии «Искры». Позднее Ленин назовет Адоратскому свое решение покинуть редколлегию «Искры» ошибкой[294]. Вслед за этим Ленин говорит Плеханову: «Я глубоко убежден, что уступки

в настоящий момент – самый отчаянный шаг, ведущий к буре и буче *гораздо вернее*, чем война с мартовцами»[295]. Плеханов в ответ: «Не могу стрелять по своим»[296].

Четвертого ноября Ленин взывает к Кржижановскому: «Плеханов жалко струсил раскола и борьбы! Положение отчаянное, враги ликуют и обнаглели, наши все в бешенстве… *Приезд необходим* во что бы то ни стало»[297]. Ленин продолжает обрабатывать Плеханова, но тот неумолим. 8 ноября Ленин пишет Кржижановскому в Киев: «Кризис полный и страшный… Я борюсь за ЦК, который мартовцы, обнаглев против трусливой измены Плеханова, тоже хотят захватить, требуя кооптации туда своих и не говоря даже, в каком числе!! Единственный шанс мира: попытаться отдать им редакцию ЦО и отстоять за собой ЦК». Ленин настаивал на приезде наиболее авторитетных членов ЦК – Кржижановского, Носкова, Гусарова[298].

Однако и надеждам Ленина на то, чтобы сохранить за собой хотя бы ЦК, не суждено было сбыться. Он потеряет и его, не в последнюю очередь из-за позиции Кржижановского. Тот позднее расскажет: «В Женеве я очутился в настоящем кипящем котле эмигрантской склоки. Встречаясь со своими старыми друзьями, я не узнавал их при том градусе взаимного озлобления, до которого они дошли. Большинство жал этого муравейника было направлено против ВИ, деспотизм и нетерпимость которого склонялись во всех падежах»[299]. Помощи от Кржижановского Ленин не дождался. «Приехал Клэр, – рассказала Крупская. – Пошел говорить с Плехановым, увидел полную невозможность примирения и уехал в подавленном настроении. ВИ еще больше помрачнел»[300].

По возвращении из-за границы Кржижановский инициировал письмо ЦК региональным комитетам в примиренческом духе. Ленин был в ярости: «Пусть объяснит он мне, ради всего святого, откуда взял он храбрость говорить в таком елейном тоне о мире, когда оппозиция (и Мартов в том числе!) *формально отвергла мир* в ответе на ультиматум Центрального Комитета??» В Кржижановском Ленин быстро разочаровывался. «Одно из двух: война или мир, – писал он ему 4 января 1904 года. – Если мир, – тогда вы, значит, пасуете пред мартовцами, которые ведут энергичную и ловкую войну. Тогда вы сносите молча обливание помоями вас в ЦО (= идейное руководство партией!). Тогда нам говорить не о чем»[301]. Кржижановский был за мир, как и Носков. Ленин опять потерял ближайших сторонников.

Он был раздавлен. «Он был как бы свержен, потерял силу, остался не у дел. Все именитые верхи партии в Женеве были меньшевики. Около него – лишь небольшой кружок

поддерживающих его лиц», – писал влившийся тогда в этот кружок Валентинов. Близкими к Ленину в тот момент он называл Петра Ананьевича Красикова (Сергей Петрович, Игнат, Павлович, Музыкант, Шпилька, будущий прокурор Верховного суда СССР), Вацлава Вацловича Воровского (будущий постпред в Скандинавии и Италии), Сергея Ивановича Гусева (Драбкин – будущий член Реввоенсовета, завотделом сталинского ЦК). Ленин сделал штаб-квартирой ресторан «Ландольт», где и собирал своих сторонников. Гусев, обладатель драматического баритона, «постоянно пел на раутах, еженедельно проходивших у Ленина с целью укрепления связи между большевиками Женевы»[302]. Туда же Цецилия Самойловна Бобровская (Зеликсон) привела к Ленину новых сторонников – участников смелого и нашумевшего побега из киевской тюрьмы Николая Эрнестовича Баумана (Грач, Сорокин, Балерина) и Максима Максимовича Литвинова (Генох Моисеевич Валлах, Папаша, Феликс).

Новый, 1904 год большевики отметили культмассовым походом на «Кармен», выпивкой в «Ландольте» и гулянием на традиционном новогоднем «карнавале»[303].

Год начался войной. Не объявляя ее, Япония в январе 1904 года атаковала российскую крепость в Порт-Артуре и находившиеся в его порту корабли. Был потоплен не сдавшийся врагу и не желавший пощады крейсер «Варяг». 24 февраля началась 11-месячная осада Порт-Артура. В России в первые месяцы войны доминировали патриотические настроения. Либеральные земцы решили подождать с борьбой за демократию до конца боевых действий. Ленинцы войну поначалу почти не заметили. Они были заняты более важными делами, продолжая разбираться с меньшевиками.

В январе 1904 года конфликт в РСДРП принял новое измерение – идеологическое, и инициатором этого выступили меньшевики. Ленин их усилиями стал звездой, пусть и со знаком минус, а оскорбления в его адрес как бы подтверждали правильность его слов о том, что в основе разногласий не принципы, а уязвленное самолюбие «партийных генералов». Поэтому Аксельрод взялся серией статей в «Искре» доказать теоретическую ничтожность Ленина. Уже вторая статья – от 15 января – «обозлила Ильича до того, что он стал похож на тигра». Аксельрод обвинил его в принесении марксизма в жертву «организационной утопии теократического характера», установке на сектантский «якобинский клуб», который будет прокладывать путь мелкобуржуазному радикализму. Начинание Аксельрода поддержал и Мартов.

Ленин сел за отповедь, чему посвятит следующие три месяца

жизни. В процессе творчества Ленин не выбирал эпитетов в адрес оппонентов, называя их «тупоумными», «выжившими из ума», «политическим дрррянцом», «болотом», «дурачками», «организационными хвостистами» и т. д. Меньшинство, приходил он теперь к выводу, – не просто «обидевшиеся генералы», а оппортунистическое и ревизионистское крыло партии под руководством зараженных буржуазным духом, ненавидящих пролетарскую дисциплину интеллигентов, готовых принести в жертву ортодоксальный марксизм. А якобинство?

«Революционный социал-демократ должен быть и не может не быть якобинцем, – уверял Ленин. – …В партии находятся не просто путаники, истерики и болтуны, а определенно – правое, ревизионистское крыло, под флагом борьбы с «бонапартизмом» сознательно разлагающее, парализующее всю партийную работу… Нужно прямо, решительно сказать: с этими господами мы в одной партии находиться больше не можем. Нам они не товарищи, а враги… Нужно, возможно скорее, из представителей большинства созвать съезд, который, объявляя об образовании партии непреклонного революционного марксизма, порвет всякую связь с меньшинством… «Искра» стала загаженным ночным горшком, и пусть другие возлагают его на себя как лавровый венок»[304].

В конце января – попытка примирения сторон. Совет партии, где Ленин оставался, трижды заседал все в том же «Ландольте». Мартов, Аксельрод и Плеханов провалили попытки Ленина и Ленгника сохранить за большевиками контроль над ЦК. «Плеханов идет вместе с мартовцами, майоризируя нас во всем, сколько-нибудь важном… Зато принята резолюция Плеханова: желательно, чтобы ЦК кооптировал *соответственное* (sic!) число из меньшинства… Мы заявляем, что единственный *честный* выход – съезд. Совет проваливает это»[305], – информировал Ленин соратников. Его ярость нарастает. «Отношение Ленина к меньшевикам превратилось в жгучую безграничную дикую ненависть»[306], – замечал Валентинов.

Одновременно в феврале он уже бросает членам ЦК в лицо: «Я думаю, что у нас в ЦК в самом деле бюрократы и формалисты, а не революционеры. Мартовцы плюют им в рожу, а они утираются и меня поучают: “бесполезно бороться!”… Либо ЦК станет организацией *войны с ЦО*, войны на деле, а не на словах, войны в комитетах, либо ЦК – негодная тряпка, которую поделом выкинут вон». Кржижановский и Носков своей позиции не меняют – единство партии превыше всего. 13 марта Ленин и Ленгник информировали ЦК РСДРП: «1) Курц и Ленин слагают с себя *временно* должность членов Совета (оставаясь членами ЦК)

впредь до выяснения характера наших разногласий с большинством Центрального Комитета… Ленин берет формальный и полный отпуск не менее чем на два месяца»[307].

Где-то в это время – уже известной либералкой – оказалась в Женеве Тыркова-Вильямс. Она обратила внимание на грязь в маленькой съемной квартире «Ильичей»: «Потребностей в комфорте, очевидно, никаких. У него, может быть, и есть, у нее, наверное, нет. Все ушло в мысли и в борьбу. Живут, несомненно, хуже западного рабочего и вряд ли многим лучше русского»[308]. Ленин «подвергался жестокому обстрелу своих вчерашних товарищей, меньшевиков. Они надрывались, доказывая, что Ленин на съезде сплутовал, что на самом деле не он, а они в большинстве. Эта семейная полемика волновала социалистов, забавляла либералов, вызывала длинные рассуждения за чайным столом Струве… Уже тогда в революционных кругах знали, что Ленин властолюбив, в средствах неразборчив. Но особенного интереса ни он, ни его партия не возбуждали. С.-р., особенно после убийства Плеве, заставляли гораздо больше о себе говорить, чем с.-д. …С.-д. были скучными начетчиками».

Крупская попросила супруга проводить ее подругу до трамвая. «Дорогой он стал дразнить меня моим либерализмом, моей буржуазностью. Я в долгу не осталась, напала на марксистов за их непонимание человеческой природы, за их аракчеевское желание загнать всех в казарму. Ленин был зубастый спорщик и не давал мне спуску, тем более что мои слова его задевали, злили… В глазах замелькало острое, недоброе выражение… А он, когда трамвай уже показался, неожиданно дернул головой и, глядя мне прямо в глаза, с кривой усмешкой сказал:

– Вот погодите, таких, как вы, мы будем на фонарях вешать.

Я засмеялась. Тогда это звучало как нелепая шутка.

– Нет. Я вам в руки не дамся.

– Это мы посмотрим»[309].

Ленин писал «Шаг вперед, два шага назад», где излагал историю II съезда и разлада с меньшевиками. Валентинов наблюдал: «В течение трех месяцев, понадобившихся ему для написания книги, с ним произошла разительная перемена: крепко сложенный, полный энергии, жизненного задора, Ленин осунулся, похудел, пожелтел, глаза, живые, хитрые, насмешливые, стали тусклыми, моментами мертвыми… У него был вид тяжко больного человека».

По мере того как труд двигался к завершению, боевой запал Ленина постепенно иссякал, «он свое требование порвать всякую партийную связь с меньшевиками смял заявлением, что об этом не может быть и речи…»[310]. Сыграли, полагаю, свою роль и

опасения Ленина пускаться в одиночное плавание, и возражения руководства ЦК в России против разрыва. Как бы то ни было, наиболее хлесткие эпитеты из текста исчезли. Но и то, что осталось, не могло не задеть меньшевиков за живое.

Партия может руководить борьбой рабочего класса, только если ее члены будут организованы в один отряд, спаянный единством воли, действий и дисциплины. «Никто не решится отрицать, что *интеллигенция, как особый слой* современных капиталистических обществ, характеризуется, в общем и целом, *именно индивидуализмом* и неспособностью к дисциплине и организации». В отличие от гнилой интеллигенции «пролетариат не боится организации и дисциплины… Пролетариат не станет пещись о том, что гг. профессора и гимназисты, не желающие войти в организацию, признавались членами партии за работу под контролем организации…» Потому что «у пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации»[311].

Книга, как и ожидалось, «вызвала буквально бурю возмущения среди меньшевиков Женевы». Артиллерийский огонь по Ленину открыл Плеханов, назвавший линию Ленина «политикой мертвой петли, туго затягиваемой на шее партии». Карпинский утверждал, что «Плеханов через третьих лиц “дружески” советовал Ленину “бежать от сраму в Америку”»[312]. «Искра» объявила Ленина политическим мертвецом. Тот организовал коллективное письмо 37 большевиков в свою защиту. Но оно ничего ровным счетом не изменило.

Ленин терял и без того очень слабые позиции в международном социалистическом движении. Его полностью отстранили от организации делегации на Амстердамский интернациональный конгресс. «Дан написал официальный отчет, – рассказывал Лядов. – Ленин изображался чуть ли не анархистом… Мы долго убеждали Ильича, что ему лично необходимо поехать в Амстердам. Ильич отказался ехать наотрез. Он говорил, его не знают там, ему трудно будет бороться там с Плехановым и Аксельродом, которых все знают по прежним конгрессам».

Это был период жесточайшего жизненного кризиса Ленина. Было от чего прийти в отчаяние. В июне Ленин отбыл из ставшей политически раскаленной Женевы. Лядов «застал Ильича отдыхающим в маленькой деревне возле Лозанны. Единственный раз за все встречи с Лениным он произвел впечатление человека, который не знает, на что решиться. Ильич засел прочно в деревне и как бы устранился от всяких дел. Измена цекистов, ради примирения с меньшевиками отрекшихся от него, произвела на Ильича глубокое впечатление. Он почувствовал себя одиноким. У

него не было ни газеты, в которой он мог бы писать, ни средств для постановки издательского дела»[313].

Крупская писала свекрови 2 июля: «Дела и заботы оставили в Женеве, а тут спим по 10 часов в сутки, купаемся, гуляем – Володя даже газет толком не читает, вообще книг было взято минимум, да и те отправляем нечитанными завтра в Женеву, а сами в 4 часа утра надеваем мешки и отправляемся недели на 2 в горы. Пойдем к Интерлакену, а оттуда к Люцерну… Мы с Володей заключили условие – ни о каких делах не говорить, дело, мол, не медведь, в лес не убежит, не говорить и, по возможности, не думать». Ленин в письме матери тоже старался не унывать. «На днях мы предприняли здесь с Надей и с одним приятелем (Ленгником. – *В.Н.*) прекраснейшую прогулку на Салэв. Внизу везде в Женеве туман, сумрачно, а на горе (около 1200 метров над уровнем моря) – роскошное солнце, снег, салазки, совсем русский хороший зимний денек»[314].

Но, конечно, мысль Ленина была занята не красотами Альп, а планом возвращения на политическую сцену. Здесь, в горах, Ленин не только собрал свою волю в кулак, но и вновь начал борьбу за партию, с новой командой, демонстрируя недюжинные лидерские качества. О коих пришло время поговорить.

Лидер

Все согласятся, что Ленин был личностью незаурядной. Но что определяло его незаурядность? Каков был стиль его лидерства? Это был волевой, верящий в свою миссию, целеустремленный, организованный, бескомпромиссный, жесткий, беспощадный, не испытывающий угрызений совести политик.

Был ли Ленин харизматическим лидером? Скорее нет, чем да. Внешность его была не самой располагающей. Женщинам – по крайней мере многим – он не нравился. Наблюдательная писательница Тэффи (Надежда Александровна Лохвицкая) замечала: «Такой плешивенький, коротенький, неряшливо одетый мог бы быть служащим где-нибудь в захолустной земской управе»[315]. Не менее наблюдательной была и Тыркова-Вильямс: «Невысокий, кажется ниже ее, приземистый, широкое скуластое лицо, глубоко запрятанные, небольшие глаза. Невзрачный человек. Только лоб сократовский, выпуклый»[316]. София Ивановна Аничкова (баронесса Траубе) не находила в его лице «ничего яркого. Тупое выражение, апатия и странная хитроватая усмешка, в которой мне почудилось что-то ненормальное»[317].

У Ленина были проблемы со зрением. «Поэты воспевали знаменитый ленинский прищур, а у вождя левый глаз был сильно близорук (4–4,5 диоптрии), поэтому он и щурился, пытаясь что-то рассмотреть. Левым глазом он читал, а правым смотрел вдаль»[318]. Валентинов: «Пожалуй, немного косят глаза, да и то не оба, а скорее только правый. Глаза были темные, маленькие, очень некрасивые. Но в глазах светился ум, и лицо было очень подвижно, часто меняло выражение: настороженная внимательность, раздумье, насмешка, колючее презренье, непроницаемый холод, глубочайшая злость»[319].

В физических кондициях не было ничего выдающегося (хотя за здоровьем, как мы видели, следил), как и в привычках, и в хобби. Крупская в 1935 году подробно ответила на вопросы, которые содержались в анкете Института мозга. Из них мы узнаем: «Был правша. Слабым не был, но не был и особенно сильным. Физической работой не занимался. Вот разве на субботнике. Еще помню – починил изгородь, когда были в ссылке. На прогулках не очень быстро утомлялся. Был подвижный. Ходить предпочитал. Дома постоянно ходил по комнате, быстро из угла в угол… Гимнастикой не занимался. Играл в городки. Плавал, хорошо катался на коньках, любил кататься на велосипеде… Был азартный грибник. Любил охоту с ружьем. Страшно любил ходить

по лесу вообще. Мастерством и ремеслом никаким не занимался, если не считать письма “химией”»[320].

Ленин был человеком непритязательным, довольствовался немногим (хотя нельзя сказать, что малым). «В своей личной жизни скромный, неприхотливый, добродетельный семьянин, добродушно ведший ежедневную, не лишенную комизма, борьбу со своей тещей – она была единственным человеком из его непосредственного окружения, дававшим ему отпор и отстаивающим свою личность»[321], – подмечал Потресов. Семья Ленина не шиковала, с деньгами порой были проблемы. Но и не бедствовала. Анна опровергала и это советское клише: «“Плохонькое пальто, из которого лезла вата”, “бессменный рабочий костюм”. Это же неверно: из пальто вата не лезла, и костюм сменялся. Кому нужны такие преувеличения?!»[322]. Ленин сам мельком заметит в 1917 году: «О хлебе я, человек, не видавший нужды, не думал. Хлеб являлся для меня как-то сам собой, нечто вроде побочного продукта писательской работы»[323].

Не гурман. «Довольно покорно ел все, что дают… В молодости и в тюрьме страдал катаром желудка и кишок». Вот только аллергическая реакция на землянику[324]. Правда, замечала Мария Ильинична, ее брата не слишком и баловали кулинарными изысками. «НК была слишком занята общественными делами, чтобы тратить много времени на возню с хозяйством, а мать ее, Елизавета Васильевна, была плохого здоровья, часто прихварывала и очень не любила кухонную возню и тяготилась ею. Около Ильича не было, таким образом, человека, который бы специально следил за его диетой…»[325]. Опровергая Владимирова, который писал, что Ленин в эмиграции не пил спиртное, Анна Ильинична утверждала: «Я сама неоднократно выпивала с ВИ в мюнхенских кафе по кружке пива, которое он любил. Может быть, он не пил пива в Женеве или Париже, где оно было плохо, но зато там он спрашивал иногда виноградного вина»[326].

Пятнадцать лет Ленин провел в эмигрантской среде, где, по его собственным словам, «много тяжелого», где «невероятно, чудовищно велик процент людей, все существо которых – один большой комок нервов…»[327]. Это не прошло бесследно. «Жизнь в эмиграции с ее сутолокой, дрязгами, нервностью и далеко не обеспеченным материальным положением не могла не отразиться на здоровье ВИ. Бессонница и головные боли становились все более частым явлением. Большая нервность сквозила постоянно и в его письмах. Утомление эмигрантской жизнью, отвращение к ней проскальзывали в них все чаще»[328].

К достопримечательностям стран посещения и проживания проявлял очевидное безразличие. Мария Ильинична

подтверждала: «ВИ мало любил различные увеселения… Он никогда, кажется, не ходил в кинематограф, когда жил за границей, редко бывал в театрах… Заграничные театры мало удовлетворяли ВИ своими постановками, иногда они с Надеждой Константиновной уходили из театра с первого действия, подвергаясь за это нешуточным упрекам товарищей за напрасную трату денег…»[329].

Ленин читал много, буквально проглатывая прочитанное, к которому относился предельно критически. Кржижановский «позволял себе неоднократно подсмеиваться над ВИ за его “варварское” отношение к авторам. Он обладал каким-то удивительным свойством с невероятной скоростью интимно знакомиться с книгой даже при беглой ее перелистовке». А если он углублялся в книгу, то она вся была испещрена подчеркиваниями и замечаниями на полях: «Гм, гм!», «Ха, ха!»[330].

Ленин – когда не пребывал в депрессии – демонстрировал удивительную работоспособность и самоорганизованность. «… Аккуратность, организованность – чертовская. Чертовская организованность!»[331] – восхищался Молотов. А Крупская писала: «Колоссальная сосредоточенность». Особенно за рабочим столом. «Писал ужасно быстро, с сокращениями. Читать его трудно. Писал с необыкновенной быстротой, много и охотно… Рукописи писал всегда набело… Под разговор писать не мог (не любил), нужна была тишина абсолютная»[332].

Умственное хозяйство Ленина было обширным. Он был умен и неплохо образован. «Ленин жил во всех странах Европы, овладевал чужими языками, читал, изучал, выслушивал, вникал, сравнивал, обобщал»[333], – замечал Троцкий. Но начитанность Ленина была довольно односторонней. Он был хорошо начитан в области права, марксистской философии и политэкономии, социологии, социально-экономической статистики. Его познания в области культуры, философии, истории, да и художественной литературы, которыми он не сильно интересовался, были, скорее, посредственными. Если, конечно, вынести за скобки историю европейских революций и острокритическую, антигосударственную русскую литературу.

Валентинов был уверен, что «он никогда не держал в руках ни одной истории философии, ни одной книги по психологии и психофизиологии». Валентинов же «хотел однажды узнать, читал ли он Шекспира, Байрона, Мольера, Шиллера. В ответ ни да, ни нет не получил, все же понял, что никого из них он не читал и дальше того, что слышал в гимназии, не пошел… Достоевского сознательно игнорировал. “На эту дрянь у меня нет свободного времени”… “Братьев Карамазовых” начал было читать и бросил:

от сцен в монастыре стошнило. Что ж касается “Бесов” – это явно реакционная гадость».

Удивительно, но самый известный и успешный лидер революционеров был интровертом, застегнутым на все пуговицы, избегающим массовок, не подпускающим никого близко к своему внутреннему миру. «Ленин не имел привычки говорить о себе, – подмечал Валентинов. – …Откровенность ему была чужда. Он был очень скрытный… “Уголок”, куда никому не позволял “залезать”, у Ленина был очень обширным… На окнах всюду были ставни с крепким запором. К тому, что он считал своей частной жизнью, никто не подпускался»[334]. Во всех 55 томах его собрания сочинений и писем автобиографические моменты крайне редки. «Никогда ни о каких своих сновидениях не рассказывал» даже собственной супруге[335]. Ленин точно не страдал сентиментальностью. Крупская замечала: «В альбоме ВИ, кроме карточек родных и старых каторжан, были карточки Золя, Герцена и несколько карточек Чернышевского»[336]. Сестра Мария: «Ни в Смольном, ни в каких других комнатах, в которых жил Ильич, не стояло *никогда*… ни одной фотографии его близких или друзей»[337].

Ленин был явным неврастеником. «Он отличался фантастической целеустремленностью и железной волей, но хрупкой нервной системой, – пишет биограф. – Ленин был очень вспыльчивым, раздражительным, легко впадал в гнев и в ярость; от нервных вспышек сыпь высыпала по телу»[338]. Александр Александрович Богданов, сам врач-психиатр, замечал: «Наблюдая в течение нескольких лет некоторые реакции Ленина, я, как врач, пришел к убеждению, что у Ленина бывали иногда психические состояния с явными признаками ненормальности»[339]. Крупская замечала: «Был у него нервный смешок. Столкновения с близкими людьми переживал сильно. После разрыва с Плехановым – совершенно больной. Когда волновался – очень раздражителен… После споров, дискуссий, когда возвращался домой, был часто сумрачен, молчалив, расстроен»[340].

Ленин редко пребывал в состоянии душевного равновесия. Валентинов подметил у него две крайности: «Состояние его психики никак не может быть “графически” представлено более или менее плавной линией. Линия, перпендикулярно вздымающаяся вверх, линия, перпендикулярно свергающаяся до самого крайнего предела вниз, – вот его психологический график… Это состояние ража, бешенства, неистовства, крайнего нервного напряжения и следующее за ним состояние изнеможения, упадка сил, явного увядания и депрессии… Именно эти перемежающиеся состояния были характерными чертами его

психологической структуры»[341].

Политические противники находили у него множество негативных и даже отвратительных свойств. Потресов отмечал у Ленина «великие изъяны, отрицательные черты, которые, быть может, были бы уместны у какого-нибудь средневекового или азиатского завоевателя, в лучшем случае у главы старомодного заговора, но отнюдь не у современного социалиста, политика, желающего быть выразителем самодеятельного рабочего движения»[342]. Современники наперебой отмечали ленинскую нетерпимость ко всему, что противоречило его собственным взглядам или хотя бы не совпадало с ними. Георгия Соломона «прежде всего отталкивала его грубость, смешанная с непроходимым самодовольством, презрением к собеседнику и каким-то нарочитым (не нахожу другого слова) “наплевизмом” на собеседника, особенно инакомыслящего и не согласовавшегося с ним, и притом на противника слабого, ненаходчивого, небойкого… Он не стеснялся в споре быть не только дерзким и грубым, но и позволять себе резкие личные выпады по адресу противника, доходя часто даже до форменной ругани». Ленин действительно был беспощаден к своим противникам и не стеснялся в выражениях в их адрес. Особенно в отношении противников слабых: «Его “наплевизм” в самую душу человека был в отношении таких оппонентов особенно нагл и отвратителен… В нем не было ни внимательного отношения к мнению противника, ни обязательного джентльменства. Но сколько-нибудь сильных, не поддающихся ему противников Ленин просто не выносил, был в отношении их злопамятен и крайне мстителен, особенно если такой противник раз посадил его в калошу».

Ленин не допускал ни малейшего отклонения от его мыслей и убеждений. Прежние коллеги при появлении разногласий становились заклятыми врагами и испытывали взаимное неприятие на физиологическом уровне, «до проявления какой-то идиосинкразии к нему». Соломону вспоминался «покойный П. Б. Аксельрод, не выносивший Ленина, как лошадь не выносит вид верблюда… П. Б. Струве в своей статье-рецензии по поводу моих воспоминаний упоминает имя покойной В. И. Засулич, которая питала к Ленину чисто физическое отвращение»[343].

При этом и соратники, и недруги отмечали у Ленина те качества, которые обычно присущи подлинным лидером. Прежде всего, он свято верил в свою миссию. Хотя слово «свято» сам бы он категорически отверг как проявление тупого обскурантизма. Он знал себе цену. «Понимал ли он все свое значение? – задавал себе вопрос Бухарин. – Я не сомневаюсь ни одной секунды, что

да»[344]. «Непоколебимая вера в себя, которую много лет позднее я назвал его верою в свою предназначенность, в предначертанность того, что он осуществит какую-то большую историческую миссию, меня сначала шокировала…»[345].

Ленин был уверен в своем безусловном праве руководить партией, хотя бы в силу организационных способностей. И говорил Валентинову: «Плеханов – первоклассный ученый, но я бы очень хотел, чтобы кто-нибудь мне указал, кого за последние 25 лет он организовал и способен ли он вообще что-либо и кого-либо организовать. О других – Аксельроде, Засулич, Старовере – смешно и говорить».

Ленин был фанатиком, каким и бывает вождь. Александр Константинович Воронский – литературный критик, руководивший одновременно военно-боевой организацией большевиков в Свеаборге, – утверждал: «Ленин, конечно, “одержимый”. Он всегда говорит об одном и том же. С разных, иногда с самых неожиданных сторон он десятки раз рассматривает, в сущности, одно основное положение. Вообще же он говорит, как человек, у которого одна основная идея, “мысль мыслей”, непрестанно сверлит и точит мозг и около нее, как по орбитам вокруг солнца планеты, кружатся остальные. Основное ядро никогда не рассеивается в сознании, ни на минуту не уступает своего места гостям. Этот хозяин прочно живет в своем жилище»[346]. Что же это за миссия, за “мысль мыслей”? Как мы знаем, имя ей – революция. Если бы он с юности не думал о ней двадцать четыре часа в сутки, Октябрьской революции могло и не произойти. Ленин был максималистом, действовавшим по принципу, им же провозглашенному: «Кто не за революцию, тот против революции. Кто не революционер, тот черносотенец»[347].

Был ли Ленин мужественным человеком? Да, потому что человек не мужественный в принципе не может претендовать на лидерство, а тем более на борьбу с государственной машиной и на руководство страной. Но он не путал мужество с безрассудным риском и точно не готов был слишком уж рисковать самим собой. «Он никогда не пошел бы на улицу “драться”, сражаться на баррикадах, быть под пулей, – замечал Валентинов. – Это могли и должны были делать другие люди, попроще, отнюдь не он. В своих произведениях, призывах, воззваниях он “колет, рубит, режет”, его перо дышит ненавистью и презрением к трусости… Даже из эмигрантских собраний, где пахло начинающейся дракой, Ленин стремглав убегал. Его правилом было “уходить подобру-поздорову” – слова самого Ленина! – от всякой могущей ему грозить опасности… Он был начальником Генерального штаба и всегда помнил, что во время войны он должен обеспечить

главное командование»[348]. Ленин любил сокрушать своих противников на расстоянии, избегая дуэлей.

К сильным сторонам Ленина – и подпольщика, и руководителя – относилось его крайне внимательное отношение к вопросам конспирации, от него ничего без надобности не утекало. «Устойчивой, непреходящей ленинской страстью была его любовь к секретам, подпольным конспиративным связям, тайным операциям, – писал Волкогонов. – Вождь русской революции был Жрецом тайн: исторических, политических, моральных, партийных, революционных, дипломатических, военных, финансовых. Ленинские “архиконспиративно”, “совершенно секретно”, “тайно”, “негласно” оттеняют одну из существенных граней ленинского портрета»[349]. У него будет больше кличек и псевдонимов, чем у кого-либо в российской истории: Старик, Ильин, Петербуржец, Фрей, Карпов, Тулин, Мюллер, Рихтер, Иорданов, Петров, Майер и множество других.

Нередко входя в раж, Ленин действовал как азартный игрок. «Азарт был свойством его натуры, но он не являлся корыстным азартом игрока, он обличал в Ленине ту исключительную бодрость духа, которая свойственна только человеку, непоколебимо верующему в свое призвание, человеку, который всесторонне и глубоко ощущает свою связь с миром и до конца понял свою роль в хаосе мира, – роль врага хаоса»[350], – замечал Горький. Азарт Ленина отмечала Алексинская, с мужем которой он играл в шахматы: «Есть хорошие шахматисты, которые настолько любят и ценят красивый процесс игры, что сами исправляют ошибки противника, Ленин не из этого числа: его интересует не столько игра, сколько выигрыш. Он пользуется каждой невнимательностью партнера, чтобы обеспечить себе победу. Когда он может взять у противника фигуру, он делает это со всей поспешностью, чтобы партнер не успел одуматься. В игре Ленина нет элегантности»[351].

Безапелляционность суждений Ленина поразительна. Воронский полагал, что Ленин «убеждал, подчиняя слушателей своему хотению и тем, что он не сомневался»[352]. Он редко испытывал сомнения в собственной правоте, даже если потом видел и свои ошибки. Однако для признания ошибок требовалось время. Так, свою чрезмерную левизну в предреволюционный период Ленин признает только в 1921 году в записке, адресованной участникам III конгресса Коминтерна: «…Когда я сам был эмигрантом (больше 15 лет), я несколько раз занимал “слишком левую” позицию (как я теперь вижу)»[353].

Его въедливый американский биограф Луис Фишер, встречавшийся с Лениным, писал: «Придя к какому-либо мнению,

Ленин считал его непоколебимым и защищал его от человеческих доводов и перед лицом неопровержимых фактов, пока оно не заменялось новым взглядом, который Ленин защищал с той же убежденностью. Сомнения занимали мало места в умственном хозяйстве Ленина… Сотрудничество требует определенного компромисса, а этого слова не было в политическом лексиконе Ленина. Он был политическим изоляционистом, пахарем на одинокой борозде»[354].

Действительно, если политика – искусство компромисса, то это не про Ленина. Он, писал Струве, «был лишен абсолютно всякого духа компромисса»[355]. Потресов утверждал: «В пределах социал-демократии, или за ее пределами, в рядах всего общественного движения, направленного против режима самодержавия, Ленин знал лишь две категории людей и явлений: свои и чужие. Свои, так или иначе входящие в сферу влияния его организации, и чужие, в эту сферу не входящие и, стало быть, уже в силу этого одного трактуемые им как враги»[356].

Многие видели Ленина раздраженным и даже взбешенным. Но при этом, похоже, никто не видел его испуганным и смятенным. Ленин, при всей его неврастении, был волевым человеком. Зиновьев называл его «не только гигантом мысли, но гигантом воли, не только великим теоретиком, но и настоящим вождем»[357]. От вождя у Ленина были также безграничное властолюбие и совершенно сознательная и подчеркнутая неразборчивость в средствах. «В своем отношении к людям Ленин подлинно источал холод, презрение и жестокость, – утверждал Струве. – Мне было ясно даже тогда, что в этих неприятных, даже отталкивающих свойствах Ленина был залог его силы как политического деятеля: он всегда видел перед собой только ту цель, к которой шел твердо и непреклонно… Резкость и жестокость… была психологически неразрывно связана, и инстинктивно и сознательно, с его неукротимым властолюбием»[358].

Ленин был внимательным читателем не только Маркса и Энгельса, но и Макиавелли, которого цитировал не раз, порой не называя его имени. Потресов видел: «Цель оправдывает средства!.. Ленин был неукоснительным последователем этого макиавеллевского рецепта политики. Он как нельзя более удачно сумел его сделать основой для деятельности всей той части партии, которая пошла за ним и впоследствии преобразились из социал-демократии в коммунистическую бюрократию советской деспотии и авантюристов Коминтерна».

Но даже многие оппоненты Ленина ощущали на себе обаяние именно харизматической личности. Так, Потресов признавал, что

«ни Плеханов, ни Мартов, ни кто-либо другой не обладали секретом излучавшегося Лениным прямо гипнотического воздействия на людей, я бы сказал – господства над ними. Плеханова – почитали, Мартова – любили, но только за Лениным беспрекословно шли, как за единственным бесспорным вождем. Ибо только Ленин представлял собой, в особенности в России, редкостное явление человека железной воли, неукротимой энергии, сливающего фанатическую веру в движение, в дело, с не меньшей верой в себя»[359].

Что уж говорить о соратниках. Луначарский утверждал: «Очарование это колоссально, люди, попадающие близко в его орбиту, не только отдаются ему как политическому вождю, но как-то своеобразно влюбляются в него»[360]. Валентинов свидетельствовал: «Сказать, что я в него “влюбился”, немножко смешно, однако этот глагол, пожалуй, точнее, чем другие, определяет мое отношение к Ленину в течение многих месяцев»[361]. И подтверждал, что «к Ленину что-то притягивало». Что «когда Ленина величали “стариком”, это, в сущности, было признание его “старцем”, то есть мудрым, причем с почтением к мудрости Ленина сочеталось какое-то непреодолимое желание ему повиноваться»[362].

Ленин импонировал своим сторонникам и почитателям живостью, непосредственностью, оптимизмом и своеобразным чувством юмора. «Он умел с одинаковым увлечением играть в шахматы, рассматривать “Историю костюма”, часами вести спор с товарищем, удить рыбу, ходить по каменным тропам Капри, раскаленным солнцем юга, любоваться золотыми цветами дрока и чумазыми ребятами рыбаков, – будет вспоминать Горький. – А вечером, слушая рассказы о России, о деревне, завистливо вздыхал:

– А мало я знаю Россию. Симбирск, Казань, Петербург, ссылка и – почти все!

Он любил смешное и смеялся всем телом, действительно “заливался” смехом, иногда до слез. Краткому, характерному восклицанию “гм-гм” он умел придавать бесконечную гамму оттенков, от язвительной иронии до осторожного сомнения, и часто в этом “гм-гм” звучал острый юмор, доступный человеку очень зоркому, хорошо знающему дьявольские нелепости жизни»[363]. Луначарский писал, что Ленин «был живым, веселым – мажорным человеком»[364].

Был ли Ленин великим оратором? Если понимать под ораторским искусством специальные риторические приемы, образность, пафос, поставленный голос, искрящийся юмор, отточенные метафоры, умение заставлять толпу неистовствовать,

то скорее ничем этим Ленин не владел. Ему далеко в этом отношении было не только до Муссолини, Гитлера, Керенского или Троцкого, но и до Бухарина, Зиновьева или Луначарского. Даже Крупская весьма сдержанно описывала качества мужа как оратора: «Голос был громкий, но не крикливый, грудной, тенор… Голос выразительный, но монотонный… Речь простая была, не вычурная и не театральная, не было “естественной искусственности”… Перед всяким выступлением очень волновался: сосредоточен, неразговорчив, уклонялся от разговоров на другие темы, по лицу видно, что волнуется, продумывает. Обязательно писал план речи»[365].

Луначарский подтверждал: «Владимир Ильич терпеть не мог красивых фраз, никогда их не употреблял, никогда не писал красиво, никогда не говорил красиво и даже не любил, чтобы другие красиво писали и говорили, считая, что это отчасти вредит деловой постановке вопроса» [366]. А Соломон так и прямо писал: «Он был очень плохой оратор, без искры таланта: говорил он хотя всегда плавно и связно и не ища слов, но был тускл, страдал полным отсутствием подъема и не захватывал слушателя».

Формально несильный оратор, Ленин тем не менее неплохо знал психологию масс и был в состоянии электризовать дружественные аудитории и вызывать шок в недружественных. Тот же Соломон признавал, что «в России и до большевистского переворота, и после него толпы людей слушали его внимательно и подпадали под влияние его речей», и это объяснялось тем, что «он говорил всегда умно, а главное, тем, что он говорил всегда на темы, сами по себе захватывающие его аудиторию…»[367]. Большое впечатление на слушателей в его выступлениях производили абсолютная безапелляционность и относительная (в сравнении со многими другими интеллигентами-революционерами) простота. Сталин говорил: «Необычайная сила убеждения, простота и ясность аргументации, короткие и всем понятные фразы, отсутствие рисовки, отсутствие головокружительных жестов и эффектных фраз, бьющих на впечатление, – все это выгодно отличало речи Ленина от речей обычных “парламентских” ораторов»[368].

Академик Пивоваров считает главной ударной чертой Ленина, позволявшей ему добиваться успеха, «гениальное упростительство»: «Упростить ситуацию до абсурда, свести многообразие и сложность к элементарному, принципиальную поливариантность истории – к прямой, как полет пули, линии»[369].

Описание Ленина как оратора оставил Троцкий – сам мастер

красноречия: «Оратор продумал заранее свою мысль до конца, до последнего практического вывода, – мысль, но не изложение, не форму, за исключением разве наиболее сжатых, метких, сочных выражений и словечек, которые входят затем в политическую жизнь партии и страны звонкой монетой обращения. Конструкция фраз обычно громоздкая, одно предложение напластовывается на другое или, наоборот, забирается внутрь его. Для стенографов такая конструкция – тяжкое испытание, а вслед за ними – и для редакторов. Но через эти громоздкие фразы напряженная и властная мысль прокладывает себе крепкую, надежную дорогу…»[370].

У Ленина в выступлениях было немало узнаваемых привычек. «Говоря или споря, Ленин как бы приседал, делал большой шаг назад, одновременно запускал большие пальцы за борт жилетки около подмышек и держа руки сжатыми в кулаки. Прихлопывая правой ногой, он делал затем небольшой быстрый шаг вперед и, продолжая держать большие пальцы за бортами жилетки, распускал кулаки, так что ладони с четырьмя пальцами изображали растопыренные рыбьи плавники. В публичных выступлениях такая жестикуляция имела место сравнительно редко. При разговорах же, особенно если Ленин вдалбливал своим слушателям какую-нибудь мысль, в каждый данный момент он всегда бил словом только в одну мысль, эта жестикуляция, этот шаг вперед и шаг назад, игра сжатым и разжатым кулаком – происходила постоянно»[371].

Ленин умел – точно, лучше других идеологов партии – находить для партии деньги. И мы это еще увидим. А денег партии революционной, подпольной, которой надо организовать укрытия, явки, транспорт, типографию, литературу, оружие, готовить боевиков, содержать кадры, нужно много. Ленин не столько зарабатывал сам, сколько подвигал других обеспечивать своей партии финансовую основу. В стране было немало состоятельных людей, готовых жертвовать на дело борьбы с самодержавием. Так, из среды старообрядческого бизнеса шла финансовая поддержка и большевистских организаций, которые через Максима Горького получали деньги от текстильного короля Саввы Морозова, нефтяного магната Дмитрия Сироткина и других[372]. Благодаря контролю над партийной кассой – секретными счетами в швейцарских и французских банках – Ленин, даже потерпев тактическое поражение, сохранял за собой «силу кошелька».

Ленин прекрасно понимал, что кадры решают все, и умел использовать людей. Отбирал сам и очень строго, хотя и нередко ошибался. «Ленин недоверчив, мало, вернее, совсем не доверяет

рекомендациям, суждениям даже близких товарищей, полагаясь только на свой глаз и слух»[373]. Предпочитал тех, кто уже чего-то добился. «Увлечение людьми, проявившими решительность или просто удачно проведшими порученную им операцию, свойственно было Ленину в высшей степени до конца его жизни, – подтверждал Троцкий. – Особенно он ценил людей действия»[374].

Валентинов был «несколько смущен атмосферой поклонения, которой его окружала группа, называвшая себя большевиками… Никто из его свиты не осмелился бы пошутить над ним или при случае дружески хлопнуть по плечу. Была какая-то незримая преграда, линия, отделяющая Ленина от других членов партии, и я ни разу не видел, чтобы кто-нибудь ее переступил»[375]. Потресов не был в восторге от кадровой политики Ленина и писал, что он собрал много «энергичных, смелых и способных людей, наградив их, однако, в придачу к этим добрым качествам и недобрым – моральной неразборчивостью, часто моральной негодностью и непозволительным авантюризмом». «Он умел подбирать вокруг себя расторопных, способных, энергичных, подобно ему волевых людей, безгранично в него верящих и беспрекословно ему повинующихся, но людей без самостоятельной индивидуальности, без решимости и способности иметь свое особое мнение, отличное от мнения Ленина, и тем более способности отстаивать перед Лениным это особое мнение. Естественная и законная во всякой организованной партии дисциплина переходила здесь в полувоенную субординацию»[376].

То, что у Ленина не было друзей, подтверждали многие. Дорогим другом он сам называл разве что Инессу Арманд. «Сколько я помню, у Ленина не было близких, закадычных, интимных друзей, – утверждал Соломон. – У него были товарищи, были поклонники – их была масса, – боготворившие его чуть не по-институтски и все ему прощавшие»[377]. Тэффи, наблюдая за общением Ленина с коллегами по партии, отмечала, что «каждый был только материалом, из которого вытягивал Ильич нитки для своей ткани… Друзей и любимцев у него, конечно, не было. Человека не видел ни в ком… Всякий был хорош, поскольку нужен делу. А не нужен – к черту. А если вреден или даже просто неудобен, то такого можно и придушить. И все это очень спокойно, беззлобно и разумно. Можно сказать, даже добродушно»[378].

Ленин использовал людей. И был безжалостен ко многим использованным. «Не поддаться Ленину было нельзя, – утверждал Валентинов. – Не подчиниться ему – можно лишь разрывая с ним»[379]. Ленин сменит вокруг себя много команд. «Держался и

двигался рядом лишь тот, кто понимал партийное дело правильно, и лишь – пока понимал, – напишет Солженицын. – … Уходили – все подряд, и какая сила уверенности нужна была – не усумниться, не закачаться, не побежать за ними мириться, но, провидя будущее, стоять и знать: сами возвратятся, сами очнутся, а кто не вернется – и пропади»[380].

Отдельным ресурсом Ленина – и немалым – оказалась его супруга. Тыркова-Вильямс писала: «Не она ли первая признала в нем вождя? Признала и с тех пор стала его неутомимой, преданной сотрудницей»[381]. Крупская по-прежнему держала в своих руках очень многие нити, связывавшие эмиграцию с партийными ячейками внутри России. Троцкий подтверждал, что именно Крупская «стоит в центре всей организационной работы, принимает приезжающих из России товарищей, дает инструкции отъезжающим, устанавливает нелегальные связи, пишет конспиративные письма, зашифровывает и расшифровывает»[382].

С Альпийских гор осенью 1904 года «Ильичи» спустились полными сил и смелых планов. И не одни.

Новая жизнь

План, как его описала Крупская, был дерзок: «Тем временем, когда ЦК в России вел двойственную примиренческую политику, комитеты состояли из большевиков. Надо было, опираясь на Россию, созвать новый съезд. В ответ на июльскую декларацию ЦК, которая лишала ВИ возможности защищать свою точку зрения и сноситься с Россией, ВИ вышел из ЦК»[383].

Человеком, вновь внушившим Ленину уверенность в его силах, был Александр Александрович Богданов (Малиновский). Врач-психиатр и профессиональный революционер, он был известен в партийной среде как автор «Краткого курса экономической науки» и «Основных элементов исторического взгляда на природу». Имел обширные литературные связи в Петербурге и Москве, в частности с Горьким. «Около Ленина, твердо решившего организовать свою партию, не было ни одного крупного литератора, даже, правильнее сказать, кроме Воровского, вообще не было людей пишущих. Богданов, объявивший себя большевиком, был для него сущей находкой, и за него он ухватился. Богданов обещал привлечь денежные средства в кассу большевизма, завязать сношения с Горьким, привлечь на сторону Ленина вступающего в литературу бойкого писателя и хорошего оратора Луначарского (женатого на сестре Богданова), Базарова, молодых марксистетвующих московских профессоров»[384]. Именно Богданов уговорил Ленина вернуться в Женеву и взяться за дело.

Крупская рассказывала, что в горах «нервы у ВИ пришли в норму… Август мы провели вместе с Богдановым, Ольминским, Первухиными в глухой деревушке около озера Lac de Bre… Наметили издавать свой орган за границей и развивать в России агитацию на съезде. Ильич совсем повеселел… Осенью, вернувшись в Женеву, мы из предместья Женевы перебрались поближе к центру, ВИ записался в “Societe de Lecture”, где была громадная библиотека и прекрасные условия для работы»[385].

«Как только Ильич окончательно решил действовать, его нельзя было узнать, – писал Лядов. – У него был уже готовый план. Мы вместе с вновь прибывшими из России товарищами образуем конференцию партработников, стоящих на позициях “большинства”. От имени этой конференции выступаем с воззванием… начинаем усиленную агитацию за созыв экстренного съезда. При сочувствии основных организаций созываем одну или ряд конференций в России, проводим на них нашу платформу, предлагаем им утвердить фракционный центр,

который назовем Бюро Комитетов Большинства, и признать своим органом газету “Вперед”, которую сейчас начнет выпускать редакция из Ленина, Богданова, Луначарского, Ольминского и Воровского»[386].

Ленин созвал собрание, которое сохранится в истории партии как «совещание 22-х большевиков», пригласив самых верных своих соратников. «Большевики-мужья с большевичками-женами придавали совещанию несколько “семейный” вид. В числе двадцати двух были Ленин, Крупская и только что приехавшая из Москвы сестра Ленина – Мария Ильинична; Богданов и его жена, Луначарский и его жена, Бонч-Бруевич и его жена (В. М. Величкина), Гусев и его жена, Лепешинский и его жена, Красиков, Воровский, Ольминский, Лядов-Мандельштам, Землячка (член ЦК, прибывшая из России)». Написавший это Валентинов на совещание приглашен не был. Увлекаясь философией, он имел неосторожность дать Ленину почитать показавшиеся ему интересными книги эмпириокритиков Маха и Авенариуса. После чего имел еще большую неосторожность поспорить с Лениным на философские темы, а затем даже пообщаться с Мартовым. Ленин навсегда отлучил Валентинова от круга соратников как «хлюпкого интеллигента, желающего топить партийные и революционные вопросы в морализирующей блевотине».

На совещании «Богданов сидел “одесную” Ленина в качестве главнейшего компаньона, persona grata организующейся новой партии»[387]. Приняли обращение «К партии», которое стало программой действий за созыв III съезда. «Ленин на конференции был особенно радостен, – заметила Розалия Самойловна Землячка (Залкинд, Демон, Осин, Роза). – Кончался период мелких дрязг, кружковщины, тяжелой, утомительной борьбы по мелочам с нечестными вылазками меньшевиков и примиренцев»[388]. На трех областных конференциях большевистских комитетов (Южной, Кавказской, Северной) было избрано Бюро комитетов большинства, которое этим и занялось[389]. Бауман получил задание создать в Москве Русское бюро ЦК, которое доводило бы указания Ленина до местных парторганизаций.

Тот писал Богданову 21 ноября: «Тактика меньшинства выяснилась вполне, в ее новом виде: полное игнорирование и замалчивание литературы большинства и существования большинства, устранение полемики из ЦО… Большинству необходимо выступить со своим органом: для этого недостает денег и корреспонденций»[390]. В декабре Богданов вернулся в Петербург. Михаил Покровский скажет: «А. А. Богданов – это был великий визирь этой большевистской державы. Поскольку он

управлял непосредственно и постоянно сидел в России, тогда как Ильич до революции 1905 г. был в эмиграции, постольку Богданов больше влиял на политику партии…»[391]. Литвинову «была поручена “граница”, т. е. организация транспорта, перевозка и при содействии контрабандистов нашей большевистской литературы правильное снабжение ею парторганизаций на местах, а также организация перехода границы нашими людьми»[392]. Ленин информировал его 8 декабря: «Будь возможна конференция за границей, я бы был всецело за нее. В России же это дьявольски опасно, волокитно и малопроизводительно. Между тем Одесса + Николаев + Екатеринослав уже спелись и поручили “22-м” “назначить Организационный комитет”. Мы ответили рекомендацией названия “Бюро Комитетов Большинства” и семерки кандидатов (Русалка, Феликс, Землячка, Павлович, Гусев, Алексеев, Барон)”. В переводе с наивного конспиративного языка – Лядов, Литвинов, Землячка, Красиков, Гусев, Алексеев и Эдуард Эдуардович Эссен. «Бюро будет официальным органом объединения комитетов и фактически вполне заменит ЦК на случай раскола… За транспорт беритесь Вы, и поэнергичнее»[393].

Большевистский центр расположился на углу населенными русскими эмигрантами «Каружки» (Rue de Carouge) и набережной реки Арвы. «Чуть не каждый вечер собирались большевики в кафе Ландольт и подолгу засиживались там за кружкой пива, обсуждая события в России, строя планы»[394]. 24 декабря он писал Марии Моисеевне Эссен: «Дорогая зверушка!.. У нас теперь подъем духа и заняты все страшно: вчера вышло объявление об издании нашей газеты “Вперед”. Все большинство ликует и ободрено, как никогда. Наконец-то порвали эту поганую склоку и заработаем дружно вместе с теми, кто хочет работать, а не скандалить! Группа литераторов подобралась хорошая, есть свежие силы, деньжонок мало, но вскоре должны быть. Центральный Комитет, предавший нас, потерял всякий кредит, кооптировал (подло – тайком) меньшевиков и мечется в борьбе против съезда. Комитеты большинства объединяются, выбрали уже бюро, и теперь орган объединит их вполне. Ура!.. Будьте бодры; помните, что мы с Вами еще не так стары, – все еще впереди»[395].

Пока Ленин отдыхал в горах и за кружкой пива воссоздавал свою организацию, в России – и без его участия – зрела революция, основными движущими силами которой выступали эсеры, либеральные земцы, интеллигенция, финские и польские сепаратисты, японские и британские спецслужбы. В середине 1904 года, во многом из-за безрадостных новостей с Дальнего

Востока, оппозиция стала чувствовать, что самодержавие – раненый зверь. 15 июля бомба, брошенная рукой эсеровского боевика Сазонова, разорвала около Варшавского вокзала в Петербурге министра внутренних дел Плеве (в 1904–1907 годах БО совершит более двухсот крупных терактов, включая убийство дяди императора, великого князя Сергея Александровича). Чернов писал об этом в восторженных тонах: «Метко нацеленный и безошибочно нанесенный удар сразу выдвинул Партию социалистов-революционеров в авангардное положение по отношению ко всем остальным элементам освободительного движения»[396]. Организатор теракта Азеф прибыл в Женеву «естественно, как триумфатор. Вся сколько-нибудь левая Россия праздновала гибель Плеве. Никогда авторитет эсеров не был так высок»[397]. Торжествовали и либералы из Союза освобождения – полулегальной партии, которая в 1905-м объединится с Союзом земцев-конституционалистов в Конституционно-демократическую партию (кадеты) во главе с Милюковым.

МВД возглавил Петр Дмитриевич Святополк-Мирский – либеральный бюрократ, настроенный на реформы, он разрешил проведение в ноябре 1904 года Земского съезда. Но интеллигенция уже требовала большего.

Годы царствования Николая II были ознаменованы блестящими интеллектуальными и духовными свершениями, получившими название «Серебряного века». Наша культура начала активно завоевывать Европу, ошеломленную дягилевскими «Русскими сезонами», живописью «Мира искусств» и авангарда, богатством новой литературы. Однако и яркие творцы этих свершений продолжали находиться в жесточайшей оппозиции режиму. Даже у богемы, почти поголовно сидевшей на кокаине, пускавшей себе в глаза атропин, чтобы зрачки были шире, говорившей звенящими и далекими «унывными» голосами, доминировали резко оппозиционные настроения. Как свидетельствовал певец Александр Вертинский, «каждый был резок в своих суждениях, щеголял надуманной оригинальностью взглядов и непримиримостью критических оценок»[398]. В смуту 1905 года русская интеллигенция шла под лозунгами «Долой самодержавие!», который становился объединяющим паролем для всей прогрессивной общественности.

Либералы решили «вступить в правильные сношения с революционными партиями», для чего отправились в Париж на съезд «оппозиционных и революционных партий». Милюков «мог заметить только, что около съезда особенно хлопочет финляндец Конни Циллиакус… Мысль о съезде явилась у поляков на амстердамском социалистическом съезде; прямая цель была при

этом воспользоваться войной с Японией для ослабления самодержавия; Циллиакус снабдил оружием польских социалистов. Он же и ввел на съезд Азефа и, несомненно, участвовал в качестве “активиста”, в попытке осуществить, по его же словам, – “глупейший и фантастичнейший, но тогда казавшийся осуществимым” план ввезти в Петербург морем оружие в момент, когда там начнется восстание… Деньги, которые были нужны для пораженческих мероприятий, были получены Циллиакусом, целиком или отчасти, через японского полковника Акаши»[399].

В самой России, в Санкт-Петербурге, в ноябре собрался Земский съезд, на котором впервые в российской истории легально прозвучали призывы к принятию Конституции и созыву парламента. Резолюции съезда стали распространяться по стране, будоража либеральную общественность. Следует заметить, что наши либералы, которые были вынуждены соперничать за симпатии народа с исключительно радикальными социалистическими организациями, сами занимали гораздо более левые позиции, чем аналогичные группы в Западной Европе. Так, они не имели ничего против экспроприации крупных помещичьих имений, государственных и церковных земель. Затем пошла «банкетная кампания» якобы по поводу полувека судебной реформы, когда оппозиционные речи произносились в виде тостов. Встал вопрос о союзе социал-демократии и либеральной оппозиции. Ленин «высмеял самую идею плана: подменить борьбу с царизмом дипломатической поддержкой бессильной оппозиции»[400].

1905 год начинался для России трагически. 21 декабря 1904 года (3 января 1905 года) Николай II записал в дневник: «Получил ночью потрясающее известие от Стесселя о сдаче Порт-Артура японцам ввиду громадных потерь и болезненности среди гарнизона и полного израсходования снарядов!.. Защитники все герои и сделали более того, что можно было предполагать»[401]. Совершенно другие чувства падение Порт-Артура вызвало у оппозиции. Ленин был в восторге: «Капитуляция Порт-Артур есть пролог капитуляции царизма»[402]. Струве уверял, что народная Россия «разбужена от векового политического сна дальневосточной грозой», и предсказывал приход решающего момента в объединении всего общества против самодержавия[403].

Делегация Союза Освобождения встречалась с руководителем крупнейшего профсоюза (легального, «зубатовского» – связанного с МВД) – Собрания русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга – отцом Григорием Гапоном. Он предложил проведение беспрецедентной акции – вручение 9 (21) января царю

петиции с требованиями рабочих. Николай II уехал накануне в Царское Село. В его отсутствие петербургский градоначальник генерал Фултон применил оружие, чтобы не допустить демонстрантов на площадь перед Зимним дворцом. Около 200 человек было убито, 800 ранено.

Весть об этой трагедии, вспоминала Крупская, долетела до Женевы на следующее утро. «Мы пошли туда, куда инстинктивно потянулись все большевики… – в эмигрантскую столовую Лепешинских… Запели “Вы жертвою пали…”, лица стали сосредоточенны»[404]. В России пошли митинги протеста, рабочие стачки, кровавые столкновения демонстрантов с полицией – в Риге, Варшаве, Одессе. За один месяц бастовало больше людей, чем за предшествующее десятилетие. «Самодержавие ослаблено, – вдохновился Ленин. – В революцию начинают верить самые неверующие. Всеобщая вера в революцию есть уже начало революции». Но, признавал он, 9 января «обнаружило весь гигантский запас революционной энергии пролетариата и всю недостаточность организации социал-демократов»[405]. Как создать такую организацию и сделать ее массовой? Ответ Ленин рассчитывал получить у… Гапона.

Вскоре Гапон приехал в Женеву. Рассказывала Крупская: «Попал он сначала к эсерам, и те старались изобразить дело так, что Гапон их человек… В то время Гапон стоял в центре всеобщего внимания, и английский “Times” платил ему бешеные деньги за каждую строчку. Через некоторое время… пришла под вечер какая-то эсеровская дама и передала ВИ, что его хочет видеть Гапон. Условились о месте свидания на нейтральной почве, в кафе. Наступил вечер. Ильич не зажигал у себя в комнате огня и шагал из угла в угол. Гапон был живым куском нараставшей в России революции… и Ильич волновался этой встречей»[406]. Еще бы! Ведь этот священник вывел на улицы Петербурга 150 тысяч человек! Мария Ильинична напишет: «Брат проводил с ним долгие часы, расспрашивая о движении питерских рабочих…»[407].

Ленин взялся наставить Гапона на марксистский путь истинный и 8 февраля писал в газете «Вперед»: «Пожелаем, чтобы Г. Гапону, так глубоко пережившему и перечувствовавшему переход от воззрений политически бессознательного народа к воззрениям революционным, удалось доработаться до необходимой для политического деятеля ясности революционного миросозерцания»[408]. Гапон оказался плохим учеником. «Он уделял немало времени, чтобы учиться стрелять в цель и ездить верхом, но с книжками дело у него плохо ладилось. Правда, он, по совету Ильича, засел за чтение плехановских

сочинений, но читал их как бы по обязанности»[409].

И у Гапона была собственная повестка. По его инициативе в Париже была организована конференция 18 российских социалистических организаций. Меньшевики побрезговали участвовать. Ленин принял приглашение сразу. Полагаю, ни он, ни даже Гапон не подозревали, что основными спонсорами мероприятия выступали все те же… японские спецслужбы. Российскому Департаменту полиции было известно о передаче японцами Гапону в Париже 50 тысяч рублей[410]. Конференция открылась 20 марта (2 апреля), из 18 приглашенных Гапоном партий приехали представители 11. Ведущую роль играли эсеры – Чернов и Брешко-Брешковская. Ленин расскажет: «Мы, представители и от редакции «Вперед», и от Бюро комитетов большинства, на конференцию явились. Мы здесь увидели, что конференция является игрушкой в руках с.-р.» [411].

Ленин конференцию покинул, не желая подыгрывать эсерам, в ряды которых Гапон вступил 1 мая. Но контакты с Гапоном и его соратниками у большевиков не прекращались. Теперь они касались отправки в Россию оружия. В центре операции был все тот же Циллиакус, много лет проживший в Японии. Этот борец за независимость Финляндии убеждал коллег-революционеров, что средства на оружие и другие цели поступают на имя Гапона от американской демократической общественности, восхищенной борьбой российских трудящихся за свободу. Коллеги верили или делали вид, что верили.

Подтверждала Крупская: «Гапон взял на себя задачу снабдить питерских рабочих оружием. В распоряжении Гапона поступали всякого рода пожертвования. Он закупал в Англии оружие. Наконец дело было слажено. Найден был пароход – “Джон Графтон”, капитан которого согласился везти оружие и сгрузить его на одном из островов невдалеке от русской границы… ВИ видел во всем предприятии переход от слов к делу. Оружие нужно рабочим во что бы то ни стало. Из всего предприятия, однако, ничего не вышло. “Графтон” сел на мель…»[412].

Игры с Гапоном и финско-японским оружием не отвлекали Ленина от главной цели – собрать новый съезд, который он назовет Третьим, и создать свой ЦК. В России пошла агитация за выборы делегатов. Эта операция удалась. В версии Троцкого: «Руководимый Красиным примиренческий Центральный Комитет капитулировал, в конце концов, перед “незаконным” Бюро комитетов большинства и примкнул к съезду, которого не сумел предотвратить»[413].

Ленинцы пригласили на свой съезд все организации РСДРП. Но меньшевики участвовать отказались и провели в Женеве

отдельную конференцию. «Сейчас ждем съезда, – писал Ленин в начале апреля Преображенскому, – на днях откроется. Все еще не выяснилась позиция ЦК и Плеханова. Пахнет так, будто раскол неизбежен»[414]. Лидер большевиков был прав. «Два съезда – две партии», – позже охарактеризует Ленин положение в РСДРП.

Большевистский съезд все-таки прошел в Лондоне 12–27 апреля (25 апреля – 10 мая). Съехались 24 делегата от 21 комитета, 14 делегатов с совещательным голосом. Лядов вспоминал: «Тайком переправили мы всех делегатов за границу. В Лондоне уже поджидал нас Ильич. В маленьком чердачном помещении тов. Алексеева была разбита наша штаб-квартира. С каждым делегатом Ильич вел здесь долгую беседу…»[415].

В числе делегатов съезда были Алексеев, Богданов, Владимиров, Джапаридзе, Землячка, Каменев, Красиков, Красин, Крупская, Литвинов, Луначарский, Лядов, Постоловский, П. П. Румянцев, Рыков, Скрыпник, Шкловский, Эссен. «На съезд от ЦК приехал и Зоммер (он же Марк Любимов) и Винтер (Красин), – рассказывала Крупская. – Марк имел архимрачный вид. Красин – такой, точно ничего не случилось. Делегаты бешено нападали на ЦК за его примиренческую позицию. Марк сидел мрачнее тучи и молчал. Молчал и Красин, подперев рукой щеку, но с таким невозмутимым видом, точно все эти ядовитые речи не имели к нему ровно никакого отношения».

На правах старейшего открывал съезд Михо Цхакая. Ленин председательствовал и выступал, как свидетельствуют протоколы съезда, 140 раз. Он сделал доклады по двум вопросам повестки – об участии социал-демократов во Временном революционном правительстве и о поддержке крестьянского движения – и отметился в прениях по всем остальным. Он написал все основные резолюции съезда. Заседаний было больше, чем делегатов, – 26. Естественно, была подтверждена законность именно лондонского съезда, а ответственность за раскол в РСДРП возложена на членов «бывшего Совета партии» – Плеханова, Мартова и Аксельрода. «Вопрос об “обуздании заграницы” ставился не только комитетчиками, но и другими видными работниками, – замечала Крупская. – Во главе оппозиции заграница шел Богданов»[416].

Доклад организационного комитета делали Богданов и Красин, о вооруженном восстании – Луначарский и Богданов, об отношении к политике правительства – Румянцев, об участии во Временном революционном правительстве – Ленин. Выступления были боевые. «Вся история последнего года показала, что мы недооценивали значение и неизбежность восстания, – утверждал Ленин. – Надо обратить внимание на практическую сторону

дела».

В специальной резолюции съезд призвал, сохраняя конспиративность, готовиться «к открытой деятельности социал-демократической партии, не останавливаясь при этом и перед столкновением с вооруженной силой правительства»[417].

«По вопросу об образовании особых боевых групп я могу сказать, что считаю их необходимыми», – настаивал Ленин.

Вопрос о Временном революционном правительстве был поднят не потому, что Ленин уже планировал создание такого правительства, нет, он считал, что обсуждение вопроса «с точки зрения ближайшего практического осуществления было бы донкихотством». Но дискуссия была навеяна его литературной полемикой с меньшевиком Мартыновым, который стращал Ленина необходимостью брать власть в случае успеха революции. Лидер большевиков не боялся власти. Но.

«Если мы бы даже завладели Петербургом и гильотинировали Николая, – мечтал Ленин, – то имели бы перед собой несколько Вандей»[418].

Он предлагал допустить «участие во Временном революционном правительстве уполномоченных нашей партии в целях беспощадной борьбы со всеми контрреволюционными попытками». В 1917 году Ленин откажется от своей же позиции.

С подачи Ленина заметно радикализировалась аграрная программа большевиков, теперь она заключалась в конфискации помещичьих и царских земель.

Именно в Лондоне была де-факто создана большевистская партия. В состав ее ЦК вошли Ленин, Красин, Богданов, Рыков и Постоловский. Но Ленин не рвал с остальной партией, резолюция съезда поручала «ЦК принять все меры к подготовке и выработке условий слияния с отколовшейся частью РСДРП» на следующем съезде[419].

По решению съезда с 14 (27) мая вместо «Вперед» стала выходить газета «Пролетарий». Но, вопреки воле Ленина, съезд проголосовал за то, чтобы подчинить зарубежную редакцию контролю ЦК. Не удалось также лидеру партии добиться решения о том, чтобы рабочие составляли большинство в комитетах на местах – делегаты не были уверены в своей способности найти нужное количество пригодных для этого пролетариев.

Меж тем, как отмечал большевик Александр Шляпников, в начале 1905 года «движение шло помимо наших партийных организаций»[420]. К резкому обострению напряженности в стране привели известия о гибели посланной на Дальний Восток эскадры адмирала Рожественского в Цусимском проливе 14–15 (27–28) мая 1905 года. Из двадцати судов 13 были потоплены, 4 –

захвачены японцами. Вспыхнули крупные восстания на Черноморском флоте, в числе которых бунт на броненосце «Потемкин» был далеко не единственным.

Но после восстания на «Потемкине» – первого серьезного бунта в российских вооруженных силах после восстания декабристов – для Ленина «вопрос о возвращении был главной темой разговоров, обсуждался ежедневно и на разные лады». Он уже планировал эффектно вернуться в Россию на «Потемкине». Михаил Иванович Васильев-Южин получил от Ленина инструкцию. «Разговор был недолгий.

– По постановлению Центрального Комитета вы, товарищ Южин, должны возможно скорее, лучше всего завтра же, выехать в Одессу, – начал Ильич.

Я вспыхнул от радости…

– Постарайтесь во что бы то ни стало попасть на броненосец, убедите матросов действовать решительно и быстро. Добейтесь, чтобы немедленно был сделан десант. В крайнем случае не останавливайтесь перед бомбардировкой правительственных учреждений. Город нужно захватить в наши руки. Затем немедленно вооружите рабочих и самым решительным образом агитируйте среди крестьян. На эту работу бросьте возможно больше наличных средств одесской организации. В прокламациях и устно зовите крестьян захватывать помещичьи земли… Дальше необходимо сделать все, чтобы захватить в наши руки остальной флот. Я уверен, что большинство судов примкнет к “Потемкину”… Тогда немедленно присылайте за мной миноносец. Я выеду в Румынию».

Васильев-Южин обещал прислать за ним в Румынию «не только миноносец, а также крейсер или броненосец, если восстание окажется действительно победоносным»[421]. Но Румынии историей тогда была уготована немного другая роль. Именно к ее берегу пристал мятежный «Потемкин», где матросы сдались властям. Вернуться на броненосце в тот раз Ленину не получилось.

От революционных событий отвлекали меньшевики, вынесшие на рассмотрение Второго Интернационала вопрос о расколе в РСДРП, прямо обвиняя в нем Ленина. 24 июля тот представил в секретариат Международного социалистического бюро свою версию событий II и III съездов и счел западную социал-демократию «крайне предубежденной в вопросе о расколе в рядах российской социал-демократии». Ленин 28 июля информировал ЦК: «Плеханов невероятно нахально поступил, написав в Международное социалистическое бюро, что его уже признали (!) обе фракции, и обругав, опорочив всячески наш III

съезд… Не забывайте, что все почти заграничные социал-демократы на стороне “икон” и нас считают ничем, третируют».

Наличным составом большевиков Ленин не слишком доволен. 2 августа он писал Луначарскому: «Борьба идет серьезная, III съезд вовсе не закончил ее, разумеется, а только открыл новую фазу ее, искровцы подвижны и суетливы, беззастенчивы по-торгашески, искушенные долгим опытом демагогии, – а у наших преобладает какая-то “добросовестная глупость” или “глупая добросовестность”. Не умеют бороться сами, неловки, неподвижны, неуклюжи, робки… Милые ребята, но ни к дьяволу негодные политики. Нет у них цепкости, нет духа борьбы, ловкости, быстроты»[422].

В июле выходит брошюра Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Главная мысль была действительно оригинальной для марксизма – при всей его резиновости пролетариат не только может, но и должен выступать вождем, гегемоном в буржуазно-демократической революции. До этого считалась, что в такой революции гегемоном должна быть буржуазия. Причем «победоносным борцом за демократизм» рабочий класс может оказаться лишь при том условии, если к его революционной борьбе присоединится масса крестьянства, которое «в данный момент заинтересована не столько в безусловной охране частной собственности, сколько в отнятии помещичьей земли, одного из главных видов этой собственности».

Ленин уверял: «Решительная победа революции над царизмом есть *революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства*… Это может быть только диктатурой, потому что осуществление преобразований, немедленно и непременно нужных для пролетариата и крестьянства, вызовет отчаянное сопротивление и помещиков, и крупных буржуа, и царизма. Без диктатуры сломить это сопротивление, отразить контрреволюционные попытки невозможно». И здесь же зачатки теории и немедленного перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, и перманентной революции. «От революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути». Необходимо «принять *самые энергичные* меры для вооружения пролетариата и обеспечения возможности непосредственного руководства восстания»[423].

Ленин и сам не терял время зря. Крупская писала: «Ильич не

только перечитал и самым тщательным образом проштудировал, продумал все, что писали Маркс и Энгельс о революции и восстании, – он прочел немало книг и по военному искусству, обдумывая со всех сторон технику вооруженного восстания, организацию его. Он занимался этим делом гораздо больше, чем это знают, и его разговоры об ударных группах во время партизанской войны, “о пятках и десятках” были не болтовней профана, а обдуманным всесторонне планом». Каждое утро Ленин приходил в библиотеку и «брал оставленную со вчерашнего дня книгу о баррикадной борьбе, о технике наступления, садился на привычное место к столику у окна, приглаживал привычным жестом жидкие волосы на лысой голове и погружался в чтение… Большевики изыскивали все средства, чтобы переправлять в Россию оружие, но то, что делалось, была капля в море. В России образовался Боевой комитет (в Питере), но работал он медленно»[424].

Во главе большевистского Боевого комитета стоял Красин, ставший – вместе с Богдановым – одним из ближайших соратников Ленина. Говорили о них как о «секретной большевистской тройке». Троцкий рассказывал о Красине: «Он был инженером с известным стажем, служил, и служил хорошо, его очень ценили, круг знакомств у него был неизмеримо шире и разнообразнее, чем у каждого из молодых тогдашних революционеров. Рабочие кварталы, инженерские квартиры, хоромы либеральных московских фабрикантов, литературные круги – везде у Красина были свои связи… В 1905 г. Красин, помимо участия в общей работе партии, руководил наиболее опасными областями: боевыми дружинами, приобретением оружия, заготовлением взрывчатых веществ и прочим»[425].

Крупская подтверждала: «Делалось все это конспиративно, без шума, но вкладывалась в это дело масса энергии. ВИ больше, чем кто-либо, знал эту работу Красина и с тех пор всегда очень ценил его»[426]. Но это она напишет потом, а тогда Ленин в письме в столицу возмущался: «В таком деле менее всего пригодны схемы да споры и разговоры о функциях Боевого комитета и правах его. Тут нужна бешеная энергия и еще энергия. Я с ужасом, ей-богу с ужасом, вижу, что о бомбах говорят *больше полгода* и ни одной не сделали!.. Идите к молодежи, господа! Вот одно-единственное, всеспасающее средство»[427].

Поиски оружия привели опять к контактам с эсерами, которые планировали доставить 12 тысяч канадских и швейцарских винтовок в Петербург, 4 тысячи – в провинцию, не считая трех тысяч револьверов, трех миллионов патронов, трех тонн динамита и пироксилина. Восстание в столице должен был

координировать комитет во главе с Азефом. В начале июля Гапон вернулся в Женеву и рассказал о проекте большевикам. Те поспешили присоединиться. «За кружкой пива в одном из женевских кабачков Ленину удается убедить амбициозного рабочего вождя поехать “с товарищем Германом” (Буренин. – *В.Н.*) в Лондон и там “передать все свои связи”… В результате переговоров у Чайковского (во второй декаде июля) большевики были приняты в Объединенную боевую организацию, куда входили финляндские активисты, эсеры, гапоновцы и, что совсем уже странно, «освобожденцы» (то есть будущие кадеты)… 8 июля (10 августа) в Женеве происходит заседание Боевой технической группы». От большевиков участвуют Скрыпник, Богданов, Красин, Стасова[428].

В середине сентября Ленин предложил ЦК «прямо выставить центральным пунктом агитационной кампании лозунг восстания и Временного революционного правительства»[429]. Революционные события в России набирали обороты. В начале октября «Союз союзов» по инициативе железнодорожников поддержал проведение всеобщей стачки. «Крупные события начались неожиданно и развернулись крайне быстро. 7 октября забастовали служащие Московско-Казанской железной дороги. На следующий день стали Ярославская, Курская, Нижегородская, Рязано-Уральская дороги. Забастовщики валили телеграфные столбы, чтобы остановить движение там, где находились желающие работать. Железнодорожники, повинуясь своему руководящему центру, прекращали работу, *не предъявляя никаких требований*»[430]. Тогда же забастовали работники связи, рабочие столичных заводов, конторские служащие.

В Санкт-Петербурге 13 октября открылось заседание представителей интеллигенции и рабочих, через четыре дня образовавших Совет рабочих депутатов. Честь его созыва оспаривали «Союз союзов» и меньшевики. Большевики поначалу Совет бойкотировали, но затем вошли в состав его Исполкома, где получили 3 места из 31 (столько же, сколько эсеры и меньшевики). Председателем Совета стал меньшевик Георгий Носарь (Хрусталев), реальным руководителем – Троцкий.

Остановившиеся транспорт и промышленность, не работавший телеграф требовали от Николая II немедленных действий: либо назначения военного диктатора, либо крупных политических уступок. «Мне думается, – писал Витте, – что государь в те дни искал опоры в силе, но не нашел никого из числа поклонников силы – все струсили…»[431]. 13 октября Витте был назначен первым в истории России Председателем Совета министров, и уже на следующий день император поручил ему

подготовить Манифест об усовершенствовании государственного порядка. Он был подписан царем 17 октября и предусматривал «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов»; привлечь к выборам в Государственную думу все слои населения; «установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы»[432].

Манифест вызвал мощнейший взрыв общественных эмоций. Демонстрации с выражением верноподданнического восторга, проходившие по всей России, сталкивались с демонстрациями революционного протеста, высекая искры новых кровопролитий, забастовок и еврейских погромов. Ленин почувствовал запах крови и призывал «преследовать отступающего противника», «усиливать натиск» в уверенности, что «революция добьет врага и сотрет с лица земли трон кровавого царя».

Ленин против «парламентских иллюзий»: «Мы сильны теперь революционной борьбой народа и слабы в квазипарламентском отношении. *Кадеты наоборот.* Им весь расчет перетянуть нас на квазипарламентаризм… А Мартов и К° истеричничают, вопя: скорее бы легально! скорей бы открыто! хоть как-нибудь, да легально! Нам именно теперь была нужна выдержка, нужно продолжение революции, борьба с жалкой полулегальностью». Ленин говорил о вооруженном восстании.

Время его торопит, а он торопит время: «Хорошая у нас в России Революция, ей-богу!.. Время восстания? Я бы лично охотно оттянул его до весны и до возвращения маньчжурской армии… Но ведь нас все равно не спрашивают… В подготовке восстания я бы советовал проповедовать тотчас везде, самым широким образом, образование *массы*, сотен и тысяч автономных боевых отрядов». И тут же Ленин давал инструкции в санкт-петербургский Боевой комитет: «Идите к молодежи. Основывайте *тотчас* боевые дружины везде и повсюду и у студентов, и *у рабочих особенно*. И т. д. и т. д. Пусть тотчас же организуются отряды от 3 до 10, до 30 и т. д. человек. Пусть тотчас же вооружаются они сами, кто как может, кто револьвером, кто ножом, кто тряпкой с керосином для поджога, веревка или веревочная лестница, лопата для стройки баррикад, пироксилиновая шашка, колючая проволока, гвозди (против кавалерии и пр. и т. д.)». Он рекомендовал также «осыпать войска камнями», обливать их кипятком, запасать «кислоты для обливания полицейских» и ручные бомбы, убивать шпионов, жандармов, черносотенцев и казаков, нападать на банки для «конфискации средств для восстания»[433].

Но и от агитации отказываться нельзя. Богданову удалось подбить Горького на новый крупный журналистский проект: издание газеты «Новая жизнь». Ее создали поэт-декадент Минский и сам Горький. Большевики в моде, было решено предоставить им – скорее, в порядке эпатажа – вопросы редакционной политики. Тэффи тоже участвовала в создании газеты: «Деньги Горький достал. Редактором предполагался Минский. В литературном отделе должны были работать Горький, Гиппиус (как поэт и литературный критик Антон Крайний) и я. Политическое направление газеты должны были давать социал-демократы с Лениным во главе. Секретарем редакции намечался П. Румянцев, заведующим хозяйственной частью – Литвинов, по прозвищу Папаша. Наш будущий секретарь нашел для редакции прекрасное помещение на Невском, парадный вход, швейцар. Все были радостно взволнованы»[434].

Готовясь к возвращению в Россию, Ленин начал активно пропагандировать идею воссоединения партии – через одновременное проведение «*двух* съездов, большинства и меньшинства, в одно время и в одном месте… Давайте готовить план слияния». В конце октября он обратился к Плеханову с письмом: «Вопрос о необходимости объединения социал-демократии уже назрел окончательно, а его возможность именно теперь особенно велика. Два повода заставили меня не откладывать дальше прямого обращения к Вам: 1) основание в Питере легальной газеты с.-д. “Новой Жизни” и 2) события последних дней… Я написал в Питер, чтобы все редакторы новой газеты (пока их семеро: Богданов, Румянцев, Базаров, Луначарский, Орловский, Ольминский и я) обратились к Вам с коллективной и официальной просьбой войти в редакционную коллегию»[435]. Плеханов не ответил на письмо, но в «Дневнике Социал-Демократа» обвинил Ленина в беспринципности за участие в газете вместе с «декадентами» и «эмпириомонистами».

Ленин, наконец, засобирался на родину, чтобы лично принять участие в похоронах трещавшего по швам самодержавия. Крупская «должна была еще остаться на пару недель в Женеве, чтобы ликвидировать дела… Было условлено, что в Стокгольм приедет человек и привезет для ВИ документы на чужое имя, с которыми он мог бы переехать через границу и поселиться в Питере. Человек, однако, не ехал и не ехал, и Ильичу приходилось сидеть и ждать у моря погоды, в то время как в России революционные события принимали все более и более широкий размах. Две недели просидел он в Стокгольме»[436].

Ленин приехал в Петербург через Гельсингфорс 8 (21) ноября 1905 года. Столица еще «утопала в конституционных свободах»,

как замечал Кржижановский: «Обилие самой резкой обличительной литературы и мальчишки-газетчики, бойко торгующие многочисленными по тому времени газетами и юмористическими журнальчиками, приплясывают на одной ноге и распевают про премьер-министра: «Витте пляшет, Витте скачет, Витте песенки поет»»[437].

«Веселое было время. Самая интенсивная работа по организации партии, создание технического аппарата, широчайшая пропаганда и агитации в массах на почве думской кампании, активная подготовка к вооруженному восстанию, целый ряд конспиративных предприятий и технических дел…»[438] – писал Красин, которому одновременно с руководством Боевым комитетом приходилось как заведующему кабельной сетью столицы обеспечивать ее электричеством.

Ленин в восторге. «Все классы выступают открыто. Все программные и тактические взгляды проверяются действием масс. Невиданная в мире широта и острота стачечной борьбы. Перерастание экономической стачки в политическую и политической в восстание. Практическая проверка соотношений между руководящим пролетариатом и руководимым, колеблющимся крестьянством. Рождение, в стихийном развитии борьбы, советской формы организации»[439].

В день приезда Ленин пришел на заседание Петербургского комитета большевиков. Писала Эссен: «Он понял и нашу горячность, и наше революционное настроение, готовность к борьбе, но сразу увидел и нашу неопытность, неумение по-настоящему организовать работу, осудил нашу заседательскую суету и здорово выругал нас за то, что во главе Совета рабочих депутатов стали меньшевики»[440]. Троцкий называл другого виновника отхода большевиков на второй план: «Запоздалый приезд Ленина из-за границы был одной из причин того, почему большевистской фракции не удалось занять руководящего положения в событиях первой революции»[441].

Ленин расскажет Зиновьеву, как он «сидел на собрании Совета в Вольно-экономическом обществе где-то наверху, на хорах, незаметно для публики, и смотрел впервые на Петроградский Совет рабочих депутатов. Тов. Ленин жил в Петрограде нелегально, партия ему запрещала выступать слишком открыто. От нашего Центрального Комитета выступал официальным представителем в Совете А. А. Богданов» [442]. Луначарскому тогда Ленин «с некоторым вздохом говорил: «Троцкий завоевал там усиленной работой вес и авторитет»[443].

Троцкий с Парвусом издавали «Русскую газету», ставшую почти что рупором Совета. Они доказывали, что революцию

должен осуществить исключительно рабочий класс, а потому критиковали ленинскую «демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства», которая растворяла гегемонов революции в аморфном крестьянском море. Троцкий уверял, что «в работе Совета Ленин непосредственного участия не принимал. Незачем говорить, что он внимательно следил за каждым шагом Совета, влиял на его политику через представителей большевистской фракции и освещал деятельность Совета в своей газете»[444].

Эссен вспоминала выступление Ленина на заседании Исполкома Петербургского Совета: «Повеяло воздухом революции, точно раздвинулись тесные залы заседания… Ясный план действий для дальнейшего развития революции вызвал в зале гул одобрения, превратившийся в бурную овацию. Предложенная Лениным резолюция была принята единодушно, под несмолкаемый гром аплодисментов, под восторженные крики». Троцкий никаких появлений Ленина в Совете не вспомнил. Тем не менее Ленин действительно там выступал 13 (26) ноября, протестуя против локаута, который объявили на ряде предприятий в ответ на введение там явочным порядком 8-часового рабочего дня. Кроме того, в столице он детально знакомился «с работой по вооружению рабочих, по подготовке боевых дружин, стараясь не упустить ни одной подробности, интересовался, умеем ли мы сами стрелять, тренируемся ли, как идет изготовление бомб, взрывчатых снарядов. Он предлагал взять на учет все арсеналы, оружейные магазины, развернуть работу среди солдат…»[445].

Крупская приехала дней через десять после мужа. «На крыльце вокзала меня встретил Петр Петрович Румянцев. Он сказал, что ВИ живет у них, и мы поехали с ним куда-то на Пески… У него была хорошая, хорошо обставленная семейная квартира, и в первое время Ильич жил там без прописки. По моем приезде Ильич стал торопить поселиться вместе, и мы поселились в каких-то меблированных комнатах на Невском, без прописки». Была предпринята попытка поселиться легально. «Мария Ильинична устроила нас где-то на Греческом проспекте у знакомых. Как только мы прописались, целая туча шпиков окружила дом… Поселились нелегально, врозь. Мне дали паспорт какой-то Прасковьи Евгеньевны Онегиной… ВИ несколько раз менял паспорта». «Только когда ВИ поселился под очень хорошим паспортом на углу Бассейной и Надеждинской, я смогла ходить к нему на дом»[446].

Ленин на баррикады, естественно, не ходил. Он теперь ежедневно появлялся в редакционной коллегии газеты «Новая

жизнь». «И ни один из дежуривших шпиков не разу не полюбопытствовал – что это за личность, так усердно прячущая свой подбородок? Буколические были времена, и лев жевал траву рядом с ягненком». Впрочем, Ленин не был в розыске.

Интерес к «Новой жизни» был огромный. «Первый номер вечером продавался уже по три рубля, – писала Тэффи. – Брали нарасхват. Наши политические руководители торжествовали. Они приписывали успех себе. “Товарищи рабочие поддержали”. Увы! Рабочие остались верны “Петербургскому листку”, который печатался на специальной бумаге, особенно пригодной для кручения цигарки. Газетой интересовалась, конечно, интеллигенция. Новизна союза социал-демократов с декадентами (Минский, Гиппиус), а к тому же еще и Горький, очень всех интриговала… Нами начала интересоваться Москва. Прислал рассказ Валерий Брюсов. Минский получил письмо от Андрея Белого. Литературная часть газеты очень оживлялась».

И тут… появился. Он оставил неизгладимый след в памяти Тэффи: «Новый был некрасивый, толстенький, с широкой нижней челюстью, с выпуклым плешивым лбом, с узенькими хитрыми глазами, скуластый. Сидел, заложив ногу на ногу, и что-то решительно говорил Румянцеву. Румянцев разводил руками, пожимал плечами и явно возмущался…

– Помещение отличное, – прервал его Ленин. – Но не для нашей редакции. И как могло вам прийти в голову, что нашу газету можно выпускать на Невском. И какого роскошного швейцара посадили! Да ни один рабочий не решится пройти мимо такой персоны. А наши хроникеры! Куда они годятся! Хронику должны давать сами рабочие.

– А литературную критику, отчеты о театрах и опере тоже будут писать рабочие? – спросила я.

– Нам сейчас театры не нужны. Статей и отзывов ни о каком искусстве в нашей газете быть не должно…

– Пожалуй, и весь литературный отдел покажется вам лишним? – спросила я.

– Откровенно говоря, да. Но подождите. Продолжайте работать, а мы это все реорганизуем».

Реорганизация началась немедленно. «Явились плотники, притащили доски, разделили каждую комнату на несколько частей. Получилось нечто вроде не то улья, не то зверинца. Все какие-то темные углы, клети, закуты… В некоторых закутках не было ни стола, ни стула. Висела только лампочка на проводе. Появились в большом количестве новые люди. Все неведомые и все друг на друга похожие. Выделялись из них Мандельштам, умный и интересный собеседник, А. Богданов, скучноватый, но

очень всеми ценимый. Каменев, любящий или, во всяком случае, признающий литературу…»[447].

Именно в эти дни Лев Борисович Каменев (Розенфельд), с которым Ленин познакомился еще в 1902 году и продолжил знакомство на III съезде, стал членом его команды. Несмотря на довольно молодой возраст – 22 года, Каменев уже имел репутацию теоретика. Родился в Москве, отец его был железнодорожным инженером. Окончил гимназию в Тифлисе, поступил на юридический факультет Московского университета, который так и не закончил, закружившись в революционной деятельности. «Каменев – …среднего роста, сухощавый, но крепко скроенный, с медленными движениями, холодный, сдержанный, взвешивающий свои слова, с резкими чертами бритого лица, с холодными, умными серыми глазами»[448]. По словам Троцкого, Каменев «лучше многих других большевиков схватывал общие идеи Ленина, но только для того, чтобы на практике давать им как можно более мирное истолкование»[449].

Приехавший из Флоренции Луначарский делился впечатлениями о работе в газете: «ВИ чувствовал себя вообще чрезвычайно возбужденным, бодрым и был в самом боевом настроении»[450]. Именно в «Новой жизни» Ленин впервые лично встретился с Горьким, как утверждала его супруга Мария Федоровна Андреева (Юрковская)[451].

Первая легальная статья Ленина вышла уже 10 ноября. «Условия деятельности нашей партии коренным образом изменяются. Захвачена свобода собраний, союзов, печати». Конспиративные структуры должны быть сохранены, но надо активнее использовать легальные и полулегальные околопартийные организации, шире вливать в партийные ряды пролетариев. «Теперь инициатива самих рабочих будет проявляться в таких размерах, о которых мы, вчерашние консерваторы и “кружковики”, не смели мечтать»[452].

В редколлегии быстро назрел раскол. Луначарский писал: «Большевистская часть редакции постепенно пришла к совершенно ясному пониманию, что запрячь “большевистского коня” в одну колесницу с полудекадентской “трепетной ланью” никак “не можно”. В результате произошел ряд конфликтов»[453]. Тэффи раскрывала смысл конфликта: «Критическую статью Антона Крайнего (З. Гиппиус) на литературную тему не напечатали. Отчет о театре, о новой пьесе, тоже не поместили.

– Почему?

– Ленин говорит, что это не должно интересовать рабочего читателя, который литературой не интересуется и в театры не ходит.

Спросила у Ленина.

– Да, это верно. Сейчас не время.

– Но ведь нашу газету читают не только рабочие.

– Да, но те читатели нам неинтересны.

– А не думаете ли вы, что если вы совсем устраните всю литературную часть газеты, то она потеряет много подписчиков? А это будет для вас материально невыгодно. Кроме того, если газета превратится в партийный листок, ее, наверное, скоро прихлопнут…

– Ничего. Это дело провалится, надумаем другое».

Конец популярного издания был довольно предсказуем. «Румянцев сказал, что Ленин требует порвать соглашение с Минским, завладеть газетой целиком и сделать ее определенно органом партии, – продолжала рассказ Тэффи. – Румянцев протестовал, находя это неприличным. Газета разрешена на имя Минского, он – ответственный редактор. Какое же мнение будет о нас в литературных кругах!

– На ваши литературные круги мне наплевать, – отвечал Ленин. – У нас царские троны полетят вверх ногами, а вы толкуете о корректном отношении к каким-то писателям…

Он напечатал в “Новой жизни” статью, которая всех перепугала. Насколько помню, это было что-то о национализации земли. Минскому было сделано предостережение. Он пришел в редакцию очень расстроенный.

– Я ответственный редактор, а вы меня оставляете в полном неведении о помещаемых вами статьях. Еще одна такая, и мне грозит ссылка…

И в ответ на эту законную тревогу послышалось подхихикиванье:

– Ничего, не беда! Климат в Сибири здоровый. Это ему даже, хи-хи, полезно».

Минский предпочел не следовать полезному совету Ленина, а бежал в Англию. После чего «вся наша литературная группа решила из газеты уходить. Попросили вычеркнуть наши имена из списка сотрудников»[454].

26 ноября был арестован Хрусталев-Носарь. Заменил его Троцкий. 2 декабря Совет выпустил манифест с призывом отказаться от уплаты казенных платежей. 3 декабря за напечатание этого манифеста было закрыто восемь газет, в том числе и «Новая жизнь». И в тот же день правительство решило разогнать Петербургский Совет. В эти дни Ленин напоминал Луначарскому «капитана на палубе судна, окруженного громовыми тучами и начинающего метаться на гребне крепнущих волн».

Революционные события способствовали известному сближению большевиков и меньшевиков – они были в одинаковых обстоятельствах. После закрытия «Новой жизни» и меньшевистского «Начала» была сделана попытка создания единой газеты, которую назвали «Северным голосом». «Начались переговоры между большевистским и меньшевистским центрами для того, чтобы прийти к какому-нибудь соглашению, – рассказывал Луначарский. – На большинстве этих собраний председательствовал я, но линию нашей партии вел почти исключительно Ленин… Проходило собрание за собранием, и дело долго не двигалось вперед»[455]. Но в низах партии и в рабочих кварталах царила атмосфера «оптимизма и дерзания, объединительные тенденции приняли в обеих фракциях непреодолимую силу. На местах создаются федеративные или объединенные комитеты большевиков и меньшевиков. Вожди следуют за течением. Для подготовки полного слияния каждая фракция созывает свою предварительную конференцию. Меньшевистская заседает в конце ноября в Петербурге, где еще царят “свободы”; большевистская в декабре, когда реакция уже перешла в наступление, вынуждена собраться в Таммерфорсе, в Финляндии»[456].

Первоначально большевистский форум задумывался как съезд, но не набралось внушительного количества участников: приехал 41 делегат от 26 организаций. Получилась конференция, атмосферу которой передавала Крупская: «С каким подъемом она прошла! Это был самый разгар революции, каждый товарищ был охвачен величайшим энтузиазмом, все готовы к бою. В перерывах учились стрелять. Раз вечером мы были на финском массовом собрании, происходившем при свете факелов…»[457].

В Таммерфорсе внимание Ленина привлек один делегат, выступавший под псевдонимом Иванович с сообщением о положении на Кавказе. Позднее он будет более известен как Сталин.

Иосиф Виссарионович Сталин (Джугашвили) был единственным в высшем партийном ареопаге, кто происходил из низов. Он родился в 1878 году в крестьянской семье в городке Гори Тифлисской губернии. Отец был сапожником, который запил и бросил семью. Воспитывала мать, которая выучилась на портниху, чтобы вырастить единственного, болезненного сына. После окончания в 1894 году с отличием Горийского духовного училища поступил в Тифлисскую духовную семинарию, но карьере священнослужителя предпочел революционную деятельность. С весны 1901 года уже находился на нелегальном положении. Жизнь революционера выработала у Сталина

расчетливость, осторожность, холодную рассудительность, жестокость, невозмутимость, самодисциплину, смелость, обостренное чувство опасности, позволявшее выжить и уцелеть. Ненавидевший Сталина Троцкий характеризовал его: «Не увлекаясь среди легко увлекающихся, не воспламеняясь среди воспламеняющихся, но и быстро остывающих, он рано понял выгоды холодной выдержки, осторожности и особенно хитрости, которая у него незаметно переходила в коварство»[458]. Ленин впервые обратил на него внимание в 1904 году, когда в ответ на письма Сталина назвал его «пламенным колхидцем».

Ленин в Таммерфорсе навсегда пленил Сталина: «Я помню, как говорили тогда многие из делегатов:

– Логика в речах Ленина – это какие-то всесильные щупальца, которые охватывают тебя со всех сторон клещами и из объятий которых нет мочи вырваться: либо сдавайся, либо решайся на полный провал»[459].

Сам Сталин тоже выступал. «Его речь произвела впечатление на Ленина, по предложению которого была принята резолюция “По поводу событий на Кавказе” с высокой оценкой работы Кавказского союза РСДРП…»[460].

В Таммерфорсе впервые, пожалуй, собралась его – Ленина – партия. Это были уже не интеллигенты из кружков по изучению марксизма. Это были жесткие руководители подпольных структур, которые только что раздобывали оружие, экспроприировали банки, выводили людей на улицы и баррикады, учили их убивать, не бояться властей, идти на риск смерти или каторги.

Таммерфорсская конференция завершалась под аккомпанемент Московского восстания. Наиболее жесткие и кровопролитные бои шли на Пресне, где рабочие воздвигли баррикады. Большевики в Питере сделали все возможное, «чтобы помочь Московскому восстанию, по крайней мере по прекращению сообщения между Петербургом и Москвой. От этого в то время многое зависело… Волнения на дороге были огромные, путь разбирался, но силы наши оказались недостаточными. Семеновцы перекатили в Москву и предрешили разгром героических рабочих Красной Пресни»[461]. Семеновский полк под командованием генерала Мина действительно решил дело: были расстреляны руководители забастовки на линии Московско-Рязанской дороги, баррикады на Пресне – разбиты артиллерийским огнем. Доставленных через Финляндию винтовок и динамита оказалось недостаточно.

Планировали большевики вооруженное восстание и в Петербурге, куда Ленин вернулся из Таммерфорса. Антонов-

Овсеенко рассказывал о совещании с Лениным в декабре: «Решено. Железнодорожный батальон и саперы должны начать – захватить склады оружия на Охте (здесь они стоят), передать оружие организованным рабочим, что будут двинуты с митингов. Укрепиться на Выборгской стороне, держать связь с Финляндией. Я, как бывший офицер, должен принять командование. Начало – рано утром. Прошла ночь – утро. Никто не пришел, как было условлено, за мной. После узнал – солдаты отказались выступить»[462].

Правительство провело массовые репрессивные акции, в губернии посланы карательные отряды. Ленин видит резкий спад движения. 4 января 1906 года он пишет: «Гражданская война кипит. Политическая забастовка, как таковая, начинает исчерпывать себя, отходить в прошлое, как изжитая форма движения. В Питере, напр., истощенные и обескровленные рабочие оказались не в состоянии провести декабрьской стачки. С другой стороны, движение в целом, будучи сдавлено в данный момент реакцией, несомненно поднялось на гораздо более высокую ступень… Что же теперь? Будем смотреть прямо в лицо действительности. Теперь предстоит новая работа, усвоение и переработка опыта последних форм борьбы, работа подготовки и организации сил в главнейших центрах движения… Долой конституционные иллюзии! Надо собирать новые, примыкающие к пролетариату силы. Надо “собрать опыт” двух великих месяцев революции (ноябрь и декабрь). Надо приспособиться опять к восстановленному самодержавию, надо уметь везде, где надо, опять залезть в подполье»[463]. Залезть, чтобы готовиться к новым вооруженным схваткам.

«В подполье мы залезали, – подтверждала Крупская, которая в тот момент была секретарем ЦК РСДРП. – Плели сети конспиративной организации. Со всех концов России приезжали товарищи, с которыми сговаривались о работе, о линии, которую надо проводить… Наиболее близкой и ценной публике я устраивала свидания с Ильичем или же по боевой части – устраивала свидание с Никитичем (Красиным)… Явки устраивались в разных местах: то у зубного врача Доры Двойрес (где-то на Невском), то у зубного врача Лаврентьевой (на Николаевской), то в книжном складе “Вперед”, у разных сочувствующих». «Ильич маялся по ночевкам, что его очень тяготило… Наконец Ильичу надоела вся эта маета, и мы поселились с ним на Пантелеймоновской (большой дом против Пантелеймоновской церкви) у какой-то черносотенной хозяйки»[464].

В ответ на сетования Плеханова о том, что в декабре 1905

года не нужно было браться за оружие, Ленин утверждает: «Напротив, нужно было более решительно, энергично и наступательно браться за оружие, нужно было разъяснять массам невозможность одной только мирной стачки и необходимость бесстрашной и беспощадной вооруженной борьбы… Презрение к смерти должно распространиться в массах и обеспечить победу»[465].

Ленин еще видел перспективу продолжения революционных боев, лишь видоизменив их форму. Емельян Михайлович Ярославский (Губельман) – один из творцов военно-боевой организации большевиков – подтверждал, что и после декабря 1905 года «велась огромная работа по созданию боевых дружин… Во многих местах: на Урале, в Прибалтийском крае, на Кавказе, в больших городах – эти боевики, боевые дружины пробовали свои силы в нападениях на участки, в отдельных террористических актах, в захвате оружия, в экспроприациях…»[466].

Естественно, что боевые группы большевиков привлекли к себе повышенное внимание спецслужб, как и персона их лидера. За ним началась реальная охота. Крупская утверждала, что «Ильич еле-еле ушел от слежки и при помощи Баска (тогда видного члена Спилки) перебрался в Финляндию и там прожил до Стокгольмского съезда»[467].

Ленин напишет: «В России и большевики и меньшевики тотчас после поражения декабрьского вооруженного восстания 1905 года принялись за подведение итогов этому опыту. В особенности ускорена была эта работа тем, что в апреле 1906 года состоялся Стокгольмский, так называемый “Объединительный съезд РСДРП”, на котором были представлены и формально объединены и меньшевики, и большевики. Подготовка к этому съезду велась обеими фракциями чрезвычайно энергично. Обе фракции опубликовали до съезда, в начале 1906 года, проекты своих резолюций по всем важнейшим вопросам»[468].

Делегаты сначала попадали в лабораторию Технологического института, где Крупской была устроена явка для большевистских делегатов. Оттуда они после собеседования направлялись в Куоккалу – для серьезного разговора с Лениным. Там узнавали и место назначения: в порт Ханко – и на корабль до Стокгольма[469].

Если Ленин рассчитывал возглавить на съезде объединившуюся партию, то его ждало жесткое разочарование. Съезд он проиграл. Соотношение сил – в условиях спада революционной волны и разочарования от насильственных действий – оказалось совсем не в пользу Ленина.

IV съезд РСДРП шел с 10 по 25 апреля (23 апреля – 8 мая). Присутствовали 111 делегатов с решающим голосом от 57 местных организаций. Открывал Румянцев. В президиум избираются Плеханов, Дан и – со второй попытки – Ленин[470]. Революция вовсе не отбила охоту поговорить о теориях, хотя уложились «всего» в 27 заседаний. Основные споры развернулись вокруг аграрной программы партии: социал-демократы не вполне представляли, к чему звать разворачивавшийся и без них крестьянский бунт. Ленин предложил присоединиться к его требованию: «конфискация помещичьих земель и, при определенных политических условиях, национализация земли».

«Моя аграрная программа, – утверждал он, – всецело является программой крестьянского восстания и полного завершения буржуазно-демократической революции»[471].

Меньшевистский проект представлял Маслов, предлагавший «отчуждение» крупных земельных участков и их «муниципализацию». Была еще и программа «разделистов», которую представлял Борисов, а поддерживал, в частности, Сталин. Ленин заверял, что программа «разделистов» «ошибочна, но не вредна». Меньшевики победили, получив 62 голоса против 42 при 7 воздержавшихся. Большевики довольствовались заменой «отчуждения» на «конфискацию», а также согласием съезда включить требование национализации лесов и вод.

Съезд поддержал и меньшевистскую резолюцию о Госдуме: участвовать в выборах, «планомерно использовать все конфликты, возникающие между правительством и Думой, в интересах расширения и углубления революционного движения». Ленин с резолюцией не согласился, предложив Думу бойкотировать (позднее свой бойкот Первой Думы он признает ошибкой). Резолюция о вооруженном восстании выступала против вовлечения пролетариата в вооруженную борьбу, на чем Ленин настаивал.

Под занавес съезда Ленин представил документ, заголовок которого, как и ряд положений, звучал совсем не по-ленински: «Обращение к партии делегатов Объединительного съезда, принадлежавших к бывшей фракции “большевиков”». Там говорилось, что «раскола нет более», а «прежние фракции “большевиков” и “меньшевиков” организационно слились воедино». Правда, там же Ленин выступил против всех трех ключевых резолюций – он против муниципализации земли, «вступления на путь парламентаризма» и «робких отговорок от вооруженного восстания».

Ленин упустил еще вопрос об экспроприациях. Большевистский проект резолюции допускал «боевые

выступления для захвата денежных средств, принадлежащих неприятелю, т. е. самодержавному правительству, и для обращения этих средств на нужды восстания». Съезд, напротив, призвал «бороться против выступления отдельных лиц или групп с целью захвата денег под именем и с девизом с.-д. партии»[472]. При обсуждении этого вопроса Ленин молча сидел с загадочной улыбкой. Большевистские эксы продолжатся.

В состав РСДРП влились польская, литовская и латышская социал-демократические партии. В избранный на съезде ЦК вошли 7 меков и трое беков – Красин, Рыков и Десницкий. Редакция ЦО была составлена исключительно из меньшевиков. При этом Ленин добился принятия отстаивавшейся им еще в 1903 году редакции устава партии – о членстве.

Сталин поделится своими впечатлениями: «Я впервые видел тогда Ленина в роли побежденного. Он ни на йоту не походил на тех вождей, которые хныкают и унывают после поражения… Я помню, как мы, делегаты-большевики, сбившись в кучу, глядели на Ленина, спрашивая у него совета. В речах некоторых делегатов сквозили усталость, уныние. Помнится, как Ленин в ответ на такие речи едко цедил сквозь зубы:

– Не хныкайте, товарищи, мы наверняка победим, ибо мы правы.

Ненависть к хныкающим интеллигентам, вера в свои силы, вера в победу – вот о чем говорил тогда с нами Ленин…»[473]. По окончании съезда большевистская делегация решила даже отпраздновать свое поражение. «Мы собрались в одном ресторане… Мы пели революционные песни под аккомпанемент рояля, и ВИ, принимая во всем живейшее участие, шутил, острил по поводу нашего “поражения” и был, что называется, “душой общества”»[474].

Ленин сыграл отбой. Но, естественно, с ролью послушного меньшинства большевики не смирились. Зиновьев объяснял: «В ЦК взяли несколько наших товарищей, как мы тогда говорили – заложниками. Но в то же время на самом съезде большевики составили свой внутренний и нелегальный в партийном отношении Центральный комитет. Этот период в истории нашей партии, когда мы были в меньшинстве и в ЦК, и в Петроградском комитете и должны были скрывать свою сепаратную работу»[475].

«Ваза»

Столетие назад конституционные монархии делились на *парламентарные*, в которых исполнительные органы формировались парламентским большинством (как в Великобритании), и *дуалистические*, где исполнительная власть сохранялась за монархом и назначаемым им правительством, а законодательная власть принадлежала монарху и избираемому парламенту (как в Пруссии). После принятия Основных законов 1906 года Российская империя стала конституционной дуалистической монархией, в которой работал двухпалатный парламент, признавались неприкосновенность жилища, частной собственности, право на выбор места жительства, свободный выезд за границу, свобода слова, вероисповедания, печати, собраний, создания союзов, процессуальные гарантии на случай ареста и суда. Принципы гражданской свободы были сформулированы достаточно полно, хотя, безусловно, повседневная практика оставляла желать много лучшего. Дума формировалась на непрямых выборах. Госсовет в своем составе отражал монаршую волю и обеспечивал представительство привилегированных сословий. Женщины не голосовали, но тогда они не голосовали нигде.

Первая в истории России избирательная кампания проходила бурно. Тыркова-Вильямс, принимавшая участие в кампании кадетской партии, напишет: «Разъезды по Петербургу с одного избирательного митинга на другой. Всюду битком набито. Всюду с напряженным вниманием ловят каждое слово… На собраниях говорили очень свободно, вплоть до прямых и безнаказанных призывов к вооруженному восстанию»[476].

Выборы в Госдуму структурировали партийно-политический спектр страны. Справа – черносотенцы. «Черной сотней» со Средних веков называли податное посадское население. Теперь центральным столпом их идеологии был воинствующий национализм. Главными внутренними врагами объявлялись католики-поляки, «зажравшиеся» финны и, конечно же, евреи. Капитализм – причина эксплуатации и порабощения трудящихся, социализм – антихристианское учение. Демократия – система, которая приводит мудреца в зависимость от «людей тупых злобных и ничтожных»[477].

Консерваторы организационно оформились на базе правого меньшинства земско-городских съездов 1905 года, представлявшего в основном предпринимательские круги, создав партию октябристов. Они выступали, словами ее лидера Гучкова,

за переход «от переживших себя форм неограниченного самодержавия к конституционному строю, но в то же время боролись после увлечений безудержного радикализма и против социалистических экспериментов, которые грозили стране тяжелыми политическими и социальными потрясениями»[478].

Либеральная партия кадетов возникла в результате слияния Союза земцев-конституционалистов и Союза освобождения. Не будет преувеличением сказать, что кадетам симпатизировал цвет интеллигенции. Вкратце их политическую программу можно было сформулировать так: делай, как в Англии, только еще более либерально. Кадеты опередят на выборах всех, получив 179 мандатов.

В годы революции стремительно росло число членов партии эсеров – с 2 тысяч в начале революции до 50–60 тысяч к концу, причем в основном за счет рабочих и крестьян. Множились и ряды эсеровских террористов. Выборы в Думу партия бойкотировала. Но затем обнаружила в числе уже избранных депутатов большое число крестьян, охотно откликавшихся на эсеровскую программу. ПСР начала активную работу с депутатским корпусом. И здесь неожиданно столкнулась с конкурентом в лице энесов – Трудовой народно-социалистической партии. Она поставила целью возродить традиционное народничество, извращенное новомодными теориями, которые делят единый трудовой народ на классы, требуют немедленных перемен по западным образцам и призывают к насилию, от которого гибнут люди.

Меньшевики спохватились и провели ряд своих кандидатов от Грузии, к которым присоединятся несколько рабочих, избранных как беспартийные. Большевики по инициативе Ленина выборы, по сути, саботировали. Социал-демократическая фракция Думы насчитывала 18 депутатов, среди них не было ни одного большевика.

Обе палаты, созданные Основными Законами, собрались вместе 27 апреля 1906 года в Георгиевском зале Зимнего дворца, чтобы заслушать тронную речь императора, принеся с собой весь груз взаимной враждебности. Николай II выступил перед собравшимися с прочувствованной речью, которая была выслушана молча и благожелательно, но аплодисментов не последовало. Думе был выделен внушительный дворец, построенный по заказу Екатерины II для князя Потемкина Таврического шотландским архитектором Камероном. Зала заседаний там изначально, естественно, не было, под него был приспособлен огромный зимний сад.

Депутаты пришли в Думу не как помощники верховной

власти, а как смена ей. «Первая Дума была Думой неизжитого гнева против неограниченного самодержавия»[479]. За 72 дня своей работы под председательством кадета Сергея Муромцева Дума не рассмотрела ни одного закона, но успела потребовать отставки правительства и формирования нового кабинета из думского большинства, упразднения Государственного совета, безвозмездной национализации помещичьих земель, отмены смертной казни и чрезвычайного положения.

Пока в Думе легально шел антиправительственный митинг, большевики продолжали свою подрывную деятельность в полуподпольном режиме. У них в ту пору появилась своя – не долго жившая – пресса. В апреле – мае выходила «Волна», трансформировавшаяся в июне – июле во «Вперед» и «Эхо», публиковался журнал «Вестник жизни». Крупская рассказала: «Движение опять шло на подъем. По возвращении со Стокгольмского съезда мы поселились на Забалканском, я по паспорту Прасковьи Онегиной, Ильич по паспорту Чхеидзе»[480]. Ну, прямо вылитый грузин! Настоящий грузин – Енукидзе, – работавший тогда в типографии, зафиксировал: «На Фонтанке у нас была легальная типография, где печаталась газета “Новая волна”… Почти каждый день я встречался с ВИ. Он аккуратно в течение двух месяцев ровно в 9 ч. утра приходил в редакцию… завтракал он обыкновенно там же, у Фонтанки, Казачий переулок, в маленьком ресторанчике “Гурия”… В половине 3-го собиралась редакция и начиналось редакционное собрание. Постоянными членами редакции были Богданов, Луначарский, Базаров, Алексинский, Воровский»[481].

Публичное выступление Ленин позволил себе 9 (22) мая в доме графини Паниной, где шел многолюдный митинг по поводу отношения к Госдуме. Крупская стояла в толпе. «Ильич ужасно волновался. С минуту стоял молча, страшно бледный… И сразу почувствовалось, как волнение оратора передается аудитории. И вдруг зал огласился громом рукоплесканий – то партийцы узнали Ильича. Запомнилось недоумевающее, взволнованное лицо стоявшего рядом со мной рабочего. Он спрашивал: кто, кто это? Ему никто не отвечал. Аудитория замерла. Необыкновенно подъемное настроение охватило всех присутствующих после речи Ильича»[482]. Там же Кржижановский: «Он сходит с трибуны под гром аплодисментов, переходящих в овацию, и нам приходится наблюдать, что в этом единодушном порыве участвуют даже те, которых он только что обличал»[483].

Радикализм кадетов, перешедших во фронтальную оппозицию правительству, явился одной из главных причин роспуска Думы уже 8 июля 1906 года. Премьер Горемыкин

слишком долго не решался ее распустить, ожидая прямой санкции царя, и за эту нерешительность поплатился креслом премьера, в которое сел Петр Аркадьевич Столыпин. Сто девяносто распущенных депутатов собрались в Финляндии под председательством Муромцева и подписали «Выборгское воззвание», где призвали народ в знак протеста не давать ни одной копейки в казну, ни одного солдата в армию. Николай II и Столыпин отнеслись к такому законопослушанию относительно мягко: поставившие свою подпись под воззванием – в основном кадеты – не были допущены к очередным выборам.

С роспуском Первой Думы большевики ничего не теряли, только приобретали: они же предупреждали о бессмысленности парламентских иллюзий.

У Ленина и Николая II было мало общего, но оба они любили Финляндию. Все то столетие с лишним, что Великое княжество Финляндия пребывало в лоне Российской империи, ее статус был настолько особым, что государствоведы, юристы и политики так и не могли договориться, что же это было – самостоятельное государство, состоявшее с Россией в тесном союзе, то ли автономная провинция. В 1905 году Финляндия превратилась в очаг освободительного движения, причем не столько финского, сколько русского. «Финляндия стала легальным заповедником и плацдармом всех российских конспираторов, гнездом изготовления бомб и фальшивых документов. Здесь, под куполом почти западной свободы, в 25 верстах от столицы России и неотграниченно от нее, проводились десятки революционных конференций и съездов, готовился террор для Петербурга, сюда же увозили награбленные террористами деньги»[484], – констатировал Солженицын. Финская полиция блюла свой суверенитет и никак не реагировала на запросы коллег из столицы империи. Выявление баз террористов было возможно только как результат тайных спецопераций российских спецслужб, которые на территории Великого княжества действовать не имели права[485].

Летом 1906 года, после разгона Первой Думы и начала «разгула реакции», многие руководящие работники радикальных партий отправились в «ближнюю эмиграцию», поселившись в дачных местностях по Финляндской железной дороге. Ленин обосновался на станции Куоккала (теперь это Репино). «Неуютная большая дача “Ваза” давно уже служила пристанищем для революционеров. Перед тем там жили эсеры, приготовлявшие бомбы, потом поселился там большевик Лейтейзен (Линдов) с семьей… Потом Лейтейзены уехали, мы заняли весь низ –

приехала к нам моя мать, потом Мария Ильинична жила у нас одно время. Наверху поселились Богдановы, а в 1907 году – и Дубровинский (Иннокентий)… Ильич из Куоккалы руководил фактически всей работой большевиков»[486], – поведает Крупская. Она «забыла» еще одного обитателя дачи – Яна Антоновича Берзина (Зиемеликса), который до того, как его расстреляют за троцкизм, успел оставить воспоминания: «Стоит эта дача уединенно, в стороне от деревни Куоккала, стоит на опушке леса, кругом сосны, одинокие и угрюмые. Дальше по лесу разбросаны другие дачи, но тут их немного».

Время Ленин проводил больше за письменным столом. Берзин замечал: «Уже в то время ВИ страдал головными болями и бессонницей, поэтому он вставал сравнительно поздно и почти всегда мрачный и угрюмый. Он начинал свой день с чтения газет, всегда выходил в столовую с большой кипой в руках… После чая он уходил к себе и садился за работу, писал 4–5–6 часов подряд, а если не было никаких заседаний, то по вечерам писал он еще долго. Перед сном он устраивал себе перерыв и часто, а может быть и ежедневно, уходил гулять. Обыкновенно это бывало поздно ночью».

На «Вазе» «более или менее регулярно собирался Большевистский центр, там часто заседала редакция “Пролетария”, там происходили совещания с ответственными работниками питерской организации…»[487]. Среди посетителей Крупская выделяла известного экспроприатора Симона Аршаковича Тер-Петросяна, более известного как Камо. «Камо принес нам с Ильичем гостинцев – арбуз, какие-то засахаренные орехи… Этот отчаянной смелости, непоколебимой силы воли, бесстрашный боевик был в то же время каким-то чрезвычайно цельным человеком, немного наивным и нежным товарищем… Камо часто ездил из Финляндии в Питер, всегда брал с собой оружие, и мама каждый раз особо заботливо увязывала ему револьверы на спине»[488]. Но главное, о чем Крупская умолчала, Камо привез большие деньги, полученные в ходе знаменитой экспроприации, организованной Сталиным в июле 1907 года на Эриванской площади в Тбилиси (тогда три человека были убиты, многие ранены, добыча большевиков составила 340 тысяч рублей).

Ленин на пару месяцев оставил Камо в «Вазе». Тот рассказывал: «Из взятых денег мы оставили себе на подготовку новых “эксов” 23 тысячи… Остальные деньги я отвез Ленину в Куоккалу… По поручению Красина я сделал доклад о нашем “эксе” для товарищей из Боевой группы… Ленин тоже присутствовал на этом моем докладе. Когда я кончил, он сказал:

– Замечательно спланировали и осуществили акцию наши кавказские товарищи! Молодцы!..

Плохо было то, что сто тысяч нам досталось в пятисотрублевых билетах, номера которых были переписаны»[489].

На этот период приходится и увлечение Ленина карточной игрой. Похоже, Крупской, которая по-прежнему большую часть времени проводила на нелегальном положении в Питере, это не нравилось: «…Бывало так, что все обитатели дачи “Вазы” засаживались играть… в дураки. Расчетливо играл Богданов, расчетливо и с азартом играл Ильич, до крайности увлекался Лейтейзен. Иногда приезжал в это время кто-нибудь с поручением, какой-нибудь районщик, смущался и недоумевал: цекисты с азартом играют в дураки. Впрочем, это только полоса такая была».

С 21 августа (3 сентября) «стал выходить в Выборге нелегальный “Пролетарий”, которому Ильич уделял много времени и внимания»[490]. Готовилась конференция военных и боевых организаций большевиков, она пройдет в Таммерфорсе 3–7 (16–20) ноября 1906 года. Ярославский приезжал за инструкциями к Ленину. «Я сразу почувствовал, что предо мной товарищ, который до тонкости знает всю нашу работу… Он живо интересовался нашим опытом постановки военно-инструкторской работы, где мы обучали наших боевиков обращению со взрывчатыми снарядами, изготовлению взрывчатых снарядов, обращению с пулеметами и другими видами оружия, минноподрывному делу, изучали опыт уличной борьбы – одним словом, готовили будущий состав наших боевых дружин для будущей революции… Я упрашивал ВИ побывать на этой конференции»[491]. Не упросил.

Ленин менял приоритеты, совершив очередной кульбит. Он счел, что в условиях спада революции большевики «должны подвергнуть пересмотру вопрос о бойкоте Государственной думы… История показала, что когда собирается Дума, то появляется возможность полезной агитации изнутри нее и около нее; что тактика сближения с революционным крестьянством против кадетов возможна внутри Думы»[492]. Ленин призвал к участию в выборах в Думу, но против возможного блока с кадетами, против чего не были меньшевики.

Выборы во Вторую Государственную думу проходили в январе 1907 года. На них пошли все партии, даже эсеры. Кадеты потеряли 80 мест. Они сохранили руководящие посты, спикером был избран председатель их московского комитета Федор Головин, но контрольного пакета у них уже не было. Заметно расширили свою фракцию правые партии. При этом эсеры

получили 37 депутатских мест, энесы – 16 (плюс еще трое к ним примкнули). РСДРП провела 65 (!) депутатов, большинство из которых было меньшевиками. Лидером фракции стал 25-летний сын писателя из оскудевшего дворянского рода Ираклий Церетели. Большевистскую подфракцию возглавил избранный в столице выпускник историко-филологического факультета Московского университета Григорий Алексеевич Алексинский. «Еще не переступив порога Таврического дворца, будущие парламентарии заявляли, что идут в Думу, чтобы взрывать ее изнутри, чтобы продолжать углублять революцию»[493].

«Депутаты II Думы довольно часто приезжали в Куоккалу потолковать с Ильичем, – наблюдала Крупская. – Работой депутатов-большевиков непосредственно руководил Богданов»[494]. Ленин вновь пребывал в боевом и оптимистичном настроении: «Самый дикий, самый бесстыдный произвол. Самый реакционный избирательный закон в Европе. Самый революционный в Европе состав народного представительства в самой отсталой стране!.. Впереди – новый, еще более грозный… революционный кризис… Как мизерны стали вдруг наши недавние “теоретические” споры, освещенные прорвавшимся теперь ярким лучом восходящего революционного солнца!»[495]. Ленин готовил очередной партийный съезд.

V съезд РСДРП был назван «путешествующим». Делегаты сначала отправились в Копенгаген, но «там нам отказали в гостеприимстве… Мы уехали из Копенгагена в Швецию, но и там получили отказ от шведского правительства, и только в Лондоне представилась возможность открыть съезд»[496]. Впервые на съезде партии был Горький.

«Это хорошо, что вы приехали! Вы ведь драки любите? Здесь будет большая драчка», – обрадовал его Ленин. И произнес сакраментальную фразу о романе «Мать»: «Очень своевременная книга».

Перед Горьким – на новенького – на Лондонском съезде «Ленин встал превосходно освещенный сомнениями и недоверием одних, явной враждой и даже ненавистью других»[497]. Как замечал делегат Накоряков, «с Горьким у ВИ на Лондонском съезде была просто дружеская близость. Они часто уходили после заседания и приходили вместе, жили поблизости на Кингстон-сквере»[498].

Это был уже очень солидный по представительности съезд. Численность РСДРП – с национальными социал-демократическими организациями – составила 150 тысяч членов. Присутствовало 336 делегатов, из них 302 с правом решающего голоса (один делегат на пятьсот членов партии). Горький запомнил «голые стены смешной своим убожеством деревянной

церкви на окраине Лондона, стрельчатые окна небольшого, узкого зала, похожего на классную комнату бедной школы»[499]. Здесь же размещалось нечто вроде столовой. «Чтобы сколько-нибудь улучшить питание наших товарищей, большинство которых жило впроголодь, мы организовали доставку бутербродов и пива целыми корзинами в здание той церкви, где заседал съезд»[500].

Первое заседание открывал Плеханов, сразу поблагодаривший за проявление симпатий из зала: «Как мне показалось, они отчасти шли от тех лиц, с которыми мне пришлось в течение последнего года сломать не одно копье… Что между нами существуют большие разногласия – это неоспоримо; но мы все-таки должны сделать попытку столковаться»[501].

Во время его речи, наблюдал Горький, «на скамьях большевиков чаще других шевелился Ленин, то – съеживаясь, как бы от холода, то – расширяясь, точно ему становилось жарко; засовывал пальцы куда-то под мышки себе, потирал подбородок, встряхивая светлой головой, и шептал что-то М. П. Томскому». На трибуне Ленин. «Мне показалось, что он плохо говорит, но уже через минуту я, как и все, был поглощен его речью. Первый раз слышал я, что о сложнейших вопросах политики можно говорить так просто… Меньшевики, не стесняясь, показывали, что речь Ленина неприятна им, а сам он – более чем неприятен… Злой, горячий ветерок раздражения, иронии, ненависти гулял по залу, сотни глаз разнообразно освещали фигуру ВИ»[502].

Острые споры начались с вопросов о президиуме и повестке дня. Группа делегатов протестовала уже против избрания в президиум Ленина, «бросившего в лицо части организации обвинение в политической продажности»[503]. Львиная доля времени на 35 заседаниях ушла на процедурные вопросы. «Эта часть съезда прошла наиболее бурно и поглотила наибольшее количество времени»[504], – сокрушался Сталин. Для Горького съезд перестал представлять интерес: «Свирепость этих споров сразу охладила мои восторги и не столько тем, что я почувствовал, как резко расколота партия на реформаторов и революционеров, – это я знал с 1903 года, – а враждебным отношением реформаторов к В. И. Ленину. Оно просачивалось и брызгало сквозь их речи, как вода под высоким давлением сквозь старую пожарную “кишку”»[505]. Но теперь у Ленина контрольный пакет. На большевиков ориентировались поляки и латыши.

Основными докладчиками по вопросу об отчете ЦК выступали Мартов и Богданов. Собственно принципиальных проблем было две: как относиться к непролетарским партиям и надо ли собирать рабочий съезд – отдельно от партийного. По вопросу о непролетарских партиях позиции сторон просто

вернулись в 1905 год. Плеханов уверял, что «сил одного пролетариата недостаточно для решительной победы над реакцией: ему нужен союзник». Ленин доказывал, что либеральная буржуазия способна только «свести энергию революционной борьбы народа в узкое русло полицейски-конституционной реакции»[506]. Перевес окажется у Ленина: 159 голосов против 104. Рабочий съезд большевикам был не нужен – пролетарское сознание должна нести партия. Меньшевики переругались по этому вопросу друг с другом и предсказуемо проиграли.

Под занавес съезда обратил на себя внимание 25-летний делегат от столицы – Григорий Евсеевич Зиновьев (Радомысльский) – несколько тучный молодой человек с бледным и болезненным лицом, на вид флегматичный. Отец его владел молочной фермой, образование Зиновьев получил домашнее, рано вступил на тропу антиправительственной деятельности, рано эмигрировал из-за возможного ареста. Поучился на химическом и философском факультетах Бернского университета. Еще один боец ленинской команды.

Среди делегатов Троцкий: «Это был многолюдный, долгий, бурный и хаотический съезд… Революция шла на убыль, но интерес к ней даже в английских политических кругах был еще очень велик. Именитых делегатов съезда видные либералы приглашали к себе на дом, чтобы показать гостям. Начавшийся революционный отлив уже сказался, однако, в ослаблении партийной кассы. Не только на обратный путь, но и на доведение съезда до конца не хватало средств… Но выход нашелся, и совершенно неожиданный. Один из английских либералов согласился дать русской революции взаймы, помнится, три тысячи фунтов стерлингов. Но он потребовал, чтобы под векселем подписались все делегаты съезда… Только Советское правительство выкупило вексель Лондонского съезда»[507].

Сталин вспоминал: «Я впервые видел тогда Ленина в роли победителя… Помнится, как Ленин настойчиво внушал тогда делегатам: “Первое дело – не увлекаться победой и не кичиться; второе дело – закрепить за собой победу; третье – добить противника, ибо он только побит, но далеко еще не добит”»[508]. Это он о коллегах по партии – меньшевиках.

В ЦК избрали людей, готовых работать в России: Мартынов, Жордания, Данишевский, Мешковский, Рожков, Дубровинский, Теодорович, Ногин. Кандидатами стали Ленин, Богданов, Красин, Рыков, Зиновьев, Шанцер, Саммер, Лейтайзен, Таратута, А. Смирнов.

ЦК окажется не самым работоспособным. Николай

Александрович Рожков, уже тогда довольно известный историк из Московского университета, вспоминал: «Работать в ЦК было трудно: фракционная борьба большевиков с меньшевиками разгоралась все сильнее, несмотря на формальное единство партии, и осложнялась еще более сильной и резкой борьбой между представителями польской социал-демократии и Бунда в ЦК партии. Мне почти всегда приходилось председательствовать в ЦК и сдерживать расходившиеся страсти»[509].

Не менее острыми окажутся разногласия, как мы увидим, и в другом органе, который большевики избрали на последнем заседании своей фракции, – сепаратном Большевистском центре (БЦ). В него вошли Ленин, Богданов, Красин, Покровский, Рожков, Зиновьев, Каменев, Рыков, Дубровинский, Ногин…

Крупской на съезде не было, она дожидалась супруга в «Вазе». «Со съезда Ильич приехал позже других. Вид у него был необыкновенный: постриженные усы, сбритая борода, большая соломенная шляпа. Тотчас после съезда Ильич выступил с докладом в Териоках в гостинице финна Каккo… перед приехавшими в большом количестве из Питера рабочими».

И здесь Ленина застигло известие о роспуске и Второй Думы. Она оказалась еще более оппозиционной, чем Первая. Весь пакет реформ Столыпина – в основе своей весьма либеральный – оказался заблокирован именно либералами и правыми. Премьер честно старался наладить диалог, проводя много времени в Думе, но безрезультатно. После 103 дней работы он выступил инициатором ее роспуска, причем по жесткому, внеконституционному сценарию – со сменой избирательной системы законом, не утвержденным парламентом. Поводом для разгона стал отказ снять депутатскую неприкосновенность с ряда депутатов-социалистов, обвинявшихся в терроризме.

Дата роспуска Второй Думы – 3 июня 1907 года – была объявлена всей прогрессивной общественностью днем государственного переворота. Церетели произнес пламенную прощальную речь, после чего вместе с рядом коллег был арестован, а затем отправлен в Сибирь. Большевистская фракция приехала поздно вечером в Куоккалу, «просидели всю ночь, обсуждая создавшееся положение». Ленину нечем было утешить бывших депутатов.

Крупская писала: «От съезда Ильич устал до крайности, нервничал, не ел. Я снарядила его и отправила в Стирсудден, в глубь Финляндии, где жила семья Дяденьки, а сама осталась спешно ликвидировать дела»[510]. Очередной цикл: после ража на съезде полный упадок сил и отдых – на даче Книповичей. «Он точно потерял способность ходить, всякое желание говорить,

почти весь день проводил с закрытыми глазами. Он все время засыпал»[511]. Оттуда Ленин писал матери: «Здесь отдых чудесный, купанье, прогулки, безлюдье, безделье. Безлюдье и безделье для меня лучше всего»[512].

Крупская подтверждала: «В Стирсуддене мы чудесно провели время – лес, море, дичее дикого. Рядом только была большая дача инженера Зябицкого, где жили Лещенко с женой и Алексинский… Иногда у Лещенко собирались послушать музыку. Ксения Ивановна – родственница Книповичей – обладала чудесным голосом, она была певица, и Ильич слушал с наслаждением ее пение. Добрую часть дня мы проводили с Ильичем у моря или ездили на велосипеде»[513].

«Государственный переворот 3 (16) июня 1907 года открыл в России эпоху контрреволюции, – возмущался Ленин. – … Избирательный закон 3 (16) июня является примером бесстыдной фальсификации»[514]. Большинство в БЦ высказалось за бойкот выборов в Думу. Участвовать в них предлагали лишь двое – Рожков и Ленин. Он объяснял сестре Марии из Стирсуддена в конце июня 1907 года: «Я против бойкота III Думы, и скоро, верно, выйдет у меня одна вещица по этому поводу, которую я только что кончил. Нельзя, по-моему, повторять такой лозунг вне обстановки подъема, вне борьбы с первыми конституционными иллюзиями… При случае в момент подъема мы выдвинем бойкот. Но сейчас провозглашать его было бы либо преждевременной бравадой, либо некритическим повторением лозунгов, имеющих славное революционное прошлое». Вещицей была статья «Против бойкота»[515]. Поскольку «преждевременной бравадой» занимались в основном большевики из ближнего круга, которых нарекут «отзовистами», появилась еще одна причина для расколов в и без того обескровленной партии, из которой шел активный отток членов.

Ленин прервал отдых, чтобы принять участие в срочно созванной для обсуждения думской тактики III (Второй общероссийской) конференции РСДРП в финской Котке, проходившей 21–23 июля (3–5 августа) 1907 года. Даже большевики не могли договориться друг с другом: Ленин выступал с докладом против бойкота, а его правая рука Богданов – за бойкот. Как отмечал выступавший от меньшевиков Дан, решение вступить в избирательную кампанию прошло голосами «меньшевиков, бундистов, поляков, одного из латышей и одного большевика»[516]. Ленина. РСДРП шла на выборы. Большевики же переругались настолько, что Красин, например, предпочел вообще – до 1917 года – отойти от партийных дел.

Для РСДРП выборы обернулись провалом. В Третьей Думе правые фракции получили 171 мандат, октябристы – 113, кадеты с сочувствующими – 101, трудовики – 13. Руководство Думой перешло в руки октябристов и их лидера Гучкова. Социал-демократическая фракция растаяла до 20, а затем и до 14 депутатов.

Собственно, только с началом работы Третьей Думы представительный орган впервые занялся законотворчеством и «вел собственную жизнь, подчинявшуюся законам»[517]. Но Ленина это как раз и не радовало. Фракцией РСДРП руководил меньшевик Николай Чхеидзе. Дворянин, не закончивший Новороссийский университет в Одессе, он дважды арестовывался, был избран гласным батумской, а затем – тифлисской городской думы. Троцкий говорил о нем: «Честный и ограниченный провинциал»[518]. Масон. Грузия голосовала за меньшевиков, поставляя самое большое количество участников социал-демократической фракции.

Ленин к работе фракции теперь особого интереса не проявлял. Зато решил блеснуть на международном поприще. Он принял участие в конгрессе II Интернационала в Штутгарте, где собрались 884 делегата из 25 стран и колоний. «Большой зал, – рассказывала Александра Михайловна Коллонтай – образованная генеральская дочь, смелая и свободная в словах и поступках, блестящая писательница и оратор, красавица. – Театр или зал для собраний… Ведущая фигура съезда – старик Август Бебель. ВИ в делегации большевиков. Работает не для зрителей на виду, а в комиссиях – там, где действительно вырабатывается линия международного рабочего движения»[519]. Тут же Троцкий: «На конгрессе Интернационала чувствовалось еще дуновение русской революции 1905 г. Равнение шло по левому флангу. Но уже заметно было разочарование в революционных методах. К русским революционерам относились еще с интересом, но в нем был уже легкий оттенок иронии: опять, мол, к нам вернулись»[520].

Примечательно, что один из вопросов – правда, последних: что делать социалистам в случае европейской войны. Ленин в комиссии уже тогда заявил, что задача организованного пролетариата – превратить войну империалистическую в войну гражданскую. Ленин в восторге от итогов: «Великое значение международного социалистического конгресса в Штутгарте состоит именно в том, что он ознаменовал собой окончательное упрочение второго Интернационала и превращение международных съездов в деловые собрания, которые оказывают серьезное влияние на характер и направление социалистической работы во всем мире». Еще бы, ведь сам Ленин принял в нем

активное участие. «Штутгартский съезд рельефно сопоставил по целому ряду крупнейших вопросов оппортунистическое и революционное крыло международной социал-демократии и дал решение этих вопросов в духе революционного марксизма»[521]. Он особо подчеркивал, что все делегаты от России – эсдеки, эсеры, профсоюзники, а также представители от Польши и Финляндии голосовали единым блоком по всем вопросам. Ленин ближе всего сошелся тогда с Розой Люксембург.

Крупская заметила, что с конгресса супруг вернулся очень довольный. Однако вскоре снова надо было собирать вещи. Российские спецслужбы все активнее проявляли себя в Финляндии. «На даче “Ваза” (в Куоккале) оставались еще Богдановы, Иннокентий (Дубровинский) и я, – писала Крупская. – Уже в Териоках были обыски, ждали их в Куоккале… Ильича товарищи отправили в глубь Финляндии, он жил в то время в Огльбю (небольшая станция около Гельсингфорса) у каких-то двух сестер-финок». В Огльбю Ленин писал «Аграрную программу социал-демократии в первой русской революции».

Меж тем информированные коллеги предупредили, что его продолжают усиленно искать. Было решено уходить в дальнее зарубежье – через Швецию, что тоже было сопряжено с риском. «Ехать обычным путем, садясь в Або на пароход, значило наверняка быть арестованным. Кто-то из финских товарищей посоветовал сесть на пароход на ближайшем острове… Ильича взялись проводить двое подвыпивших финских крестьян, которым море было по колено. И вот, пробираясь ночью по льду, они вместе с Ильичем чуть не погибли – лед стал уходить в одном месте у них из-под ног. Еле выбрались», – рассказала Крупская, которая добралась до Стокгольма менее экзотическим путем.

Пробыв там несколько дней, супруги двинулись на Швейцарию через Берлин. Вечер провели у Розы Люксембург. Та познакомила с гастрономическими достопримечательностями столицы Германии. Последствия были печальны. «В гостиницу, где мы остановились, мы пришли вечером больные, у обоих шла белая пена изо рта, и напала на нас слабость какая-то. Как потом оказалось, мы, перекочевывая из ресторана в ресторан, где-то отравились рыбой. Пришлось ночью вызывать доктора… Провалялись мы пару дней и полубольные потащились в Женеву, куда мы приехали 7 января 1908 года (25 декабря 1907 г.)… Неприютно выглядела Женева. Не было ни снежинки, но дул холодный резкий ветер – биза… Город выглядел мертвым, пустынным… Ильич обронил:

– У меня такое чувство, точно в гроб ложиться сюда приехал.

Началась наша вторая эмиграция, она была куда тяжелее

первой»[522].

Глава 3
Путь на броневик

И Ленин
снова
в своем изгнании
Готовит
нас перед
новой битвой.

Антиэмпириомонист

Девятого января 1908 года Ленин писал Горькому: «Здесь устраиваемся кое-как, пока временно, поэтому все плохо». Настроение мрачное. 13 января – Луначарскому: «Грустно, черт побери, снова вернуться в проклятую Женеву, да ничего не поделаешь! После разгрома Финляндии ничего не осталось, как перенести “Пролетарий” за границу… Наводим пока справки, но я-то лично думаю, что Женева и Лондон – единственные места, где свободно. А Лондон дорог»[523].

Вновь нужно было, как говорила Крупская, «привыкнуть к эмигрантской атмосферке»: «Целые дни ВИ просиживал в библиотеке, но по вечерам мы не знали, куда себя приткнуть. Сидеть в неуютной холодной комнате, которую мы себе наняли, было неохота, тянуло на людей, и мы каждый день ходили то в кино, то в театр, хотя редко досиживали до конца, а уходили обычно с половины спектакля бродить куда-нибудь, чаще всего к озеру».

К выбору в пользу Женевы склонило одно немаловажное обстоятельство, о котором писала Крупская: «К нашему удивлению, мы узнали, что в Женеве от прежнего времени у нас оставалась наборная машина, что сокращало расходы и упрощало дело. Объявился прежний наборщик, набиравший ранее в Женеве “Вперед”, – т. Владимиров… К февралю уже съехались в Женеву все товарищи, посланные из России ставить “Пролетарий”, т. е. ВИ, Богданов и Иннокентий (Дубровинский)»[524]. Ждали и Алексинского, который вместе с другими большевистскими депутатами Второй Думы был осужден на каторгу, но предпочел эмигрировать в Австро-Венгрию.

Горький, живший на Капри, звал к себе. 15 января Ленин отвечал: «Вы это хорошо расписали, что, ей-богу, соберусь непременно и жену постараюсь с собой вытащить… К весне же закатимся пить белое каприйское вино и смотреть Неаполь и болтать с Вами. Я кстати по-итальянски начал учиться…» Ленин приглашал к литературному сотрудничеству, и Горький вроде соглашался. Из письма 2 февраля: «Все налажено, на днях выпускаем анонс. В сотрудники ставим Вас. Черкните пару слов, могли ли бы Вы дать что-либо для первых номеров (в духе ли *заметок о мещанства* из *“Новой Жизни”* или отрывки из повести, которую пишете, и т. п.». И вновь 13 февраля: «Ваш план писать маленькие вещи для “*Пролетария*” (анонс Вам послан) меня очень и очень радует. Но, разумеется, раз есть большая работа, *не отрывайтесь*… Меки выпустили здесь анонс о ежемесячном

“Голосе Социал-Демократа” за подписью Плеханова, Аксельрода, Дана, Мартова, Мартынова… Борьба может обостриться. А Троцкий хочет стоять “выше борющихся фракций”…»[525].

И тут в Европе разразился грандиозный скандал с теми самыми 500-рублевыми купюрами, которые были «экспроприированы» Сталиным и Камо в Тбилиси. В начале 1908 года, испытывая финансовые трудности, большевики попытались разменять эти деньги сразу в нескольких европейских городах. В организации размена принимал участие и осведомитель спецслужб Житомирский, участники операции были задержаны: Литвинов в Париже, будущая жена Зиновьева Ольга Равич – в Стокгольме. В Женеве по этому делу был арестован Семашко. «Швейцарские обыватели были перепуганы насмерть, – свидетельствовала Крупская. – Только и разговоров было, что о русских экспроприаторах. Об этом с ужасом говорили за столом в том пансионе, куда мы с Ильичем ходили обедать»[526]. Ленин заступался за Семашко. Вскоре его выпустят за недостатком улик. Но дискуссия внутри партии вокруг допустимости эксов резко обострилась.

В разгар скандала с купюрами – в феврале – вышел первый женевский номер «Пролетария». В нем Ленин утверждал: «Нас недаром называли твердокаменными. Социал-демократы сложили пролетарскую партию, которая не падает духом от неудачи первого военного натиска, не увлечется авантюрами. Эта партия идет к социализму, не связывая себя и своей судьбы с исходом того или иного периода буржуазных революций… И эта пролетарская партия идет к победе»[527].

В постреволюционные годы российская эмиграция резко разрасталась, за границу бежали люди «с истрепанными, надорванными нервами, без перспектив впереди и без гроша денег, без какой-либо помощи из России… Склоки, свары было больше чем достаточно»[528]. Оставшимся в России революционерам тоже становилось все сложнее. Партия за время революции разрослась, в ней было немало случайных, да и совсем не случайных людей: власть активно наводняла оппозиционные организации своей агентурой. Провал шел за провалом. Собрания и конференции стали невозможны. В апреле – мае 1908 года были арестованы Каменев, Зиновьев, Рожков.

А Ленин вновь обнаружил главных врагов среди ближайших сподвижников, крайне негативно отреагировав на их теоретические изыски. В первую очередь – Богданова. Он был человеком неординарным и с необузданной фантазией. Так, его перу принадлежал роман «Красная Звезда», посвященный марсианам – с огромными головами и глазами и

атрофировавшимися телами. Они испытывают нехватку ресурсов, но, имея высокую форму общественной организации – естественно, коммунистическую, – способны путешествовать в космосе с помощью этеронефов (космолетов) и подумывают о колонизации Земли. Они захватывают на баррикадах Красной Пресни – для консультаций – революционера, которого отвозят на Марс. И далее в том же духе.

А философские взгляды Богданова помещались в тома под названием «Эмпириомонизм». Ленин, ознакомившись с 3-м выпуском «Эмпириомонизма» еще в 1906 году, кипел, но сдерживал себя. «Прочитав, озлился и взбесился необычайно: для меня еще яснее стало, что он идет архиневерным путем, не марксистским, – объяснял Ленин Горькому. – Я написал ему тогда “объяснение в любви”, письмецо по философии в размере трех тетрадок»[529]. Послание, иронично самим Лениным названное «объяснением в любви», замечал Валентинов, «содержало так мало знания философии и столь много оскорбительных для Богданова слов, что последний возвратил его Ленину с указанием, что для сохранения с ним личных отношений следует письмецо считать “ненаписанным, неотправленным, непрочитанным”»[530].

А тут еще вышли «Очерки по философии марксизма» – со статьями Богданова, Луначарского, Базарова, Суворова, Бермана, Юшкевича и Гельфонда, – вытерпеть которые Ленин уже не смог. «Я с каждой статьей прямо бесновался от негодования… Нет, это не марксизм! И лезут наши эмпириокритики, эмпириомонист и эмпириосимволист в болото. Уверять читателя, что “вера” в реальность внешнего мира есть “мистика” (Базаров), спутывать самым безобразным образом материализм и кантианство (Базаров и Богданов), проповедовать разновидность агностицизма (эмпириокритицизм) и идеализма (эмпириомонизм), – учить рабочих “религиозному атеизму” и “обожанию” высших человеческих потенций (Луначарский), – объявлять мистикой энгельсовское учение о диалектике (Берман), – черпать из вонючего источника каких-то французских “позитивистов” – агностиков и метафизиков, черт их поберет, с “символической теорией познания” (Юшкевич)… Я себя дам скорее четвертовать, чем соглашусь участвовать в органе или в коллегии, подобные вещи проповедующей»[531]. И Богданов уже не был так нужен Ленину, как в 1904 году.

Отношения с Богдановым испортились до предела, хотя до конца марта Старик считал возможным отделять философию от политики. Потом все изменилось. А у Ленина – после спада революции – появилась масса свободного времени. Он занялся

философией с фанатизмом неофита. Именно Богданов – все еще второй человек в партии – становился для Ленина воплощением всего зла мироздания, начинал существовать для него исключительно как мишень. «Товарищам-практикам, мало интересовавшимся философией, было не ясно, чего это так горячится Ленин, чего это он бешено так ругается, из-за чего рвет с недавними соратниками – Богдановым и К°, чего ради блокируется он с Плехановым… Шла борьба за марксизм, за его основы»[532], – объясняла Крупская.

Раскол дошел до логического конца, переключившись с философии на политическую идеологию и тактику, на личные отношения. Богданов группировал около себя крайне опасных в глазах Ленина «отзовистов», призывавших отказаться от деятельности думской фракции эсдеков. Соломон, сам сторонник отзовизма, объяснял его логику: «Фракция качественно была очень слаба, и все ее выступления, по общему пониманию, были очень жалки… Однако, при всей своей качественной незначительности, фракция все время игнорировала указания Центрального комитета, обнаруживая крайнее самолюбие и основанную на невежестве “самостоятельность”… Сторонники лишения фракции мандата на партийном жаргоне именовались отзовистами». Соломон вспоминал свои споры с Лениным:

«– Как?! По-вашему, лучше остаться в Думе без наших представителей? – с возмущением прервал меня Ленин. – Так могут думать только политические кретины и идиоты мысли, вообще все скорбные главой…

Я долго старался не обращать внимания на эти обычные его выпады и вести разговор только по существу, лишь внутренне морщась…

– Ну, Владимир Ильич, легче на поворотах. Ведь если и я применю Вашу манеру оппонировать, то и я, следуя Вашей системе, могу обложить Вас всякими ругательствами, благо русский язык очень богат ими.

Надо отдать ему справедливость, мой отпор подействовал на него. Он вскочил, стал хлопать меня по плечам, хихикая и все время повторяя “дорогой мой” и уверяя меня, что, увлеченный спором, забылся…»[533]. В лагере «отзовистов» оказались все революционно настроенные большевики, включая и двух ближайших соратников – Богданова и Красина. «Вместе с тайным триумвиратом распалась старая верхушка большевизма»[534], – замечал Троцкий.

Крупская подтверждала, что «с каждым днем становилось яснее, что скоро большевистская фракция распадется. В это тяжелое время Ильич особенно сблизился с Иннокентием

(Дубровинским)»[535]. Теперь именно Иосиф Федорович Дубровинский становился большевиком № 2. Борьба с недавними сподвижниками поглотила Ленина полностью. Он писал Горькому 16 марта: «Газету я забрасываю из-за своего философского запоя: сегодня прочту одного эмпириокритика и ругаюсь площадными словами, завтра – другого и матерными».

Призывы Горького приехать на Капри становились все более настойчивыми. Именно там нашли пристанище Богданов, Базаров, Луначарский, и пролетарский писатель не оставлял надежды помирить их с лидером большевиков. Горький просил не поднимать много шума из ничего. Ленин 24 марта отвечал: «Я бы не поднял шуму, если бы не убедился безусловно (и в этом убеждаюсь с каждым днем больше по мере ознакомления с первоисточниками мудрости Базарова, Богданова и К°), что книга их – нелепая, вредная, филистерская, поповская *вся*, от начала до конца, от ветвей до корня, до Маха и Авенариуса… Какое уж тут “примирение” может быть, милый А.М.? Помилуйте, об этом смешно и заикаться. Бой *абсолютно* неизбежен». И вновь 16 апреля: «Ехать мне бесполезно и вредно: разговаривать с людьми, пустившимися проповедовать соединение научного социализма с религией, *я не могу* и не буду. Время тетрадок прошло. Спорить нельзя, трепать нервы глупо»[536].

И вдруг… Ленин появился на Капри – на горьковской вилле Блезус. Лучше Горького об этом никто не расскажет: «Тут у меня осталось очень странное впечатление: как будто ВИ был на Капри два раза и в двух резко различных настроениях. Один Ильич, как только я встретил его на пристани, тотчас же решительно заявил мне:

– Я знаю, вы, Алексей Максимович, все-таки надеетесь на возможность моего примирения с махистами, хотя я вас предупредил в письме: это – невозможно! Так уж вы не делайте никаких попыток.

По дороге на квартиру ко мне и там я пробовал объяснить ему, что он не совсем прав: у меня не было и нет намерения примирять философские распри, кстати – не очень понятные мне… Затем я сказал ему, что А. А. Богданов, А. В. Луначарский, В. А. Базаров – в моих глазах крупные люди, отлично, всесторонне образованные, в партии я не встречал равных им.

– Допустим. Ну, и что же отсюда следует?

Здесь он был настроен спокойно, холодновато и насмешливо, сурово отталкивался от бесед на философские темы и вообще вел себя настороженно. А. А. Богданов, человек удивительно симпатичный, мягкий и влюбленный в Ленина, но немножко самолюбивый, принужден был выслушивать весьма острые и

тяжелые слова:

– Шопенгауэр говорит: “Кто ясно мыслит – ясно излагает”, я думаю, что лучше этого он ничего не сказал. Вы, т. Богданов, излагаете неясно. Вы мне объясните в двух-трех фразах, что дает рабочему классу ваша “подстановка” и почему махизм – революционнее марксизма?

Богданов пробовал объяснить, но он говорил действительно неясно и многословно.

– Бросьте, – советовал Владимир Ильич. – Кто-то, кажется – Жорес, сказал: “Лучше говорить правду, чем быть министром”, я бы прибавил: и махистом.

Затем он азартно играл с Богдановым в шахматы и, проигрывая, сердился, даже унывал, как-то по-детски… В другой раз он сказал:

– Луначарский вернется в партию, он – менее индивидуалист, чем те двое. На редкость богато одаренная натура. Я к нему “питаю слабость” – черт возьми, какие глупые слова: питать слабость!»[537].

Спутница Горького актриса Андреева запомнила: «Ежедневная рыбная ловля на море ни того, ни другого не укачивала, давала им возможность беседовать друг с другом без помехи: на лодке с ними были только рыбаки-каприйцы да я… Горький с увлечением показывал Ленину Помпеи, Неаполитанский музей… Они ездили вместе на Везувий и по окрестностям Неаполя»[538].

Через несколько лет Ленин напомнит Горькому их тогдашний разговор: «Помните, весной 1908 года на Капри наше “последнее свидание” с Богдановым, Базаровым и Луначарским? Помните, я сказал, что придется разойтись годика на 2–3, и тогда еще М.Ф., бывшая председателем, запротестовала бешено, призывая меня к порядку и т. п.!» Для примирения потребуется куда больший срок.

Первого июля Ленин писал Воровскому в Одессу: «Я не нервничаю, но положение у нас трудное. Надвигается раскол с Богдановым. Истинная причина – обида за резкую критику на рефератах (отнюдь не в редакции) его философических взглядов. Теперь Богданов выискивает всякие разногласия. Вытащил на свет божий бойкот вместе с Алексинским, который скандалит напропалую и с которым я вынужден был порвать все сношения. Они строят раскол на почве эмпириокритической-бойкотистской. Дело разразится быстро. Драка на ближайшей конференции неизбежна. Раскол весьма вероятен. Я выйду из фракции, как только линия “левого” и истинного “бойкотизма” возьмет верх». Впрочем, Ленин не унывал. «Обязательно устройте так, чтобы могли съездить за границу. Деньги вышлем на поездку всем

большевикам… Убедительно просим писать для нашей газеты. Можем платить теперь за статьи и будем платить аккуратно»[539].

Как видим, у Ленина появились деньги. Их успел завещать племянник Саввы Морозова Николай Павлович Шмидт, молодой большевик и бизнесмен, спонсор боевиков и «Новой жизни», умерший в тюрьме. Сестра его – через фиктивный брак с боевиком Игнатовым – тоже передала свою долю наследства большевикам. Это доля насчитывала ¾ миллиона франков, на что имеются ленинские расписки. Плюс акции, которые Ленин держал, в частности в Национальном учетном банке Парижа, и распоряжался ими[540].

Ленин съездил в Лондон. «Ильичу надо было достать некоторые материалы, которых не было в Женеве, да и склочная эмигрантская атмосфера здорово мешала Ильичу работать, поэтому он поехал в Лондон, чтобы поработать там в Британском музее и докончить начатую работу». Теперь он был вооружен для критики эмпириокритиков. Вскоре по его возвращении, 24 июля, состоялся пленум ЦК. Было решено ускорить созыв партийной конференции. «Организовывать конференцию поехал в Россию Иннокентий, – писала Крупская. – К этому времени ярко уже стала выявляться и крепнуть линия ликвидаторства, охватившая широкие слои меньшевиков»[541].

«Ликвидаторством» большевики нарекли идеи правого, потресовского крыла, делавшего упор на легальную деятельность: публицистику, работу в профсоюзах, в Государственной думе, на превращение в социал-демократическую партию западноевропейского образца для отстаивания экономических интересов рабочего класса реформистскими методами. Ленин видел в этом исключительно стремление «уничтожить революционную партию нового типа». И требовал в своей газете «не допускать и духу господ потресовых и прочей швали».

Незначительная часть меньшевистской фракции во главе с Плехановым продолжала отстаивать идеи усиления борьбы с либерализмом, сохранения нелегальных структур, за что получила название меньшевиков-партийцев. С ними Ленин готов был сотрудничать. Впрочем, замечал он, «даже среди плехановцев нет обвинения более страшного, ужасного, нестерпимого, чем обвинение в “помощи большевикам” или в работе “на большевиков” и т. п.»[542]. «Примиренцами» внутри меньшевистской партии выступали Мартов, Аксельрод, Дан, да и Троцкий, который с небольшой группой своих сторонников с 1908 по 1912 год издавал в Вене внефракционную газету «Правда». Именно за свое «примиренчество» он заслужил тогда от Ленина ярлык «Иудушки».

Чего же хотел сам Ленин? Он образно объяснит: «Мы научились во время революции “говорить по-французски”, т. е. вносить в движение максимум толкающих вперед лозунгов, поднимать энергию и размах непосредственной массовой борьбы. Мы должны теперь, во время застоя, реакции, распада, научиться “говорить по-немецки”, т. е. действовать медленно (иначе нельзя, пока не будет нового подъема)»[543]. Сочетание легальных и нелегальных методов – ключ к успеху.

Ленин закончил работу над «Материализмом и эмпириокритицизмом» в сентябре 1908 года (в книжном виде она выйдет только в мае 1909 года). «Поработал я много над махистами и думаю, что всех их (и «эмпириомонизма» тоже) невыразимые пошлости разобрал», – сообщал он сестре. Ленин ставил задачей разыскать, «на чем свихнулись люди, преподносящие под видом марксизма нечто невероятно сбивчивое, путаное и реакционное»[544]. Результатом стал самый необычный ленинский труд.

Ленин писал, что «за гносеологической схоластикой эмпириокритицизма нельзя не видеть борьбы партий в философии, борьбы, которая в последнем счете выражает тенденции и идеологию враждебных классов современного общества. Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад. Борющимися партиями по сути дела, прикрываемой гелертерски-шарлатанскими новыми кличками или скудоумной беспартийностью, являются материализм и идеализм. Последний есть только утонченная, рафинированная форма фидеизма, который стоит во всеоружии, располагает громадными организациями и продолжает неуклонно воздействовать на массы, обращая на пользу себе малейшее шатание философской мысли. Объективная, классовая роль эмпириокритицизма всецело сводится к прислужничеству фидеистам в их борьбе против материализма вообще и против исторического материализма в частности»[545].

Столпами советского материализма станут бессмертные ленинские мысли: «Материя есть то, что, действуя на наши органы чувств, производит ощущение; материя есть объективная реальность, данная нам в ощущении… Материя, природа, бытие, физическое есть первичное, а дух, сознание, ощущение, психическое – вторичное… Картина мира есть картина того, как материя движется и как “*материя мыслит*”… Мозг является органом мысли».

«Богданов утверждал, что по прочтении «Материализма и эмпириокритицизма» Плеханов сказал о его авторе: «Первоклассный философ. – И после паузы: – То есть еще в

первом классе»[546].

Рожков тоже был не в восторге: «Критические замечания и собственные взгляды автора в большинстве случаев надо признать совершенно неосновательными». Ленин «бессильно пытается соединить несоединимое – наивный реализм с научным материализмом»[547]. Лозовский писал, что «Богданов добивался, после выхода книги Ильича, публичной с ним дискуссии, на что Ильич отвечал: «О чем я с ним буду дискутировать? Не о чем. Пути разошлись настолько, что не стоит время зря тратить»[548].

Ильичи, казалось, уже обустраивались в Женеве. Подтягивалась молодежь, которая занимала место в очередной ленинской команде. «Приехала моя мать, и мы устроились по-домашнему – наняли небольшую квартиру, завели хозяйство. Внешне жизнь как бы стала входить в колею. Приехала из России Мария Ильинична, стали приезжать и другие товарищи… Приехали из России Зиновьев и Лилина. У них родился сынишка, занялись они семейным устройством. Приехал Каменев с семьей. После Питера все тосковали по этой маленькой тихой мещанской заводи – Женеве».

Однако и в этой «заводи» Ленин и Крупская не задержались. «Хотелось перебраться в крупный центр куда-нибудь. Меньшевики, эсеры перебрались уже в Париж. Ильич колебался: в Женеве-де жить дешевле, лучше заниматься. Наконец, приехали из Парижа Лядов и Житомирский и стали уговаривать ехать в Париж. Приводились разные доводы: 1) можно будет принимать участие во французском движении, 2) Париж большой город – там будет меньше слежки. Последний аргумент убедил Ильича»[549]. По иронии судьбы этот аргумент прозвучал из уст известного нам Житомирского, работавшего на спецслужбы. Им, наоборот, было удобнее следить за руководством большевиков именно в Париже, где существовала более разветвленная агентурная сеть, чем в Женеве

В конце осени руководство большевиков потянулось в Париж.

Париж, Инесса…

Ленин сообщал 19 декабря 1908 года Анне Ильиничне: «Нашли очень хорошую квартиру, шикарную и дорогую: 840 frs. + налог около 60 frs. + консьержке около того в год. По-московски это дешево (4 комнаты + кухня + чуланы, вода, газ), по-здешнему дорого. Зато будет поместительно и, надеемся, хорошо. Вчера купили мебель для Маняши. Наша мебель привезена из Женевы. Квартира на самом почти краю Парижа, на юге, около парка Montrouris. Тихо, как в провинции. От центра очень далеко, но скоро в двух шагах от нас проводят metro – подземную электричку, да пути сообщения вообще имеются. Парижем пока довольны»[550]. Квартира на улице Бонье, недалеко от парка Монсури, замечала Крупская, «была большая, светлая и даже с зеркалами над каминами (это было особенностью новых домов). Была там комната для моей матери, для Марии Ильиничны, которая приехала в это время в Париж в Сорбонну, учиться языку, наша комната с ВИ и приемная»[551].

В Париже в ленинском антураже закрепился Лозовский: «Мы (Ленин, Зиновьев, Каменев, Семашко, Владимиров, Владимирский, пишущий эти строки и др.), как руководящая группа парижских большевиков, часто собирались для того, чтобы предварительно обсуждать все вопросы. Собирались мы не раз на квартире доктора Якова Житомирского, который впоследствии оказался провокатором»[552].

В декабре в Париже была созвана Пятая (Общероссийская) конференция РСДРП, где удалось наметить некоторую общую линию. По предложению Ленина было осуждено ликвидаторство, то есть попытки «ликвидировать существующую организацию РСДРП и заменить ее бесформенным объединением в рамках легальности во что бы то ни стало, хотя бы последняя покупалась ценою явного отказа от программы, тактики и традиций партии»[553].

«Социал-демократ» должен был стать общепартийным органом. На пленуме, состоявшемся после конференции, сформировали его новую редакцию: Ленин, Зиновьев, Каменев, Мартов, Мархлевский. «В течение года выпустили девять номеров. Мартов в новой редакции был в одиночестве, но часто забывал о своем меньшевизме… ВИ с довольным видом говорил, что с Мартовым хорошо работать, что он на редкость талантливый журналист»[554].

В том же декабре в Париже – «юнцом наивным и восторженным прямо из Бутырской тюрьмы» – оказался Илья

Эренбург. «Утром приехал, а вечером сидел уже на собрании в маленьком кафе “Avenue d’Orleanes”. Приземистый лысый человек за кружкой пива, с лукавыми глазками на красном лице, похожий на добродушного бюргера, держал речь. Сорок унылых эмигрантов, с печатью на лице нужды, безделья, скуки слушали его, бережно потягивая гренадин. „Козни каприйцев“, „легкомыслие впередовцев, тож отзовистов“, „соглашательство троцкистов, тож правдовцев“, „уральские мандаты“, „цека, цека, ока“ – вещал оратор, и вряд ли кто-либо, попавший на это собрание не из „Бутырок“, а просто из Москвы, понял бы сии речи. Но в те невозвратные дни был я посвящен в тайны партийного диалекта и едкие обличения „правдовцев“ взволновали меня. Я попросил слова. Некая партийная девица, которая привела меня на собрание, в трепете шепнула:

– Неужели вы будете возражать Ленину?..

Краснея и путаясь, я пробубнил какую-то пламенную чушь, получив в награду язвительную реплику „самого“ Ленина… Ленинцы, т. е. „сам“, Каменев, Зиновьев и др., страстно ненавидели „каприйцев“, т. е. Луначарского с сотоварищами, те и другие объединялись в общей ненависти Троцкого, издававшего в Вене соглашательскую „Правду“. Какое же вместительное сердце надо иметь, чтоб еще ненавидеть самодержавие»[555].

Отношения Эренбурга с Лениным явно не заладятся. Т. И. Вулих вспоминала: «В то время выходил в Париже журнал под названием “Les homes d’aujourd’hui” (“Люди сегодня”), издаваемый одним карикатуристом – поляком. По-видимому, Эренбург и К° вошли с ним в соглашение на каких-то условиях, и те предоставили им своих сотрудников-художников. Помню, что на одно заседание Эренбург явился с пачкой настоящего журнала (по формату и вообще внешнему виду совершенно тождественного с французским) под заглавием “Les homes d’hier” – “Люди вчера”. Запомнила только сценку в школе Ленина.

Ленин вызывает Каменева и задает какой-то вопрос, на который Каменев отвечает не совсем в духе Ленина. Тогда Зиновьев вызывается ответить и отбарабанивает слово в слово по какой-то книге Ленина. Мы стали расхватывать этот журнал, тут же читать, раздались шутки, смех. Ленин тоже попросил один номер. Стал перелистывать, и по мере чтения все мрачнее и все сердитее делалось его лицо, под конец, ни слова не говоря, отшвырнул буквально журнал в сторону. Потом мне передали, что Ленину журнал ужасно не понравился и особенно возмутила карикатура на него и подпись. И вообще не понравилось, что Эренбург отпечатал и, по-видимому, собирался широко распространять»[556].

Это подтверждает в своих воспоминаниях Зиновьев: «Нас “поливали” не только Мартов и Дан, но и сторонники Плеханова – вплоть до Эренбурга (его звали тогда Илья Лохматый, он не был еще известным писателем, а не так давно отошел от большевиков и пробовал теперь свои силы на издании юмористического журнала “Бывшие люди”, листков против Ленина и проч.)». «Эмигрантская публика, среди которой преобладала меньшевистская интеллигенция, относилась к нам злобно-враждебно. Она утверждала, что мы маленькая секта, что нас можно пересчитать по пальцам… Что-де полцарства предлагаем тому, кто назовет четвертое большевистское имя, кроме Ленина, Зиновьева и Каменева»[557].

Теперь Ленин горел внутрипартийными склоками. Рассказывала Крупская: «Помню, пришел раз Ильич после таких разговоров с отзовистами домой, лица на нем нет, язык даже черный какой-то стал. Решили мы, что поедет он на недельку в Ниццу, отдохнет там вдали от сутолоки, посидит на солнышке. Поехал, отошел». В Ницце, где Ленин пробыл с 13 по 23 февраля (26 февраля – 8 марта) 1909 года, и в конце зимы действительно светит солнце.

В мае после выхода книжки «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин по ее мотивам прочитал в клубе «Пролетария» реферат на тему «Религия и рабочая партия», а также отметился серией статей на эту тему. В июне в Париж стали съезжаться делегаты на расширенную редакцию «Пролетария». Так «назывался по сути дела Большевистский центр, куда в то время входили также и впередовцы». Именно на этом совещании редакции Ленин уже официально отлучил от фракции большевиков всех «отзовистов». Произошло это после обсуждения вопроса о Каприйской школе – социал-демократической пропагандистской школе для рабочих, – которую организовали Богданов, Алексинский, Горький, Луначарский, Покровский, Менжинский. Совещание осудило школу как попытку создать новую, антибольшевистскую фракцию. «Богданов заявил о своем неподчинении решениям совещания и был исключен из большевистской фракции. На его защиту встал Красин. Большевистская фракция распадалась».

Нервов опять потрепали друг другу достаточно. Очередной раж, сменившийся очередной депрессией. «Совещание взяло немало сил у Ильича, и после совещания необходимо было поехать и ему куда-нибудь пожить на травке, туда, где не было эмигрантской склоки и сутолоки, – зафиксировала супруга. – Ильич стал просматривать французские газеты, отыскивая объявления о дешевых пансионах. Нашел такой пансион в

деревушке Бомбон, в департаменте Сены и Марны… В Бонбоне Ильич не занимался и о делах мы старались не говорить. Ходили гулять, гоняли чуть не каждый день на велосипедах в Кламарский лес за 15 километров. Наблюдали также французские нравы»[558]. Интересно, какие?

В это время Ленин увидел возможность укрепить свои позиции союзом с Троцким, однако безуспешно. «Мы ему предложили идеально выгодные условия, самым *искренним о*бразом желая блока с ним: содержание ему, покрытие дефицита “Правды”, равенство в редакции, переезд сюда; он не соглашался, требуя *большинства* в редакции (два троцкиста и один большевик!), – поведал Ленин в сентябре Томскому. – Понятно, что содержать не партийную, а троцкистскую газету в другом городе мы не в состоянии. Троцкий хочет не партию строить вместе с большевиками, а создавать *свою* фракцию». И далее Ленин выступил как пророк: «“Своей” фракцией он отобьет кое-кого у меньшевиков, немного у нас, а в конце концов неизбежно приведет рабочих к большевизму»[559].

Отдохнув весь август и первую половину сентября в Бонбоне, вернулись в Париж. Мария Ильинична уехала в Россию, квартира показалась слишком большой. Осенью переселились на улицу Мари-Роз – две главные комнаты, окна в сад. «“Приемной” нашей теперь была кухня, где и велись все задушевные разговоры. С осени у ВИ было рабочее настроение. Он завел “прижим”, как он выражался, вставал в 8 часов утра, ехал в Национальную библиотеку, возвращался в 2 часа. Много работал дома. Я усиленно охраняла его от публики». Той осенью Ленин вновь оказался в одном рукопожатии от Маркса, встретившись с его дочерью и зятем. «Лафарги встретили нас очень любезно. Владимир стал разговаривать с Лафаргом о своей философской книжке, а Лаура Лафарг повела меня гулять по парку».

Из воспоминаний Надежды Константиновны хорошо видно, что парижское житие ее стало очевидно томить. «В Париже жилось очень тоскливо». Или: «В Париже пришлось провести самые тяжелые годы эмиграции»[560]. Не думаю, потому что у Ленина там украли велосипед около Национальной библиотеки. Если не для Ленина, то для Крупской уж точно наступали черные времена.

В Париже появилась Инесса.

Ленин скажет встречавшейся с ним – после революции – Софье Ивановне Аничковой (баронессе Траубе): «Для истинного революционера никакая женщина не может соперничать с революцией»[561]. Похоже, для себя Ленин сделал одно исключение.

Крупская скупо сообщала: «В 1910 г. в Париж приехала из Брюсселя Инесса Арманд и сразу же стала одним из активных членов нашей Парижской группы. Вместе с Семашко и Британом (Казаковым) она вошла в президиум группы и повела обширную переписку с другими заграничными группами. Она жила с семьей, двумя девочками – дочерями и сынишкой. Она была очень горячей большевичкой, и очень быстро около нее стала группироваться наша парижская публика»[562].

Далеко не последним среди сгруппировавшихся был Ленин. Похоже, они встретились в декабре 1909 года (в литературе называются и другие даты и даже города) в том же кафе на авеню д'Орлеан, где Ленина слушал Эренбург. В Париже «уже были наслышаны о молодой энергичной "русской француженке", ярко проявившей себя в недавней революции и побывавшей в царской тюрьме… Барышня из легенды оказалась хрупкой, изящной, с нежным лицом, что называется "тонкой работы". Одевалась она по парижской моде – строго, но с большим вкусом. Пожалуй, только глаза, эти "окна души", и выдавали пылающий в обманчивой оболочке костер мятежного сердца». Французский марксист Карл Раппопорт оставил зарисовку встречи: "Ленин не мог оторвать своих горящих монгольских глаз от этой маленькой француженки"»[563].

Инесса Федоровна Арманд, урожденная Элизабет Пешё д'Эрбранвилль, была дочерью оперного певца, носившего сценический псевдоним Теодор Стефан, и комической актрисы и оперной певицы англо-французского происхождения, но русского подданства, Натали Вильд. В 15 лет Инесса с сестрой приехала в Россию к своей тетушке, которая давала уроки французского языка и музыки в семье текстильных промышленников Арманд. В 19 лет Инесса была уже замужем за Александром Армандом – сыном купца первой гильдии. А затем ее сестра стала женой его брата – Николая Арманда (советский кинорежиссер Павел Арманд – их сын).

Инесса прожила с Александром 9 лет и родила ему двух сыновей и двух дочек. Но в 1902 году резко с ним порвала и ушла к его 18-летнему младшему брату Владимиру, от которого у нее был еще один сын. Владимир Арманд был романтиком и симпатизировал эсерам, в среду которых и затянул уже не юную жену. Однако, начитавшись книги неизвестного ей тогда Ильина «Развитие капитализма в России», в 1904 году Инесса вступила в РСДРП. Во время революционных битв «в качестве агитаторши и пропагандистки она выступает сначала в Пушкино, потом в Москве. Те, кому приходилось ее видеть в Москве в 1906 году, надолго запоминали ее несколько странное, нервное, как будто

асимметричное лицо, очень волевое, с большими гипнотизирующими глазами»[564].

Она попала в ссылку в Мезень, оттуда в 1908 году бежала в Петербург, а затем с помощью эсеров по подложному паспорту – в Швейцарию. Там у нее на руках от туберкулеза скончался супруг Владимир. Инесса переехала в Бельгию, где за год успешно прошла полный курс экономического факультета Брюссельского университета и получила ученую степень лиценциата экономических наук. Инесса нисколько не стеснялась адюльтера. Лениным увлекались многие дамы с революционными взглядами и не менее революционным поведением. Только он никогда раньше не принимал предлагавшейся ему любовной игры. Поэтому неудивительно, что «Надежда почувствовала опасную соперницу в очередной прибывшей из России революционерке и феминистке не сразу… Почти невозможно было представить себе помешанного на работе сорокалетнего педанта и циника активно флиртующим с дамой сердца и по-юношески беззаботно наслаждающимся любовной романтикой – особенно если принять во внимание его вечную занятость, маниакальное стремление жить по строгому распорядку и душевную сухость. К тому же тридцатипятилетняя Арманд была многодетной матерью»[565].

Что чувствовала Крупская? У историков не принято заглядывать в чувства действующих лиц. Зато это часто и порой мастерски делают писатели как знатоки человеческих душ. Как это сделал, к примеру, Солженицын: «Когда это все началось, даже раньше, когда студентка Сорбонны с красным пером на шляпе (как никогда не осмелилась бы ни одна русская революционерка), хотя и с двумя мужьями и пятью детьми за спиной, Инесса в первый раз вошла в их парижскую квартиру, а Володя только еще привстал от стола, – как от удара ветра открылось Наде все, что будет, все, как будет. И своя беспомощность помешать. И свой долг не мешать.

Надя первая сама и предложила: устраниться. Не могла она взять на себя быть препятствием в жизни такому человеку, довольно было препятствий у него всех других. И не один раз она порывалась – расстаться. Но Володя, обдумав, сказал: “Оставайся”. Решил. И – навсегда. Значит – нужна. Да и правда, лучше ее никто бы с ним не жил. Смириться помогало сознание, что на такого человека и не может женщина претендовать одна… А оставшись – осталась никогда не мешать. Не выказывать боли. Даже приучиться не ощущать ее»[566].

Зима была теплой, располагала к прогулкам в Булонском лесу, к рождественскому веселью. «Вообще на праздниках мы загуляли: были в музеях, в театре… Собираюсь и сегодня в один

увеселительный кабачок на goguette revolutionnaire [2] к “песенникам” (неудачный перевод chansonniers). Жалею, что летом не воспользовался болтовней с французами для *систематического* изучения французского произношения, – теперь, взяв некоторые книги по фонетике, вижу, насколько я тут слаб», – сообщал Ленин Марии Ильиничне 2 января 1910 года.

С велосипедами в Париже Ленину очевидно не везло. Повадился он ездить в Жювизи, где был аэродром: любоваться на полеты самолетов, которые влекли его, как и все новое. Правда, сам в воздух Ленин так никогда и не поднимется. А смотреть, как это делают другие, любил. Так вот. Из письма матери в Москву в январе 1910 года: «Сужусь. Надеюсь выиграть. Ехал я из Жювизи, и автомобиль раздавил мой велосипед (я успел соскочить). Публика помогла мне записать номер, дала свидетелей. Я узнал владельца автомобиля (виконт, черт его дери) и теперь сужусь с ним (через адвоката). Ездить теперь все равно не стал бы: холодно (хотя зато хорошая зима, прелесть для прогулок пешком)».

В эти дни Ленин в очередной (и последний) раз был обуян объединительным пылом, решив, что наступило время вновь слиться в объятьях со старыми коллегами по РСДРП. Объединительный пленум ЦК проходил в Париже 2–23 января (15 января – 5 февраля) 1910 года. Ленин назвал его «долгим пленумом» – «три недели маета была, издергали все нервы, сто тысяч чертей!». С решающим голосом было 14 делегатов, с совещательным голосом присутствовала вся редакция ЦО. Плеханов не приехал, сославшись на нездоровье.

Ленин и Зиновьев подготовили проект резолюции: «Констатируя, что: 1) в широких партийных кругах без различия течений все более усиливается стремление установить *фактическое* единство партии и добиться уничтожения организованных фракций; 2) что ЦК *единогласно* принят ряд важных резолюций, определяющих характер предстоящей полосы партийной работы; 3) что представители большевистской фракции заявили о распущении ими своей фракционной организации, ЦК призывает и представителей меньшевистской фракции вступить решительно на путь восстановления *фактического* партийного единства и прекращения фракционной борьбы»[567][568].

Резолюция была принята единогласно. Ленин – можете себе это представить! – заявил о ликвидации Большевистского центра и роспуске большевистской фракции. Крупская объясняла: «Ильич считал, что надо было, не сдавая ни на йоту принципиальной позиции, идти на максимальные уступки в области

организационной. Фракционный большевистский орган “Пролетарий” был закрыт. Оставшиеся пятисотки сожжены… Каменев был отправлен в Вену, где должен был являться представителем большевиков в троцкистской “Правде”»[569]. Передали в общепартийную кассу – под контроль «держателей» – свои денежные средства. Этими держателями выступали Карл Каутский, Франц Меринг и Клара Цеткин.

Сам Ленин расскажет Каутскому о принятых решениях: «Наша большевистская фракция заключила с Центральным комитетом договор о том, что мы распускаем нашу фракцию и передаем имущество нашей фракции Центральному комитету *при условии*, что *все* фракции сделают то же самое… Такой роспуск всех фракций был возможен при условии, что большевики отвергают “*отзовистов*” (т. е. тех, кто хочет отозвать рабочих депутатов из Думы и вообще бойкотировать III Думу), а меньшевики со своей стороны отказываются от “*ликвидаторов*”»[570].

Разочарование наступило очень скоро. Партия приходила в упадок. В Россию были командированы Дубровинский и Ногин – «организовывать русскую коллегию Центрального Комитета». Но Ногин оказался примиренцем, а Дубровинского арестовали (он погибнет в ссылке). «С русским ЦК дело было в 1910 г. хуже не надо»[571]. Ленин отмечал «громадный упадок организации повсюду, почти прекращение во многих местах. Повальное бегство интеллигенции. Остались кружки рабочих и одиночки».

За границей ситуация не лучше. Ленин с горечью писал Горькому 11 апреля: «Вот и выходит так, что “анекдотическое” в объединении сейчас преобладает, выдвигается на первый план, подает поводы к хихиканью, смешкам и пр. … Сидеть в гуще этого “анекдотического”, этой склоки и скандала, маеты и “накипи” тошно; наблюдать все это – тоже тошно… Вышел ребенок с нарывами. Теперь вот и маемся. Либо – на хороший конец – нарывы вскроем, гной выпустим, ребенка вылечим и вырастим. Либо – на худой конец – помрет ребенок. Тогда поживем некоторое время бездетно (сиречь: опять восстановим большевистскую фракцию), а потом родим более здорового младенца».

В таком настроении Ленин опять решил заехать к Горькому на Капри. Открытка матери 18 июня (1 июля): «Шлю большой привет из Неаполя. Доехал сюда пароходом из Марселя: дешево и приятно. Ехал как по Волге. Двигаюсь отсюда на Капри ненадолго»[572]. На острове Ленин встречался у Горького с Богдановым, Луначарским и другими. Никаких признаков публицистической или иной деятельности не зафиксировано.

«Касательно этого второго двухнедельного визита единодушны даже советские биографы: отпуск в чистом виде. Ленин поднимается на зловещий Везувий (Горький обычно цитировал приезжим Гёте: «Адская вершина посреди рая»), осматривает Помпеи, наслаждается замечательной инфраструктурой для пеших прогулок, загорает, купается»[573]. Уехал 1 (14) июля 1910 года. Сейчас недалеко от каприйской виллы Горького – между Садами Августа и тропой виа-Крупп – стоит памятник Ленину.

Затем Ленин с женой и тещей отдыхали во французском Порнике на берегу Бискайского залива. Писал оттуда Марии Ильиничне 28 июля: «Отдыхаем чудесно. Купаемся и т. д.»[574]. Крупская подтверждала: «Много купался в море, много гонял на велосипеде – море и морской ветер он очень любил, – весело болтал о всякой всячине с Костицыным, с увлечением ел крабов»[575].

Отдохнув вволю, Ленин 10 (23) августа отбыл на VIII конгресс II Интернационала в Копенгаген. На одном из вокзалов его пути пересеклись с Троцким. «Нам пришлось дожидаться около часу, и у нас вышел большой разговор, очень дружелюбный в первой части и мало дружелюбный во второй». Перед этим Троцкий опубликовал статью с осуждением большевистских экспроприаций. «Ленин пытался добиться в российской делегации осуждения моей статьи. Это был момент наиболее острого нашего столкновения за всю жизнь. Ленин был к тому же нездоров, страдал от острой зубной боли, вся голова была у него перевязана»[576].

Российская делегация на Копенгагенском конгрессе насчитывала 20 человек, среди которых 10 социал-демократов (Плеханов, Ленин, Зиновьев, Каменев, Мартов, Варский, Мартынов; с совещательным голосом – Троцкий, Луначарский, Коллонтай), 7 эсеров и 3 профсоюзных деятеля. На конгрессе, заметила Мария Ильинична, «резко выявились все раздражение и вся злоба представителей различных течений в русской секции конгресса против ВИ. Он был страшно одинок, но не хотел сделать ни шагу по пути соглашения со своими противниками, выступавшими довольно сплоченным фронтом. И это особенно выводило их из себя»[577].

Итоги Копенгагенского конгресса устроили Ленина гораздо меньше, чем Штутгартского. Никакой эйфории в этот раз: «Разногласия с ревизионистами наметились, но до выступления ревизионистов с самостоятельной программой еще далеко. Борьба с ревизионизмом отсрочена, но эта борьба придет неизбежно». При этом в дни конгресса Ленин в очередной – последний – раз сблизился с Плехановым. Ленин сделал широкий

жест, попросив Международное социалистическое бюро считать представителем РСДРП в этой организации не только Ленина, но и Плеханова[578].

Договорились издавать за границей популярную «Рабочую газету» и, если получится, газету и журнал социал-демократической фракции в Государственной думе. Плеханов даже даст статью для первого номера «Рабочей газеты». Но затем кампанию против издания затеет Троцкий, объявив ее узкофракционным органом, из-за чего Каменев выйдет из редколлегии «Правды» Троцкого. Все опять жестко переругаются.

Из Копенгагена Ленин направился в Стокгольм, куда приехали и мать с сестрой Анной из Финляндии, где они проводили лето. Повидаться с матерью удалось с 30 августа по 12 сентября (12–25 сентября). «Обычно после партсъездов брат брал на пару недель отпуск, для отдыха в данном случае: кроме того, он использовал его и для занятий в Стокгольмской библиотеке»[579]. Ленин последний раз виделся с матерью. Предчувствовал ли он, что больше ее не увидит? Крупская скупо пишет, что «предвидел он это и грустными глазами провожал уходящий пароход»[580].

Из Стокгольма вновь в Париж. В ноябре 1910 года Ленин жаловался Горькому на тяжелое финансовое положение: «У нас здесь все по-старому. Куча мелких делишек и всяческих неприятностей, связанных с борьбой разных “уделов” внутри партии. Бррр!.. А хорошо, должно быть, на Капри… В виде отдыха от склоки занялись мы давним планом издания “*Рабочей газеты*”. Собрали 400 frs. с трудом. Вчера вышел наконец № 1. Посылаю его Вам вместе с листком и подписным листом. Сочувствующие такому предприятию (и «сближению» большевиков с Плехановым) члены каприйско-неаполитанской колонии приглашаются оказывать всяческое содействие»[581].

Думская фракция эсдеков просила денег на свою прессу. 28 октября (10 ноября) Ленин отвечал Полетаеву: «Деньги (1000 р.) Вам посланы телеграфом через Лионский кредит на имя Чхеидзе в ту же среду, как было обещано… Пусть и он с своей стороны немедленно отправится в С.-Пб. Лионский кредит и похлопочет. Вторую тысячу от нас получите скоро, если дело пойдет хорошо»[582]. Дело пошло. С декабря 1910 года в Санкт-Петербурге выходила легальная газета «Звезда» и философский и общественно-политический журнал «Мысль». «Звезда» считалась органом думской фракции РСДРП, и в ее редакцию входили большевик Бонч-Бруевич, плехановец Иорданский и депутат Покровский, сочувствовавший большевикам. Крупская помнила: «В связи со смертью Л. Толстого начались демонстрации, вышел

№ 1 газеты “Звезда”, в Москве стала выходить большевистская “Мысль”. Ильич сразу ожил»[583].

Его статья, написанная 31 декабря, дышала безграничным оптимизмом: «В первой русской революции пролетариат научил народные массы бороться за свободу, во второй революции он должен привести их к победе». В письме Горькому 3 января 1911 года Ленин не скрывал удовлетворения: «Что студентов начали бить, это, по-моему, утешительно, а Толстому ни “пассивизма”, ни анархизма, ни народничества, ни религии спускать нельзя»[584].

Объединительные интенции Ленина окончательно покинули. Теперь он прикладывал основные усилия к тому, чтобы вернуть деньги, столь опрометчиво отданные немецким «держателям». Тяжбой непосредственно со стороны большевиков занимался Адоратский: «Германские социал-демократы вообще и в частности Каутский, совсем не разбираясь в русских делах, воображали тем не менее, что они призваны играть роль третейских судей…»[585].

В ответ меньшевики вновь активизировали обвинения Ленина в раскольнической деятельности и склочничестве. В марте 1911 года он объяснял депутату Думы Полетаеву, что «это компания ликвидаторов, враги социал-демократии, их идеи – идеи изменников». И Горькому 27 мая: «Объединение нас с меньшевиками вроде Мартова *абсолютно* безнадежно, как я Вам здесь и говорил. Ежели мы станем учинять “съезд” для столь безнадежного плана, – выйдет один срам (я лично даже на совещание с Мартовым не пойду)… Притом, если намечать объединение плехановцев + наше + думской фракции, то это грозит дать *перевес* Плеханову, ибо в думской фракции преобладают меньшевики. Желательно ли и разумно давать перевес Плеханову?» При этом раскольниками в партии Ленин видел именно меньшевиков, а не себя. «О расколе надо говорить *потоньше, всегда* выбирая такие формулировки, что-де ликвидаторы порвали, создали и объявили безоговорочный разрыв, а партия напрасно их терпит…»[586] – наставлял он Каменева.

Ленину срочно были нужны новые, молодые кадры крепких большевиков. И он начал их готовить. Весной 1911 года Ленину удалось организовать собственную партшколу – в местечке Лонжюмо, в 15 км от Парижа. Крупская объясняла: «В Лонжюмо был небольшой кожевенный заводишко, а кругом тянулись поля и сады. План поселения был таков: ученики снимают комнаты, целый дом снимает Инесса. В этом доме устраивается для учеников столовая. В Лонжюмо поселяемся мы и Зиновьевы»[587].

Наверное, самым известным из вольнослушателей окажется

Серго Орджоникидзе. Менее известным был Иван Степанович Белостоцкий, питерский рабочий, который рассказывал: «В конце мая съехались все ученики, и партийная школа в Лонжюмо начала свои занятия. ВИ преподавал политическую экономию, Надежда Константиновна – газетное издательство и связь, А. В. Луначарский – литературу и искусство… После лекций, которые нам читал Луначарский, мы часто бывали на экскурсиях в Лувре»[588].

Ленин преподавал там не только политэкономию, но также аграрный вопрос и теорию и практику социализма. Семинарские занятия по политэкономии – за Лениным – вела Инесса. Зиновьев, Каменев и Семашко читали историю партии, Рязанов – историю западноевропейского рабочего движения, Шарль Раппопорт – историю движения французского, Стеклов и Финн-Енотаевский – государственное право и бюджет, Станислав Вольский – газетную технику. «Занимались много и усердно. По вечерам иногда ходили в поле, где много пели, лежали под скирдами, говорили о всякой всячине. Ильич тоже иногда ходил с ними»[589].

Другой слушатель – Александр Иванович Догадов – добавлял детали: «Занимались мы в сарае, расположенном в саду, причем одна дверь выходила в сад. ВИ читал лекции спиной к двери; душный летний день и девушки – дочери владельца сарая – соблазняют нас, показывая за спиной ВИ яблоки, сорванные тут же в саду… Но вот кончились часы занятий, и вечером мы во главе с ВИ направляемся в кафе. Школьник Андрей (оказавшийся провокатором) – сильный баритон, ученик консерватории – организует хор, и 40 здоровых глоток поют “Стеньку Разина”, “Дубинушку” и пр. … В часы отдыха ВИ становился просто товарищем и принимал участие в наших прогулках, купании… В течение 4 месяцев ВИ жил вместе с нами – школьниками»[590].

«Белостоцкий как-то на прогулке посетовал Ленину на его несправедливость к меньшевикам. Ильич наклонился к нему, сидящему на лавочке, и сказал:

– Если вы схватили меньшевика за горло, так душите.

– А дальше что?

Ленин наклонился еще ниже и ответил:

– А дальше послушайте: если дышит, душите, пока не перестанет дышать, – и укатил на велосипеде»[591].

Крупская утверждала, что Ленин был «очень доволен работой школы». «Володя пользуется летом недурно, – информировала Надежда Константиновна свекровь. – Пристроился заниматься в поле, очень много ездит на велосипеде, купается и дачей доволен. На этой неделе мы с ним носились на велосипеде без памяти. Сделали три прогулки по 70–75 километров каждая, три леса

обрыскали, было очень хорошо. Володя страшно любит такие прогулки, чтобы уехать часов в 6–7 и вернуться поздно вечером. Зато благодаря этим прогулкам дела стоят не сделаны. Ну, не беда»[592]. К концу августа вернулись обратно в Париж[593].

В этом выпуске ленинской партшколы были два осведомителя спецслужб – Роман Малиновский и Искрянистов.

Из Ланжюмо в июне Ленин написал подробнейшее кляузное письмо Каутскому, которое начиналось так: «Очень сожалею, что мы вынуждены помешать Вашей научной работе и обратиться к Вам, а также к товарищам Рингу и Кларе Цеткин с просьбой незамедлительно разрешить наш спорный вопрос. Кризис в нашей партии продолжается уже в течение 1 ½ лет, и в течение 7 месяцев, с 5 декабря 1910 г., мы требуем возвратить имущество нашей фракции, которое мы передали Центральному комитету только на определенных условиях». И далее на несколько страниц в том же духе.

Ответа не было. 4 (17) июля Ленин написал Каутскому, Рингу и Цеткин еще одно письмо: «В настоящее время процесс решения денежного вопроса породил в нашей партии, особенно среди заграничных фракций, групп и группок, своего рода *охоту за деньгами*… В этих условиях мы имеем полное право требовать возвращения наших фракционных денег – поскольку существовала договоренность: *все* помогают ЦК и *только* ЦК… *Никто и нигде* не предпринимал ни малейшего усилия для роспуска фракций»[594]. Денег Ленин так и не получит.

В ноябре 1911 года покончили с собой супруги Лафарг. Серафима Ильинична Гопнер рассказывала: «В день похорон десятки тысяч французских пролетариев под красными знаменами двинулись за двумя гробами на кладбище Пер-Лашез. Зал крематория не мог вместить всего народа, и траурный митинг прошел под открытым небом, на площадке перед зданием крематория. После нескольких ораторов Ленин выступил от имени РСДРП, представителем которой он был в Международном социалистическом бюро»[595].

«Под знаменем марксистских идей сплотился передовой отряд русских рабочих, нанес своей организованной борьбой удар абсолютизму и отстаивал и отстаивает дело социализма, дело революции, дело демократии вопреки всем изменам, шатаниям и колебаниям либеральной буржуазии. Русская революция открыла эпоху демократических революций во всей Азии, и 800 миллионов людей входят теперь участниками в демократическое движение всего цивилизованного мира».

После похорон Ленин решил в очередной раз смотаться в Лондон, откуда писал Каменеву 10 ноября: «Сижу в Британском

музее и с увлечением читаю брошюры Швейцера 60-х годов…» Тот напоминал ему современных отзовистов[596].

Вернувшись, перед Новым годом Ленин собрал в Париже совещание заграничных большевистских групп. «Настроение было бодрое, хотя нервы у всех порядком-таки расшатала эмиграция»[597]. Наш герой объявил сформированную из большевиков и меньшевиков-партийцев организационную комиссию по подготовке новой партийной конференции «фактически единственным и вполне правомочным центром с.-д. партийной работы»[598] и приступил к окончательному размежеванию с остальными течениями в социал-демократии.

В Австро-Венгрии

Ленин готовил сепаратную конференцию большевиков. Где собраться так, чтобы не прогнали и чтобы российские спецслужбы не мешали. Впервые решили попробовать Австро-Венгрию, страну, откровенно враждебную России, которая была основным центром антироссийской подрывной деятельности. Вплоть до начала Первой мировой войны Германия проявляла известную осторожность в выражении антироссийских чувств на официальном уровне. Вена же достаточно откровенно поддерживала революционные и сепаратистские движения в России.

На Австро-Венгрию приходилась пятая часть заселенных украинцами земель – Закарпатье, Восточная Галиция и Северная Буковина – с населением 4 млн человек. В первую очередь именно там не без поддержки официальной Вены, активно соперничавшей с Россией за умы, сердца и территории славян, активно разрабатывалась теория самостоятельной украинской нации. Именно в Австро-Венгрии, во Львове, в 1899 году была создана первая украинская политическая партия – Украинская национал-демократическая партия (УНДП). Во главе стояли Михаил Грушевский, писатель Иван Франко и другие. Австро-Венгрия, в состав которой входила и значительная часть польских земель, также активно занималась подготовкой польского восстания в Российской империи. Где еще Ленин мог встретить более теплый прием?

Первого ноября 1911 года из Парижа он писал Антонину Немецу, который представлял чешскую социал-демократию во II Интернационале и депутатствовал в венском Имперском совете: «Ряд организаций нашей партии намерен собрать конференцию (за границей – конечно). Число членов конференции около 20–25. Не представляется ли возможным организовать эту конференцию в Праге… Самым важным для нас является возможность организовать дело *архиконспиративно*. Никто, никакая организация не должны об этом знать. (Конференция *социал-демократическая*, значит, по европейским законам легальная, но большинство делегатов *не имеют паспортов* и не могут назвать своего настоящего имени»»)[599]. Немец оказал полную поддержку.

Воронский, входивший в оргкомитет конференции, вспоминал: «Мы послали пригласительные письма Плеханову, Троцкому, Богданову, Луначарскому, Алексинскому. За это приехавший в Прагу Ленин устроил форменный разнос оргкомитету и Орджоникидзе лично.

– Вольному воля. Вы объединяйтесь, а мы будем разъединяться. Вы открывайте свою конференцию, а мы откроем свою, другую, новую, не с вами, а против вас. До свиданья!

Еле уговорили остаться. К счастью для организаторов, все приглашенные небольшевики от участия в конференции отказались. «В Центральном Органе меньшевики напечатали злобную статью, где нас, собравшихся делегатов, окрестили самозванцами и “ленинскими молодцами”. По поводу этих ответов Ленин за общим обедом, собрав лукавые морщинки вокруг левого глаза, промолвил:

– А пожалуй, это даже не плохо в конце концов, что вы послали пригласительные письма, а наши противники отказались иметь с вами дело. Выходит, мы – за объединение, они – за раскол»[600].

Конференция заседала в пражском Народном доме. «Там же, в ресторане, делегаты столовались, а жили все у чешских рабочих, членов социал-демократической партии. Конференция заседала очень долго – недели две»[601].

Собрались 16 делегатов от большевиков. Среди них были два агента российских спецслужб – Роман Малиновский и бывший каприец Романов (Аля Алексинский). Два делегата от меньшевиков-партийцев: «от Киева – держался архикорректно и шел в общем *вместе*. От *Екатеринослава* – держался архисклочно…»[602]. Делегаты конституировали себя в качестве VI Всероссийской конференции РСДРП, «верховного органа партии, обязанного создать правомочные центральные учреждения и помочь повсюду восстановлению партийных организаций и партийной работы»[603].

Воронскому происходившее казалось сюрреалистичным: «При открытии конференции Ленин с особым упорством настаивал, чтобы мы объявили ее всероссийской с правом избрания Центрального Комитета и Центрального Органа. Это означало, что все остальные социал-демократические группы и направления исключаются из партии, конференции присваиваются функции съезда. И мы, двадцать делегатов, являемся единственными подлинными представителями революционных рабочих России… С первого взгляда наше решение казалось узурпаторским и безумным. Из отчетов и докладов было видно, что мы представляем небольшие, разрозненные, почти не связанные друг с другом подпольные группы и кружки. Даже в таких городах, как Одесса, Киев, Николаев, Саратов, Екатеринослав, наши организации насчитывали тридцать, сорок, изредка пятьдесят человек. У нас не было ни открытых газет, ни денег, нам не хватало работников, у нас отсутствовала интеллигенция. Против

нас стояла косная, казавшаяся победоносной, сила самовластья. Против нас боролись тогда все буржуазно-помещичьи партии. Нас не признавали такие марксисты, как Плеханов, Аксельрод, Мартов. Мы шли наперекор всем нелегальным партиям. Социалисты других стран считали нас ничтожной кучкой сектантов. И мы брали на себя смелость объявить, что мы – единственный верный оплот грядущей революции… Мы шли покорять мир, двадцать делегатов, имея пока лишь мужественность, уверенность и Ленина»[604].

Конференция конституировала явочным порядком РСДРП (большевиков). Вновь избранный ЦК составили Ленин, Голощекин, Зиновьев, Орджоникидзе, Сурен Спандарян, Виктор (Ордынский), Роман Малиновский. На состоявшемся позднее пленуме ЦК в его состав были кооптированы Сталин, в очередной раз отбывавший ссылку, и Белостоцкий (позднее к ним добавились еще Григорий Петровский и Яков Свердлов).

Свою оценку Пражской конференции Ленин дал в письме Горькому: «Наконец удалось – вопреки ликвидаторской сволочи – возродить партию и ее Центральный комитет. Надеюсь, Вы порадуетесь этому вместе с нами». Шкловскому Ленин объяснял диспозицию: «С ликвидаторами *мы* порвали, *партия* порвала. Пусть попробуют создать иную РСДРП *с* ликвидаторами! Смеху достойно. Фракция думская с.-д. *прямо* ни за нас, ни за тех… *Все* приняли резолюцию протеста против конференции (и плехановцы, и голосовцы, и впередовцы, и примиренцы, и tuttiquanti [3]), и еще что-то вроде исключения меня из Межд. Соц. бюро… Разумеется, все это смеху достойно».

Естественно, что остальные социал-демократы не признали правомочности Пражской конференции и на собственном форуме, который прошел в августе под председательством Троцкого в Вене, осудили ее как «ленинский переворот» и оформили свой «августовский блок». Ленин, в свою очередь, не признал «конференцию ликвидаторов», которая, по его мнению, «ни в коем случае не была конференцией русских партийных организаций. Русские рабочие центры на этой конференции вообще не были представлены».

Возмущенному раскольнической деятельностью Ленина секретарю II Интернационала Гюисмансу Ленин отвечал: «Насколько легко голосовать за ругательные резолюции в Париже, настолько же трудно совершить что-нибудь реальное в России. И уж конечно не Парижу, Вене и т. д. принадлежит право говорить от имени России… Для того чтобы установить наличие раскола, надо установить существование двух – по меньшей мере! – Центральных комитетов *в России*. Пока этого нет».

Большевики взялись за претворение решений Пражской конференции в жизнь. В России этим занялось впервые созданное Русское бюро ЦК в составе Сталина, Орджоникидзе, Спандаряна, Голощекина и Елены Стасовой. Ленин же из Праги отправился в Лейпциг на совещание с депутатами Думы Полетаевым и Шуркановым. Последний, кстати, тоже работал на Департамент полиции. Войну Ленин вел тогда с редакцией «Звезды», которая никак не хотела с необходимой ему жесткостью вести борьбу с ликвидаторством. И подвигал депутатов к изданию новой – уже чисто большевистской газеты. Те согласились попробовать.

Из Лейпцига – в Берлин, ругаться с «держателями» о возвращении денег. Безрезультатно. «Уехав из Берлина, Владимир Ильич решил предъявить Каутскому иск и взыскать с него деньги судом»[605][606], – подтверждал Адоратский. А в Бюро ЦК Ленин написал: «Насчет денег пора перестать наивничать с немцами. Там Троцкий теперь царит и ведет *бешеную* борьбу. Обязательно пришлите мандат вести дело судом, иначе ничего не получить».

Ленин 28 марта интересовался у Орджоникидзе, Спандаряна и Стасовой судьбой Сталина: «От Ивановича ничего. Что он? Где он? Как он? Дьявольски необходим легальный человек в Питере или около Питера, ибо там дела плохи. Война бешеная и трудная. У нас ни информации, ни руководства, ни надзора за газетой»[607]. Сталин тогда в очередной раз совершил побег и занялся организацией партийной печати.

«Звезда» продолжала выходить еженедельно, редакционную работу вели Николай Батурин (Замятин), Константин Еремеев и Ольминский. В начале 1912 года в «Звезде» появился новый сотрудник – Вячеслав Михайлович Скрябин, который войдет в историю как Молотов. Он был выходцем из мещанско-купеческой семьи, исконно жившей в Вятской губернии. Не успел закончить обучение в Казанском реальном училище и был арестован в составе студенческой марксистской группы, куда входили и его приятели Виктор Тихомирнов и Александр Аросев. Скрябин отбыл ссылку в Вологодской губернии, где окончил курс реального училища, а затем поступил на экономическое отделение Петербургского политехнического института. Уже первокурсником он оказался на журналистской и редакторской работе в «Звезде». Борис Бажанов, который позднее работал помощником и Молотова, и Сталина, писал, что Тихомирнов «жертвует очень большую сумму денег партии, что позволило издание “Правды”, а Молотова произвело в секретари редакции “Правды”, так как возможность издания пришла через него»[608]. Тихомирнову, рассказывал мне дед, пришлось продать один из

унаследованных им от отца домов, выручив и пожертвовав на газеты 3 тыс. рублей.

1912 год ознаменовался резким подъемом забастовочной активности в России. Сильным толчком для развертывания протестов стало убийство в апреле 150 рабочих (еще 250 были ранены) на золотых приисках английской компании Лена Голдфилдс. Ленин обнаружил «в России *революционный* подъем, не какой-либо, а именно революционный»[609].

Политический всплеск, вызванный Ленским расстрелом, стал тем фоном, на котором завершалась подготовка к выпуску «Правды». «Это было в середине апреля 1912 года, – вспоминал Сталин, – вечером, на квартире у тов. Полетаева, где двое депутатов Думы (Покровский и Полетаев), двое литераторов (Ольминский и Батурин) и я, член ЦК (я, как нелегал, сидел в «бесте» у «неприкосновенного» Полетаева), договорились о платформе “Правды” и составили первый номер газеты…»[610]. Были арендованы под редакцию три комнаты в доме № 37 по Николаевской улице. О печатании газеты договорились с типографией черносотенной «Земщины» на Ивановской улице. В день выхода первого номера газеты – 22 апреля – Сталин был арестован по наводке Малиновского и после нескольких месяцев заключения в тюрьме сослан на три года в Нарымский край.

В числе сотрудников «Правды» числилось целых 8 депутатов Государственной думы, какое-то отношение к ее выходу действительно имели только Полетаев, Покровский и Малиновский. Реальную работу вели Ольминский, Степан Степанович Данилов, Еремеев, Федор Федорович Ильин (Раскольников), Молотов[611]. Всего у «Правды» в 1912–1914 годах сменилось 10 официальных издателей и 44 главреда, большинство из которых из редакционного кабинета безропотно отправлялись прямо в тюрьму. Только за первый год своего существования тираж газеты конфисковывался 41 раз, ее оштрафовали в общей сложности на 7800 рублей.

Но сам факт выхода крайней оппозиционной газеты на протяжении столь длительного времени был достаточно примечательным. И дело здесь не в ловкости «правдистов», водивших власти за нос, не в депутатской неприкосновенности некоторых учредителей газеты, но и в игре российских спецслужб. Считалось необходимым беречь те революционные организации, куда удалось внедрить секретного агента, чтобы иметь возможность в любой момент парализовать наиболее вредные проявления ее деятельности и арестовывать самых опасных радикалов. В большевистской партии таких агентов была масса. В марте 1912 года директором Департамента полиции был

назначен Белецкий, который внедрил еще одну тактическую идею: «Революционные организации представляют меньше опасности для самодержавия, чем умеренные оппозиционные группы…»[612]. Именно Белецкому приписывается вербовка Романа Малиновского, к тому времени отбывшего три тюремных срока за воровство и кражи со взломом. Как говорил сам Белецкий, «Малиновскому были даны указания, чтобы он, по возможности, способствовал разделению партии»[613] социал-демократов. Впрочем, в этом вопросе позиции Белецкого и Ленина и так совпадали.

Игра спецслужб шла и по другую сторону российской границы, особенно в Австро-Венгрии, куда Ленин и направит свои стопы после выхода первого номера «Правды». Новым местом дислокации большевистского штаба был выбран Краков. Как объясняла Крупская, этот город «был во многих отношениях удобнее Парижа. Удобнее в полицейском отношении. Французская полиция всячески содействовала русской полиции. Польская полиция относилась к полиции русской, как ко всему русскому правительству, враждебно. В Кракове можно было быть спокойным в том отношении, что письма не будут вскрываться, за приезжими не будет слежки»[614].

Ленин долго сомневался в целесообразности переезда, опасался ареста на новом месте. Яков Станиславович Ганецкий (Фюрстенберг) развеял сомнения: «Австро-Венгрия при деятельном участии Германии усиленно готовилась к войне с Россией. Австрийские власти не были поэтому заинтересованы в облегчении царскому правительству его борьбы с русскими революционерами. Учитывая это, я был уверен, что Ленин может спокойно переехать в Краков. В беседах с местными политическими деятелями, которые выяснили положение у властей, я убедился в своей правоте и написал об этом Ленину»[615]. Теперь уже Ленин объяснял Горькому выбор нового места жительства: «Войны, верно, не будет, и мы пока остаемся здесь, “используя” отчаянную ненависть поляков к царизму»[616].

В Краков приехали 9 (22) июня. Поселились в районе Звежинец вместе с Зиновьевыми. «Грязь там была невероятная, но близко была река Висла, где можно было великолепно купаться, и километрах в пяти Вольский ляс – громадный чудесный лес, куда мы частенько ездили с Ильичем на велосипедах»[617]. С властями сразу поладили. Слова Крупской о том, что местным спецслужбам не было до них дела, далеки от истины. Ганецкий писал с полным знанием дела: «Краковская полиция хорошо знала ВИ и не могла сомневаться, что ВИ даже во время войны останется непримиримым врагом царизма… Краковская полиция имела

Ленина постоянно на примете и знала, что у ВИ генеральный штаб российской революции, но что он в австрийские дела не вмешивается, – и была спокойна»[618].

Работа «Правды» закипела. Молотов повествовал: «Почти ежедневно приходили увесистые пакеты со статьями и небольшими заметками для “Правды” от В. И. Ленина. Вместе с ними были и статьи Г. Зиновьева, жившего в это время вместе с Лениным и много писавшего для “Правды”… Статьи В. И., естественно, были во многих случаях остро полемическими… В отдельных случаях Ленину приходилось нажимать и на редакцию “Правды”, когда с ее стороны делались попытки уменьшить количество полемических статей против кадетов и ликвидаторов и дать в газете больше статей не полемического, “положительного” характера…»[619].

Помню, меня, воспитываемого на священном уважении к ленинским текстам как к каноническому писанию, приводили в оторопь рассказы деда о том, что ответственному секретарю и редакторам «Правды» частенько доводилось править статьи Ленина или вообще не ставить их в номер. Как подсчитали потом историки, редколлегия «Правды» в 1912–1914 годах опубликовала 284 ленинских работы и 47 – отвергла. Причин тому было несколько. Первая – цензурная. Ленин не всегда принимал во внимание, что можно, а что нельзя писать в открытой печати. И настаивал: «Обходя “больные вопросы”, “Звезда” и “*Правда*” *делают себя* сухими и однотонными, неинтересными, небоевыми органами»[620]. Вторая – учет аудитории газеты. Ленинские статьи, особенно излагавшие детали теоретических разборок внутри РСДРП, читатели порой просто не могли понять. Третья – конъюнктурная, описанная Молотовым: «К сожалению, не все эти статьи могли быть напечатаны в газете, поскольку они приходили из Поронина не раньше, чем на третий день после отправки, а в политических событиях за три дня нередко происходят такие изменения, которые невозможно учесть заранее или когда по данному вопросу газета уже успела опубликовать другие статьи и материалы»[621]. Сюда следует добавить, что и до Ленина известия о событиях в России доходили с тем же как минимум трехдневным опозданием, а газета ежедневная.

Авторские чувства были оскорблены, Ленин предупреждал, что «сотрудников вообще вы разгоните, если будете не помещать и даже не отвечать и не отсылать назад статей…». Его тогдашняя переписка с Молотовым местами напоминает откровенную склоку. Особенно Ленина возмущало, «отчего же “*Правда*” упорно, систематически вычеркивает и из моих статей, и из статей других коллег упоминания о ликвидаторах?».

Сильно не нравилось Ленину и отсутствие гонораров. «За конторой уже долг 200 р.»[622], – возмущался Ленин в июле. Молотов вспоминал, что Ленину платили по три копейки за строчку, меньше, чем другим авторам, пользовавшимся особой популярностью у читателей. Так, Демьян Бедный, по-мужицки прямо и с народным юмором писавший свои рассказы и стихи, получал 25 копеек за строку, да и то сбежал в журнал «Современный мир», где обещали 50 (но не заплатили, и он вернулся). 25 копеек за строчку Ленин от имени правдистов предлагал и Горькому.

В августе Ленин командировал в Петербург Инессу Арманд, которая провела специальное заседание редакции с членами Северного областного бюро с целью искоренения скверны в «Правде». Хотя в официальной советской «Истории КПСС» и написано, что после приезда Арманд и прошедшего совещания «позиция “Правды” стала выправляться»[623], вряд ли ей было по силам всерьез поколебать сложившийся алгоритм работы редколлегии. Ленин продолжит баталии с правдистами.

Большой скандал затеял Троцкий, который в по-прежнему издававшейся венской «Правде» обвинил большевиков в беспардонном присвоении названия его газеты и стал заваливать «Правду» петербургскую возмущенными письмами с требованием сменить название. При этом он клеймил «ленинский кружок, воплощение фракционный реакции и раскольнического своеволия… интересы которого противоречат потребностям развития партии (и который) только смутой и хаосом может жить и питаться»[624]. Редакция в своих отношениях с Троцким руководствовалась прямым указанием Ленина: «Гнусная кампания Троцкого против “Правды” есть сплошная ложь и кляуза». А письма Троцкого в редакцию «Правды» они сберегли – в 1920-е годы те сильно пригодятся.

Внутрипартийная драка шла непримиримая, причем теперь уже на уровне легальных СМИ и в самой России, и за рубежом. Горький, которому слали свои издания и те и другие, был в сильном недоумении, чего не скрывал от Ленина. Тот был резок: «…Нехорошую Вы манеру взяли, обывательскую, буржуазную – отмахиваться: “все вы склокисты”… О “склоке” у с.-д. любят кричать буржуа, либералы, эсеры, которые к “больным вопросам” относятся *несерьезно,* плетутся за другими, дипломатничают, пробавляются эклектизмом. Разница социал-демократов от всех них та, что у с.-д. склокой облечена борьба групп с *глубокими* и ясными идейными корнями, а у *них* склока внешне приглажена, внутренне пуста, мелочна, мизерна»[625].

Окрестности Кракова «стали настоящей ставкой нашей

армии. Сюда постоянно съезжались полководцы отдельных наших частей»[626]. Было это несложно. Багоцкий «научил нас, как пользоваться полупасками (так назывались проходные свидетельства, по которым ездили жители приграничной полосы и с русской, и с галицийской стороны). Полупаски стоили гроши, а самое главное – они до чрезвычайности облегчали переезд через границу нашей нелегальной публике… Очень быстро налажен был и нелегальный переход через границу. С русской стороны были налажены явки через т. Крыленко, который жил в это время недалеко от границы – в Люблине. Таким путем можно было переправлять и нелегальную литературу»[627].

Одним из посетителей был Николай Иванович Бухарин. Сын московского учителя, он рано занялся революционной деятельностью, вступил в РСДРП в 1906 году, не закончил экономическое отделение в Московском университете, арестовывался, ссылался, бежал из ссылки. С 1911 года он находился за границей, жил в Ганновере, Вене, Лозанне, Стокгольме, Копенгагене. Невысокого роста, подвижный, рыжеволосый, с редкой бородкой на мальчишеском лице и серо-голубыми глазами под высоким лбом, почти всегда в высоких русских сапогах и кепке. «Он имел внешность скорее святого, чем бунтаря и мыслителя»[628], – замечала знакомая эмигрантка. Ленин его ценил. «К числу многочисленных ценнейших качеств тов. Бухарина, – считал он, – принадлежит его теоретическая способность и интерес к тому, чтобы доискиваться теоретических корней во всяком вопросе»[629]. Тогда же Бухарин искал Ленина. «На маленькой грязной улице Кракова нужно было найти квартиру Ульяновых. Иду, шарю глазами по окнам. И вдруг вижу купол огромного черепа, необыкновенную голову. Ну, конечно, это Старик!»[630].

Меж тем приближались выборы в Четвертую Думу, и основное внимание Ленина переключилось на выборы депутатов по рабочей курии. Для организации этой деятельности был восстановлен Петербургский комитет (ПК) большевиков, который, по свидетельству спецслужб, «широко развил выборную кампанию»[631]. Ленин писал 2 августа в редакцию ЦО: «Избирательная кампания в Питере начата успешно – гегемония завоевана “Звездой” и “Правдой” – надо не выпускать ее из рук и довести дело до конца»[632]. «Правда» к началу избирательной кампании выходит 40-тысячным тиражом. Троцкий писал: «Ленин был едва ли не единственным марксистом, который великолепно изучил все силки и петли столыпинского избирательного закона. Политически вдохновляя избирательную кампанию, он и технически руководил ею изо дня в день. На помощь Петербургу

он посылал из-за границы статьи, инструкции и тщательно подготовленных эмиссаров…»[633].

В Петербурге выборы уполномоченных по рабочей курии были назначены на 16 сентября. 12 сентября в Питер прибыл в очередной раз бежавший из ссылки Сталин. Успел написать предвыборный «Наказ Петербургских рабочих». 14 сентября была арестована Инесса.

Ленина больше волнуют выборы. В начале октября он сообщал Горькому: «Мы теперь сидим по уши в выборах… От исхода выборов зависит очень многое для строительства партии». Выборы по рабочей курии в столице и в других крупных промышленных центрах социал-демократы выиграли. В ноябре Ленин отправил в Международное социалистическое бюро свой анализ прошедшей кампании: «В результате мы имеем еще более “черную”, еще более правую Думу, но побежденными на сегодняшний день оказываются октябристы»[634]. Это он писал о Думе, которая в большинстве своем перейдет в оппозицию Николаю II и примет деятельное участие в его свержении. Социал-демократов насчитывалось 13, трудовиков, среди которых восходила звезда Керенского, – 11 из 442 избиравшихся депутатов.

Ленина волнует не столько мощь социал-демократической фракции (или отсутствие такой мощи), а исключительно преобладание в ней его сторонников. Не вышло: во фракции оказалось семь меньшевиков и шесть большевиков. Ленин утешал себя тем, что если меньшевиков опять представляли выходцы в основном из Закавказья и Северного Кавказа, то ленинцев – рабочие из столиц и ряда крупных промышленных центров. Однако его категорически не устраивало, что депутаты социал-демократы готовы были работать как единая фракция. Шли также переговоры о слиянии «Правды» и меньшевистского «Луча» в «нефракционную рабочую газету». В результате мнением Ленина пренебрегли: «сама “шестерка” ставит единство с объявленными “вне партии” ликвидаторами выше собственной политической независимости»[635].

Было заявлено о вхождении всех семи депутатов-меньшевиков в состав сотрудников «Правды», а большевиков Бадаева, Петровского, Самойлова и Шагова – в редакцию «Луча». 7 (20) декабря на заседании Государственной думы была оглашена совместная программная декларация социал-демократической фракции. Ленин назвал оглашение декларации «публичным позорищем», обвинил меньшевиков в «жульничестве» и заверил Сталина и других членов ЦК, что «ни во что общее мы не войдем».

Ленин хочет лично работать с каждым из депутатов. 16 декабря он наставлял Сталина: «Устройте при себе свидание всех шести, не дав им разбежаться». И настаивал на их коллективном визите к нему на дом – в Краков. «Крайне важно одновременное участие всех, ибо иначе будут опять не решения, не организованность, а только обещания, только разговоры». Депутаты и партактив потянулись в Краков. 26 декабря (8 января) Ленин сообщал Каменеву: «Публика здесь уже почти вся… Первое впечатление (sous toutes reserves [4]) – *самое* благоприятное. Нет ни тени “ужимок”. Начинаем сегодня совещание и надеемся на большие успехи… Пришло приглашение на объединительную конференцию: ЦК + ОК + Плеханов + думская фракция + P.S.D [5]. Пошлем к черту».

Совещание ЦК РСДРП с партийными работниками, названное в конспиративных целях февральским, прошло на рождественские праздники. Собрались Ленин, Крупская, Зиновьев, Сталин, артиллерийский поручик Трояновский с супругой, депутаты Малиновский, Петровский, Бадаев, рабочий Медведев и Лобова. Екатеринославский пролетарий и революционер Григорий Петровский уверял: «Мы, рабочие депутаты, были поражены скромностью и простотой Владимира Ильича, в квартире которого работало совещание и где мы также обедали…»[636][637].

Ленин тоже был доволен пополнением и писал Горькому: «Малиновский, Петровский и Бадаев шлют Вам горячий привет и лучшие пожелания. Парни хорошие, особенно первый. Можно, ей-ей можно, с такими людьми построить рабочую партию… Вполне “окупился” (с точки зрения дела) наш переезд в Краков». И Каменеву 28 декабря (10 января): «У нас разгар совещания: участвует 11 человек. Дело идет на лад… В шестерке были колебания примиренческие, но с главным “примиренцем” из них, Петровским, спеваемся *пока* все лучше и лучше. Главный вопрос будет об “объединении”. Решим его, вероятно, так: снизу рабочих милости просим, группе ликвидаторов в “Луче” – война»[638].

Обсуждали тактику большевиков в Госдуме. Бадаев интересовался у Ленина в отношении законодательных приоритетов фракции. «ВИ, как обычно, рассмеявшись, ответил:

– Никаких законов, облегчающих положение рабочих, черносотенная Дума никогда не примет… Выступления должны сводиться к одному: надо клеймить царский строй, показывать весь ужасающий произвол правительства, говорить о бесправии и жесточайшей эксплуатации рабочего класса. Вот это будет действительно то, что должны слышать рабочие от своего депутата»[639].

Письмо Каменеву 7 (14) января: «Петровский теперь вполне

наш – шестерка тоже – в Россию вернулась пара хороших нелегалов. Одно “облачно” (*туча*): денег нет и *нет*. Крах полный»[640].

В тот же день состоялось «закрытое заседание ЦК» по вопросу о «Правде». Досталось прежде всего Сталину и Молотову. Как замечала Элен Каррер д’Анкосс, они вдвоем «отстаивали, вопреки Ленину, линию на примирение. За это они поплатились тем, что их назвали “рохлями” и заменили на Свердлова, который вновь направил газету в направлении, указанном Лениным»[641]. На Сталина, который лично приехал в Краков, и было излито накопленное недовольство лидера большевиков.

Секретарем редакции была назначена Конкордия Самойлова. Одним из руководителей редакции стал еще один осведомитель спецслужб – Мирон Черномазов. Ленин в восторге пишет в редакцию: «Тысячу приветов, поздравлений и пожеланий успеха. Наконец-то удалось приступить к реформе. Вы не можете вообразить, до какой степени мы истомились работой с глуховраждебной редакцией»[642].

Ленин задержал Сталина в Кракове, засадив писать труд про марксизм и национальный вопрос. Крупская рассказывала: «На этот раз Ильич много разговаривал по национальному вопросу, рад был, что встретил человека, интересующегося этим вопросом, разбирающегося в нем. Перед этим Сталин месяца два прожил в Вене, занимаясь национальным вопросом, близко познакомился там с нашей венской публикой, с Бухариным, Трояновскими»[643]. А Ленин написал Горькому: «У нас один чудесный грузин засел и пишет для “Просвещения” большую статью, собрав *все* австрийские и пр. материалы. Мы на это наляжем»[644].

По настоянию Ленина депутаты-большевики покинули редакцию «Луча». Какое-то время они еще оставались в единой думской фракции РСДРП, которую по-прежнему возглавлял Чхеидзе. Но все чаще собирались отдельно под руководством Малиновского. Молотов вспоминал, что меньшевики неоднократно предупреждали Ленина о ненадежности Малиновского. Но лидер большевиков считал, что его пытаются обмануть[645]. Действительно, Малиновский был лучшим большевистским оратором в Думе и на рабочих митингах. И немудрено. Его думские выступления готовили лично Сталин, Ленин и Зиновьев, а редактировали в Департаменте полиции.

В инструкции, которую Ленин давал Каменеву, направлявшемуся в Базель на Чрезвычайный международный социалистический конгресс II Интернационала в качестве главы делегации, было сказано: «О Малиновском сделайте доклад *своим* членам делегации… Скажите, что был в Кракове, что выдающийся

лидер, передовой рабочий, *вполне* на нашей стороне и т. д. Общее наше впечатление от 3-дневных бесед с ним *превосходное*»[646].

Звезда Малиновского взошла еще выше после того, как по возвращении в Россию 22 февраля в Петербурге арестовали Сталина. Ленин 29 марта писал Каменеву: «У нас аресты тяжкие. Коба взят. С Малиновским переговорили о необходимых мерах. В "Правде" тираж 30–32 тыс. в будни и 40–42 тыс. в праздники. Вой всеобщий – людей нет. У ликвидаторов куча интеллигенции, а у нас берут всех… Несомненное оживление в соц. – демократии. Снова стали давать (понемногу) деньги… Коба успел написать большую (для трех номеров "Просвещения") статью по национальному вопросу. Хорошо! Надо воевать за истину против сепаратистов и оппортунистов из Бунда и из ликвидаторов»[647].

Лениным овладела охота к перемене мест. «К библиотекам краковским ВИ плохо приспособился. Начал было кататься на коньках, да пришла весна. Под пасху мы пошли с ним в "Вольский ляс"»[648], – замечала Крупская. А в мае она писала свекрови в Феодосию: «Мне уже хочется скорее перебраться в деревню. Хотя живем мы на краю города, против окон огород и третьего дня даже соловей пел, но все же город, ребята орут, солдаты ездят взад, вперед, телеги…»[649].

Деревней стал Поронин – в семи километрах от первоклассного курорта Закопане, – где Ленин поселился на несколько месяцев. Сергей Юстинович Багоцкий – в то время помощник Ленина – рассказывал: «Тишина, дешевизна жизни и в то же время возможность многочисленных прогулок в горы его очень соблазняли… Наняв небольшой крестьянский домик, состоявший из двух комнат и кухни, Ульяновы уже в мае туда переехали. В другом конце деревни поселились Зиновьевы… По утрам мы часто ходили купаться в протекавшую около квартиры Ульяновых речку Дунаец, а по вечерам нередко собирались у Ульяновых или Зиновьевых, где велись бесконечные разговоры о событиях в России»[650].

Ленин в письме матери в Вологду расходился с Багоцким в оценке размера дачи. «Нанял дачу (громадную – слишком велика!) на все лето до 1.X нового стиля, и с большими хлопотами перебрались. Место здесь чудесное. Воздух превосходный – высота около 700 метров. Никакого сравнения с низким местом, немного сырым в Кракове. Газет имеем много, и работать можно… Деревня – типа почти русского, соломенные крыши, нищета. Босые бабы и дети. Мужики ходят в костюме гуралей – белые суконные штаны и такие же накидки – полуплащи, полукуртки. Место у нас некурортное (Закопане – курорт) и потому очень спокойное. Надеюсь все же, что при

спокойствии и горном воздухе Надя поправится. Жизнь мы здесь повели деревенскую – рано вставать и чуть не с петухами ложиться. Дорога каждый день на почту да на вокзал»[651]. Ходили в горы. Зиновьев подтверждал, что Ленину «ничего не стоило подбить нас съездить из галицейской деревушки верст за сто в Венгрию затем, чтобы оттуда в качестве трофея привезти… одну бутылку венгерского вина»[652].

Между тем у Крупской произошло обострение базедовой болезни. Лечить ее тогда еще не умели, эндокринные заболевания и функции щитовидной железы были еще плохо изучены. «Базедова болезнь сказалась и на характере, и на внешности Надежды Константиновны: несоразмерно толстая шея, выпученные глаза плюс суетливость, раздражительность, плаксивость»[653]. Ленин, подтверждал Багоцкий, «настоял не только на произведении операции, но и на поездке в Берн, где в это время был лучший специалист по этим операциям профессор Кохер»[654]. Отправились в середине июня, «по дороге заезжали в Вену, побывали у Бухариных… Повидали мы некоторых товарищей венцев, побродили по Вене… В Берне попали под шефство Шкловских, которые с нами всячески возились»[655]. Инженер-химик Григорий Львович Шкловский был единственным из всей большевистской братии «солидным» человеком. «Он имел большую семью, достаточные средства к жизни, занимал приличную квартиру в буржуазном квартале. Местные буржуа считали его “своим”»[656].

В Берне – в связи с операцией Крупской – Ленин оставался с 12 (25) июня по 22 июля (4 августа). «Я пробыла около трех недель в больнице. Ильич полдня сидел у меня, а остальное время ходил в библиотеки, много читал, даже перечитал целый ряд медицинских книг по базедке, делал выписки… Пока я лежала в больнице, он ездил с рефератами по национальному вопросу в Цюрих, Женеву и Лозанну».

Ленин действительно предпринял небольшой чес – с деньгами были проблемы, – прочтя платные лекции. В Берне – уже после выписки Крупской из больницы – состоялась конференция заграничных групп партии. Заезжали на обратном пути в Мюнхен. В Татры вернулись в начале августа. «В Поронине нас встретил привычный поронинский дождь, Лев Борисович Каменев и целый ряд новостей… Каменев поселился у нас наверху, и по вечерам долго после ужина они с Ильичем засиживались в нашей большой кухне…»[657].

«Правду» закрыли 5 (18) июля 1913 года. Большевики были вынуждены теперь издавать клоны – «Рабочую Правду», «Северную Правду», «Правду труда», «За Правду». Ленин на сей

раз – редкий случай – призывал к сдержанности: «Если “За Правду” закроют, надо во что бы то *ни стало впятеро* спустить тон, стать легальнее и смирнее»[658].

Шла подготовка партийной конференции. В начале октября 22 делегата, включая депутатов-большевиков, приехали к Ленину в Поронин, на совещание, названное «августовским». Ленин говорил Петровскому: «В то время, как большевики, депутаты III Государственной думы, боялись ездить к нам за границу – калачом, бывало, их не заманишь на совещания, вы… так часто ездите к нам, иногда и без приглашения, что мы уже боимся, как бы вас за это прежде времени не арестовали»[659].

На совещании совмещали приятное с полезным. «Почти ежедневно мы совершали с Ильичем пешеходные прогулки в небольшое курортное местечко Закопане»[660], – писал Муранов. «В середине конференции приехала Инесса Арманд. Арестованная в сентябре 1912 г., Инесса сидела по чужому паспорту в очень трудных условиях, порядком подорвавших ее здоровье, – у ней были признаки туберкулеза, – но энергии у ней не убавилось…»[661].

В соответствии с решением Поронинского совещания депутаты-большевики в октябре вышли из объединенной социал-демократической фракции и образовали самостоятельную большевистскую фракцию[662]. «Малиновский, исполняя директивы Ленина и департамента полиции, добился того, что в октябре 1913 г. “семерка” и “шестерка” перессорились окончательно»[663], – читаем у генерала Спиридовича из Департамента полиции. Заявление шестерки – Малиновский, Бадаев, Петровский, Муранов, Самойлов, Шагов – («Ответ 7-ми депутатам») о создании самостоятельной Российской социал-демократической рабочей фракции в Думе было опубликовано в газете «За Правду» 29 октября. Ленин поздравлял «от души всех марксистских работников с победой дела большинства против дезорганизаторов, с конструированием фракции, не желающей срывать волю большинства».

В конце 1913 года на сессии Международного социалистического бюро II Интернационала по предложению Каутского была принята резолюция с поручением исполкому МСБ созвать примирительное совещание представителей «всех фракций рабочего движения в России, включая и русскую Польшу… для взаимного обмена мнений по поводу разделяющих их вопросов». Ленин в печати назвал выступление Каутского на эту тему «чудовищным»[664].

В Поронине Ленин со товарищи оставались до 7 (20) октября, после чего перебрались в Краков. «После совещания мы прожили

в Поронине еще около двух недель, много гуляли, ходили как-то на Черный Став, горное озеро замечательной красоты, еще куда-то в горы, – повествовала Крупская. – Осенью мы все, вся наша краковская группа, очень сблизились с Инессой. В ней много было какой-то жизнерадостности и горячности. Мы знали Инессу по Парижу, но там была большая колония, в Кракове жили небольшим товарищеским замкнутым кружком. Инесса наняла комнату у той же хозяйки, где жил Каменев. К Инессе очень привязалась моя мать, к которой Инесса заходила часто поговорить, посидеть с ней, покурить. Уютнее, веселее становилось, когда приходила Инесса.

Вся наша жизнь была заполнена партийными заботами и делами, больше походила на студенческую, чем на семейную, жизнь, и мы рады были Инессе. Она много рассказывала мне в этот приезд о своей жизни… Мы с Ильичем и Инессой много ходили гулять. Зиновьев и Каменев прозвали нас «партией прогулистов». Ходили на край города, на луг (луг по-польски – «блонь»), Инесса даже псевдоним себе с тех пор взяла – Блонина. Инесса была хорошая музыкантша, сагитировала сходить всех на концерты Бетховена, сама очень хорошо играла многие вещи Бетховена».

Сначала предполагалось, что Инесса «останется жить в Кракове, выпишет к себе детей из России». Но «не на чем было в Кракове развернуть Инессе свою энергию, которой у ней в этот период было особенно много. Решила она объехать сначала наши заграничные группы, прочесть там ряд рефератов, а потом поселиться в Париже, там налаживать работу нашего комитета заграничных организаций»[665].

Нет сомнений, что отъезд Инессы был связан с каким-то очень серьезным выяснением отношений с Лениным и принятыми по итогам решениями. Вот письмо Арманд, написанное в декабре в Париже: «Суббота, утро. Дорогой, вот я и в ville Lumiere, и первое впечатление самое отвратительное. Все раздражает в нем – и серый цвет улиц, и разодетые женщины, и случайно услышанные разговоры, и даже французский язык. А когда подъехала к boulevard St. Mechel, к орлеанке и пр., воспоминания так и полезли изо всех углов, стало так грустно и даже жутко. Вспоминались былые настроения, чувства, мысли, и было жаль, потому что они уже никогда не возвратятся вновь. Многое казалось зелено-молодо – может быть, тут и пройденная ступень, а все-таки жаль, что так думать, так чувствовать, так воспринимать действительность уже больше никогда не сможешь, – ты пожалеешь, что жизнь уходит… Расстались, расстались мы, дорогой, с тобой! И это так больно. Я знаю, я

чувствую, никогда ты сюда не приедешь! Глядя на хорошо знакомые места, я ясно сознавала, как никогда раньше, какое большое место ты еще здесь, в Париже, занимал в моей жизни, что почти вся деятельность здесь, в Париже, была тысячью нитями связана с мыслью о тебе. Я тогда совсем не была влюблена в тебя, но и тогда я тебя очень любила. Я бы и сейчас обошлась без поцелуев, только бы видеть тебя, иногда говорить с тобой было бы радостью – и это никому бы не могло причинить боль. Зачем было меня этого лишать? Ты спрашиваешь, сержусь ли я на то, что ты "провел" расставание. Нет, я думаю, что ты это сделал не ради себя.

Много было хорошего в Париже и в отношениях с Н.К. В одной из наших последних бесед она мне сказала, что я ей стала особенно дорога и близка лишь недавно. А я ее полюбила почти с первого знакомства. По отношению к товарищам в ней есть какая-то особая чарующая мягкость и нежность. В Париже я очень любила приходить к ней, сидеть у нее в комнате. Бывало, сядешь около ее стола – сначала говоришь о делах, а потом засиживаешься, говоришь о самых разнообразных материях. Может быть, иногда и утомляешь ее. Тебя я в то время боялась пуще огня. Хочется увидеть тебя, но лучше, кажется, умерла бы на месте, чем войти к тебе, а когда ты почему-либо заходил в комнату Н.К., я сразу терялась и глупела. Всегда удивлялась и завидовала смелости других, которые прямо заходили к тебе, говорили с тобой. Только в Longjumeau и затем следующую осень в связи с переводами и пр. я немного попривыкла к тебе. Я так любила не только слушать, но и смотреть на тебя, когда ты говорил. Во-первых, твое лицо так оживляется, и, во-вторых, удобно было смотреть, потому что ты в это время этого не замечал…

Воскресенье, вечером. Ну, дорогой, на сегодня довольно, хочу послать письмо. Вчера не было письма от тебя! Я так боюсь, что мои письма не попадают к тебе – я тебе послала три письма (это четвертое) и телеграмму. Неужели ты их не получил? По этому поводу приходят в голову самые невероятные мысли. Я написала также Н[адежде] К[онстантиновне], Брату, Зине и Степе. Неужели никто ничего не получил! Крепко тебя целую. Твоя Инесса»[666].

Зря Инесса полагала, что Ленин никогда не появится в Париже. Появится, и очень скоро.

Европейский Новый – переломный для мировой истории – 1914 год, писала Крупская свекрови, «мы встречали вдвоем с Володей, сидючи над тарелками с простоквашей, а русского Нового года и вовсе встречать не будем, так как Володя уезжает на месяц-полтора позаниматься в библиотеке»[667]. Стоит ли

говорить, что «библиотека» располагалась Париже. Сама же Надежда Константиновна расскажет: «В январе 1914 г. приехал в Краков Малиновский, и они вместе с ВИ поехали в Париж, а оттуда в Брюссель, чтобы присутствовать на IV съезде Социал-демократии Латышского края… В Париже Малиновский сделал очень удачный – по словам Ильича – доклад о работе думской фракции, а Ильич делал большой открытый доклад по национальному вопросу, выступал на митинге, посвященном 9 января… Четвертый съезд Социал-демократии Латышского края дал победу большевикам…»[668].

Из Парижа Ленин писал матери, что «прокатился недурно. Париж – город очень неудобный для жизни при скромных средствах и очень утомительный. Но побывать ненадолго, навестить, прокатиться – нет лучше и веселее города. Встряхнулся хорошо». Даже не сомневаюсь.

Вернулся в Краков – к российским делам. Они шли плохо. 2 марта Ленин писал Инессе: «У нас все еще тяжелое время: газеты нет». В бюро ЦК 4 марта: «Дела стоят неважно. В сущности, ведь за последние месяцы после арестов у вас нет… коллегии для организационной работы. Это прямо невозможное положение»[669]. Ленин решил отправить в Россию Каменева – для руководства «Правдой» и думской фракцией – и делится радостью с Инессой: «А как похорошела «Правда» при brother, прямо красавицей становится! Смотреть приятно. *Впервые* видно руководство интеллигентного, понимающего редактора на месте»[670].

Лето 1914 года Ленин намеревался опять провести в Татрах. Крупская 16 марта извещала свекровь: «Мы уже приготовили старую дачу, думаем с 1-го мая перебраться туда. Немного великовата эта дача для нас, далековато от лавок, но зато хорошие комнаты, с печами, две веранды, в стороне от дороги. Может, там отдышусь». 22 апреля ВИ пишет матери из Кракова: «В общем, как ни глух, как ни дик здешний наш город, а я все же больше доволен здесь, чем в Париже… Из всех мест моего скитания я бы выбрал Лондон или Женеву, если бы оба не были так далеко. Женева особенно хороша общей культурностью и чрезвычайными удобствами жизни. А здесь, конечно, о культуре уже говорить не приходится… почти как Россия, – библиотека плоха и архинеудобна, но мне почти и не доводится в ней бывать».

Переехали из Кракова в Поронин 22–23 апреля (5–6 мая). Из России пошли новости о новом забастовочном подъеме. Ленин вновь доволен и 18 мая пишет Накорякову: «Поздравляю с прекрасной маевкой в России: 250 000 в одном Питере!!. Вообще вести из России свидетельствуют о росте революционных

настроений не только в рабочем классе»[671].

И здесь… удар ниже пояса. 8 (21) мая 1914 года Зиновьев получил срочную телеграмму от Петровского: «Малиновский без предупреждения сложил полномочия, дать объяснения отказался, выехал за границу»[672]. В петербургских газетах тут же появились публикации с обвинениями его в провокаторстве. Было от чего прийти в отчаянье. А произошло вот что. Товарищем министра внутренних дел был назначен генерал Джунковский, который имел свои представления о сыске и чести. Узнав о роли Малиновского, он счел нужным проинформировать председателя Государственной думы Родзянко. Департамент полиции настоял на уходе Малиновского из Думы, опасаясь, что скандал с разоблачением секретного агента нанесет более серьезный ущерб правительству и его репутации, чем потеря даже столь ценного агента[673].

В глубине души Ленин мог догадываться, что произошло. 12 (25) мая он сообщал Шкловскому: «Мы вне себя от этого идиотизма. Малиновского нет. Это “бегство” питает худшие мысли». Но на публику Ленин предпочел занять позицию возмущенной невинности. 9 (22) мая он пишет: «Мы можем только догадываться, что крайнее нервное возбуждение и переутомление, на которое давно жаловался Малиновский, сыграло роковую роль»[674]. Вскоре Петровскому: «Пожелание тверже перенести взбалмошный уход Малиновского и не нервничать. Исключать не надо. Устранился сам. Осужден. Политическое самоубийство. Чего тут карать еще? К чему?.. Чего же еще сосать и терять время? За работу и долой помойных литераторов!»[675].

Малиновский 15 (28) мая объявился в Поронине. Там как раз гостил Бухарин, который напишет: «“Спал” я очень плохо, поминутно просыпался, еще бы! Ведь дело шло о провокаторстве лидера нашей думской фракции! И я отчетливо слышу: внизу ходит Ильич. Он не спит. Он выходит на террасу… Он шагает и шагает, останавливается и снова шагает»[676]. Ленин отмел предложения исключить Малиновского из партии как «неразумные», но «назначил особую комиссию под председательством Ганецкого, куда вошли Ленин и Зиновьев»[677]. Комиссия установила, что «все слухи о провокации Малиновского абсолютно вздорны»[678].

Крупская рассказывала: «Совершенно выбитый из колеи, растерянный, Малиновский околачивался в Поронине. Аллах ведает, что переживал он в это время. Куда он делся из Поронина – никто не знал»[679]. Здесь опытная конспираторша Крупская сильно лукавила, будучи уверенной, что в СССР никогда не будет

предана гласности переписка Ленина с Малиновским. А она была и сейчас вполне доступна. Чтобы потом не отвлекаться, проследим судьбу Малиновского и его отношения с Лениным до конца.

После «реабилитации» Малиновский пробрался в Варшаву, где был мобилизован в русскую армию. В ноябре 1914 года в бою был контужен и попал в германский плен. Но в прессе прошла информация о его гибели. На это сообщение Ленин и Зиновьев отметятся некрологом: «Но одно мы обязаны выполнить, в особенности после его смерти. Это – уберечь его память от злостной клеветы, очистить его имя и его честь от позорящих наветов». Затем выяснится, что Малиновский жив, и 31 октября (13 ноября) 1915 года Ленин ему напишет: «Можно ли послать Вам что-либо и в чем нуждаетесь? Читаете ли русское газеты и книги? Как послать их? Жена очень просит Вам кланяться, знакомые тоже».

Переписка продолжалась. 9 (22) декабря 1915 года: «Дорогой друг Роман Вацлавович! Получил Ваше письмо и передал здешнему комитету Вашу просьбу о присылке кое-каких вещей. Получил от них – через посредство знакомого товарища – сообщение, что Вам все послано… Очень рады были узнать, что у Вас есть там библиотека и возможность заниматься, читать лекции». В письме Зиновьеву Малиновский информировал: «Дорогой Гриша! Посылку с медом, какао, молоком и т. д. получил, спасибо». Из письма Ленина Малиновскому 1 (14) ноября 1916 года: «От Вас что-то никаких вестей так и нет. Мы с Надей писали Вам осенью… Все ждали Вашего нового адреса»[680].

Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства уже в 1917 году установит факт работы Малиновского на российские спецслужбы. Малиновский вернется в Россию с очередной порцией военнопленных 22 октября 1918 года. Он предстанет перед Военным революционным трибуналом при ВЦИК и после короткого процесса будет расстрелян.

Канун Первой мировой войны – помимо дела Малиновского – Ленин посвятил разборкам с европейской социал-демократией. Председатель II Интернационала Вандервельде предложил провести в начале июля в Брюсселе объединительное совещание двух фракций: «Прикрываясь разговорами о необходимости установления единства рабочего класса, он хотел “устранить” раскол между большевиками и меньшевиками»[681].

«Инесса на лето выписала детей из России и жила в Триесте у моря»[682]. Ленин подобной идиллии вытерпеть не мог. Ему срочно понадобилась Арманд – для поездки в Брюссель. Последовал

ежедневный поток писем упрямившейся Инессе. Начал довольно издалека: «По поручению ЦК обращаюсь к тебе с просьбой согласиться войти в делегацию. Расходы на поездку оплатим». Но вскоре раскрыл карты: «У Григория больна жена. Я ехать не хочу “принципиально”. Видимо, немцы (озлобленный Каутский и К[0]) хотят нам досадить». Действительно, пусть выместят досаду не на Ленине, а на Инессе.

Он все более настойчив: «Дорогой друг! Вчера я совершил прогулку в горы (после того как целые недели шли дожди, погода хорошая) и потому вчера не ответил на Ваше письмо… Возможно, что тебе придется быть членом “конференции” (всех “фракций”) и выступать публично в качестве обвинителя ликвидаторов и в качестве сторонника партии (более того, в качестве представителя ЦК)»[683]. У этого письма была и концовка, которую не включали в собрания сочинений: «Никогда, никогда я не писал, что я ценю только трех женщин. Никогда!! Я писал, что самая моя *безграничная* дружба, *абсолютное* уважение посвящены только 2–3 женщинам. Это совсем другая, совсем-совсем другая вещь. Надеюсь, мы увидимся здесь после съезда и поговорим об этом. Пожалуйста, привези, когда приедешь (т. е. привези с собой), все наши письма (посылать их заказным сюда неудобно: заказное письмо может быть весьма легко вскрыто друзьями), и так далее… Пожалуйста, привези все письма сама, и мы поговорим об этом»[684]. Будущие историки, биографы Ленина и читатели их книг так и не узнают, что было в этих письмах.

Инесса позволила себя уговорить. «Конечно, кроме прекрасного французского нужно *понимание сути дела* и такт. Кроме тебя, *никого нет*… Доклад ЦК мы напишем. Твое дело будет перевести и прочесть *с комментариями*, о коих мы условимся». И ведь напишет. На 45 страниц в ПСС. «Готовлю тебе еще кучу советов: уверен, что ты чудесно расшибешь и Плеханова (едет!!), и Каутского (едет). Мы их проучим… великолепно!» Ленин понимал, что Инессе придется несладко. «Ты должна знать, что все будут очень злиться (я очень рад!), увидев, что я отсутствую, и, вероятно, захотят отомстить тебе. Но я уверен, что ты покажешь свои “ноготки” наилучшим образом. Заранее восторгаюсь при мысли, как они нарвутся публично, встретив холодный, спокойный и немного презрительный отпор»[685].

В Брюссель отправился и Ганецкий – как делегат от польских «разломовцев», – который рассказывал: «Собираются делегаты. Постепенно появляются и товарищи большевики Инесса Арманд, Владимирский, Попов и занимают крайнюю левую… Появляются светила Интернационала: Вандервельде, Гюисманс, Каутский. Тут – и Плеханов, и Роза Люксембург. Все косятся в сторону

большевиков, – нет еще Ленина, очевидно, запоздал, появится завтра… Торжественное настроение портят большевики. Подобной “наглости” не ожидали. Пошла бешеная ругань, чуть не дошло до кулачной расправы… Это была последняя встреча большевиков со II Интернационалом»[686]. Большевики и латышские социал-демократы отказались участвовать в голосовании по предложенной Каутским итоговой резолюции об отсутствии принципиальных разногласий между большевиками и меньшевиками и подчиняться решениям совещания.

Ленин от всего происшедшего пришел в восторг. «Ты лучше провела дело, чем это мог бы сделать я, – благодарил он Арманд 19 июля. – Помимо языка, я бы *взорвался*, наверное. Не стерпел бы комедиантства и обозвал бы их подлецами… У вас же и у тебя вышло спокойно и твердо». «Попов пишет, что ты была больна. Твой голос был очень слабый. Что у тебя за болезнь? Пожалуйста, пиши подробнее!! Иначе я не могу быть спокойным»[687].

Собственно, на натаскивание Арманд и разбор ее выступления на конференции и ушел у Ленина месяц, предшествовавший Великой войне. У него были планы. Связанные с предстоявшим конгрессом II Интернационала в Вене, на который большевикам удалось получить большинство мандатов от России[688]. И с очередным съездом партии. «Наш съезд состоится в августе, – сообщал он Инессе. – Почти все необходимые деньги уже в наших руках». Где деньги, там и власть. Это, по мысли Ленина, будет чисто большевистский съезд. Шкловскому: «Ясно, что мы путаться с “общим съездом” – ликвидаторы + Розы + Алексинские + Плехановы – не будем». Инессе: «Ты должна быть делегатом… Лучше бы, если ты приехала раньше. Дел куча. Давай спишемся заранее»[689]. Увидятся они позже и в другом месте.

События развивались стремительно. 16 (29) июня фельдъегерь поручик Скуратов поднялся на борт императорской яхты «Штандарт» и вручил Николаю II конверт с известием о том, что накануне в боснийском городе Сараево выстрелами из револьвера молодой серб Гаврила Принцип убил австро-венгерского престолонаследника Франца Фердинанда и его супругу Софи фон Гогенберг. «Штандарт» на предельной скорости развернулся на Петергоф. Смысл происшедшего был очевидным для посвященных в тонкости европейской дипломатии: от столкновения могло спасти только чудо.

Ленин 12 (25) июля писал Арманд: «Сегодня вечером в шесть часов будет решен вопрос о войне между Австрий и Сербией… Это лето чрезвычайно неудачно: сначала “дело” Малиновского, затем совещание в Брюсселе. А теперь, после событий в СПб,

совершенно неизвестно, будет ли возможным общий съезд нашей партии»[690].

Пораженец

Ленин прозевал нарастание мировой войны, которая изменит судьбу человечества, и ее начало. Хотя и мечтал о ней. «Война Австрии с Россией, – писал он Горькому в начале 1913 года, – была бы очень полезной для революции (во всей Восточной Европе) штукой, но мало вероятия, чтобы Франц Иосиф и Николаша доставили нам сие удовольствие»[691]. Или не верил своему счастью: что схватка крупнейших держав между собой, на которую надеялись еще Маркс и Энгельс как на предпосылку мировой революции, наконец-то начнется.

Обстоятельства начала войны хорошо известны, причины ее до сих не выяснены. «Даже в ретроспективе трудно понять, почему война началась и за что она велась… Первая мировая война, очевидно, была не в интересах кого-либо, но она все равно случилась»[692], – фаталистски замечает глава американского Совета по международным отношениям Ричард Хаас.

Николай II не хотел войны. Но не мог вырваться из клубка противоречий между великими державами и уз союзнических обязательств. В Европе лицом к лицу стояли две военно-политические группировки – Антанта России, Франции и Великобритании и Тройственный союз – военно-политический блок Германии, Австро-Венгрии и Италии.

В Вене и Берлине Николая II подозревали (не без оснований) в намерениях воссоединить под своей эгидой славянские народы, усилиться на Балканах, обрести черноморские проливы, утвердив православный крест на Святой Софии в Константинополе (Стамбуле), присоединить Турецкую Армению. Германия, опоздавшая к колониальному разделу мира, резко наращивала свою сухопутную военную мощь, бросая вызов британской монополии на морях. В Берлине и Вене были распространены теории «превосходства высшей расы» и взгляды на славянство как «этнический материал» для обеспечения ее процветания. У Берлина были и долгосрочные геополитические планы: обретение доступа к природным и продовольственным ресурсам России, превращение ее в зависимое от Германии государство, присоединение Прибалтики, установление протектората над Польшей, Украиной и даже Грузией.

Россия и Германия сошлись в клинче. Германия объявила войну Франции. Английский кабинет колебался, но только до 23 июля (5 августа), когда Германия, нарушив нейтралитет Бельгии, вступила на ее территорию. Вслед за Великобританией войну рейху объявят английские доминионы – Австралия, Новая

Зеландия, Канада, Южно-Африканский Союз. На стороне Антанты выступят также Бельгия, Сербия, Япония, Португалия, Египет, Китай, Греция, латиноамериканские республики и, наконец, США. Италия с 1915 года перейдет на сторону Антанты. К Германии и Австро-Венгрии присоединятся Турция и Болгария, создав Четверной союз. В историю человечества впервые пришла мировая война.

Ее начало повсеместно породило прилив патриотических чувств. «Когда Петербург узнал о войне, свершилось чудо. Баррикады исчезли, забастовки прекратились, рабочие – вчерашние революционеры – шли толпами принимать участие в грандиозных манифестациях перед союзными посольствами. На той самой площади перед Зимним дворцом, где произошла трагедия 9 января 1905 года, несметные толпы простого народа устраивали овации стоявшему на балконе государю и пели “Боже, царя храни”»[693], – писал Керенский. Столицу немедленно переименовали из Петербурга в Петроград.

В России на призывные участки явилось 96 % получивших повестки. В считаные дни численность армии была увеличена с 1,4 млн до 5,3 млн человек. Мужчины записывались в добровольцы. Молодые женщины осаждали курсы сестер милосердия, состоятельные люди жертвовали свои дворцы под госпитали. Войну с самого начала называли Второй Отечественной – по аналогии с войной 1812 года. Это была благородная борьба за правду Святой Руси против немецкого милитаризма, экспансии, гегемонизма, «тевтонского варварства», «грубой силы бронированного кулака». Именно такие идеи тиражировалась в сохранившейся печати, в публицистике, в кинофильмах, на театральных подмостках, звучали в храмах.

Самые ярые оппозиционеры объявили о безоговорочной поддержке правительства. Сотни эмигрантов из России записывались добровольцами в армии стран Антанты, среди них было и около тысячи российских социал-демократов. Но были и небольшие исключения: некоторые представители социалистической и либеральной интеллигенции, желавшие провала России как «самодержавной диктатуре» и «тюрьме народов».

Война! Ленин погрузился в раздумья. «Он осунулся, мало говорил, – все думал и думал»[694], – помнил Ганецкий. Ленину было все равно, кто на кого и зачем напал. «Вопрос о том, какая группа нанесла первый военный удар или первая объявила войну, не имеет никакого значения при определении тактики социалистов, – напишет он. – Фразы о защите отечества, об отпоре вражескому нашествию, об оборонительной войне и т. п.

с обеих сторон являются сплошным обманом народа»[695].

Однако многие большевики в России думали совсем иначе. Их думская фракция призвала пролетариат «защищать культурные блага народа от всяких посягательств, откуда бы они ни исходили – извне или изнутри»[696]. Новость о том, что краса и гордость мировой социал-демократии – СДПГ – проголосовала в рейхстаге за военный бюджет, возмутила Ленина куда больше, чем факт начала войны против России»[697]. «Он не находил достаточно крепких слов для вождей немецкой социал-демократии, – свидетельствовал Багоцкий. – Вне себя он произнес свою историческую фразу:

– С сегодняшнего дня я перестаю быть социал-демократом и становлюсь коммунистом»[698].

Но прежде, чем стать коммунистом, Ленину опять пришлось стать заключенным. Австро-венгерские власти, как и остальных воевавших стран, призвали людей к бдительности. Подозрительнее Старика с его русской компанией во всех Татрах не было никого. Вечером 25 июля (7 августа) Ганецкий был в депрессии. «Проливной дождь. Настроение угнетенное… Вдруг на велосипеде появляется ВИ:

– Только что у меня был обыск. Проводил здешний жандармский ротмистр. Приказал утром явиться к поезду и поехать с ним вместе в Новый Тарг к старосте… Дурак, всю партийную переписку оставил, а забрал мою рукопись по аграрному вопросу. Статистические таблицы в ней принял за шифр… Да, в хламе нашел какой-то браунинг, – я не знал даже, что имеется… Как думаете, арестуют завтра в Новом Тарге или отпустят?»[699].

Кипучая энергия Ганецкого в итоге спасла ситуацию. Он поставил в известность социал-демократических депутатов австро-венгерского парламента, которые, в свою очередь, начали хлопоты в поддержку Ленина. Сам он послал телеграмму в краковскую Дирекцию полиции: «Здешняя полиция подозревает меня в шпионаже. Живу два года в Кракове, в Звежинце, 51, ул. Любомирского. Лично давал сведения комиссару полиции в Звежинце. Я эмигрант, социал-демократ. Прошу телеграфировать Поронин и старосте Новый Тарг во избежание недоразумений»[700]. И в тот же вечер в жандармерию Поронина и Нового Тарга ушла за подписью Директора полиции телеграмма: «Против Ульянова не имеется здесь ничего предосудительного в области шпионажа»[701].

Утром Ленин отправился в Новый Тарг, где его вместе с Зиновьевым все-таки арестовали. Что ему инкриминировали? Вахмистру Матыщуку донесли на Ленина местные крестьяне, что

он ходил на возвышенности и фотографировал дороги. Кроме того, были подозрения в отношении его французского удостоверения личности (другого не было), получаемых из России денег, наличия в его писаниях оценок экономического потенциала Австро-Венгрии и Германии, его постоянных встреч с большим количеством соотечественников, незаконного владения оружием.

Материалы были переданы и в уездный суд, и военным властям. Дело затягивалось. Ганецкий писал, что Ленин «сразу стал душой общества в этой тюрьме», зэки сделали его «чем-то вроде старосты, и он с величайшей готовностью отправлялся под конвоем начальства покупать махорку для всей этой компании», а также «разъяснял арестованным галицийские законы»[702]. Свидетельство крайне сомнительное. Ленин был подавлен. «В Новом Тарге я получила свидание с Ильичем, – рассказывала Крупская. – Нас оставили с ним вдвоем, но Ильич мало говорил – была еще полная неясность положения»[703].

Меж тем за него хлопотали депутаты рейхстага, и не без успеха. Министерство внутренних дел Австро-Венгрии 4 (17) августа наставляло краковскую полицию на путь истинный: «Члены парламента д-р Адлер и д-р Диаманд явились сюда и заявили следующее: Ульянов – решительный противник царизма – посвятил свою жизнь борьбе против русских властей, и если бы он появился в России, с ним поступили бы по всей строгости и, возможно, казнили бы. Он пользуется европейской известностью благодаря своей борьбе против русского царизма». 6 (19) августа в окружной суд Нового Тарга поступает телеграмма за подписью военного прокурора при императорском военном командовании: «Владимир Ульянов подлежит немедленному освобождению»[704].

Крупскую «даже пустили в тюрьму помочь взять вещи; мы наняли арбу и поехали в Поронин. Пришлось там прожить около недели, пока удалось получить разрешение перебраться в Краков. В Кракове мы пошли к той хозяйке, у которой нанимали раньше комнаты Каменев и Инесса».

Австро-Венгрия была на военном положении. Железные дороги перевозили почти исключительно военные грузы. Для поездок частных лиц требовались специальные разрешения большого начальства. «Владимир Ульянов с родственниками, 3 лица» стремительно получили от Императорского пересыльно-станционного управления, Советника Двора и Директора полиции все необходимые проездные документы.

Лидеры большевиков отправились для начала в столицу Австро-Венгрии, воевавшей с Россией, город Вену. Теща Ленина получила приличное наследство – 4000 рублей плюс имущество –

от сестры, умершей в Новочеркасске. Вызволить эти деньги, переведенные в краковский банк из вражеской страны, было делом не простым, но венский маклер взялся за него за половину суммы. «В Вене останавливались мы на день, чтобы получить нужные удостоверения, устроить дело с деньгами, телеграфировать в Швейцарию, чтобы получить чье-либо поручительство, без чего не пустили бы в Швейцарию, – писала Крупская. – Поручился Герман Грейлих, парламентарий и старейший член социал-демократической партии Швейцарии. В Вене Рязанов возил ВИ к В. Адлеру, который помог вызволить Ильича из-под ареста». Оттуда – в Швейцарию. «Ехали мы из Кракова до швейцарской границы целую неделю. Долго стояли на станциях, пропуская военные поезда… Вагоны были испещрены разными надписями – директивами, что делать с французами, англичанами, русскими: “Jedem Russein Schuss” (Каждого русского пристрели!)»[705]. Но этих русских стрелять и не думали.

В нейтральную Швейцарию супругов выпустили по «зеленому коридору». Ленин пишет Адлеру: «Благополучно прибыл со всем семейством в Цюрих. Legitimationen [6] требовали только в Инсбруке и Фельдкирхе. Ваша помощь, таким образом, была для меня очень полезна. Для въезда в Швейцарию требуют паспорта, но меня впустили без паспорта, когда я назвал Грейлиха». На вокзале в Берне встречал Шкловский: «Мне в упор был задан вопрос:

– Како веруешь?

Для знавших Ильича такой вопрос не мог быть неожиданным, и я принялся докладывать ему о положении дел… Отчаяние, растерянность, разброд, вступление добровольцами в армию – вот картина в первые дни империалистической войны среди всей эмиграции, не исключая даже доброй части большевиков, вот картина, которую застал ВИ»[706][707].

Русские эмигранты переживали за Россию. План военной кампании, который разрабатывался под руководством дяди императора великого князя Николая Николаевича, назначенного Верховным главнокомандующим, предусматривал нанесение основного удара по Австро-Венгрии. Однако почти сразу же потребовалось вносить коррективы: Германия атаковала Францию, намереваясь разгромить ее в блицкриге. Чтобы оттянуть немецкие части, уже угрожавшие Парижу, не завершившая сосредоточения русская армия вынуждена была начать операцию и против немцев в Восточной Пруссии. 4 августа наша 1-я армия Северо-Западного фронта генерала Ренненкампфа втянулась в Гумбиннен-Гольдапское сражение с 8-й немецкой армией, нанеся ей ощутимое потери. Через три дня в дело

вступила 2-я армия генерала Самсонова, начавшая охват Восточной Пруссии с юга.

Войска Юго-Западного фронта под командованием генерала Иванова (начальник штаба генерал Михаил Алексеев), развернутые против Австро-Венгрии, выступили 6 августа. Между Днестром и Вислой развернулось грандиозное Галицийское сражение с четырьмя австро-венгерскими армиями, поддержанными германскими частями. Русскими войсками был занят Львов, передовые части перевалили Карпаты и приблизились к Кракову. Германское командование было вынуждено спешно начать переброску подкреплений с Западного фронта. Это помогло французам выиграть сражение на Марне и сорвать немецкий план блицкрига. Но появление мощных немецких сил на Восточном фронте меняло ход войны. Началась переброска наших войск из Галиции для защиты Варшавы. Результатом стала успешная Варшавско-Ивангородская операция. Эти столкновения Великой войны, мужество и героизм русских солдат, проливавших кровь за Родину, Ленина мало интересовали и трогали.

Он обосновался в Берне, откуда писал 1 (14) сентября сестре Анне: «Пленение мое было совсем короткое. 12 дней всего, и очень скоро я получил особые льготы, вообще отсидка была совсем легонькая, условия и обращение хорошие. Теперь понемногу осмотрелся и устроился здесь. Живем в 2-х меблированных комнатах, очень хороших, обедаем в ближайшей столовке. Надя чувствует себя здоровой, Е.В. тоже, хотя и состарилась уже очень. Я кончаю статью для словаря Граната (о Марксе) и посылаю ему ее на днях. Пришлось только бросить часть (большую, почти все) книг в Галиции…»

Инесса тоже в тот момент проживала в Швейцарии, но не в Берне, а в Лез-Аване, куда писал ей Ленин: «Я боюсь, что современный кризис заставил многих, слишком многих социалистов потерять голову (если можно так выразиться) и что в конечном итоге в этом необычайном “позоре” европейского социализма виноват оппортунизм… Григорий с семьей приехал. Остаемся в Берне. Маленький скучный городишко, но… лучше Галиции все же и лучшего нет!! Ничего. Приспособимся. Шляюсь по библиотекам: соскучился по ним»[708].

Теперь Ленин проявлял повышенную осторожность, опасаясь уже и властей Швейцарии. «Есть *все* основания ждать, что швейцарская полиция и военные власти (по *первому жесту* послов русского и французского и т. п.) учинят военный суд или высылку за нарушение нейтралитета и т. п.». На другой день по приезде Ленина в Берн все наличные большевики – Шкловский,

Сафаровы, депутат Думы Самойлов, Харитонов и другие – собрались не на чьей-то квартире и не в ресторане, а в лесу. Там Ленин развил свою точку зрения, легшую в основу программного заявления: «С точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России, наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск, угнетающих Польшу, Украину и целый ряд народов России…» Да, ему очень не нравился «германский империализм», но еще меньше нравились российское самодержавие и «буржуазный пацифизм». Поэтому, с одной стороны, «царизм во сто раз хуже кайзеризма», а с другой – «превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг»[709].

Через день-другой состоялось хрестоматийное Бернское совещание большевиков на квартире Шкловского, который рассказывал: «Кроме Ильича, Зиновьева и НК присутствовали еще товарищи Самойлов, Сафаров, Лилина, возможно, и тов. Инесса. На этом совещании тезисы Ильича никаких возражений ни в ком не вызвали, и они были целиком приняты. С этими тезисами уехал через несколько дней через Италию и Балканы в Россию Ф. Н. Самойлов»[710]. Тезисы эти отнюдь не встретили в партии общего восторга. «Больше всего было возражений против лозунга “поражения”»[711].

Но Плеханов?! Он стал для Ленина еще большим разочарованием, чем СДПГ, тоже выступив за защиту Отечества. Чтобы окончательно прояснить позиции и расставить точки над «i», Ленин 11 октября отправился в Лозанну, где было назначено выступление Плеханова с рефератом о войне. «Стянулась на реферат наша публика из разных концов. Из Берна – Зиновьев, Инесса, Шкловский; из Божи над Клераном – Розмирович, Крыленко, Бухарин и товарищи-лозанцы»[712], – вспоминала Крупская.

Большевик Федор Николаевич Ильин рассказывал: «Мы трое – тов. Бухарин, Ривлин и я – поспешили на вокзал. Бернский поезд подходил… Увидев нас, ВИ, оглядываясь по сторонам, слегка согнувшись и втянув голову в плечи, торопливой походкой подошел к нам и, не успев поздороваться, недовольным тоном прошептал:

– Ну что все приперли?

Мы удивились было такому приветствию. ВИ сказал нам:

– Ведь нас могут заметить меньшевики. Вы знаете, что, если Плеханов узнает о нашем приезде, он может отказаться от реферата…

Убедившись, что никого из меньшевиков на вокзале нет, мы

двинулись пешком в город». Плеханов выступал в Народном доме. «ВИ юркнул в зал и быстро занял место на предпоследней скамье, у самой стены… Было человек 60–70… ВИ сидел, не снимая шляпы, согнувшись, опираясь локтями в колени, держа в руках какую-то бумажку, которую он, казалось, внимательно изучал»[713].

Михаил Сергеевич Кедров, издатель и революционер, писал: «Успех Плеханов имел большой… Льстила основная мысль Плеханова о спасении при помощи русских казаков и свободных республиканских войск Франции западноевропейской цивилизации, попираемой германским фельдфебельским сапогом… Но вот Плеханов окончил свой доклад, и не успели смолкнуть бурные аплодисменты, как ВИ вскочил на стул и попросил слово…»[714].

Ему было предоставлено 10 минут: Плеханов спешил на поезд. Бухарин весь внимание: «Напряжение у всех достигло максимума. Сердца бились, руки тряслись. Ильич сам страшно волновался, и его лицо сделалось гипсовым. Когда он стал громить социал-патриотов, когда зазвучала бичующая, гневная, настоящая марксистская речь среди патриотического паскудства и блуда, наши души точно свела судорога облегчения. Как сейчас вижу: вот сидит Абрам (Н. В. Крыленко), весь трясется, и слезы льются у него из глаз. Наконец-то мы снова берем меч против изменников»[715]. «Ленин кончил… Раздались редкие, единичные хлопки»[716]. Ильин замечал: «Заключительное слово Плеханова также вызвало единодушные аплодисменты. “Победа” была за Плехановым. ВИ тотчас же решительно заявил нам:

– Ставьте завтра мой реферат.

Посоветовавшись с товарищами, мы решили устроить реферат через два дня в том же помещении».

Ленин жаждал реванша. «Зал в Народном дом был набит битком задолго до открытия собрания, – писал Ильин. – Доклад ВИ был блестящий. Редко можно было видеть его в таком боевом приподнятом настроении… Он, видимо, решил преследовать Плеханова по пятам и на другой же день приехал в Женеву, где уже был объявлен его реферат, а через несколько дней мы уехали с нем в Монтрё, где его реферат… несмотря на курортную буржуазную публику, имел огромный успех»[717].

Из Монтрё – в Цюрих, где семинар организовывал Моисей Маркович Харитонов. «Реферат был устроен в большом зале “Eintracht’a” и собрал большое при тогдашних условиях количество народа (от 300 до 400 человек)… Каждый раз, когда Владимир Ильич употреблял слово “изменник” или “предатель” по адресу Каутского, так и чувствовалось, что по всему залу

покатывается волна резкого недовольства. Эти слова резали ухо даже наиболее лево настроенных слушателей не большевиков:

– А не плохо было бы, если бы немцы взяли Ригу, Ревель и Гельсингфорс…

После реферата начались оживленные прения, которые отняли остаток вечера и весь вечер следующего дня. Первым выступил тов. Троцкий». Согласившись с Лениным в основном, он затем выдвинул множество возражений, касавшихся как оценок Каутского, так и использования лозунга поражения собственной страны в войне[718].

Тем не менее альянс с троцкистами встал на повестку дня. Сотрудничать Ленин счел возможным также с меньшевиками-интернационалистами во главе с Мартовым, критиковавшими мировой империализм, русский царизм, буржуазию и социалистов-оборонцев всех воюющих стран. Но с остальной частью РСДРП Ленин рвал бесповоротно. «С беспощадной смелостью он поднимает кучи социал-демократического навоза и отшвыривает их в сторону, – горячится Бухарин. – Коммунизм начинает свой путь»[719]. Война разделила и эсеров. Авксентьев и его сторонники оказались в лагере оборонцев. Савинков стал военным корреспондентом, вошел во французские офицерские круги. Чернов и Натансон, напротив, были в числе «интернационалистов» и вместе с Лениным примут участие в конференциях интернационалистов в Циммервальде и в Кинтале.

Как вспоминала Крупская, «голоса интернационалистические звучали еще очень слабо, разрозненно, неуверенно, но Ильич не сомневался, что они будут все крепнуть. Всю осень у него был приподнятое, боевое настроение… Осень в тот год стояла чудесная. В Берне мы жили на Дистельвег – маленькой, чистенькой, тихой улочке, примыкавшей к бернскому лесу… наискосок от нас жила Инесса, в пяти минутах ходьбы – Зиновьевы, в десяти минутах – Шкловские. Мы часами бродили по лесным дорогам, усеянным осыпавшимися желтыми листьями. Большей частью ходили втроем – ВИ и мы с Инессой»[720].

Контактов с Россией долго не было вообще. Шкловский писал: «Только в середине октября удалось установить первую связь через тов. Александра (Шляпникова), приехавшего для этой цели в Стокгольм. За эту связь ВИ держался цепко, ежеминутно боясь, что и она оборвется»[721]. По возвращении из «рефератной поездки» Ленин разъяснял Шляпникову диспозицию в социал-демократии: «Плеханов… стал шовинистом-французом. У ликвидаторов, видимо, разброд. Алексинский, *говорят*, франкофил, Косовский (бундист, правый, я слышал его реферат) – германофил. Мартов всех приличнее в “Голосе”. Но устоит ли

Мартов? *Не верю.* Похоже на то, что средней линией всего "брюссельского блока" гг. ликвидаторов с Алексинским и Плехановым будет приспособление к Каутскому, который теперь *вреднее всех*… Наша задача теперь – безусловная и открытая борьба с оппортунизмом международным и его прикрывателями (Каутский). Это мы и будем делать в Центральном Органе, который выпустим вскоре (2 странички, вероятно)… Неверен лозунг "мира" – лозунгом должно быть превращение национальной войны в гражданскую войну».

В эти дни в войну с Россией вступила Оттоманская империя. 16 (29) октября турецкий флот при поддержке немецких кораблей «Бреслау» и «Гебен» обстрелял Севастополь, Одессу, Феодосию, Керчь, Ялту, Новороссийск. На манифест султана о вступлении Турции в войну Николай II ответил приказом Главнокомандующему Кавказской армией графу Воронцову-Дашкову (начальник штаба генерал Юденич) перейти турецкую границу. Русские войска заняли крепость Баязет.

Для Ленина это не меняет ничего. 18 (31) октября он писал Шляпникову: «В каждой стране – в первую голову борьба с шовинизмом *данной* страны, возбуждение ненависти к *своему* правительству, призывы (повторные, настойчивые, многократные, неустанные) к солидарности рабочих воюющих стран, к *совместной* их гражданской войне против буржуазии»[722].

Именно об этом шла речь в передовице и основных статьях возобновившегося 19 октября (1 ноября) «Социал-демократа». Газета стала выходить относительно регулярно, сдерживаемая в первую очередь возможностями и настроением… Кузьмы – наборщика. «Кузьма набирал решительно все, что угодно и для кого угодно. Всех заказчиков он добродушно называл "сочинителями" и удовлетворял по возможности каждого… Работал Кузьма один. А тут, как на грех, приехала к нему неизвестно откуда взявшаяся жена, не раз упоминаемая в письмах ВИ Кузьмиха. Эта ворчливая красноносая старуха непрестанно ругала несчастного Кузьму за то, что он связывается с разными "аховыми" заказчиками, вместо того чтобы поступить на постоянную работу в швейцарскую типографию»[723]. Тиражами похвастаться не могли, не было ни денег, ни подписчиков – 300–500 экземпляров, на пике – 2 тысячи. «Тираж небольшой, ибо при нашем направлении на обывателя рассчитывать нельзя», – объяснял Ленин.

В первом же номере Ленин выдвигает программу создания III Интернационала, которому «предстоит задача организации сил пролетариата для революционного натиска на капиталистические правительства для гражданской войны против буржуазии всех

стран за политическую власть, за победу социализма»[724].

Но когда большевики в Петрограде попытались начать реализовывать пораженческую политику на практике, это кончилось для них печально. Депутат Думы Покровский получил от Шляпникова письмо и посылку – пару ботинок – из Стокгольма, в каблуках которых были свернуты два номера «Социал-демократа» с известными нам ленинскими подрывными текстами. Их с интересом прочли на большевистском совещании в Озерках, которое проходило 2–4 (15–17) ноября. «Совещание уже заканчивалось, когда в квартиру ворвалась полиция и охранники, – рассказывал Петровский. – Я и Муранов не дали себя обыскивать… Только когда приехал жандармский генерал с жандармами, нас схватили за руки и силой обыскали»[725]. Весь состав большевистской фракции IV Государственной думы был арестован. Рассказывал Муранов: «Главным козырем обвинения на процессе являлись отобранные у нас при аресте тезисы Ленина “Задачи революционной социал-демократии в европейской войне” и манифест ЦК РСДРП “Война и российская социал-демократия”»[726].

Ленин 15 (28) ноября писал Шляпникову: «Ужасная вещь. Правительство решило, видимо, мстить РСДР Фракции и не остановится ни перед чем… Во всяком случае, работа нашей партии теперь стала в 100 раз труднее. И все же мы ее поведем! “Правда” воспитала тысячи сознательных рабочих, из которых, вопреки всем трудностям, подберется снова коллектив руководителей – русский ЦК партии. Теперь особенно важно, чтобы Вы остались в Стокгольме (или *около* Стокгольма) и налегли изо всех сил на завязывание связей в Питере».

Сам же Ленин 9 (22) декабря сообщал Марии Ильиничне (что можно было написать в условиях ужесточившейся с началом войны цензуры): «Мы живем ничего себе, тихо, мирно в сонном Берне. Хороши здесь библиотеки, и я устроился недурно в смысле пользования книгами. Приятно даже почитать – после периода ежедневной газетной работы. Надя имеет здесь еще педагогическую библиотеку и пишет педагогическую работу. Писал Анюте насчет того, нельзя ли найти издателя для аграрной книги: я написал бы здесь. *Ежели* будет случай, узнай и ты»[727]. Заканчивал и статью о Марксе для словаря Граната.

Арманд, сопровождавшая Ленина в рефератной поездке, уехала к детям. И стала его основным корреспондентом. Он пишет ей, бывает, больше одного письма в день. Правда, перейдя почему-то на «вы» и обсуждая далеко не только вопросы войны. 11 (24) января 1915 года: «Требование свободы любви неясно и – независимо от Вашей воли и желания… – явится в современной

общественной обстановке буржуазным, а не пролетарским требованием. Вы не согласны. Хорошо. Рассмотрим дело еще раз… “Даже мимолетная страсть и связь” “поэтичнее и чище”, чем “поцелуи без любви” (пошлых и пошленьких) супругов. Так Вы пишите… Прекрасно. Логичное ли противопоставление? Поцелуи без любви у пошлых супругов *грязны*. Согласен. Им надо противопоставить… что?.. Казалось бы: поцелуи *с любовью*? А Вы противопоставляете “мимолетную” (почему мимолетную?) “страсть” (почему не любовь?) – выходит, по логике, будто поцелуи без любви (мимолетные) противопоставляются поцелуям без любви супружеским… Странно. Для популярной брошюры не лучше ли противопоставить мещански-интеллигентски-крестьянский… пошлый и грязный брак без любви – пролетарскому гражданскому браку с любовью (с добавлением, *если уже непременно хотите*, что и мимолетная связь-страсть может быть грязная, может быть и чистая)»[728].

К концу 1914 года армии противников, обессиленные, остановились друг против друга, не имея возможности идти вперед из-за огромных потерь в живой силе и нехватки боеприпасов. В начале 1915-го германское командование, поставив главной задачей вывод России из войны, остановило операции на Западном фронте и начало наступление с целью окружения русских частей в Польше. Отход частей 10-й русской армии, по которой пришелся основной удар, прикрывал XX корпус, который несколько дней сражался в полном окружении в Августовских лесах и геройски погиб под огнем артиллерии, опрокинув перед этим в штыковой атаке германскую пехоту. В марте русские войска в ходе Праснышской операции вновь отбросили врага к границам Пруссии, а войска Юго-Западного фронта, взяв крепость Перемышль, овладели проходами через Карпатский хребет.

На этом фоне шел процесс над большевистскими депутатами-пораженцами. «Власти предъявили арестованным обвинение в измене. Во время следствия Каменев и депутаты, кроме одного Муранова, отреклись от тезисов Ленина. На суде… подсудимые держались той же линии… К великому негодованию Ленина, чисто оборонительная тактика подсудимых чрезвычайно ослабила агитационную силу процесса»[729], – замечал Троцкий. 10 февраля все депутаты-большевики, а с ними и Каменев, были приговорены к ссылке на поселение. Ленин назвал поведение Каменева «недостойным революционного социал-демократа».

Приходилось сплачивать то, что осталось от заграничных большевистских организаций. «В конце февраля была созвана в Берне конференция заграничных групп, – замечала Крупская. –

Кроме швейцарских групп была еще Парижская; от парижан приехал Гриша Беленький… Лондонцы приехать не смогли, передоверили свой мандат. Божийцы долго колебались – ехать им или не ехать – и приехали только к концу. Вместе с ними приехали "японцы". Так прозвали мы киевлян – тт. Пятакова и Бош (сестру Е. Ф. Розмирович), которые бежали из сибирской ссылки через Японию и Америку…»[730].

Далеко не все согласились с докладчиком по вопросу о войне и наших лозунгах – Лениным. «Помнится, что весьма оживленные прения велись вокруг лозунга "поражение", – напишет он. – Кому-то этот лозунг вначале был непонятен, кое-кто сбивался на аргументацию меньшевиков» [731]… Серьезные дискуссии вызывал и ленинский тезис о Соединенных Штатах Европы. Главным оппонентом по этому пункту выступала Арманд. Для Ленина лозунг США был из числа тех интеллектуальных игрушек, от которых он с легкостью отказывался. Тем более что эта конкретная игрушка не понравилась Инессе.

Слышать оппонентов Ленин не хотел. Евгения Готлибовна Бош запомнила: «Все возражения ВИ слушал спокойно, но без особого интереса, как бы заранее зная все мысли и соображения выступавших, и только во время речи тов. Бухарина заметно оживился… Насмешливый огонек вспыхнул в зрачках ВИ, и казалось, что внутренне он хохочет добрым смехом взрослого над шалостями ребенка»[732]. О единогласии в большевистских рядах говорить было нельзя. Что ж. «Выбрали новый КЗО из бернцев: Шкловского, Каспарова, Инессы Арманд, Лилиной, Крупской».

После конференции – несчастье. Скончалась теща. Хоронили Елизавету Васильевну 10 (23) марта 1915 года на Бренгартенском кладбище в Берне. На могиле тещи Ленин посадил молодое дерево.

После смерти матери у Надежды Константиновны «сделался рецидив базедовой болезни, и доктора направили меня в горы. Ильич разыскал по публикациям дешевый пансион в немодной местности, у подножия Ротхорна, в Зёренберге, в отеле "Мариенталь", и мы прожили там все лето… В Зёренберге устроились мы очень хорошо, кругом был лес, высокие горы, наверху Ротхорна даже лежал снег. Почта ходила со швейцарской точностью. Оказалось, в такой глухой горной деревушке, как Зёренберг, можно было бесплатно получать любую книжку из бернских или цюрихских библиотек… На Ротхорн взбирались редко, хотя оттуда открывался чудесный вид на Альпы. Ложились спать с петухами, набирали альпийских роз, ягод, все были отчаянными грибниками – грибов белых была уйма…»[733].

Ленин жаловался Инессе, остававшейся в Берне: «У нас опять

дожди. Надеюсь, небесная канцелярия выльет всю лишнюю воду к Вашему приезду и тогда будет хорошая погода… Еще одно поручение: на случай, если мы с Вами предпримем *большие* прогулки (это не наверное, но может быть, и удастся изредка), хорошо бы знать, какие условия в Hütten (Cabanes) – домики на горах с кроватями – устроенными швейцарским клубом альпинистов. Зайдите в бюро этого клуба в Берне… возьмите проспекты».

Если в начале войны позиции оборонцев были неизменно сильнее, то постепенно баланс сил стал меняться из-за затягивания боевых действий и роста числа жертв. Даже западная социал-демократия начала поговаривать о мире. Правда, Ленина это не сильно впечатлило. О тогдашних его настроениях хорошее представление дает июньское письмо Радеку: «Мое мнение, что “поворот” Каутского + Бернштейн + К° … есть поворот говна, которое почуяло, что массы дольше не потерпят, что “надо” повернуть налево, дабы продолжать *надувать* массы»[734].

Патриотический дух начал испаряться и в России. 2 мая немецкие части перешли в наступление в Южной Польше силами десяти лучших дивизий, снятых с Западного фронта. Одновременно Карпатский фронт был порван у Горлице, австро-венгры к концу июня вернули Львов и всю Западную Галицию. Перед угрозой окружения в «польском мешке» российское командование предпочло отвести войска. В начале августа пала Варшава. За три месяца «великого отступления» наша армия потеряла 1,4 млн человек убитыми или ранеными, около миллиона попало в плен. К осени фронт стабилизировался. Но внутренний фронт начал давать трещины.

В июле в Петрограде состоялось совещание меньшевиков, эсеров, энесов и Трудовой группы в Государственной думе, которое пришло к выводу о наступлении момента для борьбы за решительное изменение государственного строя и демократический мир. Ленин не видит возможности сотрудничества. Он пишет Шляпникову в Стокгольм: «Между революционерами-шовинистами (революция для победы над Германией) и революционерами-пролетарскими интернационалистами (революция для пробуждения пролетариата других стран, для объединения его в общей пролетарской революции) – пропасть слишком велика, чтобы тут могла идти речь о поддержке».

Активизировалась либеральная оппозиция, которая начала требовать создания ответственного перед Думой правительства. Но император пошел другим путем – занял пост Верховного главнокомандующего. Это позволило объединить усилия фронта

и тыла и улучшить ситуацию, но вызвало дружный протест элитных кругов. Ленин 10 (23) августа из своего альпийского курорта не без удовольствия пишет Шляпникову: «События в России вполне подтвердили нашу позицию, которую дурачки социал-патриоты (от Алексинского до Чхеидзе) окрестили пораженчеством. Факты показали нашу правоту!! Военные неудачи помогают расшатывать царизм и облегчают союз революционных рабочих России и других стран… Было бы крайне важно, чтобы сплотились в 2–3 центрах руководящие группы (*архиконспиративно*), связались с нами, восстановили бюро ЦК (уже есть в Питере, кажись) и самый ЦК в России».

Не покидая Зёренберг, Ленин формировал новый состав ЦК своей волей: «Постарайтесь повидать Беленина и передайте ему, пожалуйста, что он кооптирован в члены Центрального Комитета РСДР Партии, – писал он Шляпникову, который и носил псевдоним Беленина… – Надо создать группы в России (из старых, опытных, умных, *вполне* разобравшихся в вопросе о войне правдистов-рабочих), лучших из них (2–3) взять в ЦК»[735]. Поручение Ленина воссоздать Русское бюро ЦК Шляпников долго не мог выполнить.

Ленин ненадолго спустился с гор, чтобы вновь туда подняться – для участия в Циммервальдской конференции, которую организовал бернский социалистический лидер Гримм. «Он подготовил для конференции помещение в десяти километрах над Берном, в небольшой деревушке Циммервальд, высоко в горах. Делегаты плотно уселись на четырех линейках и отправились в горы… Сами делегаты шутили по поводу того, что полвека спустя после основания I Интернационала оказалось возможным всех интернационалистов усадить на четыре повозки», – иронизировал Троцкий.

Конференция прошла 5–8 (18–21) сентября. Всего было 38 человек из 11 стран. «Дни конференции были бурными днями, – продолжал Троцкий. – Революционное крыло, возглавляемое Лениным, и пацифистское, к которому принадлежало большинство делегатов, с трудом сошлись на общем манифесте, проект которого был выработан мною… Ленин стоял на крайнем левом фланге конференции. По ряду вопросов он оставался в единственном числе внутри циммервальдской левой, к которой он формально не принадлежал, хотя по всем основным вопросам был близок к ней. В Циммервальде Ленин туго накручивал пружину для будущего международного действия»[736]. Ленин доказывал: «Дело обстоит так: или действительно революционная борьба, или только пустая болтовня»[737].

К Циммервальдской левой примыкали 9 человек – Ленин,

Зиновьев, Берзин, Радек, Хёглунд, Нерман, Борхард, Платтен, Роланд-Гольст. Они создали свое бюро и оформились как самостоятельная группа. Остальные из присутствующих россиян – Аксельрод, Мартов, Натансон, Чернов – предпочли остаться в стороне. Как и Троцкий, что не помешает ему написать в мемуарах: «Левое крыло циммервальдской, а затем и кинтальской конференции явилось, под руководством Ленина, основным ядром будущего Коммунистического Интернационала…»[738].

Тогда конференция Ленина разочаровала: «Медленно движется вперед развитие социалистического движения в эпоху неимоверно тяжелого кризиса, вызванного войной». Приехал он с конференции, запомнила Крупская, «порядочно-таки нервным… Надо было несколько дней ходьбы по горам и зёренбергской обстановки, чтобы Ильич пришел в себя… В начале октября мы вернулись в Берн»[739]. Ленин 24 сентября (7 октября) писал матери: «Хотели было подольше остаться в Sorenberg'е, но там уже выпал снег, и холод стал невозможный. Осень нынче холодная, а в Sorenberg'е климат горный. Здесь нашли хорошую комнату, с электричеством и ванной за 30 франков. Надя поправилась недурно; прошли сердцебиения; могла даже в горы ходить; лишь бы не повторилась базедка»[740].

В Берне с Лениным встречался Парвус (по свидетельству Радека, это было раньше – в мае), который напишет: «Ленин сидел в Швейцарии и пописывал статьи, почти никогда не выходившие за рамки обсуждения в эмигрантских кругах. Как в закупоренной бутылке, он был полностью отрезан от России»[741].

Крупская нашла, что осень в Берне «была душновата… В Швейцарии повсюду царило ярко выраженное мещанство… Осень 1915 г. мы усерднее, чем когда-либо, сидели в библиотеках, ходили по обыкновению гулять, но все это не могло стереть ощущения запертости в этой мещанской демократической клетке… Помню, как Инесса ездила во Французскую Швейцарию завязывать связи с швейцарскими левыми»[742].

Письма в ее адрес из Берна пошли одно за другим. 3 (16) января 1916 года: «Дорогой друг!.. Сегодня великолепный солнечный день со снежком. После инфлюэнцы мы с женой первый раз гуляли по той дороге в Frauen-Kappelen, по которой – помните? – мы так чудесно прогулялись однажды втроем. Я все вспоминал и жалел, что Вас нет. Кстати. Дивлюсь немного, что нет от Вас вестей. Покаюсь уже заодно: у меня, грешным делом, мелькает мысль – не "обиделись" ли уже Вы, чего доброго, на то, что я не пришел Вас проводить в день отъезда? Каюсь, каюсь и отрекаюсь от этих мыслей, я уже прогнал их прочь». Через три дня: «Погода прекрасная. В последнее воскресенье мы

предприняли великолепную прогулку на “нашу” маленькую гору. Вид на Альпы был необычайно красивым; я очень жалел, что Вас не было с нами»[743].

Ленин, помимо Инессы, был тогда поглощен мыслями о глобальном. Он размышлял о мировой революции, о судьбах капитализма на Западе: «Соединенные Штаты Европы, при капитализме, либо невозможны, либо реакционны… Соединенные Штаты Европы, при капитализме, равняются соглашению о дележе колоний». Соединенные Штаты мира: «Соединенные Штаты мира (а не Европы) являются той государственной формой объединения и свободы наций, которую мы связываем с социализмом, – пока полная победа коммунизма не приведет к окончательному исчезновению всякого, в том числе и демократического, государства. Как самостоятельный лозунг, лозунг Соединенные штаты мира был бы, однако, едва ли правилен, во-первых, потому, что он мог бы породить неправильное толкование о невозможности победы социализма в одной стране и об отношении такой страны к остальным».

Ленин развил эту тему: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы *против* остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран». Более того, через год Ленин придет к выводу, что «социализм не может победить одновременно *во всех* странах. Он победит первоначально в одной или нескольких странах, а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными»[744]. Эта идея – о возможности победы социализма в одной стране – станет одной из ключевых во внутрипартийной борьбе 1920-х годов.

Военные операции 1916 года вновь диктовались не столько интересами собственного фронта, сколько велись для оказания срочной помощи Сербии, Франции, Италии, Румынии. 21 февраля немецкие войска начали массированное наступление против Вердена, угрожая Парижу. Было принято решение о проведении – в весеннюю распутицу – экстренной и весьма успешной наступательной операции на стыке Западного и Северного фронтов. В конце апреля немцы, перебросив войска из-под Вердена, вернули утраченные позиции. На Кавказском фронте в середине февраля российская ударная группа штурмом овладела

крепостью Эрзерум, уничтожив половину 3-й турецкой армии. За этим последовала операция по овладению Трапезундом. Наша армия перешла Курдское нагорье, выбила турок из Персии.

А Ленин творил «Империализм как высшую стадию капитализма». Он родился из предложения написать предисловие к серии марксистских брошюр о развитии основных стран мира, затеянной Горьким и Покровским в издательстве «Парус». Бернских библиотек Ленину перестало хватать, двинулись в Цюрих. «Мы поехали туда на пару недель, а потом все откладывали да откладывали свое возвращение в Берн, да так и остались жить в Цюрихе, который был поживее Берна, – писала Крупская. – В Цюрихе было много иностранной революционно настроенной молодежи, была рабочая публика, социал-демократическая партия была более лево настроена…»[745]. Поселились в старом городе в узеньком переулке Spiegelgasse. Как писал сам Ленин, жил он в Цюрихе «потихоньку»[746].

Пришлось озаботиться заработками, и он вновь взялся за платные семинары. 13 (26) февраля выступил в одном из ресторанов с рефератом по нацвопросу. «Народу было и на сей раз довольно много, хотя значительно меньше, чем на докладе в начале войны, – свидетельствовал секретарь большевистской организации Цюриха Моисей Маркович Харитонов. – Зал был меньше, да и русских в это время в Цюрихе было меньше, чем тогда». Дискуссии избежал – не хотел сталкиваться с присутствовавшими поляками и меньшевиками, – дотянув свое трехчасовое выступление до 12 ночи, когда наступал комендантский час. Выступать понравилось. 17 февраля (1 марта) тот же реферат Ленин прочел в Женеве, планировал прочесать и Лозанну.

«Обедал ВИ вместе с НК в дешевом ресторане, часто в Alkoholfreirestaurant… А под вечер ВИ вместе с НК почти каждый день отправлялись на прогулку в Zurichberg или куда-нибудь в другое место, подальше от центра города, по направлению к лесу или в горы», – замечал Харитонов. «С русской колонией ВИ никаких сношений, кроме, разумеется, как с членами нашей секции, не имел. В отличие от Мартова, который иногда по многу часов просиживал в русской читальне за газетами и журналами и часто приходил на разные собрания, рефераты и т. п., ВИ ни разу за все время своего пребывания в Цюрихе на рефератах, читанных другими, не был. Не ходил он и в русскую читальню, и колония его вообще не видала»[747].

Раскол внутри РСДРП проходил теперь уже по семье Ульяновых. «Что касается Джемса, то он никогда не разбирался в политике, всегда стоял против раскола, – писал он Шляпникову в

марте 1916 года. – Прекрасный человек – Джемс, но *на эти темы* его суждения неверны глубоко. У нас в России (а теперь и в новом Интернационале) вопрос о расколе *основной.* Все колеблющиеся на этот счет – *враги* пролетариата…»[748]. Джемсом величали родную сестру Ильича – Анну Ильиничну.

Работа над «Империализмом» была прервана 11–17 (24–30) апреля Кинтальской (II Циммервальдской) конференцией. Состав участников стал чуть более радикальным – Циммервальдская левая насчитывала уже аж 12 человек. Ленин 28 апреля доказывал оппонентам: «Вы отрицаете раскол секций старого Интернационала, но этот раскол является фактом. Сегодня мы фактически имеем кризис социалистических партий всего мира… Люди, с которыми вы хотите воссоздать Интернационал, мертвы, они больше не существуют не буквально, а политически».

Конференция осудила Международное социалистическое бюро и приняла более радикальную резолюцию с критикой пацифизма. Ленин рассказывал Шляпникову: «В общем, это *все же*, несмотря на тьму недостатков, шаг к разрыву с социал-патриотами. Левая была сильнее на этот раз: серб, трое швейцарцев, один француз… усилили нашу группу. Затем два немца (от группы «Интернационал») шли с нами в главном». Но Ленина манифест не удовлетворил: «Недостаточно того, что Циммервальдский манифест намекает на революцию, говоря, что рабочие должны нести жертвы ради своего, а не чужого дела. Необходимо ясно и определенно указать массам их путь»[749].

Вернувшись из Кинталя, Ленин 4 (17) мая пишет Карпинскому: «…Я думаю съездить в Женеву и Лозанну с рефератом “Два течения в международном рабочем движении”… Если условия не изменятся и поездка моя окупится, то назначьте, пожалуйста, недели через две (на *другой день в Лозанне*)». Рефераты состоялись 20 и 21 мая (2 и 3 июня). Издательский проект – журнал «Коммунист» – пытались наладить с «японцами» – Бош и Бухариным, но стадия переговоров обернулась многомесячными препирательствами. 8 (21) мая Ленин уверял Зиновьева: «“Издатели”, никуда не годные как литераторы и как политики (что вынуждена была признать редакция ЦО в зимнем письме), хотят *связать* нас договором о *равноправии*, т. е. мы должны дать равноправие даме, ни одной строчки не написавшей и ничегошеньки не понимающей, и “молодому человеку”, всецело находящемуся под ее влиянием»[750].

Летом 1916 года Ленин решительно завершал работу над «Империализмом». Покровский радовался: «Уже открытка от 2 июля извещала, что одновременно с нею идет заказной

бандеролью рукопись “Империализма”… Французская цензура долго читала рукопись, переписанную несравненным убористым почерком Надежды Константиновны, и я получил бандероль недели три спустя после открытки»[751].

Самое существенное в книге: капитал достиг таких громадных размеров, что на место свободной конкуренции пришли монополии гигантских размеров. Ничтожное число капиталистов смогло сосредоточить в своих руках целые отрасли промышленности, которые оказались в руках союзов, картелей, синдикатов, трестов, нередко международного характера. Господство кучки капиталистов привело к тому, что весь земной шар оказался поделенным между захватившими источники сырья и средства производства крупнейшими капиталистами и колониальными империями. Это предопределяет непримиримость противоречий империалистических держав, поскольку их дальнейшая экспансия неизбежно сопряжена с переделом уже поделенных территорий и ресурсов.

Пока Ленин пером приканчивал мировой империализм, командующий Юго-Западным фронтом Брусилов добился от императора разрешения на наступление. С рассветом 22 мая артиллерийским ураганом была сметена укрепленная полоса противника вместе с ее защитниками. Знаменитый Брусиловский прорыв принес полный успех. Генерал давал отчет: «В общем, с 22 мая по 30 июля вверенными мне армиями было взято в плен всего 8255 офицеров и 370 153 солдата; захвачено 496 орудий, 144 пулемета и 367 бомбометов и минометов, около 400 зарядных ящиков, около 100 прожекторов и громадное количество винтовок, патронов, снарядов и разной другой военной добычи» [752]. Вновь была завоевана часть Восточной Галиции и вся Буковина. Австро-Венгрия оказалась в критической ситуации. На волне этих успехов и Западный фронт генерала Эверта начал успешное наступление под Барановичами.

Ленин же с начала июля в очередной раз отбыл на длительный отдых. «Мы поехали на шесть недель в кантон Сен-Галлен, неподалеку от Цюриха, в дикие горы, в дом отдыха Чудивизе, очень высоко, совсем близко к снеговым вершинам, – сообщала Крупская. – В некотором отношении этот дом отдыха напоминал французский Бомбон, но публика была попроще, победнее, с швейцарским демократическим налетом. По вечерам хозяйский сын играл на гармонии и отдыхающие плясали вовсю, часов до одиннадцати раздавался топот пляшущих… В Чудивизе к нам никто не приезжал, русских там никаких не жило, и мы жили оторванные от всех дел, шатались по горам целыми днями. В Чудивизе Ильич не занимался вовсе»[753], – вспоминала

Крупская. Зиновьеву 8 (21) июля Ленин писал: «Здесь у нас плохо: почта только на ослах и раз в день. В случае крайности телеграфировать… или телефонировать»[754].

Полагаю, Ленин не сразу узнал, что 12 (25) июля скончалась Мария Александровна, мать. Ей шел уже 82-й год. Похоронили на том же Волховом кладбище, рядом с Ольгой.

К работе, за письменный стол, вернули в основном денежные проблемы. «В то время мы наводили сугубую экономию в личной жизни, – подтверждала Надежда Константиновна. – Ильич повсюду искал заработка – писал об этом Гранату, Горькому, родным…»[755]. Ленин молил Коллонтай в июле: «Для заработка хотелось бы иметь либо *перевод*, либо *педагогическо*-литературную работу Наде (ибо ее болезнь требует *длительной* жизни в горах, а это стоит дорого)». Или в письме 10 сентября: «Засяду писать что бы то ни было, ибо дороговизна дьявольская, жить стало чертовски трудно»[756].

Ленин настроен по-боевому. В сентябре пишет «Военную программу пролетарской революции», где заявляет: «Гражданские войны – тоже войны. Кто признает борьбу классов, тот не может не признавать гражданских войн, которые во всяком классовом обществе представляют естественное, при известных обстоятельствах неизбежное продолжение, развитие и обострение классовой борьбы»[757]. Мысли бывают материальны.

Вернулись в Цюрих осенью, «поселились у тех же хозяев, на Шпигельгассе»[758]. Ленин 1 (14) ноября пишет Малиновскому: «Мы живем теперь опять в Цюрихе; здесь лучше библиотеки. А Надя к тому же получила здесь небольшой заработок, в котором мы очень нуждались»[759]. Ленин продолжает уговаривать Шляпникова, который все еще в Стокгольме: «Самое больное место теперь: слабость связи между нами и руководящими рабочими в России!! Никакой переписки!! Никого, кроме Джемса, а теперь и его нет!! Так нельзя… Полагаться мы можем только на тех, кто понял весь обман идеи единства и всю необходимость раскола с этой братией (с Чхеидзе и К⁰) в России. Беленину надо бы сплотить *только* таких людей для роли руководителей»[760].

Шляпников сдался и все-таки отправился в Петроград. Там ему удалось восстановить Русское Бюро ЦК. «Осталось много звеньев старого аппарата, – вспоминал Шляпников. – И это значительно облегчало дело… В руководящий центр удалось привлечь по соглашению с ответственными работниками Петербургского комитета (тт. Залежским, Шутко, Антиповым, Евдокимовым и др.) тт. П. Залуцкого и В. Молотова»[761].

Нельзя сказать, что мысли Ленина в предреволюционные месяцы были о России. Адресат подавляющего большинства

писем – Арманд. Бывает, опять по нескольку на день. Они о пацифизме, марксизме, нескончаемых склоках с Бухариным и Радеком, дрязгах в швейцарской соцпартии. Просьбы о секретарских услугах. В ту зиму разрушительный раж Ленина был обращен и против Пятакова, чьи взгляды на демократию в статье «Пролетариат и права наций на самоопределение» Ленин обозвал «карикатурой на марксизм».

Ленин, наверное от скуки, окунулся в швейцарскую политику – раньше он избегал участия во внутриполитических делах страны пребывания. «Я собираюсь выступить на съезде швейцарской партии (в субботу 4.XI) с приветственной речью. Текст прилагаю. Очень просил бы Вас перевести его на французский», – просил он Инессу. Перевела, он выступал на немецком. Но поблагодарил и сообщил: «Впечатление от съезда у меня хорошее. Первый раз за время войны на швейцарском съезде не только проявляется левая… но и *прямо* начинает *сплачиваться* в оппозиции и к правым, и к “центру”»[762].

Организовал марксистский кружок. Харитонов запомнил: «Вскоре у нас появилась организация из швейцарских, немецких, русских и польских товарищей, которую мы для конспирации назвали Kegelclub (Кегельный клуб)… надо было законспирировать ее от официальных учреждений социал-демократической партии. Душой этой маленькой, конспиративной на первых порах организации был ВИ». От швейцарцев входило все руководство социал-демократов Цюриха во главе с Францем Платтеном и организации рабочей молодежи. Помимо Харитонова, появлялись наездами Радек и Бронский[763]. Ленин сообщал Арманд 4 (17) декабря: «Здесь устроилось нечто вроде кружка левых… Участвуют Нобс, Платтен, Мюнценберг, еще несколько молодых. Беседуем о военной резолюции в связи с задачами левых. Эти беседы сделали для меня особенно наглядным: 1) до чего дьявольски слабы (во *всех* отношениях) швейцарские левые».

И на следующий день: «Вот она, судьба моя. Одна боевая кампания за другой – против политических глупостей, пошлостей, оппортунизма и т. д. Это с 1893 года. И ненависть пошляков из-за этого. Ну, а я все же не променял бы сей судьбы на мир с пошляками… А на лыжах катаетесь? Непременно катайтесь! Научитесь, заведите “лыжи” и по горам – обязательно. Хорошо в горах зимой! Прелесть и Россией пахнет»[764].

Глава 4
Ленин в 1917 году

Ешь ананасы,
рябчиков жуй,
день твой последний
приходит, буржуй.

Февральский разлом

В начале 1917 года Ленина пригласили выступить на собрании цюрихского Союза молодежи по случаю годовщины расстрела 9 января. «Выступать нужно было на немецком языке, – вспоминал Харитонов. – И хотя немецкий язык ВИ знал хорошо, но так как выступать по-немецки ему приходилось очень редко, то он свой доклад полностью написал. Желая себя проверить, он показал доклад тов. Харитоновой, которая лучше всех в нашей среде владела немецким языком, а затем ВИ у нас на квартире с часами в руках прорепетировал свой доклад, чтобы проверить, сколько у него этот доклад отнимет времени и правильно ли построен тот или иной оборот речи… Собрание это происходило в большом зале Volkshaus'a (Народного дома) в Цюрихе. Народу было много, по преимуществу рабочие и рабочая молодежь»[765]. Как же изменится за год масштаб проблем! Свое выступление Ленин закончил словами:

– Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции»[766].

Ленин в те дни переживал очередной упадок сил. Он весь в нудной для него швейцарской политике. «Вчера было собрание (я устаю от собраний; нервы швах, головные боли; ушел до конца)», – рассказывал Ленин Инессе 25 января (7 февраля). Он весь в поисках заработков. 2 (15) февраля с удивлением интересовался у Марии Ильиничны: «Сегодня я получил через Азовско-Донской банк 808 frs., а кроме того, 22.I я получил 500 frs. Напиши, пожалуйста, какие это деньги, от издателя ли и от которого и за что именно и мне ли… Я не могу понять, откуда так много денег; а Надя шутит: "пенсию" стал-де ты получать. Ха-ха! Шутка веселая, а то дороговизна совсем отчаянная, а работоспособность из-за больных нервов отчаянно плохая». Ленин весь в эмигрантских дрязгах. «Этакая свинья этот Троцкий – левые фразы и блок с правыми против циммервальдских левых!!» – пишет он Коллонтай 4 (17) февраля.

Минимальные новости из России радуют. В письме Арманд 6 (19) февраля: «Присылают копию листка (хорошего), выпущенного Московским бюро ЦК. Напечатаем в следующем № ЦО. Жив курилка! Трудно жить людям в нашей партии сугубо. А все же живут… Надя больна: бронхит схватила и лежит в жару. Видимо, придется поваляться. Сегодня звал докторшу». Упомянутый листок Московского бюро, куда входили Землячка, Ольминский, Скворцов-Степанов, так и не будет напечатан в ленинском «Социал-демократе». Его январский номер (59-й)

окажется последним. По причине, о которой Ленин еще даже не подозревал.

Когда в Петрограде начались выступления протеста, 23 февраля (8 марта) Ленин писал Инессе: «У нас здесь, в Цюрихе, дела с *немецкими* левыми из рук вон плохи»[767].

Ленинский анализ причин революции, который станет каноническим в СССР, звучал так: народные массы поднялись и свергли царизм, который вел немощную страну к неизбежному поражению в войне на фоне нарастания тотального голода. Не совсем так. Или совсем не так.

Россия не была немощной, она была планетарным гигантом. К началу Первой мировой войны ее площадь превышала 22,4 млн квадратных километров (площадь современной Российской Федерации – около 17 млн квадратных километров). Численность населения составляла около 170 млн. человек – каждый восьмой на планете. За первые двадцать лет правления Николая II количество жителей Российской империи выросло более чем на 50 млн человек.

Да, Россия в своем социальном развитии отставала от крупнейших западных государств. Процент городского населения в Европейской России – 14,4, тогда как в Англии – 78, Германии – 56, США – 41,5, Франции – 41,2[768]. Ожидаемая продолжительность жизни – 32 года для мужчин, 34 – для женщин (в Англии того времени – 50 и 53 соответственно)[769]. Читать и писать умели лишь около половины горожан и до четверти крестьян[770]. Но дореволюционная Россия быстро ликвидировала отставание. С 1887 по 1913 год объем промышленного производства вырос в 4,6 раза. По темпам экономического роста Россия устойчиво опережала остальные великие державы[771]. По валовым показателям Россия находилась на четвертом месте на планете, ее доля в мировом промышленном производстве составляла 8,2 % (США – 32 %, Германии – 14,8, Великобритании – 13,6)[772].

Россия вовсе не терпела поражение на фронтах, хотя проблем, как и во всех воевавших странах, хватало. Несмотря на потери, ее армия росла. В начале 1917 года на поле боя стояло 60 армейских корпусов вместо тех 35, что имелись в начале войны. Численность действующей армии достигла семи миллионов. По сравнению с началом войны производство пулеметов выросло в шесть раз, легких орудий – в девять раз, 3-дюймовых снарядов – в 16 раз. Проблемы оставались только с тяжелыми орудиями.

Легкая промышленность на три четверти работала на армию. За ее пределами стало не хватать сапог, мануфактуры, плугов,

элементарных гвоздей. Мобилизация 15,8 млн человек оказывала серьезное давление на рынок труда, вымывала кадровый состав предприятий, оставляла без рабочих рук многие крестьянские хозяйства. Однако ситуация с людскими ресурсами в России была лучше, чем в других воевавших странах. За всю войну у нас было мобилизовано в армию 8,7 % населения страны, тогда как в Великобритании – 10,7, во Франции и Австро-Венгрии – 17, а в Германии – 20,7 %[773]. Экономические, продовольственные трудности в России также имели меньшие масштабы, чем в основных воевавших странах. Чувствовать себя обреченными было куда больше оснований у стран Четверного союза, тем более что в войну на стороне Антанты вступала первая экономика мира – Соединенные Штаты.

Армия, становясь более многочисленной, лучше вооруженной и управляемой, в то же время теряла в качестве личного состава и моральном духе. «Первый, кадровый, состав императорской пехоты ушел в вечность в осенних боях четырнадцатого года, – писал военный историк А. А. Керсновский. – Второй – окрасил своей кровью снег первой зимней кампании – снег Бзуры, Равки и Карпат. Третий состав – это “перебитые, но не разбитые” полки великого отхода. Пришедший ему на смену четвертый вынес вторую зимнюю кампанию. Пятый лег в ковельские болота. Шестой догорал в Буковине и Румынии, на смену ему запасные полки готовили седьмой. Изменение состава повлекло за собой и изменение облика армии. Она стала действительно “вооруженным народом”»[774].

Все воевавшие и видевшие войну отмечали накопление огромной усталости в армии и изменение ее морального духа. Нравы огрубели. Реквизиции – неизбежные спутники любой войны – подрывали понятия о собственности или законности. Нравственные, религиозные понятия опровергались жестокой повседневностью. Самой взрывоопасной была ситуация в запасных батальонах, где готовилось пополнение. В Петрограде размещалось до двадцати запасных частей численностью около 200 тысяч человек, которым не хотелось отправляться на передовую. Именно они выступят главной вооруженной силой революции.

И у воюющей армии был слабый социальный тыл, готовый взорваться протестом против верховной власти. Война заметно ухудшила материальное положение значительной части населения, обострила все существовавшие в стране противоречия. Для рабочего класса главным раздражителем стал рост стоимости жизни. Темпы увеличения заработной платы в 2–3 раза отставали от роста цен на продовольствие, жилье и одежду. Основной

причиной растущего недовольства села стало затягивание войны, которая уносила все больше крестьянских жизней. Недовольство вызывала и начавшаяся продразверстка, необходимость продавать продовольствие по ценам ниже рыночных.

Но, конечно, не рабочие, а уж тем более не крестьяне сокрушили Российскую империю. Россия из всех воевавших держав резко выделялась наличием необычайно активной и оппозиционно настроенной олигархической и аристократической элиты, а также радикальной интеллигенции, поставлявшей в большом количестве кадры фанатичных революционеров. Они связывали будущее страны исключительно со сменой власти и активно поддерживали волны слухов о засилье «темных сил» во главе с императрицей.

В начале Первой мировой войны бизнес принял активное участие в формировании военно-промышленных комитетов, земских и городских союзов (Земгор), взявшихся оказывать всестороннюю помощь фронту. Однако именно эти организации и станут одним из важнейших инструментов дестабилизации императорской власти. Из олигархической среды вышел ряд активных оппозиционеров, которые готовили свержение царя, а затем вошли в состав Временного правительства – лидер октябристов, представитель крупнейшей банкирской семьи Гучков, хлопчатобумажный фабрикант Коновалов, киевский сахарозаводчик Терещенко. Всех их объединяло западное образование, принадлежность к масонским ложам, партиям думского Прогрессивного блока и ненависть к действовавшей российской власти. Для ее свержения они не жалели ни денег, ни сил. Приложили свою руку и зарубежные спецслужбы. Кто хочет узнать подробности подготовки революции, может обратиться к моей книге «Крушение России 1917».

Планы «спасения монархии от монарха» обсуждались в думских, аристократических, земгоровских, социалистических кругах и даже в армейской верхушке. В центре одного из заговоров, готовившего отречение Николая в пользу наследника Алексея при регентстве брата царя Михаила, был Гучков, опиравшийся на близкие ему военные круги. Предложенный именно этой группой план свержения Николая II – задержание императорского поезда на дальней станции и принуждение к отречению под воздействием авторитета армии или угрозы силой – технически и будет претворен в жизнь.

На протяжении трех первых недель февраля было исключительно холодно, в Петрограде до тридцати ниже нуля. Снег засыпал железнодорожные пути, по всей стране простаивали десятки тысяч вагонов с продовольствием и топливом. Продуктов

питания в столице еще хватало, но кончались топливные запасы, из-за чего стали закрываться хлебопекарни и крупные предприятия. Поползли слухи о введении нормирования отпуска хлеба. Люди бросились к булочным, где образовались очереди, стоявшие ночь напролет на лютом морозе. 22 февраля (8 марта) император отправился в Ставку. Стало резко теплеть. Уставшие от долгих холодов люди всех возрастов и профессий присоединились к женской процессии с требованиями хлеба. С этого момента забастовочная и митинговая волны стали стремительно набирать силу. Руководство Петроградского военного округа приняло опрометчивое решение отправить в наряды воинские части – те самые запасные полки.

27 февраля (13 марта) начался бунт запасных частей, приведший к уничтожению центральной правительственной власти и переходу ее в стены Таврического дворца, где спикером Госдумы Родзянко был организован Временный комитет Государственной думы. Но одновременно возникала параллельная система власти: вышедшие из тюрьмы меньшевики-оборонцы Гвоздев и Богданов вместе с депутатами Думы Чхеидзе и Скобелевым создавали Совет рабочих и солдатских депутатов из представителей социалистических партий. «Самочинное, стихийное создание Советов рабочих депутатов в Февральскую революцию повторило опыт 1905 года»[775], – заметит позднее Ленин.

Вечером в Таврическом дворце появились и первые большевики во главе со Шляпниковым. В тот же день был обнародован и их Манифест, который готовил Молотов[776]. В основе ленинский лозунг Временного революционного правительства, которое должно было «войти в сношения с пролетариатом воюющих стран для революционной борьбы народов всех стран против своих угнетателей и поработителей, против царских правительств и капиталистических клик и для немедленного прекращения кровавой человеческой бойни, которая навязана порабощенным народам»[777]. Большевики, не дожидаясь исхода революции, уже предлагали платформу ее углубления. Через несколько дней Ленин в письме Карпинскому скажет: «*ЦК* есть в Питере (во “Frankfurter Zeitung” были выдержки из его манифеста – *прелесть!*)».

Но пока Ленин еще ни о чем не подозревает. 28 февраля (13 марта), когда Петроград был в руках восставших, он обижался в письме главному адресату – Инессе: «Дорогой друг! Видимо, мои прежние объяснения Вашего молчания ошибочны. Не обиделись ли Вы на то, что я писал Вам о непересмотре Вами французского текста?.. Конечно, если у Вас нет охоты отвечать или даже есть

“охота” и решение не отвечать, я надоедать вопросами не буду… Из России нет ничего, даже писем!! Налаживаем через Скандинавию»[778].

К вечеру 2 (15) марта был обнародован состав Временного правительства. Свою легитимность оно выводило от Государственной думы, но та правительство не выбирала и с этого момента не собиралась. Председателем Совета министров стал руководитель Земского союза князь Львов. Современникам он запомнился как бездеятельный, мягкий и благодушный популист, безгранично веривший в добрую душу народа. МИД возглавил Милюков, военное и морское министерства – Гучков. Единственным социалистом в правительстве был министр юстиции Керенский, входивший и в состав Совета. В заявлении об образовании Временного правительства вслед за его составом шли «основания» его деятельности, сформулированные Советом. Возникло двоевластие.

События в столице заставили царя пойти на назначение военного диктатора с полномочиями подавить бунт. На эту роль был выбран герой Галицийской кампании генерал Иванов, который получил приказ отправиться из могилевской Ставки в Царское Село для охраны находившихся там жены и болевших корью детей Николая II. Туда же выехал сам император.

1 марта в Пскове, куда загнали императорский поезд, командующий Северным фронтом Рузский и начальник Генштаба генерал Алексеев (из Могилева) уговорили Николая II во имя успешного завершения войны отказаться от подавления восстания, согласиться с созданием ответственного перед Думой правительства. А к двум часам дня 2 марта Рузскому стали поступать инспирированные Алексеевым телеграммы от военачальников: от командующего Юго-Западным фронтом генерала Брусилова, Западным фронтом – генерала Эверта, Кавказским фронтом – великого князя Николая Николаевича, Румынским фронтом – генерала Сахарова. Все призывали царя принести жертву на алтарь Отечества и отречься. Царь сложил корону к ногам предавшего его армейского руководства, отрекшись в пользу своего брата Михаила. «В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена и трусость, и обман»[779], – написал Николай II в своем дневнике. 3 марта по настоянию большинства членов Временного правительства от престола отрекся и его брат Михаил Романов. Многовековая Российская империя прекратила свое существование.

Об эпохальных событиях революции в России Ленин узнал, собираясь после обеда в библиотеку Цюриха 2 (15) марта, от

Бронского, который кричал: «Вы ничего не знаете?! В России революция!»

«Мы пошли к озеру, там на берегу под навесом вывешивались все газеты тотчас по выходе, – помнила Крупская. – Перечитали телеграммы несколько раз. В России действительно была революция. Усиленно заработала мысль Ильича»[780]. 2 (15) марта одно письмо – Инессе Арманд: «Мы сегодня в Цюрихе в ажитации: от 15. III есть телеграмма в “Zürcher Post” и в “Neue Zürcher Zeitung”, что в России 14. III *победила* революция в Питере после 3-дневной борьбы, что у власти 12 членов Думы, а министры *все арестованы.* Коли не врут немцы, так правда… Я *вне* себя, что не могу поехать в Скандинавию!! Не прощу себе, что не рискнул ехать в 1915 г.!!»[781].

Эмиграция закипела. «Почти все побросали свои обычные занятия и целыми днями толпились в русской читальне и около нее, жадно набрасываясь на каждый свежий номер газеты или экстренный выпуск телеграммы и делясь вслух своими мыслями и предположениями насчет прочности победы и дальнейшего хода событий»[782]. С приехавшим из Берна Зиновьевым несколько часов ходили по улицам «бесцельно, находясь под впечатлением нахлынувших событий, строя всевозможные планы, поджидая новых телеграмм у подъезда “Новой цюрихской газеты”, строя догадки на основании отрывочных сведений. Но не прошло и несколько часов, как мы взяли себя в руки. *Надо ехать*!»[783].

Как относиться к Временному правительству, к Совету, к войне? Для Ленина при всей скудости информации, поступавшей в Цюрих, ситуация понятна. 3 (16) марта он пишет Коллонтай – единственному своему окошку в российский мир – в Стокгольм: «Неделя кровавых битв рабочих и Милюков + Гучков + Керенский у власти!! По “старому” европейскому шаблону… Ну что ж! Этот “первый этап первой (из порождаемых войной) революции” не будет ни последним, ни только русским. Конечно, мы останемся против защиты отечества, против империалистической бойни, руководимой Шингаревым + Керенским и К°. Все наши лозунги те же… Посмотрим, как-то партия народной свободы (ведь она в большинстве в новом министерстве, ибо Коновалов чуть даже не “полевее”, а Керенский прямо левее!) даст народу свободу, хлеб, мир… Посмотрим! Главное теперь – печать, организация рабочих в *революционную* с.-д. партию». Ленин 4 (17) марта сообщает Коллонтай, что готовит тезисы для партии, где главное «добивать реакцию, *ни тени* доверия и поддержки новому правительству (ни тени доверия Керенскому, Гвоздеву, Чхенкели, Чхеидзе и К°) и *вооруженное выжидание, вооруженная подготовка* более *широкой*

базы для более *высокого* этапа»[784].

Но у Ленина нет связи с Петроградом. Он шлет в Стокгольм 6 марта телеграмму большевикам, отъезжающим в Россию: «Наша тактика: полное недоверие, никакой поддержки новому правительству; Керенского особенно подозреваем; вооружение пролетариата – единственная гарантия; немедленные выборы в Петроградскую думу; никакого сближения с другими партиями». Но послание когда еще доберется до коллег. Ленин 7 марта садится за первое из «Писем издалека», которые в Петроград должна привезти Коллонтай. Пока же большевики в столице России продолжали обходиться своим умом. Вопреки опасениям Ленина, лозунги «Никакой поддержки Временному правительству!» и «Вся власть Советам!» прозвучали еще до того, как его идеи достигли Петрограда. Именно такой была позиция первоначальной редакции возобновившейся «Правды». Впрочем, это были не единственные лозунги, и их разделяли далеко не все в партии, которая довольно быстро разделилась на непримиримую оппозицию правительству и сторонников соглашения с ним.

Коллонтай появилась в Петрограде 13 марта. Она благополучно привезла с собой первое и второе ленинские «Письма издалека». Первое письмо, датированное 7 марта, предостерегало: «Не будем впадать в ошибку тех, кто готов воспевать теперь, подобно некоторым “окистам” или меньшевикам, колеблющимся между гвоздевщиной-потресовщиной и интернационализмом, слишком часто сбивающимся на мелкобуржуазный пацифизм, – воспевать “соглашение” рабочей партии с кадетами, “поддержку” первою вторых и т. д. Эти люди в угоду своей заученной (и совсем не марксистской) доктрине набрасывают флер на заговор англо-французских империалистов с Гучковыми и Милюковыми с целью смещения “главного вояки” Николая Романова и замены его *вояками* более энергичными, свежими, более способными».

Второе письмо – от 9 марта – носило еще более резкий характер: «Назначение же русского Луи Блана, Керенского, и призыв к поддержке нового правительства является, можно сказать, классическим образцом измены делу революции и делу пролетариата, измены именно такого рода, которые и погубили целый ряд революций XIX века, независимо от того, насколько искренни и преданны социализму руководители и сторонники подобной политики. Поддерживать правительство войны, правительство реставрации пролетариат не может и не должен»[785].

Но не тут-то было. В столицу из сибирской ссылки вернулись

Каменев, Сталин и Муралов, которые быстро – на правах действовавших членов ЦК – взяли на себя руководство большевиками. Они имели свое представление о том, что делать: поддерживать Временное правительство постольку, поскольку оно реализует принципы демократической революции. И согласились обнародовать только первое письмо Ленина с оценкой ситуации, выкинув из него всю критику Временного правительства, а второе не публиковать вовсе. Молотов в знак протеста хлопнул дверью, выйдя из редколлегии газеты и из президиума Бюро ЦК. Редкий случай, Сталин публично покается в том, что «это была глубоко ошибочная позиция, ибо она плодила пацифистские иллюзии, лила воду на мельницу оборончества и затрудняла революционное воспитание масс. Эту ошибочную позицию я разделял тогда с другими товарищами по партии и отказался от нее полностью лишь в середине апреля, присоединившись к тезисам Ленина»[786].

Пломбированный вагон

С первого известия Ленин яростно рвался в Питер, не доверяя политической зрелости своих младших товарищей. «Надо было видеть ВИ в эти дни, – замечал Харитонов. – Сказать, что это был лев, только что схваченный и посаженный в клетку, или сравнить его с орлом, которому только что срезали крылья, – все это бледно в сравнении с тем, что представлял собой ВИ в эти дни. Вся его гигантская воля в это время была сконцентрирована вокруг одной мысли: *ехать*»[787]. Попасть в Россию можно было только через Швецию. А дорога в Швецию лежала либо через Францию, Англию или Голландию, либо через Германию. В странах Антанты существовали специальные контрольные списки злостных пораженцев, которым въезд был строжайшим образом запрещен. Был в них и Ленин.

«Сон пропал у Ильича с того момента, когда пришли вести о революции, и вот по ночам строились самые невероятные планы»[788]. Первый план в письме Карпинскому 6 (19) марта: «Возьмите на свое имя бумаги на проезд во Францию и Англию, а я поеду *по ним* через Англию (*и Голландию*) в Россию. Я могу одеть парик. Фотография будет снята с *меня* уже в парике, и в Берне в консульство *я* являюсь с Вашими бумагами уже в парике. Вы тогда должны скрыться из Женевы минимум на несколько недель: … на это время Вы должны запрятаться архисерьезно в горах, где за пансион *мы за Вас заплатим, разумеется*»[789].

Он начинает через третьих лиц зондировать в английском посольстве возможность ехать через Великобританию. Результатами зондажа вновь 6 (19) марта делится с Арманд: «Я уверен, что меня арестуют или просто задержат в Англии, если я поеду под своим именем… Факт! Поэтому я не могу двигаться лично без весьма “особых” мер. В такие моменты, как теперь, надо уметь быть находчивым и авантюристом. Надо бежать к немецким консулам, выдумывать личные дела и добиваться пропуска в Копенгаген, платить адвокатам цюрихским: дам 300 frs., если достанешь пропуск у немцев. Конечно, нервы у меня взвинчены сугубо. Да еще бы! Терпеть, сидеть здесь…»[790].

Зиновьев запомнил и другие планы: «…проехать в Россию на аэроплане (не хватает малого: аэроплана, нужных для этого средств, согласия властей и т. п.), проехать в Швецию по паспортам глухонемых (увы, мы не знаем ни слова по-шведски)»[791]. Но вскоре появляется более реалистичный, но и более опасный план. На собрании коллег-эмигрантов в Берне 6 (19) марта Мартов выдвинул идею переезда застрявших в

Швейцарии российских граждан через Германию – в обмен на интернированных в России немцев. Узнав об этой инициативе, Ленин писал Карпинскому: «План Мартова хорош: за него надо хлопотать, только *мы* (и Вы) не можем делать этого. *Нас* заподозрят. Надо чтобы, кроме Мартова, беспартийные русские и патриоты – русские обратились к швейцарским министрам (и влиятельным людям, адвокатам и т. п.) с просьбой *поговорить* об этом с послом германского правительства в Берне. План, сам по себе, *очень* хорош и *очень* верен»[792].

Этим влиятельным ходатаем за русских эмигрантов стал Гримм, которому в тот момент померещилось, что впереди его ждут лавры миротворца – человека, который приведет Европу к долгожданному миру, отправив в Россию сторонников замирения. Он 10 (23) марта встретился по этому поводу с немецким посланником в Швейцарии бароном Гисбертом фон Ромбергом. Тот сразу же прислал главе германского МИДа телеграмму: как реагировать на то, что «находящиеся здесь видные революционеры желают вернуться в Россию через Германию». Артур Циммерман ответил тоже немедленно: «Поскольку в наших интересах, чтобы влияние радикального крыла русских революционеров возобладало, мне кажется желательным разрешить революционерам этот транзит»[793].

Германия связывала с Лениным, да и с другими пораженцами, которые последуют по его пути, далеко идущие планы. Решение о пропуске через ее территорию принималось на уровне высшего дипломатического и военного руководства и было санкционировано самим кайзером. Цели были очевидны. Людендорф писал: «С военной точки зрения его проезд через Германию имел свое оправдание: Россия должна была рухнуть в пропасть. Но нашему правительству нужно было следить за тем, чтобы мы не погибли вместе с ней»[794]. Высшее командование 12 (25) марта ответило в Берн: «Против транзита русских революционеров в специальном поезде с надежным эскортом оно не возражает»[795].

Русские эмигранты еще не в курсе, что их судьба уже решается в Берлине. Ганецкий в тот день получает телеграмму от Ленина: «У нас непонятная задержка. Меньшевики требуют санкции Совета рабочих депутатов. Пошлите немедленно в Финляндию или Петроград кого-нибудь договориться с Чхеидзе, насколько это возможно. Желательно мнение Беленина». Ленин 14 (27) марта выступает в цюрихском Народном доме с докладом «О задачах РСДРП в русской революции», где произносит зловещие пророческие слова: «Превращение империалистической войны в войну гражданскую *началось*… Своеобразие

исторической ситуации *данного* момента как момента *перехода* от первого этапа революции ко второму, от восстания против царизма к восстанию против буржуазии».

Ленин еще никак не решится. 15 (28) марта он телеграфирует Ганецкому: «Берлинское разрешение для меня неприемлемо. Или швейцарское правительство получит вагон до Копенгагена или русское договорится об обмене всех эмигрантов на интернированных немцев»[796]. Но вот новая вводная, о которой Мартов сообщает 17 (30) марта: «Из России ничего не приходит: теперь ясно, что милюковская банда, дав полную свободу внутри, снаружи установила “кордон” хуже прежнего. Это злит чрезвычайно, тем более что сулит большие затруднения с поездкой в Россию. Уже есть вести, что англичане “фильтруют”, пропуская одних соц. – патриотов… Мы решили, напротив, все усилия направить на то, чтобы добиться соглашения о пропуске нас через Германию в обмен на немецких гражданских пленных. И, представь, при первых же неофициальных справках (через швейцарского министра) получился ответ, что Германия пропустит всех без разбора…

Вчера у меня с Лениным и др. состоялось об этом совещание. Ленин категорически заявил: надо сейчас же принять и ехать, а если завести в Питере канитель об обмене, Милюков сорвет все предприятие. Мы ответили самым решительным образом, что это невозможно: приехать в Россию в качестве подарка, подброшенного Германией русской революции, значит, ходить перед народом с «парвусовским ореолом». Пока наш натиск, кажется, подействовал, хоть и с неудовольствием, Ленин согласился ждать переговоров… Лично большевики стали весьма любезны. И мы теперь с Зиновьевым и Лениным возобновили личные отношения»[797].

В тот же день Ленин получил телеграмму от Ганецкого. В Стокгольм из Петрограда прибыла партийный курьер М. И. Стецкевич. Она привезла послание от Русского бюро ЦК с требованием немедленного приезда Ленина в Россию, поскольку «нашим недостает руководства» и «каждый упущенный час ставит все на карту»[798]. Ленин меняет позицию и 18 (31) марта телеграфирует Гримму: «Наша партия решила безоговорочно принять предложение о проезде русских эмигрантов через Германию и тотчас же организовать эту поездку. Мы рассчитываем уже сейчас более, чем на десять участников поездки». Вечером того же дня Ленина разыскивает швейцарский социал-демократ Пауль Леви: ему только что позвонил Ромберг и сообщил о решении германского правительства разрешить проезд. Ленин и Зиновьев подписывают постановление

Заграничной коллегии ЦК РСДРП: «Предложение немедленного отъезда нами принято, и все, желающие сопровождать нас в нашем путешествии, должны записаться»[799]. Предложение адресовано всем русским эмигрантам.

В рабочем клубе «Айнтрахт» 20 марта (2 апреля) прошло собрание представителей эмигрантских центров – меньшевиков, эсеров, групп «Начало», «Вперед» и Польской партии социалистов. После выступления Ленина начался гвалт. Решение не поддерживают, признают политической ошибкой, предлагают добиться предварительного согласия либо Милюкова, либо Совета.

«Вы хотите уверить меня, что каким-нибудь клеветникам удастся сбить с толку рабочих и уверить их, будто мы, старые испытанные революционеры, действуем в угоду германского империализма. Да это курам на смех»[800], – возражает Ленин.

Он в ярости: «Я считаю сорвавших общее дело меньшевиков *мерзавцами* первой степени, «боящихся того, что скажет “общественное мнение”, *т. е.* социал-патриоты!!!». Гримм отказывается продолжать выполнять свои посреднические функции без одобрения всей затеи со стороны российского Временного правительства. Нужен новый посредник, который будет вести переговоры от имени уже не объединенного ЦК политэмигрантов в Швейцарии, а только от «группы Ленина». Выбор падает на Платтена. В его сопровождении Ленин, Крупская, Зиновьев с супругой и Радек едут в Берн. Ленин пишет Инессе Арманд: «Надеюсь, что в среду мы едем – надеюсь, вместе с Вами… Денег на поездку у нас больше, чем я думал, человек на 10–12 хватит, ибо нам *здорово* помогли товарищи в Стокгольме… Вполне возможно, что в Питере теперь *большинство* рабочих социал-патриоты… Повоюем. И война будет агитировать за нас»[801]. Деньги были от Ганецкого, который тогда работал у Парвуса.

20 марта (2 апреля) Ромбергу пришла шифровка из германского МИДа: «Согласно полученной здесь информации желательно, чтобы проезд русских революционеров через Германию состоялся как можно скорее, так как Антанта уже начала работу против этого шага в Швейцарии»[802]. Поэтому, когда Платтен на следующий день звонит немецкому посланнику, тот сразу принимает его и предлагает конкретные переговоры об условиях проезда. Их разрабатывают в ночь на 21 марта (3 апреля). Луначарский пишет жене: «Ленин произвел на меня прекрасное, даже грандиозное, хотя и трагическое, почти мрачное впечатление… Он слишком тропится ехать, и его безусловное согласие ехать при согласии одной Германии безо всякой санкции

из России я считаю ошибкой, которая может дурно отозваться на будущем его… Но Ленин – грандиозен. Какой-то тоскующий лев, отправляющийся на отчаянный бой»[803].

Платтен 22 марта (4 апреля) вновь был у фон Ромберга с текстом условий. Расскажет сам Ленин: «Он заключил точное письменное условие с германским послом в Швейцарии… Главные его пункты: «1) Едут все эмигранты без различия взглядов на войну. 2) Вагон, в котором следуют эмигранты, пользуется правом экстерриториальности, никто не имеет права входить в вагон без разрешения Платтена. Никакого контроля ни паспортов, ни багажа. 3) Едущие обязуются агитировать в России за обмен пропущенных эмигрантов на соответствующее число австро-германских интернированных»[804].

Объединенный эмигрантский ЦК в Цюрихе 22 марта (4 апреля) вновь подтверждает свою позицию, призвав «не вносить дезорганизации в дело возвращения политической эмиграции и дождаться результата шагов, предпринятых ЦК как органом политической эмиграции в целом». ЦК вновь обращается в российское посольство в Берне с официальным запросом о возможных путях попадания в Россию и получает ответ: «В настоящее время пути для проезда в Россию нет». Аксельрод, Мартов, Рязанов, Натансон, Луначарский и другие шлют телеграммы Керенскому, Чхеидзе с предложением обменять эмигрантов на немецких пленных. Ответы были отрицательными: «это произвело бы весьма печальное впечатление». Руководители Совета обещали добиться разрешения на проезд через Англию[805].

Ленин, как может, пытается страховаться от неизбежных обвинений в нелояльности или предательстве. 23 марта (5 апреля) он пишет Ганецкому: «У нас непонятная задержка. Меньшевики требуют санкции Совета рабочих депутатов. Пошлите немедленно в Финляндию или Петроград кого-нибудь договориться с Чхеидзе, насколько это возможно. Желательно мнение Беленина»[806].

Бюро большевистского ЦК в Петрограде не имело никаких иллюзий по поводу негативных последствий решения ехать через территорию главного врага, но не испытывали и никаких комплексов. Молотов замечал: «Ленин и большевики прекрасно понимали, что иногда необходимо использовать некоторые иллюзии и политическую близорукость классового врага…»[807] Бюро вновь направляет в Стокгольм Стецкевич, которой, по утверждению Шляпникова, был дан наказ: «В. И. Ленин должен проехать каким угодно путем, не стесняясь ехать через Германию, если при этом не будет личной опасности быть задержанным. Послали в Стокгольм немного денег». Ганецкому Шляпников

направляет телеграмму: «Ульянов должен приехать немедленно». «Пишу в ней без конспирации прямо о Ленине, предполагая, что и сама телеграмма, высланная из России, имеет характер документа и может пригодиться»[808]. Ганецкий и Воровский, 24 марта (6 апреля) пересылая Ленину эти телеграммы, от себя добавляли: «Просим непременно сейчас же выехать, ни с кем не считаясь»[809].

Для проезда Ленина с компанией в Россию одной воли Берлина было мало, необходимо было еще согласие Стокгольма и как минимум непротивление Петрограда. Дипломатическая битва развернулась в Швеции, где победа осталась за Германией. «Генштабисты из Берлина, германский посол, а также Гельфанд со своими беседами за политическими кулисами привели к тому, что шведы дали официальное разрешение на проезд»[810]. Разрешение на въезд Ленина в конечном счете было получено и от российского МИДа. Милюков полагал, что сами обстоятельства возвращения Ленина в России лишат его политического будущего.

Крупская рассказала: «Когда пришло письмо из Берна, что переговоры Платтена пришли к благополучному концу, что надо только подписать протокол и можно уже двигаться в Россию, Ильич моментально сорвался: «Едем с первым поездом».

В течение двух часов все было сделано: уложены книги, уничтожены письма, отобрана необходимая одежда, вещи, ликвидированы все дела». 27 марта (8 апреля) Ленин с супругой прибыли в Цюрих, откуда был назначен отъезд. Все отъезжавшие – 31 человек, включая двоих детей, собрались в ресторан «Церингерхоф». Наиболее примечательными фигурами, кроме четы Лениных, были Зиновьевы, Арманд, Сафаровы, Мариенгофы, Усиевичи, Харитонов, Линде, Цхакая, Сулиашвили, Сокольников, Радек, несколько «нашесловцев» и бундовцев. Из ресторана в половине третьего двинулись на вокзал – с баулами, подушками и одеялами. Там уже собралась группа возмущенных эмигрантов, чтобы выразить им свое презрение. Друзья Платтена и железнодорожники вытеснили протестующих с платформы. «Ни вещей у нас при посадке не спрашивали, ни паспортов. Ильич весь ушел в себя, мыслью был уже в России»[811]. Сулиашвили запомнил: «Лицо Ленина было беспокойно и угрюмо. Его глаза скрылись в ресницах. Молчал, не разговаривал»[812].

Поезд стартовал в 15.10, и первой остановкой был пограничный Тайнген, где швейцарская таможня пересчитала пассажиров и устроила полный досмотр багажа, отобрав излишки запрещенных к вывозу товаров, прежде всего шоколад. Вагон перегнали через границу на немецкую станцию Готмадинген.

«Нас ожидали немецкие офицеры, – врезалось в память Радеку. – Они указали нам зал таможни, в котором должны были пересчитать число живых “снарядов”, транспортируемых ими в Россию. Паспорта спрашивать на основе договора они не имели права. Поэтому в таможне мужчин и женщин разделили по обе стороны стола, чтобы по дороге кто-нибудь из нас не улетучился или, подменив русского большевика немецкой барышней, не оставил в Германии зародыш революции… Мы стояли молча, и чувство было очень жуткое. ВИ стоял спокойно у стены, окруженный товарищами»[813]. В зале ожидания 3-го класса накрыли ужин.

Утром 28 марта (10 апреля) подали вагон – наполовину мягкий, наполовину жесткий, – три двери которого были опечатаны пломбами. «Вагон прицепили к поезду на Франкфурт. Первое мягкое купе отдали немецким офицерам. У его дверей провели мелом жирную черту – границу “экстерриториальности”. Ни немцы, ни россияне не имели права переступать через нее. Отдельное купе дали Ленину и Крупской… Но когда дележ закончился, выяснилось, что нескольких спальных мест не хватает. Тогда для мужчин составили график очередности сна»[814]. Харитонов запомнил, что Ленин «очень много ходил взад и вперед по вагону»[815].

Крупская: «Мы смотрели в окна вагона, поражало полное отсутствие взрослых мужчин: одни женщины, подростки и дети были видны на станциях, на полях, на улицах города. Эта картина вспоминалась потом часто в первые дни приезда в Питер, когда поражало обилие солдат, заполнявших все трамваи»[816]. Действительно – немцы защищали Отечество, россияне – в том числе и благодаря ленинской пропаганде – не очень.

Утром 29 марта (11 апреля) вагон прибыл в Берлин – сначала на Потсдамский, а затем на Штеттинский вокзал. За событием следил и кайзер Вильгельм II. В тот день он писал Бетману-Гольвегу: «Эмигрантам следовало бы за проезд в качестве ответной услуги предложить выступить в России за немедленное заключение мира»[817]. Поговорить на эти темы с Лениным выразили желание немецкие социалисты, но встретили его решительный отпор. «Когда мы ехали в вагоне по Германии, то эти господа социал-шовинисты, немецкие Плехановы, лезли к нам в вагон, но мы им ответили, что ни один социалист из них к нам не войдет, а если войдут, то без большого скандала мы их не выпустим»[818].

Из Берлина вагон отправился в портовый Засниц, откуда предстояло плыть в Швецию. Путешественники предпочли не ступать на немецкую землю и переночевали в вагоне, который

поутру вкатили в трюм парома «Королева Виктория». Немецкая свита осталась на берегу. «Пароход был товарный, – писал Сулиашвили. – На палубе его помещалось два ряда товарных вагонов. Пассажирами были только мы. Рассеялись по палубе. Смотрели вдаль… Хотя пароход был большой и порядочно нагруженный, но, вследствие волнения моря, сильно качался. Было заметно, как все сдерживались, чтобы миновать морскую болезнь. Кажется, это и было причиной того, что Ленин так яростно шагал по палубе»[819].

Около шести вечера 30 марта (12 апреля) паром причалил в Треллеборге, где его встречал Ганецкий: «Горячие приветствия, вопросы, суета, крик ребят. У меня от радости слезы на глазах… Минуты нельзя терять, – через четверть часа едет поезд в Мальмё»[820]. К девяти добрались в Мальмё, где Ганецкий устроил пир горой в кафе гостиницы «Савой».

И уже в ночь на 31 марта (13 апреля) компания поездом отправляется в Стокгольм, куда благополучно прибывает в 10 утра. На Центральном вокзале ажиотаж – множество журналистов и фотокорреспондентов, встречают бургомистр столицы Карл Линдхаген, русская публика. Ленин передал прессе официальное коммюнике о поездке и ограничился кратким заявлением: «Самое важное, чтобы мы прибыли в Россию *как можно скорее*. Дорог каждый день»[821].

В Стокгольме он отправился в российское консульство, где получил официальное свидетельство о приезде всей группы эмигрантов в Россию. Создал Заграничное представительство ЦК в составе Воровского, Ганецкого и Радека, которым предстояло остаться в Швеции. О встрече просил и специально приехавший Парвус. Но Ленин предпочел с ним не видеться. «Здесь уже переменилось лицо Ленина, – помнил Сулиашвили. – Глаза блистали, он отдавал распоряжения, спешил. Просил местных товарищей, чтобы они устроили нашу поездку в тот же день. Писал телеграммы в Петроград. Послал одну телеграмму и Чхеидзе, подписанную Миха и мной, чтобы он со своей стороны принял бы все меры, чтобы нас не задержали при въезде в Россию»[822]. Цхакая в свое время принимал Чхеидзе в партию.

На сделанной в Стокгольме фотографии Ленин – с зонтиком, в шляпе, зимних ботинках и пальто, он идет делать историю… В не менее решительной манере Ленин направился в универмаг в компании Радека: «Мы купили Ильичу сапоги и начали его прельщать другими частями гардероба. Он защищался, как мог, спрашивая нас, думаем ли мы, что он собирается по приезде в Петроград открыть лавку готового платья, но все-таки мы его уломали и снабдили парой штанов»[823]. В полседьмого вечера под

звуки «Интернационала» поезд тронулся в 1000-километровый путь по железной дороге до пограничного пункта Хапаранда – одного из очень немногих окошек, оставшихся для общения России с Западом.

Там Ленин зашел в российское консульство, где получил причитавшееся каждому возвращавшемуся эмигранту пособие в 300 крон, после чего приобрел 32 билета III класса до Петрограда. Границу пересекали на санях с запряженными в них небольшими лошадками. «Помнится, это было ночью, – напишет Зиновьев. – Переезд по замерзшему заливу на санях. Длинная узенькая лента саней. На каждых из этих саночек по два человека. Напряжение достигает максимальной степени… ВИ внешне спокоен»[824]. Елена Усиевич дала Ленину свой красный платок, привязанный к лыжной палке. «ВИ высоко поднял над головой красный флаг, и через несколько минут, со звоном бубенчиков, с поднятым над головой Ленина маленьким флажком, мы въехали на русскую территорию»[825].

Но приключения на этом не кончились. В условиях развала российской правоохранительной системы границы между Швецией и Финляндией контролировали… англичане, у которых не было ни малейших оснований испытывать симпатии к Ленину. «Они были грубы и бесцеремонны… Начали с Платтена… Заявили, чтобы он под конвоем убирался назад в Хапаранду, ибо в пересечении границы ему отказано. Обыск, учиненный англичанами, носил умышленно оскорбительный характер»[826]. Вечером был подан отдельный вагон, куда погрузили всю группу, и приставили к нему конвой. Ленин успел дать телеграмму сестрам: «Приезжаем понедельник, ночью, 11. Сообщите “Правде”»[827].

«Все мы были твердо уверены, что по приезде в Петроград мы будем арестованы Милюковым и Львовым, – подтверждал Зиновьев. – Больше всех в этом уверен был ВИ. И к этому он готовил всю группу товарищей, следовавших за ним. Для большей верности мы отобрали даже у всех ехавших с нами официальные подписки в том, что они готовы пойти в тюрьму и отвечать перед любым судом за принятое решение поехать через Германию. Чем ближе к Белоострову, тем больше возрастает волнение»[828].

На броневике

Ленин считал постфевральскую Россию «самой свободной» страной в мире. Это было почти правдой, если не понимать под демократией выборы (власть пока была самозваной), соблюдение закона и элементарный порядок. За тот месяц с небольшим, что прошел после падения монархии и до приезда Ленина, страна изменилась до неузнаваемости. Было много празднеств по поводу свержения «проклятого царизма». Временное правительство – в разгар жесточайшей войны – начало реализовывать программу либеральных преобразований, сформулированную в программных установках Прогрессивного блока.

Были сняты ограничения гражданских прав, в том числе для солдат и инородцев, гарантирована свобода собраний и создания общественных организаций, отменена смертная казнь. Упразднялись каторга и ссылка, объявлялась политическая и уголовная амнистия. Были легализованы все политические партии и их издания, кроме черносотенных и правомонархических. Отменялись вероисповедные и национальные ограничения. В государственную собственность переходили кабинетные и удельные земли, ранее принадлежавшие императорской фамилии.

Действуя в твердом убеждении, что представители прежней власти по определению являются некомпетентными, антинародными и склонными к предательству элементами, Временное правительство во многом разрушило государственный аппарат России. Исчезла вертикаль исполнительной власти. 5 (18) марта Львов сделал телеграфное распоряжение о повсеместном устранении от должностей губернаторов и вице-губернаторов и замене их временно председателями губернских земских управ. Одновременно повсеместно возникли Советы, воспроизводя ситуацию двоевластия на местах. На деле же административные функции осуществляли также некие комитеты общественных организаций, куда входили и Советы, и подновленные органы земства, и профсоюзы, и все наличные партии и общественные группы. Машина местной администрации в России перестала функционировать[829].

Временное правительство уничтожило российскую правоохранительную систему. Были упразднены полиция, особые гражданские суды, охранные отделения, отдельный корпус жандармов, включая железнодорожную полицию, Высший уголовный и дисциплинарный суды. На места были разосланы инструкции о создании местным самоуправлением народной

милиции. Ее дееспособность была небольшой, кроме того, в нее в массовом порядке стали записываться криминальные авторитеты, выпущенные на волю в рамках амнистии.

Функции охраны порядка все больше приходилось брать на себя вооруженным силам, которые оказались в состоянии прогрессирующего разложения. Петроградский совет издал Приказ № 1, в котором говорилось о выборах ротных, батальонных и иных комитетов, отмене многих дисциплинарных норм воинских уставов. Первые недели после революции прошли под лозунгами очищения воинских частей от неугодных командиров, сотни из них лишились жизни. Ставший Верховным главнокомандующим генерал Алексеев информировал Гучкова: «Авторитет офицеров и начальников пал, и нет сил восстановить его»[830]. Уже в весенние месяцы 1917 года из действующей армии дезертировало около двух миллионов человек[831].

Но к моменту появления в Петрограде Ленина революционная эйфория все еще заливала столицу. В воскресенье 2 (15) апреля 1917 года Россия праздновала Пасху. Ночью шли крестные ходы, утром люди радостно христосовались. Куличи, пасха, крашеные яйца. В звенящем воздухе опьяняющей революционной свободы – ожидание Мессии.

Ранним утром в понедельник ничего не подозревавший Николай Ильич Подвойский – член исполкома ПК большевиков и председатель их военной организации (военки) – дежурил в особняке балерины Кшесинской, захваченном большевиками под свою штаб-квартиру. Вбегает Мария Ильинична с телеграммой от брата из Торнео. Ленин приезжает! Надо готовить торжественную встречу. «Ведь сегодня – Пасха, – рассуждал Подвойский. – Предприятия не работают, газеты не выходят, а многие солдаты и матросы отпущены на праздник из казарм… С минуту молчу, раздумываю о том, как организовать Ленину достойную встречу, потом предлагаю:

– Давайте выведем к вокзалу броневые машины! Надо показать ВИ, какой боевой силой уже обладает большевистская организация Питера.

Председатель большевистской ячейки броневого дивизиона Елин вздрогнул:

– За вывод боевой машины – военно-полевой суд.

– Надо пойти на это, – отвечает Подвойский, не спуская с него глаз.

Бюро ЦК и Петербургский комитет подняли на ноги все районы… Партячейка дивизиона броневиков, рискуя военным трибуналом, все-таки подогнала к бывшему царскому павильону три броневика»[832]. В порядке подготовки к встрече опубликовали

даже одно из ленинских «Писем издалека». Ожидался «разбор полетов».

Каменев, Шляпников, Раскольников, Мария Ульянова поехали встречать поезд в Белоостров. Александр Михайлович Афанасьев – сестрорецкий большевик – среди встречавших: «Мы ринулись к площадке, подхватили Ильича на руки и высоко подняли над головами… На руках мы внесли Ильича в здание вокзала и только тогда опустили на пол… Вместе с другими приехавшими из-за границы ВИ прошел в комнату, где проверялись паспорта»[833]. Мария Ильинична радовалась встрече с братом: «Его лицо светилось, он был очень возбужден. Засыпая товарищей вопросами о положении дел, он высказал в то же время опасение, что в Петрограде его, вероятно, арестуют»[834]. Шляпников: «Дружески расцеловались, поздравили их с благополучным проездом и повели в буфет. Буфетчик любезно и предупредительно отводил места гостям, а когда кончили есть и пить, не захотел принять от меня деньги»[835]. Поехали дальше. Вспоминал Раскольников: «Едва войдя в купе и усевшись на диван, Владимир Ильич тотчас накидывается на т. Каменева:

– Что у вас пишется в “Правде”? Мы видели несколько номеров и здорово вас ругали… – слышится отечески журчащий голос Ильича, от которого никогда не бывает обидно. Поезд тем временем незаметно подходит к Питеру. Вот наш вагон уже втянулся под навесы длинных пассажирских платформ. Вдоль этой платформы, к которой подходит наш поезд, по обеим ее сторонам, оставляя широкий проход в середине, выстроились матросы 2-го Балтийского флотского экипажа»[836]. В 23.10 раздались паровозный гудок и команда: «На караул!»

Вот он, Старик, делу которого большевики посвятили свои жизни. Старику, правда, не исполнилось еще и 47 лет. Все, что он делал, говорил, писал до этого момента для судеб России, по большому счету, значения не имело: его идеями заражена крошечная – в 8 тысяч членов – партия. Его влияние, как мы скоро увидим, не распространяется даже на эти 8 тысяч. Кто-то в интеллигентской и сознательной пролетарской публике о нем слышал, но страна не знает, кто это такой. «Еще ни разу не стоявший перед толпой, еще ни разу не показавший рукой движения массам…»[837] – метко замечал Солженицын.

С перрона под звуки «Марсельезы» Ленина провели в парадную комнату, где от имени Совета его встречали Чхеидзе и Скобелев. Там же меньшевик Николай Николаевич Суханов (Гиммер): «Во главе небольшой кучки людей, за которыми немедленно снова захлопнулась дверь, в “царскую” комнату вошел или, пожалуй, вбежал Ленин, в круглой шляпе, с иззябшим

лицом и роскошным букетом в руках. Добежав до середины комнаты, он остановился перед Чхеидзе, как будто натолкнувшись на совершенно неожиданное препятствие.

– Мы полагаем, что главной задачей революционной демократии является сейчас защита революции от всяких на нее посягательств как изнутри, так и извне, – приветствует Чхеидзе. – Мы полагаем, что для этой цели необходимо не разъединение, а сплочение рядов всей демократии…

Ленин, видимо, хорошо знал, как отнестись ко всему этому. Он стоял с таким видом, как будто все происходящее ни в малейшей степени его не касалось: осматривался по сторонам, разглядывал окружающие лица и даже потолок “царской” комнаты, поправлял свой букет, довольно слабо гармонировавший со всей его фигурой»[838]. От ЦК и ПК большевиков несколько слов сказали Шляпников и Коллонтай. Когда приветствия иссякли, Ленин заявил, что пора кончать разговоры о революции, ее пора делать: «Завязалась смертельная борьба! Самую гнусную роль в этой схватке пролетариата с буржуазией играют всевозможные социал-предатели, прихвостни буржуазии. Рабочему классу с ними не по пути»[839].

Чхеидзе и Скобелев с побледневшими лицами сочли за лучшее ретироваться. На площадь. Ленин – в неведомой стихии. Но ему быстро сообщается энергетика толпы. «Ленин вместе со встречавшими его большевиками быстро оказался среди восторженно приветствовавших его рабочих, – наблюдал Молотов. – Прошло каких-то несколько минут, и Ленин на руках был поднят на один из броневиков, прибывших волей революционных солдат на большую площадь перед Финляндским вокзалом. Памятное зрелище! Был поздний ночной час. Кругом темно. Мрак прорезывает несколько прожекторов, прибывших вместе с броневиками. Прожекторы освещают площадь, на которой тысячи питерских рабочих и солдат радостно приветствуют ВИ, стоящего на броневике»[840]. Броневик с Лениным наверху двинулся медленно сквозь толпу. Второй час ночи. Народ, привлеченный небывалым зрелищем, высыпал на улицы, свисал с подоконников. Броневик ехал долго, с многочисленными остановками для очередной речи, которая заканчивалась неизменным: «Да здравствует социалистическая революция!»

Когда процессия приблизилась к дворцу Кшесинской, ее выхватили прожектора с Петропавловской крепости и провожали до самого подъезда. Подобного шоу Петроград еще не видел.

На руках Ленина внесли во дворец, где на втором этаже был накрыт стол, солдаты-броневики раздобыли спиртного. За

столом, как говорил Молотов, собралось человек 45, Подвойский пишет – 60. Весь наличный актив большевиков. Выпили за встречу, закусили, но поговорить никак не получалось. У дома продолжала неистовствовать толпа, и Ленину приходилось выходить к народу и говорить все новые речи. Когда толпа начала редеть, решили, что выступать могут и другие. Спустились в выдержанный в антично-греческом стиле, облицованный мрамором белый зал с видом на Петропавловку в огромных зеркальных окнах. Колонны, золоченые карнизы и люстры, выбитые по мрамору гирлянды цветов, живые пальмы вдоль стен.

Посреди остатков утонченной роскоши 2–3 сотни людей в шинелях, рабочих пиджаках с благоговейным трепетом ждали откровения вождя. Начал он со своих приключений на пути в Россию, а закончил тем, что зачитал набросанную от руки страничку текста.

«Апрельские тезисы» должен был знать наизусть каждый советский старшеклассник и студент: никакой поддержки идущей войне; переход ко второму этапу революции, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства; никакой поддержки Временному правительству; постепенный переход всей государственной власти Советам; не парламентская республика, а республика Советов снизу доверху, устранение полиции, армии, чиновничества; конфискация помещичьих земель; слияние всех банков в один общенациональный банк под контролем Совета; контроль со стороны Совета за общественным производством и распределением продуктов; изменение названия партии и ее программы; созыв нового, революционного Интернационала.

Всего через месяц после свержения царизма Ленин выносил смертный приговор правительству и строю, пришедшим ему на смену. «Казалось, из своих логовищ поднялись все стихии, и дух всесокрушения, не ведая ни преград, ни сомнений, ни людских трудностей, ни людских расчетов, носится по зале Кшесинской над головами зачарованных учеников, – запишет в духе мистерии вездесущий Суханов. – Ощущение было такое, будто бы в эту ночь меня колотили по голове цепами. Ясно было только одно: нет, с Лениным мне, дикому, не по дороге!» [841]. Расходились в шоке. Многие ворчали, что Старик, давно не бывавший на родине, совсем оторвался от российской действительности.

А Ленин меж тем по опустевшим улицам отправился пешком, в компании провожавших, домой к сестре Анне Ильиничне. Она обитала неподалеку, в получасе ходьбы – на улице Широкой в шестиэтажном модерновом доме, – с мужем, 11-летним приемным сыном Георгием (Горой), а также Марией Ильиничной.

В комнате, где положили Ленина с супругой, над двумя кроватями висел вырезанный из бумаги транспарант «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» с серпом и молотом – работа Горы. «Мы почти не говорили с Ильичем в ту ночь – не было ведь слов, чтобы выразить пережитое, но и без слов было все понятно. Когда мы остались одни, Ильич обвел комнату глазами, это была типичная комната петербургской квартиры, почувствовалась реальность того факта, что мы уже в Питере, что все эти Парижи, Женевы, Берны, Цюрихи – это уже действительно прошлое»[842].

Слегка припоздав – по дороге заехали на Волково кладбище, поклониться могилам матери Ленина и сестры Ольги, – но в полной боевой форме с утра 4 апреля Ленин был уже в Таврическом дворце, где в одной из комнат собралось 60–70 человек. Продолжало свои заседания Всероссийское совещание большевиков, которое к тому моменту – ни много ни мало – уже приняло решение об объединении большевиков с меньшевиками. Как только он появился, хор оваций. Ленин дождался тишины и на хорошем подъеме начал забивать гвозди «Апрельских тезисов». «Единственное, что я мог сделать для облегчения работы себе и *добросовестным* оппонентам, было изготовление *письменных* тезисов, – объяснит Ленин. – …Читал я их очень медленно и *дважды*: сначала на собрании большевиков, потом на собрании и большевиков, и меньшевиков».

«Даже наши большевики обнаруживают доверчивость к правительству, – возмущался Ленин. – Объяснить это можно только угаром революции. Это – гибель социализма… Если так, нам не по пути. Пусть лучше останусь в меньшинстве»[843].

«Публика наша как-то растерялась в первые минуты»[844], – записала Крупская. Прения готовы были разразиться со всей страстью, но президиум, где уже властвовал Зиновьев, их прервал. Большевики опаздывали на ранее запланированное объединительное совещание с меньшевиками.

К Ленину подошли Каменев и московская делегация и стали умолять его отказаться от выступления, чтобы не вносить раскол в ряды социал-демократии. Ленин молча выслушал и быстро спустился по лестнице вниз в зал, где еще недавно заседала Государственная дума. Появления Ленина с нетерпением ждали. Собралось 117 человек: 50 большевиков, 47 меньшевиков, 17 нефракционников, 3 представителя национальных партий – вся элита российской социал-демократии, уже готовая объединиться в едином порыве. Заседание уже шло, начавшись выступлениями Чхеидзе, Церетели, Войтинского, которые доказывали необходимость объединения рядов РСДРП. Появившегося Ленина сразу же пригласили выступить. С видимой неохотой он поднялся

на трибуну и хладнокровно повторил свои тезисы, по ходу дела обличая «социал-соглашателей» в том, что они являются лакеями буржуазии и ее агентурой в рядах рабочего класса.

Естественно, что меньшевики, пришедшие не для того, чтобы выслушивать нотации, устроили Ленину обструкцию. «Трудно передать, что поднялось в зале, – вспоминала Феодосия Ильинична Драбкина. – Меньшевики повскакали с мест, кричали, стучали по пюпитрам, многие кинулись со сжатыми кулаками к кафедре, где стоял ВИ. Большевики кинулись на защиту Ленина и старались перекрыть поднявшийся шум аплодисментами»[845]. Контратаку начал Церетели: «Народные массы не подготовлены к пониманию таких мер, которые предлагает товарищ Ленин. Даже если русские рабочие захватят власть, то через 3–4 дня крах неизбежен, а он приведет к поражению революции в России и в Европе».

«Тезисы – это удар по единству и похороны партии», – утверждал Дан.

И так далее. «Ленин покинул зал, не воспользовавшись правом заключительного слова и уведя за собой своих сторонников»[846]. Чхеидзе подвел итог в заключительном слове: «Вне революции останется один Ленин, а мы все пойдем своим путем»[847].

Всероссийское совещание Советов в отсутствие большевиков избрало новый состав Исполкома Петросовета. Был одобрен курс Временного правительства на продолжение участия страны в войне при условии «отказа от захватных стремлений». Лидерам меньшевиков Ленин ответит всем сразу, сначала коротко: «Я бы назвал это “бредовыми” выражениями, если бы десятилетия политической борьбы не приучили меня смотреть на добропорядочность оппонентов, как на редкое исключение»[848].

Разругавшись с меньшевиками, Ленин в тот же день вместе с Зиновьевым и Шляпниковым явился на заседание Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов, требуя от него принять резолюцию, одобряющую обмен через Германию политических эмигрантов на немецких военнопленных. Это могло задним числом снять хоть часть возможных обвинений за сотрудничество с врагом. Но полного понимания не встретили. Тем не менее Исполком постановил «возбудить перед правительством вопрос о политической эмиграции, не принимать пока резолюции, касающейся проезда через Германию, напечатать все относящиеся к данному вопросу фактические материалы и в ближайшем № “Известий” поместить заметку о сделанном тов. Лениным докладе в день приезда, об обстоятельствах проезда через Германию»[849].

Приезд Ленина взорвал и без того накаленную политическую обстановку, смешал все ранее сданные карты. Причем поначалу казалось, что главными пострадавшими окажутся сами большевики, которые оказались на острие критики по поводу «запломбированного вагона», и сам Ленин, не встретивший на первых порах поддержки своим радикальным идеям даже в собственной партии.

Крупская запомнила: «Против нашего дома был какой-то двор – вот откроешь ночью окно и слушаешь горячие споры. Сидит солдат, около него постоянно кто-нибудь – кухарки, горничные соседних домов, какая-то молодежь. В час ночи доносятся отдельные слова: большевики, меньшевики… в три часа: Милюков, большевики… в пять часов – все то же, политика, митингование… Его травили все сильнее и сильнее. Идешь по Петербургской стороне и слышишь, как какие-то домохозяйки толкуют:

– И что с этим Лениным, приехавшим из Германии, делать? В колодези его, что ли, утопить»[850].

Послы западных стран обеспокоились прибытием Ленина. «Однако, – пишет историк, – его взгляды показались им до такой степени странными, что поначалу они склонились к тому, чтобы не принимать его во внимание как безвредного безумца». Британский посол Бьюкенен говорил о Ленине как об “антихристе”, а Фрэнсис телеграфировал в Вашингтон, что “крайний социалист или анархист по имени Ленин произносит жестокие речи и таким образом усиливает правительство; пока ему намеренно предоставляется возможность выступать, но в свое время он будет выслан” [851]. Более адекватно воспринял происшедшее французский посол Морис Палеолог, который 5 (18) апреля пишет в дневник: «Милюков говорит мне сегодня утром с сияющим видом:

– Ленин вчера совершенно провалился в Совете. Он защищал тезисы пацифизма с такой резкостью, с такой бесцеремонностью, с такой бестактностью, что вынужден был замолчать и уйти освистанным… Уже он теперь не оправится.

Я ему отвечаю на русский манер:

– Дай Бог!

Но я боюсь, что Милюков лишний раз окажется жертвой своего оптимизма. В самом деле, приезд Ленина представляется мне самым опасным испытанием, которому может подвергнуться русская Революция». Через пару дней Палеолог добавит: «Утопист и фанатик, пророк и метафизик, чуждый представлению о невозможном и абсурдном, недоступный никакому чувству справедливости и жалости, жестокий и коварный, безумно

гордый, Ленин отдает на службу своим мессианистическим мечтам смелую и холодную волю, неумолимую логику, необыкновенную силу убеждения и уменье повелевать… Субъект тем более опасен, что говорят, будто он целомудрен, умерен, аскет. В нем есть, – каким я его себе представляю, – черты Саванароллы, Марата, Бланки и Бакунина»[852].

Позднее Бьюкенен тоже прозрел и доказывал Милюкову, что Россия проиграет войну, если Ленину будет позволено «агитировать солдат дезертировать, захватывать землю и убивать». Милюков отвечал, что правительство выжидает психологически выигрышного момента для ареста Ленина, который уже недалек[853]. За Лениным была установлена слежка со стороны контрразведки.

И особо он до поры не скрывался. Позднее даже прессе станет известно: «Ленин жил у мужа своей сестры на Широкой улице, в д. № 48, кв. 24. Поселился Ленин в квартире сестры своей А. И. Елизаровой 8-го апреля текущего года. Зять Ленина, отставной коллежский секретарь Марк Тимофеевич Елизаров – директор одного из богатых пароходных обществ “Волга”… Квартира состоит из пяти комнат. В семье живет также другая незамужняя сестра Ленина, по паспорту Ульянова, 39 лет»[854]. Эта квартира до июля была для Ленина домом. «Квартира была наполнена всякими безделушками – зеркалами, веерами, скульптурками, которые Марк Тимофеевич привез из своего эпичного – через Японию и Индонезию – путешествия десятилетней давности. Сама Анна Ильинична ходила дома в настоящем японском кимоно…» Ленин же в качестве повседневной одежды до июля носил «полувоенный френч из зеленого сукна “с тиснеными кожаными пуговицами, похожими на футбольные мячики”, и зеленые же брюки… Он устраивал с одиннадцатилетним Горой “шумные игры”: бегал за мальчиком по комнатам, топая своими альпийскими, “с толстенными подошвами” ботинками и сшибая стулья»[855].

Как свидетельствовала Анна Ильинична, квартира была еще и партийным штабом Ленина, «очень много товарищей к нему приходило туда, очень много было разговоров… Жизнь пошла очень сутолочная, очень горячая, каждый день сидели в “Правде”, где я с ним работала. Народу бывало очень много. Он ездил на собрания»[856].

Большевики в начале апреля являли зрелище расколотой, дезорганизованной силы. Поддержавшие Ленина с его «Апрельскими тезисами» сразу были скорее исключением, чем правилом. «Правда» не решилась публиковать «Апрельские

тезисы». Бюро ЦК 6 (19) апреля вынесло по ним отрицательную резолюцию. Однако отказать Ленину и Зиновьеву во вхождении в состав редколлегии «Правды» было невозможно. 7-го «Тезисы» были напечатаны, но в сопровождении редакционных комментариев Каменева, где говорилось, что партия продолжает руководствоваться принятыми еще до приезда Ленина решениями Всероссийского совещания большевиков, отстаивая их «как от разлагающего влияния “революционного оборончества”, так и от критики т. Ленина». В тот же день Петербургский комитет большевиков тринадцатью голосами против двух и при одном воздержавшемся отверг «Тезисы». Не лучше была реакция региональных парторганизаций.

Но Ленина это не смущало. Отбиваясь каждый день через «Правду» от нараставших волн критики, он жестко и яростно собирал партию. Большевик Федор Никитич Самойлов, возглавлявший Иваново-Вознесенский Совет, запомнил заседание ЦК в первые дни после приезда Ленина в Москву, когда «он был подобен грозному урагану и, быстро ходя взад и вперед по комнате, что называется, метал громы и молнии. Смысл его речи сводился приблизительно к тому, чтобы удержать его за фалды никому не придется, что грядущие события этого не позволят сделать, что пролетариат должен стать у власти и станет вопреки всем желающим удержать его от этого»[857].

Прямо полемизируя с Каменевым в «Письмах о тактике», Ленин утверждал, отталкиваясь от опыта Парижской коммуны: «Коммуна, к сожалению, слишком медлила с введением социализма. Действительная суть Коммуны не в том, где ее ищут обычно буржуа, а в создании особого типа *государства.* А такое государство *уже* родилось, это и есть Советы рабочих и солдатских депутатов!»

Девятого апреля Ленин публикует статью «О двоевластии»: «Коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве… Надо ли тотчас свергнуть Временное правительство? Отвечаю: 1) его надо свергнуть – ибо оно олигархическое, буржуазное, а не общенародное, оно не *может* дать ни мира, ни хлеба, ни полной свободы; 2) его нельзя сейчас свергнуть, ибо оно держится прямым и косвенным, формальным и фактическим *соглашением* с Советами рабочих депутатов и главным Советом, Питерским, прежде всего; 3) его вообще нельзя “свергнуть” обычным способом, ибо оно опирается на “*поддержку”* буржуазии *вторым* правительством…» Нужна борьба за революционные Советы.

Ленин 12 (25) апреля сообщал Карпинскому: «Атмосфера здесь – бешеная травля буржуазии против нас. Среди рабочих и

солдат – сочувствие. Среди социал-демократов победа “революционного оборончества” (теперь-де есть что защищать, республику против Вильгельма). Чхеидзе и К°, Стеклов (вожди Совета рабочих и солдатских депутатов в Питере) вполне скатились к революционному оборончеству. Чхеидзе в блоке с Потресовым. Все воюют и вопят за “единство” всей РСДРП. Мы, конечно, против». Тогда же Ганецкому и Радеку: «Буржуазия (+Плеханов) бешено травят нас за проезд через Германию. Пытаются натравить солдат. Пока не удается: есть сторонники и верные… Надеемся вполне выправить линию “Правды”, колебнувшейся к “каутскианству”»[858].

Встречи с партийным активом – в квартире на Широкой, у Стасовой, в редакции «Правды», помещении ПК – шли не переставая. 15 апреля тиражом в 50 тысяч экземпляров вышел первый номер газеты «Солдатская правда», органа Военной организации, которая изначально поддержала Ленина[859]. Сразу ставший благодаря своему театральному возвращению и обширной прессе «примой» российской политики, Ленин не упускал случая выступать на митингах, а у дворца Кшесинской они не прекращались ни на минуту. Неподалеку стоял и деревянный цирк «Модерн», в котором почти каждый вечер также проходили большевистские митинги. Ленин завораживающе воздействовал на солдатские и рабочие аудитории. Один из лидеров Военки, Невский, описывал солдатский митинг:

«Товарищи, здесь Ленин, он просит дать слово вне очереди.

– Дать, дать! Изменник, предатель! Позор! Позор! Дать! Дать! Слово ему! Позор! Дать! Слово ему! Ленин! Ленин!..

– Я Ленин, – начал ВИ, и гробовое молчание воцарилось среди всей этой массы, только что шумевшей и недовольной.

ВИ говорил недолго, минут тридцать, не больше, но уже минут через пять можно было слышать полет мухи – такое молчание воцарилось в огромном манеже. Солдаты и все мы стояли как прикованные. Что-то неуловимое пролетало по собранию, какая-то непонятная могучая сила сковала его, а между тем слова были так просты, так обыденны, речь была так суха, обороты так обыкновенны, как в жизни, – без украшений, без метафор, без пышный сравнений. И вместе с тем какое-то чудо совершилось с толпой, – она напряженно, с каким-то сверхъестественным вниманием слушала эти простые слова, еще плотнее придвинулась к трибуне…

ВИ умолк. Несколько мгновений продолжалось все то же гробовое молчание, толпа стояла все той же немой, покорной силой… Возник какой-то хаос: единодушный крик, рев, стон затопили манеж, и вся масса людей ринулась к трибуне, и не

успели мы прийти в себя, как ВИ был в руках бушующей толпы. Ужас охватил меня, когда ВИ то показывался над толпой, то исчезал в ней, медленно продвигаясь к выходу в кипящих волнах людей. Ленина вынесли на руках и, несмотря на наши просьбы и увещания, долго еще несли рядом с автомобилем, который медленно отъезжал от манежа…»[860].

Ленин поощрял любую тенденцию к разрушению действовавшей власти. Он призывал население к гражданскому неповиновению, армию – к неподчинению командованию, рабочих – к установлению контроля над фабриками, крестьян – к захвату частных земель. «Слушая первые ленинские речи, я недоумевал, – делился своими личными ощущениями Степун, – он говорил изумительно убедительно, но и изумительно бессмысленно. Основною чертою психологии и идеологии его речей была не простота (настоящая простота внутренне всегда сложна), а какое-то ухарски-злостное упрощенчество. Его непобедимость заключалась не в последнюю очередь в том, что он творил свое дело не столько в интересах народа, сколько в духе народа, не столько для и ради народа, сколько вместе с народом, то есть созвучно с народным пониманием и ощущением революции как стихии, как бунта…»[861]. Войтинский завидовал, как Ленину удавалось ловить «в насыщенном грозой воздухе те лозунги, которые могли бы стать громовой стрелой его воли»[862].

Против «старых большевиков» Ленин искал и находил опору в молодой партийной поросли, в радикальных рабочих лидерах. Первой организацией, которая его полностью поддержала, стал влиятельный большевистский комитет Выборгской стороны. Там, равно как и у дворца Кшесинской, было опасно выступить с речью против Ленина – тащили в участок по обвинению в черносотенстве. В центре города нельзя было защищать Ленина – вели туда же, обвиняя в государственной измене. Взрывная поляризации общества, в центре которой стояла фигура Ленина, заставляла большевистских лидеров самоопределяться. «Были ли у партии тогда разногласия с Лениным? Да, были, – напишет Сталин. – Как долго длились разногласия? Не более двух недель»[863].

Перелом наступил на открывшейся 14 апреля Петроградской общегородской конференции РСДРП(б). Левый фланг партии уже доминировал. Председателем конференции был Зиновьев, товарищами председателя – радикалы из ПК Молотов и Николай Петрович Глебов-Авилов. Ленин, избранный почетным председателем, сразу взял быка за рога: «Буржуазная революция в России закончена, поскольку власть оказалась в руках буржуазии. Здесь “старые большевики” опровергают: “Она не закончена – нет

диктатуры пролетариата и крестьян”. Но Совет р. и с. депутатов и есть диктатура… Временное правительство должно быть свергнуто, – не все правильно это понимают. Если власть Временного правительства опирается на Совет рабочих депутатов, то свергнуть его “просто” нельзя. Его можно и должно свергнуть, завоевывая большинство в Советах».

Оппоненты Ленина были уже в меньшинстве – Каменев, Косиор, Калинин, Петриковский, пожалуй, все. Ленин беспощаден: «Товарищ Каменев переходит на политику Чхеидзе и Стеклова»[864].

Резолюция, несмотря на возражения Каменева, вышла в полном соответствии с «Апрельскими тезисами».

18 апреля (1 мая) партконференция взяла паузу. Большевики вывели на улицы Петрограда сотни тысяч людей, чтобы впервые отпраздновать Первомай по еще не введенному новому стилю – со всем мировым пролетариатом. Ленин шел в первых рядах колонны Выборгского района. Толпы заполнили Марсово поле, Исаакиевскую, Дворцовую и другие площади. Большевики производили первый смотр своим силам.

Выдающийся художник – «мирискусник» Александр Бенуа вышел прогуляться. «На Марсовом поле ряд митингов (с кучками публики в 200–300 человек вокруг каждого оркестра) и десятки малюсеньких спорящих кружков. Основная тема – Ленин. В большинстве случаев происходит его защита от обвинений в подкупе Вильгельмом, но с оттенками, что с ним-де мы все же согласны не до конца… Зато омерзительны все выпады буржуа разных толков… Гнуснейший огонек паники в глазах, пена бешенства у рта, и при этом, разумеется, всякие громкие фразы и непременно призывы к *расправе*…»[865].

Двадцатого апреля публикуется оборонческая нота Милюкова. Ленин в восторге: «Карты раскрыты… Союз с английскими и французскими банкирами священен… *Кто* заключал этот союз с “нашими” союзниками, т. е. с англо-французскими миллиардерами? Царь, Распутин, царская шайка, конечно. Но для Милюкова и К° договор этот – святыня». В столице начались массовые выступления протеста.

Версия многих тогдашних противников большевиков: 20–21 апреля Ленин попытался осуществить вооруженный захват власти. Каноническая советская версия: мирные манифестации большевиков против ноты Милюкова власти пытались потопить в крови… Ленин засвидетельствует уже 24 апреля (7 мая): «Это была попытка прибегнуть к насильственным мерам. Мы не знали, сильно ли масса в этот тревожный момент колебнулась в нашу сторону, и вопрос был бы другой, если бы она колебнулась

сильно. Мы дали лозунг мирных демонстраций, а некоторые товарищи из Петербургского комитета дали лозунг иной, который мы аннулировали, но задержать не успели, масса пошла за лозунгом ПК»[866].

Провластные силы в ответ устроили мощную патриотическую и антибольшевистскую манифестацию. Мария Ильинична рассказывала, что Ленин был в редакции «Правды», которая располагалась на Мойке у самого Невского проспекта. «Прибежал кто-то из товарищей и убедил его уехать оттуда – враждебная манифестация была у самой редакции. На извозчике, в сопровождении солдата с винтовкой, ВИ уехал из редакции на квартиру одного знакомого на Невском, 3. В этой квартире было несколько комнатных жильцов. Когда ВИ вошел в прихожую, ему навстречу выбежали две барышни и, не узнав его (в комнате был полумрак), направились к выходной двери с возгласом:

– Идем бить Ленина»[867].

Благоразумно отсидевшись вместе с другими большевистскими лидерами по домам, Ленин 22 апреля увел свои силы с улиц. Полагаю, в те дни он не собирался брать власть. Ленин впервые испытывал ее на прочность. Годом позже на VII съезде партии он позволит себе большую откровенность: «События 20–21 апреля – своеобразное сочетание демонстрации с чем-то вроде вооруженного восстания»[868].

У Ленина новые неотложные дела – апрельская конференция большевиков. Мария Михайловна Костеловская была делегатом от Москвы: «В зал, где происходила регистрация вновь прибывающих, трудно было протискаться. Ильич сидел в дальнем углу с записной книжкой. Вид у него был озабоченный. Он зорко оглядывал всех вновь прибывающих и делал у себя в книжечке отметки… Верных голосов, очевидно, было мало, он их считал и записывал… Положение было весьма неопределенное. Но вот приехали уральцы с Я. М. Свердловым во главе… С их приездом сразу повеселело. Они стали организующим центром на конференции и подтянули к себе всех одиночек-ленинцев из всех других делегаций»[869].

Большинство уже с ним. Рассказывал будущий член ПБ Андрей Андреевич Андреев: «Многие, чтобы поближе увидеть Ленина, бросились к дверям и в коридор. Ленин, окруженный делегатами, на ходу разговаривал с ними; видимо, очень довольный, улыбающийся, под приветствия и аплодисменты он вошел в зал. Послышались голоса: “Ленину открыть конференцию”, – и В. И. Ленин прошел к столу президиума… Помню, никакой трибуны для оратора не было, а говорил Ленин, просто выйдя из-за стола президиума»[870].

Ленин – докладчик по всем важным вопросам повестки дня, активный участник прений, автор большинства резолюций. Гопнер – делегат от Украины – замечала: «Ленин выступил на конференции больше 20 раз. Между 20 и 24 апреля он ежедневно помещал в “Правде” от 3 до 7 статей (или проектов резолюций) на разные темы. Все время в перерывах за ним ходили группами делегаты, жаждавшие беседы с ним»[871]. Но практически по каждому вопросу Ленину приходилось сталкиваться с противодействием, которое не всегда удавалось преодолевать.

В заглавном докладе Ленин, по сути, в очередной раз повторил «Апрельские тезисы». В качестве ближайшей задачи партии выдвинул лозунг: «Вся власть Советам!» Каменев выступал с содокладом от имени правой оппозиции, которую, кроме него, представляли Ногин, Рыков, Смидович и другие. Ленина обвинили в авантюризме в связи с событиями 20 апреля. Предлагали ужесточить контроль за Временным правительством, но не посягать на его власть. Ленин звучит и решительно, и примирительно: «Меньшевики и К° треплют слово «авантюризм», но вот у них-то действительно не было ни организации и не было никакой линии. У нас есть организация и есть линия. В тот момент буржуазия мобилизовала все силы, центр прятался. А мы организовали мирную демонстрацию… Теперь насчет контроля… Мы на контроль не пойдем. Довод: контроль без власти есть пустейшая фраза!.. Если я напишу бумажку или резолюцию, то они напишут контррезолюцию».

При этом выявилась и оппозиция Ленину слева – Бубнов, Георгий Ипполитович Оппоков (Ломов) и Сокольников, которые настаивали на немедленном решении задач социалистической революции. Но и правые, и левые на конференции быстро увяли, не выдержав ленинского напора и воздержавшись при голосовании основной резолюции – о войне: «Эту войну можно окончить демократическим миром *только* посредством перехода всей государственной власти по крайней мере нескольких воюющих стран в руки класса пролетариев и полупролетариев, который действительно способен положить конец гнету капитала»[872].

Встал вопрос о том, оставаться ли большевистской партии в Циммервальдском объединении или порвать с ним и создать новый Интернационал. Зиновьев предлагал остаться, Ленин назвал эту тактику «архиоппортунистической и вредной»[873]. Но победа была за Зиновьевым. Более того, за предложение Ленина проголосовал всего один делегат – он сам. Однако по аграрному вопросу была принята ленинская резолюция. Партия выступала за немедленную и полную конфискацию всех помещичьих земель в

России (а также удельных, церковных, кабинетных); немедленный переход всех земель в руки крестьянства, организованного в Советы крестьянских депутатов; национализацию всех земель в государстве с последующей передачей права распоряжения землей в руки местных демократических учреждений[874].

Итог Апрельской конференции – Ленин почти собрал свою партию под свои знамена.

Есть такая партия

Правительственные кризисы в 1917 году следовали один за другим. «Два месяца – вот почти точно тот срок, на который вновь организовавшемуся правительству удавалось удержать над страной власть, становившуюся все более и более номинальной и фиктивной»[875], – отмечал Милюков. В начале мая он подал в отставку вместе с Гучковым, оказавшимся бессильным изменить «условия, угрожающие роковыми последствиями для свободы, безопасности, самого существования России». Во главе кабинета, где половину портфелей получили министры-социалисты, остался князь Львов, но реальное руководство сосредоточивалось в руках 35-летнего военного и морского министра Керенского и нового министра иностранных дел Терещенко. Большевиков создание коалиционного правительства – с участием социалистов – устроило. Они оказались в роли единственной партии оппозиции, «стражей революции», и поэтому любые неудачи кабинета вели большевиков к власти. «Перемена лиц ни к чему не приведет, надо переменить *политику,* – уверял Ленин. – Надо, чтобы у власти стал другой класс».

Во второй половине мая основные события разворачивались на съезде Советов крестьянских депутатов, где доминировали эсеры. Большевики требуют предоставить время Ленину для отдельного доклада. Долгие переговоры с Авксентьевым, и вот 22 мая вождь большевиков появляется на съезде.

«Мы хотим, – уверял Ленин, – чтобы сейчас, не теряя ни одного месяца, ни одной недели, ни одного дня, крестьяне получили помещичьи земли!.. Помещичья собственность была и остается величайшей несправедливостью. Бесплатное владение крестьянами этой землей, если владение это будет по большинству, не есть самоуправство, а есть восстановление права… Собственность на землю должна быть общенародной, и установить ее должна общегосударственная власть»[876].

Питирим Сорокин не впечатлен: «В лице этого человека было нечто, напоминавшее религиозных фанатиков-староверов. Он плохой и скучный оратор… Его речь была принята холодно, сам он, его личность вызывали враждебность аудитории, и после выступления он ушел в явном замешательстве»[877]. Тем не менее Ленин внес большую сумятицу в работу съезда. Согласовать окончательную резолюцию долго не получалась.

В мае в Россию вернулся Троцкий, тоже восторженно встреченный трудящимися и засветившийся на митингах. Появление столь яркого актера на революционных подмостках

заставило Ленина протянуть ему руку примирения. Лидер большевиков в компании Зиновьева и Каменева явился 10 мая на городскую конференцию межрайонцев Троцкого, предлагая им вступить в РСДРП(б) немедленно. Троцкий не соглашался ни на что иное, кроме слияния двух организаций в рамках новой партии. Немедленного объединения не состоялось. По большому счету, альянс с межрайонцами был предрешен: у них была слишком слабая организация, чтобы удовлетворить амбиции их лидера. В июле они вольются в большевистскую партию.

I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов заседал три недели в здании Кадетского корпуса на Васильевском острове. У большевиков было лишь около 10 % мандатов. На открытии основным докладчиком выступал Церетели. Давая отпор противникам Временного правительства, он заявил: «В настоящий момент в России нет политической партии, которая говорила бы: дайте в наши руки власть, уйдите, мы займем ваше место»[878].

Ленин выступал следующим и отталкивался от речи Церетели: «Он говорил, что нет в России политической партии, которая выразила бы готовность взять власть целиком на себя. Я отвечаю: «Есть!» Ни одна партия от этого отказываться не может, и наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком (*Аплодисменты, смех*)».

«Содержание ленинской речи произвело на всех присутствующих, не исключая и некоторых большевиков, впечатление какой-то грандиозной нелепицы, – замечал Степун. – Тем не менее его выступление всех напрягло и захватило»[879]. Ленин ответил на упреки в отсутствии программы и произнес слова, вызвавшие наибольший резонанс и наиболее жесткую критику: «Наша программа по отношению к экономическому кризису состоит в том, чтобы немедленно – для этого не нужно никаких оттяжек – потребовать публикации всех тех неслыханных прибылей, достигающих 500–800 процентов, которые капиталисты берут по военным поставкам… Опубликуйте прибыли господ капиталистов, арестуйте 50 или 100 крупнейших миллионеров. Достаточно продержать их несколько недель, хотя бы на таких же льготных условиях, на каких содержится Николай Романов, с простой целью заставить вскрыть нити, обманные проделки, грязь, корысть, которые и при новом правительстве тысяч и миллионов ежедневно стоят нашей стране».

Смех зала, но Ленин не шутил. Обвинения большевиков, что они хотят сепаратного мира? Что вы!

«Мы говорим: выход из войны только в революции. Когда

говорят, что мы стремимся к сепаратному миру, то это неправда. Мы говорим: никакого сепаратного мира»[880].

Сепаратный мир большевики заключат уже после революции.

Керенский снисходителен: «На том съезде я в первый и в единственный раз в своей жизни столкнулся с Лениным… Полностью отдавая себе отчет в оппозиционности съезда, Ленин не удержался от предложения очень простого способа решения социальной проблемы. Этот способ заключался в “аресте сотни крупнейших капиталистов”. Несмотря на энтузиазм, который это блестящее предложение всегда вызывало в народе, собиравшемся каждый день под балконом дворца Кшесинской… на съезде оно было встречено только смехом и свистом»[881].

Войтинский тоже был в зале: «Большевистская фракция восторженно аплодировала своему вождю. Но большинство делегатов слушало его с насмешливым любопытством. А на долю Керенского, выступившего с ответом Ленину, выпал шумный успех»[882]. От своей речи и сам Керенский был в восторге. «Не знаю, о чем думал Ленин, слушая меня. Даже не знаю, слушал ли или прислушивался к реакции присутствующих. Он не дождался конца моей речи, покинул зал с опущенной головой, с портфелем под мышкой, почти незаметно прошмыгнув между рядами. Безусловно, это был лучший выход для него и для его приспешников»[883]. Керенский измерял успех громкостью аплодисментов единомышленников.

Умеренность съезда была в полной мере использована большевиками для перехвата политической инициативы в столице. «Мысль о том, чтобы свести петроградских рабочих и солдат на очную ставку со съездом, навязывалась всей обстановкой, – свидетельствовал Троцкий. – Массы напирали на большевиков. Особенно бурлил гарнизон, опасавшийся, что в связи с наступлением его раздергают на части и расшвыряют по фронтам…»[884]. 6 июня на совместном заседании ЦК большевиков и военки Невский, Смилга настаивали, что пора брать арсенал, почту и телеграф. Каменев, Ногин и Зиновьев считали это чистой воды авантюрой. Победила точка зрения Ленина и Сталина, выступивших за проведение манифестации 10 июня и решение вопроса о власти уже по ходу дела – в зависимости от реакции противной стороны.

Планы большевиков просачиваются. Съезд запрещает на три дня уличные манифестации[885]. Ленин созвал большевистскую фракцию Съезда и сыграл отбой. За что он имел бурное объяснение в Петербургском комитете, который открыто обвинял его в нерешительности и малодушии за отказ от вооруженной пробы сил[886]. Ленин отбивался, уверяя в наличии у него

информации о готовившемся военным командованием разгроме партии. «Правда» поставила Совет в известность, что большевики ни в настоящем, ни в будущем не собираются подчиняться его приказам, способным «наложить оковы на нашу агитацию». Объявив фактически войну Совету, партия провела всероссийскую конференцию своих военных организаций фронта и тыла («военки»).

Ленин в докладе о текущем моменте к решительным действиям не призывал. Но со стороны солдатских делегатов, в основном из Петрограда, звучали требования превратить конференцию в штаб вооруженного восстания. Было выпущено специальное воззвание весьма двусмысленного содержания: «К выступлению Военная организация не призывает. Военная организация в случае необходимости призовет к выступлению в согласии с руководящими учреждениями нашей партии, Центральным Комитетом и Петербургским Комитетом»[887].

Но на санкционированной Советом массовой акции 18 июня (1 июля) делегаты большевистской военной конференции вышли во главе полковых и заводских колонн. Демонстранты пронесли перед изумленными руководителями Временного правительства и самого Совета, стоявшими на трибуне на Марсовом поле, море красных флагов и лозунгов типа: «Долой 10 министров-капиталистов!», «Долой войну!» и т. д. Троцкий наблюдал: «Делегаты съезда, собравшиеся на Марсовом поле, читали и считали плакаты. Первые большевистские лозунги были встречены полушутливо… Улыбка иронии застывала на лицах и затем медленно сползала с них. Большевистские знамена плыли без конца. Делегаты бросили неблагодарные подсчеты. Победа большевиков была слишком очевидна…»[888].

Ленин доволен: «Демонстрация развеяла в несколько часов, как горстку пыли, пустые разговоры о большевиках-заговорщиках и показала с непререкаемой наглядностью, что авангард трудящихся масс России, промышленный пролетариат и ее войска в подавляющем большинстве стоят за лозунги, всегда защищавшиеся нашей партией. Мерная поступь рабочих и солдатских батальонов. Около полумиллиона демонстрантов. Единство дружного наступления». Столь же успешно для большевиков прошли в тот день манифестации в Москве, Киеве, Харькове, Екатеринославле, других городах.

Теперь большевики ждали повода для решительных действий. И он появился с возобновлением по настоянию союзников наступления российских войск на фронте 18 июня. Главный удар наносился на юго-западном участке – в направлении Львова. Наибольшего успеха добилась 8-я армия генерала Корнилова, чем

вызвала патриотический подъем. Большевики приняли весть о наступлении как вызов. Ленин писал в «Правде»: «Наступление есть возобновление империалистической войны». Полную ответственность за это несут эсеры и меньшевики.

Лидеры большевиков шли по грани измены и не без оснований опасались за личную безопасность. В 20-х числах июня Ленин съехал с квартиры сестры и поселился у отца Елены Стасовой на Фурштадтской улице. А уже из этой – по сути, конспиративной – квартиры он 29 июня перебрался в Финляндию – на дачу к Бонч-Бруевичам на станцию Мустамяки, в 60 километрах от Петрограда. Уезжает «конспиративно», в компании младшей сестры и Демьяна Бедного, который раздобыл автомобиль.

Вернется Ленин в Петроград с началом нового политического кризиса, который не замедлил себя ждать. Непосредственными его причинами стали провал наступления на фронте и события на Украине. К концу июня перестали поступать победные реляции: армия терпела поражение за поражением. И в Киеве Грушевский заявил, что теперь украинцы становятся творцами своей жизни. Ленин откликается: «Ни один демократ, не говоря уже о социалисте, не решится отрицать полнейшей законности украинских требований»[889]. В знак протеста против уступок по вопросу об украинской автономии 2 (15) июля в отставку подали четверо министров-кадетов.

Проблема украинского суверенитета, может, и интересовала пролетариев и солдат столицы. Но вывод ими был сделан другой: осталось убрать всего лишь пятерых оставшихся «министров-капиталистов» и – если нажать на соглашателей из числа эсеров и меньшевиков – власть перейдет к Советам. Начиная с 5 часов вечера 3 июля полки, батальоны, отдельные команды стали выходить из казарм на улицу – все при оружии, под красными знаменами, с оркестрами и большевистскими плакатами.

Вслед за 1-м пулеметным к особняку Кшесинской ближе к восьми вечера подтянулись части Московского, Гренадерского и Павловского полков. Требуют указаний. Сталин расскажет Шестому съезду партии, что с балкона выступали руководители Военной организации с призывом не выступать и вернуться в казармы. «Их встречают гиком “долой!”, чего еще никогда не бывало. В это время показывается демонстрация рабочих под лозунгом “Вся власть Советам!”, для всех становится ясно, что удержать выступление невозможно. Тогда частное совещание членов ПК высказывается за то, чтобы вмешаться в демонстрацию, предложить солдатам и рабочим действовать организованно, идти мирно к Таврическому дворцу, избрать делегатов и заявить

через них о своих требованиях» [890]. Команда из пулеметного полка заняла Петропавловскую крепость.

Ночью за Лениным в Мустамяки послали гонцом Максимилиана Александровича Савельева из «Правды» и Военной организации. Старик быстро собрался и тут же выехал в столицу. Около 11 утра 4 июля поезд прибыл на Финляндский вокзал. До дома Кшесинской Ленин добирался на извозчике. К особняку Кшесинской начали подтягиваться кронштадтцы: всего на двух транспортах, шести баржах и буксирах Раскольников привел 6 тысяч моряков и рабочих[891].

Ленин появился на балконе и произнес весьма туманную речь о необходимости продолжать борьбу за установление советской власти, проявлять бдительность и стойкость[892]. Призвал к «выдержке, стойкости и бдительности» и поделился уверенностью, что «лозунг “вся власть Советам” должен победить и победит, несмотря на все зигзаги исторического пути»[893]. Кронштадтцы двинулись к Таврическому дворцу и дошли как раз в тот момент, когда перед толпой выступал вызванный ею Чернов, министр Временного правительства. Рослый рабочий, поднося кулак к лицу Чернова, исступленно кричал: «Принимай сукин сын, власть, коли дают!»

ЦИК Совета «в неописуемом возбуждении» отправил на выручку министра несколько видных своих членов из числа большевиков во главе с Троцким[894].

«Товарищи-кронштадтцы, краса и гордость русской революции! Я не допускаю мысли, чтобы решение об аресте министра-социалиста Чернова было вами сознательно принято… Кто тут за насилие, пусть поднимет руку…»

Никто даже не приоткрыл рта, никто не вымолвил ни слова возражения.

«Товарищ Чернов, вы свободны», – торжественно произнес тов. Троцкий.

Раскольников попытался «выяснить дальнейшее назначение кронштадтцев. Наверху, на хорах, опоясывающих зал заседаний, встречаем ВИ… Ильич в хорошем настроении. Видно, широкий размах демонстрации, развернувшейся под нашими лозунгами, несомненный успех нашей партии его глубоко радуют»[895].

Был ли у Ленина в те июльские дни план вооруженного восстания и взятия власти? Похоже, нет. Что такое восстание с планом, большевики покажут в Октябре. Многие свидетели событий отмечали их полную неорганизованность. Руководитель контрразведки Никитин считал: «Восстание произошло экспромтом; оно не было подготовлено, что видно положительно из всех действий противника»[896].

Вечером 4 июля большевики просто сыграли отбой. Почему? Судя по всему, из-за нерешительности Ленина. Зиновьев рядом с ним в Таврическом дворце. «Выйдя с товарищами в коридор, Ленин задал не риторический вопрос о возможности взять власть:

– Не попробовать ли сейчас?

Немного подумал и, не дожидаясь реакции коллег, сделал вывод:

– Нет, сейчас брать власть нельзя, потому что фронтовики еще не наши. Сейчас обманутый либералами фронтовик придет и перережет питерских рабочих». Зиновьев вспоминал, что и в последующие недели, скрываясь от правосудия, Ленин постоянно обращался к вопросу «можно ли было все же 3–5 июля поставить вопрос о взятии власти большевиками? И, взвешивая десятки раз все за и против, каждый раз приходил к выводу, что брать власть в это время было нельзя»[897]. Как отмечал Ленин позднее, «мы не удержали бы власти ни физически, ни политически. Физически, несмотря на то, что Питер был моментами в наших руках, ибо *драться, умирать* за обладание Питером наши же рабочие и солдаты тогда не стали бы… Политически мы не удержали бы власти 3–4 июля, ибо армия и провинция, до корниловщины, могли пойти и пошли бы на Питер»[898].

Около двух часов ночи в Таврическом дворце собираются члены большевистского ЦК, ПК, Военной организации и Межрайонного комитета РСДРП. Рассказывал Петровский: «Народу пришло много. Появился Ленин. Приветствуя всех, он начал переходить от одной группы к другой»[899]. Получено известие об отправке в столицу верных Временному правительству частей с Северного фронта. Руководители «военки» все еще настаивают: «Надо идти до конца». Но Ленин обрушивает на них град вопросов: «Назовите части, которые безусловно пойдут за нами? Какие колеблются? Кто против нас?»

И эти вопросы, как рассказывает Константин Мехоношин, «сразу привели нас в трезвое состояние. Решено: после того, как воля революционных рабочих и солдат продемонстрирована, выступление должно быть прекращено. В духе этого решения составляется воззвание»[900]. К Ленину кто-то подошел, вспоминал Петровский:

«– Владимир Ильич! Надо уходить. Подъезжают войска. Дворец окружает полиция. Вас могут арестовать.

Ленина окружили товарищи и так вышли с ним из здания. Партактив не состоялся»[901].

Зиновьев запомнил, как после этого «мы с ВИ мчимся на автомобиле из Таврического дворца в редакцию “Правды”… На крыльях и на подножках автомобиля с обеих сторон по нескольку

наших моряков-большевиков, вооруженных до зубов, с наставленными штыками винтовок». В редакции Ленин успевает вставить воззвание в уже готовый номер газеты. Через несколько минут редакция будет разгромлена. Полагаю, если бы Ленин задержался, его бы просто убили, как многих в ту ночь[902]. Он ночует в квартире Елизаровых. «Кажется, это последняя ночь в его жизни, которую он проводит более-менее “у себя” дома, как частное лицо».

Утром 5 июля «Живое Слово» вышло с заголовком «Ленин, Ганецкий и Козловский – немецкие шпионы». Был ли Ленин германским шпионом? Произошла ли Октябрьская революция на немецкие деньги? Спор давний. Аргументы и контраргументы сторон известны. Остается их напомнить. Что же было у властей на Ленина и большевиков в июле 1917 года?

Еще в конце марта к Никитину явился офицер филиала 2-го бюро французской разведки Пьер Теодор Лоран и вручил «список предателей из 30 человек, во главе которых стоит Ленин». В апреле при переходе линии фронта с немецкой стороны был задержан прапорщик 16-го Сибирского полка Д. С. Ермоленко. Он показал, что был завербован в концлагере для ведения пропаганды сепаратного мира в российских войсках. И офицеры немецкого Генштаба поделились конфиденциальной информацией о подрывной работе, которую ведут в России один из лидеров «Союза освобождения Украины» Александр Филаретович Скоропись-Иелтуховский и Ленин. Понятно, что цена этой информации была невысока: никто и никогда не стал бы делиться информацией о своих «суперагентах» с пленным прапорщиком.

В списке доказательств получения Лениным немецких денег фигурировал факт резкого роста тиражей большевистских изданий. Действительно, активность большевистской прессы весной – в начале лета 1917-го не могла не показаться подозрительной: чересчур быстрое становление «Правды», приобретение крупной типографии «Труд». Ленин писал Ганецкому 21 апреля (4 мая): «Деньги (2 тыс.) от Козловского получены… В общем, выходит около 15-ти большевистских газет: в Гельсингфорсе, Кронштадте, Харькове, Киеве, Красноярске, Самаре, Саратове и др. городах. В Москве выходит ежедневная газета “Социал-Демократ». В Харькове, Кронштадте, Гельсингфорсе тоже ежедневные газеты»[903]. К началу июля «партия имела 41 печатный орган, из них 29 на русском и 12 на других языках»[904]. Защитники Ленина утверждают, что «Правда» была прибыльным проектом: так, в июне расходы на ее издание составили 100 тысяч рублей, доходы от распространения – 150

тысяч; а кроме того, с марта по октябрь в фонд «Правды» поступило около полумиллиона рублей добровольных пожертвований. А многие большевистские издания публиковались за государственный счет, как то предполагала «Декларация прав солдата». Деникин писал, что «вся эта социалистическая и, в частности, большевистская литература на основании пункта 6-го Декларации хлынула беспрепятственно в армию. Часть – стараниями всевозможных партийных “военных бюро” и “секций” Петрограда и Москвы, частью – при посредстве “культурно-просветительных комиссий” войсковых комитетов»[905]. Для прессы денег хватало и без немцев.

В качестве источника средств для финансирования Ленина во всех версиях выступает правительство Германии, действительно тратившее на подрывные цели в государствах-противниках большие средства. В качестве передаточного звена называют Гельфанда (Парвуса). В том, что он работал на немецкую разведку, сомнений нет никаких. Ганецкий действительно работал в экспортной фирме Парвуса в Копенгагене. Контрагентом Ганецкого в Петрограде действительно была Екатерина Маврикиевна Суменсон, ранее работавшая у брата Ганецкого в Варшаве.

Никитин утверждает, что до конца июня им были перехвачены три письма от Ленина Парвусу. «Содержание писем весьма лаконично… “работа продвигается очень успешно”, “мы надеемся скоро достигнуть цели, но нужны материалы”, “присылайте побольше материалов”… Не надо было быть графологом, чтобы, положив рядом с письмом рукопись Ленина, признать везде одного и того же автора». Но были и заключения «двух присяжных графологов».

Еще одно направление расследования было связано с деятельностью активного члена Петросовета Мечислава Юльевича Козловского. «С первых же шагов, – рассказывал Никитин, – нашими агентами было выяснено, что Козловский по утрам обходил разные банки и в иных получал деньги, а в других открывал новые текущие счета… Лоран вручил мне 21 июня первые 14 телеграмм, которыми обменялись Козловский, Фюрстенберг, Ленин, Коллонтай и Суменсон. Впоследствии Лоран передал мне еще 15 телеграмм». Именно эти копии телеграмм, полученных от западных спецслужб, выступят одним из основных свидетельств для предъявления обвинения лидерам большевиков. Другими свидетельствами станут факты банковских проводок, которые осуществляли Козловский и Суменсон.

Словами Никитина – «демимонденка», дама полусвета, арестованная Суменсон «во всем и сразу чистосердечно

призналась… Она показала, что имела приказание от Ганецкого выдавать Козловскому, состоящему в то время членом ЦК партии большевиков, какие бы суммы он ни потребовал, и притом без всякой расписки…»[906]. Ленин направит 11 июля в «Новую жизнь» письмо, где уверял, что никакой Суменсон «никогда и в глаза не видел»[907]. 20 сентября Суменсон отпустят под залог, после чего ее следы окончательно затеряются.

Защитники большевиков напоминают, что следствие Временного правительства потом установит только факт передачи от Суменсон за два года Козловскому гонорара в 25 424 рубля как юрисконсульту фирмы. Современный исследователь Геннадий Соболев писал о мемуарах Никитина: «В данном случае автора подвела не память, а версия, предложенная французской разведкой в июне 1917 года и с готовностью принятая им»[908]. А американский историк С. Ляндерс, проанализировав все 66 телеграмм (Никитин оперировал 29), пришел к выводу, что денежные переводы всегда шли *из* Петрограда в Стокгольм, «но никогда эти средства не шли в противоположном направлении»[909]. То есть деньги поступали на счет от российских покупателей импортных товаров, а затем уходили за рубеж для их оплаты (или просто выводились за рубеж).

Были еще две линии расследований, которые Никитин считал тогда незаконченными. «Во-первых, досье компании “Сименс”. Отделение этого общества на юге России было закрыто по подозрению в шпионаже еще при старом режиме распоряжением генерал-губернатора Киевского округа. Членом правления “Сименса” состоял достаточно известный казначей партии большевиков – Красин… Второе незаконченное расследование относилось к тем деньгам, которые… германское правительство препровождало еще до революции через банк Сея в Швеции на нужды германских военнопленных в России»[910]. Вот, собственно, на тот момент и все.

Данилкин не без оснований замечает: «И хотя Ленина, несомненно, использовали немцы; и хотя запах измены – такой же едкий, как запах миндаля, распространявшийся в натопленных вагонах вокруг боевиков, возивших в 1905–1906-м из Европы на себе динамит в обычных пассажирских поездах, – ощущается в этой истории даже сейчас, Ленин не был “немецким агентом”»[911]. Но, конечно, его деятельность в 1917 году была в интересах Германии, коль скоро фатально подрывала обороноспособность России.

В бегах

Продолжение истории расскажет Ленин: «4-го июля, вчера днем, несколько большевиков получили от знакомых предостережение, что Алексинский сообщил комитету журналистов в Питере какую-то новую клеветническую пакость… Джугашвили (Сталин), член Центрального Исполнительного Комитета, давно знавший, как грузинский с.-д., тов. Чхеидзе, заговорил с ним на заседании ЦИК об этом новом гнусном клеветническом походе Алексинского… От своего имени, как председатель ЦИК, и от имени Церетели, как члена Временного правительства, Чхеидзе обратился тотчас *по телефону* во все редакции с предложением *воздержаться от напечатания клевет* Алексинского. Чхеидзе сказал Сталину, что большинство газет выразило готовность исполнить его просьбу…»[912].

В искренности пораженческих настроений Ленина сомнений у руководителей Советов не было. Они знали его не одно десятилетие, как и его взгляды, и шпионом его не считали. Но то ли по недосмотру, а скорее всего специально, была забыта малоизвестная до той поры желтая газета «Живое Слово». На следующий день она станет самым дефицитным изданием в стране, поскольку именно она опубликует заявление Алексинского и Панкратова, которым спецслужбы сольют компромат: «Ленин и Ганецкий – шпионы».

Мария Ильинична запомнила, как утром 5 июля «к нам пришел Я. М. Свердлов и, рассказав о происшедшем ночью, стал настаивать на необходимости для Ильича немедленно скрыться… Яков Михайлович набросил на брата свое непромокаемое пальто, они тотчас же ушли из дома совершенно незамеченными»[913]. Свердлов привел Ленина на набережную реки Карповки, дом 25, квартира 18 – на квартиру Сулимова – одного из руководителей «военки». Открыла его супруга: «Я увидела Я. М. Свердлова, а за ним стоял ВИ…

– ВИ останется у вас. Вы должны из дома не уходить, не оставлять ВИ. Вы за него отвечаете…

Мой муж, Сулимов С. Н., был в Кронштадте, мать с сыном – на даче…»[914].

В тот день Ленин писал опровержение прочитанного в «Живом Слове», утверждая, что «германские офицеры, чтобы склонить Ермолаенку к его бесчестному поступку, налгали ему бесстыдно про Ленина». Особенно его возмутило, что его поставили на одну доску «с каким-то Иолтуховским (?) и “Союзом освобождения Украины”: «от этого подозрительного, социал-

патриотического «Союза» и Ленин, и все интернационалисты *отгораживались публично* много раз именно во время войны». «*Никаких* денег ни от Ганецкого, ни от Козловского большевики *не* получали. Все это – ложь, самая сплошная, самая грубая»[915]. Как мы знаем, деньги от названных лиц Ленин получал, и не раз.

Подошли Зиновьев, Троцкий, Смилга, Томский, Бокий, рассказавшие, что в некоторых полках еще шла агитация за продолжение восстания, а особняк Кшесинской и Петропавловка готовятся к обороне. «В.И., не колеблясь ни минуты, заявил, что сдача неизбежна и что затягивать дело – значит только увеличивать поражение. Настроение было достаточно подавленное»[916], – замечал Зиновьев. В беседе с Троцким Ленин в тот день интересовался: «Не перестреляют ли они нас?»[917].

Плохо подготовленное и резко прекратившееся выступление могло иметь следствием полное исчезновение РСДРП(б) с политической сцены. Вызванные верные правительству воинские части быстро восстановили порядок. Временное правительство постановило всех участников беспорядков «арестовать и привлечь к судебной ответственности как виновных в измене родине и предательстве революции»[918]. Были заняты редакции и типографии «Правды» и «Солдатской правды». Моряки в Петропавловской крепости «утром 5 июля были окружены правительственными броневиками, и под угрозой расстрела им было предложено сдать винтовки»[919]. Вскоре захватят особняк Кшесинской, где, помимо всего прочего, хранились списки Военной организации большевиков. Для Ленина квартира Сулимовой становилась небезопасной. «ВИ спросил меня, как часто попадается моя фамилия на бумагах “военки”. Я ответила, что моя подпись была на документах… Вспоминаю его слова:

– Вас, товарищ Сулимова, возможно, арестуют, а меня могут и подвесить»[920].

«ВИ в сопровождении Надежды Константиновны ушел, пройдя в ворота, с самым безобидным видом помахивая зонтиком»[921], – запомнила Сулимова. Лидер большевиков отправляется в бега. Записка Каменеву: «Entre nous: если меня укокошат, я Вас прошу издать мою тетрадку: “Марксизм о государстве” (застряла в Стокгольме), синяя обложка, переплетенная… Думаю, что в неделю работы можно издать. Считаю важным, ибо не только Плеханов, но и Каутский напутали»[922].

Публичная политическая деятельность Ленина продлилась всего три месяца. Впереди у него была четырехмесячная подпольная эпопея. Причем его маршрут так запутан, что даже непосредственные участники событий путаются в показаниях. По

свидетельству Крупской, она вместе с супругом под охраной 6 июля перебирается на Выборгскую сторону. Молодой агрономше и давней знакомой Надежды Константиновны – Маргарите Васильевне Фофановой – было предложено приютить гостей на своей конспиративной квартире на Сердобольской улице, угол Большого Сампсониевского проспекта. «Пришли Ленин, Сталин, Каменев и Лилина, – рассказывала она. – Минут через 20–30 приехал Подвойский с Зиновьевым… В столовой состоялось совещание. Оно закончилось поздно вечером». Ленин рисовал катастрофические картинки разгрома партии. Обсудили за чаем ситуацию и решили пока оставаться на нелегальном положении. «Сначала стоял вопрос о том, что Ленин останется ночевать на конспиративной квартире, но затем этот вопрос отпал, и ВИ покинул квартиру»[923].

От Фофановой Ленин перешел на квартиру рабочего Василия Николаевича Каюрова. Отсюда днем он идет на Большой Сампсониевский в Выборгский райком, а оттуда на завод «Русский Рено», где в помещении сторожки находился завком. Здесь он встречается со Сталиным и членами исполнительной комиссии ПК. Вечером Ленин ушел к Полетаеву. А уже от него утром 7 (20) июля перебрался на 10-ю Рождественскую улицу к Сергею Яковлевичу Аллилуеву – рабочему Электростанции акционерного общества 1886 года. За его дочерью активно и небезуспешно ухаживал Сталин. «У меня они оставались все трое – ВИ, Г. Зиновьев и его жена тов. Лилина»[924], – писал Аллилуев.

Ленина обуяло желание сдаться на милость победителей. Ночью он передал через Каменева, что готов дать показания комиссии ЦИК. Рано утром следующего дня Каменев сообщил, что члены комиссии прибудут на условленную квартиру в 12 часов дня[925]. Но события развивались стремительно. Большевистское восстание, совпавшее с немецким наступлением на фронте, подтолкнуло очередной правительственный кризис. Германская армия 6 (19) июля совершила Тарнопольский прорыв. Принявший командование Юго-Западным фронтом генерал Корнилов сообщал: «Армия обезумевших темных людей, не ограждавшихся властью от систематического развращения и разложения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит. На полях, которых нельзя назвать полями сражений, царят ужас, позор и срам, которых русская армия еще не знала с самого начала своего существования»[926].

На следующий день князь Львов ушел в отставку с поста Председателя правительства. ВЦИК Советов признал за Временным правительством «неограниченные полномочия и неограниченную власть». Керенский получил диктаторские

полномочия, став министром-председателем, военным и морским министром (и поселился в Зимнем дворце, где работал за столом Александра III и спал в его же кровати). В сформированном им правительстве 10 министров из 17 принадлежали к партиям эсеров и меньшевиков.

Сразу же по поручению Керенского прокурорский надзор выписал ордера на арест Ленина, Зиновьева, Каменева и Троцкого. Квартира Анны Ильиничны стала местом паломничества спецслужб. «Было восемь обысков, причем они приходили не так, как в царской России. Они не искали книжек, как раньше, не смотрели их, а они штыкам прокалывали матрасы, диваны, открывали сундуки, словно он где-либо мог лежать там»[927]. Мария Ильинична рассказывал о первом обыске: «Не найдя ничего, офицеры и солдаты удалились, уведя с собой Надежду Константиновну, М. Т. Елизарова, у которого кто-то нашел сходство с ВИ, и нашу прислугу…»[928]. Крупская подтверждала: «Нас забрали троих – меня, Марка Тимофеевича и Аннушку – и повезли в Генеральный штаб. Рассадили там на расстоянии друг от друга. К каждому приставили по солдату с ружьем… Но входит тот полковник, который делал у нас обыск…

– Это не те люди, которые нам нужны.

Если бы был Ильич, они бы его разорвали на части. Нас отпустили… Мы добрались до дому лишь к утру»[929]. Ленин узнал обо всем от жены в середине дня 7 июня и написал заявление в бюро ЦИК: «Я выражаю свой протест против этого… В случае приказа правительства о моем аресте и утверждения этого приказа ЦИК-том я являюсь в указанное мне ЦИК-том место для ареста»[930]. У Аллилуевых в это время были также Зиновьев, Сталин, Орджоникидзе, Ногин и москвичка Варвара Николаевна Яковлева. Ногин робко высказался за явку, Сталин, Крупская – против: дело до суда не дойдет. Ленин склонялся к явке. Появилась Стасова со свежими новостями: в Таврическом дворце говорят, что, по документам Департамента полиции, Ленин был провокатором царской охранки. Ленин еще больше захотел сдаваться властям и сказал жене:

«– Мы с Григорием решили явиться, поди скажи об этом Каменеву.

Я заторопилась.

– Давай попрощаемся, – остановил меня ВИ, – может, не увидимся уж»[931].

Орджоникидзе и Ногин поехали в ЦИК договариваться об условиях явки Ленина и гарантиях безопасности, но услышали, что никаких гарантий никто не даст[932]. Тут уже Ленин позволил себя уговорить. Он пишет новое послание: «Мы переменили свое

намерение подчиниться указу Временного правительства о нашем аресте… Никаких гарантий правосудия в России в данный момент нет… Отдать себя сейчас в руки властей, значило бы отдать себя в руки… разъяренных контрреволюционеров, для которых все обвинения против нас являются простым эпизодом в гражданской войне»[933].

Готовилась эвакуация Ленина из Петрограда. В этой операции решающая роль была отведена рабочему Сестрорецкого завода Николаю Александровчу Емельянову, который напишет: «Вместе с представителем ЦК мы обошли участок, на котором стоял мой дом неподалеку от станции Разлив. На участке густо росли березы, тополя, ели, сирень, фруктовые деревья. Участок был совершенно изолирован от остальной территории дачного поселка, с улицы не было видно, что происходит у меня дома. К участку примыкал пруд, соединявшийся протоком с озером Разлив. Летом, в период сенокоса, многие крестьяне-батраки приходили к нам в поисках заработка. Они обычно поселялись в шалашах из сена и ветвей. Это и навело нас на мысль укрыть В. И. Ленина у озера Разлив в шалаше под видом финского косца…»[934].

Сталин взбил мыльную пену и гладко побрил Ленина. Впервые за 1917 год он меняет внешность. Зиновьев, не бривший последние дни, постриг свою пышную шевелюру, оставив усы и бороду. Аллилуев дал Ленину серую пролетарскую кепку и свое рыжее пальто, в котором он «походил на финского крестьянина или на немца-колониста. Зиновьеву досталось «пальто-клеш яркого пестрого рисунка», какое носили «прибалтийские коммивояжеры».

К Приморскому вокзалу пошли пешком, путешествие неблизкое, километров девять. Впереди рабочий-оружейник Вячеслав Иванович Зоф, за ним Ленин и Зиновьев, замыкали Аллилуев и Сталин. Шли мимо казарм, патрулей, караулов. Но обошлось… Мало кто знал, как выглядит Ленин, а тем более Зиновьев. В отличие от главного мастера PR того времени – Керенского – Ленин не снимался в кино, «Правда» фотографий не печатала, а на карикатурах в других газетах он обычно изображался большим и медведеподобным. Сопровождавшие остались, а Емельянов, Ленин и Зиновьев сели в последний, как его называли – «пьяный поезд»[935]. «Мы вошли в последний вагон. Владимир Ильич сел на ступеньку и всю дорогу ехал так, чтобы в случае опасности можно было быстро спрыгнуть на ходу и скрыться… В Разлив поезд прибыл около трех часов ночи».

Беглецы благополучно добрались до дома Емельянова. «В. И. Ленин поднялся по лестнице на чердак и решил, что безопасней всего будет скрываться там. Мы устроили Ильичу постель, а для

работы поставили стол и два стула… Июль в том году стоял очень жаркий. На чердаке было душно, а свет проникал туда только через щели». Утром переодели в рабочую одежду. Но оставаться в поселке было опасно – слишком на виду каждый сторонний человек. Поэтому за озером Емельянов нанял покос. Вместе с сыновьями выкосили участок, сложили большой стог, шалаш. Похоже, уже вечером 10 июля, одевшись как финские крестьяне, Ленин и Зиновьев – с рыболовными снастями, косами и граблями – сели в лодку. Полчаса на веслах – и десять минут пешком в глубь леса, до прогалины.

Зиновьев вспоминал: «Усталый и измученный работой и передрягами, ВИ первую пару дней прямо наслаждался невольным отдыхом. Насколько позволяли конспиративные соображения, он делал прогулки, ходил купаться на Разлив, лежал на солнышке, беседовал с Н. А. Емельяновым». «Первые дни ВИ не читал газет вовсе или прочитывал только политическую передовицу в “Речи”… В то время газеты, в том числе и “социалистические”, были полны россказней про “мятеж” 3–5 июля и главным образом про самого Ленина. Такое море лжи и клеветы не выливалось ни на одного человека в мире.

– Не надо портить себе нервы, – говорит Ильич. – Не стоит читать этих газет, пойдем лучше купаться»[936].

«Прохладная звездная ночь, – напишет Зиновьев. – Пахнет скошенным сеном. Дымок от маленького костра, где варили чай в большом чайнике. Бродим с ВИ. Сначала Ильич молчалив и порою грустен, а потом оживляется и вслух набрасывает великие мысли… и смело рисует будущее. Вот кончен день. Ложимся в узеньком шалашике. Прохладно».

На связи были Александр Васильевич Шотман, Рахья и Орджоникидзе. Шотману доводилось и ночевать в Разливе. «Несмотря на июль, ночные болотистые испарения давали себя знать. Я дрожал в своем летнем костюме от пронизывающего холода… Я долго не мог уснуть от холода, несмотря на то, что лежал рядом с ВИ, покрытый зимним пальто. После этого я в продолжение двух с лишним недель через каждые один-два дня приезжал к нему из Питера, привозил различные газеты и пр., организуя в то же время надежное убежище для более продолжительного и приличного его существования. Кроме меня… провизию, белье и пр. возила ему из города только А. Н. Токарева – петроградская работница»[937].

Дни временной «политической смерти» Ленина (а многие были уверены, что его уже действительно нет в живых) оказались для него весьма плодотворными. «Через некоторое время ВИ вытребовал в шалаш тетрадку своей незаконченной рукописи

“Государство и революция” и здесь, лежа на животе или сидя на корточках, работал над этой рукописью».

Холодало. «При первых же осенних дождях “крыша” стала все больше и больше протекать. К тому же в наше жилье все чаще стали забредать охотники, предполагая найти приют в шалаше… на вопросы отвечали как можно более односложно. ВИ притворился спящим. В каждом таком охотнике мы, естественно, заподозревали шпиона… Мы начали сворачиваться и готовиться к переселению»[938].

А тем временем Каменев, Троцкий и Луначарский оказались в «Крестах», где уже находилось около двухсот руководителей «военки» и кронштадтцев. Коллонтай отправили в женскую Выборгскую тюрьму. Газеты полны сообщениями, что «по следу Ленина» пущены собаки, в их числе знаменитая ищейка Треф, а 50 офицеров «ударного батальона» поклялись: или найти этого “немецкого шпиона” – или умереть[939].

РСДРП(б) могли добить. Этого не произошло. Для того чтобы большевиков даже обезглавить, их лидеров прежде всего нужно было найти. «Вывести в расход всех видных большевиков мы не могли, так как не знали, где они прятались, и совсем не имели охотников белого террора»[940], – утверждал Никитин. Против повальных репрессий в отношении большевиков выступили и советские лидеры. В глазах руководителей Совета большевики были не врагами, а скорее заблудшими друзьями. Гонения на большевиков лидеры Совета восприняли как угрозу себе. «Сегодня изобличен большевистский комитет, завтра под подозрение возьмут Совет Рабочих Депутатов, а там и война с революцией будет объявлена священной»[941], – возмущался Дан. Большевизм уже широко разлился по стране, и остановить его арестами в Петрограде уже было невозможно.

Большевики в итоге оказались в весьма интересном – полулегальном – положении. То есть власть их вроде бы как преследовала. Но при этом не запрещала и вроде как не сильно замечала. С отъездом Ленина на партийном хозяйстве остался Сталин. Уже 13–14 (26–27) июля прошло первое после восстания совещание ЦК, ПК, военной организации, Московского городского и окружного комитетов РСДРП(б). Специально к этому совещанию Ленин прислал тезисы: «1. Контрреволюция организовалась, укрепилась и фактически взяла власть в государстве в свои руки…». «2. Вожди Советов и партий социалистов-революционеров и меньшевиков, с Церетели и Черновым во главе, окончательно предали дело революции, отдав его в руки контрреволюционерам и превратив себя и свои партии и Советы в фиговый листок контрреволюции… 3. Всякие надежды на мирное

развитие русской революции исчезли окончательно… Лозунг перехода всей власти к Советам был лозунгом мирного развития революции, возможного в апреле, мае, июне, до 5–9 июля, т. е. до перехода фактической власти в руки военной диктатуры. Теперь этот лозунг уже неверен, ибо не считается с этим состоявшимся переходом и с полной изменой эсеров и меньшевиков»[942]. Партии предлагалось отказаться от главного большевистского лозунга – «Вся власть Советам!» – и готовить вооруженное восстание.

На совещании новые ленинские тезисы вызвали жесточайшие споры. Володарский, Ногин и Рыков выступили против Ленина «по всем основным вопросам». Зиновьев из Разлива выразил свое несогласие с соседом по шалашу в письменном виде. Борьбу за ленинскую линию возглавили Свердлов, Молотов и Савельев, но проиграли[943]. Альтернативная резолюция, предложенная Володарским, была тоже боевой. Но в ней ни слова не было сказано о снятии лозунга «Вся власть Советам!». Узнав на следующий же день о том, как его прокатили, Ленин сильно рассердился. Ситуация напомнила ему апрель. Но теперь появиться в Питере он не мог и поручил убедить партию в правильности своих идей Сталину.

Шестнадцатого июля большевики, якобы нелегально, возобновили занятия второй Петроградской конференции, прерванные событиями начала месяца. Выступавшему с докладом от ЦК Сталину не удалось убедить собравшихся в правильности новой линии вождя. Ленин продолжал настаивать: «Лозунг перехода власти к Советам звучал бы теперь как донкихотство или как насмешка… Суть дела состоит в том, что власть нельзя уже сейчас мирно взять. Ее можно получить, только победив в решительной борьбе действительных обладателей власти в данный момент, именно военную шайку, Кавеньяков, опирающихся на привезенные в Питер реакционные войска, на кадетов и на монархистов…»[944]. Напечатать статью удастся только через пару недель – отдельной брошюрой – в кронштадтской типографии.

РСДРП(б) вновь уже обзавелась печатным органом, 23 июля (5 августа) вышел первый номер газеты «Рабочий и солдат».

А уже 26 июля (8 августа) собрался Шестой съезд РСДРП(б). Воспоминания участников рисуют картину съезда партии, находящейся в глубоком подполье. Но вот заметка из «Петроградской газеты»: «Вчера открыли заседание “всероссийского съезда большевистских и интернационалистических организаций”. Прибыло 100 делегатов, представляющих, как утверждают большевики, 150 000 членов партии… С докладом о политическом положении выступил

товарищ Сталин. На съезде указывалось, что Ленин и Зиновьев вопреки сообщению газет за границу не выехали и находятся в постоянном контакте с центральным комитетом большевистской организации»[945]. После политического отчета ЦК был поставлен вопрос о явке Ленина на суд. Володарский, Лашевич считали это целесообразным при условии предоставления Ленину гарантии безопасности, гласного ведения следствия. Съезд предпочел Лениным не рисковать.

Ленин вносил свой вклад в съездовскую дискуссию: 29 июля была опубликована его статья «Начало бонапартизма», где он писал: «Классовая борьба между буржуазией и пролетариатом обострена до крайних пределов: и 20–21 апреля, и 3–5 июля страна была на волосок от гражданской войны… Все признаки указывают на то, что ход событий продолжает идти самым ускоренным темпом, и страна приближается к следующей эпохе, когда большинство трудящихся вынуждено будет доверить свою судьбу революционному пролетариату»[946]. Революционная позиция лидера партии повлияла на окончательные решения.

От лозунга «Власть Советам» решено было отказаться, как выяснится – временно. Ключевой пункт политической резолюции, принятой в последний день съезда, гласил: «В настоящее время мирное развитие революции и безболезненный переход власти к Советам стали невозможны, ибо власть уже перешла на деле в руки контрреволюционной буржуазии. Правильным лозунгом в настоящее время может стать лишь полная ликвидация диктатуры контрреволюционной буржуазии»[947]. Наибольшее количество голосов при выборах в ЦК набрали Ленин и Зиновьев – по 132 голоса, Каменев и Троцкий – по 131.

Лидеры рейтинга продолжали свой бег от правоохранителей: Ленин перебирался в Финляндию. Переезд был подготовлен со всей тщательностью Емельяновым, Шотманом и Эйно Абрамовичем Рахьей, который работал помощником директора авиационного завода Ланского, а также по совместительству помощником начальника рабочей милиции Финляндской железной дороги. Первоначальный план предусматривал переход границы под видом сестрорецкого рабочего: многие из них жили на территории Финляндии. Емельянов на своем заводе раздобыл паспорт, куда надо было только вклеить фотографию. Но чтобы сделать Ленина неузнаваемым, нужен был парик. За Лениным охотились столь рьяно, что парики в стране свободно запретили продавать. Шотману пришлось раздобыть справку из драмкружка финских железнодорожников. В Разлив прибыл боевик и делегат V съезда Дмитрий Ильич Лещенко – с фотоаппаратом. «Для съемки я ставил ВИ на колени, так как зеркальная камера

устанавливается на руках без штатива, на уровне груди. ВИ, как видно из тогдашних снимков, – в парике и кепке, бритый, в каком-то невероятном одеянии. Узнать его по этим фотографиям очень трудно, что именно и требовалось для карточки на удостоверение»[948]. Вскоре паспорт был готов. Но выяснилось, что план крайне рискован. «Перейдя пешком в нескольких местах границу – от Белоострова на юг до Сестрорецка, – мы убедились, что этот способ ненадежен, так как при каждом переходе пограничники чуть ли не лупой просматривали наши документы и чрезвычайно внимательно сличали наши фотографии», – писал Шотман.

Появился новый план: Ленин поедет на паровозе в качестве кочегара под руководством проверенного машиниста Гуго Эриховича Ялавы. Предполагалось дойти до станции Левашово – от Разлива километров 10–12, откуда поездом поехать до станции Удельная, а там сесть на паровоз. Емельянов в полной темноте повел по одному ему ведомым проселкам и тропам, но сначала завел в реку, затем на горящий торфяник. А потом совсем заблудились. Ленин ругался нещадно. По звуку все-таки вышли к железной дороге, но гораздо ближе к финской границе, чем рассчитывали – у станции Дибуны, где оказались серьезные патрули.

Ленин и Рахья спрятались под насыпью, Емельянов и Шотман пошли на станцию, где выяснили, что последний поезд отходит в 1.30, то есть минут через пятнадцать. Тут же подошел юнкерский патруль, который заарестовал Емельянова (это был явно не его день), а прилично одетому финну Шотману предложил быстрее садиться на подходивший поезд. Тому ничего не оставалось делать, как сесть. Шотман был так расстроен, что проехал Удельную, возвращался пешком и только к трем утра добрался до конспиративной квартиры. Когда вошел, то не поверил своим глазам: на полу катались от смеха Ленин и Рахья. Оказалось, что, пока патруль возился с Емельяновым и Шотманом, эти двое стремительно вскарабкались по насыпи и вскочили в вагон. И нужную станцию они не пропустили.

Вечером на станции Удельная Ленин благополучно взобрался на паровоз Ялавы, который вспоминал: «Условия не благоприятствовали нашему плану: ночь была светлая, паровоз шел на дровах, но зато мой помощник-финн ни слова не говорил по-русски. Я этому обрадовался, так как Ильич при случае мог сойти за кочегара»[949]. Шотман и Рахья сели в прицепленный к нему поезд. «Поезд подходит к границе, к станции Белоостров, предстоит двадцатиминутная остановка и тщательная проверка документов, а иногда и обыск». Но машинист знал прорехи в

системе пограничного контроля. «Поезд едва остановился, как находчивый тов. Ялава отцепляет свой паровоз и уводит его куда-то в темноту за станцию… набирать воды. Мы чуть не аплодируем… Перед самым третьим звонком подходит паровоз, дает гудок, и минут через пятнадцать мы почти в полной безопасности на финляндской территории… Около станции Териоки нас ожидал с коляской брат Лидии Парвиайнен, у отца которой в 14 километрах от станции была приготовлена надежная квартира»[950].

Артист Каарло Куусела, руководитель рабочего театра, гримировал лидера большевиков для дальнейшего путешествия: «Мы приготовили Ленину маску, и она так удалась, что Ленин смеялся до упаду своему новому облику… Мы прибыли на станцию Териоки одновременно со скорым поездом. Едва успели купить билеты и вскочить в поезд, как он тронулся. Мы заняли первое попавшееся купе, которое оказалось пустым. Мы боялись даже говорить. Я показал Ленину на верхнюю полку, чтобы он шел спать… В половине шестого я умылся, оделся и разбудил Ленина. Он сразу вскочил на ноги. Но боже мой! Краска расползлась по его лицу и подбородку, а борода в нескольких местах отклеилась. Маску сразу восстановили, но бороду приклеить не удалось… Нам пришлось срочно удалять остатки бороды и краску, что было довольно трудно, так как у нас не было ни вазелина, ни теплой воды, а времени было в обрез, поезд уже подходил к Лахти, где нам надо было выходить. Кое-как удалось придать ему приличный вид. Оживленно беседуя по-фински, мы рука об руку вышли на перрон… По-фински говорил я, а Ленин только смеялся, что для постороннего уха звучало совершенно по-фински»[951].

Из Лахти Ленин едет в Гельсингфорс, где для него было приготовлено жилье высочайшей степени надежности. Густав Семенович Ровио, у которого остановился Ленин 10 (23) августа, тогда занимал должность «полицмейстера» Гельсингфорса – и. о. начальника милиции. «У меня была квартира (одна комната и кухня) на Хагнесской площади (дом 1, кв. 22), – напишет Ровио. – Так как ко мне никто не приходил, а моя жена в то время была в деревне, то мы и нашли самым удобным и безопасным сначала поселить Ленина у меня… Я чувствовал некоторое легкое возбуждение или азарт игрока, став вдруг квартирохозяином Ленина… Тем более что мне по службе чуть ли не каждый день приходилось иметь дело с контрразведкой Керенского».

Полагаю, не меньшее возбуждение чувствовал и Ленин, немедленно нашедший для Ровио занятие: раздобывать российскую прессу. Тот рассказывал: «По вечерам я караулил на

вокзале почтовый поезд, покупал все газеты и приносил Ленину. Он немедленно прочитывал их и писал статьи до поздней ночи, а на следующий день передавал их мне для пересылки в Питер. Днем он сам себе готовил пищу. Прожил у меня Ленин недели полторы; тогда Вийк нашел для него другую квартиру – у тов. Усниуса. Поздно вечером мы перевезли его туда. Но через несколько дней мне пришлось опять поселить Ленина у себя, так как тот товарищ, в квартире которого он поселился, неожиданно вернулся и потому квартира оказалась неудобной.

Когда Ленин прожил вновь у меня с неделю, мы нашли новую квартиру у Теле в бездетной семье рабочего Б.». Это был машинист Артур Блумквист, который, как и его супруга Эмилия, ни слова не говорили по-русски. Ровио исправно ежевечерне продолжал приносить газеты. «На этой квартире Ленин прожил все остальное время своего пребывания в Гельсингфорсе, приблизительно месяц или больше… когда он переехал в Выборг».

Кто знал о пребывании Ленина в Гельсингфорсе? «Из русских товарищей, проживавших в Финляндии, знал только Смилга… Из финских товарищей знали лишь некоторые члены в ЦК, как Маннер, Куусинен, так я им сообщил и устроил свидание с ВИ… Шотман приезжал несколько раз. Он дал мне адреса, куда должны были доставляться письма, и вообще организовал почту в Питере»[952]. Как видим, финнам Ленин доверял куда больше, чем соратникам по партии. В ненависти финских революционеров к любой действующей российской власти и их симпатиям к любым борцам с ней лидер большевиков мог быть уверен. В преданности соратников – нет. Ленина прятали, перемещали, доставляли обратно в Питер и в Смольный финны. Правда, дважды в Гельсингфорс пробиралась Крупская – проведать мужа[953].

Именно в Финляндии Ленин пытался закончить, пожалуй, самый главный труд свой жизни – «Государство и революцию». Наброски были сделаны ранее и содержались в знаменитой синей тетради, которую через финскую границу вез Шотман.

«Труд этот очень нехарактерен для Ленина: это не коллекция секретов партстроительства, не учебник по искусству восстания, не аналитический очерк современной политики, – тонко подметил Данилкин. – Однако именно здесь объясняется смысл революционной деятельности: как на самом деле выглядит марксистский “конец истории”, чем именно заменять старый, обреченный на разрушение, мир…»[954]. Книга выглядит довольно нигилистической, а идеи не самыми свежими. Но здесь они соединены воедино. Исходную посылку Ленин взял из «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта», где Маркс писал о

судьбе государственной машины в революционные эпохи: «*Все перевороты усовершенствовали эту машину вместо того, чтобы сломать ее*». Отсюда Ленин вывел главный способ спасения победоносной революции от идущей за ней следом контрреволюционной реакции – уничтожить «бюрократически-военную машину» старого режима. На ее место должна быть установлена диктатура пролетариата («государство-коммуна») в форме республики Советов, которая для подавления меньшинства большинством введет «ряд изъятий из свободы» для угнетателей, эксплуататоров и капиталистов. Ленин утверждал, что это будет уже «полугосударство» – непосредственная демократия Советов «снизу доверху», лишенная не только признаков «буржуазной» демократии (разделения властей, всеобщего избирательного права), но и некоторых черт государственности как таковой (постоянной армии, полиции, чиновничества). Прямое участие трудящихся в управлении, выборность и сменяемость будут гарантией от бюрократизма и привилегий. Подробнее мы будем иметь повод обсудить эти идеи: вскоре наступит время их претворения в жизнь.

Теория теорией, но не забывал Ленин и о злобе дня. В «Рабочем и солдате» 29 июля (11 августа) он публикует «Начало бонапартизма», где отводит меньшевикам и эсерам «прямо-таки роль шутов гороховых около бонапартиста Керенского. В самом деле, разве же это не шутовство, когда Керенский, явно под диктовку кадетов, составляет нечто вроде негласной директории из себя, Некрасова, Терещенко и Савинкова… продолжает политику скандально-возмутительных арестов, а Черновы, Авксентьевы и Церетели занимаются фразерством и позерством?»

К концу июля закончилась работа над законом о выборах в Учредительное собрание, который был самым либеральным из когда-либо появлявшихся на Земле. Но Ленин утверждал, что «без новой революции в России, без свержения власти контрреволюционной буржуазии (кадетов в первую голову), без отказа народом в доверии партиям эсеров и меньшевиков, партиям соглашательства с буржуазией, Учредительное собрание либо не будет собрано вовсе, либо будет “франкфуртской говорильней”». Ленин как в воду глядел. По согласованию с Советами Временное правительство 9 августа приняло решение перенести выборы на 12 ноября. История не отпустит этому правительству так много времени.

А прочитав в «Известиях Всероссийского Совета крестьянских депутатов» 19 августа «Примерный наказ, составленный на основании 242-х наказов, доставленных местными депутатами на 1-й Всероссийский съезд крестьянских депутатов», Ленин пришел

в восторг: он получал в свои руки готовую программу в крестьянском вопросе, которую к тому же Временное правительство даже близко не сможет и не захочет реализовать[955].

Пока Ленин прятался в Финляндии, российское общество потянулось к твердой руке. Она угадывалась только у генерала Корнилова, который 18 июля стал Верховным главнокомандующим. Он потребовал передачи ему всей полноты военной и гражданской власти, введения в столице военного положения для подавления советской и большевистской оппозиции. Но Советы оставались основной политической опорой Керенского, а Корнилов – претендентом на пост руководителя страны. На словах разделяя призывы к наведению железного порядка, министр-председатель сознательно спровоцировал конфликт с Корниловым, обвинив его в государственной измене, что подвигло генерала к бунту. Он выдвинул к столице корпус генерала Крымова.

Организуя оборону Петрограда, само правительство и Совет должны были привести в движение массы рабочих и солдат. Совершенно открыто большевики вооружили рабочие дружины, получившие название Красной гвардии, с государственных складов им было выдано 40 тысяч винтовок. «Та армия, которая поднялась против Корнилова, была будущей армией октябрьского переворота»[956], – замечал Троцкий. Корнилов был арестован, Крымов застрелился. Керенский принял пост главнокомандующего. Большевики стали героями дня.

Ленин 30 августа пишет записку в ЦК: «Восстание Корнилова есть крайне неожиданный… и прямо-таки невероятно крутой поворот событий. Как всякий крутой поворот, он требует пересмотра тактики… Ни на йоту не ослабляя вражды к нему, не беря назад ни слова, сказанного против него, не отказываясь от задачи свержения Керенского, мы говорим: надо *учесть* момент, сейчас свергать Керенского мы не станем, мы *иначе* теперь подойдем к задаче борьбы с ним, именно: разъяснять народу (борющемуся против Корнилова) *слабость* и *шатания* Керенского… Теперь *главным* стало: усиление агитации за своего рода “частичные требования” к Керенскому – арестуй Милюкова, вооружи питерских рабочих, позови кронштадтские, выборгские и гельсингфорсские войска в Питер, разгони Государственную думу, арестуй Родзянку, узаконь передачу помещичьих земель крестьянам, введи рабочий контроль за хлебом, за фабриками и пр. и пр. … Неверно было бы думать, что мы *дальше* отошли от задачи завоевания власти пролетариатом. Нет. Мы чрезвычайно

приблизились к ней, но *не прямо*, а со стороны»[957].

Петроградский совет 31 августа (13 сентября) впервые принял резолюцию большевистской фракции: создание правительства без «буржуазии», декретирование республики, чистка армии от «контрреволюционеров», конфискация помещичьих земель, предложение мира всем воюющим сторонам. Керенский не мог игнорировать требования только что спасшей его «революционной демократии» – 1 (14) сентября Россия формально стала республикой. О, судьба России! – единоличным решением фактического, никем не избранного диктатора, которому все труднее было управлять страной.

После возобновленного Исполнительным комитетом требования об отпуске арестованных большевиков 4 сентября был освобожден под залог в 3 тысячи рублей Троцкий. 9 сентября Петроградский совет принял резолюцию, требовавшую дать «товарищам Ленину и Зиновьеву (уклонявшимся от ареста) возможность открытой деятельности в рядах пролетариата»[958].

Ленин на лету меняет тактику. Он возвращает лозунг: «Вся власть Советам!»: «Компромиссом является с нашей стороны наш возврат к доиюльскому требованию: вся власть Советам, ответственное перед Советами правительство из эсеров и меньшевиков… Условием, само собой разумеющимся и не новым для эсеров и меньшевиков, была бы полная свобода агитации и созыва Учредительного собрания без новых оттяжек или даже в более короткий срок…».

К намеченному на 3 сентября пленуму ЦК Ленин пишет проект резолюции о политическом моменте, где доказывает, что «критическое положение неизбежно подводит рабочий класс – и может быть с катастрофической быстротой – к тому, что он, в силу поворота событий, от него не зависящего, оказывается вынужденным вступить в решительный бой с контрреволюционной буржуазией и завоевать власть»[959]. Каких-либо следов обсуждения этого проекта в ЦК не обнаружено.

Меж тем рост популярности РСДРП(б) шел лавинообразно, выражаясь в «большевизации» Советов. Вооруженные силы большевиков расширялись. Троцкий, возглавивший фракцию большевиков в Петросовете, был в восторге: «Мы едва успевали за приливом, – вспоминал он. – Число большевиков в Петроградском Совете росло со дня на день. Мы уже достигали половины»[960]. Смольный, куда Совет переехал из полностью загаженного Таврического дворца, все больше превращался в штаб-квартиру большевиков.

Проседание проправительственных сил вызвало у Ленина острое чувство нетерпения. 12–14 сентября он пишет из

Гельсингфорса депешу в ЦК – «Большевики должны взять власть»: «Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и *должны* взять государственную власть в свои руки… Ибо, предлагая тотчас демократический мир, отдавая тотчас землю крестьянам, восстанавливая демократические учреждения и свободы, помятые и разбитые Керенским, большевики составят такое правительство, какого *никто* не свергнет. Большинство народа *за* нас… Вопрос в том, чтобы *задачу* сделать ясной для партии: на очередь дня поставить *вооруженное восстание* в Питере и Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства… Ждать "формального" большинства у большевиков наивно: ни одна революция *этого* не ждет… Взяв власть сразу и в Москве, и в Питере (неважно, кто начнет; может быть, даже Москва может начать), мы победим *безусловно и несомненно*».

И вдогонку «Марксизм и восстание»: «Маркс самым определенным, точным и непререкаемым образом высказался на этот счет, назвав восстание именно *искусством*, сказав, что к восстанию надо относиться как к искусству, что надо *завоевать* первый успех и от успеха идти к успеху, не прекращая *наступления* на врага, пользуясь его растерянностью и т. д., и т. д.». А именно, «не теряя ни минуты, должны организовать *штаб* повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку, занять Петропавловку, арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и к дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города; мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить *наш* штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т. д.»[961].

Вождь вновь сильно шокировал большевистское руководство, породив новый тур внутрипартийных разногласий. Письма Ленина обсуждались в ЦК 15 (28) сентября. 6 голосами против 4 и при 6 воздержавшихся было принято удивительное решение: уничтожить все экземпляры писем Ленина, кроме одного. Партия о них почти не узнала, если не считать выступлений ряда членов ЦК в разных аудиториях.

И на последующих заседаниях ЦК – вплоть до 10 (23) октября – вопрос о восстании больше вообще не поднимался. Большевистское руководство не спешило с реализацией ленинских директив, не только опасаясь повторения июльских событий, но и в надежде на продолжавшийся прилив сил партии,

который мог позволить взять власть более безболезненно и хотя бы с видимостью законности.

Ленин рвется к центру событий. Ровио вспоминал: «В один прекрасный день ВИ объявил мне, что он хочет ехать в Выборг и я должен достать ему парик, краску для бровей, паспорт и устроить квартиру в Выборге». Нашел мастера по парикам, рано утром прокрались к нему по безлюдным улицам. Парикмахер взялся было омолодить Ленина, однако он категорически потребовал седой парик, несмотря на все удивленное причитание мастера. «Потом я достал через своих товарищей краску для бровей и финский паспорт и предоставил все это ВИ. Квартиру в Выборге я попросил подыскать депутата Хуттунена»[962].

Это была «самоволка». «Без ведома ЦК и моего, ВИ при содействии Э. Рахья переехал из Гельсингфорса в Выборг, по-видимому, намереваясь пробраться в Петроград, – вспоминал Шотман. – Узнав об этом, я немедленно поехал в Выборг и застал Ленина на квартире финского товарища, Латукка, в чрезвычайно возбужденном состоянии. Одним из первых вопросов, который он задал мне, как только я вошел к нему в комнату, был:

– Правда ли, что Центральный комитет воспретил мне въезд в Петроград?

Когда я подтвердил, что такое решение действительно есть… он потребовал у меня письменное подтверждение этого постановления». Шотман написал полушутливую расписку. «Взяв от меня этот “документ”, ВИ бережно сложил его вчетверо, положил в карман и затем, заложив руки за вырезы жилета, стал быстро ходить по комнате, повторяя несколько раз:

– Я этого так не оставлю, так этого я не оставлю!»[963].

В день открытия Демократического совещания (участвовали социалистические партии) 14 (27) сентября пресса писала: «Положение изменилось, и Ленин прибыл в Петроград, как говорят, из Финляндии. В тот же день вождь большевиков имел совещание со своими политическими друзьями…»[964]. Правительство отдало распоряжение арестовать Ленина и Зиновьева «при входе в здание театра»[965]. Но Ленин не рисковал пока приезжать в Петроград. И он был крайне возмущен самим фактом участия его партии в работе Демократического совещания, доказывая, что «большевики не должны были *дать занять себя* явными пустяками, явным обманом народа с явной целью *притушить* нарастающую революцию посредством игры в бирюльки».

«Надо уйти в Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, уйти в профессиональные союзы, уйти вообще в массы. Надо *их* звать на борьбу. Надо *им* дать правильный и ясный

лозунг: разогнать бонапартистскую банду Керенского».

Демократическое совещание открылось в Александринском театре, большевики – свыше трети всего состава. Ленин в двух номерах «Рабочего пути» публикует статью «Задачи революции», в которой открыто излагает свои цели – Советам взять власть – и предлагает эсерам и меньшевикам присоединиться к их реализации. «Перед демократией России, перед Советами, перед партиями эсеров и меньшевиков открываются теперь чрезвычайно редко встречающаяся в истории революций возможность обеспечить созыв Учредительного собрания в назначенный срок без новых оттяжек, возможность обезопасить страну от военной и хозяйственной катастрофы, возможность обеспечить мирное развитие революции. Советам в этом случае обеспечена поддержка девяти десятых населения страны и всей армии».

На выборах нового Исполкома Петроградского Совета председателем избран Троцкий, в его президиуме оказываются 13 большевиков, 6 эсеров и 3 меньшевиков. Но руководство общероссийского Совета остается эсеро-меньшевистским. И оно решает отложить II съезд Советов до 20 октября (2 ноября). «Это почти равносильно отсрочке до греческих календ при том темпе, каким живет Россия», – возмущен Ленин. Ему вообще предельно претит легалистская позиция ЦК, не желающего предпринимать решительных действий до съезда Советов. Ленин вновь апеллирует ко второму эшелону партийного руководства. 27 сентября (10 октября) он пишет председателю Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии Ивару Тенисовичу Смилге: «…партия *должна* поставить на очередь вооруженное восстание… Кажется, единственное, что мы можем *вполне* иметь в своих руках и что сыграет *серьезную* военную роль, это финляндские войска и Балтийский флот. Не терять времени на “резолюции”, а *все внимание* отдать *военной* подготовке финских войск + флота для предстоящего свержения Керенского». Не надеясь на цековские каналы коммуникаций, которые всячески фильтровали его радикальные призывы, Ленин просил Смилгу перепечатать письмо и доставить его «питерцам и москвичам»[966].

Антиправительственные настроения захватывали все слои населения. Княгиня Ольга Палей писала: «Куда ни кинь, большевистские агенты. На каждом углу они собирались и бунтовали зевак, понося Временное правительство. Признаться и я, ненавидя Керенского и Савинкова, прислушивалась не без сочувствия… И многим стало казаться, что уж лучше Ленин со своей красной шайкой, чем ненавистный Керенский»[967].

Деньги обесценились настолько, что рабочие переставали трудиться, убегая в деревню, производительность резко падала.

Стало физически не хватать угля, металла. Отгрузки в столицу продовольствия к осени не превышали четверти от потребного, на каждую карточку отпускалось по ½ фунта муки в день. Крестьянство повсеместно восприняло революцию прежде всего как начало реализации мечты о «черном переделе», ожидая только сигнала сверху на захват чужой земли. Не дождавшись, осенью мужик сам начал решать аграрный вопрос силой.

Вразнос пошла страна. На Дону и на Кубани – казачьи республики, Советы разогнаны. Финляндия провозгласила автономию и требовала вывода русских войск со своей территории. Украинская Рада объявила о включении в свой состав земель Юга России, приступила к формированию собственной армии и готовила сепаратный мир с Германией. Кавказ и Сибирь требовали для себя отдельных учредительных собраний. И по всему пространству необъятной страны прокатывались беспорядочные волны дезертиров.

Сводка донесений о настроении действующей армии за 15–30 октября: «Главными мотивами, определяющими настроение солдатских масс, по-прежнему является неудержимая жажда мира, стихийное стремление в тыл, желание поскорее прийти к какой-нибудь развязке[968]. Ленин напишет, что «в армии большевики имели уже к ноябрю 1917 года *политический "ударный кулак"*, который обеспечивал им подавляющий перевес сил в решающем пункте в решающий момент».

Власть готовила созыв Предпарламента как предтечи Учредительного собрания. Ленин настаивал: «Участие нашей партии в "предпарламенте" или "Демократическом совете" или "Совете республики" есть явная ошибка и отступление от пролетарски-революционного пути»[969]. Центральный Комитет уже готов следовать ленинским установкам. В его протоколе за 5 (18) октября записано: «После дискуссии принимается всеми против одного решение уйти из Предпарламента в первый же день по прочтении декларации»[970].

Прорыв к власти

Намерение свергнуть правительство так активно обсуждалось на каждом углу. Уже в сентябре появились в прессе статьи, где рассматривались возможные перспективы прихода к власти большевиков. Популярный обозреватель «Русской Воли» Борис Мирский писал 23 сентября: «Истерические кликуши из лагеря меньшевиков считают Ленина фантазером, утопистом, чуть ли не маньяком. Да ничего подобного! Он трезвый русский социалист, он истинно реальный политик… Большевики победят. За большевиков логика, за большевиков сила. Их логика – желудок, их сила – кулак»[971].

Но в основном о шансах большевиков писали в ироничном ключе. Передовица «Речи» 16 сентября утверждала, что «несмотря на весь словесный вздор, на хвастливые фразы, на демонстрацию самоуверенности, большевики, за исключением немногих фанатиков, храбры лишь на словах… Лучшим способом на долгие годы избавиться от большевизма, извергнуть его, было бы вручение его вождям судеб страны»[972]. Даже подобные публикации, скорее, играли на руку большевикам, поскольку внушали мысль о них как более чем реальной политической силе.

Не случайно, что и Ленин терял терпение. Как мы помним, еще в 20-х числах сентября он перебрался из Гельсингфорса в Выборг, чтобы быть ближе к месту главного политического действа, и начал торопить события. Ялава вспоминал, как к нему пришел Рахья:

«– Ильичу не сидится в Финляндии, рвется в Россию. Сейчас он живет в Выборге у тов. Латукки, и его необходимо переправить в Питер.

Я согласился это дело взять на себя. На этот раз условились по-другому: до станции Райвола Ильич доедет местным поездом, а потом, переодевшись рабочим, пересядет ко мне на паровоз… В 1 час ночи на станции Райвола Ильич сел опять ко мне на паровоз, а тов. Рахья – в вагон. Помощник у меня был тот же самый. Ехали благополучно. На станции Удельная Ильич слез…»[973]. Удельная, считай, в черте города.

Возвращение Ленина в Петроград было окружено такой секретностью, что до сих пор неизвестно, когда же он приехал. Даже в воспоминаниях Крупской можно найти две даты – 7 (20) и 9 (22) октября. Что уж говорить о других авторах. «В лениноведении существовали даже две “партии” историков – “сентябристы” и “октябристы”: в сентябре вернулся Ленин или в октябре»[974].

Хозяйка последней подпольной квартиры Ленина Фофанова называет время его приезда – «в пятницу 22 сентября вечером». Правда, по этой логике датой приезда могла с таким же успехом быть и следующая пятница – 29 сентября (12 октября). Шотман пишет: «Проживая *с конца сентября* (курсив мой. – *В.Н.*) в Лесном, ВИ время от времени встречался с некоторыми членами ЦК»[975]. Конец сентября называет и Рахья.

Появление в 1930-е годы официальной даты приезда Ленина – 7 (20) октября – понятно. Не мог же Ленин, всегда настаивавший на партийной дисциплине, вернуться в Питер до соответствующего разрешения ЦК от 3 (16) октября. А после ему понадобилось время, чтобы добраться до столицы. И не мог же Ленин сразу по возвращении не пригласить своего самого преданного соратника – Сталина. Официальная дата их первой встречи после вынужденного отсутствия Ленина – 8 (21) октября. В сталинской трактовке революции все должно было сходиться. В «Кратком курсе» было зафиксировано: «7 октября Ленин нелегально приехал из Финляндии в Петроград»[976]. Вслед за этим дата вошла во все ленинские биохроники и примечания к собраниям сочинений.

В Петроград воинствующий атеист Ленин вернулся в облике пожилого лютеранского пастора с густой седой шевелюрой[977]. Адреса Ленина не знали даже члены ЦК, а остановился он у Фофановой в большом доме на углу Сампсоньевского и Сердобольской. Будем отталкиваться от хронологии, предложенной квартирной хозяйкой.

«В пятницу 22 сентября возвратился из Выборга Ленин и поздно вечером, имея посланные ему заранее ключи, открыл нашу входную дверь, вместе с Надеждой Константиновной вошел в квартиру. Они прошли в приготовленную для ВИ комнату – последнюю от входа в квартиру». Могли приходить к нему супруга, сестра и Рахья, никаких совещаний на этой квартире Ленин не проводил. Фофанова вспоминала, что он накричал на нее и за присутствие в конспиративной квартире посторонних (педагогов), и за то, что по их уходу назвала его Владимиром Ильичем.

– А вот совсем и не так: я Константин Петрович Иванов, рабочий Сестрорецкого завода. Прочитайте, – он протянул ей паспорт, – заучите и называйте меня: Константин Петрович. Маргарита Васильевна, и если я к вам в столовую буду приходить без парика – гоните меня, я должен к нему привыкать!

Ленин также попросил не заклеивать бумагой – на зиму – окно в комнате Фофановой, поскольку рядом с ней проходила водосточная труба, которой он собирался в случае опасности

воспользоваться для бегства (черного хода не было). И аккуратно выломать две доски в заборе – чтобы держались, но в нужный момент их можно было раздвинуть. Ленин занял самую большую комнату, принадлежавшую хозяйке. Всегда запирался в ней на ключ и даже Фофанову пускал только по условному стуку. Впрочем, сам Ленин порой нарушал законы конспирации: слишком громко разговаривал и смеялся, вышагивал по комнате в отсутствии хозяйки, чем мог привлечь внимание соседей. А однажды Крупская обнаружит на лестничной площадке кузена Фофановой – студента Политеха, который позвонил в дверь, и ему ответил мужской голос. Студент решил, что в квартире воры. Крупской удалось заморочить студенту голову, но потом она строго отчитала супруга за его забывчивость.

Ленин получает информацию из свежих газет, которые ему к десяти утра приносит Фофанова, и пишет – по десять-двенадцать страниц ежедневно. Постоянно заканчивались чернила. Его заметки, письма, статьи, в которых он говорит о себе как о «постороннем», «публицисте», находящемся вне основного русла истории, свидетельствует о кипящей злобе от изоляции от основных центров принятия решений. Вечерами вели беседы о политике и сельском хозяйстве. Фофанова – агроном[978].

«– Первую неделю, Маргарита Васильевна, вам будет трудно, – пообещал Ленин. – Вам придется и утром, и вечером выходить по поручениям. А вот через недельку в помощь к вам будет приходить вечерами товарищ, он освободит вас от вечерних поручений.

И действительно через неделю… пришел товарищ. Это был Эйно Рахья, который и стал вечерним связным и провожатым ВИ во всех его выходах из конспиративной квартиры».

Фофанова зафиксировала куда большую активность Ленина, чем его биохроники. По ее подсчетам, он покидал квартиру – до Смольного – аж 9 раз. «Первый выход ВИ был в субботу вечером 30 сентября. В этот день около 7 часов вечера пришел Э. Рахья. Это был первый выход Ленина на квартиру тов. Кокко, члена Выборгского комитета РСДРП(б). Расстояние от конспиративной квартиры до квартиры Кокко примерно 15–20 минут ходьбы (Выборгское шоссе, д. 14, кв. 23). Здесь Ленин встретился со Сталиным. Рахья вспоминает, что во второй раз, когда ВИ выходил из конспиративной квартиры, он опять посетил квартиру Кокко. Там он встретился с Троцким. По моим предположениям, это было 3 октября, во вторник. С этого свидания ВИ, как и с предыдущего, пришел домой около 10 часов вечера»[979].

Ленин все более интенсивно бомбардировал партийные инстанции требованиями форсировать вооруженный мятеж. 1 (14)

октября он закончил писать большую статью «Удержат ли большевики государственную власть», где утверждал, что партия «не имела бы права на существование, была бы недостойна считаться партией, была бы жалким нолем во всех смыслах, если бы она отказалась от власти, раз имеется возможность получить власть». Одновременно Ленин заканчивает статью «Кризис назрел», первые главы которой были предназначены для печати, а две последние – исключительно «для раздачи членам ЦК, ПК, МК и Советов». Открытая часть статьи выйдет в «Рабочем пути» в день открытия Предпарламента – 7 (20) октября: «Что вместе с левыми эсерами мы имеем теперь большинство и в Советах, и в армии, и *в стране*, в этом ни тени сомнения быть не может… Кризис назрел. Все будущее русской революции поставлено на карту». Статью перепечатали большевистские газеты по всей стране.

В части же, адресованной только партийному активу, Ленин с возмущением писал, что «у нас в ЦК и в верхах партии есть течение или мнение на *ожидание* съезда Советов, *против* немедленного взятия власти, *против* немедленного восстания. Надо *побороть* это течение или мнение. Иначе большевики *опозорили* себя навеки и *сошли на нет,* как партия… “Ждать” съезда Советов есть полный идиотизм, ибо это значит пропустить *недели*, а недели и даже дни решают теперь *все.* Это значит трусливо *отречься* от взятия власти, ибо 1–2 ноября оно будет невозможно (и политически, и технически: соберут казаков ко дню глупеньким образом “назначенного” восстания)…

Победа восстания *обеспечена* теперь большевикам: 1) мы можем (если не будем “ждать” Советского съезда) ударить *внезапно* и из трех пунктов, из Питера, из Москвы, из Балтийского флота; 2) мы имеем лозунги, обеспечивающие нам поддержку: долой правительство, подавляющее крестьянское восстание против помещиков! 3) мы в большинстве *в стране*; развал у меньшевиков и эсеров полный; 4) мы имеем техническую возможность взять власть в Москве (которая могла бы даже начать, чтобы поразить врага неожиданностью); 5) мы имеем *тысячи* вооруженных рабочих и солдат в Питере, кои могут *сразу* взять и Зимний дворец, и Генеральный штаб…

Видя, что ЦК оставил *даже без ответа* мои настояния в этом духе с начала Демократического совещания, что Центральный Орган *вычеркивает* из моих статей указания на такие вопиющие ошибки большевиков, как позорное решение участвовать в Предпарламенте, как предоставление места меньшевикам в президиуме Совета и т. д. и т. д. – видя это, должен усмотреть тут “тонкий” намек на нежелание ЦК даже обсудить этот вопрос, тонкий намек на зажимание рта и на предложение мне удалиться.

Мне приходится *подать прошение о выходе из ЦК*, что я и делаю, и оставить за собой свободу агитации в *низах* партии и на съезде партии». Следуя своему обещанию-угрозе, Ленин направил письма одинакового содержания напрямую в Петербургский и Московский комитеты партии: «…Промедление становится положительно *преступлением.* Большевики не вправе ждать съезда Советов, они должны *взять власть тотчас*»[980].

Протоколы ЦК не оставили никаких следов обсуждения адресованных ему секретных глав статьи «Кризис назрел». Может, и обсуждались они тайно, хотя никто из членов ЦК никогда об этом не вспомнит. Но 3 (16) октября было вынесено постановление «Об Ильиче»: «Принято решение предложить Ильичу перебраться в Питер, чтобы была возможной постоянная и тесная связь»[981]. Это могло означать или то, что позиция Ленина представлялась настолько неадекватной, что ему предлагалось опуститься на землю. Или имелась в виду необходимость в каждодневных консультациях с вождем. В любом случае ситуация в Петрограде изменилась настолько, что угроза жизни Ленина представлялась явно меньшей, чем в июле – сентябре.

А вот на заседании Петербургского комитета письмо обсуждалось 5 (18) октября. Основной докладчик – Володарский – был категорически против восстания. Но до голосования дело не доходит – постановили подождать с решением до третьей общегородской конференции, которая открывалась через два дня. Ленин предлагал принять на ней резолюцию: «Конференция настоятельно просит ЦК принять все меры для руководства неизбежным восстанием рабочих, солдат и крестьян для свержения противонародного и крепостнического правительства Керенского»[982].

Московский комитет большевиков собрал руководящий состав 7 (20) октября. «Собрание закончилось тем, что все согласились, что выступать мы сейчас не можем и что нужно сугубо усилить работу Военной организации и в печати»[983]. Но 10 (23) октября Московская общегородская конференция большевиков выступила за свержение правительства Керенского и предложила принять меры к «приведению революционных сил в боевую готовность»[984]. Московское областное бюро вынесло жесткую резолюцию против ЦК, обвиняя его в нерешительности и внесении замешательства в ряды партии.

На 7 (20) октября Фофанова относила третий выход Ленина из конспиративной квартиры – на частное совещание нескольких членов ЦК «у машиниста Ялавы (Ломанский переулок, д. 4 б, кв. 29). На этом заседании были М. И. Калинин, Зиновьев, Троцкий, Каменев. По словам Л. П. Парвиайнен, имевшей прямое

отношение к организации совещания, на этом заседании был и Сталин, и Иван Рахья, и машинист Ялава»[985].

Ленин 8 (21) октября написал «Советы постороннего», где напомнил Марксовы правила искусства восстания и сделал вывод: «В применении к России и к октябрю 1917 года это значит: одновременное, возможно более внезапное и быстрое наступление на Питер, непременно и извне, и изнутри, и из рабочих кварталов, и из Финляндии, и из Ревеля, из Кронштадта, наступление *всего* флота, скопление *гигантского перевеса* сил над 15–20 тысячами (а может и больше) нашей “буржуазной гвардии” (юнкеров), наших “вандейских войск” (часть казаков) и т. д. … Окружить и отрезать Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войска, – такова задача, требующая *искусства тройной смелости*». В тот же день Ленин шлет письмо большевикам, участвующим в съезде Советов Северной области: «Флот, Кронштадт, Выборг, Ревель могут и должны пойти на Питер, разгромить корниловские полки, поднять обе столицы, двинуть массовую агитацию за власть, немедленно передающую землю крестьянам и немедленно предлагающую мир, свергнуть правительство Керенского, создать эту власть. Промедление смерти подобно»[986].

Девятого октября был обнародован приказ об отправке войск Петроградского гарнизона на фронт, после чего, по словам Троцкого, началось «легальное восстание». По отработанной схеме полки, не желавшие воевать, обратились в Совет. На заседании Исполкома была принята резолюция о создании Военно-революционного комитета.

Десятого октября членам ЦК большевиков по конспиративным каналам был сообщен адрес, куда им надлежало прибыть к десяти вечера на заседание, которому предстояло стать историческим. «О, новые шутки веселой музы истории! – писал Суханов. – Это верховное и решительное заседание состоялось у меня на квартире… На тот раз к моей ночевке вне дома были приняты особые меры: по крайней мере, жена моя точно осведомилась о моих намерениях и дала мне дружеский бескорыстный совет – не утруждать себя после трудов дальним путешествием»[987]. Квартира Сухановых находилась на Петроградской стороне, красный модерновый – 1911 года постройки – шестиэтажный дом, напротив через речку Карповку – Иоанновский монастырь.

В длинной и узкой столовой – тесно. Из 21 члена ЦК присутствовали 11 – Бубнов, Дзержинский, Зиновьев, Каменев, Коллонтай, Ломов, Свердлов, Сокольников, Сталин, Троцкий, Урицкий. Остальные не добрались. Скоро придет 12-й. «Когда

почти все были в сборе, появился наконец и Ленин, – запомнил Сокольников. – Появление его вызвало в полном смысле слов сенсацию. Никто не усидел на стуле, все вскакали с мест, на лицах у всех довольные улыбки, все тянутся к Ленину с приветствиями и рукопожатиями… Но приход его и в том отношении вызвал сенсацию, что он пришел и все заседание провел в неузнаваемом виде – борода и усы его были сбриты, на голову натянут седой паричок. Этот седой паричок не был чудом парикмахерского искусства и иногда в самые неподходящие моменты сползал с головы… Вследствие этих инцидентов у Ленина выработалась привычка частенько приглаживать паричок обеими руками. Этот жест все время сопутствовал его докладу в квартире Суханова. Когда прошло возбуждение, вызванное встречей, “евангелическая внешность” Ильича на несколько минут стала источником общего веселья»[988]. Вспоминал Троцкий: «Заседание длилось около 10 часов, до глубокой ночи. В промежутке пили чай с хлебом и колбасой для подкрепления сил. А силы были нужны: вопрос шел о захвате власти в бывшей империи царей»[989].

На повестке дня шесть вопросов. По первым трем – итоги конференции социал-демократов Румынского фронта, конференции литовских социалистов, положение в Минске и на Северном фронте – докладчиком был Свердлов. Ничего сенсационного он не поведал: гарнизон и фронт в основном за большевиков, но правительство и Ставка чинят козни[990]. Затем – по вопросу о текущем моменте – слово взял Ленин и устроил коллегам разнос: «С начала сентября замечается какое-то равнодушие к вопросу о восстании. Между тем это недопустимо, если мы серьезно ставим лозунг о захвате власти Советами. Теперь же, по-видимому, время значительно упущено. Тем не менее вопрос стоит очень остро, и решительный момент близок. Большинство теперь за нами. Политически дело совершенно созрело для перехода власти. Ждать до Учредительного собрания, которое явно будет не с нами, бессмысленно, ибо это значит усложнять нашу задачу»[991].

Прения открыл Ломов, рассказавший о радикальных решениях, принятых большевиками Москвы. Урицкий жаловался на недостаточность подготовительной работы к восстанию, но звал к действию. Каменев, Зиновьев считали переворот в тот момент нецелесообразным. Остальные, вслед за Троцким и Сталиным – за то, чтобы приурочить выступление к съезду Советов[992]. Ленин собственноручно написал резолюцию: признавая, что «вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться

этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы»[993]. За эту резолюцию голосовали все, кроме Каменева и Зиновьева. Но это не помешало включению обоих в состав созданного по предложению Дзержинского для руководства восстанием Политбюро, куда, кроме них, вошли Ленин, Троцкий, Сталин, Сокольников и Бубнов. В таком составе оно ни разу не собиралось. Но сам созданный в квартире Суханова институт доживет до 1991 года.

Разошлись утром. «Светает. Снова бесконечно длинный Каменноостровский. Скучно, долго трусит извозчик. А на душе торжественно, серьезно. Почти благоговейно. Будто осязаешь, что стоишь на пороге великого часа. Пробьет он, и конец старому миру… Торжественно, серьезно и чуть нервно»[994], – напишет Коллонтай.

Итак, Ленин убедил ЦК, но остальная часть партии была еще не в курсе того, что ей предстояло. Узнала она об этом не от ЦК, а от Зиновьева и Каменева, которые 11 (24) октября обратились к Петербургскому, Московскому, Московскому областному, Финляндскому и другим комитетам со своей платформой, в которой не соглашались с Лениным. Борьба за партию продолжалась.

В тот день заканчивала работу III Петроградская городская партконференция, принявшая резолюцию в ленинском ключе: «Наступил момент последней решительной схватки, долженствующей решить судьбу не только революции российской, но и революции мировой»[995]. Это событие уже не прошло мимо внимания правительства и ВЦИК. В своем выступлении в тот день в Предпарламенте Керенский дал понять, что правительство жестко пресечет любую подрывную деятельность большевиков.

Пятый выход Ленина с конспиративной квартиры Фофанова датирует 14 (27) октября – «на квартиру М. И. Калинина (Выборгское шоссе, д. 106, кв. 1). О том, что в этот день здесь было совещание, которым руководил Ленин, мне рассказал М. И. Калинин, кроме того, об этом пишет М. И. Лацис»[996]. Правда, Лацис переносит эту встречу в помещение Лесной районной думы. Члены Петербургского комитета, недовольные пассивностью ЦК, начали создавать свою повстанческую структуру во главе с Бокием, Москвиным и Лацисом. Координация усилий была необходима.

Рассказ Мартына Ивановича Лациса (Яна Фридриховича Судрабса): «Поздно вечером вместе с тов. Москвиным мы подкрадываемся к подрайонной думе и встречаем там Калинина и еще пару каких-то виданных и все же незнакомых людей.

Только подойдя вплотную и слыша говор, мы спохватываемся, что это бритый Ильич и бородатый Зиновьев… Уже к полуночи все переходят в боковые комнаты, и начинается обсуждение вопроса – *о восстании*… После информации Ильич берет слово и ясно формулирует свои мысли. Его взгляд: или сейчас, или все будет упущено… Уже к утру Ильич подводит итог прениям и предлагает голосовать за восстание. Против поднялись руки Зиновьева и Каменева. И еще воздерживаются несколько человек. Остальные за Ильича… Мы расходимся с ясной директивой, но с тяжелой обязанностью. *Или сейчас, или…*»[997].

Повстанческие структуры множились, резолюции принимались, дата открытия съезда Советов приближалась, но никаких признаков начала «в.в.» (вооруженного восстания) не было. Ленин в сердцах собирает еще одно – на сей раз расширенное – заседание ЦК в той же Лесной думе, где председателем был Калинин. Вечер был темный, шел мелкий дождь, дул сильный, порывистый ветер. Ровно в 7 часов подошли ВИ и Э. Рахья. Шотман и Рахья несколько раз ходили на разведку: народ собирался крайне медленно. «Прождали мы таким образом около часа, гуляя по пустынным улицам Лесного. ВИ весьма крепко ругался по поводу неаккуратности ответственных товарищей. Когда, наконец, Э. Рахья, вернувшись с разведки, сообщил, что собралось человек двадцать, мы решили войти в дом». Это был шестой выход Ленина «в свет».

«Когда ВИ вошел в комнату, где собрались товарищи, все наперебой бросились пожимать ему руки, некоторые расцеловались с ним, закидывали его вопросами… ВИ уселся в конце комнаты на табуретке, вынул из кармана исписанные мелким почерком листочки, по привычке поднял руку, чтобы погладить парик, и, спохватившись, улыбнулся»[998].

«Если бы партии меньшевиков и эсеров порвали с соглашательством, можно было бы предложить им компромисс. Это предложение было сделано, но ясно было, что данными партиями этот компромисс был отвергнут. Из политического анализа классовой борьбы и в России, в Европе вытекает необходимость самой решительной, самой активной политики, которая может быть только вооруженным восстанием»[999].

Большинство выступавших – за восстание. Зиновьев не сдается:

«– Если восстание ставится как перспектива, то возражать нельзя, но если это приказ на завтра или послезавтра, то это авантюра.

– Назначение восстания есть авантюризм, – соглашается Каменев. – Мы обязаны разъяснять массам, что в эти три дня на

выступление не зовем, но считаем, что восстание неизбежно»[1000].

Ленин, рассказывал Иоффе, так разнервничался, что даже сорвал с головы парик и принялся им размахивать[1001]. Помогло. Под утро Ленин предлагает решение: «Собрание вполне приветствует и всецело поддерживает резолюцию ЦК, призывает все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленнейшей подготовке вооруженного восстания, к поддержке создаваемого для этого Центральным Комитетом центра и выражает полную уверенность, что ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления»[1002]. За это решение проголосовали 19 человек, двое – Каменев и Зиновьев – были против, четверо воздержались. Резолюцию Зиновьева – «никакие выступления впредь до совещания с б-ской (не подумайте ничего плохого, «большевистской». – *В.Н.*) частью съезда Советов – недопустимы» – поддержали шестеро, трое воздержались и 15 были против. Если при таком раскладе сил, когда даже треть большевистского руководства не хотела восстания, переворот все-таки удался, значит, действительно в те хмурые осенние дни власть буквально валялась на мостовой.

Для практического руководства восстанием избирается Военно-революционный центр – Свердлов, Сталин, Бубнов, Дзержинский, Урицкий. Постановлено, что этот центр должен войти «в состав революционного Советского комитета», то есть в Военно-революционный комитет [1003].

«С этого заседания Владимир Ильич пришел лишь часа в четыре-пять утра, – вспоминала Фофанова. – Я ждала его, сидя в столовой…

– А вы дежурите? А вот что сделали со мной дорогие товарищи – заставили меня ходить по улице два часа и ждать их, пока они соберутся.

Когда же утром Ленин пришел завтракать, то попросил помыть парик горячей водой с мылом, так как ночью, сказал он, парик вместе со шляпой (был сильный ветер с дождем) сдуло прямо в лужу»[1004].

Объявив грядущий II съезд Советов непредставительным (большевики действительно позаботились о повышенном представительстве от симпатизировавших им Советов), бюро ВЦИК все-таки позволило ему собраться, максимально сузив повестку дня и перенеся срок открытия с 20 на 25 октября. Подозреваю, многие в большевистском руководстве – не Ленин – восприняли это решение как подарок. У большевиков оказалось в запасе еще пять дней на подготовку «в.в.».

Ленин торопил. Он пишет «Письмо к товарищам», которое

«Рабочий Путь» будет публиковать в трех номерах – с 19 по 21 октября (2–4 ноября). Это была прямая полемика с Каменевым и Зиновьевым, хотя их имена не назывались. Ленин темнил по поводу места своего пребывания: «Мне удалось только в понедельник, 16-го октября, утром увидеть товарища, который участвовал накануне в очень важном большевистском собрании в Питере и подробно осведомил меня о прениях… Ничтожнейшее меньшинство собрания, именно всего-навсего двое товарищей заняли отрицательное отношение. Доводы, с которыми выступали эти товарищи, до того слабы, эти доводы являются таким поразительным проявлением растерянности, запутанности и краха всех основных идей большевизма и революционно-пролетарского интернационализма, что нелегко подыскать объяснение столь позорным колебаниям… Голод не ждет. Крестьянское восстание не ждало. Война не ждет»[1005].

«Седьмой раз Ленин выходил из квартиры 19 октября, – писала Фофанова. – В этот день он был на расширенном собрании Военно-революционного комитета с руководящими работниками и съехавшимися депутатами II съезда Советов. Собрание происходило в немецкой церкви (угол Кирочной и Литейного проспекта), о чем сообщает Э. Рахья… а также другие товарищи, присутствовавшие на нем».

Восьмой выход Ленина Фофанова датирует 21 октября (4 ноября), хотя более принята дата – вечером 17 (30) октября. «Он посетил квартиру рабочего Д. А. Павлова (Сердобольская ул., д. 35, кв. 4), где встретился с членами ВРК Подвойским, Антоновым-Овсеенко и Невским»[1006]. Антонов-Овсеенко писал: «В белесых сумерках вечера автомобиль наш долго крутился разными закоулками, наконец, остановился на одной из уличек Выборгской стороны… Перед нами стоял седенький, в очках, довольно бодренький старичок добродушного вида, не то учитель, не то музыкант, а может быть, букинист. Ильич снял парик, очки и искрящимся обычным юмором взглядом окинул нас:

– Ну, что нового?

Новости наши не согласовывались. Подвойский выражал сомнение, Невский то вторил ему, то впадал в уверенный тон Ильича; я рассказывал о положении в Финляндии»[1007]. Интерпретация Подвойского: «Усадив нас, ВИ начал с Антонова-Овсеенко… Он не берется уверенно судить о положении в Петроградском гарнизоне, но что ему хорошо известно состояние Гельсингфорсского и отчасти Кронштадтского флота. Моряки готовы к выступлению. Они могут переброситься в Петроград по железной дороге, а в крайнем случае и подойти к городу с моря.

Войска, стоящие в Финляндии, все распропагандированы и всячески поддержат восстание…

Невский, специально ездивший по поручению Военной организации в Гельсингфорс… высказался в том смысле, что флот восстанет – Антонов-Овсеенко прав, – но продвижение флота к Петрограду встретило бы огромнейшие затруднения. После ареста офицеров, который окажется неизбежным в первый же час восстания, на их место станут люди малоопытные, малознакомые с картой минных полей, вряд ли смогут провести суда среди минных заграждений.

Я сказал, что подготовка восстания проводится Военной организацией самым интенсивным образом… принято решение направить ответственных товарищей на фронт: в 12-ю, 5-ю, 2-ю армию, на Юго-Западный фронт, в Минск, в Брянск… Принятому нами решению о связи с действующей армией Военная организация придает серьезное значение, а выполнение его потребует известного срока. Поэтому целесообразно было бы восстание несколько отложить, дней на десять… Я также обратил внимание ВИ на то обстоятельство, что Керенский может опереться на особые сводные отряды и другие реакционные части с фронта, могущие воспрепятствовать успеху восстания…

– Вот именно! – перебивает он меня, – как раз поэтому-то и нельзя откладывать. Всякое промедление даст возможность подготовиться более решительно к разгрому нас с помощью вызванных для этого надежных войск с фронта. Восстание должно произойти до съезда Советов – особенно важно, чтобы съезд, поставленный перед свершившимся фактом взятия рабочим классом власти, сразу же закрепил бы декретами и организацией аппарата власти новый режим…

Простились мы трогательно. Было уже далеко за полночь. Словно на крыльях несся я обратно. В голове, как молотом, стучали ленинские слова: «Массы налицо. Наладить военное руководство ими. Дать им в руки возможно больше оружия – вот что надо»[1008].

Антонов-Овсеенко: «Осторожно выходим на улицу. У самых ворот вдруг наталкиваемся на высокую фигуру, прилаживающуюся влезть на велосипед, – неужели шпик?.. Невский повернул в дом предупредить, я, сжимая револьвер, прошел за угол. Подвойский остановился на другом углу, велосипед тронулся. Через 2 минуты Ильич, снова неузнаваемый, направлялся в другое убежище. Мы успокоенно зашагали к автомобилю»[1009].

Успеху «в.в.» в тот момент могли помешать только колебания в самой большевистской партии. Именно поэтому Ленин столь

болезненно воспринял «предательство» Каменева, который не только заявил о выходе из ЦК, но и дал интервью «Новой жизни», где рассказал о своем и Зиновьева несогласии с планами взятия власти.

Ленин в ярости. Письмо членам партии: «Молчать перед фактом такого неслыханного *штрейкбрехерства* было бы преступлением… Я говорю прямо, что товарищами их обоих больше не считаю и всеми силами и перед ЦК и перед съездом буду бороться за исключение обоих из партии… Тяжелая измена… Теснее сплотим ряды, – пролетариат должен победить!»[1010].

В партии раскол. Луначарский писал супруге 18 октября: «Мы образовали нечто вроде блока правых большевиков. Каменев, Зиновьев, я, Рязанов и др. Во главе левых стоят Ленин и Троцкий. У них – ЦК, а у нас все руководители отдельных работ: муниципальной, профсоюзной, фабрично-заводских комитетов, военной, советской»[1011]. Обращение Ленина в ЦК не рассматривают. Он не успокаивается и на следующий день направляет новое письмо: «Каменев и Зиновьев *выдали* Родзянке и Керенскому решение ЦК своей партии о вооруженном восстании и о сокрытии от врага подготовки вооруженного восстания, выбора срока для вооруженного восстания… На угрозу раскола я отвечаю объявлением войны до конца, за исключение штрейкбрехеров из партии»[1012]. Как бы то ни было, откровения Зиновьева с Каменевым и усиление военных приготовлений правительства заставили большевиков притормозить с осуществлением плана восстания.

По приказу Керенского прокурор судебной палаты призвал все силовые структуры страны «оказать содействие в производстве ареста и доставлении Ленина судебному следователю по особо важным делам П. А. Александрову»[1013]. Было распоряжение и об аресте тех ранее освобожденных из тюрьмы большевиков, которые выступали с агитацией за восстание. В первую очередь имели в виду Троцкого.

Управделами правительства Набоков за 4–5 дней до восстания спросил Керенского о его планах в случае большевистского выступления и услышал в ответ:

«– Я был бы готов отслужить молебен, чтобы такое выступление произошло.

– А уверены ли Вы, что сможете с ним справиться?

– У меня больше сил, чем нужно. Они будут раздавлены окончательно»[1014].

Министр-председатель сильно переоценивал свои возможности. Готовность большевиков к восстанию – и

политическая и силовая – была уже высокой. Завершались выборы на Второй съезд Советов. Более 500 губернских и уездных Советов рабочих и солдатских депутатов высказались за передачу власти Советам[1015].

Назначенный первоначально на 17 (30) октября съезд партии большевики перенесли на неопределенный срок. Но механизм подготовки к съезду никто не останавливал: шли губернские и областные партконференции. К 20-м числам их число перевалило уже за 80, и на всех был поддержан лозунг власти Советов[1016]. Большевики возглавляли Центральные бюро профсоюзов крупнейших городов. Фабзавкомы были за большевиков повсеместно. Большевистские организации активно действовали во всех 16 гвардейских запасных полках и практически во всех других частях Петроградского гарнизона. Число членов партийной Военной организации в столице достигало 5800 человек[1017]. Большевистские настроения доминировали также в московском гарнизоне, в войсках, дислоцированных в Финляндии, на Северном фронте, в Балтфлоте. Отряды Красной гвардии насчитывали по всей стране до 75 тысяч человек, из них в Петрограде более 20 тысяч бойцов, в Москве – 10 тысяч, в Киеве – 3 тысячи.

Зиновьев публикует в «Рабочем пути» письмо, которое вряд ли можно было считать покаянным: он назвал свои разногласия с Лениным «несущественными». Письмо сопровождалось припиской от редакции: «Вопрос можно считать исчерпанным». Автором этой либеральной приписки был Сталин, что быстро выяснилось на заседании ЦК, созванном для рассмотрения письма Ленина о Зиновьеве и Каменеве. Высший орган большевиков осудил их антипартийное поведение, однако предложение об исключении из партии не поддержал. Ленин долго не сможет успокоиться по поводу этого решения партийного ареопага. Он напишет Свердлову: «На пленуме мне, видно, не удастся быть, ибо меня “ловят”. По делу Зиновьева и Каменева, если *вы* (+ Сталин, Сокольников и Дзержинский) требуете компромисса, внесите *против* меня предложение о сдаче дела в партийный суд (факты ясны, что и Зиновьев *срывал* умышленно): это будет отсрочкой. Отставка Каменева принята? Из ЦК?»[1018].

Керенский 24 октября (6 ноября) решает приступить к разгрому большевиков. В 5 часов утра юнкера 2-й ораниенбаумской школы заняли типографии большевистских газет «Рабочий путь» и «Солдат». Были отключены идущие в Смольный телефонные линии. ВРК выпускает воззвание: «Поход контрреволюционных заговорщиков направлен против Всероссийского съезда Советов накануне его открытия, против

Учредительного собрания, против народа… Весь гарнизон и весь пролетариат Петрограда готовы нанести врагам народа сокрушительный удар». Бойцы Литовского полка в 10 утра выгнали юнкеров из большевистских типографий, матросы заняли телефонную станцию. Временное правительство приказало развести в городе мосты. Госслужащие распущены по домам. Караулы юнкеров по всему городу. Керенский метался между штабом округа, Предпарламентом и Зимним.

ВРК отдал распоряжения по занятию вокзалов, наведению мостов, захвату электростанции, петроградского телеграфного агентства, Государственного банка, адмиралтейства, аэродромов, Мариинского и Зимнего дворцов. С наступлением темноты боевые отряды ВРК начали планомерно реализовывать план вооруженного восстания с таким расчетом, писал Подвойский, чтобы «утром проснувшееся население Петрограда было поставлено уже перед свершившимся фактом овладения восставшими всеми улицами и площадями»[1019]. На случай сильного сопротивления план предусматривал штурм Зимнего, сигналом к которому должен был послужить красный фонарь на Петропавловской крепости и артиллерийский залп с крейсера «Аврора», имея в виду возможность тумана. Большевики установили собственные пикеты на мостах и методично захватывали стратегические объекты – центры связи, транспортные узлы, коммуникации, городские службы, типографии – все нервные центры большого столичного города.

Ленин не в курсе происходившего. У него только утренние газеты, которые писали о претворении в жизнь правительственных мероприятий по наведению порядка и о согласии ВРК на переговоры со штабом округа. Свидетельство пораженчества и оппортунистического выжидательства – для Ленина – налицо! Около 16 часов Фофанова в городе узнала о начале схватки за мосты и на собственном опыте убедилась, что не через все из них можно перейти. За последними новостями она побежала в Выборгский райком к Крупской. «В комитете удалось получить лишь очень смутные сведения, о которых я рассказала ВИ». Фофанова вспоминала, как Ленин «ушел к себе в комнату и через некоторое время вышел ко мне с письмом в руках… и просил передать его только через Надежду Константиновну, сказав, что он считает, что больше откладывать нельзя. Необходимо пойти на вооруженное выступление, и сегодня он должен быть в Смольном»[1020].

Записка Ленина дышит нетерпением: «Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно. Изо всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на

волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс… Надо во что бы то ни стало сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т. д.

Нельзя ждать!! Можно потерять все!..

Кто должен взять власть? Это сейчас неважно: пусть ее возьмет Военно-революционный комитет “или другое учреждение”, которое заявит, что сдаст власть только истинным представителям интересов народа… Надо, чтобы все районы, все полки, все силы мобилизовались тотчас и послали немедленно делегации в Военно-революционный комитет, в ЦК большевиков, настоятельно требуя: ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня непременно вечером или ночью…»[1021].

Как видим, письмо вновь адресовано *низам и среднему эшелону* партии, которым Ленин предлагает надавить на партийную верхушку. Но он прекрасно понимал, что никакие «районы и полки» не способны оказать на ВРК и ЦК большее влияние, чем он сам. Он должен идти в Смольный. Ленин просит Фофанову не только передать это письмо супруге, но и через нее получить «добро» от ЦК на его появление в штабе революции. Фофанова вновь помчалась в Выборгский райком. Техника информирования низов о позиции лидера партии у Крупской налажена. В тот же вечер письмо Ленина было размножено и разослано по всем райкомам Петрограда, а также и в Смольный. Крупская также связывалась с ЦК, но Ленину не разрешили идти в Смольный: опасно. Фофанова вернулась домой, сообщила новости. Попыталась приготовить для Ленина поздний обед, но тот был против: «Бросьте всю эту готовку. Я уже сегодня ел – ставил чайник».

Он пишет еще одну записку, с которой отправляет несчастную Фофанову к Крупской. «Вскоре я принесла от нее ответ, который его не удовлетворил». ЦК вновь отказал, ссылаясь на опасность и отсутствие надежной охраны. Ленин в ярости: «Не знаю – все, что они мне говорили – они все время врали или заблуждались? Что они трусят? Тут они все время говорили, что тот полк – наш, тот – наш… А спросите, есть у них 100 человек солдат… 50 человек? Мне не надо полк».

Он опять отправил Фофанову с запиской к жене, напутствовав: «Идите, я вас буду ждать ровно до 11 часов. И если вы не придете, я волен делать то, что хочу»[1022].

Тут к нему пришел Рахья со свежими новостями. «Мы

напились чаю и закусили, – писал Рахья, – ВИ ходил по комнате из угла в угол по диагонали и что-то думал». Подумав, сказал, что Фофанова принесет очередной отказ, а потому Рахья должен отправиться прямо к Сталину в Смольный и добиться от него разрешения. Когда Рахья заметил, что с учетом происходящего в городе такое путешествие займет много времени, Ленин твердо решил идти сам. Как ни запугивал собеседник опасностями пути, Ленин настоял на своем. Рахья взялся за привычную ему работу визажиста. «Ильич переменил одежду, перевязал зубы достаточно грязной повязкой, на голову напялил завалявшуюся кепку». Фофановой оставил записку: «Ушел туда, куда вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания. Ильич»[1023].

Путь неблизкий, километров десять. От дома пошли по Сампсоньевскому – пустому, ветреному. На повороте на 1-ю Муринскую нагнал трамвай, шедший в парк. Ехали на полупустом трамвае. Ленин перед выходом из дома клятвенно обещал, что всю дорогу не откроет и рта. Куда там: он начал интересоваться происходившим у кондукторши. «Она, – вспоминая Рахья, – сперва было отвечала, а потом говорит:

– Неужели не знаешь, что в городе делается?

ВИ ответил, что не знает.

– Какой же ты, – говорит, – после этого рабочий, раз не знаешь, что будет революция».

Трамвай шел в парк. Доехали по Сампсоньевскому до угла Боткинской и до Литейного моста шли пешком. На одной стороне моста стояли красноармейцы, на другой – юнкера, которым требовался пропуск из штаба округа. Но вокруг юнкеров шумела и ругалась толпа трудящихся, которых не пропускали туда, куда им было нужно. Воспользовавшись сумятицей, прошли мимо часовых на Литейный, потом свернули на Шпалерную, где натолкнулись на патруль из двух конных юнкеров.

– Стой! Пропуска!

У Рахьи в карманах были два револьвера.

– Я разберусь с ними сам, а Вы идите, – сказал он.

И, засунув руки в карманы, положив пальцы на курки и притворившись пьяным, вступил в перепалку с патрульными. «Юнкера угрожали мне нагайками и требовали, чтобы я следовал за ними. Я решительно отказывался. По всей вероятности, они в конце концов решили не связываться с нами, по их мнению, с бродягами. А по виду мы действительно представляли типичных бродяг. Юнкера отъехали»[1024].

Когда дошли до Смольного, то выяснилось, что поменяли пропуска, и из обладателей старых выстроилась огромная возмущающаяся толпа у входа. Мастер уличных потасовок, Рахья

начал раскачивать толпу «на прорыв». Охрана не выдержала натиска людской массы, вместе с которой внутрь Смольного внесло и Ленина.

Взвинченный, понятия не имеющий, как его примут и чем кончится его затея с восстанием, Ленин впервые за 110 дней был в публичном месте. «Мы вошли в Смольный, – продолжал Рахья, – пошли на второй этаж. В конце коридора, у окна, рядом с актовым залом, ВИ остановился, послав меня искать товарищей Сталина и Троцкого. Названных товарищей я разыскал и привел к ВИ. Так как разговаривать в коридоре было неудобно, мы прошли в комнату рядом с актовым залом. В комнате посредине находился стол, по сторонам стола – стулья. ВИ уселся на стул в конце стола лицом к дверям зала; тов. Троцкий – справа, тов. Сталин – слева от него»[1025]. Первый вопрос Ленина, запомнил Троцкий, касался переговоров ВРК со штабом округа.

«– Неужели это правда? Идете на компромисс? – спрашивал Ленин, всверливаясь глазами. Я отвечал, что мы пустили в газеты успокоительное сообщение нарочно, что это лишь военная хитрость.

– Вот это хо-ро-шо-о, – нараспев, весело, с подъемом проговорил Ленин и стал шагать по комнате, возбужденно потирая руки. – Это оч-чень хорошо!»[1026].

Видимо, в этот момент в комнату зашли с буханкой хлеба и батоном колбасы проголодавшися члены ЦИК. Вот только какие именно? Троцкий называет Дана и Скобелева. Рахья запомнил, что это были Дан, Либер и Гоц. Ленин сделал вид, что их не знает, в надежде, что не узнают и его. «Он был обвязан платком, как от зубной боли, с огромными очками, в плохом картузишке, вид был довольно странный, – поведает Троцкий. – Но Дан, у которого глаз опытный, наметанный, когда увидел нас, посмотрел с одной стороны, с другой стороны, толкнул локтем Скобелева, мигнул глазом…» Действительно, кто это одетый бомжем человек, с которым беседует председатель Петросовета в комнате президиума? Аппетит пропал сразу. Лидеры ЦИК сгребли бутерброды и выскочили из комнаты. Ленин толкнул Троцкого локтем:

– Узнали, подлецы!

Рахья добавил, что «этот случай привел ВИ в веселое настроение, и он от души хохотал»[1027].

Перешли в другую комнату – 31-ю или 36-ю. Только здесь Ленин снял парик, повязку, очки и кепку. Стали собираться члены ЦК, и сразу стало тесновато. Стульев не хватает. Рахья подает пример: «Я уселся на полу у двери в уголочке, прижавшись подбородком к коленям». Так обычно сидели в переполненных

тюремных камерах. Поскольку подобный опыт был практически у всех собравшихся, теснота больших проблем не создала[1028].

На самом деле продолжался спор о тактике захвата власти. И, судя по всему, Ленин признал свою неправоту. Сталин вспомнит: «И, несмотря на все требования Ильича, мы не послушались его, пошли дальше по пути укрепления Советов и довели дело до съезда Советов 25 октября, до успешного восстания». А в ночь на 25-е на встрече с членами ЦК, «улыбаясь и хитро глядя на нас, он сказал:

– Да, вы, пожалуй, были правы»[1029].

Действительно, перспективы получения власти выглядели как весьма благоприятные. Зачем в этих условиях возобновлять старый спор. Но и Ленин получит свой утешительный приз, настояв на том, чтобы, не дожидаясь ни съезда Советов, ни падения Временного правительства, заявить о переходе власти к ВРК.

С появлением Ленина в Смольном все линии работы по подготовке восстания – ЦК, ПК, ВРК – срослись. И он тут же погрузился в военную сторону вопроса. Подвойский вспоминал: «Мы ставим последние кресты на план города, знаки тех ударов, которые в первую, во вторую и третью очередь должны быть нанесены по силам контрреволюции. Мы были так поглощены расстановкой флажков, что не заметили, как в нашу комнату вошел ВИ. Трудно передать наше волнение и радость, когда мы увидели Ленина… Через связных мы сейчас же дали знать во все полки, на все заводы, что восстанием непосредственно руководит Ленин, что он уже в Смольном и взял в свои руки бразды правления»[1030].

Только в ночь на 25 октября (7 ноября), когда первые части начали выдвигаться для занятия подступов к Зимнему дворцу, была собрана группа членов ЦК и доверенных коллег для обсуждения вопроса о новом правительстве: его названии и персональном составе. Никаких протоколов нет, состав участников не ясен – люди приходили и уходили, – как и статус собрания. Есть лишь воспоминания, притом относящиеся, похоже, к разным дням революции. Официально же: «Ленин участвует в заседании ЦК РСДРП(б), на котором обсуждается вопрос о составе Советского правительства России»[1031].

Вспоминал Каменев: «В то время как Военно-революционный комитет, под руководством товарищей Свердлова, Урицкого, Иоффе, Дзержинского и др., заседавших в третьем этаже Смольного, руководил захватом всех боевых пунктов, рассылая воинские части, комиссаров и т. д., а товарищи Антонов, Подвойский и Чудновский подготовляли взятие Зимнего

дворца, – в нижнем этаже Смольного, в маленькой 36-й комнате, под председательством Ленина, вырабатывался первый список народных комиссаров, который я на следующий день огласил на съезде»[1032]. Там же Милютин: «24 октября часов в 12 ночи или же позднее… Центральный Комитет партии большевиков заседал в комнате № 36 в первом этаже Смольного. Посреди комнаты стол, вокруг несколько стульев, на полу сброшено чье-то пальто… В комнате исключительно члены ЦК, т. е. Ленин, Троцкий, Сталин, Смилга, Каменев, Зиновьев и я, остальные разошлись по домам».

Память Милютина в отношении состава участников подводит. Была Ольга Равич, писавшая потом об участии также «нескольких членов ПК». Например, Молотова, который свидетельствовал: «Мне пришлось быть в одной из комнат нижнего этажа в Смольном, где Ленин вместе с несколькими членами ЦК обменивались мнениями по вопросу о формировании первого Советского правительства». Был Луначарский, который помнил: «Это свершалось в какой-то комнатушке Смольного, где стулья были забросаны пальто и шапками и где все теснились вокруг плохо освещенного стола». Был Иоффе, который от имени ВРК рассказал об обстановке[1033]. Был Ломов, который напишет, что даже Каменев уже согласился, что «фактически власть находилась в наших руках:

– Ну, что ж, если сделали глупость и взяли власть, то надо составлять министерство.

Кто-то отнесся к этому предложению, как к шутке. Другие стали говорить, что большевики у власти и двух недель не продержатся. Вступил Ленин:

– Ничего, когда пройдет два года и мы все еще будем у власти, вы будете говорить, что вряд ли еще два года продержимся».

Ленин предложил Милютину взять карандаш и бумагу и записывать. Тот вспоминал: «Взял карандаш и клочок бумаги и сел за стол… Все приняли участие. И вот тут возник вопрос, как назвать новое правительство, его членов? “Временное Правительство” всем казалось затасканным, и потом самое слово “временное” отнюдь не отвечало нашим видам… И вот тут Троцкий нашел то слово, на котором сразу все сошлись – “народный комиссар”.

– Да, это хорошо, – сейчас же подхватил тов. Ленин, – это пахнет революцией.

– А правительство назвать Совет Народных Комиссаров, – подхватил Каменев.

Мною было записано “Совет Народных Комиссаров”, и затем приступили к поименному списку»[1034].

Присутствовавшие отбивались от предлагавшихся им портфелей, как могли. Ломов писал: «Мы знали, где бьют, как бьют, где и как сажают в карцер, но мы не умели управлять государством и не были знакомы ни с банковской техникой, ни с работой министерств… Желающих попасть в наркомы было немного. Не потому, что дрожали за свои шкуры, а потому, что боялись не справиться с работой… Все народные комиссары стремились всячески отбояриться от назначения, старались найти других товарищей, которые могли с большим успехом, по их мнению, занять пост народного комиссара».

Ленин предложил возглавить Совнарком Троцкому, который напишет: «Я привскочил с места с протестами – до такой степени это предложение показалось мне неожиданным и неуместным.

– Почему же, – настаивал Ленин. – Вы стояли во главе Петроградского совета, который взял власть…

Я предложил отвергнуть предложение без прений. Так и сделали». 26 октября 1923 года на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК Троцкий уточнит и добавит деталей: «Мой личный момент – мое еврейское происхождение. ВИ говорил 25 октября 1917 г., лежа на полу в Смольном: “Мы Вам сделаем НКВД; Вы будете давить буржуазию и дворянство”. Я возражал – НКИД!»[1035]. Кому, как не Троцкому, нести знамя революции по миру.

Ленин нехотя (может, лукавил) согласился стать главой будущего правительства.

Итак, Троцкий готов был руководить иностранными делами, Сталин – комиссариатом по национальностям. Комиссаром по внутренним делам наметили Рыкова, учившегося на юрфаке в Казани. Ломов – на юстицию. Луначарский – без дискуссий – на просвещение. Милютин, работавший земским статистиком, – на земледелие. И так далее. Луначарский вспоминал: «Мне казалось, что выбор часто слишком случаен, и все боялся слишком большого несоответствия между гигантскими задачами и выбираемыми людьми, которых я хорошо знал и которые казались мне не подготовленными еще для той или иной специальности. Ленин досадливо отмахивался от меня и в то же время с улыбкой говорил:

– Пока… Там посмотрим, нужны ответственные люди на все посты; ежели окажутся негодными – сумеем переменить»[1036].

Ну вот, можно и отдохнуть. Ленин, Троцкий и Сокольников обосновались в комнате с ворохом газет, там, вероятно, был издательский отдел ЦИК. «Мы улеглись на газетных кипах, укрылись газетными листами и так продремали несколько часов», – запомнил Сокольников. Отдых на газетах вспоминал и Троцкий: «На уставшем лице бодрствуют ленинские глаза. Он

смотрит на меня дружественно, мягко, с угловатой застенчивостью, выражая внутреннюю близость. “Знаете, – говорит он нерешительно, – сразу после преследований и подполья к власти… – он ищет выражения, – es schwindelt, – переходит он неожиданно на немецкий язык и показывает рукой вокруг головы. Мы смотрим друг на друга и чуть смеемся»[1037]. «Es schwindelt» – голова идет кругом. Несколько часов назад Ленин крадучись выходил из конспиративной квартиры, разыскиваемый всеми правоохранительными службами страны (или тем, что от них осталось), не уверенный, что живым дойдет до Смольного. Он и сейчас не уверен, что останется жив даже в ближайшие часы или дни. Но он уже фактически руководит Россией, хотя об этом мало кто знает.

Появление Ленина в Смольном, безусловно, придало ускорение революционному процессу. Около 2 часов ночи пошли приказы от ВРК на быстрые решительные действия. «По плану Зимний дворец предполагалось атаковать в ночь на 25 октября, во время заседания правительства, – рассказывал Подвойский. – Если бы правительство не сдалось, решено было заставить его огнем с крейсеров “Аврора” и “Заря свободы”, а также стрельбой в упор с верхов Петропавловской крепости сдать власть пролетариату»[1038].

В это время занимались оставшиеся вокзалы – Николаевский, Варшавский и Царскосельский, Главный почтамт, Центральная телефонная станция, электростанции. «Группки юнкеров не могли и не думали сопротивляться. В общем военные операции были похожи скорее на смены караулов в политически важных центрах города. Более слабая охрана из юнкеров уходила, на ее место становилась усиленная охрана гвардейцев»[1039]. Восстание разворачивалось почти бесшумно и бескровно. «Может, кое-где возникала перебранка»[1040]. К утру исход восстания был уже решен. Но взять Зимний не удалось, что нарушало планы.

Комиссару ВРК Уралову утром 25 октября необычайно повезло: «Совершенно неожиданно я очутился не то на заседании ЦК; не то на совещании отдельных членов ЦК – понять было трудно. Произошло это около 8 или 9 часов утра… Ленин, высвободившись из объятий Бонч-Бруевича (все происходило невероятно быстро), быстрой походкой подошел к стоявшему прямо против двери у окна маленькому канцелярскому столику и, отодвинув старенький венский стул, сел за столик. Нельзя было не заметить, что ВИ находился в сильно приподнятом настроении. Вслед за Лениным в комнату вошли: Дзержинский, Сталин, Свердлов, Урицкий и другие, всего человек семь или восемь. Вошедшие разместились вокруг ВИ, кто на подоконнике,

кто у окна, кто у столика, один стоял напротив Ильича, опершись коленкой на стул, остальные стояли вокруг стола. В. И. Ленин был в те минуты заметно взволнован, но весь его облик выражал непреклонную решимость»[1041]. Уралов писал уже в те времена, когда имена «других» участников совещания нельзя было поминать, так что состав собравшихся в реальности был заметно более широким.

Уралов застал момент составления обращения «К гражданам России!». Бонч-Бруевич подтверждал: Ленин «стал писать первую декларацию Октябрьской революции. Надо было писать кратко, сжато и все сказать в ней… ВИ быстро писал и перечеркивал и снова писал»[1042]. Первый абзац: «Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов – Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона» [1043]. Явочным порядком. С этим спорить никто не стал.

Ленин пишет второй абзац, который обнаружат работавшие с оригинальной рукописью историки-архивисты: «В.-Р. Комитет созывает сегодня в 12 час. дня Петроградский Совет, принимая так. обр. немедленные меры для создания Советского правительства». Вновь разгорелись знакомые дискуссии: нельзя это делать до съезда Советов. Ленин остается в меньшинстве, и абзац снимается[1044]. Третий абзац и концовка после короткой дискуссии и небольшой коллективной правки принимаются: «Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено. Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!»[1045] Ставятся дата и время – 10 утра.

Текст обращения печатали листовкой-плакатом для расклейки на улицах, в тот день его уже опубликовала газета «Рабочий и Солдат». Троцкий замечал: «Подвойский обещал падение дворца не позднее двенадцати часов. До сих пор по военной линии все шло так гладко, что ни у кого не было оснований сомневаться в этом сроке. В полдень обнаружилось, что осада все еще не укомплектована, кронштадтцев еще нет, между тем оборона дворца окрепла»[1046].

Открытие II съезда Советов было запланировано на два пополудни. И делегаты уже начали заполнять огромный бальный зал (он же – зал пленарных заседаний Петросовета) на втором этаже южного крыла Смольного. Ленин и Троцкий не хотели начинать съезд, пока держался Зимний. Однако решили все-таки

занять депутатов, открыв собрание, но в формате не съезда, а экстренного заседания Петроградского Совета. В 14.35 в президиуме появился Троцкий в черном костюме, как для бала, поверх наброшена солдатская шинель.

– От имени Военно-революционного комитета объявляю, что Временного правительства больше не существует. (Аплодисменты.) Отдельные министры подвергнуты аресту. (Браво.) Другие будут арестованы в ближайшие дни или часы. Пока все прошло бескровно. Мы не знаем ни одной жертвы… Власть Временного правительства, возглавлявшаяся Керенским, была мертва и ожидала удара метлы истории, которая должна была ее смести[1047].

Реакцию зала описывал сам Троцкий: «…Воцарилось на несколько секунд напряженное молчание. Потом пришли аплодисменты, но не бурные, а раздумчивые. Зал переживал и выжидал»[1048]. Далее, по газетному отчету, «тов. Троцкий сообщает, что в порядке дня есть доклад Военно-революционного комитета и доклад о задачах власти Советов. Докладчиком по второму вопросу товарищ Ленин. (Несмолкаемые аплодисменты.)

– Да здравствует возвратившийся к нам товарищ Ленин!

Собрание устраивает бурную овацию»[1049]. Ленин на трибуне.

– Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась… Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма…

Зал внимал, а Молотов сзади смотрел на Ленина. Произнося речь, Ленин приподнял одну ногу – у него была такая привычка. Несколько раз слышал я от деда эту историю: подошва была протерта до дырки. И через нее была видна грязная стелька. Ленин тем временем закончил речь:

– В России мы сейчас должны заняться постройкой социалистического государства. Да здравствует всемирная социалистическая революция! (Бурные аплодисменты)[1050].

Наступил вечер, надо, наконец, открывать II Всероссийский съезд Советов, а Зимний дворец не взят. Бонч-Бруевич передавал настроение Ленина, который безумно нервничал: «Почему так долго? Что делают наши военачальники? Затеяли настоящую войну! Зачем это? Окружение, перебросси, цепи, перебежки, развертывание… Быстрей! В атаку! Хороший отряд матросов, роту пехоты – и все там!»[1051]. Подвойский, Антонов-Овсеенко, Чудновский получают десятки записок с ленинскими ругательствами.

II съезд Советов открылся в 22.40. Трудно себе представить

более беспорядочного и сумбурного заседания. Стенограммы не велось. Стенографистки ЦИК из принципа покинули Смольный. Дан позвонил в колокольчик и печально произнес:

– Власть в наших руках.

Пауза, зал затих.

– ЦИК считает излишним открывать настоящее заседание политической речью. Для вас станет это абсолютно понятным, если вы вспомните, что я являюсь членом президиума ЦИК, а в это время наши партийные товарищи находятся в Зимнем дворце под обстрелом, самоотверженно выполняя свой долг министров, возложенный на них ЦИК. Без всяких речей объявляю заседание съезда открытым и предлагаю приступить к выборам президиума[1052].

В обстановке общего шума и гвалта было предложено заменить президиум, который занимал свое место по праву избрания предыдущим, I съездом. На место старого ЦИК сели Троцкий, Каменев, Зиновьев, Луначарский, Муранов, Коллонтай, Ногин, Рыков, Рязанов, еще несколько большевиков и левых эсеров – Камков, Карелин, Спиридонова, Мстиславский. Ленин хоть и был избран в президиум, в зале не появлялся. Председательствовал Каменев, с начала восстания взявший назад свое заявление о выходе из ЦК.

Ленин за кулисами. Он видит, как зал в знак протеста покидают многие делегаты съезда, представляющие меньшевиков и эсеров. Как накаляются страсти. Ленин ждет новостей о штурме Зимнего дворца, последовавшем за выстрелом «Авроры». Наконец, сообщают: Зимний взят, правительство арестовано, Керенский бежал из столицы.

В 3.10 после часового перерыва Второй съезд Советов возобновил свою работу. «Несмотря на уход отколовшихся делегатов, зал заседания был набит народом и шумел, как море». [1053] Люди стояли с вытянутыми лицами и слушали Каменева, который оглашал полученную от Антонова-Овсеенко телефонограмму. Ленин в ту историческую ночь не выступал. Узнав о взятии Зимнего, он часа в четыре утра воспользовался гостеприимством Бонч-Бруевича и отправился к нему на Херсонскую улицу ночевать. Вздремнув в машине, Ленин по приезде сел за стол. «Он писал, перечеркивал, читал, делал выписки, опять писал, – рассказывал Бонч-Бруевич. – И, наконец, видно, стал переписывать начисто. Уже светало, стало сереть позднее петроградское утро, когда ВИ потушил огонь, лег в постель и заснул»[1054]. Проснувшись, он продемонстрировал хозяину «Декрет о земле».

Согласно официальной лениниане, в утренние и дневные

часы 26 октября (8 ноября) «Ленин участвует в заседании ЦК РСДРП(б), на котором обсуждается вопрос о составе, структуре и названии Советского правительства»[1055]. О заседании мало что известно. И если 26-го обсуждались название и состав правительства, то чем занимался ЦК на уже описанном заседании в ночь на 25 октября? Протокола или стенограммы нет. Академик Минц установил: «26 октября на заседание ЦК были приглашены лидеры левых эсеров Б. Д. Камков, В. Б. Спиро и В. А. Карелин для переговоров об участии в правительстве, которое должен был создать II съезд Советов. Однако левые эсеры не приняли предложения большевиков: они настаивали на образовании “единого демократического правительства”… Есть основания предполагать, что на этом заседании ЦК Ленин доложил и написанные им проекты Декрета о мире и Декрета о земле»[1056].

Вплоть до возобновления заседания съезда Ленин не оставлял попыток уговорить левых эсеров войти в правительство. «Какая-то комната в Смольном с мягкими темно-красными диванчиками, – подмечала Крупская. – На одном из диванчиков сидит Спиридонова, около нее стоит Ильич и мягко как-то и страстно в чем-то ее убеждает»[1057]. Не убедил. Что же, правительство будет чисто большевистским.

В 20.40 в зале заседаний съезда появляется президиум. После ухода большинства меньшевиков, правых эсеров и бундовцев количество делегатов уменьшилось, но не сильно: прибывали запоздавшие. Количество левых эсеров за счет перебежчиков даже выросло, как и число украинских эсеров и меньшевиков-интернационалистов. В зале примерно 625 делегатов, из них 390 большевиков[1058].

Впервые с начала съезда на сцене Ленин, появление которого вызывает бурю аплодисментов. Каменев зачитывает проекты постановлений, каждое из которых было проголосовано и одобрено съездом. Первое – об отмене смертной казни на фронте: «Восстановленная Керенским смертная казнь на фронте отменяется. На фронте восстанавливается полная свобода агитации. Все солдаты и офицеры-революционеры, находящиеся под арестом по так называемым “политическим преступлениям”, освобождаются немедленно». Затем было принято постановление о переходе всей власти на местах к Советам. «Вся власть отныне принадлежит Советам. Комиссары правительства отстраняются. Председатели Советов сносятся непосредственно с революционным правительством»[1059].

Наконец, на трибуну приглашается Ленин. Американский журналист Джон Рид запомнил: «Он стоял, держась за края трибуны, обводя прищуренными глазами массу депутатов, и

ждал, по-видимому, не замечая нараставшую овацию, длившуюся несколько минут. Когда она стихла, он коротко и просто сказал:

– Теперь пора приступать к строительству социалистического порядка»[1060].

«Он говорил так, будто только вчера расстался со своими слушателями, так как говорят с аудиторией, перед которой выступают регулярно каждую неделю»[1061]. Ленин докладывал воззвание, озаглавленное для убедительности «Декретом о мире»:

– Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24–25 октября и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире.

На каких принципах? Без аннексий и контрибуций, с гарантией каждой нации права на самоопределение. Для начала мирных переговоров Россия предлагала объявить трехмесячное перемирие[1062].

После непродолжительных дебатов в 22.35 Каменев ставит «Декрет о мире» на голосование. Море рук. Кто-то предложил приветствовать Ленина.

Стеклов вспоминал: «Неудержимый порыв охватил весь съезд, который поднялся с мест и запел песнь пролетарского освобождения. Звуки “Интернационала” смешивались с приветственными криками и с громовым “ура”; в воздух летели шапки, лица раскраснелись, глаза горели. Общее воодушевление охватило и президиум, который присоединился к пению толпы. И можно пожалеть о том, что киносъемки в то время еще не применялись и что эта знаменательная минута не была увековечена на ленте»[1063].

На очереди второй вопрос – о земле. Снова докладывает Ленин. Декрет не размножен, не роздан, воспринимают на слух. Более того, текст написан так неразборчиво, что сам докладчик начинает в нем путаться, пока не замолкает совсем. Кто-то из толпы, сгрудившейся за трибуной, берет бумагу из рук Ленина и дочитывает до конца. Делегаты слышат самое яркое:

– Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа. Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебные постройки и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов, вплоть до Учредительного собрания.

Отказавшись от программного требования РСДРП(б) о национализации всей земли, Ленин объявил ее «социализацию»,

то есть изъятие из сферы торговых операций и передачу в пользование крестьянской общины. Это – эсеровская платформа. Ленин поясняет:

– Здесь раздаются голоса, что сам декрет и наказ составлен социалистами-революционерами. Пусть так… Суть в том, чтобы крестьянство получило твердую уверенность в том, что помещиков в деревне больше нет, что пусть сами крестьяне решают все вопросы, пусть сами они устраивают свою жизнь. (Шумные аплодисменты)[1064].

После часового перерыва съезд уже 27 октября (9 ноября) – без прений и поправок – почти единогласно (против 1 голос, воздержались – 8) поддержал «Декрет о земле» – мощнейшее орудие переворота, которому еще только предстояло завоевать страну для большевиков.

В 2.30 утра наступило напряженное молчание. Каменев зачитывал Декрет об образовании правительства. Залу известны и вызвали аплодисменты три кандидатуры – Ленина, Троцкого и Луначарского. Не звучат фамилии Каменева, которого планируют на руководство ЦИК, и Зиновьева, намеченного главным редактором партийного органа. Карелин объяснял, почему левые эсеры не войдут в правительство:

– Вступление в большевистское министерство создало бы пропасть между нами и ушедшими со съезда отрядами революционной армии – пропасть, которая исключила бы возможность посредничества между большевиками и этими группами[1065].

Слова добивается представитель профсоюза железнодорожников – Викжель – и обрушивает на съезд ушат холодной воды, оглашая уже разосланный телеграфом по всей стране ультиматум. Викжель не признает полномочия съезда, осуждает захват власти одной партией, передвижение войск будет осуществляться только по распоряжению ЦИК старого состава. У президиума в запасе свои – вполне лояльные – железнодорожники с прямо противоположными оценками.

– Никаких разговоров о неправомочности съезда быть не может, – авторитетно заявляет Каменев. – Кворум съезда установлен не нами, а старым ЦИКом. Съезд является верховным органом рабочих и солдатских масс[1066].

Состав Совнаркома ставится на голосование. Против – 150 голосов всей наличной оппозиции. Постановление: «Образовать для управления страной, впредь до созыва Учредительного собрания, временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров… Контроль за деятельностью народных комиссаров и право

смещения их принадлежит Всероссийскому съезду Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и его Центральному Исполнительному Комитету»[1067].

Председатель Совнаркома – Ленин, наркомы: внутренних дел – Рыков, земледелия – Милютин, труда – Шляпников, по делам военным и морским – комитет в составе Антонова-Овсеенко, Крыленко и Дыбенко, торговли и промышленности – Ногин, народного просвещения – Луначарский, финансов – Скворцов-Степанов, по иностранным делам – Троцкий, юстиции – Оппоков (Ломов), продовольствия – Теодорович, почт и телеграфов – Авилов (Глебов), по делам национальностей – Сталин. Все члены первого советского правительства ранее сидели в тюрьмах. Никто из них никогда не был на руководящих должностях и ни разу не заходил в министерства, которые предстояло возглавить.

А кем был сам Ленин по профессии? Уже будучи главой Советского государства в анкетах он отвечал на этот вопрос так: «журналист», «литератор». Так оно, наверное, и было. Он тоже ни минуты не работал ни в одном госоргане.

Заключительным аккордом съезда было избрание нового ЦИК. Среди полного беспорядка в стремительно пустеющем зале оглашается длинный список малознакомых имен. Из 101 члена – 62 большевика, 29 левых эсеров, 6 новожизненцев. Постановлено пополнить состав в дальнейшем представителями других организаций. Если захотят. В 5.15 утра съезд завершился. Немногие оставшиеся огласили зал звуками «Интернационала» и возгласами:

– Да здравствует революция! Да здравствует социализм![1068]

Устало повалили к выходу. История была сделана.

За весь съезд Ленин и его коллеги ни разу не упомянули о марксизме или диктатуре пролетариата. Все принятые Декреты считались временными и подлежали утверждению Учредительным собранием. Ленин не спешил раскрывать карты.

Большевики по существу сделали лишь заявку на власть, которую нужно было подтвердить. Исход первого раунда борьбы был решен в последующую неделю – на улицах Петрограда, под Царским Селом, в Москве и крупнейших губернских центрах.

* * *

Октябрьскую революцию невозможно объяснить без Ленина. Зиновьев считал: «Октябрьская революция и роль в ней нашей партии есть на десять десятых дело рук товарища Ленина…»[1069] Без Ленина Октябрьской революции действительно могло бы и не

случиться. Это он всех торопил, гнал, вел на бой, понимая, что победное для России завершение мировой войны означало бы конец его надеждам на захват власти. Он обладал мощнейшей волей к власти, которая превосходила волю всех его оппонентов. Точно подметил Георгий Вернадский: «В то время, как члены семьи Романовых один за другим отказывались от власти, в то время, как кадеты и эсеры один за другим уходили в отставку с министерских постов во Временном правительстве, Ленин был готов отстаивать власть любой ценой»[1070].

Каждая революция – следствие несбывшихся ожиданий. И наибольшие шансы на победу получают те, кто дают новую надежду. Ленин породил надежду на мир и землю, что дало большевикам ту лестницу, по которой они вскарабкались к власти – армию.

Глава 5
В Смольном

Матросы
в бомбы
играют, как в мячики
От гула
дрожит
взбудораженный Смольный.

Марксизм и ленинизм

Чем был ленинизм у власти: воплощением в жизнь марксистских идеологических конструкций, набором продиктованных обстоятельствами прагматических мер, чистой импровизацией?

Аксельрод его марксистом не считал, видя в ленинизме у власти воплощение «идей русского бланкизма, которые преобладали среди русских революционеров после краха партии “Народная Воля”»[1071]. Парвус утверждал, что «большевизм – это марксизм, выхолощенный дилетантами и переломленный сквозь призму русского невежества»[1072]. Валентинов считал: «Вообще говоря, стремясь понять историческую фигуру Ленина, нужно менее всего думать о Марксе… Ленин поднялся не на импортных, заграничных дрожжах»[1073].

Он был не прав. Отечественные дрожжи – бесспорно. Но, помимо них, Ленин был пропитан марксизмом. Как и созданное им государство. Для него Маркс и Энгельс выглядели больше, чем апостолами. Зимой 1917 года Ленин написал Инессе Арманд: «Я все еще “влюблен” в Маркса и Энгельса, и никакой хулы на них выносить не могу спокойно»[1074]. Был ли ленинизм живым и буквальным воплощением марксизма? Ленин знал труды классиков марксизма досконально, но отталкивался от тех из них, которые его устраивали. Ведь и у Маркса, и у Энгельса (как и у самого Ленина) можно было найти множество разных, в том числе и крайне противоречивых мыслей. Основная тема была марксистской, но все вариации и импровизации звучали в ярко выраженном авторском исполнении. Ленинизм, претендовавший на мессианскую универсальность, был плодом, полученным в результате прививки марксизма к дереву отечественных традиций и ментальности. Ленин и сам признавал, что его политика есть частный случай применения марксизма. «Для Карла Маркса Ленин был как Омар для Магомета, – замечал Уинстон Черчилль. – Он превращал веру в действие. Он выработал практические методы, претворяющие в жизнь марксистские теории. Он разработал коммунистический план борьбы. Он издал приказы, написал лозунги, отдал сигнал и возглавил атаку» [1075].

Ленин добавил к учению Маркса – Энгельса достаточно много. Учение об империализме как высшей стадии капитализма, изложенное в одноименной работе. Учение о государственно-монополистическом капитализме. Ленин полагал, что «война, ускорив огосударствление производства и потребления, привела к превращению монополистического капитализма в

государственно-монополистический, создавая тем самым все материальные предпосылки для перехода к социализму»[1076]. Достаточно простой национализации банков и синдикатов. И, конечно, Ленин довел до логического завершения и развил идею классиков о диктатуре пролетариата, которую сам он считал центральной в марксизме. Ленинский марксизм вышел очень боевым и жестоким.

Марксизм и ленинизм изначально были учениями антигосударственническими. Ведь «государство – это есть машина для поддержания господства одного класса над другим». Цель социализма – в отмирании государства. Ленин считал «теоретически бесспорным», что «Советская власть есть новый тип государства без бюрократии, без полиции, без постоянной армии». Он отрицал идею демократии как таковой: «Демократия есть признающее подчинение меньшинства большинству *государство*. Т. е. организация для систематического *насилия* одного класса над другим. Одной части населения над другою»[1077]. Демократия может быть только классовой.

В центре марксизма – классовый подход. Но классическое для советского времени марксистское определение классов принадлежит Ленину, причем дал он его почему-то в статье о первом коммунистическом субботнике «Великий почин»: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают»[1078].

«Чистая демократия», утверждал Ленин, есть лживая фраза либерала, одурачивающего рабочих. История знает буржуазную демократию, которая идет на смену феодализму, и пролетарскую демократию, которая идет на смену буржуазной». А в условиях капитализма демократия не может быть не чем иным, как диктатурой буржуазии. «Демократия – формальный парламентаризм, а на деле – беспрерывное жестокое издевательство, бездушный, невыносимый гнет буржуазии над трудовым народом».

Ленин видел прелесть демократии только в том, что она позволяла ему и партии заниматься подрывом основ буржуазного строя и самой демократии. «Человечество шло к капитализму, и только капитализм, благодаря городской культуре, дал возможность угнетенному классу пролетариев осознать себя и создать то всемирное рабочее движение, те миллионы рабочих,

организованных по всему миру в партии, те социалистические партии, которые сознательно руководят борьбой масс. Без парламентаризма, без выборности это развитие рабочего класса было бы невозможно». В остальном демократия ни на что не годится. А в условиях мировой войны демократия себя полностью исчерпала. «Война показала наглядно, что такое “воля большинства”, которой прикрывалась буржуазия, война показала, что кучка плутократов втягивает народы в бойню ради своих интересов. Вера в то, что буржуазная демократия служит большинству, подорвана теперь окончательно»[1079].

Это создало предпосылки для установления власти Советов, которую Ленин считал «более высоким *типом* демократизма, разрывом с буржуазным искажением его, переходом к социалистическому демократизму и к условиям, позволяющим начать отмирать государству». Смысл советского демократизма Ленин видел, по сути, в уничтожении демократизма: «Уничтожение парламентаризма (как отделение законодательной работы от исполнительной); соединение законодательной и исполнительной государственной работы. Слияние управления с законодательством… Перенесение центра тяжести в вопросах демократизма с формального признания формального равенства буржуазии и пролетариата, бедных и богатых на практическую осуществимость пользования свободой (демократией) трудящейся и эксплуатируемой массой населения». Хотя сам Ленин был уверен: «Пролетарская демократия *в м и л л и о н р а з* демократичнее всякой буржуазной демократии; Советская власть в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной республики».

Суть советской власти: «Полная выборность, сменяемость *в любое время* всех без изъятия должностных лиц, сведение их жалованья к обычной “заработной плате рабочего”, эти простые и “само собой понятные” демократические мероприятия, объединяя вполне интересы рабочих и большинства крестьян, служат в то же время мостиком, ведущим от капитализма к социализму». Именно власть Советов – предтеча и предпосылка уничтожения государства как такового, «ибо, привлекая к постоянному и непременному участию в управлении государством массовые организации трудящихся, она начинает непременно приготовлять полное отмирание всякого государства». И демократии. Ленин подчеркивал: «Постоянно забывают, что уничтожение государства есть уничтожение также и демократии, что отмирание государства есть отмирание демократии».

Но одновременно высшим проявлением социалистической демократии Ленин почитал диктатуру пролетариата. Те же

Советы, которые Ленин считал высшим воплощением демократии, он же называл инструментом диктатуры. В этой формуле диалектика ленинизма проявляла наивысшую диалектичность. «Советы, это – русская форма пролетарской диктатуры»[1080].

Пролетариат, которому марксизм отводил в истории особую роль, и должен быть обеспечить диктатуру. Как? Ленин был уверен: «Великие вопросы в жизни народов решаются только силой». Почему так? «Подавление необходимо потому, что буржуазия окажет всегда бешеное сопротивление ее экспроприации». Существуют ли какие-либо законодательные рамки для диктатуры? Нет. «Революционная диктатура пролетариата есть власть, завоеванная и поддерживаемая насилием пролетариата над буржуазией. Власть, не связанная никакими законами».

Террор был органичной частью такой политики. «Разумеется, мы отвергали индивидуальный террор только по причинам целесообразности, а людей, которые способны были бы “принципиально” осуждать террор великой французской революции или вообще террор со стороны победившей революционной партии, осуждаемой буржуазией всего мира, таких людей еще Плеханов в 1900–1903 годах, когда Плеханов был марксистом и революционером, подвергал осмеянию и оплеванию», – напишет Ленин в «Детской болезни “левизны” в коммунизме». Инструментом диктатуры выступают не столько Советы, сколько организованная Лениным партия. «Диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и административная, против сил и традиций старого общества. Сила привычки миллионов и десятков миллионов – самая страшная сила. Без партии, железной и закаленной в борьбе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешно такую борьбу невозможно»[1081].

Очевидно, что метод насильственной революции во имя диктатуры меньшинства привел к серьезной родовой травме нового режима, усилив предпосылки для создания неограниченного деспотизма, привычки к нему. Но ради чего все это насилие? Во имя построения социализма, а затем и коммунизма. Но как они выглядят? Ленин точно не знал. Когда на VII съезде партии Бухарин предложит дать в ее новой программе определение социалистического общества в развернутом виде, или коммунизма, Ленин парирует:

– Ничего тут не выдумаешь, кроме того, что тогда будет

осуществлен принцип – от каждого по способностям, каждому по потребностям… Дать характеристику социализма мы не можем; каков социализм будет, когда достигнет готовых форм, – мы этого не знаем, этого сказать не можем… Кирпичи еще не созданы, из которых социализм сло-жится.

Главный смысл раннего социализма Ленин видел в уничтожении товарно-денежных отношений и в *уничтожении собственности.* Это и был центральный пункт ленинизма. Все зло от собственности. И от собственников, которые ее имеют в ущерб остальным – неимущим. Поэтому прорыв в будущее – в уничтожении всякой собственности, кроме общественной. И это было уготовано стране, где собственниками были не только имущие элиты, но и крестьянство, составлявшее 85 % населения, и где не обладавший собственностью пролетариат (а были и более чем обеспеченные рабочие) составлял подавляющее меньшинство населения.

Ленин так видел начальную стадию социализма: «Средства производства уже вышли из частной собственности отдельных лиц. Средства производства принадлежат всему обществу. Каждый член общества, выполняя известную долю общественно-необходимой работы, получает удостоверение от общества, что он такое-то количество работы отработал. По этому удостоверению он получает из общественных складов предметов потребления соответственное количество продуктов»[1082].

Как отобрать у людей их собственность – дома, квартиры, землю, фабрики, станки, автомобили, деньги, банковские счета, акции, «излишки» одежды, скота, еды и т. д.? Ленин прекрасно отдавал себе отчет, что сделать это можно только силой оружия, террора и принуждения. Поскольку экспроприировать предстояло подавляющую часть населения страны, бешено сопротивлялась далеко не только буржуазия.

А где эти счастливые и лишенные собственности члены нового общества будут жить? Руководствоваться советом Энгельса, который писал в 1872 году: «Несомненно одно, – именно, что теперь в больших городах достаточно жилых зданий, чтобы тотчас помочь действительной *нужде* в жилищах при разумном использовании этих зданий. Это осуществимо, разумеется, лишь посредством экспроприации теперешних владельцев и посредством поселения в этих домах бездомных рабочих или рабочих, живущих теперь в слишком перенаселенных квартирах»[1083].

Справедливости и равенства социализм дать еще не может, но «невозможна будет *эксплуатация* человека человеком, ибо нельзя захватить *средства производства*, фабрики, машины,

землю и прочее в частную собственность». Уничтожение собственности позволит выполнить и другое предназначение первой фазы коммунистического общества – уничтожение классов. «Социализм есть уничтожение классов… Но сразу уничтожить классы нельзя. И классы *остались* и *останутся* в течение эпохи диктатуры пролетариата. Диктатура будет не нужна, когда исчезнут классы. Они не исчезнут без диктатуры пролетариата».

А как они могут исчезнуть? Раз классы отличаются друг от друга по отношению к средствам производства и собственности, то уничтожить их можно вместе с этими отличиями. Ленин писал об этом прямо. «Ясно, что для полного уничтожения классов надо не только свергнуть эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить *их* собственность, надо отменить еще и *всякую* собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда».

Работать нужно заставить всех. «Кто не работает, тот не должен есть» – это социалистический принцип. «*Все* граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. *Все* граждане становятся служащими и рабочими *одного* всенародного, государственного “синдиката”. Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдали меру работы, и получали поровну… Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы»[1084].

Если социализм – это диктатура пролетариата, то что же тогда коммунизм? Ленин объяснял: «Коммунизмом же мы называем такой порядок, когда люди привыкают к исполнению общественных обязанностей без особых аппаратов принуждения, когда бесплатная работа на общую пользу становится всеобщим явлением». Как туда попасть, Ленин точно не знал. «Какими этапами, путем каких практических мероприятий пойдет человечество к этой высшей цели, мы не знаем и знать не можем».

Создание первого государства Советов – пролог мировой социалистической революции. Триумф коммунизма возможен только во всемирном масштабе. Главный принцип внешней политики – пролетарский интернационализм, который требует, «во-первых, подчинения интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе; во-вторых, требует способности и готовности со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, идти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала»[1085].

Национальные интересы, национальные традиции и чувства Ленина интересовали гораздо меньше. В области национально-федеративных отношений ленинизм придет к формуле «права наций на самоопределение вплоть до отделения». Так было не всегда, и такой формулы точно не было в начальном марксизме. Энгельс писал: «По-моему, пролетариат может употреблять лишь форму единой и неделимой республики»[1086]. Более того, федерализацию сам Ленин долго считал проявлением мелкобуржуазности. «Из мелкобуржуазных воззрений анархизма федерализм вытекает принципиально. Маркс централист». Тот Ленин, который навяжет Советскому Союзу федеративную форму устройства, в 1913 году убеждал: «Мы в принципе против федерации – она ослабляет экономическую связь, она негодный тип для одного государства. Хочешь отделиться? Проваливай к дьяволу… Но мы стоим за *право* на отделение ввиду черносотенного великорусского национализма, который так испоганил дело национального сожительства, что иногда *больше* связи получится *после* свободного отделения!!»

Так в главных чертах выглядел идейный багаж человека без опыта работы на госслужбе, возглавившего самую большую в мире страну с тысячелетней историей. Впрочем, в 1917 году принципы ленинизма были весьма зыбкими, подверженными изменениям и вовсе не воспринимались даже партией как истина в последней инстанции.

Очевиден и прагматизм Ленина, его способность действовать по обстоятельствам вне марксистской схемы. Он повторял: «Наша теория не догма, а *руководство к действию*»[1087]. Когда основателю советского государства приходилось выбирать между буквой учения и императивами политического выживания, он без колебаний приносил в жертву учение. Удачно, на мой взгляд, ухватил отношение Ленина к марксизму Луис Фишер: «Он не сомневался в марксистском Ветхом завете, он только комментировал его, и эти комментарии стали Новым заветом… Ленин слишком ценил власть, чтобы тратить ее на последовательность. Его обязанности требовали холодной, объективной оценки условий, трезвой практичности, лишенной иллюзий, лозунгов, притворства, гордости, верности теории и привязанности к позициям и высказываниям прошлого»[1088].

Плоть от плоти русской интеллигенции, Ленин, когда потребовалось продемонстрировать способность управлять, доказал, что сделан абсолютно из другого теста. Он явил собою тип нового интеллигента-марксиста: беспощадного прагматика, считающего себя вправе прибегать к любым методам, чтобы удержать власть для реализации своих – мягко говоря, весьма

экстравагантных – идей.

Логика принятия конкретных решений диктовалась почти исключительно калейдоскопически менявшимися событиями. «Вопросы выдвигались не иначе, как в порядке революционной неотложности, то есть в порядке самого невероятного хаоса»[1089], – свидетельствовал Троцкий.

Ленин был в центре этого хаоса – в Смольном.

Консолидация

В огромном неотапливаемом Смольном было холодно и неуютно, как будто он принял облик находящегося рядом монастыря. В окна рвался ледяной ветер с Невы, тусклым светом мерцали электрические лампочки. Полы бесконечных унылых коридоров заросли слоем грязи, которую натащили сапоги тысяч красноармейцев, делегатов и депутатов. Они продолжали толпиться по комнатам, надоедая всем, в том числе и главе правительства. Крупская жаловалась: «Нам отвели там комнату, где раньше жила какая-то классная дама. Комната с перегородкой, за которой стояла кровать. Ходить надо было через умывальню. В лифте можно было подыматься наверх, где был кабинет Ильича, в котором он работал. Против его кабинета была небольшая комната – приемная… Зайдешь, бывало, к нему, а он в приемной. Стоят там солдаты, набившись плечом к плечу, слушают, не шевелясь, а Ильич стоит около окна и что-то им толкует» [1090]. На самом деле это была просторная пятикомнатная квартира на втором этаже с электричеством, горячей и холодной водой[1091].

Кроме Ленина и Крупской, ставшей заместителем наркома просвещения Луначарского, в ней жили Мария Ильинична – ответственный секретарь «Правды» и домработница А. М. Сысоева[1092]. Комендант Смольного Мальков прикомандировал также «солдата Желтышева. Он убирал комнату, топил печку, носил обед из столовой… В это же время за квартирой Ильича начала присматривать мать одного из старейших питерских большевиков – Александра Васильевича Шотмана, специально приходившая в Смольный. Она взяла под свое руководство Желтышева, наводила чистоту, следила за питанием Ильича»[1093].

Вначале Ленин работал «в угловой комнате на третьем этаже, в правом крыле здания (если стоять лицом к зданию). У двери кабинета (комната № 67 по старой нумерации) стояли дежурные красногвардейцы». Здесь же происходило 3 ноября первое заседание Совета Народных Комиссаров. Рассказывала работавшая в секретариате Скрыпник: «У двух окон в течение многих дней стояли два пулемета. Около них посменно дежурили солдаты-пулеметчики. Одна дверь этой комнаты вела в маленький кабинет Ильича. Около его дверей круглые сутки дежурил латышский стрелок… Другая дверь секретариата вела в соседнюю комнату. Здесь, около деревянных перил, дежурили два красногвардейца. У входных дверей этой комнаты также дежурил латышский стрелок. Чтобы попасть в кабинет Ленина, нужно

было миновать три караула. Кабинет Ленина – маленькая комната – вмещал письменный стол, удобное кресло для работы и несколько стульев. Сначала пол был голый, потом его покрыли ковром: в Смольном было холодно, с полу очень дуло»[1094].

В Смольном тогда помещалась вообще вся власть, и партийная, и советская, и исполнительная – Совнарком, ЦК, ПК, Петроградский Совет и его ЦИК, Всероссийский ЦИК, ВРК. Правительство первые три недели после своего формирования почти не собиралось, декреты и распоряжения выпускались неизвестно откуда взявшимися чиновниками новой власти часто даже без ведома Ленина. Причина длительного отсутствия заседаний кабинета была не только в организационной неразберихе, но и в сразу же возникшем острейшем правительственном кризисе. Большевики по существу сделали лишь заявку на власть, которую нужно было подтвердить. Исход первого раунда борьбы был решен в последующую неделю – на улицах Петрограда, под Царским Селом, в Москве и крупнейших губернских центрах.

Утром 27 октября (9 ноября) небольшой отряд казаков генерала Краснова, в котором был и Керенский, высадился в Гатчине. Прибывшие из Петрограда по поручению ВРК рота Измайловского полка и отряд моряков дали себя разоружить. Керенский остановился в Гатчинском дворце, откуда приказал частям Петроградского военного округа, «по недоразумению или заблуждению примкнувших к шайке изменников родины и революции, вернуться, не медля ни часу, к исполнению своего долга»[1095]. Днем в столичный Комитет спасения, координировавший силы сопротивления большевикам, пришла телеграмма от донского атамана Каледина, в которой заявлялось, что его войсковое правительство брало на себя всю полноту исполнительной власти на Юге России. Пришел в движение было притихший Питер. В Городской думе шли непрекращающиеся митинги в поддержку Комитета спасения, у ее здания собиралась большая толпа, чтобы слушать речи протеста. Краснов повел свои силы на Царское Село и взял его без потерь. В Москве подразделения юнкеров, собранные Московским Комитетом спасения и штабом округа под началом полковника Рябцева и городского головы Руднева, заняли Кремль.

В Смольном, напротив, обстановка сгущалась. Ленин, видя цену посылаемых навстречу Краснову революционных войск, связался со штаб-квартирой Центробалта в Гельсингфорсе и умолял прислать матросов и корабли для спасения столицы. Ленин от имени СНК – никакого формального заседания не было – выпускает «Декрет о печати»: закрывались не только

«буржуазные», но и ряд социалистических газет. Принимается постановление о созыве Учредительного собрания в назначенный срок – 12 ноября[1096]. Ночью комиссар телеграфа Пестковский получил информацию об антибольшевистском восстании в Москве. «Получив столь важную записку, решил завезти ее лично в Смольный… В одной из комнат я застал спящим навзничь на скамейке Я. М. Свердлова. Разбудил и сообщил ему записку. Я из любопытства зашел еще в “штаб”, где находились тт. Ленин, Троцкий, Сталин, Подвойский и Мехоношин… Ильич поразил меня своим спокойствием»[1097].

Утром 29 октября началось восстание в Питере, которым от имени Комитета спасения руководил полковник Полковников. Юнкера с офицерами захватили несколько броневиков в Михайловском манеже, заняли коммуникационные узлы, оставив Смольный без связи. За подписями Авксентьева и Гоца было выпущено воззвание, в котором говорилось о стягивании сил «для занятия оказавшихся благодаря принятым мерам совершенно изолированными Петропавловской крепости и Смольного института, последних убежищ большевиков»[1098]. На подавление восстания большевиками был брошен комендант Петропавловской крепости Благонравов, который с командой пулеметчиков, броневиков и пехоты отбил Михайловский манеж, почту, телеграф и телефон. Оставались очаги сопротивления в Павловском, Владимирском, Николаевском кавалерийском и Константиновском артиллерийском училищах, откуда велся прицельный огонь. По словам Подвойского, когда Ленину доложили о ситуации, он распорядился пустить в дело артиллерию: «Она их быстро выкурит оттуда»[1099]. Помогло. Училище за училищем капитулировали.

Участники Комитета спасения пытались отсидеться в Городской думе, дожидаясь подхода сил с фронта. Но к ночи большевистские войска ворвались в Думу и выкинули оттуда всех. «Провал восстания, неожиданная слабость наших сил и неожиданная энергия, развитая большевиками, казались нам ошеломляющими, – писал бывший верховный комиссар Станкевич. – Но, так или иначе, надежды оставались только на отряд Керенского»[1100]. Напрасные надежды. «Финальный акт трагической борьбы Временного правительства за свободу и честь России разыгрался 30 октября вблизи знаменитой Пулковской обсерватории, – писал Керенский. – В нашем распоряжении было 700 казаков, бронепоезд, пехотный полк, только что прибывший с фронта, и несколько полевых орудий»[1101]. Исход схватки решили присланные по просьбе Ленина матросы.

Краснов отвел войска и вступил в переговоры о перемирии.

«Мы были одиноки и преданы всеми… Инстинктивно все сжалось во дворце. Казаки караулили офицеров, потому что, и не веря им, все-таки только в них видели свое спасение, офицеры надеялись на меня и не верили и ненавидели Керенского»[1102]. Он остался один. «Офицеры не считали более нужным скрывать свою ненависть ко мне, чувствуя, что я уже не смогу защитить их от ярости толпы. Долгая осенняя ночь никогда не кончится. Минуты кажутся часами. А крысы бегут с тонущего корабля. В моих комнатах, вчера еще переполненных, ни души»[1103]. В Гатчинский дворец приехал свежеиспеченный морской нарком Дыбенко, в шутку предложивший обменять Керенского на Ленина. Переодевшись – не то в солдатскую шинель с фуражкой, не то в матросский бушлат с бескозыркой, Керенский сбежал.

«Переворот в Петрограде, столь быстрый и легкий, указывал, как легко и быстро Россия подчинится большевикам. И действительно, повсюду происходило одно и то же. Группы солдат и рабочих овладевали правительственными учреждениями, и только кучки юнкеров и офицеров оказывали им при этом незначительное сопротивление. Единственное место, где события приняли характер подлинной борьбы, была Москва»[1104]. Ставка слала подкрепления, но до Москвы или Петрограда они не дошли. «Верхние “этажи” армейской организации – штабы фронтов и армий – еще ощущали эту нервную, тревожную деятельность Ставки. Но чем ближе к воинским частям и подразделениям, тем все менее настойчивыми становились распоряжения, тем чаще они сменялись уговорами, просьбами, а в самом низу солдатская масса досадливо отмахивалась от них и с энтузиазмом приветствовала Декреты о мире и о земле».

Традиционно силы большевиков в Москве оценивают в 50 тысяч человек, белой гвардии – в 10 тысяч[1105]. Юнкера защищали центр города, сделав главным оплотом Кремль, большевистские силы наступали с окраин. В ночь с 30 на 31 октября большевики предъявили Комитету общественной безопасности ультиматум – капитулировать под угрозой артиллерийского расстрела Городской думы Кремля, – и это оказалось моментом перелома. Артиллерия была введена в дело. Иван Бунин записывает в дневник: «Сумасшедший дом в аду. Один час. Орудийные удары – уже штук пять, близко. Снова – в минуту три раза»[1106]. В 21.00 второго ноября Московский ВРК издал приказ: «Революционные войска победили, юнкера и Белая гвардия сдают оружие… Вся власть в Москве в руках Военно-революционного комитета»[1107].

«Триумфальное шествие советской власти» действительно имело место, но везде – по-разному. Где-то большевики,

объединившись с эсерами и меньшевиками, провозглашали власть местного совета. Где-то брали ее сами. В каких-то городах проправительственные силы оказывали сопротивление, в каких-то – провозглашали нейтралитет. Ленин назовет формулу успеха:

– Мы победили в России потому, что на нашей стороне было не только бесспорное большинство рабочего класса… но и потому, что половина армии непосредственно после захвата ними власти и $^{9}/_{10}$ крестьянской массы в течение нескольких недель перешли на нашу сторону; мы победили потому, что приняли не нашу аграрную программу, а эсеровскую и осуществили ее на практике[1108].

Но к началу ноября большевики все еще не контролировали значительную часть территории страны – национальные окраины, Юг, где властвовал Каледин, сельскую местность. Центром сопротивления большевикам продолжала оставаться могилевская Ставка. После капитуляции Краснова и бегства Керенского Духонин объявлял, что «вступил во временное исполнение должности Верховного главнокомандующего и приказал остановить дальнейшую отправку войск на Петроград». Общеармейский комитет Ставки решил власти Совнаркома не признавать, создать правительство из представителей всех социалистических партий. И именно в Могилев теперь съезжались бежавшие из столицы и Гатчины борцы с большевистским режимом. «Ставка кишмя кишела разного рода бывшими, будущими и жаждущими быть»[1109].

Способность любой власти существовать, удерживаться, приходить к власти зависит от того, воспринимается ли она как законная и по справедливости ли находится у руля. Для обеспечения легитимности новой власти исключительно плодотворной оказалась идея Советов. Как подчеркивал Троцкий, «съезд Советов, по существу съезд переворота, является в то же время бесспорным для народных масс носителем если не всего суверенитета, то, по крайней мере, доброй его половины…»[1110]. Легитимность была прикрыта традициями и приемами двоевластия, хотя, по сути, была чисто революционной. Впрочем, революционная легитимность не мешает существованию множества государств, включая и Соединенные Штаты.

Большевизм воплотил и широко разлившуюся после целого года хаоса потребность в порядке, которая существовала не только в низах, но и в состоятельных и консервативных слоях, презиравших эсеро-меньшевистскую интеллигенцию ничуть не меньше Ленина. Бывший начальник Петроградского охранного отделения Глобачев профессионально заключал: «Для меня лично

в то время, по существу, решительно все равно было, правит ли Россией Керенский или Ленин. Но если рассматривать вопрос с точки зрения обывательской, то я должен сказать, что на первых порах новый режим принес обывателю значительное облегчение, которое заключалось в том, что новая власть своими решительными действиями против грабителей поставила в более сносные условия жизнь и имущество обывателя. Но, должен оговориться, это было только на первых порах»[1111].

В тот день, когда казаки Краснова пошли на Питер, а в городе бушевало восстание юнкеров – 29 октября (11 ноября), – еще одну большую неприятность создал большевикам Викжель. Он объявил всеобщую забастовку и потребовал создать правительство из представителей всех соцпартий, грозясь в противном случае не дать поезда для отправки войск навстречу Керенскому. В тот же день Викжель организовал соответствующую межпартийную конференцию. ЦК большевиков в отсутствии Ленина и Троцкого, занятых обороной города, отправил делегацию в составе Каменева и Сокольникова. Те «ответили от имени Смольного, что коалиционное правительство всех социалистических партий вполне приемлемо…»[1112]. Ленин же отправился – за опорой на силу – на совещание представителей Петроградского гарнизона, где заявил:

– Здесь все знают, что эсеры и меньшевики ушли, потому что остались в меньшинстве, Петроградский гарнизон это знает. Если они не хотели совместной работы, тем хуже для них. Я не сомневаюсь, что на любом рабочем и солдатском собрании девять десятых выскажется за нас.

На следующий день Викжель поднял планку требований, добиваясь полного ухода большевиков из правительства. ЦК – опять же без Ленина и Троцкого – обсуждал сложившееся положение. Каменев предлагает компромисс: пост премьера занимает Чернов, ключевые портфели получают эсеры и меньшевики, большевики оставляют себе второстепенные. Трудно сказать, чем бы кончилось дело, но красновцев рассеяли, Керенский бежал, и 1 (14) ноября Ленин появился на заседании ЦК, где разразился бранью. «Тов. Ленин считает, что политика Каменева должна быть прекращена в тот же момент. Разговаривать с Викжелем теперь не приходится…»[1113]. Большинство ЦК доказывало, что власть все равно не удержать, и 10 голосами против четырех (Ленина, Троцкого, Сокольникова и Дзержинского) решило продолжить переговоры.

Раскол ЦК? Троцкий предлагает спасительную компромиссную формулу: разговаривать только с левыми эсерами. Большинство она устроила, но только не Ленина. Как

всегда, он апеллировал к партийной массе и для начала появился в комнате Петербургского комитета.

– Наши впали в пессимизм. Москва, мол, громится, мы взять власть не можем. И тут возник вопрос о соглашении… Зиновьев и Каменев говорят, что мы не захватим власти и пр. Я не в состоянии спокойно выслушивать эти доводы как измену… Троцкий давно сказал, что объединение невозможно. Троцкий это понял, и с тех пор не было лучше большевика… Если будет раскол – пусть. Если будет их большинство – берите власть в ЦИК и действуйте, а мы пойдем к матросам… Вот викжелевцев арестовать – это я понимаю. Без соглашений![1114]

Петербургский комитет склонился к поддержке Ленина, а тот настоял, чтобы на следующий день ЦК вновь собрался. Полагаю, позиция ПК сыграла не последнюю роль в том, что десятью голосами против пяти (Каменева, Рыкова, Зиновьева, Милютина, Ногина) ЦК принял резолюцию, где ключевыми были слова о том, что «без измены лозунгу Советской власти, нельзя отказываться от чисто большевистского правительства».

На проходившем ночью – со 2 на 3 (15–16) ноября – заседании ВЦИК левые эсеры заявили об отказе от сотрудничества с большевиками, если в правительство не войдут эсеры и меньшевики. Председатель ВЦИК Каменев попросил часовой перерыв, в ходе которого уговорил большевистскую фракцию согласиться на продолжение межпартийных переговоров. Подобное прямое нарушение воли ЦК Ленин прощать не собирался. Он лично написал «Ультиматум большинства ЦК РСДРП(б) меньшинству», где потребовал категорического ответа: обязуется ли меньшинство подчиняться партийной дисциплине, поскольку «честный и открытый раскол сейчас несравненно лучше внутреннего саботажа». На первом заседании Совнаркома 3 ноября Ленин возражал «против всяких соглашений с Викжелем, который завтра будет свергнут революционным путем, с низов»[1115].

Кардинальнейшие вопросы российской государственности – о характере правительства и о соотношении исполнительной и законодательной властей – драматически решались 4 (17) ноября. Пятерка ответила Ленину в «Известиях»: они все вышли из ЦК, заявив, что без создания однородного социалистического правительства Россия окажется перед лицом «дальнейшего кровопролития и голода»[1116]. А Ленин и Троцкий были вызваны на заседание ВЦИК, где от них левые эсеры потребовали объяснить, с какой это стати они присвоили право единолично издавать декреты, тогда как законодательная власть принадлежала ВЦИК. Ленин дал, как ему казалось,

исчерпывающий ответ:

– Издавая законы, идущие навстречу чаяниям и надеждам широких народных масс, новая власть ставит вехи по пути развития всех форм жизни. Советы на местах, сообразно условиям места и времени, могут видоизменять, расширять и дополнять те основные положения, которые создаются правительством…

А каким образом появился декрет о печати, запрещавший «буржуазные газеты», возмущаются члены ВЦИК.

– Терпеть существование этих газет, значит перестать быть социалистом, – отвечал глава правительства. – И закрывали же ведь царистские газеты после того, как был свергнут царизм[1117].

По вопросу о печати Ленин легко выиграл голосование. Тогда левые эсеры поставили – первый и единственный раз в советской истории – вопрос о доверии правительству. И проиграли 20 голосами против 25. Большевики ответили резолюцией Урицкого, позволявшей правительству заниматься законодательной деятельностью. Ее приняли голосованием 25:23, причем два решающих голоса «за» подали Ленин и Троцкий, которые, полагали левые эсеры, как заинтересованные лица не имели права голосовать. С этого момента и до начала 1990-х годов лидер партии (фактически руководивший и правительством) пользовался неограниченными прерогативами.

Бухарин в ЦК требовал жестких мер против отступников, утверждая, что «время слюнявой власти прошло»[1118]. Ленин предъявляет им ультиматум: «либо немедленно в письменной форме дать обязательство подчиняться решениям ЦК и во всех ваших выступлениях проводить его политику, либо отстраниться от всякой публичной партийной деятельности и покинуть все ответственные посты». После этого Каменев покинул пост председателя ВЦИКа. Рыков, Ногин, Милютин, Теодорович вышли из правительства. Все они плюс Зиновьев убрались и из ЦК (Теодорович не был его членом).

Ленин разъяснял происшедшее стране: «Ушедшие товарищи поступили как дезертиры, не только покинув вверенные им посты, но и сорвав прямое постановление ЦК нашей партии»[1119]. Но не похоже, что он сильно переживал по поводу раскола. По крайней мере, Крупская уверяла: «Ильич, всегда говоривший на прогулках о том, что его больше всего волновало в данный момент, ни разу даже не касался этого инцидента»[1120].

Ленин 8 (21) ноября добился избрания ВЦИКом Свердлова на место Каменева. А затем уже без всякого ВЦИКа сам назначил наркомом внутренних дел Петровского, земледелия – Александра Григорьевича Шлихтера. А Шляпников добавил к вопросам трудовых отношений торговлю и промышленность. Зиновьев был

снят с поста председателя Петросовета, а Ногин – Моссовета. В ЦК из всех отступников в итоге остался один Зиновьев, взявший свою отставку назад и выступивший с публичным покаянием»[1121]. Прощен был и Каменев. Но в узком составе ЦК и высшего руководства ни Каменева, ни Зиновьева в ближайшие месяцы не окажется.

Социологический портрет первого ленинского правительства был довольно пестрый. Прежде всего, в глаза бросалась его юность, средний возраст – 37 лет. Самые старшие – Ленин и Скворцов-Степанов – по 47 лет, самые молодые – 28-летний Дыбенко и 29-летний Ломов-Оппоков. Сталину и Троцкому тогда по 38 лет. Из пятнадцати его членов закончили вузы или начинали в них учиться – восемь. Пятеро дворян, двое из рабочих, двое из крестьян, остальные из интеллигенции[1122]. Состав Совнаркома в первые послереволюционные дни стремительно менялся. Скворцов-Степанов и Оппоков не смогли – или не захотели – переезжать из Москвы в Петроград. Конфликт по поводу однородного правительства, как видим, еще сильнее проредил первоначальный состав правительства.

В последующие недели состав правительства стремительно рос, предопределяя и отражая лавинообразный процесс бюрократизации. Коллонтай возглавила наркомат общественного призрения, став первой женщиной-министром в российской истории, ленинский зять Елизаров – наркомат путей сообщения. Вячеслав Рудольфович Менжинский – наркомфин, Стучка – наркомюст, Подвойский – наркомвоен, Валерьян Валерьянович Осинский (Оболенский) – ВСНХ, Эдуард Эссен – наркомат государственного контроля.

ВЦИК 10 (23) ноября вновь возмутился – столь важная кадровая перестановка, как замена Духонина на Крыленко, была проведена без согласования с ним. Ленин парировал:

– В войне не дожидаются исхода, а это была война против контрреволюционного генералитета…[1123]

Ленин приказал Духонину «обратиться к военным властям неприятельских армий с предложением немедленного приостановления военных действий в целях открытия мирных переговоров»[1124]. Ответа не было. В ночь на 9 (22) ноября Ленин и Сталин ультимативно приказали начать переговоры. Главковерх отказался. Подписанным Лениным, Сталиным и Крыленко приказом Духонин был уволен «за неповиновение предписаниям Правительства и за поведение, несущее неслыханные бедствия трудящимся массам всех стран, в особенности армиям… Главнокомандующим назначается прапорщик Крыленко»[1125]. Ленин выступил с радиообращением: «Солдаты! Дело мира в

ваших руках. Вы не дадите контрреволюционным генералам сорвать великое дело мира, вы окружите их стражей, чтобы избежать недостойных революционной армии самосудов и помешать этим генералам уклониться от ожидающего их суда»[1126].

Крыленко создал сводные отряды для занятия сначала ставок Северного и Западного фронтов, а затем и Могилева, где 18 ноября (1 декабря) Совет перешел на сторону большевиков, а местные части отказались защищать Духонина. Тот позволит в ночь на 20-е генералам Корнилову, Деникину, Лукомскому, Маркову бежать из Быхова – на Дон. 20 ноября (3 декабря) утром отряд матросов во главе с Крыленко вступил в Могилев. Духонина арестовали и доставили в штабной поезд. По большевистской версии, все «более густая толпа все плотнее и плотнее окружала вагон. Несмотря на увещевания и сопротивление караула, Духонин был вытащен толпой из вагона и убит»[1127]. Прапорщик Крыленко вступил в обязанности Верховного главнокомандующего. Начальником его штаба Совнарком назначил брата управляющего делами СНК генерала Михаила Дмитриевича Бонч-Бруевича.

Переговоры о двухпартийном составе правительства велись почти месяц, и к концу года представители левых эсеров (которые в конце ноября оформились в отдельную партию) возглавили 6 центральных наркоматов из 16 и почти во всех из них имели портфели заместителей.

Наркомом земледелия стал Андрей Лукич Колегаев, Стучку в наркомюсте сменил Исаак Захарович Штейнберг, и наркомат почт и телеграфов возглавил Прош Перчевич Прошьян, наркомат городского и земского самоуправления – Владимир Евгеньевич Трутовский, наркомат по дворцам республики (государственного имущества) – Александр Адольфович Измайлович (его сменит Карелин), наркомами без портфелей с правом решающего голоса стали Владимир Александрович Алгасов и Владимир Александрович Карелин.

То есть к первым пятнадцати прибавилось еще 16 наркомов, среди которых самому старшему – Елизарову – было 54 года, младшим – Осинскому, Алгасову и Колегаеву – по 30. Полное и неполное высшее образование было у 11, шестеро было из дворян, один из рабочих, двое из крестьян[1128]. Совнарком стал двухпартийным коалиционным «народно-социалистическим правительством». III съезд Советов в январе 1918 года утвердил его официальное название: Рабочее и Крестьянское Правительство Российской Советской республики.

Дилетантами были все, включая, естественно, и председателя Совнаркома. Впрочем, почти то же самое можно было сказать и об их предшественниках из Временного правительства или руководства Советов. Но Ленин отличался тем, что не стеснялся признавать свой дилетантизм.

– Мы знаем лишь один путь пролетарской революции: овладеть неприятельской позицией – научиться власти на опыте, на своих ошибках, – говорил он в январе 1918 года.

И позднее был совсем не в восторге от собственной политики на заре Советской власти. На IX съезде партии в марте 1920 года он признается:

– Мы наглупили достаточно в период Смольного и около Смольного. В этом нет ничего позорного. Откуда было взять ума, когда мы в первый раз брались за новое дело!.. Это прошлое, когда царил хаос и энтузиазм.

Совнарком не был правительством в привычном смысле этого слова – кабинетом министров, каждый из которых занят своим делом. Он был временной коллегией народных комиссаров, которые, в свою очередь, были главами комиссий. Вот какую конструкцию создал II съезд Советов постановлением об образовании Совнаркома: «Заведование отдельными отраслями государственной жизни поручается комиссиям, состав которых должен обеспечить проведение в жизнь провозглашенной съездом программы, в тесном единении с массовыми организациями рабочих, работниц, матросов, солдат, крестьян и служащих. Правительственная власть принадлежит коллегии председателей этих комиссий, т. е. Совету Народных Комиссаров»[1129]. То есть наркомы руководили ведомством не единолично, а с помощью коллегии, на заседаниях которой председательствовали, решения принимались в итоге общего обсуждения, а между членами коллегии распределялись направления работы.

Все члены Совнаркома были партийными руководителями, имевшими двойные полномочия, включая и самого Ленина. Но за пределами Смольного, максимум – Петрограда СНК первоначально мало что контролировал, к тому же он делил власть с продолжавшим функционировать Военно-революционным комитетом.

Секретариат СНК возглавил Горбунов, которого знал Бонч-Бруевич, затащивший его к Ленину. «Я вижу ВИ, который здоровается со мной и, к моему изумлению, говорит:

– Вы будете секретарем Совета Народных Комиссаров.

Никаких указаний я тогда от него не получил. Понятия о своей работе, да и вообще о секретарских обязанностях, не имел никакого. Где-то конфисковал пишущую машинку, на которой

мне довольно долго самому приходилось двумя пальцами выстукивать бумаги, так как машинистку найти было невозможно, где-то отвоевал комнатку и начал “формировать аппарат”, который первые дни состоял из меня одного, а потом возрос до трех-четырех человек»[1130]. Аппарат самого СНК к концу ноября составлял 27 сотрудников, включая и самого Управляющего делами Бонч-Бруевича.

Первое заседание Совета Народных Комиссаров состоялось 3 (16) ноября. Вел заседание Ленин, сидя вполоборота к собравшимся, потому что его стол так поставили[1131]. Стенограммы не велось. «Не имея представления, как нужно вести протоколы, я попытался записывать содержание доклада, но, конечно, не поспевал, так как стенографией я не владею, – признавал Горбунов. – Кто присутствовал на заседании, не зафиксировал; председательствовал Ленин. На заседании слушался доклад приехавшего из Москвы тов. Ногина о московских событиях… «Речь шла о пессимизме некоторых работников, на которых московские события произвели впечатление разрушения всех культурных ценностей (например, слухи о разрушении “Василия Блаженного”). Помню фразу ВИ по адресу этих товарищей: “Что же, революция пойдет мимо них”»[1132].

Но уже к следующему заседанию Совнарком переехал в другое помещение, расположенное на третьем этаже в левом крыле Смольного. «Кабинетом ВИ стала небольшая угловая комната с тремя окнами. Одно окно было обращено к главному подъезду Смольного, а два других – к Лафонской площади. В этом кабинете 15 ноября происходило заседание Совета Народных Комиссаров, на котором рассматривались важнейшие вопросы – об организации Высшего совета народного хозяйства, о конфискации ряда заводов и фабрик. На этом же заседании было решено, что народные комиссары, которые до того времени работали преимущественно в Смольном, перенесут работу в соответствующие министерства и будут собираться в Смольном только к вечеру для совещаний и для контакта с другими организациями».

После этого СНК стал собираться почти каждый день, с декабря – в специальном зале заседаний, Красном зале, расположенном в том же левом крыле Смольного. Рядом с кабинетом Ленина большую комнату занимал секретариат. «В этой комнате работали: управляющий делами СНК В. Д. Бонч-Бруевич, секретарь Совета Н. П. Горбунов и сотрудники М. Н. Скрыпник, Е. К. Кокшарова, А. П. Кизас, Ю. П. Сергеева, Л. Я. Озеревская, Б. Я. Беленькая, П. А. Шахунова, Н. Н. Горлова, Г. Р.

Федюшин».

Малый Совнарком, который еще называли подготовительной комиссией или «вермишельной» комиссией, создали в декабре для предварительного рассмотрения вопросов в составе народных комиссаров труда, военного и продовольствия. Позднее членами Малого Совнаркома (МСНК) станут не наркомы, а члены коллегий наркоматов и начальники отделов. Решения МСНК при отсутствии возражений включались в протоколы как решения Совнаркома. Заседания СНК начинались сперва в 6 часов вечера, а когда был организован Малый Совнарком, Большой Совнарком собирался в 8 вечера и заседал нередко до поздней ночи, а то и до утра.

Ленин сам вел заседания СНК, начиная их минуту в минуту. 29 декабря «был установлен штраф за опоздания на заседание совета Народных Комиссаров: при опоздании на полчаса – 5 рублей, более получаса – 10 рублей»[1133]. В остальном порядок отсутствовал.

Никакой подготовки вопросов не было. «Каждое заседание Совнаркома, довольно часто обновлявшегося в первое время по частям, представляло картину величайшей законодательной импровизации… Вопросы, по общему правилу, ставились без подготовки, почти всегда в порядке срочности, – замечал Троцкий. – Очень часто самое существо дела было неведомо и членам Совнаркома, и председателю его до начала заседания»[1134]. Не было ни предварительной проработки повестки, ни юридического или экономического обоснования ни одного из решений, принимавшихся дилетантами. А знаменитые ленинские записки отражали спонтанно возникавшие мысли и были куда менее продуманы, чем даже знаменитые «твиты» Дональда Трампа.

«Протоколы заседаний Совнаркома велись секретарем Совета Н. П. Горбуновым, а когда его не было – вторыми секретарями М. Н. Скрыпник или мною, – писала Кокшарова. – Владимир Ильич сам формулировал решения и диктовал их секретарю. Стенографисток и юристов тогда в Управлении делами Совнаркома еще не было, а секретари часто не успевали в точности записывать решение, и на следующий день ВИ приходилось самому редактировать протокол»[1135].

На заседаниях было многолюдно. С правом совещательного голоса присутствовали члены коллегий наркоматов и также специально приглашенные эксперты. Заседали долго, дискутировали много.

– В Смольном мы калякали о принципах и, несомненно, больше, чем следовало[1136], – признает позднее Ленин.

Сам он на заседаниях мог сыпать шутками, мог разражаться грозными тирадами, не жалея тех, кого считал виновными в провалах. Окончательное слово всегда оставлял за собой. Именно Ленин в конечном итоге и был творцом всего основного корпуса законов, декретов, постановлений, решений высших госорганов, которые и сформировали советскую матрицу. Этому мешали разве что левые эсеры, пока еще были в правительстве. Всего за время пребывания в Смольном Совнарком на своих заседаниях рассмотрел порядка 780 вопросов.

Большевики до революции полагали возможным обходиться без правительственного аппарата. Но очень быстро выяснилось, что кому-то надо было обеспечивать людей едой, выплачивать пособия, вести переговоры о мире. Наркомат по делам национальностей был единственным, который надо было создавать с нуля: все остальные существовали и располагали готовым министерским аппаратом, но не сильно желавшим работать на большевиков. 15 (28) ноября СНК предложил всем наркомам перебраться из Смольного в подведомственные организации, которые продолжали пока оставаться министерствами.

В соответствии с установками марксизма 18 ноября (1 декабря) Ленин прямо на заседании СНК написал постановление: для наркомов было установлено предельное жалованье на уровне квалифицированного рабочего – «в 500 рублей в месяц бездетным и прибавку в 100 рублей на каждого ребенка; квартиры допускаются не свыше 1 комнаты на каждого члена семьи». Но выдержать такую уравниловку оказалось непросто, поскольку за такие деньги мало кто хотел работать. Поэтому уже в начале 1918 года Ленин объявил это “приблизительной нормой”, которая не содержит запрета “платить специалистам больше”»[1137].

Саботаж чиновничества начался сразу, и не из-за низкой зарплаты. Не устраивали большевики. В госаппарате не признавали их власть и больше подчинялись подпольному Временному правительству, состоявшему из заместителей министров. В забастовке служащих участвовали около 10 тысяч банковских работников, 11 тысяч почтово-телеграфных и 20 тысяч конторщиков[1138]. Ждали падения большевистской власти – никак не позднее открытия Учредительного собрания.

Центральной проблемой большевиков стало полное отсутствие денег. Сотрудники министерств опустошили их кассы. Банки не работали. Пестковский сидел в приемной Ленина, где его увидел наркомфин Менжинский и, узнав, что тот изучал финансы в Лондонском университете, «впился в меня глазами и

заявил категорически:

– В таком случае мы вас сделаем управляющим Государственным банком.

Я испугался и ответил ему, что у меня нет никакой охоты занять этот пост, так как это совершенно “не по моей части”. Менжинский, ничего не говоря, попросил меня обождать и вышел из комнаты. Через некоторое время вернулся с бумагой, в которой за подписью Ильича удостоверялось, что я и есть управляющий Госбанком… Затем он мне объяснил положение. Дело в том, что нам до зарезу нужны деньги, хотя бы несколько миллионов»[1139]. Деньги можно только взять. Пестковский поехал, но ничего не получил и попросился в отставку. Он будет помогать Сталину создавать Наркомнац.

Директора Госбанка Шипова арестовали, но не смогли заставить отпустить средства. Шипова привезли в Смольный, где он ночевал в одной комнате с Менжинским и Горбуновым. «Днем эта комната превращалась в канцелярию какого-то учреждения (не Наркомфина ли?)». Ленину пришлось взять дело в свои руки, чтобы раздобыть первые 10 млн на канцтовары и другие нужды: «первый финансовый закон, подписанный ВИ, был как раз декрет о выдаче этих несчастных 10 миллионов»[1140]. Этот декрет – без заседания СНК – Ленин 17 (30) ноября просто вручил Горбунову и Осинскому для исполнения, сказав при этом:

«– Если денег не достанете, не возвращайтесь…

Нас уже ждал Юрий Пятаков, который был назначен директором Государственного банка, – рассказывал Горбунов. – Опираясь на низших служащих и курьеров, которые были на нашей стороне, а также угрожая Красной гвардией, которая якобы окружила уже банк, нам удалось проникнуть в помещение кассы банка, несмотря на всякие кунштюки, которые выделывали высшие чины Государственного банка, вроде ложных тревог и т. п., и заставить кассира выдать требуемую сумму. Мы производили приемку денег на счетном столе под взведенными курками оружия солдат военной охраны банка». Деньги везли на машине с револьверами в руках. Горбунов сдал их главе правительства «с особой торжественностью. ВИ принял их с таким видом, как будто иначе и быть не могло, но на самом деле остался очень доволен. В одной из соседних комнат отвели платяной шкаф под хранение первой советской казны, окружив этот шкаф полукругом из стульев и поставив часового»[1141].

Появление в Смольном наличности стало одним из решающих факторов для триумфального шествия Советской власти, поскольку позволило именно Совнаркому возобновить финансирование региональных органов власти – какими бы они

на тот момент в разных местах ни были. Оборотной стороной денежного потока станет гиперинфляция.

Наркомы отправились в министерства с, мягко говоря, неясными полномочиями. Так, Шляпникову был выдан мандат Военно-революционного комитета за № 1420 с подписями Подвойского и Карахана на бланке Военного отдела Исполкома Петербургского Совета. В нем значилось: «Удостоверение. Военно-Революционный Комитет уполномачивает товарища А. Г. Шляпникова Комиссаром Министерства Труда». «В сумерки ненастного дня я направился в Мраморный дворец, в котором помещалось министерство труда. Служащие министерства труда в этот день объявили забастовку протеста против перехода власти в руки рабочих и крестьян. Глава – министр труда К. А. Гвоздев, наш старый противник, организатор рабочих групп при военно-промышленных комитетах, принадлежал к правому крылу меньшевистского Центрального Комитета…» Шляпников обнаружил в министерстве 6–8 человек, но быстро нашел выход из положения, бросив клич к поступлению на службу. «Желающие получить должность стояли в очередь и распределялись нами по многим учреждениям. Среди предлагавших свои услуги были различные группы: безработные, идейные товарищи и члены партии, желавшие сломить эту позорную стачку, но были и такие, которые стремились “примазаться”, поживиться в хаосе первых дней нашей власти. При ознакомлении с делами министерства труда тотчас же выяснилось, что многие материалы были унесены. Бухгалтерские книги исчезли. Ключ от несгораемого шкафа также был унесен…»[1142]. Та же ситуация была во всех других министерствах, не желавших становиться наркоматами.

Борьба с саботажем включала в себя также увольнение забастовщиков. Помогали аресты членов Союза Союзов, который координировал забастовку. 10 (23) ноября Совнарком поручил Военно-революционному комитету «принять самые решительные меры к искоренению спекуляции, саботажа, скрывания запасов, злостной задержки грузов и пр. Все лица, виновные в такого рода действиях, подлежат по специальным постановлениям Военно-революционного комитета *немедленному аресту и заключению в тюрьмах Кронштадта*, впредь до предания военно-революционному суду»[1143]. Ленин не жалел эпитетов в адрес забастовщиков.

– Это – отряды, купленные буржуазией, которая засыпает подачками саботирующих чиновников, объявивших борьбу Советской власти, во имя торжества реакции, – говорил он 12 (25) января 1918 года на Третьем съезде Советов.

Совнарком принял постановление: «Никаких переговоров с

саботажниками не вести. Отдельным народным комиссарам предоставляется нанимать на работу, как отдельных лиц, тех саботажников, которые, вполне подчиняясь Советской власти и поддерживая ее, необходимы для работы в соответствующих ведомствах»[1144]. Многие забастовщики покинули госслужбу. Но еще большее количество загнал обратно на работу голод.

Формально большевики провозгласили власть Советов. Представители всех социалистических партий, если они соглашались с решениями II съезда, на первых порах допускались в Советы, которые большевики превращали в то, что и обещал Ленин – государственную форму диктатуры пролетариата. Осуществлялось это насаждением единой иерархически организованной системы власти и управления сверху донизу, подчинением и слиянием с Советами всех других органов центрального и местного управления.

Система выборов делегатов съездов и депутатов Советов была пропорциональной, многоступенчатой, путем открытого голосования с выдвижением от учреждений, организаций и территорий. С формальной точки зрения Советы были органами скорее прямой демократии, чем представительной власти, но в жизни эти нюансы скоро не будут иметь большого значения, поскольку доминирующими оказывались большевистские фракции, действовавшие в рамках партийной дисциплины.

Большевики легко брали верх на выборах в Советы в Москве и Петрограде, но во многих губернских центрах они оказывались в меньшинстве, что свидетельствовало о заметном протестном голосовании. Перспектива формирования эсеро-меньшевистских советов была вполне реальной.

Второй съезд Советов, бравший власть, представлял Советы рабочих и солдатских депутатов. А были еще не менее многочисленные Советы крестьянских депутатов, где большевиков было крайне мало. Что придумал Ленин? Приняв декрет о земле, новый ЦИК созвал Всероссийский крестьянский съезд, действуя через голову Исполнительного комитета крестьянских Советов. Действовавший ВЦИК крестьянских Советов во главе с Авксентьевым ленинского правительства, естественно, не признал, присоединившись к Комитету спасения, и объявил Крестьянский съезд, созванный Смольным, нелегитимным. Но к 10(23) ноября в Петрограде собралось около четырехсот делегатов с непонятными полномочиями, и начались фракционные совещания[1145]. Было решено начать заседать как Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов, который шел с 11 по 25 ноября (24 ноября – 8 декабря). К открытию среди делегатов с решающим голосом 195

левых эсеров, 65 – правых эсеров и только 37 большевиков.

Первое заседание съезда состоялось в Александровском зале городской думы. Председателем избрали Марию Спиридонову, после чего старый исполнительный комитет покинул зал заседания. Зиновьев пытался говорить от имени большевиков, но его освистали. Большевистская фракция внесла предложение – пригласить для доклада Ленина. Мстиславский запомнил: «Президиум (он был весь левоэсеровский, кроме одного, помнится, большевика) поморщился. И отказать неудобно, и приглашать нежелательно. Съезд был крепко народнический, козыри все на руках… Президиум поэтому решил политично… *Председателя Совнаркома* съезд не приглашает, а если *товарищ Ленин* пожелает выступить с докладом – съезд будет рад его выслушать».

Ленин появился на третий день работы съезда. «– Долой его! – ревел зал. – Не хотим слушать ваших народных комиссаров! Не признаем вашего правительства!

Ленин стоял совершенно спокойно, охватив пюпитр обеими руками, и вдумчиво оглядывал беснующуюся толпу своими прищуренными глазами. Наконец шум в зале как бы иссяк, за исключением правых скамей, где все еще продолжали кричать и свистеть… Он начал речь не так свободно и просто, как всегда, а сухо и настороженно, словно нащупывая перед собой дорогу. И руки, не как всегда – в карманы, локти наотлет: он двигал ими непривычно усиленно, в такт словам, напряженно, словно сдвигал тяжесть. Но уже через несколько минут, приглядевшись к рядам, вдруг потеплел, залучились у глаз всегдашние лукавые тонкие морщинки, ударил словом – и с зала сошло сразу же напряжение: словно туман сполз… И дальше – уже уверенно, быстро, со смешком, крепче, крепче…»[1146].

«– Я пришел сюда не как член Совета Народных Комиссаров, – сказал Ленин и снова подождал, пока спадет шум, – а как член большевистской фракции, надлежащим образом избранный на настоящий Съезд.

И он высоко поднял над головой мандат, так, чтобы все могли его видеть.

– Скажите откровенно, вы, крестьяне, которым мы отдали помещичьи земли: неужели вы теперь хотите помешать рабочим захватить контроль над производством? Мы, большевики, являемся партией пролетариата, – точно так же крестьянского пролетариата, как и пролетариата промышленного. Мы, большевики, стоим за Советы, – точно так же за крестьянские Советы, как и за Советы рабочих и солдат. Нынешнее правительство есть правительство советское, – и мы не только

предложили крестьянским Советам принять участие в этом правительстве, но и пригласили представителей левых эсеров войти в Совет Народных Комиссаров…»[1147].

«По рядам гул, движение. Кончил овацией», – засвидетельствовал Мстиславский.

Второй раз на съезде Ленин выступил в прениях по земельному вопросу, и его «на этот раз слушали с огромным вниманием.

– Левые эсеры и до сих пор подают всю руку Авксентьевым, протягивая рабочим лишь мизинец. Если соглашательство будет продолжаться, то революция погибла. Если крестьянство поддержит рабочих, то только в этом случае можно разрешить задачи революции[1148].

Убедил далеко не всех. «Во время бурных споров по земельному вопросу и о ленинской резолюции большевики дважды собирались уходить со съезда, но руководители все-таки удержали их… Мне казалось, что съезд безнадежно раскололся», – писал Джон Рид. В предложенной левыми эсерами резолюции «О власти» содержалось требование создания правительства «из всех социалистических партий, от народных социалистов до большевиков включительно». Правда – «для осуществления программы II съезда Советов». Но главное Лениным было достигнуто: в резолюции было предусмотрено слияние Исполкома Советов крестьянских депутатов с ВЦИК.

Поздно вечером 16 (29) ноября открылось чрезвычайное заседание съезда. После приветствия Свердлова делегаты устремились на улицу: «Ночь уже наступила, и на обледенелом снегу отражались бледные блики луны и звезд. На набережной выстроился в полном походном порядке Павловский полк. Его оркестр играл “Марсельезу”. Под громкие приветственные крики солдат крестьяне выстроились в колонну и развернули огромное красное знамя Исполнительного комитета всероссийских Советов крестьянских депутатов, на котором было заново вышито золотом: “Да здравствует союз революционных трудящихся масс!” Откуда-то появились факелы, осветившие ночь темно-багровым светом. Тысячекратно отражаясь на гранях льда, дымились они над толпой, с пением двигавшейся по набережной Фонтанки под взглядами молчаливых и изумленных зрителей».

Вся эта толпа хлынула в Смольный. «В огромном белом зале заседаний ее ждал весь ЦИК, весь Петроградский Совет и тысячи зрителей. Обстановка была торжественная: все сознавали величие переживаемого исторического момента. Зиновьев огласил соглашение с Крестьянским съездом. Его сообщение было встречено громом восторга, который превратился в настоящую

бурю, когда в коридоре зазвучала музыка и в зал вошли передние ряды шествия. Президиум встал, дал место крестьянскому президиуму и встретил его объятиями»[1149].

На следующий день Ленин выразил надежду, что союз большевиков и левых эсеров «*может* быть честной коалицией», честным союзом, ибо коренного расхождения интересов наемных рабочих с интересами трудящихся и эксплуатируемых крестьян *нет*»[1150].

На Чрезвычайном съезде было принято решение о созыве II Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов, который и открылся 26 ноября (9 декабря). Чрезвычайный съезд влился в него в полном составе. Съезд расколется – на сторонников эсеров и коалиции большевиков с левыми эсерами. Но для Ленина это уже не имело значения. Объединенный ВЦИК уже функционировал.

После Чрезвычайного Всероссийского съезда крестьянских депутатов 108 членов крестьянского Исполкома (82 левых эсера, 16 большевиков, 3 эсера-максималиста, один меньшевик-интернационалист, один анархист и 5 «прочих») влились в состав объединенного ВЦИК. И на короткий период – с 15 по 25 ноября (28 ноября – 8 декабря) – там было левоэсеровское большинство – 113 левых эсеров, 92 большевика. Однако, по еще июньской договоренности, в состав ВЦИК вводились дополнительно 80 представителей от армии, 20 – от флота и 50 – от профсоюзов. По мере их добавления большевики вновь заняли преобладающие позиции.

Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов в январе 1918 года избрал ВЦИК в составе 326 человек, среди которых большевиков было больше половины – 169, левых эсеров – 132, эсеров-максималистов и правых эсеров – по 5, анархистов – 4, меньшевиков-интернационалистов – 4, меньшевиков – 2. Во ВЦИК заседали меньшевики Мартов и Дан, меньшевики-интернационалисты Суханов и Линдов, эсеры Пумпянский и Чернявский, анархисты Ге и Шатилов[1151].

Функции ВЦИК и Совнаркома никто разграничить не удосужился. Свердлов подтверждал: «Совет народных комиссаров – это непосредственный орган власти как таковой: и законодательный, и исполнительный, и административный… Аналогичные вопросы решаются как в Совете народных комиссаров, так и в ЦИК в зависимости от того, куда этот вопрос попадает». Аппарат ВЦИК под руководством Свердлова поначалу стал работать как параллельное правительство. ВЦИК еще какое-то время рассматривал себя как высший орган власти. Свердлов

утверждал: «Всякий декрет, имеющий принципиальное значение, может проходить через ЦИК, и только декреты, имеющие не принципиальное, не общее значение, как отдельное распоряжение, могут исходить от Совета народных комиссаров»[1152]. Полагаю, никто в СНК так не думал. А тем более в ЦК партии, аппаратом которого Свердлов же и руководил.

Во главе партии Ленин видел себя с очень узкой группой единомышленников. Первое Политбюро было создано, как мы помним, на заседании ЦК 10 (23) октября для руководства «в.в.». «“Бюро для политического руководства восстанием” ни разу не собиралось»[1153], – замечал Троцкий. А Зиновьев и Каменев вообще вышли из ЦК.

Первым, кто обратил внимание на целесообразность получения партийного согласия на решения Совнаркома, был Свердлов. 29 ноября (8 декабря) он ставил вопрос о санкции «хотя бы и задним числом, относительно решения об объявлении кадетов врагами народа». С этого дня работало Бюро ЦК. В него входили Ленин, Свердлов, Сталин и Троцкий. Это была та четверка, которая реально правила страной в первые полтора года советской власти. С 8 марта по 29 июля 1918 года в Бюро ЦК входил еще и Сокольников. Редакционную коллегию центрального органа партии газеты «Правда» составили Сокольников, Сталин и Троцкий[1154].

Весь будущий Секретариат ЦК поначалу заменял собой один Свердлов. «Маленький, худощавый, черный, как смоль, Свердлов, один из коренных организаторов партии»[1155], – описывал его Троцкий. Свердлов был уникальной фигурой, которую, как писал Луначарский, отмечало «совершенно исключительное, необъятное знание всей партии и десятка тысяч людей, которые составляли эту партию и, казалось, были насквозь им изучены. Какой-то биографический словарь коммунистов носил он в своей памяти… Если Ленин и другие идейно руководили революцией, то между ними и всеми этими массами, партией, советским аппаратом и, наконец, всей Россией, винтом, на котором все проворачивалось, проводом, через который все проходило, был именно Свердлов»[1156].

Волкогонов приходил к выводу: «Уже первые заседания ЦК и Совнаркома вскоре после октябрьского переворота не оставляют сомнений в том, что партийный ареопаг под руководством Ленина решает главным образом стратегические вопросы (что не мешает ему заниматься и “мелочовкой”), а революционное правительство, даже возглавляемое Лениным, ограничивается в основном техническими проблемами»[1157].

По образованию Ленин был юристом. Но право было глубоко

противно его сознанию. Первичной была революция, а она по определению – отрицание права. Адоратский как-то беседовал с Лениным. «Говоря о юристах, ВИ вспомнил удачное выражение Бебеля: “Юристы – крайне реакционные люди” и выражение Маркса: “Юридически – значит фальшиво”. Я этих выражений не знал»[1158]. В ПСС тоже можно прочитать:

– Я помню слова Бебеля, что юристы – это самые реакционные люди и вместе буржуазные.

Прежняя судебная и правовая система, подорванная еще Временным правительством, Лениным была окончательно уничтожена. Старый суд? Под нож. Ленин в марте 1918 года объяснял весьма доходчиво: «Суд был в капиталистическом обществе преимущественно аппаратом угнетения, аппаратом буржуазной эксплуатации. Поэтому безусловной обязанностью пролетарской революции было не реформировать судебные учреждения (этой задачей ограничивались кадеты и их подголоски меньшевики и правые эсеры), – а совершенно уничтожить, снести до основания весь старый суд и его аппарат»[1159]. Декрет о суде от 22 ноября (5 декабря) гласил: «Упразднить доныне существующие общие судебные установления, как то: окружные суды, судебные палаты и правительствующий сенат со всеми департаментами, военные и морские суды всех наименований, а также коммерческие суды, заменяя все эти установления судами, образуемыми на основании демократических выборов»[1160].

Институт судебных следователей, прокуратура и адвокатура также прекратили свое существование. Сохранялись только местные суды, которые могли принимать решения по гражданским и незначительным уголовным делам на основе прежних законов в части, не противоречившей декретам Совнаркома, ВЦИК, «революционной совести и революционному правосознанию». Советский суд должен был состоять из одного постоянного выборного судьи и двух заседателей[1161].

Параметры их революционных совести и правосознания Ленин определял весьма широко, что давало судьям неограниченные возможности для интерпретаций. «Новый суд нужен был прежде всего для борьбы против эксплуататоров, пытающихся восстановить свое господство или отстаивать свои привилегии… Нам нужно государство, нам нужно принуждение. Органом пролетарского государства, осуществляющего такое принуждение, должны быть советские суды. И на них ложится громадная задача воспитания населения к трудовой дисциплине».

Судейский корпус? Здесь все предельно ясно. Ленин напишет: «”Выборность судей из трудящихся только трудящимися”…

Избирая в состав суда только представителей рабочих и крестьян, не пользующихся наемным трудом с целью извлечения прибыли, коммунистическая партия не делает различия для женщин, уравнивая оба пола во всех правах как при выборе судей, так и в отправлении обязанностей судей». С квалификацией судейских кадров Ленин не заморачивался:

– Здесь не пришлось создавать нового аппарата, потому что судить на основе революционного правосознания трудящихся может всякий[1162].

Серьезные дела судам не доверялись. В полном соответствии с российской традицией, по которой преступления против государства рассматривались иначе, чем преступления против частных лиц, большевики учредили две параллельные системы и правоохранительных органов, и правосудия. Преступлениями против режима занимались не суды, а революционные трибуналы, также руководствовавшиеся нормами революционной совести, а также ВЧК, независимой от Наркомата внутренних дел.

НКВД, по словам Лациса, «должен был стать наследником самого ненавистного народу аппарата прежней власти. Поэтому, совершенно естественно, здесь не могло быть и речи о продолжении деятельности этого государственного органа, а надо было на первых же шагах перевернуть все вверх ногами». Первый акт НКВД, изданный 28 октября (10 ноября) за подписью недолго его возглавлявшего Рыкова, не имел отношения к правоохранительной деятельности. Это был декрет о передаче жилищ в ведение городов: «1. Городские самоуправления имеют право секвестрировать все пустующие помещения, пригодные для жилья»[1163]. Второй – и последний – акт в тот же день создавал новую рабочую милицию, которая «находится всецело и исключительно в ведении Совета рабочих и солдатских депутатов»[1164].

После столь бурного старта Рыков по идейным соображениям свой пост покинул, и «страна действовала сама, каждый местный Совет по своему усмотрению». Ленин хотел видеть во главе НКВД Муранова, но тот «по своей скромности, категорически отказывался от этой должности. Не помогли и угрозы ВИ. Муранов решительно заявил, что он не выйдет из дому, пока не аннулируют постановления о его назначении. Его упрямство так и не удалось сломать: две недели он не выходил из дома. Дальнейший нажим был бы неуместен».

Согласился другой бывший депутат Думы – Петровский, 17 (30) ноября поехавший осваивать подведомственную организацию. Но там была уже знакомая картина. «Но на работе не было ни одного чиновника… Мы не знали даже, как

приступить к делу. Пришлось прибегнуть и к помощи курьеров: учились вначале у них». Первое официальное заседание коллегии НКВД состоялось только 4 (17) декабря, присутствовали Петровский, Уншлихт и Лацис. Передали бразды в столице комиссии по охране порядка во главе с Ворошиловым, которая заменяла ликвидируемое градоначальство»[1165].

Другой важнейшей силовой структурой стала ВЧК. Записка Ленина с проектом декрета о борьбе с контрреволюционерами и саботажниками, направленная на имя Дзержинского в тот день, который чекисты отмечают как профессиональный праздник – 7 (20) декабря 1917 года, – была посвящена конкретной теме, связанной с забастовкой госслужащих. Декрет гласил: «Назвать комиссию Всероссийской Чрезвычайной Комиссией при СНК по борьбе с контрреволюцией, саботажем и утвердить ее»[1166].

Для проведения в жизнь этого декрета была назначена коллегия под председательством Дзержинского. Он обладал большим опытом конспиративной работы, в том числе по борьбе с агентурой Департамента полиции. Заместителем председателя оказался Александрович (Петр Алексеевич Дмитриевский) – член ЦК партии левых эсеров. Таким образом, руководители ВЧК оказались в двойном подчинении: формально – Совнаркому, а неформально и политически – Центральным Комитетам своих партий.

ВЧК разместилась на Гороховой, дом 2, в особняке бывшего петербургского градоначальника Балка, и Дзержинский занял его кабинет. Член коллегии Петерс рассказывал: «Весь аппарат ВЧК состоял из нескольких лиц; канцелярия находилась в портфеле Дзержинского, а вся касса, сперва 1000 руб., а потом 10 000 руб., которые были получены для организации ВЧК, у меня, как казначея, в ящике стола… Неохотно шли в органы ВЧК, неохотно хотели идти на обыски и аресты, вести следствия, и нужна была полоса длительной борьбы и поражений, чтобы каждому революционеру стало ясно, что революция не делается в шелковых перчатках, что там, где есть война, – есть жертвы, что другого выхода нет… Когда ВЧК эвакуировалась в Москву, то она имела около 120 сотрудников»[1167]. «С чисто профессиональной точки зрения в части выполняемых задач в области политического сыска ВЧК является преемником Особого отдела Департамента полиции»[1168].

ВЧК была не единственной спецслужбой. Одновременно расширялись полномочия Следственной комиссии при Петроградском Совете, которой решением СНК 21 января (3 февраля) 1918 года было предоставлено «право обысков, выемок и арестов, без предварительных сношений по сему поводу с каким

бы то ни было учреждением». Декретом от 30 января (12 февраля) 1918 года учреждалась Всероссийская междуведомственная чрезвычайная комиссия по охране дорог, в котором Ленин собственноручно дописал: «На обязанность охраны возлагается в особенности беспощадная борьба со спекуляцией и с неразрешенным провозом продовольственных грузов».

Тюремное население стремительно росло, что создавало в условиях голодухи очевидную проблему: его нечем было кормить. Ленин пишет 23 января (5 февраля) творческое постановление из двух пунктов: «Принять экстренные меры для немедленного улучшения продовольствия в петроградских тюрьмах… 2) Вывезти спешно от $^1/_3$ до $^1/_2$ заключенных в провинциальные тюрьмы вполне благополучных по продовольствию местностей».

Вопрос об организации власти на местах первоначально решался явочным порядком в процессе революционного творчества масс. 18 ноября (1 декабря) Ленин направил телеграмму Подольскому Совету: «Роспуск городских дум и организация выборов в новые представляется местным Совдепам». Моссовет интересовался у Ленина своими полномочиями по снятию губернских комиссаров. «Вся власть у Советов, – отвечал он 19 ноября (2 декабря) 1917 года. – Подтверждения не нужны. Ваше отрешение одного и назначение другого есть закон»[1169].

Вопросы организации власти на местах Ленин, как и в Российской империи, замкнул на ведомство внутренних дел. Член коллегии НКВД Лацис рассказывал: «Жизнь ежедневно выдвигала тысячи вопросов: как поступить с воинскими присутствиями? Как быть с беженцами, с эвакуированными из западных губерний учреждениями, с выдачей пенсий, с земствами и городскими управами? Что делать с правительственными комиссарами? Откуда брать средства на содержание учреждений? Как организовать Советы и какие Советы? Такие и подобные вопросы сыпались в центр ежедневно».

Петровский в середине декабря просто посылал на места телеграмму: «…Ввиду саботажа чиновников в центре, проявить максимум самодеятельности на местах, не отказываясь от конфискаций, реквизиций, принуждения и арестов. Не забывать беженцев и семей запасных… Взять под контроль выдачи пенсий, временно выплачивать не свыше ста рублей на пенсионера. Контрреволюционных и саботирующих пенсий лишить”»[1170].

Ленинские декреты и постановления не могли обеспечить властную вертикаль, которая по большому счету просто исчезла на большей части территории страны. Петр Иванович Воеводин, назначенный первым главой западносибирского Совнархоза,

описывал ситуацию за Уралом: «Сибирь буквально отдана была на растерзание, и центр оставил нас, местных работников, без денег, без реальной силы и без руководства…»[1171]. В каждом уездном городке была своя автономная власть, а в деревнях чаще всего вообще не было никакой власти.

Учредилка

В принципе, могло найтись место в ленинской системе власти и Учредительному собранию. Может быть, и прав Луис Фишер, который пишет: «Что случилось бы, если бы большевики добились большинства в Учредительном собрании? Вероятно, они бы сохранили парламент»[1172].

Выборы в Учредительное собрание проходили через две с половиной недели после прихода большевиков к власти – 12 (25) ноября 1917 года. Итоги выборов по столице Ленина вполне устроили. 15 (28) ноября он дал весьма оптимистичное интервью корреспонденту «Associated Press» Ярросу:

– Я думаю, что эти выборы являются доказательством большой победы большевистской партии. Получить шесть мест из двенадцати в городе, где буржуазия (кадеты) очень сильна, значит победить в России.

Сам Ленин был выдвинут кандидатом в Учредилку и избран сразу в нескольких местах, а потому 28 ноября (11 декабря) известил Избирком: «Прошу считать меня выбранным от армии и флота Финляндии, по остальным же округам, по которым я прошел, считать меня отказавшимся».

Но в масштабах всей страны победу одержали эсеры, получившие 56 % голосов и 412 мест из 715. Крестьянство голосовало за социалистов-революционеров, которые набрали более $^2/_3$ всех голосов в Сибири, на Урале, в Поволжье и на Украине. Ленин отметит, что крестьянство повернет к Колчаку и Деникину именно в тех регионах, где эсеры добились наибольших результатов на выборах. Большевики получили 25 % и 183 мандата за счет подавляющей поддержки в столицах и столичных областях, на Северо-Западе, в Лифляндии (самые высокие показатели – 72 %), в Центрально-Промышленной области (Тверская, Владимирская губернии), а также в армии. У меньшевиков было 4 % голосов и 17 депутатов. Кадетам и близким к ним «буржуазным» и «национальным» партиям удалось получить 13 % голосов – в основном в тех же регионах, где набирали и большевики – и только 16 мест.

Учредительное собрание с таким составом было обречено. Ленин окончательно утвердился в мысли, что вопрос о власти должны и впредь решать не Учредительное собрание, а Советы, то есть он сам. При этом публично Ленин отрицал конъюнктурные расчеты, ссылаясь на свои многократно высказанные мысли о том, что «интересы революции стоят выше формальных прав Учредительного собрания…»[1173]. В противовес Учредилке

большевики и левые эсеры готовили созыв III съезда Советов, на котором планировали формально объединить рабочие, солдатские и крестьянские Советы.

Уже 23 ноября (6 декабря) Всероссийская по выборам в Учредительное собрание комиссия, состоявшая из известных юристов во главе с Николаем Николаевичем Авиновым, была арестована. Эта «кадетская комиссия», как ее называли большевики, «вела свою работу, прячась от Советов и скрывая все данные о выборах, чтобы не дать возможности обнаружиться провалу кадетов прежде, чем заговор Милюкова, Каледина, Корнилова и Дутова увенчается успехом». Однако формальных оснований для обвинений не нашлось, и членов комиссии пришлось освободить. Тогда Ленин придумал другую решительную меру: 28 ноября (11 декабря) он выпустил декрет, который гласил: «Члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов народа, подлежат аресту и преданию суду революционных трибуналов»[1174]. Избирательная комиссия была распущена, Авинова сменил Урицкий. Выступление во ВЦИК 1 (14) декабря Ленин начал словами:

– Мы не дадим себя обманывать формальными лозунгами. Они желают сидеть в Учредительном собрании и организовать гражданскую войну в то же время.

На съезде крестьянских депутатов 2 (15) декабря 1917 года Ленин под неодобрительные возгласы эсеров заявил:

– Советы выше всяких парламентов, всяких учредительных собраний.

Потом Ленин заговорил о необходимости проведения повторного голосования, потому что выборы проходили по составленным еще до революции спискам. Таким образом, например, там была представлена единая партия эсеров, с тех пор расколовшаяся надвое.

– В силу этого, даже формального, соответствия между волей избирателей в их массе и составом избранных в Учредительное собрание нет и быть не может, – говорил Ленин на заседании большевистской фракции Учредилки. – Единственным шансом на безболезненное разрешение кризиса возможно более широкое и быстрое осуществление народом права перевыбора членов Учредительного собрания и безоговорочное заявление Учредительного собрания о признании советской власти. Вне этих условий кризис в связи с Учредительным собранием может быть разрешен только революционным путем[1175].

Прозрачный намек на возможные меры, однако сценарий разгона пока не озвучивается.

На Рождество Ленин с Крупской уехали отдыхать в санаторий

«Халила» в финской Уусиккирко. Коллонтай рассказывала о первом советском Новом годе Ленина: «Зима еще не установилась. Падает талый снег, и вдоль Невы дует холодный, северный ветер. Надежда Константиновна старается уговорить ВИ уехать на несколько дней, на время Рождества, за город. Надежда Константиновна говорит, что перерыв в работе ВИ необходим. Он стал плохо спать и явно утомлен. Доктор, заведующий санаторием “Халила” в Финляндии, на Карельском перешейке, приезжал ко мне в Наркомат госпризрения и сказал, что у него в санатории есть новый домик-особняк, теплый и светлый, который он охотно предоставит в полное распоряжение Ленина. Но ВИ отмахивается от всех наших уговоров…

Однако прошло несколько дней, и ВИ пришло в голову, что он в эти два или пять дней за городом может успеть написать целую работу, до которой в Смольном руки не доходят… 24 декабря утром я приехала на Финляндский вокзал провожать ВИ в дом отдыха… ВИ считал, что будет безопаснее, если он поедет в простом пассажирском вагоне. В том же купе сядут два красноармейца и верный финский товарищ… Вслед за мной в вагон пошел товарищ, который нес три меховые шубы и меховую шапку с наушниками.

– Это вы наденете, – сказала я ВИ, – когда вам придется ехать на санях в открытом поле, где, конечно, будет очень холодно. От станции до санатория очень далеко. Эти шубы, – добавила я, – взяты из склада наркомата.

– Это и видно, – сказал ВИ, отворачивая полу одной из шуб. На ней были нашиты номера склада и инвентаря. – Это вы для того, чтобы мы шубы сохранили и не забыли? Казенное добро учет любит. Так и следует.

ВИ вдруг вспомнил, что у него нет финских денег… Я побежала к кассе, но у меня с собой было мало денег, и я не набрала даже 100 финских марок. Поезд тронулся. Вся окружающая публика и понятия не имела, что едет Председатель Совета Народных Комиссаров как обыкновенный пассажир II класса»[1176].

В Финляндии мысли Ленина оказались довольно далеко от дел Учредительного собрания. Именно в «Халила» Ленин пишет «Как организовать соревнование»: «Тысячи форм и способов практического учета и контроля за богатыми, жуликами и тунеядцами должны быть выработаны и испытаны на практике самими коммунами, мелкими ячейками в деревне и в городе. Разнообразие здесь есть ручательство жизненности, порука успеха в достижении общей единой цели: очистки земли российской от всяких вредных насекомых, от блох – жуликов, от клопов –

богатых и прочее и прочее. В одном месте посадят в тюрьму десяток богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы… В другом – поставят их чистить сортиры. В третьем – снабдят их, по отбытии карцера, желтыми билетами, чтобы весь народ, до их исправления, надзирал над ними, как за вредными людьми. В четвертом – расстреляют на месте одного из десяти, виновных в тунеядстве. В пятом… Чем разнообразнее, тем лучше». И здесь же: «Без совета, без руководящего указания людей образованных, интеллигентов, специалистов обойтись нельзя»[1177]. Все это опубликуют в «Правде» только в 1929 году.

Возвращение в Петроград было отмечено первым серьезным покушением. Мальков рассказывал: «В 1917 году Ленин ездил и ходил всюду без всякой охраны. Очень меня это беспокоило. Несколько раз пытался я говорить на эту тему с ВИ, он только рукой махал… Спорить с ним было бесполезно»[1178].

1 (13) января 1918 года Ленин провожал первых отправлявшихся на фронт красноармейцев в Михайловском манеже:

– Приветствую в вашем лице тех первых героев-добровольцев социалистической армии, которые создадут сильную революционную армию… Уже просыпаются народы, уже слышат горячий призыв нашей революции, и мы скоро не будем одиноки, в нашу армию вольются пролетарские силы других стран.

Компанию Ленину составили сестра Мария и Платтен. «Выйдя после митинга из манежа, мы сели в закрытый автомобиль и поехали в Смольный. Но не успели мы отъехать и нескольких десятков саженей, как сзади в кузов автомобиля как горох посыпались ружейные пули. “Стреляют”, – сказала я. Это подтвердил и Платтен, который первым долгом схватил голову ВИ (они сидели сзади) и отвел ее в сторону, но Ильич принялся уверять нас, что мы ошибаемся и что он не думает, чтобы это была стрельба. После выстрелов шофер ускорил ход, потом, завернув за угол, остановился, и, открыв двери автомобиля, спросил:

– Все живы?

– Разве в самом деле стреляли? – спросил его Ильич.

– А то как же? – ответил шофер. – Я думал – никого из вас уже и нет. Счастливо отделались. Если бы в шину попали, не уехать бы нам. Да и так ехать-то очень шибко нельзя было – туман, и то уже на риск ехали.

Все кругом было действительно бело от густого питерского тумана. Доехав до Смольного, мы принялись обследовать машину. Оказалось, что кузов был продырявлен в нескольких

местах пулями, некоторые из них пролетели навылет, пробив переднее стекло. Тут же мы обнаружили, что рука т. Платтена в крови. Пуля задела его, очевидно, когда он отводил голову ВИ, и содрала на пальце кожу.

– Да, счастливо отделались, – говорили мы, поднимаясь по лестнице в кабинет Ильича»[1179].

Группа офицеров, подготовившая заговор, была арестована (их не расстреляли, во время немецкого наступления они попросились на фронт и были отпущены). В связи с покушением 2 января были арестованы видные эсеры Сорокин, Аргунов и Гуковский. Доказательств их причастности не было, но Зиновьев объяснил: покушение на Ленина было морально подготовлено пропагандой эсеровской прессы.

Охрана Ленина была усилена. «Вот тут уж не посчитались с мнением Ильича и организовали надежную охрану, особенно когда Ильич поехал на заседание Учредительного собрания. Охрана Смольного все эти дни находилась в полной боевой готовности. Посты были усилены, количество постов увеличено, отпуска в город сотрудникам охраны отменены»[1180], – писал Мальков.

Ленин по-своему готовился к Учредительному собранию. 16 января ВЦИК одобрил разработанную им Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа. На следующий день ее напечатали в «Известиях». Ленин закладывал базовые основы конституционного строя до начала работы конституанты – Учредительного собрания. «1. Россия объявляется республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам. 2. Советская Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация Советских национальных республик». Учредительному собранию предлагалось утвердить также: отмену частной собственности на землю, законы о рабочем контроле, национализацию банков, введение всеобщей трудовой повинности, вооружение народа и разоружение и лишение прав имущих классов, вооружение трудящихся, образование Красной Армии. Прямо в Декларации предлагалось максимально сузить прерогативы самого Учредительного собрания. «Поддерживая Советскую власть и декреты Совета Народных Комиссаров, Учредительное собрание считает, что его задачи исчерпываются установлением коренных оснований социалистического переустройства общества». Одновременно ВЦИК установил, что «вся власть в Российской республике принадлежит Советам и советским учреждениям», что «всякая попытка со стороны кого бы то ни было или какого бы то

ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти будет рассматриваема, как контрреволюционное действо»[1181].

У партии большинства – эсеров были серьезные сомнения по поводу участия в Учредительном собрании. «Сейчас заседает бюро фракции, совместно с ЦК партии, – пишет эсеровский депутат Святицкий. – Лица хмуры и угрюмы. Для легального открытия Учредительного собрания надо пойти в Каноссу. Больше месяца длится уже наш саботаж комиссии Урицкого. Большевики не уступили. Теперь, для того чтобы открыть Учред. собрание, необходимо зарегистрировать у Урицкого все три сотни наших депутатов. Уступить – это значит расписаться в своей ошибке. Кому нравится это?.. Чувство безвыходности владеет всеми. Ясно, что большевики разгонят нас. Скомпрометируют. Но ждать дольше тоже нельзя: настроение падает, еще несколько дней – и депутаты разбегутся. Надо решаться. Надо кончать»[1182].

Красная гвардия взяла в оцепление окрестности Таврического дворца. «Накануне открытия Учредилки прибывает в Петроград отряд моряков, спаянный и дисциплинированный, – рассказывает Дыбенко. – …Железняк со своим отрядом торжественно выступает охранять Таврический дворец – Учредительное собрание. Гордо выступая с отрядом, он с лукавой улыбкой заявляет:

– Почетное место займу.

Да, он не ошибся. Он занял почетное место в истории»[1183].

Воспоминания участников Учредительного собрания из разных лагерей сходятся только в хронологии событий, во всем остальном – диаметрально расходящиеся интерпретации, вплоть до того, какой была погода 5 (18) января 1918 года. У большевиков она ясная и солнечная. У остальных – облачная, снежная и мрачная.

Святицкий: «Да, день серый, обычный… Две с половиной сотни человек скученной толпой шли посередине Шпалерной улицы. Шли, мрачно углубившись в себя… И всем было невдомек, что эта черная, нестройная куча людей с бледными лицами, спешащих, спотыкающихся, есть не что иное, как большинство членов Всероссийского Учред. собрания…» Эсеровской фракции была отведена самая задняя комната в Таврическом дворце, возле буфета. Снова нами овладело возмущение: как смел Урицкий отвести самой большой фракции самую дальнюю и неудобную комнату! Сообщают вести, идущие из города. Кто-то вбегает и истерически кричит о расстрелах манифестаций, о десятках жертв (чего не было в действительности). Эти сообщения взволновывают всех донельзя. Уже пятый час, а заседание не открывается все по той же причине – нет еще большевистской

фракции»[1184].

К открытию заседания прибыло 410 участников Собрания из 767. Кворум был[1185]. «Под широким стеклянным куполом Таврического дворца в этот ясный морозный январский день с раннего утра оживленно суетились люди, – это воспоминания заместителя народного комиссара по морским делам («замком по морде») Раскольникова. – Громадные залы дворца наполняются депутатами. Рабочие и работницы, пришедшие по билетам для публики, заранее занимают места на хорах. В одном из больших залов собираются члены фракции большевиков»[1186].

Приезд Ленина в Таврический дворец Бонч-Бруевич организовал «чрезвычайно конспиративно», – замечала Крупская. «Он ехал сам с ВИ в автомобиле, посадили туда и меня с Марией Ильиничной и Веру Михайловну Бонч-Бруевич. К Таврическому дворцу мы подъехали с какого-то переулка. Ворота были заперты, но автомобиль дал условленный гудок, ворота отворились и, пропустив нас, снова закрылись. Караул провел нас в особые, отведенные для Ильича комнаты. Они были где-то с правой стороны от главного входа, и идти в зал заседаний надо было по какому-то остекленному коридору»[1187]. Ленина встретил Урицкий. На него по пути на Собрание средь бела дня напали бандиты, которые отобрали шубу и деньги. Ленин «одновременно огорчился и рассмеялся»[1188].

Раскольников в комнате фракции: «В ватном пальто с барашковым воротником и в круглой меховой шапке с наушниками быстрой походкой входит Ленин. На ходу раскланиваясь и торопливо пожимая руки, он застенчиво пробирается на свое место, снимает пальто и осторожно вешает его на спинку стула… На бледных губах ВИ играет загадочная улыбка… После коротких прений большинство фракции голосует за то, что если Учредительное собрание не примет сегодня декларацию, то нам необходимо немедленно уйти. Без прений принимаем решение не выставлять своей кандидатуры в председатели “учредилки”, а поддержать Марию Спиридонову, кандидата фракции левых эсеров… На бронзовом циферблате стрелка подходит к четырем часам. Нас торопят, зовут, говорят, что депутаты уже собрались, нервничают и даже хотят самовольно открыть заседание. Мы прерываем совещание и направляемся в зал заседаний»[1189].

«Идя на заседание, – припоминала Крупская, – ВИ вспомнил, что оставил в пальто револьвер, пошел за ним, но револьвера не оказалось, хотя никто из посторонних в прихожую не входил, очевидно, револьвер вытащил кто-то из охраны. Ильич стал корить Дыбенко и издеваться над ним, что в охране нет никакой

дисциплины. Дыбенко волновался»[1190]. Как видим, Ленин без револьвера в Учредительное собрание идти не хотел.

Эсер Марк Вениаминович Вишняк запомнил: «Зал чисто убран и декорирован. На покрытых коричневой материей щитах литеры – “У.С.”. Эссеры заняли весь центр и правый сектор. Правее их только три эн-эса да несколько депутатов «национально-буржуазных групп: б. депутат Думы латыш Гольдман, сионист Ю. Бруцкус, в форме военного врача; эстонец Сельяма»[1191]. Святицкий: «Ложи печати, правительства, дипломатов переполнены публикой. Хоры – тоже, они заняты красногвардейцами и матросами, явившимися почему-то с винтовками»[1192].

В зале появляется Ленин. Крупская размещает его на ступеньках: «ВИ не выступал. Он сидел на ступеньках трибуны, насмешливо улыбался, шутил, что-то записывал, чувствовал себя каким-то никчемным на этом собрании»[1193]. Кедров – там же: «Ильич тотчас по приходе примостился на покатых, покрытых ковром ступеньках, невдалеке от трибуны, и в таком положении остается до конца собрания. Депутатам он не виден, так как от них отделяет его дощатая перегородка между рядами. В наиболее интересные моменты… Ильич неудержимо хохочет»[1194].

Вишняк и Бонч-Бруевич сажают его в ложу: «В левой от председателя ложе Ленин, сначала прислушивавшийся, а потом безучастно развалившийся на кресле и вскоре исчезнувший»[1195]. «ВИ сел в кресло, – подтверждал Бонч-Бруевич. – Он волновался и был мертвенно бледен, как никогда. В этой совершенно белой бледности лица и шеи его голова казалась еще большей, глаза расширились и горели стальным огнем… Он сел, сжал судорожно руки и стал обводить пылающими, сделавшимися громадными глазами всю залу от края и до края ее»[1196].

Для Ленина, по его собственным словам, это был «тяжелый, скучный и нудный день в изящных помещениях Таврического дворца. Который и видом своим отличается от Смольного приблизительно так, как изящный, но мертвый буржуазный парламентаризм отличается от пролетарского, простого, во многом еще беспорядочного и недоделанного, но живого и жизненного советского аппарата. Там, в старом мире буржуазного парламентаризма, *фехтовали* вожди враждебных классов и враждебных групп буржуазии»[1197].

Раскольников: «Слово к порядку дня получает правый эсер Лордкипанидзе. Поднявшись на ораторскую трибуну, он, спеша и волнуясь, словно боясь, что его сейчас лишат возможности говорить, гневно заявляет:

– Мы считаем, – заканчивает он, – что выборы председателя

должны идти под председательством старейшего»[1198].

Вишняк: «“Старейшим” фактически был Е. Е. Лазарев. Но по предварительному соглашению им оказался С. П. Швецов». Стенографический отчет сухо отмечает: «Шум слева. Голоса: “Долой”. “Самозванец”. Продолжительный шум и свист слева»[1199]. «Видя, что Швецов всерьез собирается открыть заседание, мы начинаем бешеную обструкцию: кричим, свистим, топаем ногами, стучим кулаками по тонким деревянным пюпитрам. Когда все это не помогает, мы вскакиваем со своих мест и с криком “долой!” кидаемся к председательской трибуне. Правые эсеры бросаются на защиту старейшего. На паркетных ступеньках трибуны происходит легкая рукопашная схватка… Вдруг рядом с осанистым рыхлым Швецовым на председательском возвышении вырастает узкоплечий и худощавый Свердлов в черной кожаной куртке. С властной уверенностью берет он из рук оторопевшего старца светлый никелированный колокольчик и осторожным, но твердым жестом хладнокровно отстраняет Швецова».

Святицкий продолжал: «Но тут начинает неистовствовать другая половина депутатов – эсеры. Несколько минут Свердлов не может начать говорить. Он резко трясет колокольчиком. Наконец, шум стихает, и Свердлов торжественно звенящим голосом объявляет от имени ВЦИК Учредительное собрание открытым. Он зачитывает принятую ВЦИК Декларацию прав трудящихся и гражданина и предлагает Учредительному собранию обсудить эту декларацию, затем принять ее или отвергнуть»[1200]. Большинство отказалось поставить Декларацию на обсуждение.

Вишняк: «Ленин шлет записку в большевистскую фракцию. И точно по команде поднимается Скворцов-Степанов и предлагает пропеть Интернационал. Все встают. Поют. У левых и правых свои дирижеры. У с. – р-ов находящийся впереди Чернов, время от времени оборачивающийся лицом к депутатам и широкой жестикуляцией силящийся их вдохновить и увлечь. Поют, однако, далеко не все. На обоих флангах нестерпимо фальшивят».

Неудача ждала большевиков и левых эсеров при выборах председателя Собрания, они хотели видеть на этом посту Спиридонову. 244 голосами против 153 избрали Чернова. Вишняк, избранный секретарем Учредительного собрания: «Председатель занял свое монументальное кресло на эстраде над ораторской трибуной. Между ним и залом образовалось большое расстояние. И приветственная, основоположная речь председателя не только не преодолела образовавшегося “мертвого пространства”, – она даже увеличила расстояние между ним и Собранием… Речь вызвала общую неудовлетворенность у

руководителей фракции и простодушное непонимание этой неудовлетворенности со стороны самого оратора… Но его голос и увещания терялись в гаме и выкриках. Многие его не слышали. Никто не слушал»[1201].

Эсеры не хотели прений, но они развернулись. «Проникновенно говорил Церетели, стараясь действовать на чувства слушателей, умалчивая о главном – о целях революции. От большевиков говорил И. И. Скворцов-Степанов, говорил четко и веско, с тем пафосом, который является только в исторические моменты высокого напряжения. Он снова и категорически настаивал на рассмотрении декларации ВЦИКа… Говорил меньшевик Трояновский и некоторые крестьяне. Наступала уже ночь, а конца заседанию не предвиделось. Левый сектор явно нервничал. Публика тоже» [1202].

«Это ужасно! – продолжал делиться ощущениями Ленин. – Из среды живых людей попасть в общество трупов, дышать трупным запахом, слушать тех же самых мумий “социального”, луиблановского фразерства, Чернова и Церетели, это нечто нестерпимое»[1203]. Полагаю, только в этот момент Ленин принял окончательное решение о разгоне. На голосование поставили зачитанную Свердловым Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, за которое было подано 146 голосов; за предложенную Черновым альтернативную повестку – 237 голосов.

Фракции большевиков и левых эсеров попросили объявить перерыв. У эсеров же было «заранее принято решение не устраивать никаких перерывов. В самом деле, устроим перерыв, разойдемся, а там уже нас не впустят обратно в зал, разгонят. Большинство отказало в перерыве. Тогда большевики и левые эсеры покинули заседание и удалились в свои фракционные комнаты для совещаний»[1204]. Ленин собрал своих однопартийцев.

Среди них Мясников: «Наша фракция довольно-таки нескладно обсуждала вопрос о судьбе Учредительного собрания в перерыве после декларативной речи председателя Чернова. Вдруг появляется во фракции Ленин. Коротко и энергично он доказывает необходимость покончить с контрреволюционным Учредительным собранием»[1205]. Оглашение заявления об уходе фракции поручается Ломову и Раскольникову. «Кое-кто хочет вернуться в зал заседаний. ВИ удерживает.

– Неужели вы не понимаете, – говорит он, – что если мы вернемся и после декларации покинем зал заседаний, то наэлектризованные караульные матросы тут же, на месте, перестреляют оставшихся? Этого нельзя делать ни под каким видом.

После фракционного совещания членов правительства Ленин

пригласил в Министерский павильон на заседание Совнаркома. Ленин сидел у окна за письменным столом, уютно озаренным настольной электрической лампой под круглым зеленым абажуром. На повестке стоял только один вопрос: что делать с Учредительным собранием после ухода из него нашей фракции? ВИ предложил не разгонять собрание, дать ему ночью выболтаться до конца и с утра уже никого не пускать в Таврический дворец. Предложение Ленина принимается Совнаркомом»[1206].

«Раскольников идет в зал и оглашает декларацию большевиков:

– В Учредительном собрании получила большинство партия правых эсеров, партия Керенского, Авксентьева, Чернова… Не желая ни минуты прикрывать преступления врагов народа, мы заявляем, что покидаем Учредительное собрание с тем, чтобы передать Советской власти окончательное решение вопроса об отношении к контрреволюционной части Учредительного собрания»[1207].

Публика неистовствует на хорах, дружно и оглушительно бьет в ладоши, от восторга топает ногами и кричит не то “браво”, не то “ура”!. «ВИ, уже одетый, отдает в Министерском павильоне последние указания.

– Я сейчас уезжаю, а вы присмотрите за вашими матросами, – улыбаясь, говорит мне товарищ Ленин. На прощание ВИ крепко пожимает мою руку, держась за стенку, надевает галоши и через занесенный снегом подъезд Министерского павильона выходит на улицу»[1208].

Левые эсеры еще какое-то время оставались в зале. Поводом для их ухода стал отказ Собрания проголосовать вопрос об отношении к политике мира, проводимой Советской властью. С отбытием левых эсеров Учредительное собрание лишилось кворума. В 4.30 утра 6 (19) января матрос Железняков влез на трибуну, похлопал по плечу председательствовавшего Чернова и сказал:

– Больше здесь оставаться нельзя. Через минуту погасят свет. И кроме того, караул устал.

Святицкий видел, «как Чернов смущается, вижу, как он ищет глазами Вишняка (секретаря У. с.), как тот подскакивает и что-то энергично шепчет Чернову. Последний выпрямляется и с пафосом отвечает матросам:

– Никакая усталость не может помешать Учредительному собранию обсуждать закон о земле. Товарищи депутаты, я продолжаю голосование. Кто за принятие первого пункта, прошу встать…

Мы поднимаемся. Подсчета не нужно – единодушно. Матросы торчат тут же, наблюдают. Голосуются все пункты подряд. Голос Чернова иногда дрожит, но наружно он спокоен. Вот положения о земельном законе приняты. Голосуется короткий закон о республике… Тотчас же по принятии закона о республике он объявляет:

– Позвольте теперь объявить перерыв до двенадцати часов завтрашнего дня.

По залу несется крик:

– Наконец-то! Убирайтесь подобру-поздорову!»

«Мы с любопытством шли к выходу: задержат ли? Но выход был свободен. Был седьмой час утра, брезжил рассвет. В церквах зазвучал крещенский звон… Сжимались кулаки с досады:

– Ну, мы еще посмотрим. Это еще не конец»[1209].

Это был конец. Ночью состоялось заседание ВЦИК. Выступал Ленин:

– Когда я попал из бившего ключом, полного жизни Смольного – в Таврический дворец, я почувствовал себя так, как будто бы я находился среди трупов и безжизненных мумий… По мере возникновения Советов, последние, конечно, как всенародные революционные организации, стали несравненно выше всех парламентов всего мира[1210].

Большинство высказалось за подготовленный Лениным проект декрета о роспуске Учредительного собрания: «Всякий отказ от полноты власти Советов, от завоеваний народом Советской республики, в пользу буржуазного парламентаризма и Учредительного собрания, был бы теперь шагом назад и крахом всей Октябрьской рабоче-крестьянской революции»[1211]. Лишь двое было против и пятеро воздержались.

Утренние «Правда» и «Известия» вышли с декретом о роспуске Учредительного собрания. Раскольников радовался: «В Англии когда-то существовал Долгий парламент. Учредительное собрание РСФСР было самым коротким парламентом во всей мировой истории. Оно скончалось после 12 часов 40 минут бесславной и безрадостной жизни. Когда на другое утро Дыбенко и я рассказали ВИ о жалком конце Учредительного собрания, он, сощурив карие глаза, сразу развеселился.

– Неужели Виктор Чернов беспрекословно подчинился требованию начальника караула и не сделал ни малейшей попытки сопротивления? – недоумевал Ильич и, глубоко откинувшись в кресле, долго и заразительно смеялся»[1212].

Днем депутаты вернулись, но ворота Таврического дворца были уже закрыты. Замечал Адам Улам: «Никто даже не поинтересовался, как высший законодательный орган России мог

быть распущен неузаконенным институтом власти»[1213]. Лидеры эсеров спасовали перед угрозой арестов и призраком гражданской войны. Депутаты стали разъезжаться. Не всем это удалось. В ночь на 7 января в тюремной больнице матросы убили ранее арестованных депутатов-кадетов Шингарева и Кокошкина. Ленин приказал расследовать убийство. Восемь матросов были арестованы. Позднее их отпустили. 9 января в Петрограде арестовали еще 20 депутатов (всех отпустили). В Москве арестуют три сотни депутатов.

Ленин представит разгон как тот акт, который собственно и знаменует давно им обещанный переход от буржуазной демократии к пролетарской диктатуре.

– Пока революция не выходила из рамок буржуазного строя, – мы стояли за демократию, но, как только первые проблески социализма мы увидели во всем ходе революции, – мы стали на позиции, твердо и решительно отстаивающие диктатуру пролетариата[1214], – объяснит Ленин на III съезде Советов, которому большевики предоставили право определить основы государственного устройства страны.

Съезд открылся 10 (23) января и через два дня принял Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа как временный конституционный документ Советской республики. 13 (26) января съезд рабочих и крестьян объединился с III Всероссийским съездом Советов крестьянских депутатов, собравшимся в тот день в Смольном. После этого «развернулся процесс объединения Советов на местах, где создавались Советы рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов – унифицированные органы новой власти»[1215]. Чтобы навсегда перевернуть страницу, связанную с Учредительным собранием, Ленин сам написал постановление Третьего съезда Советов: «…во всех новых изданиях декретов и законов Советской власти всякие ссылки на предстоящее Учредительное собрание устранить»[1216].

Разгон Учредительного собрания станет мощнейшим стимулом для объединения антибольшевистских сил и их перехода к вооруженной борьбе с режимом.

Вплоть до отделения

Большевики еще даже в начале 1917 года не были федералистами. Однако к маю Ленин окончательно пришел к идее «федерации народов»: «Чем свободнее будет Россия, чем решительнее признает наша республика свободу отделения невеликорусских наций, тем сильнее *потянутся* к союзу с нами другие нации, тем меньше будет трений, тем реже будут случаи действительного отделения, тем короче то время, на которое некоторые из наций отделятся, тем теснее и прочнее – в конечном счете – братский союз пролетарски-крестьянской республики с республиками какой угодно иной нации»[1217]. Большевики взяли власть, но нельзя сказать, что народы друг к другу потянулись. Все произошло наоборот, несмотря на повышенное внимание большевиков к национальному вопросу.

«Захват власти большевиками осенью 1917 года фактически уничтожил тот легитимный центр в Петрограде, с которым окраинные движения собирались торговаться по поводу широты их федеративных или автономных прав, и заставил задуматься о независимости многих из тех, кто прежде не рассматривал ее как серьезную перспективу»[1218]. Тем более что сами большевики продолжали, и взяв власть, отстаивать право на самоопределение.

Второго ноября была выпущена подписанная Сталиным и Лениным «Декларация прав народов России: «Совет Народных Комиссаров решил положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России следующие начала: 1) Равенство и суверенность народов России. 2) Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. 3) Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений. 4) Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России»[1219].

Пункт 2 вызывал естественные опасения развала страны. Но Ленина ничуть не волновала территориальная целостность России. Подобного понятия вообще не было в его умственном хозяйстве. 22 ноября (5 декабря) Старик утверждал:

– Сколько бы ни было самостоятельных республик, мы этого страшиться не станем. Для нас важно не то, где находится государственная граница, а то, чтобы сохранялся союз между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией каких угодно наций.

Понятия национального, национальных интересов были Ленину глубоко чужды: «Мы – противники национальной вражды,

национальной розни, национальной обособленности. Мы – международники, интернационалисты. Мы стремимся к тесному объединению и полному слиянию рабочих и крестьян всех наций мира в единую всемирную Советскую республику». Он утверждал также, что «мы стремимся к полному уничтожению государственных границ». Для Ленина первостепенное значение имело обеспечение пространства для мировой революции, которая советизирует все страны. На III съезде Советов 18 (31) января 1918 года он доказывал:

– Мы властвуем, не разделяя, по жесткому закону древнего Рима, а соединяя всех трудящихся неразрывными цепями живых интересов, классового сознания… И недалеко то время, когда трудящиеся всех стран сольются в одно общечеловеческое государство, чтобы взаимными усилиями строить новое социалистическое здание[1220].

После Октября от России сразу же стали откалываться куски. Причем сначала даже не по этническим разломам. В день революции – 25 октября (7 ноября) 1917 года – о независимости от новой власти заявил казачий атаман Алексей Максимович Каледин, который ввел на Донбассе военное положение. 1 (14) ноября объявил войну Советской власти атаман Оренбургского казачества Александр Ильич Дутов, имевший оплот на Южном Урале. Его отряды 15 (28) ноября взяли Оренбург.

Активные действия против Каледина советские войска смогли начать только на Рождество – 25 декабря 1917 (7 января 1918 года). Таганрог был взят 28 января (10 февраля) и дальше наступление пошло на Ростов. На следующий день Каледин сложил с себя полномочия атамана и застрелился. И только после Нового года большевики нашли силы заняться Дутовым: 16 (29) января нанесли ему серьезное поражение под Каргалой и через два дня заняли Оренбург. Без особого успеха власти воевали с Дутовым до осени, когда его отряды благополучно вольются в армию Колчака.

А из национальных регионов быстрее всего к независимости от Петрограда устремились, конечно, Украина и Финляндия, крайне позитивно воспринявшие призывы к самоопределению вплоть до отделения. Если, конечно, не считать Польшу, оккупированную Центральными державами. Королевский Польский Регентский совет (Рада Регенцыйна) 21 ноября организовал первое квазиправительство псевдонезависимой Польши во главе с историком Кухажевским.

При первых известиях о революции в Петрограде на Третьем Всеукраинском войсковом съезде Грушевский потребовал от украинской Центральной Рады немедленно провозгласить

украинскую Демократическую Республику «в этнографических границах Украины», которые вообще-то никому были не ясны, поскольку никакого официально признанного украинского этноса до революции не было. Тогда же Киевский Совет рабочих и солдатских депутатов выступил в защиту ленинского правительства и сформировал революционный комитет, заявивший претензии на власть. Но сохранившее преданность Временному правительству командование Киевского военного округа вызвало для усмирения большевиков части Чехословацкого корпуса. 31 октября (13 ноября) членов ревкома арестовали, его председателя Леонида Леонидовича Пятакова (брата более известного Георгия Пятакова) убили.

Между тем в Киев для поддержки Рады вошли украинские национальные части – полки имени Богдана Хмельницкого и Полуботка, батальон имени Шевченко, которыми руководил генерал Павел Петрович Скоропадский. Центральная Рада 7 (20) ноября выступила с Третьим Универсалом, который провозглашал создание Украинской народной республики, явочным порядком распространившей свою власть на девять губерний. Ленин не сильно обеспокоен. 22 ноября (5 декабря) он уверял:

– Мы безусловно стоим за полную и неограниченную свободу украинского народа. Как украинцы, вы можете устраивать у себя жизнь, как хотите. Но мы протягиваем братскую руку украинским рабочим и скажем им: вместе с вами мы будем бороться против вашей и нашей буржуазии[1221].

Генеральный секретариат Рады 23 ноября (6 декабря) объявил Юго-Западный и Румынский фронты российской армии Украинским фронтом, на который призвал прибывать все украинские части с других фронтов, разрушая тем самым единую систему обороны на всех направлениях. Рада также вступила в переговоры с немцами и румынами и подписала с ними акт о перемирии на Румынском фронте, что явилось косвенным признанием Центральными державами легитимности новой украинской власти. Установила Рада и партнерские связи с мятежными казачьими областями, Донской и Оренбургской[1222]. Ленин и Троцкий 24 ноября (7 декабря) телеграфируют Крыленко: «Рада явно и решительно встала на сторону кадетско-корниловской и калединской контрреволюции. Мы за Советскую власть в независимой республике Украинской, но не за контрреволюционную калединскую Раду»[1223].

Ленин ответил Манифестом от 3 (16) декабря. Совнарком признавал УНР, «ее право отделиться от России или вступить в договор с Российской Республикой», но протестовал против

непризнания Радой ленинского правительства, дезорганизации фронта, разоружения Красной гвардии и поддержки Каледина. Если Рада не изменит свою политику, СНК будет считать ее «в состоянии открытой войны против Советской власти в России и на Украине»[1224].

Генеральный секретариат, в свою очередь, призвал Совнарком включить в свой состав представителей всех социалистических партий и отказал Ленину в праве диктовать политику различным областям страны. Того подобная постановка вопроса не устроила, и 5 (18) декабря СНК постановил: «Признав ответ Рады неудовлетворительным, считать Раду в состоянии войны с нами». Три отряда, объединенные в Южный революционный фронт во главе с Антоновым-Овсеенко, быстро захватили Харьков. 11 (24) декабря там открылся 3-й съезд Советов Донецкого и Криворожского бассейнов. Он объявил себя Всеукраинским, отказал Раде и ее Генсовету в легитимности и избрал временный ЦИК, который принял ленинские декреты и распоряжения как руководство к действию.

В январе 1918 года в результате вооруженного восстания просоветских сил, поддержанного советскими войсками, Верховная Рада была изгнана из Киева. Но ее продолжали признавать законной властью страны Четверного союза, которые считали Украину независимым государством.

Не менее стремительно развивались события в Финляндии, где поначалу, казалось, побеждала Советская власть. 1 (14) ноября Гельсингфорсский Совет рабочих организаций и Центральный революционный комитет Финляндии, в которых доминировали социал-демократы, объявили всеобщую забастовку, отряды Рабочей гвардии заняли все стратегические пункты столицы Финляндии. Но формировать правительство не решились.

Власть с конца ноября стал осуществлять кабинет во главе с Пером Эвиндом Свинхувудом, возвратившимся из сибирской ссылки. 6 (19) декабря Сейм принял постановление о государственной независимости Финляндии и потребовал от Совнаркома незамедлительно вывести все российские войска с ее территории. В условиях войны это означало одно: открыть Финляндию для немецких войск. Ленин поручил Наркоминдел ответить, «чтобы Финляндия ультиматумов не предъявляла, так как иначе будет наказана»[1225].

Однако силы для наказания у большевиков отсутствовали. И финны осмелели. Профессор права Карл Густав Идман и генерал Энкель были вызваны в сенат. «Сенат решил, что Энкелю и мне следует встретиться с Лениным и выяснить, как отнесется Совет

Народных Комиссаров к просьбе о признании независимости Финляндии, если к нему с этим обратятся». Идман и генерал Энкель поспешили в Петроград, ждали в приемной три часа. «Ленин принял нас дружелюбно и извинился, что нам пришлось долго ждать… Энкель объяснил, почему правительство Финляндии не сразу обратилось к Советскому правительству. Ждали созыва Учредительного собрания… Ленин ответил на это, что если он обратится к Совету Народных Комиссаров, то тот, несомненно, немедленно признает независимость Финляндии… Посоветовавшись с Лениным по ряду других вопросов, мы простились, обещав, что доведем его ответ до сведения правительства Финляндии»[1226].

Вернулись они 18 (31) декабря уже с самим Свинхувудом. Прождали те же три часа. «Мы с любопытством ожидали, в каком году – в 1917-м или в 1918-м – Совнарком вынесет свое решение. За несколько минут до полуночи дверь отворилась, в комнату вошел Бонч-Бруевич и передал нам документ, подписанный народными комиссарами. В нем было сказано: "…Совет Народных Комиссаров, в полном согласии с принципами права наций на самоопределение, постановляет: войти в Центральный Исполнительный Комитет с предложением: а) признать государственную независимость Финляндской Республики"[1227]. Финны «несколько изумились, так как не ожидали, что признание будет получено так быстро. У нас явилось желание выразить благодарность лично Ленину… Спустя минуту Ленин вышел. Улыбаясь, он спросил, довольны ли мы.

– Очень даже довольны, – ответил Свинхувуд.

Встреча Ленина со Свинхувудом, несомненно, была, если ее сравнить со встречей двух руководителей государств в ином мире, весьма оригинальной…»[1228]. ВЦИК декрет утвердил. Маневр Ленина был прозрачен.

Генерал-лейтенант русской армии Карл Густав Маннергейм застал Финляндию в декабре в состоянии революционного брожения. «Несмотря на то, что советское правительство формально признало нашу независимость, оно, конечно же, не прислушалось к просьбе парламента о выводе русских частей из Финляндии. Их пребывание на финской территории имело вполне определенную цель: присоединить в дальнейшем наше государство к России»[1229]. Финская Красная гвардия 15 (28) января заняла Гельсингфорс и заявила о свержении Свинхувуда. Было создано революционное правительство – Совет народных уполномоченных. В Петроград ушло приветствие, в котором, как рапортовал Ленин (только что признавший независимость Финляндии) на III съезде Советов 18 (31) января, «видна их

непоколебимая решимость идти вместе с нами по пути Интернационала». 22 января (4 февраля) Ленин шлет радостную радиограмму «всем, всем»: «В Финляндии победа рабочего финляндского правительства быстро упрочивается и войска контрреволюционной белой гвардии оттеснены на север, победа рабочих над ними обеспечена»[1230]. Ленин, как мог, поддерживал первую советскую республику, возникшую в соседнем государстве. С ней даже успели подписать 1 марта договор, который был объявлен первым в истории соглашением между двумя социалистическими государствами, примером братских отношений равноправных, суверенных государств, где у власти встал рабочий класс.

Однако Свинхувуд вовсе не смирился со своей участью и 16 января назначил Маннергейма главнокомандующим армией. Генерал переместился на север, в город Вааса, где с опорой на добровольцев шюцкора начал готовить вооруженные отряды и разоружать русские части. К марту Маннергейм сумел сформировать 70-тысячную армию. В Финляндии началась Гражданская война.

Литва и значительная часть Латвии к моменту Октябрьской революции были оккупированы немцами. На свободной от них территории действовали Земские советы и Латвии, и Эстонии, созданные при Временном правительстве. Они не спешили объявлять свою независимость, справедливо опасаясь стать просто легкой добычей Германии, где Прибалтику видели частью Рейха. Германия немедленно потребовала от России вывода ее «оккупационных» (!) войск из Прибалтики[1231] – со своей-то территории. В Белоруссии сепаратизма не наблюдалось. Более того, Всебелорусский съезд, который называли Белорусской Радой, был разогнан после принятия резолюции о федерализации России. Бессарабия была потеряна большевиками почти сразу. В декабре Сфатул Цэрий провозгласил Молдавскую демократическую республику. Однако уже в январе 1919 года на ее территорию вступили 4 дивизии румынской королевской армии. Молдавия стала просто частью королевской Румынии, чего в Москве никогда не признают[1232].

В Закавказье 2 (15) ноября 1917 года Совет рабочих и солдатских депутатов Баку заявил о переходе к нему всей полноты власти. Но многие из его членов – эсеры, грузинские меньшевики, армянские дашнаки – в знак протеста против большевистской узурпации вышли из состава Совета и перебрались в Тифлис, административный центр края. 15 (28) ноября там было создано краевое правительство – Закавказский комиссариат во главе с грузинским меньшевиком Гегечкори.

Краевой Совет с центром в Тифлисе возглавил еще один меньшевик – Жордания. Подписав мирное соглашение с командованием российских войск на Кавказском фронте, комиссариат приступил к формированию собственных вооруженных сил – грузинского, азербайджанского и армянского корпусов из числа солдат, бежавших домой с фронтов. И – к созданию собственной государственности.

Анастас Иванович Микоян замечал, что «в Закавказье Советская власть существовала лишь в Баку, его пригородах и в нескольких уездах Бакинской губернии. В остальном Закавказье господствовала власть контрреволюционного Закавказского комиссариата… В феврале 1918 г. они созвали Закавказский сейм, который состоял из меньшевиков, мусаватистов, дашнаков, эсеров и кадетов. Сейм создал свое правительство во главе с меньшевиком Чхеидзе и объявил независимой Закавказскую республику, тем самым юридически оформив ее отделение от Российской Советской Республики»[1233].

В Средней Азии властью к моменту Октябрьской революции были войска под командованием генерала Коровиченко. Он решил ударить первым, и 27 октября (9 ноября) юнкера арестовали членов Ташкентского Совета. Но в городе вспыхнуло восстание, 1 (14) ноября в застенках оказались уже Коровиченко и его окружение, власть перешла в руки Ревкома и Совета. Местные мусульманские организации – Шуро-и-Исламия, общество «Турон», тюркские федералисты – тоже претендовали на свою порцию власти, но не встретили понимания большевиков. Ленин и Сталин поправили туркестанских товарищей, выпустив 20 ноября обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», где говорилось: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно…»[1234]. Однако первый Совнарком Туркестана во главе с большевиком Колесовым состоял из семи большевиков, восьми левых эсеров, двух максималистов, но ни одного мусульманина среди них не было. К концу 1917 года Советская власть была установлена по всему Туркестану за исключением Коканда и Семиречья.

Видение будущего страны как федерации было закреплено в предложенной Сталиным резолюции III съезда Советов: «Российская Социалистическая Советская Республика учреждается на основе добровольного союза народов России как федерация советских республик этих народов…»[1235]. Ленин теперь поддерживал федеративную форму государственного устройства как одно из воплощений принципа демократического

централизма: «Сплошь и рядом федерация при действительно демократическом строе, а тем более при советской организации государственного устройства, является лишь переходным шагом к действительно демократическому централизму. На примере Российской Советской республики особенно наглядно показывается нам как раз, что теперь федерация, которую мы вводим и которую мы будем вводить, послужит именно вернейшим шагом к самому прочному объединению различных национальностей России в единое демократическое централизованное Советское государство»[1236].

Вскоре Ленин и все остальные убедятся, что разрушить страну гораздо проще, чем создать.

Довоенный коммунизм

Капитан Садуль, атташе при французской военной миссии и профессиональный разведчик, в декабре 1917 года записал в дневнике о Ленине: «Власть для него не самоцель, но только средство привести к победе Идею»[1237]. Ленин пришел к власти во имя Идеи, которая нам уже известна. И во имя нее он взрывал, вскрывал, перепахивал, выжигал все исконные устои социума. Ленин приступил к строительству коммунизма, причем во всемирном масштабе, соотнося цель только со своими взглядами и – немного – с обстоятельствами. Последствия все это будет иметь непредвиденные и печальные.

«Политика не может не иметь первенства над экономикой, – утверждал Ленин. – Рассуждать иначе, значит забывать азбуку марксизма»[1238]. Политика определялась не столько сложнейшими условиями военного времени, сколько установками большевиков на «штурм неба» – непосредственный переход к социализму. За моментальное построение нового общества активно выступали «левые коммунисты», профсоюзы, фабзавкомы, левые эсеры.

Впрочем, первые ленинские декреты в социально-экономической сфере носили не социалистический, а популистский характер. Троцкий подтверждал: «В период Смольного Ленин с жадной нетерпеливостью стремился ответить декретами на все стороны хозяйственной, политической, административной и культурной жизни. Им руководила отнюдь не страсть к бюрократической регламентации, а стремление развернуть программу партии на языке власти… Декреты имели в первый период более пропагандистское, чем административное, значение»[1239].

29 октября (12 ноября) 1917 года был подтвержден 8-часовой рабочий день – уже существовавший. 8 (21) ноября вдвое увеличили пенсии инвалидам труда. Было введено государственное страхование: 13 (26) декабря – по безработице, а 22 декабря (4 января) – по болезни. Источники финансового обеспечения этих масштабных программ, как и последующих, определены не были. Ленин активно взялся за формирование человека будущего, уничтожение классов и обеспечение прав женщин. 12 (25) декабря был издан Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов. 16 (26) декабря приняли декреты «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» и «О расторжении брака». Эти вопросы переходили от церкви к государству.

По скорости и масштабам разрушения экономики

правительство Ленина не имело себе равных в постмонгольской российской истории. «Мы, современники и актеры этих лет, представляем то поколение, которое в 8 лет умудрилось промотать 60–70 % всего достояния, накопленного предыдущими поколениями. Мы “славно били стекла”, с размахом, разухабисто, основательно»[1240], – замечал выдающийся ученый и будущий основоположник американской социологии Питирим Сорокин. Единственная поправка: промотано было больше 80 % национального богатства страны. Справедливости ради стоит отметить, что значительную часть экономики угробило еще Временное правительство. Но большевики внесли в этот беспрецедентный в мировой истории экономический коллапс наибольший вклад.

Если какой-то опыт учитывался, то только опыт германской мобилизационной экономики военного времени. Такие элементы германской мобилизационной модели, как изъятие «излишков» по разверстке, принудительное создание местных союзов производителей, введение трудовой повинности легко различимы в «военном коммунизме». Это подтверждал и главный творец и теоретик первоначальной экономической политики Совнаркома левый коммунист Юрий Ларин (он же Михаил Лурье): «Вообще предварительный учет немецкого опыта… имел место не раз»[1241]. Никаких теоретических основ экономической политики не было.

– Конкретного плана по организации экономической жизни нет и быть не может, – честно признался Ленин 4 (17) декабря рабочей секции Петросовета.

Он подчеркивал, что «единственной возможной экономической основой социализма является крупная машинная индустрия. Тот, кто забывает это, тот не коммунист»[1242]. Однако промышленная политика большевиков привела к тому, что в России быстро стала исчезать крупная машинная индустрия. Впрочем, как и некрупная.

Ленин поначалу вроде не собирался экспроприировать промышленные предприятия, сознавая, что партия профессиональных революционеров не справится с их управлением. В то время он еще был убежден, что национализации финансовых учреждений, объединения в синдикаты промышленных предприятий, рабочего контроля окажется достаточным и для построения основ социализма. Кроме того, по словам члена ВСНХ и председателя столичного СНХ Молотова, «встали в качестве первоочередных и совершенно неотложных такие задачи, как скорейшее увеличение самых необходимых населению продуктов и предметов промышленности. Этим задачам было подчинено все остальное. В

этой, исключительно сложной обстановке партия не могла ставить задач немедленного перехода к полному осуществлению социалистических принципов организации труда»[1243]. Но и тех немногих и неполных принципов, которые Ленин воплотил в жизнь, вполне хватило…

ВЦИК 14 (27) декабря принял декреты «О национализации банков» и «О ревизии стальных ящиков в банках». На следующий день отряды рабочих и красноармейцев заняли все банки и кредитные учреждения Петрограда.

– Мы поступили попросту: не боясь вызвать нареканий «образованных» людей или, вернее, необразованных сторонников буржуазии, торгующих остатками своего знания, мы сказали: «У нас есть вооруженные рабочие и крестьяне. Они должны сегодня утром занять все частные банки». И утром банки были заняты, а вечером ЦИК вынес постановление: банки объявляются национальной собственностью, – произошло огосударствление, обобществление банковского дела, передача его в руки Советской власти, – рассказал Ленин на Третьем съезде Советов.

Вот только вся разветвленная банковская система России, которая выступала кровеносной системой экономики, перестанет функционировать.

Одним из первых социалистических мероприятий в экономической сфере стал декрет о рабочем контроле. Проект его Ленин написал еще в дни работы II съезда Советов: «Во всех промышленных, торговых, банковых, сельскохозяйственных и прочих предприятиях, с числом рабочих и служащих (вместе) не менее 5 лиц или с оборотом не менее 10 000 рублей в год, вводится *рабочий контроль* за производством, хранением и куплей-продажей всех продуктов и сырых материалов»[1244]. Но предсовнаркома не спешил с его внедрением – после обсуждения в СНК и одобрения во ВЦИК «Положение о рабочем контроле» было принято только 14 (27) ноября 1917 года. Лозовский спрашивал Ленина, как можно организовать такой контроль без его регламентации, ведь «каждая группа рабочих просто будет рассматривать этот декрет как разрешение делать все, что угодно». На что услышал ответ:

– Сейчас главное заключается в том, чтобы контроль пустить в ход. Пусть рабочие проявят инициативу, а все это свести в общегосударственном масштабе мы успеем потом. Никаких преград не надо ставить инициативе масс…»[1245].

Рабочий контроль, замечал член президиума Совета профсоюзов Григорий Владимирович Цыперович, «разлился по стране с исключительной быстротой и с такою же быстротой стал превращаться в захват фабрик, заводов, шахт и рудников,

транспорта и т. д. Не потому, разумеется, что была дана такая “директива”, а потому, что началось умышленное оставление капиталистами предприятий на произвол судьбы, повальное бегство их от растущей диктатуры рабочего класса… (на деле это была доподлинная, хотя и стихийная “экспроприация экспроприаторов”)…»[1246].

Рабочие восприняли себя хозяевами предприятий. Поэтому выносили с заводов и фабрик все что хотели – и продукцию и инструменты. Хотели работали, хотели не работали. Хозяева ведь. Никто из них никогда раньше даже не задумывался о том, как, что и в каком количестве надо производить, откуда брать сырье, оборотные средства, деньги на зарплату, куда сбывать продукцию, особенно в условиях отказа от товарно-денежных отношений. И продолжал не задумываться. Пока же рабочий контроль – с изгнанием хозяев, менеджмента и инженеров – привел к тому, что предприятия стремительно вставали одно за другим. Даже Ленин позднее – на VIII съезде партии – самокритично признает:

– Достаточно припомнить, насколько беспомощны, стихийны и случайны были первые наши декреты и постановления о рабочем контроле над промышленностью. Нам казалось, что это легко сделать. На практике это привело к тому, что была доказана необходимость строить, но мы совершенно не ответили на вопрос, *как* строить. Каждая национализированная фабрика, каждая область национализированной промышленности, транспорт, в особенности железнодорожный транспорт… – все это воплощало в себе сконцентрированный опыт капитализма и причиняло нам неизмеримые трудности[1247].

До общих вопросов организации экономической политики, ее стратегии Совнарком добрался только на второй месяц Советской власти. 27 ноября (10 декабря) рассматривалось предложение Ленина о создании особой комиссии для проведения в жизнь социалистической политики в экономической области. В тот день он делает набросок плана для обсуждения в СНК: «1) Национализация банков. 2) Принудительное синдицирование. 3) Государственная монополия внешней торговли. 4) Революционные меры борьбы с мародерством. 5) Разоблачение финансового и банкового грабежа. 6) Финансирование промышленности. 7) Безработица. 8) Демобилизация – армии? промышленности? 9) Продовольствие»[1248]. Вот, собственно, и вся экономическая политика.

В качестве высшего органа управления экономикой Ленин предложил Советы народного хозяйства. В вышедшем 5 (18) декабря декрете об учреждении ВСНХ было записано, что его

задача – «организация народного хозяйства и государственных финансов. С этой целью Высший совет народного хозяйства вырабатывает общие нормы и план регулирования экономической жизнью страны, согласует и объединяет деятельность центральных и местных регулирующих учреждений соответствующих народных комиссариатов»[1249]. Ленин говорил, что он «должен быть таким же боевым органом для борьбы с капиталистами и помещиками в экономике, каким Совет Народных Комиссаров является в политике»[1250]. ВСНХ получил право конфискаций, реквизиции, секвестра, принудительного синдицирования, распределения продукции и финансирования промышленности. Высшим органом, решения которого были обязательными для всех субъектов хозяйственной деятельности, был объявлен съезд советов народного хозяйства. ВСНХ 23 декабря принял положение о создании своих вертикальных структур – областных СНХ, которые должны были руководить экономикой нескольких смежных губерний.

Идея ВСНХ принадлежала все тому же Юрию Ларину, которому Ленин доверил выработку хозяйственной политики государства. Он не имел систематического образования, а его познания в экономике были почерпнуты из нескольких прочитанных книг. Ларин был тяжело больным человеком, страдавшим прогрессирующей дистрофией мышц. Президиум ВСНХ под руководством Осинского стал местом приложения сил его соратников из фракции ультралевых коммунистов – Бухарин, Ломов, Сокольников. Другую часть руководящих работников составили рабочие и профсоюзные активисты – член Центрального совета фабзавкомов Влас Чубарь с орудийного завода, председатель профсоюза текстильщиков Ян Рудзутак и другие. Теоретическое руководство осталось за Лариным. Ричард Пайпс замечал: «Этот полупарализованный, страдавший страшными болями инвалид, мало известный даже специалистам, может по праву считаться автором уникального в истории достижения: вряд ли кому-нибудь еще удавалось за невероятно короткий срок в тридцать месяцев пустить под откос экономику великой державы» [1251].

Председатель Совнаркома появился на первом заседании бюро ВСНХ. «Здесь т. Ленин сделал один из наиболее интересных своих докладов, – рассказывал Осинский, – обосновывая проект декрета: …национализация всех банков, национализация всех крупных промышленных предприятий, аннулирование государственных займов, введение трудовой повинности, потребительских коммун и бюджетно-трудовых книжек. Члены бюро были весьма смущены этим проектом. Принципиально

(кроме тов. Лозовского и Рязанова) они не возражали против положений декрета, но, очевидно, сомневались в том, что все эти меры можно было осуществить сразу. Т. Ленину был задан вопрос, считает ли он этот проект *программой* экономических мероприятий (на деле он ею и оказался), или он полагает, что все это можно провести сразу, одним законом. Т. Ленин ответил, что имеет в виду последнее»[1252].

Ломов объяснял принципы работы высшего органа руководства экономикой России: «Нам приходилось брать на себя решение целого ряда вопросов, которые надо было решать тут же в кабинете; в крайнем случае приходилось обращаться к телефону и в течение пяти минут решать – выдать три миллиона или десять миллионов рублей тому или иному заводу, который находился в тяжелых условиях, или же нет. Прорабатывать эти вопросы, устанавливать ту или иную сумму приходилось на “революционный глазомер”. Надо было не дать закрыться заводу, надо было поддержать рабочих с заработной платой, и только в том случае, если размер выдачи превосходил “обычный”, “нормальный”, член президиума переносил этот вопрос на обсуждение в президиум, где мы по вечерам и разрешали ряд подобных вопросов». То есть раздавали ничем не обеспеченные деньги неработающим предприятиям.

«Нами был установлен еще один порядок, название которого принадлежит т. Ларину. Это – порядок “веселого анархизма”. Не имея возможности проработать целую кучу вопросов важнейшего значения на службе, мы время от времени собирались где-нибудь в одном из номеров “Астории” (здесь же большинство из нас и жило), залучали сюда т. Менжинского – тогдашнего народного комиссара финансов, т. Пятакова – управляющего Государственным банком и других товарищей и здесь иногда за полтора-два часа намечали решение крупнейших вопросов (такого порядка, как аннулирование государственных долгов), обычно тут же набрасывали проект декрета, а после он шел к Ленину и в Центральный Комитет.

На этих совещаниях Ларин лез в один из своих бесчисленных карманов, и оттуда появлялась грязная бумажонка, исписанная со всех сторон в разных направлениях, а на ней – десятка полтора проектов различных декретов. $^{9}/_{10}$ мы тут же забраковывали, а $^{1}/_{10}$, принятая в принципе, затем перерабатывалась и представлялась Ленину в Совет Народных Комиссаров». Что же было в бумажонках Ларина, которые становились декретами Ленина?

«Одна за другой национализировались фабрики и некоторые заводы, – рассказывал Ломов о политике Ленина. – …Любой

декрет о национализации он подписывал в два счета. Надо было подойти к вопросу о том, как управляются национализированные фабрики и заводы. Мы все ухватились за идею т. Антипова – “об организации главка Главкожи”. Ленин одобрил эту идею, и главки начали появляться во всех отраслях хозяйства. Каждый из главков (Главное управление) на первых порах строился по такому принципу: одна треть – от профессиональных союзов, одна треть – от хозяев и одна треть – от Высшего совета народного хозяйства». Вскоре Ленин предложил перейти от «случайных национализаций» к планомерной национализации целых отраслей, в соответствии с программой партии. «Одной из первых таких отраслей им была выдвинута нефтяная промышленность… Кажется, второй, вслед за нефтяной промышленностью, пришла очередь нашего волжского водного транспорта»[1253].

Хотя лишней рабочей силы было много, в России стал устанавливаться принцип принудительного труда. В Петрограде зимой 1917/18 года сначала арестованных бросили на расчистку улиц от снежных завалов, а затем представителей бывших привилегированных классов заставили рыть окопы. Всеобщая трудовая повинность была закреплена в январе 1918 года в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа. Каждый, кто отказывался от работы на государство, объявлялся паразитом. «Кто не работает, тот не ест».

Принялись и за крестьянство. Ленин считал его классом отдельным, но не самостоятельным. Почему? В силу его двойственной природы – работяги и собственника. И потому, что крестьянину есть что терять, кроме своих цепей. Он, в отличие от пролетария, присваивает продукт своего труда и не стремится им делиться. «Крестьяне есть особый класс: как труженики, они враги капиталистической эксплуатации, но в то же время они собственники. Крестьянин столетиями воспитывался на том, что хлеб – его и что он волен его продавать. Это мое право, думает крестьянин, ибо это мой труд, мой пот и кровь. Переделать его психологию быстро нельзя, это долгий и трудный процесс борьбы»[1254].

Первоосновой взглядов Ленина на крестьянский вопрос была не раз повторенная им мысль Энгельса: «Наша задача по отношению к мелким крестьянам состоит прежде всего в том, чтобы их частное производство, их собственность перевести в товарищескую, но не насильно, а посредством примера, предлагая общественную помощь для этой цели…» Что же касается зажиточного крестьянства, то, доводил Ленин до логического конца мысль Энгельса, «если эти крестьяне не

поймут неизбежности гибели их теперешнего способа производства и не сумеют сделать для себя необходимых выводов, то марксисты ничего для них сделать не могут. Наша обязанность только облегчить и им переход к новому способу производства»[1255]. То есть помочь экспроприироваться. Видимо, изначальный ленинский план носил фантастический характер: на то, чтобы выбить «мелкобуржуазное сознание» из крестьянских голов, отводилось несколько месяцев[1256].

В первые месяцы советской власти большевики разделяли эсеровские убеждения, что крестьяне – социалисты по природе, и стоит создать им благоприятные условия, как они пойдут по пути социалистического земледелия и завалят города дешевым хлебом. Но и в крестьянском вопросе постулаты марксизма накладывались на революционную конъюнктуру и суровую военную действительность России.

«Декрет о земле» был воспринят крестьянством очень позитивно. Шлихтер утверждал, что дни после его принятия «были моментом наибольшей духовной близости и доверия крестьянских масс к Советской власти вообще, а к Совнаркому – в особенности»[1257]. Частная собственность на землю была отменена одновременно с роспуском Учредительного собрания – эта норма содержалась в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа.

«Основной закон о социализации земли», разработанный левыми эсерами на основе их представлений об уравнительном землепользовании и крестьянской общине, был опубликован 19 февраля 1918 года. «Мы, большевики, были противниками закона о социализации земли, – рассказывал Ленин. – Но все же мы его подписывали, потому что мы не хотели идти против воли большинства крестьянства… Мы не хотели навязывать крестьянству чуждой ему мысли о никчемности уравнительного разделения земли… Дележка хороша была только для начала. Она должна была показать, что земля отходит от помещиков, что она переходит к крестьянам. Но этого недостаточно. Выход только в общественной обработке земли»[1258]. Весной по всей России крестьяне, по замыслу новой власти, должны были сами мирно поделить землю – и общинную, и помещичью – на равные доли.

Расчет на стихийный крестьянский социализм не оправдался. К тому же в России попросту не было достаточного количества земли, чтобы оделить ею всех желающих. Земельный передел принимал порой самые разрушительные формы. «Революционное крестьянство убивало, резало, жгло, делило и уничтожало, – наблюдал крупнейший российский экономист-аграрник Лев

Литошенко. – Вместо дружественно настроенных масс перед советской властью стояла глухой стеной мелкобуржуазная стихия»[1259]. И никакого продовольствия городам.

«Когда мы отдали всю землю крестьянству, освободили его от помещичьего землевладения… оно продолжало считать “свободой” свободную продажу хлеба и несвободой – обязательство отдавать по твердой цене излишки хлеба», – замечал Ленин. Новая власть не могла предложить крестьянам в обмен на продовольствие ни достойных внимания денег, ни промышленных товаров. В отсутствии продовольствия Ленин увидел саботаж.

– Главная причина той разрухи, которая грозит голодом в городах и промышленных местностях, заключается в господстве саботажников, в разрухе экономической, которую эти саботажники поддерживают, обвиняя в ней нас. Мы прекрасно знаем, что хлеба в России довольно и что он лежит в калединском царстве, в далекой Сибири и в хлебородных губерниях[1260].

Хлеб надо забрать силой. Уже 27 октября (9 ноября) пятьсот кронштадтских матросов ВРК разбил на 10 отрядов и послал в хлебные районы. «Матросам выдали реквизиционные книжки за подписью Ленина, и отряды отправились за продовольствием»[1261], – вспоминал Подвойский. В начале 1918 года по предложению Ленина было решено создать несколько тысяч отрядов по 10–15 человек, из рабочих и солдат, которые должны были уделять по 3–4 часа ежедневно на службу по продовольственному делу.

– Для обысков каждый завод, каждая рота должны выделить отряды, к обыскам привлечь не желающих, а обязать каждого под угрозой лишения хлебной карточки. Пока мы не применим террора – расстрел на месте – к спекулянтам, ничего не выйдет[1262].

Отряды проводили обыски вокзалов, осматривая вагоны с хлебом, пути и узловые станции, склады и даже частные квартиры. Из этих отрядов были выделены наиболее надежные и хорошо вооруженные группы, продотряды, которые уже в массовом порядке стали направлять в хлебородные губернии.

Нарком продовольствия Александр Дмитриевич Цюрупа описывал эволюцию взглядов Ленина на продовольственный вопрос: «Уже в ноябре 1917 года при встрече со мной, еще до моего назначения народным комиссаром, он ставил вопрос о том, чтобы рабочим отпускался полный продовольственный паек, а прочим классам населения, особенно не трудящимся, паек уменьшался и доводился в случае необходимости до нуля. Первая мысль о классовом пайке.

Второй раз я имел длительную беседу с ВИ о продовольственных делах уже после назначения меня народным комиссаром в январе 1918 года. ВИ в это время, видимо, не имел еще твердого и определенного взгляда на характер будущей продовольственной политики. Но и тогда уже его мысль упорно работала над вопросом о хлебной монополии как единственно возможном и правильном разрешении продовольственного вопроса в сложившихся условиях. В январе 1918 года на заседании чрезвычайной комиссии по продовольствию и транспорту тов. Троцкий передал мне проект декрета “О заготовках хлеба”, написанный рукой ВИ. В этом проекте ВИ решительно стал на точку зрения строжайшей хлебной монополии». Это означало полный отказ от рыночных принципов в торговле и сельском хозяйстве. Цюрупа как бы оправдывался: «Можно категорически утверждать, что именно он, ВИ, установил продовольственную политику, проводившуюся в течение первых трех лет существования Советской власти… Мы, продовольственники, были лишь исполнителями, облекавшими указания Ленина в форму практических мероприятий»[1263].

Монополия много не давала. Хлеб не появился. 15 (28) января 1918 года Ленин молил Антонова и Орджоникидзе, находившихся в Харькове: «Ради бога, принимайте самые энергичные и революционные меры для посылки *хлеба, хлеба и хлеба!!!* Иначе Питер может околеть. Особые поезда и отряды. Сбор и ссыпка. Провожать поезда. Извещать ежедневно». Через неделю туда же: «Продолжайте, ради бога, изо всех сил добывать продовольствие, организовывать спешно сбор и ссыпку хлеба, дабы успеть наладить снабжение до распутицы. Вся надежда на Вас, иначе голод к весне неизбежен. Относительно посылки денег говорил и буду говорить с Пятаковым. Сто миллионов посланы, 50 будут посланы в Харьков. Примите меры для тройной охраны пути Питер – Харьков».

Начальный отрезок правления большевиков традиционно носит название «военный коммунизм». Но сам этот термин – «военный коммунизм» – впервые появился в писаниях Ленина задним числом – весной 1921 года, когда он доказывал, что эта политика была «временной мерой», вынужденной «войной и разорением»[1264].

На самом деле это была попытка реализации центральных идей социализма – экспроприации экспроприаторов и справедливого (в идеале – равного) распределения. Только вот распределять оказалось нечего, и еще долго ничего не появится. «Стремление большевиков построить социализм на фундаменте рудиментарной промышленности привело к санкционированному

разграблению всех и вся»[1265], – не без оснований замечал Парвус весной 1918 года.

Брестская травма

Ленинская цитата, которую чаще всего слышал на занятиях по военной подготовке в мою советскую молодость, звучала так: «Всякая революция лишь тогда что-нибудь стоит, если она умеет защищаться». В оригинале у Ленина через запятую шло продолжение: «но не сразу революция научается защищаться».

После Октябрьской революции – в самый разгар I Мировой войны – Россия осталась без армии. Антивоенная пропаганда большевиков, их усилия по разложению армии и Декрет о мире сыграли свою роль. Большевики, как и все правоверные социалисты, армию не любили и армии боялись. В умах всех революционеров жили Французская революция, закончившаяся Бонапартом, и Парижская коммуна, «Тьерами растерзанная». Разложение армии было важнейшим условием победоносной революции согласно азбуке марксизма. Ленин объяснит: «Без дезорганизации армии ни одна великая революция не обходилась и обойтись не может. Ибо армия есть самый закостенелый инструмент поддержки старого строя… Первой заповедью всякой победоносной революции – Маркс и Энгельс многократно подчеркивали это – было: разбить старую армию, распустить ее, заменить ее новою»[1266].

Изначальное руководство новым военным ведомством было, полагаю, сознательно, отобрано по принципу беспомощности и разделено. «Никто не мог принять первого советского Верховного главнокомандующего Николая Крыленко за потенциального Наполеона, но в целях безопасности в воинские части были направлены комиссары для наблюдения за командирами и укрепления морального духа солдат. Своеобразное советское представление о командовании привело к созданию высшего коллегиального органа. Итак, комитет, состоявший из трех человек, поначалу руководил Комиссариатом по военным и морским делам»[1267], – иронизировал по поводу высшего военного руководства страны Адам Улам.

Ставку главнокомандования разгромили, Духонина убили. Менее жестко обошлись с наличным руководством прежнего военного министерства – товарищем министра Маниковским и начальником Генштаба Марушевским. Ленин и Троцкий 19 ноября (2 декабря) решили: «1) Маниковского и Марушевского немедленно арестовать и не выпускать без разрешения Совета Народных Комиссаров; 2) немедленно начать самую энергичную чистку Военного министерства и произвести удаление ненадежных элементов высшего командного состава; 3) выписать

немедленно надежные элементы из командного состава латышских стрелковых полков в Петроград». Маниковского и Марушевского через пару недель выпустили на поруки. 6-й Тукумский полк латышских стрелков был вызвал охранять окрестности Смольного. Управление взяли на себя нарком по военным делам Подвойский с коллегией в составе Леграна, Мехоношина, Еремеева и Склянского.

Оборонное производство – в условиях войны – Ленин предлагал по максимуму сократить – за ненадобностью. В проекте постановлении СНК о проведении в жизнь социалистической политики в области экономики, написанном им 27 ноября (10 декабря), первым пунктом значилось: «Послать 2–3 инженеров в Особое совещание по обороне для контроля и составления общего плана демобилизации промышленности»[1268]. На это Особое совещание, созданное еще в 1915 году для боевого и иного материального снабжения армии, была возложена новая задача – «ликвидация заказов на оборону или уменьшение их до нормального по мирному времени уровня и связанная с этим демобилизация заводов и перевод их на производство мирного времени»[1269].

Еремеев, который редактировал первую «Правду», а затем агитировал против войны на Северном фронте, описывал ситуацию на земле: «Перемирие на фронте, уверенность, что после Октябрьского переворота войне конец, сделало тягу солдат домой, в деревню, неудержимой. Если уже после Февральской революции уход с фронта был обычным явлением, которое нельзя было устранить, то теперь 12 млн солдат, цвет крестьянства, почувствовали себя лишними в частях армии и чрезвычайно нужными там, дома, где “делят землю”. Полки чрезвычайно поредели».

Исключение из общего разложения составляли казацкие и национальные части. Дезертирств почти не было – срабатывали защитная самодисциплина и земляческая круговая порука. Но и они не торопились выполнять приказы из Смольного.

Дезертирство многих разлагало оставшихся. О собственно службе забыли. Учебных занятий не проводилось вовсе: зачем кому-то учиться, когда объявили мир и вот-вот распустят по домам. Приказ об уничтожении в армии чинов, титулования и орденов 2 (15) декабря лишь фиксировал уже сложившееся положение, когда офицеров не ставили ни в грош. «Мнение ВИ о старой армии было совершенно определенное: роль ее кончена»[1270].

Россия был беззащитна, что там против немецкого наступления. В феврале Ленин получил телеграмму от

командования Балтфлота: «К острову Оланд подошли шведский пароход, крейсер и миноносец под шведским военным флагом, высадили 15 человек шведских матросов и под угрозой применения оружия заставили нашу службу связи отступить». Ленин шлет сколь грозную, столь и беспомощную телеграмму в Центробалт: «Какие военные меры защиты и репрессии принял Центробалт? Какие военные суда, когда именно послал он к Оланду?.. Мы крайне обеспокоены. Не допускаем мысли, чтобы Центробалт и наш революционный флот бездействовали». Швеция уведет своих военных с острова. Но не потому, что протестовали советские и финские большевистские власти. А потому, что Аландские острова понадобятся немцам, которые разместят там свои войска.

Армии не оказалось как раз в тот момент, когда большевики вмиг стали оборонцами и знаменосцами мировой революции. Ленин не раз (с вариациями) повторял: «Мы оборонцы с 25 октября 1917 г. Мы за “защиту отечества”, но та отечественная война, к которой мы идем, является войной за социалистическое общество, за социализм, как отечество, за Советскую республику, как *отряд* всемирной армии социализма»[1271].

Долго не могли решить, с чего начать в военном строительстве. Назначенный начальником Генштаба бывший генерал-лейтенант Николай Михайлович Потапов свидетельствовал: «8 декабря в бывшем доме военного министра состоялось первое совещание коллегии с представителями Генерального штаба о конструкции будущей армии, причем была оглашена и подвергалась обстоятельному обсуждению специально заготовленная по этому вопросу записка Главного управления Генерального штаба. Особенно интенсивному обсуждению было подвергнуто предложение о сохранении на службе под знаменами некоторого количества команд, через которые намечалось пропускать все население…

Прошло шесть дней, и 14 декабря на совещании при участии прибывших с фронта делегатов этот проект был отвергнут, а был выдвинут вопрос об образовании совершенно особого вида армии, как бы “социалистической гвардии” из одних лишь рабочих промышленных районов без всякого участия крестьян. Однако через три дня и этот проект был отвергнут. 17 декабря состоялось третье совещание коллегии с представителями Генерального штаба и с делегатами демобилизационной комиссии. Выяснилось, что при всеобщем утомлении военные формирования отрядов, которые должны будут нести службу по окончании демобилизации, могут быть произведены только при условии добровольного поступления людей на военную службу и лишь в

случае недостатка добровольцев следует прибегать к мобилизации лиц преимущественно младших возрастов».

Только решили, как 22 декабря (4 января) из Ставки главковерха Крыленко сообщили, что «крайнее расстройство транспорта, большой недостаток продовольствия на фронтах и массовый уход солдат в тыл заставляют… приблизить войска к источникам их снабжения и облегчить этим работу железнодорожного транспорта. Телеграмма была доложена ВИ»[1272]. По сути, Ставка предложила снять войска с передовой. Ленин приехал на Мойку, 17, в бывший дом министра. Кедров описывал это совещание делегатов от армий в комиссариате: «Ильич сидел у стола и, слушая делегатов, одновременно живо писал что-то на четвертушках бумаги и задавал вопросы. Особенно многочисленны и непрерывны были вопросы воинственно настроенным делегатам… Когда были заполнены анкеты, получились поразительные выводы. Только единичные анкеты с известными натяжками позволяли говорить о боеспособности некоторой части армии. Подавляющее большинство анкет кричало о полном развале фронтов, о массовом уходе солдат с фронта, не ожидая приказа о демобилизации…»[1273].

Потапов выдвинул аргументы против предложений Крыленко: «Во-первых, затруднительность при описываемых в телеграмме обстоятельствах остановить хлынувшую назад лавину войск, тем более что соответствующей заранее укрепленной линии в тылу подготовлено не было, а во-вторых, невозможность быстро поднять и вывести при отходе в тыл те многомиллионные запасы военных материалов, которые были сосредоточены на фронте и которые в ином случае даром перешли бы в руки противника. В результате последовавшего затем обмена мнений ВИ предложил не трогать с места занятого войсками фронта». Вместо этого Ленин предложил: для поднятия духа войск «влить в находившиеся на фронте части свежий элемент. Для этого в самом срочном порядке, по возможности в 8–10 дней, двинуть на фронт имеющиеся в Петроградском и Московском округах красногвардейские отряды и немедленно приступить в тех же округах, но главным образом в Московском, к организации новых частей Красной гвардии, всего до 10 корпусов, или 300 тысяч человек». Решили создать «Всероссийскую коллегию по формированию Красной Армии»[1274].

Но создать ее еще предстояло. А тогда Ленин писал: «Армии нет, удержать ее невозможно». Отсюда вывод: «Чем скорее мы ее демобилизуем, тем скорее она рассосется среди частей, еще не настолько больных, тем скорее страна сможет быть готовой для

новых тяжелых испытаний. Вот, что мы чувствовали, когда единогласно, без малейшего протеста принимали это решение, с точки зрения внешних событий нелепое, – демобилизовать армию»[1275]. В результате в ноябре – декабре официально распускались по домам призывы 1899–1901 годов, в январе 1918 года – призывы 1902–1909 годов. Но у других тоже были ноги…

Декрет об организации новой Рабоче-Крестьянской Красной Армии был выпущен 15 (28) января. «Он был необходим для того, чтобы части старой армии, все больше деморализующиеся, почувствовали себя несуществующими юридически». Еремеев суммировал суть декрета: «Кадровая Красная Армия должна была комплектоваться волонтерами путем вербовки. Волонтеры должны были контрактоваться на годичный срок, обязуясь подпиской выполнять принятые условия военной службы»[1276]. Ничего этого не получилось.

Но вдохновило западных союзников, увидевших в этих начинаниях признаки попыток оказать сопротивление немцам, и озадачило немцев, уже рассматривавших ленинскую Россию как фактически капитулировавшую державу. Военные представители Антанты «явились к главковерху Крыленко и от имени своих правительств предложили предоставить ему нужные для формирования новой армии денежные средства, лишь бы только эта армия была двинута против германцев, – засвидетельствовал Потапов. – Эти предложения были тов. Крыленко отклонены»[1277].

Пока же в распоряжении Ленина была Красная гвардия – «особые отряды, смешанные из пожелавших остаться солдат и части рабочих… партийные отряды – большевистские и левых социалистов-революционеров, в которых состояла часть партийцев по назначению своих комитетов». И все. Стихийно и независимо от правительства возникали национальные формирования – польские, украинские, еврейские, грузинские, эстонские, татарские, немецкие. Все они требовали довольствия, но не собирались подчиняться Ленину. Еремеев некоторые наиболее малочисленные отряды «прикрыл, не спрашивая разрешения, но с крупными, как украинский, было сложнее… Я доложил по начальству, но в то же время пошел и к ВИ…

– Нет, это надо ликвидировать скорее. Не давайте им ни патрона, ни фунта хлеба. От них нечего ожидать, кроме контрреволюции.

Вскоре был подтвержден приказ Главкома о воспрещении организации отдельных национальных частей»[1278]. Результат своей политики на военном направлении Ленин подведет сам: «В каком-нибудь феврале или марте… у нас армии не было»[1279].

А она уже нужна была не только для целей войны с

Четверным союзом, но и для Гражданской войны.

Центром сопротивления стал район Всевеликого войска Донского со столицей в Новочеркасске, куда с конца осени съезжались многие видные военные, включая генералов Алексеева и Корнилова, известные политики и общественные деятели – Милюков, Родзянко, Струве. Оформился военно-политический триумвират Белого движения: военная власть принадлежала Корнилову, гражданская – Алексееву, управление Донской областью – атаману Каледину. Поодиночке и группами, с фронтов, из Москвы, Питера офицеры потянулись на Дон. «Их цель была – собрать новую армию взамен разложившихся на фронте и продолжать борьбу с германским нашествием, причем большевики рассматривались как ставленники немцев, – писал генерал Яков Александрович Слащёв-Крымский. – Короче говоря, идеей, руководившей этими людьми, была борьба за “отечество”, которое одно уцелело от триединого лозунга, под которым военные элементы России воспитывались в течение 200 лет. Действительно, если идея “царя” была дискредитирована, то идея “отечества” держалась крепко…»[1280].

В январе 1918 года Корнилов принял на себя командование Добровольческой армией в 4 тысячи штыков, состоявшей почти исключительно из офицеров и юнкеров военных училищ. В программе Корнилова главными целями называлось создание на Юге России базы для продолжения Великой войны – с «немецко-большевистским нашествием». После разгрома большевизма предполагалось провести новые выборы в Учредительное собрание, которое и должно было решить судьбу России.

Состояние противостоявших Корнилову пробольшевистских сил оставляло желать лучшего. Как рассказывал Буденный, возникшие на Северном Кавказе «в начале 1918 года краснопартизанские отряды… были слабые и в основном потому, что стояли на местнических позициях, действовали вразнобой, не помогая друг другу»[1281]. В начале февраля советские войска под командованием Сиверса начали наступление на Ростов, и Корнилов приказал отходить за Дон, в станицу Ольгинскую. Этот первый поход получил название «ледяного». И у Белого движения быстро появилась иностранная помощь.

Когда при Хрущеве неожиданно выяснилось, что основным ленинским внешнеполитическим принципом было мирное сосуществование с капиталистическим миром, это немало тогда озадачило тех, кто был знаком с Лениным. Молотов не сдерживал своего негодования: «Ленин, большевики видели смысл своей внешней политики не в заботах о сосуществовании с

империализмом, а в ускорении его гибели. Этой главной цели и, следовательно, задачам международной пролетарской революции Ленин, большевики подчиняли линию внешней политики нашей страны и задачи партии в борьбе за мир»[1282]. Действительно, принципа мирного сосуществования Ленин никогда не заявлял. Говорил он прямо обратное:

– Пока остались капитализм и социализм, они мирно жить не могут; либо тот, либо другой в конце концов победит; либо по Советской республике будут петь панихиды, либо – по мировому капитализму.

Здесь Ленину в прозорливости не откажешь. Панихида, правда, прозвучит не скоро – при Горбачеве и Ельцине.

Основополагающим для Ленина был принцип пролетарского интернационализма, который «требовал, во-первых, подчинения интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе; во-вторых, требует способности и готовности со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, идти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала»[1283], – писал он. Троцкий справедливо замечал: «Октябрьская революция рассматривалась Лениным всегда в перспективе европейской и мировой революции»[1284]. Свое первое выступление на II съезде Советов – еще до взятия Зимнего – Ленин завершил призывом:

– Да здравствует всемирная социалистическая революция.

Октябрь 1917-го сломал схему марксизма. Революция произошла не в самой развитой капиталистической стране и не в группе стран, как это должно было быть. Ленин удивлялся, что «история идет странными путями: на долю страны отсталой выпала честь идти во главе великого мирового движения»[1285]. На III съезде Советов Ленин процитирует Маркса и Энгельса, которые были уверены, что в революционном деле «француз начнет, а немец доделает».

– Дела сложились иначе, чем ожидали Маркс и Энгельс, они дали нам, русским трудящимся и эксплуатируемым классам, почетную роль авангарда международной социалистической революции, и мы теперь ясно видим, как пойдет далеко развитие революции; русский народ начал – немец, француз, англичанин доделает, и социализм победит.

Удержать завоевания пролетарской революции в одиночестве считалось невозможным. На VII съезде партии Ленин утверждал: «Если смотреть во всемирно-историческом масштабе, то не подлежит никакому сомнению, что конечная победа нашей революции, если бы она осталась одинокой, если бы не было революционного движения в других странах, была бы

безнадежной». Цель мировой революции Ленин никогда не камуфлировал и хорошо знал, что на Западе хорошо об этой цели осведомлены:

– Они ясно понимали, что большевизм преследует цели мировой революции. А мы никогда не скрывали, что наша революция только начало, что она приведет к победоносному концу только тогда, когда мы весь свет зажжем таким же огнем революции…[1286] – скажет он в марте 1920 года.

Патриотизм Ленин считал вещью глубоко укоренившейся в массовом сознании и объяснимой, но для пролетарского интернационализма вредной. «Не с точки зрения “своей” страны я должен рассуждать (ибо это рассуждение убогого тупицы, национального мещанина, не понимающего, что он игрушка в руках империалистической буржуазии), а с точки зрения *моего участия* в подготовке и пропаганде, в приближении мировой пролетарской революции».

Диалог с лидерами социалистических партий, входивших во II Интернационал, Ленин возобновлять не собирался. Получив приглашение на конференцию социалистов стран Антанты в Лондоне для выработки общей позиции по вопросам войны, Ленин ответил: «Русское социалистическое правительство сожалеет о том, что оно не может принять участие в союзнической социалистической конференции, так как она противоречит принципам интернационализма. Мы возражаем против разделения рабочего класса соответственно империалистическим группировкам. Если английские лейбористы согласны с русскими мирными намерениями, которые уже одобрены социалистическими партиями центральных держав, такое разделение тем более недопустимо».

Дожидаясь мировой революции, Москва возлагала надежды на обострение межимпериалистических противоречий, «при *обязательном*, самом тщательном, заботливом, осторожном, умелом использовании как всякой, хотя бы малейшей, “трещины” между врагами, всякой противоположности интересов между буржуазией разных стран, между разными группами и видами буржуазии внутри отдельных стран, так и всякой, хотя бы малейшей, возможности получить себе массового союзника, пусть даже временного, шаткого, непрочного, ненадежного, условного»[1287].

Обуреваемый мыслям о мировой революции Ленин куда меньше задумывался о конкретном внешнеполитическом курсе страны. Если думал вообще. Чичерин подтверждал: «Никогда до Октябрьской революции не делалось попытки установить программу внешней политики социалистического государства

среди капиталистических. Но и сам ВИ никогда не излагал в виде систематически разработанного плана всю внешнюю политику Советской республики. Ее стройность и цельность была в его голове»[1288].

Очень похоже, Ленин и его соратники поначалу полагали возможным вообще обойтись без внешней политики. Пестковский «решил пойти к Троцкому и выставить мою кандидатуру в Наркоминдел». И услышал в ответ:

– Жаль вас на эту работу. Там у меня уже работают Поливанов и Залкинд. Больше не стоит брать туда старых товарищей. Я ведь сам взял эту работу только потому, чтобы иметь больше времени для партийных дел. Дело мое маленькое: опубликовать тайные договоры и закрыть лавочку…»[1289].

Троцкий поручил заняться приемом дел в дипломатическом ведомстве Залкинду. Там, как и в других ведомствах, занимались саботажем. Отличие было в том, что команда Троцкого не считала, что в НКИД была нужда в профессионалах. Уговаривать никого даже не пытались, а первоочередной задачей считалось доведение до российской и мировой общественности содержания – святая святых каждого государства – секретных соглашений с другими державами.

Одним из важнейших принципов внешней политики Ленин – на словах и до поры – считал ее открытость, публичность. «Везде обман масс, в демократической Франции, Швейцарии, Америке и Англии во сто раз шире и утонченнее, чем в других странах. Советская власть революционно сорвала покров тайны с внешней политики». На деле, кто-кто, а большевики лучше других могли прятать тайные пружины и рычаги своей внешней политики. А в октябре 1920 года, поднаторев и в традиционной дипломатии, Ленин скажет:

– Пока есть война, должна существовать и тайная дипломатия, как одно из средств войны. Отказаться от нее мы не можем[1290].

Но это будет потом. Залкинд рассказывал: «Тов. Троцкий дал нам двух товарищей машинистов и распорядился организовать охрану министерства караулом Павловского полка, который мы поместили при входе в знаменитые бронированные комнаты, содержавшие в пяти громадных несгораемых шкафах систематически расположенные картоны с копиями депеш, донесениями и секретными договорами. С этого дня началась лихорадочная работа по разбору и переводу тайных документов, позволившая впервые заглянуть за кулисы, позади которых фабриковалась война “за право и справедливость”… Опубликование производилось по мере нахождения документов…

Политически важно было приступить к публикованию немедленно, что и заставляло нас крайне несистематически пускать в прессу всего понемногу…»

Все региональные отделы МИДа были сведены к двум – Запад и Восток. Работа была только у отдела виз, «так как масса иностранцев стремилась покинуть пределы Советской России. Наш собственный дипломатический корпус был невелик: он состоял лишь из т. Литвинова, организовавшего в Лондоне “Русское народное посольство” (Russian Peoples Embassy), и т. Воровского, которому с нашим первым дипкурьером т. Гольцманом были отправлены в Стокгольм грамоты на звание “Полномочного представителя народного комиссара по иностранным делам в Скандинавских странах”»[1291].

Впрочем, роль наркомата иностранных дел в советском внешнеполитическом механизме окажется не главной. Центральная роль в выработке внешней политики принадлежала лично Ленину и ЦК – даже СНК и ВЦИК здесь не были игроками. Чичерин подтверждал: «В первые годы существования нашей республики я по нескольку раз в день разговаривал с ним по телефону, имея с ним иногда весьма продолжительные телефонные разговоры, кроме частых непосредственных бесед, и нередко обсуждая с ним все детали сколько-нибудь важных текущих дипломатических дел»[1292]. Зиновьев скажет, что «руководство внешней политикой – около половины всей работы ЦК»[1293].

Есть версия, что Советская Россия могла бы развиваться совсем иначе, если бы не находилась в фактической блокаде, а внешний мир общался с ней дружественным образом и она могла рассчитывать на нормальный товарообмен. Не исключаю. Но вряд ли сама такая возможность существовала. Запад быстро, почти рефлекторно понял, какую опасность для него представляет ленинизм. Дело было не только в нежелании большевистского правительства соблюдать прежние союзнические договоренности и продолжать войну с Германией. И даже не только в намерении осуществить всемирную революцию. Впервые в истории в крупной стране к власти пришел режим, открыто отвергавший и бросавший вызов западным ценностям (прежде всего, христианству и собственности), нормам, образу жизни и при этом предлагавший собственную радикальную альтернативу, да еще в глобальном масштабе. «С времен Французской революции на европейском горизонте не появлялось ничего, даже отдаленно напоминающего Советский Союз, – замечал Генри Киссинджер. – Впервые по прошествии более ста лет одна из стран официально

посвятила себя свержению существующего порядка»[1294].

Отношение ведущих западных стран к большевистскому режиму определилось моментально. Декрет о мире – худшее из того, что могли себе представить союзники, из последних сил продолжавшие кровопролитные бои, в самом кошмарном сне. Включилась также на полную мощь пропагандистская машина Запада. Герберт Уэллс, фантазия которого сама рождала инопланетных монстров, и то был удивлен: «Вождей большевиков рисовали в виде каких-то невероятных чудовищ, насыщавшихся кровью, грабежами и ведшими самую безнравственную жизнь, перед которой бледнел даже разврат царского двора при распутинском режиме…»[1295].

– У них одна мысль: как бы искры нашего пожара не перепали на их крыши, – говорил Ленин о причинах такого отношения.

У Ленина изначально не было ни малейших иллюзий в части будущих отношений с Западом. Но он с облегчением замечал, что в условиях мировой войны крупные мировые игроки не могли предаться делу уничтожения Советской России всей душой и всеми средствами. На VII партсъезде Ленин говорил, что триумфальное шествие советской власти оказалось возможным «только потому, что специально сложившаяся международная конъюнктура временно прикрыла нас от империализма. Ему было не до нас»[1296].

В Великобритании коалиционный кабинет Дэвида Ллойд Джорджа бросал все силы на алтарь победы. Британские потери в Первой мировой войне были гораздо больше, чем во Второй. Потребление хлеба за годы войны сократилось на четверть, мяса – на треть. В Лондоне, писал продолжавший исполнять обязанности посланника Константин Набоков, «всем, разумеется, было ясно, что произошло событие, бесповоротно исключающее Россию из числа Союзных держав… Захват власти людьми, нарочито “доставленными” из Германии, возбуждал враждебное отношение и негодование против всего русского народа… Преобладало убеждение, что переворот есть явление кратковременное, что удержаться у власти Ленин, казалось бы, не имевший никакой опоры в народных массах, – не сможет»[1297].

Были сторонники идеи попытаться договориться с большевиками и использовать их против немцев. Посол Великобритании в Петрограде Бьюкенен полагал: «Как ни велико мое отвращение к их террористическим методам …я охотно соглашусь, что Ленин и Троцкий необыкновенные люди». 14 (27) ноября Бьюкенен пишет в Форин-офис: «Если еще что-нибудь может побудить Россию сделать еще одно усилие, то это сознание того, что она совершенно свободна действовать по собственному

желанию, без всякого давления со стороны союзников». При этом 21 ноября (4 декабря) Бьюкенен сообщил прессе об инструкциях из Лондона, которые предписывали «воздержаться от всякого шага, который мог бы обозначить признание Советского правительства…»[1298].

Своим посланником в Лондоне большевики объявили Литвинова, который о своем высоком назначении узнал из британских газет. Форин-офис его официально не признал, но был готов «сноситься с ним через специально к нему приставленного чиновника». Литвинов стал выдавать паспорта и визы, признаваемые британским правительством[1299].

Положение Франции было еще более тяжелым, чем у Великобритании. Французские людские потери были самыми большими в процентном отношении к числу населения из всех воевавших стран. Север страны и территории вокруг Вердена были полностью опустошены. Страна, являвшаяся раньше крупнейшим кредитором, оказалась крупнейшим заемщиком. А тут еще Россия – крупнейший должник – отказалась выплачивать долги царского и Временного правительств. Хуже того. «После призыва Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов заключить мир без аннексий и контрибуций во Францию возвращается Марсель Кашен, социал-патриот, уехавший пристыженным защитником интересов своего правительства и теперь превратившийся в певца, прославляющего родину Революции. Отныне Советская Россия становится воплощением мира»[1300].

Троцкий начал свои контакты с представителями Запада с французского посла Нуланса, в прошлом депутата-социалиста. Троцкий писал, что Нуланс «не повысил моего мнения о вершителях судеб человечества. Беседа… не привела ни к чему. После коротких колебаний Клемансо окончательно склонился к режиму колючей проволоки»[1301].

Первое комплексное обсуждение союзниками ситуации в России после прихода к власти большевиков состоялось в Париже 16 (29) ноября. Именно на этой конференции был создан Высший военный совет держав Согласия как высший координационный орган ведения войны. Россию на конференции представлял еще сидевший в Париже Маклаков. Наиболее воинственно звучал главком Антанты маршал Фош, предлагавший использовать в первую очередь румынскую армия как центр кристаллизации всех тех сил Юга России, которые были способны воевать с немцами – казачество, народы Кавказа, чехословацкие отряды. Фош не исключал и открытой интервенции Запада для поддержки этих сил. Решение конференции было выжидательным: следить за

событиями, которые могут привести и к созданию устойчивого, лояльного союзникам правительства. Отвечая на призыв Ленина к миру и на соответствующий его декрет, союзники заявили, что их целью являются не аннексии и контрибуции, а создание непреодолимых препятствий на пути милитаризма, грозящего захлестнуть весь мир[1302]. Ха-ха.

Уинстон Черчилль – влиятельный член британского военного кабинета – авторитетно свидетельствовал о планах Англии и Франции: «Конвенция предусматривала оказание помощи генералу Алексееву, находившемуся тогда в Новочеркасске, и географическое разделение сферы действий этих двух держав… Французская зона должны была состоять из Украины и Крыма, а английская – из территорий казаков, Кавказа, Армении, Грузии и Курдистана». Вместе с тем в соответствии с другим решением, принятым Парижской конференцией, устанавливалось, «чтобы союзные правительства, отнюдь не прощая измены России, вступили в неофициальные сношения с петроградским правительством, – Локкарт будет сноситься с этим правительством в качестве нашего неофициального агента»[1303].

Равнодействующую быстро сформировавшегося западного подхода к России неплохо уловил Керенский. «Продолжая войну с Германией, союзники пытались произвести на русской территории стратегическую диверсию, пользуясь услугами местного населения, не считая уже никакую Россию своей равномерной союзницей»[1304]. Ллойд Джордж подтвердит: «Противники большевиков создали армии по нашему предложению и в значительной мере, несомненно, на наши деньги. Если бы не эти экспромтом созданные нами организации, немцы захватили бы все ресурсы этой страны и смогли бы таким образом свести на нет все значение нашей блокады. Немцы дошли бы до житниц Дона, до рудников Урала, до нефти Кавказа»[1305]. Подтверждение такой помощи есть и со стороны ее получателей. «Военные представители Франции и Великобритании в декабре 1917 г. были в Новочеркасске и, познакомившись с тем, что делается, обещали от имени своих правительств значительную денежную помощь»[1306], – писал генерал Лукомский.

Англо-французские проекты этим не ограничивались. Они включали в себя также высадку японцев в Приморье и занятие ими Транссибирской магистрали, установление контроля над северными морскими портами и возможную прямую интервенцию. Начался и соответствующий прессинг на президента Соединенных Штатов Вудро Вильсона, который не спешил ввязываться в российскую авантюру, хотя именно с его

именем связывается идеология либерального интернационализма. Президент успешно пользовался лозунгами особой миссии США в деле водворения всеобщего мира, чтобы подготовить общественное мнение к преодолению традиционных изоляционистских настроений и вступлению в 1917 году в военные действия (впервые в американской истории) в Старом Свете. Еще в 1916 году США имели семнадцатую по величине армию в мире, но после введения воинской обязанности пополнили ее 4 миллионами человек, половину из которых отправили во Францию. Военные расходы превысили все затраты федерального правительства с момента объявления независимости. Внутреннюю критику заглушили посредством законов о шпионаже и о подстрекательстве к мятежу. Полиция и бдительные граждане вылавливали социалистов и антивоенных активистов[1307].

Победа большевиков вызвала в США еще большее отторжение, чем в Европе. Ричард Хаас справедливо замечает: «Царизм, возможно, был отвратителен многим американцам, но идеология Ленина и Троцкого была для большинства из них еще более пугающей»[1308]. В американском дипкорпусе боролись три линии. Первую озвучивали глава военной миссии Джадсон и руководители миссии Красного Креста в Петрограде, которые полагали, что большевики, взяв власть, превратились в оборонцев, и их полупризнание поможет восстановить фронт. Генконсул Саммерс, напротив, призывал однозначно и публично отказать Советам в признании. В итоге победила третья точка зрения – посла Фрэнсиса, предлагавшего не делать ничего в ожидании неизбежного со дня на день падения большевистского режима[1309].

Американский посол 20 ноября (3 декабря) писал государственному секретарю Лансингу: «У меня сильное подозрение, что Ленин и Троцкий работают в интересах Германии, но оправдано такое подозрение или нет, их успех безусловно будет означать завоевание для Германии…»[1310]. Контактов с Фрэнсисом у НКИД не было, если не считать описанного Залкиндом: «В это время в Соединенных Штатах было приговорено к смертной казни несколько анархистов, и мне стало известно, что питерские анархисты собираются устроить перед окнами американского посольства демонстрацию протеста. О возможности таковой я счел нужным на всякий случай предупредить посла, но старик посол смертельно перепугался и обратился к т. Ленину за защитой, каковая ему и была обещана, причем, однако, и мне от ВИ нагорело, – не пугай, мол, послов даром»[1311].

В отличие от Фрэнсиса, энергичный руководитель миссии Красного Креста полковник Робинс был крайне заинтересован продолжать участие в российских делах. «Робинсу с большим трудом удалось добиться доверия Ленина и других большевиков, и он был единственным человеком, который давал американскому правительству объективную информацию о России на протяжении почти всего послеоктябрьского периода, – писал американский корреспондент в Петрограде Вильямс. – Однако все это время и американское правительство, и союзники занимали такую позицию, будто того правительства, с которым Робинс так тесно общался, не существовало в природе»[1312].

При этом Вильсон не оставлял надежд каким-то образом повлиять на ленинское правительство. Его знаменитые 14 пунктов, озвученные в Конгрессе 26 декабря (8 января), имели своим адресатом, не в последнюю очередь, Петроград. «Сильнейшим импульсом для выдвижения Четырнадцати пунктов в январе 1918 года стало стремление противодействовать большевистской антивоенной пропаганде. Вильсон стремился поддержать рабочие и социалистические элементы в союзных странах и подвигнуть их германских коллег к миру»[1313], – писал биограф президента. Общие слова и принципы тогда мало кого волновали. Только Ленин воспринял 14 пунктов со всей серьезностью. 30 декабря (12 января) он отправил текст речи Троцкому с припиской: «Надеюсь, что будет использована должным образом». Речь Вильсона по указанию Ленина была полностью опубликована в «Известиях». Ленинский Декрет о мире в американской прессе не публиковался.

На следующий день вызрел дипломатический скандал, который закончился и первым визитом к Ленину западных дипломатов. В ответ на попытки Бухареста разоружить революционизированные российские части в Румынии Ленин предписал «арестовать немедленно всех членов румынского посольства и румынской миссии»[1314]. В числе арестованных оказался и румынский посланник граф Константин Диаманди. В канун российского Нового года Фрэнсис на правах дуайена дипкорпуса срочно созвал в американское посольство глав миссий. «Я организовал встречу по телефону с Лениным, который говорит по-английски»[1315]. Ленин назначил встречу запиской: «Сэр, не будучи в состоянии связаться с Вами по телефону в 2 часа, как было условлено, я пишу, чтобы сообщить Вам, что я был рад встретиться с Вами в моем кабинете – Смольный институт, комната 81 – сегодня в 4 часа дня»[1316].

Как рассказывал Залкинд, «дело было лишь за помещением, ибо мы сомневались, уместятся ли все в маленьком кабинете ВИ.

Я был против приема в “парадной зале”, очень уж нелепо разукрашенной кем-то разноцветными половиками и зеркальным трюмо посредине. Прием так-таки состоялся в кабинете, куда мы набили столько стульев, сколько влезло. Члены корпуса начали быстро приезжать один за другим, причем старейшина (американский посол) усердно представлял их, а ВИ не менее усердно жал всем руки»[1317]. Прибыли 22 посла и посланника.

Ленин встретил Фрэнсиса у двери своего кабинета «размером примерно в двенадцать на пятнадцать футов (3,5 на 4,5 м. – *В.Н.*) и пригласил министров и временных поверенных сесть на деревянную скамью… Я читал по-английски и стоя требование, под которым мы все подписались. А потом Лексингстон Фелпс прочел его по-французски. Ленин сказал:

– Давайте это обсудим.

Я немедленно ответил:

– Никакого обсуждения этого вопроса.

Я сказал, что персона дипломатического представителя была неприкосновенна и пользовалась иммунитетом… Дискуссия продолжалась не менее часа. Ленин был приятен в своих манерах на протяжении всей встречи»[1318]. Залкинд меж тем к месту зачитал телеграмму Троцкого о нападении румын на российские войска, что «привело почему-то в раж сербского посланника Спалайковича, начавшего ни к селу ни к городу митинговать, приведя своей речью как ВИ, так и присутствовавшего т. Сталина в самое веселое настроение. Остальные дипломаты изображали при сем нечто вроде хора греческих трагедий»[1319].

Председатель Совнаркома направил предписание в Петропавловскую крепость: «Арестованных румынского посланника и всех чинов румынского посольства освободить, заявив им, что они должны принять все меры для освобождения окруженных и арестованных русский войск на фронте»[1320]. Фрэнсис подтвердит: «Он сообщил мне по телефону около полуночи, что Центральный Совет решил освободить Диаманди»[1321].

На этом общение американской дипломатии с лидером нашей страны на многие годы прекратится. Но Ленин воспринял визит как первую ласточку, предвещая признание Западом его правительства. Большевики пытались заручиться поддержкой Антанты в противодействии немецкому нашествию или заманить ее на переговоры в Бресте. «За два месяца не было ни одной недели, чтобы большевики через меня не запрашивали (неофициально, это правда, но откровенно) союзников о военном содействии»[1322], – свидетельствовал в январе 1918 года Жак Садуль. Но этот порыв большевиков отклика уже не встретил.

А послы 26 февраля дружно покинули Петроград и направились в Вологду. В качестве пункта связи со столицей, как заметит Локхарт, «она являлась приблизительно столь же подходящим местом, как северный полюс, только несколько ближе»[1323].

Идея повлиять самым решительным образом на российские дела витала в воздухе. Изменению позиции Запада в сторону интервенционизма в наибольшей степени способствовали разгон Учредительного собрания и Брестский мир.

Германия, находившаяся на грани выживания, с восторгом восприняла Октябрьскую революцию. В Берлине не могли поверить своему счастью: из войны выходил потенциально сильнейший враг. Чтобы не вспугнуть удачу, немцы прекратили огонь по всей линии фронта и предложили мирные переговоры.

Советская делегация во главе с Иоффе, в состав которой входили также Карахан, Каменев, Сокольников, Биценко, Мстиславский и по одному представителю от рабочих, крестьян, солдат и матросов, 20 ноября (3 декабря) приехала в Брест-Литовск. Ленин инструктировал Иоффе, «как именно необходимо наших империалистических противников “вытаскивать за ушко да на солнышко”.

– Как только они покажут свои империалистические ушки, – говорил он, – вы их остановите и требуйте: а позвольте-ка это записать!»

«Как известно, большевиков сначала, и не только в России, но и во всем мире, обвиняли в том, что они – “германские шпионы”, “германские агенты”, “подкупленные Германией” и т. д. … Трехмесячная борьба в Бресте помимо своей главной цели – революционизирования мира трудящихся – имела еще и побочную: доказать всему миру безусловную ложность возводимых на большевиков обвинений»[1324], – подчеркивал Иоффе.

Большевистское руководство придерживалось формулы, выработанной в Циммервальде – демократический мир без аннексий и контрибуций. С этой формулой делегация и выступала, надеясь не только (может, и не столько) на заключение мира, сколько на использование переговоров для целей пропаганды идей революции во всех воюющих странах, которая наиболее эффективно этот мир обеспечит. Большевики в эйфории от своей октябрьской победы принимали голодные выступления в воюющих странах за начало восстания пролетариата.

Свежеиспеченные советские дипломаты в Бресте начали

диктовать условия, ведя себя как сторона-победитель. Немцы, австро-венгры, турки и болгары, с которыми велись переговоры, так не считали. «Немецкая делегация оторопела от столь наглых требований со стороны побежденного государства… Русские, безусловно, затягивали переговоры в надежде, что они будут прерваны известием о революции в Вене и Берлине. Некоторые их требования вывели бы из себя даже самого вежливого и терпеливого дипломата»[1325].

Но Центральные державы были заинтересованы в максимально быстром заключении мира с Россией, а потому поначалу готовы были идти на компромисс. Перемирие подписали уже 2 (15) декабря. Германия готовила, по словам ее главнокомандующего Пауля фон Гинденбурга – любимца нации и будущего президента, – «грандиозную военную кампанию на Западном фронте», и это возлагало «естественную обязанность привлечь все пригодные для кровавой битвы силы… Ввиду распада русской армии мы уже ранее начали оттягивать оттуда большую часть наших боевых соединений»[1326]. Беспомощность России разжигала аппетит у германского руководства. Гинденбург доказывал кайзеру, «что в интересах Германии следует отодвинуть границы России на восток, а ее плотно заселенные и экономически перспективные западные губернии аннексировать»[1327].

Официальные переговоры о заключении мира начались 9 (22) декабря 1917 года. «Наша делегация внесла с самого начала программное заявление об основах демократического мира. Противная сторона потребовала перерыва заседания. Возобновление работ откладывалось все далее и далее»[1328]. Наконец, ответ был дан: правительства Четверного союза «присоединились» к формуле мира: без аннексий и контрибуций на началах самоопределения народов. В Петрограде по этому случаю произошла на радостях колоссальная демонстрация.

Зря радовались. В Бресте революционные романтики столкнулись с жесткими реалистами, милитаристами и геополитиками, включая глав МИДов Германии Кюльмана и Австро-Венгрии Оттокара Чернина. Тезис о праве наций на самоопределение сыграл тогда с большевиками злую шутку. Делегация Центральных держав не без оснований заявляла, что если все народы имеют право на самоопределение, то какое основание имеет Петроград говорить от имени Украины, Латвии и далее по списку[1329]. Замечал Троцкий: «На другое утро наша делегация привезла нам из Брест-Литовска те чудовищные требования, которые Кюльман предъявил от имени Центральных империй.

– Для затягивания переговоров нужен затягиватель, – говорил Ленин.

По его настоянию я отправился в Брест-Литовск. Признаюсь, я ехал, как на пытку». Слабость переговорной позиции стала ясна, когда по дороге нарком иностранных дел увидел опустевшие русские окопы.

Переговоры возобновились 27 декабря (9 января). На следующий день Троцкий признал Украину в качестве полноправного самостоятельного участника переговорного процесса. Это оказалось большой ошибкой. Центральная Рада прислала делегацию во главе со своим министром иностранных дел Голубовичем. Большевистскую власть как общегосударственную Рада не признавала. «Брестские делегаты Рады были самой природой созданы для того, чтобы любой капиталистический дипломат водил их за нос, – полагал Троцкий. – Не только Кюльман, но и Чернин занимались этим делом со снисходительной брезгливостью… Высокопарная низость, захлебывающееся от восторга лакейство били фонтаном из этих несчастных национальных демократов, приобщившихся на миг к власти»[1330]. Центральным державам настолько требовалось как можно скорее получить доступ к украинскому продовольствию и создать проблемы России, что они обещали создать украинскую автономию в австро-венгерской Галиции и передать Украине некоторые польские территории.

Немцы также настаивали на том, что Курляндия и Литва, находившиеся под немецкой оккупацией, уже сделали свой акт самоопределения, и их судьба уже не может являться предметом переговоров с Россией. «Троцкий твердо стоял на том, чтобы мы сначала очистили страну, а затем уже население будет использовать право на самоопределение»[1331].

Поначалу Троцкий вел себя подчеркнуто уверенно. Как напишет Гинденбург, «Ленин и Троцкий проводили активную политику не как побежденные, а как победители, желая внести политическое разложение в тылы и в ряды наших войск»[1332]. Тем не менее Ленин, понимая полную беззащитность страны, настаивал на немедленном подписании любого, даже самого «похабного» мира. Но он оказался в явном меньшинстве в руководстве большевиков. Его поддерживали Сталин, Свердлов, Зиновьев, Смилга, Сокольников, Стасова. Большинство ЦК стояло на позиции «левых коммунистов», отстаивавших лозунг революционной войны в Европе.

Революция, не запятнавшая себя позорной капитуляцией, считали они, воспламенит души рабочего класса за рубежом, который свергнет власть капитала. Есть пример слабой

революционной Франции 1792 года, которая, тем не менее, смогла завоевать чуть ли не всю Европу. Большевики превращаются в оппортунистов, плетясь за крестьянством, не желающим воевать. Левых коммунистов возглавляли Бухарин, Преображенский, Бубнов, Коллонтай, Арманд, Радек, Косиор, Пятаков, Урицкий, Сапронов, Куйбышев. Они выпускали жестко антиленинскую газету «Коммунист». Ленин возмущался: «Их газета носит кличку “Коммунист”, но ей следует носить кличку “Шляхтич”, ибо она смотрит с точки зрения шляхтича, который сказал, умирая в красивой позе со шпагой: “мир – это позор, война – это честь”. Они рассуждают с точки зрения шляхтича. А я – с точки зрения крестьянина»[1333]. Действительно, понятие чести всегда вызывало у Ленина, мягко говоря, аллергию. Категорически против мира были и левые эсеры.

Фундаментом позиции и Троцкого, и левых коммунистов, и левых эсеров было убеждение, что германская армия не в состоянии наступать. Германия ослаблена, революция на подходе, новое наступление вызовет там армейский бунт. Основания для таких выводов были. Массовые забастовки в январе прокатились по Берлину, Вене, Будапешту, занятой немцами Варшаве. В Вене и Берлине рабочие начали создавать Советы. Но Ленин стоял на своем. «Все аргументы, которые мы выдвигали против заключения Брестского мира, отскакивали от него, как горох от стены, – рассказывал Радек. – Он выдвигал простейший аргумент: войну не в состоянии вести партия хороших революционеров, которые, взяв за горло собственную буржуазию, не способны идти на сделку с германской. Войну должен вести мужик»[1334]. А мужик бежит с фронта.

Ленин в этих условиях оказался в блоке с правыми коммунистами, с которыми так яростно сражался в ноябре. Заключив мир, большевики станут сообщниками германского империализма? Но чем германский империализм хуже других? Германия не сможет наступать? Но и мы не можем обороняться. «Мы идем на невыгодный договор и сепаратный мир, зная, что *теперь* мы еще не готовы на революционную войну…»[1335].

Троцкий предлагал рискованную игру: распустить армию без заключения мира. Мир в этом случае выглядел бы как подчинение насилию. «Этим одним мы нанесем решительный удар слухам о нашей закулисной связи с Гогенцоллерном»[1336]. Ленин счел план Троцкого «дискутабельным» и просил его в переговорах «назначить перерыв и выехать в Питер».

В день открытия Учредительного собрания – 5 (18) января – начальник штаба Восточного фронта генерал Гофман показал советской делегации карту с обозначением линии немецкой

сферы влияния, к западу от которой оставались Польша, Литва и Курляндия. Троцкий взял время для консультаций. А Ленин, разогнав Учредилку, на несколько месяцев почти полностью переключился на тему мира с Германией.

Он организовал 8 (21) января совещание с 63 членами ЦК и ключевыми партработниками и выступил с докладом, который носил вызывающе провоцирующее название «Тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира». Ленин доказывал, что и сам всегда был за революционную войну. Но «мы не брали на себя обязательства начинать революционные войны без учета того, насколько возможно вести ее в тот или иной момент… Нет сомнения, что наша армия в данный момент и в ближайшие недели (а вероятно, и в ближайшие месяцы) абсолютно не в состоянии успешно отразить немецкое наступление». Ленин уверял, что «крестьянская армия, невыносимо истомленная войной, после первых же поражений – вероятно, даже не через месяцы, а через недели – свергнет социалистическое рабочее правительство»[1337].

Крупская видела: «Ильич кончил заключительное слово, на него устремлены были враждебные взгляды товарищей. Ильич излагал свою точку зрения, явно потеряв всякую надежду убедить присутствующих. И сейчас слышится мне, каким безмерно усталым и горьким тоном он мне сказал, окончив доклад:

– Ну, что ж, пойдем!»[1338].

За Ленина проголосовали 15 человек, за левых коммунистов – 32, за Троцкого – 16.

Началась битва Ленина за Брестский мир, которая одновременно стала битвой за прерогативы и власть первого лица в партии и государстве, которые столь откровенно ставились под сомнение ближайшими соратниками. 11 (24) января он официально собрал ЦК и повторил тезисы.

– Стоящие на точке зрения революционной войны указывают, что мы этим самым будем находиться в гражданской войне с германским империализмом и что этим мы пробудим в Германии революцию. Но ведь Германия только еще беременна революцией, а у нас уже родился вполне здоровый ребенок – социалистическая республика, которого мы можем убить, начиная войну…[1339]

За мирный договор только сам Ленин, Сталин, Сергеев (Артем), Сокольников. За немедленную революционную войну двое. Предложение Троцкого победило 9 голосами. Ленин, понимая, что переломить настроение не удастся, внес предложение о затягивании переговоров. За это 12, против – один.

Дальше вопрос о мире перенесся в Таврический дворец – на

Третий съезд Советов. Доклад делал Троцкий. 15 (28) января в ЦК РКП(б) поступило заявление группы левых коммунистов с требованием созыва в течение недели партконференции для обсуждения вопроса о мире. Если конференцию не созовут, они «сочтут необходимым оставить ответственные посты в партии и в органах власти». 18 (31) января ЦК принимает подготовленные Бухариным тезисы «О моменте в связи с войной против заключения мира»: «Никакой отсрочки, кроме отсрочки международной революции, мы не получим»[1340]. Ленин заявляет:

– Для разубеждения товарищей – сторонников революционной войны самое лучшее было бы съездить на фронт и там воочию убедиться в полной невозможности ведения войны.

Тем временем де-факто революционная война уже шла на Украине. Большевистский Южный революционный фронт с начала 1918 года практически без сопротивления занял Чернигов, Сумы, Конотоп, Полтаву, Кременчуг, Винницу. 15 (28) января началось просоветское восстание в Киеве, на поддержку которого выдвинулись красные войска во главе с левым эсером Муравьевым. Ленин 21 января (3 февраля) шлет радостную радиограмму: «Киевская Рада пала. Вся власть на Украине в руках совета. Бесспорна власть Харьковского ЦИК на Украине; назначен большевик Коцюбинский главнокомандующим войсками Украинской республики». Рада перебралась в Житомир, а потом и в Сарны – поближе к немецким войскам. 26 января (8 февраля) войска Муравьева вошли в Киев, где провели массовые аресты и расстрелы.

Но 27 января (9 февраля) делегация низложенной Рады подписала сепаратный мир с Центральными державами. Рада соглашалась сильно подвинуть границу Украины на восток, поставить 1 млн тонн «излишков» продовольствия, а также приглашала германские войска на Украину. Российские власти пытались решительно возражать. Ленин и Сталин телеграфируют Троцкому: «Повторяем еще раз, что от Киевской Рады ничего не осталось и что немцы вынуждены будут признать факт, если они еще не признали его»[1341]. Но немцам было виднее, что признавать, а что нет. Руки германского командования оказались полностью развязанными: одномоментно весь русский фронт южнее Бреста перестал для него существовать. С этого момента германский тон сменился на ультимативный: потребовали немедленного заключения мира и аннексии еще большей территории России.

Троцкий стал де-факто проводить свою линию, сделав заявление: «Мы выходим из войны, но мы вынуждены отказаться от подписания мирного договора… Российским войскам

одновременно отдается приказ о полной демобилизации по всему фронту»[1342]. Это была знаменитая формула: «Ни мира, ни войны, а армию распустить». Ленин протестовал. В Ставку ушла телеграмма: «Сегодняшнюю телеграмму о мире и о всеобщей демобилизации армии на всех фронтах отменить всеми имеющимися у Вас способами». Ленин зол на главу НКИД. «Тактика Троцкого, поскольку она шла на затягивание, была верна: неверной она стала, когда было объявлено состояние войны прекращенным и мир не был подписан, – возмущался Ленин. – Я предложил совершенно определенно мир подписать»[1343]. Что же касается демобилизации, то он скажет Троцкому (с его слов):

– Если так, тем лучше: и аппарансы соблюдены, и из войны вышли[1344].

Троцкому здесь можно поверить. Сам Ленин вскоре напишет, что «мы были вынуждены это сделать, вынуждены обстоятельствами столь очевидными, вескими, непоборимыми, что не только не возникло “течения” или настроения в партии против демобилизации, но и вообще ни одного голоса против демобилизации не поднялось»[1345].

Большего подарка судьбы, чем отказ от мирного договора с одновременной демобилизацией, Центральные державы не могли себе представить. Западные союзники были в сильном шоке – это еще очень мягко сказано. Французский дипломат Паскаль писал 29 января (11 февраля): «Эффект у нас ошеломляющий: это безумие, такое невозможно!.. Это констатация факта, что война невозможна, но невозможен и мир. История никогда такого не видела»[1346].

Так закончился январь и наступил самый короткий в истории России февраль, который длился только 15 дней. Дело в том, что 26 января Ленин подписал декрет: «1. Первый день после 31 января сего года считать не 1-м февраля, а 14-м февраля. Второй день считать 15-м и т. д.». Поэтому февраль начался не с первого, а сразу с 14-го числа, когда Россия перешла на тот же календарь, по которому жил остальной мир (что позволит и нам дальше не обозначать даты по старому и новому стилю).

Положение «ни мира, ни войны» продолжалось недолго. 16 февраля в 19.30 германское командование заявило советским представителям, остававшимся в Брест-Литовске, что 18 февраля в полдень заканчивается перемирие и возобновляется состояние войны.

Важный вопрос для историков и важнейший – для реальных политиков в Петрограде в те дни: насколько далеко готовы были пойти в своем наступлении немцы? Ленин утверждал, что целью

были захват столиц и удушение революции в колыбели. Так ли? Решение Коронного совета 13 февраля предполагало ограниченную наступательную операцию до Нарвы и Пскова. «Чтобы воспрепятствовать самим большевикам образовать новый восточный фронт, мы должны были нанести короткий, но сильный удар расположенным перед нами русским войскам, который позволил бы нам при этом захватить большое количество военного снаряжения, – подтверждал Людендорф. – Дальнейшее развитие военных операций на востоке не имелось в виду в ближайшее время»[1347]. Нет свидетельств намерений Берлина захватывать столицы. Для этого у немцев не было ни сил, ни средств. Да и что бы они делали с двумя голодными мегаполисами? Но Ленину в почти прифронтовом Питере так не казалось. Будь он уже в Москве, находившейся в глубоком тылу, немецкое наступление вряд ли показалось бы ему смертельной угрозой. Впрочем, не будь этого германского наступления, столица бы не оказалась в Москве.

Спешно 17 февраля созывается пленум ЦК РКП(б). За предложение Ленина экстренно вступить в новые переговоры с Германией только пятеро – он сам, Сталин, Свердлов, Сокольников, Смилга. Против шестеро – Троцкий, Бухарин, Ломов, Урицкий, Иоффе, Крестинский. Но поддерживается идея заключить мир в случае немецкого выступления и отсутствия революции в Германии (против только Иоффе).

Предотвратить замирение большевиков с Германией в тот момент могла, пожалуй, только однозначная поддержка западных держав. Послы совещались. Паскаль написал в дневнике (14 февраля): «Среди союзников две тенденции: с большевиками против немцев или с немцами против большевиков всех стран»[1348]. Среди сторонников помощи большевикам против немцев были Локкарт и полковник Робинс. Сигналов от западных столиц не было.

С утра 18 февраля стали поступать сведения о выдвижении германских войск в рамках операции «Фаустшлаг» – «Удар кулаком» – в направлении на Минск, Ревель, Нарву и Псков. В тот же день делегация Рады подписала с Германией и Австро-Венгрией военное соглашение, которое разрешало им оккупировать Украину для обеспечения «мира и порядка». Австро-германские войска численностью до 400 тысяч человек – по приглашению – двинулись на Украину. Им противостояли не больше 20 тысяч советских бойцов.

Дважды собирается ЦК РКП(б). Левые на утреннем заседании намерены опять развернуть широкую общеполитическую дискуссию. Ленин против и добивается ограничения повестки

одним пунктом: посылать ли немцам телеграмму с предложением немедленного мира. Вопрос выносится на голосование, и он проигрывает 6 голосами против 7.

Тем временем с ходу немцами был захвачен Двинск. «Это самая комическая война, которую только можно себе представить, – писал руководивший операцией генерал Гофман. – Она ведется только на железной дороге и на грузовиках. Сажают какую-нибудь сотню пехотинцев с пулеметами и с одной пушкой на поезд и отправляют до ближайшей станции. Берут станцию, большевиков арестовывают и продвигаются дальше. Это, по крайней мере, имеет некоторый интерес новизны»[1349]. ЦК вновь собирается – уже в куда более напряженной обстановке.

– Теперь на карту поставлено то, что мы, играя с войной, отдаем революцию немцам, – предупредил Ленин.

Левые коммунисты вновь против. Троцкий предлагает запросить условия мира, не беря на себя обязательство его подписывать. Сталин и Зиновьев за отправку телеграммы с согласием на возобновление переговоров. Впервые Ленину удается набрать большинство – 7:6 – за немедленное обращение к немцам с предложением мира. Его впервые поддержал Троцкий. Ленин шлет радиограмму в Берлин. Выразив решительный протест, СНК выражал «готовность, если германское правительство формулирует свои точные условия мира, ответить не позднее как через 12 часов, приемлемы ли они, эти условия, для нас».

А что Запад? 19 февраля правительство Клемансо уполномочило Нуланса сообщить о готовности Франции предоставить финансовую и военную помощь, если России продолжит боевые действия. Лондон и Вашингтон молчали. Ленин отказался от западной помощи. Его неофициальный ответ прозвучал 21 февраля со страниц «Правды», где вышла его статья под псевдонимом Карпов: «Англо-французская буржуазия ставит нам западню: идите-ка, любезные воевать *теперь,* мы от этого великолепно выиграем. Германцы нас ограбят, “заработают” на Востоке, дешевле уступят на Западе, а кстати Советская власть полетит… Воюйте, любезные “союзные” большевики, мы вам поможем! И “левые” (унеси ты мое горе) большевики лезут в западню, декламируя самые революционные фразы»[1350]. Западные дипмиссии начали готовиться к эвакуации из столицы. Паскаль записал 21 февраля: «Атмосфера ликвидации. Сожжение бумаг»[1351].

Ситуация стремительно ухудшалась. «Деморализованные русские войска не оказывали никакого сопротивления. Собственно о войсках вообще нельзя было говорить; в сущности,

остались только штабы; главная масса войск уже разошлась по домам. С быстротой молнии оккупировали мы всю Лифляндию и Эстляндию»[1352], – констатировал Гофман. 21 февраля немцами взят Минск. Ленин шлет телефонограмму во все райкомы партии с предписанием «организовать десятки тысяч рабочих и двинуть поголовно всю буржуазию до одного, под контролем этих рабочих, на рытье окопов под Питером… Готовьте орудия, а главное – организуйтесь и мобилизуйтесь поголовно».

Ночью Ленин передал в СМИ написанное им воззвание “Социалистическое отечество в опасности!”, тут же воплощенное в одноименном декрете СНК: «Германские генералы хотят установить свой “порядок” в Петрограде и в Киеве… Совет Народных Комиссаров постановляет: *1) Все силы и средства страны целиком предоставляются на дело революционной обороны. 2) Всем Советам и революционным организациям вменяется в обязанность защищать каждую позицию до последней капли крови*». В добавление к декрету говорилось: «Каждый рабочий, отработав 8 часов в сутки, обязан три часа ежедневно (или по 4 ½ часа в сутки с третьим днем отдыха) работать в области военной или административной». И именно этим декретом силовые структуры Советской России впервые получили право на внесудебные репрессии. Пункт 8 декрета звучал так: «8) *Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления*».

Немецкий ответ на обращение СНК с просьбой о возобновлении переговоров был вручен советскому курьеру 21 февраля, в Петербурге оно оказалось утром 22-го: немецкие военные в Прибалтике, Россия заключает мир с правительством Скоропадского и выводит войска из Финляндии и Украины, Турция получает территории в Закавказье, большевики платят контрибуцию, не ведут пропаганду в Германии и на оккупированных ею территориях.

Теперь уже ЦК обсуждал вопрос о приобретении оружия и продовольствия у держав Антанты. Ленин, который днем раньше в «Правде» категорически отрицал возможность получения западной помощи, заявил:

– Прошу присоединить мой голос за взятие картошки и оружия у разбойников англо-французского империализма[1353].

ЦК и СНК с ним согласились. Но не было ни картошки, ни оружия.

Генерал Бонч-Бруевич экстренно свернул за ненадобностью работу могилевской Ставки и 22 февраля прибыл в Смольный. «ВИ предложил мне и моим сотрудникам приступить к работе по

организации обороны Петрограда… Немедленно по распоряжению Ленина нам была отведена в Смольном институте комната, где и начал работу будущий Военный совет, в состав которого входили я, как военный руководитель, и тов. Троцкий и Подвойский, как комиссары. В. И. Ленин в это время с неослабным интересом два раза в день интересовался нашей работой… Было решено… сформировать небольшие разведывательные отряды из рабочих и направить их по линиям железных дорог от Петрограда в целях нащупывания расположения противника»[1354]. «В поддержку “разведывательным группам” решено направить “отряды”, человек по пятьдесят-сто каждый. Формирование “разведывательных групп” и “поддерживающих отрядов” поручалось штабу обороны Петрограда и его окрестностей. Последний подчинялся уже созданному в Смольном Комитету обороны, возглавлявшемуся Лениным»[1355].

В тот день, который мы и сейчас отмечаем как дату рождения Вооруженных сил – 23 февраля 1918 года, – их творец В. И. Ленин впервые под собственным именем открыл в «Правде» всю подноготную споров о мире в высшем партийном и государственном руководстве и рисовал картины гибели революции: «Вся буржуазия в России ликует и торжествует по поводу прихода немцев… В Двинске русские офицеры ходят уже с погонами. В Режице буржуа, ликуя, встретили немцев. В Питере, на Невском, и в буржуазных газетах (“Речь”, “Дело Народа”, “Новый Луч” и проч.) смакуют свой восторг по поводу предстоящего свержения Советской власти немцами. Пусть знает всякий: кто против немедленного, хоть и архитяжкого мира, тот губит Советскую власть»[1356].

На экстренном заседании ЦК Ленин поставил коллегам ультиматум с угрозой отставки. Немцы накануне предъявили еще более жесткие требования и ожидали ответа в течение 48 часов. Страсти были накалены до предела.

– Политика революционной фразы окончена, – выкрикивал Ленин. – Если эта политика будет теперь продолжаться, то я выхожу и из правительства, и из ЦК. Для революционной войны нужна армия, ее нет. Значит, надо принимать условия.

Собравшимся Ленин запомнился, как разъяренный зверь. «Он ходил буквально, как тигр в клетке. Не хватало только хвоста, чтобы бить себя по бокам. Тигр ходит мягко и упруго, но со стальной твердостью. Так тогда шагал Ленин»[1357], – писал Осинский. «Мы, “молодые”, “левые”, уже сделали ошибку, помешав заключить мир сразу, и продолжали упорствовать, – самокритично вспоминал позднее Бухарин. – И вот на решающее

заседание Цека вбегает Ильич. Он – как громадный лев, запертый мальчишками в клетку. Он бегает по комнате, гневный, с суровой решимостью в лице, на котором подобрались и сжались все мускулы.

– Больше я не буду терпеть ни единой секунды. Довольно игры!

И Ильич ставит ультиматум. И Ильич ломает прежнее решение»[1358].

Бухарин, Троцкий, Урицкий, Ломов по-прежнему резко против принятия немецких условий. Троцкий заявил об уходе в знак протеста с поста наркома иностранных дел. Вопрос о мире выносится на голосование. За предложение Ленина всего семеро из 15 – сам Ленин, Зиновьев, Сталин, Стасова, Сокольников, Смилга. Четверо против – Бубнов, Урицкий, Бухарин и Ломов. Исход решили голоса четверых воздержавшихся – Троцкого, Дзержинского, Иоффе и Крестинского, – которые тоже не были за мирный договор. Их позицию суммировал на заседании ЦК Дзержинский:

– Подписывая этот мир, мы ничего не спасем. Но согласен с Троцким, что если бы партия была достаточно сильна, чтобы вынести развал и отставку Ленина, тогда можно было принять решение против. *Теперь – нет*[1359].

После голосования в отставку со своих постов в партии и правительстве попросились Бухарин, Ломов, Бубнов, Пятаков, Яковлева, Урицкий. Ленин предложил перенести обсуждение этой волны отставок на следующий день. Сталин поинтересовался:

– Не означает ли уход с постов фактического ухода из партии?

Если бы из партии тогда исключали противников Брестского мира, то, полагаю, исключить пришлось бы подавляющую ее часть.

– Уход из ЦК не значит уход из партии, – отрезает Ленин[1360].

Теперь ВЦИК. Вечером Ленин собирает его большевистскую фракцию. Рассказывала Клавдия Тимофеевна Свердлова, вторая жена Председателя ВЦИК: «Яков Михайлович берет слово и коротко, двумя-тремя фразами, от имени Ленина и своего, напоминает собравшимся точку зрения большинства ЦК – мир. Прения закончены. Подавляющим большинством голосов большевистская фракция выносит постановление: отстаивать на заседании ВЦИК предложение о заключении мира с Германией… Как ни бурно шло заседание большевистской фракции, оно не могло идти ни в какое сравнение с тем, что поднялось на совместном заседании большевиков с левыми эсерами, происходившем уже в большом зале Таврического. Буйствовал и

кое-кто из “левых большевиков” – прежде всего Рязанов, – не пожелавших соблюдать партийную дисциплину и вновь выступавших против заключения мира. Прямо-таки неистовствовали левые эсеры, многие из которых кричали, что, какие бы решения ни приняли фракции, они будут голосовать против мира.

Яков Михайлович предоставляет слово Ленину. Речь ВИ лишена искусных ораторских приемов, но логика его непреоборима… Все! Третий час ночи, дальше откладывать заседание ВЦИК и вести споры по фракциям нельзя… В три часа пополуночи с 23 на 24 февраля 1918 года открылось заседание Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета… В который уже раз за эти сутки Ленин взошел на трибуну, вновь и вновь разъясняя, растолковывая, убеждая… Невзирая на всю несокрушимость ленинских доводов, меньшевики и эсеры, правые и левые вместе, с пеной у рта долбили свое – нет, нет и нет! Нельзя принимать германские условия. Война! Война!! Война!!! “Левые коммунисты” угрюмо молчали.

– Поименное голосование! – требуют меньшевики и эсеры. – Поименное!

Ну что же! Пусть будет поименное. По списку Яков Михайлович вызывает одного за другим членов ВЦИК»[1361]. Левые коммунисты ушли из зала, не голосуя. Это и объяснило успех Ленина. За – 114, против – 85, воздерживается – 35. В полпятого утра Совнарком в соответствии с решение ЦИК «постановил условия мира, предложенные германским правительством, принять и выслать делегацию в Брест-Литовск»[1362].

Пока шли споры в Таврическом дворце, германские войска подступили к Ревелю и Пскову. Мобилизация дала весьма скромные результаты – несколько десятков тысяч красноармейцев. Но и их оказалось почти достаточно. «В течение ночи и следующего дня на фронт Нарва – Себеж были направлены все намеченные нами “разведывательные группы”, – рассказывал Бонч-Бруевич. – Формирование же отрядов продолжалось и 24 февраля. Так зародилась “завеса”, как форма обороны революционной России от вероломного нападения милитаристской Германии. 23 февраля днем я снова побывал у Ленина…

– Все это очень хорошо, – похвалил меня Ленин и, неожиданно усмехнувшись и хитро прищурившись, сказал: – А все-таки ваше военное дело часто походит на какое-то жречество»[1363].

В этот день были изданы декреты об обязательной воинской повинности и организации Красной Армии, а 27 февраля –

Красного Флота.

Ленин 24 февраля в «Правде» уверяет: «Невыносимо тяжелы условия мира. А все же история возьмет свое, на помощь нам придет – пусть даже не так скоро, как нам всем хотелось бы, – придет зреющая неуклонно социалистическая революция в других странах». ЦК опять заседает. Все дружно отказываются ехать в Брест и подписывать мир. Обсуждается заявление Троцкого об уходе с поста наркома иностранных дел. Ленин умоляет его остаться хотя бы до подписания мира. Троцкий соглашается, но отказывается появляться в «официальных учреждениях», то есть работать. Московский областной комитет партии принял резолюцию: «В интересах мировой революции мы считаем целесообразным идти на возможность утраты Советской власти, становящейся теперь чисто формальной». Ленин назвал подобную постановку вопроса “страшным и чудовищным”, озаглавив так и ответную статью в «Правде».

Он – по-своему – был даже доволен немецким наступлением. Для него решалась двуединая задача. С одной стороны, противники мира убеждались наглядно в полной беззащитности страны. С другой, подъем патриотических настроений помогал воссозданию армии и борьбе с любой оппозиций. Ленин пишет 25 февраля: «Неделя 18–24 февраля 1918 года, от взятия Двинска до взятия (отбитого потом назад) Пскова, неделя военного наступления империалистической Германии на Советскую социалистическую республику, явилась горьким, обидным, тяжелым, но необходимым, полезным, благодетельным уроком…»

Делегация в составе – Чичерин, Иоффе, Карахан и Сокольников – 25 февраля выехала в Брест-Литовск. Однако застряла на станции Новоселье, где оказался взорванным мост. Они связались с Лениным, который заподозрил делегацию в акте саботажа для срыва мирного процесса (Иоффе и Сокольников были категорическими противниками мира и поехали, только подчиняясь решению ЦК). Ленин шлет нетерпеливую телеграмму делегации: «Если вы колеблетесь, это недопустимо. Пошлите парламентеров и старайтесь выехать скорее к немцам»[1364]. Саботажа не было. Немцы предоставили поезд с другой стороны моста.

И тут запаниковал Михаил Бонч-Бруевич, сделавший «безошибочный вывод о намерении германского генерального штаба использовать появившийся в ближайших водах Балтийского моря немецкий флот для операций по захвату Петрограда…» Бонч-Бруевич тут же прорвался к Ленину.

«– ВИ, – стараясь не показывать владевшего мною волнения, сказал я, – правительство, находящееся в Петрограде, является

магнитом для немцев. Они отлично знают, что столица защищена только с запада и с юга. С севера Петроград беззащитен, и высади немцы десант в Финском заливе, они без труда осуществят свои намерения.

Спокойно выслушав мои соображения, ВИ окинул меня, когда я кончил, испытующим взглядом и, что-то решив, сказал:

– Дайте мне об этом письменный рапорт.

Я присел за письменный стол Ленина и написал на имя Председателя Совета Народных Комиссаров рапорт такого содержания: «Ввиду положения на германском фронте, считаю необходимым переезд правительства из Петрограда в Москву». Прочитав рапорт, ВИ при мне надписал на нем свое согласие на переезд правительства в Москву»[1365].

Постановление Совнаркома об эвакуации правительства Ленин издал 26 февраля: «Выбрать местом нахождения Москву. 2) Эвакуировать каждому ведомству только минимальное количество руководителей центрального административного аппарата, не более 2–3 десятков человек (плюс семьи). 3) Во что бы то ни стало и немедленно вывезти Государственный банк, золото и Экспедицию заготовления государственных бумаг…»[1366] Революционеры были легки на подъем.

Создавая зачатки армии и готовя эвакуацию, Ленин одновременно занялся дипломатией. 1 марта он впервые принял Локкарта, который вспоминал: «На все поставленные ему мной вопросы, он ответил, как это выяснилось впоследствии, в полном соответствии с истиной… Если немцы попытаются насильственно посадить в России буржуазное правительство, то большевики будут этому сопротивляться, и в случае необходимости отступать до Волги, до Урала, разумеется, с боем, но сражаться будут там, где это будет выгодно, а не в качестве орудия союзников… Англо-американский капитализм почти столь же ненавистен, как и германский милитаризм, но непосредственной опасностью грозит в настоящее время последний…

– Если бы немцы на нас напали, я даже принял бы военную помощь со стороны союзников. Но я думаю, что Ваше правительство не разделит нашей точки зрения на этот вопрос… Ваше правительство реакционно и станет на сторону русских реакционеров»[1367].

Третьего марта мирный договор в Бресте подписывается, не читая. «Делегация демонстративно не обсуждала договор, чтобы подчеркнуть его грабительский и насильственный характер, и сразу подписала. ВИ при этом одобрительно заметил:

– Хорошо сделали, а если бы стали обсуждать, то это нам бы стоило еще губернии, и так нам революционная фраза очень

дорого обошлась…»[1368].

При этом группа «левых коммунистов» – Бухарин, Бубнов, Дзержинский, Куйбышев, Рязанов, Урицкий – обсуждали с левыми эсерами вопрос об аресте Ленина на 24 часа[1369]. Как им казалось, было за что. В соответствии с Брестским миром от нашей страны отторгались польские, литовские, частично латвийские и белорусские земли. Россия выводила войска из Финляндии, Эстонии и остальной части Латвии, с Украины. Россия обязывалась произвести полную демобилизацию армии и флота. В тот же день был подписан и дополнительный договор с Турцией, по которому Россия отказывалась от Турецкой Армении, Карса, Ардагана, Батума, полученных по Сен-Стефанскому миру 1878 года. Страна утратила 1 млн квадратных километров территории, на которой проживало 56 млн человек, добывалось 90 % угля и производилось 54 % промышленной продукции[1370]. По степени унижения Брестский мир не имел аналогов в истории. Троцкий прав: «Брестский мир походил на петлю палача»[1371].

Парвус тогда писал: «У России были шансы заключить мир на более выгодных условиях, если бы большевики не встряли со своей бессмысленной и склочной тактикой. Ленин в этот раз проявил себя умнее, чем можно было бы от него ожидать, роль придурка взял на себя Троцкий. Не подлежит, однако, никакому сомнению, что тактика, примененная в процессе мирных переговоров, представляет собой чистой воды большевизм или, что одно и то же, чистой воды ленинизм»[1372].

Когда Брестский мир был подписан, но битва вокруг его ратификации была еще впереди – 5 марта Ленин встретился с Робинсом, а Троцкий – с Локкартом. «Русские хотели знать, как поведут себя США и союзники в случае, если съезд Советов откажется ратифицировать Брестский мир или немцы возобновят наступление… Могут ли они рассчитывать на поддержку США, Англии и Франции, какую поддержку они смогут получить и какие шаги предпримут США и союзные державы, если Япония захватит Владивосток и Восточно-Сибирскую железную дорогу?»[1373]. На эту тему 5 марта Советское правительство направило ноту администрации США. Ответом на ноту вскоре станет послание Вильсона съезду Советов.

Шестого марта открылся VII Чрезвычайный съезд партии с обсуждением Брестского мира. 47 делегатов с правом решающего голоса, 59 – с совещательным, в их числе и Ленин, представляли 170 тысяч членов партии. 7 марта немецкие войска заняли Харьков – столицу Советской Украины. 8 марта Ленин доказывал:

– Некоторые, определенно, как дети, думают: подписал договор, значит продался сатане, пошел в ад. Это просто смешно,

когда военная история говорит яснее ясного, что подписание договора при поражении есть средство собирания сил[1374].

Содоклад делал Бухарин, продолжавший стоять на своем:

– Русская революция либо будет спасена международной революцией, либо погибнет под ударами международного капитала… Выгоды, проистекающие из подписания мирного договора, являются иллюзией[1375].

Предложенная Лениным резолюция набрала 30 голосов. За предложение Бухарина аннулировать мирный договор голосовали 12 человек, четверо воздержались. Съезд признал необходимым «утвердить подписанный Советской властью тягчайший, унизительнейший мирный договор с Германией». Левые коммунисты отказались входить в новый состав ЦК. Впрочем, Бухарин вскоре передумает.

Заодно Ленин на съезде переименовал партию из РСДРП(б) в Российскую коммунистическую партию (большевиков). Главная причина – отмежеваться от западной социал-демократии, запятнавшей себя шовинизмом. Ленин объяснял:

– Наша партия обязана выступить с возможно более решительным, резким, ясным, недвусмысленным заявлением о том, что она свою связь с этим старым социализмом рвет, и для этого перемена названия партии будет средством, наиболее способным достичь цели[1376].

Именно в эти, брестские дни Ленин согласился, что стране нужна армия. И начал принимать соответствующие управленческие решения. VII съезд принял решение о всеобщем обучении населения военному делу… «Каждый рабочий, каждая работница, каждый крестьянин, каждая крестьянка должны уметь стрелять из винтовки, револьвера или из пулемета!»[1377]. Первого марта Ленин пишет: «Отовсюду идут телеграммы о готовности стать на защиту Советской власти и сражаться до последнего человека… Красная Армия – безусловно великолепный боевой материал, но материал сырой, необработанный. Для того, чтобы ее не сделать пушечным мясом для германских орудий, ее необходимо обучить, дисциплинировать»[1378].

Бывший генерал Парский, которого Ленин назначил командовать Нарвским боевым участком, требовал войск. «Войск в полном смысле этого слова еще не было, но военную силу все же удалось выставить чрезвычайно быстро, – замечал Еремеев. – Первыми были двинуты готовые уже номерные батальоны 1-го корпуса. Формирование и обучение не прерывалось и шло в спешном темпе. Кроме того, сейчас же заработали вербовочные комиссии в каждом районе Петрограда»[1379]. Военная стратегия Бонч-Бруевича не простиралась дальше создания «завесы», в

которую «входит пехота и артиллерия с придачей вспомогательных войск и технических средств; конница придается для действий впереди “завесы” (в качестве разведки) и для поддержания связи между частями. Вся “завеса”, прикрывающая границы Республики, составляет два фронта: Северный – под командованием Парского и Западный – под начальством генерала Егорьева… «Смысл «завесы» еще и в том, она являлась в то время едва ли не единственной организацией, приемлемой для многих генералов и офицеров царской армии, избегавших участия в гражданской войне, но охотно идущих в “завесу”, работа в которой была как бы продолжением старой военной службы»[1380]. Из этих небольших отрядов «впоследствии развернулись целые дивизии»[1381]. Северный и Западный фронты вскоре пополнились третьим: Южный фронт протянется через Северный Кавказ и на востоке дойдет до Волги.

Ленин к этому времени уже испытывал очевидное раздражение к коллективному руководству вообще, а в военном ведомстве – особенно. Заседания Комитета обороны, куда входило несколько десятков политиков, в том числе и левых эсеров, явно угнетали Ленина и Свердлова[1382]. После очередного затянувшегося до утра заседания Ленин распустил Комитет обороны.

Ленин доразогнал руководство военного ведомства. На имя председателя СНК 4 марта поступило заявление от Крыленко: «Настоящим прошу освободить меня от обязанности Верховного главнокомандующего и комиссара по военным делам»[1383]. 5 марта было опубликовано постановление СНК о создании Высшего военного совета в составе Троцкого, Подвойского и Бонч-Бруевича, которому поручалось «руководство всеми военными операциями с безусловным подчинением Высшему совету всех без исключения военных учреждений и лиц»[1384].

При Бонч-Бруевиче как военном руководителе ВВС, был сформирован штаб, который «разместился в поезде, по-прежнему стоящем на путях Царскосельского вокзала, порой даже с прицепленным паровозом»[1385]. Впрочем, стоять там штабу Красной Армии оставалось недолго.

Организацию переезда из Петрограда в Москву Ленин возложил на другого Бонч-Бруевича – Владимира. Тот обладал информацией, что «эсеры решили во что бы то ни стало взорвать поезд правительства». Поэтому были предприняты все меры для сохранения операции по эвакуации в тайне.

Было решено ехать с Цветочной площадки соединительных путей, за Московской заставой. «Площадка эта была совершенно

заброшена, находилась в пустынном месте пригородных путей. Мы решили накопить здесь постепенно вагоны, потом сразу, когда потребуется, сформировать поезд и выехать без огней, пока не достигнем главных путей. Всю бригаду, начиная с машиниста, исподволь мы подбирали так, что в конце концов мы вполне могли на нее положиться и надеяться».

Бонч-Бруевич распорядился приготовить два экстренных пассажирских поезда на Николаевском вокзале. «В этих поездах я хотел отправить работников комиссариатов, все имущество Управления Делами Совнаркома, всех служащих управления и все то необходимое, что нужно было в первые дни жизни правительства в Москве. Эти поезда я решил грузить открыто… Мне лишь надо было отвлечь внимание от Цветочной площадки… Поздно вечером 9 марта были вручены в запечатанных конвертах всем народным комиссарам и тем товарищам, которые должны были ехать в нашем правительственном поезде, секретные предписания о выезде».

Десятого марта в 21.30 покинули Смольный. «В нашем автомобиле ехали ВИ, Надежда Константиновна, Мария Ильинична, Вера Михайловна Величкина (Бонч-Бруевич) и я…

– Заканчивается петроградский период деятельности нашей центральной власти. Что-то скажет нам московский? – тихо произнес ВИ, когда мы уселись в автомобиль.

Все молчали. Чувствовалось общее понимание важности момента. Столица государства, через двести лет, вновь переносилась в Москву… Мы подкатили к последнему поезду у Цветочной площадки, где нас встретил мой постоянный сотрудник М. Д. Цыганков и другие товарищи, которые, освещая путь маленькими электрическими фонариками, бережно вели ВИ и его спутниц в предназначенный ему салон-вагон. Звякнуло, стукнуло, и мы без свистков, плавно отошли без малейшего освещения.

– Что же, мы так и будем сидеть во тьме? – запротестовал ВИ.

– Нам только бы выйти на главные пути, а у нас везде электричество, – ответил я ВИ и зажег лампочку.

– Вот это хорошо! – воскликнул он. – Можно будет почитать…

Как только мы вышли на главные пути и пошли, усиливая ход, на Любань, тотчас же поезд осветился. Во всех вагонах шторы везде были задернуты и проверены. Всем было запрещено выходить на станциях, дабы не возбуждать излишнего любопытства. Ход нашего поезда ускорился. У ВИ собрались товарищи, и мы принялись пить чай. Весело шла наша беседа. ВИ шутил, смеялся и, видимо, был доволен строгой, чисто военной организацией, дисциплиной латышского отряда, начальник

которого как из-под земли вырастал после каждой станции, с рапортом, что поезд прошел такую-то станцию и что и на станции, и в поезде все благополучно».

Вот только поезд № 4001 первого лица в государстве под охраной двухсот латышских стрелков безбожно отставал от расписания. «Оказалось, что после отправки первого поезда с Николаевского вокзала, перед нашим, с товарных путей проскочил громадный товарный поезд, весь загруженный матросами, самовольно возвращавшимися из Петрограда на родину, что матросы вооружены и что, несмотря на все заявления начальников станций, они не пропускают наш поезд, идут медленно и тем нас сильно задерживают… В Вишере мы остановились у перрона… Я сделал распоряжение, на всякий случай, выкатить пулеметы, занять ими все тормоза нашего поезда и взять на прицел пулеметов поезд с матросскими беглецами… В матросском поезде сразу заметили пулеметы и стали выскакивать из вагонов и прятаться по ту сторону поезда. Я взял с собой отряд в десять человек, приблизился к поезду и предложил, чтобы все немедленно шли в вагоны. Матросы… так же быстро, как выскакивали, влезли в вагоны. Некоторые вагоны были закрыты. Мы отворили их, желая посмотреть, что там. Цыганков, сам бывший матрос, быстро влезал туда и отрапортовывал:

– Так что там вооруженные…

Я распорядился сейчас же всех разоружить»[1386].

Путь Председателя Совнаркома в новую столицу был свободен.

Глава 6
На удержание

Ты знаешь
путь
на завод Михельсона?
Найдешь
по крови
из ран Ильича.

Мирная передышка и внеочередные задачи

Ленин был определен в гостиницу «Националь» – на углу Тверской и Моховой.

Гостиницу назвали первым домом Советов. У Ленина на втором этаже были две комнаты, как подчеркивала Крупская, с ванной. «Была весна, светило московское солнце. Около “Националя” начинался Охотный ряд – базар, где шла уличная торговля; старая Москва с ее охотнорядскими лавочниками, резавшими когда-то студентов, красовалась вовсю». Все попадавшие тогда из Петрограда в Москву удивлялись, что в последней еще оставалось продовольствие, теплилась богемная жизнь, работали многочисленные, хотя в основном уже подпольные кафе.

Это большевики быстро исправят: скоро торговать станет нечем. Впрочем, оставались некоторые военные припасы. «Нас в “Национале” кормили английскими мясными консервами, которыми англичане кормили своих солдат на фронтах… В “Национале” жили мы все же на бивуаках. Ильичу хотелось поскорее обосноваться, чтобы начать работать, и он торопил с устройством. Правительственные учреждения и главных членов правительства решено было поселить в Кремле»[1387].

Но жить там было негде. «Надо было приготовить Кремль, неотопленный, необорудованный, с разбитыми стеклами, для размещения правительственных учреждений, для заседаний и для квартир, – вспоминал командовавший Московским военным округом Николай Иванович Муралов. – Это дело поручено было архитектору тов. Малиновскому. Мы начали обходить здания. Ильич потребовал конкретного доклада Малиновского, что, как и когда будет сделано. В этот раз Ильич был очень раздражителен: бесхозяйственность, расхлябанность, отсутствие реального плана ремонта, неуверенность в сроке ремонта возмущали Ильича»[1388].

Пока же Ленин руководил из «Националя», в суете решал текущие вопросы. Первыми среди них оставались мир с Германией и армия.

IV Чрезвычайный съезд Советов, которому предстояло ратифицировать Брестский мир, проходил 14–16 марта. Зарубежного вмешательства на съезде было почти незаметно – посольства в Вологде, дипломаты, остававшиеся в Питере, за небольшим исключением еще оттуда не приехали. «Все эти дни в залах и кулуарах съезда маячила знакомая фигура полковника Робинса», – замечал Вильямс. Самым существенным актом вмешательства стало неожиданная телеграмма, которую

направил съезду президент Вильсон и передал Ленину Робинс. «Делегаты рабочих и крестьян всей России – от Одессы до Мурманска, от Владивостока и Иркутска до западных границ страны – спокойно выслушали короткое послание президента, – зафиксировал Вильямс. – Единственные слова, имевшие для них какой-либо смысл – а в этом они очень быстро разобрались, – были: “Правительство Соединенных Штатов в настоящий момент, к сожалению, не в состоянии оказать прямую и эффективную помощь, которую оно желало бы оказать…” Все остальные фразы о возможной помощи в будущем, о восстановлении “великой роли” России среди других народов и т. д. оставили их совершенно равнодушными»[1389].

Если Вильсон хотел убедить Россию не ратифицировать Брестский мир и приступить к решительным военным действиям против Германии, то он явно в этом не преуспел. Ответ Ленина не был верхом любезности: «Ставши нейтральной страной, Российская Советская республика пользуется обращением к ней президента Вильсона, чтобы выразить всем народам, гибнущим и страдающим от ужасов империалистической войны, свое горячее сочувствие и твердую уверенность, что недалеко то счастливое время, когда трудящиеся массы всех буржуазных стран свергнут иго капитала и установят социалистическое устройство общества, единственно способное обеспечить прочный и справедливый мир, а равно культуру и благосостояние всех трудящихся»[1390]. Но по пути на трибуну Ленин в последний раз поинтересовался у Робинса, можно ли рассчитывать на помощь Антанты для противостояния Германии. Тот развел руками.

Ленин выдержал очередной бой с левыми коммунистами и с левыми эсерами, по-прежнему призывавшими к революционной войне с немцами. Камков дважды назвал большевиков «приказчиками германского империализма». На оборонческих позициях оставались меньшевики, призывавшие «создать новую власть, которая могла бы найти за собой достаточно сил чтобы и возможностей, чтобы сорвать этот мир»[1391]. Ленин тоже был резок:

– Когда они только кричат: похабный мир, ни слова не говоря о том, кто довел армию до этого положения, я вполне понимаю, что это буржуазия с делонародовцами, меньшевиками-церетелевцами, черновцами и их подголосками (аплодисменты), я вполне понимаю, что это буржуазия кричит о революционной войне… Это понятно от людей, которые, с одной стороны, наполняют страницы своих газет контрреволюционными писаниями…

– Закрыли все, – несется с мест левых эсеров.

– Еще, к сожалению, не все, но закроем все[1392], – обнадежил Ленин. Бурные аплодисменты.

Мировой пролетариат уже спешит на помощь, «эпоха победы мировой социалистической революции» не за горами. Поздно ночью 15 марта за «разбойничий мир» проголосовали 784 человека, против – 261, воздержались – 115. Среди воздержавшихся был Бухарин и другие сторонники революционной войны.

РКП(б) с трудом, но сохранила единство, поскольку левые коммунисты смирили гордыню. Совершенно иначе обстояло дело с левыми эсерами. Хрупкий союз с ними не выдержал Бреста. В знак протеста левые эсеры покинули Совнарком и перешли к крайним методам борьбы и против мирного договора, и против ленинского правительства. А для Антанты большевики стали еще и людьми, предавшими союзнические обязательства России.

Как оценивать брестскую эпопею Ленина? Конечно, невозможно просчитать все альтернативы и точно оценить, кто был прав – Ленин или его оппоненты. И все же на ум приходит известное высказывание Уинстона Черчилля о том, что когда выбор стоит между войной и позором и ты выбираешь позор, то в итоге получаешь и то, и другое. Брестский мир, по-моему, как раз тот случай. Большевики получили беспрецедентно позорный мир. И получат войну.

IV съезд Советов 17 марта принял уже официальное постановление о переносе столицы из Петрограда в Москву. Но опасения по поводу безопасности столиц сохранялись. А потому, как подтверждал Муралов, «на всякий случай Ильич признавал необходимым часть государственных ценностей увезти не только из Петрограда, но даже и из Москвы подальше в глубь России…»[1393]. Назад они уже не вернутся.

Наконец Свердлов и Бонч-Бруевич повели Ленина в Сенатский корпус смотреть будущую квартиру. Свидетельствовала Крупская: «По старой каменной лестнице, ступеньки которой были вытоптаны ногами посетителей, посещавших это здание десятки лет, поднялись мы в третий этаж, где помещалась раньше квартира прокурора судебной палаты. Планировали дать нам кухню и три комнаты, к ней прилегавшие, куда был отдельный ход. Дальше комнаты отводились под помещение Управления Совнаркомом. Самая большая комната отводилась под зал заседаний. К ним примыкал кабинет ВИ, ближе всего помещавшийся к парадному входу, через который должны были входить к нему посетители. Было очень удобно. Но во всем здании была невероятная грязь, печи были поломаны,

потолки протекали. Особенная грязь царила в нашей будущей квартире, где жили сторожа. Требовался ремонт. Временно нас поселили в Кремле в так называемых «кавалерийских покоях», дали две чистые комнаты»[1394]. Кухню и столовую пришлось делить с семьей Троцкого.

В апреле отремонтировали квартиру в Сенате (нынешний Президентский корпус, где работает и Путин). Ленин заселился туда с супругой, сестрой Маняшей, домработницей и котом. Общая площадь квартиры была более 300 м^2. Для Ленина позднее сделают два лифта – один в квартиру, а другой – на крышу, где организуют террасу для прогулок. У квартиры Ленина была установлена сдвоенная караульная служба: один сотрудник в штатском – от его личной охраны из чекистов, другой – часовой в военной форме из курсантов военной школы ВЦИК[1395]. За семьей закрепили машины из бывшего императорского гаража: французские «Тюрат-Мери» и «Рено» и английский «Роллс-Ройс».

Теперь Ленин гулял под защитой кремлевских стен, предпочитая тротуар «напротив Большого дворца, здесь было глазу где погулять, а потом любил ходить внизу вдоль стены, где была зелень и мало народу… Около здания “судебных установлений” стоял окрашенный в розовую краску Чудов монастырь, с маленькими решетчатыми окнами; у обрыва стоял памятник Александру II; внизу ютилась у стены какая-то стародревняя церковь»[1396]. Им недолго оставалось стоять и ютиться. Это был еще старый Кремль, не тронутый рукой большевиков, которая изменит сердце России до неузнаваемости.

Когда Брестский мир уже стал реальностью, а государственные структуры еще перебирались в Москву, Ленин задумался о том, какую же все-таки политику ему проводить и как соотносить ее со «штурмом неба». Программа среднесрочных преобразований была сформулирована им в «Очередных задачах Советской власти», набросках к ним и ряде выступлений в марте – апреле 1918 года. Это был уже не совсем тот Ленин, который писал «Государство и революцию». Или даже совсем не тот. Никаких даже намеков на отмирание государства в «Очередных задачах» обнаружить нельзя. Ленин с весны 1918 года стал проповедником… *государственного капитализма*! На заседании ВЦИК 29 апреля он однозначно заявит:

– Мы имеем образец государственного капитализма в Германии. Мы знаем, что она оказалась выше нас. Но если вы подумаете хоть сколько-нибудь над тем, что бы значило в России, Советской России обеспечение основ такого государственного капитализма, то всякий не сошедший с ума человек и не забивший себе голову обрывками книжных истин должен был бы

сказать, что государственный капитализм для нас спасение». В Германии в тот момент существовала исключительно жесткая мобилизационная модель, позволявшая выжимать последние ресурсы для поддержания фронта и прокорма голодающего населения.

Ленин утверждал, что главной задачей является «работа налажения чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей». Для этого нужно для начала восстановить управляемость страной. «Мы, партия большевиков, Россию *убедили.* Мы Россию *отвоевали.* Мы должны теперь Россией *управлять*».

Ленин оптимистично настроен по поводу предстоящего мирного периода развития: «На очередь дня выдвигается восстановление разрушенных войной и хозяйничаньем буржуазии производительных сил; излечение ран, нанесенных войной, поражением в войне, спекуляцией и попытками буржуазии восстановить свергнутую власть эксплуататоров; экономический подъем страны; прочная охрана элементарного порядка». Обеспечить порядок должны строгие учет и контроль. «Веди аккуратно и добросовестно счет денег, хозяйничай экономно, не лодырничай, не воруй».

Особую и неожиданную роль для борца с капиталом Ленин теперь отводил банкам. «Чтобы продолжать дальше национализацию банков и идти неуклонно к превращению банков в узловые пункты общественного счетоводства при социализме, надо прежде всего и больше всего достигнуть реальных успехов в увеличении числа отделений Народного банка, в привлечении вкладов, в облегчении для публики операций внесения и выдачи денег, в устранении “хвостов”, в поимке и *расстреле* взяточников и жуликов и т. д.».

Любопытно, что «государственный капитализм» в ленинском умственном хозяйстве мирно уживался с доведением до конца дела экспроприации экспроприаторов и изживания капиталистов. «На очередь дня выдвигается поэтому новая, высшая форма борьбы с буржуазией, переход от простейшей задачи дальнейшего экспроприирования капиталистов к гораздо более сложной задаче создания таких условий, при которых бы не могла ни существовать, ни возникать вновь буржуазия». Отвечая критикам вброшенного им лозунга «грабь награбленное», Ленин утверждал:

– Как я к нему ни присматриваюсь, я не могу не найти в нем что-нибудь неправильное. Если выступает на сцену история. Если мы употребляем слова: экспроприация экспроприаторов, то –

почему же здесь нельзя обойтись без латинских слов?

Ленин предлагал ужесточить диктатуру пролетариата, напротив, считал он, «наша власть – непомерно мягкая, сплошь и рядом больше похожая на кисель, чем на железо»[1397].

Вместе с тем к весне 1918 года Ленин сообразил, что просто изгоняя представителей «эксплуататорских классов», к которым относили и интеллигенцию, и научно-технический персонал, и офицерство, большевики остаются с одними пролетариями, не сильно способными к управлению производством или чем-то еще. Отсюда революционная (точнее, совершенно контрреволюционная) идея привлечения «буржуазных специалистов», особенно тех, «кто был занят практической работой организации крупнейшего производства в капиталистических рамках, и значит в первую голову – организацией синдикатов, картелей и трестов… Прежние вожди промышленности, прежние начальники и эксплуататоры, должны занять место технических экспертов, руководителей, консультантов, советчиков». Но долго полагаться на спецов нельзя, надо готовить собственную производственную элиту, чтобы избавиться «от всякой “дани” этим специалистам».

Некоей панацеей Ленину тогда виделась и американская система Тейлора! «Надо создать в России изучение и преподавание системы Тейлора, систематическое испытание и приспособление ее». Но все эти буржуазные и американские штучки сработают только в сочетании с жесткими мерами для укрепления трудовой дисциплины. На президиуме ВСНХ 1 апреля Ленин утверждал:

– При капиталистическом строе увольнение было нарушением трудовой сделки. Теперь же при нарушении трудовой дисциплины, особенно при введении трудовой повинности, свершается уже уголовное преступление, и за это должна быть наложена определенная кара.

А как насчет позитивных стимулов повышения производительности труда? Организация соревнования, которое должно было стать заменой капиталистической конкуренции и «занять видное место среди задач Советской власти в экономической области». Плюс к этому распространение передового опыта с помощью средств массовой информации.

При демократизме советских процедур – жесткое единоначалие, «*беспрекословного повиновения* масс *единой воле* руководителей трудового процесса». И одновременно Ленин отстаивал переход управления производством в руки огосударствленных профсоюзов, что было мало совместимо с предложениями сделать управление более квалифицированным и

централизованным. «Профессиональные союзы становятся и должны стать государственными организациями, на которые в первую очередь ложится ответственность за реорганизацию всей хозяйственной жизни на началах социализма».

Вывод: «Железная дисциплина и до конца проведенная диктатура пролетариата против мелкобуржуазных шатаний – таков общий и итоговый лозунг момента… Нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата»[1398]. Вот, собственно, и все.

Ленин в 1921 году самокритично оценит первоначальную логику экономической политики:

– Тогда предполагалось осуществление непосредственного перехода к социализму без предварительного периода, приспособляющего старую экономику к экономике социалистической. Мы предполагали, что, создав государственное производство и государственное распределение, мы этим самым непосредственно вступили в другую, по сравнению с предыдущей, экономическую систему производства и распределения… Это мы говорили в марте и апреле 1918 г., но мы совершенно не ставили вопроса о том, в каком соотношении окажется наша экономика к рынку, к торговле[1399].

Это был первый в истории человечества опыт отказа от рыночной экономики и ее замены… Чем? Ленин и сам точно не знал. Чем-то похожим на то, о чем за полвека до этого писали Маркс и Энгельс с добавлением эклектичного набора новых творческих идей, прямо противоречивших друг другу. Последствия были не менее катастрофическими, чем от набора экономических новаций, реализованных из Смольного.

Статья об «Очередных задачах» вышла в «Известиях» 28 апреля, а на следующий день Ленин озвучил изложенные там идеи на заседании ВЦИК. «Чтобы дать возможность рабочему активу услышать доклад Ильича, доклад этот делался в Политехническом музее. Ильича встретили бурной овацией, слушали с громадным вниманием…»[1400]. Критики тоже не заставили себя ждать. Идеи Ленина вызывали полное непонимание левых эсеров и левых коммунистов, которые совсем не так представляли себе царство свободы, точно не как заимствование опыта немецкого империализма и государственный капитализм при Советской власти. Поэтому в мае – ненадолго – Ленин приступает к борьбе с «левым ребячеством». «Вчера гвоздем текущего момента было то, чтобы как можно решительнее национализировать, конфисковать, бить и добивать буржуазию, ломать саботаж, – писал он. – Сегодня только слепые не видят, что мы больше нанационализировали,

наконфисковали, набили и наломали, *чем успели подсчитать*»[1401].

Не оправдались и расчеты Ленина на мирную передышку.

С начала I Мировой войны Ленин неустанно выступал за превращение империалистической войны в гражданскую – для свержения императора и буржуазии. Но Ленину совершенно не нужна была гражданская война для свержения его самого. Но – бойтесь своих желаний.

У Гражданской войны имелся глубокий внутрироссийский контекст. Борис Савинков справедливо замечал: «Но не следует забывать, что в наших боях русские деревни горели, зажженные русскими снарядами, что над нашими головами свистели русские пули, и что русские расстреливали русских и что русские рубили саблями русских»[1402].

«Одни восстали из подполий,
Из ссылок, фабрик, рудников,
Отравленные темной волей
И горьким дымом городов.
Другие из родов военных,
Дворянских разоренных гнезд,
Где проводили на погост
Отцов и братьев убиенных»[1403].

Трагедия гражданской войны (описанная в этом отрывке из Максимилиана Волошина), в огне которой сгорели миллионы россиян, и ее жестокость объяснялись тем, что все стороны решали вопросы физического выживания. Проигравшего ждала смерть или, в лучшем случае, изгнание. Большевики вовсе не хотели, чтобы их «задушили в колыбели». Ничуть не больше желали собственной гибели люди, зачисленные большевиками в подлежащую экспроприации и подавлению «буржуазию», в чьи ряды оказались зачислены те, кто никогда и близко не стоял к этой социальной группе. «Истребление буржуазного класса шло самыми разнообразными путями: отнятием собственности, выселением из жилища, голодным пайком, трудовой повинностью, лишением свободы; наконец, казнями без конца, без счета»[1404], – описывал Деникин причины роста рядов белого воинства.

Михаил Васильевич Фрунзе объяснял ожесточение войны самой ее природой: «В случае национальной войны государства, стремясь к полному разгрому, на худой конец могут примириться с половинчатыми результатами… Совсем не то при войне классовой, при войне гражданской, – исходом ее может быть

только полный разгром одной стороны, половинчатые решения, раз война началась, невозможны… Здесь нельзя было остановиться на полпути. Нужно было победить полно и всеобъемлюще»[1405]. Для этого нужна была армия, которой все еще не было.

Основные оргвыводы по результатам Бреста были сделаны в постановлении СНК от 13 марта: «Тов. Троцкого назначить членом Высшего военного совета и исполняющим обязанности председателя этого совета… Товарища Подвойского согласно его ходатайству от должности военного комиссара по военным делам освободить. Народным комиссаром по военным делам назначить тов. Троцкого. Должность главнокомандующего согласно предложению, сделанному товарищем Крыленко Совету Народных Комиссаров, упраздняется»[1406]. Троцкий не имел вообще никакого военного опыта, поскольку, как и все большевистские лидеры, уклонился от призыва.

Военный совет на своем поезде тоже приехал в Москву. Михаил Бонч-Бруевич «ознакомился вполне с действительным положением немецкого фронта и об этом по приезде в Москву доложил Ленину. Та разведывательная завеса, которая была организована нами вокруг Петрограда, к этому времени дотянулась до Витебска, очертив определенный фронт… Московский период моей работы должен быть охарактеризован как период подготовки будущей Красной Армии. Я неоднократно по всевозможным вопросам военной практики беседовал с тов. Лениным. Этот период наших бесед подготовил почву для формирования будущей армии на началах принудительности и отказа от выборности командного состава»[1407]. Однако первые результаты будут видны не скоро.

Даже первомайский военный парад был сорван, о чем рассказывал Муралов: «1 мая войска должны были прийти для парада на Ходынку в определенный час. Аккуратно прибыл один латышский полк, другой запаздывал, еще более запаздывали части из районов… В ожидании прихода войск мы вместе с Л. Д. Троцким расположились в здании бывшего Петровского дворца. Парадом командовал начдив латышской тов. Вацетис. У меня “скребло” на сердце, нервничал и Лев Давыдович. Вдруг прибегает связист и сообщает, что на Ходынку приехал ВИ. Ну, совсем дело плохо. Лев Давыдович и я поспешили на поле, стали обходить войска; видим, действительно тихим ходом на автомобиле объезжает группы рабочих тов. Ленин. Сгорая от стыда, я подошел к Ильичу. Поздоровавшись, Ильич сказал:

– Ну что, товарищ Муралов, кажется, наши войска не совсем аккуратны?

Он сделал ударение на “наши”. Я готов был провалиться сквозь землю»[1408].

В мае штаб Красной Армии был переведен в Муром. «В это время тов. Ленин уже не принимал непосредственного участия в военных делах, предоставляя это дело главным образом тов. Троцкому и Подвойскому. Но зато, когда на юге началось алексеевское и корниловское движение, тов. Ленин снова возвращается к непосредственному руководству нашими операциями по борьбе с южными армиями»[1409].

Справедливости ради, армии весной 1918 года не существовало и у противников режима. «В начале марта 1918 года, кроме небольшой Добровольческой армии, в России не было никакой организованной силы, способной бороться против большевиков… Казалось, что страна подчинилась большевикам, несмотря на унижение Брест-Литовского мира»[1410], – замечал Савинков. Но после Бреста «неорганизованное сопротивление захватчикам власти быстро стало превращаться в широкое, активное движение народных масс»[1411], – констатировал Керенский.

При осаде Екатеринодара 31 марта Корнилов погиб от осколка снаряда. Командование Добровольческой армией принял на себя Деникин. Он снял осаду с Екатеринодара и вернулся на Дон. «Но вот Терек и Кубань стали наводняться бросившей Кавказский фронт армией… и в середине апреля Северный Кавказ оказался насыщенным оседавшими по станциям солдатами распавшейся царской армии. Тогда и иногородние, работавшие у казаков и нанимавшие у них землю, подняли голову и начали передел земли. Советская власть закрыла базары и стала отбирать излишки продуктов, и совершилось “чудо”. Идея “отечества”, не находившая до сих пор отклика в массах, вдруг стала понятна зажиточному казачеству настолько, что для организации отрядов не приходилось уже агитировать, а станицы сами присылали за офицерами и выступали “конно, людно и оружно”»[1412], – замечал генерал Слащёв.

На Северный Кавказ, пройдя Украину, вступили немцы. Добровольцы Деникина были категорически против сотрудничества с ними, считая их захватчиками. В этих условиях «Деникин избрал политическое непредрешенчество в вопросе будущей формы правления в России и выступил за союз с государствами Согласия, продолжая считать Германию противником России»[1413]. Но в Новочеркасске Круг спасения Дона избрал атаманом генерала Краснова, вступившего с немцами в партнерские отношения. Деникин и Краснов не смогли

договориться о координации действий. В новый поход Добровольческая армия, насчитывавшая 9 тысяч штыков и сабель, вышла в одиночестве.

В столицах и крупных городах плодились разного рода антибольшевистские группы.

Политическая оппозиция – эсеров и меньшевиков – после разгона Учредительного собрания и до начала широкомасштабной Гражданской войны действовала более или менее легально. В мае меньшевики провели в Москве Всероссийское партийное совещание, призвавшее к «замене Советской власти властью, сплачивающей силы всей демократии». Тогда же прошел 8-й съезд партии эсеров, принявший решение о «ликвидации большевистской власти». Анархисты разрывались между симпатиями к большевикам и борьбой с ними. Те же политические силы, но вместе с монархистами, составляли ядро и быстро плодившихся подпольных организаций. И все они находились в тесном контакте с дипмиссиями стран Антанты и их спецслужбами.

В Москве действовала французская разведка под руководством капитана 2-го ранга Анри Вертамона. Миссия Соединенных Штатов работала через «информационное бюро», которое создал американский бизнесмен русско-греческих кровей Ксенофонт Каламатиано. Британской миссией и одновременно спецслужбами в Москве руководил Локкарт. Впрочем, заметную самостоятельность проявлял и Сидней Рейли, одесский авантюрист высокого полета, официально – ирландец, в марте 1918 года принятый на службу в разведке Его Британского Величества.

Керенский в мае перебрался в Москву из Петрограда и установил контакты с двумя крупными подпольными организациями: «Союз возрождения России», который объединял активных эсеров, меньшевиков, энесов; и «Всероссийский Национальный центр», включавший кадетов, октябристов, офицеров. Было достигнуто соглашение между «Союзом возрождения» и французским послом в Москве, который, по его словам, представлял всех союзников. Предполагалось, что в одном из освобожденных городов России соберутся наличные члены Учредительного собрания и провозгласят всероссийское демократическое правительство. «Это новое правительство вместе с западными союзниками России возобновит войну с Германией. А союзники будут продолжать оказывать России всю возможную помощь вооружением и войсками… Для начала движения внутри России была выбрана Самара. Туда с весны стали съезжаться члены Учредительного собрания»[1414]. Сам же Керенский сбежит

за границу с полученным от Локкарта сербским паспортом.

Еще одной крупной подпольной организацией стал “Союз защиты Родины и Свободы” Савинкова. С апреля Союз содержали государства Антанты и их спецслужбы, о чем Локкарт писал откровенно[1415]. «К концу мая мы насчитывали в Москве и в тридцати четырех провинциальных городах России до 5500 человек… В Петрограде члены Союза работали на флоте, чтобы привести корабли в негодность, если немцы войдут в Петроград. В Киеве они организовали партизанскую борьбу в тылу немцев. В Москве они подготовляли убийство Ленина и Троцкого и готовились к вооруженному выступлению…»[1416].

Большевики чувствовали шаткость своих позиций. «К апрелю 1918 года даже кое-кто из большевиков, по крайней мере, из тех, с кем я беседовал на эту тему, в глубине души опасался, что их период власти будет коротким»[1417].

Значительную часть страны Ленин никак не контролировал. После Бреста немцы определяли политику в западной части бывшей Российской империи, стремительно разбираясь с подаренным им в Бресте миллионом квадратных километров с 56-миллионным населением. «Право самоопределения предоставлялось Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве, Русской Польше, Украине, Бессарабии и Кавказу; все эти вновь созданные государства должны были вести самостоятельную национальную жизнь под руководством победоносной Германии и совершенно независимо от разбитой коммунистической России»[1418], – писал Черчилль.

Прибалтике немцы быстро организовали «свободные выборы». Курляндский ландтаг принял решение о воссоздании Курляндского герцогства с приглашением на трон самого германского императора Вильгельма II. Сочтя это недостаточным, 12 апреля в Риге собрали еще один ландтаг из представителей дворянства Курляндии, Лифляндии, Эстляндии и острова Эзель (Саарема), который продекларировал их отделение от России и создание на их территории Балтийского герцогства под скипетром брата кайзера Генриха Гогенцоллерна. Литовская тариба (Совет) во главе со А. Сметоной провозгласила Литву королевством и пригасила на престол вюртембергского принца Вильгельма фон Ураха под именем Миндаугаса XI.

В Минске 25 марта Белорусская Рада с согласия оккупационных властей провозгласила независимость Белоруссии и просила кайзера принять ее «под свое покровительство». Но тут Берлин выступил решительно против: белорусские земли должны были быть поделены между Польшей, Литвой и Украиной[1419].

Ключевая роль отводилась немцами Украине, откуда

намеревались получать продовольствие «в первую очередь для Австро-Венгрии, затем и для нашей Родины, а кроме того, сырье для нашей военной промышленности и нужд армии»[1420]. Немецкая оккупация Украины – по железным дорогам – была стремительной, «сопротивление было повсюду сломлено, и наступление проведено по всей Украине до степей Донской области…»[1421]. Донецко-Криворожская Советская Республика, возникшая на Харьковщине и Екатеринославщине, сопротивлялась дольше других. Но немцы, не останавливаясь, катились дальше, заняв Ростов и Батайск и устремившись в Закавказье.

Украинская Рада вернулась в Киев в обозе немецких войск. Но Берлин сделал ставку на генерал-лейтенанта Скоропадского. Был в экстренном порядке созван 29 апреля съезд хлеборобов в Киеве с участием 9 тысяч человек, которым было предложено провозгласить его гетманом Украины. Ленин 6 мая шлет отчаянную радиограмму Сталину, который в Курске ждал для переговоров представителей Рады: «В Украине государственный переворот. Полное восстановление буржуазно-помещичьей власти. У нас происходит экстренное совещание ЦК партии обо всем этом. Ваша политика – изо всех сил ускорять заключение перемирия и мира, конечно, ценой новых аннексий». Российской земли – не жалеть! Но с кем вести переговоры? Немцы услужливо предложили партнером Скоропадского. Ленин де-факто признает его легитимность, написав 8 мая Чичерину: «А не послать ли нам все же *тотчас* делегацию в Киев? По-моему, *послать*. Неразумно ждать формальных гарантий от немцев, ибо фактически их заявление есть гарантия, а потеря времени *вредна нам*, полезна немцам»[1422]. Но Киеву уже не о чем было говорить с Лениным, судьбу Украины вершили в Берлине.

Меж тем немцы вошли в Крым и нацелились на базировавшийся в Севастополе Черноморский флот. Москва приняла решение его увести, и 29–30 апреля корабли перебазировались в Новороссийск. Немцы возмутились и потребовали флот вернуть на место, чтобы они могли им распорядиться, угрожая в противном оккупировать все Черноморское побережье. 11 мая в Кремле изваяли «Протест германскому правительству против оккупации Крыма». Но Ленин был не против сдать флот Германии при условии обеспечения ею мира Москвы с Украиной, Финляндией и Турцией и «не-аннексии Севастополя». В Берлине условия не приняли. Тогда Ленин не нашел ничего лучшего, как отдать 24 мая приказ: «Ввиду безысходности положения, доказанной высшими военными авторитетами, флот уничтожить немедленно»[1423]. Чего там

мелочиться! В июне дредноут «Свободная Россия» и восемь эскадренных миноносцев были затоплены у Новороссийска.

Столь же непринужденно Германия распорядилась судьбой Финляндии.

Третьего апреля в Ханко высадилась немецкая дивизия под командованием генерал-майора фон дер Гольца, которая решила исход гражданской войны в Финляндии, действуя согласованно с частями Маннергейма. Гинденбург назвал это помощью Финляндии «в ее освободительной борьбе против российского деспотизма»[1424].

Сейм не только разорвал все отношения с Советской Россией, финское правительство объявило ей войну, имея в виду отторгнуть территории Южной и Восточной Карелии и Мурманского побережья.

Германия – и союзная ей Турция – вовсю хозяйничали и в Закавказье. Как только Троцкий хлопнул дверью в Брест-Литовске, турецкая армия начала наступление. За три недели армейская группировка «Кавказ» при поддержке иррегулярных курдских отрядов овладела ранее занятыми российскими войсками Эрзинджаном, Байбуртом, Трабзоном, Эрезуром и вышла на границу 1914 года. По Брестскому миру Турция присоединила к себе Батум, Карс, Ардаган – при условии проведения там референдума, при котором граждане сами определят, к какой державе относиться – в обмен на прекращение военных действий против России. Но аппетит у турок приходил во время еды, и они заняли уже всю Карсскую и Батумскую области.

Так называемый Закавказский Сейм 22 апреля провозгласил создание независимой Закавказской Демократической Федерации во главе с Гегечкори. Ленину оставалось возмущаться, что «дельцы Кавказской рады», несмотря на неоднократные запросы из Москвы, не удосужились сообщить, на какую территорию распространяют свою независимость. «От кого независимо правительство Гегечкори? От Советской республики оно независимо, но от немецкого империализма оно немножечко зависимо»[1425]. От Закавказской Федерации немедленно отсоединилась Бакинская губерния, где власть оказалась у Совета народных комиссаров под руководством Степана Шаумяна. Взяв 15 мая Александрополь (Ленинакан, Гюмри), турки приступили к захвату Эриванской губернии, чем немедленно спровоцировали войну с армянами. 28 мая турецкие войска после ожесточенных боев с армянскими ополченцами взяли Караклис (Кировакан).

Турция в ультимативной форме потребовала роспуска Закавказской Федерации, которая распалась на три отдельных

государства. В Грузии у власти оказались меньшевики, в Армении – дашнаки, в Азербайджане – мусаватисты. Каждая из республик теперь создавала свою собственную армию. Но ни одна из них не могла соперничать с турецкой. Солдат сохранявшихся в Закавказье частей российской армии разоружали, а то и расстреливали. С мая по октябрь 1918 года Закавказье оккупировали немцы и турки.

На Северном Кавказе Союз объединенных горцев Кавказа объявил о создании собственного независимого государства – от Черного моря до Каспийского, от Абхазии до Дагестана. Одновременно независимость провозгласил Юго-Восточный Союз, включавший Кубань, Ставрополье, Терскую и Дагестанскую области.

К лету 1918 года на территории бывшей Российской империи существовало как минимум 30 правительств.

Попытались немцы вести себя как хозяева и в Москве, но с меньшим успехом. Посол Германии граф Вильгельм фон Мирбах-Харфф приехал в Россию 26 апреля. Прием при вручении верительных грамот Свердлову по понятным причинам был холодный. Ленин принял Мирбаха только 16 мая. Отношения с немецкой дипмиссией были напряженными. «Но, считаясь постоянно с фактом нашего тяжелого положения и с необходимостью уступок, ВИ всегда следил за тем, чтобы достоинство нашего государства было соблюдено, и умел находить тот предел, за которым надо было проявлять твердость» [1426], – утверждал Чичерин. Осложнились с появлением Мирбаха и отношения с Западом. Как замечал Локкарт, «момент для соглашения между большевиками и союзниками был, в сущности, упущен».

Но Ленин не оставлял попыток. Локкарт свидетельствовал, что весной 1918 года «мы с Робинсом пользовались особыми привилегиями. Мы без всякого труда добивались приема у любого из комиссаров»[1427]. Он уверял, что в весенние месяцы делал все, чтобы подвигнуть Лондон к сотрудничеству с Москвой, дабы избежать дальнейшего российско-германского сближения. А инициативу резкого крена в антибольшевистскую сторону приписывал Франции.

Основания для надежды на Америку, хотя и иллюзорные, давала линия полковника Робинса, который продолжал пытаться наладить советско-американские отношения. Он «ежедневно связывался по телеграфу с Фрэнсисом, добиваясь предотвращения японской агрессии в Сибири, встречался с Лениным и разрабатывал вместе с ним план американо-советского экономического сотрудничества»[1428]. Но позиции Робинса

слабели на глазах, «и он в начале мая покинул Россию, чтобы иметь возможность развивать свои воззрения непосредственно президенту Вильсону…»[1429]. И все же именно с США Ленин продолжал связывать возможность прорыва политической и экономической изоляции. 14 мая он предлагал отъезжавшему Робинсу «предварительный план наших экономических отношений с Америкой». Но тут же с Вильямсом послание «американским социалистам-интернационалистам»: «Я твердо верю, что в конце концов социальная революция победит во всех цивилизованных странах. Когда она наступит в Америке, она далеко превзойдет русскую революцию»[1430].

Инициатива в определении общей линии западных дипмиссий в России, которая влияла и на позиции глав государств Антанты, находилась теперь в руках французского посла Нуланса, который публично пригрозил Москве интервенцией. НКИД потребовал его отзыва, заявив, что рассматривает его как частное лицо. Ленин «сейчас же вмешался, чтобы прекратить те излишние репрессалии, от которых можно было ожидать нежелательных результатов»[1431]. Но Нуланс не выражал своего частного мнения – позиция западных столиц стала резко склоняться в сторону решительного вмешательства. Как через поддержку сил внутренней оппозиции большевикам, так и прямую военную интервенцию. «Из лиц, стоявших во главе правительств, противником агрессивной политики являлся в ту пору один президент Вильсон. Французы были сторонниками военной поддержки врагов большевиков. Английское министерство иностранных дел – …военное министерство придерживалось, по-видимому, другой политики – выступало в защиту военного выступления с согласия Советов»[1432]. И следует заметить, что такой вариант, каким бы невозможным он ни казался, Ленин вовсе не отвергал с порога. Западная военная интервенция в Россию первоначально была именно «интервенцией по соглашению» с большевиками.

В Мурманск во время I Мировой войны была в рекордные сроки проложена железная дорога для доставки военных грузов от союзников. С грузами появился и военный персонал. После Октября он и не думал уходить, поскольку уже доставленные в порт военные материалы нужно было защищать якобы от немцев. Мурманский Совет 1 марта 1918 года обратился в Совнарком за инструкциями, «в каких формах может быть приемлема помощь живой и материальной силой» со стороны Запада. Троцкий был настолько увлечен идеей сотрудничества, что сразу прислал такой ответ: «Вы обязаны принять всякое содействие союзных миссий и противопоставить все препятствия против

хищников»[1433]. Председатель Совета Юрьев распоряжение выполнил, заключив уже на следующий день «словесное соглашение», на основании которого 6 марта в порт вошел британский крейсер «Глори» с десантом морской пехоты. Следующие партии были десантированы 14 марта с английского крейсера «Кокрейн», а 18 марта с французского крейсера «Адмирал Об». Это вызвало протесты Берлина, обвинившего Москву в нарушении нейтралитета, немцы решили усилить блокаду побережья с помощью подлодок.

Ленин и Сталин пишут 26 марта Юрьеву: «Нам кажется, что Вы немножечко попались. Теперь необходимо выпутаться. Наличность своих войск в Мурманском районе и оказанную Мурману фактическую поддержку, как военно-политический акт определенного характера, англичане могут использовать при дальнейшем осложнении международной конъюнктуры как основание для оккупации». Советовали предостеречь от оккупации. «Одновременно на днях посылаем Вам отряды вооруженных красногвардейцев». Девятого апреля Сталин, указывая на опасность со стороны белофиннов, информировал Юрьева об их с Лениным позиции: «Советуем принять помощь англичан»[1434]. Однако чем дальше, тем больше присутствие англичан на Севере нервировало Москву.

Интервенция «без соглашения» началась на Дальнем Востоке. Еще 12 января на рейде Владивостока появился японский миноносец «Ивами». Через два дня в бухту Золотой Рог вошли английский крейсер «Суффолк» и японский крейсер «Асахи». Японский консул заверил местные власти, что суда прибыли для защиты японских подданных. В начале апреля кто-то убил во Владивостоке двоих японцев, после чего началась массовая высадка японских войск. Державы Антанты предпочли спонсировать и вооружать отряды атаманов Семенова, Калмыкова и Гамова, а не воевать самим. Ленин в мае отмечал, что «усилилось прямое наступление контрреволюционных войск (Семенов и др.) при помощи японцев на Дальнем Востоке, а в связи с этим ряд признаков указывают на возможность соглашения всей антигерманской империалистической коалиции на программе предъявления России ультиматума: либо воюй с Германией, либо нашествие японцев при нашей помощи». Угроза Японии воспринималась в Москве как исключительно серьезная. Ленин соглашался, что «она, имея миллионную армию, заведомо слабую Россию взять бы могла».

Пытались втянуть в интервенцию и Вильсона, но тот не горел желанием вмешиваться в дела за океаном и не был в восторге от массированного присутствия на Дальнем Востоке Японии. Так что

Ленин не без оснований возлагал надежды на межимпериалистические противоречия и пророчески заявлял 14 мая об отношениях США и Японии:

– Экономическое развитие этих стран в течение нескольких десятилетий подготовило бездну горючего материала, делающего неизбежной отчаянную схватку этих держав за господство над Тихим океаном и его побережьем… Это противоречие, временно прикрытое теперь союзом Японии и Америки против Германии, задерживает наступление японского империализма против России[1435].

Собственно, без Запада Гражданская война могла бы закончиться, едва начавшись, в первой половине 1918 года победой большевиков. Но такой исход явно не устраивал страны Антанты. Под влиянием союзников и решительно настроенных членов собственной администрации, Вильсон тоже дал добро на интервенцию.

И на мятеж чехословацкого корпуса, что явится началом уже полномасштабной Гражданской войны.

Чехословацкий дебют

Чехословацкий корпус оказался для Запада настоящей находкой.

Это была военная организация из оказавшихся в российском плену военнослужащих австро-венгерской армии из числа чехов и словаков. Ею руководил профессор Масарик, живший в Лондоне. Организации пленных чехословаков осенью 1917 года имели в России 1200 отделений, объединявших более 70 тысяч человек[1436]. «Масарик отправился в Россию, добился объединения всех чехословацких боевых единиц в один отряд и дал им национальное красно-белое чешское знамя. Благодаря его хлопотам в Париже отряд был признан частью союзной армии. С момента заключения Брест-Литовского мира отряды эти, полностью сохранившие свое вооружение, предоставили себя в распоряжение союзников для дальнейшего ведения войны»[1437]. Чехословацкий корпус был уже боевым соединением Антанты.

Локкарт дает понять, что мятеж чехословаков был французской затеей, которую он сам не одобрял. «Отлично дисциплинированные и превосходно вооруженные чехи находились под контролем французских офицеров». Не обошлось без американского следа: Масарик, как и Чехословацкий национальный совет, весной 1918 года находился в США и координировал свои действия с Вашингтоном.

Чехословацкий легион большевистское правительство непредусмотрительно разрешило эвакуировать во Францию весьма окольным путем – по Транссибу через Приморье. Что явилось причиной его мятежа? Локкарт писал: «Кто именно дал повод к столкновению, останется, вероятно, навсегда спорным, но мне стало немедленно ясно, что интервенционисты оказались теперь в существенном выигрыше»[1438]. Западная версия о спонтанности бунта организованных воинских подразделений, формально входивших в вооруженные силы Антанты и находившихся под командованием французских офицеров, мне представляется крайне маловероятной. Если же это действительно было так, то мы имели дело с самой успешной спонтанной акцией в истории человечества, в результате которой $^1/_8$ часть суши планеты Земля была взята под военный контроль за два-три месяца.

Эшелоны с чехословаками растянулись от Пензы до Владивостока, где уже скопилось порядка 8 тысяч чехословаков. 14 мая в вагон с чехословацкими солдатами из проходившего поезда, в котором везли пленных венгров, влетел металлический

предмет, ранивший кого-то из чехов. Поезд с обидчиком догнали, а самого подозреваемого в злодеянии убили. По ходу дела избили венгров, к которым славянские меньшинства Австро-Венгрии не испытывали нежных чувств. Советские власти арестовали 10 человек за самосуд. Требуя их освобождения, 17 мая легионеры начали захватывать ключевые здания в Челябинске и арестовывать советских руководителей.

Нуланс 18 мая проинформировал французского военного представителя при корпусе майора Гинэ, что «союзники решили начать интервенцию в конце июня и рассматривают чешскую армию в качестве авангарда союзной армии»[1439]. Командование осуществлялось из Ново-Николаевска (Новосибирска), где находился 27-летний командир эшелонов 2-й дивизии чешский генерал Гайда. Он и его штаб начали действовать на опережение. Утром 25 мая чехословаки захватили Марьинск. Троцкий в ответ издал приказ: «Все Советы под страхом ответственности обязаны немедленно разоружить чехословаков. Каждый чехословак, который будет найден вооруженным на линии железной дороги, должен быть расстрелян на месте; каждый эшелон, в котором окажется хотя бы один вооруженный, должен быть выгружен из вагонов и заключен в лагерь для военнопленных»[1440]. Это совсем раззадорило чехословаков, и они в тот же вечер взяли власть в Ново-Николаевске.

Быстро выяснилось, что чехословаки – самая многочисленная и организованная военная сила на востоке, а может, и во всей стране. Чехословакам сопротивлялись лишь немногочисленные наличные красногвардейцы и симпатизировавшие большевикам венгерские, австрийские и немецкие военнопленные. 27 мая Гайда отдал приказ арестовывать представителей большевистских властей, после чего легионеры уже не стеснялись разгонять Советы, где только могли. В тот же день к ногам чехословаков пал Челябинск. Ленин 29 мая писал, явно еще не представляя масштаба проблемы, что «Сызрань взята чехами. Но панике предаваться не следует. Наши силы готовят дать отпор. Необходимо, чтобы и пензяки готовились твердо, энергично. Успех нам обеспечен, если мы не сложим рук»[1441]. Но в тот день чехи взяли под контроль и Пензу, и Канск.

Самое примечательное заключалось в том, что страны Антанты даже не думали вывозить чехословаков из Владивостока: туда для этих целей не было прислано *ни одного корабля.* Москве было столь же естественно усматривать в действиях легиона руку французского и английского правительств, как и для чехословаков пребывать в уверенности, что приказы об их разоружении издаются под давлением Германии. 3 июня

Верховный совет Антанты принял решение вообще не эвакуировать Чехословацкий корпус из России. А Локкарт отправился в тот же день вместе с французскими и итальянскими коллегами в Комиссариат иностранных дел. «По поручению моего правительства я заявил им, что всякая попытка разоружить чехов или воспрепятствовать их отъезду будет рассматриваться как враждебный, инспирированный Германией акт… Чичерин походил еще больше обычного на утопленную крысу. Он уставился на нас своим меланхолическим взором. Карахан, по-видимому, совсем растерялся… Затем Чичерин откашлялся и сказал:

– Милостивые государи, я принял ваши ноты к сведению»[1442].

Москва ответила 12 июня: «Разоружение чехословаков не может быть ни в коем случае рассматриваемо как акт недружелюбия в отношении держав Согласия. Оно вызвано, прежде всего, тем, что Россия как нейтральное государство не может терпеть на своей территории вооруженных отрядов, не принадлежащих к армиям Советской республики». Позиция Москвы никого на Западе не задела. Французский представитель Жанно предписал руководству корпуса, что его цель – «подготовка Восточного фронта на Волге»[1443].

Чехословаки не скрывали своей ненависти к большевикам и своих симпатий к эсерам, которым помогали приходить к власти в зачищаемых ими городах – Самаре, Симбирске, Казане, Уфе. Там свою власть установил Комитет членов Учредительного собрания (Комуч), сформировавший правительство Комуча (председатель президиума Комуча Владимир Казимирович Вольский), объявившее себя общероссийским. Поддержали его власть и меньшевики. В ответ 14 июня ВЦИК исключил из своего состава правых эсеров и меньшевиков. Их исключили также из местных Советов. На митинге в Сокольниках 21 июня Ленин клеймил:

– Как только власть где-либо переходит в руки меньшевиков и правых эсеров, так сразу же оказывается, что они хотят осчастливить нас каким-нибудь Скоропадским. И, как только массы убеждаются, куда привели их меньшевики и правые эсеры, последние остаются без поддержки масс[1444].

«В Москве было такое настроение, как в осажденном лагере, – рассказывал Локкарт. – Дипломатические представители чехов были арестованы, многочисленные контрреволюционеры выслежены и посажены в тюрьму, пресса была взята в тиски… Они совершенно правильно понимали, что чехов предполагалось использовать в качестве авангарда по борьбе с ними»[1445]. Корпус развернулся в западном направлении, теперь удаляясь от

Владивостока. Группировка Гайды была переброшена под Екатеринбург. Чехословаки начали наступление на Москву. Операции корпуса сопровождались жестким террором, коммунисты, советские работники сотнями арестовывались, многих казнили. В массовом порядке расстреливали венгров[1446].

Теперь даже государственный департамент США оценил создавшуюся ситуацию как дающую достаточные основания для прямого вмешательства, «чтобы оказать возможную помощь и защиту чехословакам против вооруженных австрийских и германских пленных, их атаковавших»[1447]. Большевики уже не казались грозными, а задача их свержения – трудновыполнимой. В начале июня конференция военных представителей Антанты в Париже приняла решение расширить военное присутствие в России.

В условиях чехословацкого мятежа Москва уже совсем иначе начинает воспринимать присутствие британских войск на Севере. 6 июня Ленин и Чичерин настаивают перед Мурманским Советом: «Ввиду постановлений Брестского договора военные суда англичан и их союзников не должны появляться у наших северных берегов»[1448]. Юрьев 14 июня расписывался в беспомощности: «Противсоюзническая политика краесовета невозможна. Военная сила неоспоримо на их стороне»[1449]. Ленин 26 июня по прямому проводу пытался вразумить Юрьева: «Если Вам до сих пор неугодно понять советской политики, равно враждебной и англичанам и немцам, то пеняйте на себя… С англичанами мы будем воевать, если они будут продолжать свою политику грабежа».

Меж тем англо-французский десант начал высадку в Мурманске. Чрезвычайный комиссар Мурманско-Беломорского края Нацеренус информировал: «Мурманский совдеп, не подчиняясь моим приказаниям, вступил в самостоятельное соглашение с англо-французами, порвал с рабоче-крестьянской властью, пополнив тем самым ряды врагов революции»[1450]. 1 июля Совнарком объявил Юрьева врагом народа и вне закона.

Теперь уже интервенция Антанты стимулировала укрепление связей с Германией, которая сама испытывала растущие проблемы на фронтах. Как писал Чичерин, «наше правительство по рекомендации ВИ обратилось к германскому правительству с указанием на создавшееся невыносимое положение и с предложением новых переговоров…»[1451]. В Берлин была отправлена торговая делегация, о которой Ленин второго июня писал посланнику в Германии Иоффе: «Едут к Вам Сокольников и Бухарин, а кажись, и Ларин… Если немцы-купцы возьмут

экономические выгоды, поняв, что войной с нас *ничего* не возьмешь, *все* сожжем, – то Ваша политика будет и дальше иметь успех. Сырья немцам дать сможем… Бухарин лоялен, но зарвался в “левоглупизм” до чертиков. Сокольников свихнулся опять. Ларин – мечущийся интеллигент, ляпала первосортный. Поэтому будьте архиначеку со всеми этими премилыми и препрекрасными делегатами».

Москва пошла – под давлением Берлина – на заключение 12 июня перемирия с украинским правительством Скоропадского. И пыталась разыгрывать германскую карту против Турции, когда нависла угроза захвата турками Баку. Ленин 30 июня слал телеграмму Сталину: «Немцы согласны принудить турок прекратить военные операции дальше брестской границы, установив нам точную демаркационную линию. Обещают не пускать турок в Баку, но желают получить нефть… Теперь есть серьезнейшие шансы удержать Баку. Часть нефти, конечно, мы дадим».

Россия оказалась в кольце фронтов. Ну а Ленину оставалось только возмущаться вероломством Запада и внутренней контрреволюции: «Только иноземная помощь, только помощь иностранных штыков, только продажа России штыкам японским, немецким, турецким, только она давала до сих пор хоть тень успеха»[1452]. Реально в тот момент Ленин мало что мог сделать. Крупская писала: «Лето 1918 г. было исключительно тяжелое. Ильич уже ничего не писал, не спал ночей»[1453]. Причины для бессонных ночей только множились. Особенно после затеянной Лениным кампании по развертыванию классовой войны в деревне.

Основные хлебные районы были отданы на прокорм немцам, заняты чехословаками и белыми, а хлебная торговля на оставшейся части страны задавлена большевиками на корню. Голод поразил столицы и другие крупные города. Ленин 9 мая проводит декрет СНК о предоставлении чрезвычайных полномочий комиссару по продовольствию Цюрупе. Комиссариату труда предписывалось «мобилизовать как можно больше передовых, организованных и сознательных рабочих для помощи борьбе деревенской бедноты против богатеев-кулаков и для беспощадного подавления спекуляции хлебом и срыва монополии на хлеб»[1454].

Декрет от 13 мая подтверждал незыблемость хлебной монополии государства и твердых цен на хлеб. Крестьяне, располагавшие запасами, но не свозившие излишки на заготовительные пункты, объявлялись врагами народа. Ленин объяснял:

– Это значит, что все излишки хлеба принадлежат государству; это значит, что ни один пуд хлеба, который не надобен хозяйству крестьянина, не надобен для поддержания его семьи и скота, не надобен ему для посева, – что всякий лишний пуд хлеба должен отбираться в руки государства. Как это сделать? Надо, чтобы были установлены цены государством, надо, чтобы каждый лишний пуд хлеба был найден и привезен.

Двадцатого мая Ленин взывает к питерским рабочим, предлагая им вступить в продотряды: «Десятки тысяч отборных передовых, преданных социализму рабочих, неспособных поддаться на взятку и на хищение, способных создать железную силу против кулаков, спекулянтов, мародеров, взяточников, дезорганизаторов, – вот что необходимо»[1455].

Одновременно стала проводиться новая генеральная линия, которую в тот день озвучил Свердлов на заседании ВЦИК: «Если нам удастся восстановить деревенскую бедноту против деревенской буржуазии, – только в том случае мы сможем сказать, что мы по отношению к деревне сделаем то, что смогли сделать для городов»[1456]. Начиналось провоцирование классовых противоречий на селе, сортировка крестьян на бедных и богатых (кулаков) с реквизицией ресурсов у последних в пользу городов.

На защиту землепашца встали левые эсеры. Крестьянство, вместо того чтобы расслоиться, скорее консолидировалось в оппозиции общему врагу – власти. «Кулацкие восстания» того времени были восстаниями общекрестьянскими. Правительство ответило силой. Не случайно, что декрет об обязательной воинской повинности, изданный 29 мая, совпал по времени с организацией продотрядов. В написанных тогда «Тезисах по текущему моменту» Ленин вообще хотел предложить: «Военный комиссариат превратить в Военно-продовольственный комиссариат – т. е. сосредоточить $^{9}/_{10}$ работы Военного комиссариата на переделке армии для войны за хлеб и на ведение такой войны – на 3 месяца: июнь – август». Реализации этого плана помешала настоящая война.

В эпицентр хлебозаготовок – на юг России – был направлен Сталин, получивший чрезвычайные полномочия. В начале июня он прибыл в Царицын, откуда наладил поставку продовольствия с помощью полупартизанских соединений 10-й армии, которыми командовал Ворошилов.

Комитеты бедноты (комбеды) были учреждены декретом ВЦИК от 11 июня:

– Первый декрет об организации комитетов бедноты Советской властью был проведен по инициативе тов. Цюрупы, который тогда стоял во главе продовольственного дела, –

расскажет Ленин на VIII съезде партии. – Нужно было спасти от гибели неземледельческое население, которое терзалось муками голода[1457].

Декретом на комбеды возлагались задачи учета продовольственных запасов в крестьянских хозяйствах, помощь продотрядам в изъятии излишков, доставки изъятого хлеба на государственные ссыпные пункты, распределение сельхозинвентаря и промтоваров, охрана посевов, борьба со спекуляцией хлебом[1458]. К концу лета в стране действовали 105 тысяч комбедов, на деле бравшие на себя самые широкие функции, никакими декретами не предусмотренные. Но ситуация только ухудшалась.

Рейды индивидуальных горожан за продуктами в сельскую местность пресекались. Ленин объяснял:

– Отдельные рабочие говорят, почему вы запрещаете подвоз хлеба отдельным рабочим, когда они везут его для своей семьи? Ответ на это простой: подумайте, что бы вышло, если бы тысячи пудов, необходимых для данной местности, для данной фабрики, для данного района, для данного квартала привозились тысячами людей. Если бы пошли на это, начался бы полный развал продовольственной организации.

Ленин форсировал наращивать силовую и репрессивную составляющие власти. В мае— июне начали формироваться губернские, уездные и транспортные чрезвычайные комиссии. Постановлением Наркомата юстиции от 16 июня революционные трибуналы наделялись правом применять высшую меру наказания – расстрел. Внесудебные репрессии применялись и ВЧК. На местах функции чрезвычайных органов власти получили ревкомы.

Уничтожение рыночных отношений было фактически завершено изданием декрета о национализации большинства промышленных предприятий. Ломов объяснит логику: «Гражданская война субсидировалась целым рядом собственников предприятий, опиралась на них. Чистая политика заставляла нас резко пойти по пути национализации, и 28 июня 1918 года по инициативе ВИ, под его непосредственным руководством Совет Народных Комиссаров принял декрет об общей национализации всех наиболее крупных предприятий России»[1459]. Под его действие подпали горные, металлургические, металлообрабатывающие, нефтяные, текстильные, электротехнические, лесопильные и деревообрабатывающие, табачные, резиновые, стекольные, керамические, цементные, кожевенные предприятия.

Мятежное лето

V съезд Советов был созван Лениным для принятия Конституции. Но у левых эсеров была своя повестка дня.

Они обрушивались на правительство с резкими обвинениями Ленина за позорный Брестский мир, разграбление деревни и пресмыкательство перед империалистами. Еще проходивший в апреле II съезд партии одобрил применение «интернационального», или «центрального», террора против широкого списка целей – кайзер Вильгельм II, Мирбах, Скоропадский, Вильсон, Ллойд Джордж и Клемансо. Центральный орган левых эсеров «Знамя Труда» пестрел лозунгами-заголовками: «Долой Брестскую петлю, удушающую русскую революцию!», «На помощь восставшим против своих угнетателей крестьян и рабочих Украины!» На заседании ЦК партии левых эсеров 24 июня было решено, что «в интересах русской и международной революции необходимо в самый короткий срок положить конец так называемой передышке, создавшейся благодаря ратификации большевистским правительством Брестского мира»[1460].

Четвертого июля в Большом театре собрались 1124 делегата V Съезда Советов. Справа 733 большевика, слева – 353 левых эсера. В зале также 17 максималистов, 4 анархиста, столько же меньшевиков-интернационалистов, 10 беспартийных и три представителя иных партий. Над бархатом и золотом зала, морем косовороток и гимнастерок густые клубы табачного дыма. «В царской ложе, – наблюдал Локкарт, – представители правительственной прессы, в большой директорской ложе бенуара справа от сцены Лаверн, Ромеи, я и прочие представители союзнических миссий. Над нами – к счастью, не визави, так что мы можем всецело концентрировать наше внимание на происходящем – представители германского, турецкого и болгарского посольств». На сцене – Президиум ВЦИК. «Ленин, по своему обыкновению, запаздывает, но он еще появится своевременно, бесшумно и незаметно…»[1461].

В первый день разогрев, выступают делегаты второго плана. Левые эсеры обрушиваются на правительство. Троцкий предложил съезду утвердить приказ об очистке красноармейских частей от «провокаторов и наемников империализма», в первую очередь тех, которые провоцируют столкновения с немцами»[1462]. Левые эсеры в знак протеста покинули зал и с выкриками «Долой империалистов и соглашателей!», «Долой Мирбаха!» прошли маршем мимо Дома Советов до Воздвиженки, где размещался

Крестьянский отдел ЦИК[1463].

На следующий день левые эсеры вернулись на съезд. Слово берет Спиридонова и яростно обращается к Ленину:

– Мы будем бороться на местах, и комитеты деревенской бедноты места себе иметь не будут[1464]. Если крестьяне… и дальше будут подвергаться унижениям, подавляться, уничтожаться, доводиться до окончательной гибели как крестьяне, то вы увидите в моей руке тот же револьвер, ту же бомбу, с которыми я некогда выступала в защиту…

В зале крики и потасовка. Троцкому криками не дают говорить. «Тщетно машет Свердлов колокольчиком, тщетно угрожает очистить зал». Тут на авансцену выступает Ленин. «Проходя мимо Свердлова, он касается его плеча и заставляет поставить колокольчик на место. Держа руки у лацканов пиджака, стоит он, ухмыляясь, перед беснующейся толпой с неописуемой самоуверенностью. По его адресу раздаются иронические выкрики и свистки, а он добродушно смеется. Затем он поднимает руку, и шум постепенно затихает» [1465].

– Товарищи, позвольте мне, несмотря на то, что речь предыдущего оратора местами была чрезвычайно возбужденной, предложить вам свой доклад от имени Совета Народных Комиссаров в общем порядке… Мы можем сказать, что пролетариат и крестьяне, которые не эксплуатируют других и не наживаются на народном голоде, все они стоят безусловно за нас и, во всяком случае, против тех неразумных, кто втягивает их в войну и желает разорвать Брестский договор.

Шум слева. Ленину не давали говорить, страсти кипели.

– Как бы на любом собрании они ни кричали, их дело безнадежно в народе! – аплодисменты, гам. Ленин продолжает: – Меня нисколько не удивляет, что в таком положении, в каком эти люди оказались, только и остается, что отвечать криками, истериками, руганью и дикими выходками, когда нет других доводов.

– Есть доводы!

– Когда 26 октября вы колебались, сами не зная, чего вы хотите, и отказываясь идти вместе с нами…

Эти слова Ленина вызвали сильные эмоции, которые в стенограмме помечены как «шум, не прекращающийся несколько минут».

– Правда глаза колет!.. Если есть такие люди, которые предпочитают с советского съезда уходить, то скатертью дорога! [1466]

«Снова поднимается буря выкриков с мест, – фиксирует Локкарт. – Свердлов снова теряет хладнокровие и хватается за

колокольчик. Ленин снова поднимает руку. Его самоуверенность начинает почти раздражать»[1467]. Смертная казнь?

– Революционер, который не хочет лицемерить, не может отказаться от смертной казни. Не было ни одной революции и эпохи гражданской войны, в которых не было бы расстрелов.

Комбеды?

– Через полгода отчаянно трудного советского управления мы пришли к организации крестьянской бедноты, жалко, что не через полнедели, – вот это наша вина![1468]

«Постепенно весь зал подпадает под неотразимое влияние этого железного человека и слушает, как завороженный. Речь заканчивается под ураган оваций, исходящих не только от большевиков…»[1469]. Содоклад делает Камков – блестящий оратор, доходящий до бешеной страстности.

– Политика Совнаркома губительна и смертельна для международной революции, и товарищ Ленин вместе с остальными большевиками будет сметен, если он и дальше будет идти по этому пути. Комбеды – комитеты деревенских лодырей, лучшее средство подорвать в корне Советскую власть. Мы вам откровенно заявляем, что не только ваши отряды, но и ваши комитеты бедноты мы выбросим вон[1470].

– Диктатура пролетариата, – кричит он, обращаясь к ложе германских дипломатов, – превратилась в диктатуру Мирбаха.

Как один человек вскакивают с мест эсеры и, потрясая кулаками, разражаются криками по адресу немцев. Зал стонет от диких возгласов:

– Долой Мирбаха! Вон немецких мясников! Долой позорную петлю Бреста![1471]

Поставив на голосование вопросы о денонсации Брестского мира, об объявлении войны Германии и проиграв, левые эсеры в лихорадочном возбуждении покинули зал. На следующий день левый эсер-чекист Яков Блюмкин, лирик и любитель стихов, и его коллега по ВЧК Андреев около двух часов дня погрузились в автомобиль, выйдя из «Националя». Германское посольство было в особняке Берга на Денежном переулке, дом 5 (позднее там разместится Исполком Коминтерна, сейчас это посольство Италии). Мирбах обедал, чекисты сидели с другими ожидающими приема в вестибюле. Они предъявили удостоверение с полномочиями говорить с Мирбахом за подписями Дзержинского и Ксенофонтова: «по поводу дела, имеющего непосредственное отношение к господину послу»[1472]. Подписи были поддельными, но бланк подлинным, выданным Блюмкину заместителем председателя ВЧК левым эсером Александровичем.

Посла выманили разговором о деле графа Мирбаха,

представителя венгерской ветви рода, якобы задержанного чекистами по обвинению в шпионаже. Минут через 20 разговора, вспоминал присутствовавший при встрече лейтенант Мюллер, «Блюмкин опустил руку в портфель, выхватил револьвер и выстрелил через стол сперва в графа, а потом в меня и доктора Рицлера. Мы были так поражены, что остались сидеть в своих глубоких креслах. Мы все были без оружия». Блюмкин ухитрился ни в кого не попасть. Тогда Андреев достал бомбу и, выбегая из комнаты, бросил ее под ноги Мирбаху. Бомба не взорвалась. Тогда ее поднял Блюмкин и бросил снова. «Теперь она взорвалась необычайно сильно, – свидетельствовал Блюмкин. – Меня швырнуло к окнам, которые были вырваны взрывом». Но Мирбах опять был невредим.

Лейтенант Мюллер: «Граф выбежал в соседний зал и в этот момент получил выстрел – напролет пулю в затылок. Тут же он упал. Брюнет продолжал стрелять в меня и в доктора Рицлера. Я инстинктивно опустился на пол и когда приподнялся, то тотчас же раздался оглушительный взрыв от брошенной бомбы. Посыпались осколки бомбы, куски штукатурки». Блюмкин: «Я увидел, что Андреев бросился в окно. Механически, инстинктивно подчиняясь ему, его действию, я бросился за ним. Когда прыгнул, сломал ногу; Андреев уже был на той стороне ограды, на улице, садился в автомобиль. Едва я стал карабкаться по ограде, как из окна начали стрелять. Меня ранило в ногу, но все-таки я перелез через ограду, бросился на панель и дополз до автомобиля…»[1473].

Конечный пункт беглецов – Трехсвятительский переулок, где базировались и ЦК левых эсеров, и отряд ВЧК под командованием левого эсера Попова, у которого под началом находилось до 800 бойцов. Еще пару сотен стволов готов был добавить Отряд особого назначения Всероссийской боевой организации левых эсеров. В штабе Попова Блюмкина постригли, сбрили бороду, переодели в солдатскую форму и положили в лазарет.

Ленин, еще не разобравшись, пишет по горячим следам воззвание во все партийные комитеты, совдепы и штабы Красной Армии: «около 3-х часов дня брошены две бомбы в немецком посольстве, тяжело ранившие Мирбаха. Это явное дело монархистов или тех провокаторов, которые хотят втянуть Россию в войну в интересах англо-французских капиталистов, подкупивших и чехословаков. Мобилизовать все силы, поднять на ноги все немедленно для поимки преступников».

Немецкая реакция на убийство посла волнует Ленина, пожалуй, больше всего. Телеграмма Иоффе в Берлин: «Правительство, представители которого немедленно посетили

германское посольство и выразили ему свое негодование по поводу этого акта политической провокации, принимает все меры к обнаружению убийц для предания их чрезвычайному Революционному трибуналу. Усилены меры для охраны немецкого посольства и германских граждан. Правительство поручает Вам немедленно посетить германского министра иностранных дел и выразить германскому правительству возмущение русского правительства этим актом, а равно семью убитого графа Мирбаха для выражения ей своего соболезнования»[1474].

Дзержинский, попытавшийся добиться выдачи Блюмкина, был арестован левыми эсерами. После этого Спиридонова не нашла ничего лучшего, как отправиться на съезд в Большой театр для оглашения декларации ЦК ПЛСР об убийстве Мирбаха:

– Палач трудового русского народа, друг и ставленник Вильгельма граф Мирбах убит карающей рукой революционера по постановлению Центрального комитета партии левых эсеров… Властвующая часть большевиков, испугавшись возможных последствий, как и до сих пор, исполняет приказы германских палачей[1475].

Ленин и Свердлов отдают приказ об аресте левоэсеровской фракции. «Находившиеся в оперном театре делегаты партии левых социалистов-революционеров позволили себя арестовать без всякой попытки сопротивления, – замечал Локкарт. – Революция была задумана в театре и в театре же закончилась»[1476]. Но она еще не закончилась. Попов, узнав об аресте Спиридоновой, в ярости:

– За Марию снесу пол-Кремля[1477].

Левые эсеры под его командованием заняли оборонительные позиции в Замоскворечье, а затем обстреляли из орудий Кремль, захватили телефонную станцию. Было занято здание ВЧК, где арестовали Лациса. Под стражей оказались также председатель Моссовета Смидович и военком городского района Шоричев. Заняли Центральный телеграф, откуда от имени ЦК ПЛСР по всей стране были разосланы воззвания, бюллетени и телеграммы о переходе власти в руки партии левых эсеров, что приветствуется всем населением. И о запрете на передачу депеш Ленина, Свердлова и Троцкого. Были убитые и раненые. Ленин вызвал к себе Данишевского:

– Каково настроение латышских стрелков? Они вас знают. Надо ввести в город латышские части, находящиеся за городом, на Ходынском поле.

Данишевский предложил встретиться с их командным составом[1478]. 1-м Латышским стрелковым полком командовал

Иоаким Иоакимович Вацетис, полковник императорской армии, который в полночь впервые встречался с Лениным. «Быстрым шагом он подошел ко мне и вполголоса спросил:

– Выдержим ли мы до утра, товарищ?

Задавая этот вопрос, Ленин смотрел мне прямо в глаза». Вацетис «просил дать мне часа два времени, в течение которых я мог бы объехать город, собрать нужные сведения и к двум часам дать определенный ответ на его вопрос. Это удовлетворило Ленина, и, сказав: “Я буду вас ждать”, он вышел так же быстро, как вошел»[1479].

Телеграмму Сталину в Царицын Ленин отправил в час ночи на 7 июля: «Левые эсеры, не желая выдать убийцу, арестовали Дзержинского и Лациса и начали восстание против нас. Мы ликвидируем сегодня же ночью беспощадно и скажем народу всю правду: мы на волосок от войны. У нас заложниками сотни левых эсеров. Повсюду необходимо подавить беспощадно этих жалких и истеричных авантюристов, ставших орудием в руках контрреволюционеров»[1480]. В два ночи Вацетис докладывал диспозицию: «В нашем распоряжении были четыре группировки войск: у храма Спасителя, в Кремле, на Страстной площади и на Арбатской площади…

– Не позднее двенадцати часов дня 7 июля мы будем в Москве полными победителями.

Ленин обеими руками схватил мою руку, очень крепко пожал и произнес:

– Благодарю, товарищ, вы меня очень обрадовали»[1481].

Муралов тоже держал руку на пульсе. «С момента восстания до конца подавления его ВИ находился вместе с Л. Д. Троцким в Кремле (у телефона все время), следил за ходом операций и торопил окончить их поскорее. Тов. Подвойскому, Вацетису и мне пришлось руководить подавлением восстания эсеров и беспрерывно отвечать на все телефонные запросы из Кремля ВИ и Льва Давыдовича…»[1482]. Данишевский добавлял деталей: «Рано на рассвете, в 5–6 часов, 7 июля начался артиллерийский обстрел штаба левых эсеров. Судьба безумного мятежа была решена. К 11 часам эсеры были отовсюду загнаны в Трехсвятительский переулок. В 12 часов начинается паника в штабе мятежников. Они отступают на Курский вокзал по Дегтярному переулку, а также на Сокольники» [1483]. В час дня районным Советам Москвы и губернии Ленин разослал телефонограммы с приказанием организовать как можно больше отрядов, чтобы «ловить разбегающихся мятежников»[1484]. И уже в 16 часов дается правительственное сообщение об окончательной ликвидации мятежа. Ленин не успокаивается. Телеграмма Мехоношину в

Казань: «Весь мятеж ликвидирован в один день полностью. Арестованных много сотен человек. Запротоколируйте заявление Муравьева о его выходе из партии левых эсеров, продолжайте бдительный контроль».

Усиливается охрана Кремля – теперь попасть туда можно только по выписанным, начиная с 6 июля пропускам, подписанным лично Лениным, Свердловым или Троцким[1485]. Освобожденный Дзержинский написал заявление об отставке «ввиду того, что я являюсь несомненно одним из главных свидетелей по делу об убийстве германского посланника гр. Мирбаха». ВЧК возглавил Петерс[1486]. Александрович 8 июля был задержан на Курском вокзале. По постановлению ВЧК его расстреляли вместе с 12 попавшимися под руку бойцами отряда Попова.

Ленину вдруг захотелось посмотреть особняк в Трехсвятительском переулке, ставший штаб-квартирой восставших левых эсеров. «Он вызвал автомобиль, и мы поехали на открытой машине», – рассказывала Крупская. По дороге туда Ленина вооруженные люди арестовали в первый раз. Оказалось – свои, отделались увещеванием. «Что запомнилось – это пол, усеянный громадным количеством разорванной на мелкие клочки бумаги». Ближе к вечеру поехали к Сокольническому парку и наткнулись на комсомольский патруль.

– Стой! – Остановились. – Документы!

Ильич показывает свой документ: «Председатель Совета Народных Комиссаров – В. Ульянов».

– Рассказывай!

Молодежь заарестовала Ильича и повела в ближайший участок милиции. Там тотчас узнали Ильича и расхохотались. Ильич вернулся – поехали дальше. Повернули мы в Сокольнический парк. Когда проехали по одной из дорог, опять стали палить. Оказалось, мы проезжали мимо склада с оружием. Посмотрели документы, только воркнули, что по ночам невесть где ездим»[1487].

Девятого июля V Съезд Советов продолжил работу, исключив левых эсеров из Советов всех уровней. Эта дата знаменует собой фактическое установление однопартийной системы в России.

На заключительном заседании съезда Советов была принята резолюция об организации и укреплении Красной Армии: регулярный характер, всеобщая воинская обязанность для трудящихся от 18 до 40 лет, централизованное управление, жесткая дисциплина. Была проведена регистрация бывших офицеров, военно-медицинского персонала. Создание профессиональной Красной Армии и широкое привлечение

военспецов вызывали серьезное недовольство многих ортодоксальных большевиков, которые сформировали «военную оппозицию», продолжавшую отстаивать принципы добровольного пролетарского комплектования. В русле «военной оппозиции» действовали Ворошилов, Буденный, а также Сталин, что предопределило его первую серьезную схватку с Троцким. «Специалисты – люди мертвые и кабинетные, совершенно не приспособленные к гражданской войне», – уверял Сталин в письме Ленину и Троцкому 22 июня. И добавлял 11 июля: «Они, как “штабные” работники, умеющие лишь “чертить чертежи” и давать планы переформировки, абсолютно равнодушны к оперативным действиям, к делу снабжения, к контролированию разных командармов и вообще чувствуют себя как посторонние люди, гости»[1488]. Такие настроения были весьма распространенными.

Работу съезд завершил принятием первой советской Конституции. В ее текст полностью была включена январская Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа. Был закреплен классовый принцип организации власти и реализации гражданских прав. И законодательная, и исполнительная власть принадлежала Советам. Права голоса лишались бывшие капиталисты, помещики, чиновники царского режима, жандармы, духовенство, кулаки. На Всероссийские съезды Советов в городах один представитель избирался от 25 тысяч избирателей, а в деревне – от 125 тысяч. На собраниях непосредственно населением формировались городские, сельские и поселковые советы. Вышестоящие советские органы – начиная с волостных исполкомов и кончая ВЦИК – избирались на волостных, уездных, губернских и Всероссийских съездах. Конституция была уникальной, на что укажет Ленин уже на VI съезде Советов:

– Она не выдумана какой-либо комиссией, не сочинена юристами, не списана с других конституций. В мире не бывало таких конституций, как наша. В ней записан опыт борьбы и организации пролетарских масс против эксплуататоров и внутри страны, и во всем мире[1489].

Действительно, конституция не была сочинена комиссиями или юристами и никакой мировой опыт в ней не учитывался. Ее Ленин составил сам, исходя из собственных представлений. Впрочем, юристом по образованию он был. «Первая советская Конституция июля 1918 г. была полна заявлениями о принципах, но оставила расплывчатыми институциональные механизмы фактической организации власти»[1490], – справедливо подметил английский историк Ричард Саква. В конституции ни слова не говорилось о роли правящей партии, хотя на деле именно

большевики, подчинявшиеся решениям своих руководящих органов, контролировали органы советской власти.

О левых эсерах уже не вспоминали. Большинство арестованных левоэсеровских делегатов вскоре освободили. Некоторые из них покинули партию. Спиридонову содержали под арестом с почетом – в Николаевском дворце Кремля. На допросе в следственной комиссии ВЦИК она взяла всю вину за мятеж и убийство Мирбаха на себя[1491]. 27 ноября 1918 года Верховный ревтрибунал при ВЦИК приговорит Спиридонову к одному году тюрьмы. Но уже через два дня ее амнистирует Президиум ВЦИК «за прежние заслуги перед революцией», и она выйдет на свободу.

Левоэсеровский мятеж по времени совпал с целым всплеском антибольшевистских выступлений внутри страны, что Ленин считал доказательством скоординированности действий всех своих недругов и их связей с иностранными интервентами. Под Самарой активно действовали антисоветские крестьянские армии. Полыхало вокруг Москвы, о чем рассказывал Муралов: «Не было губернии, входящей в Московский военный округ, где бы не было восстания. Повстанцы прежде всего арестовывали местных коммунистов, расстреливали их, захватывали почту, телеграф… Вначале я ограничивался посылкой из Москвы в местности, охваченные восстанием, в помощь местной власти мелких отрядов, вооруженных винтовками и ручными гранатами. В дальнейшем пришлось добавлять не только легкие (Льюиса), но и тяжелые пулеметы (Максима). С развитием волнений, принявших массовое явление, пришлось добавлять и легкую артиллерию (Рязанская, Калужская, Смоленская и Тульская губернии)»[1492].

Шестого июля (как и в Москве) вспыхнуло восстание в Ярославле, организованное «Союзом защиты Родины и Свободы» Савинкова при поддержке эсеров и меньшевиков. После короткого боя был разоружен и арестован Особый коммунистический отряд, захвачены исполком, губчека, почта, телеграф, радиостанция, казначейство. В руках повстанцев оказалась центральная часть Ярославля, а затем и заволжская часть – Тверицы. Городская милиция, автоброневой дивизион и часть гарнизона перешли на сторону савинковцев.

«Громадный заговор в Ярославле», как расскажет Ленин через год, «был, как теперь доказано и признано участниками, вызван французским послом Нулансом, который подговорил Савинкова устроить этот заговор, гарантируя, что высаживающиеся в Архангельске французские войска придут на помощь в Ярославль, что при самом трудном положении Ярославля его ожидает соединение с Архангельском, соединение с союзниками и, следовательно, ближайшее падение Москвы»[1493]. Действительно,

в те же дни англичане заняли Кемь, Сороку и двинулись на Мурманск. «Ярославские бои были более жестокие, чем октябрьские в Москве, – мог сравнивать Муралов. – ВИ был все время начеку и проверял почти все сводки по телефону, когда не мог сам лично – через секретариат. Ярославский белый мятеж нанес нам ущерб не только гибелью людей, но гибелью почти половины города, фабрик»[1494].

После убийства Мирбаха реальной стала угроза возобновления войны с Германией. Чичерин уверял, что «можно было опасаться со стороны германской военной партии немедленного перехода в наступление»[1495]. 14 июля к нему пришел и. о. германского посла Рицлер и сообщил о желании Берлина направить в Москву немецкий батальон – в форме и с оружием – для защиты своего посольства. На следующий день членов ВЦИК собрали на экстренное заседание в большом зале «Метрополя». Там была Серафима Гопнер, уже как секретарь ЦК КП(б)У: «Нам бросилось в глаза, что Ленин вопреки своей обычной стремительности поднимался на трибуну очень медленно. Казалось, он сильно устал… Ленин, сохраняя полное самообладание, медленно прочитал заявление Советского правительства об отклонении предложения немцев. Громадное впечатление произвели на нас последние слова заявления о том, что если германское правительство все-таки попытается осуществить свое намерение ввести вооруженный батальон в Москву, Советское правительство не остановится перед необходимостью вооруженной рукой защищать Страну Советов»[1496].

Заручившись поддержкой ВЦИК, Ленин ответил решительным отказом, обещав обеспечить надежную охрану миссии своими силами. У Чичерина в тот момент было несколько продолжительных разговоров с предсовнаркома. «Он совершенно правильно оценил трудности, какие представило бы для Германии наступление на Москву… Чутье не обмануло Ленина»[1497]. Германия на войну из-за убийства Мирбаха не пошла.

Однако, даже опасаясь войны с Германией, Ленин не оставлял усилий по подрыву ее позиций на Украине. В июле в Москве было провозглашено создание Компартии Украины, которое поставило целью революционное воссоединение Украины с Россией. Организованный ею Всеукраинский ревком начал формировать свои регулярные части под командованием Щорса и Боженко[1498]. Но и без этого с каждой неделей режим Скоропадского все больше утрачивал контроль над Украиной. В Киевской, Полтавской и Черниговской губерниях бушевало

крестьянское восстание, которым пытался руководить подпольный Национальный союз, созданный Винниченко. В Екатеринославской губернии и Северной Таврии хозяйничали отряды Махно. Но они были далеко не единственными. «В одной только полосе – между Днепром и Горынью, западнее Киева, – насчитывалось 22 “атамана” во главе сильных повстанческих банд»[1499], – писал Деникин. При этом появились признаки разложения в самих немецких частях. Ленин радовался: «Подавление революции в красной Латвии, Финляндии и на Украине стоило Германии разложения армии… То, о чем полушутя говорили германские дипломаты – “русификация” германских солдат, оказалось теперь не шуткой, а горькой для них правдой»[1500].

Меж тем командующий Восточным фронтом левый эсер Муравьев, первоначально отмежевавшийся от левоэсеровского мятежа, отбив у белочехов Сызрань, все-таки решился на политическое выступление. С бойцами Интернационального полка он направился в Симбирск, где 11 июля арестовал командующего 1-й армией Михаила Тухачевского и несколько партийных руководителей, окружил здание Совета броневиками и объявил на митинге о создании Поволжской республики под руководством левых эсеров. Республика денонсировала для себя Брестский мир и объявила войну Германии. Ленин по радио сообщает «всем, всем, всем», что «бывший главнокомандующий войск, действующих против чехословаков, левый эсер Муравьев подкуплен англо-французскими империалистами… Всякие призывы к наступлению на немецком фронте являются провокацией и должны караться расстрелом на месте. Муравьев объявлен вне закона, расстрелять на месте…»[1501]. Его вызвали на заседание Симбирского исполкома, где сторонники большевиков во главе с Варейкисом попытались его арестовать. Муравьев сопротивлялся и был убит.

Ленин 11 июля телеграфирует в Воронеж комиссару Иванову: «Левоэсеровский мятеж и измена Муравьева вполне ликвидированы. На чехословацком фронте временно руководят Махоношин, Кобозев и Благонравов»[1502]. На следующий день под чехословаками оказался оплот советской Центрсибири Иркутск. 13 июля Ленин и Троцкий телеграфировали Подвойскому: «В Казани создается приволжский военный комиссариат, на котором Чехословацкий фронт будет базироваться… Главнокомандующим на Чехословацком фронте назначен Вацетис. В состав Революционного военного совета включен комиссар Данишевский. Все части и командиры должны посылаться на фронт по указанию Вацетиса»[1503]. Еще неделю назад Ленин

ничего даже не слышал о Вацетисе…

Между тем чехословаки стали выдвигаться к родному для Ленина Симбирску и к Екатеринбургу, где находился император Николай II с семьей.

Список эпитетов, которыми Ленин награждал в своих работах своего предшественника на посту руководителя страны, впечатляет. «Николай Кровавый», «коронованный разбойник», «полоумный Николай», «слабоумный Николай Романов», «идиот Романов», «изверг-идиот Романов» и т. д[1504]. Ленин внимательно следил за бывшим императором. Вопрос о переводе царя из Тобольска и организации показательного процесса неоднократно обсуждался в Совнаркоме. Так, 20 февраля он постановил: «Поручить комиссару юстиции и двум представителям крестьянского съезда подготовить следственный материал по делу Николая Романова. Вопрос о перевозе Николая Романова отложить до пересмотра этого вопроса в Совнаркоме. Места суда не предуказывать пока»[1505]. 1 марта в Тобольск пришло распоряжение перевести «Николая Романова и его семейство» на солдатский паек. В конце апреля семью на телегах увезли из Тобольска. Сначала отправили Николая, супруга со слезами добилась права его сопровождать, как и Мария. Привезли в Тюмень, где посадили на поезд до Екатеринбурга. 30 апреля Николая, императрицу и Марию с несколькими приближенными разместили в реквизированном у инженера Ипатьева доме на Вознесенском проспекте. Через месяц вывезли Ольгу, Татьяну, Анастасию и Алексея, оправившегося от очередной болезни.

В дни работы драматичного V съезда Советов секретарь Уральского обкома РКП(б) Голощекин жил в кремлевской квартире Свердлова, много лет работавшего на Урале. При отъезде Свердлов напутствовал гостя: ВЦИК официальной санкции на расстрел Николая II не дает. Но ничто не мешает организовать «революционный суд», который в особых случаях мог принимать решение о расстреле, как и УОЧК[1506]. В ответ на вопрос датской газеты «National Tidende» о расстреле царя 16 июля Ленин направил телеграмму: «Слух неверен, бывший царь невредим, все слухи – только ложь капиталистической прессы»[1507].

В этот день в УОЧК Екатеринбурга, которая располагалась в здании Американской гостиницы, собрались члены коллегии во главе с председателем Лукояновым и комендантом ДОНа Юровским. Белобородов и Голощекин сообщили о принятом накануне решении президиума исполкома Уральского областного Совета: расстрелять царскую семью в доме Ипатьева.

Ответственным от УОЧК назначили Юровского, от армии – комиссара 4-го района Красной Армии Екатеринбурга Ермакова[1508].

Юровский вспоминал, как «16 июля 1918 года часа в два днем ко мне в дом приехал товарищ Филипп и передал постановление Исполнительного комитета о том, чтобы казнить Николая… Ночью приедет товарищ, который скажет пароль "трубочист" и которому нужно отдать трупы… Вызвав внутреннюю охрану, которая предназначалась для расстрела Николая и его семьи, я распределил роли и указал, кто кого должен застрелить. Я снабдил их револьверами системы "Наган"…

В половине второго постучали. Это приехал "трубочист". Я пошел в помещение, разбудил доктора Боткина и сказал ему, что необходимо всем спешно одеться, так как в городе неспокойно и я вынужден их перевести в более безопасное место.

В два часа (ночи) я перевел конвой в нижнее помещение. Велел расположиться в известном порядке. Сам – один – повел вниз семью.

Николай нес Алексея на руках. Остальные, кто с подушкой в руках, кто с другими вещами, спустились в подвальное помещение… Александра Федоровна села, Алексей тоже. Я предложил всем встать. Все встали, заняв всю стену и одну из боковых стен. Комната была маленькая. Я объявил, что Исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Урала постановил их расстрелять. Николай повернулся и спросил. Я повторил и скомандовал:

– Стрелять».

Все основные участники расстрельной команды оставили воспоминания о деталях убийства, которые при советской власти никогда не публиковались. Приведу только один фрагмент – от Михаила Александровича Медведева (Кудрина), члена коллегии Уральского областного ЧК. «Романовы совершенно спокойны – никаких подозрений… Стремительно входит Юровский и становится рядом со мной. Царь вопросительно смотрит на него… Царица перекрестилась. Юровский на полшага выходит вперед и обращается к царю:

– Николай Александрович! Попытки Ваших единомышленников спасти Вас не увенчались успехом. И вот в тяжелую годину для нашей Советской республики… на нас возложена миссия покончить с Домом Романовых!

Женские крики:

– Боже мой! Ах! Ой!

Николай бормочет:

– Господи, Боже мой! Господи, Боже мой! Что же это такое?!

– А вот что такое! – говорит Юровский, вынимая из кобуры маузер.

– Так нас никуда не повезут? – спрашивает глухим голосом Боткин.

Юровский хочет что-то ответить, но я уже спускаю курок моего браунинга и всаживаю первую пулю в царя. Одновременно с моим выстрелом раздается первый залп латышей… Юровский и Ермаков тоже стреляют в грудь Николая II почти в упор. На моем пятом выстреле Николай II валится снопом на спину.

Женский визг и стоны: вижу, как падает Боткин, у стены оседает лакей и валится на колени повар… В пороховом дыму от кричащей женской группы метнулась к закрытой двери женская фигура и тут же падает, сраженная выстрелами Ермакова… В комнате ничего не видно из-за дыма – стрельба идет уже по еле видимым падающим силуэтам.

Слышим голос Юровского:

– Стой! Прекратить огонь!

Тишина, звенит в ушах.

Вдруг из правого угла комнаты, где зашевелилась подушка, женский радостный крик:

– Слава Богу! Меня Бог спас!

Шатаясь, поднимается уцелевшая горничная – она прикрылась подушкой; в пуху увязли пули. У латышей расстреляны все патроны, тогда двое с винтовками подходят и штыками прикалывают горничную… Застонал раненый Алексей… К нему подходит Юровский и выпускает три последние пули из своего маузера. Он затих и медленно сползает со стула к ногам отца… Осматриваем остальных и достреливаем из кольта еще живых Татьяну и Анастасию. Теперь все бездыханны». Браунинг, из которого он убил императора, Медведев в 1964 году, умирая, завещает передать Хрущеву.

Сообщение президиума Уральского областного совета поступило в Москву в 12 часов 17 июля: царь расстрелян, семья из города эвакуирована. Вечером последовало уточнение: «все семейство постигла та же участь, что и главу». 18 июля Свердлов сделал на заседании Совнаркома, где председательствовал Ленин, внеочередное заявление.

– По постановлению Екатеринбургского областного Совета в ночь с 16 на 17 июля, ввиду раскрытия большого белогвардейского заговора, имевшего целью похищение бывшего царя и его семьи, расстрелян Николай Романов. Семья его эвакуирована в надежное место. Никакого волнения, все спокойны. ВЦИК в лице своего президиума признает решение

облсовета правильным.

Президиум поручил Свердлову, Сосновскому, Аванесову составить соответствующее сообщение для печати. Ленин, что-то писавший, оторвался от бумаги.

– Есть вопросы к товарищу Свердлову?

Вопросов не было

– Какое примем решение? – интересуется председательствующий.

СНК принял информацию к сведению[1509]. В прессе 19 июля было опубликовано вранье, что расстрелян «один Николай Романов», поскольку был вскрыт «крупный заговор с целью побега бывшего царя. В условиях Гражданской войны это могло бы принести дополнительную опасность для пролетарской революции. Семья Романова отправлена в безопасное место»[1510]. Ленин и не думал это опровергать. Или хоть слово сказать об убийстве. Дал ли Ленин санкцию на расстрел? Троцкий 9 апреля 1935 года записал в дневник воспоминание о своем разговоре со Свердловым:

«А кто решал? – спросил я.

– Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять нам им живого знамени, особенно в нынешних трудных условиях»[1511].

Историк вопроса Александр Боханов пишет: «Надо считать Ленина или очень глупым, или очень беспечным человеком, чтобы думать, что он, в совершенстве владея мастерством демагогии и конспирации, стал бы отдавать письменные приказы… Но что ленинская клика *не могла не знать* о подготовке кровавого злодеяния, в том невозможно сомневаться»[1512]. Молотов полагал: «Думаю, что без Ленина никто на себя не взял бы такое решение»[1513].

Ленин искоренял самое идею реставрации Романовых. Не случайно, что в те же июльские дни в Алапаевске казнили великую княжну Елизавету Федоровну, великого князя Сергея Михайловича, князей Ивана Константиновича, Константина Константиновича. Еще раньше в Перми был убит брат императора Михаил Александрович. А через полгода (в ответ на «злодейское убийство в Германии товарищей Розы Люксембург и Карла Либкнехта») в Петропавловской крепости расстреляют великих князей Николая Михайловича, Дмитрия Константиновича, Павла Александровича и Георгия Михайловича.

Николай II, его супруга и дети причислены Русской Православной церковью к лику святых. Их реабилитация состоялась в октябре 2008 года решением Верховного суда Российской Федерации.

Планы западных держав в отношении России летом 1918 года

становились все более масштабными. Ценное признание от Локкарта в отношении роли внешнего фактора в Гражданской войне: «Я предсказывал, и события оправдали мое предсказание, что мы можем рассчитывать получить от России только то, что мы сами в нее вложим. Русский народ в массе своей не ударил пальцем о палец… Тлевшая гражданская война вспыхнула ярким пламенем и поглотила тысячи русских жизней. Косвенным образом мы являемся ответственными и за террор»[1514].

Ленин по-прежнему готов оказывать Западу знаки внимания. После покушения на Мирбаха, опасаясь других террористических выходок против дипкорпуса, он решил предложить перевести его из Вологды под надежную охрану ВЧК в Москву. 23 июля Фрэнсис ответил Чичерину: «Спасибо за Вашу телеграмму, мы признательны за Ваш неизменный интерес к нашей личной безопасности и решили последовать Вашему совету и покинуть Вологду»[1515]. На следующий день американский посол сделал важное добавление: поедет дипкорпус не в Москву, а в Архангельск, для чего просил выделить паровоз. Для Локкарта были неожиданностью как отъезд послов, так и то, что они «оставили ничего не значащее объяснение, что их отъезд не означает разрыва дипломатических сношений. Но большевики усматривали в этом отъезде, и не без оснований, увертюру к открытой борьбе»[1516].

Ленин, Троцкий и Чичерин 25 июля телеграфировали в Архангельск Кедрову: «Посольства держав Согласия едут из Вологды в Архангельск. Готовьте пароход для их немедленного отъезда из России, дабы они не могли задержаться в Архангельске, что в высшей степени нежелательно по понятным Вам соображениям»[1517]. Чичерин рассказывал, что выезд западных дипмиссий «совершился корректным образом, что облегчило нам дальнейшие сношения с их государствами. Как раз в это время величайшего обострения отношений с Антантой ВИ впервые настоял на том, чтобы мы обратились к Антанте с мирными предложениями. В первый раз через американского консула Пуля мы запросили Англию, чего она, собственно, хочет. Затем формальное мирное предложение мы переслали через дружественного нам секретаря норвежской миссии Христиансена»[1518]. Но эти мирные усилия повисли в воздухе после начала нового, куда более масштабного, тура западной интервенции.

Главная ударная сила – чехословаки. Ленин видит угрозу и 19 июля пишет Подвойскому: «Чехословацкая (и кулацкая) опасность так серьезна, что, по-моему, Вам бы взять на себя (и Троцкий, вероятно, согласится) объезд Западного и Южного

(немецких) фронтов и т. п. для ускорения передвижки войск оттуда на чехословацкий фронт?» На следующий день петроградскому начальству: «Необходимо двинуть *maximum* рабочих из Питера… Мы *погибнем* наверняка от чехословаков, ежели не сделаем *отчаянных* усилий для прибавки сотен и тысяч *руководящих* рабочих для превращения киселя в твердое нечто». Чехословаки 22 июля вошли в Симбирск.

Ленин говорит по прямому проводу со Сталиным 24 июля: «О продовольствии должен сказать, что сегодня вовсе не выдают ни в Питере, ни в Москве. Положение совсем плохое. Сообщите, можете ли принять экстренные меры, ибо, кроме как от Вас, добыть неоткуда. В Ярославле восстание белых подавлено. Симбирск взят белыми или чехами». Сталин отвечал: «Позавчера ночью из Туркестана послано все, что можно было послать… запасов хлеба на севере Кавказа много, но перерыв дороги не дает возможности отправить их на север. До восстановления пути доставка хлеба немыслима. В Самарскую и Саратовскую губернии послана экспедиция, но в ближайшие дни не удастся помочь вам хлебом. Дней через десять надеемся восстановить линию. Продержитесь как-нибудь, выдавайте мясо и рыбу, которые можем прислать вам в избытке. Через неделю будет лучше». Ленин: «Посылайте рыбу, мясо, овощи, вообще все продукты, какие только можно и как можно больше».

Екатеринбург, где неделей раньше расстреляли семью Романовых, был взят чехословаками 25 июля. Ленин настаивает на новых мобилизационных мерах. 27 июля Зиновьеву: «Сегодня получили известия, что Алексеев на Кубани, имея до 60 тысяч, идет на нас, осуществляя план соединительного натиска чехословаков, англичан и алексеевских казаков… Категорически предупреждаю, что положение Республики опасное и что питерцы, задерживая посылку рабочих из Питера на чешский фронт, возьмут на себя ответственность за возможную гибель всего дела».

Первого августа Ленин писал командованию Восточного фронта: «Сейчас *вся* судьба революции стоит на *одной* карте: быстрая победа над чехословаками на фронте Казань – Урал – Самара»[1519]. Карт окажется куда больше. 3 августа части Добровольческой армии Деникина вступили в Екатеринодар. Они также заняли Новороссийск, который стал главными морскими воротами для доставки военной помощи английскими судами. Тысячи красноармейцев на Юге России были уничтожены. «Из-под Екатеринодара ушло около двухсот тысяч войск и беженцев, – напишет Алексей Толстой. – Те, кто остался, были зарублены, повешены, замучены станичниками. В каждой станице качались

трупы на пирамидальных тополях. Красным мстили теперь без пощады, не опасаясь их возврата»[1520]. К сентябрю численность Добровольческой армии возросла до 35–40 тысяч. Деникинцы заняли западную часть Кубанской области и Ставрополь и закрепились на побережье Черного моря.

Активные бои начались на Восточном фронте после того, как 7 августа чехословаками и белогвардейскими отрядами была захвачена Казань. Троцкий руководил операцией из Свияжска и бил тревогу по поводу сложившейся ситуации. 30 августа Ленин телеграфировал Троцкому: «Если есть перевес и солдаты сражаются, то надо принять особые меры против высшего командного состава, объявить ли ему, что мыслимо применим образец французской революции и отдать их под суд и даже под расстрел как Вацетиса, так и командарма под Казанью и высших командиров»[1521].

И в это время открыто выступили уже сами страны Антанты. В Архангельске и Мурманске были высажены английские, французские, сербские войска, Американские экспедиционные силы в Северной России (AEFNR), которые 31 июля захватили Онегу. Рассказывал командовавший войсками Северной области генерал Владимир Владимирович Марушевский: «Отдельные группы этих войск, постепенно подвигаясь от Архангельска по всем направлениям, заняли, вернее, закупорили все подходы к Архангельску по долинам рек, являющихся сосредоточием возможных на Севере путей сообщения. Этим свойством и объясняется тот секрет, что небольшие части могли удержать область в своих руках в течение полутора лет. Кроме рек были заняты и Мурманская, и Архангельская железнодорожные линии»[1522].

Кедрову Ленин поручил остановить интервентов. «Было решено предоставить мне некоторую воинскую часть, также несколько орудий и пулеметов, с которыми я через два-три дня выехал на Архангельск. И, находясь в пути на Архангельск и участвуя в первых стычках со вторгшимися в край англо-французами, я держал связь с Кремлем и чувствовал невидимую руку, которая направляла и руководила всеми военными операциями… В первую же неделю продвижение англо-французов в глубь страны было приостановлено, и непосредственная угроза занятия Вологды устранена»[1523].

Созданное на Севере российское правительство во главе с эсером Чайковским ждала нелегкая судьба: англичане организовали переворот, который осуществил капитан Чаплин. «Приблизительно через три недели после восстановления на севере России демократического правительства в одну

прекрасную ночь все были арестованы по соглашению Чаплина с генералом Пулем и отправлены на Соловецкий остров в монастырь»[1524], – возмущался Керенский. Западным правительствам и спецслужбам не нужны были в новом руководстве России болтуны и социалисты. Николаю Васильевичу Чайковскому, участнику еще легендарного народнического кружка «чайковцев» 1869 года, на тот момент было 79 лет. После протеста находившихся тогда в Архангельске союзных дипломатов, правда, правительство Чайковского было возвращено с Соловков. Но сам он уехал в Париж, и на его место был посажен русский генерал Миллер. «Фактически полным хозяином края был британской службы генерал Мейнард, который командовал всеми оккупационными силами союзников»[1525].

Японское правительство 2 августа заявило, что пошлет во Владивосток войска для защиты чехословаков. В тот же день японский десант захватил Николаевск-на-Амуре. Во Владивосток под командование генерала Отани прибыли две японские дивизии, два британских батальона, два американских пехотных полка и три тысячи французов и итальянцев. К сентябрю японские войска занимали уже огромную территорию – от Камчатки до Байкала. Численность только японских войск на Дальнем Востоке достигла 70 тысяч. Помощь им оказали подразделения казачьих атаманов Семенова и Калмыкова, а также созданные интервентами Временное правительство автономной Сибири, сменивший его Деловой кабинет, Сибирская областная дума с ее Сибирской армией.

Начали высаживаться американские экспедиционные силы на востоке России, которые возглавлял генерал Уильям Грейвс. «В то время, когда я прибыл во Владивосток, представители союзников, говоря о русских, имели в виду бывших царских офицеров и чиновников, которые чувствовали себя достаточно спокойно и не боялись каждый вечер появляться на Светланской – главной улице Владивостока – в своих роскошных мундирах. Представители других классов назывались “большевиками”… Все уверяли меня, что большевики объединились с немецкими и австрийскими пленными и планировали захватить находившиеся во Владивостоке склады». Восьмого сентября Грейвсу сообщили, что англичане, французы, японцы и чехи хотят идти до Волги и желают знать, как поведут себя Соединенные Штаты. Грейвс проинформировал Вашингтон и 27 сентября получил телеграмму: «американские войска не продвинутся западнее озера Байкал»[1526]. Ленин ответил на прямую американскую интервенцию, как мог. В августе 1918 года он написал «Письмо американским рабочим», где утверждал: «Американские рабочие

не пойдут за буржуазией. Они будут с нами, за гражданскую войну против буржуазии»[1527]. Естественно, это послание, вызвавшее живой интерес в леворадикальных кругах Америки, не добавило Ленину симпатий в официальном Вашингтоне.

К началу осени под контролем чехословацких и западных частей оказалась, словами Черчилля, «вся русская территория от реки Волги до Тихого океана, почти не меньшая по размерам, чем Африканский континент» [1528].

Сложнейший клубок противоречий завязался и в Закавказье, где в добавление к местным, российским, турецким и немецким силам тоже теперь появились войска Антанты. Турция продолжала военные операции, захватив Елизаветполь (Кировабад, Ганджа), Кюрдамири и устремившись к Баку. Оборону города организовывала Бакинская коммуна во главе с Шаумяном, но 1 августа ее свергла Диктатура Центрокаспия, в которую входили дашнаки, эсеры и меньшевики. Турки продолжали наступление на Баку и прорвались через Волчьи ворота в район Биби-Эйбата. Но 4 августа к пристаням Бакинского порта начали подходить корабли с английскими войсками, приглашенными Центрокаспием. Шаумян с коммунарами 14 августа ретировались на 17 кораблях. Но они «были окружены около острова Жилого военной флотилией “Диктатуры Центрокаспия” и насильно возвращены в военный порт, войска разоружены и на этих же кораблях отправлены в Астрахань. Бакинские же комиссары и другие руководящие работники (35 человек) во главе с Шаумяном арестованы и заключены в тюрьму»[1529]. 26 бакинских комиссаров было расстреляно. В течение следующих двух лет Москве будет не до Закавказья, которое оказалось отрезано мятежными казачьими областями, горцами Северного Кавказа, а затем и деникинцами. Меж тем в Закавказье шла настоящая межнациональная резня, живо напоминавшая Средневековье.

Август 1918 года стал моментом открытого разрыва отношений между Советской Россией и Антантой. Иоффе рекомендовал Ленину сохранить дипотношения. Предсовмина 3 августа ответил: «Проводить “прежнюю” политику неразрыва с Антантой после Онеги – смешно. Нельзя же даму с ребеночком сделать опять невинной». Ленин пишет воззвание: «Внешний враг Российской Советской Социалистической Республики, это – в данный момент англо-французский и японо-американский империализм. Этот враг наступает на Россию сейчас, он грабит наши земли, он захватил Архангельск и от Владивостока продвинулся… до Никольска-Уссурийского. Этот враг подкупил генералов и офицеров чехословацкого корпуса»[1530].

Локкарт писал, что «Москва неистовствовала… На протяжении нескольких дней один слух сменялся другим. Количество высадившихся войск все возрастало и дошло до ста тысяч… Даже правительство растерялось и начало упаковывать архивы». Пошли демонстративные рейды по диппредставительствам Англии и Франции. «Мы не могли не реагировать на эти насильственные мероприятия, рассматривавшиеся большевиками как ответ на наши насильственные мероприятия в Архангельске, отправились на следующий день все сообща к Чичерину, довели до его сведения о разрыве дипломатических сношений и потребовали наши паспорта». С американцами, хотя они тоже участвовали в интервенции, отношения рвать не стали, и именно в американском консульстве находили убежище остававшиеся в Москве западные дипломаты, которые не сидели сложа руки.

Затем их деятельность получит в СССР название «заговора послов». Находим в воспоминаниях Локкарта: «Я воспользовался этим временем для финансового обеспечения дружественных нам русских организаций, очень нуждавшихся в поддержке… Раздобыть наличные деньги было не трудно, хотя банки и были закрыты, а девизные операции воспрещены. Многие русские обладали крупными запасами наличных рублей, которые они охотно обменивали на переводы на Лондон»[1531]. По официальной советской версии, заговор готовили Локкарт, Нуланс, Фрэнсис. Их целями были военный переворот, захват Кремля, Вологды и открытие дороги на столицу интервентам, высадившимся в Архангельске. Рейли, по информации чекистов, возглавлял боевое крыло заговорщиков. «Его план был смелым и далеко идущим и предусматривал ни больше ни меньше как арест всего большевистского руководства, включая Ленина и Троцкого руками их латышской охраны». Большинство латышских стрелков было в Красной Армии. Но до 10 тысяч латышей сражалось в рядах белых, и многие из них считали, что большевики, замирившись с немцами, предали и Латвию.

Британские разведчики через агента Локкарта латыша Шмитхена вышли на командира артиллерийского подразделения Берзина с предложением службы англичанам для выполнения задания: «содействие свержению Советской власти и оккупации Москвы английскими войсками и установлению военной диктатуры»[1532]. Западным спецслужбам не повезло, Шмитхен уже работал на ЧК, а Берзин станет это делать.

Берзин попросил на операцию 5 миллионов рублей, не встретив возражений. 17 августа Рейли передал Берзину первый большой пакет с деньгами. Рейли утверждал, что его целью было

провести Ленина и Троцкого по улицам первопрестольной без штанов – на потеху публике. По версии большевистского обвинения, их собирались немедленно расстрелять. Переворот был намечен на 28 августа, когда должно было состояться расширенное заседание ВЦИК в Большом театре. Об этом сразу стало известно властям, причем не только от Берзина, который принес тяжелый холщовый мешок с миллионом рублей прямо в кабинет Свердлова. Заседание ВЦИК перенесли на 6 сентября. Чекисты продолжали игру.

Для противодействия интервенции и подрывным действиям со стороны Антанты Ленин готов был еще активнее разыгрывать карту Германии. Немцам было все сложнее поддерживать военное присутствие на огромных просторах России, и они поспешили зафиксировать свои позиции на востоке. Иоффе начал переговоры о расширении формата взаимодействия. С немецкой стороны был поставлен вопрос и о военном сотрудничестве. Ленин соглашался обсуждать его. Чичерин рассказывал: «После долгого совещания с ВИ я лично поехал к новому германскому послу Гельферихy, чтобы предложить ему условиться о совместных действиях против Алексеева на юге и о возможности отправки германского отряда, по соглашению с нами, для нападения на антантовские войска у Белого моря. Дальнейшее развитие этого плана было прервано внезапным отъездом Гельферихa»[1533].

Ленин 20 августа информировал Чичерина о просьбе Людендорфа, «чтобы по мурманскому делу мы послали в Берлин высшего офицера для выработки деталей». На возмущение Воровского по поводу якобы «панического» обращения за помощью к немецкому империализму Ленин 21 августа отвечал: «Ни тени паники не было. “Помощи” никто не просил у немцев, а договорились о том, *когда и как* они, немцы, осуществят *их* план похода на Мурман и на Алексеева. Это совпадение интересов. Не используя этого, мы были бы идиотами. Не паника, а трезвый расчет»[1534].

Меж тем Иоффе успешно завершил переговоры о заключении Русско-германского добавочного договора к Брестскому мирному договору и финансового соглашения, которые были подписаны 27 августа[1535]. Германия выводила свои войска из Эстляндии и Лифляндии, а Россия отказывалась от суверенных прав на них. Москва обязывалась признать границы Украины, как они были определены Третьим Универсалом, то есть по максимуму, в составе восьми губерний. Правда, так и не признала. Немцы уходили из Курской, Орловской, Воронежской губерний, Донской области и Черноморского побережья вне Кавказа. РСФСР признавала независимость Грузии, а Германия удерживала турок

от захвата Баку. В окончательном тексте освобождение российского Севера от войск Антанты возлагалось на Москву. Германия должна была взяться за армию Алексеева. Но это Берлин, стоявший на грани поражения, был уже не в состоянии сделать.

Миллиметр до смерти

Безопасность в Кремле худо-бедно обеспечивалась. Да и Ленин был еще не самой узнаваемой фигурой. Мария Ильинична вспоминала: «В первые годы Советской власти широкие слои трудящихся не знали часто ВИ в лицо – не до фотографирования было… И бывало, что когда ВИ входил в Кремль, здание правительства или даже в свою квартиру, часовые резко бросали: “Пропуск”, подозрительно поглядывая на просто одетого человека. ВИ, который обычно делал им под козырек, спокойно вынимал пропуск из кармана и терпеливо ждал, пока часовой его рассматривал»[1536]. Привычные прогулки Ленин тоже осуществлял в основном по территории Кремля.

Хуже с охраной было в местах отдыха. Летом 1918 года Ленин отдыхал на даче Бонч-Бруевича в деревне Комаровка близ станции Тарасовка Северной железной дороги. «Там нашлись две свободные комнатки на втором этаже дачки, находившейся рядом с домом, где жила семья Владимира Дмитриевича. Столоваться мы должны были у него… Но побывали мы на ней не более двух-трех раз, несмотря на гостеприимство В. Д. Бонч-Бруевича. Дело в том, что ВИ любил отдыхать в полном уединении… А в Тарасовке было довольно многолюдно. Но самым большим злом на даче в Тарасовке были комары, которых ВИ совершенно не переносил… Другой дачи не было, и, чтобы подышать свежим воздухом в свободный день, мы с тех пор взяли себе за правило выезжать хотя бы на несколько часов за город, забирая с собой вместо обеда бутерброды. Ездили в разных направлениях, но скоро излюбленным местом ВИ стал лесок на берегу Москвы-реки, около Барвихи… Товарищ Гиль, шофер ВИ, со своим авто располагался поблизости – охраны у ВИ тогда не было»[1537].

И совсем сложно было с охраной на массовых мероприятиях, которые Ленин начал усиленно посещать летом 1918 года, когда позиции Советской власти сильно шатались.

Утром 30 августа председатель Петроградской ЧК Урицкий был застрелен поэтом Леонидом Каннегисером. Вспоминал Зиновьев: «Всего несколько недель тому назад я таким же образом подъехал к месту убийства Володарского, где застал его бездыханное, но еще теплое тело. Из Смольного позвонил ВИ. С волнением он выслушал сообщение о гибели Урицкого.

– Я попрошу сегодня же тов. Дзержинского выехать к вам в Петроград.

Через несколько минут ВИ позвонил сам и настоятельно потребовал, чтобы были приняты особые меры охраны других

наиболее заметных питерских работников»[1538]. Продолжала Мария Ульянова: «Настроение было тревожное. В то время по пятницам на фабриках и заводах устраивались митинги, и Ильич обыкновенно выступал на них. Собирался он ехать в районы и в этот день. Я попросила т. Бухарина заехать к нам обедать и помочь нам отговорить Ильича от выступлений в этот день. Ильич отшучивался и не давал определенного ответа: “Там, мол, посмотрим, как выйдет”… Около 5 часов Ильич пришел из своего кабинета уже в пальто и сказал мне, что все же поедет на митинг, и категорически отказался взять меня с собой»[1539]. В ту пятницу Ленин агитировал на заводе Михельсона. В своем выступлении он доказывал, что обвинения большевиков в недемократичности – демагогия, а чтобы защитить социализм, рабочие должны дать отпор белочехам. Заключительными его словами были:

– Мы должны были все бросить на чехословацкий фронт, чтобы раздавить всю эту банду, прикрывающуюся лозунгами свободы и равенства и расстреливающую сотнями и тысячами рабочих и крестьян. У нас один выход: победа или смерть![1540]

Ленин даже не подозревал, насколько близко смерть уже подкралась к нему. Интерактивная часть не предусматривалась, но по дороге к автомобилю Ленин вступил в разговоры с работницами. Гиль даст показания: «Когда Ленин был уже на расстоянии трех шагов от автомобиля, я увидел протянутую из-за нескольких человек женскую руку с браунингом. Были произведены три выстрела, после чего я бросился в ту сторону, откуда стреляли. Стрелявшая женщина бросила мне под ноги револьвер и скрылась в толпе». Фанни Каплан была схвачена сразу же, и только Гиль уберег ее от самосуда толпы. На допросе она объяснит:

– Стреляла я в Ленина потому, что считаю его предателем революции и дальнейшее его существование подрывало веру в социализм[1541].

Машина спешит в Кремль. Мария Ильинична видит из окна: «Шофер соскакивает и открывает дверцы. Этого никогда раньше не бывало. Ильича выводят из автомобиля какие-то незнакомые люди. Он без пальто и без пиджака, идет, опираясь на товарищей. Бегу вниз по лестнице и встречаю их уже поднимающимися наверх. Ильич очень бледен, но идет сам, поддерживаемый с двух сторон… На мой вопрос Ильич успокаивающе отвечает, что ранен, только в руку, легко; бегу отворять двери, приготовлять постель, куда через несколько минут Ильича и укладывают… Теперь уже около восьми… Бегу в Совнарком и прошу скорее вызвать врачей: Ильич ранен. Тов. Винокуров, бывший там, бежит со мной: он ведь врач и может оказать первую помощь»[1542].

Александр Николаевич Винокуров был наркомом соцобеспечения: «ВИ обычно аккуратно, без опоздания, являлся на заседания Совнаркома, и мы были удивлены, почему его так долго нет. Вдруг меня вызывают из зала заседания в квартиру ВИ… Он был бледен как полотно. Я немедленно уложил его в постель, снял с него сюртук, жилет и рубашку и, оказав ему первую помощь (наложил асептическую повязку, дал возбуждающих капель и др.), немедленно велел вызвать наркомздрава тов. Семашко и заведующего Мосздравотделом Обуха. В то время подошла… Вера Михайловна Бонч-Бруевич (тоже врач). Ввиду того что положение ВИ было очень тяжелое, пульса у него почти не было, были сильные боли, мы немедленно, не ожидая консилиума, сделали подкожное впрыскивание морфия и затем для поднятия пульса подкожное впрыскивание камфары. Вскоре явились Семашко и Обух, а за ними и специалисты (хирург Минц и терапевт Туманов), которые осмотрели ранение и установили диагноз. Одна пуля раздробила ВИ плечевую кость, произведя перелом кости. Другая пуля вошла сзади со стороны лопатки, пробила легкое, вызвав сильное кровотечение в плевру, и засела спереди шеи под кожей»[1543].

Прибежала Крупская: «Ильичева кровать была выдвинула на середину комнаты, и он лежал на ней бледный, без кровинки в лице. Он увидел меня и тихим голосом сказал минуту спустя:

– Ты приехала, устала. Поди ляг.

Слова были несуразны, глаза говорили совсем другое:

– Конец»[1544].

«Среди немногих людей, которых он пожелал видеть, когда его привезли с завода Михельсона, была Инесса Федоровна»[1545]. Съезжались по зову Семашко все московские светила медицины. «Вот Вейсброд, Обух, Минц. Позднее Розанов, Мамонов. Они серьезны, бледны. На наши вопросы дают неопределенные ответы – случай серьезный, ничего пока нельзя сказать, но организм сильный. Тяжелая ночь. Ильич лежит и слабо стонет»[1546].

Профессор-хирург Владимир Николаевич Розанов впервые увидел Ленина: «Сильный, крепкий, плотного сложения мужчина; бросалась в глаза резкая бледность, цианотичность губ, очень поверхностное дыхание. Беру ВИ за правую руку, хочу пощупать пульс, ВИ слабо жмет мою руку, очевидно здороваясь, и говорит довольно отчетливым голосом:

– Да, ничего, они зря беспокоятся.

Я ему на это:

– Молчите, молчите, не надо говорить. – Ищу пульс и, к своему ужасу, не нахожу его, порой он попадается, как нитевидный. А ВИ опять что-то говорит, я настоятельно прошу его

молчать, на что он улыбается и как-то неопределенно машет рукой. Слушаю сердце, которое сдвинуто резко вправо, – тоны отчетливые, но слабоватые. Делаю скоро легкое выстукивание груди – вся левая половина груди дает тупой звук. Очевидно, громадное кровоизлияние в левую плевральную полость, которое и сместило так далеко сердце вправо. Легко отмечается перелом левой плечевой кости, приблизительно на границе верхней трети ее с серединой». В ту военную пору хирурги обладали колоссальным практическим опытом диагностики и лечения ранений. «Приходилось учитывать и своеобразный, счастливый ход пули, которая, пройдя шею слева направо, сейчас же непосредственно впереди позвоночника, между ним и глоткой, не поранила больших сосудов шеи. Уклонись эта пуля на один миллиметр в ту или другую сторону, ВИ, конечно, уже не было бы в живых».

Доли миллиметра, на которые отклонилась пуля, избавили историю от фундаментального изменения траектории. Например, Сталин мог бы не успеть стать тем, кем он в итоге стал…

«После консультации длинное и долгое обсуждение официального бюллетеня о состоянии здоровья Владимира Ильича… После этого опять пошли к ВИ…

– Ничего, ничего, хорошо, со всяким революционером это может случиться.

А пульса все нет и нет. Вечером снова консультация, и так каждый день, утром и вечером… Пульс восстановился только через двое суток, то есть стал таковым, что его можно было назвать удовлетворительным. Через четыре дня общее состояние настолько улучшилось, что позволительно было подумать о том, чтобы приняться за правильное лечение перебитой руки»[1547].

Едва придя в себя, Ленин дал знать товарищам и недругам, что его рано списывать со счетов. 6 сентября шло заседание Петроградского Совета. Зиновьев взял слово для срочного заявления.

– Товарищи, в моих руках телеграмма, писанная уже самим товарищем Лениным.

Совет разражается ураганом восторженных аплодисментов. Телеграмма эта подана сегодня в 1 час 10 мин. дня из Кремля. Это, по-видимому, первая телеграмма товарища Ленина после начала его выздоровления»[1548].

Ленин приходил в себя. Но нужно было время для реабилитации, лучше всего – на свежем воздухе. Мальков уверяет, что именно его вызвал Свердлов, у которого находился председатель Московского губисполкома. «Яков Михайлович поручил нам вдвоем найти за городом приличный дом, куда

можно было бы временно поселить Ильича, чтобы он мог как следует отдохнуть и окончательно окрепнуть.

– Никому ничего не рассказывайте, действуйте только вдвоем и в курсе дела держите меня»[1549].

Местом выздоровления станут Горки. В предреволюционные годы усадьбой владели миллионерша Зинаида Григорьевна Морозова, вдова и наследница Саввы Морозова, и ее третий муж – московский градоначальник Анатолий Анатольевич Рейнбот, уволенный в 1907 году за коррупцию и расстрелянный большевиками в 1918-м. Сапронову, которому было поручено обеспечить охрану, имение «очень понравилось»: «Совершенно сохранившийся старинного типа дворянский дом, хорошо оборудован, паровое отопление, электрическое освещение, водопровод и другие удобства. Стоит на возвышенном красивом месте, у подножья большой пруд, невдалеке речка Пахра, кругом очень большой красивый парк, продолжением которого является почти со всех сторон лес. К Горкам с двух сторон идут прекраснейшие шоссе… В тот же день после осмотра Горок я отправился на завод “Проводник” взять пять человек рабочих, которые наспех произвели ремонт водопровода, отопления, и через несколько дней дом был готов»[1550]. Выбор в пользу Горок решило и еще одно обстоятельство, на которое обращал внимание охранявший Ленина Александр Васильевич Бельмас: дом «имел телефонную связь с Москвой. В то время телефонной связи загородных мест с Москвой, кроме Горок, нигде не было»[1551].

Мария Ильинична вспоминала: «Наконец и ходить можно. Можно ехать и в Горки на окончательную поправку. Ильич протестует, но Вейсброду удается все же настоять, что он поедет проводить его туда. Машина трогается»[1552]. Крупская: «Дом был хорошо отстроен, с террасами, с ванной, с электрическим освещением, богато обставлен, с прекрасным парком. В нижнем этаже разместилась охрана: до ранения охрана была весьма проблематична… Не знали, куда сунуться в покоях Рейнбота. Выбрали самую маленькую комнату, в которой Ильич потом, спустя 6 лет, и умер; в ней и поселились. Но и маленькая комната имела три больших зеркальных окна и три трюмо»[1553].

Для охраны Ленина из состава свеаборгского отряда ВЧК было сформировано подразделение из 20 чекистов. Информация о месте пребывания Ленина была закрытой. Сапронова охрана ВЧК не удовлетворила. «Чувство величайшей ответственности за целость единственного вождя величайшей из великих революций не давало мне покоя… Тогда мы решили организовать добавочную охрану. В одной из дач, под видом отдыха в

санатории, поселились несколько человек и негласно принимали участие в охране. Из прилегающих к дому дач пришлось выселить живущих в них».

Что делать с таким большим домом, не знали не только его новые хозяева, но и обслуга. Особенные проблемы возникли с отоплением. «Из-за того, что на зиму не была спущена из труб вода, они все полопались. Первый раз починили, пустили отопление, вдруг обнаруживается течь. Остановили отопление, починили, пустили, и снова течь в новом месте и так без конца»[1554]. Зато, пишет Крупская, «рядом с комнатой, где мы поселились, в большой комнате красовались два камина. К каминам мы привыкли в Лондоне…

– Затопите-ка камин, – попросил Ильич.

Принесли дров, поискали трубы, их не было. Ну, подумала охрана, у каминов, должно быть, не полагаются трубы. Затопили. Но камины-то, оказалось, были для украшения, а не для топки. Загорелся чердак, стали заливать водой, провалился потолок»[1555].

В конце сентября Ленин приехал в Москву показаться лечащим врачам – Минцу, Мамонову и Розанову. Последний уверял, что пациент «выглядел прекрасно: бодрый, свежий, со стороны легких и сердца – полная норма, рука срослась прекрасно, так что протез свободно можно было бросить; жалоба только одна: неприятные, порой болевые ощущения в большом и указательном пальцах больной руки – результат ушиба лучевого нерва. На этой консультации было решено, что доктору Мамонову делать больше нечего, а мы, хирурги, увидимся еще раз недели через полторы-две… Выражаясь нашим врачебный языком, можно сказать, что случай протек изумительно гладко» [1556].

Кто руководил страной в отсутствие Ленина? Свердлов. Вацетис, не встретив возражений, на заседании ВЦИК расскажет: «В сентябре по случаю ранения ВИ работа в Совнаркоме заглохла, и это учреждение временно отошло на второй план. В ответственной роли руководителя обороной страны как по части законодательной, так и исполнительной оказался Всероссийский Центральный исполнительный комитет во главе с т. Свердловым. Свердлов в течение сентября и октября и даже в ноябре принимал довольно деятельное участие в делах РККА…»[1557].

Ленин быстро шел на поправку. Но покушение на него, убийства Урицкого и Володарского стали поводом для официального оформления политики «красного террора». Террор был продиктован и религиозной природой большевизма, не терпевший инакомыслия и инакодействия, и характером эпохи, и личностью вождя, и российской спецификой.

Марксизм-ленинизм не отрицал насилия. Сам Ленин писал, что «социализм вообще против насилия над людьми. Однако, кроме христианских анархистов и толстовцев, никто еще не выводил отсюда, что социализм против *революционного* насилия»[1558]. При этом Ленин тщательно старался избегать ситуаций, когда на его имя могла бы лечь тень ответственности за акты террора. Он не оставлял своей подписи на приказах о расстрелах. Однако свидетельств тому, что именно он выступал главной движущей силой террора, предостаточно. Когда кто-нибудь в разговоре с моим дедом противопоставлял «гуманизм» Ленина зверствам Сталина, он только посмеивался. Молотов считал Ленина куда более жестким человеком, чем Кобу: не только Сталину, но даже куда более беспощадным Дзержинскому или Троцкому не раз доставалось от вождя за мягкотелость и либерализм: «Кисельная у нас власть, а не диктатура»[1559].

Принципиальные решения о репрессиях, расстрелах важных заключенных принимались на заседаниях ЦК (позднее Политбюро), где Ленин председательствовал. Говорит Троцкий: «Ленин при каждом подходящем случае вколачивал мысль о неизбежности террора»[1560]. Подтверждают это и – относительно – миролюбивые женщины. Крупская писала: «Ильич отмечал, что пагубно отразилась на судьбе Парижской коммуны та мягкость, с которой рабочие массы и рабочее правительство относились к заведомым врагам. И потому, говоря о борьбе с врагами, Ильич всегда, что называется, “закручивал”, боясь излишней мягкости масс и своей собственной»[1561].

Есть свидетельства и самого Ленина, разбросанные по десяткам статей, речей и записок, произнесенные и написанные задолго до выстрелов Каплан. Ленин 26 июня 1918 года с возмущением писал Зиновьеву: «Только сегодня мы услышали в ЦК, что в Питере *рабочие* хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы (не Вы лично, а питерские цекисты или пекисты) удержали. Протестую решительно! Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, *тормозим* революционную инициативу масс, *вполне* правильную. Это не-воз-мож-но! Террористы будут считать нас тряпками. Время архивоенное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего *решает*».

Девятого августа Ленин наставлял председателя Нижегородского губсовдепа Федорова: «В Нижнем, явно, готовится белогвардейское восстание. Надо напрячь все силы, составить тройку диктаторов (Вас, Маркина и др.) навести

тотчас массовый террор, *расстрелять и вывезти сотни* проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т. п. … Надо действовать вовсю: массовые обыски. Расстрелы за хранение оружия»[1562]. И так далее.

Ленин был чужд нравственных колебаний и имел ярко выраженную склонность к жестокости. Впрочем, в своем пренебрежении к человеческим жизням он был вовсе не одинок в российской истории. Максим Горький в сердцах заметил: «Поголовное истребление несогласно мыслящих – старый, испытанный прием внутренней политики российских правительств. От Ивана Грозного до Николая II этим простым и удобным приемом борьбы с крамолой свободно и широко пользовались все наши политические вожди – почему же Владимиру Ленину отказываться от такого упрощенного приема?»[1563]. Вот только никому из предшественников Ленина на российском престоле не приходило в голову объявлять и проводить политику массового террора в отношении собственных подданных. Горькому «часто приходилось говорить с Лениным о жестокости революционной тактики и быта.

– Чего вы хотите? – удивленно и гневно спрашивал он. – Возможна ли гуманность в такой небывало свирепой драке? Где тут место мягкосердечию и великодушию? Нас блокирует Европа, мы лишены ожидавшейся помощи европейского пролетариата, на нас, со всех сторон, медведем лезет контрреволюция, а мы – что же? Не должны, не вправе бороться, сопротивляться? Ну, извините, мы не дурачки…

Я очень часто одолевал его просьбами различного рода и порою чувствовал, что мои ходатайства о людях вызывают у Ленина жалость ко мне. Он спрашивал:

– Вам не кажется, что вы занимаетесь чепухой, пустяками?»[1564].

Горький же фактически возьмет Ленина под защиту: «Невозможен вождь, который – в той или иной степени – не был тираном. Вероятно, при Ленине перебито людей больше, чем при Уоте Тайлоре, Фоме Мюнстере, Гарибальди. Но ведь и сопротивление революции, возглавляемой Лениным, было организовано шире и мощнее»[1565].

Сразу после ранения Ленина по инициативе Свердлова и Дзержинского было принято постановление «О красном терроре», который стал официальной политикой. Был опубликован приказ наркома внутренних дел Петровского: «Расхлябанности и миндальничанию должен быть немедленно положен конец. Все известные местным Советам правые эсеры должны быть немедленно арестованы. Из буржуазии и офицерства должны

быть взяты значительное количество заложников. При малейших попытках сопротивления или малейшем движении в белогвардейской среде должен приниматься безоговорочно массовый расстрел». Всего в отместку только за Урицкого казнили 800–900 классово чуждых горожан. В Москве были публично расстреляны 80 человек, среди них несколько высших царских сановников. За Ленина счет пошел уже на тысячи. В сентябре во исполнение декрета ВЦИК «О красном терроре» были образованы три концентрационных лагеря – два в Москве и один в Петрограде[1566].

После покушения на Ленина принимались повышенные меры безопасности. «На перекрестках улиц стояли команды солдат, – замечал Локкарт. – По городу, внешний вид которого за сорок восемь часов совершенно изменился, полз страх»[1567]. Ему трудно было не обратить внимание на перемены. Покушения были восприняты чекистами, помимо прочего, как начало реализации «заговора послов». В ночь на 1 сентября арестовали Локкарта. Но уже на следующий день освободили. Рейли ушел через Петроград.

Ленин вместе с тем не раз говорил о терроре как мере вынужденной и ответной.

– Террор был нам навязан терроризмом Антанты, когда всемирно-могущественные державы обрушились на нас своими полчищами, не останавливая ни перед чем. Мы не могли бы продержаться и двух дней, если бы на эти попытки офицеров и белогвардейцев не ответили беспощадным образом, и это означало террор[1568].

И в чем-то он был прав. Белый террор был реальностью и носил ничуть не меньшие масштабы, чем красный. Вот что наблюдал генерал Грейвс: «Солдаты Семенова и Калмыкова при поддержке японских войск носились по стране, словно дикие звери, грабя и убивая людей, но эти убийства можно было остановить в любой день, стоило лишь Японии пожелать этого. Когда возникали вопросы по поводу этих зверских убийств, ответ сводился к тому, что убитые люди большевики, и это объяснение, по-видимому, удовлетворило весь мир… Там действительно совершались ужасающие злодеяния, но их совершали не большевики, как думал весь мир. Я не погрешу против истины, если скажу, что на каждого человека, убитого большевиками в Восточной Сибири, приходится сотня убитых их противниками». Грейвс приводил приказ колчаковского генерала Розанова от 27 марта 1919 года: «Деревни, где жители оказывают нашим войскам вооруженное сопротивление, должны быть сожжены дотла. Мужчин следует расстрелять, домашнее имущество, повозки и прочее забрать в пользу армии»[1569]. В одной Екатеринбургской

губернии при Колчаке были расстреляны более 25 тысяч человек.

Ленин не сильно преувеличивал, когда писал: «Расстрелы *десятков тысяч* рабочих. Расстрелы даже меньшевиков и эсеров. Порка крестьян целыми уездами. Публичная порка женщин. Полный разгул власти офицеров, помещичьих сынков. Грабеж без конца. Такова правда о Колчаке и Деникине»[1570]. Нобелевский лауреат Борис Пастернак в «Докторе Живаго» был предельно точен: «Изуверства белых и красных соперничали по жестокости, попеременно возрастая одно в ответ на другое, точно их перемножали. От крови тошнило, она подступала к горлу и бросалась в голову, ею заплывали глаза»[1571].

Красный террор помог создать относительно боеспособную Красную Армию (как белый террор помогал создавать белую).

В отсутствие раненого Ленина постановлением ВЦИК от 2 сентября о превращении Советской Республики в военный лагерь был создан Революционный Военный Совет Республики (РВСР) как высший коллегиальный орган управления и политического руководства Вооруженными силами РСФСР. Под руководством Троцкого и его заместителя врача Склянского РВСР принял командование над всеми военными делами. Оперативное руководство операциями было возложено на штаб Реввоенсовета во главе с военспецами-генералами. Общее руководство осуществлялось Троцким из штабного поезда, на котором он возил с собой автомобили, службы связи, типографию, трибунал, санитарную команду, специалистов по военной инженерии, снабжению, артиллерии, уличным боям.

Троцкий в Свияжске уже 7 сентября получил телеграмму от Ленина: «Выздоровление идет превосходно. Уверен, что подавление казанских чехов и белогвардейцев, а равно поддерживающих их кулаков-кровопийцев будет образцово-беспощадное»[1572]. Троцкий разделял ленинский подход. «Надо было решиться на суровые меры. Я издал приказ, напечатанный в типографии моего поезда и оглашенный во всех частях армии: “Предупреждаю: если какая-либо часть отступит самовольно, первым будет расстрелян комиссар части, вторым – командир. Мужественные храбрые солдаты будут поставлены на командные посты. Трусы, шкурники и предатели не уйдут от пули”»[1573]. По приговорам полевых трибуналов расстреливались не только командиры и комиссары, но и рядовые бойцы.

Ленин же считал, что Троцкий проявлял недопустимую мягкость и укорял его 10 сентября: «Удивлен и встревожен замедлением операции против Казани, особенно если верно сообщенное мне, что вы имеете полную возможность артиллерией уничтожить противника. По-моему, нельзя жалеть города и

откладывать дольше, ибо необходимо беспощадное истребление, раз только верно, что Казань в железном кольце»[1574]. Ленин зря беспокоился. В тот день Казань была освобождена Красной Армией.

«Сочетанием агитации, организации, революционного примера и репрессий был в течение нескольких недель достигнут необходимый перелом, – писал Троцкий. – Из зыбкой, неустойчивой, рассыпающейся массы создавалась действительная армия»[1575]. Железная дивизия Гая 12 сентября освободила Симбирск. Ленину видятся светлые перспективы, и он пишет Троцкому: «Приветствую с взятием Симбирска. По-моему, надо напрячь максимальные силы для ускорения очистки Сибири. Не жалейте денег на премии. Телеграфируйте, спасено ли и сколько ценностей Казани. Я уже завтра начинаю заниматься делами». «Взятие Симбирска – моего родного города, – уверял Ленин, – есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил»[1576]. А Вацетис вместо ранее предлагавшегося Лениным расстрела получил вновь созданную должность главнокомандующего Вооруженными силами РСФСР.

Сталин старался не отставать. Из Царицына он «железной, беспощадной метлой» прочищал тыл, самолично назначая и меняя командиров и комиссаров, чем приводил Троцкого в бешенство: «Категорически настаиваю на отозвании Сталина… У нас успехи во всех армиях, кроме Южной, в особенности Царицынской, где у нас колоссальное превосходство сил, но полная анархия в верхах», – писал Троцкий Ленину 4 октября. Сталин и Ворошилов обвиняли Троцкого в развале фронта и третировании «виднейших членов партии в угоду предателям из военных специалистов… Наша новая армия строится благодаря тому, что рядом с новыми солдатами рождаются новые революционные командиры. Навязывать им заведомых предателей… – это значит расстраивать весь фронт»[1577]. Столкновение двух железных воль вновь высекало искры конфликта, в который Ленину пришлось вмешиваться. В споре о военспецах верх остался за Троцким. В октябре Сталина отозвали из Царицына. Но конфликт продолжится, и он будет иметь серьезные последствия как для судеб всех его участников, так и Вооруженных сил.

Красная Армия перешла в наступление, но была все еще слаба. Член Реввоенсовета 1-й армии Сергей Павлович Медведев писал Ленину о положении в борьбе с чехословаками: «Я убедился, что у нас есть толпы вооруженных людей, а не крепкие воинские части… Большая часть из них состоит из добровольцев.

Никакой военной выучке они не подвергались, и поэтому слишком трудно совершать с ними военные операции. Они могут совершить партизанский набег, но чуть только попадут под военный, а не партизанский огонь – они обнаруживают всю слабость свою и панически бегут от жалкой горстки опытного противника»[1578].

Но все же выздоравливавший Ленин был уже преисполнен оптимизма. 3 октября он уверенно утверждал: «Мы решили иметь армию в 1 000 000 человек к весне, нам нужна теперь армия в три миллиона человек. Мы можем ее иметь. *И мы будем ее иметь*». Разворачивалась система Всевобуча. И 23 октября Ленин радовался, что «прошел тот период, когда мы были бессильны. И мы пошли вперед гигантскими шагами; прошел период, когда у нас не было армии, когда не было дисциплины; создалась новая дисциплина, и в армию пошли новые люди, которые тысячами отдают жизнь». Создаваемая армия рассматривалась Лениным уже не только как инструмент обороны, но и как ударный отряд мировой революции. «Мы должны победить не только белогвардейцев, но и всемирный империализм… Для этого Красная Армия нужна более всего»[1579]. Численность армии вырастет с 360 тысяч человек в июле до 800 тысяч в ноябре 1918 года[1580].

Красная Армия начала одерживать первые победы и по причине относительной слабости противника. Наиболее существенное той осенью: началось разложение чехословацких частей, и они оказались в конфликте в белыми соединениями. Генерал Сахаров свидетельствовал о белочехах: «Ясно, что из массы военнопленных-шкурников не могли образоваться крепкие воинские части… Как только встретили опасность, столкнулись с крепкими красными частями, то повернули назад. Отступление чехов с их “военной добычей” легло теперь всей тяжестью на русское многострадальное офицерство и добровольцев; плохо снабженные, полуголодные, недостаточно даже вооруженные, эти истинные герои прикрывали чешские эшелоны, наполненные здоровыми, сильными людьми, с обилием всяких запасов. Естественно, что чувства русских начали меняться и, вместо прежних иллюзий восхищения освободителями и братьями, стало нарождаться чувство возмущения и презрения к жадным и трусливым чужакам, нашим же военнопленным». Белых офицеров особенно возмущало в чехословаках, помимо трусости и мародерства, еще и то, что они «самым беззастенчивым образом поддерживали партию эсеров, добывали для нее власть над русскими массами»[1581].

На Государственном совещании антибольшевистских сил в

Уфе 23 сентября – из самарского Комуча и омского Временного сибирского правительства – было создано Временное Всероссийское правительство – Директория во главе с правым эсером Авксентьевым. Директория заявила, что «впредь до созыва Всероссийского Учредительного Собрания является единственным носителем верховной власти на всем пространстве Государства Российского». Но оттолкнула от себя значительную часть белого воинства и стратегов Антанты, увидевших в Директории признаки «керенщины». Возник запрос на новые фигуры. Ключевой из них стал адмирал Колчак. Еще летом 1918 года он был доставлен из США в Японию, где поправлял здоровье вместе с возлюбленной Анной Васильевной Тимирёвой на курорте в окрестностях Иокогамы. Там его разыскал глава русского отдела британского военного министерства Альфред Нокс, который писал начальству: «Нет никакого сомнения в том, что он является лучшим русским для осуществления наших планов на Дальнем Востоке».

Девятого октября Временное всероссийское правительство переместилось из Уфы, к которой приближалась Красная Армия, в Омск. А уже 13 октября чехословаками был доставлен в Омск и Колчак. Был создан исполнительный орган Директории – Всероссийский Совет министров во главе с экс-депутатом Госдумы от партии прогрессистов (между кадетами и октябристами) Петром Васильевичем Вологодским. Пост военного и морского министра Директории получил Колчак.

В сопровождении английского Мидлсекского батальона Колчак отправился в штаб Сибирской армии в Екатеринбург и начал знакомиться с фронтовыми частями, которыми командовали чешские генералы Гайда и Сыровой. Был разработан план прорыва красного фронта в направлении Пермь – Вятка – Котлас – на север-запад. Почему столь странное направление главного удара? «Сторонниками этой идеи были англичане, стремившиеся заменить протяженный путь снабжения сибирских войск через Владивосток более короткой северной коммуникацией через Архангельск»[1582].

В это время – в предсмертной агонии – активизировались турки и 15 сентября заняли Баку. Москва в ответ 20 сентября заявила об аннулировании Брестского договора в части, касающейся Турции, и не признала аннексию Турцией Батума, Карса и Ардагана. Тогда турецкие части заняли Дербент, 23 октября – Тимур-хан-шуру (Буйнакск) и пробивались в Порт-Петровск (Махачкала). Однако на большее Турции не хватило. В сентябре англичане разбили турок у Наблуса в Палестине и открыли себе путь к Дамаску, Халепу (Алеппо) и к границам

Турции с юга. Прорыв войсками Антанты Балканского фронта привел к уничтожению или пленению германских и болгарских частей. Болгария капитулировала 29 сентября. Турция лишалась коммуникации с Германией и Австро-Венгрией, и для англо-французских армий открылась дорога на Стамбул»[1583].

Эти последние всполохи Первой мировой войны сопровождали возвращение Ленина в Кремль.

Зал заседаний Совнаркома подвергся по этому случаю чистке и мытью. Появились цветы. «Все наличные члены Совнаркома и лица, имеющие право присутствовать на заседании, были налицо… На всем и на всех лежала печать праздничного настроения. Некоторые члены Совнаркома, беззаботные по части костюмов, приводили свои туалеты в порядок. Был приглашен фотограф и полученные изображения в виде открыток были пущены в широкую продажу»[1584]. Их раскупали, как горячие пирожки.

Ленин впервые «живьем» предстал перед общественностью 22 октября – под «шумные, нескончаемые аплодисменты и крики “ура” – и выступил на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабзавкомов и профсоюзов[1585].

Популярность Ленина после покушения и стремительного выздоровления зашкаливала.

Глава 7
Война после войны

Деникин идет.
Деникина выкинут,
обрушенный пушкой
подымут очаг.
Тут Врангель вам —
на смену Деникину.
Барона уронят —
уже Колчак.

Против всех

Ленин чувствовал, предвкушал и торопил германскую революцию. Еще 1 октября он писал из Горок Свердлову и Троцкому: «Дела так “ускорились” в Германии, что нельзя отставать и нам». Ленин предлагал: «Мы умрем за то, чтобы помочь немецким рабочим в деле движения вперед начавшейся в Германии революции. Вывод: 1) вдесятеро больше усилий на добычу хлеба (запасы *все* очистить и для нас *и для немецких* рабочих). 2) вдесятеро больше *записи* в войско. Армия в 3 миллиона должна быть у нас к *весне* для помощи международной рабочей революции. Эта резолюция должна в среду ночью пойти всему миру по телеграфу». И такая резолюция действительно была оглашена.

Теперь уже Ленин сам давал деньги на революцию – на германскую и мировую. 15 октября он писал Берзину в Берн: «Денег у Вас *много*. Дадим *еще и еще, без счета*. Пишите, сколько. Издавать надо в 100 раз больше, на 4-х языках, листовки в 4–8–16–32 страницы. *Нанять* для этого людей». 18 октября Иоффе в Берлин: «Мы бы должны играть роль бюро для идейной работы интернационального характера, а мы ничего не делаем!! Издавать надо во 100 раз больше. Деньги есть. Переводчиков нанять. А мы ничего не делаем! Скандал».

Своих единомышленников в Германии Ленин 18 октября подбадривал: «Дорогие товарищи! Сегодня получено известие о том, что группа “Спартак” вместе с бременскими леворадикалами предприняла самые энергичные меры, чтобы способствовать созданию рабочих и солдатских Советов по всей Германии… С наилучшими приветами и твердой надеждой на то, что в ближайшем времени можно будет приветствовать победу пролетарской революции в Германии». Сразу, как вернулся к активной работе – 22 октября, – Ленин утверждал:

– Революция назревает не по дням, а по часам, и это не только говорим мы, – нет, это говорят именно все немцы из военной партии и буржуазии.

На следующий день из тюрьмы освобожден лидер «Спартака» и немецких пораженцев Карл Либкнехт. На радостях германские пролетарии устроили антиправительственную демонстрацию у советского представительства. Ленин, Свердлов и Сталин пишут постпреду Иоффе в Берлин: «Передайте немедленно Карлу Либкнехту наш самый горячий привет. Освобождение из тюрьмы представителей революционных рабочих Германии есть знамение новой эпохи, эпохи победоносного социализма, которая

открывается теперь и для Германии, и для всего мира»[1586].

Пятого ноября немецкое правительство, наконец, решило, что Москва преступает все нормы приличия, и обвинило ее в провоцировании революции, потребовало немедленного отъезда Иоффе вместе со всем штатом. Но события раньше смели правительство. Восстание моряков в Киле, отказавшихся дать англичанам последний, «почетный» бой, вызвало цепную реакцию выступлений протеста по всей стране. В Мюнхене образовалось временное правительство на основе Советов во главе с Куртом Эйснером. Баварский король Людовик III отрекся от престола, его примеру последовали монархи Ольденбурга, Брауншвейга и Штутгарта. 7 ноября влиятельный депутат-социалист Филипп Шейдеман в ультимативной форме потребовал отречения кайзера.

Армейская верхушка считает положение безвыходным. Все союзники Германии к этому времени уже капитулировали, последний – Австро-Венгрия – 4 ноября. В Вене голод, национальные революции в Буковине, Чехии, Словакии, Галиции, Австрии, землях южных славян. На совете с кайзером в Спа генералы Гинденбург и Людендорф заявляют, что армия начинает выходить из повиновения, фронт может развалиться в любую минуту, и единственный выход – немедленное перемирие и либерализация правительства. В новый кабинет принца Макса Баденского вошли лидеры центристских партий, радикалы и социал-демократы.

В 1-ю годовщину Октябрьской революции 7 ноября Ленин открывал памятник Марксу и Энгельсу:

– Мы переживаем счастливое время, когда это предвидение великих социалистов стало сбываться. Мы видим все, как в целом ряде стран занимается заря международной социалистической революции пролетариата.

Восьмого ноября Ленин делал доклад о международном положении на VI съезде Советов и излагал диспозицию, оказавшуюся по ряду параметров довольно точной:

– Теперь демократические войска Англии и Франции должны будут служить «для поддержания порядка» – и это говорится, когда в Болгарии и Сербии Советы рабочих депутатов, когда в Вене и Будапеште Советы рабочих депутатов. Мы знаем, что это за порядок. Это значит, что англо-американские войска призываются играть роль душителей и палачей всемирной революции… Мы видим, что для Германии они готовят мир, полный настоящего удушения, мир более насильнический, чем мир Брестский[1587].

Девятого ноября Макс Баденский сообщил кайзеру

Вильгельму II, что социал-демократы требуют его отречения от престола. «Рейхсканцлер, не дожидаясь моего ответа, возвестил от своего имени о моем якобы состоявшемся отречении, как и об отказе от трона со стороны кронпринца, который по этому поводу вообще не был запрошен» [1588], – жаловался Вильгельм II. Он предпочел укрыться в Нидерландах. Шейдеман из окна библиотека парламента провозгласил республику. Социал-демократ Эберт формирует кабинет из трех правых социал-демократов и трех представителей Независимой социал-демократической партии (НСДПГ). Гинденбург признал легитимность правительства при условии восстановления дисциплины в войсках и принятия жестких мер против большевизма. Одновременно Либкнехт в Берлинском дворце Гогенцоллернов объявил Свободную социалистическую республику Германии. Спонтанно возникавшие рабочие и солдатские советы, черпавшие вдохновение в российском примере, начали захватывать власть в свои руки. 10 ноября делегаты от советов сформировали свое временное правительство – Совет народных уполномоченных»[1589].

«Известия из Германии о победе революции» были получены в Москве ночью 10-го. За подписями Чичерина и Ленина была направлена радиограмма «всем пограничным совдепам»: «Канцлер Вильгельм отрекся от престола. Канцлер принц Баденский подал в отставку. Новым канцлером будет правительственный социал-демократ Эберт. Во всех крупных городах Южной Германии всеобщая забастовка. Весь германский флот на стороне революции. В руках революционного флота все германские гавани Северного и Балтийского морей. …Всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами доведите эти факты до сведения германских солдат»[1590]. Свершилось!

«8–9–10–11 ноября вести о германской революции целиком захватили Ильича, – рассказывала Крупская. – Он непрестанно выступал. Лицо его радостно светилось, как светилось 1 мая 1917 г. Октябрьские дни первой годовщины были одними из наисчастливейших дней в жизни Ильича»[1591]. 13 ноября Москва денонсировала Брестский мир.

Об идейных метаниях Ленина в те дни вспоминал Чичерин: «В момент крушения Германской империи первым решением ВИ было предложение помощи германскому народу для ведения им народной войны против вторжения иностранного империализма. Но Германская республика пошла по другому пути. Как только я прочитал ленту моих разговоров по прямому проводу с Гаазе, он сказал:

– Ничего не выйдет, это надо прекратить»[1592].

Германское правительство 21 ноября обратилось к Москве с просьбой сделать заявление о признании и обязательстве «воздерживаться от всякого воздействия на немецкое население с целью образования другого правительства». Отказаться от поддержки мировой революции?! Ленин, поразмыслив, дал 23 ноября инструкцию Чичерину: «Надо составить ответ *очень* подробный и *ядовитый.* Признаем ли немецкое правительство? *Признают ли его все* Совдепы Германии? Если да, признаем и мы. "Не воздействовать?" Словом, печатью? *С точки зрения демократии или диктатуры?* Просим выяснить, но заявляем, что, если *ультимативно* потребуют, чтобы мы *не вели агитации*, мы из-за этого *не* порвем». Так и ответили. Ленин полон предвкушений расширения и углубления революции. 26 ноября он утверждал:

– Советы рабочих депутатов образованы в Румынии и Австро-Венгрии. А в Германии советы высказываются против учредилки, и через несколько, может быть, недель падет правительство Гаазе-Шейдемана и будет заменено правительством Либкнехта[1593].

В Берлине «красная неделя» – германские коммунисты попытаются силой захватить власть. Почти получилось. «В руках коммунистов уже большая часть столицы, но правительство охраняется… Горсть преданных офицеров – преданных Германии, – переодетых в солдатскую форму, но хорошо вооруженных гранатами и пулеметами, охраняют слабое ядро гражданского правительства. Их только горсть, но они побеждают. Морская дивизия, зараженная большевизмом, захватывает дворец, но после кровопролитного боя выбита оттуда верными войсками»[1594]. Исключительная роль в спасении правительства принадлежала Густаву Носке, правому социал-демократу и рейхсминистру обороны, облеченному диктаторской властью. В коммунистическую риторику он войдет как «кровавый Носке».

Германские власти перешли в контрнаступление. 15 января 1919 года убиты Карл Либкнехт и Роза Люксембург. С балкона здания Моссовета Ленин выступал перед многотысячной толпой, над которой колыхались траурные знамена:

– Сегодня в Берлине буржуазия и социал-предатели ликуют… Эберт и Шейдеман, в течение 4-х лет гнавшие рабочих на убой ради грабительских интересов, теперь взяли на себя роль палачей пролетарских вождей. На примере германской революции мы убеждаемся, что «демократия» есть только прикрытие буржуазного грабежа и самого дикого насилия. Смерть палачам![1595]

По итогам парламентских выборов 19 января было

сформировано правительство социал-демократов, демократов и центристов во главе с Шейдеманом, президентом они назначили Эберта. Немедленная пролетарская революция в Германии не получилась. Но в следующие три месяца продолжались попытки установления советской власти – в Бремене, Штутгарте, Киле, Брауншвейге, Лейпциге, Дрездене, в Рурской области. Ленин был уверен, что Германия переживает свой 1917-й.

Перемирие в Компьене было подписано в железнодорожном вагоне на запасных путях и вступило в силу в одиннадцатом часу одиннадцатого числа одиннадцатого месяца 1918 года. «В этот ноябрьский вечер владыками мира казались три человека, возглавлявшие правительства Великобритании, Соединенных Штатов и Франции, – писал Уинстон Черчилль. – В их руках были силы непобедимых армий и флотов, без разрешения которых ни одно надводное или подводное судно не смело пересекать морей. Не было ни одного такого мудрого, справедливого и необходимого решения, которое они не могли бы сообща провести в жизнь… В их руках была победа, – победа абсолютная, ни с чем не сравнимая. Как поступят они – победители?»[1596]. Ллойд Джордж, Клемансо и Вильсон договорились собрать конференцию в Версале и построить прочный фундамент вечного мира.

Это было время эйфории победителей и трагедий побежденных. Первая мировая унесла жизни 10 миллионов солдат, не считая потерь среди мирного населения. Чисто боевые потери Германии составили 1,8 млн, Австро-Венгрии – 1,3, Турции – 325 тысяч, Болгарии – 90 тысяч; России – 1,7 млн, Франции – 1,4, Великобритании – 743 тысячи, Италии – 615 тысяч, Румынии – 335 тысяч[1597]. В 1919 году французский поэт и философ Поль Валери писал, что «теперь и мы, цивилизации, знаем, что мы смертны».

Три лидера, от которых в тот момент зависела судьба мира, готовились к Парижской конференции победителей в разном настроении и решая различные задачи.

«Окончание Великой войны подняло Англию на небывалую высоту», – справедливо констатировал Черчилль. Но прекращение войны стало и болезненным барьером. «Нам нужно было собрать все свои силы, чтобы привезти на родину и демобилизовать наши войска, насчитывавшие тогда в Великобритании и за границей почти четыре миллиона человек, провести реконструкцию нашей промышленности и заключить мир»[1598]. Англия болезненно осознавала, что утратила роль мирового экономического и финансового центра, превратившись из кредитора США в их

должника. Вернулась партийная политика, и представители различных партий вновь в привычном стиле вцепились друг другу в глотки. «Массы выдвигали три ближайшие и весьма громкие требования: повесить кайзера, отменить воинскую повинность и заставить немцев заплатить все до последнего гроша». Брошенный Ллойд Джорджем призыв «Обыскать их карманы» стал лозунгом дня. Волновалась армия.

После войны Франция, казалось, тоже вышла на пик своего мирового величия. «Она еще истекает кровью, но она уже точно не сломлена. Поражение Германии и распад России и Австрии сделали ее первой и не имеющей себе равных страной континентальной Европы. Она приобрела новые африканские колонии, принадлежавшие раньше Германии. Она связала себя отношениями близкой дружбы и сотрудничества с Британией и Америкой. Никогда еще со времени Наполеона I слово “француз” не звучало так гордо»[1599]. Но каждый четвертый мужчина в возрасте от 18 до 30 лет погиб на войне. Север и восток страны – основные промышленные районы – развалены, испещрены окопами, воронками от бомб и снарядов, минными полями. На погашение долгов США и Англии Париж вынужден будет тратить четверть бюджета страны. «Отец победы» Жорж Клемансо основной задачей считал максимальное ослабление Германии, обеспечения базы для восстановления экономики за счет территориальных приращений и репараций с Берлина.

Самой могущественной фигурой на планете выглядел Вильсон. Участие более миллиона американских солдат в боях на Западном фронте стало решающим фактором успехов Антанты. США оказались единственной воюющей страной, экономика которой сделала рывок, прочно закрепившись на ведущей позиции в мире. Они производили 60 % чугуна и стали на планете, две трети нефти и 85 % автомобилей. Экспорт вырос с 2,4 до 7,9 млрд долларов, размер американских займов союзникам достиг 11 млрд долларов[1600]. Но было одно немаловажное осложняющее обстоятельство. Компьенское перемирие было подписано сразу же после промежуточных выборов, на которых демократы Вильсона потерпели поражение. Большинством в обеих палатах Конгресса теперь располагали республиканцы – сторонники «огораживания» от европейских проблем.

Отъезд Вильсона на конференцию в Европу вызвал в США настоящий ажиотаж. Когда «Джордж Вашингтон», нареченный кораблем мира, отходил от нью-йоркской пристани, в небе реяли аэропланы и прозвучал салют из 21 залпа. Еще бы: до того момента президент Соединенных Штатов ни разу не отправлялся

в зарубежное турне. Клемансо и Ллойд Джордж пригласили Вильсона устроить встречу на острове Уайт (ныне широко известный офшор у британских берегов). 1 декабря 1918 года самые могущественные люди на планете собрались, чтобы обсудить будущее человечества. Как выяснится, мысли о России немало занимали их умы.

Прекращение Первой мировой войны, казалось бы, лишало западные державы интереса вмешиваться в российские дела. После капитуляции Германии, битва с которой была главным оправданием военного вмешательства в России, оправдывать такое вмешательство было сложнее. Но цели интервенции, связанные с поддержкой Белого движения и свержением советской власти, не были реализованы. «Красная угроза» ощущалась как все более реальная, особенно на фоне германских событий. И появились свободные от войны с немцами вооруженные силы. Именно это имел в виду Ленин, когда на фоне Германской революции предостерегал:

– Если мы никогда не были так близки к международной пролетарской революции, то никогда наше положение не было так опасно, как теперь. Империалисты были заняты друг другом. И теперь одна из группировок сметена группой англо-франко-американцев. Они главной задачей считают душить его главную ячейку, Российскую Советскую Республику[1601].

Первым решением, принятым на острове Уайт, было – создать Лигу Наций, которая включала бы в себя все государства планеты. Но с одним исключением – России большевиков, которые «представляют лишь интернационал – учреждение и идею, которая совершенно чужда и враждебна нашей цивилизации». Вторая резолюция гласила: «Русскому народу нужно предоставить возможность избрать национальное собрание, которое и должно рассмотреть поставленные на очередь вопросы мира». Послали за Главнокомандующим союзными войсками маршалом Фошем:

– Что вы можете сделать в России?

– Особых трудностей нам не представится, и вряд ли придется долго воевать, – ответил он. – Несколько сотен тысяч американцев, горячо желающих принять участие в мировых событиях, действуя совместно с добровольческими отрядами и французскими армиями, с помощью современных железных дорог могут легко захватить Москву. Вам нужно только дать мне соответствующий приказ.

В ответ он услышал:

– Это не только вопрос военной экспедиции, это – вопрос мировой политики.

Большая роль в решении русского вопроса, считали лидеры

держав, должна была быть предоставлена также Германии как имеющей в нем наибольший опыт. Это одновременно избавило бы немцев от комплекса национального унижения. Поэтому третья резолюция встречи гласила: «Германию нужно пригласить помочь нам в освобождении России и восстановлении Европы»[1602]. Осведомленный генерал Лукомский замечал: «Воевать с большевиками державы Согласия не хотели, да и настроение их войск, бывших на севере России, определенно указывало, что после окончания войны с Германией начинать непонятную для солдат борьбу с большевиками более чем рискованно»[1603]. Но в изобретательности западным столицам невозможно было отказать, а бросить уже начатое дело Гражданской войны в России было жалко.

Страны Антанты решили направить дополнительные силы в Россию, где их с понятным нетерпением ждали в белых армиях. В ноябре 1918 – феврале 1919 года 130 тысяч французских, английских и греческих военнослужащих высадились в Новороссийске, Севастополе, Одессе, Херсоне, Николаеве. Великобритания направляла 30-тысячную армию в Закавказье, которая высадилась в Батуме и быстро заняла Кавказскую железную дорогу от Черного моря до Баку. В Омске находились два английских батальона под командованием члена парламента полковника Уорда, а также несколько французских и итальянских отрядов. Поспешно создавалась сибирская белая армия. «Из одних только британских источников она получила 100 тысяч ружей и 20 пулеметов. Большинство солдат были одеты в мундиры британской армии»[1604].

Победоносный Запад консолидировал свой контроль над внутрироссийскими оппозиционными силами, сделав ставку на сильных игроков из императорской армейской верхушки, не имевших либеральных или социалистических представлений. В ночь с 17 на 18 ноября в Омске был совершен военный переворот. Директорию свергли и арестовали ее лидеров из числа эсеров – Авксентьева, Зензинова, Роговского. Вся полнота власти перешла Колчаку. Совет министров Сибирского правительства провозгласил Колчака Верховным Правителем России и Верховным главнокомандующим ее сухопутными и морскими силами. Но в середине декабря Верховным советом Антанты в Омск был направлен французский генерал Жанен в качестве Главнокомандующего русскими и союзными войсками. Колчак, становившийся было чисто декоративной фигурой, резко протестовал, после чего за Жаненом были оставлены функции командования только чехословацкими и другими союзными войсками на российской территории, кроме американских.

«Отбитый у большевиков чехами и белогвардейцами еще в августе 1918 года в Казани золотой запас Российской империи позволял Колчаку осуществлять крупные закупки оружия и военного снаряжения у союзников… Общая номинальная стоимость запаса превышала 650 миллионов рублей, а на оплату поставок из-за рубежа Правительством было израсходовано 242 миллиона»[1605]. Заказы на снаряды и патроны были сделаны в Японии. Офицерские кадры начали готовить во Владивостоке, на острове Русском, англичане – в так называемой «школе Нокса». На Дальнем Востоке и в Сибири появились английские, американские, французские и японские компании, начавшие освоение золота, редких металлов, леса, пушнины.

В конце 1918 года численность колчаковской армии оценивалась в 100–120 тысяч человек. К марту 1919 года она выросла до 150–170 тысяч. Кроме этого, в Сибири были дислоцированы 36 тысяч японцев, 25 тысяч чехословаков, 4–5 тысяч американцев, 1–2 тысячи англичан и канадцев, тысяча французов, а также подразделения поляков, сербов, румын и итальянцев.

На юге, писал генерал Слащёв, после прибытия судов Антанты в черноморские порты «в Добровольческой армии появились деньги, оружие, патроны… Район Добровольческой армии расширялся: она захватила Крым, юг Украины и Донецкий бассейн, Кавказ был в ее руках»[1606]. Добровольческая и Донская армии были объединены в Вооруженные силы Юга России под командованием Деникина. Против 45 тысяч белогвардейцев Красная Армия сосредоточила 140–150 тысяч штыков и сабель. 3 января 1919 года Ленин с тревогой телеграфировал Троцкому в Воронеж: «Я очень обеспокоен, не увлеклись ли Вы Украиной в ущерб общестратегической задаче… Инициатива серьезных действий выпадает у нас из рук и под Астраханью, и на Каспийском море, и под Царицыном»[1607].

Опасался Ленин не зря. В январе – феврале 1919 года были поодиночке разбиты большевистские вооруженные отряды на Северном Кавказе. На Восточном фронте зимой большевиками серьезных проблем не предвиделось. Красная Армия в конце 1918 года имела там 750 тысяч бойцов[1608]. Но качество оставляло желать лучшего. Так, Ленин 31 декабря телеграфирует Троцкому: «Есть ряд партийных сообщений из-под Перми о катастрофическом состоянии армии и о пьянстве, посылаю их Вам, просят Вас приехать туда. Я думал послать Сталина, боюсь, что Смилга будет мягок к Лашевичу, который тоже, говорят, пьет и не в состоянии восстановить порядок…» Троцкий на следующий день отвечал из Воронежа: «По оперативным донесениям 3-й

армии я заключил, что там полная растерянность верхов, предложил сменить командование… Согласен на поездку Сталина с полномочиями партии и Реввоенсовета Республики для восстановления порядка, очищения комиссарского состава, строгой кары виновных»[1609].

Ситуация, с которой управлялся Ленин, была критической. Белые войска и западные державы на тот момент контролировали $^5/_6$ территории России. Палитра антибольшевистских сил становилась все более впечатляющей. Против советского правительства выступили Великобритания, Франция, США, Япония, Финляндия, Латвия, Литва, Эстония, Польша, чехословацкий корпус, белая гвардия, многочисленные повстанческие отряды и бандформирования, сепаратистские правительства национальных окраин с собственными вооруженными силами. На контролируемой большевиками территории «не существовало сколько-нибудь крупной террористической организации, которая так или иначе не сотрудничала бы со спецслужбами стран Антанты»[1610]. «Удивительным являлось и то обстоятельство, что на всех фронтах, тянущихся от Двины до Кавказа, шли бои, но война не объявлялась»[1611], – замечал Локкарт. Планов у интервентов было громадье, но они материализовались далеко не в полном объеме.

Французская интервенция была самой краткосрочной: через четыре месяца войска были выведены из-за угрозы полного разложения и бунта на флоте. У Англии элементарно было мало денег. «Ни одна страна не потратила на войну так много, как Британия: немногим менее десяти миллиардов фунтов стерлингов. Это была высокая цена даже за миллион квадратных миль, тем более, что управление ими требовало больше расходов, чем они приносили дохода…»[1612]. У Франции и Великобритании не было сил на новую войну, а у Соединенных Штатов не было желания. Но это вовсе не означало конца вмешательства, была и другая часть плана, состоявшая в том, чтобы, словами Черчилля, «покрыть полностью наши обязательства в области снаряжения и снабжения антибольшевистских сил, пользуясь для этого нашими громадными запасами военного снаряжения, дав белым опытных и знающих офицеров и инструкторов для обучения их собственной армии. Из этого, естественно, вытекало, что мы должны постараться объединить все лимитрофные государства, враждебные большевикам, в одну военно-дипломатическую систему и добиться, чтобы и другие державы по мере возможностей действовали в том же направлении»[1613].

А таких лимитрофов после капитуляции Германии оказалось немало, а особенно на Украине. Ее территория распалась на

множество изолированных районов, которые превратились в арены кровавых столкновений: националистов, казачьих атаманов с собственными бандформированиями, коммунистов, «зеленых», Добровольческой армии, поляков, французов, англичан, греков, вооруженных крестьянских шаек, уголовников.

В центре Украины, в Белой Церкви, 14 ноября 1918 года лидеры Украинской социал-демократической партии образовали Директорию. Внутри нее были и сторонники военного союза с Москвой, как Винниченко; и категорические противники, которые выступали за союз с Антантой, как Петлюра, который сформировал собственные отряды и двинул их на Киев. Туда же с севера устремились красные войска Щорса и Боженко. Немцы сохраняли военное присутствие на Украине до конца ноября, после чего заключили перемирие с Петлюрой. Это позволило германским войскам организованно эвакуироваться, а Петлюре – 14 декабря занять Киев. Скоропадский успел с немецким поездом бежать в Берлин. Командующий высадившимися на Юге Украины союзными войсками французский генерал Ансельм не захотел иметь дело с Директорией, а предпочел взаимодействовать с Добровольческой армией Деникина.

На западе Украины сразу после капитуляции Австро-Венгрии 1 ноября была провозглашена Западно-Украинская Народная Республика (ЗУНР), объединившая земли Восточной Галиции и Буковины. Претензии на нее как неотъемлемую часть Польши тут же заявила Варшава. 3 ноября войска полковника Сикорского (в годы Второй мировой войны он возглавит лондонское эмигрантское правительство) заняли Перемышль, а 22 ноября – Львов. Началась польско-украинская война. Правительство ЗУНР обратилось за помощью к Петлюре. Тот откликнулся направлением войск и подписанием договора между ЗУНР и киевской Директорией об объединении двух украинских государств. Но поляки с этим вовсе не смирились, к весне в Восточной Галиции действовало до 80 % всех польских вооруженных сил, и действовало успешно, стремясь поставить Версальскую конференцию перед фактом своего контроля над этим регионом.

Ближе к Новому году Ленин распорядился сформировать – в Судже – Временное рабоче-крестьянское правительство Украины, руководить которым с поста главного комиссара Госбанка был отправлен уроженец Киевской губернии Георгий Пятаков. Ему помогали Ворошилов и Федор Андреевич Сергеев (товарищ Артем). Свои притязания на власть правительство Пятакова подкрепило силами вновь образованных 1-й и 2-й Украинских дивизий, которые уже в декабре взяли Чернигов и Полтаву, а в

январе – Харьков и Екатеринослав. К этому правительству примкнули и силы атаманов Донченко и Зеленого. 16 января 1919 года Директория не придумала ничего лучшего, как объявить войну РСФСР.

В Белоруссии после вывода немецких войск поддерживавшаяся ими Белорусская Рада власть не удержала, уступив ее Временному рабоче-крестьянскому правительству БССР, созданному в Минске 31 декабря. В феврале первый Всебелорусский съезд Советов признал необходимым «немедленное слияние Белорусской Советской Республики с Литовской Советской Республикой». Точно такое же поручение дал и Первый съезд Советов Литвы. В результате была провозглашена Литовско-Белорусская Республика. От нее раздался призыв: «Немедленно же вступить в переговоры с рабоче-крестьянскими правительствами РСФСР, Латвии, Украины и Эстляндии на предмет создания из этих республик одной Федеративной Социалистической Советской Республики»[1614].

Впрочем, в Литве все было не так просто. В Вильно, который еще не покинули немецкие войска, Национальная Тариба под председательством Анасаса Сметоны объявила об упразднении монархии и создании Литовской Республики. Первое правительство возглавил Вольдемарис. 16 декабря там же возник Совет рабочих, безземельных и малоземельных депутатов, который заявил о низвержении Тарибы и создании Временного рабоче-крестьянского правительства под руководством Мицкявичуса-Капсукаса, работавшего в сталинском Наркомнаце. В конце декабря Тариба эвакуировалась из Вильно вслед за немецкими войсками и обосновалась в Каунасе. Там ее с разрешения Антанты взял под опеку германский корпус генерала Гофмана. Вильно же 1 января 1919 года захватила Польша, считавшая его исконным польским городом. Теперь не утерпела Москва, успевшая признать независимость Литвы. Части Красной Армии через несколько дней выбили поляков из Вильно, Паневежиса и Шауляя[1615].

В Риге 18 ноября 1918 года Народный Сейм провозгласил независимость Латвийской Республики и создал правительство во главе с председателем Крестьянского союза Карлисом Ульманисом. У нового государства не оказалось собственной армии, и она обратилась к немцам за помощью – организовать свой ландсвер. За это охотно взялся генерал фон дер Гольц, известный нам по его финской операции и захвату Гельсингфорса. Германия прислала вооружения на 26 рот, из которых, как планировалось, 18 будут литовскими, 7 – немецкими и 1 – русская, составленная из находившихся в

немецком плену. К январю 1919 года латвийские вооруженные силы насчитывали уже 40 тысяч человек. На стороне большевиков выступала возвращенная на родину из России Латышская стрелковая дивизия. Она защищала Социалистическую Советскую Республику Латвию, провозглашенную в Валке. Руководить ею Ленин направил Петериса Стучку. При поддержке Красной Армии и войск Литовско-Белорусской Республики удалось оттеснить силы фон дер Гольца и Ульманиса в Лиепаю.

В Эстонии первым сорганизовалось таллинское Временное правительство, возглавляемое Яаном Тыннисоном. 11 ноября 1918 года появилась Эстонская Республика, ее президентом стал Константин Пяст. В пику ему в Нарве 29 ноября была провозглашена Эстонская Трудовая Коммуна под руководством Яана Альвеста. Временное правительство обратилось за подмогой к Финляндии и Британии. Английская эскадра 12 декабря вошла в Таллинский порт, привезя с собой оружие и более 20 тысяч добровольцев из Скандинавских стран, готовых побороться с большевизмом. Они выступили главной ударной силой, за неделю изгнавшей красноармейцев за пределы Эстонии.

Как видим, все более напористым игроком на западных границах становилось новое независимое государство, пользующееся полным расположением Антанты – Польша. На II съезде Советов, провозгласившем Советскую власть, от польских трудящихся выступал Дзержинский, который утверждал: «У нас будет одна братская семья народов, без распрей и раздоров»[1616]. Этот оптимистический прогноз, мягко говоря, не оправдался. Как отмечал Вилнис Сиполс, «с момента образования независимой Польши в конце 1918 г. и в течение последующих двух десятилетий Польша была одним из самых агрессивных государств Европы»[1617].

Россия признала независимость Польши еще во время Первой мировой войны. Декретом, подписанным Лениным 29 августа 1918 года, отменялись «все договоры и акты, заключенные правительством бывшей Российской империи с правительствами королевства Прусского и Австро-Венгерской империи, касающиеся разделов Польши»[1618]. После поражения Германии и ее союзников Польша конституировалась как самостоятельное государство уже 7 ноября 1918 года, объединив земли австрийской Галиции и еще недавно российского Царства Польского. Недолго там было двоевластие. 11 ноября был создан Варшавский Совет рабочих депутатов. Параллельно Советы стали формировать правые социалисты – ППС-фракция, национальный рабочий союз, Бунд. А 14 ноября созданный еще немцами Регентский совет вручил власть Юзефу Пилсудскому.

Пилсудский был давним знакомым и коллегой Ленина. Впервые он был отправлен в ссылку по тому же делу о покушении на императора Александра III, по которому брат Ленина был казнен. Вернувшись из Сибири, Пилсудский возглавил Польскую социалистическую партию, участвовал в экспроприациях, вел пораженческую пропаганду. Во время Первой мировой войны он формировал польские воинские части, действовавшие в составе австро-венгерской армии. Пилсудский принял пост председателя Регентского совета, начальника страны и Верховного главнокомандующего. Ллойд Джордж напишет: «Поляки нашли себе вождя, который очень хорошо подходил для предъявления требований, основанных не на справедливости, а на силе, и для которого патриотизм был единственным критерием права»[1619]. Ясно, что требования были предъявлены к России.

В сборнике «Из глубины», изданном в 1918 году, выдающийся философ права Павел Иванович Новгородцев писал: «Не только государство наше разрушилось, но и нация распалась. Революционный вихрь разметал и рассеял в стороны весь народ, рассек его на враждебные и обособленные части. Родина наша изнемогает в междоусобных распрях. Неслыханное расстройство жизни грозит самыми ужасными, самыми гибельными последствиями. Захваты и завоевания неприятеля почти не встречают противодействия, и, кажется, всякий может сделать с Россией, что хочет. Только самые черные дни нашей прошлой истории могут сравниться с тем, что мы сейчас переживаем»[1620]. Новгородцев ошибался. Худшее было впереди.

Тотальная оборона

Советская Россия казалась обреченной. И Ленин осознавал ее хрупкость.

Интервенции, Гражданской войне и потере большей части страны он противопоставил то, что до этого не удавалось никому – *тотальную войну*. Идея превратить всех, от мала до велика, в единый механизм, противостоящий внешним и внутренним вызовам, спаянный мессианской идеей, террором и железной дисциплиной, готовый идти на любые лишения, – настоящее ленинское know-how.

Для объединения усилий фронта и тыла в конце ноября 1918 года был создан чрезвычайный орган управления – Совет рабочей и крестьянской обороны (СРКО) во главе с Лениным. Это была надстройка над Совнаркомом, «формально высший чрезвычайный государственный центр власти, вставший над образованным 2 сентября Я. М. Свердловым и Л. Д. Троцким Революционным военным советом республики; фактически – ленинский орган диктатуры»[1621].

Ленин фактически делал то, что до него сделал Николай II, когда в 1915 году стал Верховным Главнокомандующим, и сделает Сталин в 1941 году – брал управление войной в свои руки. Но было и отличие: Ленин не сидел каждый день над картами и не планировал детали каждой военной операции. Он руководил именно стратегией тотальной войны.

Сергей Сергеевич Каменев, назначенный в сентябре 1918 года на должность командующего Восточным фронтом, которому предстояло стать Главкомом, рассказывал: «Оказывается, можно просто, что называется формально, воевать – то, что имело место в империалистической войне, и можно действительно драться за победу – это то, чему меня научило руководство ВИ». Ленин уничтожал грань между фронтом и тылом, превращая всю страну в единый военный лагерь. «Тыла, по сути дела, просто не существовало. Достигнуто это было правилом ВИ, согласно которому “раз дело дошло до войны, то все должно быть подчинено интересам войны, вся внутренняя жизнь страны должна быть подчинена войне, ни малейшее колебание на этот счет недопустимо”… Абсолютно новым в военном деле тут является постановка требования *всю внутреннюю жизнь страны подчинить войне*, – вот именно тут и стирались грани, отделяющие фронт от тыла, именно тут создавалась, если можно так выразиться, монолитность всей организации борьбы. Проведение в жизнь этого правила является новой наукой о

войне. Государственные органы перестраивают свою работу. Создаются новые государственные органы с чрезвычайными полномочиями – Чусоснабарм [7], Продарм. Местная власть перестраивается, где это необходимо по ходу событий, в гибкую, весьма подвижную, с громадными полномочиями организацию ревкомов, работа которых протекает в тесной увязке с военным командованием».

Создавалась жесткая партийная вертикаль, пронизавшая армию сверху донизу, параллельная военной вертикали. «Основным костяком Красной Армии были рабочий класс и революционные командиры – члены партии. Большевики были цементирующим началом в отношении как политической сознательности, так и боевой стойкости частей. Крестьяне из бедняков быстро сливались с основным костяком, усиливая его численно. Остальное крестьянство крепко обрабатывалось этими кадрами». Сама армия превращалась в инструмент политики.

Ленин тщательно подбирал и перебирал командный состав, и особенно комиссарский. «Нужно было большое знание качеств тех товарищей, которые получали ответственные назначения в Красной Армии, и ВИ знал каждого из них. Ближе я знал членов РВС фронта и армий… Знакомство этих товарищей с военным делом меня, достаточно искушенного в этой специальности, сплошь и рядом удивляло. В отношении же их боевых качеств: самоотверженности, находчивости, решимости, смекалистости – они были положительно выкованы и закалены по одной школе, по одному образцу. Самым же веским доказательством является то, что многие из членов РВС были позднее назначены командующими армиями и хорошо справлялись с делом управления войсками».

Одновременно Ленин окончательно становится на позицию широкого использования военспецов. Да, и от него можно было слышать немало заявлений в духе «военной оппозиции». 24 ноября 1918 года он утверждал, что «старый командный состав состоял преимущественно из избалованных и извращенных сынков капиталистов, которые ничего не имели общего с простым солдатом. Поэтому-то теперь, строя новую армию, мы должны брать командиров только из народа. Только красные офицеры будут иметь среди солдат авторитет и сумеют упрочить в нашей армии социализм». Ленин не испытывал никаких иллюзий в отношении лояльности военспецов: «…Несомненно, что военспецы дадут в ближайшее время повышенный процент изменников, подобно кулакам, буржуазным интеллигентам, меньшевикам, эсерам».

Однако он придет к твердому выводу: «Каким образом

строить социалистическую армию при помощи специалистов царизма?! Оказалось, что мы ее построили только так. И если мы подумаем над задачей, которая здесь выпала на нашу долю, то нетрудно понять, что так только и можно было построить»[16221623]. Красную Армию создавали профессиональные офицеры, охотно записывавшиеся в нее после начала немецкого наступления и интервенции западных держав. Красноармейскую форму надели высшие офицеры и генералы генштаба – Свечин, Егорьев, Зайончковский, Каменев и другие – и даже два бывших военных министра Николая II – Поливанов и Шуваев. Командный состав РККА на три четверти состоял из генералов и офицеров царской армии. На стороне большевиков воевали 775 генералов, 1726 офицеров бывшего императорского генштаба и 75 тысяч офицеров старой армии. В 1920 году Ленин скажет:

– Тысячи бывших офицеров, генералов, полковников царской армии нам изменяли, нас предавали, и от этого гибли тысячи лучших красноармейцев… Но десятки тысяч нам служат, оставаясь сторонниками буржуазии, и без них Красной Армии не было бы[1624].

Налаживалась пропаганда в войсках (в царской армии ее чаще всего заменяла молитва). «Сегодня красноармейские полки проходят интенсивнейшую политическую обработку, а завтра они – сильнейшие носители полученной зарядки – уже сами заряжают окружающую среду, поднимают эту среду на борьбу за задачи социалистической революции. Они вносят развал в ряды бойцов белогвардейских частей или войск интервентов». Большевики организовали систематическую подрывную работу на территории противника. «Политическая работа идет и на территории, занятой белогвардейцами, она принимает и там свое боевое оформление в виде партизанских отрядов, – писал Сергей Каменев. – Эти последние, как и части Красной Армии, также становятся сильными не только как боевые единицы, но и как носители идеи и задач социалистической революции уже на территории врага»[1625].

Командование Красной Армии отказалось от веками проверенных методов позиционной войны. Для Фрунзе главной особенностью Гражданской войны была «величайшая маневренность и величайшая подвижность всех операций… В части тактики широкое применение имела практика образования ударных массированных кулаков. Затем ярко проявилось стремление искать решения путем энергичных наступательных операций»[1626].

Важнейшим инструментом тотальной войны становились собранные спецслужбы, не брезговавшие террором. Костяк кадров

ВЧК составляли вчерашние революционеры-подпольщики, члены РКП(б). Вместе с тем стали широко использоваться и спецы из аппарата дореволюционных спецслужб, множество опытных контрразведчиков и разведчиков. Собственные кадры начали обучать в сентябре 1918 года. В феврале 1919 года был сформирован т. н. Секретный (впоследствии – Секретно-оперативный) отдел ВЧК, в функции которого входили наблюдение за членами и деятельность антисоветских партий, политических групп и организаций, а также борьба с исходившей от них контрреволюционной угрозой. Третья Всероссийская конференция ЧК в начале июня примет «Положение о секретно-политических отделах», задачей которых стали «охрана революционного порядка и предупреждение и пресечение подготавливающихся и совершенных контрреволюционных явлений»[1627].

Большевики создали весьма эффективную военную разведку, которая появилась у них едва ли не раньше, чем невоенная. В штабе РВСР был Разведывательный отдел. В ноябре 1918 года в составе Полевого штаба РВСР был создан центральный орган военной разведки – Регистрационное управление (Региструпр). В нем были поначалу два отдела – агентурный (разведка) и военного контроля (контрразведка), к которым вскоре добавилось первое подразделение радиоразведки – приемно-контрольная станция в Серпухове.

После передачи функции контрразведки в ВЧК Региструпр сосредоточился на добывании военной информации. С середины 1919 года он начал создание своих нелегальных резидентур, используя в основном каналы Коминтерна. Подавляющее большинство работавших на советскую разведку иностранцев были коммунистами, которым не надо было рассказывать об их собственных странах. Именно они сделали 1920–30-е годы «эпохой великих нелегалов». Самым секретным направлением деятельности Региструпра стало проведение специальных боевых операций в тылу противника. Одна из самых закрытых спецслужб России – Нелегальная военная организация – начала с подстегивания восстаний в Западной Белоруссии, занятой поляками[1628].

В чем военные видели и как оценивали политическое руководство боевыми действиями? Сергей Каменев был в восторге от Ленина, но не в восторге от Троцкого[1629]. Правда, воспоминания он писал уже после высылки Троцкого из СССР. Бесспорно лишь то, что Ленину приходилось постоянно разруливать конфликты, которые возникали у Троцкого с коллегами по высшему руководству страной и командующими

фронтами и армиями. Ленин определял приоритетность фронтов, направления концентрации основных сил. Смилга свидетельствовал: «Надо было видеть, с какой энергией распоряжался тов. Ленин, собирая силы на тот или другой участок. Вопросы пополнений, снабжения, усиления фронта политработниками, перемены командного и политического состава – все это отнимало у ВИ массу времени… Он часто выводил разговор за пределы непосредственной конкретности, интересуясь, знает ли история военного дела аналогичные случаи и как в том или другом деле способные военачальники поступали. Я утверждаю без колебаний, что к концу гражданской войны Советское правительство имело главу, превосходно разбирающегося в военных вопросах»[1630].

Одно из таких стратегических решений необходимо было принять в конце 1918 года. Ленин 15 декабря писал Склянскому: «NB: паки и паки: ничего на запад, немного на восток, *все* (почти) на юг»[1631]. И это решение – о переброске основных сил на юг – было во многом оправдано, хотя и даст в дальнейшем простор Колчаку. Основная угроза Москве тогда шла с юга.

Версальский не-мир

Той зимой Ленин нашел время принять Александра Ивановича Куприна, который ставил перед собой специальную цель: разглядеть Ленина. Наблюдательнейший писатель оставил «Моментальную фотографию»: «Из-за стола подымается Ленин и делает навстречу несколько шагов. У него странная походка: он так переваливается с боку на бок, как будто хромает на обе ноги; так ходят кривоногие, прирожденные всадники. В то же время во всех его движениях есть что-то “облическое”, что-то крабье. Но эта наружная неуклюжесть не неприятна: такая же согласованная, ловкая неуклюжесть чувствуется в движениях некоторых зверей, например медведей и слонов. Он маленького роста, широкоплеч и сухощав. На нем скромный темно-синий костюм, очень опрятный, но не щегольской; белый отложной мягкий воротничок, темный, узкий, длинный галстух. И весь он сразу производит впечатление телесной чистоты, свежести и, по-видимому, замечательного равновесия в сне и аппетите…

Ленин совсем лыс. Но остатки волос на висках, а также борода и усы до сих пор свидетельствуют, что в молодости он был отчаянно, огненно, красно-рыж. Об этом же говорят пурпурные родинки на его щеках, твердых, совсем молодых и таких румяных, как будто бы они только что вымыты холодной водой и крепко-накрепко вытерты. Какое великолепное здоровье!

Разговаривая, он делает близко к лицу короткие, тыкающие жесты. Руки у него большие и очень неприятные: духовного выражения их мне так и не удалось поймать. Но на глаза его я засмотрелся… От природы они узки; кроме того, у Ленина есть привычка щуриться, должно быть, вследствие скрываемой близорукости, и это, вместе с быстрыми взглядами исподлобья, придает им выражение минутной раскосости и, пожалуй, хитрости…

Голос у него приятный, слишком мужественный для маленького роста и с тем сдержанным запасом силы, который неоценим для трибуны. Реплики в разговоре всегда носят иронический, снисходительный, пренебрежительный оттенок – давняя привычка, приобретенная в бесчисленных словесных битвах. Все, что ты скажешь, я заранее знаю и легко опровергну, как здание, возведенное из песка ребенком. Но это только манера, за нею полнейшее спокойствие, равнодушие ко всякой личности»[1632].

Не ко всякой – Куприн был не прав. В ту зиму «после работы Ленин часто заезжал к Инессе, благо ее квартира была рядом. 16

декабря он дал указание коменданту Кремля Малькову: “Подательница – тов. Инесса Арманд, член ЦИК. Ей нужна квартира на четырех человек. Как мы с Вами говорили сегодня, Вы ей покажете, что имеется, то есть покажете те квартиры, которые Вы имели в виду”. Арманд дали большую квартиру на Неглинной, установили “вертушку” – аппарат прямой правительственной связи. Если Ленин не мог заехать, писал записки». Для нее в аппарате ЦК партии образовали отдел по работе среди женщин. «Но и тут обиделась не Крупская, а главная соперница Арманд в борьбе за политический вес Александра Коллонтай. Она считала себя гранд-дамой революции, однако самой влиятельной женщиной в Советской России стала Инесса»[1633].

И как раз в это время ухудшилось здоровье у Крупской. «После ранения Ильича, тревоги за его жизнь и здоровье осенью у меня сделался острый рецидив болезни, – рассказывала она. – Доктора поили меня всякой всячиной, укладывали в постель, запрещали работать; плохо помогало. Санаториев тогда не было. Отправили меня отлеживаться в Сокольники, в лесную школу, где не полагалось говорить о политике, о работе. Завела дружбу с ребятами, а по вечерам приезжал почти каждый день Ильич, в большинстве случаев с Марией Ильиничной»[1634].

Неизвестно, насколько часто Ленин ездил проведывать супругу, но 19 января, когда для детей была устроена елка, он действительно поехал в Сокольники в сопровождении сестры. И вновь чуть не распрощался с жизнью. Мария Ильинична рассказывала: «Кроме шофера нас сопровождал в этих поездках товарищ Чебанов, состоявший в охране ВИ… Поехали мы, помнится, около шести часов вечера. По случаю праздничного дня на улицах было довольно много народу… Когда мы были почти у железнодорожного моста, раздался вдруг крик: “Стой!” Кричали несколько человек, которые стояли у самой дороги.

Думая, что мы имеем дело с милиционерами, которые хотят проверить наши документы, и опасаясь, что, если не остановить сразу машину, можно подвергнуться обстрелу со стороны милиции, мы попросили шофера остановиться. Машина остановилась. Но каково же было наше изумление, когда остановившие наш автомобиль люди (помнится, их было трое) моментально высадили нас всех из автомобиля и, не удовлетворившись пропуском, который показал им ВИ, стали обыскивать его карманы, приставив к его вискам дула револьверов, забрали браунинг и кремлевский пропуск.

– Моя фамилия Ленин, – сказал им ВИ.

Но они не обратили на это внимания. Не понимая, что

происходит и с кем мы имеем дело – формы у милиции тогда еще не было, – я бросилась к одному из остановивших нас, который продолжал держать дуло револьвера у виска ВИ. Это был высокий блондин в короткой теплой куртке, с серой меховой папахой на голове, с очень спокойным и невозмутимым лицом.

– Что вы делаете, – сказала я ему, – ведь это же товарищ Ленин! Вы-то кто? Покажите ваши мандаты.

– Уголовным никаких мандатов не надо, – спокойно ответил он мне с усмешкой.

Бандиты вскочили в автомобиль, направили на нас револьверы (особенно энергично действовал один из них, черный, с довольно-таки разбойничьей физиономией) и пустились во весь опор по направлению к Сокольникам. Надо отдать им справедливость, что вся эта операция была проделана так артистически ловко и необыкновенно быстро, что даже не обратила на себя внимания прохожих. Думаю, что бандиты поняли, что перед ними Ленин, потому что на лице одного из них было заметно какое-то замешательство, когда он посмотрел пропуск ВИ. Они почувствовали, вероятно, что попали в серьезную историю и что вся Москва (как и произошло на самом деле) будет поставлена на ноги для их поимки. Но рассуждать было уже поздно, и они, повторяю, во весь опор пустились наутек. А мы остались на дороге, не сразу придя в себя от неожиданности и от быстроты, с которой вся эта история произошла, а потом громко расхохотались, увидав, что товарищ Чебанов стоит с бидоном молока (мы везли молоко Надежде Константиновне)… Товарищ Гиль заявил, что он не решился стрелять, так как это привело бы лишь к выстрелам со стороны бандитов, и в этом он был, конечно, прав. Не мог стрелять и товарищ Чебанов, видя, что на ВИ наведены револьверы.

Но что же делать? Мы были на дороге около железнодорожного моста. Кто-то из прохожих указал нам, где помещается Сокольнический Совет, и мы отправились туда… Вызвали машину для себя, сообщили о происшедшем в ВЧК и, кажется, лично Дзержинскому. Пришел и председатель Совета или его заместитель. Покачивая головой, ВИ сказал ему, что это, мол, уже ни на что не похоже, что у самого Совета грабят на улице людей и спросил, часто ли это у них случается. Председатель ответил, что случается довольно часто, что они борются с бандитизмом, насколько могут, но это мало помогает… Тем временем подошла машина, и скоро мы катили уже по направлению к лесной школе на елку. К елке мы, правда, опоздали, но на вечере ребят все же присутствовали, хотя настроение у нас (у меня особенно) было для этого не особенно

подходящее.

Между тем в ВЧК и уголовном розыске происшествие это вызвало переполох, все было поставлено на ноги, и в тот же вечер автомобиль наш был найден в противоположной части города – на набережной около Крымского моста. Благодаря обилию снега на улицах он застрял там в сугробе, бандиты разбежались, а около автомобиля, как рассказывал товарищ Гиль, поехавший на розыски его, лежали убитые милиционер и красноармеец. Как выяснилось потом, в Москве были в этот вечер убиты бандитами 22 постовых милиционера.

Бандиты, совершившие налет на автомобиль ВИ, были арестованы (часть из них была расстреляна при вооруженном сопротивлении) лишь через довольно продолжительное время. Это оказались матерые бандиты, мастера своего дела, имевшие за собой “богатое” прошлое по части грабежей и убийств. На следствии выяснилось, что главарь этой шайки Яков Кошельков писал своей невесте (сохраняем орфографию письма): “За мной охотятся, как за зверем, не какого не пощадят. Что же они хотят от меня? Я дал жизнь Ленину”»[1635]. А ведь и вправду дал.

Этот опыт из жизни Ленин впоследствии вспоминал, говоря о Брестском мире, который был для него своего рода сделкой с бандитом, приставившим пистолет ко лбу. И, оправдывая возможность компромиссов с миром капитала в статье «О компромиссах», он напишет: «Допустим на автомобиль, в котором вы едете, нападают вооруженные бандиты. Допустим, вы, когда вам приставили револьвер к виску, отдаете бандитам автомобиль, деньги, ваш револьвер, и бандиты пускают в ход этот автомобиль и т. д. для совершения дальнейших грабежей. Налицо, несомненно, ваш компромисс с разбойниками… Спрашивается, назовете вы человека, который заключил *такое* соглашение с разбойниками, *участником* бандитизма?.. Нет, не назовете»[1636].

Через два дня после опасного приключения Ленина в Сокольниках в Версале открылась мирная конференция, на которой, с точки зрения главы Советского государства, империалистические бандиты делили мир.

– Я не знаю, страшнее ли дьявол, чем современный империализм[1637], – сомневался Ленин.

В Париже собрались представители 27 государств, которые реально воевали или присоединились к победителям в самом конце войны. «Председательствовал Клемансо, строгий, суровый, белый, как лунь, в маленькой черной шапочке. Против него маршал Фош, всегда очень официальный, сдержанный, в сиянии славы и в то же время любезный. По правую и левую руку от них в

роскошных креслах заседали представители держав-победительниц. Вокруг – гобелены, зеркала, позолота, яркие огни»[1638]. Не были представлены ни Советская Россия, ни Германия. Все главные решения принимались Советом десяти, а потом его наследником – Советом четырех: Клемансо, Ллойд Джорджем, Вильсоном и премьер-министром Италии Орландо: другие государства были допущены только в роли клиентов и просителей. «Одного этого было достаточно, чтобы сложилось впечатление диктата»[1639]. Ленин возмущался и злорадствовал:

– Это – звери, которые награбили добычу со всего мира и теперь не могут помириться. Эти четыре человека замкнулись в группе четырех, чтобы, боже упаси, не посыпались толки, – все они великие демократы… Они сами роют себе могилу, а там у них уже есть люди, которые их в эту могилу опустят и хорошенько закопают.

Ленин имел в виду коммунистов. Он заблуждался по поводу их возможностей, как и беззащитности великих держав от красной волны. И Ленин не был информирован, что четверки уже не было: с 20 марта по 19 апреля Ллойд Джордж, Клемансо и Вильсон заседали только втроем, причем разговор шел без переводчиков на английском. Именно в этом формате и были приняты основные решения.

В проекте резолюции VIII партконференции, проходившей в декабре 1919 года, Ленин нудно перечислит с добрый десяток мирных инициатив, с которыми большевики обращались к западным правительствам в дни работы Версальской конференции. Москва предлагала «всем державам Антанты, Англии, Франции, Соединенным Штатам Америки, Италии, Японии, всем вместе и порознь, начать немедленно переговоры о мире» и поручала СНК и ВЦИК проводить политику в этом направлении[1640]. Мирные инициативы правительства большевиков никого на Западе не заинтересовали. Тем не менее вопрос о будущем России был одним из центральных на конференции. Хотя и обсуждался почти исключительно в кулуарах. Вот как описывал расклад сил Ллойд Джордж. Решительно настроенный Черчилль, чья герцогская кровь не могла примириться с уничтожением царской семьи, убеждал в необходимости войны с большевиками силами английских и французских армий при поддержке и участии поляков, чехов, финнов и белогвардейцев. Лорда Керзона занимала более узкая цель. Побывав на Кавказе, он выступал самым решительным сторонником британской оккупации этого региона, чтобы спасти свободолюбивых горцев от деспотии Ленина и Троцкого. Еще более воинственно были настроены маршал Фош и его

окружение, поддержавшие план Савинкова – организовать интервенцию польских войск генерала Галлера, выводимых из Франции, как прелюдию последующего полномасштабного вторжения в Россию западных союзных сил. «…Я лично готов был рассматривать Советы как фактическое правительство России. Президент Вильсон был того же мнения. Мы оба, однако, учитывали, что наши коллеги на конференции не пойдут так далеко и что общественное мнение наших стран, напуганное насилием большевиков и угрозой дальнейшего распространения большевизма, тоже не поддержит нас»[1641]. В результате Вильсон и Ллойд Джордж действительно отвергли как наиболее воинственные проекты, так и протянутую руку Москвы.

Ллойд Джордж 16 января «предложил, чтобы представители Москвы, а также те государства и генералы, с которыми Москва воевала, были приглашены в Париж, «подобно тому, как Римская империя приглашала военачальников плативших ей дань государств, для того, чтобы они давали отчет о своих действиях». Президент одобрил предложение Ллойд Джорджа. Совет десяти утвердил разработанное Вильсоном «Обращение к российским политическим группировкам», призывающее заключить перемирие и направить своих делегатов на переговоры.

Но место проведения конференции было изменено, и вместо Парижа были избраны Принцевы острова в Мраморном море. На один из этих островов вывозили всех бездомных собак из Константинополя, чтобы они пожирали друг друга. Ленин 24 января извещал Троцкого: «Вильсон предлагает перемирие и вызывает на совещание все правительство России. Боюсь, что он хочет закрепить за собой Сибирь и часть Юга, не надеясь иначе удержать почти ничего. Это обстоятельство в связи с взятием Оренбурга, Луганска и Черткова заставляет нас, по-моему, напрячь все силы, чтобы в месяц взять и Ростов, и Челябинск, и Омск… К Вильсону придется, пожалуй, поехать Вам»[1642].

Чичерин рассказывал, что, узнав об идее конференции на Принцевых островах, Ленин «сейчас же признал необходимым, не дожидаясь получения этого приглашения, обратиться к Антанте с нашим собственным предложением. Тут впервые в развитой форме была проведена его мысль об апелляции к экономической выгоде самой Антанты. Эта мысль стала одной из главных во внешней политике ВИ и постепенно получала все большее развитие»[1643]. Устами Чичерина 4 февраля Россия ответила согласием, подтвердив готовность принять предварительные условия держав: признать царские долги, открыть двери для иностранных инвестиций и концессий, прекратить подрывную революционную деятельность за рубежом, амнистировать

противников ленинского режима и признать независимость Финляндии, Польши и Украины, но в обмен на дипломатические признания и прекращение интервенции. Ленин объяснит такое согласие слабостью страны и отсутствием революций за рубежом:

– Вот почему по отношению к Западной Европе, к странам Антанты нам приходится или придется повторить многое из того, что мы совершили во время Брестского мира. После брестского опыта нам будет гораздо легче это сделать. Когда нашему Центральному Комитету пришлось обсуждать вопрос об участии в конференции на Принцевых островах вместе с белыми, – что, в сущности, сводилось к аннексии всего, что белыми занято, – этот вопрос о перемирии не вызвал ни одного негодующего голоса в среде пролетариата, и так же отнеслась к этому и партия[1644].

Однако конференция не состоялась. Как замечал Черчилль, «большевики ответили согласием, которое по своей форме допускало, впрочем, различные толкования. Белые в Сибири и Архангельске, а также Набоков, Сазонов и другие представители антибольшевистских групп с презрением его отвергли. Сама мысль о переговорах с большевиками была совершенно неприемлема для представителей господствующей части общественного мнения как в Великобритании, так и во Франции»[1645].

После, когда работали 58 комиссий конференции, прозвучало английское предложение о создании 59-й «для рассмотрения возможностей союзной военной интервенции в России». Но ее так и не сформировали. Вместо этого американцы, с согласия Ллойд Джорджа, 22 февраля послали в Россию 27-летнего Уильяма Буллита, который руководил отделом информации американской делегации в Париже. Буллит встретился с Лениным и Чичериным, обсудил условия мира. «Каждое слово наших предложений Буллиту было тщательно взвешено ВИ; тут же был назначен срок, после которого эти предложения теряли силу, – писал Чичерин. – ВИ тогда же говорил:

– Если они сейчас не примут наших предложений, то другой раз они от нас таких выгодных условий уже не получат»[1646]. Миссия Буллита пришла к выводам о том, что положение Ленина прочно, а победа Колчака и Деникина приведет к еще большей кровавой бойне. Буллит предлагал достичь компромисса и нормализовать отношения с Москвой. Позже Ленин возмущался:

– И как только беседовавший с нами доброжелательно за общим столом Буллит приехал на родину, его встретили с заушением, заставили выйти в отставку, – и я удивляюсь, как его еще не стащили на каторгу, по принятому империалистическому обычаю, за тайное сочувствие большевикам[1647].

Заключения Буллита появились не вовремя. Еще одна революция – в Венгрии – и другие события, свидетельствовавшие о распространении большевизма в Германии, Польше, Прибалтийских государствах, Австрии, Италии и породившие «красный ужас» на Западе, отбили желание общаться с Советами. Армии Колчака как раз в это время достигли в Сибири значительных успехов. Вильсон отказался встречаться с Буллитом, а Ллойд Джордж заявил в парламенте, что не в курсе о его миссии[1648]. Возобладал консенсус, что только победа Белого движения возвратит Россию на путь истинный. Ллойд Джордж 16 февраля писал своему верному оруженосцу Филипу Керру: «Может быть только одно оправдание вмешательству в дела России, а именно то, что Россия этого желает. Если это так, то в таком случае Колчак, Краснов и Деникин должны иметь возможность собрать вокруг себя гораздо большие силы, чем большевики. Эти войска могли бы снабдить снаряжением, а хорошо снаряженное войско, состоящее из людей, действительно готовых сражаться, скоро одержит победу над большевистской армией, состоящей из насильно завербованных солдат, особенно в том случае, если все население настроено против большевиков»[1649].

Пока неспешно шла Версальская конференция, большевики не сидели сложа руки. На Украине Ленин преобразовал Временное правительство Пятакова в Совнарком УССР, председателем которого стал Раковский (Крысто Станчев), говоривший на французском лучше, чем по-русски. Совнарком УССР 28 января выступил с декларацией, в которой поставил целью «объединение Украинской Советской Республики и Советской России на началах Социалистической Федерации»[1650]. Подчиненные ему части Красной Армии вместе с несколькими примкнувшими бандгруппами в начале 1919 года заняли Харьков и Киев, вытеснив Директорию в Западную Украину. 19 марта войска Директории вновь двинулись на Киев, но были остановлены в 30 километрах – на реке Ирпень. После чего Украинская Красная Армия перешла в успешное контрнаступление и гнала петлюровцев до реки Збруч. В марте Первая Заднепровская бригада освободила Херсон от французов и греков, Николаев – от греков и немцев, 6 апреля заняла Одессу, а 8-го приступила к освобождению Крыма.

И здесь на повестку дня со всей остротой встал польский вопрос. Британия, Франция и США оказали большую помощь Варшаве в создании вооруженных сил, которые в начале 1919 года насчитывали уже 170 тысяч человек. Туда активно пошел

западный капитал. Ленин рассказывал, как «американские агенты и спекулянты являются скупать все богатства Польши, которая хвастается тем, что она существует теперь как независимая держава. Польша скупается агентами Америки. Нет ни одной фабрики, ни одного завода, ни одной отрасли промышленности, которые бы не были в кармане американцев». Одновременно в Польше единый Совет с участием всех соцпартий в Варшаве. Ленин на VIII партсъезде утверждал:

– У поляков идет самоопределение пролетариата. Вот последние цифры относительно состава Варшавского Совета рабочих депутатов: от польских социал-предателей – 333, от коммунистов – 297. Это показывает, что там по нашему революционному календарю недалек уже Октябрь. Это не то август, не то сентябрь 1917 года[1651].

Однако, как и в других подобных случаях, расчеты Ленина не оправдались. Советы под ударами властей летом 1919 года один за другим прекратят свое существование. А угроза военного столкновения между Россией и Польшей носилась в воздухе. Пилсудский видел свою стратегическую цель в том, чтобы (по словам Ричарда Пайпса) «воспользоваться временной слабостью России, отсоединить от нее западные и южные окраины (Литву, Белоруссию и Украину) и превратить их в буферные государства… Замкнутая в пределах границ времен шестнадцатого века, лишенная земельных и ископаемых богатств Юга и Юго-Востока, Россия могла бы легко прийти в состояние второсортной державы, неспособной серьезно угрожать новообретенной независимости Польши»[1652].

У поверженной Германии польские легионы заняли Познаньщину, часть Верхней Силезии и пробились к морю у Данцига. В феврале 1919 года они двинулись на восток. 4 февраля войсковая группа Рыдз-Смилгы захватила Ковель. В феврале – марте польские войска захватили Сувалкскую и Гродненскую губернии, Брест, Слоним, Пинск, Барановичи. Правительство Литовско-Белорусской республики поспешило эвакуироваться в Минск. Не лучше оказалось положение и латвийского правительства Вольдемариса, его теснили поляки и немцы генерала Гофмана. Возник сплошной советско-польский фронт от Немана до Припяти. Под нажимом Парижа в Познани было подписано германо-польское перемирие, что позволило Варшаве перебросить свои войска на восток. Это создало полякам перевес над российскими частями, которые с начала марта перебрасывались в массовом порядке на Восточный фронт для схваток с колчаковцами.

Войска Колчака перешли в наступление 4 марта. Сибирская

армия генерала Гайды нанесла удар между Оханском и Осой и вышла к Каме. В начале апреля белые укрепились в Ижевско-Воткинском районе, взяли Сарапул и даже ненадолго соединились в Печорском районе с частями Северного белого фронта. Еще более успешно действовала на мензелинском и бугульминском направлениях армия генерала Ханжина, которой удался стратегический прорыв центра Восточного фронта. Был взят Белебей, 5-я армия красных отходила на Симбирск и Самару. Ленин бросил клич о призыве на Восточный фронт членов профсоюзов и рабочих-добровольцев из 22 губерний. Туда же направлялись и стратегические резервы Главного командования[1653]. Ленин заметил синхронность действий своих врагов, заявив в марте 1919 года на VIII партсъезде:

– Для нас нет сомнений, что усиленное наступление с запада и востока, одновременно с целым рядом белогвардейских восстаний, с попытками разобрать железные дороги в нескольких местах, что все это представляет из себя совершенно ясно обдуманный и очевидно решенный в Париже шаг империалистов Согласия[1654].

У Ленина был наготове асимметричный ответ Западу. Коминтерн.

Германская революция, протестные движения по всему миру по-прежнему создавали ощущение приближающейся мировой революции, без которой Ленин не видел будущего.

– Полная победа социалистической революции немыслима в одной стране, а требует самого активного сотрудничества, по меньшей мере, нескольких передовых стран, к которым мы Россию причислять не можем.

В конце декабря 1918 года Ленин давал Чичерину конкретные организационные задания: «Нам надо *спешно*… подготовить международную социалистическую конференцию для основания III Интернационала». Председатель СНК предлагал поручить Бухарину разработать платформу организации на основе принципов большевизма. Основой нового Интернационала Ленин видел: «aa) партии и группы, которые мы имеем полное основание считать *уже* стоящими на базе III Интернационала и достаточно солидарными для *формального* основания III Интернационала; bb) партии *близкие* к этому, от коих мы *ждем* сближения и слияния; gg) группы и течения *внутри* социал-патриотических партий, более или менее близкие к *большевизму*… Кого мы зовем на нашу конференцию? Только aa + bb + gg и только тех, кто (1) решительно стоит за раскол с социал-патриотами… 2) *за* социалистическую революцию *теперь*

и *за* диктатуру пролетариата; 3) *в принципе* за “советскую власть” и против *ограничения* нашей работы буржуазным парламентаризмом…»

Ленин пишет письмо к рабочим Европы и Америки: «Теперь, 12 января 1919 года, мы видим уже целый ряд коммунистических пролетарских партий, не только в пределах бывшей империи царя, например, в Латвии, Финляндии, Польше, но и в Западной Европе, в Австрии, Венгрии, Голландии, наконец в Германии»[1655]. 24 января в «Правде» было опубликовано воззвание от представителей восьми компартий (от РКП(б) подписали Ленин и Троцкий) «К Первому съезду Коммунистического Интернационала». В нем задачи еще не созданной организации определялись четко: «Немедленный захват государственной власти… чтобы воплотить диктатуру рабочего класса, а в некоторых местах и полупролетариата, то есть крестьянской бедноты».

Проведение учредительного конгресса Коминтерна за рубежом оказалось невозможно из-за неизбежных репрессий в любой стране, которую можно было выдумать. Пришлось в Москве, но и туда прорвалось лишь незначительное число леваков из-за границы. На Первый Учредительный конгресс Коминтерна (2–6 марта 1919 года) собрались 34 делегата, из них 24 представляли РКП(б) и подконтрольные ей партии из стран, ранее входивших в Российскую Империю. Остальные были в основном из партий, созданных на базе военнопленных, находившихся на ее территории.

– Пусть буржуазия еще свирепствует, пусть она еще убивает тысячи рабочих, – победа за нами, победа всемирной коммунистической революции обеспечена[1656], – оптимистично заявлял Ленин на открытии конгресса.

Первый конгресс больше походил на презентацию опыта РСФСР. Основной доклад Ленина был посвящен главным образом Советам как высшей форме демократии для трудящихся. Представителям «старого мира» Ленин грозил революцией и гражданской войной. Коминтерн виделся как единая всемирная партия. Вошедшие в него партии считались его «секциями», включая и РКП(б)[1657]. С самого начала работы Коминтерна речь шла не только о мировой революции, но и международной поддержке Советской России. Об этом можно было судить по обращению конгресса «К рабочим всех стран», первые два пункта которого гласили: «1. Невмешательство Антанты во внутренние дела Советской России. 2. Немедленное отозвание всех находящихся в настоящее время в Европейской и Азиатской России войск союзников»[1658]. На торжественном собрании всего

советского руководства и делегатов съезда, состоявшемся 6 марта в честь создания Коминтерна, Ленин радовался:

– Товарищи, присутствующие в этом зале, видели, как основывалась первая Советская республика, они видят теперь, как основался III, Коммунистический Интернационал, они увидят все, как будет основана Всемирная Федеративная Республика Советов.

Встал вопрос о местопребывании штаб-квартиры новорожденного Коминтерна. Размещение в Москве было невыигрышным. Неизбежны были обвинения в том, что все коммунисты мира являются «агентами Ленина». Попытки перенести штаб-квартиру в Европу в первую пару лет существования Коминтерна предпринимались. Но те бюро, что удалось создать – Венское, Скандинавское, – были не более чем представительствами Исполкома Коминтерна. Компартии преследовались повсеместно. Ленин справедливо замечал: «Большевиков высылают десятками и дюжинами из самых свободных республик мира, точно боясь, что десяток или дюжина большевиков способны заразить весь мир»[1659].

Тем не менее Ленин не сильно преувеличивал, когда говорил о стремительном распространении идей большевизма по планете и его разрушительном воздействии на партии II Интернационала. Аксельрод в 1919 году сетовал: «Большевикам удалось убедить почти весь цивилизованный мир, что они единственные подлинные социалисты и что та политика, которой они придерживаются в России – есть самый настоящий, последовательный социализм. Большинство, – пожалуй, даже подавляющее большинство, наших товарищей на Западе, ослепленное кровавой победой над всеми антибольшевистскими социалистическими партиями в России, поверило большевикам на слово, что вся социалистическая оппозиция состоит из людей, которые изменили знамени интернациональной социал-демократии, изменили русскому пролетариату и которые поэтому контрреволюционеры»[1660].

В статье «Два года Советской власти» Ленин сохранял предельный оптимизм: «Советская власть задавлена и замучена натиском врагов на Россию. Но Советская власть тем не менее уже победила весь мир – победила в том смысле, что сочувствие масс трудящихся повсюду уже завоевано нами. *Победа во всем мире Советской власти дело обеспеченное. Вопрос только во времени… Эта борьба кончится победой Всемирной Советской республики*»[1661].

После окончания конгресса Коминтерна Ленин ненадолго поехал в Петроград. Там 10 марта от сыпного тифа умер Емельянов – супруг Анны Ильиничны и на тот момент член

коллегии наркомата торговли и промышленности. Ленин был на похоронах, стоял в почетном карауле. И назад в Москву, где уже собирался VIII съезд РКП(б).

VIII съезд РКП(б) был важен прежде всего тем, что именно он определил характер и структуру власти партии. На нем приняли программу партии (хотя и не без борьбы, в которой тон задавали вновь левые коммунисты во главе с Бухариным и Пятаковым, выступившие против лозунга самоопределения народов вплоть до отделения). Самоопределение оставили, но партию централизовали.

VIII съезд РКП(б) принял решение о централизации партии, подтвердив «существование *единой* централизованной Коммунистической партии с единым ЦК, руководящим всей работой партии во всех частях РСФСР. Все решения РКП и ее руководящих учреждений безусловно обязательны для всех частей партии, независимо от национального ее состава. Центральные комитеты украинских, латышских, литовских коммунистов пользуются правами областных комитетов партии и целиком подчинены ЦК РКП[1662], – говорил Ленин. На съезде он продавливал формальное выделение Политбюро из состава. В связи с этим состоялось редкое для партии обсуждение вопроса о структуре государственной власти, границах полномочий отдельных институтов и разграничении полномочий партийных и советских структур. Докладчик по оргвопросу Зиновьев назвал его «главной плоскостью трений». Осинский возражал против предложенной Лениным схемы:

– Получается такая вещь, что это Политическое бюро из пяти человек как раз и решает главные вопросы, а пленарное заседание собирается для общих разговоров, для обсуждения… а целых четырнадцать членов ЦК попадают в положение членов второго разряда.

Осинский предлагал расширить Политбюро до 12 человек и формировать его из наркомов. Это была почти западная формула полномочного кабинета министров.

– Во-первых, Совет Народных Комиссаров превратится в правительство в полном смысле этого слова. Он должен будет постоянно руководить политикой, т. к. там будут наиболее ответственные политические работники. С другой стороны, ЦК всегда будет находиться на месте, ему даже не придется заседать для решения отдельных вопросов, так как эти вопросы будут решаться в заседании Совета народных комиссаров.

Зиновьев был тверд:

– Бюро должно быть узкое и сплоченное, чтобы оно могло собираться ежедневно[1663].

Как напишут в сталинском «Кратком курсе»: «При обсуждении этого вопроса съезд дал отпор оппортунистической группе Сапронова-Осинского, отрицавших руководящую роль партии в работе Советов»[1664].

Итогом обсуждения на съезде стала резолюция о взаимоотношениях партии и Советов: «Советы являются государственными организациями рабочего класса и беднейшего крестьянства, проводящими диктатуру пролетариата в течение того времени, пока отомрет какое бы то ни было государство. Коммунистическая партия является организацией, объединяющей в своих рядах только авангард пролетариата и беднейшего крестьянства – ту часть этих классов, которая сознательно стремится к проведению в жизнь коммунистической программы. Коммунистическая партия ставит себе задачей завоевать решающее влияние и полное руководство во всех организациях трудящихся: в профессиональных союзах, кооперативах, сельских коммунах и т. д. Коммунистическая партия особенно добивается проведения своей программы и своего полного господства в современных государственных организациях, какими являются Советы»[1665].

Ленин в полемику решил не встревать, ограничившись короткой репликой в заключительном слове:

– По организационному вопросу мы решили так легко стоявшие перед нами проблемы потому, что история отношений партии к Советам наметила все эти решения, нам пришлось только подытоживать[1666].

Между тем именно это решение определило примат партии над государственными и общественными структурами во все последующие годы Советской власти. Зиновьев в 1922 году подтвердит: «Партия стала привеском к Советам, в Советах стал заводиться бюрократизм, и мы дали лозунг – “Назад в партию!”, чтобы партия как таковая могла начать бороться с болезненными явлениями советской власти»[1667].

Партийным аппаратом изначально руководил Свердлов, занимавший как председатель ВЦИК и официально второе место в советской иерархии. 16 марта, накануне VIII съезда РКП(б), он умер от испанки.

Заменить его оказалось сложно. Пришлось задуматься над созданием целой системы, пригодной для страны. И они были созданы принятым съездом Уставом партии. Было впервые дано определение «внутренней структуры Центрального Комитета». Выглядело все гармонично, даже идиллически: «Центральный Комитет имеет не менее двух пленарных заседаний в месяц в заранее установленные дни. Все наиболее важные политические и

организационные вопросы, не требующие самого спешного разрешения, обсуждаются на этих пленарных собраниях Центрального Комитета.

Центральный Комитет организует, во-первых, *Политическое бюро*, во-вторых, *Организационное бюро*, в-третьих, *Секретариат*.

Политическое бюро состоит из 5 членов Центрального Комитета. Все остальные члены ЦК, имеющие возможность участвовать в том или ином заседании Политического бюро, пользуются в заседании Политического бюро совещательным голосом. Политическое бюро принимает решения по вопросам, не терпящим отлагательства, и о всей своей работе за две недели делает отчет очередному пленарному собранию Центрального Комитета.

Организационное бюро состоит из 5 членов Центрального Комитета… Организационное бюро собирается не реже 3 раз в неделю. Организационное бюро направляет всю организационную работу партии. Организационное бюро отчитывается перед Пленумом ЦК каждые две недели.

Секретариат ЦК состоит из одного ответственного секретаря, члена Организационного бюро ЦК, и 5 технических секретарей из числа опытных партийных работников. Секретариат организует ряд отделов. Секретариат отчитывается перед пленумом ЦК каждые две недели»[1668].

Это не было организационной революцией: и ЦК, и Оргбюро, и Секретариат уже существовали. Новыми стали формализация Политбюро ЦК РКП(б) и введение поста Ответственного секретаря (на него только полтора года спустя назначат Крестинского). Но рычаги власти в партии, ранее сосредоточенные в руках Свердлова, были разведены.

К оставшимся трем членам прежнего Бюро ЦК – Ленину, Сталину и Троцкому – в обретшее всю полноту власти в партии Политбюро после съезда на пленуме ЦК добавились Каменев и Крестинский, а кандидатами в члены ПБ стали Зиновьев, Бухарин и Калинин. Пленум также постановил: «Организационное бюро составляется из тт. Крестинского, Сталина, Белобородова, Серебрякова и Стасовой. Кандидат к ним т. Муранов, который вместе с тт. Невским и Максимовским составляет агитационно-разъездное бюро. Секретарем ЦК избирается т. Стасова»[1669].

В мае – сентябре 1919 года по решению VIII съезда пройдет перерегистрация членов партии. По сути, это была ее первая чистка: «очищение партии от некоммунистического элемента, главным образом от лиц, примазавшихся к партии ввиду ее господствующего положения и использующих в своих личных интересах звание члена партии»[1670]. Все члены партии сдавали

свои партбилеты, заполняли новые анкеты и представляли рекомендации двух членов партии с как минимум полугодовым стажем и известных парткому. Прием новых членов был на время прекращен. «Единственная правительственная партия в мире, которая заботится не об увеличении числа членов, а о повышении их качества, об очистке партии от “примазавшихся”, чтобы оставить в партии только сознательных и искренне преданных коммунизму»[1671], – хвалился Ленин.

В центре внимания VIII съезда – предсказуемо – была и военная политика. Интригу в этой части раскрывал Семен Иванович Аралов, комиссар штаба РВСР и создатель советской военной разведки: «Незадолго до открытия съезда В. И. Ленин вызвал меня из Серпухова, где находился штаб РВСР… Главное, говорил Ильич, надо доложить съезду подлинную обстановку, не скрывать никаких недостатков, безобразий, разложения тех или иных частей, например, в 3-й армии, на Северном Кавказе, на Южном фронте, Украине, под Царицыном… ВИ подчеркнул: *ничего не скрывать – ни хорошего, ни плохого*… Ленин напомнил, что положение грозно сейчас и будет грозно дальше. Рекомендовал так и сказать: “грозно”»[1672]. Основной вопрос – отношение к спецам.

Троцкого на съезде, обсуждавшем его – военный – вопрос, не было. Основным докладчиком выступал Сокольников. Почему так? Аралов предлагал объяснение. «Доклад должен был сделать Троцкий, но, зная отрицательное отношение к себе со стороны большинства военных делегатов, он добился разрешения от ЦК не участвовать в работе съезда и уехал на Восточный фронт, где в то время под Уфой и Пермью шли большие бои. Обсуждение доклада Сокольникова было перенесено в военную секцию. Прения здесь развернулись горячие. Большинство было на стороне “военной оппозиции” – 37 делегатов. Линию ЦК, В. И. Ленина отстаивали 20 делегатов. Сокольников предложил сторонникам Ленина покинуть секцию и первым ушел. За это ВИ основательно пробрал его.

Вечером 21 марта состоялось пятое (закрытое) заседание съезда (протоколы этого заседания не опубликованы)[1673]. Возле трибуны была повешена большая карта, на которой по совету Ленина были нанесены цветные линии фронтов: зеленым цветом – начало 1918 года, синим – конец 1918 года, а красным – к моменту съезда… Мною было отмечено, что за последние два с половиной месяца фронт расширился до 8 тысяч верст, то есть до такого расстояния, какого никогда не было ни в какой войне. Это говорило о большом успехе Красной Армии. Но в последние дни наблюдался поворот к худшему…

Силы противника на Северном фронте достигли 136 тысяч человек. Они состояли главным образом из англичан, американцев, французов и небольшого количества чехов и сербов. На Западном фронте под руководством германских специалистов действовала 150-тысячная армия. На Украинском фронте войска противника насчитывали до 70 тысяч человек. Среди них имелись французские, английские, итальянские, греческие части. На Восточном фронте Колчак и белочехи объединили свои части в 6 корпусов».

Основные спикеры от «военной оппозиции» – В. Смирнов, Сафаров, Ворошилов, Голощекин, Ярославский, Минин. Ленин был «как-то по-особенному внутренне собран, сосредоточен и в то же время заметно взволнован… В. И. Ленин с предельной ясностью вскрыл всю вздорность выступлений оппозиционеров, направленных на введение в армии коллективного командования, что неизбежно привело бы к партизанщине, расхлябанности, разболтанности и неразберихе»[1674]. Но Ленин не мог не считаться и с критикой Троцкого со стороны «военной оппозиции». Поэтому Ленин для баланса подготовил постановление ПБ с требованием к Троцкому «увольнять и перемещать военных работников-коммунистов не иначе, как через партийную организацию оргбюро ЦК» и более внимательно к ним относиться[1675].

В дни VIII съезда партии грянула революция в Венгрии. 20 марта Будапешт получил ноту Совета четырех: Венгрия должна была отдать две трети своей территории. 3,5 млн венгров – четверть от их общего числа – и полтора миллиона немцев оказывалось бы на территории других государств. Премьер Беринкеи, не отвергая и не принимая ультиматум, передал руководство правительством социал-демократам. А те немедленно вступили в альянс с коммунистами, создав Революционный правительственный совет во главе с Шандаром Гарбаи. Министром иностранных дел стал Бела Кун, который три года находился в российском плену, возглавлял венгерскую, а затем и интернациональную группу в РКП(б). Это правительство объявило об установлении Советской власти, диктатуры пролетариата, национализации банков и промышленных предприятий и установлении союзнических отношений с Москвой.

На VIII съезде РКП(б) венгерским товарищам была обещана поддержка: «Рабочий класс России всеми силами спешит к вам на помощь». Но помочь оказалось не так просто. Ленин 21–22 апреля шлет телеграмму Вацетису и Аралову: «Продвижение в часть Галиции и Буковины необходимо для связи с Советской Венгрией… Вторая задача – установить прочную связь по

железным дорогам с Советской Венгрией». Троцкий и Вацетис, в свою очередь, торопили командующего Украинским фронтом Антонова-Овсеенко.

Первого мая от имени РСФСР и УССР последовал ультиматум Румынии, которой предлагалось в 48 часов очистить Бессарабию, предоставив ее трудящимся самостоятельно определять свою судьбу. Ультиматум остался без ответа. 6 мая в Одессе было сформировано Временное рабоче-крестьянское правительство Бессарабии под председательством Ивана Николаевича Криворукова, выпустившее манифест об образовании Бессарабской Советской Республики и вхождении ее в состав РСФСР. 13 мая Ленин подбадривал Бела Куна: «Уверен, что, несмотря на громадные трудности, пролетарии Венгрии удержат власть и укрепят ее… Зверский мир Антанты усилит везде сочувствие к Советской власти. Вчера украинские войска, победив румын, перешли Днестр». 25 мая Ленин умилялся: «Всего за два с небольшим месяца существует Советская власть в Венгрии. А в смысле организованности, венгерский пролетариат, видимо, уже обогнал нас».

Но именно в этот момент – синхронно – начал наступление Деникин, атаман Григорьев поднял бунт против Советской власти, польские войска атаковали Галицию, намертво отрезая советские войска от Венгрии. Зато не было преград для похода на Будапешт чешских, румынских и сербо-хорватских войск. В Сегеде французы в экстренном порядке создали Национальное правительство Венгрии, министром обороны в котором стал австро-венгерский адмирал Миклош Хорти. Он тоже двинулся на Будапешт. Советская республика пала 1 августа. Ленин говорил: «Пусть сейчас румынская колчаковщина пляшет на трупах венгерских рабочих. Но мы знаем, что это торжество не долгое»[1676]. Оказалось – довольно долгое. К власти пришел Хорти, установивший жесткий авторитарный режим. С его войсками придется сражаться в Великую Отечественную.

В начале апреля – новая революция – провозглашена Баварская советская республика. В декларации, подписанной Эрнстом Никишем, Революционный совет Баварии отрекся от сотрудничества с «презренными» Эбертом и Шейдеманом, продолжавшими империалистическое и капиталистическое дело Второго рейха. Организовали революцию в Баварии независимцы, для Ленина – оппортунисты. Он явно этого не знал, иначе не стал бы 7 апреля посылать телеграмму Беле Куну: «Ленин просит Вас приветствовать Баварскую советскую республику»[1677]. Но 13 апреля в Мюнхене была провозглашена республика Советов во главе с коммунистом Евгением Левине. Носке поспешил вызвать

прусские войска, чтобы поскорее покончить с «безумным карнавалом». 35-тысячная армия, не зная жалости, вырезала до тысячи революционеров. Военные продолжали и после исполнять власть в Баварии, которая стала центром притяжения всех антиреспубликанских и националистических сил.

Среди них было и тайное общество «Туле» – баварская ветвь «Ордена германцев», – одержимая оккультизмом и антисемитизмом. Именно в этой среде обнаружили в свастике символ чистоты крови. В Мюнхене находился «маленький капрал» Адольф Гитлер, участвовавший в подавлении восстания и проводивший активную пропагандистскую кампанию против красных в лагере Лехфельд. 24 февраля 1920 года на митинге в парадном зале Гофбройн-хауса он озвучит программу из 25 пунктов, которая останется путеводной звездой созданной в тот же день НСДАП[1678].

Красные всполохи в Европе подогревали антисоветские настроения в западных столицах.

Интервенция и помощь белым продолжилась, но был и новый раунд дипломатической активности. Он был связан с инициативой известного норвежского полярного исследователя Нансена, который предлагал организовать помощь России продуктами и лекарствами. Ответ от лидеров Антанты: такая помощь возможна при условии приостановки военных действий на территории России. Нансен обратился к Ленину, который в тот же день – 4 мая – инструктировал Чичерина и Литвинова по поводу ответа: «Если перемирие *для мира*, то Вам прекрасно известно, что мы *за*… Принцевы острова сорвали *не* мы, а *монархисты* и *погромщики евреев*, восстановители *помещичьей земли* – разъяснить, развить, *доказать* эти три пункта, что Деникин и Колчак 1) монархисты; 2) громят евреев; восстанавливают землевладение помещиков, вводят выкуп для крестьян. Мы соглашались на перемирие *для переговоров* о мире, конечно, *с настоящими* виновниками войны, а не с пешками, т. е. с Англией, Францией, Америкой… Если *не* политика, *а* гуманитарное, благодарим, принимаем, зовем, приезжайте, контролируйте, и мы поедем куда угодно (время, место) *и заплатим* даже по *тройной цене* лесом, рудой, судами»[1679]. Вступать в диалог с Лениным западные лидеры не стали.

С общей линией в отношении России Верховный совет союзников определился к концу мая. 26-го числа за подписями Клемансо, Ллойд Джорджа, Вильсона, Орландо и японского делегата Сойондзи ушла нота в адрес Колчака. Ему была предложена помощь «оружием, военным снаряжением и

продовольствием для того, чтобы дать этому правительству возможность сделаться правительством всей России, но с условием». Кондиции были перечислены: после взятия Москвы созвать Учредительное собрание (либо прежнее, либо избрать новое); провести выборы: «признать независимость Финляндии и Польши; урегулировать вопрос о границах с прибалтийскими странами, «кавказскими и закаспийскими территориями», с арбитражем Лиги Наций; признать за мирной конференцией право определить будущее Бессарабии; ввести Россию в Лигу Наций и сотрудничать в «ограничении вооружений и военной организации»; признать внешний долг [1680].

Колчак согласился. Оговорил только, что определение границы Польши с Россией, равно как окончательное решение финляндского вопроса и судьбы Бессарабии, принадлежат Учредительному собранию, а по отношению к национальным группам Эстонии, Латвии, Литвы, Кавказским и Закаспийским признавалась принципиально автономия их, размеры которой должны быть определены для каждой народности отдельно[1681].

Ответ лидеров западных держав устроил, и обещанная помощь пошла. Черчилль напишет в меморандуме 15 сентября: «Англия заплатила по номиналу около 100 млн, Франция от 39 до 40 миллионов фунтов стерлингов. Соединенные Штаты содержали и продолжали содержать в Сибири около 8 тысяч солдат; Япония содержит в Восточной Сибири армию численностью от 30 до 40 тыс., и в настоящее время эта армия получает еще подкрепления. Армия адмирала Колчака, снабженная главным образом британским оружием, достигла в мае численностью 300 тыс. чел. Армии генерала Деникина составляют около 250 тыс. солдат. Кроме них следует принять во внимание финнов, которые могли бы дать около 100 тыс. чел. Были также эстонцы, латыши и литовцы, и их общий фронт тянулся от Балтийского побережья вплоть до самой Польши. И, наконец, были могущественные польские армии, помощь могла быть получена от Румынии и – в меньшей степени – от Сербии и Чехословакии»[1682]. Но при этом для западных держав – в их мыслях о будущем России – наиболее благоприятным представлялся сценарий ее расчленения.

Не менее жестко обходились с Германией. Союзники огласили условия мирного договора с ней седьмого мая 1919 года. Немецкая делегация их отвергла. Правительство Шейдемана подало в отставку, но Эберт ее не принял. Он поинтересовался у Гинденбурга, сможет ли Германия дать отпор, если союзники возобновят наступление. Гинденбург молча вышел из кабинета. Германия согласилась подписать договор, оговорившись, что ее

силой принудили «согласиться даже на те условия мира, которые… направлены на то, чтобы обесчестить немецкий народ». Версальский договор был подписан 28 июня. Германия лишалась земель на востоке и на западе, страна потеряла 13 % территории и 10 % населения. Ее армия, авиация и флот распускались. Страна выплачивала репарации, в основном Франции и Бельгии, размеры которых и были определены. Германии было запрещено сооружать укрепления на Рейне и держать там войска (Рейнская демилитаризованная зона), объединяться с Австрией. Рейнскую область и Пфальц должны были оккупировать на срок до 10 лет английские, французские, бельгийские и американские войска. Ее основные реки – Рейн, Эльба, Одер и Дунай – оказались под международным контролем. Данциг становился вольным городом и передавался под опеку Лиги Наций. Берлин лишался всех колониальных владений. Запрещался импорт оружия, боеприпасов, военных материалов, строительство и покупка подлодок.

Было решено ввести систему мандатов Лиги Наций и раздать их державам-победительницам. Франция получила от Турции Сирию и Ливан, Великобритания – Месопотамию (Ирак) и Палестину, в северной части которой пообещала создать еврейское государство. Южную Африку наградили мандатом на управление Германской Юго-Западной Африкой. Немецкие колонии Того и Камерун Лондон и Париж поделили между собой. Германскую Восточную Африку оприходовала Британия, уступив также претендовавшим на нее Бельгии территории в Руанде и Бурунди, а Португалии – треугольник Кионга на севере Мозамбика. В АТР Япония получила мандат на управление Марианскими, Каролинскими и Маршалловыми островами, Австралия – Новой Гвинеей, Новая Зеландия – Самоа.

Неудивительно, что Ленину такой мир даже чем-то понравился: «Версальский мир доказал даже глупцам и слепцам, даже массе близоруких людей, что Антанта была и осталась таким же кровавым и грязным империалистическим хищником, как и Германия»[1683]. «Германию не просто лишили ее заморских владений, но и отрезали от нее крупнейшие территории с преимущественно немецким населением, а также отправили в долговое рабство к англо-американскому “картелю”»[1684].

Устав Лиги Наций был изложен в первых 26 статьях Версальского договора. Ее штаб-квартира помещалась в Женеве. Ее основными органами становились Ассамблея, в которой участвовали все признанные государства, а также Совет в составе государств-победительниц – Великобритании, Франции, США, Италии и Японии. На Ленина Лига не произвела сильного

впечатления: «Лига наций – союз только на бумаге, а на деле это группа хищных зверей, которые только дерутся и нисколько не доверяют друг другу»[1685].

В Париже 14 июля состоялся пышный международный парад победителей. Но геополитически позиции Франции были весьма уязвимы. Киссинджер объяснял: «Перед войной у Германии были сильные соседи как на Востоке, так и Западе. Она не могла осуществлять экспансию ни в одном из направлений, не натолкнувшись на сопротивление крупного государства: Франции, Австро-Венгерской империи или России. Но после заключения Версальского договора Германии на Востоке не противостоял никто»[1686]. Кроме того, Ленин справедливо замечал:

– Франция в долгу, как в шелку. Раньше она была самым богатым ростовщиком. Теперь она должна втрое больше Америке, чем другие государства. Она идет к банкротству. Она в безвыходном положении[1687].

Это, по мнению Ленина, и предопределяло агрессивность в отношении России Парижа, все еще к тому же надеявшегося выбить из Москвы дооктябрьские долги. Версальский мир не удовлетворил и англичан. Джон Мейнард Кейнс, входивший в британскую делегацию в Версале, утверждал, что условия репараций для Германии были заведомо невыполнимыми и пагубными для всей европейской и мировой экономики. Берлин нуждается в “реабилитации”, чтобы взбодрить мировой спрос[1688]. Американцы же вообще настолько ушли в себя, что Версальский договор остался нератифицированным Конгрессом.

Версальский договор был чудовищным. И не только потому, что противоречил всем без исключения принципам, провозглашенным лидерами Антанты, воплощенным в 14 пунктах Вильсона. Он сделал фактически неизбежной новую мировую войну. Границы были нарезаны так, что заставили миллионы и миллионы людей сразу взывать к их пересмотру. «Версаль на деле породил не мировой порядок, а что-то вроде внешнеполитической партизанской войны»[1689], – заключал Киссинджер.

Но был и другой аспект. Россия и Германия – на правах изгоев Версаля – выглядели как потенциально естественные партнеры. И у них появлялся естественный и общий враг – Польша.

Москва островком

Москва стала островом в океане фронтов. Как напишет Маяковский,

> «Москва – островком, и мы на островке.
> Мы – голодные, мы – нищие,
> С Лениным в башке и с наганом в руке».

С Запада – поляки. В апреле в Польшу из Франции были переправлены 70 тысяч военнослужащих армии генерала Галлера, созданной по большей части из американцев польского происхождения, которые сражались на Западном фронте в составе французской армии. Они были незамедлительно брошены на западноукраинский фронт. Полякам помогла Венгерская революция. Чтобы не допустить прорыва туда Красной Армии, Совет десяти Парижской конференции разрешил Варшаве занять Восточную Галицию до реки Збруч для «охраны от большевистских банд».

Поляки также 21 апреля взяли Вильно, установив контроль над юго-востоком Литвы. Ленин 24 апреля подписал под телеграммой Главкому: «С потерей Вильны Антанта еще больше обнаглела. Необходимо развить максимальную быстроту для возвращения в кратчайший срок Вильны, чтобы не дать возможности белым подтянуть силы и закрепиться»[1690]. Однако польские легионеры продолжали наступление на Двинск. Не случайно на этом фоне появление декрета СНК от 1 июня «Об объединении советских республик: России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии для борьбы с мировым империализмом». Армии всех республик соединялись в единые вооруженные силы РСФСР. В состав Красной Армии влились три украинские, одна латвийская и одна белорусско-литовская армии.

Польша стала главным бенефициаром Версальской системы. Она получила все, что хотела – за счет Германии, бывшей Австро-Венгрии и России. «Польша была чекой от гранаты под Версальским мирным договором»[1691], – провидчески уже тогда замечал Черчилль. Ленин видел:

– Из Польши Версальский мир создал государство-буфер, который должен оградить Германию от столкновения с советским коммунизмом и который Антанта рассматривает как оружие против большевиков[1692].

Версаль развязал полякам руки. Варшава, высвободившая

свои войска, ранее занятые разборками с немцами, предприняла с 28 июня новое наступление в Восточной Галиции силами трех армий, которые 2 июля вошли в Тарнополь. Директория бежала в Каменецк-Подольский и эвакуировала свои подразредения за Збруч. А 21 ноября Верховный совет Антанты предоставит Польше 25-летний мандат на управление Восточной Галицией[1693]. Польша теперь выступила как одна из стран-интервентов, имевшая к тому же к России большие территориальные претензии.

Версальский мир обернулся еще большим кошмаром для Литвы и Белоруссии. Державы-победительницы не смогли или не слишком старались умерить аппетиты Варшавы, и она сохранила за собой добрую половину Литвы, захваченную ранее. А затем, преодолевая сопротивление Красной Армии, в августе поляки займут Минск, Слуцк, Бобруйск и уже было переправились через Березину, но красноармейцы отбросили их назад. Все эти завоевания Польша осуществила даже без объявления состояния войны с Россией[1694].

Ситуация в Прибалтике серьезно угрожала Северной столице. На протяжении всего 1919 года над Петроградом нависала угроза захвата. С востока – Олонецкая добровольческая армия, представлявшая заседавшее в Гельсингфорсе Олонецкое правительство, претендовавшее на карельские земли. С запада поджимал Северный корпус, подчиненный Николаю Николаевичу Юденичу, состоявший из русских белогвардейцев, Эстонской стрелковой дивизии, финских частей. Он действовал при поддержке британского флота и признавал верховенство Колчака. В Гельсингфорсе был создан Русский политический комитет под председательством бывшего министра исповеданий Временного правительства Антона Владимировича Карташова. Финансирование предприятия обеспечивал крупнейший российский нефтепромышленник Степан Георгиевич Лианозов, поддержанный скандинавскими и английскими банками.

В апреле Олонецкая добровольческая армия захватила Олонец и продвинулась к Лодейному полю. 2-я эстонская дивизия теснила армию Советской Латвии. Перешли в наступление и немецкие войска фон дер Гольца. 2 апреля на заседании Моссовета Ленин бил тревогу:

– Теперь немцы идут на Двинск, чтобы отрезать Ригу. С севера им помогают эстонские белогвардейцы на деньги, которые посылает Англия, при помощи добровольцев, которых посылают шведы и датчане, насквозь подкупленными миллиардерами Англии, Франции и Америки[1695].

Командир одного из немецких отрядов – Хан Монтейфель –

22 мая сверг Ульманиса, правительство Латвии около двух месяцев проведет в море на борту корабля под защитой британского флота. Ленин телеграфирует Троцкому: «Рига, видимо, потеряна. Весьма вероятно предательство латышских буржуазных офицеров. Возможна также подготовка общего решительного наступления на всем Западном фронте». Немецкие войска продолжали расширять зону контроля в Прибалтике вплоть до заключения Версальского мира, когда их услуги оказались уже не нужны. 3 июля фон дер Гольц начал вывод своих войск в Восточную Пруссию. Немецко-латвийская война прекратилась, Ульманис вернулся в премьерское кресло.

Зато в наступление перешел Северный корпус совместно с 1-й эстонской дивизией. Белые прорвали большевистский фронт под Нарвой и наступлением в обход Ямбурга обратили части Красной Армии в бегство. 15 мая после бомбардировки с кораблей эстонской Чудской флотилии был занят Гдов.

В Петроград был направлен Сталин, который получил указание: «Надеюсь, что поголовная мобилизация питерцев поведет к их наступлению, а не сидению в казармах»[1696]. Одновременно Лениным была дана команда на эвакуацию неспособного носить оружие населения из Питера и окрестностей, включая Кронштадт: «Совершенно благонадежных отправляйте на Дон, неблагонадежных в концентрационные лагеря, неопределенных в Орловскую и подобные неприфронтовые, но и не голодные губернии»[1697].

Под ударами Эстонской дивизии и Северного корпуса 25 мая пал Псков. Не дремало и координировавшее свои усилия с Юденичем все еще многочисленное подполье в Петрограде. На сторону белых перешло в мае несколько частей 7-й армии, включая полк Городской охраны Петрограда, открыв фронт на одном из самых ответственных участков[1698].

Ленин 27 мая телеграфировал Сталину: «Вся обстановка белогвардейского наступления на Петроград заставляет предполагать наличность в нашем тылу, а может быть и на самом фронте, организованного предательства. Похоже на то, что враг имеет полную уверенность в отсутствии у нас сколько-нибудь организованной военной силы для сопротивления и, кроме того, рассчитывает на помощь с тыла (пожар артиллерийского склада в Ново-Сокольниках, взрывы мостов, сегодняшние известия о бунте на Оредеже). Просьба обратить усиленное внимание на эти обстоятельства, принять экстренные меры для раскрытия заговора». И снова 3 июня Сталину: «Зная постоянную склонность Питера к самостийности, думаю, что Вы должны помочь Реввоенсовету фронта объединить все армии… Сегодня узнал о

переходе к врагу еще одного питерского полка и об отказе вступать двух полков. Надо усилить надзор и влитие рабочих. *Насчет иностранцев* советую не спешить высылкой. Не лучше ли в концлагерь, чтобы потом *обменять*».

Десятого июня Ленин пишет проект постановления ЦК: «Признать Питерский фронт первым по важности. Руководиться этим при распределении войск и т. д.». В ночь на 13 июня началось антисоветское восстание на форте Красная Горка, прикрывавшем подступы к Петрограду, а затем и на соседних фортах Серая лошадь и Обруев. 16 июня восстание на Красной Горке было подавлено. Сталин хвастался перед Лениным: «Морские специалисты уверяют, что взятие Красной Горки с моря опровергает морскую науку… Быстрое взятие Горки объясняется самым грубым вмешательством со стороны моей и вообще штатских в оперативные дела, доходившим до отмены приказов по морю и суше и навязывания своих собственных. Считаю своим долгом заявить, что я и впредь буду действовать таким образом, несмотря на все мое благоговение перед наукой»[1699].

Ленин шлет пополнения из Центральной России и с Восточного фронта. 21 июня началось контрнаступление Красной Армии на Севере. 27 июня советские войска Западного фронта взяли на восточном берегу Ладожского озера Видлицу, где находились основные склады белофинских формирований. Части 7-й армии, оборонявшей Питер, летом отогнали и Олонецких добровольцев, и Северный корпус. Большевики также нанесли массированный удар по подполью в Петрограде, действуя широким неводом, в который попадали причастные и непричастные, достаточно эффективно разрушая белогвардейскую агентурную сеть.

На Юге с конца апреля 1919 года Деникин предпринял широкомасштабное наступление по трем направлениям – на Харьков, Донбасс и Астрахань. 7 мая Ленин писал Каменеву в Киев: «Мы, несомненно, погибнем, *если не очистим полностью Донбасс в короткое время.* С войсками Махно временно, пока не взят Ростов, надо быть дипломатичным, послав туда Антонова лично и возложив на Антонова лично ответственность за войска Махно»[1700]. Махновцы стали временными союзниками против белых. Поднял мятеж атаман Григорьев, воевавший сперва за Петлюру, а затем за Советы и прославившийся при взятии ими Николаева и Одессы. Он занял Елисаветград (Кировоград) и подошел к Екатеринославу (Днепропетровск). Мятеж удастся подавить только к июлю.

Политбюро в Москве 28 мая приняло постановление «О военно-экономическом союзе с Украиной», которое

предусматривало объединение шести наркоматов РСФСР и УССР. А на следующий день мятеж против Москвы поднял уже Махно. Его Революционно-повстанческая армия захватила Гуляй-Поле, Бердянск, Мелитополь, Екатеринослав, чем немало поспособствовала успеху похода Деникина.

Кавказская армия генерала Врангеля 18 июня взяла Царицын (Волгоград). Тогда же бригада генерала Слащёва после десантной операции в Коктебеле овладела всем Крымом и выдвинулась в Северную Таврию. Прибыв в Царицын, в эйфории от этих побед Деникин 20 июня издал директиву, которая приказывала Кавказской армии наступать на Москву через Саратов, Пензу, Нижний Новгород и Владимир; армии генерала Сидорина – на Москву в направлении а) Воронеж, Козлов, Рязань и б) Новый Оскол, Елец, Кашира; генерала Май-Маевского – на Москву через Курск, Орел, Тулу; генералу Добровольскому – занять Херсон и Николаев. Врангель напишет: «Директива эта, получившая впоследствии название “Московской”, являлась одновременно смертным приговором армиям Юга России. Все принципы стратегии предавались забвению. Выбор одного главного операционного направления, сосредоточение на этом направлении главной массы сил, маневр – все это отсутствовало. Каждому корпусу просто указывался маршрут на Москву… Мне и поныне непонятно, как мог этот документ выйти из-под пера генерала Деникина»[1701].

Тем не менее Добровольческая армия Май-Маевского в конце июня заняла Харьков и Екатеринослав. В августе ее части изгнали Красную Армию из Херсона, Николаева и Одессы. Успехи Деникина вызвали восторг в столицах Антанты. Подтверждал Черчилль: «По совету генерального штаба, начиная с июля, Англия оказывала ему главную помощь, и не менее 250 тысяч ружей, двухсот пушек, тридцати танков и громадные запасы амуниции и снаряжения были посланы через Дарданеллы и Черное море в Новороссийск. Несколько сотен британских армейских офицеров и добровольцев в качестве советников, инструкторов, хранителей складов и даже несколько авиаторов помогали организации деникинских армий»[1702]. Сам Деникин не был склонен преувеличивать значения западной помощи: «Мы отторгали от советской власти плодороднейшие области, лишали ее хлеба, огромного количества военных припасов и неисчерпаемых источников пополнения армии… *Состав Вооруженных сил Юга России с мая по октябрь возрастал последовательно от 64 до 150 тыс.* Таков был результат нашего широкого наступления»[1703].

Десятого июля Ленин пишет письмо ЦК организациям партии

«Все на борьбу с Деникиным!», которое начиналось словами: «Наступил один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции». Ленин публично – не часто с ним бывало – настаивает на усилении террора: «Выловить ли и посадить в тюрьму, иногда даже расстрелять сотни изменников из кадетов, беспартийных, меньшевиков, эсеров, “выступающих” (кто с оружием, кто с заговором, кто с агитацией против мобилизации, как печатники или железнодорожники из меньшевиков и т. п.) *против* Советской власти, *то есть за Деникина*? Или довести дело до того, чтобы позволить Колчаку и Деникину перебить, перестрелять, перепороть до смерти десятки тысяч рабочих и крестьян? Выбор не труден»[1704].

На Восточном фронте весной колчаковцы заняли Уфу, Стерлитамак, Орск, Актюбинск, подходя к Волге, сближаясь с Добровольческой армией Деникина и отрезая сообщение Москвы с Туркестаном. Восточный фронт был объявлен большевиками «главным фронтом республики», на него бросались дополнительные силы, но белые продолжали наступать – Ижевск, Сарапул, Елабуга, Екатеринбург. Однако Ленин сохранял оптимизм:

– Ни одного полка, ни одной роты не возьмем мы с Южного фронта. Для Восточного фронта мы соберем новые армии, и для этого объявлена нами мобилизация. Эта мобилизация будет последней, она даст нам возможность покончить с Колчаком, т. е. кончить войну, и на этот раз навсегда.

СНК 10 апреля принял декрет о призыве в Красную Армию рабочих и крестьян 1886–1890 годов рождения (то есть 29–33-летних) в Петрограде, Москве и нескольких неземледельческих губерниях. Помогло не сразу. Ленин писал петроградским организациям: «Я имел подробный доклад Вацетиса и начальника штаба. *Вывод печальный.* – Необходимо деятельное напряжение сил. Надо *не дать остыть* теперешнему подъему, а продержать его минимум 2 месяца и *еще усилить.* Иначе не кончим войны, а кончить ее надо *во что бы то ни стало*, ибо признаки усталости масс (100 000 дезертиров) все учащаются»[1705]. 26 апреля части Восточного фронта Каменева перешли в контрнаступление, и за две недели колчаковцы были отброшены от Волги.

И здесь неожиданно… Рассказывал сам Каменев: «5 мая 1919 года было получено телеграфное распоряжение Троцкого о снятии меня с должности командующего фронтом. Увольнение с должности было произведено в весьма “деликатной” форме: был дан отпуск и денежное пособие. Но вот за что я был отстранен от командования – я и до сего дня не знаю». Каменев приехал в

Москву и, не добившись ответа на этот вопрос от Склянского, собрался уже уезжать. Но тут его вызвали в Кремль. «ВИ, смеясь, о чем-то говорил с тов. Склянским и, когда я вошел, задал мне вопрос о Восточном фронте, – продолжал Каменев. – В начале моего доклада ВИ взял железнодорожный атлас “Железные дороги России”, издание Ильина, и по этому картографическому материалу мне и пришлось делать доклад… Обращая внимание ВИ на красивое в военном отношении развитие операции, я стал восхищаться ее красотой. ВИ немедленно подал реплику, что нам необходимо разбить Колчака, а красиво это будет сделано или некрасиво – для нас несущественно». Каменеву было «приказано возвращаться в Симбирск и вновь принять командование Восточным фронтом… Одновременно мне было передано приказание ВИ немедленно ехать в Серпухов, где находился тогда штаб главнокомандующего, и “договориться” с последним»[1706].

Оказалось, что инициатива отставки Каменева принадлежала Вацетису и Троцкому, а сама отставка вызвала протесты командиров Восточного фронта. 20 мая Ленин телеграфировал Троцкому: «В связи с телеграммой шифром от трех командиров Восточного фронта я предлагаю назначить Каменева командующим фронтом». И 25 мая Реввоенсовету Восточного фронта: «По вашему настоянию назначен опять Каменев. Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной. Напрягите все силы».

Ленин гнал одну волну мобилизации за другой. 31 мая Совет Обороны принял написанное Лениным постановление. Первое: «На 4 месяца (с 15. VI по 15. X) мобилизовать всех служащих в советских учреждениях мужского пола от *18* до *45* [лучше больше, ибо часть освободим] лет, заменив их женщинами или временно сократив известную часть работы… Мобилизованные отвечают по круговой поруке друг за друга, и их семьи считаются заложниками в случае перехода на сторону неприятеля или дезертирства, или невыполнения данных заданий и т. п.». 3 июня Ленин инструктировал Реввоенсовет Восточного фронта: «Обратите сугубое внимание на оренбургских казаков и на башкир, ибо при предыдущем наступлении мы наглупили, прозевали и не использовали этих сил. Мобилизуйте их спешно…»[1707]. Но красноармейцы явно перевыполняли задание вождя. 9 июня была отбита Уфа, в которую первой вошла дивизия Василия Ивановича Чапаева. Фрунзе, командовавший южной группой фронта, рапортовал: «Колчак сломан и разбит на пять шестых»[1708]. Ленин злорадствовал:

– Не только рабочих и крестьян, но и патриотически настроенную интеллигенцию, поголовно саботировавшую в свое

время, ту самую интеллигенцию, которая в союзе с Антантой, – и ее оттолкнул Колчак… Даже кулаки восстают против Колчака![1709]

При этом Каменев продолжал самовольничать и даже провоцировал конфликты с Вацетисом: «В июне я в полном смысле слова не исполнил приказа главнокомандующего. Наступление на Восточном фронте развивалось вполне успешно. Белогвардейские армии Колчака откатывались за Уфу, и в это время главнокомандующий отдал приказ остановиться на реке Белой. Я отказался остановить наступление. Решение вопроса перешло к ВИ»[1710].

В разгар жарких боев на всех фронтах разыгралась целая драма, которая привела к смене Лениным Главнокомандующего Красной Армией. Сам предсовнаркома образно объяснит свои мотивы в письме в ЦК: «Т. Троцкий ошибается: ни причуды, ни озорства, ни каприза, ни растерянности, ни отчаяния, ни “элемента” сих приятных (Троцким с ужасной иронией бичуемых) качеств здесь нет. А есть то, что Троцкий обошел: большинство Цека пришло к убеждению, что ставка “вертеп”, что в ставке *неладно*, и *в поисках серьезного улучшения,* в поисках средств *коренного изменения*, сделало определенный *шаг.* Вот и все»[1711]. Что же произошло?

В верхушке разгорелся жаркий спор о стратегических приоритетах: куда бросать основные силы? Вот как позиции сторон описывал Троцкий. «Вацетис считал, что после первых наших крупных успехов против Колчака нам не следует зарываться слишком далеко на восток, по ту сторону Урала. Он хотел, чтобы Восточный фронт зазимовал на горном хребте. Это должно было дать возможность снять с востока несколько дивизий и перебросить их на юг, где Деникин превращался во все более серьезную опасность. Я поддержал этот план. Но он встретил решительное сопротивление со стороны командовавшего Восточным фронтом Каменева… и членов Военного Совета Смилги и Лашевича». Ленин резко выступил против предложений Троцкого.

Пятого июля, «чтобы разрубить гордиев узел», Троцкий предлагает ЦК свою отставку. Политбюро и Оргбюро решают: «принять отставки абсолютно не в состоянии». Но возможности руководить Восточным фронтом его лишает. Необходимо «сделать наиболее удобной для т. Троцкого и наиболее плодотворной для Республики ту работу на Южном фронте, самом трудном, самом опасном и самом важном в настоящее время, которую избрал сам т. Троцкий». Ему предоставлялось право «всеми средствами добиваться того, что он считает исправлением линии в военном вопросе, и, если он пожелает,

постарается ускорить съезд партии». Тот уверял: «Само по себе разногласие имело чисто деловой характер. На отношениях моих с Лениным оно, разумеется, не отразилось ни в малейшей мере»[1712]. Полагаю это было не совсем так. Обратимся к мемуарам Данишевского.

«Для ознакомления с положением в штабе Реввоенсовета Республики была направлена в Серпухов 5 и 6 июля 1919 года особая комиссия ЦК РКП(б). В своей записке (7 июля) на имя ЦК РКП(б) я категорически настаиваю на срочной смене главного командования и отстранения от работы ряда ответственных штабных работников». Данишевский предлагает поставить во главе вооруженных сил «С. С. Каменева и П. П. Лебедева, которые успешно развернули наступление на Восточном фронте и вплотную подошли к ликвидации нашего противника на этом фронте… Троцкий яростно и упорно высказывался против смены главного командования. На первом заседании ЦК по этому вопросу определенного решения еще не приняли. ВИ ограничился главным образом отдельными замечаниями, выясняющими положение вопросами и т. п., но видно было, что он недоволен главным командованием. На следующий день было назначено дальнейшее обсуждение этого чрезвычайно важного вопроса. Троцкий на заседание не явился. На запрос, в чем дело, им было сообщено, что он чувствует себя больным и прийти не может. Об этом было передано ВИ. Он выслушал это сообщение, чуть-чуть улыбнулся и подошел к телефону. Он сказал Троцкому, что ЦК его ждет, что вопрос должен быть решен сегодня.

– Если вы серьезно больны, то ЦК может собраться у вас, – заявил ВИ Троцкому.

Минут через 15–20 явился Троцкий, и заседание было продолжено. Троцкий снова резко настаивал на необходимости оставить прежнее главное командование, указывал, что нет основания для смены его, заявлял о своем уходе в случае, если смена будет осуществлена. Все реплики ВИ указывали на то, что он уже твердо стоит за смену главного командования… Так и было решено. Троцкий заявил, что он уезжает на юг»[1713].

Версия Сергея Каменева: «ВИ с непревзойденным талантом решил стратегический военный вопрос: принятое решение об отказе остановить наступление остается в силе. Ликвидация Колчака продолжается с еще большим нажимом. Проработан план переброски сил на Южный фронт по календарным срокам. Главнокомандование сменяется. Ставка главнокомандования перемещается в Москву. Недовольный принятым решением, председатель РВС Троцкий подает в отставку. Отставка Троцкого не принимается. Троцкий после этого долгое время не руководит

и не присутствует в РВС. Он ездит в своем поезде, но не появляется на Восточном фронте, так как перестал им интересоваться» [1714].

Ночью Данишевский на автомобиле направился в Серпухов. «Все произошло так, как намечалось. 8 июля 1919 года был объявлен новый состав Реввоенсовета Республики со включением в него нового главнокомандующего С. С. Каменева и членов – Смилги, Гусева, Рыкова»[1715].

Троцкий отбыл на юг. Каменев замечал: «Самоустранение Троцкого от руководства РВСР в связи с перемещением штаба главнокомандования в Москву, на мой взгляд, мало отразилось на работе главнокомандования. Мне кажется, что это обстоятельство привело в ряде случаев к непосредственному руководству ВИ работой РВСР»[1716].

Только осуществив все эти перестановки в военном ведомстве, Ленин позволил себе отдохнуть. Правда, не далеко, в Горках. 18 июля он писал в Петроград Горькому: «Дорогой А. М.! Приезжайте отдохнуть сюда – я на два дня часто уезжаю в деревню, где великолепно могу Вас устроить и на короткое и на более долгое время. Приезжайте, право!»[1717]. Дмитрий Ульянов тоже отдыхал с братом: «Летом 1919, 1920 и 1921 годов ВИ любил ходить купаться на Пахру. Обыкновенно он приходил и говорил мне перед обедом или вечером:

– Пойдем купаться.

Или же я звал его купаться. Он шел в косоворотке, без пояса, одетый совершенно по-дачному. Мы направлялись на Пахру… Обычно с нами шел кто-нибудь из охраны… Иногда мы брали лодку, так как берег на этой стороне илистый, а на той стороне хороший песчаный пляж, переезжали на тот берег»[1718].

Сапронову запомнилось другое: «При случае ВИ увлекался играми, например, в городки. У нас в Горках были в моде городки. Многие увлекались ими до бесчувствия»[1719]. Городки не были сильной стороной Ленина. «Ленин играл плохо, – вспоминал «правдист» Николай Леонидович Мещеряков, – а Бухарин был у нас лучшим игроком и гордился этим, кажется, больше, чем своей литературной работой… У Бухарина бывало так, что если он делал промах, то палка у него летела всегда слева, и Ленин говорил, что это оттого, что Бухарин еще не расстался с левым коммунизмом»[1720].

Прогулки Ленина по окрестностям, пусть и не такие продолжительные, как в Швейцарии, доставляли очевидные проблемы его все более многочисленной охране. Сапронов жаловался: «Тов. Ленин от охраняющего удирал: скроется в кустах, в лесу, и баста. Туда, сюда, его нет. Приходилось

отыскивать тов. Ленина, но делать это так, чтобы он не догадался… Тов. Ленин часто с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной уходили далеко в лес или в поле гулять. В это время отдыхающие товарищи также шли гулять в том же направлении, держась на некотором расстоянии, притворяясь, что собирают цветы, грибы или еще что… Трудновато было с тов. Лениным в смысле охраны во время купанья. Там были все (кроме Полидорова) пловцы такие, что едва речку переплывали, тов. Ленин же поперек речки редко когда плавал, а с легкостью рыбы вдоль ее. Уплывет, бывало, на полверсты, вылезет на берег и сидит. Плыть за ним никто не мог, а идти по берегу… знали, что он этого недолюбливал. В таких случаях как хочешь, так и выкручивайся»[1721].

Отдыхать в то лето толком не получалось. Сводки с фронтов не давали расслабиться, были и вдохновляющими, и пугающими.

Продолжал радовать Восточный фронт. Контрудар Южной группы фронта под командованием Фрунзе привел к освобождению ранее потерянных территорий, взятию в июле Екатеринбурга и Челябинска. Колчаковские войска отошли за Урал. 29 июля Фрунзе принял Восточный фронт у получившего повышение Каменева.

В августе, развивая наступление, красные взяли Троицк, Курган, Кустанай. Только переброска большого количества красноармейских сил с Восточного фронта на Южный и Петроградский позволила колчаковцам в сентябре задержать наступление на реке Тобол. Верховный совет Антанты «решил не оказывать больше помощи Колчаку, который, очевидно, быстро терял под собой почву и переставал быть хозяином положения». Ранее одобренные поставки еще продолжали поступать во Владивосток вплоть до октября. Но сами англичане уже спешили покинуть Сибирь. «Полковник Уорд и его Миддлсекский полк 8 сентября отплыли из Владивостока в Англию, а 1 ноября их примеру последовал и Гемпширский полк. С этих пор только британская военная и железнодорожная миссии оставались в качестве представителя Великобритании в Сибири»[1722].

Неплохо шли дела большевиков на Северо-Западе. В августе красноармейцы снова овладели Псковом. В эту непростую для Юденича минуту руку помощи решительно и в своеобразной форме протянули англичане. Они стали энергично вооружать Эстонию и подталкивать ее к участию в военных действиях. В Ревельском (Таллинском) порту разгружались британские танки, бронеавтомобили, орудия и винтовки. 18 августа семь британских торпедных катеров осуществили торпедную атаку Кронштадта, британские летчики бомбили Кронштадт и Красную Горку[1723].

Ленин в этих условиях предпринял решительный дипломатический маневр. С его подачи Чичерин 31 августа отправил правительству Эстонии ноту, в которой предложил «вступить в мирные переговоры, которые имели бы целью установить границы Эстляндского государства, пределы нейтральной зоны между русскими и эстляндскими войсками… на базисе неуклонного признания независимости Эстляндского государства»[1724]. 4 сентября последовал положительный ответ, и уже 10-го ПБ назначило делегацию на мирные переговоры под руководством Литвинова и Воровского, а также созвало совещание с «представителями ЦК компартий Эстляндии, Латвии, Финляндии, Литвы и Белоруссии для обсуждения вопроса об одновременном предложении мира правительствам этих стран», которое одобрило начало переговоров.

В Лондоне поняли, что теряют инициативу, и 11 сентября лидеры всех антисоветских сил, действовавших на Северо-Востоке, были приглашены по английским дипломатическим каналам в Ревель, где британский бригадный генерал Марч продиктовал условия: нужно в течение часа сформировать единое правительство Северо-Западной области России, которое первым своим решением признает независимость Эстонии. В противном случае помощь Лондона прекращается. Через час правительство было. Его председателем был назначен Лианозов. Военным министром – в его отсутствие – Юденич. Эстония получила признание и взамен обещала поддержку военной силой, чтобы «освободить Петроградскую, Псковскую и Новгородскую губернии от большевицкого ига»[1725].

При этом все более зловещей выглядела угроза с юга. «Первый мой как главнокомандующего доклад ВИ по оперативным вопросам был в последних числах июля 1919 года в связи с угрожающим положением под Курском, – рассказывал главком Каменев. – Операция имела ограниченную задачу – предупредить наступление противника встречным ударом с целью отбросить белогвардейщину от Курска и захватить Харьковский узел… Операция началась в начале августа и на первых шагах развернулась довольно успешно: части Южного фронта заняли Валуйки, Купянск, Волчанск и подходили к Чугуеву, но тут были приостановлены белогвардейской конницей генерала Шкуро, после чего наше наступление захлебнулось. Кроме того, 10 августа Южный фронт был прорван конницей Мамонтова, прошедшего рейдом по нашим тылам»[1726]. Ленин в гневе писал Склянскому: «Должно быть, *нет ни одной* ***боеспособной*** части против Мамонтова: это прямо позор и полное нерадение Реввоенсовета или *полное прозевывание.* Надо принять

меры поэнергичнее!.. Путейцы говорят, что наши части против Мамонтова *боятся вылезть из вагонов*. Такие части посылая, Реввоенсовет Республики *срамит себя*».

Политбюро 13 августа направило телеграмму Раковскому, Троцкому и Косиору в Киев: «Настоятельно рекомендуем закрыть все комиссариаты, кроме военного, путей сообщения и продовольствия. Мобилизуйте всех поголовно на военную работу и поставьте задачей продержаться хоть немного недель, слив в одно учреждение Совнарком, Совобороны, ЦИК и ЦК КПУ». Не сильно помогло. 30 августа дивизия генерал-майора Бредова маршировала по Киеву. Конный корпус Мамонтова в августе взял Тамбов и Козлов. Ленин 16 сентября высказывал Гусеву: «С Мамонтовым застой. Видно, опоздание за опозданием. Опоздали войска, шедшие с севера на Воронеж. Опоздали с перекидкой 21 дивизии на юг. Опоздали с автопулеметами. Опоздали со связью… Видимо, наш РВСР “командует”, не интересуясь или не умея следить за *исполнением*. Если это общий наш грех, то в военном деле это прямая гибель»[1727].

Между тем Добровольческая армия Май-Маевского, нанося тяжелые удары советским армиям, двигалась прямо на Москву. Деникин не скрывал удовлетворения: «7 сентября 1-й армейский корпус ген. Кутепова, разбив наголову 12 советских полков, взял Курск… 17-го ген. Шкуро, переправившись неожиданно через Дон, захватил Воронеж… 30-го войска 1-го корпуса овладели Орлом и продолжали двигаться к Туле… В начале октября 5-й кавалерийский корпус ген. Юзефовича взял Новгород-Северск. На всем фронте войска Добровольческой армии захватывали десятки тысяч пленных и огромные трофеи»[1728].

Главком Каменев признавал, что «подготовиться к генеральным событиям Южный фронт не успел… Перегруппировку же сил пришлось производить уже в процессе начатых белогвардейщиной операций, сразу же развернувшихся не в нашу пользу. 17 сентября 1919 года добровольческая армия Деникина перешла в наступление, захватив у нас Курск и развив наступление на Орел. Для руководства обороной Южного фронта ЦК назначил тов. Сталина»[1729].

ЦК 20 сентября разослал циркулярное письмо: «В борьбе с Деникиным должен быть использован весь тот запас революционной энергии, которым обладает наша партия… Все коммунисты должны быть извлечены из тех учреждений, где они могут и должны быть заменены беспартийными работниками, женщинами, инвалидами гражданской войны. Коммунисты должны быть переданы в распоряжение военных властей. Всякая коллегиальность должна быть сокращена до минимума.

Дискуссии и обсуждения должны быть заброшены»[1730].

В сентябре ВЧК раскрыл в Москве заговор белогвардейского «Всероссийского Национального центра», имевшего отделения во многих крупных городах, в том числе на Урале и в Сибири и координировавшегося из штаба Деникина. По мере приближения его войск к Москве, НЦ готовил восстание, имея в виду «вырезать всех большевиков»[1731]. Вечером 25 октября в зале МК партии в Леонтьевском переулке большое совещание партработников. В зале некуда яблоку было упасть. Ждали Ленина. Тот все не ехал. И вдруг через окно влетели две бомбы, 12 партработников погибло на месте, 55 были ранены. Это вызвало панику в городе и привело к кратковременной эвакуации Ленина из Москвы.

Рассказывал Сапронов: «В Москве напряженность невероятная: контрреволюционные банды продолжают устраивать заговоры. ВЧК открывает новые притоны этих бандитов, последние далеко не выловлены, и неизвестно, кого изберут они своей очередной жертвой. При таких условиях ехать тов. Ленину в Горки, о которых известно всем бандам, по меньшей мере, было рискованно… После некоторого раздумья решили ехать в имение Васильевское, Звенигородского уезда, верст 60–70 от Москвы, из них 6–7 верст – лесом, по грязи. Там только что губисполком начал организовывать дом отдыха.

Ночь темная, сверху моросил дождь. По шоссе хотя и с небольшими приключениями, но в общем доехали быстро, но, как только свернули в сторону, начали прыгать по колдобинам и нырять по болотам. Донырялись так, что, проехав с версту от шоссе, одна машина нырнула по самый кузов в грязь. Все вышли из машин, начали помогать тянуть, залезли по колено в грязь, но ничего не выходит. Все кипятятся, волнуются, нервничают. Спокойнее всех ВИ, – трунит и издевается, что столько, мол, народу и не могут вытащить одной машины. Кто-то с досадой изрекает:

– Мы на ней ехали, теперь она на нас.

Спасло положение то, что эта беда стряслась в лесу. Все, недолго думая, пустились собирать хворост – в этой работе и ВИ участвовал, – вскоре набрали большое количество его, наложили под колеса, и машина с трудом вылезла… К счастью, больше ничего худого не случилось, и мы наконец-то часа в 2–3 утра добрались до конечного пункта. Совхоз весь спал крепким сном, и даже ни один пес не залаял, спали и обитатели организуемого дома отдыха – не разбудил их и шум машин… Обстановка не особенно, но местность тов. Ленину очень понравилась. По крайней мере, настолько, что он охотно там пробыл дня два, но не настолько, чтобы он повторил туда свою поездку»[1732].

Преступников, устроивших теракт в Леонтьевском, обнаружат в рядах организации «Анархисты подполья», которую в ноябре чекисты ликвидируют[1733].

Коренной перелом

Нагрузки на Ленина той осенью были безумными. Крупская подтверждала: «Вторая половина 1919 г. была еще тяжелее первой. Особенно тяжелы были сентябрь, октябрь, начало ноября… На имя ВИ приходила масса анонимных писем, содержащих в себе ругань, угрозы, карикатуры… И хотя ни на минуту не ослабевала у Ильича уверенность в победе, но работал он с утра до вечера, громадная забота не давала ему спать. Бывало проснется ночью, встанет, начнет проверять по телефону, выполнено ли то или иное распоряжение, надумает телеграмму еще какую-нибудь добавочную послать. Днем мало бывал дома, больше сидел у себя в кабинете, приемы у него шли. Я в эти горячие месяцы видела его меньше обыкновенного, мы почти не гуляли…»[1734].

Но именно в эти месяцы произошел коренной перелом в Гражданской войне. Одной из немаловажных причин стало изменение позиции Запада, который продолжал антисоветскую борьбу, но утратил веру в конечный успех Колчака и Деникина. Ллойд Джордж утверждал: «Только в этом году мы уже истратили более 100 миллионов на Россию… Россия не хочет, чтобы ее освобождали. Давайте займемся собственными делами, а Россия о своих делах пусть печется сама»[1735]. Нокс писал своему правительству: «Можно разбить миллионную армию большевиков, но когда 150 миллионов русских не хотят белых, а хотят красных, то бесцельно помогать белым»[1736]. В августе было принято решение о выделении последнего «пакета помощи» Деникину, в сентябре Лондон решил отказаться от направления помощи Прибалтийским государствам [1737].

В США Республиканская партия язвительно критиковала планы президента, направленные к исправлению человечества, и настойчиво требовала возвращения американских войск и уплаты по американским займам[1738]. Вильсон отправился в длительный тур по стране, пропагандируя Версальский мир и Лигу Наций. Но 2 октября у президента случился обширный инсульт, который сделал его практически нетрудоспособным на оставшиеся полтора года президентства. В ноябре сенат окончательно отклонил ратификацию Версальского договора из-за статьи 10, которая предусматривала обязанность государств-членов Лиги Наций оказывать помощь другим государствам-членам, которые являются жертвами агрессии. В этом усматривалось покушение на право Конгресса объявлять войну. В этих условиях в США просто не оставалось сил, по-настоящему заинтересованных в

интервенции в Россию.

Подходы Ленина к Западу тоже заметно менялись. Он начал заманивать перспективами возобновления торговли и предоставления концессий в России. 25 сентября он писал: «Прочный мир был бы таким облегчением положения трудящихся масс в России, что эти массы, несомненно, согласились бы и на предоставление известных концессий». А вскоре – 5 октября – в ответах на вопросы «The Chicago Daily News»: «Мы за решительную договоренность с Америкой, – со всеми странами, но *особенно* с Америкой»[1739].

Осенью союзники начали эвакуировать свои войска с Севера России. «Шесть с половиной тысяч русских, желавших покинуть Северный край, были отправлены морем в освобожденные прибалтийские государства и на юг России. 27 сентября закончилась эвакуация Архангельска, а 12 октября был эвакуирован Мурманск»[1740]. В то же время британские войска оставили Закаспийскую область и Закавказье, за исключением района Батума.

Выдыхалось наступление Деникина. «В начале октября Вооруженные силы Юга России занимали фронт параллельно нижнему плесу Волги до Царицына и далее по линии (примерно) Воронеж – Орел – Чернигов – Киев – Одесса, – описывал диспозицию Деникин. – Этот фронт прикрывал освобожденный от советской власти район, заключавший 16–18 губерний и областей, пространством в 810 тыс. квадратных верст с населением в 42 млн»[1741]. Ленин 13 октября телеграфирует Смирнову и Фрунзе директиву ЦК – «ограбить все фронты в пользу Южного. Обдумайте экстреннейшие меры, например, спешную мобилизацию местных рабочих и крестьян для замены ими ваших частей, могущих быть отправленными на Южфронт. Положение там грозное»[1742]. 16 октября армия Деникина остановилась на подступах к Туле. «Для парирования этого удара Деникина нами спешно создавались две контрударные группы: одна – в районе Карачева, где была образована XIII армия Уборевича, и другая – в районе Воронежа, куда с Царицынского фронта перебрасывалась конница Буденного»[1743].

Переброшенные с Западного фронта 9-я стрелковая, Эстонская и Латышская дивизии красных 20 октября заняли Воронеж. «С победой под Воронежем обстановка начала резко меняться в пользу советских войск, – писал Буденный. – Конный корпус выходил на правый фланг главной ударной группировки деникинской армии, рвавшейся на Москву. Под угрозой оказывались важнейшие железнодорожные артерии и тылы белых, питавшие их ударные части в районе Курска, Орла»[1744]. В

результате начавшегося масштабного контрнаступления правый фланг Южного фронта бывшего полковника Егорова к середине ноября вышел на линию Киев – Курск.

Одна часть армии Деникина – в составе Добровольческой армии, донцов, кубанцев и терцев – отходила на Кавказ; войска Шиллинга и Драгомирова – в Новороссию, прикрывая Николаев – Одессу; Слащёва – в Крым. Армии советского Южного фронта 12 декабря освободили Харьков и выдвинулись к Екатеринославу и Киеву, где была восстановлена Советская власть.

Ленин стал уделять самое пристальное внимание украинским делам. Центральный вопрос – не спугнуть украинцев. Написанный Лениным в ноябре проект тезисов ЦК о политике на Украине предусматривал: «1. Величайшая осторожность в отношении к националистским традициям, строжайшее соблюдение равенства украинского языка и культуры, обязательство изучать украинский язык для всех должностных лиц»[1745]. В декабре Ленин писал: «Нас нисколько не может удивлять – и не должна пугать – даже такая перспектива, что украинские рабочие и крестьяне перепробуют различные системы и в течение, скажем, нескольких лет испытают на практике и слияние с РСФСР, и отделение от нее в особую, самостийную УССР, и разные формы их тесного союза, и т. д., и т. п.».

Ленин догадался, что Украиной будет сложно управлять без привлечения ряда чисто украинских политических группировок, пусть ранее и враждовавших с большевиками. Так в компартию влились левые эсеры-боротьбисты, максималисты из группы Светлова – Бердникова, революционные коммунисты. «Боротьбисты отличаются от большевиков, между прочим, тем, что отстаивают безусловную независимость Украины, – замечал Ленин. – Большевики *из-за этого* не делают предмета расхождения и разъединения, *в этом* не видят никакой помехи дружной пролетарской работе… Среди большевиков есть сторонники полной независимости Украины, есть сторонники более или менее тесной федеративной связи, есть сторонники полного слияния Украины с Россией»[1746].

В январе – начале февраля 1920 года под контроль красных перешли Херсон, Николаев и Одесса. Армия ЗУНР в ноябре подчинилась Вооруженным силам Юга России Деникина, а после их разгрома – Красной Армии[1747]. Но дальше продвижение советских войск на Запад было остановлено: они вошли в соприкосновение на Днестре с армией Румынии, захватившей Бессарабию; и на Збруче – с польскими войсками и потрепанными петлюровскими отрядами.

Удары 9-й и 11-й армий Юго-Восточного фронта Шорина

позволили занять Донбасс, после чего основной центр войны с деникинцами переместился на Северный Кавказ. Деникин к этому времени располагал 54 тысячами солдат и офицеров»[1748]. В начале января 1920 года красными были взяты – Царицын, Ростов и Новочеркасск. Но ворваться в Крым не позволили войска Слащёва.

Все внимание – на Северный Кавказ. Ленин 4 февраля сообщал Сталину решение ЦК: «В течение ближайших недель Вы все внимание и всю энергию сосредоточите на обслуживании Кавказского фронта, подчиняя ему интересы Юго-Запфронта». Но одновременно Ленин ставил перед Сталиным и взаимоисключающую задачу: использовать силы Юго-Западного фронта для противостояния с Польшей. 10 февраля телеграмма Сталину в Харьков: «Я считаю очень важным войска, свободные после взятия Одессы, не держать на Днестре, а двинуть на Запфронт, чтобы обеспечить себя от поляков»[1749].

Решающим на Кавказском фронте стало сражение при Торговой в ночь с 18 на 19 февраля, в которой участвовали «двадцать четыре кавалерийских полка противника общей численностью около десяти тысяч сабель. Жуткую картину представляла степь, усеянная сотнями убитых и замерзших белоказаков. Среди брошенной артиллерии и пулеметов, зарядных ящиков и разбитых повозок лежали замерзшие люди и лошади. Одни замерзли, свернувшись в клубок, другие на коленях, а иные, стоя по пояс в снегу рядом со своими застывшими лошадьми»[1750].

Ленин не успокаивается, подгоняет Сталина, «считая важнейшей и неотложной задачей побить до конца Деникина, для чего надо Вам ускорить подкрепления Кавкфронту изо всех сил»». Старик настаивал: «Положение на Кавказском фронте приобретает все более серьезный характер. По сегодняшней обстановке не исключена возможность потери Ростова и Новочеркасска, а также попытки противника развить успех далее на север с угрозой Донецкому району. Примите исключительные меры для ускорения перевозок сорок второй и латышской дивизий и по усилению их боеспособности»[1751]. Ленин знал, о чем писал. На рассвете 20 февраля белые начали контрнаступление и ворвались в Ростов-на-Дону. Однако уже 25 февраля 8-я армия отбросила их на левый берег Дона.

Первого марта конармия пошла в наступление на станицу Атаман-Егорлыкскую. «По сути дела сражение при Егорлыкской было завершающей операцией по ликвидации деникинщены…»[1752] Далее шесть красных армий в течение марта взяли Ставрополь, Екатеринодар (Краснодар), Грозный,

Новороссийск, Порт-Петровский (Махачкала), а к началу мая вышли на границы Грузии и Азербайджана. Остатки деникинских формирований оставались только в Крыму. Ленин страшно недоволен и 15 марта пишет в Реввоенсовет: «Обратить сугубое внимание на явно допущенную ошибку с Крымом (вовремя не двинули достаточных сил)… Все усилия на исправление ошибки»[1753]. А 17 марта телеграфировал Сталину: «Только что пришло известие из Германии, что в Берлине идет бой, и спартаковцы завладели частью города. Кто победит, неизвестно, но для нас необходимо максимально ускорить овладение Крымом, чтоб иметь вполне свободные руки, ибо гражданская война в Германии может заставить нас двинуться на Запад на помощь коммунистам»[1754].

В этот момент деморализованные остатки деникинских войск переживали еще и кризис руководства. Деникин написал заявление об отставке. Замену нашли в генерале Врангеле.

5 апреля Врангель вступил в командование Вооруженными силами Юга России. «Состояние войск, прибывших в Крым из Новороссийска, было поистине ужасно: это была не армия, а банда. Орудия и обозы были брошены. Ружья и часть пулеметов сохранил еще Добровольческий корпус, в который была сведена Добровольческая армия, под командой Кутепова. Донцы и кубанцы в большинстве и этого не имели»[1755]. В апреле Перекопская группа 13-й армии Уборевича опять пошла в наступление на Крым, но вновь без результата. Готовилось еще одно наступление, но в этот момент основное внимание Юго-Западного фронта оказалось переключено на поляков.

Коренной перелом на Северо-Западе произошел тоже в октябре 1919 года, когда началось новое наступление на Петроград войск Юденича совместно с 1-й эстонской дивизией. «На западных подступах к Петрограду стояла 7-я армия, – писал Троцкий. – Длительная неподвижность тяжело отразились на ней. Бдительность ослабела… Первый же крепкий удар с запада окончательно выбил 7-ю армию из равновесия. Она стала откатываться почти без сопротивления, бросая оружие и обозы»[1756].

Юденич за две недели овладел Ямбургом, Красным Селом, Гатчиной, Детским Селом и Павловском. «Дни между 11 и 16 октября 1919 года были самыми тревожными, – писал главком Каменев. – …Под Петроградом дела значительно ухудшились, приходится принимать крайние меры, бросать резерв, созданный специально для защиты Тулы. По телефону тут же тов. Склянский сообщает о принятом решении ВИ. Этот резерв был назван

“пиковой дамой” – последний козырь, долженствующий дать нам выигрыш… Чувство ответственности принимаемого решения буквально жгло мозг. Более сложной обстановки я за весь период гражданской войны не помню. Непоколебимое спокойствие ВИ в это время являлось самой мощной поддержкой главнокомандования»[1757].

Каменев явно преувеличивал степень этого непоколебимого спокойствия. Вот что сообщал Троцкий: «Питерские руководители, и прежде всего Зиновьев, сообщали Ленину о превосходном во всех отношениях вооружении противника: автоматы, танки, аэропланы, английские мониторы на фланге и прочее. Ленин пришел к выводу, что успешно бороться против офицерской армии Юденича, вооруженной по последнему слову техники, мы могли бы только ценою оголения и ослабления других фронтов, прежде всего Южного… Оставалось, по его мнению, одно: сдать Петроград и сократить фронт. Придя к выводу о необходимости такой тяжкой ампутации, Ленин принялся перетягивать на свою сторону других… Крестинский… стал на мою сторону. Кажется, и Сталин присоединился ко мне. Я несколько раз в течение суток атаковал Ленина. В конце концов, он сказал:

– Что ж, давайте попробуем»[1758].

Ленин решил защищать Петроград и 14 октября телеграфировал Зиновьеву: «Ясно, что наступление белых – маневр, чтобы отвлечь наш натиск на Юге. Отбейте врага, ударьте на Ямбург – Гдов. Проведите мобилизацию работников на фронт. Упраздните девять десятых отделов. Мобилизация всех сил на фронт у нас еще нигде не проводилась, хотя много писалось о том, есть и постановление Центрального Комитета, и циркулярные письма. Надо успеть их прогнать, чтобы вы могли опять оказывать свою помощь Югу». Ленин констатировал в воззвании красноармейцам Петрограда: «Враг напал среди переговоров с Эстляндией о мире, напал на наших красноармейцев, поверивших в эти переговоры. Этот изменнический характер нападения – отчасти объясняет быстрые успехи врага. Взяты Красное Село, Гатчина, Вырица. Перерезаны две железные дороги к Питеру. Враг стремится перерезать третью, Николаевскую, и четвертую, Вологодскую, чтобы взять Питер голодом».

Троцкий 16-го возглавил оборону Петрограда. Ленин слал ему шифротелеграмму: «Мы послали вам много войска, все дело в быстроте наступления на Юденича и в окружении его. Налегайте изо всех сил для ускорения. Громадное восстание в тылу Деникина на Кавказе, и наши успехи в Сибири позволяют

надеяться на полную победу, если мы бешено ускорим ликвидацию Юденича»[1759].

В дождливые осенние дни редкие лучи солнца освещали купола Исаакия, которые бойцы Юденича наблюдали с высот Красного Села и Дудергофа. 20 октября Колчаку и Деникину ушли сообщения о взятии Петрограда, и на следующий день белогвардейские газеты вышли с большими аншлагами, посвященными этому событию. Радовались рано. Перелом ситуации описал Троцкий: «Как только внизу почувствовали, что Петроград сдан не будет, что, в случае необходимости, он будет обороняться внутри, на улицах и площадях, настроение сразу изменилось. Наиболее смелые и самоотверженные, подняли головы… Из рабочих кварталов повеяло новым духом на казармы, на тылы, на армию в поле»[1760].

А дальше… Предоставим слово гениальному Александру Куприну: «Наступили холодные дождливые дни и мокрые ночи, черные, как чернила, без единой звезды… Англичане, обещавшие подкрепить движение белых на Петербург своим военным флотом, безмолвствуют, и лишь под занавес, когда большевики, в безмерно превосходных силах, теснят, окружают Белую армию и она уже думает об отступлении, лишь тогда перед Красной Горкой появляется английский монитор и выпускает несколько снарядов с такой далекой дистанции, что они никому и ничему вреда не приносят.

Англичане обещали оружие, снаряды, обмундирование и продовольствие. Лучше бы они ничего не обещали! Ружья, присланные ими, выдержали не более трех выстрелов, после четвертого патрон так крепко заклинивался в дуле, что вытащить его возможно было только в мастерской. Их танки были первейшего типа (“Времен войн Филиппа Македонского”, – горько острили в армии), постоянно чинились и, пройдя четверть версты, возвращались, хромая, в город. Французские “Бебе” были очень хороши, но командовали ими англичане, которые уверяли, что дело танков лишь производить издали потрясающее моральное впечатление, а не участвовать в бое… Они развращали бездействием и русских офицеров…»

Все двадцатые числа шли беспрерывные бои под Пулково. В этот момент подкрепления Красной Армии ударили по обнажившемуся правому флангу армий Юденича и вышли к Луге. Белые части, потерявшие почти половину личного состава в трехнедельных боях, начали панический отход. К середине ноября части красной 7-й армии вышли на границы Эстонии. «Наступает зима, – описал Куприн драму побежденных. – У Нарвы русские полки не пропускаются за проволочные заграждения эстонцами.

Люди кучами замерзают в эту ночь. Потом Нарва, Ревель и бараки, заваленные русскими воинами, умирающими от тифов… Я только склоняю почтительно голову перед героями всех добровольческих армий и отрядов, полагавших бескорыстно и самоотверженно душу свою за други своя»[1761].

В Кремле разгорелся спор: перейти ли границу с Эстонией, чтобы добить Юденича и эстонскую армию, как настаивал Троцкий, или «не влезать в эту западню», против чего предостерегал Чичерин. Однако эстонское руководство облегчило выбор, сначала объявив нежелательным присутствие на ее территории сил Юденича и заседавшего в Таллине правительства Русской Северо-Западной области во главе с Лианозовым. А затем согласившись на мирные переговоры.

Они начались 5 декабря, делегацию возглавлял Красин. Что удивительно, предварительные условия диктовала эстонская сторона: выплатить задолженности с 1917 года по пенсиям эстонским пенсионерам, причем золотом, возвратить эвакуированные в годы Первой мировой войны в глубь России предприятия и культурные ценности, признать предложенную Таллином границу по реке Нарве. Красин эти требования отверг и уехал. А 16 декабря части 7-й Красной Армии форсировали Нарву и углубились на эстонскую территорию.

Затем вернулась новая делегация во главе с Иоффе, которая получила от Ленина указание идти на любые уступки в имя мирного договора. И Иоффе пошел. 31 декабря было подписано соглашение о прекращении военных действий, а 2 февраля – мирный договор. Москва признала независимость Эстонии – раньше стран Антанты, отказалась от прав на Нарву и заложенный Иваном III Ивангород, от российских судов и оборудования, которые оказались на тот момент в эстонских портах, выплатила 15 миллионов рублей золотом. При этом, как замечал биограф, «Ленин радовался заключению мира с Эстонией так, будто выиграл “битву народов”»[1762]. Сам он 2 февраля на сессии ВЦИК утверждал:

– Мир с Эстонией имеет громадное всемирно-историческое значение, и поэтому, добившись мирного договора с правительством, которое тоже становится демократическим и которое теперь будет иметь прочные отношения с нами, но которое до сих пор поддерживалось всем империалистическим миром, мы должны смотреть как на акт громадной исторической важности[1763].

Так неожиданно начали оформляться новые отношения РСФСР с обретавшими независимость окраинами, которые полгодом ранее являлись братскими советскими республиками –

после заключения 1 июня военно-политического союза. «В самой партии восторжествовало мнение о гораздо большей опасности “великодержавного шовинизма”, нежели “буржуазного национализма”»[1764].

Деникин был возмущен таким разбазариванием земель и уверял, что «советская власть могла легко, без особого труда покончить с западными лимитрофами». Почему же она этого не сделала? «Советы пошли на тяжелые жертвы, не оправдываемые нисколько политическими и стратегическими условиями, чтобы… прорубить “окно в Европу”, создав на нейтральной почве своего рода свободную факторию для комиссионных или прямых торговых сделок, для облегчения сношений с внешним миром, для спекуляции, пропаганды и заговоров»[1765], – считал Деникин. Ленин подтверждал:

– Этот мир – окно в Европу, которое даст нам возможность начать товарообмен с Западом[1766].

Юденич просил у Антанты корабли для перевоза остатков своих войск на Юг России, но его голос уже никто не слышал. 22 января 1920 года генерал издал приказ о роспуске армии[1767]. На Севере 6-я армия бывшего генерал-майора Самойло в результате Шенкурской операции 21 февраля вошла в Архангельск, откуда бежал правитель Северной области Миллер с немногочисленными остатками белых войск и зарубежных контингентов – французских, итальянских и сербских. 7 марта был взят Мурманск.

После того как войска Деникина и Юденича были отброшены от столиц, пять армий Восточного фронта с конца октября начали наступление на колчаковские войска в Западной Сибири. Петропавловск был очищен от них 31 октября, Омск – столица Верховного правителя – 14 ноября. В декабре красным подчинились Семипалатинск, Барнаул, Ново-Николаевск, Томск. 24 декабря в Иркутске началось восстание. 27 декабря поезда Верховного Правителя были задержаны чехами в Нижнеудинске. Судьбу Колчака сильно осложнило одно обстоятельство, писал хорошо осведомленный Черчилль, что «он вез с собой в другом поезде императорскую казну, состоявшую, во-первых, из слитков золота общей стоимостью на 650 миллионов рублей, и, во-вторых, из различных драгоценностей и ценных бумаг (уже значительно обесцененных) на 500 миллионов рублей… Генерал Жанен, приняв на себя (4 января) ответственность за неприкосновенность русского золота, провел целых 10 дней в бесплодных переговорах по этому поводу. А тем временем большевики двигали свои военные силы к Иркутску, и местные

социал-демократическое правительства с каждым днем становились все красней и красней»[1768]. В итоге Жанен просто предал Колчака, заявив: «После того, как я предлагал ему передать золотой запас под мою личную ответственность и он отказал мне в доверии, я ничего уже не могу сделать»[1769]. Колчак был арестован и заключен вместе со своим премьер-министром Пепеляевым в иркутскую тюрьму.

Колчака допрашивала следственная комиссия Политцентра, иркутской власти, состоявшей из эсеров и меньшевиков (с негласным большевистским участием). Политцентр сменил местный реввоенсовет, где уже преобладали большевики. А на Иркутск шли войска Каппеля. 7 февраля Колчак был расстрелян на льду реки Ушаковки, недалеко от ее впадения в Ангару. В тюрьме оставалась Тимирева. Дзержинский лично распорядился о ее освобождении, дописав: «Мы за любовь не сажаем!» Это вовсе не спасло ее от арестов в будущем[1770]. Впрочем, она переживет ГУЛАГ и выступит консультантом фильма «Война и мир» Сергея Бондарчука, где снимется в эпизодической роли. А какова судьба золота? «По всей вероятности, большая часть попала в руки советского правительства, но нет оснований предполагать, что они получили все, – утверждал Черчилль. – Шесть месяцев спустя министр финансов правительства Врангеля начал неприятные запросы о миллионе долларов золота, которые, по слухам, поступили в один из банков Сан-Франциско».

А что же доблестные белочехи? «Эти легионеры сошли с исторической сцены, на которой они играли героическую роль до тех пор, и смешались с оборванной и деморализованной сибирской аудиторией»[1771]. Чехословаки потянулись из Владивостока на родину.

К востоку от Байкала все еще располагалась 70-тысячная японская армия, а также остатки колчаковских формирований («каппелевцы»), перешедшие в подчинение атаману Семенову, который еще в январе 1919 года образовал де-факто подконтрольную Токио Бурят-Монгольскую республику, а затем собственное Правительство Российской Восточной Окраины. 31 января 1920 года произошел переворот во Владивостоке, власть представителя Колчака была свергнута и сформировано Временное правительство Дальнего Востока – подконтрольная большевикам Приморская областная земская управа. Она собиралась вернуться в состав РСФСР, а силы Красной Армии в Сибири рвались на восток.

Ленин категорически воспротивился, полагая, что до времени новому образованию невредно будет существовать в виде независимого государства. 19 февраля он доказывал Троцкому:

«Надо бешено изругать противников буферного государства (кажется, таким противником является Фрумкин), пригрозить им партийным судом и потребовать, чтобы все в Сибири осуществили лозунг: “ни шагу на восток далее, все силы напрячь для ускоренного движения войск и паровозов на запад в Россию”. Мы окажемся идиотами, если дадим себя увлечь глупым движением вглубь Сибири, а в это время Деникин оживет и поляки ударят. Это будет преступление»[1772]. Белогвардейцы и интервенты на востоке страны получили шанс воспрянуть. 20 февраля атаман Семенов, носивший теперь титул Верховного главнокомандующего Восточным фронтом Русской армии, заявил о создании Дальневосточной армии.

В феврале – мае 1920 года драматические события разворачивались в Николаевске-на-Амуре. Город, занятый японцами, был осажден красными партизанами. Японцы попробовали разоружить партизан, но в итоги сами были разоружены и перебиты. Через месяц японцы направили в город большой отряд. Партизаны, отступая, расстреляли всех пленных японцев и белогвардейцев. Японцы в качестве «платы за кровь» заняли Северный Сахалин[1773]. В ночь на 5 апреля японские солдаты окружили все правительственные здания во Владивостоке, ворвались в Военный Совет, арестовали находившихся там Сергея Лазо, Всеволода Сибирцева и Александра Луцкого. Их пытали в японской военной контрразведке, а затем вывезли в Уссурийск и сожгли живьем в топке паровоза.

Чтобы не начинать войну с Японией, Ленин предпочел формально отказаться от суверенитета РСФСР над Дальним Востоком. Представители советских органов Временного земского правительства в Верхнеудинске (Улан-Удэ), Временного исполкома Амурской области с центром в Благовещенске и владивостокской Приморской областной земской управы собрались в Верхнеудинске и 6 апреля 1920 года провозгласили создание Дальневосточной Республики. У нее были свои президент, парламент, избираемый на многопартийной основе, и ответственный перед ним Совет министров. Формально независимая, а в реальности буферная республика управлялась через назначенное из Москвы Дальневосточное бюро ЦК РКП(б). У ДВР была и своя Народно-революционная армия, созданная из разрозненных партизанских отрядов, во главе с бывшим штабс-капитаном Эйхе. Ленин разъяснял суть ДВР:

– Буфер есть буфер, чтобы выждать время, а потом побить японцев[1774].

В июне 1920 года Токио заключило с ДВР перемирие и

вывело свои войска из Забайкалья. Народно-революционная армия ДВР повела наступление на Семенова, отряды генерала Каппеля и вторгшиеся из Монголии части барона Унгерна фон Штернберга.

Из состава Восточного фронта еще в августе 1919 года был выделен фронт Туркестанский – в составе трех армий. Возглавил его Фрунзе. В ходе Актюбинской операции была разгромлена колчаковская Южная армия генерала Белова, очищено от белых пространство от Оренбурга до Аральского моря, что позволило соединиться с Туркменистанской Республикой, более года отрезанной от РСФСР. Огромный Туркестанский край включал в себя Сыр-Дарьинскую, Ферганскую, Самаркандскую, Закаспийскую и Семиреченскую области. А были еще формально независимые Бухарский эмират и Хивинское ханство.

В результате Уральско-Гурьевской операции в конце 1919 года Туркестанский фронт сломил сопротивление казацких частей Уральской армии генерала Толстого и полков автономистской Алаш-Орды и утвердил советскую власть в Уральской области. В январе 1920 года отряд Красной Армии вошел на территорию Хивинского ханства для поддержки вспыхнувшего там восстания «младохивинцев». Хан Сейид Абдулла отрекся от престола и бежал в Афганистан, власть оказалась в руках местного ревкома. При содействии Москвы в апреле был созван Курултай – 1-й Всехивинский съезд трудящихся, который провозгласил образование Хорезмийской Советской Народной Республики. Реальную власть там сразу же стали осуществлять органы Туркестана, но формально отношения РСФСР и Хорезма были урегулированы 13 сентября подписанным между ними союзным договором. В Бухаре же по-прежнему правил эмир, признаваемый до времени Москвой.

К концу 1919 года Ленин был уже уверен в своей окончательной победе. На VII Всероссийском съезде Советов он утверждал:

– Перед нами открывается дорога мирного строительства. Нужно, конечно, помнить, что враг нас подкарауливает на каждом шагу и сделает еще массу попыток скинуть нас всеми путями, какие только могут оказаться у него: насилием, обманом, подкупом, заговором и т. д[1775].

Но уже начинается полоса возобновления отношений с государствами Антанты. Литвинов в ноябре поехал в Копенгаген, в начале 1920 года Красин – в Лондон. «Внимательнейшим образом следя, чтобы противная сторона не поставила нам какой-нибудь ловушки, и тщательно разбирая каждое предложение, ВИ

в общем твердо держал курс на торговое соглашение с Англией»[1776], – писал Чичерин. В январе 1920 года Верховный совет Антанты принял решение о прекращении экономической блокады России. На Западе уже обозначился кризис, и вспомнили о российском рынке. Правда, в заявлении союзников говорилось, что отмена блокады «ни в коем случае не означает изменения политики союзников по отношению к Советскому правительству». То есть признавать его и не собирались. Тем не менее 2 февраля на сессии ВЦИК Ленин осторожно-радостно отмечал:

– Факт снятия блокады является крупным фактом международного значения и показывает, что наступила новая полоса социалистической революции. Ибо блокада была в самом деле главным, действительно прочным оружием в руках империалистов всего мира для задушения Советской России.

После этого к Ленину зачастили западные журналисты. Отвечая 18 февраля на вопрос британской «Daily Express» об отношении к снятию блокады, председатель СНК заявил: «Мы относимся к этому как к большому шагу вперед». Буквально через день в беседе с американским корреспондентом Линкольном Эйром из «The World» Ленин более осторожен в оценках:

– Трудно поверить в искренность такого неопределенного предложения, которое, видимо, сочетается с приготовлениями к нападению на нас через территорию Польши… Более внимательное изучение убеждает нас с том, что это парижское решение представляет собой просто ход в шахматной игре союзников, мотивы которой до сих пор неясны.

– Считаете ли Вы серьезной возможность польского наступления?

– Вне всякого сомнения, Клемансо и Фош весьма и весьма серьезные господа, а между тем один из них выработал этот агрессивный план, а другой собирается его осуществлять… Если Польша пойдет на такую авантюру, то это приведет к новым страданиям для обеих сторон и к ненужной гибели новых человеческих жизней. Но даже Фош не сможет обеспечить полякам победу. Они не смогли бы победить нашу Красную Армию, даже если бы сам Черчилль воевал вместе с ними.

Ленин сумрачно усмехнулся, откинув назад голову. И продолжал более серьезным тоном:

– Мы, конечно, можем быть сокрушены любой из великих союзных держав, если они смогут послать против нас собственные армии. Но они не осмелятся это сделать[1777].

Глава 8
Прощупать штыком

Мы жрали кору,
ночевка – болотце,
но шли
миллионами красных
звезд…

Испорченный юбилей

В начале 1920 года – после краха Юденича, Колчака и Деникина – в Москву пришла эйфория. И хотя Дальний Восток был еще в руках интервентов, Запад – в руках поляков, а Закавказье – в руках врагов большевизма, Ленин говорил о переводе страны на мирные рельсы.

Реввоенсовет 3-й армии, дислоцированной на Урале, обратился к нему с предложением использовать войска для восстановления хозяйства и преобразовать всю 3-ю армию в 1-ю армию труда. Эту инициативу поддержало 18 января Политбюро. Ленин говорил:

– Ради восстановления транспорта мы создаем трудовые армии, одна из которых приступила к постройке дороги Александров – Гай-Гурьев для подвоза нефти. Мы не можем демобилизовать армию, потому что у нас есть еще враги, как Польша. Демобилизации мешает и разруха транспорта. Поэтому мы употребим армию для восстановления транспорта[1778].

В январе вышло постановление ВЦИК и СНК: «Разгром контрреволюции вовне и внутри, уничтожение крупнейших тайных организаций контрреволюционеров и бандитов и достигнутое этим укрепление Советской власти дают ныне возможность Рабоче-Крестьянскому правительству отказаться от применения высшей меры наказания (т. е. расстрела) к врагам Советской власти»[1779]. Только возобновление Антантой попыток путем вооруженного вмешательства или материальной поддержки мятежных царских генералов вновь нарушить устойчивое положение Советской власти… могут вынудить возвращение к методам террора. Запрет действовал до конца мая 1920 года, когда в связи с польской интервенцией разрешение на расстрелы получили 16 губернских ЧК из 51.

Во внутрипартийной дискуссии, предшествовавшей IX съезду РКП(б), доминировали уже чисто мирные вопросы. Ленин намечал приоритеты: «Центральным пунктом порядка дня на предстоящем съезде является, сообразно особенности переживаемого исторического момента, вопрос о хозяйственном строительстве и в частности о мерах, приемах, способах, результатах орабочивания главков, центров, аппаратов Советской власти вообще»[1780]. Что ставило в центр вопрос о роли профсоюзов и об экономической политике. На предсъездовских партийных форумах в губерниях развернулись на удивление острые дебаты, выплеснувшиеся и на съезд партии, который открылся в конце марта.

Борис Михайлович Волин (Фрадкин), возглавлявший Брянский губком, запомнил: «Его открытие – в Большом театре, его работа и закрытие – в Кремле, в неблагоустроенном, запущенном еще с царских времен зале, с дощатой трибуной, с кумачовой занавесью, отделяющей президиум от машинисток (после VIII съезда партии этот зал получил имя Свердлова). Съезд был бурный и напряженный» [1781]. Ленин во вступительном слове сказал несколько слов о мало его занимавших оргвопросах. Отчет делать не стал.

– Для истории Советской власти время еще не настало. Если бы и настало, то мы, скажу за себя, – думаю, и за ЦК, – историками быть не собираемся, а интересует нас настоящее и будущее.

При этом он постулировал тезис, который потом припишут Сталину, об обострении классовой борьбы по мере успехов Советской власти:

– На нашей революции больше, чем на всякой другой, подтвердился закон, что сила революции, сила натиска, энергия, решимость и торжество ее побед усиливают вместе с тем силу сопротивления со стороны буржуазии. Чем мы больше побеждаем, тем больше капиталистические эксплуататоры учатся объединяться и переходят в более решительное наступление[1782].

Официальный доклад делал Бухарин. А тон в профсоюзной дискуссии задавал Шляпников. «Он презирал функционеров, “эту жрущую массу”, сомневался в Коминтерне, видя в нем слишком много паразитов, жадных до денег»[1783], – писал французский троцкист Виктор Серж. Шляпников доказывал, что центральное место в управлении производством должно принадлежать отраслевым профсоюзам. Томский – начальник ВЦСПС – тоже считал необходимым усилить роль подведомственной ему организации в противовес единоначалию «буржуазных специалистов» в коллегиальных органах хозяйственного управления. С другой стороны, Рязанов, напротив, предлагал ограничить сферу компетенции профсоюзов исключительно вопросами охраны и тарификации труда. Ленин был против перехода хозяйственного управления в руки профсоюзов и подчеркивал их политико-воспитательное значение («школа коммунизма»). При этом никто не выступал против партийного доминирования в профсоюзах, или, как тогда говорили, их огосударствления.

Пошла схлестка по вопросу о единоначалии и коллегиальности, битву затеяли сторонники демократического централизма, или децисты, под руководством Сапронова, Осинского, В. Смирнова при поддержке со стороны Рыкова,

Томского, Бубнова, Пятакова. «Они позволяли себе даже личные выпады против Ленина, – возмущался Волин. – Будучи избранным в секретари съезда и сидя в президиуме, я внимательно следил за тем, как реагировал на все это ВИ. Усмехаясь и щуря глаза, он, не подавая ни одной реплики… записывал то, что оппозиционеры говорили об организационной политике ЦК партии, о единоличии и коллегиальности, о “маленькой кучке партийной олигархии” и т. п.»[1784]. Сам Ленин непреклонен:

– Сплошь и рядом рассуждение о коллегиальности проникнуто самым невежественным духом, духом антиспецтва. С таким духом победить нельзя. Для того, чтобы победить, надо понять всю глубочайшую историю старого буржуазного мира, и чтобы строить коммунизм, надо взять и технику, и науку и пустить ее в ход для более широких кругов, а взять ее неоткуда, кроме как от буржуазии.

«Брестский период», как он его назвал, был верхом беспомощности Советской власти, напомнил Ленин:

– Это был период сплошной коллегиальности. Из этого исторического факта не выскочишь, когда говорят, что коллегиальность – школа управления. Нельзя же все время сидеть в приготовительном классе школы![1785]

Другим острым вопросом на съезде стал общий курс экономической политики. Доклад от имени ЦК делал Троцкий. Полагаю, его тезисы – апогей «военного коммунизма», самая левая точка. Опыт военного строительства предлагалось применить к остальной жизни. Троцкий доказывал, что «принуждение играет и будет играть еще в течение значительного исторического периода большую роль. По общему правилу человек стремится уклониться от труда. Можно сказать, что человек есть довольно ленивое животное…». Поэтому необходимы: прикрепление рабочих к заводам и фабрикам в соответствии с хозяйственным планом, применение по отношению к ним тех же форм принуждения, которые существуют в армии; создание трудовых армий на постоянной основе; «карательные меры, от которых мы не уйдем, по отношению к шкурникам, дезертирам труда, – словом, целая сложная система духовных мероприятий, организационных, материальных, премиальных, карательных, репрессивных».

Вызов Троцкому бросили те же децисты, возражавшие против подчинения существующего госаппарата военным, а также против неизбежного в таком случае единоначалия. Ленин крушил децистов, но не возражал Троцкому. Единственным, хотя и существенным, дополнением Ильича в резолюцию съезда была мысль о том, что «применение целых трудовых армий, с

сохранением армейского аппарата, может быть оправдано лишь постольку, поскольку необходимо сохранить армию в целом для военных задач». То есть Ленин не хотел, чтобы Троцкий помимо вооруженных сил контролировал и всю экономику через трудармии. Остальные мысли Троцкого были закреплены решением съезда. Массовые мобилизации по трудовой повинности должны были «идти по тому же пути, по которому мы шли в создании Красной Армии»[1786].

Съезд закончил работу избранием ЦК, при этом было принято одно организационное решение, имевшее продолжение: усилить Секретариат введением в него трех членов ЦК, постоянно в нем работающих. Этими тремя стали Крестинский, Преображенский и Серебряков. Все они окажутся сторонниками Троцкого.

Волин продолжал: «Съезд приближался к концу (было 5 апреля 1920 года). Ленин под горячие аплодисменты делегатов и гостей закончил свое краткое заключительное слово. Не успел председательствовавший на заседании Г. И. Петровский объявить о закрытии съезда, как на трибуну стали подниматься делегаты съезда и, отмечая, что наступает пятидесятилетие со дня рождения В. И. Ленина, произносили взволнованные речи, полные любви и благодарности великому вождю и учителю… Ленин сначала насторожился, а затем стал слушать ораторов с явным нетерпением. Весь его облик выражал глубокое недовольство. Он вышел из-за стола президиума, быстрыми шагами покинул президиум и через секретарскую направился на третий этаж к себе. А выступления продолжались одно за другим. Поступают от Ленина коротенькие протестующие записки. Вдруг в углу зазвенел телефон. Я подошел и снял трубку.

– Очень прошу к телефону председательствующего, – сказал ВИ с явным волнением в голосе.

Смущенный, я позвал Григория Ивановича. Через несколько секунд к столу президиума вернулся расстроенный Петровский и при стихшем зале сообщил, что ВИ устроил ему “нагоняй”, что он решительно настаивает на “гильотинировании” этого “безобразия”, на прекращении этого “хвалебного словесного потока”. Но “безобразие” это, естественно, продолжалось. Выступают М. И. Калинин, Е. М. Ярославский, Ф. Я. Кон и многие другие. Никто на этот раз не хочет подчиняться требованиям Ленина. Восторженные речи льются от всего сердца, со всех сторон несутся здравицы ВИ»[1787].

Если уже две с половиной недели до юбилея Ленина ему было не укрыться от поздравлений, то что уж говорить о самом юбилее.

Секретарь МК Мясников отвечал за торжественное собрание.

«Назначили на вечер большое собрание членов московской организации, пригласили для изложения своих воспоминаний Каменева, Сталина, Горького и других, устроили музыкальное отделение с лучшими номерами (товарищ Ленин очень ценил игру страдивариусов и исполнение на рояли)»[1788]. «Коммунистический вечер», как его назвали, проходил в зале МК на Большой Дмитровке (теперь там Генпрокуратура РФ). Выступали соратники по руководству, поздравляли, помимо упомянутых, Ольминский, Луначарский, пролетарские поэты Кириллов и Александровский.

«Собравшиеся недоумевали, где Ленин, почему его нет при открытии собрания, – рассказывал Волин. – Только после выступлений ряда ораторов… – уже после перерыва – неожиданно для всех при общем волнении появился встреченный радостными возгласами ВИ»[1789]. Мясников уверял, будто заманил Ленина обещанием, что это будет «концертное отделение, на котором будут присутствовать его любимые артисты – Шор, Крейн и другие, он тогда рассмеялся, согласился и через 5 минут был у здания Московского комитета. Мы гурьбой вышли к нему навстречу, окружили его и привели на сцену, а тысячная масса собравшихся… устроила ему самую теплую, дружескую бурную овацию и заставила сказать несколько слов, которые он посвятил нашей партии»[1790].

– Я, прежде всего, естественно, должен поблагодарить вас за две вещи: во-первых, за те приветствия, которые сегодня по моему адресу были направлены, а во-вторых, еще больше за то, что меня избавили от выслушивания юбилейных речей, – начал Ленин.

И рассказал об одном из полученных в тот день подарков – от Стасовой. Это был рисунок известного карикатуриста Каррика, который тот нарисовал в 1900 году по случаю юбилея народника Михайловского. На ней – российские социалисты были изображены малыми детьми, пришедшими поздравить заслуженного Михайловского. Стасова написала Ленину, что его усилиями партия теперь превратилась во взрослого человека.

– Передаю эту карикатуру на рассмотрение всем с тем, чтобы избавили нас впредь вообще от подобных юбилейных празднеств.

После чего заговорил о положении партии, предупредив ее от зазнайства.

– Наша партия может теперь, пожалуй, попасть в очень опасное положение, – именно, в положение человека, который зазнался. Это положение довольно глупое, позорное и смешное. Известно, что неудачам и упадку политических партий очень часто предшествовало такое состояние, в котором эти партии имели возможность зазнаться… Позвольте мне закончить

пожеланием, чтобы мы никоим образом не поставили нашу партию в положение зазнавшейся партии[1791].

«Концертное отделение прошло в очень уютной, чисто товарищеской обстановке, – писал Мясников. – Я помню, что он в этот вечер был особенно весел. По-видимому, в его памяти воскресли самые радостные дни его жизни, самые лучшие страницы героической истории нашей партии»[1792].

Похоже, Ленин в начале 1920 года искренне не хотел войны с Польшей. Осенью он расскажет на закрытой части IX партконференции:

– Перед польской войной мы отнеслись к вопросам с чрезвычайной осторожностью и предложили полякам, польской буржуазии самым торжественным образом специально даже в манифесте от имени ЦИК мир, на условиях в высшей степени выгодных для *них, поляков, мир, невыгодный* для целого ряда *рабочих и крестьян, народностей, которые* были под игом польских помещиков и буржуазии. Мы предложили мир на основании линии Пилсудского, т. е. той линии, на которой поляки стояли до начала наступления 26 апреля текущего года, т. е. линии, по которой они получали всю Белоруссию и порядочный кусок Украины[1793].

Варшава хотела большего. Второго февраля в докладе перед ВЦИК Ленин подтверждал, что «с Польшей вопрос стоит очень остро. Мы имеем целый ряд сообщений, что помимо буржуазной, помещичьей Польши, помимо воздействия всех польских капиталистических партий, все государства Антанты из кожи лезут, чтобы втравить Польшу в войну с нами…»

В американской прессе тема готовящейся агрессии России против Польши вообще стала одной из центральных. Об этом был и первый вопрос, который задал Ленину корреспондент «Universal Service» Карл Виганд 6 февраля. Ответ был однозначным: «Мы самым торжественным и официальным образом от имени СНК и от имени ВЦИКа заявили о наших мирных намерениях. К сожалению, французское капиталистическое правительство подстрекает Польшу напасть на нас (вероятно, и Румынию)».

Но при этом Ленин заботился о концентрации вооруженных сил на западе. 10 февраля он писал Сталину в Реввоенсовет Юго-Западного фронта в Харьков: «Я считаю очень важным войска, свободные после взятия Одессы, не держать на Днестре, а двинуть на Запфронт, чтобы обеспечить себя от поляков»[1794]. И вновь 14 февраля в Реввоенсовет Юго-запфронта Сталину: «Сообщите точнее, какие меры предлагаете для создания галицкого ударного кулака для того, чтобы не тасовать дивизий; дипломатия наша

должна не шуметь, а молчать о Галиции»[1795].

Меж тем разведка доносила о бурных военных приготовлениях Польши. 25 февраля Ленин подтверждал: «Подвоз военного снаряжения в Польшу продолжает идти: они продолжают подвозить оружие, у нас есть точные сведения, что Польша совершает перегруппировки войск, рассчитанные на наступление». Ленин 27 февраля телеграфирует Троцкому: «Все признаки говорят, что Польша предъявит нам абсолютно невыносимые, даже наглые условия. Надо все внимание направить на подготовку, усиление Запфронта. Считал бы необходимым экстренные меры для быстрого подвоза всего, что только можно, из Сибири и с Урала на Запфронт. Боюсь, что мы немного поторопились с трудармиями, если их не используем целиком для ускорения подвоза на Запфронт. Надо дать лозунг подготовиться к войне с Польшей».

Первого марта на I Всероссийском съезде судовых казаков Ленин продолжал бить тревогу и протягивать оливковую ветвь:

– Польские помещики и капиталисты бурлят, бросают угрозы, что они хотят себе территории 1772 года, что они желают себе подчинить Украину… Величайшим преступлением было то, что Польша была разделена между немецким, австрийским и русским капиталом, что этот раздел осудил польский народ на долгие годы угнетения… Мы не хотим войны из-за территориальной границы, потому что мы хотим вытравить то проклятое прошлое, когда всякий великоросс считался угнетателем.

И одновременно Ленин предупреждал коллег, что чрезмерное миролюбие может выйти боком, согласившись с обращенным к нему письмом Чичерина: «В Польшу прибыло 5000 французских офицеров, ожидается Фош, и мало шансов избежать войны. *Наше систематическое миролюбие доказывает польским массам, что им нечего бояться нас*, угрозы же будут использованы империалистами, чтобы испортить благоприятное для нас настроение масс. Но абсолютно необходимы достаточные военные приготовления. Надо быть готовыми к наихудшему». Ленин от себя добавил: «Литвинов также предупреждает, что Польша будет воевать, что наши мирные предложения считают слабостью»[1796].

Через два дня после торжества настроение юбиляра было испорчено – свои войска в наступление повел Пилсудский. Польша – с внешней помощью – неплохо подготовилась к большой войне, чтобы приступить к «окончательному решению русского вопроса». Был подписан секретный протокол с Симоном Петлюрой о разделе Украины: Польша признавала его главой независимой Украины и обещала вернуть Киев, Петлюра

«уступал» Галицию.

Ленин утверждал, что «сотни французских офицеров действовали и действуют в польской армии, что все вооружение, вся финансовая и военная помощь целиком дана Польше Францией[1797]. Глава советского правительства сильно ограничивал круг стран, вооруживших Польшу. К апрелю только из военных запасов США в Польшу было направлено продовольствие, 3 млн комплектов униформы, 4 млн пар ботинок, 300 самолетов, 200 танков, 20 тысяч пулеметов. Американцы прислали боевых летчиков. Франция передала Варшаве 2 тысячи артиллерийских орудий, 300 самолетов, 3 тысячи пулеметов, 560 тысяч винтовок. В Польше появилось большое количество военных специалистов. Только из Франции прибыла миссия в составе 9 генералов, 29 полковников, 63 батальонных командиров, 196 капитанов, 435 лейтенантов и 2120 рядовых и унтер-офицеров. Значительной была британская миссия. Общая численность польских вооруженных сил с такой помощью к маю 1920 года составляла уже 963,5 тысячи человек.

Пилсудский лично возглавил 300-тысячное войско, которое 25 апреля начало наступление на восток. План войны, который польское командование разрабатывало под общим руководством маршала Фоша и при непосредственном участии главы французской военной миссии в Варшаве генерала Анриса (начальника штаба при «начальнике Польского государства»), предусматривал уничтожение 12-й армии советского Юго-Западного фронта и овладение Киевом. Затем предполагалось, разгромив 14-ю армию, перегруппировать силы и овладеть Белоруссией. Армия Врангеля должна была поддержать наступление польских войск ударом с тыла в глубь территории Украины[1798].

Польское наступление было стремительным. С ходу был взят Житомир. Буденный отдаст должное неприятелю: «Польская армия была в полном смысле регулярной, по тому времени отлично вооруженной и хорошо подготовленной. Большинство ее генералов, офицеров и солдат служили раньше в русской, австрийской или германской армиях и имели богатый боевой опыт Первой мировой войны. Обучена и построена польская армия была на принципах французской военной школы, считавшейся тогда одной из лучших»[1799]. В тылу Красной Армии активно действовало большое количество польских партизанских отрядов «Польской организации войсковой» (ПОВ). Отделения ПОВ будут выявлены и уничтожены чекистами в Киеве, Одессе, Харькове, Житомире, Минске, Смоленске[1800].

Ленин 29 апреля использовал трибуну Всероссийского съезда

рабочих стекло-фарфорового производства для важных заявлений:

– Нам все-таки навязывают войну, а раз так, мы все должны подняться как один, чтобы защитить и себя, и Украину от натиска польских империалистов.

Ленин настроен по-боевому и по-своему оптимистично.

– С другой стороны, вчера же нами получена весть из Баку, которая указывает, что положение Советской России направляется к лучшему… Бакинский пролетариат взял власть в свои руки и сверг азербайджанское правительство. Это означает, что мы имеем теперь такую экономическую базу, которая может оживить всю нашу промышленность.

Предсовнаркома выразил уверенность в успехе противостояния «в новой стадии наших отношений с Польшей, когда для нас уже открыты и кубанский хлеб, и бакинская нефть»[1801]. Он еще не знал, что кубанский хлеб скоро перейдет под контроль Врангеля. Генерал Слащёв приступил к занятию Чонгарского полуострова, чтобы создать буфер между Северной Таврией и Крымом.

Польский натиск и активизация врангелевцев вдохновили и западные столицы. Чичерин 4 мая проинформировал Ленина о радио Керзона, в котором большевикам было предложено объявить общую амнистию, проявить снисхождение к бывшим белогвардейцам, приостановить военные действия в Крыму и на Кавказе, начать при английском посредничестве переговоры с Врангелем. Чичерин считал возможным «пойти на амнистию Врангеля и на приостановку дальнейшего продвижения на Кавказе, где мы все ценное уже захватили, и можно ответить согласием, не медля ни минуты».

Ленин сразу же писал Троцкому: «По-моему, Чичерин прав: тотчас ответить согласием на 1) приостановку военных действий (а) в Крыму и (б) на Кавказе (точно обдумав каждое слово) и 2) на переговоры об условиях очищения Крыма *на принципе* (не более) общей амнистии белых и 3) участия английского офицера в переговорах с Врангелем»[1802]. В этом послании Ленина звучал очевидный испуг. 4 мая Политбюро приняло решение о приостановке военных действий в Крыму и на Кавказе!

Надежды Ленина на возможное замирение на условиях Керзона, вероятнее всего, объясняло и тот факт, что военное планирование на польском направлении буксовало. Главком Каменев признавал: «Оперативный план белопольской кампании рождался не в пример всем остальным планам гражданской войны в больших потугах. Варианты докладывались ВИ. Докладывал начальник штаба П. П. Лебедев в присутствии тов.

Склянского и моем в кабинете ВИ… Тут же докладывался вариант переброски I Конной армии тов. Буденного походным порядком с Северного Кавказа на правобережье Днепра и попутная задача, возлагаемая на армию по ликвидации банд Махно. Окончательное решение на этом докладе принято не было»[1803].

Пятого мая Московский гарнизон провожал на белопольский фронт маршевые рабоче-крестьянские батальоны, которые были построены на Театральной площади. В сквере перед Большим театром поставили трибуну, с которой Ленин произнес необычную для лидера воевавшей страны речь:

– Помните, товарищи, что с польскими крестьянами и рабочими у нас нет ссор, мы польскую независимость и польскую народную республику признавали и признаем. Мы предлагали Польше мир на условии неприкосновенности ее границ, хотя эти границы простирались гораздо дальше, чем чисто польское население… Пусть ваше поведение по отношению к полякам там докажет, что вы – солдаты рабоче-крестьянской республики, что вы идете к ним не как угнетатели, а как освободители[1804].

Полагаю, какое-либо миролюбие покинуло Ленина уже 7 мая. В тот день войска Пилсудского прошли парадом по киевскому Крещатику. Одновременно они развернули наступление на Одессу. Захват поляками Киева сослужил большевикам большую службу, страна испытала невиданный с 1914 года патриотический подъем, сплотивший социалистов, либералов и монархистов в поддержку Кремля. Генерал Брусилов выступил с обращением к офицерам царской армии срочно записываться в Красную, ибо «мы все обязаны по долгу совести работать на пользу, свободу и славу моей родной матери России». Откликнулись 14 тысяч офицеров, в том числе из большевистских тюрем[1805]. По всей стране опять пошли боевые и трудовые мобилизации.

Оставив против Врангеля минимально необходимые войска и сконцентрировав все основные силы против поляков, Москва довольно быстро переломила ситуацию на Западном фронте в свою пользу. 25 мая Первая Конная армия, совершив марш в 1200 км с Северного Кавказа, сосредоточилась в районе Умани, что оказалось полным сюрпризом для Пилсудского, который был уверен: «Кавалерия, идущая, так сказать, без организованных тылов на далекие расстояния, добывающая пропитание для людей и лошадей единственно за счет поедания, как саранча, всего, что попадется под руку, волочащая за собой долговременные запасы боеприпасов, чего никогда не возил с собой татарин, вооруженный пикой и луком, – такая кавалерия, сформированная в отдельную армию, представлялась мне и представляется до сих пор стратегическим нонсенсом».

В начале июня кавалерия Буденного прорвала линию вражеского наступления, что вынуждало поляков оставить Киев и отходить. «Конница Буденного становилась какой-то легендарной, непреодолимой силой, – признавал Пилсудский. – И можно сказать, что чем дальше от фронта, тем сильнее и неотразимее ощущалось влияние не поддающейся пониманию магии. Тем самым начал формироваться самый опасный для меня фронт, фронт внутренний»[1806]. И в этот момент – во спасение ситуации на Украине – ударил Врангель.

Сталин 3 июня предлагал Ленину либо установить перемирие с Врангелем и взять с Крымского фронта одну-две дивизии, либо отбросить всякие переговоры с Врангелем, ударить по нему и, разбив, высвободить силы для польского фронта. Ленин напоминал ему, «что по решению Политбюро наступление на Крым приостановлено впредь до нового решения Политбюро». Прямо на телеграмме Сталина председатель СНК начертал Троцкому: «Это явная утопия. Не слишком ли много жертв будет стоить? Уложим тьму наших солдат. Надо десять раз обдумать и примерить»[1807]. Ленинская стратегия обернется войной на два фронта: и с Врангелем, и с Польшей.

Использовав передышку для реорганизации армии, Врангель предпринял поддержанное Антантой выступление. «С рассветом 7 июня тяжелая и легкая артиллерия белых открыла ураганный огонь по нашим укрепленным позициям на крымских перешейках и, разрушив их, подготовила штурм своей пехоте, которую поддерживают многочисленные броневики, танки и бронепоезда»[1808]. Небезынтересно, что врангелевские офицеры, жестоко воевавшие с красными в Северной Таврии, сочувствовали Красной Армии в ее войне с поляками и предлагали тосты за взятие ими Варшавы[1809].

Сталин сообщал Ленину: «Взятый нами в плен десятого июня на Крымском фронте боевой генерал Ревишин в моем присутствии заявил: а) обмундирование, орудия, винтовки, танки, шашки вранглевские войска получают главным образом от англичан, а потом от французов; б) с моря обслуживают Врангеля английские крупные суда и французские мелкие..»[1810] Ленин имел основания позднее сказать: «Ясно, что польское наступление и врангелевское – это одно наступление Антанты»[1811].

Красная Армия откатилась до линии по правому берегу Днепра от Херсона до Никополя и до Бердянска на юго-восток. Ленин 12 июня высказался публично и самокритично:

– Я не знаю, сколько русскому человеку нужно сделать глупостей, чтобы отучиться от них. Мы уже раз считали войну оконченной, не добив врага, оставив Врангеля в Крыму[1812].

Война на два фронта до поры Москве удавалась в том смысле, что поляки продолжали отступать. 12 июня Красная Армия вошла в Киев. «Начались наши успехи, – писал Троцкий. – Поляки откатывались с такой быстротой, на которую я не рассчитывал, так как не допускал той степени легкомыслия, которая лежала в основе похода Пилсудского»[1813]. Правда, Сталин 24 июня призывал к осторожности, считая «неуместным то бахвальство и вредное для дела самодовольство, которое оказалось у некоторых товарищей: одни из них не довольствуются успехами на фронте и кричат о “марше на Варшаву”, другие, не довольствуясь обороной нашей Республики от вражеского нападения, горделиво заявляют, что они могут помириться лишь на “красной советской Варшаве”»[1814]. Красная Армия 4 июля перешла Березину, 5-го взяла Ковно. После этого, писал Пилсудский, «войска п. Тухачевского до самой Варшавы двигались безостановочно. Среднее расстояние, проходимое за день, составляло около 20 километров, то есть почти дневной переход на марше. И это с боями! Такими темпами могут гордиться и армия, и ее командующий»[1815]. 6 июля польское правительство «послало Верховному совету, заседавшему тогда в Спа, ноту, в которой оно просило помощи в создавшемся отчаянном положении»[1816]. 11 июля Красная Армия взяла Минск.

Руководители союзных стран, собравшись в Спа, решили потребовать от Москвы приостановить наступление, не доходя 50 км до линии, установленной в ноте Керзона от 12 июля: по линии Гродно – Валовка – Немиров – Брест-Литовск – Дорогуск – Усть-Луга, восточнее Гребешова, западнее Равы-Русской, восточнее Перемышля до Карпат. Так была обозначена знаменитая линия Керзона.

Ленин разъяснял детально содержание предложений Антанты в телефонограмме Сталину в Харьков: «В Лондоне состоится конференция представителей Советской России, Польши, Латвии, Литвы и Финляндии под покровительством мирной конференции. Туда будут допущены представители Восточной Галиции. Мы можем послать кого угодно нашими представителями. Нам предлагается заключить перемирие с Врангелем под условием удаления Врангеля в Крым. Врангель едет в Лондон для обсуждения судьбы своей армии, но не как член конференции. Нам дается недельный срок для ответа. Кроме того, в ноте Керзона говорится, что польское правительство дало свое согласие на мир с Россией на базе этих условий… Я прошу Сталина: 1) ускорить распоряжение о бешеном усилении наступления… Я же лично думаю, что это сплошное жульничество ради аннексии Крыма, которая нагло выдвигается в

ноте. У нас хотят вырвать из рук посредством жульнических обещаний победу». И тут же телеграмма Склянскому: «Международная обстановка, особенно предложение Керзона (аннексия Крыма за перемирие с Польшей, линия Гродно – Белосток), требует *бешеного* ускорения наступления на Польшу»[1817]. 14 июля Красная Армия берет Вильно.

Ленин позднее признает: «Перед нами стоял вопрос – принять ли это предложение, которое давало нам выгодную границу и, таким образом, встать на позицию, вообще говоря, чисто оборонительную, или же использовать тот подъем в нашей армии и перевес, который был, чтобы помочь советизации Польши… У нас созрело убеждение, что военное наступление Антанты против нас закончено, оборонительная война с империализмом кончилась, мы ее выиграли. Польша была ставкой… Перед нами встала новая задача. Оборонительный период войны со всемирным империализмом кончился, и мы можем и должны использовать военное положение для начала войны наступательной. Мы их побили, когда они на нас наступали, мы будем пробовать теперь на них наступать, чтобы помочь советизации Польши»[1818].

Именно с такой позицией Ленин вышел на пленум ЦК, обсуждавший стратегию действий. Он предложил отвергнуть посредничество Антанты и «прощупать красноармейским штыком, готова ли Польша к советской власти. Если нет, всегда сможем под тем или иным предлогом отступить назад». Чичерин был склонен вести переговоры на основе предложения Керзона при условии сокращения поляками их армии и получении Москвой от союзников военного снаряжения. Каменев был за перемирие, но с гарантиями ослабления Польши. Троцкий выступал за перемирие с поляками, но не с Врангелем, а также за переговоры в Лондоне, где России полезно было бы иметь свою делегацию. Рыков подчеркивал слабость советского тыла, Радек – неготовность Польши для советизации. Сталин на специальный запрос из ЦК отвечал, что поддерживает идею прямых переговоров с Польшей без посредников и не в Лондоне, а на российской территории.

В итоге Пленум ЦК РКП(б) 16 июля отклонил ноту Керзона, отверг английское посредничество в переговорах с Польшей, не отказываясь от переговоров с Варшавой, и постановил продолжить наступление на запад[1819]. Ленин 17-го извещал Сталина и Смилгу: «Пленум Цека принял почти полностью намечавшиеся мною предложения»[1820].

Черчилль почувствовал советскую решимость: «17-го Чичерин отказался допустить вмешательство британского правительства в

переговоры с поляками. 19-го до нас дошли вести, что “между Варшавой и большевиками не было ничего, кроме беспорядочной толпы, и что если советские войска будут двигаться тем же темпом… то через 10 дней они уже очутятся под самой Варшавой”»[1821].

Все стороны вели себя как зарвавшиеся азартные игроки, но наиболее азартным оказался Ленин. В этот момент он, похоже, решил, что может все. И одновременно бросил открытый вызов странам Антанты и всему Версальскому порядку, направил войска на Варшаву, имея в виду дальнейшее продвижение на Германию, затеял для прикрытия наступления дипломатические переговоры и провел реорганизацию, позволявшую создать отдельный фронт против Врангеля. Этот Ленин был полной противоположностью Ленина времен Брестского мира. Он играл бесшабашный гамбит. Который привел к проигрышной позиции.

Когда Молотов в сентябре 1939 года назовет Польшу «уродливым детищем Версальской системы», то почти буквально процитирует Ленина. Тот заявлял свои цели и в закрытых выступлениях, как 22 сентября:

– Польша – такой могущественный элемент в этом Версальском мире, что, вырывая этот элемент, мы ломаем весь Версальский мир. Мы ставили задачей занятие Варшавы, задача изменилась, и оказалось, что решается не судьба Варшавы, а судьба Версальского договора»[1822].

Не скрывал этого Ленин и в публичных выступлениях, как 2 октября:

– Если бы Польша стала советской, если бы варшавские рабочие получили помощь от Советской России, которой они ждали и которую приветствовали, Версальский мир был бы разрушен, и вся международная система, которая завоевана победами над Германией, рушилась бы[1823].

Кроме того, Москву в правильности ее планов атаки на Варшаву убеждала и позиция Германии. Она официально предпочла сохранить нейтралитет. А немецкий бюргер был однозначно на стороне Москвы. «Немецкие рабочие отказывались выполнять военные заказы поляков, и даже консерваторы радовались, что Пилсудский получает по заслугам»[1824], – замечал Брендан Симмс. Ленин расскажет: «Когда русские войска подходили к Варшаве, вся Германия кипела… Получилось политическое смешение: германские черносотенцы шли в сочувствии к русским большевикам со спартаковцами»[1825].

И, конечно, большевики были уверены в поддержке со стороны рабочего и коммунистического движения, по меньшей мере, в Польше и Германии.

К этому призвал II конгресс Коминтерна.

На штурм

Лозовский писал: «Время от I конгресса до II было временем раскола социалистических партий и групп, создания и оформления коммунистических партий… В этот период, по существу, во всем мировом рабочем движении шла борьба по вопросу “за” или “против” Советской власти, “за” или “против” Коммунистического Интернационала, “за” или “против” диктатуры пролетариата, “за” или “против” тезисов Ленина о диктатуре пролетариата, представленных I конгрессу Коминтерна»[1826]. Первый год существования Коминтерна, с одной стороны, был чем-то разочаровывающим для его творца: ни в одной стране социалистической революции победить не удалось. Ленин винил в этом лидеров II Интернационала.

– Если бы Интернационал не был в руках предателей, которые спасали буржуазию в критический момент, то много шансов было бы на то, что во многих воюющих странах непосредственно с окончанием войны, а также в некоторых нейтральных странах, где был вооружен народ, революция могла бы произойти быстро, и тогда исход был бы иным.

Трудностей перед комдвижением стояло много:

– У нас нет ежедневной прессы ни в Европе, ни в Америке, информация о нашей работе очень скудна, наших товарищей преследуют ожесточеннейшим образом.

Но, с другой стороны, у Ленина были все основания чувствовать себя на коне.

– Удивляешься быстроте, с которой распространился III Интернационал, идя от победы к победе. Посмотрите, как распространяются во всем мире наши уродливые слова, вроде слова «большевизм». Несмотря на то, что мы называемся партией коммунистической, что название «коммунист» является научным, общеевропейским, оно в Европе и других странах меньше распространено, чем слово «большевик». Наше русское слово «Совет» – одно из самых распространенных, оно даже не переводится, а везде произносится по-русски[1827].

В мае 1920 года Ленин написал «Детскую болезнь «левизны» в коммунизме», где уверял: «Когда французская буржуазия делает из большевизма центральный пункт выборной агитации, ругая за большевизм сравнительно умеренных или колеблющихся социалистов; – когда американская буржуазия, совершенно потеряв голову, хватает тысячи и тысячи людей по подозрению в большевизме и создает атмосферу паники, разнося повсюду вести о большевистских заговорах; – когда английская «солиднейшая»

в мире буржуазия, при всем ее уме и опытности, делает невероятные глупости, основывает богатейшие “общества для борьбы с большевизмом”, создает специальную литературу о большевизме, нанимает для борьбы с большевизмом добавочное количество ученых, агитаторов, попов, – мы должны кланяться и благодарить господ капиталистов. Они работают на нас».

Ленин не сомневался, что «в данный исторический момент дело обстоит именно так, что русский образец показывает всем странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего… Опыт доказал, что в некоторых весьма существенных вопросах пролетарской революции *всем* странам неизбежно предстоит проделать то, что проделала Россия».

Летом 1920 года Ленин выражал удовлетворение, что «влиятельнейшие партии II Интернационала: Французская социалистическая партия, Независимая социал-демократическая партия Германии, Независимая рабочая партия Англии, Американская социалистическая партия, вышли из этого желтого Интернационала и постановили присоединиться – первые три условно, а последняя даже безусловно – к III Интернационалу»[1828].

Ленину уже мало одной международной коммунистической организации – Коминтерна. Ему уже требовалась мировая пролетарская организация – Интернационал профессиональных союзов. В Москве к середине 1920 года по случаю конгресса КИ оказались множество радикальных профсоюзных активистов, «которые были готовы до конца бороться против капитализма, но в то же время не знали, как это делать». Их организацию Ленин поручил Лозовскому. «Перед всеми делегатами был поставлен вопрос о необходимости создания международного центра революционного профессионального движения, – рассказывал он. – Разногласия, выявившиеся по этому вопросу с первых наших совещаний, заключались в следующем. Синдикалисты, будучи вообще против диктатуры пролетариата, были даже против упоминания диктатуры пролетариата… В попытках составить приемлемый для всех документ мы дошли до точки: или рвать с ними, ничего не создав, или надо уступать… Тогда я отправился к Ленину и говорю:

– Вот, ВИ, результат нашей многонедельной работы и совещаний. Как быть?

Он прочитал этот довольно неуклюжий документ и заметил:

– Тут, конечно, многое неясно, но для начала можно подписать, потому что важно в данный момент создать какой-нибудь центр, а ясность вы внесете потом…

Следуя этому совету, мы подписали документ об образовании

Международного Совета профессиональных и производственных союзов, из которого потом родился Красный Интернационал профессиональных союзов». Документы подписали 15 июля и тут же приступили к созданию Профинтерна, который объединит те профсоюзы европейских стран, которые исключили из Амстердамского интернационала профсоюзов за коммунистические поползновения. Лозовский разъяснял: «Из таких организаций были: Национальная конфедерация труда Испании, Всеобщая унитарная конфедерация Франции и т. д. Синдикалисты настаивали на том, чтобы не было органической связи между Коминтерном и Профинтерном, чтобы в резолюции нашего конгресса Профинтерна не подчеркивалась руководящая роль коммунистической партии. Когда точки зрения оформились, я пошел к ВИ за советом… Ильич, выслушав меня, сказал:

– Знаете, я не особенно в курсе всего этого дела, скажите: они идут к нам или от нас?

Я говорю:

– Они идут к нам.

– Тогда можно уступить»[1829].

Но вся эта профсоюзная история была разминкой перед тем масштабным действом, в которое вылился Второй конгресс Коминтерна. Он открывался в Петрограде, в Таврическом дворце, который к тому времени успели переименовать в дворец Урицкого. Северная столица ждала приезда вождя мирового пролетариата. «Город принял праздничный вид. Его улицы, площади, здания украсились революционными плакатами, транспарантами, приветственными лозунгами, декоративными сооружениями. Утром 19 июля 1920 года вокзальную площадь Восстания заполнил народ. Сюда для встречи делегатов конгресса прислали своих представителей многочисленные партийные, профсоюзные, производственные и общественные коллективы огромного города.

К 9 часам утра показался, наконец, поезд, с которым прибывали в Петроград делегаты и гости конгресса. Украшенный красными полотнищами с лозунгами, поезд торжественно входил под дебаркадер вокзала. Из раскрытых окон вагонов виднелись радостные, улыбающиеся лица делегатов и целый лес рук, приветственно мелькавших в воздухе»[1830].

Но где же Ленин? Знал Николай Александрович Угланов, будущий кандидат в члены ПБ, а тогда секретарь Губпрофсовета: «Я был назначен руководить всей внутренней и наружной охраной конгресса, в помощь ЧК было выделено 300 человек отборных рабочих. ВИ не приехал вместе с конгрессом, мы его ждали. Пришел почтовый поезд из Москвы, мы бросились к

вагонам искать ВИ, а он выскочил из заднего вагона на ходу, натягивая на себя пальто. Пальто его обращало действительно на себя внимание… ведь дело-то было в июле, стояла жара. Быстро усадив ВИ и приехавшую с ним Марию Ильиничну в закрытую машину, мы на нескольких машинах приехали незамеченными в Таврический дворец. Делегатов конгресса там еще не было. Они были в Смольном. ВИ сказал “едемте в Смольный”. Выходя из подъезда Таврического, ВИ быстро снял с головы черную кепку и одновременно вытащил из кармана – надел белую. Все это он проделал в один момент. Мало кто это и заметил. Тут я подумал, вот конспиратор»[1831]. «Приехали в Смольный. В актовом зале был весь конгресс. При появлении ВИ раздалось громовое “ура!” на разных языках и пение Интернационала. Тут же ВИ расцеловался с некоторыми товарищами (не знаю, с кем, по-видимому, со старыми революционерами из иностранцев)» [1832].

Из Смольного двинулись возлагать венки, при этом присутствовал писатель Константин Федин: «День был сверкающе синим. Над головами несли трехметровый венок из дубовых веток и красных роз, чтобы на площади Жертв Революции возложить его на могилы тех, чья жизнь была непреклонной в бурях – как дуб, прекрасной – как цветение розы. Ленин шел впереди с делегатами конгресса. Рядом с ним все время сменялись люди – иностранцы, русские, старые и молодые. Он шел без пальто, расстегнув пиджак, закладывая руки то за спину, то в брючные карманы. Было похоже, что он – не на улице, среди тяжелых, огромных строений, а в обжитой комнате, может быть у себя дома: ровно ничего не находил он чрезвычайного в массе, окружавшей его, и легко, свободно чувствовал себя во всеобщем неудержимом тяготении к нему людей»[1833].

Оттуда в зал, где Ленин до этого последний раз был, когда разгонял Учредительное собрание. Теперь он выглядел иначе. «Красные знамена, отделанные золотой вышивкой, украшали президиум и зал. Такие же полотна с эмблемами, расписанные и расшитые, свешивались с хоров. Тропические деревья в кадках, присланные оранжереями из-под Петрограда, красиво выделялись своей зеленью на пламени знамен. Зал и хоры были переполнены. Фотографы заканчивали приготовления, устанавливая аппараты. Среди массы людей пристраивались художники с этюдниками и альбомами»[1834].

Там и Федин: «В зал Дворца Урицкого Ленин пошел во главе группы разноплеменных делегатов конгресса. Навстречу ему тронулся и пополз, все поглощая своим грохотом, обвал рукоплесканий. В этот момент со всех сторон внесли в зал корзины с красными гвоздиками и стали раздавать цветы

делегатам. Ленин прошел поспешно через весь зал, наклонив вперед голову, словно рассекая ею встречный поток воздуха и как будто стараясь скорее скрыться из виду, чтобы приостановить аплодирование. Он поднялся на скамьи президиума, и, пока длилась овация, его не было видно. Когда стихло, он неожиданно опять появился в зале и очень быстро стал подыматься вверх между скамей амфитеатра. Его не сразу заметили, но, едва заметили, опять начали аплодировать и заполнять проход, по которому он почти взбегал».

На конгресс прибыли 169 делегатов с решающим голосом и 49 – с совещательным, которые представляли 67 организаций из 37 стран! Причем 31 страну уже представляли компартии, но были также посланники от НСДПГ, соцпартий Италии и Франции, Промышленных рабочих мира из Австралии, Англии и Ирландии, Национальной конфедерации труда Испании и т. д. Открывая конгресс, Зиновьев внес в план действий Коминтерна коррективы:

– Пожалуй, мы увлеклись, что не год, а два или три потребуется, чтобы вся Европа стала советской.

«Ленину пришлось вынести третью и, пожалуй, самую восторженную, подавляющую овацию, когда он ступил для доклада на трибуну, – продолжал Федин. – Он долго перебирал бумажки на кафедре, потом, подняв руку, тряс ею, чтобы угомонить разбушевавшийся зал. Укоризненно и строго поглядывал он по сторонам, вдруг вынул часы, стал показывать их аудитории, сердито постукивая пальцем по циферблату, – ничто не помогало. Тогда он опять принялся пересматривать, перебирать бумажки. Гул аплодисментов улегся не скоро»[1835].

Ленин тогда впервые разрешил снять на кинопленку свое выступление. «В несколько минут удалось запечатлеть Ильича, произносившего речь на конгрессе. Прошло несколько минут, и вдруг в зале раздался страшный взрыв. Сидящие в зале остолбенели, кто-то вскрикнул нечеловеческим голосом. Оказалось, что по неосторожности монтера упал аппарат и взорвались электрические лампочки. ВИ спокойно продолжал стоять на трибуне и так же спокойно, как всегда, с обычной улыбкой на губах, произносил свою речь»[1836].

Ленин сначала напомнил собравшимся свою теорию империализма, затем рассказал о тяготах, выпавших на долю народов всех воевавших стран, и сделал вывод об обострении противоречий между угнетающей частью планеты, представленной странами с населением в четверть миллиарда человек, и остальными.

– С одной стороны, нужда, разорение масс возросли неслыханно, и прежде всего по отношению к 1 ¼ миллиарда

людей, т. е. 70 % всего населения Земли. Это – страны колониальные, зависимые, с юридически бесправным населением, на которые «выдан мандат» финансовым разбойникам. Да, кроме того, рабство побежденных стран закрепил Версальский договор… А с другой стороны, в каждой из стран, которые оказались кредиторами, рабочие оказались в положении невыносимом. Война принесла неслыханное обострение всех капиталистических противоречий, и в этом источник того глубочайшего революционного брожения, которое разрастается.

А в стане победителей градус противоречия накаляется:

– Из-за дележа Турции, Персии, Месопотамии, Китая идет бешеная грызня между Японией, Англией, Америкой и Францией. Буржуазный строй во всем мире переживет величайший революционный кризис. Надо «доказать» теперь практикой революционных партий, что у них достаточно сознательности, организованности, связи с эксплуатируемыми массами, решительности, уменья, чтобы использовать этот кризис для успешной, для победоносной революции.

Это была установка на прямой и безотлагательный штурм оплотов империализма. Другой важнейшей установкой Ленина стало определение главного врага коммунистического движения. Им были объявлены даже не капиталисты или буржуазные правительства. Социал-демократия.

– Оппортунизм – наш главный враг. Оппортунизм в верхах рабочего движения – это социализм не пролетарский, а буржуазный. Практически доказано, что деятели внутри рабочего движения, принадлежащие к оппортунистическому направлению, – лучшие защитники буржуазии, чем сама буржуазия[1837].

Эта ленинская установка в будущем сильно затруднит создание единого антифашистского фронта.

Заслужив за свое выступление очередную порцию бурных оваций, Ленин покинул зал, попросив показать ему вновь открытые тогда дома отдыха. От него не отходит Угланов: «Мы незамеченными вышли из дворца, сели в две машины: ВИ, Мария Ильинична, тов. Лашевич, я да еще два товарища и поехали на Каменный остров осматривать дома отдыха для рабочих, которых там было на 800 человек… ВИ первый вошел, мы за ним пошли по комнатам осматривать. Ильич довольно основательно натянул кепку на лоб. Рабочие сначала не узнали Ильича, но знали меня и тов. Лашевича»[1838]. «Обойдя помещение, ВИ направился к выходу. Около крыльца дома уже собралось человек 50 рабочих. Старик рабочий, обращаясь к ВИ, сказал:

– Жаль, ВИ, не знали, что приедете, никто нас не известил,

подарочек бы приготовили. Ну так хоть качнем.

И принялись усаживать ВИ в большой плетеный дачный стул. Сколько ВИ ни просил: “Не надо, товарищи, что вы, что вы” – рабочие говорили: “Нет, Владимир Ильич, качнем”. И осторожно, по-степенному, качнули. Скоро собралась масса рабочих. Прошли потом на реченьку и там расположились на мостках лодочной пристани. ВИ лег погреться на солнышке. На берегу расположились сотни две-три рабочих. Около ВИ села группа работниц и стала жаловаться, что жить тяжело, хлеба мало, сапог нет. Вот, говорит старуха работница (кажется, с табачной фабрики), мы уж, ВИ, поддерживаем вас и всех большевиков, только больно тяжело жить-то, голодно. ВИ ответил: верно, тяжело, товарищи, видите – стоит жарища, нет дождей (и при этом указал на солнышко), неурожай будет. Вот осенью кончим войну с Польшей, тогда легче будет». Что еще он мог сказать?

Пока Ленин общался с трудящимися, делегаты и гости конгресса Коминтерна переместились на площадь у Зимнего дворца. «Площадь была запружена народом, сотня тысяч народа гудела… ВИ начал говорить речь. На площади раздалось мощное “ура”… С трибуны он убежал тихонько, никто и не заметил… На вокзале никого не было, только поджидали железнодорожники. Усадили ВИ в его маленький вагонишко, он сказал: ну, спасибо, товарищи, приеду в Москву, расскажу про ваши дома отдыха. Крепко пожав нам руки, ВИ уехал. Это было его последнее посещение города пролетарской диктатуры»[1839].

С 23 июля конгресс Коминтерна заседал уже в Москве в Большом театре. Зиновьев распорядился разместить на сцене огромную политическую карту мира. Каждое утро делегаты с замиранием сердца следили за передвижением красных флажков к Варшаве. Зиновьев не удерживался от взволнованных комментариев, утверждая, что следующий, Третий конгресс Коминтерна «будем проводить в Берлине, а затем в Париже, Лондоне…» Его слова тонули в шквале аплодисментов[1840].

Конгресс обсуждал ключевой организационный вопрос: условия (всего их окажется 21) приема партий в Коминтерн. Была предусмотрена та же жесточайшая дисциплина и подчинение Коминтерну, что Ленин годами требовал от рядовых большевиков в отношении ЦК. Вкратце ленинские условия выглядели так: повседневная пропаганда носит действительно коммунистический характер, удаление со всех постов реформистов, создание параллельного нелегального аппарата, образование коммунистических ячеек в каждой воинской части, борьба с социал-патриотизмом, разоблачение «своих» империалистов, пропаганда в профсоюзах, подчинение своей

прессы центральным комитетам партий, построение их по принципу демократического централизма, проведение чисток рядов, поддержка Советской России и других советских республик, принятие коммунистической программы, подчинение решениям Коминтерна. Партии должны принять название коммунистических и стать секциями III Интернационала[1841].

Второй конгресс Коминтерна войдет в историю и выдвижением концепции национально-освободительных движений. Толчком для антиколониализма стала Первая мировая война, в ходе которой европейская цивилизация теряла в глазах жителей колоний остатки морального авторитета. Общим местом для восточных и южных интеллектуалов стало убеждение в империалистической природе европейской бойни, в которой на кону стояли колониальные владения. Большое впечатление произвел на них ленинский «Империализм», где описана схватка жадных до капиталов и ресурсов западных держав.

– Империалистическая война помогла революции, буржуазия вырвала из колоний, из отсталых стран, из заброшенности, солдат для участия в этой империалистической войне, – доказывал Ленин. – Английская буржуазия внушала солдатам из Индии, что дело индусских крестьян защищать Великобританию от Германии, французская буржуазия внушала солдатам из французских колоний, что дело чернокожих защищать Францию. Они учили уменью владеть оружием. Это чрезвычайно полезное умение, и мы за это буржуазию глубочайше могли бы благодарить…

Ленин 26 июля представлял свое видение в комиссии Конгресса по национальному и колониальному вопросам. Весь мир «разделяется в настоящее время на большое число угнетенных наций и ничтожное число наций угнетающих, располагающий колоссальными богатствами и могучей военной силой. При этом вся мировая система государств определяется борьбой небольшой группы империалистических наций против советского движения, во главе которого стоит Советская Россия. Всякое национальное движение может быть только буржуазно-демократическим, ибо главная масса населения в отсталых странах состоит из крестьянства, являющегося представителем буржуазно-капиталистических отношений. «Было бы утопией думать, что пролетарские партии, если они вообще смогут возникнуть в таких странах, смогут… проводить коммунистическую тактику». Ленин требовал «усиливать повсюду революционную борьбу как пролетариата передовых стран, так и всех трудящихся масс колониальных и зависимых стран»[1842].

Выступление о парламентаризме – о принципиальной

неприемлемости буржуазных парламентов, но участии в них для их разрушения – Ленин произнес 2 августа:

– Нужно знать, каким образом можно разбить парламент. Если вы можете это сделать путем вооруженного восстания во всех странах – это очень хорошо. Мы вынуждены вести борьбу в парламенте для разрушения парламента.

Ленин по всем вопросам встретил понимание со стороны основной массы делегатов конгресса. И с удовлетворением писал: «Во всех передовых странах Европы и Америки есть уже коммунистические партии или многочисленные коммунистические группы. И на закончившемся 7 августа конгрессе сплотились уже не только передовые провозвестники пролетарской революции, а делегаты крепких и могучих организаций, связанных с массами пролетариев»[1843].

Второй конгресс Коминтерна наделал шума. На X партсъезде в марте 1921 года Ленин не скрывал удовлетворения:

– В Германии, Франции и Италии Коммунистический Интернационал стал не только центром рабочего движения, но центром внимания всей политической жизни этих стран. Нельзя было осенью взять в руки немецкую или французскую газету без того, чтобы не видеть, как там склоняют Москву и большевиков, какими прилагательными нас награждают и как делают из большевиков и 21 условия приема в III Интернационал центральный вопрос всей их собственной политической жизни. Это – наше завоевание, и этого никто не может у нас отнять[1844].

Но самое любопытное это то, что на конгрессе не прозвучало. Мартов обратил внимание: «Казалось бы, первым делом конгресса Интернационала было решить, что именно лежит в интересах мировой революции – продолжение ли войны Советской России с Польшей и Антантой или попытка искусственно вызвать революцию в Польше, зажечь международный пожар… Не был спрошен III Интернационал»[1845]. Слишком серьезный для большевиков вопрос, чтобы его с кем-то обсуждать.

Ленин уже принял решение.

Чудо на Висле и кошмар в Москве

В Москве, наконец, подготовили разгром Польши. На Варшавском направлении были сосредоточены силы четырех армий: 4-й бывшего царского военного министра Шуваева, 15-й Корка, 3-й Лазаревича и 16-й Соллогуба. В соответствии с директивой главкома Каменева от 20 июля Западный и Юго-Западный фронты продолжили наступление за линию Керзона. А 22-го войскам Западного фронта было приказано взять Варшаву не позднее 12 августа. Командующий Западным фронтом Тухачевский объявил приказ: «Бойцы рабочей революции! Устремите свои взоры на Запад. На Западе решаются судьбы мировой революции. Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару. На штыках понесем счастье и мир трудящемуся человечеству»[1846].

Именно в это время идея концентрического удара войсками Западного и Юго-Западного фронтов на Варшаву уступила место эксцентрическому удару на Варшаву и Львов. «Реввоенсовет Юго-Западного фронта 22 июля направил Главкому телеграмму, в которой предлагалось перенести главный удар войск с брестского направления на Львовское, то есть в пределы Галиции». Имелось в виду оказать в дальнейшем поддержку Западному фронту «ударом через Львов в тыл Варшаве»[1847]. При этом две основные ударные группировки должны были действовать на значительном отдалении друг от друга.

Керзон 20 июля шлет в Кремль телеграмму с уверениями, что союзники побуждают Польшу к немедленным переговорам о перемирии, хотели бы «наладить связь России с участниками мирной конференции» под эгидой Лиги Наций. Британское правительство «должно ясно сказать, что переговоры о возобновлении торговли между Россией и Британской империей не могут продолжаться с какой-либо пользой, если Советская Россия вторгнется в Польшу»[1848]. Глава польского МИДа Сапега 22 июля попросил о перемирии.

От переговоров Ленин не отказывался. И не спешил, охваченный предвкушением победы. И уже не только над Польшей. Ленин в тот день телеграфировал в Харьков Сталину: «Положение в Коминтерне превосходное. Зиновьев, Бухарин, а также и я думаем, что следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии. Мое личное мнение, что для этого надо советизировать Венгрию, а может быть, также Чехию и Румынию»[1849]. Сталин в ответной телеграмме соглашался с возможностью «поставить вопрос об организации восстания в Италии и в таких еще не

окрепших государствах, как Венгрия, Чехия (Румынию придется разбить)»[1850].

Готовясь к вступлению советских войск в Варшаву, Политбюро образовало Польское бюро ЦК РКП в составе Дзержинского, Кона, Мархлевского, Прухняка и Уншлихта. 23 июля был сформирован и временный орган власти – польский ревком во главе с Мархлевским, который 30 июля издал обращение «К трудящимся Польши»: «Красное знамя над дворцами Зыгмунтовским и Бельведерским должно быть водружено вами самими до того, как российская Красная Армия войдет в столицу… Да здравствует освобожденная рабочая социалистическая Польша»[1851].

По мере наступления Красной Армии стала возможной реанимация литовской и белорусской государственности. Переговоры с литовским правительством шли с начала 1920 года. Литва требовала признания полной независимости в этнографических границах, то есть «включающей в себя в общих чертах бывшие Виленскую, Ковенскую, Гродненскую и Сувалкскую губернии со столицей в Вильно», а потом расширила свои претензии на некоторые белорусские земли[1852]. Помогли напоминания руководителя российской делегации Иоффе о том, что значительная часть Литвы, включая Вильнюс, оккупирована поляками, и в этих условиях выдвижение территориальных претензий к другим странам неуместно. Окончательно упорство литовской стороны иссякло летом 1920 года, когда Красная Армия приближалась к литовским пределам. 12 июля договор, признававший независимость Литвы, был подписан. 14 июля 3-й конный корпус Гая вошел в Вильно, после чего три литовские дивизии присоединились к советским войскам.

Почти сразу же объединенное заседание минского губернского ВРК и Бюро компартии Лит-Бел образовало отдельный белорусский ревком под председательством Александра Григорьевича Червякова. Именно этот ревком и принял 1 августа декларацию о независимости Советской Социалистической Республики Белоруссии.

Было решено форсировать и заключение мирного договора с Латвией. Причем на ее условиях и не считаясь с возражениями со стороны латышской компартии. Договор был подписан 11 августа в том виде, который устраивал Ульманиса: признавалась независимость Латвии, части Красной Армии выводились из Латгалии в двухнедельный срок.

Первого августа был взят Брест-Литовск. В Тарнополе провозглашена государственная самостоятельность Восточной Галиции с задачей установления советской власти, чем должен

был заняться Галицийский революционный комитет во главе с Затонским.

Первая Конная рвалась вперед. Исаак Бабель – боец Конармии – записывает в дневник 3 августа: «Начинается бой, артиллерия кроет, недалеко разрывы, грозный час, решительный бой – остановим польское наступление или нет, Буденный Колесникову и Гришину – расстреляю, они уходят бледные пешком. До этого – страшное поле, усеянное порубленными, нечеловеческая жестокость, невероятные раны, проломленные черепа, молодые белые нагие тела сверкают на солнце, разбросанные записные книжки, солдатские книжки, Евангелия, тела в жите… Вижу, как строятся колонны, цепи идут в атаку, жалко этих несчастных, нет людей, есть колонны, огонь достигает величайшей силы, в безмолвии происходит рубка»[1853].

В Варшаве создается правительство национальной обороны с участием всех политических партий, вводятся чрезвычайные и полевые суды. Пошел поток военных грузов с Запада. Особенно ценными окажутся 600 артиллерийских орудий со снарядами, переправленные через Румынию.

Была резко активизирована западная помощь Врангелю, который расширил зону контроля из Таврии на Донбасс и Дон. Отбивались 13-я армия и созданная в июле 2-я Конная армия Городовикова. В ходе встречных боев белые заняли Орехов и Александровск, но успех развить не смогли. Москва заметно наращивала силы на южном направлении.

И здесь Ленин затеял реорганизацию, полагая, что победа над поляками уже близка, а Врангель представлял возраставшую угрозу. Западная стратегия поддержки Польши через усиление и активизацию врангелевских войск сработала. Второго августа Ленин телеграфировал Сталину и Склянскому: «Только что провели в Политбюро разделение фронтов, чтобы Вы исключительно занялись Врангелем. В связи с восстаниями, особенно на Кубани, а затем и в Сибири, опасность Врангеля становится громадной, и внутри Цека растет стремление тотчас заключить мир с буржуазной Польшей».

Решение заключалось в том, чтобы разделить Юго-Западный фронт, выделив его крымский участок в самостоятельный Южный фронт. Сталину поручалось сформировать Реввоенсовет этого нового Южного фронта. Командовать им решено было направить Фрунзе. Одновременно Западный фронт и то, что оставалось от Юго-Западного, объединялись под эгидой Реввоенсовета Западного фронта. Сталин отвечает из Лозовой: «Вашу записку о разделении фронтов получил, не следовало бы Политбюро заниматься пустяками… Что касается настроения ЦК в пользу

мира с Польшей, нельзя не заметить, что наша дипломатия иногда очень удачно срывает результаты наших военных успехов».

Третьего августа Ленин отвечал Сталину: «Не совсем понимаю, почему Вы недовольны разделением фронтов. Сообщите Ваши мотивы. Мне казалось, что это необходимо, раз опасность Врангеля возрастает… Наша дипломатия подчинена ЦК и никогда не сорвет наших успехов, если опасность Врангеля не вызовет колебаний внутри Цека. Из Кубани и Донобласти получаем тревожные, даже отчаянные телеграммы о грозном росте повстанческого движения. Настаивают на ускорении ликвидации Врангеля»[1854].

Западному фронту передавались с Юго-Западного 12-я и 14-я армии и 1-я Конная. Вся эта реорганизация привела к тому, что управление войсками было во многом потеряно. «Включительно по 10 августа между главкомом и командованием фронтов велись переговоры и переписка по организационной стороне передачи армий»[1855], – замечал Буденный.

Одновременно были затеяны активные дипломатические маневры, которые со стороны Ленина носили во многом фиктивный характер. Вести переговоры был назначен не обремененный каким-либо дипломатическим багажом Данишевский. «При составлении мандата, – вспоминал он, – ВИ предложил включить в мандат все мои “чины” (член ВЦИК, комиссар Полевого штаба Реввоенсовета и пр.), и, когда на его вопрос о моих военных должностях я заявил, что являюсь председателем Реввоентрибунала Республики, он, смеясь, блестя глазами, указывая пальцем на бумагу, предложил включить и эту должность:

– Именно так и надо, пусть знают, что мирные переговоры ведет председатель Революционного военного трибунала Республики [1856].

Ллойд Джордж 4 августа предъявил ультиматум находившимся в Лондоне Каменеву и Красину: наступление на Варшаву должно быть остановлено, «в противном случае Британия придет на помощь Польше, как в 1914 г. она пришла на помощь Бельгии» [1857]. «Если советские армии будут двигаться дальше, то разрыв с союзниками неизбежен».

Пятого августа Сапега сообщил Чичерину о готовности направить для переговоров в Минск правомочную делегацию во главе с Домбским. 7 августа ответ был дан. Условия Москвы (полагаю, лукавые) были весьма умеренными. «Советские представители… признавали независимость Польской республики, – прочел Черчилль. – Они не требовали от Польши

никакой контрибуции. Они соглашались с тем, чтобы польская граница была проведена в согласии с нотой лорда Керзона от 11 июля»[1858]. Ллойд Джордж 10 августа информировал Варшаву о принципиальном согласии Лондона с советскими условиями.

Зато в Вашингтоне и Париже царила истерика. 9 августа пришла нота госсекретаря США Бейнбриджа Колби. Соединенные Штаты заявили о себе как о гаранте территориальной целостности и независимости Польши, официально заняли позицию непризнания Советской власти и возложили на себя миссию противодействия распространению мировой революции. Тем самым администрация Вильсона провозгласила политику «карантина»: «Отказ Америки от признания России проистекает из экспорта режимом революции через Коминтерн, конфискации им собственности иностранцев, ее отказа от выплаты иностранных долгов»[1859].

Французы пошли еще дальше. 11 августа последовало отчаянное заявление французского правительства: «Принимая во внимание военные успехи и усиление правительства генерала Врангеля, а также его заверение относительно… верности прежним обязательствам России, французское правительство решило признать правительство генерала Врангеля фактическим правительством Южной России». В Крым прибыла французская военно-дипломатическая миссия, для охраны которой в Черное море вошла французская эскадра миноносцев[1860].

Десятого августа часть польской делегации была обнаружена Данишевским «в Седлеце после занятия города красными войсками, и тотчас же начались предварительные переговоры о времени и месте мирной конференции»[1861].

Красная Армия шла дальше. 13 августа ее 21-я и 27-я дивизии овладели городом Радзымином в 23 км от Варшавы. 14 августа Троцкий издал приказ: «Нам необходимо отучить правительство польских банкротов играть с нами в прятки. Красные войска, вперед! Герои. На Варшаву!» Черчилль был в ужасе: «Собрался комитет министров… Общественное мнение в Англии и во Франции находилось в полной прострации. Всякая военная интервенция была невозможна. Ничего не оставалось кроме слов и бессильных жестов»[1862]. И тут… «Решимость Ллойд Джорджа вступить в войну потеряла смысл через сорок восемь часов, когда 150-тысячная армия остановила Тухачевского у Радзымина, всего в 25 километрах от Варшавы. Для новой Польши это было “чудо на Висле”»[1863].

Для Ленина и Москвы это стало ночным кошмаром.

Военные успехи Красной Армии за считаные часы сменились жестким поражением. Оценки военных возможностей Красной

Армии оказались преувеличены, тем более в условиях затеянной в самый разгар наступления перекройки фронтов. Войска отрывались от тылов. «Вышедшие к Висле советские части были крайне утомленными и малочисленными. В ходе боев они понесли большие потери, тыловые части отстали на 200–400 км, в связи с чем нарушился подвоз боеприпасов и продовольствия. Войска не получали пополнений… Многие полки, в сущности, превратились в роты… В войсках не хватало патронов и винтовок, не было артиллерийских снарядов»[1864].

Буденный утверждал, что «противник на варшавском направлении превосходил по численности наши войска почти в два раза»[1865]. Пилсудский не подтверждал своего численного превосходства: «В заключительном эпизоде на Висле я оценивал силы Тухачевского в 130 000–150 000 бойцов, а наши, учитывая только те силы, которые могли быть использованы в так называемой битве под Варшавой, – в 120 000–180 000»[1866].

Сам Тухачевский напишет: «Расхождение ко времени решительного столкновения почти под прямым углом главных сил Западного и Юго-Западного фронтов предрешило провал операции как раз в тот момент, когда Западный фронт был двинут в наступление за Вислу»[1867]. Пилсудский называл и еще один крупный просчет пана Тухачевского: вместо того, чтобы брать Варшаву с ходу, командующий Западным фронтом зачем-то решил обойти ее с севера. «8 августа он сам отдал приказ, предписывавший 14-й и 15-й армиям не взятие Варшавы, а “поход за Вислу”. Вот и пошли обе армии прямо на Запад, мимо Варшавы…»[1868]

Обнаружился и главный стратегический просчет ленинского плана революционной войны. Войска шли на Варшаву в надежде на революционный подъем польских (и немецких) трудящихся масс. На деле немцы только с интересом и злорадством наблюдали за тем, как русские и поляки убивают друг друга. А Польша сплотилась перед лицом внешнего нашествия. Высшему руководству страны была известна докладная записка Секретариата Польского бюро пропаганды и агитации при ЦК РКП(б) от 21 апреля 1920 года, где говорилось, что даже приближение Красной Армии «к этнографическим границам Польши несомненно вызовет в Польше новую бурю национализма, которая захватит не только буржуазию и крестьянство, но и значительную часть рабочего класса, отравляя его идеей “защиты отечества” перед “москалями”»[1869]. Ленин в это не верил. А зря: именно это и случилось. Только с 1 июля и по 20 августа пополнение польской армии составило 172 тысячи человек, из них 77,5 тысячи – добровольцами.

Французы фактически взяли на себя командование польскими войсками. «Вейгану был предоставлен полный контроль над военными действиями. Он перегруппировал отступавшие польские армии и превратил отступление в согласованное контрнаступление»[1870], – авторитетно свидетельствовал Черчилль. «Среди военных советников, направленных Францией полякам, чтобы помочь им отразить наступление большевиков, был полковник де Голль, учивший Тухачевского французскому языку, когда они оба были в немецком плену в 1917 г.»[1871]

«Противник упредил нас своим контрнаступлением»[1872], – признавал Буденный. 14 августа перешла в контрнаступление 5-я польская армия генерала Сикорского. На следующий день его кавалерия ворвалась в Цеханув, где располагался штаб 4-й советской армии, оставив весь правый фланг наступавших красных войск без управления. На рассвете 16 августа перешла в наступление ударная группа, которую возглавил лично Пилсудский. Она начала быстрое продвижение к Брест-Литовску, отрезая с юга и прижимая к прусской границе все армии Западного фронта.

Первая конная в это время вела операцию по взятию Львова, и, получив приказ нового для нее командующего фронтом Тухачевского (на самом деле много различных приказов, вызвавших страшную неразбериху) двигаться на север, не смогла и не успела его исполнить. Официальные мирные переговоры открылись 17 августа в Минске. Данишевский писал в дневнике: «Ленин в только что полученной телеграмме говорит, чтобы был я архитверд, чтобы не волновался и был хладнокровен. Таким буду. Но трудно таковым быть при данной обстановке”»[1873]. И теперь в дипломатическом решении уже не были заинтересованы поляки и Антанта.

Смысл происходившего начал доходить и до Ленина, который 20 августа слал Каменеву в Лондон телеграмму: «Варшаву едва ли возьмем скоро. Неприятель там усилился и наступает… Ллойд Джордж надул нас пацифизмом и помог Черчиллю высадить помощь полякам в Данциге. В этом суть»[1874]. 25 августа польские войска вышли на линию Керзона, и Пилсудский заявил, что в создавшихся условиях мир с Москвой теряет смысл. 4-я армия Шуваева и основные силы 15-й армии 25 августа отступили в Восточную Пруссию, где были интернирована, 16-я армия Соллогуба бежала на восток. В боях за Варшаву польская армия потеряла 4,5 тысячи убитыми и 22 тысячи ранеными, захватив в плен 66 тысяч красноармейцев[1875].

И польские войска пошли дальше на восток. На их правом

фланге наступали петлюровские части, в Правобережной Украине повсеместно вспыхивали восстания, формирования Махно, Гришина, Омельяновича-Павленко действовали по тылам красных.

Председатель польской делегации уехал 28 августа из Минска. Данишевский 31 августа был у Ленина. «Он взял свой карманный атлас. Показал мне страничку польской и германской границ, предложил указать, где находятся наши части и части противника. Я был в большом затруднении: масштабы этой "военной карты" были чрезвычайно мизерны. Трудно было ориентироваться. Мы пользовались "трехверсткой". Я волновался, трудно было по этой карте отмечать требуемые ВИ пункты… Большими шагами он ходил по диагонали комнаты. Наконец он поставил вопрос о дальнейшей судьбе мирных переговоров… ВИ еще не отказывался от мысли возобновить движение на запад, от контрудара по белополякам». Новым главой делегации на переговорах Ленин назначил Иоффе[1876]. Но уже 2 сентября переговоры в Минске были прерваны польской стороной.

Сталин, который еще 17 августа покинул Юго-Западный фронт и вернулся в Москву, требовал создать комиссию «по обследованию условий нашего июльского наступления и августовского отступления на Западном фронте»[1877]. Разборка состоялась на заседании ПБ 1 сентября. Ленин предпочел не создавать никаких комиссий, потому что сознавал вину всей большевистской верхушки, свою в том числе.

Красная Армия беспорядочно откатывалась назад в том же темпе, что ранее шла вперед. Польское наступление продолжалось (до 15 октября) уже восточнее линии Керзона. Но 12 сентября – в условиях непрерывного польского наступления – переговоры о мире возобновились – уже в Риге. И теперь Россия сплачивалась для отпора очередной польской агрессии, сил наступать на Киев и Москву у Пилсудского тоже было явно недостаточно. В газетном очерке о IX партконференции, на которой 22 сентября выступил Ленин, все звучало вполне оптимистично:

– Мы жестоко обманули расчеты дипломатов на нашу слабость и доказали, что Польша нас победить не может, мы же недалеки от победы над Польшей и были и есть… Мы хотим избежать тяжелой для нас зимней кампании и снова предлагаем Польше выгодный для нее, невыгодный для нас мир[1878].

Но, конечно, реальная оценка прозвучала на закрытом заседании партконференции, стенограмма которого в советские годы не публиковалась. Ленин был откровенен:

– Мы потерпели огромное поражение, колоссальная армия в

100 000 или в плену, или в Германии. Одним словом, гигантское, неслыханное поражение. Это значит, что, несомненно, была допущена ошибка, ведь мы имели на руках победу и мы ее выпустили. Возможна ошибка в ответе на ноту Керзона 12/VII, когда мы сказали: просто, наплевать на Лигу Наций, идем вперед. Может быть, мы должны были бы ответить так: принимаем в основу, что остановимся на 50-й версте или на той границе, которую вы даете. Получая Восточную Галицию, мы имели базу против всех современных государств. При таких условиях мы становились в соседство с Прикарпатской Русью, которая кипит больше, чем Германия, и является прямым коридором в Венгрию, где небольшого толчка достаточно для того, чтобы вспыхнула революция. Мы сохраняли в международном масштабе ореол страны, которая непобедима и является великой державой… Возможно, повторяю, что здесь была политическая ошибка, за которую отвечает ЦК вообще, и за которую каждый из нас берет на себя ответственность… Возможно, что стратегическая ошибка была.

Теперь же Ленин видел выход в очередном «Бресте»:

– Мы предлагаем от имени сессии ВЦИК сказать, что зимней кампании мы не хотим, угодно подписать мир за 10 дней, и тогда мы отказываемся от Галиции и предлагаем границу значительно восточнее линии Керзона. Мы выиграем в военном отношении то, что обеспечим быструю победу над Врангелем. Это выигрыш достаточный. Под шумок войны Коминтерн выковал орудие и отточил его так, что господа империалисты его не сломают. Мы уже надорвали Версальский договор и дорвем его при первом удобном случае… Несмотря на полную неудачу первого случая, наше первое поражение, мы еще раз и еще раз перейдем от оборонительной политики к наступательной, пока мы всех не разобьем до конца»[1879].

Еще один вывод был сделан Лениным в Политбюро. «Мы шли на Варшаву вслепую и потерпели катастрофу… Только серьезная, правильно поставленная разведка спасет нас от случайных ходов вслепую»[1880]. Глава ВЧК подпишет приказ об организации ее Иностранного отдела. Так было положено начало одной из самых результативных разведок в мире.

ВЦИК 23 сентября выступил с заявлением о готовности заключить мир. «При начале переговоров с Польшей лично ВИ принадлежала замечательная мысль: предложить Польше больше территории, чем предлагали ей Клемансо и Керзон»[1881], – умилялся Чичерин. Действительно, что могло быть лучше! Ленин объяснял 23 сентября Иоффе: «Для нас вся суть в том: первое, чтобы иметь в короткий срок перемирие, а во-вторых, и главное в

том, чтобы иметь реальную гарантию действительного мира в 10-дневный срок. Если Вы обеспечите это, то давайте максимальные уступки»[1882].

А 24 сентября Ленин получил телеграмму с Северного Кавказа. Умерла Инесса.

Крупская вспоминала. «В конце 1919 г. к нам часто стала приходить Инесса Арманд, с которой Ильич особенно любил говорить о перспективах движения. У Инессы старшая дочь уже побывала на фронте, чуть не погибла во время взрыва 25 сентября в Леонтьевском переулке. Помню, как Инесса пришла к нам однажды с младшей дочерью Варей, совсем молодой тогда девушкой, потом ставшей преданнейшим членом партии»[1883]. Инесса была востребована в женотделе ЦК. С ее набором языков она незаменима в делах Коминтерна.

Зимой она захворала. В середине февраля 1920 года Ленин направил ей – на Неглинную улицу, дом 9, квартиру 6 – аж девять сохранившихся посланий: «Посылаю кое-что для чтения… Сегодня после 4-х будет у Вас хороший доктор. Есть ли у Вас дрова? Можно ли готовить дома? Кормят ли вас?» Сразу же: «Звонил к Вам, чтобы узнать номер калош для Вас. Надеюсь достать… Был ли доктор?» И снова: «Напишите *точно*, какая t° у Вас? *Был ли доктор*? Кто?» И опять: «*После* понижения *необходимо* выждать несколько дней. Иначе – воспаление легких… Испанка теперь *свирепая*. Только испанка у Вас была? А *бронхит*?» Положение не улучшается: «Итак, доктор говорит, воспаление легких… Надо *архи*осторожной быть. Непременно заставьте дочерей звонить мне (12–4) ежедневно. Напишите *откровенно*, чего не хватает… Починен ли телефон?»[1884] Судя по тому, что записки прервались, телефон починили.

Инесса выздоровела не полностью, врачи рекомендовали перемену климата. Ленин уговаривал ее отдохнуть на Юге и усиленно хлопотал. 17 августа он писал в управление курортами и санаториями Кавказа: «Прошу всячески помочь наилучшему устройству в лечении подательницы, тов. Инессы Федоровны Арманд, с больным сыном. Прошу оказать этим, лично мне известным партийным товарищам полное доверие и всяческое содействие».

Восемнадцатого августа Ленин связался с председателем Северо-Кавказского ревкома Серго Орджоникидзе: «Инесса Арманд выезжает сегодня. Прошу Вас не забыть Вашего обещания. Надо, чтобы Вы протелеграфировали в Кисловодск, дали распоряжение устроить ее и ее сына как следует и проследить исполнение. Без проверки исполнения ни черта не сделают…» И буквально через день напоминал: «Очень прошу Вас, ввиду

опасного положения на Кубани, установить связь с Инессой Арманд, чтобы ее и сына эвакуировали в случае надобности». 20 августа вновь Орджоникидзе: «Еще просьба: не забыть обещание мне устроить на лечение выехавших 18 августа Инессу Арманд и ее больного сына, они, верно, уже в Ростове»[1885].

Отдых не получался: Инесса грустила. 1 сентября года записала в дневнике: «Раньше я, бывало, к каждому человеку подходила с теплым чувством. Теперь я ко всем равнодушна. А главное – почти со всеми скучаю. Горячее чувство осталось только к детям и к ВИ. Во всех отношениях сердце как бы вымерзло. Как будто бы, отдав все свои силы, всю свою страсть ВИ и делу работы, оно истощило все источники работы, которыми раньше было так богато».

Врангелевцы наступали, и Ленин опасался за судьбу Кисловодска. Инессу поспешили почем зря эвакуировать в Беслан. Боялись одного, а опасность подстерегала с другой стороны. В Беслане Арманд заразилась холерой. Местный телеграфист отстучал телеграмму: «Вне всякой очереди. Москва. ЦеКа РКП, Совнарком, Ленину. Заболевшую холерой товарища Инессу Арманд спасти не удалось точка кончилась 24 сентября точка тело перепроводим Москву Назаров» [1886]. С транспортом было тяжело. Восемь дней тело Инессы пролежало в морге в Нальчике, пока искали оцинкованный гроб и специальный вагон.

Только 11 октября Ленин встречал вагон на Казанском вокзале – вместе с Крупской и делегацией от женотдела. Гроб погрузили на катафалк, и траурная процессия прошла за ним от Каланчевской площади до Дома союзов. Коллонтай писала, что Ленин брел молча, будто с закрытыми глазами, и они боялись, что он споткнется… «На похоронах Ленина было не узнать. – Он был раздавлен горем. Нам казалось, что в любой момент он может лишиться сознания». Балабанова отметила, что Ленин даже не выступил с траурной речью, и описала его состояние как шоковое: «Не только лицо Ленина, весь его облик выражал такую печаль, что никто не осмеливался даже кивнуть ему»[1887]. Елизавета Драбкина вспоминала: «Было что-то невыразимо скорбное в его опущенных плечах и низко склоненной голове»[1888]. Воспоминания с похорон Инессы Арманд открывали череду свидетельств об ухудшении состояния здоровья Ленина…

Инессу Арманд похоронили в ряду героев революции – у Кремлевской стены. Трогательной была забота Ленина о памяти Инессы и о ее детях. 24 апреля 1921 года Ленин напишет Каменеву: «Дети Инессы Арманд обращаются ко мне с просьбой, которую я усердно поддерживаю: 1) Не можете ли Вы распорядиться о посадке цветов на могиле Инессы Арманд? 2) То

же – о небольшой плите или камне? Если можете, черкните мне, пожалуйста, через кого (через какие учреждения и заведения) это Вы сделали, чтобы дети могли туда дополнительно обратиться, проверить, дать надписи и т. п. Если не можете, черкните тоже, пожалуйста: может быть, можно приватно заказать? или, может быть, мне следует написать куда-либо, и не знаете ли, куда?» 13 августа Ленин сообщал постпреду в Тегеране Ротштейну: «Я… писал Вам об Александре Александровиче и Варваре Александровне Арманд… о которых я очень забочусь. Надеюсь, они в Персии будут полезны для дела, и Вы им уделите минутку внимания»[1889].

Одиннадцатого октября 1920 года Ленин провожал в последний путь Инессу. 12 октября был заключен прелиминарный договор о перемирии с Польшей. После месяца переговоров в Риге, прошедших в условиях жесткого польского диктата, советской дипломатии удалось добиться одной победы – сохранения независимости Белоруссии – пусть и урезанной территориально. Остальное было однозначным поражением. Прелиминарный договор был не намного менее позорным, чем Брестский мир. Польша получала всю Западную Белоруссию, включая и большую часть Минской губернии, а также населенные украинцами Волынь и Восточную Галицию. Ленин представлял катастрофу чуть ли не как успех:

– Всякий, кто посмотрит на карту, увидит, что мы победили, что мы вышли из этой войны с бо2льшим количеством земли, чем до начала войны[1890].

Но даже позорное перемирие еще не было миром. Реально поляки продолжили наступательные операции. 8 октября якобы вышедшие из подчинения Варшавы 1-я Литовско-Белорусская дивизия и Добровольческая дивизия, объединившись под командованием генерала Желиговского, начали наступление на Вильно. Фактическая аннексия поляками Виленщины вызвала протесты со стороны Лондона, Парижа и Москвы, но это не произвело на Пилсудского ни малейшего впечатления. Присоединение Виленщины к Польше будет официально признано Англией, Францией и Италией в 1923 году, СССР этого не признает никогда.

От 100 до 250 тысяч красноармейцев – по разным оценкам – остались в плену. Часть из них была интернирована в Германию, но основная масса была помещена в польские концлагеря. По некоторым оценкам, в концлагерях в Тухоле и Пулавах от голода, болезней и расстрелов найдут смерть 80 тысяч пленных бойцов Красной Армии[1891]. На территории Польши и захваченных ею

землях продолжали пополняться и вооружаться армейские части, считавшие себя российскими, белорусскими или украинскими: «Белорусский особый отряд» бывшего штаб-ротмистра Булак-Балаховича, «Отдельная русская армия» полковника Перемыкина, бригада есаула Яковлева, дезертировавшая из 1-й конной. Эти силы численностью в 27 тысяч человек были подчинены Савинкову.

В Белоруссии, как и в случае с якобы мятежным генералом Желиговским в Литве, Польша поспешила действовать чужими руками. Поход в Полесье в октябре – ноябре 1920 года осуществлялся 14-тысячным отрядом Савинкова и Булак-Балаховича. Созданное ими правительство БНР во главе с Булак-Балаховичем просуществовало три недели и было разогнано 16-й армией Западного фронта. Еще 15 тысяч человек входили в три дивизии УНР, расквартированные в Каменец-Подольске и Проскурове, и это не считая нескольких отрядов атаманов, отказавшихся подчиняться Петлюре. Ленин 21 ноября сокрушался:

– Стремления польской буржуазной республики направлялись не только на Литву и Белоруссию, но и на Украину. Кроме того, ее толкает в этом же направлении старая вековая борьба Польши, которая в свое время была великой державой и которая сейчас противополагается великой державе – России[1892].

Зато Черчилль был доволен: «К концу 1920 года был образован “санитарный кордон” из живых национальных организаций, сильных и здоровых, который охраняет Европу от большевистской заразы; эти организации враждебны большевизму и застрахованы от заражения им благодаря своему опыту»[1893].

Стабилизируя фронт на западе, Москва основные военные усилия теперь обратила на юг. Попытка наступления Врангеля в сентябре 1920 года с целью соединения с армией Петлюры обернулась неудачей. Реввоенсовет образовал Южный фронт в составе 6-й и 13-й армий, 2-й Конармии, а с 23 октября и 1-й Конной. 27 сентября Фрунзе прибыл в штаб Южного фронта, который находился в Харькове.

Рассказывал главком: «ВИ уделял много внимания ликвидации этого участка, тем более что эта ликвидация происходила несколько необычно. Так, например, было включение частей Махно в общее командование Красной Армией, было вмешательство Лондона в виде предложения своего посредничества по переговорам с Врангелем, были и случаи совместных действий с нами зеленых организаций против

Врангеля. Ясно, что во всех таких случаях вопрос решался с ведома или непосредственно ВИ»[1894]. Ленин объяснял Московскому партактиву тактику взаимодействия с Махно:

– Вопрос о Махно обсуждался весьма серьезно в военных кругах, и выяснилось, что ничего, кроме выигрыша, здесь ожидать нельзя. Объясняется это тем, что элементы, группировавшиеся около Махно, уже испытали на себе режим Врангеля и то, что он им может дать, их не удовлетворило.

Ленин торопил и 1 октября возмущался в послании Троцкому: «Выходит, что наступление на Крым отложено до 27/X!!! Есть ли об этом решение РВСР??? Главком мне хвастал, что 10 (или 8) октября у него *все* будет готово для наступления. Значит, наврал?» 10 октября он разрешает Троцкому: «пойти на известный риск и взять некоторые части с Юго-Запфронта для быстрейшего и вернейшего уничтожения Врангеля»[1895].

Белые 13 октября вновь пытались атаковать – с помощью танкового удара по 51-й дивизии Василия Константиновича Блюхера, оборонявшей Каховский плацдарм. Но вновь без успеха. Как замечал Слащёв, «14 октября было разгромом войск Кутепова, самых боеспособных в то время частей Врангеля»[1896]. 15 октября Ленин вновь торопит:

– Врангелевский фронт – это есть тот же польский фронт, и вопрос о войне с Врангелем – есть вопрос о войне с Польшей, и для того, чтобы предварительный мир с Польшей превратить в мир окончательный, нам нужно раздавить в кратчайший срок Врангеля[1897].

Но у того и без Ленина силы были на исходе. «Как ничтожен маленький клочок свободной от красного ига русской земли по сравнению с необъятными пространствами залитой красной нечистью России… Редеют ежедневно наши ряды, раненые заполняют тыл. Лучшие опытные офицеры выбывают из строя, их заменить некем. Изнашивается оружие, иссякают боеприпасы, приходят в негодность технические средства борьбы. Без них мы бессильны»[1898].

Фрунзе 26 октября телеграфировал Ленину: «Сейчас отдал окончательный приказ об общем наступлении. В разгроме главных сил противника не сомневаюсь. Отойти за перешейки к моменту нашего удара он не успеет. На немедленный захват перешейков считаю не более одного шанса из ста»[1899]. Ленин в ответ: «Возмущаюсь Вашим оптимистическим тоном, когда Вы же сообщаете, что только один шанс из ста за успех в главной, давно поставленной задаче. Если дела так безобразно плохи, прошу обсудить архиспешные меры подвоза тяжелой артиллерии, постройки линий ее подвоза, доставки саперов и прочее»[1900].

28 октября на своей последней пресс-конференции для российских и иностранных журналистов Врангель заявил:

– Горсть раздетых, голодных, выбившихся из сил героев продолжает отстаивать последнюю пядь родной земли. Их силы подходят к концу…[1901]

В тот день Фрунзе бросил все армии Южного фронта в наступление. «Всего с обеих сторон в боях участвовало до 200 тысяч штыков и сабель. Наступление велось на фронте протяжением 350 километров»[1902]. К 3 ноября «только ядро врангелевской армии проскользнуло в Крым, все остальное или осталось на поле боя, или попало к нам»[1903], – писал Фрунзе. «Белые были загнаны за перешейки и расположились в окопах, оплетенных проволокой и расположенных прямолинейно один за другим в расстоянии 1–2 верст без всяких приспособлений для жилья, – фиксировал Слащёв. – Морозы наступили до 16 градусов… Что испытали эти несчастные, загнанные люди, не знавшие, за что дерутся, трудно описать»[1904].

Фрунзе решил идти в наступление сразу, не дожидаясь далеко отставшей тяжелой артиллерии. В ночь на 8 ноября части 15-й стрелковой дивизии вместе с махновцами обошли укрепления на Перекопском и Чонгарском перешейках по стылой и вязкой грязи Сиваша (Гнилого моря), броды в которых – при удачной розе ветров – подсказал местный житель. «Чтобы сделать броды проходимыми, дно Сиваша выкладывали лозой, досками, связанным в пучки камышом – всем, что можно было здесь найти… Было решено одновременно атаковать Турецкий вал с фронта (чтоб сковать главные силы обороняющихся) и Литовский полуостров – через Сиваш»[1905].

К вечеру 11 ноября красноармейцы преодолели укрепленные районы на севере Крыма, и врангелевские войска уже беспорядочно бежали. Фрунзе предъявляет Врангелю ультиматум: сдаться под обещание сохранить жизнь и даже разрешить желающим выезд за границу «при условии отказа на честном слове от дальнейшей борьбы против рабоче-крестьянской России и Советской власти»[1906]. 12 ноября возмущенный Ленин телеграфировал РВС Южфронта: «Только что узнал о Вашем предложении Врангелю сдаться. Крайне удивлен непомерной уступчивостью условий. Если противник примет их, то надо реально обеспечить взятие флота и невыпуск ни одного судна; если же противник не примет этих условий, то, по-моему, нельзя больше повторять их и нужно расправиться беспощадно»[1907].

Ленин зря беспокоился. Врангель ответил отказом и приказал войскам оторваться от противника и идти к портам – Севастополю, Ялте, Керчи, Феодосии, Евпатории, – куда был

направлен весь наличный флот для эвакуации как армии, так и мирного населения. «Эвакуация протекала в кошмарной обстановке беспорядка и паники. Врангель первый показал пример этому, переехал из своего дома в гостиницу Киста у самой Графской пристани, чтобы иметь возможность быстро сесть на пароход, что он скоро и сделал, начав крейсировать по портам под видом поверки эвакуации»[1908].

Последние суда покинули Крым на рассвете 15 ноября. Всего на судах эвакуировалось, по словам Врангеля, 145 тысяч человек, Буденного – 83 тысячи. В последний момент проявить заботу об их судьбе вызвалось лишь правительство Франции, да и то под залог пришедшего в ее порты российского флота. Но более 55 тысяч военнослужащих и большое количество гражданских лиц остались. Сколько из них выжило в последующие дни, установить уже невозможно. «Подавляющее большинство врангелевских солдат или погибли в бессмысленном бою, когда Врангель отверг ультиматум советского командования, или попали в плен»[1909].

В те ноябрьские дни решалась и судьба петлюровской Украинской Народной Республики. Армия УНР, вдохновляемая поляками, 8 ноября прорвала советский фронт в районе Могилева-Подольского и устремилась на восток – к Бердичеву и Виннице, 16 ноября взяла Каменец-Подольский. Однако под ударами 2-й кавалерийской отдельной бригады Котовского и 8-й кавалерийской дивизии Примакова в конце месяца Петлюра и его отряды бежали за Збруч и были интернированы в Польше. Всего с Петлюрой ушло до 40 тысяч человек.

Резко изменилась и судьба ставшего ненужным Москве Махно. 23 ноября командование Южного фронта приказало Махно влиться в ряды Красной Армии. Последовал отказ. 26 ноября его отряды были объявлены врагами республики, и началась война с махновцами на уничтожение. Махно метался на Украине. 26 августа 1921 года он перейдет Днестр и сдастся румынским властям.

Установят большевики свой контроль и на Севере. После мирного договора с Финляндией, заключенного в октябре, Советская власть восторжествовала в Мурманске, а затем на Кольском полуострове и вдоль Мурманской железной дороги.

Таким образом, к началу 1921 года западная граница России была зафиксирована пятью мирными договорами в невыгодном для нее варианте. Неурегулированной оставались границы Бессарабии и отношения с оккупировавшей ее Румынией. Принадлежность Молдовы Бухаресту в Москве не признают. Как и не признают весь сложившийся после Гражданской войны статус-кво. Ленин 26 ноября утверждал:

– Мировая революция еще не настала, но и нас еще не победили. Милитаризм разлагается, а мы крепнем, и крах потерпела она, а не мы[1910].

Не устраивал статус-кво и противников Москвы. С 15 по 23 ноября врангелевские суда прибывали на Босфор. На совещании, собранном Верховным комиссаром Франции на крейсере «Вальдек-Руссо», было решено сохранить за русскими войсками их военную организацию и $^1/_{20}$ часть наличного оружия[1911]. Военнослужащие были сведены Врангелем в три корпуса – 1-й армейский, Донской и Кубанский, которые стояли в лагерях Галлиполи, Чаталджи и Лемноса[1912]. Возникали и многие другие белоэмигрантские организации, тесно сотрудничавшие с западными правительствами и спецслужбами, которые воспринимались в Кремле как несущие непосредственную опасность. Ленин на VIII съезде Советов в декабре говорил:

– Мы прекрасно знаем, что остатки армии Врангеля не уничтожены, а спрятаны не очень далеко и находятся под опекой и под охраной и восстанавливаются при помощи капиталистических держав, что белогвардейские русские организации работают усиленно над тем, чтобы попытаться создать снова те или иные воинские части и вместе с силами, имеющимися у Врангеля, приготовить их в удобный момент для нового натиска на Россию[1913].

«1 января 1921 года застает нас, русских патриотов, в более бедственном положении, чем когда бы то ни было, – писал в тот день Савинков. – Но для каждого ясно, что борьба не окончена и что предстоит еще “последний и решительный бой”»[1914].

В феврале 1921 года Пилсудский поехал в Париж. Он мечтал подбить западных союзников на совместное нападение на Россию, но не обнаружил с их стороны большого энтузиазма. Зато был подписан договор о союзе между Польшей и Францией, ставший одной из несущих конструкций Версальского мироустройства. Продолжением этого договора стал польско-румынский союзный договор от 3 марта. Если учесть, что ранее Румыния вступила в военный союз с Чехословакией и Югославией, санитарный кордон вокруг России и Германии принял законченные формы.

В Риге 18 марта был подписан советско-польский мирный договор. Из 388 тысяч квадратных километров, которые составила вновь образованная Польша, 180 тысяч приходилось на отторгнутые земли, населенные украинцами, белорусами и литовцами. Вместе с евреями они составляли половину населения страны[1915]. Киссинджер подчеркивал: «Польша таким образом умудрилась обострить отношения с двумя своими историческими антагонистами: Германией, у которой она отобрала Верхнюю

Силезию и “польский коридор”, и Советским Союзом, у которого отхватила территорию к востоку от так называемой “линии Керзона”»[1916].

Этого Польше не простят ни Германия, ни СССР.

Восточная партия

В 1920 году у Ленина дошли руки до Закавказья. Сражения там не принято относить к классическим битвам Гражданской войны. Здесь ее элементы сочетались с вооруженным вмешательством Москвы в дела тех стран, которые она считала независимыми государствами, но не настолько, чтобы позволить им самим определить свою судьбу. Тем более что, если бы это не сделала Россия, их судьбу определили бы Антанта или Турция, имевшие в Закавказье серьезное военное присутствие.

Чичерин, вдохновленный успехами на переговорах с прибалтами, решил продолжить ту же линию в Закавказье. 2 января 1920 года он направил ноты в Тифлис и Баку с предложениями вступить в переговоры с РСФСР для заключения военного соглашения для борьбы с Деникиным. Такие соглашения означали бы признание Москвой независимости Грузии и Азербайджана. Однако последовал отказ, который был простимулирован тем обстоятельством, что 12 января Верховный совет Антанты признал три закавказские республики де-факто.

А 7 февраля, чтобы обезопасить свои тылы, деникинские Вооруженные силы Юга России также признали независимость трех закавказских республик. Ленин предупреждал: «Мы предлагали Грузии и Азербайджану заключить соглашения против Деникина. Они отказались, ссылаясь на то, что они не вмешиваются в дела других государств. Мы посмотрим, как будут смотреть на это рабочие и крестьяне Грузии и Азербайджана»[1917]. Ленин знал, о чем говорил.

По мере того, как сыпался белогвардейский фронт на Северном Кавказе, обострялась ситуация в Закавказье. Начались бои между армянскими и азербайджанскими войсками. В Грузии вспыхнули восстания, организованные Кавказским краевым комитетом РКП, – в Абхазии и Южной Осетии, в Горийском, Кутаисском, Озургетском, Душетском уездах. К началу марта они были подавлены[1918]. Зато большим успехом Москвы стало установление советской власти в Баку 28 апреля 1920 года.

Рассказывал Микоян, находившийся на бронепоезде «III Интернационал»: «Ночь на 27 апреля. Погода стояла теплая, тихая, ярко светила луна… Въехали на мост, подходим к азербайджанскому посту. Там ничего не понимают. “Что происходит?” – спрашивают. “Едем в Баку. Хотите, поедемте с нами”, – отвечаем им… Бронепоезд пошел вперед… Поезд наш шел с поднятым красным стягом… Ночью из Баку мне позвонил Камо и сообщил, что наши товарищи предложили

азербайджанскому правительству под угрозой восстания мирно сдать власть коммунистам. Те, видя боевое настроение бакинских рабочих, а также узнав о занятии Баладжар нашим бронепоездом и общем подходе частей Красной Армии, решили выполнить это требование… К 6 часам утра 28 апреля наш бронепоезд благополучно прибыл на Бакинский вокзал… В ночь на 29 апреля 1920 г. состоялось провозглашение Советской власти в Азербайджане во главе с временным правительством – Военно-революционным комитетом и его председателем Н. Нариманов. 30 апреля в Баку начали входить части 11-й армии»[1919].

Пятого мая Ленин приветствовал «освобождение трудовых масс независимой Азербайджанской республики»[1920]. 17–18 мая Волжско-Каспийская военная флотилия провела операцию, которая позволила вернуть РСФСР корабли, уведенные белыми и англичанами в иранский порт Энзели. 30 сентября в Москве был подписан договор о военно-экономическом союзе РСФСР и Советского Азербайджана, по которому страны объединяли военные организации и командования, хозяйственные, торговые и финансовые органы, железнодорожные и почтовые ведомства.

Армянский вопрос в середине 1920 года оказался в центре внимания всех держав. Но ни одна из западных стран не захотела взять мандат над Арменией. Шедшие летом в Москве советско-турецкие переговоры сильно насторожили и Азербайджан, и Армению, опасавшихся сделки Москвы с Анкарой за их счет и переживавших за спорные территории – Карабах, Нахичевань, Зангезур. Чичерин 21 июля так объяснял армянам принципы ленинской политики в Закавказье: оказание дружественного содействия армянскому народу – занятие спорных территорий частями Красной Армии, использование дружественных отношений с Турцией только для того, чтобы обеспечить армянам приобретение достаточной для своего развития территории.

Десятого августа – так совпало – в Эриване был подписан договор Москвы с дашнакским правительством о признании независимости Армении, а в Севре договор между странами Антанты и султанским правительством Стамбула, под которым подписались и дашнаки тоже. Державы заставили константинопольское правительство признать Армению. Турция должна была «передать на рассмотрение президента Соединенных Штатов Америки вопрос о границах между Турцией и Арменией… и согласиться на принятое им решение»[1921]. Пока же Армении передавались вилайеты Трабзон, Эрзерум, Ван и Битлис. Однако с этими условиями не согласился Кемаль-паша. Тем не менее дашнакское правительство решило форсировать занятие этих

вилайетов армянскими войсками, поверив обещаниям поддержки со стороны западных держав. Армянское наступление через четыре дня захлебнулось. Войска Кемаля 24 сентября перешли в контрнаступление.

Ленин бил тревогу по поводу того, что «турки стали наступать на Армению с целью захвата Батума, а потом, может быть, и Баку»[1922]. Турецкая армия захватила значительную часть Армении – Карс, Сарикамыш, Игдыр, Александрополь, продолжая политику геноцида»[1923], – писал будущий маршал Баграмян. Воспользовавшись слабостью соседа, Грузия захватила Ахалкалакский и Борчалинский уезды.

После этого разгрома Советская Россия осталась в глазах армян единственной надеждой и опорой. Дашнакское правительство запросило помощь Москвы. Ленин 12 октября внес в ПБ предложение: «1) согласиться с мнением ЦК КП(б) Армении и Кавбюро ЦК РКП(б) о необходимости решительных действий для установления Советской власти в Армении, 2) оказать ей политическую помощь для остановления дальнейшего продвижения турок, 3) поддержать новое, Советское правительство».

Для разрулирования закавказской ситуации в Баку был командирован Сталин. 26 октября он предупреждал о возможности сдачи Батума Антанте меньшевистским правительством Грузии. 29 октября Ленин наставлял Сталина: «Считаю несомненным, что Грузия отдаст Батум Антанте, вероятно, тайно, и что Антанта пойдет на Баку. Обдумайте и приготовьте спешно меры укрепления подступов к Баку с суши и с моря, подвоза тяжелой артиллерии и прочее». По мере того, как добивали Врангеля, у Москвы появились свободные вооруженные силы.

Ленин 13 ноября интересовался у Сталина: «Достаточны ли назначенные на Кавкфронт подкрепления? Считаете ли возможным мирное улаживание отношений с Грузией и Арменией и на какой основе? Затем, ведутся ли вполне серьезно работы по укреплению подходов к Баку? Прошу также сообщений о Турции и Персии кратко телеграммой, подробнее письмом»[1924]. 15 ноября Сталин запросил подкреплений для Кавказского фронта, чтобы защитить Баку от меньшевистской Грузии.

Меж тем грузинское правительство, как и предполагал Сталин, дало согласие на оккупацию Батума войсками Антанты. Чичерин 16 ноября шлет ноту представителю грузинского правительства Махарадзе и радиотелеграмму Керзону с резким протестом и обещанием тяжких последствий для агрессора. Сталин 23 ноября предупреждал: «Мы стоим перед новой

большой войною на юге Кавказа, организуемой Антантой при посредничестве Грузии и, может быть, при нейтрализации Турции в лучшем случае, а в худшем случае – при союзе Турции против нас и, прежде всего, против большевистского Азербайджана»[1925].

Ленин 27 ноября пишет проект постановления Политбюро, поражающее своей диалектикой: «Принять в отношении к Грузии, Армении, Турции и Персии максимально примирительную политику, т. е. направленную больше всего к тому, чтобы избежать войны. Не ставить своей задачей похода ни на Грузию, ни на Армению, ни на Персию. Главной задачей признать охрану Азербайджана и прочное овладение всем Каспморем. Для этого всемерно усилить и ускорить переброску не менее 7 дивизий в Азербайджан»[1926].

И тут же резкий асимметричный ход. «Трудящимися Дилижанского и Каравансарайского районов» было срочно создано советское правительство – Революционный комитет Армении. 29 ноября он обратился с просьбой о помощи к Москве. Та не заставила себя ждать – части 11-й Красной Армии вошли в Армению. Дашнакское правительство 2 декабря капитулировало, и в тот же день было подписано соглашение, по которому РСФСР признавала независимость Армении и брала на себя обязательства по защите ее населения. 4 декабря части Красной Армии и повстанческие отряды вошли в Ереван. Большевики объявили советской республикой то, что еще оставалось от Армении. Но антисоветские выступления дашнаков продолжались еще долго.

Сталин же разруливал ситуацию на Северном Кавказе. После разгрома Деникина, обеспечивавшего там относительный порядок, осенью 1920 года в Дагестан и Чечню вторгся отряд во главе с муфтием Гоцинским и внуком Шамиля – Саид-беком, состоявшим на французской службе. Мятеж был не самым масштабным, и Сталин без труда нашел пути его подавления. Он же предложил формулу территориального устройства региона. Отказавшись от идеи многонациональной Северо-Кавказской республики, Сталин предложил создать две автономии – Дагестанскую и Горскую (объединяющую чеченцев, ингушей, осетин, кабардинцев, балкарцев, карачаевцев), отделенную от казачьих районов рекой Терек[1927]. Ленин не возражал. Дагестанская и Горская АССР были образованы постановлениями ВЦИК от 20 января 1921 года.

На январском 1921 года пленуме ЦК РКП (б) встал вопрос о Грузии. Ее меньшевистское правительство обвиняли в том, что оно запретило транзит российских грузов через свою территорию, отказалось возвратить Москве зашедшие в грузинские порты

врангелевские корабли и поддержке контрреволюции на Кавказе. Ленин написал проект постановления пленума: «1) Поручить НКИД оттягивать разрыв с Грузией, систематически собирая точный материал по поводу нарушения ею договора и более настоятельно требуя пропуска припасов в Армению. 2) Запросить Кавфронт о том, насколько подготовлены наши наличные военные силы на случай немедленной или близкой войны с Грузией, и поручить формулировку этого вопроса, с указанием на крайнее обнагление Грузии, комиссии из тт. Троцкого, Чичерина и Сталина. 3) Дать директиву РВС Республики и Кавфронту готовиться на случай необходимости войны с Грузией».

В ночь на 12 февраля 1921 года грузинские большевики начали восстание. 14 февраля последовало указание Ленина: «Цека склонно разрешить 11-ой армии активную поддержку восстания в Грузии и занятие Тифлиса при соблюдении международных норм и при условии, что все члены РВС 11-ой после серьезного рассмотрения всех данных ручаются за успех». Красная Армия 25 февраля вошла в Тбилиси, где была провозглашена Советская Социалистическая Республика Грузия. Ленин 28 февраля весьма замысловато объяснял:

– Столкновение Армении и Грузии не могло не волновать нас, и эти события привели к тому, что армяно-грузинская война перешла в восстание, в котором участвовала и некоторая часть русских войск. И кончилось это тем, что замысел против нас… повернулся против них и повернулся так, что в Тифлисе, по последним сведениям, которые еще не проверены, оказалась Советская власть.

Протесты против оккупации Москвой независимой Грузии выразили все западные страны. Ленин не сильно переживал и писал Орджоникидзе 18 апреля: «За границей ведется бешеная агитация против РСФСР в связи с советизацией Грузии, особенно Мартовым, Церетели и другими. Необходимо, чтобы Грузинский ревком открыл серьезную контрагитацию…»[1928]

Второй конгресс Коминтерна открыл страницу широкой восточной политики Ленина – в дальнем зарубежье.

Еще в конце декабря 1917 года Ленин и Сталин обратились «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» с заявлением о том, то мусульмане имеют право быть хозяевами в своих странах, «устроить свою жизнь по образу своему и подобию»[1929]. Однако помимо узких групп левых радикалов никто на Востоке не спешил встать под большевистские знамена. Интеллигенция, где она была, придерживалась националистических взглядов. Ленин стал воспринимать

революцию на Востоке не столько как борьбу «революционных пролетариев в каждой стране против своей буржуазии», сколько как борьбу «всех угнетенных империалистами колоний и стран, всех зависимых стран против международного империализма»[1930].

Страны Востока поначалу были вдохновлены принципами Вильсона, который вслед за Лениным также заявил о праве на самоопределение малых наций. Однако скоро стало понятно, что этот принцип в вильсонизме касался только европейских народов. Уже в 1919 году британцы жестоко подавили движения протеста в Пенджабе, Афганистане и Египте, не встретив ни малейших возражений со стороны США. Мао Цзэдун, Джавахарлал Неру, Хо Ши Мин и другие националисты в Азии убедились в том, что «империя возвращается»[1931]. Еще ниже звезда вильсонизма опустилась в глазах азиатов в ходе Версальской конференции. Япония – единственная представленная в Версале небелая и нехристианская страна – внесла предложение включить в число принципов создававшейся Лиги Наций «расовое равенство». Вильсон эту идею блокировал (в самих США нормой была сегрегация)[1932].

В этих условиях симпатии восточных националистов стали склоняться в сторону страны, провозгласившей принцип равенства всех народов, антиколониализма и пролетарского интернационализма – Советской России. Среди 21 условия приема в Коминтерн была обязанность партий «беспощадно разоблачать проделки своих империалистов в колониях, поддерживать не на словах, а на деле всякое освободительное движение в колониях, требовать изгнания своих отечественных империалистов из этих колоний». Ленин на Втором конгрессе Коминтерна утверждал:

– Всемирный империализм должен пасть, когда революционный натиск эксплуатируемых и угнетенных рабочих внутри каждой страны… соединится с революционным натиском сотен миллионов человечества, которое до сих пор стояло вне истории[1933].

В сентябре 1920 года было устроено грандиозное по тем временам мероприятие – съезд народов Востока, куда прибыли представители Турции, Ирака, Ирана, Аравии, Сирии, Палестины. Событие до предела впечатлило увидевшего о нем фильм Герберта Уэллса: «В Баку был созван съезд – ошеломляющий калейдоскоп людей с белой, черной, желтой и коричневой кожей, азиатских одежд и необыкновенного оружия… Были вырыты и вновь торжественно похоронены остатки 13 человек, расстрелянных без суда “строителями британской империи”, и

сожжены чучела г-на Ллойд Джорджа, г-на Мильерана и президента Вильсона… Этот фильм следует демонстрировать с осторожностью и только совершеннолетним»[1934]. Манифест съезда был обращен в основном против британского империализма: «Не пожрать вам, собакам, народов Востока, не обратить вам, жалкой кучке угнетателей, в вековое рабство сотни миллионов восточных крестьян и рабочих! Слишком большой кусок вы захватили, не по зубам вам окажется он, и этим куском вы подавитесь!»[1935] Коминтерн развернул работу по подъему сил национального освобождения. В Москве будут учиться многие будущие лидеры революционного движения Азии и Африки.

Но в ленинской политике страны Востока выступали не только как объекты для деятельности Коминтерна, но как важные – для России – субъекты международных отношений. В результате Первой мировой войны исчезло крупнейшее исламское государство – Оттоманская империя. На ее обломках возникла Турция, а арабоязычная часть империи полностью оказалась под британским и французским контролем. Лишь четыре исламских государства остались относительно независимыми от той или иной формы внешнего правления – Турция, Саудовская Аравия, Иран и Афганистан[1936].

Как интернационалисты, Ленин и его соратники были равнодушны к огромным жертвам России в ее вековых усилиях по водружению Креста над Константинополем. Проливы тоже были не нужны. В Стамбуле «под угрозой пушек союзнических флотов заседало кукольное турецкое правительство». У власти были иттиляфисты – лидеры либеральной группировки «Хюрриет ве иттиляф» (Свобода и согласие). Прежняя турецкая армия безропотно разоружалась перед британскими военнослужащими. Вновь подняться на борьбу турок сподвигли греки, поддержанные Западом. 15 мая 1919 года «двадцать тысяч греческих солдат, под прикрытием судовых батарей, высадились в Смирне, убили множество турок, заняли город, быстро двинулись по Смирно-Айдинской железной дороге; они вступили в ожесточенный бой с турецкими регулярными и иррегулярными войсками и с турецким населением в Айдине и водрузили в Малой Азии знамя победы новых завоевателей».

Когда турки осознали, что должны подчиняться Греции, «этому ненавистному и искони презираемому врагу, той самой Греции, которая в глазах турок была лишь восставшей провинцией и к тому же неоднократно разбитым противником, с этого момента Турция вышла из повиновения»[1937]. Возникло движение сопротивления выполнению тех условий, под которым подписалось султанское правительство. Оппозицию возглавил

герой войны генерал Гази Мустафа Кемаль-паша, позднее получивший звание Ататюрка – отца турок. На его стороне оказались и остатки турецкой армии.

Ататюрк начал военные действия против Антанты. Ленин увидел в этом весьма положительный факт создания антиимпериалистического фронта на Востоке.

Вновь избранный меджлис, где большинство получили кемалисты, 12 января 1920 года принял Национальный обет – декларацию независимости и территориальной целостности Турции. 16 марта Стамбул был занят британскими, французскими и итальянскими войсками, которые разогнали меджлис и правительство. Но в конце апреля большинство его депутатов собрались в Анкаре и объявили себя Великим Национальным собранием Турции. Председателем был избран Кемаль. У него выбор невелик: «Мы должны либо договориться с правительством Стамбула, либо вступить в контакт с большевиками с целью координации военных операций и получения новых ресурсов»[1938]. 26 апреля он направил Ленину предложение об установлении дипломатических отношений и «общей борьбе против империализма». Кемалю нужны пять миллионов фунтов золотом «авансом», оружие, боеприпасы, продовольствие и медикаменты[1939].

В Москву прибыл посланец Кемаля Халил. Чичерин после переговоров с ним предлагал Ленину: «Мы не должны увлечься слишком широкими перспективами и начать авантюры, превышая свои силы, но с этой оговоркой я все же должен сказать, что сближение с Турецким Национальным Центром может привести к громадному усилению нашей политики на Востоке». Ленин согласился с доводами Наркоминдела[1940].

В мае стали известны крайне унизительные для Турции условия Севрского трактата. Оттоманская империя исчезала. Она теряла Сирию, Ливан, Месопотамию (Ирак), которые передавались под мандатное управление Великобритании и Франции. Турция отказывалась от прав в Судане и Египте, признавала независимость королевства Хиждаз (будущей Саудовской Аравии), аннексию англичанами Кипра, протекторат Франции над Марокко и Тунисом. Проливы ставились под международный контроль. Значительную часть европейской территории Турции и Смирну в Малой Азии получала Греция. Султан признал Севрский трактат, который оказался столь же хрупок, как тот севрский фарфор, который производился на фабрике, где договор был подписан. Для Турции он был равнозначен утрате независимости. Интересам же Советской России противоречил устанавливавшийся им режим

черноморских проливов, разрешавших проход через них иностранных военных кораблей[1941].

Кемалисты пошли в наступление на Стамбул. «Британским отрядам было приказано открыть огонь, флот, стоявший в Мраморном море, засыпал нападавших снарядами, и кемалистские отряды отступили»[1942]. Греческая армия прошла по Западной Анатолии, взяла Бурсу и оккупировала Фракию. Наступление встретило отпор со стороны кемалевцев, но греки были сильнее.

Третьего июня Москва подтвердила готовность поставить Анкаре оружие, боеприпасы и золото. В середине июля эмиссары Кемаля – глава его МИДа Бекир Сами и министр экономики Юсуф Кемаль – переодевшись в миссионеров Красного Креста, добрались до Москвы. В течение месяца Чичерин вел переговоры, добиваясь, прежде всего, расширения жизненного пространства для армян. Договориться не удалось[1943].

Тем не менее в августе красноармейцы и кемалевские конники братались в районе Нахичевани. «Красное солнце начинает подниматься в своем великолепии и величии, озаряя ручьи и покрытые туманом горы Анатолии», – звучали приветствия турецких военных, нацепивших красные галстуки и красные банты на шапки. На Конгрессе народов Востока Зиновьев утверждал:

– Будущее Турции принадлежит ей. Мы готовы помочь всем революционерам, кто выступает против английского правительства.

Начались новые переговоры. Москва выдвигает требование создания в Турции компартии. Кемаль решает, что «наиболее разумным и простым шагом было позволить создать турецкую компартию внутри страны с помощью надежных друзей». Так и произойдет. А настоящие лидеры турецких коммунистов во главе с Мустафой Субхи неожиданно все утонут в Черном море вблизи Трабзона[1944].

В декабре 1920 года была утверждена директива ПБ по турецкому вопросу: «Не верить кемалистам на слово… все усилия направить на усиление советской агитации в армии Кемаля и подготовку советского движения в Турции, пока оружия не выдавать туркам»[1945]. Ленин утверждал: «Наверху в Турции стоят кадеты, октябристы, националисты, которые готовы продать нас Антанте. Но это крайне трудно сделать, потому что турецкий народ возмущен бешеным угнетением со стороны Антанты, и симпатии к Советской России растут тем больше, чем больше мы помогаем независимой Азербайджанской республике вести правильное освобождение мусульманских крестьян»[1946].

В феврале 1921 года в Москву приехала турецкая делегация. И как раз в эти дни меньшевистское правительство Грузии заключило тайное соглашение с турецким правительством, по которому Батум с округом переходил к Турции. Это сразу поставило переговоры на грань срыва. К тому же стало известно, что параллельно турки вели переговоры с Антантой. Ленин бросил на переговоры Сталина. Согласие было достигнуто ценой территориальных уступок со стороны Москвы. 16 марта был подписан Советско-турецкий договор о дружбе и братстве. Турция отказывалась от притязаний на Батум, согласившись с формулой его автономии в составе Советской Грузии и права на свободный транзит через него турецких товаров. Советское правительство заявило о непризнании им международных актов, касающихся Турции, не признанных ее правительством Великого национального собрания, прежде всего, – Севрского договора.

Традиционно соперничавшая с Турцией Персия во время Первой мировой войны была поделена на сферы влияния между Россией и Британией. После вывода наших войск весной 1918 года Британия установила контроль над всем Ираном и навязала соглашение, по которому англичане контролировали там армию, финансы, нефть[1947]. Это вызвало националистические выступления, подпитываемые из Азербайджана. «Политической целью являлось уменьшение влияния Великобритании на Среднем Востоке путем создания Персидской Советской Республики. Задача реализовывалась с помощью местных партизанских формирований и специальных частей Красной Армии, сформированной из мусульман Кавказа». Политическое руководство операцией осуществляли члены Кавказского бюро ЦК РКП(б) Орджоникидзе, Мдивани, Микоян. Специальными боевыми операциями руководил реабилитированный Блюмкин[1948].

С помощью красноармейцев 4 июля 1920 года возникла Советская республика Гиляна. Затем появилась Персидская компартия, делегировавшая две сотни своих представителей на бакинский съезд народов Востока. Подготовленные по поручению Ленина «подробные тезисы о политике РКП и ИКП» предусматривали: «1. Боевой задачей дня в Персии является прежде всего изгнание англичан и свержение Тегеранского правительства шаха»[1949]. Советские войска из Гиляна предприняли наступление на Тегеран. Их остановила персидская казачья дивизия, сформированная, в основном, из белых офицеров. В этой дивизии служил и персидский офицер по имени Реза[1950].

В феврале 1921 года он осуществил государственный

переворот, известный как «переворот третьего хута». В новом правительстве во главе с Сеидом Зия-эд-Дином стал военным министром. Вскоре Реза объявит себя шахом. Его правительство аннулировало англо-иранское соглашение 1919 года. И уже 26 февраля согласилось подписать договор с РСФСР. Москва отказывалась от всех трактатов, ранее подписанных с Персией и ущемлявших ее права. Статья 6-я договора в то же время предусматривала: если территория Персии будет использоваться третьими странами для военных выступлений против России, «Советское правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы в интересах самообороны принять необходимые военные меры»[1951].

Советизация Персии была остановлена после записки Чичерина, который 23 июля просил Ленина «чтобы русско-персидский договор и директивы ЦК и НКИД о персидской политике ни в коем случае не нарушались никакими советскими учреждениями и должностными лицами и партийными организациями. Только что из Политупра мне переслали телеграмму из Ташкента о том, что туда прибыл из Баку представитель особой персидской бригады для набора персов коммунистов для пополнения бригады со специальным назначением». Ленин на записке написал: «Я за предложение Чичерина»[1952].

Соседний с Персией Афганистан советизировать даже не пытались. Там вспыхнуло национальное движение младоафганцев. Именно на него сделал ставку пришедший к власти в феврале 1919 года Аманулла-хан. «В поисках поддержки против англичан, от которых он в том же году добился признания полной независимости страны, Аманулла апеллировал к Советской России»[1953]. Москва первой в мире признала суверенитет Афганистана и объявила о готовности немедленно обменяться посольствами [1954].

Послание Ленина королю Афганистана Аманулле-Ханху от 27 мая гласило: «Получив первое послание от имени свободной самостоятельной афганской нации с приветом русскому народу и извещением о вступлении Вашего Величества на престол, спешим от имени Рабоче-Крестьянского правительства и всего русского народа принести ответный привет независимому афганскому народу, героически отстаивающему свою свободу от иностранных поработителей… Стремление афганского народа последовать русскому примеру да будет лучшей гарантией крепости и независимости Афганского государства»[1955]. Особенно пикантным в поздравлении королю было пожелание его соотечественникам последовать примеру России, где монарха

казнили со всей семьей.

Британия попыталась путем очередной, третьей по счету, войны вернуть контроль над Афганистаном, но ее армия потерпела неудачу. По Равалпиндскому договору Англия предварительно признавала независимость Афганистана[1956]. Ленин направил еще одно письмо афганскому эмиру 27 ноября 1919 года: «В настоящее время цветущий Афганистан является единственным в мире независимым мусульманским государством, и судьба посылает афганскому народу великую историческую задачу объединить вокруг себя все порабощенные мусульманские народы и вести их на путь свободы и независимости». Ленин поручил «своему посольству в Афганистане вступить в переговоры с правительством афганского народа для заключения торговых и иных дружественных договоров»[1957]. Советско-афганский договор о дружбе был заключен 28 февраля 1921 года. Ленин поздравлял Аманулла-хана с этим событием: «Высокое Афганское государство было одним из первых государств, представителей которого мы с радостью встретили в Москве, и мы счастливы отметить, что первый договор о дружбе, который заключил афганский народ, был договор с Россией»[1958].

В Китае после свержения в 1912 году династии Цин центральная власть рухнула. Как не раз бывало в кризисные периоды в истории Китая, на первый план вышли военные, и период с 1916 по 1928 год получил название «эры милитаристов», когда «власть в Пекине самым запутанным образом переходила от одних к следующим политикам и милитаристам»[1959]. Республика утверждалась в противоборстве республиканского Юга и милитаристского Севера. Временный парламент на севере то разгоняли, то собирали вновь. На юге создателя партии Гоминьдан Сунь Ятсена то избирали президентом, то он вновь терял этот пост по воле милитаристов.

Китай в Версале рассчитывал получить назад Циндао, выпавшее из рук Германии. Вместо него Китаю вернули похищенные немцами древние астрономические инструменты. Члены китайской делегации отказались поставить свои подписи под Версальским договором. В стране вспыхнули массовые волнения. В апреле 1921 года сессия парламента, заседавшая в Гуаньчжоу, избрала Сунь Ятсена президентом, власть которого теоретически распространялась на всю Китайскую Республику[1960].

Сунь Ятсен в поисках союзников выдвинул идею «большого восточного союза», который объединил бы усилия республиканского Китая, императорской Японии и Советской

России. 6 ноября 1921 года Чичерин писал Ленину: «Посылаю Вам для ознакомления письмо Сун Ятсена, заключающее в себе, между прочим, привет Вам. Он называет Вас своим другом. Знакомы ли Вы с ним лично? Предполагается, что мы вступим с Кантонским правительством в сношения после того, как будем иметь представительство в Пекине». Ленин отвечал: «Не знаком. Никогда даже не писали друг другу ни слова. По-моему, надо всячески быть любезным, писать регулярнее и постараться секретно поселить нашего человека в Кантоне»[1961].

В 1923 году Кантон примет советскую миссию. А молодой китайский военный, получивший образование в Японии, отправится в Москву на стажировку в Красную Армию. Его звали Цзян Цзеши (на кантонском диалекте – Чан Кайши), он был шурином Сунь Ятсена»[1962].

Установив связь с Гоминьданом, Ленин форсировал и создание компартии Китая. В апреле 1920 года Коминтерн направил туда своего представителя, Григория Войтинского. Местом создания КПК стал Шанхай, а лидером новой партии – по предложению Войтинского – профессор Чэнь Дусю[1963]. Его молодым соратником, который поможет в создании партии, станет Мао Цзэдун. I съезд КПК прошел в комнате одного из общежитий Шанхая 23 июля 1921 года. На нем присутствовало 15 человек – журналисты, студенты или учителя. Вели заседания съезда российский разведчик Никольский (Василий Берг из Дальневосточного секретариата ИККИ) и голландец Маринг (Снефлит, член Исполкома Коминтерна).

На II съезде в 1922 году был принят устав партии и одобрено решение о присоединении к Коминтерну. Основная финансовая подпитка шла из СССР, который помог также китайским революционерам сформировать свои вооруженные силы.

Монголия, до китайской революции 1911 года входившая в состав империи Поднебесья, решила с республиканским Китаем расстаться, надеясь получить поддержку в этом со стороны Российской империи. Но Николаю II было не до Монголии, и ее заняли китайские войска. Но затем в игру вступил решительно воевавший с большевиками в Восточной Сибири барон Унгерн фон Штернберг, обуреваемый идеями воссоздания империи Чингизидов, которая противостояла бы и мировой революции, и Западу. Именно Унгерн с боями изгнал китайцев из Монголии.

Но в июле 1921 года туда вступили части Красной Армии, объединившие усилия с местными революционерами во главе с Сухэ-Батором для разгрома Унгерна. Монголия – монархия, возглавляемая верховным иерархом ламаистской церкви Богдо-ханом, – оказалась в российской орбите влияния. В ноябре 1921

года у Ленина была монгольская делегация во главе с Председателем ЦК Монгольской народно-революционной партии и министром финансов Данзаном и главкомом армии и министром обороны Сухэ-Батором. Ленин объяснил им, что «единственно правильным путем для всякого трудящегося вашей страны является борьба за государственную и хозяйственную независимость в союзе с рабочими и крестьянами Советской России»[1964].

Строить социализм там было не с руки и ненаучно: совсем не было пролетариата, зато треть населения числилась в ламах, приписанных к восьмистам монастырям. Поэтому ставшая официально после смерти Богдо-хана и провозглашения народной республики в 1924 году правящей Монгольская народно-революционная партия с согласия Москвы заявила о курсе на некапиталистический путь развития.

Сложнее Москве было действовать в Индии, остававшейся в британской колониальной власти. Вместе с тем, российская революция 1917 года была с энтузиазмом воспринята индийскими революционерами. Некоторые из них даже поехали в Москву перенимать опыт. В начале 1920-х возникла и своя компартия. Но все же радикальная революционная струя в освободительном движении не стала основной. Общинно-кастовая организация отторгала идеи восстания и насильственного свержения существующего строя: это могло ухудшить карму и сильно повредить при последующих перерождениях. Идеи ненасильственного протеста, которые отстаивал Махатма Ганди, были более органичны.

Индийцы, активно воевавшие в рядах британской армии в годы Первой мировой войны, чувствовали себя обманутыми. «Англичане неискренне обещали ввести прогрессивное самоуправление в Индии к концу войны. Пожалуй, если бы они сдержали обещание, жертвы индийских солдат Первой мировой войны могли бы рассматриваться на их родине как вклад в свободу Индии. Но британцы нарушили свое слово»[1965]. Не был дан даже статус доминиона, которым обладали все крупные «белые» колониальные владения Англии.

Ганди объявил первую общенациональную сатьяграху. В Амритсаре, священном городе сикхов, бригадный генерал Реджинальд Дайер расстрелял толпу, собравшуюся отмечать традиционный праздник весны, за что был удостоен почетной позолоченной шпаги. «В тот апрельский день в Амритсаре все усилия военных лет, все надежды на мирное сотрудничество Британии и Индии были развеяны в прах»[1966]. В знак протеста Ганди призвал провести общенациональные акции гражданского

неповиновения, которые не прекращались в 1920–1922 годах. Бойкотировали все английское – товары, учебные заведения, суды, администрацию.

После успехов Красной Армии в Средней Азии в большевистском руководстве в порядке вещей стали рассуждения о возможности похода в Индию для нанесения удара по британскому империализму. На митинге взятых в плен колчаковцев, в основном казаков, в Оренбурге осенью 1919 года Фрунзе говорил:

– Вас, казаков, дураков, бросили в эти голодные степи, чтобы вашим потом, вашей кровью защищать, прикрывать английскую Индию. Теперь вы знаете, что путь в Ташкент уже открыт, и, может быть, то, что не удалось Петру Великому и другим императорам России – их мечта о приближении к Индии, может быть, это удастся нам – измученной трудовой России. Мы взорвем английский капитал в Индии[1967].

Но индийский поход был отложен до лучших времен. 3 августа 1920 года Ленин писал Чичерину: «(1) т. Р о й (индийский революционер, член конгресса) хотел бы повидать Вас. Просит помощи для Индии. Я говорю ему: теперь не можем (оружием). Подождите конца войны с Польшей и Врангелем. Обласкать и поддержать надо»[1968]. Поход в Индию так и не состоялся.

15 декабря 1920 года в «Правде» было опубликовано извещение: «Вследствие прекращения боевых действий на фронтах, Полевой штаб Реввоенсовета республики приостанавливает выпуск ежедневных оперативных сводок». Сполохи Гражданской еще вспыхивали, но, по большому счету, война заканчивалась. Большевики – при всех потерях – смогли отстоять свою власть.

Почему? Ряд факторов носил почти объективный характер. Сам по себе контроль над столицей и центральной частью страны давал большевикам заметные преимущества: возможность перебрасывать войска с одного фронта на другой, чего белые были лишены; доступ к большим человеческим ресурсам. Положение Красной Армии было тем более выигрышным, что на контролируемой ею территории находилась основная часть оборонных предприятий России, а также запасов военного снаряжения старой царской армии.

У большевиков было волевое политическое руководство во главе с Лениным, обеспечивавшее относительно согласованное командование вооруженными силами и способное вырабатывать и порой даже реализовывать стратегические планы. Белые же армии были разобщены, их разделяли огромные расстояния,

между ними не было коммуникаций. Колчак и Деникин не были даже лично знакомы.

Безусловно, в обеспечении единства воли и действия красных сил большую роль сыграл террор, заградительные отряды. Однако большевики предложили не только страх, пропаганду и надежду, но и что-то реальное, прежде всего – землю. Из двух зол крестьяне чаще выбирали (если выбирали) то, которое дало землю, а не то, которое могло забрать. Открывались карьерные возможности для слоев, ранее не смевших об этом даже мечтать. В годы Гражданской войны начинавшая формироваться вокруг большевистской власти новая номенклатурная прослойка превысила 3 млн человек. По масштабам России – не много, но в стране, где почти не осталось никаких форм организованной жизни, эти сознательно подчинявшиеся партдисциплине люди представляли очень серьезную силу.

Еще одно важное отличие противоборствовавших сторон заключалось в том, что белыми руководили генералы, а красными – политики. Маршалу Фошу приписывается выражение: «Лучше правительство без армии, чем армия без правительства». Белое движение было армией, которая одновременно пыталась выполнять функции правительства, но делала это очень плохо. Тем более, что правительств по факту оказалось много и они так и не смогли договориться между собой даже о координации действий. Среди руководителей Белого движения были и монархисты, и республиканцы, и сторонники Антанты, и германофилы; и почитатели Керенского, и его ненавистники; и либералы, и консерваторы.

Белым не удалось установить контакт со страной. Даже с использованием таких же мер террора белые генералы оказались неспособны обеспечить порядок в своих войсках, которые поражали наблюдателей отсутствием дисциплины, всепоглощающей коррупцией, склонностью к мародерству и погромам.

К свержению большевиков Запад приложил немалые усилия, но явно недостаточные для решения этой задачи. «В союзных странах, особенно среди имущих классов, давала себя чувствовать неукротимая ненависть, порожденная неподдельным страхом перед большевизмом, – откровенничал Ллойд Джордж. – Но только немногие – очень немногие в этих странах были готовы начать новую войну, даже для того, чтобы подавить ненавистное им учение. Организованные рабочие с определенной симпатией реагировали на приход к власти пролетариата в России и страстно желали перемен повсюду, особенно смены господствующего класса. Эти настроения, усугубляемые

искренним отвращением ко всякой новой власти, были настолько сильны, что, если бы мы приостановили демобилизацию и начали переброску войск из Франции в Одессу или Архангельск, вспыхнул бы мятеж»[1969]. На руку Москве были разногласия самих западных стран. «Большие державы Антанты не могут объединиться для борьбы с Советской властью, так как слишком враждуют друг с другом»[1970], – радовался Ленин.

Вмешательство извне вызвало хорошо знакомый россиянам синдром: «Наших бьют!» Большевики стали восприниматься как национальная сила, особенно на фоне немедленного признания Западом закавказских республик и балтийских государств, польских захватов Украины, Белоруссии и Литвы.

«Тех чужеземных войск, какие вошли в Россию, было вполне достаточно, чтобы навлечь на союзников все те упреки, какие обычно предъявляют к интервенции, но недостаточно для того, чтобы сокрушить хрупкое здание советского режима»[1971], – писал Черчилль. Действовал и фактор разложения сил интервентов на российской земле. Как замечал Ленин, «путем агитации и пропаганды мы отняли у Антанты ее собственные войска. Мы победили империалистов не только при помощи наших солдат, но и опираясь на сочувствие к нам их собственных солдат»[1972].

Революция, гражданская война и интервенция имели очень серьезные долговременные последствия для страны, характера ее государственности и модуса отношений с остальным миром.

Война была главным занятием партии в первые годы существования Советской власти. Она привела к милитаризации большевизма как учения, партийных структур, правоохранительных органов, бюрократии и менталитета лидеров, начальный опыт государственного управления которых приучал мыслить категориями военных операций.

«Милитаризм породил свой неизбежный результат – суровый диктаторский дух: люди, стоящие у власти, делают свою повседневную работу с сознанием, что у них под командой трехмиллионная армия и что гражданская оппозиция их воле может быть легко сломлена, – делился впечатлениями от посещения России Бертран Рассел. – Из всего этого возникла система, неприятно напоминающая прежнее царское правительство, – система, являющаяся азиатской по своей централизованной бюрократии, секретной службе, атмосфере правительственного таинства и покорности террору»[1973].

У большевиков развился «синдром гражданской войны» – стремление любой ценой избежать повторения кошмара гражданской войны – сочетания внешней интервенции великих держав с мощной внутренней контрреволюцией. Производной от

этого синдрома был другой синдром – «осажденной крепости» в море враждебных капиталистических сил.

Все это наложило неизгладимый отпечаток и на все здание Советской России, которое возводил Ленин.

Глава 9
Дом, который построил Ленин

Он
в черепе
сотней губерний ворочал,
людей
носил
до миллиардов полутора.

Государство диктатуры пролетариата

И все: тот Советский Союз, который был формой существования России на протяжении большей части XX века; тот советский народ, который заявлял себя новой исторической общностью и надеждой всего прогрессивного человечества; та страна, где жили наши прадеды, деды, отцы, мы сами, – все это было, так или иначе, воплощением мыслей и действий Ленина.

Архитектурный замысел самого Ленина изначально не был стройным, а затем претерпевал конъюнктурные изменения. Появлялись пристройки, боковушки, надстройки. Конструкция не была, мягко говоря, совершенной. Но это был дом, который построил Ленин.

Несущей конструкцией ленинского государства выступала партия. Одна. «Диктатуру осуществляет организованный в Советы пролетариат, которым руководит коммунистической партией большевиков»[1974], – объяснял Ленин. Во главе с ним – вождем мирового пролетариата.

Значительный русский философ Борис Петрович Вышеславцев утверждал: «Свою структуру компартии Ленин сознательно основал на основе ведущего отбора, на законе революционного меньшинства, управляющего массами»[1975]. Партия была под стать вождю. Их было немного. Но никто другой не располагал большей организованностью и готовностью к самопожертвованию. «Их нервы крепки, – писал в эмиграции «сменовеховец» Николай Устрялов. – Нет прекраснодушия; вместо него здоровая суровость примитива. Нет нашей старой расхлябанности; ее съела дисциплина, проникшая в плоть и кровь. Нет гамлетизма; есть вера в свой путь и упрямая решимость идти по нему»[1976]. Бертран Рассел находил у большевистской верхушки черты сходства с воспитанниками британских привилегированных школ: «У тех и других налицо хорошие и плохие черты молодой и жизнеспособной аристократии. Они мужественны, энергичны, способны властвовать… склонны к диктаторству, и им недостает обычной снисходительности к плебсу»[1977].

Виктор Серж, много общавшийся с большевистской верхушкой, так объяснял «психоз абсолютной власти» большинства руководителей партии: «Он происходил из комплекса неполноценности еще недавно эксплуатируемых, порабощенных, униженных; из самодержавных традиций, невольно проявлявшихся на каждом шагу; из подсознательной озлобленности бывших каторжников и тех, кто избежал виселиц и

тюрем империи; из атрофии нормальных человеческих чувств, вызванной мировой и гражданской войнами; из страха и решимости сражаться до конца. Эти настроения были усилены жестокостями белого террора»[1978].

Зиновьев называл Ленина «апостолом мирового коммунизма», «апостолом божьей милостью». В советских изданиях уже в 1918 году были публикации, намекавшие на Ленина как на нового Спасителя. Началось создание культа, который понадобился как для усиления легитимации режима, так и в силу специфики партии, которая все больше становилась похожей на квазирелигиозный орден. Как не вспомнить слова из «Коммунистического манифеста» о том, что «нет ничего легче, как придать христианскому аскетизму социалистический оттенок»[1979].

Такой характер партии имел несколько важных следствий. Во-первых, ленинизм у власти неизбежно должен был стать государственной религией (что было плохо, прежде всего, для Русской православной церкви). В официальную идеологию-религию превратился русифицированный марксизм, – со своими пророками, Спасителем, апостолами, мучениками, иерархией служителей культа, дьяволом (в лице классовых врагов и мирового капитализма), сакральными текстами и обрядами (съезды и партсобрания).

Во-вторых, религия не могла существовать без верховного божества или, на худой конец, без его наместника на земле. Персонализация политики требовала от вождя бессмертия, если не в буквальном, то, по крайней мере, в переносном смысле. Лозунг «Ленин – живее всех живых», который столько десятилетий вдохновлял на свершения советский народ, выражал самую суть правления.

В-третьих, шло постоянное закостенение учения, сужение рамок познания и вариантов действия. Подлинный коммунист, замечал Бертран Рассел, «это человек, который разделяет целую систему определенных догматических верований, вроде философского материализма, которые, может быть, и истинны, но не носят научного характера (нет таких способов, которые позволили бы установить их истинность с определенностью)»[1980]. Подобный догматизм мировоззрения большевиков приводил к идеологической нетерпимости.

Эта нетерпимость, в-четвертых, в свою очередь, оказывалась источником огромного количества расколов и ересей. Партия постоянно, особенно на первых порах, разрывалась в острейшей межфракционной борьбе вокруг не столько проблем реальной политики, сколько догматов учения. Французский философ

Альбер Камю как-то замечал, что «церковь была сурова к еретикам только потому, что видела своего наизлейшего врага в блудном сыне»[1981]. Борьба с ересями и заблудшими сыновьями велась в компартии действительно с особым ожесточением и соответствующими методами.

И партийная иерархия смахивала на церковную. «Партией, собирающей ежегодные съезды (последний: 1 делегат от 1000 членов), руководит выбранный на съезде Центральный комитет из 19 человек, причем текущую работу в Москве приходится вести еще более узким коллегиям, именно так называемым “Оргбюро” (Организационному бюро) и “Политбюро” (Политическому бюро), которые избираются на пленарных заседаниях Цека в составе пяти членов Цека в каждое бюро. Выходит, следовательно, самая настоящая “олигархия”. Ни один важный политический или организационный вопрос не решается ни одним государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний Цека партии»[1982].

Функции ее высших партийных органов были определены весьма расплывчато. Политбюро по идее должно было решать вопросы политической важности, Оргбюро – организационные, а Секретариат – рассматривать менее важные и готовить заседания Оргбюро и Политбюро. Но в то же время всякое решение Секретариата, если оно не опротестовывалось никем из членов Оргбюро, становилось автоматически решением Оргбюро, а его решение, не опротестованное никем из членов Политбюро, становилось решением ПБ, то есть всей партии. Каждый член ЦК мог опротестовать решение Политбюро на пленуме ЦК, что не приостанавливало исполнение этого решения.

После VIII съезда пленумы ЦК долго не собирались, как и Политбюро, поскольку, как расскажет Крестинский на IX партконференции, большинство членов находилось «в отъезде»[1983]. Это касалось, в первую очередь, Сталина и Троцкого. Оргбюро заседало регулярно и реально управляло партией и ее аппаратом.

Скоро ситуация кардинально изменится: на первый план выйдет именно Политбюро, которое при Ленине превратилось в сверхправительство. Именно Ленин начал трактовать решения ПБ как высший закон страны, предрешающий постановления всех других органов власти и перебивающий конституционные нормы. Волкогонов справедливо замечал: «Имеется ряд постановлений о конституировании Политбюро, определении регламента его работы, но никогда не обсуждались полномочия. Всегда считалось само собой разумеющимся, что они неограниченные»[1984].

При этом роль ПБ в этом качестве тщательно скрывалась. Тщетно вы будете искать в статьях и речах Ленина даже упоминания о деятельности Политбюро. Она вся была за ширмой. Детальных стенограмм заседаний ПБ нет, дискуссии не фиксировались, записывались только сами постановления, да и то не все. 8 ноября 1919 года по докладу Сталина об утечке информации с заседаний ПБ было установлено: не заносить в протоколы решения по наиболее важным политическим вопросам. Директивы ПБ должны были проводиться «в советском порядке», то есть актами СНК, СТО и ВЦИК. 16 сентября 1921 года Политбюро пошло еще дальше в деле засекречивания своей руководящей роли: «Поручить президиуму ВЦИК, СТО, СНК и всем наркоматам строго следить за тем, чтобы в принимаемых ими решениях не делались ссылки на решения ЦК». А 2 февраля 1922 года ПБ постановило, что наркомы могут передавать дела во ВЦИК лишь после решения ЦК, чтобы ВЦИКу потом не пришлось менять своих решений.

Решения ПБ – по факту – решения Ленина. «Если раньше случалось, что важные решения от имени ЦК РКП(б) “единолично” принимал руководитель Секретариата ЦК РКП(б) Я. М. Свердлов, то теперь все вполне бюрократически точно оформлял В. И. Ленин», – замечал исследователь ЦК Сергей Войтиков. При этом формально Ленин не был руководителем партии! Он был просто членом ПБ и председательствовал в нем на правах председателя Совнаркома. И не позволял складывать все яйца в одну корзину, сохранив заметную роль для формально «своих» СНК и СТО. «В. И. Ленин сохранял лидерство в основанной им партии, умело балансируя между Политбюро как коллегиальным партийным органом (*фактической надстройкой над ЦК*) и Советом Рабочей и Крестьянской Обороны – Советом Труда и Обороны (*фактической надстройкой над Советом Народных Комиссаров*), в которой Ленин являлся не только фактическим, но и формальным руководителем»[1985].

Партия стала ядром новой политической системы, возникла единая сеть партийных комитетов, замкнутых на Оргбюро и Секретариат ЦК на принципах демократического централизма, предполагавшего подчинение нижестоящих органов вышестоящим. Партии были подчинены и массовые организации: профсоюзы, созданный в 1919 году комсомол.

Главные приводные ремни от партии к пролетарской массе, – разъяснял Ленин, – профсоюзы, «которые насчитывают теперь… свыше 4 миллионов членов, будучи формально *беспартийными*. Фактически же все руководящие учреждения громадного большинства союзов и в первую голову, конечно,

общепрофессионального всероссийского центра или бюро (ВЦСПС – Всероссийский центральный совет профессиональных союзов) состоят из коммунистов и проводят все директивы партии. Получается, в общем и целом, формально не коммунистический, гибкий и сравнительно широкий, весьма могучий, пролетарский аппарат, посредством которого партия связана тесно с *классом* и *массой* и посредством которого, при руководстве партии, осуществляется *диктатура класса*». Поэтому борьба за профсоюзы и их место в государственном механизме представлялась Ленину и другим большевикам столь важной.

«Затем, разумеется, вся работа партии идет через Советы, которые объединяют трудящиеся массы без различия профессий». Через них осуществляется руководящая роль пролетариата по отношению к крестьянству, осуществляется диктатура городского пролетариата, систематическая борьба с богатым, буржуазным, эксплуататорским и спекулирующим крестьянством и т. д. Вот ленинская схема осуществления диктатуры пролетариата. Он придумал ее сам.

Ничто не выходило из-под контроля партии, тогда как сама она не была подотчетной никому и ничему. При этом партия большевиков оставалась всего лишь общественной организацией, не упомянутой в Конституции.

Ленин продолжал настаивать на жестких требованиях приема в партию в ущерб массовости. «Мы боимся чрезмерного расширения партии, ибо к правительственной партии неминуемо стремятся примазаться карьеристы и проходимцы, которые заслуживают только того, чтобы их расстреливать. Последний раз мы широко открыли двери партии – только для рабочих и крестьян – в те дни (зима 1919 г.), когда Юденич был в нескольких верстах от Питера, а Деникин в Орле (ок. 350 верст от Москвы), т. е. когда Советской республике угрожала отчаянная, смертельная опасность и когда авантюристы, карьеристы, проходимцы и вообще нестойкие люди никоим образом не могли рассчитывать на выгодную карьеру (а скорее могли ожидать виселиц и пыток) от присоединения к коммунистам»[1986].

Действительно, в августе – сентябре 1919 года была организована специальная «партийная неделя». Ленин призывал: «Мы не сулим вам выгод от этого, мы зовем вас на трудную работу, на работу государственного строительства. Если вы искренний сторонник коммунизма, беритесь смелее за эту работу, не бойтесь новизны и трудности ее, не смущаясь старым предрассудком, будто эта работа посильна только тем, кто превзошел казенное образование. В результате «партийной недели» по 38 губерниям европейской части РСФСР в ряды РКП(б)

влились свыше 200 тысяч человек, из них половина рабочих. В Красной Армии в партию была принята четверть всего личного состава.

Но все равно после Гражданской войны Ленин был недоволен составом партии, уверяя, «к партии правящей примазались авантюристы и прочие вреднейшие элементы. Ни одной революции без этого не было и быть не может. Все дело в том, чтобы правящая партия, опирающаяся на здоровый и сильный передовой класс, умела проводить чистку своих рядов»[1987]. На IX съезде партии Ленин со ссылкой на Мандатную комиссию обозначил численность партии в 600 тысяч человек. К весне 1920 года в РКП(б) насчитывалось уже 750 тысяч членов, из них 12 тысяч представляли дореволюционную «старую гвардию».

Впервые большевистские лидеры стали раскрывать на публику истинную роль РКП(б). Крестинский в марте утверждал, что решениями съездов Советов «завершилось конституционное строительство советской власти и стала вырисовываться задача, как Коммунистической партии руководить этой конституционно устроенной Советской Россией»[1988]. Сам Ленин 3 ноября на совещании политпросветов разоткровенничается:

– Вся юридическая и фактическая конституция Советской республики строится на том, что партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу…

На Московской губернской партконференции 21 ноября Ленин признавал, что «верхушки партии являются верхушками советского аппарата: это одно и то же»[1989]. При этом, замечал Бажанов, тогда «внутри партии была свобода, которой не было в стране; каждый член партии имел возможность защищать и отстаивать свою точку зрения. Так же свободно происходило обсуждение всяких проблем на Политбюро»[1990]. Но постепенно Ленин стал натягивать вожжи партийной дисциплины, хотя еще не видел большого вреда от внутрипартийной дискуссии. 26 октября было принято вышедшее из-под пера Ленина постановление: «Просить Дзержинского и Преображенского работать не менее 3 часов в день в Контрольной комиссии, чтобы действительно сделать ее настоящим органом партийной и пролетарской совести».

Традиция еженедельных заседаний ПБ по четвергам была установлена еще во время секретарства Крестинского, а затем превратилась в «ленинскую традицию», соблюдавшуюся до последнего года существования Советского Союза. Но Ленину уже претили постоянные заседания. На фракции партии на VIII съезде Советов 22 декабря 1920 года он признавал:

– В ЦК есть Секретариат, есть Оргбюро, есть Политбюро,

наконец – собираются Пленумы Центрального Комитета, и очень часто даже до Пленума Центрального Комитета доходят вопросы мелочнее мелочного и скучнее скучного и такие, что над ними посидишь несколько часов – и хочется утопиться.

Ленин не раз говорил о том, что нельзя смешивать функции партийного и государственного аппаратов. В письме Молотову в марте 1922 года он предлагал «разграничить гораздо точнее функции партии (и ЦК ее) и Соввласти; повысить ответственность и самостоятельность совработников и совучреждений, а за партией оставить общее руководство работой всех госорганов вместе, без теперешнего слишком частого, нерегулярного, часто мелкого вмешательства»[1991]. Однако эти его пожелания звучали гораздо реже, чем утверждения о верховенстве власти партии, о ее господстве над громадным и все растущим госаппаратом.

И не случайно, что те функции, которые выполняло Политбюро в центре, начинали брать на себя бюро губернских комитетов и другие нижестоящие парторганы. Хозяевами на местах становились секретари губкомов, оттесняя председателей губисполкомов, различные коллегиальные органы и уполномоченных центра. Растущую роль начинал играть аппарат ЦК партии, который тогда помещался на Воздвиженке, 5 – в четырехэтажном здании XVIII века классического стиля, которое благополучно дожило да наших дней и хорошо известно москвичам как Музей архитектуры им. Щусева.

Борьба за политическую власть в стране в этих условиях неизбежно превращалась в борьбу за поддержку в партии. Бажанов на пальцах объяснял: «Чтобы быть у власти, надо было иметь свое большинство в Центральном комитете. Но Центральный Комитет избирается съездом партии. Чтобы избрать свой Центральный Комитет, надо иметь свое большинство на съезде. А для этого надо было иметь за собой большинство делегаций на съезд от губернских, областных и краевых партийных организаций. Между тем эти делегации не столько выбираются, сколько подбираются руководителями местного партийного аппарата – секретарем губкома и его ближайшими сотрудниками. Подобрать и рассадить своих людей в секретари и основные работники губкомов, – и таким образом будет ваше большинство на съезде»[1992]. Этим подбором и занимался аппарат ЦК. Он же подбирал кадры обозначенных в Конституции советских и правительственных органов.

Формально верховным органом в стране оставался Съезд Советов, а в промежутках между его сессиями – ВЦИК. «Бывали случаи, когда ВИ считал более правильным предоставить возможность тому или иному наркому перенести свои

разногласия на разрешение президиума ВЦИК»[1993].

Но Ленин строжайше предупреждал руководство ВЦИК против того, чтобы оно не возомнило себя действительно высшим органом власти. «Следите в оба и извещайте меня (или Сталина с Каменевым) *вовремя*», – приказывал он Енукидзе.

Ленин собственноручно написал проект решения пленума ЦК о составе ВЦИК, который предопределил его малую значимость: «1) Не вводить всех наркомов (в том числе председателя СНК) и замнаркомов. 2) Из остальных уменьшить число «интеллигентов» и советских служащих центра. 3) Увеличить в большом количестве число рабочих и трудящихся крестьян, безусловно тесно связанных с массой беспартийных рабочих и крестьян… 6) Согласовать точно с решением съезда партии»[1994]. В последнем пункте ссылка на решение VIII съезда РКП(б) о советском строительстве, где говорилось, что членами ВЦИК должны быть главным образом работники с мест, ведущие постоянную работу среди рабочих и крестьян[1995]. Зато ВЦИК теперь хорошо вписался в российскую традицию представительных народных собраний, начинавшуюся с вече и Земских соборов.

Формально и на поверхности – основная работа Ленина по-прежнему в Совнаркоме. Он по-прежнему собирался в зале заседаний, примыкавшем к кабинету Ленина в первом корпусе Кремля (как, впрочем, и Политбюро). В 1921 году в результате локального ремонта зал соединили с соседней комнатой – так он расширился до четырех окон. Неуютно и прохладно: Ленин не терпел штор на окнах и температуру окружающей среды выше 14 градусов. Почти во всю длину неширокого зала тянулись два покрытых красным сукном стола с проходом посередине.

После Гражданской войны очередные заседания Совнаркома происходили раз в неделю – по вторникам, по средам – распорядительные и по пятницам – пленарные[1996]. Установили регламент. Председатель СНК был сама пунктуальность. «Заседания под руководством Ленина начинались точно в назначенный час при любом количестве присутствующих». В апреле 1919 года на заседании Совнаркома он написал записку наркому юстиции Курскому: «Пора утвердить *общий* регламент СНК. 1. Докладчикам *10* минут. 2. Ораторам 1-й раз – *5*, 2-й раз – *3* минуты. 3. Говорить не > 2-х раз. 4. К порядку 1 за и 1 против по 1 минуте. 5. Изъятия по особым постановлениям СНК»[1997]. Утвердили решением Совнаркома. «Трудно было укладываться в такие рамки, и случалось, что, желая выгадать хотя бы еще минуту для выступления, тот или другой член СНК брал слово “к порядку”. Но ВИ останавливал его, говоря, что это не к порядку, а к беспорядку». В апреле 1920 года Ленин провел постановление

«О мерах воздействия за неаккуратное посещение заседаний и совещаний»: опоздание на заседание Совнаркома один раз более чем на 10 минут влечет за собой выговор с занесением в протокол заседания, второй раз – вычет дневного заработка, в третий раз – выговор с опубликованием в печати. Опоздавший свыше трех раз подряд мог быть уволен»[1998].

Ленин не терпел, когда кто-то шептался, тут же показывал рукой: «Пишите». При этом он сам слабо следил за выступлениями. Как отмечала его секретарь Фотиева, Ленин имел обыкновение «одновременно заниматься множеством других дел: он просматривал книжные новинки, прочитывал и подписывал бумаги и обменивался многочисленными записками с присутствующими товарищами по различным деловым вопросам, не связанным с теми, которые обсуждались в данный момент на заседании»[1999]. По правую руку от его стола стояла большая голландская печка, за которую во время заседаний забирались курильщики. Их Ленин периодически гонял, называя «запечных дел мастерами».

«Работали в Совнаркоме споро, работали бодро, работали с шутками, – замечал Луначарский. – Ленин добродушно принимался хохотать, когда ловил кого-нибудь на курьезном противоречии, а за ним смеялся и весь длинный стол крупнейших революционеров и новых людей нашего времени – над шутками самого ли председателя, который очень любил сострить, или кого-либо из докладчиков… Сердился Ленин, особенно в Совнаркоме, чрезвычайно редко. Но сердился крепко. Выражений он при этом не выбирал»[2000].

Процесс принятия решений в изображении соратников выглядел как образец демократизма и воплощенной мудрости, порожденной коллективным разумом. Иначе описывал ленинский заседательский стиль Александр Нагловский – первый советский полпред в Италии и один из первых невозвращенцев: «В общем, это был класс с учителем довольно-таки нетерпимым и подчас свирепым, осаживавшим “учеников” невероятными по грубости окриками, несмотря на то, что “ученики” перед “учителем” вели себя вообще-то примерно. Ни по одному серьезному вопросу никто никогда не осмеливался выступить “против Ильича”, единственным исключением был Троцкий… Обычно во время общих прений Ленин вел себя в достаточной степени бесцеремонно. Прений никогда не слушал. Во время прений ходил. Уходил. Приходил. Подсаживался к кому-нибудь и, не стесняясь, громко разговаривал. И только к концу прений занимал свое обычное место и коротко говорил:

– Стало быть, товарищи, я полагаю, что этот вопрос надо

решить так!

Далее следовало часто совершенно не связанное с прениями “ленинское” решение вопроса. Оно всегда тут же без возражений и принималось»[2001]. На IX съезде партии в марте 1920 года Ленин сделает ценное признание:

– Я не могу помнить и одной десятой доли декретов, которые мы проводим[2002].

О юридической чистоте решений мало задумывались. «Следует заметить, что при том количестве декретов и постановлений, которые принимались правительственными органами в первые годы существования Советской власти, вносимые проекты часто страдали большими редакционными недостатками и отсутствием увязки с прежним законодательством».

Вопрос о необходимости редакционной и кодификационной работы был поставлен Лениным только в 1921 году.

1 ноября при рассмотрении в Совнаркоме вопроса о тарифной политике он внес предложение: «Обязать Наркомюст найти лицо, специально посвящающее себя участию в заседаниях Большого Совнаркома для проверки вносимых законопроектов с точки зрения кодификационной». Курский предложил кандидатуру Бернштейна, которая Совнаркомом была утверждена.

Заседания – по любым меркам – готовились из рук вон плохо. «Предварительной рассылки материалов, на основании заранее составленной повестки, не было ни в Большом, ни в Малом Совнаркоме, ни в Президиуме ВЦИК… ВИ и в этом деле (рассылка кратких справок, излагающих существо вопроса, и отзывов заинтересованных наркоматов) проявлял живой интерес и нажим; постепенно такой порядок твердо установился. И не раз затем на самих заседаниях можно было слышать едкие критические замечания ВИ уже по существу самих справок». В Совнаркоме «стенограммы докладов и прений, к глубокому нашему огорчению, не велись. Такова была воля ВИ»[2003].

Заседания Совнаркома Ленин тоже недолюбливал. 12 января 1920 года он сознавался: «У меня есть одно чрезвычайно проклятое ремесло, которое состоит в том, что я председательствую в Совнаркоме, и мне приходится страдать почти на каждом его заседании от отвратительной ведомственной драчки. Наркомпрод петухом сидит на Наркомпути и обвиняет его во всех грехах. Сцены бывают таковы, что после многократных испытаний я говорю, что я когда-нибудь после одного из наших заседаний утоплюсь. Люди приходят и говорят такую ведомственную чепуху, что стыдно становится, что приходится

тратить на это время»[2004].

Альфа и омега ленинского управленческого стиля кадровой политики – своеобразная система сдержек и противовесов, – при которой у всех лидеров были конкуренты и отдельные ветви государственного управления были противопоставлены друг другу. Хорошей иллюстрацией являлся как раз Совнарком, где у Ленина долгое время вообще не было заместителей. В 1921 году будут назначены двое – Рыков и Цюрупа, которые были злейшими врагами друг друга.

Малочисленность заместителей не избавляла от бюрократии и не повышала эффективности правительства. Ленин писал Цюрупе: «*Нас затягивает* поганое бюрократическое болото и писание бумажек, говорение о декретах, писание декретов, и в этом бумажном море тонет живая работа. Умные саботажники умышленно нас затягивают в это бумажное болото. Большинство наркомов и прочих сановников “лезет в петлю” бессознательно… Центром тяжести Вашей работы должна быть именно эта переделка нашей отвратительно-бюрократической работы, борьба с бюрократизмом и волокитой, *проверка исполнения*… Для сего, по-моему, надобно: 1) Разгружать *СНК* и *СТО*, относя все мелкие вопросы в Малый СНК и распорядительные заседания *СТО*… 2) Минимум заседаний. Норма 1 раз в нделю СНК + 1 раз СТО по два часа». Большего, Ленин понимает, он уже сам не выдержит. 20 февраля он добавлял: «(1) вдесятеро подтянуть СНК и СТО в смысле том, чтобы наркомы не смели тащить в них мелочь, а решали ее сами и сами за нее *отвечали*; (2) аппарат управдела СНКома (ныне бездельный на ¾) сделать отвечающим за это; проводящим это; (3) то же о Малом СНК плюс его *сугубое* сокращение»[2005].

Совет рабоче-крестьянской обороны после окончания Гражданской войны был преобразован в Совет труда и обороны (СТО), который стал комиссией при Совнаркоме. Ленин разъяснял VIII съезду Советов:

– Совет труда и обороны считался чуть ли не равным Совнаркому. Откажемся от этой мысли. Пусть это будет комиссия при Совнаркоме. Мы устраним массу трений и выиграем близость фактического осуществления[2006].

«Распорядительные заседания СТО, на которых рассматривались более мелкие вопросы, обыкновенно вел Аванесов; иной раз его заменял Андреев, входивший в состав СТО в качестве представителя ВЦСПС. Протоколы распорядительных заседаний СТО утверждались ВИ на другой же день, как и протоколы Малого Совнаркома… В пленарных заседаниях СТО председательствовал неизменно ВИ»[2007]. Ленин в конце 1920 года

затеял серьезную реформу СТО, переориентировав его на задачи хозяйственного строительства. Он предложил расширить «пределы ведомства Совтрудобороны», включив в них: «1 (а) объединение всей работы экономических наркоматов; 2 (б) утверждение и осуществление единого хозяйственного плана РСФСР».

Затем началось создание вертикали СТО. В мае 1921 года Ленин написал постановление: «1. Повсюду должны быть созданы губернские и уездные экономические совещания, находящиеся к губ- и уисполкомам в таких же отношениях, как СТО к СНКому. Управления делами или секретариаты должны быть общие… 2. Низшими органами СТО на месте должны быть селькомы и сельсоветы, а в фабричных и городских поселениях районные советы, райэконсоветы и фабкомы. Волисполкомы либо целиком исполняют обязанности волэконсоветов, либо выделяют несколько своих членов для составления волостных экономических совещаний». Ленин полагал, что тем самым он решает задачу «согласованной работы различных ведомств – одно из больших зол, препятствующих хозяйственному строительству»[2008].

Противник – в теории – всякой бюрократии и чиновничества, Ленин создавал систему, которая автоматически вела к еще большей бюрократизации. Когда ты ставишь на первое место вопросы учета, контроля и распределения, то требуется большое количество людей на всех уровнях, которые будут учитывать, контролировать и распределять. А также тех, кто будет надзирать над теми, кто учитывает, контролирует и распределяет. С переходом к государству функции регулирования всех сфер жизни страны, которые ранее обходились без регулирования, возникли предпосылки для роста аппарата в геометрической прогрессии. В госаппарат хлынули и все желавшие как-то устроиться в новой жизни. С 1917 по 1921 год число госслужащих выросло в пять раз – с 576 тысяч до 2,4 миллиона[2009]. Причем пополнение шло в основном не от станка. Виктор Серж в 1921 году записал: «В комиссариатах можно встретить элегантных господ, тщательно напудренных хорошеньких машинисток, служак в ладных френчах, увешанных знаками отличия, и весь этот бомонд, так контрастирующий с голодным уличным плебсом, посылал вас по самому пустяковому делу из одной канцелярии в другую без малейшего результата»[2010].

А Ленин говорил Горькому:

– Аппарат у нас – пестренький, после Октября много влезло в него чужих людей. Это – по вине благочестивой и любимой Вами интеллигенции, это – вследствие ее подлого саботажа, да-с![2011]

Ленин замечал, что госаппарат «в наибольшей степени представляет из себя пережиток старого, в меньшей степени подвергнутого сколько-нибудь серьезным изменениям»[2012]. В этом не было ничего удивительного – количество чиновников прежних режимов, работавших в госструктурах, было немалым. Например, в наркомате финансов они составляли 97,5 % от всех сотрудников, в наркомате путей сообщения – 88,1 % и даже в НКВД – 48,3 %. Кстати, в таком обилии чиновников царских времен, «мелкобуржуазного элемента» и в неэффективности госструктур крылась одна из главных причин стремления Ленина опереться именно на партаппарат – гораздо более компактный, социально и идейно выдержанный. Но и с ним была беда.

Так, в мае 1921 года член президиума Ставропольского губкома Лизарев направил в ЦК докладную записку, где в числе широко распространенных явлений в парторганах назвал пьянство, протекционизм, укрывательство преступлений, расхлябанность, бандитизм, грабеж, истязания, безделье. Ленин отписал Молотову: «Записка Лизарева архиважна. Надо обратить сугубое внимание и проверить через вполне объективных людей»[2013]. Изучение ситуации показало, что Лизарев не далек от истины. Квалификация руководящих работников тоже оставляла желать лучшего.

Проблему повышения квалификации партаппарата ЦК пытался решить через развитие сети совпартшкол, обучение в которых объявлялось партийной обязанностью, создание курсов по изучению марксизма при Социалистической академии, дискуссионных клубов в губернских городах. Однако уровень слушателей местных советско-партийных школ был таков, что изучению основных предметов часто должны предшествовать курсы русского языка и арифметики. В 1922 году только 0,6 % членов партии имели высшее образование и 6,4 % – среднее.

Каркас партийной и государственной власти, созданный Лениным, доживет до начала 1990-х годов, если не считать СТО, который позднее сольется с Совнаркомом, и ВЦИК, который переименуют в Верховный Совет. Наследники не поставят под сомнение основы ленинского государства диктатуры пролетариата, они озаботятся его большей эффективностью.

Чтобы не было богатых

Экономическая политика первых лет большевистского правления – политика «военного коммунизма», как мы помним, включала в себя жесткую централизацию системы управления экономикой, ускоренную ликвидацию частного предпринимательства, милитаризацию народного хозяйства, подчинение его интересам войны, использование чрезвычайных мер для хлебозаготовок, натурализацию хозяйства и сокращение сферы денежного обращения, прямое снабжение горожан минимумом продовольствия и промышленных товаров. Государство диктатуры пролетариата сделало все возможное, чтобы в России не осталось богатых. Что резко увеличило число бедных.

С началом Гражданской войны – сперва на железных дорогах и военных заводах вводилась система закрепления рабочих и служащих за предприятиями и учреждениями. Милитаризация труда должна была пресечь текучесть кадров и бегство пролетариата в деревню.

Если Совнархозы первоначально объединяли предприятия по производственно-территориальному принципу, то вскоре в системе СНХ – для руководства национализируемыми предприятиями – пошло создание отраслевых трестов. Горизонтальными органами выступали главки – Главсоль, Главбум, Главуголь, число которых к 1921 году достигнет 42. «Я взял немецкие «Кригсгезельшафтен» (центры регуляции индустриии в военное время), перевел на русский язык, влил в них рабочий дух и под именем главков пустил в оборот»[2014], – откровенничал Ларин. Тем самым были заложены основы централизованного управления промышленностью. «Рост главных комитетов – кожи, нефти, табака, резины, сахара, спичек, тканей, торфа, чая и т. д. – знаменует не только организацию промышленности и контроль над ней, но и учет всех готовых изделий данной отрасли промышленности и организацию их распределения»[2015], – говорил Рыков.

Идеи Ленина о единоначалии на производстве долго встречали решительное сопротивление. В 1919 году Ленин сделал доклад на одном из пленумов ВЦСПС. «Позади была дискуссия об единоначалии в Красной Армии; уже за полтора-два года до этого была написана знаменитая брошюра “Очередные задачи Советской власти”; уже “в принципе” профсоюзы соглашались на проведение сдельной системы оплаты труда, одно упоминание о которой многим из них казалось до этого проникновением

Вельзевула в святая святых профсоюзного храма, – свидетельствовал член бюро ВЦСПС Абрам Зиновьевич Гольдман. – Тем не менее в вопросах единоначалия в промышленности ВИ не встретил поддержки среди профсоюзников. Когда вопрос был поставлен на голосование, не было ни одного голоса за единоначалие»[2016].

Промышленные предприятия, потерявшие традиционных поставщиков, лишившиеся каналов сбыта в условиях сворачивания товарно-денежных отношений, оказались заложниками системы государственного снабжения и распределения. Занимавшийся этой работой Артемий Багратович Халатов рассказывал про «неорганизованное рабочее снабжение 1918 года, когда снабжение происходило от предприятия к предприятию, без всякой системы от одного промышленного центра к другому перебрасывалось продовольствие, когда вся эта работа строилась по вдохновению, скорее по чутью, когда не было и намека на план, при отсутствии всякого учета». Ленин решал вопросы снабжения в ручном режиме – прежде всего Москвы и Петрограда. 15 ноября 1919 года – по инициативе ВИ была организована так называемая центральная комиссия по рабочему снабжению, которой по его же инициативе было передоверено регулирование рабочего снабжения с выделением в особые группы отдельных предприятий, с переводом их на усиленное, по сравнению с другими трудящимися, снабжение»[2017]. Промышленность от этого не заработала.

В годы Гражданской войны она испытывала колоссальные трудности с топливом – особенно, когда осталась без угля с Донбасса и нефти из Баку. Однако и после установления контроля над этими регионами угля и нефти не хватало. Железнодорожный транспорт и электростанции были вынуждены работать по преимуществу на дровах[2018]. А Ленин был буквально помешан на торфе. «Он придавал настолько большое значение этому делу, что взял руководство им в свои руки»[2019]. Есть специальное постановление Совнаркома от 6 февраля 1919 года «О вывозе маршрутными поездами хлеба для торфодобывающей промышленности». Вопрос о продовольствии для торфяников ставился в Совете обороны пять раз весной того года. В 1920 году стал применяться гидравлический способ добывания торфа. «ВИ с живостью подхватил идею гидроторфа, как первого яркого достижения в области механизации исключительно тяжелого труда торфяников. Своим энергичным содействием он в короткий по тому времени двухлетний срок помог этому незрелому вначале детищу стать на твердые ноги, преодолеть неизбежные “детские болезни” и стать промышленно рентабельным»[2020].

9 апреля 1921 года Ленин писал Луначарскому: «Чтобы поднять торфодобывание, надо широко поставить пропаганду – листовки, брошюры, передвижные выставки, кинематографические снимки, издание учебников; ввести обязательный предмет в школах и в высших технических учебных заведениях о торфодобывании; составить учебники; ежегодно посылать экскурсию за границу»[2021]. Добыча торфа была единственной отраслью экономики, которая выросла в годы Гражданской.

Более привычным источником энергии была нефть. До революции нефтяной сектор России принадлежал почти исключительно иностранному капиталу, в основном, Ротшильдам и Нобелям. Перед Первой мировой войной Royal Dutch/Shell приобрела крупные нефтяные активы Ротшильдов. А после революции очень многие кинулись приобретать нефтяные месторождения в России по дешевке… В отличие от Ротшильдов семейство Нобилей держалось за свои нефтяные интересы, хотя во время революции Нобили бежали из России в Париж. Покупатель на половину их активов нашелся в лице Standard Oil of New Jersey Уолта Тигла»[2022].

В апреле 1920 года большевики вновь заняли Баку и немедленно национализировали нефтяные месторождения. Работавших там британских инженеров посадили в тюрьму, а некоторых «нобелевцев» судили за шпионаж. Развитие нефтяной промышленности Советской России связано с именем Ивана Михайловича Губкина, которого революция застала на американских нефтепромыслах. Весною 1918 года он вернулся в Россию. «Главконефть был образован декретом за подписью Ленина, я вошел в коллегию главка». Правда в самой Главконефти сидели в шубах и перчатках, а нефти не было, потому что месторождения контролировал кто угодно, но не большевики. Пока решили заняться сланцами. «В октябре 1919 года мы с бутылочками сланцевого бензина, керосина и других нефтеподобных продуктов пошли к ВИ… Мы подошли к карте и простояли у нее два с половиной часа – беседа велась и о нефти, и о сланцах, и о сапропелях. Ленин внимательно слушал, задавал вопросы, вникал в детали – он искал выхода из топливного кризиса. В конце беседы ВИ сказал:

– Вот вам мой телефон, вот телефон секретаря. Когда нужна будет помощь, обращайтесь ко мне непосредственно…

Я неизменно посылал ВИ журнал “Нефтяное и сланцевое хозяйство”. И Ленин его читал! – Послание Губкину 3 июня 1921 года: «Просматривая журнал “Нефтяное и сланцевое хозяйство”, я в № 1–4 (1921) наткнулся на заметку (с. 199) “О замене металлических труб цементным раствором при бурении

нефтяных скважин”. Оказывается, что сие применимо при вращательном бурении. Можно заменить железные трубы цементом и пр., что2 стоит, по указанию вашего журнала, “совершенно ничтожную” сумму! И такого рода известие вы хороните в мелкой заметке архиученого журнала, понимать который способен, может быть, 1 человек из 1 000 000 в РСФСР. Почему не били в большие колокола?»[2023]

Для Баку, где нефтедобыча не возобновилась и после прихода советской власти из-за отсутствия хозяев и менеджмента, Ленин усиленно искал концессионеров. В феврале 1921 года он писал членам ПБ и Рыкову: «(а) что катастрофа грозит и *близко*; (б) что концессии необходимо изо всех сил постараться дать (т. е. концессионеров найти) в Баку»[2024]. Но желающих сотрудничать с большевиками даже по нефти найти было нелегко.

Важнейшим решением Ленина в области геологоразведки стала поддержка исследований Курской магнитной аномалии и, напротив, несдача месторождения в концессию. Тот же Губкин был назначен руководить проектом. «Летом 1921 года мы заложили в Щиграх буровую скважину, о чем рапортовали ВИ. Стоило только начать бурение, как на арене появился Штейн со своей компанией. На сей раз проходимцы предложили сдать им богатства Курской магнитной аномалии в концессию. Покойный Красин был сторонником этой концессии. Я страшно волновался и злился. В Кремле было созвано специальное совещание. Председательствовал ВИ.

– ВИ! – говорил я, волнуясь. – Через год у нас уже будут результаты. Разве можно сейчас отдавать это в концессию? Давайте узнаем хотя бы, какие богатства таит в себе аномалия.

Ленин сказал:

– Правильно! Пусть наши ученые доведут дело до конца.

Притязания иностранцев были отвергнуты раз и навсегда»[2025]. Ленин 5 апреля 1922 года инструктировал Рыкова: «Тов. *Кржижановский* сообщил мне, что, по сведениям инженеров, с которыми он беседовал, почти доказано, что мы имеем там неслыханно большой запас чистого железа… По моему мнению, следовало бы не давать в печать никаких сведений об этом и принять меры к тому, чтобы в печати об этом не говорили, ибо можно опасаться, что в противном случае интервенционистские планы могут усилиться»[2026]. Но пустить это железо в производство при жизни Ленина не получится.

Колоссальной проблемой стал транспортный коллапс. Россия была страной железных дорог. Именно они обеспечивали целостность ее огромного пространства. Во время Гражданской войны главные железнодорожные магистрали переходили из рук

в руки. Белогвардейцы, интервенты, Красная Армия регулярно разбирали пути на многие километры, взрывали рельсы, стрелки, водокачки, станции, поворотные круги, мосты. Отсутствие локомотивов носило характер национального бедствия. Немцы в 1918 году захватили 3 тысячи исправных паровозов. Хищения на транспорте в сравнении с довоенным уровнем выросли в 150 раз[2027].

Вопрос о транспорте выдвинулся на самый первый план. Главным советником Ленина по вопросам транспорта стал известный инженер-железнодорожник Юрий Владимирович Ломоносов, который в конце 1919 года сделал расчеты: если ничего не делать, в ближайшие месяцы железнодорожное сообщение прекратится. Это означало крах большевистского проекта. 1 февраля 1920 года на совещании председателей губернских и уездных исполкомов Ленин заявил:

– Если мы не сделаем с транспортом такого же чуда, как с Колчаком, в течение двух месяцев, нам грозит катастрофа[2028].

И через четыре дня повторил:

– Мы стоим сейчас перед угрозой остановки железных дорог, что означало бы окончательную гибель. Холод и голод в стране никогда еще не был так тяжел, как сейчас, а между тем в наших руках богатства Сибири и Украины, и нами заготовлено 90 000 000 пудов хлеба. Вся беда в отчаянном положении транспорта. … Опыт Красной Армии мы должны перенести на железнодорожную армию трудящихся»[2029].

Железными дорогами занимались Елизаров, Красин, Троцкий, да и сам Ленин. 14 апреля 1921 года Дзержинский, оставаясь во главе НКВД и ВЧК, получил под свое начало еще и Наркомат путей сообщения. Принимая дела, он ужасался: «На дорогах у нас в области хищений и бесхозяйственности один сплошной ужас… Хищения из вагонов, хищения в кассах, хищения на складах, хищения при подрядах, хищения при заготовках. Надо иметь крепкие нервы и волю, чтобы преодолеть это море разгула»[2030].

Но и под самым пристальным чекистским оком дело транспортного снабжения было далеко от идеального. 16 января 1922 года Ленин, воспользовавшись автодрезиной ВЧК, жаловался в ВЧК Уншлихту и в НКПС Фомину: «Состояние, в котором я нашел автодрезины, хуже худого. Беспризорность, полуразрушение (раскрали очень многое!), беспорядок полнейший, горючее, видимо, раскрадено, керосин с водой, работа двигателя невыносимо плохая, остановки в пути ежеминутны, движение из рук вон плохо, на станциях простой, неосведомленность начальников станций… хаос, разгильдяйство,

позор сплошной»[2031].

Львиную долю золотого запаса Ленин решил, в первую очередь, бросить на железные дороги. Ломоносову удалось заказать 1000 мощных паровозов в Швеции, 700 таких же – в Германии, 500 большегрузных цистерн в Канаде, 1000 цистерн – в Англии и Германии, не считая количества запасных частей [2032]. Полагаю, что шведские паровозы были тоже из Германии, которая находилась под санкциями Антанты. Во всяком случае, Ленин подтверждал:

– И если мы заключили сделку о германских паровозах, то мы заключили ее так, что нашим контрагентом является не Германия, а Швеция.

Запрещенное мешочничество на железной дороге было поставлено на поток. Ленин писал Дзержинскому: «Во-первых, мешочники засильем берут. Во-вторых, *совбуры* на железных дорогах посылают всюду *десятки вагонов* "комиссий". Предлог: служебное поручение. На деле: мешочничают. Совбуров кормят. Железнодорожные служащие сплошь-де мешочники. Спекулянты. Надо принять меры *сугубые*»[2033].

Сотни тысяч горожан по всей стране отправлялись в деревню, чтобы обменять что-нибудь из сохраненного или украденного на производстве на продукты. Хлеб, привезенный мешочниками, в городе можно было и перепродать в 2–3 раза дороже. От выставляемых ВЧК заслонов на железных дорогах толку было немного. Страна пришла в движение, люди штурмовали поезда, ехали на буферах и крышах вагонов. Мешочники везли продовольствие на продажу в города. Горожане, которых называли «чемоданщиками», ехали в деревню за продуктами, которые выменивали на одежду и предметы обихода.

Ленинская аграрная политика – до нэпа – сводилась к реквизиции хлеба, сопровождаемой развязыванием классовой войны в деревне. Не Сталин в период коллективизации придумал войну с кулачеством. Опираясь на опыт «всех прежних европейских революций» и происходивших у него на глазах событий в Латвии, Финляндии, Грузии, на Украине, Ленин в августе 1918 года делает обобщение: «Везде жадное, обожравшееся, зверское кулачье соединялось с помещиками и с капиталистами против рабочих и против бедноты вообще. Везде кулачье с неслыханной кровожадностью расправлялось с рабочим классом. Везде оно входило в союз *с иноземными капиталистами* против рабочих своей страны… Кулаки – самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры, не раз восстанавливавшие в истории других стран власть помещиков, царей, попов, капиталистов… Эти пиявки пили кровь трудящихся, богатея тем

больше, чем больше голодал рабочий в городах и на фабриках. Эти вампиры подбирали и подбирают себе в руки помещичьи земли, они снова и снова кабалят бедных крестьян. Беспощадная война против этих кулаков! Смерть им!»[2034]

В связи с крестьянским восстанием в пяти уездах Пензенской губернии Ленин 11 августа давал наставление местному руководству: «Восстание пяти волостей кулачья должно привести к *беспощадному* подавлению. Этого требуют интересы революции, ибо теперь *везде* “последний решительный бой” с кулачьем. Образец надо дать. 1) Повесить (непременно повесить, дабы *народ видел*) *не меньше 100* заведомых кулаков, богатеев, кровопийцев. 2) Опубликовать их имена. 3) Отнять у них *весь* хлеб. 4) Назначить заложников… Сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал, знал, кричал: *душат* и задушат кровопийц кулаков»[2035]. Восстание через день было подавлено. Правда, для этого пришлось расстрелять (не повесить) «всего» 13 организаторов мятежа за убийства продармейцев и членов сельсовета села Кучки.

Именно на зажиточных крестьян были нацелены комбеды. В ноябре VI Всероссийский съезд Советов принял решение о формальном упразднении комбедов и их слиянии с Советами. Но классовая борьба в деревне не останавливалась. На совещании делегатов от комбедов Ленин настаивал:

– Меньшевики и эсеры пугали нас расколом, который мы внесем в деревню организацией комитетов бедноты. Но что значит не расколоть деревню? Это значит – оставить ее под кулаком. Но этого-то мы и не хотим, и потому решили деревню расколоть. Мы говорили: мы потеряем кулаков, это правда, этого несчастья не скроешь (с м е х), но мы выиграем тысячи и миллионы бедняков, которые станут на сторону рабочих.

Иное отношение к середняку: «Рабочий класс не может помириться с кулаком, а со средним крестьянином он может искать и ищет *соглашения*». На VIII съезде РКП(б) в марте 1919 года Ленин провозгласил переход от политики нейтрализации среднего крестьянства (середняка) к союзу с ним и призвал большевиков «не сметь командовать середняком».

Ленин фактически признает, что политика продовольственной диктатуры оказалась неэффективной. 11 января 1919 года был издан декрет Совнаркома «О продовольственной разверстке», при которой конфискация всех излишков заменялась нормой зерна, подлежащей сдаче каждым крестьянином. Государство объявило цифру своих потребностей, которая потом должна была разверстываться по губерниям и уездам. Ленин разъяснял при этом, что ни о какой свободе

распоряжаться хлебом речи не шло:

– Свободная торговля хлебом – это значит свобода наживаться для богатых, свобода умирать для бедных. Свободная торговля хлебом – это поворот назад, к господству и всевластию капиталистов… Все излишки хлеба должны быть по справедливой цене отданы Советскому государству, а государство должно распределить их между трудящимися поровну.

Определенность государственных требований оказалось шагом вперед в налаживании отношений с крестьянством. Политика продразверстки позволила спасти города и армию от массового голода.

Но через два года Ленин признает:

– Разверстка в деревне, этот непосредственный коммунистический подход к задачам строительства в городе, мешала подъему производительных сил и оказалась основной причиной глубокого экономического и политического кризиса, на который мы натолкнулись весной 1921 года.

Во второй половине 1919 года Ленин заговорил о необходимости начала социалистических преобразований в деревне, выступая предвестником будущей коллективизации. Занялись организацией совхозов, при этом для совхозников законом устанавливалось: «Никто из рабочих и служащих не имеет права заводить в хозяйствах собственных животных, птиц и огороды». Ленин пояснял на I съезде сельхозработников:

– Если снова заводить отдельные огороды, отдельных животных, птиц и т. д., то, пожалуй, все вернется к мелкому хозяйству, как это было до сих пор. В таком случае стоило ли и огород городить?

Государственная организация крупного производства и промышленности» в основных чертах уже осуществлена, замечал Ленин, но «по отношению к земледелию это только-только начато (“советские хозяйства”, крупные хозяйства, организованные рабочим государством на государственной земле). Равным образом только-только начата организация различных форм товариществ мелких земледельцев, как переход от мелкого товарного земледелия к коммунистическому». Ленин доказывал, что основную задачу строительства социализма – уничтожение классов – можно решить только «переходом от единичного, обособленного, мелкого товарного хозяйства к общественному крупному хозяйству».

Но все же социализировать сельское хозяйство, задавить частника и рынок хлеба Ленину не удалось. В день второй годовщины Октября он признавал, что «приблизительно половину хлеба городам дает Компрод, другую половину – мешочники…

При этом за хлеб, доставленный государством, рабочий платит в *девять раз меньше*, чем мешочникам»[2036].

Деньги сами по себе (а не их отсутствие) в марксизме-ленинизме – зло.

– Деньги – ведь это сгусток общественного богатства, сгусток общественного труда, деньги – это свидетельство на получение дани со всех трудящихся, деньги – это остаток вчерашней эксплуатации[2037], – утверждал Ленин.

Ленин эффективно отрезал Россию от мирового финансового рынка, объявив дефолт по государственному долгу. «Накануне Первой мировой войны Россия являлась крупнейшим заемщиком в мире. Дефолт, объявленный Россией в 1918 году, вызвал цепную реакцию на мировых финансовых рынках, по своим масштабам несопоставимую с последствиями любого из последующих дефолтов»[2038].

Большевики, придя к власти, полагали вскоре вообще обойтись без денег. «Когда мы победим в мировом масштабе, мы, думается мне, сделаем из золота общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира»[2039], – обещал Ленин даже в начале нэпа.

Идея немедленного воплощения Марксовой мечты об отмене товарно-денежных отношений была весьма популярна в кругах левых коммунистов. Но она не была претворена в жизнь. Деньги сохранялись. Но денег не было.

Работавший после революции в Наркомфине (а потом возглавивший МГУ) Дмитрий Петрович Боголепов писал об изначальной финансовой политике большевиков: «Государственного бюджета в это время не было, так как Временное правительство за восемь месяцев своего существования не удосужилось его рассмотреть и утвердить; кроме того, он все равно никуда бы не годился при изменившейся ценности денег и совершенно изменившемся строе государственной жизни. С другой стороны, многие товарищи совершенно не считались с бюджетными формальностями, считая их буржуазными предрассудками, и ВИ приходилось в Совете Народных Комиссаров вести упорную борьбу за соблюдение норм, необходимых и для Советского государства… Если бы не было сдерживающей и направляющей воли ВИ, то наше финансовое хозяйство было бы совершенно дезорганизовано в самое непродолжительное время». Но оно и так было дезорганизовано.

Конфискации, национализации, введение прогрессивного налога не исправили ситуацию с пополнением казны. Главным источником средств стала эмиссия. К моменту захвата власти большевиками в обороте преобладали царские рубли

(«николаевки»), а также выпущенные Временным правительством талоны, напечатанные на одной стороне листа и без серийного номера, известные в народе как «керенки», или «думки». Ленинское правительство долго не решалось печатать собственные денежные знаки, продолжая штамповать «керенки». Белые правительства выпускали собственные ассигнации. На оккупированных интервентами территориях использовалась иностранная валюта – американская, английская, французская, японская, турецкая. Только с весны 1919 года в оборот были пущены «совзнаки».

Боголепов рассказывал, что Ленин отстаивал идею «о полном аннулировании всех прежде выпущенных бумажных денег и о замене их совершенно новыми денежными знаками с целью окончательного экспроприирования спрятанных богатств буржуазии… Впоследствии эта мера была, в сущности, осуществлена, но уже после того, как богатства были экспроприированы потоком денежных знаков, который не удалось остановить. Гражданская война требовала все новых и новых средств, которые взять было негде, и все эти средства приходилось брать поневоле при помощи печатного станка, что и привело к полному срыву первоначально намеченной и первое время твердо проводившейся ВИ политики»[2040].

В черновом наброске к проекту программы РКП(б) Ленин в феврале 1919 года предлагал: «Сразу уничтожить деньги в первое время перехода от капитализма к коммунизму представляется невозможным… Одной национализации банков для борьбы с этим пережитком буржуазного грабежа недостаточно. РКП будет стремиться к возможно более быстрому проведению самых радикальных мер, подготовляющих уничтожение денег, в первую голову замену их сберегательными книжками, чеками, краткосрочными билетами на право получения общественных продуктов и т. д., установление обязательного держания денег в банках и т. п.»[2041]. Декрет Совнаркома от 2 мая 1919 года предусматривал осуществление платежей между учреждениями без реальной денежной оплаты – через их оформление бухгалтерскими записями. В конце 1920 – начале 1921 года были приняты решения о закрытии Центрального банка, бесплатном обеспечении рабочих, служащих и членов их семей продовольствием, одеждой и обувью. Правительство отменило плату за квартиру и коммунальные услуги, за проезд в общественном транспорте. Это был апогей «военного коммунизма».

К концу 1920 года курс бумажного рубля упал в 13 тысяч раз по сравнению с 1913-м. И продолжал падать, а эмиссия нарастать.

До 1 января 1922 года было выпущено бумажных денег на 7 трлн рублей, на 1 ноября того же года – на 1302 трлн[2042].

Постановлением СНК от 3 февраля 1920 года было учреждено Государственное хранилище ценностей РСФСР (Гохран) для централизованного хранения и учета «ценностей, состоящих из золота, платины, серебра в слитках и в изделиях из них: бриллиантов, цветных драгоценных камней и жемчуга». Сперва были аккумулированы драгоценности царской семьи, Оружейной палаты, РПЦ. В 1920 году вступил в действие и декрет «О конфискации всего движимого имущества эмигрантов и лиц, приравненных к ним». Золотом Ленин распоряжался лично.

Однако с момента создания Гохрана возникли ожидаемые проблемы. Воровали, как выяснится, все, включая комиссаров, и всё, включая золото в слитках и драгоценные камни. С мандатом ЦК РКП(б) в Гохран 4 мая 1921 года был отправлен Юровский, расстреливавший царскую семью. Через несколько дней он докладывал Ленину о том, что ежедневно из Гохрана пропадало ценностей на 1,5 миллиона рублей золотом. Организаторов быстро вычислили, изъяли у них и бриллианты, и левые накладные, и обширную переписку с заграничными партнерами на бланках Наркомфина. Троих расстреляли, остальных посадили[2043].

Марксисты знали: где деньги, там и товар. Ленин доказывал: «Свободно торговать – это значит свободно насаждать капиталистов; а свобода торговать в стране, которая измучена голодом, где голодный человек за кусок хлеба готов отдать все, что угодно, даже себя в рабство, свободно торговать, когда страна голодает, – это значит свободно обогащать меньшинство и разорять большинство»[2044].

Шло широкое внедрение социалистических принципов распределения и наступление на частную торговлю. 21 ноября 1918 года был принят декрет Совнаркома об организации снабжения, который упразднял частноторговый аппарат и возлагал на Комиссариат продовольствия обязанность заготовки и снабжения населения всеми продуктами личного потребления. Началась кампания национализации магазинов, которая ничего не дала: ни в одном магазине в момент национализации товаров не оказывалось. Людей в городах и деревнях объединяли в «потребительские общества», или коммуны, через которые шло распределение продовольственных пайков. Правоохранители пресекали торговлю и выявляли склады совучреждений, хлебопекарни и булочные, откуда на рынок поступали ворованные товары. Политика государственного снабжения обернулась на деле ограничениями свободной торговли, которые

ослаблялись в частые моменты обострения социальной напряженности.

Так, в Москве и Петрограде было легализовано «полуторапудничество», когда крестьяне получили право привозить в города и продавать по рыночным ценам до полутора пудов зерна. Именно на черном рынке, несмотря на все запреты, реализовывалась большая часть продовольствия, не говоря уже обо всем остальном – от карточек на продукты и талонов на галоши до антиквариата и бриллиантов. И чем шире становился сектор распределения товаров по карточкам, тем большие размеры принимал черный рынок: туда немедленно перекочевывала значительная часть полученного бесплатно или по низкой цене. Цены на черном рынке были взвинчены дефицитом и преследованиями частных торговцев. Частная торговля, как ее ни травили, не замирала ни на миг. Тот же Сухаревский рынок в Москве оставался постоянным «рассадником криминала» и «одним из крупных спекулятивных торжищ» страны.

В проекте программы РКП(б) Ленин записал: «В области распределения задача Советской власти в настоящее время состоит в том, чтобы неуклонно продолжать замену торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе, распределением продуктов. Целью является организация всего населения в производственно-потребительные коммуны, способные с наибольшей быстротой, планомерностью, экономией, с наименьшей затратой труда распределять все необходимые продукты». Кооперативную торговлю Ленин терпел как «единственный аппарат, созданный капиталистическим обществом, который мы и должны использовать»[2045].

Герберт Уэллс с удивлением замечал в 1920 году, что «в Петрограде осталось, пожалуй, всего с половины дюжины магазинов… Краска облупилась, витрины треснули, одни совсем заколочены досками, в других сохранились еще засиженные мухами остатки товара; некоторые заклеены декретами; стекла витрин потускнели, все покрыто двухлетним слоем пыли. Это мертвые магазины»[2046].

Противник торговли, как таковой, Ленин весьма скептически относился к внешней торговле. Впрочем, соответствующему наркомату во главе с Красиным, в условиях блокады долгое время нечем было заняться. И Соломон, работавший у Красина заместителем, придумал. Наркомат занялся… контрабандой, действуя через уже существовавшие криминальные структуры и каналы. Закупали, в основном, медикаменты, термометры, топоры и пилы – ничего этого в стране не производилось. Другое

дело, что после доставки товаров в соответствующие наркоматы для распределения, внешторговцы затем обнаруживали эти товары на Сухаревке[2047]. Но с неорганизованной контрабандой боролись «по законам военно-революционного времени»[2048].

После заключения первых мирных договоров отдушиной стали прибалтийские страны, прежде всего Эстония. Надежды на расширение сотрудничества были велики.

– Мы в России имеем пшеницу, лен, платину, поташ и много полезных ископаемых, в которых испытывает острую потребность весь мир, – говорил Ленин американскому корреспонденту в феврале 1920 года. – В конце концов мир должен будет прийти к нам за этим, невзирая на то, большевизм у нас или не большевизм[2049].

Блокада продолжалась. Как рассказывал Красин, «скептицизм ВИ заходил так далеко, что он одно время даже сомневался, сможем ли мы закупать за границей товары на наше золото. Однажды он даже в полушутливой форме спросил меня:

– Да сумеем ли мы израсходовать наше золото» [2050].

Опасения Ленина не были безосновательными. Соломон, обосновавшийся с 1920 года в посольстве в Таллине, рассказывал, что советское золото легально не котировалось на западноевропейских биржах. «Я имел возможность продавать золото только в Стокгольме. Конечно, стокгольмская биржа была лишь промежуточным этапом для нашего золота и, в свою очередь, перепродавала его… на крупных биржах, как берлинская, например. Разумеется, мы теряли от этой перепродажи, но ничего в то время нельзя было поделать»[2051]. Красин утверждал: «Эта “золотая” блокада причинила нашей республике потерю около 45 миллионов рублей и была изжита только ко времени подписания торгового соглашения с Англией в марте 1921 года»[2052].

Ленин медленно, но верно подходил к идее концессий. Летом 1918 года группа бывших владельцев акционерного общества Сормовских заводов во главе с Мещерским предложила советскому правительству сдать им крупнейшие паровозо- и вагоностроительные заводы на концессию, чтобы наладить производство на Сормовском, Коломенском, Брянском, Выксунском и Кулебакском заводах. Ленин «созвал специальное совещание», и ВИ «высказался против передачи этих заводов на “внутреннюю концессию”, причем в своей речи заострил вопрос на проблеме дисциплины труда и поднятия производительности труда»[2053].

Отвергнув и уничтожив отечественный частный капитал и позволив заводам умирать, Ленин предпринимал отчаянные

усилия, чтобы привлечь в Россию капитал иностранный. Его он почему-то считал менее опасным для коммунизма. 4 февраля 1919 года он написал постановление о предоставлении концессии на Великий северный железнодорожный путь – от Оби через Котлас в Петроград. Там было сказано, что Совнарком «признает концессии представителям иностранного капитала вообще, с принципиальной точки зрения, допустимыми в интересах развития производительных сил». Проект не был реализован. Но идея концессии была закреплена.

В письме американским рабочим от 23 августа 1919 года Ленин замечал: «На разумных условиях предоставленные концессии желательны и для нас, как одно из средств привлечения к России технической помощи более передовых в этом отношении стран, в течение того периода, когда будут существовать рядом социалистические и капиталистические государства»[2054]. Абрам Моисеевич Аникст тогда работал в Наркомтруде: «В 1920 г. в связи с возвращением в Россию реэмигрантов из Америки и некоторой тягой сюда немецких рабочих возникает целый ряд проектов и предложений со стороны различных групп американских и германских рабочих о сдаче в аренду или передачу им в эксплуатацию фабрик, заводов и совхозов. ВИ относился к этим предложениям очень сочувственно, видя в них один из способов повышения нашей техники»[2055].

Наибольшие перспективы Ленин видел в контактах с Вашингтоном Вандерлипом, который представился миллиардером и представителем известного финансового клана (Франк Артур Вандерлип был президентом нью-йоркского National City Bank). Хотя и у Ленина сомнения возникали: «Так как наша контрразведка в ВЧК, поставленная превосходно, к сожалению, не захватила еще Северных Штатов Америки, мы пока еще не установили сами родства этих Вандерлипов».

Вашингтон Вандерлип написал Ленину, что он представляет руководство Республиканской партии, обреченной на победу на президентских выборах 1920 года. Республиканцы планируют сразиться с японцами, для чего нужны нефть, сырье и плацдармы на Дальнем Востоке. США заинтересованы в концессии на разработку рыбных промыслов, на разведку и добычу нефти и угля в Восточной Сибири к востоку от 160-го меридиана восточной долготы. Если Москва продаст Соединенным Штатам Камчатку, то обеспечит не только немедленное дипломатическое признание, но и дружбу Америки. Особенно Ильича обрадовало то, что Вандерлип обещал по возвращении в Америку рассказать всем, что у Ленина нет рогов. Эту историю Ленин публично

повторит – с вариациями – многократно.

Кандидат республиканцев и действительно будущий президент Уоррен Гардинг категорически отверг факт каких-либо переговоров с Москвой в принципе или знакомства с Вашингтоном Вандерлипом, о чем Ленину было известно. Однако глава советского правительства счел это предвыборным трюком Гардинга, не желавшего обвинений в контактах с большевиками. Для ведения переговоров с Вандерлипом была создана комиссия из представителей ВСНХ, наркоматов иностранных дел и внешней торговли под руководством Рыкова. В конце октября был готов проект договора, по которому американцы получали концессию сроком на 60 лет. Фактически ради этого договора 23 ноября был принят декрет о концессиях.

Ленин 26 ноября выступил на эту тему на собрании секретарей московских партячеек:

– Мы предлагаем в аренду Камчатку вместо того, чтобы отдать ее даром: ведь взяла же у нас Япония путем военного захвата огромный кусок земли на Дальнем Востоке… Второй тип концессии – мы сдаем несколько миллионов десятин леса в Архангельской губернии, который при всех наших усилиях использовать не можем.

Конечно, Ленин оговаривался:

– Несомненно, они будут пытаться обмануть нас и обойти наши законы, но у нас на это есть соответствующие учреждения: ВЧК, МЧК, Губчека и т. д.

Партия, да и вся страна были в шоке: не успели освободиться от своих буржуев, как тут же отдают Страну Советов в кабалу буржуям иностранным. После этого Ленин вынужден был месяц с лишним говорить на эту тему во всех выступлениях в конце 1920 года. Например, 6 декабря:

– Если мы Камчатку, которая юридически принадлежит нам, а фактически захвачена Японией, отдадим Америке, ясно, что мы выиграем. Мы написали проект договора, который еще не подписан, который отдает на 60 лет Камчатку – большую территорию крайнего Востока и Северо-Востока Сибири – американцам с правом поставить военную гавань в том порте, который открыт круглый год, в котором есть нефть и уголь. В Европейской России – северные леса – 70 миллионов десятин. Миллионов 17 десятин предназначены под концессии. У нас есть один миллион десятин целины, которой мы не поднимем, так как не имеем рабочего скота, не имеем необходимых орудий, а трактором эту землю можно поднять на любую глубину. Поэтому нам выгодно эту землю сдать в аренду.

Перед открытием VIII съезда Советов 21 декабря Ленин

вынужден был выступать со специальным докладом о Камчатке и концессиях на фракции партии.

– Наш основной интерес – возможно скорее получить от капиталистических стран те средства производства (паровозы, машины, электрические аппараты), без которых восстановить нашу промышленность сколько-нибудь серьезно мы не сможем, а иногда и совсем не сможем, за недоступностью иметь для наших фабрик нужные машины. Надо подкупить капитализм сугубой прибылью.

Вандерлип меж тем продолжал пудрить мозги, на сей раз уверив Москву, что уже вступивший на пост президента Гардинг был готов к восстановлению торговых отношений. 17 марта 1921 года Ленин писал Вандерлипу в Вашингтон: «Я очень рад слышать, что президент Гардинг благожелательно относится к нашей торговле с Америкой. Вы знаете, какое значение мы придаем нашим будущим деловым сношениям с Америкой». Москва отправила Гардингу послание в этом духе. Но выяснилось, что у него были другие взгляды на Россию. Жульничество Вандерлипа стало заметно невооруженным взглядом. Даже Ленину. На заседании комфракции ВЦСПС 11 апреля он оправдывался:

– И совершенно неправильно острил т. Рязанов, говоря, что с Вандерлипом мы влипнем. Правда, нами была допущена одна ошибка, это – посылка телеграммы Гардингу. Но так как до сих пор мы никаких договоров и сношений с Америкой не имели, то ошибки тут не было, и мы только увидели, что Вандерлип хвастал своими связями с американским правительством.

На этом заседании Ленин делал обширный доклад о концессиях, рассказывая об их важности и, как бы мимоходом, заметил:

– Должен прибавить, что до сих пор мы еще ни одной концессии не заключили[2056].

Одной из причин неудач внешнеторговой и концессионной политики было стойкое нежелание Ленина даже обсуждать проблему обслуживания внешнего долга. О проблемах долгов Ленин высказывался не раз, и до 1921 года – совершенно однозначно. Например, о Франции:

– Она надеется, что мы ей заплатим те 20 миллиардов долга, которые взял бывший царь и которые подтвердило правительство Керенского, и теперь всякому разумному человеку ясно, что французским капиталистам не видать этих денег, как своих ушей…[2057].

В результате реализации ленинской политики и Гражданской войны российская экономика рухнула. Соломон видел из окна

поезда: «Мы ехали, вернее тащились по лесам и пустыням, поросшим травой, вдоль запущенных полей, и мы почти не встречали скота – все, или почти все было реквизировано, перерезано. И всюду картины лишений, лишений без конца!.. Уныние и полная безнадежность царили повсюду, и люди даже не скрывали своего отчаяния и в случайных беседах открыто жаловались на то, что большевики довели их своими реквизициями и всей своей политикой до полного разорения, до нищеты»[2058]. Ленин был почти безукоризненно точен, когда говорил в декабре 1920 года:

– Россия промышленно разорена, и, по сравнению с довоенным положением, оно ухудшилось до одной десятой, если не ниже[2059].

В 1920 году объем экономики составлял 12,8 % от довоенной. Выпуск промышленной продукции снизился на 86 % по сравнению с 1913 годом. Зарплата рабочих сократилась на две трети[2060]. В городах и рабочих поселках не хватало всего – хлеба и топлива, одежды и обуви, люди уже который год жили впроголодь.

Выплавка чугуна упала до уровня 1862 года, а выпуск тканей – 1857 года.

По подсчетам известного англо-американского историка Пола Кеннеди, производство стали в России в 1920 году составило 0,16 млн тонн, тогда как в 1913 году было 4,8 млн тонн. В США в 1920-м выплавили 42,3 млн тонн. Потребление энергии (в миллионах тонн угольного эквивалента) в России в 1920 году составило 14,3 (в 1913 году – 54), тогда как в США – 694[2061].

Было выведено из строя около 80 % всей железнодорожной сети. Если до войны парк паровозов насчитывал 19 тысяч единиц, то к началу 20-х – только 7 тысяч, причем большинство из них дышало на ладан. Из 473 тысяч вагонов сохранилось 195 тысяч. На приколе стояло большинство судов. Практически не функционировали почта и связь.

Посевная площадь составляла в 1921 году 50 % по сравнению с довоенной. Валовой сбор зерна упал с 7,5 млрд пудов на территории Российской империи до 1,9 млрд в 1921 году на территории РСФСР (правда, надо принять во внимание и потерю территорий). Поголовье скота по сравнению с довоенным сократилось вдвое, причем лошадей – на 50–60 %, свиней – на 60 %, овец – на 70 %. Племенные хозяйства были практически полностью уничтожены[2062]. В деревне мужчин работоспособного возраста стало почти на четверть меньше, 4,5 миллиона стали инвалидами[2063].

При этом Ленин не унывал. Он говорит 22 сентября 1920 года: «Наше экономическое положение значительно улучшилось. Мы знаем, что у нас есть больше 100 миллионов пудов нефти. Мы знаем также, что у нас есть от 20 до 30 миллионов пудов угля в Донецком бассейне. Мы знаем также, что у нас улучшилось дело с дровами… Мы основную экономическую базу продолжаем себе обеспечивать и обеспечим…»[2064] И он видел возможность прорыва.

Теоретическим стержнем большевистской экономической программы станет ускоренное развитие индустриальной цивилизации как средство преодоления отсталости России. «Мы доведем дело до того, чтобы хозяйственная база из мелкокрестьянской перешла в крупнопромышленную, – доказывал Ленин. – Только тогда, когда страна будет электрифицирована, только когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной промышленности, только тогда мы победим окончательно»[2065]. Идея индустриализации была одной из самых сильных в концептуальном арсенале большевиков. Американский философ Элвин Тоффлер, автор концепции «трех волн» развития человеческой цивилизации – сельскохозяйственной, промышленной, постиндустриальной – называет большевиков типичной модернизаторской «партией Второй волны»[2066].

Гражданская война еще не закончилась, а Ленин вернулся к идеям индустриализации. Он увидел в них не столько экономический, сколько грандиозный политический проект, позволяющий предложить людям захватывающую перспективу и начать прокладывать дорогу в коммунизм. И тут подвернулся старый приятель Кржижановский. Прочтя в «Правде» 23 января 1920 года его статью «Задачи электрификации промышленности», Ленин тут же направил послание: «Великолепно… Я думаю, подобный “план” – повторяю, не технический, а государственный – проект плана, Вы бы могли дать. Его надо дать сейчас, чтобы наглядно, популярно для массы увлечь людей ясной и яркой (вполне *научной* в основе) перспективой: за работу-де, и в 10–20 лет мы Россию всю, и промышленную и земледельческую, сделаем *электрической*». Уже 2 февраля Ленин на сессии ВЦИК предложил:

– Мы должны провести… резолюцию, предлагающую ВСНХ и Комиссариату земледелия в соглашении между собой выработать проект по вопросу об электрификации России…

Ленин доказывал: «Завершение электрификации явится первой важной ступенью на пути к коммунистической организации экономической жизни общества. Вся наша

промышленность получит энергию от общего источника, способного снабжать в одинаковой степени все ее отрасли. Это устранит непроизводительное соперничество в поисках топлива и создаст прочную экономическую основу для предприятий обрабатывающей промышленности, без чего мы не можем надеяться достичь такого уровня обмена продуктами первой необходимости, который бы соответствовал принципам коммунизма». В ноябре 1920 года Ленин в подмосковной деревне Кашино запустил первую сельскую электростанцию. После этого стали говорить о «лампочке Ильича» – лампе накаливания, впервые появившейся в сельской местности.

И масштабы электрификационных планов растут. В декабре 1920 года Ленин внушает Кржижановскому: «Электричество надо пропагандировать… Для этого надо теперь же выработать *план* освещения электричеством каждого *дома* в РСФСР. Это надолго, ибо ни 20 000 000 лампочек, ни проводов и проч. у нас *долго* не хватит. Но план все же нужен *тотчас*, хотя бы и на ряд лет».

Ленин поручил выработать перспективный народнохозяйственный план – специально созданной Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО) во главе с Кржижановским. Тот напишет: «Лишь поддержка, неусыпная внимательность, непрерывный дружеский совет и подбадривание ВИ обеспечивали работы Государственной комиссии по электрификации, которой удалось в 9-месячный срок и с общим расходом самых ничтожных средств (при работе около 200 ученых мы в общей сложности потратили не более 30 000 руб.) составить для VIII съезда Советов известный доклад об электрификации РСФСР»[2067].

На этом съезде в неосвещенной Москве и в неотапливаемом Большом театре Ленин произносит знаменитое:

– Коммунизм – это есть Советская власть плюс электрификация всей страны.

Но Ленин уже увидел в ГОЭЛРО нечто большее. 6 ноября он писал Кржижановскому: «Собственно говоря, ГОЭЛРО и должно быть единым плановым органом при СНК». Ленин скажет на VIII съезде Советов: «Конечно, это – план лишь приблизительный, первоначальный, грубый, с ошибками, план “в порядке первого приближения”, но это настоящий научный план»[2068]. И там же убеждал Кржижановского, что «придется немедленно сесть за дальнейшую работу уточнения, усовершенствования этого плана. Поэтому уже в начале 1921 года он настаивал, чтобы группа работников, потрудившихся над планом электрификации, немедленно перешла ко второму этапу своей работы. Таким образом зародилась идея Госплана, и ВИ не только обсуждал

первоначальный набросок проекта организации Госплана, но и кандидатуру каждого из лиц, выдвигаемых мною в члены Госплана»[2069].

Так возник орган планирования развития народного хозяйства – Государственная общеплановая комиссия (Госплан). С планом ГОЭЛРО дело шло медленно. В июле Ленин писал: «*И, главное*, засадить 70 % членов Госплана за работу по *14 часов в сутки* (пусть наука потерпит: пайки дали хорошие, надо заставить работать)»[2070]. План ГОЭЛРО окончательно был утвержден на IX съезде Советов в декабре 1921 года. Он был рассчитан на 10–15 лет и предусматривал строительство 30 районных электростанций общей мощностью 1750 мВт. Проекты трех электростанций, – Каширской, Шатурской и Волховской – существовали еще до революции. Они и стали первыми. План ГОЭЛРО будет в целом выполнен к началу 1930-х годов, во времена его наследников – первых пятилеток.

Советский народ

Революция вздыбила Россию. Уже после Февраля 1917 года стремительно исчезали понятия об авторитете власти, рефлексы повиновения, растворялись правовые и религиозные нормы. Мораль войны переходила на все отношения в обществе, сделав насилие основным способом действия. Исчезало понятие собственности, преступность приняла небывалые прежде масштабы. Страна переставала работать. Появилась совершенно не характерная для традиционной России половая распущенность, аллегория революции как «гулящей девки на шальной солдатской груди» не была преувеличением.

Гражданская война лишь предельно добавила к общественной деградации. Питирим Сорокин с горечью констатировал: «Не убийца – стал убийцей, гуманист – насильником и грабителем, добродушный обыватель – жестоким зверем… Три с половиной года войны и три года революции, увы, “сняли” с людей пленку цивилизации, разбили ряд тормозов и “оголили” человека… Жизнь человека потеряла ценность. Моральное сознание отупело. Ничто больше не удерживало от преступлений. Рука поднималась на жизнь не только близких, но и своих. Преступления для значительной части населения стали “предрассудками”. Нормы права и нравственности – “идеологией буржуазии”». В Москве, которая избежала непосредственных военных действий, по сравнению с 1914 годом количество краж выросло в 3 раза, грабежей – в 8 раз, убийств выросло – в 10 раз, вооруженных грабежей – в 285 раз[2071].

Читая Ленина, диву даешься, как мало он размышлял о смысле бытия, добре и зле, морали и нравственности, ценностях. Для него они были самоочевидны, предельно приземлены и вписаны в схемы классовой борьбы. Традиционные человеческие ценности, воплощенные в заповедях основных религий и ведущих философских учений, Ленин отрицал наотмашь.

Луначарский подмечал: «Он ужасно не любил сентиментальности, и чрезвычайно редко из его уст не только в порядке официальном и публичном, но даже интимном, замкнутом слышались какие-нибудь фразы, имеющие моральный смысл, говорящие о любви к людям, к их будущему, об эмоциональных стимулах поведения»[2072]. Мстиславский писал: «Перед разгоном Учредительного собрания был разговор с Лениным группы членов ЦК левых эсеров. Спиридонова говорила очень возбужденно: сказала что-то про “хулиганство” и упомянула о морали. Ленин сейчас же поднял брови:

– Морали в политике нет, а есть только целесообразность»[2073].

Редкий случай развернутых рассуждений на этот счет – в речи на III съезде комсомола в октябре 1920 года.

– В каком смысле отрицаем мы мораль, отрицаем нравственность? В том смысле, в каком проповедовала ее буржуазия, которая выводила эту нравственность из велений бога. Мы на этот счет, конечно, говорим, что в бога не верим, и очень хорошо знаем, что от имени бога говорило духовенство, говорили помещики, говорила буржуазия, чтобы проводить свои эксплуататорские интересы… Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата.

Отсюда напрашивается вывод о ленинском определении морали: морально все то, что способствует интересам классовой борьбы пролетариата.

– Мы говорим: нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, созидающего новое общество коммунистов… Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем[2074].

То есть во имя торжества коммунистического будущего трудящегося можно все. И это – нравственно. «Безжалостная месть при замороженном сострадании под покровом уравновешенности, практичности, чувства юмора, – писал Черчилль о Ленине. – Его оружие – логика, настроение – изменчиво. Его жалость – как Арктический океан, его ненависть – как петля палача. Его цель – спасти мир, средство – разрушить до основания. Принципы – абсолютны, но не постоянны. Способный одновременно убивать и учиться, приговаривать и рефлексировать, быть тираном и филантропом… Необходимость убийства конкретного человека вызывала у него отвращение и даже боль. Но вычеркнуть из жизни миллион, объявить вне закона целые классы, разжечь пламя междоусобной войны по всему миру с неминуемым разрушением благосостояния целых наций – это для него были полные абстракции»[2075].

Ленин был не в восторге от того человеческого материала, который он унаследовал от тысячелетней России. Как Ленин замечал в «Детской болезни», «нельзя, не из чего, строить коммунизм иначе, как из человеческого материала, созданного капитализмом, ибо нельзя изгнать и уничтожить буржуазную интеллигенцию, надо победить, переделать, переварить, перевоспитать ее – как перевоспитать надо в длительной борьбе,

на почве диктатуры пролетариата, и самих пролетариев, которые от своих собственных мелкобуржуазных предрассудков избавляются не сразу, не чудом, не по велению божией матери, не по велению лозунга, резолюции, декрета, а лишь в долгой и трудной массовой борьбе с массовыми мелкобуржуазными влияниями».

В стране, где была ликвидирована собственность, зажиточность объявлена пороком, самой острой окажется проблема стимулов к труду. В ленинском видении таким стимулом должна была выступать коммунистическая сознательность. В апреле 1920 года Ленин дал свое идеальное видение: «Коммунистический труд в более узком и строгом смысле слова есть бесплатный труд в пользу общества, труд, производимый не для отбытия определенной повинности, не для получения права на известные продукты, не по заранее установленным и узаконенным нормам, а труд добровольный, вне норм, труд, даваемый без расчета на вознаграждение, без условия о вознаграждении, труд по привычке трудиться на общую пользу и по сознательному (перешедшему в привычку) отношению к необходимости труда на общую пользу, труд как потребность здорового организма».

Поэтому столь большое значение Ленин придавал почину с субботниками, в которых видел образец того самого коммунистического труда – добровольного и безвозмездного. Почин был снизу. 12 апреля 1919 года партийцы депо «Москва-Сортировочная» Московско-Казанской железной дороги приняли постановление: отработать в субботу под воскресенье с 12 на 13 апреля в ночь. «Это – начало поворота, более трудного, более существенного, более коренного, более решающего, чем свержение буржуазии, ибо это – победа над собственной косностью, распущенностью, мелкобуржуазным эгоизмом, над этими привычками, которые проклятый капитализм оставил в наследство рабочему и крестьянину, – восхищался Ленин. – … Коммунистические субботники необыкновенно ценны, как *фактическое* начало *коммунизма*»[2076].

Первого мая 1920 года бы проведен первый всероссийский субботник-маевка, на котором только в Москве работали 425 тысяч человек[2077]. Одним из них был Ленин – легендарно – сам председатель Совнаркома. Воспоминаниями делился И. И. Борисов. «Я с курсантами тоже вышел на кремлевский двор для работы. Одна часть площади Кремля была загромождена всяким мусором и строительным материалом… Ко мне подошел комендант Кремля тов. Петерсон со словами:

– Тов. Ленин пришел принять участие в субботнике.

Я увидел Ильича. Он стоял, ожидая распоряжения, в нескольких шагах от нас, в потрепанном костюме и штиблетах. Я предложил ему встать, как старшему среди нас, правей меня, что он с поспешностью и сделал, быстро сказав:

– Вы мне указывайте, что нужно делать.

Работу нужно было выполнять попарно, и я в паре с ВИ стал носить длинные слеги. Он все старался брать слегу не за тонкую ее часть, а за толстую, я же хотел дать ему конец полегче, и между нами завязывался спор… Дерево было все перетаскано, приступили к уборке куч щебня. Здесь пришлось работать киркой. У тов. Ленина кирка не работала послушно, и он попросил дать ему работу, вроде таскания бревен, но такой работы не было. Тогда он попросил научить его, как лучше разбивать груды щебня киркой… С него пот, как и с других, лил градом. Он мне передал, что в три часа ему нужно выступить, просил разрешения освободиться на несколько минут раньше. Его просьба была удовлетворена»[2078]. С того времени субботники прочно вошли в жизнь каждого советского человека. А количество людей, принявших участие в том знаменитом субботнике, на котором Ленин нес бревно (которое он не нес), с каждым годом росло по экспоненте.

Но коммунистической сознательности, как потребности здорового организма к труду, кроме как на субботниках, пока неоткуда было взяться. Оставались также такие стимулы, как деньги и зарплата.

Нарком труда Шмидт подтверждал, что Ленин предлагал установить «полную зависимость заработной платы от производительности труда. ВИ трудно усваивал сложную систему тарификации и обычно при изложении ее затыкал уши пальцами и говорил:

– Нельзя ли попроще и так, чтобы рабочий мог вас понять?

К сожалению, общие условия, при которых приходилось регулировать заработную плату в то время, были настолько тяжелы, что основную идею прямой зависимости заработной платы от производительности труда нам провести не удалось»[2079]. Поэтому плохо обстояло дело и с зарплатой, и с производительностью.

«Продовольственное и вещевое обеспечение производилось по карточной системе, вне всякой связи с производительностью труда, – подтверждал Гольдман. – Однако на деле еще во время гражданской войны приходилось делать значительные отступления от этого общего уравнительного принципа. Уже в 1918 г., а тем более в 1919 г., рабочие заводов, изготовлявших военное снаряжение или вообще обслуживавших фронт, в

отношении обеспечения продовольствием и обмундированием находились в привилегированном положении. Получаемые пайки носили самые разнообразные названия: ударные пайки, пайки особых категорий, сверхударные и т. д.»[2080].

Действовавшая в городах карточная система распределения продуктов и промышленных товаров носила подчеркнуто классовый характер. Все трудовое население разделялось на четыре категории: лица, занимающиеся тяжелым физическим трудом; не тяжелым физическим трудом, больные и дети; люди свободных профессий, служащие, члены семей рабочих и служащих; частные предприниматели. Последней категории полагалось в восемь раз меньше хлеба, чем рабочим. Нормированное снабжение через растущее количество разного рода пайков – для красноармейцев, ученых, медиков, кормящих матерей и так далее – стало основной формой снабжения населения. Умение получить максимальное количество пайков получило название «пайколовство».

Школу выживания девятнадцатого года образно охарактеризовала Марина Цветаева: «Мы научились любить: хлеб, огонь, дерево, солнце, сон, час свободного времени, – еда стала трапезой, потому что *голод* (раньше «аппетит»), сон стал блаженством, потому что «больше сил моих нету», мелочи быта возвысились до обряда, все стало насущным, *стихийным*»[2081].

Художник Юрий Павлович Анненков: «1920 год. Эпоха бесконечных голодных очередей, “хвостов” перед пустыми “продовольственными распределителями”, эпическая эра гнилой промерзшей падали, заплесневелых хлебных корок и несъедобных суррогатов»[2082]. Когда война заканчивалась, Ленин поспешил уменьшить количество лиц, находящихся на госснабжении. 6 ноября 1920 года он написал дополнение к проекту постановления СНК о введении основной нормы рабочего снабжения: «Признавая вполне правильной политику НКПрода, состоящую в уменьшении количества норм снабжения, поручить Компроду внести декрет об уменьшении количества норм выдачи хлеба с точным перечнем этих норм»[2083].

Выпивки легально в России не было. 19 декабря 1919 года Ленин подписал декрет «О воспрещении на территории страны изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих средств». Государство спирт и водку не производило, стало быть, их поставляли на рынок частники. Органы ВЧК вели по всей стране ожесточенную войну с самогонщиками. Уголовная ответственность была установлена не только за изготовление и продажу, но и употребление самогона. И производили, и

продавали, и употребляли.

Одежда теперь была призвана помочь затеряться в толпе и подчеркнуть пролетарское происхождение. За шляпу могли и застрелить. Впрочем, в годы Гражданской войны одежда – кроме военной формы – практически не производилась. Экспроприированное у лишенцев и уехавших за границу имущество поступало на склады и выдавалось по ордерам. «Форменной одеждой» госслужащих стала кожаная тужурка.

В России произошла дезурбанизация. «Заснеженная, холодная, голодная Москва января двадцать первого года, – вспоминал Леонид Утесов. – Худые люди тянут деревянные саночки, на которых лежит какая-то скудная кладь; пара поленьев, мешок с какой-то рухлядью, могущей служить дровами, иногда краюха хлеба, завернутая в тряпицу»[2084]. Соломон впервые после революции посетил Петроград: «Закрытые магазины, дома со следами повреждений от переворота. Унылые, часто еле бредущие фигуры граждан, кое-как и кое во что одетых. Улицы и тротуары поросшие, а то и заросшие травой. Какой-то облинялый и облезлый вид всего города. Как это было непохоже на прежний нарядный Питер»[2085]. Разваливался городской общественный транспорт, приходили в упадок и дороги, и канализация. Если в 1913 году, по подсчетам Пола Кеннеди, городское население России составляло 12,3 млн человек, или 7 % населения, то в 1920 году – 4 миллиона, или 3,1 % населения [2086]. В том же 20-м году в Британии в городах жили 37,3 %, в Германии – 35,7 %, в США – 25,9 %.

Квартирный вопрос сильно портил россиян еще до революции. Задача улучшения жилищных условий была реальной. В соответствии с принятыми в конце 1917 года декретами и постановлениями СНК и НКВД, владельцы жилья лишались права им распоряжаться: весь жилой фонд передавался в ведение городских властей, получивших право реквизировать свободные площади и вселять нуждающихся[2087]. Рабочих стали перемещать в квартиры состоятельных людей, сначала в те, которые пустовали после их бегства или эмиграции. В августе 1918 года был принят декрет «Об отмене прав частной собственности на недвижимое имущество», после чего домовые комитеты и комиссии по вселению приступили к распределению и заселению и тех квартир, которые их владельцы не собирались покидать. Госорганы были завалены жалобами на незаконные выселения и вселения, конфискации, реквизиции. Главными инструментами в борьбе за квадратные метры стали доносы о буржуазном происхождении и антисоветских взглядах. При этом состояние жилого фонда, лишившегося хозяина, стало

стремительно деградировать.

Одной из коммунистических идей было создание фаланстеров – домов-коммун, прививающих принципы коллективизма. Коммунальные квартиры на многие десятилетия стали почти всеобщей формой расселения людей в городах. Перебиравшаяся в города молодежь селилась в общежитиях, где действовали правила обобществленного быта: делили не только еду, но часто и одежду.

Малый СНК 8 августа 1921 года принял положение «Об управлении домами», в котором ответственность за сохранность жилого фонда возлагалась, в первую очередь, на заведующего домами. Документ попал на глаза Ленина, который написал: «Наши дома – загажены *подло.* Закон ни к дьяволу не годен. Надо в 10 раз *точнее* и *полнее* указать *ответственных* лиц (и не одного, а многих, в порядке очереди) и сажать в тюрьму *беспощадно*». А подписав решение Малого СНК о двух миллиардах рублей на чистку Москвы и прочитав «Положение» Наркомздрава о неделе оздоровления жилищ, – Ленин «пришел к выводу, что мои подозрения (насчет полной негодности постановки всего этого дела) усиливаются. Миллиарды возьмут, раскрадут и расхитят, а дела не сделают. В Москве надо добиться образцовой (или хоть *сносной*, для начала) чистоты, ибо большего безобразия, чем “советская” грязь в “первых” советских домах, и представить себе нельзя. Что же *не* в первых домах?» Выход из положения Ленин предлагал для себя не оригинальный – больше проверок и контроля»[2088].

Число человеческих жертв в Гражданскую войну было гораздо больше, чем в Первой мировой. Российская империя, утверждал Питирим Сорокин, в 1914 году вступила в войну «с численностью подданных в 176 млн. В 1920 г. РСФСР вместе со всеми союзными советскими республиками, включая Азербайджан, Грузию, Армению и т. д., имела лишь 129 млн населения. За шесть лет Русское государство потеряло 47 млн подданных». «Такая убыль за подобный период мне неизвестна из истории европейских стран. Она едва ли когда-либо имела место в истории России». Прямые военные потери от Первой мировой и Гражданской войн Сорокин оценивал в 5 млн человек. «Остальные 16 млн приходятся на долю их *косвенных жертв: на долю повышенной смертности и падения рождаемости*»[2089].

Современные историки оценивают общие демографические потери населения на фронтах и в тылу воевавших сторон (в боях, от голода, эпидемий и террора) в 8 млн человек[2090]. Но это на глазок, достоверной статистики мало. Есть авторы, называющие цифру 27 млн человек[2091]. С учетом отпадения ряда частей

бывшей империи население страны сократилось почти на 50 млн человек – со 175 до 126 млн.

Генофонд России был серьезнейшим образом подорван. В России «погибли преимущественно элементы: a) *наиболее здоровые биологически,* b) *трудоспособные энергетически,* c) *более волевые, одаренные, морально и умственно развитые психологически*». Среди лиц с образованием, особенно университетским, процент погибших был в 6–7 раз выше, чем в среднем по населению. «И без того бедные культурными слоями за эти годы мы стали прямо нищими. “Мозг и совесть” страны вымерли в колоссальном размере и продолжают вымирать». К этому добавилась эмиграция именно образованных слоев общества[2092]. Среди мужчин в возрасте от 15 до 60 лет убыль составила 28 %. «Россия «обабилась», как писал Сорокин, на 100 мужчин приходилось уже 125 женщин.

Конституция 1918 года утвердила принцип равенства женщин с мужчинами в государственной, хозяйственной, культурной и общественно-политической жизни. Были приняты декреты о равной оплате за равный труд, об охране материнства и детства. Но разрушался институт семьи, отношение к нему было пронизано революционным духом. Коллонтай писала: «В наших собственных интересах, в интересах крепости коммунистического строя – разбить во всех слоях, во всех классах устои старой, эгоистической, узко-замкнутой буржуазной семьи. Жизнь и та великая ломка былых устоев, которая совершается на наших глазах, очищает путь для строительства новых форм семьи – семьи социалистической, то есть для воспитания детей в детских колониях, детских общежитиях»[2093].

В «Великом почине» Ленин утверждал: «Мы не оставили в подлинном смысле камня на камне от тех подлых законов о неравноправии женщин, о стеснениях развода, о гнусных формальностях, его обставляющих, о непризнании внебрачных детей, о розыске их отцов и т. п., законов, остатки которых многочисленны во всех цивилизованных странах к позору буржуазии и капитализма». Но это только начало постройки, а не сама постройка. Настоящее освобождение – в перестройке мелкого домашнего хозяйства в крупное социалистическое.

Женщина должна заниматься не семейным бытом и детьми, а общественно полезным трудом. Бытовые вопросы должны решаться путем создания общественных столовых, прачечных, молочных кухонь, интернатов и детских домов. «Общественные столовые, ясли, детские сады – вот образчики этих ростков, вот те простые, будничные, ничего пышного, велеречивого, торжественного не предполагающие средства, которые на *деле*

способны *освободить женщину*, на деле способны уменьшить и уничтожить ее неравенство с мужчиной»[2094]. Когда дети окажутся на государственном обеспечении и воспитании, традиционная семья отомрет как пережиток буржуазного строя.

На деле раскрепощения женщины и освобождения ее от бытовых проблем не произошло. Напротив. Активистка женского движения Анжелика Балабанова писала: «Женщины, которые были обязаны революции всеми своими новыми правами и положением, вдруг стали старыми и изнуренными, физически покалеченными своими страданиями и бесконечной тревогой за детей. Мало-помалу их единственной заботой стало достать карточку, которая могла бы дать им возможность когда-нибудь в ближайшем или отдаленном будущем получить платье, пальто или пару ботинок для детей»[2095]. А женщины еще и воевали, и погибали в боях.

Борьба с «мещанско-буржуазными предрассудками» и «освобождение от буржуазного рабства» наносила удар по традиционным устоям. Люди стали на порядок чаще разводиться. И чаще жениться. Но это не вело к росту рождаемости, поскольку, как замечал Сорокин, «браки стали бесплодными» и превратились только в «легальную форму случайных половых связей без санкций и обязательств, без прочности и потомства»[2096]. Коллонтай ввела в оборот понятие «половой коммунизм», которое попыталась претворить в жизнь революционная молодежь. Привычными стали призывы: «Жены, дружите с возлюбленными своего мужа» или «Хорошая жена сама подбирает подходящую возлюбленную своему мужу, а муж рекомендует жене своих товарищей». Ленин считал идеи Коллонтай слишком радикальными.

В 1920 году постановлением народных комиссариатов здравоохранения и юстиции «Об охране здоровья женщин» провозглашались бесплатность и свободный характер абортов. Они стали практически единственным способом планирования семьи – с контрацептивами было совсем плохо. Очереди на аборты были настолько велики, что специальные комиссии выдавали разрешение на бесплатный аборт по классовому признаку. Очередность была такова: безработные-одиночки; работницы-одиночки, имеющие одного ребенка; многодетные, занятые на производстве; многодетные жены рабочих.

С первых дней Советской власти высокими темпами росла проституция, в нее вовлекалось все больше работающих женщин, зарплаты на жизнь не хватало. Стоит ли говорить о широко распространившихся в этих условиях венерических заболеваниях, которые не очень умели лечить, – антибиотиков не было[2097].

Сорокин фиксировал, что «молодое поколение начинало жить половой жизнью раньше, чем по физиологическим условиям это можно делать безнаказанно». 96,7 % процента девочек до 16 лет, прошедших через распределительный центр Петрограда, откуда их отправляли по колониям, школам и приютам, уже не были девственницами. Сифилисом были заражены до 30 процентов взрослых и 5 % новорожденных[2098].

Страшным итогом войны стала беспризорность: без попечения родителей осталось от 4,5 до 7 млн детей и подростков. У Ленина в полном собрании сочинений об этом нет практически ничего. Для ликвидации беспризорности в январе 1921 года была учреждена Деткомиссия ВЦИК во главе с Дзержинским. Большинство беспризорников направлялись в детские дома и трудовые коммуны. В 1922 году в них воспитывались больше полумиллиона детей.

Систему социального обеспечения – после уничтожения дореволюционной системы государственной и частной благотворительности и попечительства – создавал доктор Винокуров, в будущем многолетний председатель Верховного суда СССР. «Доставшееся нам в наследие так называемое “государственное призрение” построено было на началах паразитизма и лицемерной филантропии. ВИ дал указание организовать это дело на началах социального обеспечения трудящихся. Перед Советской властью встал вопрос о распространении социального обеспечения не только на рабочих, но и на часть крестьянства – на семьи красноармейцев, инвалидов войны и т. д.». Вот только распространять – кроме карточек – было особо нечего.

Российское здравоохранение Ленин ни в грош не ставил. Винокуров рассказывал, что «нам пришлось сломать весь старый государственный аппарат, в том числе и старую медицинскую бюрократическую машину. Пришлось распустить Ученый медицинский совет, Главное управление Красного Креста, Врачебно-санитарный совет, которые после Октябрьской революции состояли из контрреволюционных элементов, проводивших под прикрытием этих учреждений подрывную работу»[2099]. Поначалу большевики обходились без наркомата здравоохранения. Семашко – первый нарком – расскажет: «Хозяйственники были против: Троцкий сказал, что он “не верит” в начинание. Позиция наша была трудная. И только твердая, ясная поддержка ВИ спасла положение: огромным большинством Наркомздрав был создан… Надо было “собрать медицину”. Уперлись страховики со своими больничными кассами. И здесь ВИ нас поддержал»[2100].

Заняться было чем. Спутниками истощения, недоедания, холода, антисанитарии, войны стали эпидемия сыпного и возвратного тифа, за ними последовали холера и дифтерит. В 1918–1919 годах по России пронеслась эпидемия испанки – тяжелой формы гриппа, от которой по всему миру умерли миллионы. «Бывало – это не преувеличение, а, увы, реальный факт – двигались, приходили и уходили вагоны, *сплошь наполненные мертвецами.* Целые больницы без медицинского персонала, вымиравшего от тифа, без термометров, без самых элементарных медикаментов»[2101]. На VII съезде Советов Ленин говорил:

– *Или вошь победит социализм, или социализм победит вшей*![2102]

Вошь была сильнее. Тифом переболела треть населения. После Гражданской войны противоэпидемиологические мероприятия начали приносить результаты – заболеваемость снизилась.

Революция сделала общество всесословным, но одновременно максимально поляризовало его на «трудящиеся массы», понимавшиеся как рабочий класс и беднейшее крестьянство, и всех остальных, отнесенных к категории «буржуазии». Поляризация эта вызвала скачок классовой ненависти, предопределила успех большевистской агитации за «экспроприацию экспроприаторов», задала основной сюжетный стержень Гражданской войны. Последующие события кардинально изменили условия жизни всех слоев российского социума, которые обнаружили себя не только в новой реальности, но и в новой парадигме своего будущего бытия.

Лучше всего отношение большевиков к самой массовой социальной группе – крестьянству выражает определение Троцкого: «бесформенный обломок средневековья в современном обществе»[2103]. Хотя Ленин и писал много по аграрному вопросу, супруга ему говорила:

– Ты ведь не знаешь, как хлеб растет, ты видишь, как он булками на стол поступает, и думаешь, что он таким и родится[2104].

В основу своих рассуждений о крестьянстве Ленин клал его имущественную дифференциацию. Он оценивал количество крестьянских хозяйств (условно и с Украиной) в 15 миллионов. «Из этих 15 миллионов, наверное, около 10 миллионов бедноты, живущей продажей своей рабочей силы или идущей в кабалу богатеям или не имеющей излишков хлеба и особенно разоренной тяготами войны. Около 3-х миллионов надо считать среднего крестьянства, и едва ли не больше 2-х миллионов

кулачья, богатеев, спекулянтов хлеба. Эти кровопийцы нажились на народной нужде во время войны»[2105]. У последних не должно было быть будущего в Советской России.

Деревня в годы Гражданской подвергалась реквизициям и многочисленным социальным экспериментам, призванным спровоцировать классовое расслоение и создать систему большевистского контроля над крестьянством: через комитеты бедноты, насаждение совхозов и коммун. Объявлением гражданской войны в деревне не преминули воспользоваться и банды вольных мародеров, которые и грабили крестьян, и расстреливали продотряды.

В воспоминаниях красных командиров их с радостью приветствует освобождаемое от белых крестьянство. В воспоминаниях белых командиров и интервентов их с радостью встречает крестьянство, освобождаемое от красной чумы. Полагаю, пристрастны все. На мой взгляд, достаточно точную оценку дает Леонид Млечин: «Крестьяне желали, чтобы их оставили в покое. Сопротивлялись всем, кто пытался забрать хлеб»[2106].

В схеме марксизма-ленинизма, как мы знаем, рабочему классу отводилась решающая роль и в свержении власти капитала, и в построении нового, коммунистического общества. Однако в реальности рабочий класс жесточайшим образом пострадал от революции и ее последствий. В 1921 году Ленин скажет удивительную вещь:

– Естественно, что каждая революция влечет за собой огромные жертвы для класса, который ее производит… Диктатура пролетариата в России повлекла за собой такие жертвы, такую нужду и такие лишения для господствующего класса, для пролетариата, каких никогда не знала история, и весьма вероятно, что и во всякой иной стране дело пойдет точно так же[2107].

Пролетарская революция одним из первых своих парадоксальных следствий имела резкое сокращение численности рабочего класса и обнищание того, что от него осталось. Из-за массовой безработицы и голода к апрелю 1918 года из 365 тыс. питерских рабочих 220 тыс. разбежались по деревням. Весной 1919 года член рабочей семьи получал в Москве в среднем 214 граммов хлеба, на 80 граммов больше ленинградской блокадной нормы[2108]. Забастовки на промышленных предприятий вновь стали нормой.

Ленина пролетарий разочаровал. Он сокрушался, что в обстановке той бешеной и разнузданной спекуляции, которая создана была войной, в рабочий класс проникла такая

деморализация, с которой не миновать серьезно бороться. Тем более, что благодаря войне и состав передовых отрядов рабочего класса изменился далеко не в лучшую сторону.

В декабре 1918 года был опубликован и начал вводиться в действие первый советский Кодекс законов о труде, разработанный в недрах ВЦСПС и Наркомата труда. КЗоТ вводил понятие трудовой повинности, вводил трудовые книжки, которые, как предполагалось, со временем должны были заменить собой паспорт, накладывал запрет на самовольный уход с предприятия или переход на другое.

Обеспечивать рабочие места пролетариату крупных городов большевики не обещали. Напротив, Ленин гнал его из городов – в армию и продотряды. В июле 1918 года Ленин советовал петроградским пролетариям: «Сидеть в Питере, голодать, торчать около пустых фабрик, забавляться нелепой мечтой восстановить питерскую промышленность или отстоять Питер, это – *глупо и преступно*. Это – гибель всей нашей революции. Питерские рабочие должны порвать с этой глупостью, прогнать в шею дураков, защищающих ее, **и десятками тысяч** двинуться на Урал. На Волгу, на Юг, где много хлеба, где можно накормить себя и семьи, где *должно* помочь организации бедноты, где *необходим* питерский рабочий, как организатор, руководитель, вождь… Оружия и денег мы дадим сколько угодно».

Любопытно, что нэп Ленин рассматривал, помимо прочего, как средство возрождения рабочего класса в стране:

– Поскольку разрушена крупная капиталистическая промышленность, поскольку фабрики и заводы стали, пролетариат исчез… Если капитализм восстановится, значит восстановится и класс пролетариата, занятого производством материальных ценностей, полезных для общества, занятого в крупных машинных фабриках, а не спекуляцией, не выделыванием зажигалок на продажу…

Но при этом рабочие действительно пополняли кадры нового госаппарата. Ленин имел основание утверждать:

– Пролетариат выдвинул несколько тысяч, может быть, несколько десятков тысяч пролетариев на дело управления государством. Мы знаем, что новый класс – пролетариат – теперь имеет своих представителей в каждой отрасли государственного управления, в каждом клочке социализированного или социализирующегося предприятия или в области хозяйства[2109].

Пролетариат – наряду с профессиональными революционерами – стал резервуаром для комплектования советской элиты. В ранней советское иерархии на первый план вышли непосредственные участники революции – то есть лидеры

контрэлиты. Затем «Системы личных взаимоотношений сформировались в районах главных фронтов Гражданской войны вокруг политических комиссаров и членов Революционных военных советов»[2110]. Большевизм обеспечил беспрецедентные социальные лифты, совершенно немыслимые для прежних времен.

В привилегированном положении новой элиты оказались советские, партийные, военные руководители, представители правоохранительных органов. Большевики, по сравнению со своими предшественниками и наследниками, еще были относительно скромны. Но они тоже были людьми и жили в России. Специфика ленинской системы привилегий заключалась в том, что она носила не денежный характер. Иначе и не могло быть для людей, поставивших целью уничтожение товарно-денежных отношений как таковых.

Ленин, как мы знаем, поначалу установил руководству относительно низкую зарплату. А по декрету от 23 июня 1921 года зарплата ответственных работников ограничивалось 100–150 % от средней зарплаты в тех учреждениях, где они работали. При этом устанавливались жесткие ограничения на получение заработков на стороне[2111]. Однако, как замечал Бажанов, для «большевистских лидеров вопрос о деньгах никакой практической роли не играет. Они располагают всем без денег – квартирой, автомобилем, проездами по железной дороге, отдыхами на курортах и т. д. Еда приготовляется в столовой Совнаркома и доставляется на дом»[2112].

Руководящие работники поначалу жили в домах Советов, устроенных по принципу общежитий. Под такие дома были приспособлены лучшие гостиницы Москвы («Метрополь», «Националь»), Петрограда («Астория», «Европейская») и других городов. Но, надо сказать, жизнь даже в этих привилегированных местах была весьма специфической. Соломон обитал в «Метрополе»: «Гостиница эта, когда-то блестящая и роскошная, была новыми жильцами обращена в какой-то постоялый двор, запущенный и грязный… Хотя электрическое освещение и действовало, но ввиду экономии в расходовании энергии можно было пользоваться им ограниченно. Поэтому не действовал также и лифт… Отель был заполнен разными лицами, ни в каких учреждениях не состоящих. Сильные советского мира устраивали своих любовниц (“содкомы” – содержанки комиссаров), друзей и приятелей… “Метрополь” был полон клопов и даже вшей»[2113].

Затем совслужащим высшего звена, военачальникам, известным артистам, писателям, ученым стали предоставлять отдельные квартиры. Фотиева зафиксировала начальный этап

создания системы кремлевских привилегий. После того, как якобы на заседании Совнаркома Цюрупа упал в голодный обморок, Ленин дал ей поручение: «Организуйте столовую первоначально человек на 30 и включите туда наиболее отощавших, наиболее изголодавшихся». Постепенно она была выведена из Кремля и перешла в ведение лечсанупра Кремля[2114]. Лечебная комиссии ЦК заботилась о здоровье руководства. Естественно, встал вопрос, где лечить заболевших руководителей и их родных. Ответ тоже был естественным – там же, где и всегда до этого – в санаториях, на дачах, на водах, на море, за границей. Поручений Ленина на эту тему масса.

Организация мест отдыха и лечения не представляла большого труда. В начале 1920-х годов оказалось огромное количество заброшенных дворцов, вилл, особняков и дач, хозяева которых бежали за границу, погибли в Гражданскую или подверглись экспроприации. В них организовывались больницы, склады, детдома, детсады и, конечно, дома отдыха для быстро плодившихся госучреждений.

Ленин в то же время учил привилегии не афишировать: «Т. Молотов! Сейчас узнал из протокола Малого Совета, что есть «*Дом отдыха Совнаркома*» и что находится он в ведении управления СНК… Предлагаю отменить через Оргбюро и постановить: 1. в ведении этот дом отдыха должен быть Наркомздрава; 2. управление должно назначать Оргбюро ЦК; 3. название должно быть «Дом отдыха номер такой-то» (ибо много домов отдыха)». Практиковалась, хотя не слишком широко, отправка руководящих работников на лечение за рубеж. За госсчет за границей лечились не только функционеры и члены их семей, но и другие видные фигуры, в частности, Горький[2115].

Начала развиваться система индивидуальных госдач. Ленин с его Горками был далеко не единственным. Недалеко от станции Усово облюбовал себе бесхозную дачу нефтепромышленника Зубалова Сталин. На соседних дачах поселились Ворошилов, Шляпников, Микоян, Гамарник. Троцкий жил чуть в стороне – в роскошном дворце Феликса Юсупова в Архангельском.

Элита новая устраивались, как могла. Элита прежняя сколько-нибудь сносного будущего в России лишилась.

– Что бы ни говорили, а, в конце концов, волей революционного народа буржуазия вынуждена будет или сдаться на капитуляцию, или погибнуть[2116], – выносил приговор Ленин на Третьем съезде Советов.

А любитель ярких образов Троцкий писал: «Бесшумно передвигалась социальная почва, точно вращающаяся сцена, выдвигая народные массы на передний план и унося вчерашних

господ в преисподнюю»[2117]. Русская революция, как и любая другая, стала «кладбищем аристократий». Дворянская элита не смогла ни защитить себя, ни убедить людей в нужности своего существования. Тысячи были просто уничтожены кровавым колесом репрессий, как и царская семья, и многие члены императорской фамилии.

Все представители прежней элиты, которым посчастливилось выжить, лишились всего[2118]. Бунин имел все основания написать: «“Нельзя огулом хаять народ!” А “белых”, конечно, можно. Народу, революции все прощается, – “все это только эксцессы”.

А у белых, у которых все отнято, поругано, изнасиловано, убито, – родина, родные колыбели и могилы, матери, отцы, сестры, – “эксцессов”, конечно, быть не должно. “Революция – стихия…” Землетрясение, чума, холера тоже стихии. Однако никто не прославляет их, никто не канонизирует, с ними борются. А революцию всегда “углубляют”. “Народ, давший Пушкина, Толстого”. А белые не народ… Ни одна страна в мире не дала такого дворянства»[2119].

Горький заговорил с Лениным о судьбах дворянства. «Помолчал. Встал и, перебирая бумаги на столе, сказал задумчиво:

– Да, этим людям туго пришлось, история – мамаша суровая и в деле возмездия ничем не стесняется. Что ж говорить? Этим людям плохо. Умные из них, конечно, понимают, что вырваны с корнем и снова к земле не прирастут. А трансплантация, пересадка в Европу, умных не удовлетворит. Не вживутся они там, как думаете?

– Думаю, не вживутся.

– Значит – или пойдут с нами, или же снова будут хлопотать об интервенции»[2120].

Прежняя российская элита – как оказавшаяся на Западе, так и оставшаяся в стране, – действительно подталкивала к интервенции. «Ни один русский буржуа, а девяносто девять процентов так называемых лояльных русских принадлежали к составу буржуазии, не ожидал от вмешательства английских (или даже немецких) войск ничего другого, как подавления большевизма, восстановления порядка и возвращения утраченного имущества»[2121], – замечал Локкарт. Ленин был того же мнения и делал соответствующий вывод: «Было бы смешно и нелепо отказываться от террора и подавления по отношению к помещикам и капиталистам с их прихвостнями, продающим Россию иностранным “союзным” империалистам. Было бы комедией пытаться “убеждать” и вообще “психологически влиять” на них»[2122].

Сословное деление было отменено и заменено на деление классовое. «Лишенцы» – представители прежних привилегированных сословий, лишенные избирательных прав, – обеспечивались минимально или не обеспечивались вообще. «У меня, как и у других горемычных русских “граждан”, отняли все, что отнять можно было и чего так или иначе нельзя было припрятать, – жаловался великий певец Федор Иванович Шаляпин. – Отняли дом, вклады в банк, автомобиль. И меня, сколько могли грабили по мандатам и без мандатов, обыскивали и третировали “буржуем. …Если мне, Шаляпину, приходилось это переносить, что же переносил русский обыватель без связей, без протекции, без личного престижа»[2123].

Интеллигенция была в массе своей зачислена в ряды «буржуазии», хотя сама революция была в огромной степени творением интеллигенции. Они встретили большевистскую революцию со смешанными чувствами недоумения, раздражения, равнодушия, страха и неполноценности. Дочь Достоевского Любовь Федоровна писала: «Интеллигенты, которые надеялись властвовать над Россией вместо царя и управлять ею согласно своим фантазиям, были изгнаны возмущенным народом как существа глупые и вредоносные»[2124]. Значительная часть большевиков, в свою очередь, считала умственный труд разновидностью барства.

Ленин, интеллигент до мозга костей, интеллигенцию сильно не любил, и эта нелюбовь заметно усилилась в первые же дни после Октября, когда она поучаствовала во всеобщей забастовке служащих. Ленин был зол: «Саботаж показал нагляднее, чем любой агитатор, чем все наши речи и тысячи брошюр, что эти люди считают знание своей монополией, превращая его в орудие своего господства над так называемыми “низами”». В июне 1918 года он констатировал, что «главная масса интеллигенции старой России оказывается прямым противником Советской власти, и нет сомненья, что нелегко будет преодолеть создаваемые этим трудности».

Особенно его раздражало засилье интеллигенции в сфере образования и культуры (а чье же еще засилье там может быть?). На I Всероссийском съезде по внешкольному образованию, организованном Луначарским и Крупской в мае 1919 года, Ленин сетовал на «обилие выходцев из буржуазной интеллигенции, которая сплошь и рядом образовательные учреждения крестьян и рабочих, создаваемые по-новому, рассматривала как самое удобное поприще для своих личных выдумок в области философии или в области культуры, когда сплошь и рядом самое нелепейшее кривляние выдавалось за нечто новое, и под видом

чисто пролетарского искусства и пролетарской культуры преподносилось нечто сверхъестественное и несуразное».

Но и обходиться без образованных людей не получается. Кухарки не всем умели управлять в государстве. Совнарком 29 октября 1917 года обратился с воззванием «К интеллигенции России». Нарком просвещения Луначарский призвал интеллигенцию к сотрудничеству в решении этих и других задач создания новой культуры.

«Что касается народного хозяйства, то все агрономы, инженеры, учителя – все они брались из имущего класса, не из воздуха они упали!.. У нас есть буржуазные специалисты и больше ничего нет»[2125], – признавал Ленин в марте 1919 года. Интеллигенция в массе своей не могла простить своего униженного состояния, потери чувства достоинства, социального статуса и привычного образа жизни. Помимо унижения нищетой, необходимости проводить жизнь в охоте за скудными продовольственными пайками, революция порождала у интеллигенции серьезный шок от культурного опрощения страны. Оппозиционные резолюции учительских, студенческих, медицинских и прочих организаций были в порядке вещей. Но эта оппозиционность далеко не шла. Как замечал генерал Слащёв, «интеллигенция в массе совершенно растерялась, не отдавая себе отчета в происходящем и принадлежала к партии “И. И.” (испуганный интеллигент)»[2126].

Стремительно нищавшую интеллигенцию привлекли на советскую службу первоначально, в основном, необходимостью кормить себя и свои семьи. После окончания Гражданской войны интеллигенция, ее пережившая, сохраняя дистанцию от власти, делает свое отношение к ней более прагматичным. «У интеллигента, пришедшего в революцию после семнадцатого года, был неизбежный этап “я” и “они”, прежде чем происходило слияние и понятие советского революционного “мы”»[2127], – свидетельствовал великий кинорежиссер Сергей Михайлович Эйзенштейн. Все где-то работали – по специальности или в быстро плодившихся советских конторах, – мало рассуждая о том, из чьих рук они получали зарплату или пайки. Преподавание, литературная редакция, переводы, переиздание старых и публикация новых – подчеркнуто аполитичных – книг, классический или революционный театральный репертуар позволяли найти занятие, позволявшее не слишком сильно идти на компромиссы с совестью.

Но многие интеллектуалы революцию категорически не приняли. У большевиков были талантливые оппоненты в рядах интеллигенции, которые не жалели эпитетов и самых ярких

образов. В книге «Из глубины. Сборник статей о русской революции» выдающиеся мыслители Бердяев, Булгаков, Иванов, Новгородцев, Струве, Франк и другие назвали революцию – победой «нигилистических бесов». «Большевики – сыны дьявола, лжецы и человекоубийцы от начала, – утверждал Дмитрий Сергеевич Мережковский. – Лгут и убивают, убивают и лгут. Скрывают ложь убийством, убийство ложью. Чем больше лгут, тем больше убивают. Бесконечная ложь – человекоубийство бесконечное… Такова тройная ложь большевиков – “мир, хлеб, свобода” – бесконечный голод, бесконечное рабство, бесконечная война – тройное царство дьявола»[2128]. Бердяев тоже относил большевизм к царству тьмы: «Эта бесовская стихия одинаково может из недр своих выдвинуть не лица, а личины Распутина и Ленина. Русская “большевистская революция” есть грозное всемирно-реакционное явление, столь же реакционное по своему духу, как “распутинство”, как черносотенное хлыстовство».

Бердяев считал также, что Ленин целенаправленно уничтожает русскость, русских как народ. «Распадение связи времен, полный разрыв между прошлым и будущим, надругательство над великими могилами и памятниками прошлого, жажда истребления всего бывшего и отошедшего, а не воскресения его для вечности есть измена идее народа как великого целого, есть предательство ценностей, непреходящих по своему значению»[2129].

Ленин действительно не очень хорошо знал и очевидно недолюбливал тот народ, которым правил. «Русский человек – рохля, тютя»[2130], – говаривал он. «Русский человек – плохой работник по сравнению с передовыми нациями». Для него русские были не самыми одаренными детьми, которым еще предстояло пойти в школу. Такое отношение Ленина к людям, вкупе с подмеченным Горьким «барством», шедшим от дворянского происхождения, ничего хорошего народу не сулило. Русский язык как государственный Ленина не устраивал. «За *государственный* язык стоять позорно. Это полицейщина. Но *проповедовать* мелким нациям русский язык – тут нет ни тени полицейщины»[2131].

Появлявшийся как результат его трудов советский человек Ленина тоже не сильно устраивал. Мария Ильинична писала, что ему «часто приходилось встречаться с плохой, неряшливой, кое-как сделанной работой, с плохим качеством продукции. В узком кругу ВИ называл обычно такую работу “советской работой”. Расползается ли по швам новый костюм, торчат ли гвозди там, где им совсем не надлежит быть, не заклеиваются ли конверты, несмотря на все прилагаемые к тому усилия, скрипит ли или трещит паркет так, что вскакивают ночью и с недоумением

стараются понять, что произошло, – “советская работа”, говорит со вздохом Ильич»[2132].

Ленин действительно ставил целью порвать связь с традиционной Россией, отсюда и интернационализм, и борьба с церковью, и многое другое. Большевистский «штурм неба» имел целью стряхнуть с ног прах старого мира, в ленинском арсенале вы не найдете и намека на необходимость следования традициям. Марксизм был сугубо западным учением. Молодой Ленин, жаждавший превратить Россию в европейское государство, не ушел в небытие. Как подмечала Элен Каррер д’Анкосс, «всеми фибрами души он чувствовал себя европейцем. Кстати, именно в Западной Европе прошла большая часть его взрослой жизни. Он был очарован немецкой культурой… наукой и техникой, немецким умением организовать государство и армию»[2133]. Ставя задачей модернизационную погоню за наиболее развитыми странами, он включал в свой образ светлого будущего цивилизацию Запада, враждебность которому являлась альфой и омегой официальной государственной политики.

Обрушиваясь на западные ценности, Ленин одновременно не уставал повторять о необходимости внедрять «американскую деловитость» в среду ленивого и недисциплинированного населения. Сергей Николаевич Булгаков (отец Сергий) замечал, что «исторически, как и духовно, на всем вообще большевизме лежит марка *Made in Germany* — знак немецкого его происхождения. В Россию Ленин доставлен немцами, большевистский режим в первые годы получил техническую выучку от немцев, а социалистическую муштру – от германского марксизма»[2134]. Ленин не раз заявлял о том, что «наша задача – учиться государственному капитализму немцев, *всеми силами* перенимать его, не жалеть *диктаторских* приемов для того, чтобы ускорить это перенимание еще больше, чем Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства»[2135].

Между тем сходство ленинского режима с дореволюционным отмечали десятки мыслителей. Россия и на новом этапе истории воспроизводила себя во многом по прежней матрице[2136]. Как заметил тогда великий поэт и мыслитель Максимилиан Волошин:

> «Мы не вольны в наследии отцов,
> И вопреки бичам идеологий
> Колеса вязнут в старой колее…»[2137].

Русскость, которую Ленин действительно пытался вытравить, усиленно сопротивлялась. Более того, Сорокин фиксировал

нарастание националистических чувств. «Раз Россия и русский народ превращены были в проходной двор, где лицо наше топталось каблуками интернационалистов всех стран, раз Россию стали растаскивать по кускам, раздирать на части, взрывать изнутри, грабить отовсюду, раз среди “распинающих” оказались и враги, и вчерашние друзья, раз бывшие окраины стали смотреть на русский народ сверху вниз, раз все его покинули, все изменили, все обманули, раз теперь ей грозит участь колонии – все разгромлено, разорено, и за все “битые горшки” должен платить все тот же “Иванушка-дурачок”, – раз Россия при благосклонном участии бывших союзников начинает продаваться “оптом и в розницу”, превращается из “субъекта в объект”, то должно было наступить одно из двух: или гибель, или резкая реакция защиты. Симптомом последней и служит рост глубокого подсознательного *национального чувства, охватившего все слои*».

Одновременно росла и политическая культура. «В результате пережитых событий значительно расширился и умственный кругозор народных масс. Они стали интересоваться многим, что раньше их не интересовало»[2138].

Революцию делали молодые. Воевали тоже молодые.

Приводные ремни от партии к подрастающему поколению – комсомол и пионерия. Для комсомольской молодежи идеи Ленина были куда как органичны, приятны и понятны. Она жаждала мировой революции, которая являлась источником воодушевления и была, как выразился в своих мемуарах Лев Копелев, неразрывно связана с мечтами о современной жизни и выходе в широкий мир: «Мировая революция была абсолютно необходима, чтобы восторжествовала справедливость, были выпущены на свободу узники буржуазных тюрем, накормлены голодающие в Индии и Китае, возвращены земли, отнятые у немцев, и данцигский “коридор”, а наша Бессарабия отобрана назад у Румынии… Но еще и для того, чтобы потом не стало границ, капиталистов и фашистов. И чтобы Москва, Харьков и Киев стали такими же огромными, такими же красивыми городами, как Берлин, Гамбург, Нью-Йорк, чтобы у нас тоже были небоскребы, улицы кишели автомобилями и велосипедами, чтобы все рабочие и крестьяне ходили в красивой одежде, в шляпах и при часах… И чтобы повсюду летали аэропланы и дирижабли»[2139].

Вот Ленин на III съезде комсомола – 2 октября 1920 года – в описании свидетеля-поэта Андрея Безыменского. «В тот самый момент, когда несколько ликующих голосов крикнули в фойе: “Ленин!”, Ильича увидели все. Овация зала была нескончаемой. Все приготовленные заранее приветствия и возгласы были

забыты. Одним могучим дыханием весь съезд, как один человек, произносил только одно слово:

– Ленин! Ленин! Ле-е-енин!

Сквозь густые ряды делегатов Ильич пробирался к столу президиума, на ходу снимая пальто и приветствуя кивком головы тех, с кем был знаком. Положив пальто на стул, он достал из кармана пиджака лист исписанной бумаги, очевидно конспект речи, и сразу приготовился говорить. Но овация все разрасталась. Рукоплескания сотрясали зал. Охваченные общим подъемом, делегаты не хотели, да и не могли успокоиться. Говорили все разом; казалось, не было на земле силы, которая могла бы нас остановить. Это был небывалый порыв. Каждый кричал что-то свое, самое драгоценное для сердца, самое задушевное, самое искреннее»[2140].

Продолжал другой поэт-делегат – Александр Жаров: «Долго не давали Ильичу начать речь: новые вспышки восторга, групповые выкрики, приветствия в честь Коммунистической партии, в честь ее основателя и вождя. Два или три раза пели “Интернационал”. ВИ, отойдя в сторону, пел вместе со всеми.

Потом он ходил по краю сцены. Остановившись, грозил пальцем разбушевавшемуся залу. Внушительно грозил, так, что тишина начала как будто устанавливаться, но вдруг зал сотрясся от взрыва смеха!

Оказывается, ВИ пальцем-то строго грозил, но выдержать до конца строгость не смог, заулыбался. А улыбка ленинская была особенной, заразительной улыбкой. Она, словно искра, пошла по рядам, охватила радостным пламенем весь зал. И превратилась в дружный, неудержимый раскат юношеского, безотчетного, лучистого смеха, что было еще одним свидетельством непередаваемо счастливого настроения нашего, вызванного встречей с родным и великим Лениным, так охотно разделившим с молодежью ее настроение. Но вот ВИ вынул из жилетного кармана часы, поднял их над головой и многозначительно указал пальцем на циферблат: время, дескать, идет, ребятки, а время дорого. Это было ясно без слов.

Наступила полная тишина»[2141]. На этом съезде Ленин проповедовал:

– Задачи молодежи вообще и союзов коммунистической молодежи и всяких других организаций в частности можно было бы выразить одним словом: задача состоит в том, чтобы учиться… Задача Союза молодежи – поставить свою практическую деятельность так, чтобы, учась, организуясь, сплачиваясь, борясь, эта молодежь воспитывала бы себя и всех тех, кто в ней видит вождя, чтобы она воспитывала коммунистов.

Ленин дарил молодежи главное – будущее.

– Тому поколению, представителям которого теперь около 50 лет, нельзя рассчитывать, что оно увидит коммунистическое общество. До тех пор это поколение перемрет. А то поколение, которому сейчас 15 лет, оно и увидит коммунистическое общество, и само будет строить это общество[2142].

Дом, который построил Ленин, был атеистическим. Но просто сказать, что Ленин был атеистом, – не сказать ничего.

Горький в 1913 году поместил в «Русском слове» разгромную статью против «реакционной достоевщины» (в связи с постановкой в МХТ пьесы по роману «Бесы»). Ленин было возрадовался, но обнаружил в статье такие слова: «Бога у вас нет, вы *еще* не создали его. Богов не ищут, – *их создают*; жизнь не выдумывают, а творят». Стерпеть подобное он не мог и ответил пролетарскому писателю длинным злым письмом: «Богоискательство отличается от богостроительства или боготворчества и т. п. ничуть не больше, чем желтый черт отличается от черта синего. Говорить о богоискательстве не для того, чтобы высказаться против *всяких* чертей и богов, против всякого идейного труположества (всякий боженька есть труположество – будь это самый чистенький, идеальный, не искомый, а построяемый боженька, все равно), – а для предпочтения синего черта желтому, это в сто раз хуже, чем не говорить совсем… Именно потому, что всякая религиозная идея, всякая идея о всяком боженьке, всякое кокетничанье даже с боженькой есть невыразимейшая мерзость, особенно терпимо (а часто даже доброжелательно) встречаемая *демократической* буржуазией, – именно поэтому это – самая опасная мерзость, самая гнусная “зараза”[2143].

Ленин мог сколько угодно отрицать наличие Высшего Существа, однако он не мог игнорировать тот факт, что идея Бога, Святой Руси была разлита по стране, и ленинский марксизм неизбежно вынужден был вступить в решительный бой с христианством, с любой идеей Господа.

Четвертого ноября 1917 года заседавший под гул орудий и треск выстрелов в Москве церковный Собор принял Определение о восстановлении патриаршества. Избрание – первое за двести лет – Патриарха проходило 5 (18) ноября. Депутация Собора во главе с митрополитом Вениамином явилась к избранному патриарху Тихону, который гостил тогда в Троицком подворье, и сообщила о решении.

– Ваша весть об избрании меня в Патриархи является для меня тем свитком, на котором было написано: «Плачи и стон, и

горе, и каковой свиток должен был съесть пророк Иезекииль. Сколько и мне придется глотать слез и испускать стонов в предстоящем мне патриаршем служении, и особенно – в настоящую тяжелую годину»[2144].

Впереди его ждало богоборчество новой власти, аресты, допросы, суды, покушения, борьба с расколами внутри церкви. Положение Русской православной церкви было страшно тяжелым. От нее отделились православные церкви Польши и Финляндии, разорвала отношения с РПЦ Грузинская автокефальная церковь, Собор в Киеве провозгласил создание Украинской автокефальной православной церкви, автономной стала Белорусская православная церковь[2145]. Большевизм оказался врагом куда более страшным, чем отступники. Вера объявлялась «опиумом народа». Ленин превратил Россию в полностью светское государство. Русская православная церковь в одночасье превратилась в гонимую. Уже декретом о земле монастыри и церкви были лишены своих земельных владений. Постановлением СНК от 11 декабря 1917 года духовные учебные заведения передавались в ведение Наркомпроса.

Декретом «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» от 23 января 1918 года провозглашалось право граждан исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, запрещалось принимать законы, ограничивавшие свободу совести, школа отделялась от церкви. Все это не выходило за рамки нормальных принципов секуляризации европейских государств. Разница заключалась в последних строках декрета: «Никакие церкви и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют… Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются по особым постановлениям местной или центральной властью в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ»[2146]. То есть, строго говоря, в глазах властей Церкви с ее иерархией как таковой не существовало, признавались только отдельные религиозные общины.

Началась конфискация имущества, а запрет на получение вознаграждения за отправление церковных треб и отмена госсубсидий оставили священнослужителей без средств к существованию[2147].

Многие приходы остались без настоятелей. Доходило до того, что службы вели псаломщики, монахини, а то и сами прихожане.

С 1918 года венчание в церкви было лишено статуса юридического акта, законным признавался брак, заключенный исключительно в государственном учреждении.

При этом Ленин не помешал (не успел помешать)

Поместному собору 1917–1918 годов восстановить патриаршество. В Конституции 1918 года была статья о равном праве граждан на осуществление атеистической и религиозной пропаганды. В проекте программы партии в марте 1919 года Ленин писал: «Пролетарская диктатура должна неуклонно осуществлять фактическое освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков, добиваясь этого посредством пропаганды и повышения сознания масс, вместе с тем заботливо избегая всякого оскорбления чувств верующей части населения и закрепления религиозного фанатизма»[2148]. В разгар Гражданской войны Ленин подписывает декрет, освобождающий людей от обязательной воинской повинности «по религиозным убеждениям»[2149].

Одновременно продолжала катиться волна насилия в отношении священнослужителей и поругания святынь. В октябре 1918 года патриарх Тихон обвинил большевистскую власть в пролитой крови и неисполнении обещаний о мире. После этого он был арестован, но затем освобожден после заявления об «осуждении всякого посягательства на советскую власть». С конца 1918 года стали закрываться обители, были национализированы 722 монастырских комплекса, в остальных монастырях создавались монашеские сельхозкоммуны. Закрывались духовные образовательные учреждения, прекратилось издание религиозной литературы.

Пошла кампания вскрытия могил со святыми мощами, которая должна была опровергнуть нетленность тел тех, кто был причислен к лику святых – будь то Сергий Радонежский или Александр Невский. В апреле 1919 года Красиков сообщал Ленину о вскрытии святых мощей в Троице-Сергиевой лавре и готовности протокола вскрытия и киноленты. 12 апреля Ленин пишет поручение: «Надо *проследить* и *проверить*, чтобы поскорее показали это кино по всей Москве». Записка Ленина в Оргбюро ЦК 30 мая 1919 года: «Я за исключение из партии участвующих в обрядах»[2150]. Так и повелось.

Но успехи атеистической пропаганды были относительными. Для крестьянина церковью была каждая изба, где обязательно был красный угол с иконами. Зинаида Гиппиус фиксировала: «Священники простецкие, не мудрствующие, – самые героичные. Их-то и расстреливают. Это и будут настоящие православные мученики. Народ? Церкви полны молящимися. Народ дошел до предела отчаяния, отчаяние это слепое и слепо гонит его в церковь»[2151].

Победа Советской власти в Гражданской войне означала, казалось, окончание острой фазы борьбы власти и церкви. Но

Ленин не оставлял церковь в покое, хотя публично об атеизме предпочитал не высказываться. Для этого были другие, как и актив обществ безбожников.

На IX съезде партии Ленин был сама невинность и отрицал «будто я когда-нибудь предлагал жечь молитвенники. Само собой разумеется, что я никогда этой вещи не предлагал и предложить не мог. Вы знаете, что по нашей Конституции, по основному закону нашей республики, свобода духовная насчет религии за каждым безусловно обеспечена». Молотову в апреле 1921 года: «Если память мне не изменяет, в газетах напечатано письмо и циркуляр ЦК насчет 1 мая, и там сказано: *разоблачать ложь религии* или нечто подобное. Это нельзя. Это нетактично. Именно по случаю пасхи надо рекомендовать *иное*: не разоблачать ложь, а *избегать, безусловно, всякого оскорбления религии*»[2152]. Очень скоро, как мы увидим, Ленин передумает. Чем крепче становились позиции большевиков, тем сложнее было церкви.

Очень культурная революция

Одним из элементов ленинского замысла строительства социализма стала культурная революция, направленная на решение инструментальных задач модернизации – повышение образовательного уровня населения, приобщение к новейшим научно-техническим знаниям, распространение норм бытовой гигиены. Культурная революция воспринималась и как программа воспитания нового человека, более разумного и совершенного. На том же съезде комсомола Ленин утверждал:

– Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество[2153].

Взгляд председателя Совнаркома на интеллектуальную сферу, вместе с тем, был сугубо прикладным, утилитарным. Большее значение он придавал развитию образования и науки, нежели искусства. А в науке – естественным дисциплинам. В гуманитариях, не поддержавших новую власть, а их было большинство, усматривал лишь источник возбуждения умов.

Культурный багаж Ленина, как мы уже выяснили, был не слишком велик для образованного человека его поколения и был укомплектован, вероятно, в основном на гимназической скамье, а сам он был человеком с довольно старомодными по тем временам вкусами. «Новое искусство казалось Ильичу чужим, непонятным»[2154], – свидетельствовала Крупская.

Его художественные критерии были по преимуществу политическими. Полагаю, чтение как удовольствие, театр как культурный процесс, были ему чужды, он читал или появлялся в театре скорее из утилитарных соображений. Ленину важны были политическая цель и практическая используемость. Ленин отдавал предпочтение МХАТовской театральной школе, был в восторге от Чехова. «Толстовец» для Ленина был синонимом истеричного хлюпика. Достоевского Ленин называл «архискверным писателем» и упоминал в тоне пренебрежения как реакционного религиозного мистика. Из-за этого, кстати, Достоевский надолго был запрещен для изучения в советских школах. Иное дело – Чернышевский. Из классической русской поэзии он воспринимал только Пушкина, Лермонтова, а также Некрасова и других «шестидесятников», а, скажем, Фета уже не терпел, считая «махровым крепостником».

Именно глава советского правительства формировал основы культурной матрицы страны. «В обществе, базирующемся на частной собственности, художник производит товары для рынка,

он нуждается в покупателях, – говорил Ленин. – Наша революция освободила художников от гнета этих весьма прозаических обстоятельств. Она превратила Советское государство в их защитника и заказчика»[2155]. Кто платит деньги – тот заказывает музыку.

Всей культурной революцией ведал наркомат Луначарского, который рассказал: «В день составления первого Совнаркома встретил Ленина в коридорах Смольного. Он с очень серьезным лицом поманил меня к себе и сказал:

– Надо мне вам сказать два слова, Анатолий Васильевич. Ну, давать вам всякого рода инструкции по части ваших новых обязанностей я сейчас не имею времени, да и не могу сказать, чтобы у меня была какая-нибудь совершенно продуманная система мыслей относительно первых шагов революции в просвещенском деле. Ясно, что очень многое придется совсем перевернуть, перекроить, пустить по новым путям»[2156].

Наркомпрос руководил всеми отраслями культуры: школьным, внешкольным, высшим образованием, литературой, театром, живописью, музыкой. Но Ленин с подозрением относился ко многим начинаниям Луначарского, считая его мягкотелым эстетом и закоренелым покровителем футуристов и модернистов, за которым нужен глаз да глаз. Закладывались и основы партийно-государственного руководства культурой.

Вопросами культуры и идеологии ведали также отдел агитации и пропаганды ЦК партии (агитпроп), Главное управление политического просвещения, Политуправление Красной Армии. Большую роль в области политпросвета играли профсоюзы и комсомол. 28 октября 1920 года ПБ приняло постановление о Главполитпросвете, который возглавила Крупская.

На месте ликвидированных творческих и профессиональных организаций, которые не разделили платформу большевизма – Всероссийского Учительского союза, Союза деятелей художественной культуры, Союза деятелей искусств и других, – создавались новые, провозгласившие линию на создание новой социалистической культуры.

Масштабные задачи воспитания нового человека были сопряжены с ликвидацией элементарной безграмотности. Перепись 1920 года выявила 54 млн взрослых, не умевших читать и писать. Но все слои потянулись к грамотности. И не только потому, что к этому призывал Ленин. В вихре перемен люди хотели понимать, что происходит и что их ждет дальше, и люди видели, что грамотность открывает путь к советской карьере: новая власть задыхалась от отсутствия грамотных кадров. «Девять

десятых трудящихся масс поняли, что знание является орудием в их борьбе за освобождение, что их неудачи объясняются недостатком образования и что теперь от них самих зависит сделать просвещение действительно доступным всем», – утверждал Ленин

Грамотность должна была решать и задачи политического контроля, расширяя пул потребителей и ретрансляторов идеологически выдержанной информации. 10 декабря 1918 года Ленин выпускает декрет СНК «О мобилизации грамотных и организации пропаганды советского строя». Он предписывал произвести учет всего грамотного населения с выделением хороших чтецов. Их нужно было объединить в группы, которые должны «во-первых, осведомлять о всех мероприятиях правительства неграмотное население, а во-вторых, способствовать политическому развитию всего населения вообще».

Декрет о ликвидации неграмотности вышел 26 декабря 1919 года. «Все население республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать и писать, обязано обучаться грамоте на родном или русском языке». В 1920 году была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности. Повсеместно открывались пункты ликвидации неграмотности (ликбезы), курсы учителей-«ликвидаторов», школы грамоты, вечерние школы, народные университеты. К 1 сентября 1920 года в РСФСР действовало 24 650 пунктов ликбеза. Не хватало бумаги, карандашей, да и учителей тоже. Тем не менее за три послереволюционных года грамоте были обучены 7 млн человек. 17 октября 1921 года на совещании политпросветов Ленин заявлял:

– Уже то обстоятельство, что пришлось создать чрезвычайную комиссию по ликвидации безграмотности, доказывает, что мы – люди (как бы это выразиться помягче?) вроде того, как бы полудикие, потому что в стране, где не полудикие люди, там стыдно было бы создавать чрезвычайную комиссию по ликвидации безграмотности, – там в школах ликвидируют безграмотность…[2157]

В деле ликвидации безграмотности Ленин большое место отводил библиотекам. Уже в ноябре 1917 года Ленин обозначил план реорганизации библиотечного дела, 26 апреля 1918 года СНК заслушал доклад об организации Центрального управления архивами и библиотеками, а также о создании архива и библиотеки революционного движения. 7 июня Ленин написал Постановление СНК: «Совет народных комиссаров ставит на вид комиссариату народного просвещения недостаточность его забот

о правильной постановке библиотечного дела в России и поручает Комиссариату немедленно принять самые энергичные меры, во-1-х, для централизации библиотечного дела в России, во-2-х, для введения швейцарско-американской системы»[2158]. Эта система предполагала доступ читателей в книгохранилище и возможность получать книги из библиотек почтой. В условиях, когда за книгами активно охотились как за топливом и бумагой для самокруток, а почта почти не работала, это звучало чересчур актуально.

Большевики довольно быстро взяли под контроль издательское дело. 30 декабря 1917 года (12 января 1918) ЦИК принял декрет о Государственном издательстве, которому для начала дела Совнарком открыл кредит в полтора миллиона рублей. «В этом же декрете была проведена монополия на русских классиков художественной литературы. В это же время произошла фактическая национализация типографий. При наркомате был организован Технический совет по управлению государственными типографиями»[2159].

И конечно, Ленин уделил, мягко говоря, самое пристальное внимание прессе. Едва придя к власти, как мы помним, он издал декрет о печати, который давал право закрывать «контрреволюционные газеты». Против декрета выступили все небольшевистские партии и рабочие-печатники, которые оставались без работы, и их профсоюзы. Ленин обещал: «Члены союза печатников смотрят с точки зрения куска хлеба. Мы дадим им его, но в другом виде». Обещание выполнил. Печатников загрузили большевистской агитационной продукцией. А большинство из закрытых газет продолжили выходить под новыми названиями[2160].

Ленин был разработчиком новой модели прессы, названной им ее теорией социалистической печати. Основными ее принципами провозглашались партийность, народность и массовость. А основными функциями – агитация, пропаганда и организация масс. Пресса должна была воспитывать человека нового типа, быть «первым и главным средством для повышения самодисциплины трудящихся и для перехода от старых, никуда не годных, приемов работы». Нужна «пресса, вскрывающая недочеты хозяйственной жизни каждой трудовой коммуны, беспощадно клеймящая эти недочеты, открыто вскрывающая все язвы нашей хозяйственной жизни и, таким образом, апеллирующая к общественному мнению трудящихся для излечения этих язв. Пусть у нас будет вдесятеро меньше газетного материала (может быть, было бы хорошо, если его будет в 100 раз меньше), газетного материала, посвященного так называемой

злобе дня, – но пусть у нас будет распространенная в сотнях тысяч и миллионах экземпляров печать, знакомящая все население с образцовой постановкой дела в немногих опережающих другие трудовых коммунах государства».

Такое видение предназначения прессы означало приговор тематическому (не говоря уже об идейном) многообразию печатных изданий, публицистике и аналитике, которые оказались зарезервированными исключительно за самим Лениным и большевистским руководством.

В «Великом почине» Ленин давал отточенное наставление бойцам идеологического фронта, которое они будут слышать все десятилетия советской власти: «Поменьше политической трескотни, побольше внимания самым простым, но живым, из жизни взятым, жизнью проверенным фактам коммунистического строительства – этот лозунг надо неустанно повторять всем нам, нашим писателям, агитаторам, пропагандистам, организаторам и так далее».

На первые полосы газет выходили выступления и статьи лидеров партии, а также заметки по вопросам сознательного отношения к труду, распространения передового опыта, организации соревнования трудовых коллективов, работы образцовых коммун. В 1918 году выходили 884 газеты и 753 журнала. Наиболее влиятельными и массовыми изданиями стали партийная «Правда», советские «Известия», «Экономическая жизнь», «Беднота», «Рабочая и крестьянская Армия и Флот», «Жизнь национальностей». На базе Петроградского телеграфного агентства и бюро печати было создано Российское телеграфное агентство (РОСТА). Губернские, уездные, городские газеты быстро становились органами партийных комитетов и местных Советов. Когда оппозиционеры после окончания Гражданской войны потребовали свободы печати, Ленин отвечал: «Свобода печати в РСФСР, окруженной буржуазными врагами всего мира, есть свобода *политической организации* буржуазии и ее вернейших слуг, меньшевиков и эсеров».

С «буржуазными» и оппозиционными СМИ разделались весьма эффективно с помощью… государственной монополии на рекламу. Неугодные издания просто не получали права публиковать коммерческие объявления, что лишало их средств к существованию. К началу 20-х количество газет упало до 380, их тиражи сократились в два с половиной раза. Причины были и политические, и прозаические: острый дефицит бумаги, неподъемные типографские расходы, безденежье редакций, бегство журналистов.

В начале 1921 года Ленин писал: «В распределении газет…

мы отменили подписку. Это шаг вперед от капитализма к коммунизму… Надо добиваться и добиваться того, чтобы газеты и книги, по правилу, распределялись даром *только* по библиотекам и читальням… 350 тысяч “Известий” и 250 тысяч “Правды” на всю Россию. Мы нищие. Бумаги нет. Рабочие холодают и голодают, раздеты, разуты. Машины изношены. Здания разваливаются»[2161].

Просвещение Ленин считал одним из приоритетных направлений бюджетной политики, доказывая, что «у нас делается еще слишком мало, безмерно мало для того, чтобы передвинуть весь наш государственный бюджет в сторону удовлетворения в первую голову потребностей первоначального народного образования». В ноябре 1921 года он дважды писал Сталину о необходимости сократить ассигнования на содержание флота: «Флот нам не нужен, а увеличение расходов на школы нужно до зарезу».

В школе Ленин видел, в первую очередь, классовую миссию, утверждая, что «чем более культурно было буржуазное государство, тем более утонченно оно лгало, утверждая, что школа может стоять вне политики и служить обществу в целом. На самом деле школа была целиком превращена в орудие классового господства буржуазии, она была вся проникнута кастовым буржуазным духом, она имела целью дать капиталистам услужливых холопов и толковых рабочих… Мы говорим: наше дело в области школьной есть та же борьба за свержение буржуазии; мы открыто заявляем, что школа вне жизни, вне политики – это ложь и лицемерие».

На I Всероссийском съезде учителей-интернационалистов 5 июня 1918 года Ленин утверждал, что «учительство, которое ранее медленно переходило на работу с советской властью, теперь все больше убеждается в том, что эта совместная работа необходима… Задача новой педагогики – связать учительскую деятельность с задачей социалистической организации общества»[2162].

Во всех учебных заведениях была отменена плата за обучение, вводилось новое правописание, упразднялось преподавание Закона Божьего. Были упразднены учебные округа, директора, инспектора и начальницы в средних учебных заведениях[2163]. Основой общего образования в соответствии с Положением ВЦИК от 30 сентября 1918 года становилась «Единая трудовая школа». Вводилось обязательное бесплатное обучение детей с 8 до 17 лет в школах первой ступени – начальная четырехлетка – и второй ступени (5–9-й классы со специализированными 8-м–9-м классами).

Практическая ориентированность образования выходила на

первый план. 8 декабря 1920 года Ленин написал проект постановления пленума ЦК: «Признать в принципе необходимым слияние школ 2-й ступени (или их высших классов) с профессионально-техническим образованием, при 2-х неприменных условиях: 1) обязательное расширение в профессионально-технических школах предметов общего образования и коммунизма; 2) обеспечение тотчас и на деле перехода к политехническому образованию, используя для этого всякую электрическую станцию и всякий подходящий завод»[2164].

Но, конечно, пожелания Ленина сильно отставали от действительности. Вот дневниковая запись Зинаиды Гиппиус: «Насчет учения – большевики, кажется и сами понимают, что нельзя учиться 1) без книг; 2) без света, 3) в температуре, в которой замерзают чернила, 4) с распухшими руками и ногами, обернутыми тряпьем, 5) с теми жалкими отбросами, которые посылаются раз в день в школу (знаменитое большевистское “питание детей”) и, наконец, с малым количеством обалделых, беспомощных, качающихся от голода учительниц, понимающих одно: что ничего решительно тут нельзя сделать. Просто – служба; проклятая “советская” служба – или немедленная гибель»[2165].

В отношении высшей школы первый совет, который отвечавший за нее Михаил Покровский услышал от Ленина, «звучал совсем по-староверчески, до неприличия консервативно, можно сказать:

– Ломайте поменьше!

Это было в те дни, когда количеством лома некоторые горячие товарищи мерили достоинство советского работника». Дореволюционная система высшего образования была качественной. Ленин это понимал. Но она была и автономной, университетское самоуправление было реальностью. А вот это он терпеть никак не мог. «Ленин, это живое воплощение пролетарской диктатуры, не выносил и мысли о каких бы то ни было буржуазных автономиях, – самое слово это было беспощадно изничтожено в тезисах о высшей школе, которые пишущий эти строки докладывал в Политбюро, – не говоря уже об этом, Ленин ценил в науке, конечно, не ее буржуазную оболочку, а ее пролетарскую сущность»[2166], – подтвердил Покровский.

Написанное Лениным в августе 1918 года постановление Совнаркома «О приеме в высшие учебные заведения» поручало наркомпросу принять «самые экстренные меры, обеспечивающие возможность учиться для всех желающих, и никаких не только юридических, но и фактических привилегий для имущих классов не могло быть. На первое место безусловно должны быть приняты

лица из среды пролетариата и беднейшего крестьянства, которым будут предоставлены в широком размере стипендии»[2167]. Пролетарская молодежь получила право поступать в вузы без экзаменов и даже без аттестата о среднем образовании. С 1919 года создавалась система рабочих факультетов (рабфаков), где получали дополнительную подготовку абитуриенты из пролетарской среды. «Самое слово “рабочий факультет” не принадлежит Ильичу: и, возможно, что этому нелюбителю парадоксов и оригинальничанья оно бы и не понравилось. Но так как вещь, называемая этим именем, ему, несомненно, очень нравилась, то ради доброкачественного содержания он простил и новое слово»[2168].

Но гладко было на бумаге. Профессура, записанная в буржуазию, во многом разбежалась. Сорокин писал: «Когда-то аудитории университетов и других высших учебных заведений были полны, теперь они сильно пустуют. Вместо 177 высших учебных заведений, фиктивно существовавших в 1919–1920 годах, теперь число их пало до 24–27 на всю Россию, по всем отраслям». «В Петроградском университете за эти годы едва ли было более 300–400 фактически занимавшихся студентов, несмотря на то, что в 1919–1920 гг. в него были влиты Высшие женские курсы (Бестужевские) и Психоневрологический институт»[2169].

Большевистское руководство демонстрировало к науке как таковой очевидное расположение. Это объяснялось и пиететом перед марксизмом как *научной* теорией, и сформулированной Лениным дилеммой: «или надо преодолеть высшую технику, или быть раздавленным». Но сам Ленин специфически относился к людям науки. «Ученый – это хорошо, это для него звучало, как пролетарий, – свидетельствовал Луначарский. – Но буржуазный ученый – вот беда: по всему образу жизни, по своим связям, зараженный, запакованный, он вследствие этого вносит в свою четкую нужную работу, относящуюся целиком к проблеме строительства из того материала, который нам дан, всякую буржуазную дребедень… ВИ, однако, указывал, что в области естественных наук такое заражение не заходит далеко, что она является в общем здоровой областью науки»[2170].

Своей важнейшей задачей – скорее, миссией – Ленин видел создание марксистской науки. На базе юридических и историко-филологических факультетов создавались факультеты общественных наук, где основными становились курсы по марксистской теории – диалектическому и историческому материализму, политэкономии, истории рабочего движения. «Ильич был фактическим же инициатором и Института красной профессуры, который имел бы больше права требовать прибавки к

своему названию “имени Ленина”, чем любое из бесчисленных учреждений, на это претендующих»[2171], – подтверждает Покровский. Ленин собственноручно переписал не устроивший его проект постановления СНК «О Социалистической академии общественных наук»[2172]. А торжественное открытие Академии состоялось 1 октября 1918 года.

В годы Гражданской войны конкуренция между Наркомпросом, пытавшимся монополизировать учебно-научную систему, и другими комиссариатами, стремившимися создавать собственные аналитические центры, привела к формированию десятков новых исследовательских организаций – экономического, военного, медицинского, сельскохозяйственного профиля. В декабре 1918 года Ленин создал правительственный орган для руководства научно-технической работой в стране – научно-технический отдел при ВСНХ. По настоянию Ленина этим отделом «в чрезвычайно тяжелых условиях создается ряд крупнейших научно-исследовательских институтов»[2173]. За первые два года советской власти были созданы 33 крупных института, к 1923 году – 55.

В 1918 году были образованы институты Физико-химического анализа под руководством академика Курнакова, Институт по изучению платины и других благородных металлов – Чугаева, Государственный рентгенологический и радиологический институт (из него выделятся Физико-технический радиологический институт во главе с Иоффе, Физико-математический институт Стеклова, а в 1922 году Радиевый институт Вернадского), Оптический институт Рождественского, Центральный аэродинамический институт (ЦАГИ) с Жуковским, Центральный научно-исследовательский автомобильный и автомоторный институт (НАМИ) и другие. В результате наиболее заметным достижением в области организации науки стало создание системы отделившихся от вузов исследовательских институтов. Это оказалось отличительной чертой советской, да и современной российской науки.

Но и за наукой нужен был глаз да глаз. Ленин подгонял наркома юстиции Курского: «По моему поручению бывшей МЧК было начато расследование по делу преступной халатности, волокиты и бездеятельности в Научно-техническом отделе и Комитете по делам изобретений. Результаты расследования были представлены в Мосревтрибунал, который… чрезвычайно покровительственно отнесся к обвиняемым, судил без обвинителя и в конце концов признал обвинение недоказанным и всех виновных оправдал… Нужно в Ревтрибунале поставить политический процесс, который как следует перетряхнул бы это

“научное” болото. Мосревтрибуналу за послабление и формальное бюрократическое отношение к делу предлагаю объявить строгий выговор»[2174].

Научные работники – на всю страну их насчитывалось около 10 тысяч человек – за небольшим исключением изначально действительно негативно были настроены к советской власти. Но та нуждалась в их интеллекте. Аникст рассказывал: «Вначале (по предложению Ильича) было решено СНК, что по всей Республике будет выделено для оплаты выше максимума 500 таких выдающихся людей в различных областях науки, техники, искусства… Однако вскоре эта цифра 500 под напором наркоматов расширилась до 1000… Вскоре СНК пришлось, однако, еще больше расширить рамки оплачиваемых выше максимума специалистов… (“действительно достойных”). Но действительность показала необходимость расширения наказа, и ВИ пошел на это»[2175]. В конце 1918 года была организована комиссия по распределению академических пайков под председательством Покровского. СНК 23 декабря 1919 года создал Петроградскую комиссию по улучшению быта ученых.

Общероссийская Центральная комиссия по улучшению быта ученых была образована декретом от 10 ноября 1921 года. Ее первый руководитель Халатов писал: «Вот как формулировал ВИ эту задачу в части, касающейся продснабжения научных работников: “Установите необходимое и минимальное количество научных работников и снабжайте их так, чтобы они могли работать спокойно и планомерно”»[2176]. Комиссия имела сеть санаториев, домов отдыха, организовывала научные зарубежные командировки, поставляла в страну иностранную научную литературу. Люди науки стали попадать в привилегированную касту, вновь обрели право на вознаграждение «за научные, педагогические и научно-популярные сочинения», смогли получать дополнительную комнату сверх жилищных норм «для надомной работы в профессиональных целях»[2177].

Наиболее выдающиеся ученые удостаивались отдельного внимания Ленина. 25 июня 1920 года он писал Зиновьеву: «Знаменитый физиолог Павлов просится за границу ввиду его тяжелого в материальном отношении положения. Отпустить за границу Павлова вряд ли рационально, так как он раньше высказывался в том смысле, что, будучи правдивым человеком, не сможет, в случае возникновения соответствующих разговоров, не высказаться против Советской власти и коммунизма в России. Между тем ученый этот представляет собою такую большую культурную ценность, что невозможно допустить насильственного удержания его в России при условии материальной

необеспеченности. Ввиду этого желательно было бы, в виде исключения, предоставить ему сверхнормативный паек и вообще озаботиться о более или менее комфортабельной для него обстановке не в пример прочим».

Версия Ленина для Шведского Красного Креста была иной: «В настоящее время Советская Республика вступила в период интенсивного хозяйственного строительства, что требует напряжения всех духовных и творческих сил страны и делает необходимым эффективное содействие и сотрудничество таких выдающихся ученых, как профессор Павлов»[2178].

Ленин сам был буквально помешан на хай-теке и изобретательстве. Еще он проглатывал фантастические романы про инопланетян, проявлял интерес к разного рода паранормальным явлениям и альтернативным технологиям. Уже в январе 1918-го появился первый советский венчурный фонд – Комитет по делам изобретений и усовершенствований (Комподиз). «Узнав, что двери ленинского кабинета широко распахнуты для всех, кто в состоянии выговорить пароль “перпетуум мобиле”, в Смольный, а затем и в Кремль устремились чудаки всех мастей… Ленин бредил созданием *Wunderwaffe*, которое будет настолько мощным и разрушительным, что война “вообще станет невозможной”. Обретя в юности абсолютное философское оружие – марксизм, Ленин всю жизнь гонялся за неким естественно-научным его аналогом, который форсировал бы прогресс, обеспечил окончательную защиту революции и решил бы проблемы военных расходов»[2179], – пишет биограф.

«Изобретатели, люди с фантазией и даже с “причудинкой”, были “слабостью” Ильича, – подтверждал Вадим Александрович Смольянинов, заместитель Управделами СНК. – Он любил таких людей… И изобретатели шли, можно сказать, косяком к Ильичу. Иногда мы старались оградить его от слишком чудаковатых людей. Таким мы с Горбуновым сочли, грешным делом, агронома Козьмина. У него была идея создания “Главветра” и “Главсолнца”. Нам это казалось не очень-то реальным. А Ильич, получив от Козьмина длиннющее послание, в тот же день его прочитал, нашел в нем немало рационального и со своими пометками переслал в ГОЭЛРО Кржижановскому»[2180].

Горбунов запомнил, «с каким громадным вниманием и интересом отнесся ВИ к Бекаури, который демонстрировал два своих изобретения: управление на расстоянии при помощи звуковых сигналов и несгораемый шкаф остроумнейшей конструкции, гарантирующей от взломов… Совершенно ясно было, что перед нами крупный изобретатель и исключительно

талантливый конструктор»[2181]. В августе 1921 года Ленин инициировал создание Особого технического бюро по военным изобретениям специального назначения (Остехбюро) под руководством Владимира Ивановича Бекаури. В его работе участвовали такие выдающиеся ученые и инженеры, как Бехтерев, Беклемишев, Граве, Щукин и другие. В режиме строжайшей секретности бюро вело разработки в области баллистики, воздухоплавания, взрывчатых веществ, минного и торпедного дела, счетно-решающих устройств[2182].

Ленин сильно поддержал селекционера Мичурина. «Он не только изучал достижения Мичурина, он интересовался и работами американских селекционеров. Он настаивал на массовом ввозе в нашу страну улучшенных семян из Америки и ставил вопрос о создании крупного научного учреждения, которое бы занялось вопросами улучшения сельского хозяйства…»[2183]

Список научных достижений, которые были претворены в жизнь благодаря поддержке Ленина, приводил Горбунов: «радиотелефонное строительство с грандиозной перспективой установления связи каждой деревни непосредственно с центром, использование горючих сланцев и сапропелей, механизация дровяных заготовок, изготовление в России химически чистых реактивов, исследование Курской магнитной аномалии, орошение Муганских голодных степей, тепловозы, Волховское строительство, электропахота, учреждение Государственного электротехнического исследовательского института, образование электротехнического факультета Московского высшего технического училища, сельскохозяйственная выставка»[2184].

Ленин придал очевидный толчок развитию радиотехники, где наиболее продвинутые разработки были у нижегородского ученого Михаила Александровича Бонч-Бруевича, дальнего родственника известных нам братьев. «11 января 1920 года в радиолаборатории производится первая проба радиотелефонной передачи: через четыре дня, 15 января, происходит опытная радиотелефонная передача из Нижнего в Москву при 30 ваттах мощности в антенне»[2185], – рассказывал работавший в лаборатории Петр Алексеевич Остряков. 7 февраля 1920 года Ленин в ответ на просьбы Бонч-Бруевича писал председателю Нижегородского губисполкома: «Ввиду особой важности задач, поставленных радиолаборатории, и достигнутых ею важных успехов, оказывайте самое действенное содействие и поддержку к облегчению условий работы и устранению препятствий». И самому радиоинженеру Ленин выражал «глубокую благодарность и сочувствие по поводу большой работы, которую Вы делаете. Газета без бумаги и “без расстояний”, которую вы создаете, будет

великим делом. Всяческое и всемерное содействие обещаю Вам оказывать этой и подобным работам»[2186].

И 17 марта подписал постановление СТО: 1. Поручить Нижегородской радиолаборатории Наркомпочтеля изготовить в самом срочном порядке, не позднее двух с половиной месяцев Центральную радиотелефонную станцию с радиусом действия 2000 верст. 2. Местом установки назначить Москву и к подготовительным работам приступить немедленно»[2187]. Председателем Радиосовета был Аким Максимович Николаев. Он рассказывал: «Осенью 1920 года радиолаборатория уже приступала к монтажу радиотелефонного передатчика на Ходынке. Из различных мест РСФСР в Нижний стали поступать телеграммы о слышимости радиотелефона. Каждый день известие о слышимости радиотелефона с какой-нибудь еще более отдаленной радиостанции радовало всех работников радиолаборатории. Радовался вместе со всеми и ВИ, когда я ему сообщал о новых успехах, и он торопил с сооружением постоянной установки на Ходынке. Параллельно с этой работой Бонч-Бруевич приступил к разработке громкоговорителя, или “рупора”, как назвал его ВИ».

В 1920 году был установлен мировой рекорд по расстоянию передачи радиосигнала. Московскую радиотелефонную станцию услышали в Кельтове под Берлином. «Это был период блокады, мы не имели возможности копировать заграничные аппараты. Да, в сущности говоря, в то время и нечего было копировать. Немцы со своей радиотелефонной станции так Москве и не ответили»2188. После этого успеха Остряков был назначен начальником строительства новой радиотелефонной станции в Москве. 26 января 1921 года Ленин пишет Горбунову: «Дело *гигантски важное* (газета без бумаги и без проволоки, ибо при рупоре и при приемнике, усовершенствованном Б.-Бруевичем так, что приемников легко получим *сотни*, вся Россия будет слышать газету, читаемую в Москве). Очень прошу Вас: 1) следить специально за этим делом, вызывая Острякова и *говоря по телефону с Нижним*…3) сообщать мне два раза в месяц о *ходе* работ»[2189].

И уже на следующий день было принято постановление СНК о развернутом радиотелефонном строительстве: «Нижегородской радиолаборатории поручалось оборудовать радиотелефонными приборами сооружаемые Наркомпочтелем станции – Трансатлантическую в Богородске, Московскую, Детскосельскую, Харьковскую, Царицынскую, Ташкентскую, Омскую и Севастопольскую «и в других пунктах, по мере выполнения общей радиостроительной программы». В Москве стали строить

радиобашню на Шаболовке, которая позже и станет первой телебашней. Железо для нее Ленин выбил из запасов военного ведомства[2190].

Ленин видел практическое применение радио, в первую очередь, в качестве механизма господства над умами. 19 мая он продиктовал Сталину послание: «Я думаю, что осуществление этого плана представляет для нас безусловную необходимость как с точки зрения пропаганды и агитации, особенно для тех масс населения, которые неграмотны, так и для передачи лекций. При полной негодности и даже вредности большинства допускаемых нами буржуазных профессоров по общественным наукам у нас нет иного выхода, как добиться того, чтобы наши немногие коммунистические профессора, способные читать лекции по общественным наукам, читали эти лекции для сотен мест во всех концах федерации»[2191]. В 1922 году в Москве, на Вознесенской улице (улица Радио) была построена радиотелефонная ламповая станция. 17 сентября прошла первая трансляция концерта с участием Обуховой и других выдающихся певцов. Радио становилось важнейшим средством решения задачи – нести культуру массам.

Культурная жизнь не замирала даже в самые тяжелые послереволюционные времена. Театры, концертные залы, музеи продолжали работать, ставились новые спектакли. Большой популярностью пользовался классический репертуар. «”Дона Карлоса”, “Принцессу Турандот”, “Проделки Скапена” играют двести, четыреста, восемьсот раз, – вспоминала Берберова. – На оберточной бумаге выходят стихи Блока, Сологуба, Ахматовой, Гумилева, еще неизвестных молодых поэтов, воспевающих героев гражданской войны, нехватку хлеба, любовь, неважно что, ведь никто с них не спрашивает, и они сами ни от кого ничего не ждут»[2192].

Особую роль на интеллектуальном фронте играл Пролеткульт, образованный еще в сентябре 1917 года как объединение рабочих литературных кружков, театральных и художественных студий, в которые к концу десятилетия входило до полумиллиона человек. Пользуясь покровительством и щедростью Луначарского, бывший «махист» и некогда второе лицо в партии большевиков Богданов покрыл Россию сетью организаций: школы живописи, ваяния, поэзии, перевода, где делились секретами своего мастерства профессионалы первой величины, народные театры, библиотеки, выставки. Но ревнители пролетарской культуры создавали немалые проблемы своим радикализмом, особенно в отношениях с оставшимися представителями культуры непролетарской.

Осенью 1920 года Пролеткульт был подчинен Наркомпросу. Самоуправление Пролеткульта было ликвидировано во многом из-за продолжавшегося конфликта Богданова с Лениным, на сей раз – по вопросам теории культуры. Богданов был за создание принципиально новой, пролетарской культуры, не имевшей ничего общего с прошлой, с классическими традициями. Ленин был менее радикален. Луначарский на съезде Пролеткульта в октябре 1920 года предложил резолюцию, которую Ленин «разнес»[2193]. И предложил свою резолюцию, которая не оставляла места для собственно пролетарской культуры и для автономного Пролеткульта. «Марксизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры. Только дальнейшая работа на этой основе… может быть признана развитием действительно пролетарской культуры».

За этим 10 ноября следует написанное Лениным постановление пленума ЦК о том, что «работа Пролеткульта в области научного и политического просвещения сливается с работой НКПроса и губнаробразов, в области же художественной (музыкальной, театральной, изобразительных искусств, литературной) остается автономной, и руководящая роль органов НКПроса, сугубо процеженных РКПой, сохраняется лишь для борьбы против явно буржуазных уклонений»[2194].

Созвучные пролеткультовцам идеи проповедовали и «футуристы» – представители авангардного направления, стремившегося создать культуру будущего, созвучную эпохе социальной и технологической революции. Из множества футуристических организаций выделялись «Союз молодежи» (Татлин, Шагал), «Гилея» (Булюк, Маяковский), выставочные группы «Ослиный хвост», «Трамвай», «Минень». Их отличал подчеркнутый эпатаж, открытый вызов «всему старому и отжившему», например, призыв «сбросить Пушкина с корабля современности». Казимир Малевич заявлял: «Футуризм машин показал ничтожность колясок и колесниц Греции и Рима, тоже новое течение исскуства покажет ничтожность академизма»[2195]. Ленин был не с ними. «Я имею смелость заявить себя “варваром”, – сказал он как-то Кларе Цеткин. – Я не в силах считать произведения экспрессионизма, футуризма, кубизма и прочих “измов” высшими проявлениями художественного гения. Я их не понимаю»[2196].

Одним из признанных властителей дум, сотрудничавших с большевиками, оставался Горький, которому Ленин по старой дружбе прощал уничтожающую критику режима. Горький, живя в

Петрограде, возмущался советскими порядками. Ленин ему возражал самым решительным и невежливым образом: «В Питере или из Питера убедиться в этом можно только при исключительной *политической* осведомленности, при специально большом политическом опыте. Этого у Вас нет. И занимаетесь Вы не политикой и не наблюдением *работы* политического строительства, а особой профессией, которая Вас окружает озлобленной буржуазной интеллигенцией, ничего не понявшей, ничего не забывшей, ничему не научившейся, *в лучшем* – в редкостно наилучшем случае – растерянной, отчаивающейся, стонущей, повторяющей старые предрассудки, запуганной и запугивающей себя»[2197].

Горький вновь сойдется с Лениным. У Марии Ильиничны вставали в памяти «концерты у Горького на квартире, где играли любимые музыкальные вещи Ильича, Горький у нас на даче в Горках и его частые визиты в Кремль, на городскую квартиру Ленина. У Горького всегда были про запас какие-либо дела к Ильичу, большое количество просьб от разных людей. И так чутко шел Ленин всегда навстречу этим ходатайствам Горького, если выполнить их представлялась хоть какая-либо возможность»[2198].

Теперь уже Горький ударится в другую крайность – безудержного восхваления вождя. Его статья «Владимир Ильич Ленин» и комплементарное письмо о вожде Герберту Уэллсу вышли передовыми материалами в журнале «Коммунистический Интернационал». Горький, в частности, писал: «Я начал свою работу возбудителя революционного настроения славой безумству храбрых. Был момент, когда естественная жалость к народу России заставила меня считать безумие почти преступлением. Но теперь, когда я вижу, что этот народ гораздо лучше умеет терпеливо страдать, чем сознательно и честно работать, я снова пою славу священному безумству храбрых. Из них же ВИ – первый и самый безумный».

Неизвестно, что не понравилось Ленину – дифирамбы или обвинения в безумстве, – но 31 июля 1920 года он написал постановление: «Политбюро Цека признает крайне неуместным помещение в № 12 “Коммунистического Интернационала” *статей* Горького, особенно передовой, ибо в этих статьях нет *ничего* коммунистического, но много *анти*коммунистического. Впредь никоим образом *подобных* статей в “Коммунистическом Интернационале” *не* помещать».

Но о Горьком продолжал проявлять трогательную заботу. 24 июня 1921 года Ленин писал Менжинскому: «Горький был вчера… Просит 2 автомобиля. Неужели Вы не имеете власти, чтобы такую мелочь дать ему от Петрогубчека? Если не можете,

напишите мне тотчас, я попрошу Склянского. Помочь Горькому *надо* и *быстро*, ибо он из-за этого не едет за границу. *А у него кровохарканье!*» 9 августа Горькому: «А у Вас кровохарканье, и Вы не едете!! Это ей-же-ей и бессовестно и нерационально. В Европе в *хорошем* санатории будете и лечиться *и втрое больше дела делать.* Ей-ей. А у нас ни лечения, ни дела – одна *суетня. Зряшная суетня.* Уезжайте, вылечитесь. Не упрямьтесь, прошу Вас». А 12 декабря Ленин писал Молотову для членов ПБ, что «Горький выехал из Риги совсем без денег и строит свои перспективы на получение от Стомонякова авторского гонорара за издание своих книг. Крестинский думает, что необходимо включить Горького в число товарищей, лечащихся за границей за счет партии или Совета. Предлагаю провести через Политбюро предложение Крестинскому включить Горького в число таких товарищей и проверить, чтобы он был вполне обеспечен необходимой для лечения суммой»[2199].

Радостно приветствовавших революцию литераторов было немало. «Революционная поэзия начиналась не с рабочих роб и не с буденовки – она начиналась с дендизма: лакированные ботинки, трость, изящные рифмы и непрестанные разудалые и – стильные! – скандалы молодых поэтов»[2200], – справедливо замечает Захар Прилепин. Главное – крикнуть так, чтобы зазвенели стекла. Слава основателя имажинизма Анатолия Мариенгофа начиналась со стихов:

Кровью плюем зазорно
Богу в юродливый взор.
Вот на красном черным:
– Массовый террор.

Большевиков поддержал Маяковский, который писал: «Октябрь. Принимать или не принимать? Такого вопроса для меня не было. Моя революция. Пошел в Смольный. Работал. Все, что приходилось». Революционные солдаты и матросы с удовольствием распевали его стихи: «Режь ананасы, рябчиков жуй, день твой последний приходит, буржуй». Маяковского Ленин не принимал вообще, в принципе. «Как не стыдно голосовать за издание «150 000 000» Маяковского в 5000 экз.? – это он Луначарскому. – Вздор, глупо, махровая глупость и претенциозность. По-моему, печатать такие вещи лишь 1 из 10 и *не более 1500 экз.* для библиотек и для чудаков. А Луначарского сечь за футуризм». Правда, ему понравилось стихотворение «Прозаседавшиеся», о котором он говорил: «Не знаю, как насчет поэзии, а насчет политики ручаюсь, что это совершенно

правильно»[2201]. Впрочем, Ленин не дожил до расцвета таланта Маяковского. И до его бессмертной поэмы «Владимир Ильич Ленин».

Революцию приветствовала литературно-политическая группа «Скифы» во главе с левым эсером Ивановым-Разумником, писателем Мстиславским и литератором Андреем Белым (Бугаевым). «Скифы» видели в Октябрьской революции привнесение в мир истинной религиозности, соединяющей духовность и социальную справедливость. Рационализму и потребительству Запада они противопоставляли «варварскую простоту». Отсюда название «Скифы», обыгранное в одноименной поэме Блоком, переход которого на сторону большевиков стал их большой удачей. Прибило к власти и «скифа» Сергея Есенина. Хотя и Блок, и Есенин видели эксцессы революции.

Читать произведения Александра Блока или Бальмонта? Ленин еще в Куоккале увидел сборники их стихов на столе у Берзина.

– Как, и вы увлекаетесь этой белибердой! Это же декадентщина. Что вы в ней находите?[2202]

В живописи авангардисты начали настоящий крестовый поход против старых мастеров. Штеренберг возглавил отдел изобразительных искусств наркомпроса, Родченко – Музейное бюро. В 1919 году был создан Московский музей живописной культуры – первый в истории музей современного искусства. У истоков музея стояли Кандинский, Малевич, Родченко, Татлин. Отбирали работы сами художники, избегая понятия «шедевра», но апеллируя к понятиям «творческого изобретательства в области цвета, архитектоники, композиции и фактуры». С позиций сегодняшнего дня отбор был безупречен, хотя тогда очень многим, если не большинству, казался безумным. Там были творения не только создателей музея, которых сейчас называют ключевыми художниками XX века. Всего были куплены полотна 143 художников, среди которых Анна Голубкина, Мартирос Сарьян, Роберт Фальк, Илья Мошков, Петр Бромирский, Надежда Удальцова, Давид Штеренберг и многие другие[2203].

Футуристические поэты и художники творчески работали в востребованном властью жанре революционного плаката. Уже 1 мая и 7 ноября 1918 года в подконтрольных большевикам городах прошли массовые демонстрации и народные гулянья. В Москве и Петрограде в праздничном оформлении улиц, площадей, трамваев приняли участие Кустодиев, братья Васнецовы, Петров-Водкин, Добужинский; в Витебске – Шагал. Визитной карточкой эпохи стали и массовые театральные действа. Первый такой праздник в честь освобожденного труда состоялся 1 мая 1920

года на ступенях Фондовой биржи в Петрограде. Использовались и мобильные средства агитации – агитпароходы, агитпоезда. Маяковский в составе команды художников выпускали «Окна РОСТА» – литографированные листы с броскими надписями, которые размещались в витринах магазинов, в людных местах. Одновременно известные художники – Билибин, Лансере – делали плакаты для Добровольческой армии Деникина.

Революции всегда избавляются от памятников прежней эпохи. Как «ленинопад» на Украине. В апреле 1918 года Совнарком принял декрет «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской социалистической революции». Сергей Тимофеевич Коненков был преисполнен энтузиазма: его назначили в Московскую коллегию по делам изобразительного искусства. «В состав коллегии избрали В. А. Веснина, И. В. Жолтовского, А. В. Щусева, К. А. Коровина, П. В. Кузнецова, А. Н. Златовратского и меня. На первом рабочем заседании 14 апреля коллегия наметила практические меры по осуществлению принятого за два дня до этого декрета… Этот декрет, а также последующие постановления Совнаркома о памятниках вошли в историю как ленинский план монументальной пропаганды… План монументальной пропаганды сблизил художников с идеями партии большевиков»[2204]. Еще как.

На снос старых памятников был дан срок до 1 мая. «Но из-за ведомственной неразберихи – за исполнение декрета отвечали Народный комиссариат художественно-исторических имуществ, Наркомпрос и Моссовет – за разборку памятников царям взялись только в летние месяцы». И в июне Ленин поторапливал: «Двухмесячная проволочка в исполнении декрета – равно важного и с точки зрения пропаганды и с точки зрения занятия безработных – непростительна»[2205].

Ленин лично набросил петлю на памятник-крест работы Виктора Васнецова на месте гибели от руки террориста великого князя Сергея Александровича. На кресте были начертаны символические слова: «Отче, отпусти им – не ведают бо, что творят». В Москве были уничтожены также статуи Александра II на бровке Боровицкого холма, Александра III перед храмом Христа Спасителя (обе работы выдающегося скульптора Опекушина), конная статуя генерала Скобелева на Тверской. С обелиска в честь 300-летия Дома Романовых в Александровском саду были сняты имена царей и высечены имена революционных деятелей.

– Вы помните, – говорил Ленин наркому Луначарскому, – что Кампанелла в своем «Солнечном государстве» говорит о том, что

на стенах его фантастического социалистического города нарисованы фрески, которые служат для молодежи наглядным уроком по естествознанию, истории, возбуждают гражданское чувство – словом, участвуют в деле образования, воспитания новых поколений. Мне кажется, что это далеко не наивно и с известным изменением могло бы быть нами усвоено и осуществлено теперь же».

Коненкову было поручено сделать соответствующий доклад на заседании Совнаркома. «С докладом о сооружении в Москве памятников великим людям выступал заместитель наркома просвещения историк М. Н. Покровский, затем председательствующий – ВИ – предоставил слово мне… Говорил я недолго, а в заключение зачитал список революционных и общественных деятелей, которым предполагалось воздвигнуть памятники… ВИ тут же спросил меня о примерной стоимости каждого монумента.

– Примерно восемь тысяч рублей, как в Петроградской коммуне. Там стоимость каждого памятника определена в 7 тысяч 910 рублей, – ответил я.

ВИ, внимательно выслушав мой ответ, подчеркнул, что именно такая сумма должна быть выделена каждому скульптору вне зависимости от его имени, а потом спросил меня, устроит ли нас, если все суммы будут выделены в трехдневный срок. Я ответил:

– Вполне»[2206].

Заказ был стремительно распределен по скульпторам, и хорошо иллюстрировал политические, художественные и эстетические предпочтения Ленина, имевшего окончательное слово по списку персонажей, с которыми предполагалось шагать в коммунистическое завтра. Бланки, Бебель, Лассаль, Жорес, Спартак, Тиберий Гракх, Бабеф, Дантон (скульптор Андреев), Марат, Робеспьер, Гарибальди, Степан Разин (сам Коненков), Бакунин, Пестель, Рылеев, Герцен, Болотников, Халтурин, Желябов, Перовская, Каракозов, Каляев, Плеханов, Роберт Оуэн, Шевченко, Кольцов, Радищев, Некрасов, Салтыков-Щедрин, Михайловский, Глеб Успенский, Тютчев, Новиков (ваяла Мухина), Сковорода, Байрон, Гейне, Руссо, Гюго, Вольтер, Золя, Ибсен, Рублев, Александр Иванов, Суриков, Кипренский, Врубель, Верхарн, Козловский, Казаков, Сезанн, Мусоргский, Римский-Корсаков, Скрябин, Бетховен, Шопен, Мочалов, Комиссаржевская. Не слабо? И все скульпторы при деле.

Дело шло не быстро. Ну а потом… Возмущенная телеграмма Ленина Луначарскому 18 сентября 1918 года: «Бюста Маркса для улицы нет, для пропаганды надписи на улицах ничего не сделано.

Объявляю выговор за преступное и халатное отношение, требую присылки мне имен всех ответственных лиц для предания их суду. Позор саботажникам и ротозеям»[2207]. В Москве развернулась небывалая в истории кампания по сооружению памятников. «В годы “военного коммунизма”, когда на молодую Страну Советов со всех сторон наседали враги, в Москве удалось открыть двадцать пять памятников, сорок семь памятников были подготовлены к постановке, и только чрезвычайные обстоятельства военного времени не позволили довести дело до конца».

Коненковского «Разина с ватагой» открывали на Лобном месте Красной площади 1 мая 1919 года. «Красная площадь была переполнена. Море голов и знамен… Красные кавалеристы с пиками красовались на чистокровных кончаках, как былинные герои – наследники славы Разина… Никогда не забыть мне, как шел ВИ к лобному месту. Он был без пальто, в своем обычном костюме. Ликующая толпа, словно по мановению волшебной палочки, расступилась перед ним, образуя широкий коридор через всю площадь… Митинг по тогдашней прекрасной традиции закончился пением “Интернационала”»[2208]. Разбойник Стенька Разин сильно бы этому удивился.

А ровно год спустя у храма Христа Спасителя на месте снесенного памятника царю Александру III состоялась закладка памятника «Освобожденному труду». Ленин вновь выступал. «В этой речи ВИ поставил перед искусством большую творческую задачу – прославить свободный труд. По окончании митинга А. В. Луначарский предложил ВИ отправиться в Музей изящных искусств (ныне Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина), где были выставлены проекты монумента «Освобожденный труд»… На выставке, очевидно, вследствие влияния руководящей роли Штеренберга, ощущалось засилье формалистов. Это удручало Ленина. И он не без иронии в адрес Луначарского, терпимо относившегося к формалистическим “искажениям”, закончил разговор широко известной теперь фразой:

– Пусть в этом разбирается Анатолий Васильевич!»[2209]

Отношение Ленина и большевистского руководства к театральному искусству, кино, представлению было довольно интересным. В стране с низким уровнем грамотности, где печатное слово доходило далеко не до всех, а радио только пробивало дорогу, эти формы искусства оказывались важнейшими инструментами пропаганды.

Постреволюционная эпоха подарила самые смелые творческие эксперименты, количество новых театров, клубов,

политических кабаре стремительно росло. На городских площадях с участием тысяч статистов и самих зрителей ставились инсценировки исторических событий. Практически неограниченными правами на сцене пользовались Станиславский, Немирович-Данченко, Вахтангов, Мейерхольд, Таиров. Продолжали блистать еще дореволюционные звезды – Москвин, Качалов, Книппер-Чехова, Ермолова, Яблочкина; появилось и новое поколение – Николай Баталов, Гоголева, Еланская, Борис Ливанов, Михоэлс, Яншин. Под эгидой музыкального отдела наркомпроса множились оперные театры, симфонические и камерные оркестры, творили Глазунов, Гнесин, Асафьев.

Но была и другая сторона вопроса, которую хорошо описал тот же Шаляпин. «Артистическая среда по всему строю своих чувств, навыков и вкусов принадлежала, конечно, к тому "старому миру", который надлежало уничтожить. Это была своеобразная интеллигенция с буржуазными повадками, т. е. вдвойне чуждая духу пролетарского режима… Как бы то ни было, после большевистского переворота русский театр оказался облепленным всякого рода "деятелями революции", как мухами»[2210].

Типичной была судьба прославленного Московского Художественного театра, как описывал ее Константин Сергеевич Станиславский: «Несмотря на помощь со стороны правительства, мы не могли обходиться получаемым в театре содержанием: оно было недостаточно для того, чтобы хоть как-нибудь сводить концы с концами. Необходим был заработок на стороне. Поэтому кругом царила халтура. Халтура стала законным, общепризнанным и непобедимым злом для театра… Другим опасным врагом явился кинематограф. Пользуясь материальными преимуществами, кинематографические фирмы щедро оплачивали труд артистов и тем отвлекали их от работы в театре. Многие объявили старый театр отжившим, лишним, подлежащим беспощадному уничтожению»[2211].

Что же касается самого Ленина, то он, как и в молодые годы, театр недолюбливал за его чрезмерную… театральность. «Излишняя театральность постановки, – говорила Крупская, – раздражала Ильича»[2212]. Редко появляясь в театре, еще реже он досиживал до конца спектакля. Луначарский переживал за Художественный театр. Ленин 26 августа 1921 года отвечал ему: «Все театры советую положить в гроб. Наркому просвещения надлежит заниматься не театром, а обучением грамоте». Театр выступал для Ленина бездонной бочкой, в которой исчезали бюджетные ассигнования.

А инициатива Ленина по закрытию Большого театра вызвала

большой скандал в верхах: «Узнав от Каменева, что СНК единогласно принял совершенно неприличное предложение Луначарского о сохранении Большой оперы и балета, полагаю Политбюро постановить: 1. Поручить Президиуму ВЦИК отменить постановление СНК. 2. Оставить из оперы и балета лишь несколько десятков артистов на Москву и Питер для того, чтобы их представления (как оперные, так и танцы) могли окупаться, т. е. устранением всяких крупных расходов на обстановку и т. п. 3. Из сэкономленных таким образом миллиардов отдать не меньше половины на ликвидацию неграмотности и на читальни. 4. Вызвать Луначарского на пять минут для выслушания последнего слова обвиняемого и поставить на вид»[2213]. В тот же день – 12 января 1922 года – Политбюро исполнило волю Ленина.

Луначарский, к счастью для российской культуры, не сдавался. «Категорически протестую о принятии такого решения без предупреждения меня и без выслушания моих доводов. Категорически требую пересмотра этого вопроса в моем присутствии. Подробное письмо об этом послано мною ВИ». Политбюро «рассмотреть заявление т. Луначарского по существу» поручило ВЦИК[2214]. А тот счел закрытие Большого «хозяйственно нецелесообразным».

Выяснилось, объяснит Луначарский, «что те издержки, которые сейчас государство несет по Большому театру, даже несколько меньше тех, которые пришлось бы нести просто по охране здания Большого театра и по содержанию оркестра, который, конечно, распустить никто никогда не думал»[2215]. Вопрос умер в процессе изучения Рабоче-крестьянской инспекцией его экономической стороны, чтобы по инициативе Ленина вновь возникнуть осенью 1922 года, когда Политбюро сильно сократило госдотации на все театры, включая Большой и Мариинку. Но не закрыло их.

В детстве и юности, как мы помним, Ленин любил музыку. Эта любовь вскоре прошла. Причину он объяснил Горькому, который вспоминал, как Ленин в Москве на квартире Пешковой слушал сонаты Бетховена в исполнении Исая Добровейна.

«– Ничего не знаю лучше “Appossionata”, готов слушать ее каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка…

И, прищурясь, усмехаясь, он прибавил невесело:

– Но часто слушать музыку не могу, действует на нервы, хочется милые глупости говорить и гладить по головкам людей, которые, живя в грязном аду, могут создавать такую красоту. А сегодня гладить по головке никого нельзя – руку откусят, и надобно бить по головкам, бить безжалостно, хотя мы, в идеале, против всякого насилия над людьми. Гм-гм, – должность адски

трудная!»[2216]

Брат Дмитрий подтвердит: «В последние годы, перед своей болезнью, ВИ как-то не интересовался уже музыкой. Я почти не помню, чтобы он ездил в оперу или на концерт… Как-то он собрался в Колонный зал, где предстоял вечер с концертным отделением при участии Шаляпина. ВИ не собирался выступать, а поехал с единственной целью – встряхнуться. Однако, несмотря на то, что программу изменили и Шаляпина пустили первым, ВИ не дождался конца его пения и уехал домой»[2217]. Мария Ильинична вспоминала, как попыталась устроить домашний концерт с участием своей знакомой певицы Краловой и аккомпаниатора Тоом. «ВИ пришел к нам, послушал немного игру на фортепиано и пение и ушел к себе. Музыка, очевидно, слишком сильно действовала на его нервы и утомляла его»[2218].

Иное дело кино. Хотя приписываемая Ленину фраза о наиважнейшем для нас искусстве принадлежала не ему, а Троцкому, председатель Совнаркома видел в кино и более широкие пропагандистские перспективы, и возможности пополнения бюджета. Именно он создал советскую систему кинопроката. 17 января 1922 года Ленин надиктовал директивы по киноделу: «Все ленты, которые демонстрируются в РСФСР, должны быть зарегистрированы и занумерованы в Наркомпросе. Для каждой программы кинопредставления должна быть установлена определенная пропорция: а) увеселительные картины, специально для рекламы и для дохода (конечно, без похабщины и контрреволюции) и б) под фирмой «из жизни народов всех стран» – картины специально пропагандистского содержания, как то: колониальная политика Англии в Индии, работа Лиги наций, голодающие Берлина и т. д. и т. д. … Картины пропагандистского и воспитательного характера нужно давать на проверку старым марксистам и литераторам, чтобы у нас не повторялись не раз происходившие печальные казусы, когда пропаганда достигает обратных целей»[2219].

В годы Гражданской войны бесследно пропадали культурные ценности – их уничтожали, растаскивали, вывозили за рубеж. Попыткой навести здесь хоть какой-то порядок стало создание по инициативе Горького в 1919 году специальной Экспертной комиссии. В ее работе участвовали 80 лучших петроградских специалистов по антиквариату.

Но Ленин сам если и заботился о культурных ценностях, то, в основном, в смысле торговли ими для пополнения валютного бюджета. 5 марта 1920 года он настаивал: «Надо принять *особо* срочные меры для *ускорения* разбора ценностей. Если опоздаем, то за них в Европе и Америке ничего не дадут»[2220]. Вывоз был

ускорен. Страна лишилось огромной части своего культурного богатства. «Был такой замнаркома финансов Альтский, – свидетельствовал Молотов. – Многие картины из частных коллекций уплывали тогда за границу через этого человека. У него был брат в Польше, владелец антикварного магазина»[2221]. Одним из каналов оттока художественных ценностей стал и Арманд Хаммер. За границу шли и ценности из разграбленных властью храмов.

Так что государственный механизм, пусть и сохранивший некоторые дореволюционные несущие конструкции, был перестроен по ленинским лекалам и продолжал функционировать в почти неизменном виде еще семь десятилетий после его смерти. «Он – без всяких метафор – был демиургом нового порядка. Для его становления Ленин сделал главное: разработал коммунистическую теорию и создал партию нового типа, привел ее к власти, заложил основы советской системы – “однопартийную демократию” и полностью управляемую государством экономику»[2222], – замечал академик Пивоваров. Экономическая модель, трансформированная немного в эпоху нэпа, тоже несла на себе неизгладимый отпечаток ленинских идей. И Ленин решительно изменил образ жизни и мыслей каждого человека в стране, его духовный мир, представления о прекрасном. В доме, который он построил, предстояло жить три четверти века гражданам России и еще четырнадцати сегодня независимых государств.

Глава 10
Новая политика

Он вдруг
повернул
колесо рулевое
сразу
на двадцать румбов вбок.

Вызов Троцкого

Завершение Гражданской войны привело к тому, чего Ленин явно не ожидал. Коммунистическая партия, своей монолитностью удержавшая страну и большевистскую власть на краю пропасти, устала от мобилизационной жесткости и готова была взорваться из-за реальных трудностей и безобразий, которые уже нельзя было объяснить войной.

Развернулась острейшая внутрипартийная борьба. Она приняла форму профсоюзной дискуссии со всеми оппозиционными течениями – троцкистов и бухаринцев, «рабочей оппозиции» и децистов. Каждая из этих оппозиций не без оснований воспринималась Лениным как нешуточный вызов его господствующим позициям.

В основе «рабочей оппозиции» лежало недовольство широких пролетарских масс тем, что начальствовавшие функционеры из интеллигенции решали, что рабочим хорошо, а что – плохо, возвращали на предприятия прежний менеджмент под названием буржуазных специалистов. Не устраивали и «военно-крепостнические методы управления производством», и привилегии начальства, и зажим свободы критики. На этих настроениях рабочего класса («за что боролись?!») вовсю начали играть профсоюзные функционеры, которых все сильнее отстраняли от управления экономикой в условиях «единоличия». «Рабочая оппозиция» оформилась к осени 1920 года, во главе ее оказались председатели ЦК отраслевых профсоюзов Шляпников, Киселев, Кубяк, Кутузов и другие, а также Александра Коллонтай, бросившая Дыбенко и переживавшая бурный роман со Шляпниковым. Они предложили буквально выполнить положение партийной программы 1919 года, где было опрометчиво записано, что профсоюзы должны сосредоточить в своих руках управление всем народным хозяйством.

«Рабочая оппозиция» громко заявила о себе на IX Всероссийской партконференции, которую мы уже упоминали в связи с польской войной. Ленин отвечал:

– Я бы не сказал, что тут демагогия. Переутомление физическое дошло до истеричности…

Но в резолюции конференции по настоянию Ленина было предложено следующему съезду подтвердить: «(1) безусловную обязательность более частых и более широких собраний членов партии наряду с другими мерами к развитию самодеятельности членов партии;… (3) выработать вполне точные практические правила о мерах к устранению такого неравенства (в условиях

жизни, в размере заработка и пр.) между “спецами” и ответственными работниками, с одной стороны, и массой, с другой стороны, – неравенства, которое нарушает демократизм и является источником разложения партии и понижения авторитета коммунистов»[2223].

«Рабочая оппозиция» пошла в наступление в регионах. В Самаре ей даже удалось взять под контроль губернскую парторганизацию (самарский эксперимент «орабочивания власти» в итоге полностью провалился – «бюрократизм стал бюрократизмом в кубе, проводился террор в отношении инакомыслящих»[2224]). 15 октября Ленина зашикали и закричали на бурном совещании председателей уездных, волостных и сельских исполкомов Московской губернии:

– Мы видим, во что вылилось это собрание, – отбивался он. – Какое недовольство, какие крики протеста; но мы понимаем, почему это происходит. Мы понимаем, что у каждого из волнующихся здесь наболела душа, потому что нет корма для скота и скот гибнет, что обложение непомерно, и напрасно сказал товарищ, что для нас являются новым эти крики протеста.

Ситуация еще больше накалилась в начале ноября, когда на V Всероссийской конференции профсоюзов были приняты тезисы Рудзутака, резко критиковавшие бюрократизм ВСНХ и других высших государственных органов. На заседании коммунистической фракции съезда выступил Троцкий, который бросился на защиту Совнархозов от профсоюзной критики, выдвинув ультралевые лозунги «завинчивания гаек военного коммунизма», слияния профсоюзов с госорганами и «перетряхивания» руководства профсоюзов. Ленин опишет это как зарождение конфликта: «1-й этап. V Всероссийская конференция профсоюзов, 2–6 ноября. Завязка борьбы. Единственные “борцы” из цекистов Троцкий и Томский. Троцкий бросил “крылатое словечко” о “перетряхивании” профсоюзов. Томский резко спорил. Большинство цекистов присматривается».

Своим выступлением Троцкий сдвинул тектонические пласты в партийном руководстве. И дело не только в том, что он осложнял жизнь Ленину, провоцируя конфликт еще и с ВЦСПС в условиях наступления отраслевиков и регионалов из «рабочей оппозиции». И не в том, что Троцкий в корне неправильно, как доказывал Ленин, решал вопрос «о методах *подхода* к массе, овладения массой, *связи* с массой»[2225]. Гораздо более серьезным прегрешением была претензия Троцкого на перестановки («перетряхивание») в высшем эшелоне, на ту функцию, которую Ленин оставлял в собственном полном и исключительном ведении.

2-й этап – по хронологии самого Ленина. Он вынес конфликт на пленум ЦК 9 ноября. Троцкий выступил с наброском тезисов «Профсоюзы и их дальнейшая роль», которые поддержали Рыков, Андреев и, что существенно – первый секретарь ЦК Крестинский. Ленин выступил с контртезисами, где осуждал «вырождение централизма и милитаризованных форм труда в бюрократизм, самодурство, казенщину» и защищал «здоровые формы милитаризации труда», что и было поддержано пленумом. Ленин самокритично скажет о себе в третьем лице: «При этом в споре некоторые, явно преувеличенные и потому ошибочные, “выпады” допускает Ленин, в силу чего является необходимость в “буферной группе”, которая и возникает в составе 10 цекистов (куда входят Бухарин и Зиновьев, не входят ни Троцкий, ни Ленин)». Тезисы Троцкого были отклонены. Ленин победил 10 голосами против 4 (Троцкий, Андреев, Крестинский, Рыков).

– Получилась в Центральном Комитете каша и кутерьма; это в первый раз в истории нашей партии во время революции, и это опасно, – скажет Ленин.

После этого Ленин предложил Троцкому вместе с Зиновьевым и Томским войти в комиссию для выработки согласованной профсоюзной платформы. Однако Троцкий без видимых причин отказался. «Из комиссии Троцкий уходит, срывает ее, не желает работать».

Между Лениным и Троцким возник острейший конфликт. Обоих прорвало, понесло, оба вошли в раж. Это было не просто столкновение двух могучих личностей. Речь шла о серьезнейшей схватке за лидерство в партии. На Московской губернской партконференции, проходившей в Кремле 21 ноября, Ленин призывает:

– Мы много потеряли времени на перепалки, перебранки и на склоки и должны сказать себе: «довольно!» и постараться на тех или иных условиях сделать работу здоровой… добиться того, чтобы работа была дружной, ибо без этого существовать в таких условиях, когда мы окружены внешними и внутренними врагами, невозможно[2226].

Но склока только начиналась. Писала очевидица событий Татьяна Федоровна Людвинская: «В пылу фракционной борьбы “рабочая оппозиция” дошла до того, что организовала специальное совещание делегатов рабочих, которых им удалось временно привлечь на свою сторону. Это совещание происходило в Митрофаньевском зале Кремля, в то время как остальная часть конференции, с подавляющим большинством ленинцев, заседала в Свердловском зале. ВИ приходилось ходить из одного зала в другой. Впоследствии он говорил, что это было началом

фракционности и раскола». Из 289 делегатов с решающим голосом оппозиция собрала 61 голос. «В состав МК вошли и представители оппозиции»[2227].

3-й этап. Разгорелся конфликт водников с профсоюзом речников (Цекраном), который разбирал Пленум ЦК 7 декабря. Главными борцами, по словам Ленина, оказываются уже не Троцкий и Ленин, а Троцкий и Зиновьев. «Принимается резолюция Бухарина… Наша группа цекистов остается в меньшинстве, будучи против резолюции Бухарина главным образом потому, что считает “буфер” бумажным, ибо неучастие Троцкого в профкомиссии фактически означает продолжение борьбы и вынесение за пределы ЦК». На декабрьском пленуме Ленин признал: «в Центральном Комитете собиралось уже 8 голосов против наших 7»[2228].

Чего Ленин так распереживался из-за наступления Троцкого? Троцкий был единственным человеком, кто в принципе был способен бросить вызов Ленину в схватке за власть. За его неповиновением могла стоять готовность апеллировать к армии. Во всяком случае, Старик никак не мог этого исключать. «Собственно говоря, страной руководил все время Ленин, – писал хорошо информированный современник. – Страна и партия это знают плохо и склонны приписывать победу главным образом Троцкому, организатору и главе Красной Армии. Этот ореол Троцкого мало устраивает Ленина – он предвидит важный и опасный поворот при переходе к мирному строительству. Чтобы сохранить при этом руководство, ему нужно сохранить большинство в центральных руководящих органах, в ЦК»[2229]. Это оказалась совсем не просто.

Через Крестинского Троцкий продолжал наращивать свой контроль над Секретариатом и Оргбюро – единственными руководящими органами, где Ленина не было, – что открывало путь и к контролю над партией. «Наметившийся союз Троцкого с могущественным Оргбюро и Секретариатом ЦК сильно обеспокоил Ленина, он не мог допустить каких-либо коалиций в высшем руководстве за своей спиной»[2230], – замечают исследователи внутрипартийной борьбы. Молотов подтверждал: «В самом Центральном Комитете перед X съездом партии Ленин не имел устойчивого большинства»[2231].

Таким образом Ленин столкнулся с угрозой потери контроля над рабочими организациями, армией и партаппаратом. А значит, и с перспективой утраты власти. Это и предопределило ожесточенность столкновения вроде бы на ровном месте – из-за каких-то формулировок по профсоюзной проблематике. Борьба в этом случае шла именно за власть, а не за идеи: Троцкий за два

последующих месяца поменяет пять платформ, каждая из которых была направлена против Ленина, но при этом диаметрально отличалась от предшествовавшей. Последовательно отказавшись от «закручивания гаек» и «перетряхивания», Троцкий пришел к «рабочей демократии». «Сапог не износили, когда единоличие проповедовали, – иронизировал по этому поводу Ленин. – Нельзя вносить кашу, создавая опасность, что люди запутаются: когда демократия, когда единоличие, когда диктатура»[2232]. Да и сам Ленин абсолютно охладеет к профсоюзной проблематике, когда партия против Троцкого была успешно сыграна.

Полагаю, Троцкий ввязался тогда в драку с Лениным во многом от обиды за непризнание его выдающихся заслуг в революционных боях. Вместо триумфальной арки и белого коня победителя в Гражданской войне он дождался жесткого разноса на IX партконференции за польский провал, столкнулся с саботажем своих планов создания трудармий со стороны хозяйственных ведомств. Но, бросив вызов Ленину, Троцкий совершил крупный просчет в оценке собственных сил. Он, на мой взгляд, в принципе не мог выиграть у Ленина. Старая гвардия, контролировавшая ВКП(б), никогда бы не пустила его на первую роль. Для нее он оставался во многом чужаком, поздно вступившим в партию, а до этого много лет высмеивавшим большевиков. Как бы Троцкий ни старался, он всегда бы оставался в меньшинстве в партийной элите. Впрочем, так и происходило.

У членов ПБ помимо отмеченных выше общих причин для нелюбви к Троцкому – дореволюционный меньшевизм, огромные амбиции, замашки диктатора, жестокость и т. д. – были и свои личные. Троцкий смотрел на них (кроме Ленина) свысока, и у всех – Зиновьева, Каменева и, особенно, Сталина – отношения с ним были сдержанными, холодными и внутренне враждебными.

Кроме того, Троцкий в силу личных качеств был плохо готов к борьбе за партию. Он чурался черновой, повседневной работы и гордился этим. Когда пришла пора монотонных будней, его тянуло не на бесконечные заседания, а к собственному письменному столу, чтобы творить «Уроки Октября» или составлять трехтомник «Как вооружалась революция». К тому же его подводило сибаритство. Охота, рыбалка, забота о здоровье, курорты. Противостоял же Троцкому великий политик – Ленин, готовый бороться за реализацию своих целей 24 часа в сутки и знающий, как это делать. У Троцкого не было шанса.

Столкновение стало явным для партии на VIII съезде Советов, который известен как съезд ГОЭЛРО. Среди делегатов Буденный. «Я сидел в президиуме неподалеку от Ленина. Зал был забит

народом. Делегаты стояли в проходах, у стен. Почти все они в верхней одежде, так как Большой театр в то время не отапливался». Ленин получает слово. «Гром аплодисментов… Весь президиум встал и тоже аплодировал. Ленин снял пальто, повесил его на спинку стула»[2233].

Но для Ленина были вещи поважнее ГОЭЛРО. «4-й этап, – пишет он. – VIII съезд Советов. Выступление Троцкого 25 декабря с “брошюрой-платформой”: “Роль и задачи профсоюзов”. С точки зрения формального демократизма, Троцкий имел безусловное право выступить с платформой, ибо ЦК 24 декабря разрешил свободу дискуссии. С точки зрения революционной целесообразности, это было уже громадным преувеличением ошибки, *созданием фракции* на ошибочной платформе». Троцкий заявил, что «предстоящему партийному съезду придется *выбирать* между двумя тенденциями в области профессионального движения» – его и Ленина. Кроме того, троцкисты вовсю распространяли в кулуарах информацию о грядущем масштабном сокращении вооруженных сил, что, понятно, сильно нервировало военную среду.

Заключительные дни съезда Ленин характеризовал как пятый этап профсоюзной дискуссии. Милютин рассказывал: «После окончания VIII Всероссийского съезда Советов делегатам – членам РКП(б) выдали пропуска на дискуссию о профессиональных союзах, которая состоялась 30 декабря 1920 года в помещении Дома союзов». Ленин продолжал: «Споры развертываются вовсю. Ленин и Зиновьев, с одной стороны, Троцкий и Бухарин, с другой. Бухарин хочет “буферить”, но говорит только против Ленина и Зиновьева, ни слова против Троцкого»[2234]. Милютин запомнил: «В 12 часов ночи в зале появился В. И. Ленин. Кто-то из оппозиционеров иронически заметил: “Прибыла тяжелая артиллерия”… Всю силу своего удара ВИ обрушил на Троцкого, выразив удивление “количеству теоретических ошибок и вопиющих неправильностей”, сконцентрированных в его брошюре “О роли и задачах профсоюзов”. Ленин назвал все это “идейной сумятицей”»[2235].

– Поголовно охватывая, включая в ряды организации индустриальных рабочих, профсоюзы являются организацией правящего, господствующего, правительственного класса, того класса, который осуществляет диктатуру, который осуществляет государственное принуждение.

Отхлестав Троцкого за «ряд ошибок, связанных с самой сутью вопроса о диктатуре пролетариата», Ленин принялся за другого соратника.

– Теперь я перехожу к «производственной демократии»; это

так сказать, для Бухарина. Мы прекрасно знаем, что у каждого человека бывают маленькие слабости, в том числе и у Бухарина. Если словечко с выкрутасом, то тут он уже не может не быть за… Надо сказать: «Тов. Н. И. Бухарин, поменьше словесных выкрутасов, польза будет для вас, для теории, для республики».

Следующий этап дискуссии Ленин организовал сам. «6-й этап. Выступление питерской организации с “обращением к партии” против платформы Троцкого и контрвыступление Московского комитета (“Правда” от 13 января). Переход от борьбы фракций, образуемых сверху, к вмешательству организаций снизу». Ленин начал борьбу за поддержку ключевых парторганизаций в преддверии партсъезда.

«7-й этап. Профкомиссия кончает свою работу и выпускает платформу (брошюра под заглавием: “Проект постановления X съезда РКП по вопросу о роли и задачах профсоюзов” от 14 января, подписанную 9 цекистами: Зиновьевым, Сталиным, Томским, Рудзутаком, Калининым, Каменевым, Петровским, Артемом, Лениным и членом профкомиссии Лозовским)… В «Правде» от 16 января появляются платформы: бухаринская (подпись: “По поручению группы товарищей Бухарин, Ларин, Преображенский, Серебряков, Сокольников, Яковлева”) и сапроновская (подпись: “Группа товарищей, стоящих на платформе демократического централизма”, Бубнов, Богуславский, Каменский, Максимовский, Осинский, Рафаил, Сапронов). На расширенном собрании МК 17 января выступают представители этих платформ и “игнатовцы”».

Зеркальный зал Московского комитета партии на Большой Дмитровке, 15. Тезисы Бухарина возмущенный Ленин назвал «верхом распада *идейного* и полным разрывом с коммунизмом и переходом на позицию синдикализма… Синдикализм передает массе беспартийных рабочих, разбитых по производствам, управление отраслями промышленности (“главки и центры”), уничтожая тем самым необходимость в партии… До сих пор “главным” в борьбе был Троцкий. Теперь Бухарин далеко “обогнал” и совершенно “затмил” его… Как мог Бухарин договориться до такого разрыва с коммунизмом?»[2236]

Людвинская среди бойцов на стороне Ленина. «Дискуссия продолжалась два дня. Троцкисты, составлявшие большинство в бюро МК, старались использовать свое положение, чтобы “натянуть” побольше голосов. Применили двойное и даже тройное голосование. Сперва голосовали только члены МК. Результат оказался плачевный для “хозяев положения”. За тезисы Ленина голосовали 22 человека из 36. Троцкисты собрали только 9 голосов. Второе голосование было проведено с участием

приглашенных уездных и районных работников. Троцкистов и здесь постигла полная неудача: за тезисы Троцкого голосовали 18 человек из 89»[2237].

А затем вышла беспрецедентная брошюра Ленина с названием «Кризис партии», где недвусмысленно говорилось, что «мы “доросли” от маленьких разногласий до синдикализма, означающего полный разрыв с коммунизмом и неминуемый раскол партии, если партия не окажется достаточно здоровой и сильной, чтобы вылечиться от болезни быстро и радикально». 23 января 1921 года Ленин объяснил причину своей столь серьезной озабоченности дискуссией:

– После трехлетнего опыта нас никто в мире ни из внешних сил, ни из внутренних сломить не может; если мы не сделаем сверхъестественной глупости, доводящей до расколов, мы сохраним наше положение, иначе мы полетим к черту на рога.

Чтобы сделать свой успех наглядным, Ленин вновь апеллировал к партийным массам (а точнее к партактиву), уверенный в их поддержке. Была разрешена партийная дискуссия, открытие X съезда отложено, а выборы делегатов на него должны были пройти по платформам. Идеологическую борьбу с Троцким, а заодно и со старавшимся примирить двух вождей Бухариным, Ленин поручил Зиновьеву. Тот вслед за Троцким поехал по стране, выступая по губернским парторганизациям. А вопросы организационного отстраивания партии в нужном направлении Ленин возложил как на себя самого, так и на оставшегося в Москве Сталина. Они двинули Молотова на руководство украинской парторганизацией, поручив обеспечить безусловную поддержку ленинской линии.

Ленин выступил с «платформой десяти» (Ленин, Сергеев, Зиновьев, Калинин, Каменев, Петровский, Рудзутак, Сталин, Томский, Лозовский), в которой отстаивал роль профсоюзов как связующего звена между государством и трудящимися массами («школа коммунизма»). Троцкий и его сторонники продолжали доказывать, что при диктатуре пролетариата у рабочих вообще нет необходимости в классовой организации для защиты от «собственного» государства.

Борьбу с Троцким Старик повел под флагом наступления на аппаратно-бюрократическую верхушку партии, которую олицетворяли руководители Оргбюро и Секретариата. «Вот вам настоящий бюрократизм! – возмущался Ленин. – Троцкий и Крестинский будут подбирать “руководящий персонал” профсоюзов!»[2238] Ленинская тактика себя оправдала: «платформа десяти» получила подавляющую поддержку мест. Так, за нее голосовали 80 % членов Московской парторганизации, более

90 % – Петроградской. Январский пленум ЦК КП(б)У дружно голосовал за «платформу десяти»[2239]. Ленин выиграл схватку за партию.

Впрочем, очень скоро все эти разногласия казались уже очередной бурей в стакане воды, когда надо было опять выиграть схватку за страну.

Нэп

Хозяйственная разруха и политика «военного коммунизма» к началу 1921 года вызвали повсеместное разочарование во власти. Писатель Аркадий Аверченко замечал: «Рождение революции прекрасно, как появление на свет ребенка, его первая бессмысленная улыбка, его первые невнятные слова, трогательно умилительные, когда они произносятся с трудом лепечущим неуверенным в себе розовым язычком… Но когда ребенку уже четвертый год, а он торчит в той же колыбельке, когда он четвертый год сосет всунутую с самого начала в рот ножку, превратившуюся уже в лапу довольно порядочного размера, когда он четвертый год лепечет те же невнятные, невразумительные слова, вроде: “совнархоз”, “уземельком”, “совбур” и “реввоенком” – так это уже не умилительный, ласкающий глаз младенец, а, простите меня, довольно порядочный детина, впавший в тихий идиотизм. Очень часто, впрочем, этот тихий идиотизм переходит в буйный, и тогда с детиной никакого сладу нет»[2240].

Недовольство крестьян репрессивной политикой изъятия излишков зерна, экономические тяготы подпитывали антоновщину, махновщину, мятежи на Дону, на Украине, в Сибири. Повстанческая война была не столько антисоветской сколько антибольшевистской, общим был лозунг «Советы без коммунистов». Было кому бастовать. На VIII съезде Советов Ленин ставил разумную цель:

– При сокращении армии мы сохраним такое основное ядро ее, которое не будет возлагать непомерной тяжести на республику в смысле содержания, и в то же время при уменьшении количества армии мы лучше, чем прежде, обеспечим возможность в случае нужды снова поставить на ноги и мобилизовать еще большую военную силу[2241].

Однако затем стал форсировать демобилизацию. Сергей Сергеевич Каменев подтвержал: «Штаб РВСР разработал достаточно детальный план проведения демобилизации, причем сроки демобилизации были довольно велики. ВИ не согласился с этими сроками и опять подошел к этому вопросу с революционной смелостью. Он дал минимальные сроки роспуска мобилизованных красноармейцев»[2242]. Солдаты в массовом порядке начали возвращаться домой, к своим, в большинстве случаев, разоренным очагам.

Антоновский мятеж вспыхнул 15 августа 1920 года в селе Хитрово на Тамбовщине. Затем сразу в нескольких селах

крестьяне отказались сдавать хлеб и приступили к уничтожению продотрядов, коммунистов и чекистов, ликвидации органов Советской власти. Мятеж достиг максимального размаха к февралю 1921 года. Армия Антонова насчитывала до 50 тысяч человек и создала своего рода «крестьянскую республику». Было казнено до 2 тысяч советских работников. Ленин был решителен. «Тамбовское восстание приказал подавить, сжигать все»[2243], – подтверждал Молотов. 100-тысячную армейскую группировку решением ПБ возглавлял Тухачевский. «Дать для ликвидации месячный срок. Не допускать никакого вмешательства в его дела». В повстанческих регионах массово расстреливали заложников, семьи расстрелянных отправляли в концлагеря. Если угроза расстрелов не действовала, жителей деревни выселяли, имущество конфисковывали, деревню сжигали. 22 июня братья Антоновы были убиты в перестрелке. 16 июля 1921 года Тухачевский доложил в ЦК: «Мятеж ликвидирован, Советская власть восстановлена повсеместно».

6 июля 1920 года началось Колыванское вооруженное восстание, которое окрестят «Сибирской Вандеей», вызванное продразверсткой и охватившее 10 волостей Новониколаевского уезда и несколько волостей Томского. Под лозунгом «За Советскую власть без коммунистов!» активно вырезались советские и партийные работники. На помощь новониколаевской ЧК были брошены части ВОХР[2244].

В январе 1921 года вспыхнуло 100-тысячное крестьянское восстание на Урале и в Западной Сибири – в Пермской, Тюменской, Омской, Челябинской, Екатеринбургской губерниях. Данишевский, тогда секретарь Сибирского бюро РКП(б), рассказывал, что оно «охватило всю полосу от Урала до Омска (повстанческие отряды подходили к Омской железнодорожной станции). В течение примерно полутора месяцев не было регулярных сообщений с Москвой, связь была только по радио. На X партийный съезд сибирская делегация поехала вся вооруженная, готовая пробиваться с боем»[2245].

На Северном Кавказе – в Терской губернии – действовало 100 повстанческих отрядов. Более сорока банд продолжали разорять Украину, причем только у Махно было 13 тысяч сабель и штыков. Дезертиры и демобилизованные давали готовое, вооруженное и обученное пополнение. Представителям советской власти и продработникам вспарывали животы, отрезали носы и уши, ослепляли, протыкали вилами, сжигали или морозили заживо. Власть отвечала не менее жестокими репрессиями.

Без военных заказов совсем встала промышленность, рабочие остались без заработков. В феврале в Петербурге вспыхнула

всеобщая забастовка, не только с экономическими, но и политическими требованиями, остановились оставшиеся заводы. Петроградский комитет партии ввел в городе военное положение, зачинщики бастовавших были арестованы. Новость о рабочих волнениях и их насильственном усмирении дошла до острова-крепости Кронштадта, где взбунтовался десятитысячный матросский гарнизон, всегда симпатизировавший скорее анархистам.

Дестабилизация чувствовалась и в Москве. В конце февраля на чрезвычайном заседании МК в Белом зале Моссовета, Ленин утверждал:

– Мир с Польшей до сих пор не заключен, внутри – рост бандитизма и кулацкие восстания. С продовольствием и топливом громадное ухудшение. Сейчас из Сибири подвоза нет, так как кулацкими восстаниями прервана железнодорожная линия. В бандитизме чувствуется влияние эсеров. Главные силы их за границей; они мечтают каждую весну свергнуть Советскую власть. Надо сплотиться и понять, что еще один шаг в дискуссии, и мы не партия…

И вновь надвигался голод. 24 февраля Ленин слал шифровку Раковскому в Харьков: «Ввиду крайне тяжелого продовольственного положения центра полагаю: три четверти взять сюда, четверть оставить городам и рабочим Украины; крестьян же вознаградить во что бы то ни стало в мере возможного, если у нас ничего нет, то купив за границей на золото или на нефть… У нас продовольственный кризис отчаянный и даже опасный». 28 февраля Ленин пишет постановление СТО: «Принять немедленные и экстренные меры для улучшения снабжения нуждающихся рабочих продовольствием и предметами первой необходимости, ассигновать для этой цели фонд в размере до *десяти* миллионов рублей *золотом* и послать делегацию за границу для закупки соответствующих предметов немедленно…» Но и за деньги хлеб было непросто достать.

У многих складывалось впечатление конца ленинского режима. Ситуацию в России активно, целенаправленно и скоординированно раскачивали с Запада. Ленин, снабженный ежедневными сводками публикаций зарубежной прессы, справедливо описывал информационный фон:

– С начала марта ежедневно вся западноевропейская печать публикует целые потоки фантастических известий о восстаниях в России, о победе контрреволюции, о бегстве Ленина и Троцкого в Крым, о белом флаге на Кремле, о потоках крови на улицах Петрограда и Москвы, о баррикадах там же, о густых толпах

рабочих, спускающихся с холмов на Москву для свержения Советской власти, о переходе Буденного на сторону бунтовщиков, о победе контрреволюции в целом ряде русских городов, причем фигурирует то один, то другой город, и в общем было перечислено чуть ли не большинство губернских городов России. Уникальность и планомерность этой кампании показывает, что это проявляется какой-то широко задуманный план всех руководящих правительств[2246].

Что самое интересное, ощущение конца режима складывалось у самих большевиков. Молотов вспоминал, как «Ленин собрал нас и сказал:

– Все, Советская власть прекращает существование. Партия уходит в подполье.

Были заготовлены для нас документы, явки…»[2247] Ленин понял, что только силой власть можно и не удержать. Безумно усталая, психологически надломленная крестьянская и бунтующая страна больше всего хотела, чтобы власть – любая! – оставила ее в покое. «Ленина остановил Кронштадт и Антоновское восстание»[2248]. Штурм неба отменялся или, по крайней мере, откладывался.

Первые наметки новой экономической политики (нэпа) появляются еще в конце 1920 года. 30 ноября Ленин пишет постановление Совнаркома с поручением в течение недели рассмотреть вопрос: «во-первых, о возможности отмены *местных* денежных налогов и собрать точные данные как по Петроградской и Московской губерниям, так, по возможности, и по другим губерниям; во-вторых, о необходимости подготовить и провести единовременно как отмену денежных налогов, так и превращение продразверстки в натуральный налог»[2249].

Откуда взялась эта мысль? «Нэп – это, конечно, идея из народа. Мужичок натолкнул Ленин на эту идею», – утверждал Молотов. Но он же добавлял еще один источник: «Ведь это меньшевики требовали свободу торговли, дать возможность продавать и прочее. Ленин взял эту программу меньшевиков в 1921 году и стал проводить в жизнь, но под контролем рабочего государства… Обобрал меньшевиков»[2250]. Позднее Ленин расскажет:

– Перед нами весной 1921 года стало ясное положение: не непосредственное социалистическое строительство, а отступление в целом ряде областей экономики к государственному капитализму, не штурмовая атака, а очень тяжелая, трудная и неприятная задача длительной осады, связанной с целым рядом отступлений.

Восьмого февраля Политбюро – в отсутствие еще занятых

профсоюзной дискуссией в регионах Зиновьева и Троцкого – впервые рассмотрело вопрос о возможности отмены продразверстки. Детали будущей политики прорабатывала специальная группа в составе Каменева, Осинского и Цюрупы. Работа шла в полной тайне, поскольку любая утечка могла все испортить. Каждый большевик, который хотя бы намекнул на возможность возрождения капиталистических элементов в экономике, немедленно был бы обвинен в малодушии, измене и исключен из партии. Любой, кроме Ленина.

Прямо на заседании ПБ он предложил стратегический маневр. Первое – заменить изъятие хлеба по продразверстке натуральным налогом. Второе – уменьшить размер налога по сравнению с разверсткой. Третье – стимулировать работу крестьян понижением процента налога. Четвертое – «расширить свободу использования земледельцем его излишков сверх налога в местном хозяйственном обороте, при условии быстрого и полного внесения налога»[2251]. Это и была формула нэпа, которую Ленин вознамерился предложить X съезду РКП(б).

Ситуация в стране обострялась. 1 марта 26-тысячный гарнизон Кронштадта принял резолюцию в поддержку бастовавших питерских рабочих: «Власть Советам, а не партиям!» 3 марта в Петрограде и Петроградской губернии было объявлено осадное положение. 4 марта Комитет обороны Петрограда предъявил Кронштадту ультиматум. Гарнизон крепости его отверг.

Восьмого марта открылся X съезд РКП(б). «Морозный ветер, вздымая снег, мел его по пустынным улицам Москвы, крутил вихрем в жалких остатках полуразобранных деревянных домов, где старательно рылись жители, откапывая все, чем можно топить буржуйки, – вспоминал работавший на съезде кинооператор Левицкий. – Ветер срывал дым из бесчисленных труб, торчащих из оконных форточек; кидался на огромные очереди около булочных, заставляя стоящих прижиматься к стене и с завистью поглядывать на получивших скудный хлебный паек. Холодно было и в нетопленых огромных залах Кремля, в бесконечно длинных коридорах… Наша небольшая группа кинооператоров и фотографов с утра до позднего вечера дежурила на съезде. На первых заседаниях нам удалось сделать несколько съемок»[2252]. Заседали в Свердловском зале Кремля. На открытии Ленин заговорил про Кронштадт:

– Это уже нечто новое. Тут проявилась стихия мелкобуржуазная, анархическая, с лозунгами свободной торговли и всегда направленная против диктатуры пролетариата. Эта мелкобуржуазная революция, несомненно, более опасна, чем

Деникин, Юденич и Колчак вместе взятые, потому что мы имеем дело со страной, где пролетариат составляет меньшинство, мы имеем дело со страной, в которой разорение обнаружилось на крестьянской собственности, а кроме того, мы имеем еще такую вещь, как демобилизованная армия, давшая повстанческий элемент в невероятном количестве. И меньшевики и эсеры объявляют кронштадтское движение «своим»[2253].

Данишевский наблюдал за Лениным: «ВИ был весь в движении, быстр, иногда даже нервен, зол, резок. Эти настроения сменялись в течение короткого времени в зависимости от темы разговора, от собеседника, получаемых сведений…»[2254] В политическом отчете ЦК – тревога и упор на трудности:

– Когда десятки и сотни тысяч демобилизованных не могут приложить своего труда, возвращаются обнищавшие и разоренные, привыкшие заниматься войной и смотрящие на нее, как на единственное ремесло, – мы оказываемся втянутыми в новую форму войны, новый вид ее, которые можно объединить словом «бандитизм». Несомненно, ошибкой ЦК было то, что размер этих трудностей, связанных с демобилизацией, не был учтен.

Ленин впервые публично намекнул о нэпе:

– Мы должны понять те экономические формы возмущения мелкой сельскохозяйственной стихии против пролетариата, которые обнаружили себя и которые обостряются при настоящем кризисе. Мы должны постараться сделать максимум возможного в этом отношении. Это дело самое важное для нас.

Предвидя возобновление внутрипартийной склоки, Ленин начинает превентивную артподготовку:

– Товарищи, мы пережили год исключительный, мы позволили себе роскошь дискуссий и споров внутри нашей партии. Для партии, которая окружена врагами, могущественными и сильнейшими врагами, объединяющими весь капиталистический мир, для партии, которая несет на себе неслыханное бремя, эта роскошь была поистине удивительна![2255]

Но оппозиция и склока не замедлили себя ждать. Ленину пришлось выдержать мощный натиск по вопросу о «бюрократическом перерождении» со стороны и «рабочей оппозиции», и «децистов». На их фоне Троцкий, критиковавший «платформу десяти» за «бесформенность и неряшливость», «небрежность и эклектичность», звучал скорее примирительно. Однако Ленина это уже не могло успокоить. Его план заключался в том, чтобы, не трогая самого Троцкого, убрать из партийного руководства всех его сторонников.

Специально к съезду «рабочая оппозиция» подготовила

платформу, которую опубликовали в «Правде», и в более жестком варианте отдельной брошюрой за авторством Коллонтай, где утверждали, что «Организация управления народным хозяйством принадлежит всероссийскому съезду производителей, объединяемых в профессиональные и производственные союзы, которые избирают центральный орган, управляющий всем народным хозяйством»[2256]. Идея, что профсоюзные лидеры должны рулить экономикой, за которую сам Ленин был двумя руками после Октября, теперь представлялась ему чудовищной. И не без оснований.

– Довольно, нельзя так играть с партией! Тот, кто с подобной брошюрой является на съезд, тот играет партией. Нельзя вести такую игру в такой момент, когда сотни тысяч разложившихся боевиков разоряют, губят хозяйство, – нельзя так к партии относиться, нельзя так действовать!

Ленин ответил резолюцией против анархо-синдикализма, в котором он чохом обвинил всю оппозицию. В ней центральной была мысль, что только «Коммунистическая партия, в состоянии объединить, воспитать, организовать такой авангард пролетариата и всей трудящейся массы, который один в состоянии противостоять неизбежным мелкобуржуазным колебаниям этой массы, неизбежным традициям и рецидивам профессионалистской узости или профессионалистских предрассудков среди пролетариата»[2257]. А затем Ленин предложил резолюцию и «О единстве партии».

Выборы ЦК Ленин, вспоминая молодость, готовил в лучших традициях ранних съездов. Зарисовку оставил Микоян: «Это было часов в 7–8 вечера. В небольшой комнате собрались Ленин, Сталин, Каменев, Петровский, Каганович, наверное, и Молотов был, Шмидт, Рудзутак, Рыков. Ленин сидел за столом, Сталин позади Ленина ходил и курил трубку. Когда Ленин предложил собрать сторонников платформы втайне от других, чтобы наметить кандидатуры для выборов в ЦК, Сталин, который все время молчал, подал реплику:

– Товарищ Ленин, это же будет заседание фракции, как это можно допустить?

Ленин ответил:

– Смотрите, старый и рьяный функционер – и боится организации. Вот странно! В это время, пока мы здесь сидим, троцкисты второй раз собираются. У них уже готов список кандидатов в ЦК. Они ведут свою работу. Надо подготовиться, чтобы не дать им возможности победить, а то они могут провести много своих людей в ЦК.

Действительно, тогда на съезде авторитетных деятелей было

сравнительно мало, и те в большинстве были на стороне Троцкого»[2258]. Конспирация сторонников «платформы десяти» на съезде была демонстративной, призванной наглядно продемонстрировать ту пропасть, которая разделяла Старика и Троцкого. По распоряжению Ленина часовые штыками преграждали дорогу председателю реввоенсовета и его сторонникам в те помещения, где заседала фракция вождя. На совещании своей фракции 13 марта Ленин утверждал:

– Меня обвинили: ах ты, сукин сын, что распустил дискуссию. А попробуйте удержать Троцкого. Сколько дивизий против него послать. Троцкий требует отставки. У меня за 3 года в карманах было много отставок. Часть из них лежала в кармане и отлеживалась. А Троцкий человек с темпераментом и военной подготовкой. Он в аппарат влюблен, а в политике ни бе ни ме[2259].

Ленин собирал свою фракцию на съезде и в более широком составе. Данишевский вспоминал: «Все сразу почувствовали себя в общей старой боевой подпольной среде»[2260]. Юрий Константинович Милонов, профсоюзник из рабочей оппозиции, тоже участвовавший в широком фракционном совещании, свидетельствовал, что проходило оно 14 марта «перед вечерним тринадцатым заседанием, посвященным выборам ЦК. Оно происходило в Митрофаньевском зале в составе около 200 человек»… Ленин обратился к группам “рабочей оппозиции” и “демократического централизма”, проявившим недопустимую фракционность, с предложением без демагогии рассказать, какие действительные недостатки видят они в работе и какие обязательства берут на себя, чтобы исправить их. После этого слово было предоставлено представителям оппозиционных групп… Говорить им дали достаточно долго… В заключительном слове ВИ отметил, что партию не могут удовлетворить уклончивые заявления представителей оппозиционных групп, что они не будут нарушать партийного единства. Он подчеркнул необходимость гарантии того, что партийное единство действительно не сможет быть и не будет нарушено. Такой гарантией, говорил В. И. Ленин, является седьмой пункт резолюции о единстве[2261]. Этот пункт давал ЦК полномочие применять в случаях нарушения дисциплины и рецидивов фракционности все меры партийных взысканий, вплоть до исключения из партии, а по отношению к членам ЦК – перевод их в кандидаты и даже как крайнюю меру – исключение из партии. Этот пункт резолюции Ленин назвал пулеметом, который надо поставить, зарядить и даже навести для прекращения фракционной деятельности.

Удар по группировке Троцкого наносился по трем

направлениям. Во-первых, всех его сторонников (и только его сторонников) прокатили при выборах в состав ЦК. Хотя сам состав был увеличен с 19 до 25 человек, в нем (и даже в числе кандидатов) не нашлось места Крестинскому, Преображенскому, Серебрякову, Андрееву, в кандидаты вылетел Иван Смирнов. Троцкий в ЦК остался. Членами ЦК оказались избранны не только такие представители ленинской фракции, как Ворошилов, Молотов, Орджоникидзе, Петровский, Фрунзе, Ярославский, но также и лидеры «рабочей оппозиции» Шляпников и Кутузов, обвиненные в резолюции съезда в анархо-синдикалистском уклоне. В отношении них, в отличие от троцкистов, Ленин предпочел тактику «удушения в объятиях» – предоставления главным критикам внутрипартийной бюрократии кресел в ЦК. Такая же тактика была применена и в отношении «децистов» – Осинский и Сафаров, избранные кандидатами в члены ЦК, составили компанию другим свежеиспеченным кандидатам – Чубарю, Кирову, Шмидту, Угланову, Пятакову, Куйбышеву и другим.

Во-вторых, Ленин добивается принятия резолюции «О единстве партии», которая предписывала «немедленно распустить все без изъятия, образовавшиеся на той или иной платформе, группы и поручает всем организациям строжайше следить за недопущением каких-либо фракционных выступлений». Недовольные могли печататься в «дискуссионных листках» и специальных сборниках, учитывая «положение партии среди окружающих ее врагов[2262].

В-третьих, Ленин взял под свой контроль партийный аппарат. 16 марта на Пленуме ЦК нового созыва был рассмотрен вопрос «О конституировании ЦК, о составе Политбюро, Секретариата и Оргбюро. Пункт о персональном составе ПБ выглядел так: «1. Единственным должностным лицом в ЦК является секретарь, председателя не имеется. В Политбюро входят тт. Ленин, Троцкий, Зиновьев, Сталин, Каменев. Первым заместителем является т. Молотов, вторым – т. Калинин, третьим – т. Бухарин»[2263]. Ленин также предложил на место прежней секретарской троицы новую – Молотова, Ярославского и председателя Московского совета профсоюзов Михайлова. Было избрано также Оргбюро ЦК, куда входили, кроме трех секретарей ЦК, Сталин, Рыков, Томский, Рудзутак. Это будет иметь принципиальное значение: как единственный член ПБ в Оргбюро Сталин автоматически становился его формальным руководителем. То есть фактически первой фигурой в аппарате партии.

И только 15 марта, когда исход битвы на съезде был решен и

ЦК избран, Ленин выступил с докладом о нэпе.

– Товарищи, вопрос о замене разверстки налогом является прежде всего вопросом политическим, ибо суть этого вопроса состоит в отношении рабочего класса к крестьянству… Мы знаем, что только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других станах. Удовлетворить мелкого земледельца, по сути дела, можно двумя вещами. Во-первых, нужна известная свобода оборота, свобода для частного мелкого хозяина, а во-вторых, нужно достать товары и продукты. Что за свобода оборота, ежели нечего оборачивать, и свобода торговли, ежели нечем торговать!.. Свобода оборота – это есть свобода торговли, а свобода торговли, значит назад к капитализму[2264].

Собравшиеся в зале были шокированы услышанным.

Ленину пришлось выслушать немало обвинений со стороны «рабочей оппозиции» и троцкистов в капитулянтстве перед мелкой буржуазией, предательстве интересов рабочего класса и крестьянском уклоне. В итоге съезд все же решил, что «разверстка как способ государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража заменяется натуральным налогом»[2265].

Съезд заканчивался, а восстание в Кронштадте продолжалось. Еще 10 марта встал вопрос о направлении делегатов съезда на подавление мятежа. Ленин запиской информировал Сталина и Каменева: «Сейчас говорил с Зиновьевым. Говорит: посылать стоит либо *рядовых боевиков*, кои вольются в части, либо единицы вроде *Ворошилова* (если его можно дать), который будет очень полезен. Иного-де типа людей посылать не стоит, ибо обычный делегат будет ни к чему»[2266]. Силы направили немалые, включая артиллерию, командовали Троцкий, главком Каменев и командарм Тухачевский.

18 марта восстание было подавлено. Потери Красной Армии составили 527 человек убитыми, мятежников – около тысячи. Четыре с половиной тысячи, из них половина раненых, были арестованы. По приговорам ревтрибуналов 2103 человека расстреляли[2267].

Меньшевики и эсеры были очевидными козлами отпущения, когда потребовались реальные и мнимые виновники мятежей, тем более, что сами они не унимались. В феврале 1921 года Мартов создал и возглавил Заграничную делегацию РСДРП, основал в Берлине журнал «Социалистический вестник», весьма критичный к Ленину. Аксельрод писал в этом ЦО меньшевиков: «Большевистский якобинизм – это трагическая пародия на психологической основе геростратизма и “сверхчеловеческого” аморализма… Не из полемического задора, а из глубокого

убеждения характеризовал я 10 лет тому назад ленинскую компанию прямо, как шайку черносотенцев и уголовных преступников внутри социал-демократии»[2268]. Чернов из Праги поддерживал и кронштадтских, и тамбовских мятежников. С введением нэпа он призвал «решительно изживать коммунизм», а однопартийцам – входить в Советы, фабзавкомы и другие организации. Эсеры, которые всегда проповедовали террор, допускали вооруженную борьбу с Кремлем, и многие из них принимали деятельное участие в организации восстаний. В августе 1921 года X Совет правых эсеров объявил задачей партии подготовку «к свержению большевистской власти вооруженным путем»[2269].

«Мятежи 1921 года, – уверял Ленин, – показали еще раз роль эсеров и меньшевиков… Такие люди помогают мятежам, помогают белогвардейщине. Меньшевикам и эсерам, как открытым, так и перекрашенным в беспартийных, место в тюрьме (или в заграничных журналах, рядом с белогвардейцами; мы охотно пустили Мартова за границу)… Мы будем держать меньшевиков и эсеров, все равно как открытых, так и перекрашенных в “беспартийных”, в тюрьме»[2270].

На имя Дзержинского 21 апреля поступила записка Ленина: «Поручить ВЧК выработать систематический план: а) на лето и осень 1921 года, б) на январь (вообще начало) 1922 г. и доложить через 1–2 недели в Политбюро. Примерный план их (т. е. ВЧК) мер: 1. Ликвидация с-р и усиление надзора; 2. То же меньшевиков…»[2271] В реализацию поручения Ленина был выработан план «доликвидации» остатков небольшевистских партий.

Летом 1921 года в Петрограде и Москве на госпредприятиях начались стачки, в некоторых из них засветились эсеры и меньшевики. В начале июля Ленин предупреждал Уншлихта: «Сообщают про Питер худое. Эсеры-де сугубо наглели, и питерская Чека не знает-де ничего об эсерах! Они-де новые, законспирированы чудесно, имеют свою агентуру. Как бы-де не прозевать второго Кронштадта… Не послать ли опытных чекистов отсюда в Питер?» Среди эсеров и меньшевиков пошли аресты и высылки.

Решения X съезда претворялись в жизнь. Первый продналог был установлен в размере 240 млн пудов, что было на 60 млн меньше собранного в 1920 году и составляло лишь 41 % от квоты, ранее определенной на 1921 год. Излишки продовольствия и сырья, оставшиеся после уплаты налога, могли обмениваться на фабрично-заводскую продукцию в пределах местного оборота. Это, в свою очередь, вело к восстановлению рынка

сельхозпродукции, а значит – рыночных отношений как таковых и реанимации сферы денежного обращения.

Но нельзя сказать, что переход к продналогу был встречен крестьянами с восторгом: они по-прежнему не были уверены в необходимости отдавать государству то, что могли бы продать на рынке. И прибегали к различным махинациям. Ленин писал 24 октября в телеграмме руководителям губерний: «Важнейшей мерой для полного сбора продналога является решительная борьба с сокрытием пашни, преувеличением числа едоков»[2272].

Тем не менее и отношение крестьянства – не столько к большевикам, сколько к Ленину – начинает меняться. «Крестьяне все больше – политика доходит и до самых темных слоев населения – интересуются, «КТО ТАКОЕ ЛЕНИН»; этот «полунемой вопрос, почти мычание, зафиксирован у многих наблюдателей – от есенинской Анны Снегиной до Пришвина в его записных книжках, – пишет Данилкин. – Ленина теперь уже не воспринимают как злосчастный курьез, случайность, временный феномен; ясно, что за большевиками, плохо ли, хорошо ли, но выполняющих мессианскую функцию, стоит именно он; что он теперь «царь» или даже «фараон», в библейском смысле; «отец наш», как обращаются к нему в коллективных письмах»[2273].

Подтверждающие отзвуки слышны, например, в воспоминаниях крестьянина Гаврилова: «В первые годы революции, когда крестьянство стонало от продразверстки, – деревня всю вину в этом валила на ВИ. После же перехода на новую экономическую политику отношение к имени Ильича сразу переменилось в его пользу. Все облегчения, благодаря которым деревня вздохнула более свободно, она приписывала влиянию и разуму одного только Ленина… Имя Ильича в народном сознании получило место наряду с былинными богатырями»[2274].

Нэп постепенно охватывал все сферы жизни. Разработка новой промышленной политики была поручена Смилге. В конце июня он представил свои предложения. «ВИ просмотрел эти тезисы и внес к ним несколько редакционных поправок. Тезисы эти были приняты единогласно президиумом Высшего совета народного хозяйства и легли в основу декрета о переводе промышленности на хозяйственный расчет»[2275].

Кардинальным образом меняли принцип снабжения и распределения. Рассказывал Халатов: «Декрет о трудовом пайке от 30 апреля 1921 года… был проработан под непосредственным руководством ВИ. “Когда речь идет о распределении продовольствия, думать, что нужно распределить только справедливо, нельзя, а нужно думать, что это распределение есть метод, орудие, средство для повышения производства”. В этих

словах Ильича была выражена полностью вся наша распределенческая политика периода 1921–1922 годов»[2276].

– Нужно, чтобы республика на собранные ею хлебные излишки содержала лишь то, что необходимо для производства, – доказывал Ленин. – Всех предприятий нашей промышленности мы содержать не можем, но нам это и не нужно: это значило бы хозяйничать расточительно. Восстановить крупную промышленность целиком мы не можем; значит, надо из нее выделить то, что лучше оборудовано, что обещает большую производительность, и только это надо содержать… Если мы считали в 1920 г. на содержании государства 38 млн. человек, то теперь мы ту цифру сократили до 8 миллионов.

От рычагов экономической политики стали оттеснять теоретиков и практиков «военного коммунизма», в первую очередь, Ларина. Ленин писал Кржижановскому: «Опасность от него величайшая, ибо этот человек по своему характеру срывает всякую работу, *захватывает власть*, опрокидывает всех председателей, *разгоняет спецов*, выступает (*без тени прав на сие*) от имени “партии” и т. д. На Вас ложится тяжелая задача подчинить, дисциплинировать, умерить Ларина». Не понятно, правда, зачем надо было Ларина несколько лет держать у руля экономической политики страны.

Спекуляцию Ленин объявил допустимой. «Свобода торговли есть капитализм, капитализм есть спекуляция, закрывать глаза на это смешно. Как же быть? Объявить спекуляцию безнаказанной? Нет. Надо пересмотреть и переработать все законы о спекуляции, объявив наказуемым… всякое *хищение* и всякое *уклонение*, прямое или косвенное, открытое или прикрытое, от *государственного контроля, надзора, учета*… Мы и добьемся того, чтобы направить неизбежное, в известной мере, в необходимое нам развитие капитализма в русло *государственного* капитализма»[2277].

Партия была в шоке от нэпа. Как замечал Виктор Серж, в ней царила «мучительная растерянность. Ради чего мы пролили столько крови, принесли столько жертв? – с горечью вопрошали себя бойцы Гражданской войны. Им не хватало одежды, сносного жилья, средств, а все становилось объектом торговли, чувствовалось, что побежденные было деньги снова станут всемогущим властелином»[2278].

Масло в костер внутрипартийного недовольства подливали комментарии из-за рубежа. «Начинается “спуск на тормозах” от великой утопии к трезвому учету обновленной действительности и служению ей… Ангел революции тихо отлетает из страны»[2279], – писал “сменовеховец” Николай Устрялов в статье «Путь термидора». Уинстон Черчилль утверждал: «Он низверг то,

за что зверски казнил многих не веривших. Как оказалось, в конце концов, правы были они»[2280].

Теперь Ленину предстояла борьба за защиту нэпа от партии. 9 апреля он выступал на партактиве Москвы и области. «Колонный зал Дома союзов был переполнен, люди сидели даже в проходах, – вспоминал нефтяник Борис Григорьевич Скундин. – Мне с трудом удалось пробраться на сцену и сесть, по примеру других, прямо на пол. Осталась свободной только узкая полоска перед президиумом. ВИ во время доклада медленно ходил по этой полоске. Ленин изложил смысл и причины изменений в экономической политике. Все слушали его доклад с глубоким вниманием, затаив дыхание… Интерес, который был вызван и темой доклада, и самим докладчиком, характеризуется отчасти и тем, что докладчику было подано более 100 записок»[2281].

Ленин убеждал сомневавшуюся и сопротивляющуюся партию в том, что он вовсе не собирался отпускать все вожжи и пускать экономику на самотек и отказываться от социалистических принципов. Нэп вызван не каким-то его предпочтением, а крайней нуждой, безвыходным положением. Продовольственный налог – не конечная цель сама по себе, а «переходная мера». «Дальнейший переход неминуемо состоит в том, чтобы наименее выгодное и наиболее отсталое, мелкое, обособленное крестьянское хозяйство, постепенно объединяясь, сорганизовало общественное, крупное земледельческое хозяйство».

– Мы нисколько не закрываем глаза на то, что свобода торговли означает в известной мере развитие капитализма, и говорим: этот капитализм будет под контролем, под надзором государства. Если рабочее государство пробрело в свои руки фабрики, заводы и железные дороги, нам не страшен этот капитализм[2282].

Ленин пишет брошюру «О продовольственном налоге». Здесь он впервые использовал термин «военный коммунизм» для описания всей своей предшествовавшей экономической политики, диалектически охарактеризовав ее и как вынужденную, и как во многом ошибочную. «Продналог есть одна из форм перехода от своеобразного «военного коммунизма», вынужденного крайней нуждой, разорением и войной, к правильному социалистическому продуктообмену»[2283].

Борьба вокруг НЭПа наложилась на вовсе не завершившуюся профсоюзную дискуссию. На IV Всероссийском съезде профессиональных союзов 17–25 мая, который заседал в московском Театре оперетты, Ленин предпринял попытку сменить всю профсоюзную головку, обвинив Томского в нарушении партийной дисциплины и резолюций съезда партии об анархо-

синдикалистском уклоне. Ленин даже провел соответствующее решение ЦК РКП(б). Однако в ВЦСПС «нашлись защитники Томского в лице Рязанова, Шляпникова и других, которые пытались апеллировать к членам комфракции съезда, чтобы добиться отмены этого решения» [2284]. Съезд принял резолюцию в защиту Томского.

Но следующим вечером «молнией передалась весть, что будет Ленин. Но, прежде чем выступить, он остановился у кулис, окруженный делегатами, расспрашивал, как же могло случиться, что фракция пошла за Рязановым. Речь Ленина была недлинной, но убедительной, все в ней было просто и ясно»[2285]. На самом деле, чтобы добиться одобрения комфракций съезда профсоюзов решения ЦК, «Ленину пришлось трижды выступать с довольно пространными речами»[2286]. Параллельно шел съезд профсоюза металлистов, на котором, как поведал Угланов, посланный туда Лениным, было «сломано немало копий, дело дошло до небывало острых столкновений»[2287].

И нэповская, и профсоюзная дискуссии перекинулись на X партконференцию, где 26–28 мая Ленину пришлось выдержать мощнейшую атаку на свою политику. Он вообще не собирался ее созывать. Но возмущение в партии и настоятельные требования с мест заставили собрать в Свердловский зал Кремля 239 делегатов на внеочередной форум с главным вопросом – о продналоге. Ленин признал:

– На местах политика, определившаяся в связи с продналогом, остается в громадной степени неразъясненной, частью даже непонятной. Наша основная задача – восстановление крупной промышленности. А для того, чтобы нам сколько-нибудь серьезно и систематически перейти к восстановлению этой крупной промышленности, нам нужно восстановление мелкой промышленности.

Ленин делал упор на ограниченность отступления к капитализму. Так, распространять свободу торговли на алкоголь или предметы культа (иконы), о чем просили многие крестьяне, Ленин отказался категорически:

– В отличие от капиталистических стран, которые пускают в ход такие вещи, как водку и прочий дурман, мы этого не допустим, потому что, как бы они ни были выгодны для торговли, но они поведут нас назад к капитализму, а не вперед к коммунизму, тогда как помада не угрожает этим.

Естественно встал вопрос, на какой срок вводится нэп, когда она закончится. Осинский беспокоился, что нэп – это всерьез и надолго. Ленин подхватил:

– «Всерьез и надолго» – это действительно надо твердо

зарубить себе на носу и запомнить хорошенько, ибо в силу сплетнического обычая распространяются слухи, что идет политика в кавычках, т. е. политиканство, что все делается на сегодня… Но когда тов. Осинский пошел дальше и насчет срока стал говорить, то тут я бы воздержался. «Всерьез и надолго» – 25 лет. Я не такой пессимист, я не стану определять… Дай бог, чтобы мы на 5–10 лет рассчитывали, а то мы на 5 недель обыкновенно не умеем рассчитывать. Если взять пример Осинского и говорить о годах, то мне думается, что тут надо 10 лет положить…

Ленин при закрытии конференции 28 мая сделал и еще одну существенную оговорку, касающуюся возможных сроков осуществления нэпа и его значения:

– Конечно, когда мы намечаем политику, долженствующую существовать долгий ряд лет, мы ни на минуту не забываем, что международная революция, темп и условия ее развития могут изменить все. … Но гадать на этот счет мы не можем. Сейчас главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой…[2288]

Ленину потребовалось все его красноречие, чтобы конференция приняла резолюцию, где было записано: «Эту политику партия признает установленной на долгий, рядом лет измеряемый, период времени…»[2289] Но страсти в РКП(б) не утихли. Резолюция «О единстве партии» не принесла сколько-нибудь существенных результатов в деле преодоления фракционности.

Хотя «рабочая оппозиция» якобы добровольно распустилась, ее участники продолжали не соглашаться с генеральной линией. Шляпников резко критиковал решения о сдаче предприятий в аренду как капитулянтство, осуждал ленинскую верхушку за игнорирование интересов рабочих.

Серьезной головной болью для ленинского руководства стала так называемая «рабочая группа» Мясникова, который называл нэп «новой эксплуатацией пролетариата» и предлагал отменить смертную казнь и ввести полную свободу слова для всех – «от анархистов до монархистов». Ленин, ознакомившись с платформой Мясникова, ответил почти афоризмом: «Мы самоубийством кончать не желаем»[2290]. В феврале 1922 года Мясников удостоится редкой чести быть исключенным из партии прямо на заседании Политбюро.

И продолжал борьбу Троцкий, хотя сам это категорически отрицал и в мемуарах доказывал, что изжил какие-либо противоречия с Лениным. Это было не так. Именно Троцкий был во главе тех сил в партии, которые рассматривали нэп как

позорную капитуляцию перед буржуазией и предвестие скорой кончины советской власти. Именно Ленин ввел регулярную практику проведения предварительных совещаний перед заседаниями Политбюро без Троцкого, чтобы заранее согласовать все основные решения. Молотов подтверждал: «Ленин предложил собираться на заседания Политбюро без Троцкого. Мы сговорились против него»[2291]. Ленинскую традицию предварительных совещаний большинства членов Политбюро с целью нейтрализации меньшинства затем в полной мере на вооружение возьмет Сталин.

На заседании Политбюро ЦК РКП(б) 16 июля Ленин предложил назначить Троцкого народным комиссаром продовольствия Украины[2292]. Троцкий, как и следовало ожидать, был в ярости и сопротивлялся изо всех сил. Ленин сделал шаг назад и 28 июля писал Молотову: «Я думаю, на этой попытке «мира и уступок» (хотя бы на время мир все же лучше ссоры, огласки на пленуме и т. д. и т. п.) – мы бы все могли сойтись». Попытка сводилась к проекту нового «единогласного» постановления ЦБ: «2. Постановляется, что т. Троцкий, в связи с обострением международного положения (признака агрессивной политики Франции; нечто в роде “опыта интервенции” в Мурманске и т. д.), уделяет больше сил военной работе (усилению боевой готовности армии). 3. Постановляется, что т. Троцкий вправе взять (в расстоянии не слишком далеком от Москвы, чтобы не отрываться от работы в центре) один или несколько находящихся в владении Военного ведомства совхозов; к этим совхозам в виде опыта применяется закон о расширении финансовой и материальной самостоятельности крупных предприятий»[2293].

Троцкий по-прежнему сопротивлялся. Ленин стоял на своем предложении. Проект постановления ПБ об организации Московского куста комбинированных предприятий (Москуст) при Реввоенсовете Республики он написал сам 29 июля 1921 года. Москуст организовывался на базе нескольких совхозов, находившихся в подчинении военного ведомства, и взятых им в аренду окрестных промышленных предприятий. Предоставив Троцкому возможность создать бизнес-империю, Ленин сразу же повел под нее подкоп и писал Каменеву: «Пришлите мне, пожалуйста, точный список заводов, фабрик, совхозов *и всех прочих* предприятий, *взятых* в управление Троцким… Не знаете, взял ли он (и *мог ли* взять) еще что-либо *помимо Вас* (прямо от наркомов?)… Пожалуйста, узнайте, и нельзя ли сделать, чтобы Вам он *должен* был сообщать все случаи *при*арендования немедленно»[2294].

ПБ 9 августа отменило свое решение об отправке Троцкого на Украину. Убрать его не получилось, а он не собирался отказываться от борьбы с Лениным. Троцкий внес в ЦК «Тезисы о проведении в жизнь начал новой экономической политики», где главной мыслью было: «При новом курсе, как и при старом, главной задачей является восстановление и укрепление крупной национальной промышленности». Тогда как Ленин предлагал делать упор на промышленность мелкую. 25 августа на заседании Политбюро Троцкий заявил, что «дни советской власти сочтены», что «кукушка уже прокуковала», если не принять предложенный им курс экономической политики и системы управления народным хозяйством[2295]. Молотов писал: «Нужно было видеть в этот момент ВИ, который взволнованно поднялся со своего председательского места с восклицанием: “Ну, это уж слишком!”, призвал к порядку распоясавшегося лидера, – но и на этот раз не дав волю чувствам»[2296]. Кукушку припомнят Троцкому не раз.

Его выдавливали из партийной и государственной работы с методичностью катка. Все его схемы реорганизации управления были отклонены, как и его неоднократные претензии на роль «экономического диктатора». Вне рамок военного ведомства его заставляли заниматься политически малозначимыми и малопопулярными вопросами. А затем бросают на транспорт. «Ленин прекрасно знает, что Троцкий совсем не годится для этой работы, да не имеет и объективных возможностей ее сделать, – замечал Бажанов. – Троцкий назначается наркомом путей сообщения. Он вносит в это дело энтузиазм, пафос, красноречие, свои навыки трибуна. Это ничего не дает, кроме конфуза. И Троцкий уходит, с ощущением провала»[2297].

На фоне этой борьбы с Троцким стала восходить звезда Сталина. Уже в начале 1921 года ВЧК адресовала первый экземпляр своих секретных периодических сводок о положении в стране «Ленину и Сталину», а второй – «Троцкому и Склянскому»[2298]. Сталин с X съезда по факту был первым лицом в партийном аппарате. И Ленин проявлял о нем трогательную заботу.

2 января 1921 года Ленин просил В. А. Обуха – лечащего врача Сталина: «Очень прошу послать Сталину 4 бутылки лучшего портвейна. Сталина надо подкрепить перед операцией»[2299]. В мае 1921 года Сталин выбыл из активной работы, его свалил острый приступ гнойного аппендицита. «Когда я оперировал тов. Сталина, который лежал у меня в больнице, – вспоминал Розанов, – ВИ ежедневно два раза, утром и вечером, звонил ко мне по телефону и не только справлялся об его здоровье, но требовал самого тщательного и обстоятельного

доклада. Навещая тов. Сталина у него, уже на квартире, я как-то встретил там ВИ. Встретил он меня самым приветливым образом, отозвал в сторону, опять расспросил, что было со Сталиным; я сказал, что его необходимо отправить куда-нибудь отдохнуть и поправиться после тяжелой операции»[2300].

Ленин отправил Сталина лечиться на Кавказ, и до августа он не появлялся. В сентябре ПБ решило: «Обязать т. Сталина около трех четвертей своего времени уделять партийной работе, причем не менее 1 ½ часа Агитпропотделу; из остального времени большую часть посвящать Рабкрину»[2301]. У Сталина появился свой собственный секретариат. С этого же времени появляются документы, в том числе и адресованные Ленину, которые Сталин подписывает как «Секретарь ЦК РКП(б)»[2302].

То есть Сталин занял то место, которое занимал вплоть до своей смерти Свердлов, за несколько месяцев до назначения Генеральным секретарем. Должность «Генерального секретаря» изобретать тоже не потребовалось: в это время уже работали Генеральный секретарь Коминтерна Куусинен и Генеральный секретарь Профинтерна Рудзутак.

Партия, в условиях нэпа, считал Ленин, нуждалась в особом укреплении. «Первая половина 1921 г., время перелома экономической политики нашей партии и Советской власти, были временем, когда довольно значительная часть рабочих, в некоторых случаях большинство их, как бы отходили от партии»[2303], – писал Молотов. РКП(б) таяла и как следствие новой чистки. В июне 1921 года Ленин пишет: «Из партии должны быть удалены все сколько-нибудь сомнительные, ненадежные, не доказавшие своей устойчивости члены РКП, с правом обратного приема после дополнительной проверки и испытания». Поголовной проверке подлежали вступившие из других партий после октября 1917 года, служащие предыдущих правительств, совслужащие. В сентябре Ленин продолжает настаивать: «Очистить партию надо от мазуриков, от обюрократившихся, от нечестных, от нетвердых коммунистов и от меньшевиков, перекрасивших “фасад”, но оставшихся в душе меньшевиками».

Исключали не столько по политическим мотивам, сколько за «пассивность», взяточничество, карьеризм, пьянство и злоупотребления служебным положением. Естественно, как водится, кампания была широко использована для сведения личных счетов, подсиживания, что придало ей дополнительный размах. В результате «вычищенными» и добровольно вышедшими из партии за год оказалось 160 тысяч человек, или четверть ее состава. Однако Ленина масштабы очищения партии не вполне удовлетворили. «Если у нас имеется в партии 300–400 тысяч

членов, то и это количество чрезмерно»[2304]. Чистка пойдет и дальше. «На 1-е января 1924 года в партии останется 350 тыс. членов и 120 тыс. кандидатов. Таким образом, количественный состав партии сократится почти вдвое»[2305].

Были предприняты усилия для того, чтобы навести порядок в деле назначения и перемещения партработников. Ленин по сути положил начало созданию системы номенклатуры: «Власть у ЦеКа громадная. Возможности – гигантские. Распределяем 200–400 тысяч партработников, а через них тысячи и тысячи беспартийных. И это гигантское коммунистическое дело вдрызг изгажено тупым бюрократизмом!.. Нужны карточки на несколько сот (для начала) крупнейших работников партии с делением на пропагандистов, администраторов, агитаторов, преподавателей и т. п. и с *отзывами* об их работе (стаж – пять, скажем, последних должностей) со стороны *таких-то* (4–6) лиц»[2306]. Формально номенклатура – перечень наиболее важных должностей в государственном аппарате (а позднее – в общественных организациях), кандидатуры на которые предварительно рассматриваются, рекомендуются, утверждаются и отзываются партийным комитетом – от райкома (горкома) до ЦК партии – появилась в 1923 году[2307]. Однако сам термин «номенклатура» встречается уже в партийных документах и за 1921-й.

Голод

На первых порах нэп ничего не дал, чтобы обеспечить страну продовольствием. Более того, проблемой стал страшнейший голод.

Масштабы бедствия Ленину стали ясны далеко не сразу. Ленин поначалу проблему видел лишь в том, что губернии стали нарушать нормы ежедневной отправки хлеба в столицы, и в середине мая предлагал «*тотчас* предать суду ответственных *за выдачу местам* до удовлетворения центра». На X партконференции 27 мая он оптимистичен:

– Урожай в этом году, по-видимому, во многих местах будет сносный, и раньше, чем мы ожидали.

На III Всероссийском продовольственном совещании 16 июня Ленин посвятил свою речь нэпу, упомянув только:

– Второй год мы опять-таки в значительных районах будем переживать сильнейший неурожай и хлебов, и трав, это уже выяснилось и рисует нам картину громадной опасности[2308].

Голод меж тем уже бушевал в самых плодородных губерниях Поволжья и Предуралья, на Украине и в Крыму. Как водится, не повезло с погодой: засуха в Черноземье, полчища саранчи и песчаные бури, дожди на Севере. Но голод был в основном рукотворным. Он поразил районы, где прошла Гражданская война, прокатились белые и красные армии, резко сократившие мужское население, зерновые запасы, количество скота и сельхозинвентаря. Наихудшей ситуация была в тех регионах, где продразверстка проводилась наиболее жестоко и беспорядочно.

Масштабы бедствия были чудовищными. «Дело дошло уже до людоедства, – сообщали из Самары. – Трупы умерших за недостатком силы у живых, не зарываются, а складываются в амбары, сараи, конюшни, а иногда просто валяются на улицах, и вот начинается воровство этих трупов, даже среди белого дня, для того, чтобы только поддержать свое голодное существование»[2309]. К лету 1921 года количество голодающих оценивалось в 10 миллионов человек, к осени – до 28 млн., страну наводнили толпы беженцев, ищущих еду. Писатель Михаил Андреевич Осоргин был хорошо знаком Ленину по Казани: «Бродили по улицам города пришельцы из деревень. Страшные пришельцы из мертвых деревень. И всех страшнее были дети. Их привозили на телегах, а на пункте сортировали на твердых и мягоньких. Из твердых трупиков складывали нечто вроде поленницы, а еще мягких старались оживить до конца…»[2310]

Предложения о принятии экстренных мер звучали отовсюду.

Профессор-аграрий Прокопович вместе с публицисткой Кусковой и бывшим кадетским лидером Кишкиным предлагали создать авторитетный общественный комитет для мобилизации продовольственной помощи внутри страны и из-за рубежа (в народе его назовут Прокукиш). Инициативу поддержал Горький. Помощь Петрограду предлагал Фритьоф Нансен – норвежский полярный исследователь и комиссар Лиги Наций.

Ленин долго не соглашался на получение помощи извне, что могло быть воспринято как демонстрация несостоятельности его собственной политики. Лишь 28 июня он написал в наркомзем Теодоровичу: «От Горького поступил проект «*Комиссии помощи голодающим*»… Завтра в Политбюро решим». После уже состоявшегося решения ПБ потребовался еще месяц бюрократической волокиты (типа формирования коммунистической ячейки) для создания Всероссийского комитета помощи голодающим (ВКПГ). 12 июля Ленин пишет Семашко: «Директива сегодня в Политбюро: строго обезвредить Кускову. Вы в "ячейке коммунистов" и не зевайте, *блюдите сие строго*. От Кусковой возьмем имя, подпись, *пару вагонов* от тех, кто ей (и *эдаким*) сочувствует. *Больше ни-че-го*».

Председателем Международной комиссии помощи России по борьбе с голодом в России Верховный совет Антанты назначил известного нам бывшего французского посла Нуланса. Тот предложил направить в Россию экспертов для оценки масштабов бедствия и, соответственно, размеров помощи. «Нуланс нагл до безобразия», – писал Ленин Молотову. И предложил направить ноту протеста, «особенно подчеркнув контрреволюционную роль самого Нуланса, особо указав издевательски-наглый характер предложения послать до всякого договора комиссию шпиков под названием комиссии экспертов».

Собственные меры правительства по борьбе с голодом были явно запоздалыми и не всегда адекватными. В начале июля Ленин предлагает: «Если район, охваченный неурожаем и голодный, обнимает территорию с 25 миллионами населения, то не следует ли рядом мер самых революционных взять с *этого* именно района молодежь в армию в количестве около 500 тысяч штыков? (и даже может быть до 1 миллиона?). Цель: помочь населению до известной степени, ибо прокормим часть голодных, и, может быть, посылками домой хлеба поможем до известной степени голодным. Это первое. А второе: поместить эти ½ миллиона на Украине, чтобы они помогли усилению продработы, будучи сугубо заинтересованы в ней, особенно ясно сознавая и чувствуя несправедливость обжорства богатых крестьян на Украине… В голодных губерниях надо сейчас же усилить меры по сбору сырья

(кожи, копыта, рога, щетина и т. д. и т. п.), поставив, между прочим, за правило не давать ни пуда помощи ни на семена, ни на продовольствие без оплаты тем или иным видом сырья или палого топлива, или чего-либо подобного»[2311].

В губернские и областные комитеты партии 30 июля ушла телеграмма за подписями Ленина и Молотова, где говорилось, что «свободная торговля, свободный обмен по ряду причин не разрешают вопросов снабжения, наблюдается повсеместный рост цен продуктов сельского хозяйства… Главным условием разрешения продовольственного кризиса является успешное взимание натурналогов». Предлагали «принять срочные меры по восстановлению, укреплению продаппарата»[2312].

Шестого августа в «Правде» публикуется обращение Ленина к международному пролетариату: «Требуется помощь. Советская республика рабочих и крестьян ждет этой помощи от трудящихся, от промышленных рабочих и мелких земледельцев»[2313]. Весь внешторговский аппарат бы развернут на приобретение хлеба. Красин подтверждал: «Когда я летом 1921 года приезжал из Лондона в Москву и пришел к ВИ в его кабинет, я застал его в тревожном настроении, он все время поглядывал на знойное, раскаленное небо, очевидно в ожидании, не появится ли наконец долгожданное дождевое облако, и много раз спрашивал меня: “А сможем ли мы закупить за границей хлеб? Пропустит ли хлеб в Россию Антанта?”… Весь наш импортный план был опрокинут, и по возвращении в Англию пришлось в больших размерах организовать закупку хлеба и семян, разумеется, за счет золотого запаса, так как вывоза у нас в то время еще почти никакого не было»[2314].

Предложения о помощи из-за рубежа поступали ежедневно – от Германского Красного Креста, от Лиги Наций, от Верховного совета Антанты, от Американской администрации помощи (АРА) во главе с министром торговли и будущим президентом Гербертом Гувером, правительств Норвегии, Литвы, Латвии и т. д. Однако узкое горлышко Политбюро, без решения которого ничего не делалось, препятствовало поступлению в Россию значимых объемов помощи. Приняли помощь от Нансена. Ленин был готов договариваться с Гувером, но при этом Ленин разъяснял Молотову всю политическую деликатность вопроса: «Тут игра архисложная идет. Подлость Америки, Гувера и Совета Лиги наций сугубая. Надо показать Гувера, *публично* дать ему *пощечины*, чтобы *весь мир* видел, и Совету Лиги наций тоже… Условия поставить *архистрогие*: за малейшее вмешательство во внутренние дела – высылка и арест»[2315]. Не понятно, кому продовольственная помощь нужна была больше – Ленину или

Гуверу.

Политбюро назначило особую комиссию по помощи голодающим в составе Троцкого, Каменева, Молотова и Чичерина. Меры стали приниматься более систематические. Все голодающие губернии были освобождены от государственных хлебных сборов, организовывалась поставка хлеба по тем направлениям, по которым его раньше в России не возили – из Нечерноземья на Юг и Восток. Госорганы начали осуществлять помощь в переселении из районов бедствия, организации поставок яровых семян, а также бесплатного питания (которое, впрочем, никогда не получало больше 10 % нуждавшихся).

Соглашение правительства РСФСР с АРА было заключено 20 августа, и в нем было оговорено условие невмешательства в наши внутренние дела. Однако этих мер предосторожности Ленину оказалось недостаточно. «Ввиду договора с американцем Гувером предстоит приезд массы американцев. Надо позаботиться о *надзоре и осведомлении*»[2316]. И наряду с этим 22 августа ленинская телефонограмма Зиновьеву: «Гардинг призывает американский народ направлять все пожертвования через Гувера. Было бы крайне важно, чтобы Коминтерн, не выступая пока против американского правительства, выдвинул определенный лозунг, чтобы рабочие направляли свои пожертвования исключительно в прямой адрес представителей Советской России за границей… Это различие имеет для нас гигантскую важность». И 5 сентября Ленин напоминал Чичерину: «что касается “гуверовцев”, надо следить изо всех сил (*НКИдел* через прессу и может быть кое-какие «связи»); а худших из них… “ловить” и изловить, чтобы устроить скандал им. Тут нужна война жестокая, *упорная*».

Опасения роста международного авторитета ВКПГ и превращения его во влиятельный центр антибольшевистского влияния подвигли Ленина уже в августе комитет разогнать: «Предлагаю: сегодня же, в пятницу, 26/8, постановлением ВЦИКа распустить “Кукиш” – мотив: их отказ от работы, их резолюция. *Назначить* для приема денег и ликвидации одного *вечекиста.* Прокоповича сегодня же арестовать по обвинению в противоправительственной речи… Остальных членов «Кукиша» тотчас же, сегодня же, выслать из Москвы, разместив по одному в уездных городах по возможности без железных дорог, *под надзор*». Функции Помгола перешли к Центральной комиссии помощи голодающим при ВЦИК под председательством Калинина. Как и во время голода в Самаре в 1892 году, Ленин не мог терпеть, чтобы помощь голодным оказывала какая-то там либеральная общественность. То же с церковью, мотивы которой

рассматривались как ничуть не отличающиеся от помголовских. Когда Патриарх Тихон 17 августа обратился за разрешением создать Церковный комитет помощи голодающим из представителей духовенства и мирян, Ленин увидел в этом «Помгол № 2».

Политбюро 19 октября, наконец-то, утвердило соглашение с АРА. «Американское правительство предлагает формально гарантировать в течение трех месяцев получение нами продовольствия и семян на 20 миллионов долларов, если мы от себя могли бы согласиться израсходовать 10 миллионов долларов (20 миллионов золотых рублей) на ту же цель. Мы немедленно такое согласие дали», – объяснял Ленин. Но зарубежные поставки не спешили прибывать. На IX съезде Советов в декабре 1921 года Ленин назвал цифры помощи извне, которые никак не могли исправить положение:

– Вся она в итоге выражается в 2 ½ миллиона пудов. Это – вся помощь, которую заграничные государства милостиво могли оказать голодной России.

Ленин предлагал Сталину текст «архиэнергичной телеграммы» Красину: «Если не купите в январе и феврале 15 миллионов пудов хлеба, уволим с должности и исключим из партии. Хлеб нужен до зарезу. Волокита нетерпима. Аппарат Внешторга плох. С валютой волокита. Налягте изо всех сил»[2317]. Хлеб пришел из-за рубежа только в 1922 году. Калинин в мае называл цифры: «17 млн. пудов – груз АРА, из которых главная часть – ассигновка американского правительства, а другая цифра – 5 млн. пудов собраны внутри Советской республики»[2318]. Объем госпомощи голодающим оценивался в 40–50 млн пудов.

Голод 1921–1922 годов унес больше 5 миллионов жизней. Сколько из них можно было спасти, окажись большевистский политический механизм более поворотливым, а Ленин – менее зараженным ксенофобией?

К длительной осаде

Внешнеполитическое положение РСФСР и после окончания Гражданской войны оставалось весьма неустойчивым. Страна по-прежнему находилась в дипломатической изоляции. Продолжались вооруженные стычки, причем не только с японцами и белогвардейцами на Дальнем Востоке, но и на Западе. Весомым внешним фактором становилась и русская эмиграция, численность которой оценивалось в 1,5–2 млн человек. Отношение уехавших к Советской России было по большей части негативным. Для них это был либо ад, из которого удалось вырваться, либо рай, но потерянный навсегда. Для Ленина проблема была ясна:

– Наша белогвардейщина передвинулась через границу, отъехала на трое суток пути и сидит там и подкарауливает, имея опору и поддержку западноевропейского капитала. Отсюда ясны задачи и обязанности пролетариата[2319].

Первой эмигрантской антисоветской организацией – и по времени появления, и по известности – стал созданный в 1921 году в Варшаве савинковский «Союз защиты Родины и Свободы». К его возникновению приложили руку представители французских, английских, американских и, конечно, польских спецслужб.

Рижский мир, наконец-то заключенный с Польшей 18 марта 1921 года, содержал обязательство сторон не поддерживать подрывную работу друг против друга. Но соблюдать его ни Москва, ни Варшава не собирались. На территории Польши в лагерях для якобы интернированных сохраняли оружие и обучались не только военные структуры Савинкова, Петлюры, Булака-Балаховича. В июле 1921 года несколько вооруженных отрядов Савинкова пересекли границу Белоруссии и подняли там восстание. В октябре то же попытался проделать в Западной Украине 2-тысячный отряд петлюровцев, который за месяц удалось прогнать обратно в Польшу. Москва в долгу не осталась. Как ныне известно, «советские спецслужбы проводили операции по так называемой “активной разведке”, с одной стороны, стремясь ликвидировать белогвардейские бандформирования, а с другой, – поддерживать национально-освободительное движение белорусского и украинского населения на территории Польши»[2320]. Костяк партизанских отрядов составляли боевики левых польских партий, находившихся в орбите Коминтерна.

С территориальными и иными претензиями к России выступали Финляндия и Эстония, поддерживаемые Польшей

прямо и некоторыми западными странами косвенно. В сентябре 1921 года финские иррегулярные части вторглись в Карелию, бои там продолжались более полугода.

Кремль всерьез опасался большой войны. Вспоминая события 1921 года, Молотов писал: «Ленин говорил тогда: “Надо помнить, что от всякого нашествия мы всегда на волоске”. Заседания Политбюро ЦК всегда начинались с рассмотрения международных вопросов и докладов наркома иностранных дел»[2321]. Чем дальше страна уходила от революции, тем больше на первый план выходили ее национальные интересы, которые не сильно меняются со сменой режима, коль скоро окружающий мир остается во многом прежним.

Большевики сталкивались с растущей проблемой: как примирить программную цель распространения революции за пределы России и повседневные задачи обеспечения безопасности, получения доступа к зарубежному опыту, технологиям, ресурсам. Подобный дуализм – необходимость одновременно свергать капиталистические правительства и поддерживать с ними отношения – стал алгоритмом внешнеполитического мышления большевистского руководства. Что первично, каково сочетание одного и другого и возможно ли такое сочетание вообще? На практике такая двойственность с неизбежностью приводила к двухслойной внешней политике. Наркоминдел был призван поддерживать и развивать формально корректные отношения с государствами, против правительств которых в то же самое время вели подрывную деятельность структуры Коминтерна.

Мировая революция не опрокинула капиталистическую систему, но и Советская Россия каким-то образом уцелела. «Но мыслима ли, однако, такая вещь вообще, чтобы социалистическая республика существовала в капиталистическом окружении? – недоумевал сам Ленин в 1921 году. – Это казалось немыслимым ни в политическом, ни в военном отношении. Что это возможно… это уже факт… Получилось такое странное положение, такое неустойчивое, непонятное и все же до известной степени несомненное равновесие». Новая ситуация заставляла пересматривать международную стратегию большевизма. В первые годы после Октября, как мы помним, стратегией был «прямой штурм» бастионов капитализма. С 1921 года Ленин начинает склоняться к идее «длительной осады». На заседании комфракции ВЦСПС 11 апреля он заговорил (пожалуй, впервые) о неизбежности корректировки парадигмы:

– Будущее очень благоприятно. Но никоим образом нельзя смешивать этих двух деятельностей: с одной стороны,

агитационной, которая приближает это будущее, и, с другой стороны, умение сейчас устроиться так, чтобы в капиталистическом окружении существовать. Если этого мы не сумеем, то придется подпасть под неприятные стороны пословицы, которая говорит: «Пока солнце взойдет, роса очи выест».

Десятого июня Ленин делал замечания Зиновьеву на тезисы о тактике Коминтерна: «Большинство нигде (рабочего класса) коммунистические партии еще не завоевали… Нелепо; нелепо и вредно писать и думать, будто кончился период пропаганды, начался период действий. Тактику Коммунистический Интернационал должен построить на том: неуклонно и систематически завоевывай *большинство рабочего класса*, в первую голову *внутри старых профсоюзов*. Тогда победим наверняка при всяком повороте событий».

Поворот был вызван трезвой оценкой начавшейся «капиталистической стабилизации» в мире, провала похода на Варшаву, попытки поднять революционное восстание в Германии в 1921 году, обернувшейся полным фиаско. Поворот был вызван и осознанием того непреложного факта, который Ленин сформулировал как «разрыв между величием начатых осуществлением задач и нищетой, как материальной, так и культурной»[2322].

При этом осуществленный Лениным вираж вовсе не означал его принципиального отказа от идей мировой революции. В Австрию и Германию была направлена первая партия выпускников партшколы Коминтерна. Были проложены курьерские маршруты на Запад, основные проходили через Одессу, Мурманск, Ревель (Таллин) и Ригу. Отдел международной связи Коминтерна возглавил Иосиф Аронович Пятницкий (Таршис). Сотрудник аппарата КИ Бергер замечал: «Если Пятницкий накануне Первой мировой войны организовал массовый перевоз литературы с Запада на Восток, из Лейпцига в Питер и Москву, имея в своем распоряжении ограниченные средства, а против себя всю мощь царского аппарата, то теперь, в двадцатые годы, ему предстояло направлять поток большевистской пропаганды с Востока на Запад, с Моховой, что возле Кремля, на заводы Гамбурга, Берлина, Глазго, Турина и в другие места»[2323]. Со средствами на мировую революцию не скупились. Рос аппарат Коминтерна. В его общежитии, коим выступала гостиница «Люкс» на Тверской, пришлось надстроить два этажа. У ИККИ были свои дачи в Кунцево, спецпайки, собственное подсобное хозяйство.

Для советских участников процесса Коминтерн был «окном в

Европу». Интернациональная контрольная комиссия постоянно разбирала дела о спекуляции импортными товарами, среди которых на первом месте были женские чулки и грампластинки. Соломон, работавший в Таллине, был возмущен необходимостью по заказу Зиновьева постоянно формировать срочные грузы «для надобности Коминтерна», в которых преобладали деликатесы, парфюмерия и одежда[2324]. Поэтому далеко не случайно 9 сентября 1921 года Ленин написал проект секретного письма ЦК: «Нет сомнения, ч[то] денежные пособия от КИ компартиям буржуазных стран, будучи, разумеется, вполне законны и необходимы, ведут иногда к безобразиям и отвратительным злоупотреблениям. Всякий, берущий деньги от КИ, предупреждается, что он обязан с абсолютной пунктуальностью выполнить все инструкции ИККИ и в особенности пунктуально выполнять все правила и условия, необходимые для безусловно полной, быстрой и правдивой информации ЦК РКП насчет каждой копейки расходуемых денег»[2325].

В новых условиях Ленин увидел необходимость проявлять осторожность. 4 мая 1921 года на заседании ПБ обсуждался вопрос об использовании дипкурьеров для перевозки коммунистической литературы. Постановили, что перевозка нелегальной литературы дипкурьерами возможно только с личного разрешения Горбунова. А использование сотрудников НКИД в интересах Коминтерна разрешалось с соблюдением строжайшей конспирации. Послам, сотрудникам диппредставительств и дипкурьерам запрещалось вести нелегальную работу. Сотрудничество Коминтерна и спецслужб тоже регламентировалось инструкцией от 8 августа: «1. Представитель Коминтерна не может в одно и то же время быть и уполномоченным ВЧК и Разведупра. Наоборот, представители Разведупра и ВЧК не могут выполнять функции представителя Коминтерна в целом и его отделов. 2. Представители Разведупра и ВЧК ни в коем случае не имеют права финансировать за границей партии или группы. Это право принадлежит исключительно Исполкому Коминтерна»[2326].

Поворот к «осаде» был воспринят в мировом комдвижении примерно так же, как и нэп в российской компартии. То есть, как оппортунизм, если не измена.

Накануне III конгресса Коминтерна в бывшей гостинице «Континенталь» несколько дней заседал его исполком. Среди участников, рассказывал Лозовский, «несколько человек, чрезвычайно лево настроенных, особенно из Франции. Среди них был делегат от молодежи по фамилии Ляпорт, который доказывал, что тактика Коминтерна оппортунистическая. Его

основные установки частично подходили к установкам, выдвигавшимся некоторыми членами Коммунистической партии Германии, к этому времени придумавшими “теорию наступления”. ВИ буквально вбежал в зал заседания… В своей речи Ильич был беспощаден. Тут же он разделал и “теорию наступления”, которой тогда щеголяли не только немецкие представители, но и Радек, и Бухарин, и другие»[2327]. Ленин утверждал: «Победе коммунизма во Франции, Англии и в Германии можно помешать только левыми глупостями»[2328].

Окончательный поворот Ленин оформил на самом III конгрессе КИ, который с помпой проходил с 22 июня по 12 июля, знаменуя собой огромный прогресс коммунистического движения. 605 делегатов представляли 103 организации из 52 стран, в том числе от 48 компартий. «В большом тронном зале императорского Кремлевского дворца, под высокими раззолоченными колоннами и алым бархатным полотнищем, украшенным советской эмблематикой, Ленин, все такой же добродушный, оправдывал свой вираж, – вспоминал участвовавший в конгрессе Виктор Серж, – в области международной стратегии он ратовал за перемирие и переключение усилий на завоевание масс. Непринужденный, сердечный, простой, насколько возможно…»[2329].

– Теперь бесспорно наступило известное равновесие сил, которые вели между собой открытую борьбу… равновесие между буржуазным обществом, международной буржуазией в целом, с одной стороны, и Советской Россией – с другой.

Ленин и на международном фронте играл отступление. Сам он поведает: «На этом съезде я стоял на крайнем правом фланге. Убежден, что это была единственно правильная позиция, ибо весьма многочисленная (и “влиятельная”) группа делегатов, со многими немецкими, венгерскими и итальянскими товарищами во главе, занимала неумеренно “левую” и неправильно левую позицию, слишком часто заменяя трезвый учет не очень благоприятной для немедленного и непосредственного революционного действия обстановки усиленным маханием красными флажками»[2330].

Однако даже все обаяние Ленина не спасло его от атак сторонников «теории наступления». Рвавшиеся в бой лидеры зарубежных компартий дружно упрекали «русских товарищей» за непростительную усталость, трусливую осторожность и исторический пессимизм. Возникла «опасность раскола делегации РКП(б), ибо позиции левых разделял Бухарин и, более сдержанно, Зиновьев»[2331]. Ленин усмирял страсти:

– Чем ближе генеральное наступление, тем

«оппортунистичнее» мы должны действовать. Теперь все вы вернетесь домой и скажете рабочим, что мы стали благоразумнее, чем были перед III конгрессом. Вы не должны смущаться, вы скажете, что мы допустили ошибки и хотим теперь действовать осторожнее; тем самым мы привлечем на свою сторону массы от социал-демократической и независимой социал-демократической партий, массы, которые объективно всем ходом вещей подталкиваются к нам, но которые боятся нас. Но после того, как мы завоюем массы благодаря нашему благоразумию, мы затем применим тактику наступления и именно в самом строгом смысле слова[2332].

Разногласия зашли настолько далеко, что Ленин даже обдумывал возможность формирования альтернативного руководства фракции РКП(б) в Коминтерне, если верх одержат ультралевые во главе с Бухариным. Проект резолюции о тактике Коминтерна писал Радек. Он показал их Ленину, от которого услышал:

– Прекрасные тезисы, но все нужно написать наоборот.

«Радеку не удалось написать все наоборот, – утверждал Лозовский. – И за дело взялся ВИ»[2333]. Так родились лозунги «завоевать массы» и «единого рабочего фронта». Главное в решениях III конгресса Ленин назовет: «Более тщательная, более солидная подготовка к новым, все более решающим битвам как оборонительным, так и наступательным»[2334].

Поворот в коминтерновской политике был заметен и на Востоке. В Китае это нашло выражение в образовании «единого антиимпериалистического фронта КПК и руководимого Сунь Ятсеном Гоминьдана посредством индивидуального вступления коммунистов в эту партию при безусловном сохранении их политической самостоятельности»[2335]. Москва начала осаживать не по уму рьяных борцов за национальное освобождение. Когда корейские партизаны запросили прямую военную помощь для борьбы с Японией, Ленин решил: «Никаких открытых и тем более демонстративных действий. Больше тайны. Сию директиву дать от ЦК»[2336]. Инструкция была дана.

Но не исчезла и поддержка антиимпериалистического движения, которое в тот момент, по мысли Ленина, наиболее активно разворачивалось в бывшей Османской империи. 11 июня 1921 года греческий король Константин, вдохновленный англичанами, лично возглавил войска в Смирне и 4 июля начал самую крупную операцию греческих войск с античных времен. Была поставлена задача уничтожить турецкую армию и взять Анкару. Первоначально греческой армии сопутствовал успех. И здесь не последнее слово сказала Россия.

Ленин объяснял в декабре 1921 года назначенному послом в Анкару Аралову: «Конечно, Мустафа Кемаль-паша – не социалист, но, очевидно, хороший организатор, талантливый командующий, он возглавил буржуазную революцию. Кемаль – прогрессивный человек и умный глава государства… Нужно ему помочь, вернее, помочь турецкому народу»[2337]. Всего Ленин распорядился отправить в Турцию 60 тысяч винтовок с 2–3 тысячами патронов на каждую, 108 полевых и 12 тяжелых батарей и 10 млн рублей золотом[2338]. В литературе утверждается, что сам план войны против греков разрабатывался Фрунзе и его штабистами[2339]. В любом случае российская помощь сыграла – без преувеличения – решающую роль в переломе ситуации в пользу турецкой армии.

А сам Ататюрк 4 января 1922 года писал Ленину: «За границей могли удивиться, что русские и турки так быстро и полностью смогли примириться после столетий кровавых битв… Прошлая вражда, искусственно поддерживавшаяся старым деспотизмом, окончательно умерла»[2340].

Отказ Ленина от прямого штурма и свержения зарубежных правительств помог начать отношения с этими правительствами. Введение НЭПа, открывавшего, казалось, возможности экономического взаимодействия, тоже послужило усилению интереса к возобновлению сотрудничества со стороны западных государств.

Только в 1921–1922 годах из-под пера Ленина вышло больше 200 документов по вопросу о концессиях. Но очевидно, что в нем боролись рыночный прагматик и ультралевый идеолог. Многие решения и распоряжения Ленина свидетельствовали о готовности приоткрыть экономику, хотя и очень выборочно, с соблюдением мер предосторожности и с учетом озабоченности чекистов по поводу притока непроверенных иностранцев. В этих вопросах Ленин руководствовался своими опасениями: «Усмотрим? Уследим? Нет. Все и вся *вывезут*». Большинство предложений о сотрудничестве отклонялось из-за «экономической невыгодности», опасений ослабления социалистического сектора народного хозяйства, подчинения страны иностранному капиталу. Порой вопрос о концессиях увязывался с дипломатическим признанием Советской России, что заводило переговоры в тупик.

Выход из изоляции начался с предложения нормализовать отношения с прибалтийскими, восточноевропейскими и азиатскими государствами. В Москве в 1921 году уже расположились посольства Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Финляндии, Афганистана и Ирана. И неофициальные представительства Великобритании, Италии, Австрии, Швеции и

Норвегии. Пока все.

На Западе инициатором возобновления отношений выступала Великобритания, одновременно воспринимавшаяся Москвой как главный враг. Торговое соглашение с Великобританией было подписано 16 марта 1921 года Красиным и министром торговли Хорном. Стороны обязывались отказаться от враждебных действий и пропаганды друг против друга, обменивались торговыми представительствами[2341]. Ленин объяснял:

– Договор с Англией был договором социалистической республики с буржуазным государством, договором, который наложил на нас известную тяготу. Мы первому государству, с которым заключили договор, дали гораздо большую часть золотого фонда, чем другим. Но последствия показали, что благодаря этому договору мы пробили некоторое окошко.

Вслед за Англией торговые соглашения были заключены также с Италией и Австрией. На X съезде партии Ленин докладывал:

– Несколько сот тысяч пудов разнообразных предметов продовольствия уже куплены и в самом спешном порядке идут из Литвы, Финляндии и из Латвии. Сегодня получено известие, что в Лондоне подписана сделка на уголь в количестве 18 ½ миллиона пудов, который мы постановили купить, чтобы оживить промышленность Петрограда и текстильную.

Франции долго не могли простить формальное признание правительства Врангеля и конфискацию Парижем российского Черноморского флота. А французы никак не могли смириться с отказом большевиков платить по дореволюционным долгам, главными держателями которых являлись французские обыватели. Они же – избиратели. «С Францией мы никакого договора не заключили, она считает, что мы должны ей, значит – любой корабль – “пожалуйте, это мой”, – утверждал Ленин. – У них есть военный флот, у нас нет»[2342].

Большие надежды Ленин по-прежнему возлагал на Соединенные Штаты. Надеясь достичь большего взаимопонимания с республиканской администрацией Гардинга, 20 марта ВЦИК принял Обращение к конгрессу США и президенту Гардингу, где говорилось, что «с самого начала своего существования Советская Россия надеялась на возможность скорого установления дружественных отношений с великой Северо-Американской республикой и рассчитывала, что между обеими Республиками создадутся тесные и устойчивые связи к взаимной выгоде»[2343]. Однако ответ госсекретаря Чарльза Юза от 25 марта был для Москвы, мягко говоря, разочаровывающим[2344].

Советскую Россию в Вашингтоне не признавали. А вот

Дальневосточную Республику – вполне. Чичерин 2 октября 1921 года информировал Политбюро: «Американцы стали обращать большое внимание на ДВР, чему, конечно, мы должны содействовать, так как они составляют противовес японским вожделениям». Поступали даже предложения «учредить в ДВР эмиссионный банк совместно с правительством ДВР с капиталом в 10–15 миллионов золотых рублей и со смешанным правлением из представителей американского капитала и правительства ДВР пропорционально числу акций, т. е. с американским большинством»[2345]. И в Вашингтоне было представительство ДВР, которое было форпостом де-факто большевистской дипломатии в Америке.

Но на важнейший международный форум, где обсуждались и дальневосточные проблемы, – Вашингтонской конференцию – Москва не была приглашена. Поэтому в ноте от 19 июля 1921 года говорилось: «Российское правительство торжественно заявляет, что оно не признает никакого решения, принятого упомянутой конференцией, поскольку это совещание состоится без его участия»[2346]. На Вашингтонской конференции был заключен «договор четырех держав» – Великобритании, США, Японии и Франции, который установил права на острова в Тихом океане, англо-японский союз, который нервировал американцев, формально прекратил свое существование[2347]. «Договор пяти держав» – добавилась Италия – устанавливал соотношение линейных флотов пяти стран в пропорции 5:5:3:1,75:1,75. Россия была оставлена Западом за бортом.

Прорыв на государственном уровне не получался, зато он намечался на общественном, где тон задавали наши соотечественники. Фактический представитель Москвы в США Людвиг Карлович Мартенс (он возглавлял Бюро советского представительства в Нью-Йорке, тогда как посольство в Вашингтоне по-прежнему занимал признанный посол Временного правительства Бахметьев), уверял: «Летом 1919 года по инициативе советской миссии в Нью-Йорке было организовано первое Общество технической помощи Советской России, встретившее огромное сочувствие со стороны не только российских, но и американских рабочих… Число рабочих, организованных в такие общества, в 1921 году превысило 10 тысяч человек… В последние месяцы 1920 года и первые месяцы 1921 года российские выходцы двинулись из Америки в Советскую Россию стихийным порядком, не спрашивая разрешения советских властей. За указанные месяцы через одну только Либаву прошло свыше 16 тысяч иммигрантов из Америки.

Ознакомившись с этим положением, В. И. Ленин со

свойственной ему стремительностью немедленно приступил к реализации плана использования этого движения в целях хозяйственного восстановления страны. Обсуждая этот план со мной, он не раз ставил вопрос о насаждении у нас по возможности в каждом уезде большого числа сельскохозяйственных коммун, оборудованных по последнему слову американской техники и долженствовавших служить примером культурного ведения хозяйства для отсталого русского крестьянства… Одновременно с организацией сельскохозяйственных коммун Общество технической помощи начало организовывать и отправлять в Советскую Россию также и промышленные кооперативы»[2348].

Наладились связи с Русско-американской торгово-промышленной ассоциацией, основанной американским профсоюзом швейников, вознамерившимся открыть производство в России. 12 октября 1921 года был заключен примерный договор, который предусматривал аренду американцами нескольких швейных фабрик в Москве, оснащение их оборудованием. Ленин благодарил главу профсоюза Сиднея Хилмана, который не поленился доехать до Москвы: «Америка, естественно, стоит во главе государств, рабочие которых могут нам помочь, помогают уже теперь и будут помогать, – я глубоко уверен в этом – еще в гораздо больших размерах».

В середине 1921 года группа американских рабочих и инженеров во главе с голландцем Рутгерсом и американскими рабочими деятелями Хейвудом и Кальвертом начала переговоры с правительством о передаче им в эксплуатацию Кузнецкого каменноугольного бассейна. По итогам Ленин написал Молотову: «Вопрос трудный: **за**: *если* американцы выполнят обещание, польза будет гигантская. Тогда не жаль *600 000* рублей золотом, **против**: выполнят ли? *Хейвуд* – полуанархист. Больше сентиментален, чем деловит. *Рутгер* – как бы не впал в левизну. *Кальверт* – архиговорлив. Гарантий деловых у нас нет никаких. Увлекающиеся люди, в атмосфере безработицы, наберут группу «искателей приключений», кои кончат склокой».

В итоге Ленин принял решение и писал Мартенсу: «Я – за, *если* американские рабочие и колонисты вообще будут привозить с собой: 1) продовольствие на два года (Вы пишете, что это бывало; значит, возможно); 2) одежду на тот же срок; 3) орудия труда».

Дальнейшие переговоры велись при непосредственном участии Ленина. 19 сентября он пишет Куйбышеву: «У меня сейчас были Рутгерс, Кальверт и Хейвуд, представители группы американской рабочей колонии, желающей взять Надеждинский

завод и *ряд* предприятий в Кузнецком бассейне. Они просят, чтобы их представитель (с переводчиком) лично был в *СТО* в пятницу. Я думаю, что надо разрешить». 30 сентября Троцкому: «Тов. Рутгерс держал в *СТО* речь «угрожающую» (выражаясь мягко), что-де мы ждать не хотим и не будем, вы поддаетесь саботажнику, “мы не из-за денег” работаем и т. п.» Наконец, 21 октября Ленин извещал Сибирское промбюро: «Соглашение с Рутгерсом достигнуто… Примите необходимые меры для безусловного исполнения»[2349]. Договор был заключен 26 ноября. Была создана Автономная индустриальная колония «Кузбасс», находившаяся в непосредственном подчинении СТО. Мытарства Рутгерста только начинались.

За первыми шагами по выходу из торгово-экономической блокады последовали новые советские инициативы, нацеленные на выход из изоляции политической. Конечно, ни о каких предтечах «перестройки и гласности» речи идти просто не могло. Шло медленное и осторожное «приоткрытие шлюзов», а споры разворачивались о его темпах и степени. Инициатором перемен выступал Чичерин, которого Ленин всячески осаживал. 15 октября наркоминдел для улучшения отношений с Западом предлагал Ленину и Троцкому выйти из Исполкома Коминтерна, выступить с правительственным заявлением о признании долгов царской России. Ленин отвечал: «О выходе моем и Троцкого из ИККИ не может быть и речи. О долгах достаточно заявить Красину… По-моему, *никаких* уступок и шагов делать не следует».

Несдававшийся Чичерин 17 октября вновь предложил на высшем уровне признать долги царской России. Ленин в записке членам ПБ вновь возражал: «Такие шаги вызовут только впечатление нашей слабости: как всегда бывало в подобных случаях, противник обнаглеет. Считаю достаточным интервью Красина и полемику в печати»[2350].

Советское правительство направило ноты всем великим державам с предложением провести переговоры для урегулирования двусторонних отношений. Ответа не последовало. Чтобы сдвинуть дело с мертвой точки, по решению Политбюро, НКИД нотой от 28 октября выразил готовность «признать определенные финансовые обязательства по довоенным займам при условии признания Советского государства, установления мира, предоставления кредитов для восстановления экономики России и льготных условий погашения долгов»[2351]. Была предложена идея созыва специальной международной конференции.

В конце года Красин сообщил из Лондона ответ и условия Ллойд Джорджа для признания де-юре: «Признать для себя

обязательным все финансовые обязательства царского и Временного правительств… причем решение всех вопросов об убытках производится арбитражным трибуналом на основе общепризнанных принципов международного права и господствующих в цивилизованных странах принципов торговых сношений». Ленин отреагировал посланием Молотову: «Я думаю, что не только торопиться не надо, но что вообще условия абсолютно неприемлемы». Политбюро 31 декабря постановило английские требования отвергнуть.

В этих условиях основным партнером России станет Берлин. Осенью 1920 года – после польского провала – последовал неожиданный сигнал. Ленин рассказывал: «Германия разрешила въезд тт. Зиновьеву и Бухарину на предстоящий съезд Независимой партии в Германии. Может быть, это грубая провокация, но, с другой стороны, несомненно, приезд т. Зиновьева ускорит и углубит раскол среди “независимых”, который уже наметился». Зиновьев особого успеха на съезде НСДПГ не имел. Но сам факт его пропуска в Германию был очевидным жестом в сторону Москвы и выпадом против Запада. Ленин это оценил. В декабре 1920 года он утверждал:

– Германия одна из самых сильных, передовых капиталистических стран, она Версальского договора не может вынести, и Германия должна искать союзника против всемирного империализма, будучи сама империалистической, но будучи задавленной[2352]. – Немецкое буржуазное правительство бешено ненавидит большевиков, но интересы международного положения толкают его к миру с Советской Россией против его собственного желания.

Инициатором сближения выступал главнокомандующий рейхсвером генерал фон Зект, создавший в начале 1921 года в военном министерстве «Зондергруппу Р» (Россия) для осуществления военного и военно-технического сотрудничества с Красной Армией. Советскому Союзу, как и другим державам, «требовались современное вооружение, развитая военная промышленность, новая техника… Для послевоенной Германии первоочередной задачей было освобождение от “Версальских оков” и возможность развивать собственные вооруженные силы. Такую возможность давало сотрудничество с СССР»[2353]. Появлялась возможность сформировать альянс двух парий Версальской системы, позволявший им сделать заявку на возвращение в мировую политику.

Российско-германский военно-политический союз так никогда и не будет формализован: обе стороны предельно цинично преследовали собственные интересы и не доверяли друг

другу. Но и в рамках негласного альянса делалось немало. Политбюро приняло решение открыть немецкие командные курсы за пределами Москвы (в столице для этого большого дела не хватало свободных квартир). Вскоре Смоленск был полон немецкими летчиками. В феврале 1921 года Ленин получил из постпредства в Берлине шифровку о переговорах с немцами, в ходе которых было достигнуто соглашение о «восстановлении немецкой военной промышленности». Фирма «Блюм и Фосс» была готова строить подводные лодки, «Албатросверке» – самолеты, «Крупп» – артиллерию. Ленин наложил резолюцию: «Я думаю, да». И приписал: «Секретно»[2354]. Речь все-таки шла о нарушении Версальского договора. Негласная договоренность была достигнута. В ноябре Крестинский сообщил Ленину и Троцкому, что «Юнкерс» и другие фирмы начнут в России производство аэропланов. Вскоре такое производство действительно развернулось – на московском заводе в Филях.

В 1921 году с Германией был тоже подписан торговый договор, а 16 апреля Политбюро согласилось на предоставление немцам концессий.

Вторая фаза

Полагаю, голод был одной из важнейших причин, заставивших Ленина пойти на «углубление нэпа», на то, что он сам называл, второй фазой нэпа. Начавшаяся осенью 1921 года, она означала дальнейший сдвиг вправо – в сторону полноправных рыночных отношений. Ленин разъяснял на VII Московской губпартконференции 29 октября:

– Целый ряд декретов и постановлений, громадное количество статей, вся пропаганда, все законодательство с весны 1921 года было приспособлено к поднятию товарообмена. Предполагалось более или менее социалистически обменять в целом государственные продукты промышленности на продукты земледелия и этим товарообменом восстановить крупную промышленность. Товарообмен сорвался: сорвался в том смысле, что он вылился в куплю-продажу. Мы должны сознать, что отступление оказалось недостаточным. Что необходимо произвести дополнительное отступление, еще отступление назад, когда мы от государственного капитализма переходим к созданию государственного регулирования купли-продажи и денежного обращения… Экономическое строительство привело нас к такому положению, что нужно прибегать не только к таким неприятным вещам, как аренда, но и к такой неприятной штуке, как торговля.

Ленин согласился легализовать торговлю и товарно-денежные отношения. 5 ноября он писал: «Торговля – вот то “звено” в исторической цепи событий, в переходных формах нашего социалистического строительства 1921–1922 годов, “*за которое надо всеми силами ухватиться”* нам, пролетарской государственной власти, нам, руководящей коммунистической партии. Если мы *теперь* за это звено достаточно крепко “ухватимся”, мы *всей* цепью в ближайшем будущем овладеем наверняка»[2355]. По инициативе Ленина расширялось привлечение буржуазных специалистов, «понимая под таковыми как представителей науки и техники, так и людей, которые практической деятельностью приобрели опыт и знания в деле торговли, в деле организации крупных предприятий, контроля за хозяйственными предприятиями и т. п.».

Система государственного распределения еще больше сжималась. Ленин инструктировал ВСНХ и губернские экономсовещания: «Только минимум самых крупных, наилучше оборудованных и обставленных предприятий, фабрик, заводов, рудников надо оставить на госснабжении, строго проверив

наличные ресурсы».

Профсоюзы Ленин теперь задвигал далеко на задний план. Их претензии на руководящую роль в производстве были совершенно неуместны в рыночной среде. На новый, 1922 год он написал соответствующие тезисы: «Всякое непосредственное вмешательство профсоюзов в управление предприятиями, при этих условиях, должно быть признано безусловно вредным и недопустимым… Необходимо со всей решительностью вернуться на довольно продолжительное время к добровольному членству в профсоюзах». Успех восстановления промышленности «требует, безусловно, в современной российской обстановке, сосредоточения всей полноты власти в руках заводоуправлений. Эти управления, составленные по общему правилу на началах единоличия, должны самостоятельно ведать и установлением размеров зарплаты, и распределением дензнаков, пайков, прозодежды и всяческого иного снабжения».

В рамках поэтапного углубления нэпа Совнарком разрешил создание частных предприятий с числом рабочих не более 20 человек, началась сдача в аренду небольших предприятий.

Дискуссии вокруг нэпа и критика его политики Ленину надоедает. В январе он пишет проект директивы ПБ: «Всякие общие рассуждения, теоретизирования и словопрения на тему о новой экономической политике надо отнести в дискуссионные клубы, частью в прессу. Из Совнаркома, Совета Труда и Обороны и всех хозяйственных органов изгнать все подобное беспощадно… От всех наркомов Политбюро требует безусловно максимума быстроты, энергии, устранения бюрократизма и волокиты в практическом испытании новой экономической политики; Политбюро требует безусловно перевода на премию возможно большего числа ответственных лиц за быстроту и увеличение размеров производства и торговли, как внутренней, так и внешней»[2356].

К концу 1921 года Ленин впервые созрел до того, чтобы у Советской России появился бюджет. Григорий Моисеевич Леплевский, возглавлявший Малый Совнарком, рассказал, как «ВИ был инициатором самых первых попыток введения сметно-бюджетной дисциплины… 5 июля 1921 года по его предложению Совнарком обязал все ведомства в установленные сроки представить сметы и свои месячные заявки и за неисполнение подвергнуть трехдневному аресту виновных лиц». Смет почти нигде не составили, но посадки провели только в четырех наркоматах, что вызвало крайнее недовольство Ленина»[2357].

Вновь легализовав товарно-денежные отношения, большевики выпускали деньги со скоростью работы печатного станка. В 1921

году их эмиссия составила 16 трлн, а в 1922-м – около двух квадриллионов рублей. Но денег катастрофически не хватало. В сентябре 1921 года Ленин писал Троцкому: «Вопль о неимении денег всеобщий, универсальный. Лопнуть можем. Везде на местах бешено (так говорят) распродают все, пускают в продажу все возможное и невозможное. Вопят все и отовсюду. Как и что еще сделать, я не знаю».

Нэп настоятельно потребовал воссоздания финансовой, бюджетной и банковской системы. На наркомфин Лениным возлагалась задача «осуществить с наибольшим напряжением сил и наибольшей быстротой сокращение и впоследствии прекращение эмиссии и восстановление правильного денежного обращения на основе золотой валюты»[2358]. Реформа была проведена новым наркомом финансов Сокольниковым при непосредственной помощи Николая Кутлера, бывшего заместителя министра финансов и главноуправляющего землеустройством и земледелием в кабинетах Витте и Столыпина. Именно по его рекомендации постановлениями ВЦИК и СНК в октябре 1921 года был учрежден Государственный банк, призванный не только проводить эмиссию, но и аккумулировать средства для кредитования промышленных и торговых предприятий.

Председателем Госбанка станет Арон Львович Шейнман, который писал: «В осуществлении этого решения, в претворении его в жизнь ВИ принимал живейшее участие. В начале ноября 1921 года, при обсуждении проекта декрета ВЦИК об учреждении Госбанка, ВИ настоял на том, чтобы в самом декрете был указан срок открытия действий банка, а именно – 15 ноября. Мне это задание казалось неосуществимым, но с помощью ВИ, не брезговавшего вмешиваться даже в мелкие детали по организации банка, как, например, в вопросе о предоставлении здания, банк был открыт с опозданием всего лишь на один день, а именно 16 ноября… В истории банков всего мира, не говоря уже о России, еще не было случая организации банка в 5–6 недель»[2359].

Финансовая реформа проводилась в несколько этапов на протяжении трех лет. Для изъятия обесценивавшейся денежной массы прошла серия деноминаций. Сначала один рубль 1922 года выпуска, названный «совзнаком», был приравнен к десяти тысячам прежних рублей. А через год эти совзнаки были деноминированы в 100 раз, и рубль, выпущенный в 1923 году, равнялся уже донэповскому миллиону. В конце 1922 года параллельно был введен в обращение и совершенно новый денежный знак – червонец, который приравнивался к 10 дореволюционным золотым рублям, то есть к 7,7 грамма чистого

золота. Это была свободно конвертируемая валюта, курс которой определялся на фондовых биржах, в том числе и зарубежных.

На последнем этапе реформы были выпущены новые дензнаки – казначейские билеты номиналом в 1, 3 и 5 рублей, которые теоретически тоже имели обеспечение золотом. И только в 1924 году все ранее имевшие хождение деньги (кроме червонцев и металлических монет) подлежали обязательному обмену на новые рубли. Надо сказать, что народ, привыкший существовать на пайки и не доверять деньгам, поначалу в массе своей весьма негативно отреагировал на денежную реформу. Интерес к ним возвращался постепенно и болезненно.

С 1922 года была сформирована сеть банковских учреждений, которая, конечно, по объемам операций многократно уступала дореволюционной. Госсектор кредитовал Торгово-промышленный банк (Промбанк), сельхозкооперацию и крестьянские хозяйства – Сельхозбанк, местные госпредприятия и ЖКХ – Центральный банк, частные предприятия – акционерные банки. Всего в стране в середине 1920-х годов будет более 60 банков, акционерами которых были государство, синдикаты, кооперативы, зарубежный бизнес. В 1922 году возникли сберкассы, которые платили проценты по курсу золотого рубля.

Воссоздание финансовой системы позволило изменить и налоговую. От натурального обложения крестьян переходили к денежному. Для частных торговых и промышленных предприятий в 1921 году устанавливался промысловый налог – за патент и с оборота, а также акцизные сборы – в основном, на табак, алкоголь и косметику. Подоходный и имущественный налог с прогрессивной шкалой обложения был введен для всего населения в 1922 году. Через год начали облагать государственные, кооперативные и концессионные предприятия по ставке 8 % от чистой прибыли. Были и таможенные налоги, но их вклад в бюджет был минимальным из-за незначительности внешней торговли[2360].

Ленин в ручном режиме занялся реанимацией ранее им же уничтоженной торговли. Верхние ряды на Красной площади возродились в виде ГУМа. «В беседе со мной ВИ намекнул мне, как знающему торговое дело, чтобы я поглядел со стороны на открывающиеся магазины, – запомнил возглавивший Всероссийскую торговую палату Сергей Васильевич Малышев. – В течение нескольких дней я заходил в магазины ГУМа. Куплю что-нибудь, обойду все отделения, а выйдя, где-нибудь в уголке, запишу, что в таком-то отделении то-то не в порядке. И при встрече с ВИ рассказываю ему, что в ГУМе… В начале зимы 1921 года Владимир Ильич сказал мне, что нам необходимо широко

развить охотничий промысел, увеличить добычу валютного товара – пушнины». А затем Ленин поручил Малышеву возродить дореволюционные ярмарки, в первую очередь Нижегородскую и Ирбитскую[2361].

Оживала внешняя торговля. Снова появилась возможность тратить золото для закупок самого необходимого: «телеграфные аппараты для разрушенных гражданской войной железнодорожных станций, насосные станции, проволока, гвозди, топоры, пилы, напильники, инструментальная сталь, ремни и т. п. Основная директива, в утверждении которой участвовал ВИ, состояла в том, чтобы закупать только орудия и средства производства, сводя к минимуму закупку предметов потребления». Голод, как мы видели, заставил переориентировать весь внешнеторговый аппарат на хлебный фронт.

Экспортное окно приоткрылось после заключения торгового договора с Англией и нескольких прошедших там судебных процессов, которые прояснили вопросы законности таких коммерческих операций и возможность репатриации денег в Россию. «Только с этого момента появилась возможность вывоза нашего леса, льна, пеньки, пушнины и нефтепродуктов, – объяснял Красин. – С этого же времени во весь рост встал перед нами вопрос о монополии внешней торговли». Выяснилось, что «у каждой почти организации, не только у хозорганов, но и у многих нехозяйственных наркоматов, оказались запасы льна, пушнины, щетины и других экспортных товаров… Практические интересы нэпа и многих государственных и хозяйственных органов нашли себе и “теоретическое” обоснование, а параллельно с этим развивался нажим со стороны заграницы»[2362]. Вопрос о том, кто и на каких условиях может торговать с заграницей, быстро переместился в политическую плоскость.

Началась многомесячная эпопея переговоров с Уркартом, британским бизнесменом, который до революции был председателем «Русско-Азиатского объединенного общества» и владельцем крупнейших горнодобывающих компаний в России. Ленин к конце июня 1921 года наставлял советскую торговую делегацию в Лондоне: «1) Согласны дать в концессию все четыре предприятия (Кыштым, Экибастуз, Риддер, Таналык)… 6) Гарантии неприкосновенности согласны. Не дадим концессии, если не согласятся давать нам 50–100 % привозимого ими для себя продовольствия и оборудования, с гарантированной оплатой».

Замаячила перспектива получения кредитов на Западе, и Ленин был настроен кредитоваться по-крупному. «Считаю дело архиважным и спешным, – писал он в ПБ 11 октября 1921 года, –

ибо заключить заем с Италией, *не требующий признания старых долгов*, может означать пробитие финансовой блокады… Гарантия может быть: лес (концессия на севере); нефть на Ухте; нефть на Эмбе; рудники медные и т. п.».

Появился и первый реальный западный инвестор, коим стал молодой Арманд Хаммер. 14 октября Ленин информировал членов ПБ, что «американский миллионер *Хаммер*, русский родом (сидит в тюрьме, обвиняется за незаконное производство аборта; на деле месть-де за коммунизм), дает *миллион пудов хлеба* уральским рабочим на очень льготных условиях (5 %) и с приемом *уральских драгоценностей* на комиссию для продажи в Америке. В России находится сын (и компаньон) этого Хаммера, врач, привезший Семашко в подарок хирургических инструментов на 60 000 долларов. Этот сын был на Урале с Мартенсом и решил помочь восстановить уральскую промышленность».

Мартенс подтверждал серьезность намерений Хаммера. Ленин 19 октября наставлял Мартенса: «Вам надо постараться придать всему точный юридический вид договора или *концессии.* Пусть фиктивная, но *концессия* (асбест или др. ценности Урала или что хотите). Нам важно показать и напечатать (потом, после *начала исполнения*), что американцы *пошли на концессию.* Политически важно». Хаммер согласился на сделку – асбестовая концессия и закупка им 1 млн. пудов зерна, но выдвинул дополнительные условия: гарантии охраны имущества, право свободного передвижения, въезда и выезда из страны служебного персонала. Ленин готов был на все. И проявлял о Хаммере поистине отеческую заботу: «Надо поэтому дать хорошую квартиру *без промедления.* Прошу специально проследить скорое и хорошее исполнение». Перед Хаммером расстелили ковровую дорожку, по которой он уверенно шествовал вплоть до брежневских времен.

Нэп сам по себе приводил к еще большей растащиловке и, соответственно, по мысли Ленина, предполагал усиление репрессивных мер. «Уклонения в худшую сторону, это – злоупотребления примазавшихся к коммунистам старых чиновников, помещиков, буржуа и прочей сволочи, которая иногда совершает отвратительные бесчинства и безобразия, надругательства над крестьянством, – писал Ленин в брошюре «О продовольственном налоге». – Тут нужна чистка террористическая: суд на месте и расстрел безоговорочно»[2363]. 14 мая 1921 года ПБ постановило «подготовить законопроект СНК о расширении прав ВЧК в отношении применения высшей меры наказания за хищения с государственных складов и фабрик…»[2364]

В ноябре Ленин пишет Сталину и Уншлихту: «Тьма

ценнейших товаров – тканей, машин, ремней и пр. и пр. – разворовывается арендаторами, приемщиками, сдатчиками… Не следует ли созвать из *архинадежных* людей совещание *тайное* о мерах борьбы?а) Поимка нескольких случаев и расстрел». IX съезд Советов (23–28 декабря) с подачи Ленина требовал от Наркомюста, «чтобы нарсуды республики строго следили за деятельностью частных торговцев и предпринимателей, не допуская ни малейшего стеснения их деятельности, но вместе с тем строжайше карая малейшие попытки отступления от неуклонного соблюдения законов республики…»[2365]

Новая экономическая политика предполагала и новый размах действий ВЧК. К концу 1921 года количество сотрудников ВЧК – с учетом приданных ей частей особого назначения (ЧОН) и рабоче-крестьянской милиции – увеличилось до 130 тысяч человек, «что значительно превосходило количество сотрудников всего Министерства внутренних дел Российской империи (84 тысячи человек)»[2366].

Но оснований для недовольства неподконтрольностью «карательного меча революции» прибавилось. Бажанов отмечал, что «забирая власть, начиная строить огромную империю Гулага, ГПУ старается как можно меньше информировать верхушку партии о том, что оно делает»[2367]. Из уст Ленина в 1921 году стали вырываться раздраженные фразы типа: «Арестовать паршивых чекистов» или «Подвести под расстрел чекистскую сволочь»[2368].

Осенью Лениным было сделано несколько великодушных жестов. Так, к 4-й годовщине Октябрьской революции была объявлена амнистия бывшим солдатам белых армий, началось освобождение кронштадтских мятежников. Перед Рождеством 1922 года из тюрем было выпущено немало духовных лиц, а сразу после из лагерей принудительных работ освобождались некоторые категории заключенных – дети до 16 лет, женщины с детьми, нетрудоспособные пожилые люди. На IX съезде Советов в декабре 1921 года Ленин утверждал:

– У нас нет другого ответа, кроме ответа учреждения, которое бы знало каждый шаг заговорщика и умело бы быть не уговаривающим, а карающим немедленно… Но вместе с тем мы определенно говорим, что необходимо подвергнуть ВЧК реформе, определить ее функции и компетенцию и ограничить ее работу задачами политическими. Перед нами сейчас задача развития гражданского оборота, – этого требует новая экономическая политика, – а это требует большей революционной законности[2369].

ЦК создал в декабре специальную комиссию, которая должна

была представить проект реорганизации ВЧК под углом зрения сужения ее компетенции и круга деятельности [2370].

С введением нэпа оставшаяся интеллигенция воспрянула. Плюрализм экономический создал материальную основу для плюрализма идейного.

«В Москве поэты, художники, режиссеры и критики дрались за свою веру в искусство с фанатизмом первых крестоносцев, – вспоминал поэт – имажинист Анатолий Мариенгоф. Трибуны для ораторов стояли в консерватории, в Колонном зале бывшего Благородного собрания, в Политехническом музее, в трех поэтических кафе и на сценах государственных театров в дни, свободные от спектакля. Жаждущие найти истину в искусстве широкой шумной лавиной катились по вечерней Тверской, чтобы заполнить партеры, ложи и ярусы. Если очередной диспут был платным, сплошь и рядом эскадрон конной милиции опоясывал общественное здание. Товарищи с увесистыми наганами становились на места билетерш, смытых разбушевавшимися человеческими волнами»[2371].

Нэп привнес в театральную жизнь коммерциализацию, живинку, упрощение, игру «на потребу». Булгаков жаловался, что театры полны и в них не попадешь, потому что барыги перепродают билеты за баснословную сумму. Чуковский находил, что «психическая жизнь оскудела: в театрах стреляют, буффонят, увлекаются гротесками и проч. Но во всем этом есть одно превосходное качество: сила»[2372]. Нераскрученная молодежь и многочисленные актеры из провинции пели и плясали по клубам и пивным.

Основания были не только для восторгов. Лето первого года НЭПа стало черной страницей для российской культуры. Символичной была почти одновременная смерть двух поэтов, олицетворявших разные судьбы людей искусства в революции: Николая Гумилева расстрелянного ВЧК, и мучительно угасшего от цинги, астмы и психического расстройства Александра Блока. «Туманное сияние поэзии Блока – и точность, ясность, выведенное совершенство Гумилева. “Левый эсер” Блок, прославивший в “Двенадцати” Октябрь: “мы на горе всем буржуям – мировой пожар раздуем” – и “белогвардеец”, “монархист” Гумилев… Блок, мечтавший всю жизнь о революции, как о “прекрасной неизбежности”, и – Гумилев, считавший ее синонимом зла и варварства» [2373] (Георгий Иванов). Готовились к отъезду из страны Горький, Ремизов, Белый, Соллогуб. «С необычайной остротой мы переживали и наблюдали конец целой эпохи, – писала Нина Берберова, – и зрелище это вызывало священный трепет, было исполнено щемящей тоски и зловещего

смысла»[2374].

Начальник иностранного отдела ВЧК Давыдов предлагал захлопнуть для писателей калитку на Запад: «В ИноВЧК в настоящий момент имеются заявления ряда литераторов, в частности Венгеровой, Блока, Соллогуба – о выезде за границу. Принимая во внимание, что уехавшие за границу литераторы ведут самую активную кампанию против Советской России и что некоторые из них, как Бальмонт, Куприн, Бунин, не останавливаются перед самыми гнусными измышлениями – ВЧК не считает возможным удовлетворять подобные ходатайства». Вопросы выезда рассматривало Политбюро. 12 июля 1921 года ПБ разрешили ехать Соллогубу (он так и не уехал, после того как его жена бросилась в Неву), но не позволило Блоку. За того вступились Горький с Луначарским, обратившиеся напрямую к Ленину, в результате чего ПБ 23 июля пересмотрело свое решение[2375]. Воспользоваться полученным разрешением Блок не успел.

Пока же голод 1921 года стал последним отзвуком катастрофы Гражданской войны и «военного коммунизма». Со второй половины года производство начало, наконец, быстро расти: за 1921 год почти удвоилось производство – с 12,8 % от уровня 1913 года до 23,3 %. Выросли объемы внешней торговли как результат того, что «Россия обросла, если можно так выразиться, целым рядом довольно правильных, постоянных торговых соглашений, представительств, договоров и т. д.»[2376]

Михаил Булгаков, переселившийся в Москву осенью 1921 года, рассказывал о своих ощущениях: «Знакомств масса и журнальных, и театральных, и деловых просто. Это много значит в теперешней Москве, которая приходит к новой, невиданной в ней давно уже жизни – яростной конкуренции, беготне, проявлению инициативы и т. д. Вне такой жизни жить нельзя, иначе погибнешь… В Москве есть все: обувь, материи, мясо, икра, консервы, деликатесы – все! Открываются кафе, растут как грибы… Цены сообщить невозможно, потому что процесс падения валюты принял галопирующий характер, и иногда создается разница при покупке днем и к вечеру»[2377]. Нина Берберова в 1922 году приехала в столицу: «Москву я не узнала: теперь это была столица нового государства, улицы были черны от народа, все кругом росло и создавалось, вытягивалось, оживало, рождалось заново, пульсировало»[2378]. На Болоте работал самый дешевый в Москве рынок, где торговали всякой снедью, «можно было и закусить, например, пирожками с различными начинками, полакомиться другими яствами, изготовленными по древним рецептам. На берегу находилась пристань. С приходом нэпа к

пристани стали приставать маленькие пароходики… Когда пароходик выплывал из Канавы на простор Москвы-реки, его окружали лодки, байдарки, шлюпки, моторки и просто “водоплавающие” граждане в разноцветных тряпочных шапочках и без оных»[2379].

Но волшебства не произошло, и многие проблемы с введением нэпа в одночасье никуда не делись. На VII Московской губпартконференции в октябре 1921 года Ленин признавал:

– Противоречий в нашей экономической действительности больше, чем их было до новой экономической политики: частичные, небольшие улучшения экономического положения у одних слоев населения, у немногих; полное несоответствие между экономическими ресурсами и необходимыми потребностями у других, у большинства.

Был ли НЭП действительно долговременным политическим поворотом, кардинально менявшим взгляды Ленина на пути построения социализма? Сам он не раз менял свои взгляды и на сроки, и на масштабы «отступления». Пятого ноября Ленин писал в правдинской статье: «Мы отступили к государственному капитализму. Но мы отступили в меру. Мы отступили теперь к государственному регулированию торговли. Но мы отступили в меру. Есть уже признаки, что виднеется конец этого отступления, виднеется не в слишком отдаленном будущем возможность приостановить это отступление». На IX съезде Советов в декабре Ленин подчеркивал, что «эту политику мы проводим всерьез и надолго, но, конечно, как правильно уже замечено, не навсегда»[2380].

Когда Ленин вскоре заявит о «приостановке отступления», против этого в среде большевиков никто не возразит.

Глава 11
Дистанционное управление

Теперь вперед!
Отступление окончено.
РКП,
команду на борт!

Костино

В начале лета 1921 года Ленин, долгое время героически тянувший воз государственного управления, дал слабину. Мучили головные боли и бессонница. 4 июня Политбюро обязало его взять месячный отпуск, и он уехал в Горки. Председательское кресло в ПБ занял Каменев. На следующий день Ленин писал Троцкому: «Я нахожусь вне города. Уехал в отпуск на несколько дней по нездоровью»[2381]. Видимо, в это время у него впервые случился приступ, о котором он расскажет врачам: «Головокружение было сильное, ВИ не устоял на ногах и вынужден был, держась за кровать, опуститься на пол. Но сознания не терял. Тошноты не было. Головокружение продолжалось несколько минут и бесследно исчезло, поэтому ВИ не придал ему значения». Из Горок Ленин появился только на несколько заседаний III конгресса Коминтерна.

Судя по всему, именно после большого доклада на конгрессе у Ленина случился новый приступ головокружения: «На сей раз оно сопровождалось потерей сознания: ВИ очнулся на полу около стула, за который, падая, он, по-видимому, хотел удержаться. Сколько времени продолжалось бессознательное состояние, ВИ не смог указать, но, по его предположению, оно было непродолжительным – 2–3 минуты. Очнувшись, он чувствовал себя настолько хорошо, что приступил к своим обязанностям»[2382]. На сей раз он обратился к доктору – основателю и главному врачу Солдатенковской больницы Федору Александровичу Гетье, который и снял эти «показания» пациента Ленина. Гетье тогда «не смог отметить никаких уклонений ни со стороны внутренних органов, ни со стороны нервной системы, и я объяснил себе происхождение головокружений большим переутомлением центральной нервной системы»[2383].

Но вскоре, 8 июля, Ленин уже сам написал Молотову: «Прошу Оргбюро или Секретариат ЦК (с утверждением Политбюро по телефону) разрешить мне отпуск согласно заключению доктора Гетье на один месяц с приездом 2–3 раза в неделю на 2–3 часа в день на заседания Политбюро, СНК и СТО. Срок начала отпуска (на днях) я сообщу т. Молотову». На следующий день отпуск Ленину был предоставлен «на один месяц с правом бывать во время отпуска только на заседаниях Политбюро (но не СНК и СТО, кроме специальных случаев – по решению Секретариата ЦК»)[2384]. Куда там. 11-го Ленин совещается с коминтерновцами, 12-го председательствует на Политбюро, СНК и СТО, и только после написал ожидавшему приема Бронскому: «*Болен!* Уехал!».

Уехал 13-го.

Тема болезни с тех пор не уходит из его переписки. «Скажите, что я болен», – Фотиевой. «Не могу по болезни исполнить это», – Рыкову в ответ на приглашение выступить на Международном профсоюзном конгрессе. «Мне нездоровится. Я быть не могу», – крестьянам Горок, звавших на праздник, к которому Ленин имел непосредственное отношение, – проведения в деревню электричества[2385]. Несмотря на это, отпуск провел на ногах, приезжая чуть ли не через день в Москву и явно игнорируя строгое решение ПБ. За этим последовало медицинское освидетельствование и предписание врачей: длительное воздержание от какой бы то ни было работы.

К работе приступил 3 августа. Но трудился опять недолго. 9 августа в присутствии Ленина Пленум ЦК принял постановление: «Обязать т. Ленина продолжать отпуск точно на то время и тех условиях, как будет указано врачами (проф. Гетье), с привлечением т. Ленина на заседания (советские и партийные), а равно на ту работу, на которую будет предварительное формальное согласие Секретариата ЦК»[2386]. Сам Ленин писал Горькому: «Я устал так, что ничегошеньки не могу». Луначарскому 26 августа: «Принять никак не могу, так как болен»[2387].

Вернулся к работе, но по-прежнему плохо себя чувствовал: сильные головные боли, бессонница.

В октябре болезнь стала заявлять о себе потерями сознания.

«В конце ноября 1921 года, – писал Уншлихт, – чувствуя ухудшение состояния своего здоровья, решился немедленно уехать отдохнуть под Москвой. Лишь бы скорей и полная тишина. Такое место было тотчас же подыскано. Беленький и я его сопровождали. Был сильный мороз. Выпал глубокий снег. ВИ сел в автосани в тяжелом настроении и углубился в свои мысли. Мы соблюдали полную тишину. На полпути автосани застряли в снегу. Ленин и все мы вышли помогать шоферу… Приехали на место. Видно было, что ВИ нуждался в полном уединении, что нет у него желания разговаривать»[2388].

Врачи предлагали отказаться от трудовой нагрузки. Ленин, до этого момента слушавший врачей, взбунтовался и добился уменьшения нагрузки, а не ее полной отмены. Эпизодически он продолжал появляться в Кремле. Но болезнь только ухудшалась. 6 декабря Ленин писал: «т. Молотов, уезжаю сегодня. Несмотря на уменьшение мной порции работы и увеличение порций отдыха, за последние дни бессонница чертовски усилилась. Боюсь, не смогу докладывать ни на партконференции, ни на съезде Советов. Перешлите членам Политбюро для осведомления

их *на всякий случай*». В тот же день в письме Горькому: «Устал дьявольски. Бессонница. Еду лечиться».

Восьмого декабря ПБ постановляет: «Признать необходимым соблюдение абсолютного покоя для т. Ленина и запретить его секретариату посылку ему каких бы то ни было бумаг, с тем, чтобы т. Ленин смог выступить с короткой (хотя бы получасовой) речью на съезде Советов». Через 10 дней Старик просил Молотова провести решение Политбюро о продлении ему отпуска «согласно заключению врача на срок до 2-х недель (в зависимости от хода лечения). Я буду на пленуме ЦК, по крайней мере, по некоторым вопросам. На съезде Советов сделаю краткий доклад, согласно решению Политбюро»[2389]. Пленум 18 декабря утвердил Ленина докладчиком на съезде Советов. 21 декабря ПБ постановило: «Отпуск продлить до 2 недель». Сил выступить с докладом на IX съезде Советов – 23 декабря – хватило.

А потом, как замечал Данилкин, Ленин «куда-то запропастился – и про него ходили самые дикие слухи: что он умер, что убит савинковцами, что арестован, что у него выросли рога, что на одном из выступлений его стащили прямо со сцены, где он понес околесицу, и увезли в сумасшедший дом, что время от времени он достает из особого шкафчика прозрачный сосуд с заспиртованной головой Николая II – полюбоваться на плоды своей деятельности, что он поехал на Генуэзскую конференцию не то под видом инженера Владимирова, не то в пломбированном – видимо, привычное для него дело – контейнере»[2390].

В действительности перед Новым 1922 годом ПБ официально отправило Ленина в шестинедельный отпуск с 1 января «с запрещением приезжать в Москву для работы без разрешения Секретариата ЦК» и ограничило время телефонных контактов «по наиболее важным вопросам» одним часом в день. Мария Ильинична замечала, что брат был «мрачный, утомленный… так плохо чувствовал себя, что было страшно за него»[2391]. Она же подтверждала: «Уже в то время Ленин пришел к мысли, что у него будет паралич», и «говорил об этом со Сталиным, прося в этом случае дать ему яда, так как существование его будет тогда бесцельно. Сталин обещал ВИ исполнить его просьбу, если это будет нужно, отнесшись, кажется, довольно скептически к тому, что это может когда-либо произойти и, удивившись, откуда у ВИ могут быть такие мысли»[2392].

С этого времени начинается резкое снижение политической активности Ленина. Это может быть измерено его участием или неучастием в заседаниях Совнаркома. В 1920 году он присутствовал на каждом из 69 заседаний, в 1921-м – на 49 из 51, а в 1922 году на 7 из 83[2393].

Почему-то принято считать, что последующие три месяца Ленин руководил из Горок – с помощью записок и телефонных звонков. «Т. Молотов, – писал он. – Если я буду Вам нужен, прошу, не стесняясь, вызвать. Есть телефон (знают и телефонистки коммутатора III этажа и Фотиева); можно послать бумаги через Фотиеву. *Могу вполне и приехать*: я езжу охотно, это менее часа»[2394].

На самом деле он скрывался в деревне Костино, что на окраине подмосковных Подлипок, ныне Королева. В Горках же Ленин пробыл только первую неделю отпуска – с 6 по 13 января 1922 года. Причины отъезда оттуда в версии Данилкина: «Но там уже был второй офис, и он не мог избавиться от сугубо чиновничьей работы; видимо что-то там пошло не так и насторожило службу безопасности… Ровно поэтому же одновременно начинает распространяться информация, будто Ленин планирует уехать на отдых в Грузию, а наученная телефонистка, когда на телефонный узел большевиков поступал звонок из Москвы, отвечала на голубом глазу: “Горки слушают”»[2395].

Путешествие в Костино чекисты организовали инкогнито и на дрезине. И оно Ленину, очевидно, не пришлось по душе. Он жаловался Уншлихту и Фомину: «Первый раз я ехал по железным дорогам не в качестве “сановника”, поднимающего на ноги все и вся десятками специальных телеграмм, а в качестве неизвестного, едущего при ВЧК, и впечатление мое – безнадежно угнетающее. Если таковы порядки особого маленького колесика в механизме, состоящего под особым надзором *самого* ВЧК, то могу себе представить, что же делается вообще в НКПС!»[2396]

В Костино он приехал 17 января и прожил там несколько недель – «по сути в подполье, на конспиративной квартире, скрываясь от внешних и внутренних врагов, а возможно, и от самого себя». Там была небольшая усадьба с липово-дубовым парком, которая когда-то принадлежала Долгоруковым, а с начала XX века – семье шоколадного фабриканта Крафта. Теперь же там располагалось нечто вроде подсобного хозяйства ВЧК.

Ленин в очередной раз перешел на подпольное положение. Свидетельства об этом фрагменте жизни нашего героя оставил истопник Федор Михайлович Ефремов. Ленина определили в небольшом деревянном доме, где ему были отведены две комнаты. «В одной из них, передней, заставленной легкой плетеной мебелью, устроили кабинет, в другой помещалась спальня». Ленин рано вставал, после завтрака гулял. «Особенно он любил ходить к столетним дубам, которые росли метрах в 70 от домика, в котором он жил. В том году были большие

снегопады… Он сам брал лопату, и надо было видеть, с каким удовольствием ВИ работал, прокладывая дорожки во все стороны. В такие минуты он был особенно оживлен и весел… Ленин работал очень много. Ежедневно к нему из Москвы доставляли толстую пачку газет, корреспонденций и разных бумаг»[2397].

Ему ощутимо проще общаться с людьми письменно, не входя в прямой контакт: даже жена и сестра приезжали к нему только на вечер субботы и воскресенье: меньше поводов для депрессии, меньше раздражителей. Настроение у Ленина в Костино было не из лучших. Из письма Горькому: «Все у нас потонули в паршивом бюрократическом болоте “ведомств”… Ведомства – говно; декреты – говно. Искать людей. Проверять в работу – в этом все». Писал это творец ведомств и конечная инстанция по выпуску декретов.

Ленин в подмосковной тиши пришел к выводу о необходимости сдвига влево, прочь от ранненэповского «либерализма». Председателя СНК в начале 1922 года занимали всего несколько вопросов: предотвращение эксцессов свободного рынка, реконструкция репрессивного аппарата, развертывание антицерковной кампании, искоренение эсеро-меньшевистской оппозиции, меры по дисциплинированию интеллигенции, а также выход из международной изоляции без отказа от большевистских революционных принципов. Эти приоритеты хорошо просматривались из поступавших из Костино посланий, которые становились все более жесткими, раздраженными и безапелляционными.

В 20-х числах января Чичерин поинтересовался у Ленина, нельзя ли, если американцы будут сильно приставать с отсутствием в РСФСР представительных институтов, за приличную компенсацию внести в конституцию поправку о хотя бы теоретической возможности участия в Совете представителей разных классов. На письме наркома иностранных дел Ильич начертал: «сумасшествие!!» и отправил Молотову депешу: «Это и следующее письмо Чичерина явно доказывает, что он болен и сильно. Мы будем дураками, если **тотчас** и насильно не сошлем его в санаторий». Старик призвал к бдительности. Ленинские письма запестрели предложениями об ужесточении репрессий.

Ленин, похоже, все больше разочаровывался в нэпе. Рецепты, которые он в те месяцы предлагал, были связаны с ужесточением госрегулирования, наступлением на эксплуататоров, а также с укреплением монополии внешней торговли. «Обдуманы ли формы и способы ответственности членов правления трестов за неправильную отчетность *и за убыточное* ведение дела? – писал Ленин в феврале. – Тут нужен ряд образцовых процессов с

применением *жесточайших* кар». И 3 марта Каменеву: «Я довольно долго размышлял о нашем разговоре (с Вами, Сталиным и Зиновьевым) насчет Внешторга и линии Красина и Сокольникова. Мой вывод – безусловно прав Красин. Нельзя нам дальше отступать от монополии внешней торговли… Иностранцы иначе скупят и вывезут все ценное… Величайшая ошибка думать, что *НЭП* положил конец террору. Мы еще вернемся к террору и к террору экономическому. Иностранцы уже теперь взятками скупают наших чиновников и “вывозят остатки России”. И вывезут. Монополия есть вежливое предупреждение: милые мои, следует момент, я вас за это буду вешать»[2398].

Причины возвращения Ленина к более жесткой линии можно обяснить консолидацией большевистской власти после подавления мятежей. Но велик соблазн найти объяснение в психике вождя, который впал в очередной «раж». Может, уже не просто очередной: с начала года большинство его лечащих врачей – отечественных и немецких – были невропатологами и психиатрами. Человек, чьим смыслом жизни были политические сражения, жаждал битвы, для которой ему были нужны очередные достойные враги.

В 1922 году речь шла о борьбе с врагами и опасностями не столько действительными, сколько – с потенциальными. «Не дать застать себя врасплох новым Кронштадтом или новым Тамбовом» – вот что стало лозунгом дня. Ленин, очевидно, опасался, как бы хозяйственные послабления не были восприняты как слабость режима и не спровоцировали скачкообразный рост оппозиции. А ожидания либерализации, свободы слова заметно вдохновляли оппозицию, в том числе и внутрипартийную. Нэп не нравился партии в принципе, и именно на его критике набирали себе очки разного рода фракционеры. В рядах партии поворот вызовет чувство близкое к восторгу.

Находясь в Костине, Ленин завершал начатую на IX партконференции реформу ВЧК. Уншлихт рассказывал, как 18 января послал Ленину «разработанный коллегией ВЧК проект нового положения о ВЧК. В этом проекте: 1) ограничиваем функции наши борьбой с контрреволюционными деяниями, 2) оставляем за ВЧК карательные функции, 3) оставляем старое название ВЧК, 4) оставляем ВЧК при Совнаркоме… Соглашаясь в этом письме на ряд уступок, я категорически настаиваю на оставлении за нами карательных функций. Ленин не соглашается с моими доводами и посылает мне ответ, в котором говорит, что мои предложения можно и должно осуществить не моим путем, а через проект комиссии ЦК, и дальше: Гласность ревтрибуналов – не всегда; состав их усилить вашими людьми, усилить их связь

(всяческую) с ВЧК; усилить быстроту и *силу* их репрессий, усилить внимание ЦК к этому. Малейшее усиление бандитизма и т. п. должно влечь военное положение и расстрелы на месте"»[2399]. Ленин добился упразднения ВЧК и создания на его месте Главного политического управления (ГПУ) при наркомате юстиции. В отличие от ВЧК, оно было лишено права внесудебного преследования. «Впредь все дела о преступлениях, направленных против советского строя, …подлежат разрешению исключительно в судебном порядке революционными трибуналами или народными судами»[2400], – подчеркивалось в декрете ВЦИК от 6 февраля.

Многие современники увидели в этом признаки известной политической либерализации. Однако это было не так. 20 февраля Ленин отправил наркому юстиции Курскому письмо (в копии Молотову для Политбюро) с припиской: «не размножать, только показывать под расписку, не дать разболтать, не проболтать перед врагами». В письме фактически содержалась программа действий на ближайшие месяцы: «Прежде боевыми органами Соввласти были главным образом Наркомвоен и ВЧК. Теперь *особенно* боевая роль выпадает на долю НКЮста… Усиление репрессии против политических врагов Соввласти и агентов буржуазии (*в особенности* меньшевиков и эсеров); проведение этой репрессии ревтрибуналом и нарсудами в наиболее быстром и *революционно-целесообразном* порядке; обязательная постановка ряда *образцовых* (по быстроте и силе репрессии; по *разъяснению* народным массам, через суд и через печать, значения их) процессов в Москве, Питере, Харькове и нескольких других важнейших центрах; воздействие на нарсудей и членов ревтрибуналов через партию в смысле улучшения деятельности судов и усиления репрессии; – все это должно вестись систематично, упорно, настойчиво, с обязательной отчетностью…

Ни к черту не годными коммунистами надо признать тех коммунистов, кои не поняли своей задачи ограничить, обуздать, контролировать, ловить на месте преступления, карать внушительно *всякий капитализм, выходящий за рамки государственного капитализма, как мы понимаем понятие и задачи государства…* А где шум по поводу *образцовых процессов* против мерзавцев, злоупотребляющих новой экономической политикой?!»

Ленин давал инструкции руководству и сотрудникам наркомюста: «каждого деятеля этого ведомства надо бы оценивать по послужному списку, после справки: сколько коммунистов ты закатал в тюрьму, второе строже, чем беспартийных за те же

проступки? скольких бюрократов ты закатал в тюрьму за бюрократизм и волокиту? скольких купцов за злоупотребление *нэпо* ты подвел под расстрел или под другое, не игрушечное (как в Москве, под носом у НКЮста обычно бывает) наказание?.. Отсюда – расширить применение государственного вмешательства в "частноправовые" отношения; расширить право государства отменять "частные" договоры, применять не corpus juris romani к "гражданским правоотношениям", а *наше революционное правосознание*; показывать систематически, упорно, настойчиво на ряде образцовых процессов, *как* это надо делать с умом и энергией…»

Первого марта он наставлял Петерса: «Со взяткой и пр. и т. д. Государственное политическое управление может и должно бороться и карать расстрелом по суду. ГПУ должно войти в соглашение с Наркомюстом и через Политбюро провести соответствующую директиву и Наркомюсту и всем органам»[2401].

Все окончательно встало на свои места, когда в ПБ поступил от Уншлихта проект «Положения о Государственном политическом управлении». Функции ГПУ практически ничем не отличались от задач ВЧК. Оно могло осуществлять «осведомление, розыск, наблюдение, арест, выемку, обыск, дознание, предварительное следствие и регистрацию»[2402]. ГПУ не могло только лишать жизни во внесудебном порядке. Но и это отличие вскоре исчезло. 27 апреля Политбюро предоставило ГПУ право «непосредственных расстрелов на месте» бандитских элементов.

Под руководством Ленина наркомат юстиции приступил к разработке нового Уголовного кодекса. «Суд должен не устранить террор, обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать, узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас, – наставлял Старик Курского. – Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого». Именно Ленину принадлежала идея ввести расстрел за антисоветскую агитацию и собственноручная редакция пресловутой «всеядной» статьи 57: «Пропаганда, или агитация, или участие в организации, или содействие организациям, действующие (пропаганда и агитация) в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализму коммунистической системы собственности и стремится к насильственному ее свержению, путем ли интервенции, или блокады, или шпионажа, или финансирования прессы и т. под. средствами, карается высшей мерой наказания, с

заменой, в случае смягчающих вину обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу»[2403].

Именно Ленин резко расширил количество статей, по которым предусматривалась смертная казнь, добавил право замены расстрела высылкой за границу и расстрел за неразрешенное возвращение из-за границы.

В УК был заложен принцип, согласно которому преступное деяние определялось не только по формальным критериям – нарушение закона, – но и по тем потенциальным последствиям, которое это деяние и бездействие могли повлечь, что оставляло широкий простор для судебных интерпретаций. С чисто формальной точки зрения все последующие репрессии – при Ленине или Сталине – осуществлялись в полном соответствии с действовавшим законодательством.

Декретом ВЦИК 10 августа будет утверждена «Инструкция для органов ГПУ по применению административной высылки», дававшая право органам безопасности по своему усмотрению высылать за границу или в отдаленные местности России лиц, причастных к контрреволюционной деятельности. Внутренняя ссылка возрождала старую испытанную практику царских времен, но высылка за рубеж была новым изобретением. Впрочем, Ленин не доверил ГПУ самостоятельно ссылать видных людей, их списки он контролировал и утверждал сам.

Началась судебная реформа, закончившаяся в ноябре 1922 года принятием ВЦИКом Положений о судоустройстве РСФСР, которыми упразднялись революционные трибуналы и устанавливалась трехэтажная система – суды народные, губернские и Верховный суд. Органам управления запрещалось вмешиваться в судебные дела, были учреждены адвокатура, а также прокуратура, в функции которой входило наблюдение за исполнением закона. Однако эти нормы были вскоре подправлены партийными решениями. Все «назначения, перемещения и отзывы губернских прокуроров производятся прокурором Республики по согласованию с ЦК ВКП(б). Губкомы, не вмешиваясь в действия прокурора непосредственно, обращаются для разрешения спорных вопросов в ЦК ВКП(б)»[2404]. Судьи и прокуроры были членами партии со всеми вытекавшими из этого последствиями.

Конечно, спад волны мятежей и начало контактов с Западом привели к уменьшению масштабов террора – с почти 36 тысяч осужденных за контрреволюционную деятельность в 1921 году до 6 тысяч – в 1922-м. Количество расстрелянных сократилось с 10 до 2 тысяч человек. Террор теперь применялся на законной основе и выборочно – против тех групп «эксплуататорских

классов», которые Ленин определил в качестве наиболее опасных. А именно: духовенства, социалистов и интеллигенции.

Меньшевик Гурвич, сославшись на мысль Ленина о госкапитализме, в публичном докладе позволил себе сказать, что нэп означал возврат к капитализму. Троцкий нажаловался, и Ленин ему 21 января 1922 года отвечал: «Я не сомневаюсь, что меньшевики усиливают теперь и будут усиливать свою самую злостную агитацию. Думаю поэтому, что необходимо усиление и надзора и репрессий против них…»

Троцкий обращал внимание Сталина на то, что в связи с подготовкой к Генуэзской конференции в меньшевистских кругах активизировалась критика советской политики «оккупации» в Грузии: требовали признания ее независимости и меньшевистского правительства в изгнании. Ленин пишет 30 января Молотову для ПБ: «Репрессии против меньшевиков усилить и поручить нашим судам усилить их… Поручить Троцкому ускорить изо всех сил бешеную атаку на меньшевиков из-за Грузии»[2405]. На основании специального постановления Политбюро «О меньшевиках» в первые месяцы 1922 года их аресты и высылки приняли массовой характер, части из них было разрешено эмигрировать.

Однако главный удар наносился по эсерам. Ленин решил, что настало время для показательных судебных процессов – первых в Советской России. 28 февраля прозвучало оповещение президиума ГПУ о том, что лидеры правых эсеров предстанут перед Верховным революционным трибуналом при ВЦИК по обвинению в контрреволюционной деятельности, терроризме и вооруженной борьбе с правительством. «Для руководства подготовкой и постановкой процесса против с. р.» ПБ назначило комиссию в составе Дзержинского, Троцкого и Каменева[2406]. Ленина, похоже, больше всего заботила международная реакция, у эсеров было много друзей на Западе: «Всем товарищам, едущим за границу, Политбюро указывает, что данный момент требует самой большой сдержанности в заявлениях и разговорах о меньшевиках и эсерах, с одной стороны, а с другой стороны, самой беспощадной борьбы с ними и самого максимального недоверия к ним (как опаснейшим *фактическим* пособником белогвардейщины)»[2407].

В начале 1922 года Москва готовила расширенный пленум Исполкома Коминтерна, который предстояло убедить в правильности нового курса на сотрудничество с социал-предателями. Вся надежда была на Ленина. Но тот 26 января поспешил разочаровать Зиновьева: «Если я Вас верно вчера понял, Вы ждете от меня к 5 февраля выступления на пленуме

Исполкома с докладом о едином фронте. Должен сказать, что докладывать не смогу. Самое большее, если смогу приготовить тезисы по этому вопросу или дополнение к основным тезисам, которые, надеюсь, будут кем-либо изготовлены». Зиновьев забил тревогу: как же без него. Ленин настойчив: «Если я по телефону дал согласие, очевидно, не рассчитал времени выступления и срока лечения. Решительно должен согласие взять назад. Замените меня Бухариным, а если он уедет, то кем-либо другим… Прошу обсудить вопрос, не назначить ли докладчиком на пленуме ИККИ по вопросу о новой экономической политике т. Пятакова, если ни Троцкий, ни Каменев не согласятся». Зиновьев настаивает. Ленин не сдается: «К сожалению, моя болезнь не может с этим сообразоваться. Если вовремя не приготовите другого докладчика, то вина всецело будет на Вас».

Первый расширенный пленум Исполкома КИ прошел в Москве 21 февраля – 4 марта в отсутствие Ленина. Участвовали 105 делегатов из 36 стран. Зарубежных коммунистов, особенно французов – Даниэля Рену, Луи Селье, по-прежнему крайне взволновал нэп как путь к реставрации капитализма и ослабления мирового комдвижения. Успокаивали, как могли.

Одним из центральных стал вопрос об участии Коминтерна в возможной конференции трех Интернационалов – Второго (Социалистического), Третьего (Коммунистического) и т. н. «Двухсполовинного» (левые социалисты во главе с Фридрихом Адлером). Ленин решил участвовать.

Правя присланный ему Зиновьевым проект решения ПБ по этому вопросу, он писал: «Самое главное предлагаемое мною изменение состоит в том, чтобы вычеркнуть абзац, называющий вождей II и II½ Интернационалов пособниками всемирной буржуазии… Совершенно неразумно рисковать срывом громадной важности практического дела из-за того, чтобы доставить себе удовольствие лишний раз обругать мерзавцев, которых мы ругаем и будем ругать в другом месте 1000 раз»[2408].

Но куда большее внимание Ленин, находясь в Костино, уделял подготовке Генуэзской конференции. Ее инициатором был Ллойд Джордж. Намереваясь решить сразу две главные мировые проблемы – русскую и германскую – путем возвращения Москвы и Берлина в мировую экономическую систему, он выдвинул идею созыва общеевропейской конференции с их участием по вопросам восстановления экономики Старого Света.

Успех конференции требовал заинтересованного участия не только Англии, но и США, и Франции. Однако администрация Гардинга, проводившая политику «карантина» Советской России, не желала никаких контактов с ней за пределами помощи

голодающим. С Францией Ллойд Джорджу, казалось, удалось договориться: за игрой в гольф в Каннах (это событие вошло в историю как заседание Верховного совета Антанты) он убедил французского премьера и главу МИДа Аристида Бриана провести общеевропейскую конференцию в Генуе по экономическим и финансовым вопросам. Однако по возвращении в Париж Бриан вынужден был передать свой премьерский пост президенту Пуанкаре, а министерский – Жану-Луи Барту. Новые творцы французской внешней политики не были сторонниками диалога с Россией или Германией, что уже не предвещало Генуэзской конференции ничего хорошего.

Тем не менее, получив 7 января 1922 года от правительства Италии текст каннской резолюции (в которой Ленин усмотрел признание равноправия всех сторон, а значит, возможность вести переговоры на равных) и приглашение в Геную, российское руководство моментально ответило согласием. Не исключалось даже участие Ленина. Однако Красин и Берзин в этой связи телеграфировали Чичерину: «Приезд Ленина в Италию считаю недопустимым ввиду савинковцев, врангелевцев и фашистов. Более приемлемым был бы Лондон. Тут можно обставить надежно как приезд, например, в сопровождении Красина, так и проживание. Если не поедет Ленин, предлагать ли приезд Троцкого? Италия, конечно, тоже исключается». 12 января Ленин диктует телефонограмму Молотову для Политбюро: «Думаю, что указанная Красиным причина в числе других причин исключает возможность поездки в какую-либо страну как для меня, так и для Троцкого и Зиновьева»[2409]. При этом Ленин плотно держал руку на пульте подготовки Генуи.

Чичерин писал: «Хотя зимой 1921/22 года Владимир Ильич долгое время жил за городом, но вопросами, связанными с созывом Генуэзской конференции, он близко и горячо интересовался»[2410]. Первые же директивы Ленина содержали предложения прибегнуть к конфиденциальным двусторонним переговорам и сыграть на противоречиях между ведущими державами. В письме для Политбюро 16 января он задается риторическими вопросами: «Не открыть ли *тотчас* только личные (без всякой бумажки) переговоры в Берлине и Москве с немцами о *контакте* нашем и ихнем в Генуе?… Не предложить ли тотчас секретно *всем* полпредам прозондировать почву у соответствующих правительств, не согласны ли они начать с нами *неофициальные* секретные переговоры о *предварительном* намечании *линии* в Генуе? Видимо, каких-то решительных указаний от Политбюро не последовало, поскольку через неделю Ленин опять отправляет секретное и без права снятия копии

послание, в котором вновь предлагает зондировать почву у отдельных держав отдельно (я это раз предлагал: почему мое *письменное* предложение затерялось, не понимаю. Оно было послано Молотову). В этом же письме давались и инструкции по организации переговоров: (а) мы ни в коем случае не признаем никаких долгов, кроме обещанных Чичериным; (б) а эти долги признаем *лишь* при условии, что наши контрпретензии *покрывают* их; (в) гарантии даем (если нам дают заем) только леса на севере и т. под.; (г) защищаем Германию и Турцию и т. д.; (д) стараемся выделить Америку и вообще разделить державы…»

На специально созванной Чрезвычайной сессии ВЦИК 27 января была избрана делегация на Генуэзскую конференцию. Ее официально возглавил Ленин, но с пониманием, что главой делегации будет Чичерин.

Организационно Ленин предлагал построить работу следующим образом. «Каждый член делегации к совещанию 22.II (с Политбюро ЦК) должен подготовить самый краткий (2–3 страницы maximum; в телеграфном стиле) конспект своей программы взглядов и политики по всем важнейшим вопросам, как дипломатическим, так и финансовым». Очень строго предлагал подойти к отбору экспертов: «Ввиду многократно доказанного стремления наших спецов вообще и меньшевиствующих особенно надувать нас (и надувать очень часто успешно), превращая заграничные поездки в отдых и в орудие укрепления белогвардейских связей, ЦК предлагает ограничиться абсолютнейшим минимумом из наиболее надежных экспертов, с тем, чтобы каждый имел письменное ручательство от соответствующего наркома и от нескольких коммунистов».

Когда Троцкий дал распоряжение специалистам военного ведомства начать обсуждение в открытой печати размера ущерба России от иностранной интервенции и соответствующей суммы контрпретензий, Ленин направил проект постановления Политбюро, где первым пунктом значилось: «О размерах и категориях контрпретензий ни слова. Ленин хотел, чтобы российская делегация уже в самой Генуе поразила своих собеседников документом, подготовленным финансовыми экспертами, где сумма советских контрпретензий примерно вдвое превышала размер довоенных и военных долгов России.

Чичерин был уверен, что подобная позиция приведет к срыву переговоров. Ленин возражал: «Ни капли нам не страшен срыв: завтра мы получим еще лучшую конференцию. Изоляцией и блокадой нас теперь не запугаешь, интервенцией тоже… Ультиматумам не подчинимся. Если желаете только “торговать”, давайте, но кота в мешке мы не купим и, не подсчитав

“претензий” *до последней копейки*, на сделку не пойдем. Вот и все. Надо приготовить и расставить все наши пушки, а решить, какие для демонстрации, из каких стрелять и когда стрелять, всегда успеем».

Еще одной неожиданностью, которую Ленин готовил организаторам конференции, стало выдвижение пацифистской программы – до тех пор всем было известно крайне негативное отношение к пацифизму большевиков, полагавших возможным надежное обеспечение мира только через революционную борьбу с империалистическими поджигателями войны. Более того, Ленин предложил выступить в Генуе с еще одной идеей, которую большевики до этого отвергали как опасную буржуазно-пацифистскую иллюзию – всеобщего сокращения вооружений. Чичерин пришел в оторопь: «Всю жизнь я ругал мелкобуржуазные иллюзии, и теперь на старости лет Политбюро заставляет меня сочинять мелкобуржуазные иллюзии. Никто из нас не умеет сочинять таких вещей, не знаем даже, на какие источники опираться. Не дадите ли более подробные указания?» Ленин успокаивал Чичерина: «Вы чрезмерно нервничаете… С пацифизмом и Вы и я боролись как с программой революционной пролетарской партии. Это ясно. Но где, кто, когда отрицал использование пацифистов этой партией для разложения врага, буржуазии?»

Ленин счел подготовительную работу законченной. И тут из Рима пришла телеграмма от министра иностранных дел Торретта, извещавшая о том, что вследствие министерского кризиса в Италии открытие конференции будет отсрочено. Ленина переполняли возмущение и язвительность. Он тут же надиктовал письмо Чичерину: «Ноту по поводу отсрочки Генуэзской конференции без указания срока следует составить в самом наглом и издевательском тоне, так, чтобы в Генуе почувствовали пощечину. Очевидно, что действительное впечатление можно произвести только сверхнаглостью. В частности, можно сказать, что в число наших контрпретензией мы включаем расходы, вызванные тем, что эти державы не исполнили своего первоначального обязательства – собрать конференцию в назначенный срок»[2411].

Если учесть, что конференция в Генуе была посвящена восстановлению экономики и российская делегация ехала туда в надежде привлечь иностранные инвестиции, на серьезный успех при подобной жесткости рассчитывать не приходилось. Чичерин и его команда из 60 дипломатов и экспертов отправлялись в дорогу без особой надежды на успех.

Остановить отступление

После заседания Политбюро 20 февраля собралась его де-факто руководящая тройка – Сталин, Каменев и Зиновьев. На следующее утро Ленин получил записку от Сталина: «Сегодня ночью беседовали (я, Каменев, Зиновьев) о делах в связи с подготовкой к съезду». Далее шел перечень возможных кадровых перестановок. Основное было в пункте 7: «Секретариат ЦК. Сталин, Молотов, Куйбышев. Заявить об этом на съезде и в отчете ЦК, чтобы авансом покрыть атаки против Секретариата (нынешнего)». Сталин также предлагал: «Меня освободить от Инспекции и иметь в виду, может быть, Владимирова (Украина) в качестве наркома РКИ»[2412]. Так впервые была высказана идея о продвижении Сталина к посту Генерального секретаря. Судя по последующим событиям, Ленин не только согласился с такой схемой, но и сам провел ее на XI съезде.

Видимо, после получения письма состоялся телефонный разговор, а еще вероятнее – Сталин и Каменев сразу же приехали в Костино, беседа была долгой, и во время этого разговора Ленин почувствовал себя плохо[2413]. Он пишет Каменеву и Сталину, которые извинялись, что утомили его: «О вашей вине или чем бы то ни было подобном, в связи с длинным разговором, смешно и говорить. В моей болезни *никаких* объективных признаков нет (сегодня после прекрасной ночи совсем болен), и мои силы мог предположительно оценивать только я. Причиной был я же, ибо вы меня неоднократно спрашивали, не утомился ли я». О чем говорили – неизвестно, но, судя по всему, разговор был серьезным, и Ленину уже не терпелось вернуться в Кремль. 27 февраля он извещает Цюрупу: «В среду буду в Москве. Нам нужно будет увидеться и утром и вечером, чтобы мы могли побеседовать с полчаса»[2414]. Среда – 1 марта.

Но полного выздоровления нет, по-прежнему случаются «головокружения». ПБ 2 марта по предложению Молотова постановило: «Продлить отпуск тов. Ленину до съезда партии». 3 марта Ленин писал Каменеву: «Вижу, что на съезде, вероятно, не смогу читать доклада. Ухудшение в болезни после трех месяцев лечения явное: меня “утешали” тем, что я преувеличиваю насчет аксельродовского состояния, и за умным занятием утешения и восклицания “преувеличиваете! мнительность!” – прозевали три месяца. По-российски, по-советски… Я попробую готовиться. Но готовьтесь и Вы. На съезде и пленуме ЦеКа важен и мой доклад. Очень боюсь, что ни там, ни здесь не смогу. *Пожалуй, доклад скорее,* ибо оказалось, что разговоров и

заседаний хуже не выношу, чем «*сказать раз в полгода*». Надо обдумать, как себя гарантировать от сюрпризов, как быть. Может быть, так: Вы приготовьте доклад, а я на случай вступление? Или предпочесть участие на пленуме и только это, а доклад мой вовсе выкинуть?… P. S. Имейте в виду, что обмен коротенькими записками (я извиняюсь очень, что сам пишу сегодня длинно) нервы выносят лучше разговоров (ибо я могу обдумать, отложить на час и т. д.). Оч[ень] прошу поэтому завести стенографистку и чаще посылать мне (перед Политбюро) записки в 5–10 строк. Я думаю час-два и отвечу»[2415].

Теперь Ленин был склонен, даже находясь в Кремле, подлечиться. 4 марта Гетье и Семашко организовали визит к нему крупнейшего невропатолога Ливерия Осиповича Даркшевича. Его первое впечатление – пациент в порядке. На вопрос, что его беспокоит, ответ:

– Я совсем стал не работник.

«Главное, что тяготит его, это невозможность для него за последнее время читать так, как он читал раньше, – записал Даркшевич. – Он прямо проглатывал книги… Невозможно для него и другое дело – принимать участие в бесчисленных заседаниях различных съездов… Не мало мешают ему еще сильные головные боли, которые возникают у него тотчас же, как только он проработает сколько-нибудь лишнее время. Тяготят также и бессонницы. Сон у него вообще плох, но за последнее время, когда ему приходится много работать, он совершенно иногда лишается сна». Даркшевич приходил к выводу: «Среди его жалоб нет ни одной, которая служила бы выражением органического заболевания головного мозга; наоборот, все то, что наблюдается у него, является следствием простого переутомления мозга». Ленин сильно забеспокоился, когда Даркшевич заговорил о его навязчивостях, но тот уверил, что они не приведут к сумасшествию. Пациент поинтересовался, не противопоказаны ли ему физические нагрузки? Даркшевич на миг задумался и спокойно произнес:

– Легкие домашние работы возможны. Конечно, нельзя колоть дрова и носить их на третий этаж, как заставили меня делать большевики. Ведь это абсурд – заставлять профессора таскать дрова.

Со смехом пришлось согласиться с Даркшевичем, который был старше Ленина более чем на 10 лет, что его идея загрузить всех представителей эксплуататорских классов общественно полезным физическим делом была полнейшим абсурдом (если бы единственным!).

Доктора рекомендовали, во-первых, переложить работу на

замов, которые «пусть держат в курсе общегосударственных дел, но без бумаг, которые проходят через канцелярию». Во-вторых, отказаться от участия в съездах и собраниях. В-третьих, жить вне Москвы. Ленин заговорил о предстоявших важных выступлениях. Даркшевич их допустил в порядке исключения, чтобы не подрывать уверенности в работоспособности. Похоже, Ленин опасался худшего диагноза, а потому после ухода докторов заметно повеселел [2416].

Коллеги Ленину в этот приезд не понравились. 6 марта он писал: «1) Обязать т. Каменева и Сталина исполнять работу Политбюро в течение четырех заседаний в неделю, начиная с понедельника и кончая четвергом, а в четверг вечером уезжать до понедельника утра… Ибо я совершенно уверен, что если не принять таких мер и притом немедленно, то мы работоспособности т. Сталина и Каменева к съезду партии не сохраним». Решение Политбюро на сей счет было принято голосами Ленина и Молотова, Троцкий и Каменев воздержались, а Сталин был против[2417].

Шестого марта Ленин появился на публике после долгого перерыва – на заседании коммунистический фракции всероссийского съезда металлистов. Дурмашкин наблюдал в Октябрьском зале Дома союзов: «Горячо встреченный коммунистической фракцией, Ленин выступил с большой речью о международном и внутреннем положении Советской республики. Говорил он с маленькой сцены – помоста, к которому вплотную почти подходили ряды сидящих, и это, видимо, было ему по душе. У ВИ не было ни конспекта, ни какой-либо записки в руке. Он весь был в движении: то делал несколько шагов в сторону, то останавливался, то откидывался назад, держась пальцами за верхние карманы жилета, то подавался всем корпусом вперед, почти повисая над самым краем сцены, как бы стремясь еще больше приблизиться к аудитории. Главным содержанием доклада Ленина было: наше отношение к Генуэзской конференции»[2418].

– Мы прекрасно понимали и нисколько не скрывали, – объяснял он, – что идем на нее как купцы, потому что нам торговля с капиталистическими странами (пока они еще не совсем развалились) безусловно необходима, и что мы идем туда для того, чтобы наиболее правильно и наиболее выгодно обсудить политически подходящие условия этой торговли, и только. Рассчитываю лично поговорить с Ллойд Джорджем в Генуе на эти темы и сказать ему, что *пугать нас пустячками не следует*, ибо от этого только потеряют престиж те, кто пугает. Я надеюсь, что этому не помешает моя болезнь, которая несколько

месяцев не дает мне возможности непосредственно участвовать в политических делах и вовсе не позволяет мне исполнять советскую должность, на которую я поставлен. Я имею основание рассчитывать, что через несколько недель я смогу вернуться к своей непосредственной работе.

Призвал крепить обороноспособность. И провозгласил бурно поддержанную собравшимися остановку отступления в нэпе:

– Я надеюсь и уверен, что и съезд партии скажет это официально от имени руководящей партии России: *наше экономическое отступление мы теперь можем остановить. Достаточно. Дальше назад мы не пойдем*, а займемся тем, чтобы правильно развернуть и группировать силы.

Пообещал усиление террора в отношении противников режима:

– Вы вызвали нас на борьбу в самой отчаянной форме в октябре, в ответ на это мы выдвинули террор и тройной террор, *а если потребуется, выдвинем и еще, если вы попробуете еще раз.*

Обрушился на партийный аппарат, заявив, что «*старый Обломов остался и надо его долго мыть, чистить, трепать и драть, чтобы какой-нибудь толк вышел*…».

И в тот же день Ленин исчез из Москвы, причем еще более засекретив свое место пребывания. Письмо Молотову: «Если я буду Вам нужен, очень прошу, не стесняясь, вызвать. Есть телефон (знают и телефонистки коммутатора III этажа и Фотиева); можно послать бумаги через Фотиеву. *Могу вполне и приехать*: я езжу охотно, это менее часа». И сообщал Троцкому: «Мы конспирируем от всех (даже от Гетье) мое местопребывание. Я-де в Горках»[2419]. На самом деле Ленин уединился в усадьбе Корзинкино, недалеко от села Троицкое-Лыково Московского уезда. Сейчас это Строгино, рядом с Серебряным Бором.

Почему такая секретность? Крупская объясняла: «ГПУ считало, что жить в Горках в то время было опасно, они напали на белогвардейские следы, и потому его устроили в Корзинкине – старом помещичьем доме. Дом был нелепый. Внутри большой темный зал, вышиной в два этажа. Во втором этаже в этот зал выходила открытая галерея, из которой шли двери в комнаты. В комнатах на стенах висели портреты Л. Толстого и была уймища каких-то сонных мух, которых надо было вытравлять. Я тоже на недельку приехала к Ильичу»[2420].

Теперь Ленин не скрывал болезнь даже от людей, весьма далеких от высшего руководства. «Я болен, – писал он Варге 8 марта. – Совершенно *не в состоянии* взять на себя какую-либо работу». «Я по болезни не работаю и еще довольно долго работать не буду», – Адоратскому 6 апреля. Варге 10 апреля: «К сожалению,

я все еще болен и неработоспособен»[2421].

Ленин обещал в первый номер журнала «Под знаменем марксизма» статью на воспитательную тему и решил посвятить ее антирелигиозной пропаганде, а потому, как рассказывала супруга, «мы много разговаривали с Ильичем на антирелигиозные темы. Приближалась весна, набухали почки, мы с Ильичем ходили далеко в лес по насту. Снег размяк, но сверху покрылся ледяной коркой, можно было идти, не проваливаясь. Ильич говорил тогда о Древсе, о Синклере, о том, как вредна поверхностная, наскокистая антирелигиозная пропаганда, всякая вульгаризация»[2422].

Лениным овладели давно его не посещавшие мысли о воинствующем материализме (со времен «Материализма и эмпириокритицизма»), и он сел писать статью, направленную против всей непролетарской философии. Оттолкнулся от мысли соратника Маркса Иосифа Дицгена о том, что «профессора философии в современном обществе представляют из себя в большинстве случаев на деле не что иное, как “дипломированных лакеев поповщины”». А так называемая «современная демократия» «представляет из себя не что иное, как свободу проповедовать то, что буржуазии выгодно проповедовать, а выгодно ей проповедовать самые реакционные идеи, религию, мракобесие, защиту эксплуататоров».

Если на Пасху 1921 года Ленин призывал «*избегать, безусловно, всякого оскорбления религии*»[2423], то на Пасху 1922 года он добивался изъятия церковных ценностей: в родившейся в Корзинкине статье «О значении воинствующего материализма» объявил борьбу с религией работой всех государственных учреждений. Голод дал Ленину предлог открыть новую страницу во взаимоотношениях церкви и государства: провести конфискацию ценностей во всех церквах, монастырях, архиерейских домах, параллельно используя неизбежный протест верующих для разгрома РПЦ.

Идея, судя по всему, родилась в голове Троцкого, который затем и возглавил антицерковный поход, действуя по указанию Ленина исключительно из-за кулис, дабы не давать своей национальной принадлежностью дополнительные основания для ярости православных. «В числе десятка других работ, которыми я руководил в партийном порядке, т. е. негласно и неофициально, была антирелигиозная пропаганда, которою Ленин интересовался чрезвычайно, – рассказывал Троцкий. – Он настойчиво и не раз просил меня не спускать с этой области глаз»[2424].

Политбюро приняло соответствующее решение, которое 23 февраля было оформлено декретом ВЦИК об изъятии церковных

ценностей. Патриарх 28 февраля отреагировал посланием к пастве, в котором, напомнив об уже собранных Церковью и переданных в помощь голодающим средствах, заявил о недопустимости изъятия священных предметов, «употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается ею как святотатство – миряне отлучением от нее, священнослужители – извержением из сана»[2425]. Сопротивление церкви только раззадорило наступавшую сторону.

Троцкий переживал. «В.И., из церквей изъято фактически ничего… Воспользовавшись растяпанностью наших действий, патриарх выпустил контрреволюционное воззвание, с ссылками на постановления соборов и пр. Изъятие ценностей будет произведено, примерно, к моменту партийного съезда (XI-го. – *В.Н.*). Если в Москве пройдет хорошо, то в провинции вопрос решится сам собой»[2426]. Ленин отреагировал телефонограммой Молотову: «Немедленно пошлите от имени Цека шифрованную телеграмму всем губкомам о том, чтобы делегаты на партийный съезд привезли с собой возможно более подробные данные и материалы об имеющихся в церквах и монастырях ценностях и о ходе работ по изъятию их»[2427].

Необходимость «отчитаться» о предсъездовской антицерковной вахте активизировала региональные парторганизации, что, в свою очередь, сильно обеспокоило верующих. Далеко идущие последствия имели события в уездной Шуе. Возбужденная толпа ее обитателей 15 марта оказала сопротивление изъятию церковных ценностей. Были вызваны войска, четверо человек было убито, 10 – ранено. События в Шуе вряд ли заслужили бы особого упоминания – столкновения и жертвы были и в других местах, – если бы по их следам Ленин не направил Молотову «строго секретное» письмо: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления… Поэтому я прихожу в безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий… Официально выступить с какими-то ни было мероприятиями должен только тов. Калинин, – никогда и ни в коем случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий… Изъятие ценностей, в особенности, самых богатых

лавр, монастырей и церквей, должно быть проведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем больше число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше». И чтобы у соратников не оставалось сомнений (за два дня до этого Политбюро сочло необходимым отложить реквизиции из-за их неподготовленности), Ленин преподал урок политической философии от Макиавелли: «Один умный писатель по государственным вопросам справедливо сказал, что если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый кратчайший срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут»[2428].

Письмо Ленина рассматривалось в Политбюро в его отсутствие. Молотов стоял за ограниченный масштаб реквизиций, за что ПБ специальным постановлением осудило его мягкость и гнилой либерализм[2429]. Было принято подготовленное Лениным и Троцким жесткое решение, где поручалось развернуть широчайшую агитацию, внести раскол в церковь и провести кампанию в кратчайшие сроки.

Ленин задумал после массового разорения церквей поставить на поток продажу культурных ценностей за рубеж. Красин получил соответствующее указание, но 10 марта сообщал, что «всюду кризис, буржуазия в угнетенном состоянии», продать за нормальную цену невозможно. Советовал создать совместный синдикат с какой-нибудь крупной западной фирмой. Ленин прочел ответ и написал Троцкому: «Не провести ли директивы в Политбюро? (Сведения насчет числа «очищенных» церквей, надеюсь, заказали?)». Тот 12 марта доложил свои соображения: «Совершенно ясно, что “мимоходом” нельзя вести торговлю на сотни миллионов. Предлагаю, что придется послать за границу спецов Фаберже и Моисеева для выяснения условий рынка, заинтересовав их в прибыли»[2430]. Комиссия по реализации ценностей, заседавшая под председательством Троцкого, 22 марта проголосовала за выход с изъятыми ценностями на мировой рынок. Продажу должна была наладить советская делегация на Генуэзской конференции.

Несмотря на поток обращений прихожан в Кремль с просьбой выкупить ценности продуктами или деньгами, на призывы Главмузея не трогать хотя бы наиболее значимые памятники культуры, на предложения Римского Папы оптом выкупить все ценности сразу и тем самым остановить конфискации, Кремль

ввел в действие армию, спецвойска ГПУ, курсантов. Кровь полилась повсеместно. Только за первые три месяца реквизиций было зарегистрировано 1441 столкновение с войсками. Одновременно начались аресты сторонников Тихона среди духовенства и активная поддержка его противников из рядов «обновленцев».

Духовным, а затем и официальным лидером обновленческого движения оказался петроградский священник Александр Введенский, удивительно сочетавший в себе глубокую и романтическую веру с цинизмом и жизнелюбием. Когда в начале мая в московском Политехническом музее шел процесс над большой группой священников близких к Патриарху, а сам Тихон был взят под домашний арест на Троицком подворье, Введенский (по согласованию с Зиновьевым и отделом ГПУ по церковным делам) с группой коллег выехал в столицу. Патриарха выселили в Донской монастырь, восемьдесят архиереев, известных лояльностью Тихону, были «извергнуты» из сана. «Обновленческой и живой церкви» было предано большинство действующих церквей.

Обновленцы выступили и главными свидетелями на первом судебном процессе над священнослужителями, который стартовал в Москве 26 апреля, где 54 человека обвинялись в контрреволюционном заговоре, организованном совместно с эмигрантскими монархическими кругами. Приговор утверждался в Политбюро. Суды над священниками прошли также и в других городах, было рассмотрено 250 уголовных дел о сопротивлении властям. А что касается помощи голодающим, то гора родила мышь. Стоимость всех собранных и учтенных ценностей составила лишь 4,6 млн золотых рублей. (Сопоставимо с суммами, которые ежегодно выделялись на помощь мировому комдвижению). Но продать их не смогли. Полагаю, стоимость ценностей неучтенных и сворованных была на порядки больше.

Взялся Ленин и за интеллигенцию, которая с начала нэпа почему-то ожидала интеллектуальной свободы. В стране продолжалась «издательская горячка». До августа 1922 года, когда отыграли назад, только в Москве было выдано разрешение на создание 337 издательств. Появились новые журналы – «Голос минувшего», «Летопись дома литераторов», «Мысль», «Россия», «Новая Россия», «Утренники», «Экономист», «Экономическое возрождение», – вокруг которых закружилась сохранившаяся интеллигенция. Причем, ГПУ уже отмечала, что народные социалисты кучковались вокруг издательства «Задруга», кадеты и правые эсеры – вокруг «Берега», меньшевики – вокруг издательства «Книга». На съездах агрономов или врачей активно

стали подниматься вопросы общественной жизни, причем далеко не большевиками, которых среди видных агрономов или врачей было совсем немного.

Появления в прессе антибольшевистских материалов подвигло власти к цензуре. Следует заметить, что цензурная политика первых лет нэпа была относительно мягкой. Еще в феврале 1922 года Политбюро указывало политотделу Госиздата «на необходимость воздерживаться от вмешательства цензуры в вопросы, непосредственно не направленные против основ политики Советской власти (вопросы культуры, театра, поэзии и проч.)»[2431]. Однако уже к лету по настоянию Ленина политика начинает кардинально меняться. 19 мая он пишет Дзержинскому: «обязать членов Политбюро уделять 2–3 часа в неделю на просмотр ряда изданий и книг, *проверяя* исполнение, *требуя письменных отзывов*…»[2432] Очевидно, усердие коллег по ПБ на этом направлении Ильича не удовлетворило, поэтому последовали шаги куда более решительные. 6 июня при наркомпросе было создано Главное управление по делам литературы и издательства, или, в обиходе, Главлит. Он осуществлял предварительную цензуру всех публикаций (кроме партийных, коминтерновских и Академии наук), живописного материала, составлял списки запрещенной литературы. Секретным циркуляром Политбюро и Оргбюро запрещалось ввозить в страну книги «идеалистического, религиозного и антинаучного содержания», а также иностранные газеты и «русскую белогвардейскую литературу»[2433]. На членов руководства это ограничение не распространялось. Запрещенную литературу они не только получали, многие значимые вещи для них специально переводили. Число книг, запрещенных Главлитом в 1922 году, было относительно небольшим – 3,8 %. Но это мало о чем говорит, поскольку авторы не представляли на цензуру произведения заведомо не проходные. Вскоре при Главлите появится Главрепертком, который должен был следить, чтобы антисоветская пропаганда не нашла себе дорогу на сцену театров, киноэкраны, концертные подмостки или в граммофонные пластинки.

При этом создавалась собственная газетная империя партии, которая к XII съезду насчитывала 528 наименований с тиражом до 2 млн экземпляров.

Ленин и сам был строгим цензором. Его бурную ярость вызвало появление достаточно безобидного сборника статей ведущих русских философов – Бердяева, Степуна, Франка – «Освальд Шпенглер и закат Европы». Книгу Ильич назвал «литературным прикрытием белогвардейской организации». В

начале мая он сделал свои претензии к ведущим российским мыслителям, ранее высказывавшиеся в узком партийном кругу, достоянием общественности. В статье, приуроченной к 10-летию «Правды», разгромной критике были подвергнуты «Шпенглеры и все способные восторгаться (или хотя бы заниматься) им образованные мещане», «извините за выражение, “шпенглерята”». Столь же убийственной оценки – «орган современных крепостников», «явный центр белогвардейцев» – был удостоен журнал «Экономист», издававшийся в Питере Русским техническим обществом.

Особого внимания Ленина удостоились «социологические изыскания некоего Питирима Сорокина, которого возмущает половая распущенность и скачкообразный рост числа разводов. Подобные господа являются на самом деле «крепостниками, реакционерами, “дипломированными лакеями поповщины”… На самом деле, именно большевистская революция является единственной последовательно демократической революцией в отношении к таким вопросам, как брак, развод и положение внебрачных детей». Статью про воинствующий материализм Ленин писал ради вывода о том, что рабочий класс еще не научился пользоваться своей властью, иначе бы он «подобных преподавателей и членов научных обществ давно бы вежливенько препроводил в страны буржуазной “демократии”. Там подобным крепостникам самое настоящее место».

А конфиденциально Ленин 19 мая попросил Дзержинского: «К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции. Надо это подготовить тщательнее. Без подготовки мы наглупим…» И возвращался к авторам «Экономиста»: «Это, я думаю, *почти все* – законнейшие кандидаты на высылку за границу. Все это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих “военных шпионов” изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу».

«Философские пароходы» встали на разогрев.

Затем ленинский гнев обрушился на руководство московской парторганизации, которая мешала работе комиссии СНК, вскрывшей злоупотребления в выделении жилплощади в столице. Записка Молотову для членов ПБ 18 марта: «Московский комитет (и т. Зеленский в том числе) уже не впервый раз *послабляет* преступникам-коммунистам, коих надо вешать». Предлагал публично объявить выговор членам МК и оповестить наркомюст, что «коммунистов суды обязаны карать *строже*, чем некоммунистов»[2434].

В середине марта пришло сообщение от Крестинского, что он выезжает из Берлина вместе с лучшими профессорами-неврологами – Георгом Клемперером и Отфридом Ферстером, привлеченными щедрыми гонорарами. Ленин настаивал на том, что раз уж они приезжают, то пусть проверят не только его, но и других. «В список этот очевидно должны будут войти товарищи Чичерин, Осинский, Троцкий, Каменев, Сталин, Брюханов и несомненно целый ряд других»[2435]. Так и поступили.

25 марта Ленин вернулся из Корзинкино в Кремль, где его и осмотрели немецкие врачи. Мария Ильинична свидетельствовала, что они «не нашли, как и русские врачи, у ВИ ничего, кроме сильного переутомления. Они констатировали “возбудимость и слабость нервной системы, проявляющуюся в головных болях, бессоннице, легкой физической и умственной утомляемости и склонности к ипохондрическому настроению…” Ферстер и Клемперер предписали ВИ длительный отдых (месяца три) вне Москвы, временное удаление от всяких дел»[2436]. Рекомендовали горы, но не выше 700–1000 метров.

Пока же Ленин все-таки нашел в себе силы заняться работами XI съезда партии. В Корзинкине Ленин готовил доклад на съезд. Переделывал и переписывал его 4 раза. Однако не был уверен, что у него хватит сил выступить. Вечером 21 марта он послал телефонограмму Каменеву: «Я сегодня чувствовал себя значительно лучше обычного и потому мог систематически подобрать и рассмотреть весь материал к моему докладу. Вывод получается тот, что материал этот непомерно скуден. Поэтому прошу Вас освободить для себя вечер завтра полностью, чтобы иметь по крайней мере один свободный час для подготовки Вашего дополнительного доклада на ту тему, о которой мы говорили».

Так он и сделал, направив план доклада для его утверждения на пленуме ЦК: «Если потребуется моя явка на пленум для объяснений по поводу нижеприведенного плана доклада, я безусловно могу явиться и явлюсь часа через 2–3 после вызова». Ленин просил «пленум ЦК назначить дополнительного докладчика от ЦК, ибо мой доклад слишком общ, затем я не абсолютно уверен, что смогу его сделать, а главное – от текущей работы Политбюро уже месяцами отстал». Пленум ЦК 25 марта одобрил план доклада и утвердил – на всякий случай – дополнительным докладчиком по политическому отчету Каменева. Но запасной докладчик не потребовался.

Появившись в Москве уже на следующий день, Ленин возмущался решением прошедшего накануне пленума,

установившего слишком маленький кандидатский стаж при приеме в партию. И делал вывод о необходимости крепить элитное единство: «Если не закрывать себе глаза на действительность, то надо признать, что в настоящее время пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него»[2437].

В Москву съезжались делегаты XI съезда. Рассказывал Митрофанов, в то время работавший секретарем Нижегородского губкома РКСМ. Селили в 3 Дом Советов (сейчас там, на Делегатской, Музей декоративно-прикладного искусства). «После санобработки (борьба со злейшим врагом революции – сыпным тифом – все еще продолжалась) мы разместились в общежитии. В отведенной нам комнате стояло примерно 50 железных кроватей. Мандатная комиссия съезда работала здесь же, и примерно через час мы получили делегатские билеты, а вместе с ними и карточки на трехразовое питание в столовой, помещавшейся в нижнем этаже общежития… Трамваи в Москве весной 1922 года ходили плохо. Поэтому на заседания съезда в Кремль мы обычно отправлялись пешком, по Петровке. Пройдя в Кремль через Спасские ворота узкой тропкой, протоптанной в снежных сугробах мимо низких келий древнего Чудова монастыря, мы попадали в здание Совнаркома, в Свердловский зал, где проходила работа съезда. Регламент работы съезда был весьма напряженным: заседания начинались в 10 часов утра и продолжались до 10 часов вечера с перерывом с 3 до 6 часов дня».

На XI съезде партии Ленин – 27 марта – последний раз делал политический отчет ЦК. «ВИ быстро вышел из-за стола президиума, держа в руке несколько исписанных листков – план доклада, утвержденный ЦК. Как только овации стихли, он спокойно начал доклад, продолжавшийся около двух часов. Перед Лениным не было трибуны. Он стоял перед делегатами на сцене и говорил совершенно свободно, лишь изредка заглядывал в конспект»[2438]. Готового текста явно не было. Речь крайне путаная, со множеством повторов, нервная. Выловим смыслы. Вновь начал с Генуи:

– Понятно, что в Геную мы идем не как коммунисты, а как купцы.

О достижениях говорил весьма скупо:

– Если какое-нибудь крупное, серьезное и неотъемлемое завоевание мы за этот год сделали (это еще не так для меня

несомненно), то только в том, чтобы научиться чему-нибудь из начала этой новой экономической политики.

Объявил, что назовет три важнейших урока и компонента нэпа:

– Во-первых, прежде всего важна нам новая экономическая политика как проверка того, что мы действительно достигаем смычки с крестьянской экономикой… Второй, более частный, урок – это проверка соревнованием государственных и капиталистических предприятий… Вот первый урок, первая главная часть политического доклада ЦК. Мы хозяйничать не умеем. Это за год доказано… К сожалению, по ряду причин, в значительной степени по болезни, этой части доклада я не мог разработать и только должен ограничиться выражением своего убеждения, основанного на наблюдении того, что происходит.

Далее Ленин жестко громил коммунистов за неумение работать:

– Везде в государственных трестах и смешанных обществах ответственные и лучшие коммунисты, – толку от этого нет никакого, потому что они не умеют хозяйничать и в этом смысле они хуже рядового капиталистического приказчика, прошедшего школу крупной фабрики и крупной фирмы.

Затем вспомнил, что не назвал третий урок.

– А третий, дополнительный, это по вопросу о государственном капитализме. Жаль, что на съезде нет тов. Бухарина, хотелось бы мне с ним немного поспорить, но лучше отложу до следующего съезда… Мы впадаем в интеллигентщину, в либерализм, мудрим насчет того, как понимать государственный капитализм и заглядываем в старые книги… Государственный капитализм, это тот капитализм, который мы сумеем ограничить, пределы которого мы сумеем установить, этот государственный капитализм связан с государством, а государство это – рабочие, это – передовая часть рабочих, это – авангард, это – мы.

Бухарин, который в тот момент лечился в Германии, благополучно избежит публичных теоретических споров с главой правительства еще и по этому вопросу. После Ленин перешел к теме остановки отступления и завершения дальнейшей экономической либерализации, озвученной на съезде металлистов.

– Я не встретил с тех пор никаких возражений – ни в партийной прессе, ни в частных письмах товарищей, ни в Центральном Комитете. Центральный Комитет мой план одобрил, а состоял этот план в том, чтобы и в докладе от имени Центрального Комитета на настоящем съезде эту остановку

отступления со всей энергией подчеркнуть и просить съезд дать соответствующую директиву уже от имени всей партии, уже как обязательную. Мы год отступали. Мы должны теперь сказать от имени партии: достаточно! Та цель, которая отступлением преследовалась, достигнута. Этот период кончается или кончился.

Критикам политики партии и поборникам идейной либерализации Ленин пообещал усиление репрессий:

– И меньшевики и эсеры, которые такие вещи проповедуют, удивляются, когда мы говорим, что мы за такие вещи будем расстреливать. Они изумляются, а ведь вопрос ясен: когда армия отступает, то тут нужна дисциплина в сто раз большая, чем при наступлении… Когда происходит такое отступление с настоящей армией, ставят пулеметы и тогда, когда правильное отступление переходит в беспорядочное, командуют: «Стреляй». И правильно.

Затем продолжил ругать коммунистов:

– Сплошь и рядом буржуазные деятели знают дело лучше, чем наши лучшие коммунисты, имеющие всю власть, все возможности и ни одного шага не умеющие делать со своими правами и со своей властью… Из сотни комитетов нашей партии и пять комитетов не сумеют показать практически свои результаты.

Пожаловался и на то, как функционировали высшие властные инстанции:

– У нас создалось неправильное отношение между партией и советскими учреждениями… Поэтому из Совнаркома тащат все в Политбюро. Тут была также моя вина, так как многое по связи между Совнаркомом и Политбюро держалось персонально мною. А когда мне пришлось уйти, то оказалось, что два колеса не действуют сразу, пришлось вести тройную работу Каменеву, чтобы поддерживать эти связи. Так как в ближайшее время мне едва ли придется вернуться к работе, то все надежды переносятся на то, что теперь имеются еще два заместителя – т. Цюрупа, который немцами очищен, и т. Рыков, который ими совсем великолепно очищен… У нас 18 наркоматов, из них не менее 15 – никуда не годны, – найти везде хороших наркомов нельзя… На днях была произведена чистка комиссий. Насчитали 120 комиссий. А сколько оказалось необходимыми? 16 комиссий. И это только первая чистка[2439].

Путаные и взвинченные речи Ленина на XI съезде встретили восторженный прием в зале. Впервые Ленина никто на партийном форуме серьезно не критиковал. Левые были обезоружены и дружно – Троцкий, Осинский, Милютин, Шляпников, Ларин, Ломов, Рязанов – пели дифирамбы Ленину. Не было ни одного

голоса против «остановки отступления».

Оппозиция атаковала не Ленина, а партию, то есть Оргбюро (Сталина) и Секретариат (Молотова). Троцкий, Преображенский и Осинский, обрушивались на систему управления страной и роль партаппарата.

– Резолюции X съезда ЦК в жизнь не проводились: система управления нашей партией осталась той же приказной и до известной степени военной, какой она была во время периода войны… Партия *правящая* не значит вовсе партия, *непосредственно управляющая* всеми деталями дела».

Ленин, не вступая прямо в полемику с Троцким, ограничился замечанием:

– Улучшение системы управления?! Дай бог подойти к тому, чтобы выйти из той сутолоки, которая существует. Мы системы не имеем?! 5 лет лучшие силы уходили на то, чтобы создать эту систему! Эта система есть величайший шаг вперед»[2440].

Размежевать партийный и государственный аппараты? Ленин – в заключительном слове по политическому докладу – в принципе не возражал. Но при этом жестко брал под защиту Сталина, которого намеревался предложить на руководство (естественно, под ленинским началом) партией:

– Вот Преображенский здесь легко бросал, что Сталин в двух комиссариатах. А кто не грешен из нас? Кто не брал несколько обязанностей стразу? Да и как можно делать иначе? Что мы можем сейчас сделать, чтобы было обеспечено существующее положение в Наркомнаце, чтобы разбираться со всеми туркестанскими, кавказскими и прочими вопросами? Ведь это все политические вопросы… Я думаю, и Преображенский не мог бы назвать другой кандидатуры, кроме товарища Сталина. То же относительно Рабкрина. Дело гигантское. Но для того, чтобы уметь обращаться с проверкой, нужно, чтобы во главе стоял человек с авторитетом, иначе мы погрязнем, потонем в мелких интригах… Хотя мы и делаем ошибки, перебрасывая тех или иных людей, но все же я позволю себе думать, что Политбюро ЦК за все время его работы сделало минимум ошибок[2441].

Молотов утверждал, что и на XI съезде Ленин, как и на X, конспиративно готовил выборы ЦК. Результатом был список десяти предполагаемых членов ЦК, а против фамилии Сталина рукой Старика было написано: «Генеральный секретарь»[2442]. Действительно, при выборах нового ЦК большинство голосов получили именно те 27 человек, которых Ленин и предложил. И действительно, в проекте состава Центрального Комитета после фамилий Молотова и Куйбышева в скобках было написано «секретарь». А после фамилии Сталина – «Генеральный

секретарь». Причем не во всех бюллетенях. Каменев разъяснил, что указание в некоторых бюллетенях на должности секретарей является лишь пожеланием некоторой части делегатов и не может стеснять пленум при выборе Секретариата[2443].

Кадровые решения съезда были закреплены 3 апреля на пленуме ЦК. В полноправные члены Политбюро добавились Томский и Рыков. На пост Генсека Каменевым была предложена одна кандидатура – Сталина, – не встретившая никаких возражений. Ленин сам написал проект постановления пленума об организации работы секретарей, где настоял: «Товарищу Сталину поручается немедленно приискать себе заместителей и помощников, избавляющих его от работы (за исключением принципиального руководства) в советских учреждениях»[2444]. 25 апреля Сталин постановлением СНК перестал быть наркомом Рабкрина.

В версиях того, почему состоялось это историческое назначение Сталина, Троцкий утверждал, что Сталина в Генсеки продвинул Зиновьев вопреки воле Ленина. Старик «не принял боя», «не довел сопротивления кандидатуре Сталина до конца», поскольку пост Генерального секретаря «имел в тех условиях совершенно подчиненное значение», и «пока оставалось у власти старое Политбюро, Генеральный секретарь мог быть только подчиненной фигурой»[2445]. Бажанов, хорошо осведомленный во внутрипартийных интригах, частично подтверждая версию Троцкого, рассматривал назначение Сталина в контексте начинавшегося создания антитроцкистской «тройки» – триумвирата Зиновьева, Каменева и Сталина, – которая будет руководить страной при больном Ленине и сразу после его смерти. «Расчет Зиновьева: нужно сбросить Троцкого, а Сталин – явный и жестокий враг Троцкого. Зиновьев и Каменев предпочитают Сталина…»[2446]

Такой вариант трудно себе представить, зная склонность Ленина лично решать кадровые вопросы, тем более – ключевые. Молотова даже смешила сама мысль, что кто-нибудь другой при Ленине мог решить столь важный вопрос или навязать ему такое решение. Ленин, вероятно, в глубине души Сталина недолюбливал как аристократ и интеллектуал – не слишком образованного выскочку из плебса, но, тем не менее, действительно считал его крупнейшей фигурой. Этого не отрицал даже Троцкий. «Я заметил вскоре, что Ленин “выдвигает” Сталина… Ленин, несомненно, высоко ценил в Сталине некоторые черты: твердость, цепкость, настойчивость, упорство, хитрость и даже беспощадность как необходимые качества в борьбе, – подтверждал Троцкий, но тут же оговаривался. –

Самостоятельности идей, политической инициативы, творческого воображения он от него не ждал и не требовал. Ценность Сталина в глазах Ленина почти исчерпывалась в области администрирования и аппаратного маневрирования»[2447].

Нельзя исключать, что спешить с введением поста Генсека, Ленина – фактического председателя партии – заставляло и состояние его здоровья. Выпав из ежедневной работы, он предпочел назначить себе «заместителя по партии», как он завел замов в Совнаркоме. «Сталин был самым логичным человеком для этой работы. Он всегда был абсолютно лоялен Ленину, – замечал Адам Улам. – Он безропотно тянул любые повешенные на него административные обязанности. Ни один из членов Политбюро не жаждал должности с прозаическим названием “секретарь” и с массой бумажной работы, постоянными беседами с провинциальными чинами и им подобными»[2448]. Кроме того, Сталин (не смейтесь!) пользовался в это время в партийной верхушке репутацией толерантного, спокойного, уравновешенного, скромного человека, равнодушного к власти и ее медным трубам.

XI съезд внес вклад и в мировое комдвижение, приняв предложенную Лениным резолюцию о Коминтерне: «Цель и смысл тактики единого фронта состоит в том, чтобы втянуть в борьбу против капитала более и более широкую массу рабочих, не останавливаясь перед повторными обращениями с предложением вести совместно такую борьбу даже с вождями II и II½ Интернационалов…»[2449]

Конгресс 3-х Интернационалов прошел в Берлине со 2 по 5 апреля, Коминтерн на ней представляли Бухарин, Радек и Клара Цеткин. Как ни странно, удалось выработать довольно приличную с точки зрения Москвы декларацию, в которой признавались возможными совместные выступления трех Интернационалов по конкретным вопросам, звучал призыв к массовым демонстрациям в дни Генуэзской конференции в защиту социальных прав трудящихся и в поддержку Советской России и ее международного признания, к помощи голодающим Поволжья, создания единого пролетарского фронта в национальном и международном масштабах. Было решено созвать всемирный социалистический конгресс, для чего была создана организационная комиссия девяти – по три представителя от каждого Интернационала.

Вместе с тем, коминтерновцы жестко отбивались от требований своих коллег-противников из двух других Интернационалов предоставить независимость Грузии, отказаться от создания коммунистических ячеек в массовых рабочих

организациях, освободить политических заключенных. Но согласились на определенные уступки: обещали не применять смертной казни по результатам эсеровских процессов, разрешить присутствовать на них наблюдателей от двух других Интернационалов[2450]. Ленин был взбешен подобным соглашательством. Он надиктовывал статью под названием «Мы заплатили слишком дорого», где возмущался: «…Согласится ли английское или другое современное правительство на то, чтобы представители трех Интернационалов присутствовали на процессе по обвинению ирландских рабочих в восстании? или на процессе по обвинению в недавнем восстании рабочих Южной Африки? Согласится ли в этих и подобных случаях английское или другое правительство на то, чтобы им было дано обещание не применять к его политическим противникам смертной казни?… В данном случае Коминтерн, представляющий одну сторону в этой борьбе, делает политическую уступку другой стороне – реакционной буржуазии»[2451]. Гарантии сохранения жизни эсерам были дезавуированы, но им было разрешено воспользоваться помощью защитников из-за рубежа.

Единение с другими социалистами оказалось хрупким. 21 мая ряд крупных партий II и II½ Интернационалов выступили с идеей проведения в Гааге всемирного социалистического конгресса – без коммунистов. В этой связи 23 мая делегация Коминтерна заявила о выходе из комиссии девяти. После вынесения в Москве приговора эсерам диалог прекратился окончательно. Идея единого фронта была похоронена до того момента, когда будет уже поздно – до момента прихода к власти фашистов в Германии.

Закончился XI съезд, начиналась Генуэзская конференция. Чичерин вспоминал: «Когда перед нашим отъездом в Геную мы обсуждали текст нашего выступления при открытии конференции и когда при этом предлагались обличительные фразы в духе наших прежних выступлений, ВИ написал приблизительно так: “Не надо страшных слов”»[2452].

Сначала путь делегации лежал в Ригу, где были достигнуты договоренности о согласовании действий в Генуе с Польшей, Эстонией и Латвией. Затем в Берлин, где Чичерин намеревался перед общеевропейским форумом создать прецедент заключения договора хотя бы с одной из европейских стран на основе отказа от всяких взаимных претензий. Переговоры с рейхсканцлером Карлом Йозефом Виртом и министром иностранных дел Вальтером Ратенау привели к подготовке текста договора, но он так и не был подписан. Ратенау – западник, философ и бизнесмен

– надеялся на то, что в Генуе будет урегулирован самый болезненный для Берлина вопрос – о репарациях – и страна вернется на международную арену, а потому сильно опасался, как бы подписание договора с Советами накануне конференции не привело к исключению Германии из числа ее участников. Но неподписанный договор остался у Чичерина в портфеле, с которым он приехал в Геную шестого апреля.

«Большевики были, что называется, *talk of the town*; но странным образом особый ажиотаж вызывали не сами члены делегации, а три пломбированных контейнера. Полицейские прямо и косвенно осведомлялись о их содержимом, репортеры фотографировали ящики с таким энтузиазмом, будто им показали саркофаг Тутанхамона или Ковчег завета… Чичерин распорядился раскупорить самый большой контейнер на глазах у зевак… Когда лязгнула, наконец, поддетая монтировкой крышка и луч апрельского солнца ударил в передвижную библиотеку Наркоминдела… – толпа разочарованно ахнула: «А… Ленин?»[2453]

«Город, посвятивший себя миру, был, казалось, на осадном положении, – вспоминал Эдуард Эррио, будущий премьер-министр и министр многих французских кабинетов. – Карабинеры охраняли двери отелей и выходы из тупиков, из глубины которых кротко смотрели мадонны с руками, полными свежих цветов. Крохотные садики, поднятые итальянской изобретательностью почти на все этажи, сникли; неумолимый ливень обрывал листья камелий и орошал слезами склоненные колокольчики лилий. На конференции так же, как и в природе, разразилась гроза»[2454]. Чичерин выступал 10 апреля на прекрасном французском и сам же себя переводил на английский. Он признал возможность «параллельного существования старого и нарождающегося нового социального строя», для чего необходимо упрочение мира с помощью разоружения, а также, по сути, предложил альтернативу Лиге Наций в виде Всемирного конгресса, включавшего в себя представителей не только ведущих стран, но и колониальных народов, рабочих организаций. Позицию российской делегации по вопросу возобновления экономического сотрудничества сам Чичерин суммировал следующим образом: «*Сделка, но не кабала*».

Конкретные условия возобновления сотрудничества обсуждались в кулуарах, в основном на вилле «Альбертис», где остановился Ллойд Джордж, претендовавший на роль первого среди равных. «Российская делегация подверглась всем утонченнейшим приемам зазывания и кокетничанья; как в известной притче сатана обещал Иисусу превращение камней в хлебы и господство над расстилавшимися перед его взором царствами, если Иисус поклонится сатане, точно так же самые

соблазнительные перспективы открывались перед Советской Россией в награду за признание господства капитала»[2455], – хвалился Чичерин проявленной им твердостью. Газеты 14 апреля публикуют ответ Ленина корреспонденту The New York Herald: «Глубоко ошибаются те, кто собираются предложить русской делегации в Генуе унизительные условия. Россия не позволит обращаться с собой, как с побежденной страной. Если буржуазные правительства попытаются взять такой тон по отношению к России, то они совершат величайшую глупость»[2456].

Приходит шифровка от Чичерина: «Сегодня, 15 апреля, союзники сказали нам свое последнее слово. Мы должны отказаться от контрпретензий за интервенцию, взамен чего они нам списывают военные долги, а также проценты по довоенным долгам до окончания моратория, срок которого устанавливается по взаимному соглашению приблизительно на 8–10 лет. Национализированное имущество возвращается владельцам на основе долгосрочной аренды или реституции в отдельных случаях, где концессии по техническим условиям невозможны, о чем еще могут быть переговоры. Находящееся за границей русское имущество, как суда и проч., нам возвращаются. Ллойд Джордж, затем Шанцер через специально присланного к нам гонца сообщили, дальше этих условий они не пойдут»[2457].

Ленин не впечатлен: «Военные долги и проценты по довоенным долгам покрываются нашими контрпретензиями. Реституции отвергаются абсолютно. В той области как максимальную уступку предлагаем предпочтительное право для бывших собственников-иностранцев получить при прочих равных условиях (или при условиях, значительно приближающихся к равным) в аренду или в концессию их бывшие предприятия. Выплаты по признанным довоенным долгам начинаются через 15 лет (максимальная уступка – 10 лет). Обязательным условием всех перечисленных уступок, и в частности уступок по нашим контрпретензиям, является немедленный крупный заем (примерно миллиард долларов)»[2458].

Советская делегация отклонила предложенную Лондоном схему. Переговоры зашли в тупик. Вот только германская делегация, остановившаяся в отеле «Эдем» в близлежащем Рапалло, об этом не знала, поскольку в «Альбертис» ее не приглашали. Напротив, у немцев было полное впечатление, что Запад готов вот-вот прийти к соглашению с Россией на антигерманской основе, что окончательно отодвинуло бы Берлин на обочину мировой политики. Российские дипломаты своих немецких коллег в этом не разубеждали. Более того, в ночь на Пасху – 16 апреля – Иоффе телефонным звонком устроил в

«Эдеме» побудку и, сообщив об успехе переговоров на вилле Ллойд Джорджа, предложил срочно подписать двусторонний договор. Проведя «пижамное совещание» – в халатах и пижамах, – немцы согласились. Вынутый из портфеля Чичерина договор перед рассветом был подписан. Стороны отказались от претензий, возникших из состояния войны; возобновлялись дипломатические и консульские отношения, устанавливался принцип наибольшего благоприятствования в торговле.

Ленин, узнав об этом 18 апреля, немедленно пишет Сталину, Каменеву и Троцкому: «Телеграмма Литвинова о подписании соглашения с Германией ставит вопрос, целесообразно ли это печатать немедленно или отложить до некоторого выяснения того обстоятельства, неизбежен ли разрыв в Генуе. Думаю, что этот вопрос надо решить сегодня же». Политбюро сработало оперативно. Уже на следующий день сообщение о заключении Рапалльского соглашения было опубликовано в «Известиях». Получив такую жирную синицу в руках, как Рапалло, Ленин взял курс на сворачивание Генуи. И 21 апреля новая инструкция Чичерину: «Мы не должны бояться срыва конференции. На признание частных долгов идти ни в коем случае нельзя»[2459].

Узнав о Рапалльском договоре, заложившем формальный альянс «сердитой Германии и голодной России», западные делегации были в шоке и даже попытались добиться его немедленной отмены. Немецкую делегацию в наказание исключили из состава комиссии по рассмотрению русского долга. Киссинджер справедливо замечал: «Взаимопонимание, достигнутое в Рапалло, оказалось тактически полезным: у западных демократических стран сдали нервы»[2460]. Но Россия и Германия остались непреклонными, понимая, что от Генуи им в любом случае ждать нечего. Москва даже еще больше ужесточила свою позицию, рекламируя Рапалльский договор как прецедент и образец урегулирования.

А 30 апреля Ленин направил телеграмму Чичерину: «Новая конференция месяца чрез три для нас самая выгодная вещь. Не берите на себя при закрытии Генуэзской конференции ни в коем случае ни тени финансовых обязательств, никакого даже полупризнания долгов и не бойтесь вообще разрыва…» Союзные страны смогли, наконец, договориться и 3 мая предъявили совместный меморандум с требованием уплаты Москвой долгов и обязательств царского и Временного правительств, возвращения национализированной собственности иностранцам, отклонив при этом претензии России на возмещение ущерба от интервенции и блокады. Ленин инструктирует главу советской делегации: «Немедленно рвите и скорее на новом меморандуме союзников,

ибо на уступку собственникам мы не пойдем, а лучше момента не найти. Оттяжки ослабляют нас. Имея в руках германский договор, мы ни за что не откажемся теперь от длительной попытки стоять только на его основе. Начните архиосторожно флиртовать с Италией отдельно». Диалог об аналогичном с Рапалльским договоре был начат с Италией, и он был бы заключен, если бы к власти там – очень не вовремя – не пришел Муссолини.

Девятого мая председатель СНК подтверждал Чичерину, что «всего правильнее для нас построить теперь всю международную политику на том, чтобы в течение известного периода не менее нескольких месяцев строить все и вся только на базе русско-немецкого договора, объявив его единственным образцом, от коего мы отступим лишь исключительно из-за больших выгод»[2461]. В 1922 году на Германию пришлась уже треть советского импорта. «Крупп» начал налаживать производство снарядов, гранат, артиллерийских орудий, в Россию было привезено $^3/_5$ всех производственных мощностей «Юнкерса». Начался обмен развединформацией о военных приготовлениях Польши и Франции. Но отношения с Берлином носили исключительно теневой характер. Ленин предупредит Сталина и Каменева: «С Германией теперь надо быть “мудрым аки змий”. Ни слова лишнего. Не “дразнить” зря ни Франции, ни Англии… Ни слова с призывом не исполнять Версальского договора… P. S. Чем ближе крах, тем осторожнее!!!»

После Рапалло Генуэзская конференция по инерции катилась еще больше месяца, после чего трансформировалась в конференцию на уровне экспертов, начавшуюся летом 1922 года в Гааге и тоже не принесшую существенных результатов, ни в деле политического признания России, ни на ниве развития внешнеэкономической деятельности.

Ферстер и Клемперер прописали Ленину снотворное и сосудорасширяющее, посоветовали уехать на отдых в горы. Четвертого апреля Ленин вновь уехал в Корзинкино, запасшись вероналом (снотворное) и сомнацетином (сосудорасширяющее). Но покоя ему не дали. Дзержинский писал: «…Мне кажется, стоит Вам из Корзинкино уехать, и я думаю, что можно сейчас вернуться в Горки, хотя там не произведены еще работы. Я опасаюсь Вашего пребывания сейчас в Корзинкино, так как враги наши об этом знают и между собой об этом говорят»[2462].

Ленин теперь просил Беленького и Орджоникидзе найти ему подходящее место для лечения на Кавказе, а также обеспечить условия для проезда и работы: «Охрана поезда на особых участках, вагон с вооруженным отрядом. Телеграфная связь и *радио. Шифр и шифровальщик*». Требовалось также

безукоснительное поступление на место отдыха информации, как то: книги по экономике, журнал «Экономическая жизнь», отчеты областных, губернских и уездных экономических советов, бюллетени и отчеты Госплана, протоколы ПБ, копии с бумаг замов. А также поставки канцпринадлежностей и медикаментов[2463]. 6 апреля Ленин приехал на заседание Политбюро. Вечером он встретился с Орджоникидзе, чтобы обсудить, где бы на Кавказе можно подлечиться и отдохнуть.

Седьмого апреля пишет Орджоникидзе: «Нервы у меня все еще болят, и головные боли не проходят. Чтобы испробовать лечение всерьез, надо сделать отдых отдыхом… Признаться должен откровенно, что недоверия к “окраинам” у меня чрезвычайно много; от этого недоверия (и от больных нервов) я прямо-таки ожидаю, что выйдет какой-нибудь “анекдот” вместо всякого лечения. Даже здесь под Москвой мне случалось видеть, как, после кучи обещаний получались “анекдоты”, для исправления коих оставалось одно: уехать из назначенного места назад в Москву и дожидаться там “устранения анекдотов”. А из-под Тифлиса или из-под Новороссийска “назад в Москву” не уедешь. Боюсь я, признаться, дальней поездки: не вышло бы утомления, ерунды и сутолоки да склоки вместо лечения нервов»[2464].

Орджоникидзе работал над поиском места для отдыха Ленина, предлагая варианты. Ленин и врачи забраковали Абастуман (высок, «гроб»), Бакуриани (и высоко, и не благоустроено), Красную Поляну (слишком жарко и в котловине), все Черноморское побережье (море нежелательно для Надежды Константиновны). Подходили Кисловодск, Боржоми, Нальчик[2465]. Однако вскоре поездка на юг перенеслась на конец мая. А 23 апреля Ленин просил Уншлихта подыскать ему место отдыха на Урале[2466].

Готовясь к длительному отдыху, Ленин особое внимание уделил работе своих заместителей в СНК и СТО. В написанном им 11 апреля проекте постановления на эту тему он настаивал, что главное в их деятельности «состоит в проверке фактического исполнения декретов, законов и постановлений; в сокращении штатов совучреждений, в надзоре за упорядочением и упрощением делопроизводства в них; в борьбе с бюрократизмом и волокитой». Ленин также предлагал: «Разгрузка СНК и СТО в максимальной степени от мелочных вопросов, разрешение которых должно происходить частью (и преимущественно) в порядке ведомственного управления… Приблизительно $^{9}/_{10}$ труда замы должны уделять хозяйственным наркоматам, $^{1}/_{10}$ – остальным».

Обязанности между замами «на ближайшие месяцы, впредь до особого постановления» распределялись так: «Тов. Цюрупа председательствует в Большом СНК (после 2-х часов заседания председательствование передается т. Рыкову)… Тов. Цюрупа подписывает для печати постановления Большого СНК и телеграфные распоряжения от его имени, а равно наблюдает за комиссиями Большого СНК и Малого СНК и за работами Малого СНК… Тов. Рыков председательствует в пленарных заседаниях *СТО*, подписывает для печати его постановления и телеграфные распоряжения»[2467].

Троцкий не вытерпел и 18 апреля ответил письмом, в котором вновь раскритиковал всю ленинскую систему управления: «Поставленные задачи настолько универсальны, что это равносильно тому, как если бы не было поставлено никаких задач. Замы должны стремиться, чтобы во всех областях и во всех отношениях все было хорошо – вот к чему сводится проект постановления… И главное – не вижу по-прежнему того органа, который фактически изо для в день руководит хозяйственной работой… Таким учреждением должен быть Госплан». На следующий день Троцкий усилил атаку на Ленина: «Нужна система в работе. Между тем *пример бессистемности* – и это самое важное и самое опасное – *идет сверху*»[2468].

Нельзя сказать, что Троцкий был не прав. Назвать стиль управления Ленина системным, действительно, можно было только от безоглядной к нему любви. Как, впрочем, и стиль Троцкого. Но с его замечаниями, естественно, председатель СНК не согласился и 5 мая ответил не менее резко: «Замечания т. Троцкого частью тоже неопределенны… и не требуют ответа, частью возобновляют наши разногласия с т. Троцким, многократно уже наблюдавшиеся в Политбюро»[2469]. Ленинские предложения приняли без учета замечаний Троцкого.

Ленину становилось все хуже. Преходящие нарушения мозгового кровообращения, апатия, навязчивые состояния, слабость. По Москве поползи слухи, что Ленин впал в запой или сошел с ума. Поставив под сомнение до тех пор основной диагноз – переутомление, – немецкие врачи решились извлечь из его шеи пули Каплан.

Профессору Розанову 21 апреля позвонил Семашко и попросил приехать к Ленину: «приезжает профессор Борхардт из Берлина для консультации… Когда ВИ сказал, что Клемперер посоветовал удалить пули, так как они своим свинцом вызывают отравление, вызывают головные боли, Борхардт сначала сделал удивленные глаза и у него вырвалось unmöglich (невозможно), но потом, как бы спохватившись, вероятно, для того, чтобы не

уронить авторитета своего берлинского коллеги, стал говорить о каких-то новых исследованиях в этом направлении.

Я определенно сказал, что эти пули абсолютно не повинны в головных болях, что это невозможно, так как пули обросли плотной соединительной тканью, через которую в организм ничего не проникает. Пуля, лежавшая на шее, над правым грудино-ключичным сочленением, прощупывалась легко, удаление ее представлялось делом не трудным, и против удаления ее я не возражал, но категорически восстал против удаления пули из области левого плеча; пуля эта лежала глубоко, поиски ее были бы затруднительны; она, так же как и первая, совершенно не беспокоила ВИ, и эта операция доставила бы совершенно ненужную боль. ВИ согласился с этим и сказал: “Ну, одну-то давайте удалим, чтобы ко мне не приставали и чтобы никому не думалось”».

Оперировали в Боткинской больнице. «Борхардт приехал и притащил с собой громаднейший, тяжелый чемодан со всякими инструментами, чем премного удивил и меня, и всех моих ассистентов… Операция прошла вполне благополучно. ВИ, видно, совершенно не волновался, во время самой операции только чуть-чуть морщился. Я был уверен, что операция будет амбулаторная и ВИ через полчаса после операции поедет домой. Борхардт категорически запротестовал против этого и потребовал, чтобы больной остался в больнице хотя бы на сутки. Я не возражал против этого, конечно, так как стационарное наблюдение всегда гораздо покойнее. Решили положить ВИ в 44-ю палату, на женское отделение… Долго не соглашался на наши уговоры, последней каплей, кажется, были мои слова: “Я даже для вас, ВИ, палату на женском отделении приготовил”. ВИ рассмеялся, сказал: “Ну вас” – и остался»[2470].

Швы сняли 27 апреля, в тот же день Ленин председательствовал на заседании Политбюро. На его здоровье операция никак не отразилась. Кавказский вариант отдыха Ленин сам окончательно отмел 10 мая, когда написал Орджоникидзе: «Я на Кавказ не еду. Будьте любезны, пока (все лето) для *конспирации* распространяйте осторожненько слух, что еду»[2471]. На просьбу Крестинского написать статью для зарубежных СМИ о необходимости хозяйственной помощи России Ленин отвечает: «Не могу по болезни». Пришло письмо от самого Джона Мейнарда Кейнса с предложением прислать статью для «Manchester Guardian». Ответ тот же: не смогу, «так как болен»[2472].

Мысли о болезнях и здоровье не оставляют Ленина. 19 мая он пишет Сталину: «Не пора ли основать 1–2 образцовые санатории не ближе 600 верст от Москвы? Потратить на это золото; тратим

же и *будем долго* тратить на *неизбежные* поездки в Германию. Но *образцовыми* признать лишь те, где доказана возможность иметь врачей и администрацию пунктуально строгие, а не обычных советских растяп и разгильдяев». И добавление: «Секретно: в Зубалове, где устроили Вам, Каменеву и Дзержинскому, а рядом устроят мне к осени, надо добиться починки желдорветки и полной регулярности движения автодрезин, тогда возможно быстрое и конспиративное и дешевое сношение круглый год. Нажмите и проверьте. Также рядом совхоз поставить на ноги»[2473]. Как видим, Ленину готовили еще одну загородную резиденцию – на Рублевке.

В середине мая Ленин вновь почувствовал, что силы его на исходе и пора в отпуск. Врачи, естественно, идею поддерживали. Скоро вернуться в свой кабинет Ленин не планировал, но руководящие нити из своих рук выпускать не собирался. 21 мая он пишет распоряжение (*секретно, лично*) всем наркомам и руководителям центральных учреждений и организаций: «Уезжая в отпуск на несколько месяцев, я очень просил бы поставить осведомление меня о наиболее важных делах и о ходе выполнения наиболее важных решений, планов, кампаний и т. д. следующим образом:

– посылать мне 1–2 раза в месяц самые краткие (не более 2–3 страниц) сообщения на эту тему и распорядиться о высылке мне важнейших из текущих печатных изданий наркомата, а равно текстов напечатанных важнейших постановлений, а равно проектов… Держать связи с моим секретарем (Фотиева, Лепешинская). Через этих же секретарей могут быть посланы всегда запросы по телеграфу или почтой, причем текущие и срочные запросы адресуются не иначе как заму (Рыкову или Цюрупе), а мне лишь в копии». Секретариату Ленин предписывал сообщать о всех поступающих для него книгах и журналах, посылать ему наиболее существенные и перечень остальных.

На сей раз Ленин поехал в Горки: тревога по поводу покушения спала. В Большом доме селиться не захотел, обосновался на втором этаже в Северном флигеле. Небольшая комната с двумя окнами – на запад и на север – с металлическими сетками от комаров. Перед окнами – деревья, заслонявшие солнечный свет. Кровать, письменный стол, который был немедленно завален книгами, комод, платяной шкаф, стулья из разных гарнитуров и большой персидский ковер на полу.

Приступить к работе или отдыху толком не успел. 24 мая Ленин пишет Сталину: «…Я даю и Арманду *Хаммеру* и Б. *Мишелю* особую рекомендацию от себя и прошу всех членов ЦК о *сугубой* поддержке этих лиц и их предприятия… Тут маленькая дорожка к

американскому, “деловому” миру, и надо *всячески* использовать эту дорожку»[2474].

После этого Ленин не скоро что-то напишет.

Ген NT5E

В четверг 24 мая был праздник Вознесения Господня. Профсоюзы, идя навстречу пожеланиям трудящихся, объявили его нерабочим днем. В Горках и соседних деревнях раздавался колокольный звон. Ленин долго гулял. После ужина почувствовал легкую изжогу. Как обычно, не мог заснуть. Вышел послушать соловьев. Стал бросать на их звук камушки в кусты и ощутил слабость в правой руке. Снова лег в постель, но в 4 утра плохо себя почувствовал, резко поднялась температура, раскалывалась голова. Заснул после того, как вырвало. Когда проснулся, ощутил тяжесть в правых конечностях, не мог свободно говорить.

Пожалуй, нет ни одного человека, которого лечило бы столь большое количество светил медицины. Ни одного человека, чьи предсмертные мучения были бы описаны столь детально, а эти описания обнародованы столь широко вопреки всякой врачебной этике. Уход Ленина был по-человечески трагичен. Его мучения продолжались почти два года, и это действительно были мучения.

Рассказывал доктор Розанов: «25 мая 1922 года, утром, часов в десять, звонит ко мне по телефону Мария Ильинична и с тревогой в голосе просит поскорее к ним приехать, говоря, что “Володе что-то плохо, какие-то боли в животе, рвота”. Скоро подали автомобиль, заехали в Кремль, а оттуда уже на двух машинах отправились в Горки, забрав из аптеки все необходимое: и для инъекций, и различные медикаменты. Поехали Н. А. Семашко, брат ВИ Дмитрий Ильич, доктор Л. Г. Левин, тов. Беленький и еще кто-то… Раньше нас из Химок приехал уже Ф. А. Гетье и осмотрел ВИ; сначала, по словам окружающих, можно было подумать, что заболевание просто гастрическое, хотели связать его с рыбой, якобы не совсем свежей, которую ВИ съел накануне… Гетье передал, что у ВИ рвота уже кончилась, болит голова, но скверно то, что у него имеются явления пареза правых конечностей и некоторые непорядки со стороны органа речи. Было назначено соответствующее лечение, главным образом покой. И так в этот день грозный призрак тяжкой болезни впервые выявился, впервые смерть определенно погрозила своим пальцем»[2475].

Утром 28 мая Гетье привез известного в Москве невропатолога профессора Василия Васильевича Крамера. Тот обнаружил «явления транскортикальной моторной афазии на почве тромбоза» На следующий день прошел консилиум с участием профессоров Семашко, Крамера, Гетье, Кожевникова и Россолимо. Алексей Михайлович Кожевников – невропатолог – с

того дня стал дежурным врачом в Горках.

Симптомы не укладывались в картины известных болезней. Парезы правых конечностей, головные боли повторялись, но скоро исчезали. «Он не в состоянии преобразовать зрительные образы в речевые конструкции; еще хуже дела обстоят с письмом – повреждение какого-то отдела коры головного мозга блокирует возможность генерировать графические символы; счет – умножение и деление – также вызывает у него сильнейшие затруднения»[2476]. Выдвигались все новые диагнозы болезни, вплоть до сифилиса. 29 мая был даже взят анализ на реакцию Вассермана, который дал отрицательный результат. Доктора – Крамер, Гетье – откровенно признавались, что не понимали природы болезни.

Болезнь эту расшифруют только в XXI веке в Соединенных Штатах. Мутация гена NT5E, переданная по отцовской линии, при которой сосуды головного мозга накапливают известь и каменеют[2477]. Ее следствием стал инсульт. Первый.

Ленин с трудом говорил, мысли путались, выздоровление представлялось сомнительным, он был в отчаянии. 30 мая он пригласил к себе Сталина, который сразу догадался, о чем пойдет речь. Свидетельствовала Мария Ильинична: «Сталин пробыл у ВИ действительно минут 5, не больше. И когда вышел от Ильича, рассказал мне и Бухарину, что ВИ просил его доставить ему яд, так как, мол, время исполнить данное раньше обещание пришло. Сталин обещал. Они поцеловались с ВИ, и Сталин вышел. Но потом, обсудив совместно, мы решили, что надо ободрить ВИ, и Сталин вернулся снова к ВИ. Он сказал ему, что, переговорив с врачами, он убедился, что не все еще потеряно и время исполнить его просьбу не пришло. ВИ заметно повеселел и согласился, хотя и сказал Сталину:

– Лукавите?

– Когда же Вы видели, чтобы я лукавил, – ответил ему Сталин»[2478].

Вопрос об эвтаназии обсуждался на ближайшем же (оно было 1 июня) заседании Политбюро, и поведение Сталина с Бухариным было признано правильным. А потом Сталин полагал, что отказ принести яд был одной из причин вскоре проявившейся обиды на него Ленина.

Вновь были выписаны Ферстер и Клемперер. Уже 2 июня Ферстер прилетел рейсом из Бреслау и в тот же день обследовал Ленина. 3 июня Сталин обязал постпреда в Берлине Крестинского добиться того, чтобы Ферстер и Клемперер все лето провели в России[2479]. Четвертого июня в «Правде» был напечатан врачебный бюллетень о состоянии здоровья Ленина за подписями Ферстера

и Крамера: «В четверг, 24 мая, ВИ захворал острым гастроэнтеритом, сопровождавшимся повышением температуры до 38,5. На почве предшествовавшего общего переутомления это заболевание вызвало ухудшение нервного состояния больного и явления небольшого расстройства кровообращения, которое, однако, в ближайшие дни стало быстро восстанавливаться. В настоящее время температура ВИ нормальна, самочувствие хорошее, и больной, которому предписан абсолютный покой в течение ближайшего времени, находится на пути к полному выздоровлению»[2480].

Клемперер осматривал Ленина в Горках 11 июня. В тот день пациент сказал Кожевникову, что чувствует себя совсем хорошо. «Инсульт, повлекший за собой дислексию, напугал ВИ надолго, но основные навыки уже через несколько дней восстановились; он вновь заговорил, причем мог изъясняться не только по-русски, но и по-немецки и по-английски, без ошибок умножать большие числа; отступил и паралич. В середине июня он вставал, ходил; “даже пробовал вальсировать”… хотя правая нога плохо сгибалась»[2481].

Врачам и родным удалось убедить Ленина перебраться – на носилках – в Большой дом. Заманили возможностью проводить время на обширной террасе. Крамер, Кожевников и немцы сочли даже уместным разрешить посещение коллег. Но при условии, что те не будут вести деловых разговоров. Это условие Ленин отверг и предпочел отказаться от свиданий. Как и от германских врачей. 15 июня он продиктовал послание Сталину – для Политбюро: «Покорнейшая просьба освободите меня от Клемперера. Чрезвычайная заботливость и осторожность могут вывести человека из себя и довести до беды».

Мария Ильинична замечала: «В отличие от профессора Ферстера, Клемперер обладал меньшим тактом и умением подходить к больному. Его болтовня и шуточки раздражали ВИ, хотя он встретил его очень любезно и наружно был с ним очень вежлив». Впрочем, Ферстер раздражал Ленина не меньше. «Убедительно прошу, избавьте меня от Ферстера, – умолял он Сталина. – Своими врачами Крамером и Кожевниковым я доволен сверх избытка. Русские люди вынести немецкую аккуратность не в состоянии, а в консультировании Ферстер и Клемперер участвовали достаточно»[2482].

Сталин ответил на просьбу начальника 17 июня: «В связи с Вашим письмом о немцах мы немедленно устроили совещание с Крамером, Кожевниковым и Гетье. Они единогласно признали ненужность в дальнейшем Клемперера, который посетит Вас лишь один раз перед отъездом. Столь же единогласно они признали

полезность участия Ферстера в общем наблюдении за ходом Вашего выздоровления. Кроме того, политические соображения делают крайне полезными подписи известных иностранных авторитетов под бюллетенями, ввиду сугубого вранья за границей… P. S. Крепко жму руку. А все-таки русские одолеют немцев»[2483]. На следующий день был опубликован второй бюллетень, где утверждалось, что Ленин чувствует себя хорошо, но тяготится предписанным ему врачами бездействием. Но Старик завелся с немцами не на шутку. 19 июня Кожевников написал в дневнике: «Много говорил о немецких профессорах… Очень просил оказать влияние на то, чтобы они скорее уехали домой…» На следующий день больной надиктовал сестре записку для Сталина: «Если Вы уже оставили здесь Клемперера, то советую, по крайней мере: 1) выслать его не позже пятницы или субботы из России вместе с Ферстером, 2) поручить Рамонову вместе с Левиным и другими использовать этих немецких врачей и учредить за этим надзор»[2484].

После того как ПБ весьма скептически отнеслось к этой инициативе Ленина, он начал саботировать установленный для него режим и говорил Кожевникову:

– Надо, чтобы мне дали возможность чем-нибудь заняться, так как, если у меня не будет занятий, я, конечно, буду думать о политике. Политика – вещь, захватывающая сильнее всего, отвлечь от нее могло бы только еще более захватывающее дело, а его нет.

Когда 23 июня Ленин спускался по лестнице, чтобы выйти в парк, случился спазм, и он не удержался на ногах. Перед очередными консилиумами он сильно волновался. Клемперер посетил Ленина – в последний раз – 24 июня вместе с Крамером, Левиным, Кожевниковым и Семашко. Ферстер осматривал Ленина вместе с Крамером 27 июня. Врачи ничего нового не выяснили и не сказали. После консилиума Ленин позвал к себе Семашко и произнес:

– Политикой заниматься мне не позволяют, я Вас не стану расспрашивать, но вот что я Вам скажу: пусть в Гааге будут очень осторожны… А каковы виды на урожай? Не грозит ли опасность от саранчи?[2485]

Длительное отсутствие Ленина ставило вопрос о том, как управлять страной без него. И, что еще более серьезно, – после него. Есть версия, что именно с конца мая, в предчувствии ухода Ленина, в Кремле начинает функционировать новый руководящий триумвират. «Заключение врачей (конечно, секретное, для членов Политбюро, а не для страны) было, что это начало конца, – подтверждает Бажанов. – Уже после удара

Зиновьев, Каменев и Сталин организуют “тройку”»[2486]. Главного конкурента – Троцкого, который во время приступа Ленина ловил рыбу в дальнем Подмосковье, – триумвиры даже не сочли нужным проинформировать о происшедшем. Тот увидел в этом эпизоде зловещие признаки. «Болезнь Ленина была такого рода, что могла сразу принести трагическую развязку. Завтра же, даже сегодня могли ребром встать все вопросы руководства. Противники считали важным выгадать на подготовку хоть день. В это время, надо полагать, уже возникла идея «тройки» (Сталин – Зиновьев – Каменев), которую предполагалось противопоставить мне»[2487].

Между тем Ленину разрешили работать. Из Москвы стала поступать информация: протоколы заседаний, письма, докладные, секретная почта, пресса. Глава правительства зафонтанировал поручениями своему аппарату, указаниями подчиненным. Начались встречи, и главным связующим звеном с Кремлем был Сталин. «В это время Сталин бывал у него чаще других, – подтверждала Мария Ульянова… – Ильич встречал его дружески, шутил, смеялся, требовал, чтобы я угощала Сталина, принесла вина и пр.»[2488] В те месяцы, что Ленин безвыездно находился в Горках, Генсек посетил его 12 раз, гораздо больше, чем кто-либо другой. Впрочем, встречи эти не всегда были приятными.

На Сталина, как он напишет в «Правде», Ленин при первом посещении – 11 июля – произвел «впечатление старого бойца, успевшего отдохнуть после изнурительных непрерывных боев и посвежевшего после отдыха. Свежий и обновленный, но со следами усталости, переутомления.

– Мне нельзя читать газеты, – иронически замечает тов. Ленин, – мне нельзя говорить о политике, я старательно обхожу каждый клочок бумаги, валяющийся на столе, боясь, как бы он не оказался газетой и как бы не вышло из этого нарушения дисциплины…

Поражает в тов. Ленине жадность к вопросам и рвение, непреодолимое рвение к работе. Видно, что изголодался. Процесс эсеров, Генуя и Гаага, виды на урожай, промышленность и финансы – все эти вопросы мелькают один за другим. Он не торопится высказать свое мнение, жалуясь, что отстал от событий. Он главным образом расспрашивает и мотает на ус» [2489].

Кожевников в день этого свидания записал: «На тов. Сталина свидание произвело благоприятное впечатление, и он нашел ВИ в гораздо лучшем состоянии, чем предполагал. Он мало отличался от ВИ до болезни». Со следующего дня Ленину разрешили прогулки в саду и в парке[2490]. И тогда же он направил Каменеву послание загадочного свойства: «Ввиду чрезвычайно благоприятного факта, сообщенного мне вчера Сталиным из

области внутренней жизни нашего ЦК, предлагаю ЦК сократить до Молотова, Рыкова и Куйбышева, с кандидатами Кам[енев], Зин[овьев] и Томск[ий]. Всех остальных на отдых, лечиться. Сталину разрешить приехать на авг[устовскую] конференцию. Дела замедлить – выгодно, кстати, и с дипл[оматической] точки зрения… P. S. Приглашаю на днях Вас к себе, хвастаю моим почерком; среднее между каллиграфическим и паралитическим (по секрету). PPS. Только что услышал от сестры о бюллетенях, вами обо мне выпущенных. И хохотал же! “Послушай, ври да знай же меру!”»[2491]

Послание – весьма язвительное в адрес всей партийной верхушки. Даже если речь шла исключительно об отпусках, мысль оставить из всех 27 членов ЦК только троих во главе с Молотовым, с кандидатами в лице Каменева, Зиновьева, Томского и при всяком отсутствии Сталина, Троцкого или Бухарина может рассматриваться и не только как шутка. И как яростная реакция на какую-то, нам неизвестную, новость. И как реакция радостная: все идет настолько хорошо, что весь ЦК можно отправить на юга.

А 13 июля Ленин написал Фотиевой: «Можете поздравить меня с выздоровлением. Доказательство: почерк, который *начинает* становиться человеческим». Просил готовить ему книги и посылать списки: «1) научные, 2) беллетристику, 3) политику (последнюю позже всех, ибо она еще не разрешена). Пожалуйтесь Рыкову (Цюрупа уехал?) на всех секретарш: ведут себя плохо, болеют от малярии и пр. Пусть распишет их на отдых в Ригу, в Финляндию, под Москву и т. п.»[2492] Фотиева отметила: «Письмо Владимира Ильича было написано хорошим, твердым почерком».

Четырнадцатого июля приехал Каменев. Просидел полтора часа, вместе пообедали. Очевидно, что Каменев оставил Ленину некое послание, на которое тот вскоре отреагировал еще одной не менее загадочной запиской. Касалась она явно разногласий внутри Политбюро. «Я думаю, преувеличений удастся избежать. “Выкидывает ЦК или готов выкинуть здоровую пушку за борт”, – Вы пишете. Разве это не безмерное преувеличение? Выкидывать за борт Троцкого, – ведь на это Вы намекаете, иначе нельзя толковать – верх нелепости. Если Вы не считаете меня оглупевшим уже до безнадежности, то как Вы можете это думать???? Мальчики кровавые в глазах… Частное совещание? Я согласен, но советовал бы не сейчас. Не подождать ли 2–3 дня? 1) Прозондировать почву сначала и 2) обеспечить, что совещание не взорвет страсти. Я ругаться не буду наверняка. А другие?»

Скорее всего, со стороны Каменева (который вряд ли выступал только от своего имени) речь могла идти о том, чтобы использовать предложенную Лениным массовую отправку на

лечение для освобождения высшего эшелона от неугодных лиц, прежде всего, Троцкого… Ленин возвращается к теме 18 июля, написав Сталину: «Черкните за себя и за Каменева, не забыл ли он: условились, что он ответит насчет Троцкого после общего совещания»[2493]. Генсек быстро ответил – неизвестно, что и каким способом. Но известна сразу последовавшая реакция Ленина: «Очень внимательно обдумал Ваш ответ и *не* согласился с Вами. Поздравьте меня: получил разрешение *на газеты*! С сегодня на старые, с воскресенья *на новые*»[2494].

Действительно, в тот день Ферстер разрешил Ленину до воскресенья читать газеты за май, июнь и июль, а с воскресенья – уже и свежие. После газет позволили читать книги, и библиотекарша Манучарьянц стала присылать списки поступавшей в его приемную литературы. Чего там только не было. Одних газет 32 названия, в основном, иностранных. Читал (или листал) он в эти летние месяцы Маркса с Энгельсом, Гегеля, «Мои университеты» Горького, брошюры Бухарина и Сокольникова[2495].

Ленин стал думать о возвращении в Кремль, дав указание сделать ремонт в его кремлевской квартире: установить абсолютно звуконепроницаемые перегородки между комнатами, абсолютно не скрипучие полы, «устроить еще форточки во всех комнатах (нечто вроде дыр в стенах) так, чтобы и зимой можно было держать приотворенными всю ночь».

В инструкции для охраны Горок от 18 июля было сказано: «Беспрепятственно пропускать следующих лиц: т. т. Сталина, Каменева, Зиновьева, Бухарина и Троцкого (если стоящий на посту знает их в лицо)». В инструкции, выпущенной через неделю, не окажется фамилии Троцкого. Теперь он мог попасть в Горки только с разрешения Дзержинского[2496]. 20 июля ПБ приняло решение о том, что свидания с Лениным «должны допускать лишь с разрешения Политбюро, без всяких исключений».

Ленин был в ватной изоляции врачей и коллег, хотя и весьма относительной. С июля по октябрь у Ленина перебывало около 30 человек. Помимо Сталина, Каменева и Бухарина – Зиновьев, Троцкий, Калинин, Петровский, Красин, Свидерский, Скворцов-Степанов, Орджоникидзе, Мещеряков, Крестинский, Мануильский, Дзержинский, Хинчук, Преображенский, Рудзутак, Сокольников, Владимиров, Раковский, руководители Грузии, Армении, Азербайджана.

Приехал 28 июля Троцкий. Встреча, как отметил доктор, продолжалась полчаса и прошла оживленно. Троцкий нашел, что Ленин прекрасно выглядел, «как будто у него был насморк, который прошел, и нельзя поверить, что ВИ перенес такую

тяжелую болезнь». Но в записке, направленной тогда Каменеву, Сталину и Зиновьеву, Троцкий обращал внимание на другое: «ВИ в разговоре со мной несколько раз говорил о “параличных явлениях” у него и посматривал глазком на меня: что скажу?.. Я почувствовал “ловушку” и промолчал… Этот вопрос его сейчас больше всего интересует»[2497]. В мемуарах же Троцкий напишет, что речь на их встрече касалась главного политического события лета 1922 года – процесса эсеров[2498].

Суд проходил в Колонном зале Дома союзов. Председательское кресло занимал Пятаков, рядом с ним – Луначарский и Покровский. Роль главного обвинителя поручили заместителю наркома юстиции Крыленко. Защиту представляли три бригады, одна из которых состояла из четырех европейских социалистов во главе с Эмилем Вандервельде, а в другую входили Бухарин и Томский. Обвиняемых, которых начитывалось 34 человека, разделили на две группы. 24 – закоренелые и неисправимые, среди них половина – члены ЦК эсеров во главе с Абрамом Гоцем и Дмитрием Донским. Вторая группа была сформирована из дюжины раскаявшихся, которым была поручена одновременно роль обвинителей. В зале находились обученные представители общественности, вовремя подававшие нужные реплики. 20 июня – на двенадцатый день процесса – по Охотному ряду прошла демонстрация с участием десяти тысяч человек, требовавших смертной казни для предателей[2499].

Борьба в Политбюро по поводу приговора шла вплоть до момента его оглашения. Троцкий вспоминал: «Смертный приговор со стороны трибунала был неизбежен. Но приведение его в исполнение означало бы неотвратимо ответную волну террора… Не оставалось другого выхода, как поставить выполнение приговора в зависимость от того, будет или не будет партия продолжать террористическую борьбу. Другими словами: вождей партии превратить в заложников… Первое свидание мое с Лениным после его выздоровления произошло как раз в дни суда над социалистами-революционерами. Он сразу и с облегчением присоединился к решению, которое я предложил:

– Правильно, другого выхода нет»[2500].

Предложение и было принято пленумом ЦК: приговор Верховного Трибунала в отношении 12 представителей первой группы подсудимых, осужденных на казнь, «утвердить, но исполнением приостановить». Остальные получили различные сроки заключения, что, впрочем, особого практического значения не имело, поскольку все они были обречены провести остаток жизни в тюрьмах, лагерях и ссылках.

В начале сентября Ленину на глаза попадется июльское

письмо Горького Анатолию Франсу, где процесс характеризовался как приготовление «к убийству людей, искренне служивших делу освобождения русского народа» и содержалась просьба обратиться к советскому правительству «с указанием на недопустимость преступления». 7 сентября Ленин пишет Бухарину: «Я читал (в “Социалистическом Вестнике”) поганое письмо Горького. Думал быстро обругать его в печати (об эсерах), но решил, что, пожалуй, это чересчур»[2501]. Действительно, чего махать кулаками после драки и мараться в вопросе, где и так уже все решено.

После эсеров Ленин вспомнил про интеллектуалов. 16 июля он направил Сталину возмущенное письмо, в котором предложил и целый список кандидатов – из числа близко и много лет ему знакомых социалистов – на высылку из страны, и выступил за ускорение этого процесса: «К вопросу о высылке из России меньшевиков, народных социалистов, кадетов и тому подобных я бы хотел задать несколько вопросов ввиду того, что эта операция, начатая до моего отпуска, не закончена и сейчас. Решительно «искоренить» всех энесов? Пешехонова, Мякотина, Горнфельда? Петрищева и др. По-моему всех выслать. Вреднее всякого эсера, ибо ловчее.

Тоже А. Н. Потресов, Изгоев и все сотрудники «Экономиста» (Озеров и многие, многие другие). Меньшевики: Розанов (врач, хитрый), Вигдорчик (Мигуло или как-то в этом роде), Любовь Николаевна Радченко и ее молодая дочь (понаслышке, злейшие враги большевизма); Н. А. Рожков (надо его выслать, неисправим); С. Л. Франк (автор «Методологии»). Комиссия под надзором Манцева, Мессинга и др. должна представить списки и надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистим Россию надолго»[2502]. Уже двадцатого июля Политбюро заслушало отчет Уншлихта о работе комиссии по высылке политических противников большевиков и осталось недовольным: «Признать работы комиссии неудовлетворительными как в смысле недостаточной величины списка, так и в смысле его недостаточного обоснования… Той же комиссии, в тот же срок поручить подготовить закрытие целого ряда органов печати»[2503].

Процесс эсеров завершился 7 августа, а через три дня Политбюро приняло постановление «Об утверждении списков высылаемых деятелей интеллигенции». Аресты прошли по всем крупнейшим университетским центрам страны в ночь с 16 на 17 августа. Было арестовано более ста человек, которым предъявили постановление коллегии ГПУ о высылке за границу на три года. Вскоре секретарь ЦК КПУ Лебедь докладывал, что и на Украине

«изъято» 70 человек, часть предлагалось отправить на Север, часть – за границу. Любопытно, но в списке не оказалось ни одного украинца, одни русские и евреи.

Из ГПУ Ленину 18 сентября сообщали об аресте в Москве и Петрограде 120 антисоветских элементов. К изначальным ленинским кандидатурам были добавлены ректоры обоих столичных университетов, а также все светила отечественной философии. Список Ленин правил и дополнял собственноручно. С конца сентября интеллектуалов стали группами высылать за границу – сначала по железной дороге в Ригу и в Берлин. Символом этих событий стал «философский пароход», которого на самом деле не было. Философы в числе изгоняемых оказались в меньшинстве и высылались дробно. Сорокин и Степун был отправлены 23 сентября по железной дороге через Ригу, Бердяев, Ильин и Франк – 29 сентября пароходом «Обербургомистр Хакен», Лосский и Карсавин – на «Пруссии», Булгаков на пароходе «Жанна» – в ноябре. Всего до конца года выслали 60 человек (у остальных нашлись заступники). Среди них были не только ученые-гуманитарии, но и медики, агрономы, профессора технических и естественных наук, которых вполне хватило бы на целую Академию наук государства поменьше. Они составят славу науки тех стран, где окажутся по ленинской воле.

Не своей Родины.

Меж тем Ленин уже настраивал себя на скорое возвращение к рулю государства. 30 июля приезжал Сталин. Беседовали час двадцать. «ВИ был в прекрасном настроении. Говорили исключительно о делах, преимущественно о партийных, в связи с предстоящей конференцией, – записал доктор. – Сталин, по-видимому, смотрит на ВИ как на совершенно здорового человека». 1 августа был Зиновьев, проговорили час. «ВИ был очень оживлен, вспоминал из прошлого, иногда даже очень мелкие факты, которые и Зиновьев не помнил». К концу встречи устал[2504]. Вечером 3 августа собиралась гроза, у Ленина разболелась голова. На следующий день после полудня отказали правые рука и нога, на полтора часа пропала речь. Попросил пригласить Сталина. Тот приехать не смог: открывалась XII Всероссийская конференция РКП(б), где приняли приветствие вождю мирового пролетариата. Сталин приехал на следующий день. Уложился в 15 минут, в ходе которых и передал Ленину приветствие. Договорились, что посещения коллег возможны, но на условиях, определяемых врачами.

Седьмого августа Ферстер и Крамер после осмотра зачитали Ленину новый распорядок, по которому встречи могли проходить только при присутствии в доме врача. Политические свидания не

разрешались. Ленин вновь поднял бунт и пожаловался Сталину в письме, которое ошибочно датировано Лениным и издателями его трудов «7.VII»: «Врачи, видимо, создают легенду, которую нельзя оставить без опровержения. Они растерялись от сильного припадка в пятницу и сделали сугубую глупость: попытались запретить «политические» посещения (сами плохо понимая, что это значит!!). Я чрезвычайно рассердился и отшил их. В четверг у меня был Каменев. Оживленный политический разговор. Прекрасный сон, чудесное самочувствие. В пятницу паралич. Я требую Вас экстренно, чтобы успеть сказать, на случай обострения болезни. Успеваю все сказать в 15 минут и на воскресенье опять прекрасный сон. Только дураки могут тут валить на политические разговоры. Если я когда волнуюсь, то из-за отсутствия своевременных и политических разговоров. Надеюсь, Вы поймете это, и дурака немецкого профессора и К° отошьете. О пленуме Центрального комитета непременно приезжайте рассказать или присылайте кого-либо из участников»[2505].

Участники конференции (о ней шла речь) – Орджоникидзе, Петровский, Крестинский, председатель Азербайджанского ЦИК Агамали-оглы до Ленина добрались. 15 августа приехал Сталин. На следующий день Ленин, уже минуя врачей, просил его пригласить в горки Красина, Владимирова и Смилгу.

В поисках пути выхода из того бюрократического бедлама, который творился в управлении страной, Ленин стал все чаще обращать свои взоры, почему-то, на Рабоче-крестьянскую инспекцию – Рабкрин, контролирующую бюрократическую надстройку, да еще непрофессиональную. 21 августа он написал коллегии РКИ: «Боюсь, что работа не совсем правильно стоит. Тип работы – *отдельные обследования* и доклады. Старина. А *переделки* аппарата и улучшения его нет. Нет образцовых аппаратов, построенных сплошь из коммунистов или сплошь из учеников совпартшкол; нет систематически выработанных *норм* работы, кои бы можно было прилагать к другим ведомствам; нет систематических измерений того, что могут сделать *совработники* в тех или иных отраслях в неделю и т. п.»[2506].

На 23 августа Ленин просил приехать Сталина. Говорили больше часа. Вероятно, именно эту встречу (а может, и эту, и предшествовавшую) Сталин опишет в «Правде»: «На этот раз тов. Ленин окружен грудой книг и газет (ему разрешили читать и говорить о политике без ограничения). Нет больше следов усталости, переутомления. Нет признаков нервного рвения к работе – прошел голод. Спокойствие и уверенность вернулись к нему полностью. Наш старый Ленин, хитро глядящий на

собеседника, прищурив глаз… Зато и беседа наша на этот раз носит более оживленный характер. Внутреннее положение… Урожай… Состояние промышленности… Курс рубля… Бюджет…

– Положение тяжелое. Но самые тяжелые дни остались позади. Урожай в корне облегчает дело. Улучшение промышленности и финансов должно прийти вслед за урожаем. Дело теперь в том, чтобы освободить государство от ненужных расходов, сократив наши учреждения и предприятия и улучшив их качественно. В этом деле нужна особая твердость, и тогда вылезем, наверняка вылезем.

Внешнее положение… Антанта… Поведение Франции… Англия и Германия… Роль Америки… Белая пресса… Эмиграция… Невероятные легенды о смерти Ленина с описанием подробностей…Товарищ Ленин улыбается и замечает:

– Пусть их лгут и утешаются, не нужно отнимать у умирающих последнее утешение»[2507].

Ферстер вместе с Крамером 24 августа в Горках. Нашли пациента выздоравливающим, продлили время прогулок, разрешили чтение зарубежной и научной литературы, продлили время свиданий до часа и даже обещали через месяц выпустить на работу. Раковский, Каменев, Скворцов-Степанов, снова Сталин, приезжавшие в конце месяца, укладывались в часовой лимит. Превысил его только руководивший РКИ Свидерский – вопросы Рабкрина, похоже, волновали Ленина больше всего. Встречи же со Сталиным и Раковским, скорее всего, были посвящены вопросам создания нового союзного государства.

Второго сентября после полуторачасовой беседы с Зиновьевым Ленин впервые с мая выехал с территории Горок. Погулял в лесу. На следующий день – после такой же прогулки – были запущены фотографы, которые запечатлели вождя мирового пролетариата в машине, в саду, в комнате, с детьми и т. д. Прогулки стали регулярными, благо погода благоприятствовала. Участились и посещения.

Вскоре Ленин отметился первым после инсульта публичным посланием, направив по просьбе Томского приветствие V Всероссийскому съезду профсоюзов. Работал над ним несколько дней, общаясь на эту тему с Томским и Сталиным. 13 сентября послал Сталину проект с припиской, в которой просил показать его Томскому и, если понадобится, другим членам Политбюро: «…*Верните мне,* пожалуйста, *переписанным на машине завтра же.* Я пришлю к съезду 16-го или когда будет надо». Подобного рода тексты Ленин ранее писал за две минуты, конечно, не отдавал на суд ПБ. Текст был оглашен на первом заседании съезда вечером 17 сентября, и последние строки – «Всеми силами, со всех сторон

усилить и улучшить работу – в этом единственное спасение рабоче-крестьянской власти»[2508] – покрыты восторженными аплодисментами.

Новый врачебный консилиум был назначен на 11 сентября. Теперь уже Ленин нервничал из-за возможного срыва перспективы выхода на работу. Он сравнил Кожевникову свое нервное состояние «с тем, какое у него было еще в 1897 году, когда ВИ сидел в тюрьме и боялся, что его не выпустят в указанный срок. Тогда тоже была бессонница и нелады с кишечником»[2509]. Консилиум – Ферстер, Крамер, Гетье – разрешил вернуться к работе с 1 октября.

Но Ленин чувствовал и понимал, что работу в полном объеме не потянет. Сразу после консилиума он обратился к Сталину с предложением вынести на Политбюро вопрос: назначить Председателю Совнаркома «еще двух замов (зампред СНК и зампред СТО), именно: т. Троцкого и Каменева. Распределить между ними работу при участии моем и, разумеется, Политбюро, как высшей инстанции». Сталин приехал в Горки по этому вопросу на следующий день. Проговорили два часа, после чего Ленин долго в одиночестве гулял по окрестностям. 13 сентября – двухчасовая встреча с Каменевым – в основном, на прогулке.

Что произошло дальше, и почему Троцкий не стал заместителем Ленина в Совнаркоме?

Сталин показал Троцкому ленинское письмо, на котором сам уже успел написать «За». Троцкий засопротивлялся. Между тем опрос по телефону членов ПБ по кандидатуре Троцкого дал такие результаты: Сталин и Рыков – «за», Калинин – «не возражаю», Каменев и Томский воздержались, Троцкий – «категорически отказываюсь». Политбюро рассматривает вопрос 14 сентября. Кандидатура Каменева в качестве зампреда СНК утверждена. При этом ПБ, как было записано, «с сожалением констатирует категорический отказ т. Троцкого»[2510].

Почему он отказался? «Ленину нужны были послушные практические помощники, – скромно объяснял Троцкий в мемуарах. – Для такой роли я не годился»[2511]. Всего лишь одним из замов он себя не видел. «Тов. Ленин ответил, что против моего желания он не станет предлагать меня замом»[2512]. Больше Ленин к этому вопросу не возвращался. Полагаю, «тройка» с облегчением вздохнула.

С 17 сентября Ленин развил бурную активность. От члена коллегии Наркомвнудела Полякова ему требуется информация о том, «как у нас дело с *трудгужналогом*. Итог (кубов и *сколько шпал*?) % исполнения? и т. п.». От Наркомфина Владимирова ему надо выяснить, «1) сколько у нас осталось золота? (а) всего, (б) в

том числе свободного от **всяких** обязательств? 2) сколько других ценностей (*совсем кратко*, в наиболее общих обозначениях). 3) размер дефицита теперь (последний квартал или месяц)»[2513]. Раздосадованный плохим качеством письменных принадлежностей, которые теперь понадобились, Ленин отчитал дежурного секретаря: «И конверты и клей такая гадость, что терпеть нельзя. И то и другое выпишите из Берлина»[2514]. При всей активности Ленин тут же просит Чичерина на все обращения корреспондентов о приеме их главой правительства отвечать отказом.

Главными вопросами, которые его тогда занимали (и будут занимать до конца сознательной жизни) были перепись чиновников в Москве, руководство Госпланом. 25 сентября он писал Рыкову: «По-моему, абсолютно необходимо произвести однодневную перепись всех чиновников и служащих города Москвы… Наш аппарат такая мерзость, что его надо чинить радикально»[2515]. Свидание с Пятаковым по госплановой проблематике состоялось 24 сентября, содержание беседы Ленин сам суммировал в инструкции: «1) на т. Пятакова возлагается организация (и подтягивание по-военному) самого аппарата Госплана (или аппарата самого Госплана); главным образом через исполнительного управдела. Самому на это около получаса в день максимум»[2516].

И, начиная с 22 сентября, Ленин всерьез озаботился национальным вопросом и созданием СССР. Кто-то до сих пор считает, что лучше бы он этого не делал. Но об этом отдельно и чуть ниже.

Ленин деятельно готовился к возвращению в Москву. 23 сентября Ленин уже нетерпеливо писал в аппарат СТО Смольянинову: «Я приезжаю 1 или 2.X. Во вторник, 3.X, буду председательствовать. Заседание *5*–9 часов. С перерывом ¼ часа. Предупредите курильщиков. *Не курить. Строго.* В перерыве (в соседней комнате) чай и курение»[2517].

Между тем выяснилось, что затеянный в кремлевской квартире ремонт затягивался. Ленин устраивает разнос Енукидзе: «Убедительно прошу *внушить* (и *очень* серьезно) всем заведующим ремонтом квартиры, что *я абсолютно* требую *полного* окончания к 1 октября. Непременно полного… Я нарушения этой просьбы не потерплю»[2518]. Несмотря на приданное ускорение, поселиться в своей квартире сразу по приезде в Москву, 2 октября, все же не удалось. Ремонт был почти завершен, но все еще сильно пахло краской от заново выкрашенных окон и дверей.

Пришлось Ленина после долгого перерыва временно

поселить в другой части здания Судебных установлений, в трех комнатах рядом с кабинетом Цюрупы.

Глава 12
Последний рывок

Ужас
из железа
выжал стон.
По большевикам
прошло рыданье.

Ленин вернулся

Третьего октября Ленин председательствовал на заседании Совнаркома. «Заседание было многолюдным, присутствовало 54 человека, – вспоминала Фотиева. – Пришли не только члены Совнаркома и их заместители, но все, кто имел хотя бы отдаленное право присутствовать на заседании СНК… Товарищи предполагали сделать это заседание особенно торжественным. Пригласили фотографа, заготовили приветственные речи. Но все вышло иначе. ВИ как-то незаметно вошел в зал из своего кабинета, сел на председательское место, открыл заседание и приступил к деловому обсуждению повестки, не дав никому произнести речей. ВИ согласился только сфотографироваться вместе со всеми, и то лишь после окончания работы».

Первое, что он предложил – попытаться упорядочить работу: вносить вопросы за 72 часа до начала заседания, за исключением тех, по которым будет специальное решение СНК или СТО. Для вопросов, вносимых из Малого Совнаркома и Финансового комитета, срок мог сокращаться до 24 часов. «Заседание было непродолжительным. Несмотря на сугубо деловой характер обсуждаемых вопросов и высказываний в прениях, заседание прошло на особенном подъеме. Каждый чувствовал: “Наш Ильич снова с нами”. И это было праздником»[2519]. Со слезами на глазах.

Ленин стремился удивить собравшихся способностью выполнять свои обычные обязанности, как будто ничего не случилось, но слабость его и раздраженность были налицо. Луначарский, чуть менее, чем Фотиева, склонный к апологетике, замечал, что возвращение «было встречено с какой-то тревожной, таившей в себе грусть, радостью. Ленин был не совсем тот. Он надел большие очки, чтобы предохранить глаза, и это меняло его. Он по-прежнему бодро вел заседание, прекрасно вникал в суть дел, предлагал окончательные резолюции, но в его речи чувствовалась какая-то беспокоившая затрудненность. Наркомы шептались между собой:

– Поправился, выздоровел, еще есть следы болезни, но пройдет, наладится».

Но вместе с тем где-то в глубине сердца таилось мучительное сомнение»[2520]. Заседания Совнаркома теперь редко кончались позже 10 часов. «Можно определенно сказать, что к 10 часам ВИ уже чувствовал себя утомленным, – видел Леплевский. – То громадное внутреннее напряжение, с которым он вел заседание, к концу давало себя знать. Это явно обозначалось на лице ВИ, а также в нотках и тембре его столь богатого интонациями

голоса»[2521].

На этом и следующих заседаниях коллеги старательно избегали полемики. Однако их вежливость только усиливала его возбуждение. Вечером 3 октября доктор Кожевников записал: «Чувствует ВИ себя хорошо, только беспокоит зуб. Он болит, назревает флюс. Заседание мало утомило ВИ, но он сам заметил, что были небольшие ошибки, так как он отвык от председательствования и еще недостаточно вошел в курс дела и не втянулся в работу». 4 октября в газете «Известия» было напечатано сообщение: «Тов. Ленин приступил к работе»[2522].

И на последующих заседаниях Ленин был гораздо пассивнее и менее внимателен, чем обычно. Иногда он, не замечая этого, терял место в зачитываемом тексте и повторял целые абзацы. Любой шум выводил его из себя. «Поручается Вам строго следить за тем, чтобы на заседаниях не велось частных разговоров и останавливать разговаривающих»[2523], – написал он инструкцию секретариату СНК и СТО. Писать связные тексты не получалось. Зиновьев просил Ленина: «если время Вам позволит, не удастся ли Вам написать к выходящему № «К[оммунистического] И[нтернационала]» хотя бы небольшую статью о 5-летии? Может быть, в форме тезисов к будущему Вашему докладу? Крайне было бы необходимо». Ленин ответил категорическим отказом: «Никак не могу. Зуб проклятый оттянул дело; нервы пока плохи»[2524]. Выдерживать даже облегченный график не удавалось. 6 октября Каменеву: «Я сегодня с флюсом и с температурой. Думаю не выходить ни утром в ЦК, ни вечером в *СТО*. Давайте сноситься бумагами»[2525].

Вновь обосновавшись в Кремле, Ленин опору свою по-прежнему видел в «тройке». «Вернувшись к работе осенью 1922 года, ВИ нередко по вечерам видался с Каменевым, Зиновьевым и Сталиным в своем кабинете, – писала Мария Ильинична. – Я старалась иногда по вечерам разводить их, напоминая запрещение врачей долго засиживаться. Они шутили и объясняли свои свидания просто беседой, а не деловыми разговорами»[2526]. Помимо тройки в списке нередких посетителей Ленина значатся и другие: Молотов, Лозовский, Уншлихт, Смилга. Возобновились многочисленные ленинские записочки, вновь касавшиеся всех аспектов государственного управления.

Продолжал Ленин появляться на заседаниях Политбюро и на предшествовавших им неформальных совещаниях. Однако следует заметить, что присутствие на заседаниях ПБ не вполне здорового Ленина начало тяготить «тройку». Некоторые серьезные решения старались принимать без его участия – когда его не было или ближе к концу заседания, когда Ленин из-за

усталости уходил в свою квартиру.

Болезнь и не думала отпускать главу Советского правительства, а сам он и не думал соблюдать режим. «Не оспаривая предписания врачей, ВИ обходил их с помощью множества уловок и маленьких хитростей». Ленин в октябре – ноябре 1922 года написал не менее 177 писем и записок, принял до 150 посетителей, председательствовал на семи заседаниях Совнаркома и пяти заседаниях СТО, участвовал в 7 заседаниях Политбюро[2527]. Вся эта прыть здоровья не прибавляла. Врачи фиксировали склонность к неконтролируемому плачу, в том числе при звуках музыки, – ухудшение зрения, памяти, способности концентрировать внимание. 15 октября установленный по возвращении режим работы – ежедневно пять часов с двумя днями отдыха – был изменен, добавился третий день отдыха[2528]. «Врачи настаивали, чтобы время председательствования ВИ на заседаниях не превышало 2–2 ½ часа, – фиксировала Фотиева. – Очередные заседания СНК происходили в этот период 1 раз в неделю по вторникам… Заседания СТО происходили по средам и пятницам также в 6 или 5 часов 30 минут дня. Заседания Политбюро – по четвергам в 11 часов утра».

Последний раз в театре Ленин – вместе с супругой – был 29 октября. В студии Художественного театра смотрели спектакль «Сверчок на печи» по пьесе Чарльза Диккенса. «Сентиментальная пьеса не понравилась ВИ, и после первого действия ВИ и Надежда Константиновна ушли домой»[2529].

Не смог он досидеть и до конца последнего для него Пленума ЦК 6 октября, где решалась судьба союзного государства.

С легкой руки Сталина принято выделять три фазы создания СССР. Считалось, что после начала Гражданской войны возник военный союз республик для совместной борьбы за свое существование. Вторая фаза сближения была связана с подготовкой к Генуэзской конференции, когда восемь республик подписали соглашения о совместном участии в советской делегации, и это получило название их дипломатического союза. К лету 1922 года назрел третий этап, который Сталин стыдливо называл «фазой хозяйственного объединения»[2530], но на практике означал формирование союзного государства. Главным мотором этого процесса выступал Генсек, который писал Ленину: «Мы пришли к такому положению, когда существующий порядок отношений между центром и окраинами, т. е. отсутствие всякого порядка и полный хаос, становятся нетерпимыми, создают конфликты, обиды и раздражение, превращают в фикцию т. н.

единое федеративное народное хозяйство, тормозят и парализуют всякую хозяйственную деятельность в общероссийском масштабе»[2531].

Десятого августа ПБ постановило образовать комиссию Оргбюро во главе со Сталиным – по установлению формы единого государства и выработке конституции. После этого, как напишет сам Сталин, он в присутствии Орджоникидзе, Кирова и Мясникова набросал тезисы об объединении республик и повез их Ленину. Набросок этот, утверждал Сталин, был «известен тов. Ленину и одобрен им в бытность мою у тов. Ленина в “Горках”, кажется, в конце августа». В тезисах Сталин приходил к выводу: «необходимо завершить процесс все усиливающегося сближения республик объединением их в одну федерацию, слив военное и хозяйственное дело и внешние сношения (иностранные дела, внешняя торговля) в одно целое, сохраняя за республиками автономию во внутренних делах». После встречи в Горках Сталин написал «Первоначальный проект» предложений об образовании СССР, где говорилось: «В основу объединения положить принцип добровольности и равноправия республик с сохранением за каждой из них права свободного выхода из союза»[2532].

Однако в первых числах сентября Сталин предложил уже третий, еще более смелый документ, и именно его он направил для обсуждения в ЦК республик. И именно он получит название сталинского плана автономизации. Генсек решил попробовать уломать республики на «формальное вступление независимых Советских республик: Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии и Армении в состав РСФСР»[2533].

И ведь Сталину почти удалось! Его поддержали, хоть и без особого энтузиазма, ЦК всех республик кроме одной – Грузии. На заседании ЦК КПГ 15 сентября, куда специально был высажен мощный десант в лице Орджоникидзе, Кирова, Енукидзе, Сокольникова, предложение о вхождении в РСФСР было, тем не менее, отвергнуто пятью голосами против одного (Элиава). Миха Цхакая воздержался.

На первом заседании Комиссии Оргбюро Молотов председательствовал, центр представляли также Сталин, Орджоникидзе, Сокольников; Украину – Петровский, Белоруссию – Червяков, Азербайджан – Ага-Малы-оглы, Армению – Мясников, Бухару – Фейзула Ходжаев. Представителя Грузии Мдивани не было. И в его отсутствии одобрили главный пункт, где признавалась целесообразность «заключения договора между советскими республиками Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии, Армении и РСФСР о формальном вступлении первых в состав РСФСР»[2534]. На следующий день появился Мдивани,

выступивший главным возмутителем спокойствия. Тем не менее, с отговорками о необходимости еще раз все обсудить в самих республиках, формула автономизации была одобрена.

Тут-то – 22 сентября – Ленин и заинтересовался работой комиссии Оргбюро[2535]. Чтобы иметь информацию из первых рук, Ленин 23-го встретился с председателем Среднеазиатского бюро Рудзутаком, а затем членам комиссии Бухариным и 25-го – Сокольниковым.

Записка Сталина с обоснованием формулы автономизации пришла 25 сентября. Описав хаос в отношениях с республиками, их неподчинения Москве, он доказывал: «За четыре года гражданской войны, когда мы ввиду интервенции вынуждены были демонстрировать либерализм Москвы в национальном вопросе, мы успели воспитать среди коммунистов, помимо своей воли, настоящих и последовательных социал-независимцев, требующих независимости во всех смыслах… Сейчас речь идет о том, как бы не “обидеть” националов; через год, вероятно, речь пойдет о том, как бы не вызвать раскол в партии на этой почве, ибо “национальная” стихия работает на окраинах не в пользу единства советских республик, а формальная независимость благоприятствует работе»[2536]. Сталин в заключение писал: «Во вторник поговорим подробнее».

Встреча 26 сентября продолжалась 2 часа 40 минут и, не исключено, на повышенных тонах. Ленин со Сталиным не согласился и изложил ему собственный план «федерализации», который заключался не во вступлении республик в состав РСФСР, а в слиянии их вместе с Россией в формальный равноправной Союз Советских Республик Европы и Азии.

Ленин писал Каменеву: «Я беседовал об этом вчера с Сокольниковым, сегодня со Сталиным. Завтра буду видеть Мдивани (грузинский коммунист, подозреваемый в “независимстве”). По-моему, вопрос архиважный. Сталин немного имеет устремление торопиться… Одну уступку Сталин уже согласился сделать… Мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию, Союз советских республик Европы и Азии… Важно, чтобы мы не давали пищи “независимцам”, не уничтожали их *независимости*, а создавали еще *новый этаж*, федерацию равноправных республик… Сталин согласился отложить внесение резолюции в Политбюро Цека до моего приезда»[2537]. Далее Лениным предлагались поправки ко всему тексту резолюции.

В советское постсталинское время принято было считать, что Ленин, питая ненависть к царской «тюрьме народов»

и национальному высокомерию, решил положить конец политике русификации, дать свободу, равноправие и самоуправление всем народам и их республикам. А Сталин – великорусский националист – собрался их поставить под жесткий контроль Москвы. Не совсем так.

Открытый союз республик был нужен Ленину, в первую очередь, для того, чтобы к нему в дальнейшем могли присоединяться другие страны Европы и Азии, свергающие капитализм. Не входить же, скажем, Германии, Англии или Японии после (пусть уже и не скорой) победы там социалистической революции в состав РСФСР. Современный историк вопроса А. Косаковский совершенно справедливо замечает: «Такая позиция Ленина, остававшегося по сути своей в первую очередь революционером, была основана на сохраняющейся у него вере в торжество грядущей мировой революции. С ее наступлением федеральное устройство государства, право на самоопределение открывают возможность присоединения к союзу все новых и новых республик. В отличие от Ленина, Сталин в своих взглядах на решение национального вопроса выступал в первую очередь как державник, а уж потом как революционер»[2538]. В сталинских идеях неделимости России Ленин видел препятствие на пути реализации глобальных планов соединения пролетариев всех стран в единую семью народов под эгидой Москвы и Коминтерна. И именно во имя этого ему нужна была формальная децентрализация, которую он намеревался на практике свести к нулю с помощью жесткой вертикали партийных органов, спецслужб и армии. Уже их-то он точно не собирался децентрализовывать.

«Ленин считал именно русский национализм главной опасностью, которая может препятствовать превращению русской революции в революцию мирового пролетариата»[2539], – пишут Жорес и Рой Медведевы о сути конфликта между Лениным и Сталиным по поводу образования СССР. Ильич увидел у Кобы недопустимую «правизну». А спорить с больным Лениным? Никто на это не был настроен, даже Сталин, позволивший себе лишь небольшие арьергардные бои, хотя и был вне себя. Но формально пошел Ленину навстречу.

При этом Сталин резко возражал против создания над российскими еще и федеральных структур, считая что «существование двух ЦИКов в Москве, из коих один будет представлять, видимо, “нижнюю палату”, а другой – “верхнюю”, – ничего кроме конфликтов и трений, не даст…» Возразил еще против одного пункта: «по-моему, товарищ Ленин “поторопился”, потребовав слияния наркоматов финансов, продовольствия, труда

и народного хозяйства в федеральные наркоматы. Едва ли можно сомневаться в том, что эта “торопливость” даст пищу “независимцам” в ущерб национальному либерализму т. Ленина».

Учитывая последующую громоздкость конструкции советских и российских органов, которая держалась только благодаря отсутствию компартии РСФСР, а также вспоминая обстоятельства распада Союза ССР в конце 1980-х – начале 1990-х, когда российский лидер просто уволил союзного, аргументы Сталина вряд ли можно признать безосновательными. Ленинская формула, как станет ясно много позже, и станет формулой распада СССР. Не знаю ни одну страну современного мира, где бы существовал принцип свободного выхода из нее любой части этой страны. Но устоять под напором авторитета возвращавшегося в Кремль Ленина было сложно.

На заседании ПБ 28 сентября Каменев и Сталин обменялись записками. «Каменев: Ильич собрался на войну в защиту независимости… Сталин: Нужна, по-моему, твердость против Ильича… Каменев: Думаю, раз ВИ настаивает, хуже будет сопротивляться. Сталин: Не знаю. Пусть делает по своему усмотрению»[2540]. Ленин меж тем не сидел без дела. 27 сентября он встретился с Мдивани, 28-го – с Орджоникидзе, 29-го – с Окуджавой, Цинцадзе, Думбадзе, а затем – с Мясниковым.

А шестого октября Ленин занял кресло председателя на специально обсуждавшем этот вопрос пленуме ЦК, где получил твердую поддержку от Каменева и рупора мировой революции Бухарина. Хотя до конца пленума Ленин не досидел – разболелся зуб, – Сталин в открытый конфликт вступать не стал. Было решено: «1. Признать необходимым заключение договора между Украиной, Белоруссией, Федерацией Закавказских Республик и РСФСР об объединении их в Союз Социалистических Советских Республик с оставлением за каждой из них права свободного выхода из состава Союза…»[2541]

Ленин одержал легкую победу, но вовсе не успокоился. В вечер триумфа на пленуме он написал: «Т. Каменев! Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть. Как только избавлюсь от проклятого зуба, съем его всеми здоровыми зубами»[2542].

Ленинский проект «федерализации» был поддержан всеми республиками. За исключением, естественно, Грузии, где захотели войти в состав СССР не через Закавказскую Федерацию, а самостоятельно. Расхлебывавший эту кашу первый секретарь Закавказского крайкома Орджоникидзе с присущей ему прямотой назвал верхушку КПГ «шовинистической гнилью, которую немедленно надо отбросить»[2543]. ЦК КПГ протестовал и

апеллировал к Москве. Ленин 21 октября жестко ставил грузинский ЦК на место: «Я был убежден, что все разногласия исчерпаны резолюциями пленума *Цека* при моем косвенном участии и при прямом участии *Мдивани*. Поэтому я решительно осуждаю брань против *Орджоникидзе* и настаиваю на передаче вашего конфликта в приличном и лояльном тоне на разрешение Секретариата ЦК РКП, которому и передано ваше сообщение по прямому проводу»[2544]. Казалось, вопрос о создании СССР – в том, что касается Ленина, – исчерпан. Так только казалось.

После этого весь ЦК Грузии ушел в отставку. Орджоникидзе получил карт-бланш на его обновление, чем вызвал еще большую озлобленность ЦК прежнего. Кончилось тем, что Орджоникидзе в ярости избил одного из сторонников Мдивани – А. Кабакидзе, – который назвал его «сталинским ишаком». На протяжении второй половины октября и почти всего ноября о конфликте по национальному вопросу не вспоминали. Однако в конце ноября по не вполне понятной причине, но в очевидном раздражении на Сталина, Ленин пришел к выводу, что в грузинском деле не все чисто. Он потребовал отправить в Грузию специальную комиссию во главе с Дзержинским.

Еще один конфликтный узел назрел в вопросе о монополии внешней торговли. Суть спора состояла вовсе не в том, допускать к ней субъекты рынка, частный капитал или нет. Об этом в высшем руководстве никто даже помыслить не мог. Речь шла о ширине бутылочного горлышка, через которое *государственные* структуры осуществляли бы внешнеэкономическую деятельность. Наркомат внешней торговли настаивал на своей монополии, и именно ее будет защищать Ленин. Многие другие полагали, среди них наибольшую активность проявляли Сокольников, Милютин, Фрумкин, что во внешней торговли могли бы участвовать и другие хозяйственные наркоматы, государственные корпорации и тресты.

Впервые этой проблемой Ленин, похоже, озаботился в марте 1922 года после возвращения из Костино, когда спрашивал Красина: «Прошу объяснить мне популярно (я болен и туп) не более чем в 10 строках разницу между 1) отменой абсолютной монополии внешней торговли с заменом ее режимом торговых концессий и 2) сохранением (не абсолютной) монополии внешней торговли». Получив информацию от Красина, который был сторонником монополии своего ведомства, Ленин начал подозревать приверженцев иной точки зрения в неуемной рыночности и намерении распродать Россию.

Вновь внешнеэкономической проблематикой Ленин озаботился в сентябре, перед возвращением в Кремль. Встал в

практическую плоскость давно обсуждавшийся вопрос о предоставлении концессии Лесли Уркарту. Красин вступил с ним в Берлине в завершающую стадию переговоров, которые завершились 9 сентября подписанием предварительного концессионного договора. А уже 12 сентября Ленин пишет Сталину: «Прочитав договор Красина с Уркартом, я высказываюсь против его утверждения. Обещая нам доходы через два или три года, Уркарт с нас берет деньги сейчас. Это недопустимо совершенно». Красин 18 сентября появился в Горках. Проговорил с Лениным два с половиной часа, после чего предсовнаркома твердо и однозначно высказался против концессии: слишком большой срок – 99 лет, и слишком большой масштаб. Вопрос о договоре с Уркартом был внесен на октябрьский пленум ЦК, который его отклонил.

Там же принимается одно решение, которое Ленин счел категорически неприемлемым. Он разразился разгромным письмом Сталину: «Решение пленума ЦК от 6.X (протокол № 7, п. 3) устанавливает как будто неважную, частичную реформу: “провести ряд отдельных постановлений *СТО* о временном разрешении ввоза и вывоза по отдельным категориям товаров или в применении к отдельным границам”. Но на деле это есть срыв монополии внешней торговли…»[2545] Большинство Политбюро в недоумении: никто из них не собирался ликвидировать государственную внешнеторговую монополию. Но Ленин настаивал на пересмотре решения на следующем пленуме, намеченном на декабрь.

Сталин 20 октября обратился ко всем членам ЦК: «Письмо тов. Ленина не разубедило меня в правильности решения пленума ЦК от 6 октября о внешней торговле. Тем не менее, ввиду настоятельного предложения т. Ленина об отсрочке решения пленума ЦК исполнением, я голосую за отсрочку с тем, чтобы вопрос был поставлен на обсуждение следующего пленума с участием Ленина»[2546]. «Тройка» обещала исправиться, но Ленин ей уже в этом вопросе не доверял. Испытывая все большее нетерпение по мере приближения пленума, он обратится за поддержкой к Троцкому, чья безупречная ультралевизна предохраняла его от крамольных мыслей о свободе торговли.

Впервые после полугодового перерыва Ленин выступил на публике 31 октября – на IV сессии ВЦИК. Заседали в золоте Андреевского зала Большого Кремлевского дворца в присутствии представителей дипломатического корпуса, уже начавшего сомневаться в том, что глава советского правительства жив. «Его ждали с большим волнением, – заметила Фотиева. – ВИ также

был взволнован и озабочен». Публичное выступление – в октябре – ноябре их будет три – превращалось в почти смертельный номер. Ленину было физически тяжело выступать.

Появление Ленина было встречено бурными овациями. Он сразу же предупредил, что ограничится «лишь небольшими словами приветствия».

– Необходимо, конечно, направить наше приветствие Красной Армии, которая на днях показала еще раз свою доблесть, взяв Владивосток и очистив всю территорию последней из связанных с Советской Россией Республик.

Отметил, что это заслуга также и советской дипломатии, которой предстоит вновь заявить о себе на Лозаннской конференции по Ближнему Востоку. А далее перешел к повестке сессии, утвердившей кодекс законов о труде, земельный кодекс, закон о судоустройстве. Назвал их большим завоеванием советской власти. Привычно констатировал, что в сравнении с капстранами «мы наименее культурны, производительные силы у нас развиты меньше всех, работать мы умеем хуже всех». Посетовал в этой связи на государственный и советский аппарат в центре и на местах, подчеркнув необходимость его децентрализации.

– Мы уверены, что наш аппарат, который страдает весьма многими недостатками, который раздут гораздо больше, чем вдвое, который очень часто работает не на нас, а против нас, – эту правду нечего бояться сказать, хотя бы и с трибуны высшего законодательного учреждения нашей республики, – будет улучшен[2547], – сказал творец этого аппарата его представителям, сидевшим в зале.

«Речь Владимира Ильича продолжалась 20 минут. В секретарской записи сказано, что выступлением остались довольны не только все, но и он сам:

– Сказал все, что хотел сказать»[2548].

Приближался первый крупный юбилей – пятилетие – главного события в жизни Ленина и всей страны – Октябрьской революции. Его празднование закладывало традиции будущих больших торжеств. К 7 ноября в витринах магазинов красовались портреты Ленина, Троцкого и Маркса, загорались красным электрическим цветом большие пятерки.

В торжественный день на Красной площади выстроились войска. Ленина не было. В 11 утра прозвучала команда «Смирно!». Главвоенмор Троцкий пешком начал обходить и приветствовать войска. «Долго не смолкало над площадью восторженное «Ура!». Троцкий поднялся на специально построенную трибуну, где стояли члены ПБ, и произнес, как

всегда, пламенную речь. Парад начался с пролета сорока аэропланов, затем по брусчатке зацокали копытами гнедые лошади кавалеристов, прогрохотали тачанки с пулеметами, лошади тянули артиллерию. Прошли курсанты, моряки, газовая команда, войска всевобуча. Проехали броневики «Степан Разин» и «Емелька Пугачев». В начале второго на площадь вошли колонны трудящихся столицы, потянулись грузовики с питомцами детских домов, инвалидами и пенсионерами, учащиеся пронесли революционные лозунги, чучела Чемберлена и Муссолини[2549].

Ленин в тот день ограничился письменным поздравление трудящихся завода б. Михельсона, где его чуть не подстрелили: «Очень жалею, что маленькое нездоровье именно сегодня заставило меня сидеть дома. Шлю вам самые горячие приветствия и пожелания к пятилетнему юбилею. На следующее пятилетие желаю успешной работы»[2550]. Он отказался от выступления на объединенном заседании Коминтерна и Моссовета в Большом театре[2551], где его ждали делегаты IV конгресса КИ.

Участие Ленина в конгрессе изначально было под большим вопросом. Еще до возвращения в Кремль – 18 сентября – он давал Зиновьеву условное согласие выступить с докладом, но просил одновременно готовить страховочный вариант: «1) Троцкий должен быть тоже для замены (*и для самостоятельного* доклада); 2) я вправе *надуть*, но только если здоровье или дела *не позволят*».

На открытие конгресса 5 ноября в Петроград прибыли представители 58 коммунистических партий, а также Коммунистического Интернационала молодежи, Профинтерна, Международного женского секретариата, Организации негров США, Международной рабочей помощи. Ленин ограничился письменным посланием: «Петроградским рабочим и их новому Совету, принимающим в своем городе IV конгресс Коминтерна, лучшие пожелания и горячий привет… На ваше приглашение побывать в Петрограде надеюсь ответить приездом в скором будущем»[2552]. Но затем делегаты перемещались в Москву.

Ленин решил пойти ва-банк. Чтобы продемонстрировать свою полную интеллектуальную реабилитацию, он отважился сделать доклад на тему «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции». И не просто так, а на немецком языке. Впрочем, не исключаю, что немецкий был выбран для того, чтобы о связанности и содержательности речи могли судить только несколько делегатов, для которых немецкий был родным. И которые могли списать смысловые недостатки на издержки в знании иностранного языка. А россияне знакомились с речью в отредактированном переводе. Готовился тщательно. Штудировал

стенограммы III конгресса Коминтерна и свою брошюру о продналоге на немецком. 11 ноября весь день готовился к докладу, вечером принял редактора немецкой секции Коминтерна и долго беседовал с ним по-немецки.

Тринадцатого ноября Аросев впервые за многие месяцы увидел Ленина – в фойе Большого Кремлевского дворца: «Быстрыми шагами, пальто внакидку, на голове шапка, у которой уши на макушке черным бантом завязаны, шел Ленин, а с ним обе сестры, жена и итальянец Бордига. С итальянцем он о чем-то говорил по-французски. Раза два поклонился кому-то.

Ленин сбросил на стул пальто и шапку и поспешно встал у кафедры, так что никто из членов президиума не поспел сесть за стол и открыть заседание. И только когда порывисто заплескались сотни рук, когда ни один из присутствующих ничего не мог вымолвить и сквозь радостную пелену влаги, окутавшую глаза, только хлопал и хлопал в ладоши… из комнаты справа к столу один по одному поспешно собрались члены президиума. Ленин был очень смущен. Чтобы чем-нибудь заняться у кафедры, он стал перебирать листочки. Потом попробовал откашляться, чтобы говорить. Тогда хлопки полетели с удвоенной силой. Ленин, порывшись в карманах, достал носовой платок и стал сморкаться. Потом опять крякнул, предвещая свое слово, но тут хлопки вдруг оборвались, и грянул на разных языках, но стройно, и мощно, и гулко Интернационал. Ленин быстрым и властным движением провел вправо-влево по своим рыжим усам и начал свою речь по-немецки» [2553].

– Я числюсь в списке ораторов главным докладчиком, но вы поймете, что после моей долгой болезни я не в состоянии сделать большого доклада. Я могу дать лишь введение к важнейшим вопросам. Моя тема будет весьма ограниченной.

Ленин действительно ограничился российской внутриэкономической проблематикой, не сказав практически ничего о мире или Коминтерне. Сначала напомнил содержание «Очередных задач Советской власти» весны 1918 года, где уже писал о предпочтительности государственного капитализма. Вывел из этого органичность новой экономической политики, которая тогда была «еще очень смутной идеей», но материализовалась в условиях «внутреннего политического кризиса Советской России» в начале 1921 года. Оживление в зале возникло, когда Ленин решил перечислить достижения на экономическом фронте.

– Прежде всего остановлюсь на нашей финансовой системе и знаменитом российском рубле. Я думаю, что можно русский рубль считать знаменитым хотя бы уже потому, что количество

этих рублей превышает теперь квадриллион.

Смех в зале, и Ленин говорит, что инфляция вроде как замедлилась. Затем перешел к социальным целям.

– Самое главное – это, конечно, крестьянство. В 1921 году мы безусловно имели налицо недовольство громадной части крестьянства. Затем мы имели голод… Крестьянство за один год не только справилось с голодом, но и сдало продналог в таком объеме, что мы уже теперь получили сотни миллионов пудов, и притом почти без применения каких-либо мер принуждения.

Легкая промышленность демонстрирует «общий подъем», в тяжелой промышленности «положение все еще остается тяжелым», но «наблюдаем уже заметное улучшение».

– Несомненно, что мы сделали и еще сделаем огромное количество глупостей. Никто не может судить об этом лучше и видеть это нагляднее, чем я (*Смех*). Почему же мы делаем глупости? Это понятно: во-первых, мы – отсталая страна, во-вторых, образование в нашей стране минимальное, в-третьих, мы не получаем помощи извне… В-четвертых, по вине нашего государственного аппарата[2554].

Постепенно речь набирала обороты. «Сначала осторожно: видно, жалел себя, соразмерял свои силы, – наблюдал Аросев. – Потом проснулся в нем старый, сильный, пламенный революционер. Он загорячился. Забыв немецкие слова, пощелкивал пальцем, чтобы вспомнить. Из первых рядов и из президиума вперебой подсказывали нужные слова. Некоторые подсказки он отвергал и искал выражений более тонких, более точных.

– Что делается, совсем прежний Ильич!

– А ведь ему усиленно телефонировали с того света, – сказал мне кто-то сбоку в ухо, – и поэтому я думаю, не рано ли ему выступать?

Должно быть, так же змий посеял сомнение в душу человеческую о ее безгрешности. Что же, змий был прав… В середине речи у Ленина наступил какой-то перелом: он, видимо, стал уставать. Голос становился глуше, и реже он пощелкивал пальцами, – должно быть, не мог уже так заострять свою мысль»[2555]. Лозовский в зале переживал: «Вид у него был чрезвычайно болезненный… Говоривший обычно свободно по-немецки, на этот раз он запинался: чувствовалось огромное внутреннее напряжение, которое ему потребовалось для того, чтобы вообще выступить на конгрессе»[2556]. Концовку, касавшуюся собственно Коминтерна, Ленин очевидно скомкал.

– Я беседовал с некоторыми прибывшими сюда делегатами и надеюсь в дальнейшем ходе конгресса хотя и не лично

участвовать в нем – это, к сожалению, для меня невозможно, – но подробно поговорить с большим числом делегатов из различных стран.

Раскритиковал резолюцию предыдущего конгресса «об организационном построении коммунистических партий и о методах и содержании их работы»:

– Резолюция прекрасна, но она почти насквозь русская, то есть почти все взято из русских условий… Все сказанное в резолюции осталось мертвой буквой.

И завершил речь призывом к «русским и иностранным товарищам» учиться:

– Мы учимся в общем смысле. Они же должны учиться в специальном смысле, чтобы действительно постигнуть организацию, построение, метод и содержание революционной работы, если это совершится, тогда, я убежден, перспективы мировой революции будут не только хорошими, но и превосходными[2557].

Бурные овации. Бухарин напишет: «У нас сердце замирало, когда Ильич вышел на трибуну: мы все видели, каких усилий стоило Ильичу это выступление. Вот он кончил. Я подбежал к нему, обнял его под шубейкой: он был весь мокрый от усталости – рубашка насквозь промокла, со лба свисали капельки пота, глаза сразу ввалились…»[2558]

Операторы потом досадовали, что упустили шанс запечатлеть исторический момент. «Ильич тогда только что оправился после тяжкой болезни, и его не разрешено было снимать, но, когда заседание конгресса закончилось, операторы остались ждать у Кремля в надежде увидеть ВИ и испросить у него разрешения на съемку, – расскажет В. Яковлев. – И действительно, вскоре на пороге появился тов. Ленин.

– А-а, питерцы, здравствуйте! – обратился он к съемщикам. – Что, опять приехали снимать меня? Не дам.

Это была последняя киновстреча»[2559].

Двадцатого ноября собралась руководящая в коминтерновских делах «пятерка ЦК» в составе Ленина, Троцкого, Зиновьева, Радека и Бухарина и утвердила подготовленный Лениным проект резолюции конгресса КИ о его программе: «1. Все программы сдаются в Исполком Коминтерна или в комиссию, назначенную им, для детальной обработки и изучения… 2. Конгресс подтверждает, что национальные партии, не имеющие еще своих национальных программ, должны немедленно приступить к выработке таковых с тем, чтобы не позже, как за три месяца до следующего конгресса, внести их в Исполком для окончательного утверждения на будущем конгрессе»[2560].

Осенью 1922 года Ленин вполне благодушно смотрел на окружающий мир и высоко оценивал достижения собственной дипломатии, в которой не видел необходимости каких-либо изменений[2561].

Его последней внешнеполитической игрой стала подготовка к международной конференции по Турции. «При живейшем участии ВИ была обсуждена и принята та программа, которую мы защищали в Лозанне… Обсуждение вопроса о проливах с ВИ было последним, которое я с ним имел»[2562], – напишет Чичерин.

Англичане, французы и итальянцы неохотно начали переговоры, когда стал ясен исход греко-турецкой войны. Генеральное сражение произошло у Афьон-Карахисара 26 августа. Разбитая греческая армия побежала к Смирне. 40 тысяч греков были посажены на суда, а еще 50 тысяч оказались в плену, а армия Мустафы Кемаля, отпраздновав свой триумф сожжением Смирны и неистовой резней христианского населения, повернула свои колонны к Константинополю и проливам»[2563]. Перед европейскими державами замаячила перспектива величайшего унижения: изгнания их войск из Стамбула бойцами Ататюрка. Итальянцы и французы сбежали, но не англичане, защищавшие Чанак при поддержке флота, который стоял в проливах. Перемирие между Турцией и странами Антанты было подписано 11 октября.

Десятого ноября 1922 года в интервью «Observer» и «Manchester Guardian» Ленин заметил: «Конечно, окончание греко-турецкой войны, которая поддерживалась Англией, является моментом, который увеличивает в известном отношении шансы на заключение англо-русского соглашения. К этому соглашению мы стремились и до окончания этой войны и будем стремиться теперь с наибольшей энергией»[2564]. В Лондоне пришлось иметь дело уже с новым правительством: Чанакский кризис положил конец премьерству Ллойд Джорджа, которого сменил глава консервативного кабинета Э. Бонар Лоу[2565].

Встал вопрос об участии России в Лозаннской конференции. Ленин отвечал на него положительно. Британская пресса интересовалась у него: считала ли Москва свое участие в решении ближневосточных проблем «делом престижа только, или Вы исключительно исходите из реальных интересов России?». Ленин дал поразительный ответ: «Я надеюсь, что всей нашей международной политикой в течение пяти лет мы вполне доказали, что к вопросам престижа мы относимся совершенно равнодушно и никогда не способны выдвигать какое бы то ни было требование или ухудшать действительные шансы мира между державами только из-за престижа. Я уверен, что ни в

одной державе нет в народных массах такого равнодушия и даже такой готовности встретить вопрос престижа самой веселой насмешкой». Понятие государственного престижа для Ленина было просто пустым звуком.

Конкретную же позицию России по проливам Ленин излагал так: «Во-первых, удовлетворение национальных стремлений Турции… Во-вторых, наша программа заключает в себе закрытие проливов для всех военных кораблей в мирное и военное время… В-третьих, наша программа в отношении проливов состоит в полной свободе торгового мореплавания»[2566].

В Лозаннской конференции участвовали на полных правах Великобритания, Турция, Франция, Италия, Япония, Греция, Румыния, Югославия, делегации России и Болгарии пригласили только для обсуждении вопроса о проливах. Лозанну нередко считают провалом России и дипломатическим успехом Англии и Турции. Проливы с согласия Кемаля были оставлены открытыми не только для торговых, но и военных судов всех стран в мирное время[2567]. Таким образом, южные пределы России становилась открытыми для интервенции. Ататюрк ответил на оказанную ему Лениным военную помощь черной неблагодарностью.

Последний раз Ленин появился на публике 20 ноября 1922 года в 18.30 – на объединенном заседании пленума Московского Совета с членами районных Советов. «Правда» на следующий день писала: «Появление на эстраде тов. Ленина встречается громкими раскатами “ура”, горячими и продолжительными аплодисментами, переходящими в долго несмолкаемую овацию, почти заглушающую не менее мощные звуки “Интернационала”… Тов. Ленин пробует начать свое слово, но его перебивают снова и снова горячие возгласы, несущиеся со всех сторон: “Да здравствует вождь мировой революции!”» Ленин с ходу признавался (неправленый текст стенограммы):

– После болезни, начиная с декабря месяца, я весьма порядочно, выражаясь языком профессионалиста, потерял работоспособность довольно длительно, и в силу уменьшения работоспособности мне пришлось откладывать неделю за неделей настоящее собрание, и пришлось очень значительную долю работы, которую я в начале, как вы помните, взвалил на т. Цурюпу, а потом на т. Рыкова, еще дополнительно взвалить на т. Каменева, и надо сказать, что на нем оказалось внезапно, выражаясь сравнением, которое я уже употребил, два воза, и, хотя продолжая сравнение, надо сказать, что лошадка оказалась исключительно способной и ретивой (Аплодисменты), но все-таки тащить два воза не очень полагается, и я теперь с нетерпением жду времени, когда вернутся товарищи Цурюпа и Рыков, и мы

разделим работу хоть немножко по справедливости[2568].

В основном, оправдывал введение нэпа, делая при этом упор на его временном характере:

– Странное название. Эта политика называется новой экономической политикой потому, что она поворачивает назад. Мы сейчас отступаем, как бы отступаем назад, но мы это делаем, чтобы сначала отступить, а потом разбежаться и сильнее прыгнуть вперед.

Редчайший случай – Ленин заговорил о ценности человеческих жизней (в данном случае, павших от рук врагов):

– Мы из-за них понесли всевозможные потери, потеряли всякого рода ценности и главную ценность – человеческие жизни в невероятно большом масштабе. Теперь мы должны, со всей внимательностью присматриваясь к нашим задачам, понять, что главной задачей теперь будет – не отдавать старых завоеваний. Ни одного из старых завоеваний мы не отдадим.

Последние слова последнего выступления Ленина:

– Позвольте мне закончить выражением уверенности, что, как эта задача ни трудна, как она ни нова по сравнению с прежней нашей задачей и как много трудностей она нам ни причиняет, – все мы вместе, не завтра, а в несколько лет, все мы вместе решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России нэповской будет Россия социалистическая[2569].

Бурные и продолжительные аплодисменты.

Заседание СТО 24 ноября Ленин довести до конца не смог, вышел через полтора часа, усадив на председательское кресло Каменева. 25-го утром случился приступ: судороги в ноге, Ленин упал в коридоре своей квартиры. Родные бросились его поднимать, но он уверил, что поднимется сам. Кожевников и Крамер приехали к полудню. Они предписали недельный отдых и настаивали, чтобы Ленин в течение этого времени абсолютно отказался от любой работы. Однако он упрямо продолжил сидеть на заседаниях Политбюро, СНК и СТО, вести переписку и принимать посетителей. До конца месяца – никаких приступов, встречи – Сталин, Аванесов, Адоратский, Цюрупа, Молотов, Сырцов. Но Ленин все реже появлялся в своем рабочем кабинете, письма и пакеты все чаще оставались невскрытыми или без ответа на столах секретарей.

Четвертого декабря Крамер и Кожевников отметили ухудшение его самочувствия. «Сам В. И. находит тоже, что в последнее время он стал легче утомляться. Вид не особенно хороший, цвет лица землистый. Было предложено уехать на несколько дней в Горки и совершенно не заниматься. Сначала В. И. не хотел на это согласиться, но в конце концов его удалось

уговорить поехать в четверг после заседания и вернуться в понедельник или во вторник»[2570].

Шестого декабря Ленин пришел в кабинет в начале 12-го. Поручил написать от его имени несколько писем. Беседовал со Сталиным в течение 1 часа 40 минут. Вечером принял Богданова и Довгалевского, после чего продиктовал упоминавшиеся в 1-й главе воспоминания о Федосееве и поручил послать их Анне Ильиничне. Седьмого декабря Ленин появился в кабинете в 10.55. В 11 часов началось заседание Политбюро, где он продержался до 14.20. Это было последнее заседание ПБ с участием Ленина. Вечером он появился в кабинете, поговорил по телефону со Сталиным. Внес поправки в проект постановления ПБ о распределении полномочий между Луначарским и его заместителями. В 18.15 ушел домой, после чего наконец-то уехал в Горки[2571].

В Горках не получилось ни отдыха, ни работы: ежедневно накатывали приступы паралича. Мария Ильинична запомнила, что брат в подавленном настроении часами просиживал на террасе, грустный и молчаливый[2572]. Отвлек от печальных мыслей присланный протокол прошедшего накануне заседания ПБ. Оказывается, после его ухода оставшиеся коллеги, да еще вне повестки, осуществили настоящую идеологическую диверсию, отложив высылку из Москвы Рожкова на том хлипком основании, что он покаялся и отрекся от меньшевизма. Ленин вновь вне себя. До этого судьба Рожкова обсуждалась в Политбюро с его участием уже дважды – 20 октября и 16 ноября. И оба раза Ленин добивался принятия решения об изгнании. 8 декабря он пишет Сталину: «Я оспариваю законность принятого вчера решения о Рожкове… Я настаиваю на передаче вопроса на пленум, тем более что до пленума осталась только одна неделя». До пленума дело не дошло. 14 декабря ПБ, отменив свое решение, согласилось выслать Рожкова в Псков.

Полагаю, именно случай с Рожковым заставил Ленина 8 декабря продиктовать из Горок записку: «1. Политбюро заседает по четвергам от 11-ти и никак не позже 2-х. 2. Если остаются нерассмотренные вопросы, то они переносятся либо на пятницу, либо на понедельник на те же часы. 3. Повестка дня Политбюро должна быть разослана не позже, чем к 12-ти часам дня среды. К тому же сроку должны быть присланы материалы (в письменном виде) к повестке».

На следующий день Ленин попытался построить и Совнарком, продиктовав большое письмо Цюрупе – о порядке работы замов и Председателя СНК, прописав график их деятельности. «1. Время работы: 11–2, 6–9; вместе с предСНК в

дни: *понедельник и вторник, четверг и пятница*». Ленин предлагал, чтобы три зама «“сидели” на определенной работе *по два месяца*, а потом *ее меняли*. (Это необходимо в интересах ознакомления всех замов со *всем* аппаратом в целом и в интересах достижения настоящего единства управления)… Так как работа улучшения и исправления всего аппарата гораздо важнее той работы председательствования и калякания с замнаркомами и наркомами, коя до сих пор занимала замов целиком, то необходимо установить и строго проводить, чтобы *не менее двух часов* в неделю каждый зам “опускался на дно”, посвящая личному изучению самые разнообразные, и верхние и нижние, части аппарата, самые неожиданные притом».

Затем Ленин сел писать конспект своего выступления на X съезде Советов. 11 декабря Аллилуева записала в дневнике: «Никаких поручений не было. ВИ ни разу не звонил. Проверить, чтобы в кабинете было не меньше 14 градусов тепла»[2573]. Наутро ожидался приезд Ленина в Москву. Он вернулся из Горок утром 12 декабря. В полдень пришел в кабинет и до 2 часов беседовал с Рыковым, Каменевым и Цюрупой по поводу распределения их полномочий. Ни о чем не договорились. «После этого ушел домой, не дав никаких поручений на вечер. Вечером ВИ пришел в кабинет в 5 часов 30 минут, несколько минут говорил по телефону. От 6 часов до 6 часов 45 минут у ВИ был Ф. Э. Дзержинский, только что вернувшийся из Тифлиса. ВИ беседовал с ним по вопросу о конфликте в ЦК Грузинской компартии… Беседа с Дзержинским сильно взволновала ВИ»[2574]. Из общих соображений можно предположить, что Дзержинский одобрял линию Заккрайкома и самого Орджоникидзе, но проговорился об инциденте с мордобоем. Ленин просил Дзержинского вернуться в Грузию для дополнительного изучения ситуации.

После этого предсовнаркома просмотрел материал о работе торгпредства в Берлине и принял его главу Стомонякова. Тот, полагаю, передал письмо полпреда в Германии Крестинского, написанное еще 3 декабря в Берлине. Крестинский замечал, что «ряд товарищей, побывавших за границей, становятся сторонниками монополии (Цюрупа, Владимиров, Рыков, Аванесов)». Ленин переслал письмо Крестинского Троцкому с припиской: «Черкните поскорее, согласны ли; я буду воевать на пленуме за монополию. А Вы?». Троцкий согласился, добавив, что требуется гибкое регулирование внешней торговли, приспособленное к общим хозяйственным потребностям, чем мог бы заняться Госплан, на который он имел виды. В 20.15 Ленин покинул кабинет. Больше ему в нем работать не придется.

У Ленина 13 декабря было два приступа, когда паралич

охватывал правые конечности. Похоже, это был второй инсульт (или он будет 16-го). Проведенное в 11 утра Кремером и Кожевниковым обследование показывало, что состояние заметно ухудшилось, хотя все объективные показатели были в норме. В истории болезни запись: «С большим трудом удалось уговорить ВИ не выступать ни в каких заседаниях и на время совершенно отказаться от работы. ВИ в конце концов на это согласился и сказал, что сегодня же начнет ликвидировать свои дела»[2575]. Согласился отправиться в Горки. Реально остался на 3 дня, которые провел в кремлевской квартире в суматошной активности.

После ухода врачей, около полудня Ленин вызвал Фотиеву «на квартиру и продиктовал три письма: Сталину – “Для пленума ЦК”; Фрумкину и Стомонякову – о монополии внешней торговли; Цюрупе, Рыкову и Каменеву – о порядке работы заместителей Председателя СНК и СТО»[2576]. В первом письме просил пленум отменить решение Политбюро относительно Рожкова. В послании Каменеву, Рыкову, Цюрупе прерывал затянувшиеся споры о распределении полномочий: «Ввиду обострения болезни я должен ликвидировать сейчас всякую политическую работу и возобновить свой отпуск. Поэтому наши разногласия с вами теряют практическое значение… К первым функциям (т. е. председательствование, контроль за правильностью формулировок и т. д.) больше подходит т. Каменев, тогда как функции чисто административные свойственны Цюрупе и Рыкову». Ленин намеревался вскоре вернуться к работе: «Прошу только иметь в виду, что я даю свое согласие на предложенное вами распределение не на три месяца (в отличие от вашего предложения), а впредь до моего возвращения к работе, если оно состоится ранее чем через три месяца».

Под фотиевским «письмом Фрумкину и Стомонякову» скрывалось на самом деле послание Троцкому (копия Фрумкину и Стомонякову): «Мне думается, что у нас с Вами получается максимальное согласие, и я думаю, что вопрос о Госплане в данной постановке исключает (или отодвигает) спор о том, нужны ли распорядительные права для Госплана. Во всяком случае, я бы очень просил Вас взять на себя на предстоящем пленуме защиту нашей общей точки зрения о безусловной необходимости сохранения и укрепления монополии внешней торговли. Так как предыдущий пленум принял в этом отношении решение, идущее целиком вразрез с монополией внешней торговли… в случае нашего поражения мы должны будем перенести вопрос на партийный съезд…»[2577]

В 12.30 к Старику зашел Сталин, беседовали «до 2 часов 35

минут». Это был последний их разговор. Считается, что говорили о Грузии и монополии внешней торговли. «Вечером, от 7 часов 30 минут до 8 часов 25 минут ВИ диктовал письмо Сталину о монополии внешней торговли. Письмо было разослано членам ЦК как материал к пленуму, назначенному на 18 декабря»[2578]. Там Ленин утверждал: «Вопрос состоит в том, будет ли наш НКВТ работать на пользу нэпманов или он будет работать на пользу пролетарского государства. Это такой коренной вопрос, из-за которого безусловно можно и должно побороться на партийном съезде». Основной запал был направлен против Бухарина, чьи рассуждения «о таможенной политике на практике означают не что иное, как полнейшую беззащитность русской промышленности и прикрытый самой легкой вуалью переход к системе свободной торговли»[2579].

Четырнадцатого декабря Ленин пригласил Ярославского, который в тот момент был, помимо прочего, председателем комиссии СНК по ревизии деятельности торгпредств РСФСР за границей, чтобы поговорить о монополии внешней торговли. «Он тогда очень волновался, что вопрос этот не будет пересмотрен в желательном для Ленина смысле, то есть в смысле отмены предыдущего постановления пленума, и особенно волновался по поводу позиции Зиновьева, Каменева, Бухарина и Сокольникова… Ленин знал, что Сталин высказался уже в письме в Политбюро, что он за сохранение монополии. Он просил меня сговориться с тов. Троцким и вместе защищать вопрос на пленуме ЦК, а если понадобится, то и перенести на фракцию съезда Советов» [2580].

Ленин 15 декабря сначала продиктовал записку Троцкому: «Я считаю, что мы вполне сговорились. Прошу Вас заявить на пленуме о нашей солидарности. Надеюсь, пройдет наше решение, ибо часть голосовавших против в октябре теперь переходит частью или вполне не нашу сторону». А затем надиктовал добавление, где основная мысль: «Я убежден, что если нам грозит опасность провала, то гораздо выгоднее провалиться перед партсъездом и сейчас же обратиться к фракции съезда, чем провалиться после съезда»[2581].

Записки о монополии внешней торговли Троцкий будет использовать для доказательства его альянса с Лениным, направленного против Сталина и «Тройки». Основание слабое. Не Сталин был противником Ленина в вопросе о монополии – имелись другие мишени. К тому же, замечал Ярославский, «Ленин неоднократно в таких случаях обращался к отдельным членам ЦК, обеспечивая определенную поддержку своим предложениям. Говорить на основании такого соглашения по данному вопросу с тов. Троцким о блоке против Зиновьева и

Каменева Ленина с Троцким вообще было бы совершенно неправильно»[2582].

Затем Старик попытался написать письмо Сталину, но, по записи дежурных врачей, «секретарша разобрать не смогла, и ВИ пришлось его продиктовать»[2583]. В ПСС значится как надиктованное по телефону. «Я кончил теперь ликвидацию своих дел и могу уезжать спокойно. Кончил также соглашение с Троцким о защите моих взглядов на монополию внешней торговли. Осталось только одно обстоятельство, которое меня волнует в чрезвычайно сильной мере, это невозможность выступить на съезде Советов. Во вторник у меня будут врачи, и мы обсудим, имеется ли хоть небольшой шанс на такое выступление. Отказ от него я считал бы для себя большим неудобством, чтобы не сказать сильнее. Конспект речи у меня был уже написан несколько дней назад. Я предлагаю поэтому, не приостанавливая подготовки для выступления кого-либо другого вместо меня, сохранить до среды возможность того, что я выступаю сам, может быть, с речью, сильно сокращенною против обычного, например, с речью в три четверти часа. Такая речь нисколько не помешает речи моего заместителя (кого бы Вы ни уполномочили для этой цели), но, думаю, будет полезна и политически и в смысле личном, ибо устранит повод для большого волнения». И через какое-то время сделал добавление: «Я решительно против оттяжки вопроса о монополии внешней торговли… Уверен, что Троцкий защитит мои взгляды нисколько не хуже, чем я, это – во-первых; во-вторых, Ваше заявление и Зиновьева и, по слухам, также Каменева, подтверждает, что часть членов ЦК изменили уже свое прежнее мнение; третье, и самое главное: дальнейшие колебания по этому важнейшему вопросу абсолютно недопустимы и будут срывать всякую работу»[2584].

В ночь на 16-е произошел новый удар. В 11 утра у постели Крамер и Кожевников. «Вид у ВИ плохой, утомленный. ВИ сообщил, что ночью, около часа, у него случился паралич правых конечностей, который продолжался 35 минут. Речь не была затронута. Затем движения стали восстанавливаться. В правых конечностях значительное ослабление силы и некоторое нарушение координации. Движения все возможны, но они совершаются медленно и неуклюже… Писать может только крайне медленно, причем буквы очень мелкие, лезут одна на другую… Речь не расстроена»[2585]. Врачи вновь настаивали на отъезде в Горки, постельном режиме и полном отказе от работы. Ленин по инерции отказывался.

Продиктовал Крупской послание для Каменева, Рыкова и Цюрупы, главное в котором: «Госплан надо отдать Рыкову»[2586].

Фотиева записала, что в тот день «ВИ ни разу не звонил и никаких распоряжений не делал. Вечером позвонила Надежда Константиновна и просила сообщить И. В. Сталину от имени ВИ, что выступить на съезде Советов он не сможет. На мой вопрос, как чувствует себя ВИ, сказала: “Средне, по внешности ничего, а вообще сказать трудно”»[2587].

Пленум ЦК собрался 18 декабря. На утреннем заседании, как Ленину и обещали, подтвердили «безусловную необходимость сохранения и организационного укрепления монополии внешней торговли». На вечернем заседании приняли ленинские предложения по созданию СССР. И тот же пленум возложил на Сталина персональную ответственность за соблюдение режима, установленного для Ленина в соответствии с рекомендациями доктора Ферстера. Задача была не простой.

Девятнадцатого декабря у Ленина поднялась температура, но терапевт Гетье не нашел ничего сверхтревожного. 20-го приехал вновь из Германии Ферстер. Записала Мария Ильинична: «Рекомендации те же, что у отечественных эскулапов – постельный режим, отдых. Ферстер не возразил против того, чтобы он надиктовал записку»[2588]. Но встречи были запрещены. Ленин возмущался. Крупская разделяла его возмущение. В 1935 году она расскажет: «Когда врачи запретили чтение и вообще работу, думаю, что это неправильно было. Ильич часто говорил мне о своем критическом отношении к этому запрету:

– Ведь они же (и я сам) не могут запретить мне думать»[2589].

Но информация о пленуме ЦК до Ленина доходит. 21 декабря Троцкому была отправлена записка: «Как будто удалось взять позицию без единого выстрела простым маневренным движением. Я предлагаю не останавливаться и продолжать наступление и для этого провести предложение поставить на партсъезде вопрос об укреплении внешней торговли и о мерах к улучшению ее проведения. Огласить это на фракции съезда Советов. Надеюсь, возражать не станете и не откажетесь сделать доклад на фракции». Над текстом Крупская написала: «Лев Давидович! Профессор Ферстер разрешил сегодня Владимиру Ильичу продиктовать письмо, и он продиктовал мне следующее письмо к Вам». После текста добавила: «ВИ просит также позвонить ему ответ. Н. К. Ульянова»[2590].

Полагаю, Надежде Константиновне льстила возможностью вновь, как во времена юности и эмиграции, играть роль главного, если не единственного политического помощника мужа. Возможно, понимая, что без политики Ленин долго не протянет, она с соблюдением ей хорошо знакомых норм конспирации и в нарушение предписаний врачей и ПБ обеспечивала связь Ленина

с внешним миром.

В тот день Сталин был на заседании Оргбюро, которое утвердило отчет Дзержинского о проверке в Грузии. Орджоникидзе отделался легким испугом, более того, было принято решение о смещении Мдивани и его сторонников со всех постов в Грузии. Ближе к ночи Сталин получает записку от Каменева: «Сегодня ночью звонил мне Троцкий. Сказал, что получил от Старика записку, в которой Старик, выражая удовольствие принятой пленумом резолюцией о Внешторге, просит, однако, Троцкого сделать по этому вопросу *доклад на фракции съезда* и подготовить тем почву для постановки этого вопроса на *партсъезде*. Смысл видимо в том, чтобы закрепить сию позицию». В ответе Сталин старался сохранить спокойствие: «По-моему следует ограничиться заявлением в твоем докладе, не делая демонстрации на фракции, как мог Старик организовать переписку с Троцким при абсолютном запрещении Ферстера»[2591].

Но Молотов рассказывал, что Сталин был в ярости, и вся она в итоге выплеснется на Крупскую:

– Я не буду ходить перед ней на задних лапках! Спать с Лениным, еще не значит разбираться в болезнях и ленинизме! Из-за того, что она пользуется с Лениным одним нужником, я не могу ценить ее так же, как его![2592]

В таком настроении Сталин снял трубку, позвал к телефону Крупскую, отчитал ее и пригрозил партийными санкциями. Правда, потом, в объяснении Ленину, который уже не сможет с ним ознакомиться, Сталин утверждал, что не переходил грани приличия и «сказал ей (по телефону) приблизительно следующее: “Врачи запретили давать Ильичу политинформацию, считая такой режим важнейшим средством вылечить его, между тем Вы, Надежда Константиновна, оказывается, нарушаете этот режим; нельзя играть жизнью Ильича” и пр. Я не считаю, что в этих словах можно было усмотреть что-либо грубое и непозволительное».

Но Крупская восприняла разборку иначе. «Надежду Константиновну этот разговор взволновал чрезвычайно: она была совершенно не похожа сама на себя, рыдала, каталась по полу и пр.», – свидетельствовала Мария Ильинична. Крупская жаловалась Каменеву (письмо датировано 23 декабря): «Лев Борисович, по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку ВИ с разрешения врачей, Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину… О чем можно и о чем нельзя говорить с

Ильичем, я знаю лучше всякого врача, т. к. знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина… Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности».

Сталин перед Крупской извинится, хотя и не совсем понятно когда. Мария Ильинична подтверждала, что «через несколько дней… Сталин действительно звонил и, очевидно, старался сгладить неприятное впечатление, произведенное на Н.К. его выговором и угрозой». Как казалось, «инцидент был исчерпан». Ленину тогда, похоже, Крупская об инциденте не рассказывала. После очередного визита Ферстера он вечером настоял на приглашении Фотиевой и продиктовал ей:

– Не забыть принять все меры и достать – доставить… в случае, если паралич перейдет на речь, цианистый калий, как меру гуманности и как подражание Лафаргам. Эта записка вне дневника. Ведь вы понимаете? Понимаете? И я надеюсь, что Вы это исполните.

Велел хранить в абсолютной тайне»[2593]. Яд должен был обеспечить тот же Сталин.

Завещание

В позднее советское время по всех библиотеках в свободном доступе на полках стояло Полное собрание сочинений Ленина. И по затрепанности корешков хорошо было видно, что именно из его наследия пользуется наибольшим интересом у трудящихся и исследователей. Мой зоркий глаз во всех многочисленных библиотеках, где довелось бывать, замечал безусловное предпочтение к томам 45 и 54. Там напечатаны последние труды и последние письма и записки Ленина. Под его «Завещанием» обычно понимали все диктовки после декабрьского удара. А часто – более узко – то, что принято называть «Письмом к съезду», то есть три диктовки – 23 декабря, 24–25 декабря и 4 января, где, в частности, предлагалось переместить Сталина с поста Генерального секретаря.

Ленинское «Завещание» было хитом советского времени. О нем начинали спорить в первую очередь и сразу же, как только в СССР разрешали спорить. Но, безусловно, самую яркую версию событий – уже за рубежом – оставил Троцкий. Кличку «Перо» он носил по праву. Версия заключается в том, что слабеющий вождь готов был передать власть именно ему, разочаровавшись в Сталине. Троцкий утверждал: «В этот же период – последние недели перед вторым ударом – Ленин имел со мной большой разговор о моей дальнейшей работе… Горячо, настойчиво, явно волнуясь, Ленин излагал свой план. Силы, которые он может отдавать руководящей работе, ограниченны. У него три заместителя.

– Вы их знаете, Каменев, конечно, умный политик, но какой же он администратор? Цюрупа болен. Рыков, пожалуй, администратор, но его придется вернуть на ВСНХ. Вам необходимо стать заместителем. Положение такое, что нам нужна радикальная личная перегруппировка.

Я сослался на аппарат, который все более затрудняет мне работу даже и по военному ведомству.

– Вот вы и сможете перетряхнуть аппарат, – живо подхватил Ленин, намекая на употребленное мною некогда выражение.

Я ответил, что имею в виду не только государственный бюрократизм, но и партийный; что суть всех трудностей состоит в сочетании двух аппаратов и во взаимном укрывательстве влиятельных групп, собирающихся вокруг иерархии партийных секретарей. Ленин слушал напряженно и подтверждал мои мысли тем глубоким грудным тоном, который у него появлялся, когда он, уверившись в том, что собеседник понимает его до конца, и,

отбросив неизбежные условности беседы, открыто касался самого важного и тревожного. Чуть подумав, Ленин поставил вопрос ребром:

– Вы, значит, предлагаете открыть борьбу не только против государственного бюрократизма, но и против Оргбюро ЦК?

Я рассмеялся от неожиданности. Оргбюро ЦК означало самое средоточие сталинского аппарата.

– Пожалуй, выходит так.

– Ну, что ж, – продолжал Ленин, явно довольный тем, что мы назвали по имени существо вопроса, – я предлагаю вам блок: против бюрократизма вообще, против Оргбюро в частности.

– С хорошим человеком лестно заключить хороший блок, – ответил я.

Мы условились встретиться снова через некоторое время. Ленин предлагал обдумать организационную сторону дела. Он намечал создание при ЦК комиссии по борьбе с бюрократизмом. Мы оба должны были войти в нее. По существу, эта комиссия должна была стать рычагом для разрушения сталинской фракции, как позвоночника бюрократии, и для создания таких условий в партии, которые дали бы мне возможность стать заместителем Ленина, по его мысли: преемником на посту председателя Совнаркома». Идея блока «Ленина и Троцкого» против аппаратчиков и бюрократов была в тот момент полностью известна только Ленину и мне, остальные члены Политбюро смутно догадывались… Совместное наше выступление против Центрального Комитета в начале 1923 года обеспечило бы победу наверняка»[2594]. Смысл «Завещания» – гениальный план Ленина по мощению дороги Троцкого к власти и низложению Сталина.

Версия стала модной, если не основной, со времен борьбы Хрущева с культом личности Сталина. Но подкрепляется она, главным образом, источником не самым надежным и самым заинтересованным – Троцким. А потому нуждается в проверке.

В периоды хрущевской «оттепели» конца 1950-х – начала 1960-х и перестройки Горбачева было также модно обосновывать поворот к социализму с человеческим лицом ссылками на последние работы Ленина, в которых он якобы полностью поменял свою точку зрения на пути строительства нового общества, предложив поворот чуть ли не к демократии, для чего нужно было только сместить мешавшего этому Сталина.

Уже в XXI веке вокруг «Завещания» завертелась еще одна интрига. Профессор МГУ Валентин Александрович Сахаров, физически пощупав и тщательно прочитав все доступные первичные архивные документы, относящиеся к «Завещанию», пришел к выводу, что имел место мухлёж. Заметил, что «это

машинописные тексты, не подписанные Лениным, не всегда прошедшие регистрацию в ленинском секретариате». Датировка его работы над текстами «либо не поддается надежной документальной проверке, либо дает отрицательные результаты… Единственным документом, зарегистрированным *в день его создания (*в режиме реального времени) в исходящем журнале секретариата является продиктованное В. И. Лениным 23 декабря письмо». «Дневник дежурства секретарей», который выступает как едва ли не главный источник датировки ленинских диктовок и определения их подлинности, вызывает вопросы: если до 23 декабря они были сугубо делопроизводительными, затем приобретают откровенно «мемуарный» характер, фиксируя события «задним числом»… Существуют разночтения этого Дневника и «Дневника дежурных врачей», ежедневно посещавших Ленина[2595].

«Часть “Завещания” – опубликованная при жизни ВИ и в тот период, когда он мог по-настоящему контролировать свои тексты, – бесспорна: “Как нам реорганизовать Рабкрин”, “Лучше меньше, да лучше”, “О кооперации”. Но есть и другая часть – “Письмо к съезду”, “Письмо Троцкому”, “Письмо Мдивани”, “Об автономизации”, “Письмо Сталину” (ультиматум про НК), – которая материализовалась в собрании сочинений из не вполне надежных источников, не имеет черновиков, не зарегистрирована в ленинском секретариате и обзавелась репутацией надежной только за счет свидетельств лиц, у которых могла быть личная заинтересованность в том или ином развитии политической ситуации. Данилкин тоже не исключает, что «“общеизвестный” конфликт Ленина со Сталиным не имел под собой никакой почвы и, похоже, создан искусственно, задним числом, с помощью подложных текстов»[2596].

Версия вызвала возмущение множества серьезных историков (или даже не удостоилась их внимания как нелепая). Они категорически такой вариант отвергают, ссылаясь на авторитет многочисленных исследований большого количества лениноведов, десятилетиями занимавшихся наследием классика. Хлевнюк, многолетний биограф Сталина, говорит о «нелепой конспирологической версии»: «На самом деле, ни у кого из ленинских соратников, включая самого Сталина, не было сомнений в отношении ленинских диктовок. В конечном счете, именно это является ключевым доказательством их подлинности»[2597]. Крупный лениновед Логинов соглашается, призывая в свидетели Сталина, Каменева, Зиновьева и Бухарина. Все они «хорошо знали ленинские работы и их автора, его взгляды и образ мыслей, специфические особенности его

индивидуального стиля и т. п.». И никто не усомнился в подлинности ленинских диктовок. Даже Сталин никогда не отрицал подлинность ленинского совета убрать его с поста Генсека. А несуразности в «Дневнике дежурных секретарей» Логинов объяснял необходимостью для них «хранить абсолютную секретность диктовок – все это выводило данные записи за рамки обычного делопроизводства»[2598].

Кто прав? Оставим двери открытыми для гипотезы.

Утром 23 декабря пением «Интернационала» открылся X Всероссийский съезд Советов. Основной докладчик – Ленин – отсутствовал, но был избран почетным председателем съезда, ему отправили приветственную телеграмму. Делегаты не подозревали, что ночью болезнь Ленина обострилась. Ни правой ногой, ни правой рукой он не мог и пошевелить. Паралич не проходил в течение дня, лишь к вечеру фиксируют частичное возвращение подвижности правых конечностей[2599].

«С этих пор ВИ больше не мог сам писать. Никто из должностных лиц, кроме М. А. Володичевой, меня, М. И. Гляссер и медицинского персонала, у ВИ с 23 декабря не бывал»[2600], – подтверждала Фотиева. В этот момент, замечала Мария Ильинична, «он торопился ликвидировать свои дела, чтобы успеть сделать все, что он хотел, так как знал, что ухудшение в здоровье может наступить внезапно, так и теперь он торопился делать свои записи… Он торопился составить свое политическое завещание»[2601].

Как бы то ни было, 23-го Ленин просит Кожевникова разрешить ему продиктовать стенографистке в течение пяти минут, так как его «волнует один вопрос и он боится, что не заснет. Это ему было разрешено, после чего В.И. значительно успокоился». В дневнике дежурных секретарей после даты, проставленной Аллилуевой, следует запись Володичевой: «В начале 9-го ВИ вызвал на квартиру. В продолжение 4-х минут диктовал. Чувствовал себя плохо. Были врачи. Перед тем, как начать диктовать, сказал:

– Я хочу Вам продиктовать письмо к съезду. Запишите!

Продиктовал быстро, но болезненное состояние его чувствовалось»[2602].

Диктовки для Ленина были делом новым. Подтверждала сестра Мария: «Он никогда не пользовался услугами стенографа, когда был здоров, указывая, что ему трудно обходиться без рукописи, которая была бы перед ним. Кажется, только один раз в своей жизни он по совету одного товарища попробовал диктовать, но опыт был неудачен»[2603]. Ленин открывал для себя новый

навык, причем в тот момент, когда силы были на исходе. Технология работы досконально воспроизведена родными и секретариатом, где оставались две стенографистки – Фотиева и Володичева. Третью – супругу Сталина Надежду Аллилуеву – отставили.

Из воспоминаний Володичевой: «Лишь два раза в день по нескольку минут он мог писать свой дневник, диктуя его или тов. Фотиевой, или мне. Обычно это было днем, около 12 часов, и чаще вечером, около 6 часов. Половина шестого, без четверти шесть – у меня уже было напряженнейшее состояние… В 6 часов туда заходила Мария Ильинична или из квартиры ВИ звонили в Секретариат, и я шла к ВИ. Он лежал в своей комнате на кровати. Около него был приспособлен небольшой столик, за который я садилась записывать. ВИ обычно просто, по-товарищески, приветливо здоровался, протягивая левую руку»[2604]. Фотиева добавляла: «Диктуя свои последние письма и статьи, ВИ быстро, скороговоркой произносил сложившуюся в уме фразу и останавливался ненадолго, продумывая следующую. При этом ВИ никогда не повторял уже произнесенное предложение, и ни М. А. Володичева, ни я не осмеливались переспрашивать, боясь нарушить течение его мысли».

На кровати ВИ была сделана полочка наподобие пюпитра для нот. «Положив на нее свою статью, ВИ проверял запись, переворачивая страницы здоровой левой рукой, иногда вносил небольшие поправки. В те дни, когда состояние было лучше, В. И. Ленин шутил, улыбался, спрашивал, не очень ли мы устали. Но часто ВИ страдал головными болями, и тогда у него на голове лежал компресс».

Диктовки в основном были засекречены для членов Политбюро, но они совершенно не были секретом для семьи Ленина и его секретариата. «Сотрудники небольшого Секретариата СНК и СТО с огромным волнением ожидали каждый раз возвращения М. А. Володичевой или меня от ВИ, – писала Фотиева. – Иногда после нашего возвращения от ВИ в Секретариат приходила Надежда Константиновна или Мария Ильинична, чтобы прочесть то, что он продиктовал, и поделиться своими впечатлениями о его самочувствии»[2605].

Мог ли секретариат Ленина затеять собственную игру (вместе с его женой и сестрой или без них)? Секретариат был вполне себе политизированным. Это не были тихие и незаметные стенографистки. Характеристику его ключевым сотрудницам дал Бажанов, который сам займет пост технического секретаря Политбюро: «Из двух секретарш Ленина главная и основная – Мария Игнатьевна Гляссер. Она секретарша Ленина по

Политбюро, Лидия Фотиева – секретарша по Совнаркому. Вся Россия знает имя Фотиевой – она много лет подписывает с Лениным все декреты правительства. Никто не знает имени Гляссер – работа Политбюро совершенно секретна. Между тем все основное и важное происходит на Политбюро, и все важнейшие решения и постановления записывает на заседаниях Политбюро Гляссер… Гляссер секретарствует на всех заседаниях Политбюро, пленумов ЦК и важнейших комиссий Политбюро. Это маленькая горбунья с умным и недобрым лицом. Секретарша она хорошая, женщина очень умная». К Сталину относится плохо, «не делает никаких попыток перейти к нему на службу»[2606]. И, конечно, секретари в общении с Лениным, не ограничивались одними диктовками. Как подтверждала Гляссер, «пользуясь правом диктовать, он, под видом диктовки, вызывал секретаря и давал различные поручения» [2607].

В каком виде существовали диктовки, и в каком виде они дошли до нас? Оригиналы могли существовать только в виде стенографических записей секретарш. Известна только одна, написанная рукой Аллилуевой стенограмма диктовки от 23 декабря. Механизм бумагооборота, достаточно уникальный, тоже подробно описан секретарями. Володичева поведает в 1929 году: «Все статьи и документы, продиктованные В. И. Лениным за период времени с декабря 1922 г. (20-е число) до начала марта 1923 г., переписывались по желанию В. И. Ленина в пяти экземплярах, из которых один он просил оставлять для него, три экземпляра – Надежде Константиновне и один – в свой секретариат (строго секретно)… Черновики копий мною сжигались. На запечатанных конвертах, в которых хранились, по его желанию, копии документов, он просил отмечать, что вскрыть может лишь В. И. Ленин, а после его смерти Надежда Константиновна»[2608]. Фотиева подтверждала такую схему работы[2609].

Значит, какие-то экземпляры диктовок, тем более что большинство из них не были секретными, должны были оседать у Крупской и в секретариате Ленина. Однако в архивах их нет, или, во всяком случае, исследователям они недоступны, а в Полном собрании сочинений наиболее существенные и резонансные тексты приведены по неподписанным машинописным копиям.

Но вернемся в 23 декабря 1922 года, к первой диктовке Ленина: «Я советовал бы очень предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе… В первую голову я ставлю увеличение числа членов ЦК до нескольких десятков или даже до сотни». Это нужно было «для поднятия авторитета ЦК, и для серьезной работы по улучшению нашего аппарата, и для

предотвращения того, чтобы конфликты небольших частей ЦК могли получить слишком непомерное значение для всех судеб партии». Кроме того, Ленин предлагал «придать законодательный характер на известных условиях решениям Госплана, идя в этом отношении навстречу тов. Троцкому, до известной степени и на известных условиях». Благодаря этим мерам устойчивость партии «выиграла бы в тысячу раз», что облегчило бы ее «борьбу среди враждебных государств, которая, по моему мнению, может и должна сильно обостриться в ближайшие годы»[2610].

Эта диктовка сразу стала широко известна. Записка Фотиевой на имя Каменева от 29 декабря: «Т. Сталину в субботу 23/XII было передано письмо ВИ к съезду, записанные Володичевой. Между тем, уже после передачи письма выяснилось, что воля ВИ была в том, чтобы письмо это хранилось строго секретно в архиве, можно (так в тексте. – *В.Н.*) быть распечатано только им или Надеждой Константиновной и должно быть предъявлено кому бы то ни было лишь после его смерти». Фотиева просила никому не сообщать об оплошности. Каменев на этом же листке написал письмо Сталину, предложив ознакомить с заявлением Фотиевой «тех членов ЦК, которые узнали содержание письма ВИ (мне известно, что с содержанием его знакомы т. т. Троцкий, Бухарин, Орджоникидзе и ты)»[2611].

На следующий день – 24 марта – Ленин проснулся в хорошем настроении, заявив врачам, что улучшение достигнуто потому, что накануне ему «дали возможность продиктовать то, что он считал нужным». Просил разрешить продолжить диктовку, но доктора были категорически против. Тогда Ленин поставил им ультиматум: «или ему будет разрешено диктовать стенографистке, хотя бы в течение короткого времени ежедневно, или он совсем откажется лечиться». Не шутил[2612].

У Сталина собрался консилиум с участием Ферстера, Крамера, Кожевникова, Каменева, Бухарина и хозяина кабинета. Было принято решение: «1. ВИ предоставляется право диктовать ежедневно 5–10 минут, но это не должно носить характер переписки и на эти записки ВИ не должен ждать ответа. Свидания запрещаются. 2. Ни друзья, ни домашние не должны сообщать ВИ ничего из политической жизни, чтобы этим не давать материала для размышлений и волнений»[2613]. Механизма претворения подобного решения в жизнь, естественно, не было и быть не могло.

Поэтому неудивительно, что такой режим соблюдался недолго. «Постепенно время для диктовки ВИ было увеличено до 20 минут в день, а затем до 40 минут в два приема, утром и вечером»[2614], – писала Фотиева. Ленин продолжал получать и

отправлять политическую информацию. Все обычные материалы продолжали поступать в секретариат Ленина вплоть до 21 марта 1923 года.

Логинов полагает, что именно в тот день – 24 декабря – Крупская поведала Ленину о своем бурном конфликте со Сталиным[2615]. Мария Ильинична писала, что Крупская, давно привыкшая всем делиться с Лениным, «совершенно непроизвольно, не желая того, могла проговориться… прибавив, что они со Сталиным уже помирились»[2616]. Молотов был уверен, что Ленин писал «Письмо к съезду», уже зная о конфликте и под влиянием Крупской[2617].

Итак… около шести вечера Ленин уже на легальном основании пригласил Володичеву. Запись ее в дневнике дежурных секретарей: «Предупредил о том, что диктованное вчера (23.XII) и сегодня (24.XII) является абсолютно секретным»[2618]. Ленин давал характеристики шести членам высшего руководства партии – Сталину, Троцкому, Зиновьеву, Каменеву и «молодым» – Бухарину и Пятакову. Почему-то члены Политбюро Рыков и Томский, а также кандидаты в члены ПБ Калинин и Молотов, в то время точно более влиятельные, чем зампред Госплана Пятаков, оценок не удостоились. Сохранившийся текст диктовок 24–25 декабря (как и завершающей части «Письма» от 4 января) машинописный, без следов редактирования. Тексты не были зарегистрированы в ленинском секретариате и архиве[2619].

На первом плане для Ленина отношения Сталина и Троцкого, грозящие партии расколом, чтобы его избежать, нужно увеличить вдвое количество членов ЦК. «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела. Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу, и если наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно. Я не буду дальше характеризовать других членов ЦК по их личным качествам. Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не являлся случайностью, но что он также мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкого».

Ничуть не меньше досталось Бухарину, который «не только

ценнейший и крупнейший теоретик партии, но также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)». 25 декабря датирована характеристика Пятакова – «человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе».

На следующий день Ленин продолжил диктовать, углубившись в тему улучшения работы партаппарата и предлагая экзотический рецепт – влить в ЦК принадлежащих «ближе к числу рядовых рабочих и крестьян»: «Увеличение числа членов ЦК до количества 50 или даже 100 человек должно служить, по-моему, двойной или даже тройной цели: чем больше будет членов ЦК, тем больше будет обучение цекистской работе и тем меньше будет опасность раскола от какой-то неосторожности. Привлечение многих рабочих в ЦК будет помогать рабочим улучшить наш аппарат, который из рук вон плох»[2620]. Почему большой ЦК сложнее расколоть, чем маленький, и каким образом рабочие от станка и крестьяне смогут усовершенствовать работу руководящей партийной инстанции, Ленин не пояснил.

Здесь мы нарушим ненадолго хронологию изложения и перенесемся сразу в начало 1923 года, в 4 января. Диктовка секретарями в тот день не зафиксирована. Врачи записали, что после бессонной ночи в прескверном настроении Ленин «два раза диктовал и читал»[2621]. Этим днем датируются два важных текста. Один будет включен в ПСС в состав «Письма к съезду» как «Добавление к письму от 24 декабря 1922 года»: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места, назначить на его место другого человека, который во всех отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения написанного мною о взаимоотношении Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение»[2622].

О политическом смысле «Письма к съезду» сломано немало копий. Как всегда, в первых рядах Троцкий: «Ленин называет в

нем всего шесть лиц и дает их характеристики, взвешивая каждое слово. Бесспорная цель завещания: облегчить мне руководящую работу»[2623]. Не менее информированный, чем Троцкий, Молотов, с которым я имел возможность много раз обсуждать эту тему, не ставил под сомнение аутентичность «Письма к съезду». Смысл его видел в том, что Ленин начал подготовку к XII съезду, где собирался выступать сам, но боялся, что болезнь не позволит ему это сделать. Молотов неизменно обращал внимание на тот факт, что даже в «Письме» Сталин выглядит наиболее сильной и привлекательной фигурой. Он не только выдвинут вперед в качестве одного из «двух выдающихся вождей современного ЦК» наравне с Троцким. Молотов подчеркивал, что в устах Ленина (и в партийной массе, а особенно – в аппарате) «грубость» Сталина воспринималась как гораздо меньший грех, нежели «небольшевизм» Троцкого, «неслучайность октябрьского эпизода» Зиновьева и Каменева, «немарксизм» Бухарина и невозможность положиться в серьезном политическом деле на Пятакова. И Ленин никем не предложил Сталина заменить.

Молотов был уверен, что виной резких ленинских оценок в отношении Сталина была Крупская, невзлюбившая Сталина именно в связи с неоднократными резкими выговорами ей за несоблюдение установленного Политбюро для больного Ленина режима и по этой причине подначивавшая своего мужа. А о хамстве Сталина в отношении Крупской Ленину стало известно сразу, а не в начале марта 1923 года, как пишет большинство биографов. Иных оснований упрекать Сталина в грубости не было, при Старике он всегда был предельно корректен. При этом дед мне говорил, что Ленин был абсолютно прав в своей характеристике Сталина. Генсек действительно был до предела груб и резок.

Мне кажется, ключ к разгадке кроется в словах Марии Ульяновой. Она ссылалась на письмо Ленина, из которого следовало, «что под Владимиром Ильичем, так сказать подкапываются»[2624]. Человек, весь смысл жизни которого заключался сначала в завоевании власти, а затем в ее удержании, он увидел угрозу ее потери. Даже будучи уже сильно больным человеком, Ленин своим гениальным политическим чутьем лучше всех своих коллег понял, какая «необъятная власть» оказалась у руководителя партийной машины. «Коба явно подкопался под ленинскую власть. И Ленин испугался»[2625], – сделал свой вывод Эдвард Радзинский. С этим мнением солидаризируется и профессиональный историк С. Павлюченков: «Ленин вышел из первой изоляции разгневанным против Сталина, и вызвано это могло быть только одним – подозрением в попытках удалить его

от дел, от власти»[2626].

Когда текст «Письма к съезду» стал известен высшему руководству страны и более широким партийным массам? Казалось бы, здесь все ясно. В ПСС напечатан подписанный Крупской документ от 18 мая 1924 года, озаглавленный «Протокол о передаче»: «Мною переданы записи, которые ВИ диктовал во время болезни с 23 декабря по 23 января – 13 отдельных записей… Среди неопубликованных записей имеются записи от 24–25 декабря и от 4 января 1923 г., которые заключают в себе личные характеристики некоторых членов Центрального Комитета. ВИ выражал твердое желание», чтобы «записи от 24–25 декабря 1922 года и от 4 января 1923 года, которые заключают в себе личные характеристики некоторых членов Центрального Комитета» после его смерти были доведены до сведения очередного партийного съезда»[2627]. Отсюда каноническая версия: Крупская получила от Ленина «Письмо к съезду» с указанием передать его на съезд партии после его кончины, а до этого хранить «Письмо» в тайне и в запечатанном конверте. Крупская, верная ленинскому напутствию, сберегала его от всех в строжайшем секрете до мая 1924 года, до периода подготовки XIII съезда партии, когда и вскрыла конверт.

Все не так. Кому, когда, почему были переданы документы – из «Протокола о передаче» вовсе не следует. Крупская передавала документы в разное время в соответствии с одной ей известной логикой и тем людям, кому считала нужным. О статусе документов, их адресате можно было судить исключительно с ее слов. И Надежда Константиновна не раз меняла свои показания на этот счет. «Протокол о передаче» – не известный ни ранее, ни после вид бюрократической бумаги – подтверждает только то, что документы уже были переданы раньше, до мая 1924 года. Хотя бы потому, что среди упомянутых 13 многие уже были опубликованы – при жизни Ленина.

С диктовкой от 23 декабря все понятно. Ее подлинность не оспаривается, и она в тот же день стала известна членам ПБ. В тот же день письмо было зарегистрировано почерком Аллилуевой в журнале исходящих документов ленинского секретариата: «Сталину (письмо В.И. к съезду)»[2628]. Письмо и было отправлено Сталину. С диктовками от 24–25 декабря, которые первоначально назывались «характеристиками», ясности меньше. Есть поздние воспоминания Володичевой и Фотиевой о том, что и эта часть письма уже тогда была передана Сталину[2629]. Не исключено. Однако, судя по первой реакции высших руководителей, зафиксированной лишь спустя несколько месяцев, характеристики были для них откровением.

В Архиве Троцкого можно обнаружить документ под названием «Сводка замечаний членов Политбюро и Президиума ЦКК к предложению тов. Зиновьева о публикации “Завещания Ленина”». Приведу полностью: «1. Я думаю, что статью нужно опубликовать, если нет каких-либо формальных причин, препятствующих этому. Есть ли какая-нибудь разница в передаче (в условиях передачи) этой статьи (о кооперации, о Суханове). *Троцкий.* 2. Печатать нельзя: это несказанная речь на П/Бюро. Не больше. Личная характеристика – основа и содержание статьи. *Каменев.* 3. Н.К. тоже держалась того мнения, что следует передать только в ЦК. О публикации я не спрашивал. Ибо думал (и думаю), что это исключено… Только эта запись (о Госплане) передана мне позже – несколько дней тому назад. *Зиновьев.* 4. Полагаю, что нет необходимости печатать, тем более, что санкции на напечатание от Ильича не имеется. *Сталин.* 5. За предложение тов. Зиновьева – только ознакомить членов ЦК. Не публиковать, ибо из широкой публики никто тут ничего не поймет. *Томский.* 6. Эта заметка ВИ имела в виду не широкую публику, а Цека, и потому так много места уделено характеристике лиц. Ничего подобного в статье о кооперации нет. Печатать не следует. *А. Сольц.* Тт. Бухарин, Рудзутак, Молотов и Куйбышев – за предложение тов. Зиновьева. *Словатинская*»[2630]. Татьяна Словатинская работала секретарем в аппарате ЦК.

Документ не датирован, но определить его хронологию несложно. Из слов Троцкого и Сольца следует, что обсуждение шло где-то в одно время с рассмотрением диктовок «О кооперации» и «О нашей революции» (в ней шла речь о Суханове), которые Крупская принесла в мае 1923 года. А Зиновьев упоминает, что «Письмо» передано до статьи о Госплане, а это самый конец мая – начало июня. Таким образом, процитированное обсуждение состоялось где-то в это время. А Крупская принесла «Письмо» лично Зиновьеву, не обозначив при этом четко выраженной воли Ленина в отношении этого документа.

Однако из процитированного обсуждения, а также последующих событий и переписки ясно, что тогда на руках у членов ПБ были только «характеристики». Но не диктовка от 4 января с предложением убрать Сталина с поста Генсека. Она начинала путь в историю как самостоятельный документ, который первоначально называли «Письмом Ильича о секретаре». В отношении времени и обстоятельств его явления в высший партийный свет ясности совсем мало. Точно известно, что с «Письмом о секретаре» раньше других были ознакомлены Зиновьев, Каменев и Бухарин – еще до отъезда Зиновьева и

Бухарина в отпуск летом 1923 года. То есть, скорее всего, Крупская передала «Письмо о секретаре» Зиновьеву одновременно с «характеристиками», но тот до поры не счел нужным им воспользоваться (если, конечно, само письмо не родилось только летом 1923 года).

Из Кисловодска, где отдыхали, Зиновьев и Бухарин в конце июля 1923 года передадут – через Орджоникидзе – предложение создать Секретариат из Зиновьева, Троцкого и Сталина, намекнув и на существование ленинского письма, где предлагалось снять Сталина с поста Генсека. То есть, какое-то время «письмо Ильича о секретаре» было секретом именно от Сталина. Тот в ответном письме 7 августа 1923 года недоумевал: «Для чего понадобились ссылки на неизвестное мне письмо Ильича о секретаре, – разве не имеется доказательств тому, что я не дорожу местом и, поэтому, не боюсь писем?» Бухарин и Зиновьев подтверждали в послании Сталину 10 августа (оно, судя по всему, не было отправлено): «Да, существует письмо ВИ, в котором он советует (XII съезду) не выбирать Вас секретарем. Мы (Бухарин, Каменев и я) решили пока Вам о нем не говорить. По понятной причине: Вы и так воспринимали разногласия с В.И. слишком субъективно, и мы не хотели Вас нервировать»[2631].

И, конечно, загадкой остается адресат «Письма» якобы к съезду. Какой смысл знакомить его делегатов с убийственными характеристиками высшего руководства? Какой смысл рекомендовать делегатам съезда «обдумать *способ*», как убрать Сталина с Генсеков, когда этот способ прописан в Уставе партии, а избрание секретарей относится к компетенции пленума ЦК, а вовсе не съезда? У меня есть предположения.

Вернемся, однако, пока вновь в конец 1922 года, и восстановим хронологическую последовательность работы Ленина над «Завещанием», прерванную ради хитового «Письма к съезду».

Ленин продолжал диктовать. 27–29 декабря то, что обзовут статьей «О придании законодательных функций Госплану». В ней он вдруг решил поддержать, хоть и частично, неоднократно им ранее отвергавшуюся идею Троцкого и леваков о необходимости максимальной централизации государственного контроля над экономикой через Госплан. «Эта мысль выдвигалась тов. Троцким, кажется, уже давно, – диктовал Ленин. – Я выступал противником ее, потому что находил, что в таком случае будет основная невязка в системе наших законодательных учреждений. Но по внимательном рассмотрении дела я нахожу, что, в сущности, тут есть здоровая мысль…»

Ленин полагал, что «можно и должно пойти навстречу тов. Троцкому, но не в отношении председательства в Госплане либо особого лица из наших политических вождей, либо председателя Высшего совета народного хозяйства и т. п. Мне кажется, что здесь с вопросом принципиальным слишком тесно переплетается в настоящее вопрос личный… На самом деле нам нужно в Госплане умелое соединение двух типов характера, из которых образцом одного может быть Пятаков, а другого – Кржижановский»[2632].

Статью эту Крупская передаст Зиновьеву почему-то только в конце мая – начале июня 1923 года, вопрос о публикации рассматривался в Политбюро. «За» был только родоначальник идеи – сам Троцкий. Прошло предложение Зиновьева, которое в протоколе обозначено так: «Н. К. тоже держалась того мнения, что следует передать только в ЦК. О публикации я не спрашивал, ибо думал (и думаю), что это исключено»[2633].

Ленин 29 декабря 1922 года надиктовал Володичевой также несколько ценных мыслей о необходимости «пользоваться услугами высококвалифицированных специалистов», которые должны будут научить новых членов ЦК от станка и от сохи навыкам государственного управления[2634].

А 30 декабря вошло в историю как день образования Советского Союза. Это событие на I съезде Советов СССР провозгласил Сталин, постаравшийся максимально избавиться от своего правого «национализма» в пользу ленинского интернационализма и назвавший новое государство прообразом «грядущей Мировой Советской Социалистической Республики»[2635]. А в декларации об образовании СССР, которая станет первой частью Конституции 1924 года, было записано, что Союз открыт не только для уже существующих республик, но и для тех, что оформятся в будущем.

В те же минуты, когда Сталин объявлял о создании нового государства, Ленин вызвал к себе Володичеву. Считается, что именно тогда родился на свет материал, который получит название – «К вопросу о национальностях или об автономизации». Под Новый год – 30 и 31 декабря – врачи фиксируют продолжительную диктовку Ленина, не раскрывая содержания. Дневниковые записи секретарей отсутствуют[2636].

Он вспомнил (или ему напомнили) о «грузинском деле» и беседе с Дзержинским, которая у него была еще 12 декабря. «Если дело дошло до того, что Орджоникидзе мог зарваться до применения физического насилия, о чем мне сообщил тов. Дзержинский, то можно себе представить, в какое болото мы слетели. Видимо, вся эта затея “автономизации” в корне неверна

и несвоевременна». Ленин беспокоился по поводу того, что «“свобода выхода из союза”, которой мы оправдываем себя, кажется пустой бумажкой, неспособной защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ. Нет сомнения, что ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в этом море шовинистической великорусской швали, как муха в молоке. Я думаю, что никакой провокацией, никаким даже оскорблением нельзя оправдать этого русского рукоприкладства и что тов. Дзержинский непоправимо виноват в том, что отнесся к этому рукоприкладству легкомысленно».

Отсюда следовал вывод о том, что «интернационализм со стороны угнетающей или так называемой “великой” нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически». Ленин, конечно, сильно недолюбливал русский народ. Но подобной откровенной русофобии ни в одном другом выступлении или тексте он себе не позволял. Как никогда ранее он не заявлял о необходимости допустить национальное неравенство, чтобы обеспечить национальное равенство.

Далее Ленин вернулся к «грузинскому делу» и заключил: «Тот грузин, который пренебрежительно относится к этой стороне дела, пренебрежительно швыряется обвинениями в “социал-национализме” (тогда как он сам является настоящим и истинным не только «социал-националом», но и грубым великорусским держимордой), тот грузин, в сущности, нарушает интересы пролетарской классовой солидарности… Политически ответственными за всю эту поистине великорусско-националистическую кампанию следует сделать, конечно, Сталина и Дзержинского». Нашел великороссов! А в конце Ленин и вовсе не исключил отказа от (своей же!) формулы Союза. Он предлагал не зарекаться от возможности на следующем съезде Советов (он планировался на лето 1923 года для принятия Конституции СССР) вернуться «назад, т. е. оставить союз советских социалистических республик лишь в отношении военном и дипломатическом, а во всех других отношениях восстановить полную самостоятельность отдельных наркоматов»[2637].

Как и когда о диктовке «К вопросу о национальностях» стало известно? Эти записи были переданы Фотиевой Троцкому 5 марта

1923 года. Фотиева в тот же день в своем объяснении в ЦК *впервые* информировала о существовании этой «статьи» и подтвердила, что она «была сообщена т. Троцкому»[2638]. Именно представленная Троцким машинописная копия и была зарегистрирована в ЦК как письмо Ленина.

На Новый год Ленин был в приличном состоянии и хорошем настроении. 2 января 1923 года он надиктовал несколько «Страничек из дневника» о необходимости преодолеть «азиатскую бескультурность» через развитие школьного образования. «Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе»[2639]. Здесь все ясно. Статью опубликовали в «Правде» уже 4 января. Третьего января врачи фиксируют стабильное состояние здоровья и диктовку на протяжении 15 минут. О судьбе текста ничего не известно.

Четвертого января – диктовка о Сталине. А дальше Ленин принялся за вопросы кооперации. Пятого января читал и диктовал. 6 января диктовка врачами не отмечена, но этим днем датируется вторая часть статьи о кооперации. Итогами трудов остался недоволен: «Ни один вариант не удовлетворителен, ибо оба содержат в себе часть неверно формулированных положений, неверных теоретически, и обе требуют таким образом переделки. 7/I – 23», [2640] – записано в деле.

Текст Крупская принесла в ЦК почему-то в мае. 24 мая ПБ постановило: «Признать необходимым быстрейшее напечатание статей ВИ, переданных Надеждой Константиновной, с обозначенной на них датой». Свое название – «О кооперации» – тексты получили уже в редакции «Правды», которая опубликовала их 26 и 27 мая.

Статья поначалу не вызвала большого интереса в партийном руководстве. Однако уже очень скоро работа «О кооперации» окажется в центре партийной жизни и внутрипартийной борьбы из-за двух идей Ленина, сформулированных весьма нечетко. Во-первых, он намекнул на наличие в СССР предпосылок для строительства социализма вне зависимости от победы революции во всемирном масштабе. А во-вторых, уверял Ленин, создать общество нового типа «возможно более *простым, легким и доступным для крестьянина*» путем – через вовлечение масс в процесс кооперирования. «А строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией – это есть строй социализма»[2641].

Сталин увидит в статье «О кооперации» возможность построения социализма в одной отдельно взятой стране, а

главным способом решения этой проблемы – массовую коллективизацию. Левые станут отрицать, что Ленин верил в возможность победы социализма в одной стране. Правые совершенно не будут уверены, что ленинский кооперативный план означал сплошную коллективизацию.

С 7 января у Ленина явное ухудшение, прервавшее систематическую работу. Лишь 10-го врачами зафиксирована короткая диктовка – на фоне начавшегося с ночи приступа: «Стонал и корчился от боли… Лицо озабоченное, беспокойное, настроение очень плохое». Днем, когда состояние улучшилось, настоял на двухминутной диктовке, несмотря на возражения Кожевникова[2642]. О чем диктовал – неизвестно. Официально – 9 января «Ленин диктует статью “Что нам делать с Рабкрином?”».

Жизнь между тем продолжалась. 11 января Политбюро утвердило Ленина докладчиком по политическому отчету ЦК на предстоявшем XII съезде.

Тринадцатого января диктовки возобновляются. Похоже, работал над статьей о Рабкрине. С 16-го состояние здоровья вновь заметно улучшается, читал и диктовал. 17-го даже попросил разрешения читать газеты, но получил от врачей отказ. В эти дни Ленин диктует критические заметки по поводу прочитанных им 3-й и 4-й книг «Записок о революции» меньшевика Суханова. «Они все называют себя марксистами, но понимают марксизм до невозможной степени педантски. Решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно его революционной диалектики»[2643]. Крупская передаст рукопись опять-таки в мае, и она выйдет в «Правде» 30 мая под заголовком «О нашей революции».

Восемнадцатого января врачи Ленина отметили только чтение. 19–20-го – напряженная работа – продолжительное чтение и диктовки. 21-го вновь неважно чувствовал, ограничился чтением. 22 января и врачи, и секретариат (редкое совпадение) фиксировали окончание работы над статьей «Как нам реорганизовать Рабкрин». Троцкий утверждал, что и статьи о Рабкрине были направлены против Сталина, коль скоро он много лет им руководил. Однако прошел уже год, как Сталин не имел к РКИ никакого отношения. Скорее, статьи были направлены против Троцкого, поскольку именно он возражал против всей рабкриновской идеи в принципе: «В условиях рыночного хозяйства “рабоче-крестьянская инспекция” есть абсолютнейшая и безусловнейшая чепуха, а бухгалтерия – все»[2644].

В диктовке Ленин доказывал: «Наш госаппарат, за исключением Наркоминдела, в наибольшей степени представляет из себя пережиток старого, в наименьшей степени подвергнутого

сколько-нибудь серьезным изменениям». По существу он предложил только одно новшество: предстоявшему съезду партии выбрать 75–100 новых членов ЦКК из рабочих и крестьян, которые вместе с 300–400 служащими Рабкрина должны были создать орган совместного партийно-государственного контроля. При этом работники Рабкрина и ЦКК должны были «присутствовать в известном числе на каждом заседании Политбюро», с целью, невзирая на лица, «следить за тем, чтобы ничей авторитет, ни Генсека, ни кого-либо из других членов ЦК, не мог помешать им сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел»[2645]. На крупную реформу государственного или партийного управления это предложение не тянуло, разве что содержало выпад в адрес Сталина как Генсека.

Но… Сахаров не поленился проверить. И этих напечатанных в ПСС слов – «ни Генсека, ни кого-либо других членов ЦК» – не обнаружил ни в архивном ленинском тексте, ни в гранках, с которыми работал Ленин, ни в опубликованной 25 января 1923 года в «Правде» статье, ни в сочинениях Ленина, выходивших до конца 1950-х годов[2646]. Когда и кто их вписал, можно только догадываться.

Инициатива с Рабкрином, как и высказанное ранее предложение Ленина об увеличении членов ЦК, замечала Элен Каррер д'Анкосс, «было парадоксальным решением: для борьбы с бюрократией Ленин предлагал создать новый бюрократический орган, "сверхбюрократию"»[2647]. Статья «Как нам реорганизовать Рабкрин», сразу переданная в ЦК, вызвала в руководстве очевидное замешательство. Инициатива в принципе представлялась крайне спорной. Перспектива, чтобы рабочие и крестьяне сидели на сверхсекретных заседаниях Политбюро и запрашивали любые документы, тоже, полагаю, никому не нравилась. По рассказу Троцкого, ему позвонила Крупская с просьбой вмешаться. «На немедленно созванном по моему предложению Политбюро все присутствовавшие: т. т. Сталин, Молотов, Куйбышев, Рыков, Калинин, Бухарин, были не только против плана т. Ленина, но и против самого напечатания статьи», – свидетельствовал Троцкий. Куйбышев предлагал даже напечатать только один экземпляр «Правды» со статьей, чтобы продемонстрировать ее Ленину. По версии Троцкого, ему вместе с опоздавшим к началу заседания Каменевым удалось убедить собравшихся в целесообразности публикации лишь с помощью аргумента, что статьи Ленина от партии все равно не утаишь[2648].

ПБ действительно вопрос рассматривало, но на очередном, а не по просьбе Троцкого созванном заседании. Куйбышев

подтвердит, что у него, как и у других, были сомнения: «Обращалось внимание на отдельные места в статье, которые будучи взяты обособленно, были непонятны и казались странными: раскол партии, лучший наркомат НКИД, детальное определение количества служащих РКИ и т. д.». В итоге, расскажет Сталин, «было принято Политбюро не одно, а два решения: а) немедленно сдать в печать статью Ильича; б) разослать всем местным организациям письмо ЦК за подписями всех наличных членов Политбюро и Оргбюро с разъяснением о том, что нет оснований опасаться раскола в партии и ЦК. Это письмо было в тот же день отправлено организациям в шифрованном виде»[2649].

Действительно, рукой, похоже, того же Троцкого одновременно было написано разъяснительное письмо, разосланное в партийные организации, в котором говорилось, что врачи позволили Ленину «ввиду невыносимости для него полной умственной бездеятельности, вести нечто вроде дневника, куда он заносит свои мысли по разным вопросам, причем части этого дневника, по указанию самого тов. Ленина, появляются на страницах печати… Во внутренней работе Цека *совершенно нет таких обстоятельств, которые давали бы какие бы то ни было основания для опасения «раскола»*». Подписали Андреев, Бухарин, Дзержинский, Калинин, Каменев, Куйбышев, Молотов, Рыков, Сталин, Томский, Троцкий[2650].

Ленин 23 января, по сведениям секретарей, читал и редактировал гранки статьи о Рабкрине для «Правды». Врачи добавляют к этому 45-минутную диктовку. О чем – неизвестно. С 24 по 26 января и с 29 января по 1 февраля доктора не заметили, чтобы Ленин работал с секретарями. Зато отмечали у него сильные головные боли[2651]. Но, по сведениям секретарей и по официальной биохронике, именно в эти дни он развил кипучую деятельность, связанную с «грузинским делом».

Политбюро разбирало «грузинское дело» 13 января. Был одобрен доклад комиссии Дзержинского и решено отозвать из Грузии и перевести на работу в других регионах Мдивани, Кавтарадзе и Цинцадзе. Ленина (или кого-то рядом с ним) это решение не устроило. Далее информация о реакции Ленина шла исключительно от его секретариата. 24 января «Ленин дает задание Фотиевой запросить у Дзержинского или Сталина материалы комиссии Политбюро по грузинскому делу; поручает Л. А. Фотиевой, Н. П. Горбунову, М. И. Гляссер изучить эти материалы и представить докладную записку; указывает, что ему “требуется это для партийного съезда”»[2652].

При этом, как свидетельствовала Гляссер, объясняя полную

секретность этой своей деятельности от Политбюро, «он взял с нас слово держать все в строжайшей тайне до окончания работы… Именно потому, что он был болен и страшно подозрителен – ему все время казалось, что с ним уже не считаются (я так думаю), обмануть его доверие было для нас немыслимо»[2653]. Удивительная инициатива Ленина: технические секретари должны секретно накопать компрометирующий материал на членов ЦК и Политбюро и сделать заключения об их деятельности?! Технический секретарь ПБ должен держать дело в строжайшей тайне от Политбюро?! Хм…

Фотиева продолжала: «25 января ВИ спросил, получены ли материалы комиссии. Я ответила, что Ф. Э. Дзержинский приедет из Тифлиса лишь в субботу, 27 января. 27 января я спросила у Ф. Э. Дзержинского материалы комиссии по “грузинскому вопросу”, но он сказал, что они у И. В. Сталина. Послала письмо И. В. Сталину, но его не оказалось в Москве. 29 января И. В. Сталин по телефону сообщил, что материалы без Политбюро дать не может. Спрашивал, не говорю ли я ВИ чего-нибудь лишнего, откуда он в курсе текущих дел. Например, статья об РКИ указывает, что ему известны некоторые обстоятельства. Ответила, что не говорю и не имею оснований думать, что он в курсе дел. 30 января ВИ вызвал меня, спросил, что ответил Сталин, и сказал, что будет добиваться получения материалов»[2654].

Гляссер позднее напишет Бухарину, что к концу января Ленин «имел уже предвзятое мнение, нашей работой буквально руководил и страшно волновался, что мы не сумеем доказать в своем докладе то, что ему надо и он не успеет до съезда подготовить свое выступление»[2655]. Правда, тут непонятно, кто кем руководил.

Фотиева рассказала, что первого февраля Ленин продиктовал ей вопросы, на которые хотел бы получить ответы от «комиссии» Горбунова, Фотиевой и Гляссер: «И добавил:

– Если бы я был на свободе (сначала оговорился, а потом повторил, смеясь: если бы я был на свободе), то я легко бы все это сделал сам[2656].

В тот день «на заседании Политбюро было разрешено выдать нам материалы по «грузинскому вопросу»[2657]. Со 2 по 7 февраля врачи заметили некоторый подъем работоспособности: Ленин диктовал, читал, разговаривал с секретарем. Похоже, в это время он доводил до ума статью «Лучше меньше, да лучше»[2658]. 3-го приехал Ферстер, который остался доволен пациентом, разрешил гимнастику, прибавил время для диктовки. Правда, пользоваться этим послаблением Ленин не стал или не смог.

Через два дня у него была Гляссер, вспоминавшая, что

«видела ВИ первый раз с того времени, как он снова заболел в декабре, и в последний раз – живым… В тот день, когда он меня вызвал – пятого февраля, он лежал уже без компресса на голове, был наружно весел, смеялся и шутил. Дал несколько поручений, говорил совсем легко, как прежде, разве немножко медленнее; по-прежнему старался предугадать все детали для беспрепятственного и быстрейшего выполнения его поручений. Его интересовала разработка материалов по переписи, произведенной ЦСУ в Москве и Петрограде (он знал об этом до заболевания): затребовал точных сведений, в каком положении находится разработка этих материалов, в какой срок предполагается ее закончить и будут ли они опубликованы. Говорил, что нужно “поднажать”»[2659].

Седьмого февраля «Ленин беседует с Л. А. Фотиевой о подготавливаемом сборнике по результатам переписи советских служащих, о работе над материалом по грузинскому вопросу, об отношении коллегии НК РКИ к плану реорганизации Рабкрина»[2660]. Кожевников говорил Фотиевой, что заметно «громадное улучшение». С 8 по 13 февраля врачи вновь констатируют плохое самочувствие и настроение. Ленин не диктовал, только 11-го читал. Запись врача за 9 февраля: «Сам ВИ находит, что в эту болезнь ему стало труднее находить слова не только немецкие, но и русские». 10 февраля доктор пишет в Дневнике: «Вид усталый, говорит с большим затруднением, забывая мысль и путая слова». 11 февраля: «Он обычно не может вспомнить, болела ли у него накануне голова, новые врачебные назначения он тоже забывает»… «Я не могу сказать, что хочу, не нахожу слов», – произнес пациент. 12 февраля вновь затруднения с речью[2661]. Фотиева записала в дневнике секретарей: «ВИ хуже. Сильная головная боль… По словам Марии Ильиничны, его расстроили врачи до такой степени, что у него дрожали губы».

Но официальная биохроника вновь отмечает в эти дни бурную ленинскую политическую активность. 9 февраля Ленин беседует с Фотиевой о намерении внести вопрос о реорганизации Рабкрина на XII съезд РКП(б); просит поручить Кржижановскому и Свидерскому контролировать подготовку сборника о результатах переписи советских служащих», диктует заключительную часть статьи “Лучше меньше, да лучше”». То же 10-го и 12-го.

Четырнадцатого февраля, отметили врачи, Ленин почувствовал себя на редкость хорошо, и это вселило в него надежды на выздоровление. Фотиевой, которую вызвал вечером, он сказал, «что он совершенно здоров… Намерен непременно провести кое-что к съезду и надеется, что может». Фотиева пишет:

«Затруднялся речью, видимо устал. Говорил опять по трем пунктам своих поручений. Особенно подробно по тому, который его больше всего волновал, т. е. по грузинскому вопросу. Просил торопиться… Намекнуть Сольцу, что он на стороне обиженного. Дать понять кому-либо из обиженных, что он на их стороне»[2662].

С 15 февраля по 4 марта записи в Дневнике дежурных секретарей отсутствовали. Медики отмечали беседы с Фотиевой 18. 19, 20, 27 февраля и 2 марта, о которых она не вспоминала. 20 февраля Ленин предпринял последнюю попытку писать: «ВИ только с трудом вывел буквы: Вла, причем они очень неясно написаны и все в зигзагах из-за тремора». 21 февраля – сильный нервный срыв в ответ на предложение медсестры принять лекарство.

В тот день открылся Пленум ЦК, который должен был рассмотреть повестку для следующего съезда партии. В Политбюро трудно было не разглядеть возни Ленина и его секретариата вокруг «грузинского дела». Поэтому пленум ЦК решает не спешить с публикацией готовившихся к XII съезду тезисов по национальному вопросу: «Тезисы не публиковать, сообщив их т. Ленину (с разрешения врачей). Если т. Ленин потребует пересмотра тезисов, собрать экстренный пленум»[2663]. Предложения лидера партии о расширении состава ЦК и реорганизации Рабкрина принимаются к исполнению.

26 февраля – 1 марта врачи фиксируют плохое самочувствие, отвратительное настроение, затруднения в речи. Ленин ограничивался чтением, 28 февраля не мог и читать[2664]. Второго марта Ленину стало значительно хуже. «При разговоре… нелегко подыскивает слова». Тем не менее «начал заниматься с тов. Фотиевой, но скоро разболелась голова, боль стала крайне интенсивной». В этот день, как считается, Ленин завершил месячную работу над своей последней статьей – «Лучше меньше, да лучше». Она была опять посвящена вопросам Рабкрина, и ее опубликуют в «Правде» уже 4 марта. Если статья тогда и привлекла внимание, то скорее резким критическим тоном, что многими опять интерпретировалось как завуалированный наезд на Сталина: «Наркомат Рабкрина не пользуется сейчас ни тенью авторитета. Все знают о том, что хуже поставленных учреждений, чем учреждения нашего Рабрина, нет и что при современных условиях с этого наркомата нечего и спрашивать». Призывал позаботиться «о сосредоточении в Рабкрине человеческого материала действительно современного качества, т. е. не отстающего от лучших западноевропейских образцов».

У Запада надо учиться. Но Запад все равно обречен: «Исход борьбы зависит, в конечном счете, от того, что Россия, Индия,

Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения… В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена». Если удастся сохранить за рабочим классом руководство над крестьянством», тогда «мы в состоянии будем пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую, именно, с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой… на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д. …»[2665]

Реакция на схему реорганизации Рабкрина в партии была кислой. С помощью создания «сверх-Рабкрина» (термин Красина, публично критиковавшего ленинскую затею) с бюрократией справиться было невозможно – это подтвердила и практика Рабкрина, все-таки реорганизованного по принципам вождя на XII съезде партии и ставшего одним из самых бессмысленных и бюрократизированных звеньев госаппарата.

Третьего марта настроение Ленина и общее его состояние слегка улучшились. Но при разговоре «иногда не хватало слов, и он старается заменить это слово описанием того предмета, который оно определяет». Получил от Марии Ильиничны корректуру статьи «Лучше меньше, да лучше», но, «прочтя 2 страницы, сказал, что устал и больше читать не может. После этого ВИ стал нервничать… Он начал путаться в своих мыслях, хотя и говорил связные фразы, но между отдельными фразами связи не было, вследствие чего Надежда Константиновна не могла понять его, что еще больше расстроило ВИ»[2666]. Именно в тот день, как рассказывала Фотиева, она передала Ленину «нашу докладную записку и заключение о материалах комиссии Ф. Э. Дзержинского по “грузинскому вопросу”» [2667].

Момент для начала решительного боя с великодержавным шовинизмом был не самым удачным. Ленин был не в состоянии читать материалы комиссии или что-то формулировать! Четвертого марта Ленин продолжал заговариваться, порывался читать, но его отговорили от этой затеи[2668].

Когда Ленин оказался не в состоянии осилить представленный ему «комиссией» (она не была как-то формализована) Горбунова-Гляссер-Фотиевой материал, Гляссер нашла возможность доложить Ленину, что у него в Политбюро есть союзники в борьбы с шовинистами. Как – не известно, поскольку, по ее собственным словам, она видела Ленина в последний раз 5 февраля. Сам Троцкий подтвердит это в деталях: «Не переговорить ли с Зиновьевым и Каменевым? – подсказывают ему секретари. Но Ленин досадливо отмахивается рукой. Он отчетливо предвидит, что в случае его отхода от работы Зиновьев и Каменев составят со Сталиным “тройку” против меня и,

следовательно, изменят ему.

– А вы не знаете, как относится к грузинскому вопросу Троцкий? – спрашивает Ленин.

– Троцкий на пленуме выступал совершенно в вашем духе, – отвечает Гляссер, которая секретарствовала на пленуме». (Но ее же не было у Ленина. – *В.Н.*).

На следующий день Гляссер якобы передает Ленину записку с изложением речи Троцкого на пленуме, после чего, рассказывала Гляссер Троцкому, «ВИ просиял: ну, теперь другое дело! И поручил передать Вам все те рукописные материалы, которые должны были войти в состав его бомбы к XII съезду» [2669]. Гляссер потом даст пояснение своих действий: стараясь, мол, успокоить Ильича, «я рассудила – может быть слишком примитивно, – что если Вл. Ил. узнает о том, что тт. Зиновьев и Троцкий думают так же, как и он, то он не будет так сильно волноваться… В.И. действительно, узнав об этом, обрадовался и как будто успокоился»[2670]. Уж в чем-чем Гляссер нельзя было заподозрить, то это в примитивности мышления.

Три последние письма Ленина (и единственные за 1923 год) были продиктованы 5 и 6 марта и адресованы Троцкому, Сталину и грузинским независимцам. Все начинаются с редчайшего для Ленина обращения «Уважаемый т.». Запись доктора Кожевникова от 5 марта: «Проснулся в удовлетворительном настроении, без головной боли… Около 12 часов В.И. пригласил к себе Володичеву и продиктовал ей два письма в течение 15–20 минут. Письма, по словам В.И., его нисколько не разволновали, так как они были чисто деловые, но как только ушла стенографистка, у В.И. появилось чувство озноба… Через некоторое время головная боль усилилась… После обеда вместо того, чтобы поспать, начал читать свою статью» [2671].

Запись Володичевой в «Дневнике дежурных секретарей» от 5 марта: «ВИ вызвал около 12. Просил записать два письма: одно Троцкому, другое – Сталину; передать первое лично по телефону Троцкому и сообщить ему ответ как можно скорее. Второе пока просил отложить, сказав, что сегодня у него что-то плохо выходит. Чувствовал себя нехорошо».

Вот послание Троцкому, помеченное «Строго секретно. Лично»: «Уважаемый тов. Троцкий! Я просил бы Вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под “преследованием” Сталина и Дзержинского, и я сам не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив. Если бы Вы согласились взять на себя его защиту, то я бы мог быть спокойным. Если Вы почему-то не согласитесь, то верните мне все дело. Я буду считать это признаком Вашего

несогласия»[2672]. То есть читателем и адресатом «всего дела» (надо думать, того, что подготовили Горбунов, Гляссер и Фотиева) становился уже Троцкий.

Володичева подняла трубку, соединилась с Троцким и продиктовала ему это послание. Реакция Троцкого была в чем-то неожиданной. Ведь он, по его словам, вроде только и ждал сигнала от Ленина, чтобы начать совместный с ним поход против средостения бюрократического аппарата в лице Сталина и К°. Но нет. Володичева записала в «Дневнике»: «В ответ на прочитанное т. Троцкому письмо ВИ о грузинском вопросе т. Троцкий заявил, что так как он болен, то не может взять на себя такого обязательства, но так как надеется, что скоро поправится, то просил прислать ему материалы… для ознакомления и, если здоровье ему позволит, он их прочитает… Говорил, что у него острые боли, что подошел к телефону с трудом и лишь потому, что знал, что будут звонить от ВИ; сказал, что он не может сейчас работать, положительно парализован»[2673].

Далее с Троцким общается Фотиева. В мемуарах он опишет свой диалог с ней и последующие события: «Почему вопрос так обострился? – спрашиваю я. Оказывается, Сталин снова обманул доверие Ленина: чтоб обеспечить себе опору в Грузии, он за спиною Ленина и всего ЦК совершил там при помощи Орджоникидзе и не без поддержки Дзержинского организованный переворот против лучшей части партии, ложно прикрывшись авторитетом Центрального Комитета.

– Каменев едет завтра в Грузию на партийную конференцию, – говорю я Фотиевой. – Я могу познакомить его с ленинскими рукописями, чтоб побудить его действовать в Грузии в надлежащем духе. Спросите об этом Ильича.

Через четверть часа Фотиева возвращается, запыхавшись:

– Ни в коем случае!

– Почему?

– ВИ говорит: «Каменев сейчас же все покажет Сталину, а Сталин заключит гнилой компромисс и обманет.

– Значит, дело зашло так далеко, что Ильич уже не считает возможным заключить компромисс со Сталиным даже на правильной линии?

– Да, Ильич не верит Сталину, он хочет открыто выступить против него перед всей партией. Он готовит бомбу.

Примерно через час после этой беседы Фотиева снова пришла ко мне с запиской Ленина, адресованной старому революционеру Мдивани и другим противникам сталинской политики в Грузии…

Грузинский вопрос волнует его до крайности, он боится, что свалится совсем, не успев ничего предпринять. Передавая

записку, он сказал: “Чтоб не опоздать, приходится прежде времени выступить открыто”.

– Но это значит, что я могу теперь поговорить с Каменевым?

– Очевидно.

– Вызовите его ко мне».

Каменев, якобы по первому свистку Троцкого, явился к нему через час. «Он был совершенно дезориентирован. Идея “тройки” – Сталин, Зиновьев, Каменев – была уже давно готова. Острием своим “тройка” была направлена против меня. Вся задача заговорщиков состояла в том, чтоб, подготовив достаточную организованную опору, короновать “тройку” в качестве законной преемницы Ленина. Маленькая записочка врезывалась в этот план острым клином… Каменев был взволнован и бледен. Почва уплывала у него из-под ног…»[2674]

Каменев поспешил к Сталину. Тот после разговора с Каменевым не стал делать – по крайней мере, внешне – далеко идущие выводы, а 7 марта просто предупреждал Орджоникидзе: «Я узнал от т. Каменева, что Ильич посылает тт. Махарадзе и другим письмецо, где он солидаризируется с уклонистами и ругает тебя, т. Дзержинского и меня… Нечего и говорить, что уклонисты, получив это письмецо, используют его вовсю против Заккрайкома, особенно против тебя и т. Мясникова. Мой совет. Никакого давления не делать Заккрайкому на волю большинства Компартии Грузии, дать этой воле, наконец, полностью проявиться, какова бы она ни была»[2675].

Троцкий же после ознакомления с материалом «комиссии» Горбунова-Гляссер-Фотиевой своего мнения не поменял. Он не захотел ввязываться в эту историю с великорусским шовинизмом. Троцкий был согласен с мыслями Ильича. Но его совсем не радовала перспектива предстать перед партсъездом, пусть и с ленинским текстом на руках, и клеймить великорусских шовинистов: на съезде (в отличие от высшего партийного руководства) большинство делегатов все же были русскими.

Ответ Троцкого якобы передали Ленину. Реакция председателя Совнаркома неизвестна. Запись Володичевой, датированная 6 марта: «Спросил об ответе на первое письмо (ответ по телефону застенографирован). Прочитал второе (Сталину) и просил передать лично и из рук в руки получить ответ. Продиктовал письмо группе Мдивани. Чувствовал себя плохо»[2676]. Запись в этот день в дневнике врачей: подиктовал Володичевой «несколько строк, всего 1 ½ строчки»[2677].

Несколько строк, это послание «тт. Мдивани, Махарадзе и др.»: «Уважаемые товарищи! Всей душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и

Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь»[2678].

Письмо Сталину – тоже «строго секретное и сугубо личное» (но почему-то с копиями Каменеву и Зиновьеву) Володичева лично отнесла Генсеку. Когда письмо было передано Сталину? Ответ дает последняя запись, сделанная Володичевой шифром в «Дневнике дежурных секретарей» и расшифрованная ею… через 32 с лишним года – 14 июля 1956 года – как раз в разгар разоблачения культа личности Сталина после XX съезда КПСС. «Надежда Константиновна просила это письмо Сталину не посылать, что и было сделано 6-го. Но 7-го я сказала, что я должна исполнить распоряжение ВИ. Она переговорила с Каменевым, и письмо было передано Сталину и Каменеву, а затем и Зиновьеву, когда он вернулся из Питера. Ответ от Сталина был получен тотчас же после получения им письма ВИ (письмо было передано мной лично Сталину, и мне был продиктован его ответ ВИ). Письмо ВИ еще не передано, т. к. он заболел»[2679].

Сталин прочел: «Уважаемый т. Сталин! Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу вас взвесить, согласны ли вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения»[2680].

Смысл послания, как его понял Логинов: «То есть рано смотреть на него как на мертвого льва, которого любой может пинать ногами»[2681]. Это похоже и на защитную грамоту для Крупской, надиктованную Лениным или ею самой.

В 1967 году в беседе с писателем Беком Володичева добавит подробностей (может и точные, человеческая память имеет свойство хранить детали самых ярких и важных событий в жизни, а в ее жизни вряд ли было что-то более захватывающее): «Передавала письмо из рук в руки. Я просила Сталина написать письмо ВИ, так как тот ожидает ответа, беспокоится. Сталин прочел письмо стоя, тут же при мне, лицо его оставалось спокойным. Помолчав, подумал и произнес медленно, отчетливо выговаривая каждое слово, делая паузы между ними:

– Это говорит не Ленин, это говорит его болезнь. – И продолжил: – Я не медик, я – политик. Я Сталин. Если бы моя жена, член партии, поступила неправильно и ее наказали, я не счел бы себя вправе вмешиваться в это дело. А Крупская – член партии. Но раз ВИ настаивает, я готов извиниться перед Крупской за грубость» [2682].

Генсек сумел подавить в себе первый порыв – ответить Ленину в духе кавказских представлений о роли женщины в семье настоящего мужчины. Вместо этого ответил куда более мягко, хотя тоже грубовато: «Если Вы считаете, что для сохранения “отношений” я должен “взять назад” сказанные выше слова, я их могу взять назад, отказываясь, однако, понять, в чем тут дело, где моя “вина” и чего, собственно, от меня хотят»[2683].

Володичева продолжала: «Я записала коротенький ответ Сталина. Уйдя от Сталина, я отправилась на квартиру к Каменеву. Мне посоветовали это мои товарищи, в частности, Мария Игнатьевна Гляссер. Она сказала, что обязательно надо зайти и показать это письмо Каменеву, потому что Сталин может написать такое, что вызовет беспокойство ВИ. Каменев его прочитал и вернул мне со словами, что письмо можно передать. После посещения Каменева я вернулась к себе в секретариат. Но письмо не было передано, потому что уже было поздно. ВИ было плохо»[2684]. Перестраховка и интриганство были поставлены по первому разряду: по совету Гляссер и товарищей (Горбунова и Фотиевой?) показать письмо – (переписка «сугубо лично и строго секретно») Каменеву, прежде чем передать ответ Сталина лидеру партии Ленину! Уже не Генеральный секретарь ЦК, а Надежда Константиновна и секретариат решали, кому показывать его личные и строго секретные послания первому лицу государства! Заметим, три последних ленинских письма не оставили никаких следов ни в книге исходящих документов секретариата Ленина, ни в секретариатах Каменева или Троцкого.

Письмо Сталину было впервые раскрыто в партийной среде в выступлении лидера объединенной оппозиции Зиновьева (в этой оппозиции состояла тогда и Надежда Константиновна) на июльском 1926 года пленуме ЦК:

– Ленин в личном письме к товарищу Сталину рвал с ним товарищеские отношения.

Сталин обратится к пленуму с письменным заявлением «по личному вопросу»: «Ленин никогда “не рвал” со мной личных товарищеских отношений. О личных отношениях Ленина ко мне можно судить хотя бы по тому факту, что Ленин во время болезни несколько раз обращался ко мне с такими ответственнейшими поручениями, с какими он не обратился бы никогда и не попробовал обратиться ни к Зиновьеву, ни к Каменеву, ни к Троцкому. Члены Политбюро и тт. Крупская и Мария Ильинична знают об этих поручениях»[2685].

У Сталина были основания для опасений за свое политическое будущее. Список прямых ленинских обвинений, уже вынесенный на обсуждение в руководстве, был весьма

внушителен: национализм, грубость и нетерпимость, оскорбление жены вождя. Плюс к этому не озвученное, но уже известное некоторым в верхушке предложение снять Сталина с поста Генерального секретаря. Кумулятивный эффект авторитета Ленина, помноженного на энергию и красноречие Троцкого, действительно могли привести к потере Сталиным этой должности (хотя вряд ли места в Политбюро или в Оргбюро). Но могли и не привести. Ведь решение должен был принять избранный на съезде пленум, большинство делегатов которого окажутся работниками партаппарата. Здесь мы вынуждены говорить в сослагательном наклонении, поскольку в реальной истории угроза Сталину так и не материализовалась. Кумулятивный эффект не получился, антисталинские аргументы, если и выстреливали, то поодиночке, производя впечатление не бомбы, а хлопушек.

Было ли «Завещание» новым словом в теории социализма, как говорили в годы «оттепели» Хрущева и перестройки Горбачева?

Перечитав в очередной раз эти работы, нахожу их очень путаными, с массой повторений, нарушенной логикой. Никакого пересмотра основ созданной Лениным государственной системы я не обнаружил, а предложенные рецепты совершенствования управления выглядят беспомощными и более чем спорными даже в рамках коммунистической ортодоксии. Единственное, в чем Ленин оказался прав в своем анализе ситуации, так это в предвидении усиления борьбы внутри партии, и того, что лидерами соперничающих фракций окажутся Сталин и Троцкий.

Были ли какие-то части «Завещания» продиктованы не Лениным, а написаны кем-то другим, а подтверждающие их подлинность документы подделаны? Однозначного ответа, полагаю, уже не сыскать. Но никто не запрещает поразмышлять. Могли ли вокруг Ленина и его наследия интриговать в высших эшелонах власти? Конечно, только этим и занимались. Ленинскими словами и фразами подкрепляли любой шаг и затыкали рот любому.

Могли Крупская и секретариат Ленина вести какую-то свою игру? Могли ли они подыграть, скажем, Троцкому, которому передали все материалы по нацвопросу? Или Зиновьеву, которому Крупская принесла «Письмо к съезду»? Или Каменеву, который уже председательствовал и в Политбюро, и в Совнаркоме и которому подчинялись Горбунов, Фотиева и частично Гляссер? Почему бы нет. Сталина в последнем окружении Ленина явно недолюбливали, о будущем задумывались, а Троцкий в тот момент выглядел фигурой более (по крайней мере, ничуть не

менее) перспективной, чем Сталин в качестве преемника вождя. Да и Зиновьев с Каменевым подавали надежды. Могли Троцкий, Зиновьев или Каменев подыграть окружению Ленина в интриге против Сталина? Почему нет: столь сильный конкурент их тоже не устраивал.

От самих близких Ленина и его секретариата откровений на этот счет невозможно было ожидать, особенно после того, как верх взял Сталин. Но Троцкий, как мы видели, так и прямо это подтверждал. И не только в отношении Гляссер или Фотиевой, которых Троцкий называл своей «связью» с Лениным[2686], но и Крупской. Она в последующие годы будет состоять во всех антисталинских оппозициях.

Использовались ли во времена Хрущева, когда готовилось Полное собрание сочинений Ленина, создавалась каноническая история его противостояния со Сталиным в последние месяцы жизни, подтасовки исторических документов для целей политической борьбы? Еще как. Отсутствовала ли цензура при издании ПСС? Конечно, нет. Полное собрание сочинений, как мы сейчас прекрасно знаем, было далеко не полным, многие ленинские труды увидели свет только после «перестройки» Горбачева и после исчезновения СССР. А какие-то, я уверен, не доступны до сих пор. Во времена хрущевской «оттепели» писала мемуары Фотиева…

Сталин и другие члены высшего руководства действительно нигде и никогда не ставили под сомнение подлинность всех без исключения ленинских текстов. И как ведущие члены Политбюро могли не заметить подмену хорошо им известного ленинского стиля, если действительно бы фальсификации имели место? Но был человек, который много лучше всех членов ПБ, вместе взятых, знал этот стиль. Который много лет писал письма за Ленина и от его имени. Начисто (и редактируя) переписывал все его труды. При этом никто и никогда не усомнился в ленинском авторстве текстов, написанных от его имени этим человеком. Этот человек знал о Ленине все, являлся автором самых подробных и, на мой взгляд, лучших воспоминаний о нем. Как Вы, наверное, догадались, речь идет о Надежде Константиновне. «Скучная, вечно больная, безобразно одетая, вздорная, одуревшая от бездетности старуха, потолок которой – педагогическая деятельность: заставить школьников в учебное время собирать шишки на топливо? Или все же – ослепительно красивая, весьма остроумная, очень скрытная – и очень умная женщина, которую все – кроме, видимо, ВИ – катастрофически недооценивали?»[2687] – пишет Данилкин. Очевидно, что если подтасовки имели место, то они точно не могли осуществляться без участия Крупской –

хранителя и легитимизатора ленинских текстов.

Не стоит забывать и то, что Зиновьев, Каменев, Троцкий, даже если что-то знали и подозревали, видели в «Завещании» выгоду – в борьбе со Сталиным. Досталось от Ленина им всем. Но сделать оргвыводы предлагалось только в отношении Генерального секретаря. У остальных не было столь уж большого стимула, желания, побудительного мотива оспаривать аутентичность диктовок. А Сталин? У него-то мотив точно был. Но если бы Сталин усомнился в подлинности текстов, направленных против него, ему бы инкриминировали откровенный саботаж «Завещания» Ленина. Кого Сталин мог обвинить в фальсификации? Крупскую? Ему и так ставили в вину безосновательные атаки на беззащитную женщину и верную соратницу вождя. А письмо Ленина с угрозой разорвать отношения со Сталиным, если он не извинится перед Крупской, вообще давало ей индульгенцию от сталинской критики на все обозримое будущее.

Документы вбрасывались дозированно, не все сразу, и по разным каналам. Диктовки о национальностях и грузинском деле – пришли от Троцкого. «Характеристики» и «Письмо о секретаре» – от Зиновьева. О «Письме о секретаре» Сталин узнал позже других, когда его подлинность не оспорили, а фактически подтвердили все другие члены Политбюро. Оспаривать каждый из документов в отдельности было просто невозможно, тем более, что поступали они в ЦК не только прямо от Крупской, но и через членов Политбюро. И Сталин не мог в каждый конкретный момент знать, что еще, кому, когда и зачем может принести Надежда Константиновна.

Сталин принял вызов «Завещания» его власти как данность. Выстояв перед этим – самым опасным, ленинским – вызовом Сталин становился, по сути, неуязвим перед вызовами серьезными, но не такими смертоносными – со стороны других членов Политбюро.

Но это – гипотеза.

В то же время очевидно, что мухлеж вокруг ленинского «Завещания» был. Масштабы и состав участников этого процесса установить невозможно. И, что самое главное, и в чем правы противники конспирологии: для практической политики вопрос о подлинности или сфальсифицированности каких-то документов Ленина не имел ни малейшего значения. Потому что все они воспринимались всеми участниками политического процесса как подлинные и именно в таком качестве играли свою роль в истории. Остальное – для интеллектуальных упражнений.

Восприятия в политике куда более важны, чем реальность.

Был ли возможен политический альянс Ленина и Троцкого против «тройки» или лично Сталина? Проверить эту версию тоже невозможно. Троцкий в этом вопросе свидетель не беспристрастный, а других свидетелей не существует.

Нет спора: Ленин считал Троцкого сильнейшей – наряду со Сталиным – политической фигурой. Но при этом ни с кем из коллег у Ленина не было такого количества столкновений, как с Троцким – как до революции, так и после. Никто из коллег так не старался насолить Ленину и подсидеть его, как Троцкий. Ни против кого другого из коллег Ленин так много не интриговал, пытаясь его изолировать. Никого из коллег Ленин не награждал таким количеством самых оскорбительных эпитетов. Вот основные: «свинья», «Балалайкин», «подлейший карьерист», «Иудушка», «позер», «шельмец», «проходимец», «жулик», «лжец». Сталин не удостоился ничего подобного. Для старой большевистской гвардии «небольшевизм» (меньшевизм) Троцкого был грехом, который простить было нельзя. Крайне маловероятно, чтобы Ленин рассматривал Льва Давидовича своим преемником. Но, как бы то ни было, даже если планы такого альянса существовали, им не суждено было реализоваться.

Был ли Сталин в опале у Ленина в последние месяцы его жизни? Свидетельств недовольства Сталиным немало, притом не только в «Завещании». Так, скорее всего, к февралю 1923 года надо относить события из рассказа Марии Ульяновой: «Раз утром Сталин вызвал меня в кабинет В. И. Он имел очень расстроенный и огорченный вид:

– Я сегодня всю ночь не спал, – сказал он мне. – За кого же Ильич меня считает, как он ко мне относится! Как к изменнику какому-то. Я же его всей душой люблю. Скажите ему это как-нибудь.

Мне стало жаль Сталина. Мне казалось, что он так искренне огорчен. Ильич позвал меня зачем-то, и я сказала ему, между прочим, что товарищи ему кланяются.

– А, – возвратил В.И.

– И Сталин просил передать тебе горячий привет, просил сказать, что он так любит тебя.

Ильич усмехнулся и промолчал.

– Что ж, – спросила я, – передать ему и от тебя привет?

– Передай, – ответил Ильич довольно холодно.

– Но, Володя, – продолжала я, – он все же умный, Сталин.

– Совсем он не умный, – ответил Ильич решительно и поморщившись»[2688].

Умными Ленин считал себя, Маркса, Энгельса и еще может быть Лафаргов.

У опалы Сталина был и еще один аспект – идеологический. Чем дальше, тем больше Ленин начинал усматривать во взглядах Кобы такие моменты, которые свидетельствовали о его стремлении открыть дорогу национальным, рыночным веяниям в противовес интернационализму и «прекращению отступления» ленинской позиции. Сталин оказывался более правым политиком, чем Ленин.

И, конечно, никогда не стоит сбрасывать со счетов фактор супруги. Когда жена относится к кому-то очень плохо (особенно, если этот кто-то еще не нее повышает голос), то мужу всегда очень сложно относиться к такому человеку с большой симпатией. Особенно, когда супругу видишь каждый день, беседуешь с ней, зависишь от ее внимания, а этого человека не видишь вообще. Надежда Константиновна не любила Сталина, и чувства их были взаимны. Кстати, здесь могло быть не только личное, Крупская была тоже идейно заметно левее Сталина.

Все так. Однако одновременно нельзя не заметить, что в последние месяцы жизни у Ленина в партийной верхушке не было более близкого человека, чем Сталин. По книгам регистрации входящей и исходящей документации секретариата Ленина подсчитано количество его контактов с ключевыми членами Политбюро в 1921 и 1922 годах, получилось, что со Сталиным их было 115, с Троцким – 70, с Каменевым – 59, а с Зиновьевым – 53[2689].

Та же Мария Ильинична Ульянова имела основание написать – пусть и с подсказки Бухарина – в президиум июльского (1926 года) пленума ЦК: «В.И. очень ценил Сталина. Показательно, что весной 1922 г., когда с В.И. случился первый удар, а также во время второго удара в декабре 1922 г. В.И. вызвал к себе Сталина и обращался к нему с самыми интимными поручениями, поручениями такого рода, что с ними можно обратиться лишь к человеку, которому особенно доверяешь, которого знаешь как истинного революционера, как близкого товарища». В 1922 году Сталин навещал Ленина в Горках 12 раз, Троцкий – один раз. Скандал с Крупской? «Тов. Сталин извинился, и этим инцидент был исчерпан. Нечего и говорить, что, если бы Ильич не был в то время, как я указала, в очень тяжелом состоянии, он иначе реагировал бы на этот инцидент». Ни о каком разрыве отношений речи не шло: «Отношения эти были и остались самыми близкими и товарищескими»[2690].

Молотов об отношениях Ленина со Сталиным в то время говорил так: «У Ленина не было друзей в Политбюро… Со Сталиным у Ленина отношения были тесными, но больше на деловой основе… В последний период Ленин был очень близок со

Сталиным, и на квартире Ленин бывал, пожалуй, только у него… Видел ли он в Сталине своего преемника? Думаю, что и это могло учитываться. А для чего нужен был Генеральный секретарь?»[2691]

В чем же суть Завещания? Прикованный к кровати, увечный, с угасающим сознанием, Ленин сохранил могущество духа и политическую силу. Данилкин прав, предполагая, что «комплекс надиктованных в декабре 1922-го – марте 1923-го текстов напоминает интриганскую деятельность, направленную на то, чтобы, лавируя между группировками Сталина и Троцкого, создать себе условия, при которых можно вернуться во власть в тот момент, когда врачи разрешат Ленину не заматывать голову холодным полотенцем»[2692].

Сталин своим политическим возвышением ломал альфу и омегу ленинской кадровой политики – своеобразную систему сдержек и противовесов, – при которой у всех лидеров были конкуренты, и отдельные ветви государственного управления были противопоставлены друг другу. Троцкий Ленину осенью 1922 года понадобился не как преемник, а как противовес непомерно укрепившемуся Сталину.

Ошибочно думать, будто Ленин уже покончил счеты с жизнью и судорожно искал себе преемника. Никаких признаков такого поиска нет. Предложив уволить Сталина с поста Генсека, он никого не выдвинул взамен. Конечно, Ленин надеялся выздороветь – ему уже столько раз это удавалось – и вновь навести порядок в ЦК, поставив на место зарвавшихся младших коллег. «Его внешняя скромность часто могла быть очаровательной, – писал Роберт Сервис, – но под ней таилось высокомерие человека, уверовавшего в свое природное право быть верховным вождем»[2693]. Полагаю, из «Завещания» мог следовать только один вывод: в стране нет никого, кроме Ленина, кто был бы достоин ею управлять.

Старик намеревался править сам.

Смертельный ток

Утром 6 марта 1923 года Мария Ильинична сидела у постели брата. «Перебирали минувшее».

«В 1917 году, – говорил Ильич, – я отдохнул в шалаше у Сестрорецка благодаря белогвардейским прапорщикам. В 1918 году – по милости выстрела Каплан. А вот потом случая такого не было…»[2694]

Дневник врачей зафиксировал момент, когда для Ленина наступил новый, последний этап жизни. Доктор Кожевников приехал в час дня: «Вид сегодня у В.И. неважный, но все-таки немного лучше, чем был вчера. Настроение не веселое, но и не очень плохое… Его посадили в передвижное кресло и прокатили по всей квартире. После нашего отъезда В.И. не захотел обедать, а заснул. Поспал 2 часа. Когда проснулся, позвал сестру, но почти не мог с ней разговаривать. Он хотел попросить сестру позвать Н.К., но не смог назвать ее имени. Когда пришла Н.К., В.И. почти ничего не мог сказать.

Мы приехали с В. В. Крамером в 5 ½ часов. В.И. лежал с растерянным видом… В.И. волнуется, пытается говорить, но слов ему не хватает. “Ах, черт, вот какая болезнь. Это возвращение к старой болезни”». Дали таблетки йодфортана, вспрыснули внутривенно папаверин. «В скором времени речь начала улучшаться, В.И. немного успокоился… В 9 часов я звонил М.И., и она сообщила, что В.И. успокоился и заснул»[2695]. Но, когда проснулся, врачи зафиксировали полную потерю речи и полный паралич правых конечностей[2696].

Кожевников продолжал скрупулезно вести свой дневник. 7 марта утром: «При разговоре часто подыскивает слова. Настроение плохое. Вчерашний спазм произвел на В.И. очень тяжелое впечатление». Вечером пригласили вновь: «В.И. лежал с сильной головной болью, был бледен, лицо страдальческое». Восьмого марта чувствовал очень плохо, бил озноб. «Лежал под тремя одеялами… Лицо утомленное, глаза грустные».

Девятого марта – плохо, уже в 8.45 по вызову Крупской врачи в Кремле. «Речь у В.И. плохая, артикуляция неотчетливая, и слова В.И. труднее находит, говорит одни слова вместо других… Несколько раз говорил: “вот речь, речь надо править”. Н.К. сообщила, что утром В.И. совершенно нельзя было понять».

Десятого марта в два час дня – «спазм, на этот раз более сильный и более длительный, повлекший за собой полную афазию». Вечером: «Ни одной связной, хотя бы и короткой фразы сказать не может… Никого из близких В.И. видеть не хочет.

Каждый раз, когда входят медсестры или мы, В.И. пытается что-нибудь сказать. Из этого ничего не выходит, это волнует В.И., и, по-видимому, поэтому он не хочет видеть близких, т. к. видеть и не разговаривать для него слишком тяжело… Когда вошла сестра Е.И., В.И. ей сказал “смертельный ток”»[2697]. После этого отказался принимать пищу.

Собралось Политбюро с участием докто-ров. Те не исключали скорой кончины Ленина. Было введено круглосуточное дежурство врачей. Розанов увидел Ленина «11-го числа и нашел его в очень тяжелом состоянии: высокая температура, полный паралич правых конечностей, афазия. Несмотря на затемненное сознание, ВИ узнал меня, он не только несколько раз пожал мне руку своей здоровой рукой, но, видно довольный моим приходом, стал гладить мою руку. Начался длительный, трудный уход за тяжелым больным» [2698]. Вечером совещание – Зиновьев, Троцкий, Сталин, Рыков, Молотов, Дзержинский. Приняли «непротокольное постановление»: утвердить предложенное Троцким правительственное сообщение. «Переговоры с Н.К. и М.И. о других вопросах отложить до первых заключений Ферстера… Переговоры с Ферстером поручить прежней тройке: Троцкий, Сталин, Зиновьев». Учредили тройку ПБ – Дзержинский, Зеленский, Склянский – «для подготовки необходимых мер в случае каких-либо замешательств»[2699].

Ушла написанная Троцким шифротелеграмма: «Только для президиумов губкомов, обкомов и национальных ЦК. Политбюро считает необходимым поставить вас в известность о наступившем серьезном ухудшении в состоянии ВИ. Т. Ленин почти утратил способность речи при сохранении ясного и отчетливого сознания. Врачи признают положение тяжелым, не отказываясь, однако, от надежды на улучшение. В тревожные для партии и революции дни ЦК твердо рассчитывает на величайшую выдержку и сплоченность всех руководящих организаций партии… По поручению Политбюро секретарь ЦК И. Сталин»[2700].

Ферстер и его коллега-терапевт Миньковский приехали в Москву 12 марта. Сначала их отвели в Политбюро, затем – к Ленину, у которого обнаружили «почти полную афазию» и «ясное сознание». Вечером пациент смог говорить отдельные слова и обрывки фраз.

А четырнадцатого марта вышел специальный номер «Правды», посвященный 25-летию I съезда РСДРП, где отметились статьями все руководители, первополосные материалы написали Каменев и Зиновьев. Но внимание всей страны привлекли, во-первых, материалы 9-й полосы, где были впервые опубликованы медицинские заключения о значительном ухудшении здоровья

Ленина за подписями Миньковского, Ферстера, Крамера, Кожевникова и Семашко. А, во-вторых (а может, и во-первых), статья Радека на четвертой полосе под названием «Лев Троцкий – организатор побед», где не раз использовались слова «великий» и «гений».

Валентинов писал: «В те дни, встречаясь с моими знакомыми, я, после почти обязательных слов о внезапной болезни Ленина, много раз слышал такой вопрос: “А статью Радека читали? Что это значит?”… Подобное возвеличение появляется именно в момент, когда правительственное сообщение, говоря об опасной болезни Ленина, дает понять, что от руководства партией и страной Ленин отошел… В этом выдвижении Троцкого на вакантное место после ухода Ленина видят смысл его статьи»[2701]. Схватка за власть началась.

В эти дни жизнь или смерть Ленина опять оказались в руках Сталина. 17 марта он написал Зиновьеву и Каменеву: «Только что вызвала меня Надежда Константиновна и сообщила в секретном порядке, что Ильич в “ужасном состоянии, с ним припадки, не хочет, не может дольше жить” и требует цианистого калия, обязательно. Сообщила, что пробовала дать калий, но “не хватило выдержки”, ввиду чего требует “поддержки Сталина”». Не очень, правда, понятно, как лишившийся речи Ленин объяснил супруге, что ему нужен именно цианистый калий и что помочь ему с этим может именно Сталин. Зиновьев получил записку первым и вывел на ней: «Нельзя этого никак. Ферстер дает надежды – как же можно? Да если бы и не было этого! Нельзя, нельзя, нельзя». Каменев под этим подписался.

Сталин 21 марта вынес вопрос на рассмотрение уже всего Политбюро, сопроводив запиской: «Ввиду особой настойчивости Н.К. и ввиду того, что В. Ильич *требовал* моего согласия (В.И. дважды вызывал к себе Н.К. во время беседы со мной из своего кабинета, где мы вели беседу, и с волнением требовал “согласия Сталина”, ввиду чего мы вынуждены были оба раза прерывать беседу), я не счел возможным ответить отказом, заявив: “прошу В. Ильича успокоиться и верить, что, когда нужно будет, я без колебаний исполню его требование”. В. Ильич действительно успокоился. Должен, однако, заявить, что у меня не хватит сил выполнить просьбу В. Ильича, и вынужден отказаться от этой миссии, как бы она ни была гуманна и необходима»[2702].

Было решено не рассматривать вариант эвтаназии, а, напротив, интенсифицировать лечение, пригласив дополнительных светил из-за рубежа. К Ферстеру и Миньковскому добавились знаменитые профессора невропатологии и психиатрии из Швеции – Хеншен, Германии –

Адольф Штрюмпель, Освальд Бумке, Макс Нонне. Привлекали гонорарами. Но кто-то работал и по идейным соображениям, и не потому, что был коммунистом. Бумке, например, напишет, что он боролся за жизнь Ленина потому, что «после его смерти ожидались приход к власти радикального крыла, отмена новой экономической политики, разрыв любых торговых отношений с заграницей и полный экономический крах России»[2703].

В марте и апреле в ленинской приемной в Кремле ежедневно несли дежурство 6–8 российский и зарубежных докторов. Они приходили к выводу о возможности выздоровления, в чем и уверяли членов Политбюро. Их подписи стояли под постоянно публиковавшимися в прессе бюллетенями о здоровье Ленина, которые констатировали либо улучшение, либо стабильное состояние. Толку от такого обилия светил было мало, поскольку, как жаловался тот же Бумке, они проводили время в научных спорах, а для решения, которое в обычной клинике принимает медсестра, требовался консилиум и чуть ли не санкция ПБ.

Ленин мог, казалось, понимать других, но не был способен ничего сформулировать. «Весь лексикон его был только несколько слов, – описывал Розанов трагизм положения. – Иногда совершенно неожиданно выскакивали слова: «Ллойд Джордж», «конференция», «невозможность» – и некоторые другие. Этим своим обиходным словам ВИ старался дать тот или другой смысл, помогая жестами, интонацией. Жестикуляция порой бывала очень энергичная, настойчивая, но понимали ВИ далеко не всегда, и это доставляло ему не только большие огорчения, но и вызывало порой, особенно в первые 3–4 месяца, припадки возбуждения. ВИ гнал от себя тогда всех врачей, сестер и санитаров. В такие периоды психика ВИ была, конечно, резко затемнена, и эти периоды были бесконечно тяжелыми и для Надежды Константиновны, и для Марии Ильиничны, и для всех нас»[2704]. В конце апреля – начале мая зарубежные светила медицины стали разъезжаться. Дежурили по двое или по трое: Нонне и Осипов, Гетье и Розанов, Нонне и Бехтерев.

Ленина 14 мая вынесли в Кремле на веранду. Доктора рекомендовали переехать в Горки. На следующий день подготовили машину: приспустили колеса, чтобы меньше трясло, сняли переднее сиденье, положили надувной матрас и положили на него Ленина, предварительно накачав снотворными. За полтора часа, что заняла дорога до Горок, он не проснулся. Там Ленин знаками показал, где хотел бы жить, выбрав свою первоначальную маленькую комнату с видом на село Горки.

Доктор Осипов замечал: «В Горках началось постепенное оправление, и к концу мая он чувствовал себя уже настолько

хорошо, что начал интересоваться восстановлением речи»[2705]. Ферстер вернулся 17 мая и тоже констатировал улучшение состояния по сравнению с московским. И именно он начал занятия по восстановлению речи. А с 19 мая к этим усилиям присоединился крупнейший специалист в этой области доктор Доброгаев. Учили звукам и простейшим словам, которые Ленину уже давались к его вящему удовольствию[2706].

Занятия эти, видела Крупская, «велись регулярно почти в течение месяца и имели успех. К этому времени ВИ прекрасно мог понимать речь окружающих и даже мог сам повторять слова. Но около 22 июня начинается новое и последнее обострение болезни, которое продолжалось около месяца. У него было в то время состояние возбуждения, были иногда галлюцинации, он страдал бессонницей, лишился аппетита, ему трудно было спокойно лежать в постели, болела голова, и он только тогда несколько успокаивался, когда его в кресле возили по комнате»[2707]. Лето было дождливым. Врачи и домашние своим мельтешением страшно раздражали. Ленин уходил в себя, прятался под простыню и тихо разговаривал сам с собой. Приступы беспокойства, возбуждения, замутнения сознания еще повторялись, и в такие моменты он всех гнал от себя.

И, похоже, Ленин сам себе наметил план выздоровления. Он начал целенаправленно разминать ноги. Вставать с кровати, пытаться двигать неподвижной правой ногой. Потом делать несколько шагов, держась за что-то. Затем его основным гимнастическим снарядом стала лестница.

В середине июля он даже выразил желание перебраться в комнату Крупской, которая замечала: «Прекратились всякие боли, явился нормальный крепкий сон, вошел в норму желудок, стала правильнее работать левая рука, явилась возможность не только сидеть, но и ходить, сначала опираясь на санитара, потом самостоятельно с палочкой, стала улучшаться речь, и в связи с этим совершенно изменилось настроение». И стал к обеду спускаться в столовую, а в редкие в то лето солнечные дни – на веранду. О том, что было с ним раньше, Ленин «старался впоследствии не вспоминать – не ходил в ту комнату, где он лежал, не ходил на тот балкон, куда его выносили первые месяцы, старался не встречаться с сестрами и теми врачами, которые за ним тогда ухаживали».

А в конце июля и вовсе сбежал из главного здания и поселился на три дня у Преображенского, своего алакаевского знакомого. Тот управлял местным совхозом и жил рядом. «Услышал Ильич, что во флигеле теперь живет Алексей Андреевич, и рванулся туда, – рассказала Крупская. – Помогли

ему взобраться по лестнице, крепко обнял он Преображенского, сел около него и стал говорить… Слов у Ильича не было, мог только говорить “вот”, “что”, “идите”, но была богатейшая интонация, передававшая все малейшие оттенки мысли, была богатейшая мимика»[2708]. Еле уговорили вернуться домой.

Через два дня – 25 июля – у Ленина был другой Преображенский – Евгений Алексеевич, который описал увиденное в письме Бухарину: «На расстоянии шагов 25-ти вдруг он меня заметил, к нашему ужасу, стал прижимать руку к груди и кричать: “Вот, вот”, требовал меня… М.И., взволнованная, говорит: “Раз заметил, надо идти”… Подошел. Он крепко мне жал руку, я инстинктивно поцеловал его в голову. Но лицо! Мне стоило огромных усилий, чтобы сохранить взятую мину и не заплакать, как ребенку. В нем столько страдания, но не столько страдания в данный момент. На его лице как бы сфотографировались и застыли все перенесенные им страдания за последнее время… Через минут пять меня позвали за стол пить вместе с ним чай. Он угощал меня жестами малиной и т. д., и сам охотно пил из стакана вприкуску, орудуя левой рукой. Говорили про охоту и всякие пустяки, что не раздражает. Он все понимает, к чему прислушивается. Но я не все понимал, что он хотел выразить»[2709].

В сильном возбуждении, 31 июля Ленин потребовал, «чтобы не ходили к нему больше врачи – потом пускал к себе еще некоторое время профессора Осипова… Последние месяцы врачи наблюдали ВИ лишь из соседней комнаты». Постоянный медперсонал был сокращен до трех человек – молодого выпускника медицинского вуза Николая Семеновича Попова, фельдшера Владимира Александровича Рукавишникова и студента Казимира Римши (он же Зорька). Ленин на них реагировал хорошо, поскольку ему объяснили, что это не какие-то буржуазные специалисты, а преданные партийцы новой генерации. «По саду возил ВИ в кресле и ездил с ним на охоту заведующий охраной Петр Петрович Пакалн»[2710].

Прогуливаясь с супругой в саду 2 августа, Ленин стал от нее что-то требовать, произнося звуки. Догадались, что речь шла об азбуке. И что учительницей должна стать Крупская. Та вспомнила молодость, получая специальные консультации от профессуры. Занимались по складной азбуке. Вновь сначала произносил звуки, потом слоги, потом некоторые односложные слова. Вспоминает фельдшер: «Рука, рот, кот, нога, рога, уха. Конец лета запомнился тем, что Ленин сам – ни за кем не повторяя – произнес слово “утка”. Дневная норма повторяемых-произносимых слов доходит до тридцати»[2711].

«Тут нам всем приходилось думать только о том, как отвлечь его чем-нибудь от напряженной работы, иначе он способен заниматься целыми днями. За пять месяцев – с августа по январь – он сделал такие большие успехи, что все мы, находившиеся около него, верили в то, что летом 1924 года он уже будет свободно говорить…»[2712] Ленин любил, чтобы вечерами ему что-нибудь вслух читали: в фаворе были Демьян Бедный, стихи революционных поэтов, Беранже. Несколько вечеров подряд слушал «Мои университеты» Горького. Читал и сам[2713]. Или делал вид, что может читать. «И тогда (это было 10-го августа) он настоял, чтобы ему давали газету. Газету он читал ежедневно, вплоть до дня смерти, сначала «Правду», а потом просматривал и «Известия».

Восстановление произвольной речи шло тяжело. Ленин «мог повторять только односложные слова, а затем стали удаваться двухсложные и даже многосложные. Он мог уже различать буквы и прочитывать некоторые слова; ему показывали для этого рисунки, и при взгляде на них он мог называть изображенные на них предметы и даже произносил фразы… Были начаты упражнения в письме левой рукой, что, особенно в данном случае, является значительной трудностью, но ВИ удалось осилить это препятствие, и он мог недурно писать левой рукой – писал буквы и слова, и уже хорошо копировал слова»[2714].

На консилиуме 13 августа с участием Ферстера, Готье, Осипова и Обуха было решено предложить перевезти Ленина в Крым, особенно с учетом дождей в Подмосковье. Крупская категорически этому воспротивилась.

16 августа возобновились автомобильные прогулки – медленные, вокруг усадьбы, с заездом в лес или к реке. Розанов не мог нарадоваться: «Свежий воздух, уход, хорошее питание делали свое дело, и ВИ постепенно поправлялся, полнел… Гуляли, пользовались каждым днем, когда можно было поехать в сад, в парк. Сознание полное. ВИ усмехался на шутки. Искали грибы, что ВИ делал с большим удовольствием, много смеялся над моим неумением искать грибы, подтрунивал надо мной, когда я проходил мимо грибов, которые он сам видел далеко издали. Дело шло хорошо, уроки речи давали некоторые определенные результаты, нога крепла, и настолько, что можно было надеть легкий, фиксирующий стопу аппарат»[2715]. Розанов со спокойной совестью уехал в августе в отпуск.

«Он героически переносил свою болезнь, настроение бывало хорошим, но временами он задумывался, – замечал Осипов. – Подойдете и видите, что он не с вами, где-то витает, не обращая внимания на окружающих; в эти моменты иногда вдруг на глазах

ВИ появлялись слезы. Человеку было нелегко. Старались придумывать что-нибудь, привезли небольшой кинематограф из Москвы, показывали разные фильмы, но его, конечно, интересовали только фильмы, касающиеся фабричного быта, организации фабричной жизни и крестьянской. Но если показывали фильмы веселого содержания, он не смотрел на них».

Ленин, довольный собой, 31 августа самостоятельно сошел с лестницы. 6 сентября доктора пришли к выводу, что пора начинать упражнения по ходьбе с палкой. По-прежнему не подпуская к себе медсестер и врачей, которые были вынуждены вести пациента дистанционно, Ленин «очень охотно подвергался массажу, очень охотно принимал ручные и общие ванны… Но разные внутренние средства он принимал менее охотно, не рассчитывая на то, что они принесут пользу»[2716]. Доктора 24 сентября еще раз вернулись к вопросу о целесообразности переезда в Крым. Вновь Крупская встала глухой стеной.

Ленин боролся за жизнь. Его последние месяцы – это не только болезнь, но и противостояние ей. «Любовь к жизни» Джека Лондона, которую супруга читала ему тогда, сейчас лежит в мемориальной комнате Ленина. В сентябре – октябре улучшалось понимание речи, врачи отмечали большую адекватность реакции на услышанное при чтении ему вслух и даже на прочитанное. Почти ежедневно совершал прогулки в окрестностях Горок на автомобиле, бывал по часу и более на свежем воздухе. «У всех нас, живших в ту пору в Горках, появилась радостная надежда на его окончательное выздоровление»[2717]. Молотов 9 октября объявил, что врачи, все лето избегавшие давать окончательное заключение, теперь твердо заявляют – Ленин идет на поправку; но пока затруднена речь, оставляющая желать лучшего[2718]. Ленин даже решил напомнить коллегам о своем существовании, появившись 18 октября в Кремле.

Рассказывал Рукавишников: «ВИ и Надежда Константиновна гуляли в саду, когда К. Зорька, которого я сменил, зашел прощаться перед отъездом: “Еду в Москву, до свидания, ВИ”. Прощается с Надеждой Константиновной и со мной. Ушел. ВИ рассчитал, что теперь наверное машина есть, и решил поехать в Москву. Направляется во двор, где находится гараж. Во дворе стоит открытая машина, которая ждет Зорьку – он обедает. ВИ направляется к ней. Мария Ильинична, обращаясь ко мне, говорит: “Владимир Александрович, крикните Рябову (шоферу), чтобы вывел крытую машину”. Кричу. Машина выведена. Ильич торжествующе садится и терпеливо ждет, посмеиваясь над сборами растерявшихся Надежды Константиновны и Марии Ильиничны. Ну, вот все готовы. Поехали. Мария Ильинична

шепчет мне на ухо: “Скажите Рябову, чтобы он свернул на дорогу, по которой ездим в лес за грибами”. Сказал. Повернули… Но не проехали мы и 10 сажен, как наше плутовство было открыто. Властный жест – остановить. ВИ указывает направление… Улыбается, несколько волнуется, тормошит меня и указывает на шофера: “Велите ехать скорее”.

Но Ильич весел, Ильич доволен, и постепенно все мы начинаем улыбаться и шутить. Мария Ильинична шутливо говорит: “Володя, тебя в Кремль не пустят, у тебя пропуска нет”. В ответ – взрыв смеха.

Верстах в 14 от Москвы открывается прекрасный вид. ВИ в восторге. Он буквально не может усидеть на месте и требует скорее ехать. Вот Кремль. Часовой осматривает пропуска у нас, а Ильич сидит, откинувшись в угол автомобиля. Еле заметная улыбка мелькает на его лице – пропуска нет. Часовой наклоняется ближе, чтобы рассмотреть пассажира, не показавшего пропуск. Увидел и отпрянул. Вытянулся в струнку, руку под козырек.

По приезде ВИ отдохнул, сидя в кресле, осмотрел подробно квартиру, заглянул в книжные шкафы… На другой день после обеда вторично направился в свой кабинет, но на сей раз не удовлетворился его осмотром, а повернул в дверь, ведущую из его кабинета в зал заседаний Совнаркома. Зал был пуст: ввиду приезда ВИ заседания были отменены. Ильич покачал головой. Мне кажется, что он рассчитывал увидеть здесь многих из своих товарищей»[2719]. Товарищи предпочли ретироваться. Крупская дополняла: «Там он обошел все комнаты, зашел к себе в кабинет, заглянул в Совнарком, потом захотел поехать по городу – ездили мимо сельскохозяйственной выставки. Разобрал свои тетрадки, отобрал три тома Гегеля, взял их с собой… На другой день стал торопить ехать обратно в Горки. Больше разговора о Москве не было»[2720]. Ленин попрощался с Кремлем.

На следующий день – 20 октября – Семашко на мероприятии утверждал:

– Здоровье товарища Ленина систематически, каждый день улучшается… Настроение и самочувствие у него хорошие. Он шутит, интересуется общественными делами.

Наркомздрав выдавал желаемое за действительное. Тут же Гетье, Осипов и Доброгаев написали в ЦК, что подобные сообщения «не соответствуют их взглядам на состояние здоровья В.И. и возможность столь быстрого его выздоровления, почему и не могут взять на себя ответственность за справедливость означенных сообщений»[2721]. Не думаю, что поездка пошла на пользу. «С половины октября начались легкие припадки в виде кратковременной потери сознания, которая продолжалась 15–20

секунд»[2722]. Но они еще не мешали общению.

Палагея Ананьевна Холодова с соседней Богородско-Глуховской фабрики через год оставила воспоминания о посещении Ленина 2 ноября, когда она с коллегами была послана в Горки с подарком – вишневыми деревцами в оранжерею. «В Горках не знали о нашем приходе, и мы свалились на всех окружающих Ильича как снег на голову». После небольшого замешательства родные все же разрешили встречу. «Дверь открылась, и к нам вышел улыбающийся Ильич. Позади следовал санитар. Ильич был одет, как всегда, в своей постоянной кепке, в которой я его видела не раз. Подойдя к нам, Ильич снял левой рукой свою кепку, переложил ее в правую и поздоровался с нами левой рукой. “Как я рад, что вы приехали”, – внятно и ясно сказал он нам. Мы растерялись от радости и разревелись, как дети. Мы передали Ильичу адреса рабочих и заводоуправления и сказали несколько приветственных слов от наших местных организаций. Побыв с Ильичем пять минут, мы, прощаясь, все расцеловались с ним… Нам рассказывал товарищ, ухаживающий за Ильичем, что Ильич до 2 часов ночи читал, перечитывал наши адреса»[2723].

Осенью Ленин редко, но продолжал видеться с некоторыми коллегами. Крупская фиксировала еще одну встречу с Евгением Преображенским, два раза со Скворцовым, Пятницким, Воронским, Крестинским. «Каждое свидание волновало ВИ, это было видно по тому, как он двигал после свидания стул, как судорожно придвигал к себе доску и брался за мел. На вопрос, не хочет ли он повидать Бухарина, который раньше чаще других бывал у нас, или еще кого-нибудь из товарищей, близко связанных по работе, он отрицательно качал головой, знал, что это будет непомерно тяжело. Но он очень охотно слушал рассказы о них»[2724]. 26 ноября трудящиеся машиностроительного завода подтвердили полномочия Ленина как депутата Моссовета.

Выпал снег. «В зимнее время мы устраивали прогулки в саночках, как это только стало возможным, – рассказывал Рукавишников. – В дальнейшем на эти прогулки стали, по требованию Ильича, брать ружье для охоты. Из этих прогулок Мария Ильинична и Надежда Константиновна были “изгнаны”: ВИ указывал на них рукой… предостерегающим и отрицательным жестом. Я в этом усматривал желание Ильича быть самостоятельным, освободиться от постоянной опеки»[2725]. Он читал (или делал вид, что читает), улыбался не сходившей с лица улыбкой. Ему уже давались такие слова, как «книга», «перо», «нож», «нет», «прости», «хорошо», словосочетания – «дай перо», «хочу читать». В ноябре и декабре было семь приступов.

На Новый год нарядили елку. Мария Ильинична вспоминала,

как «на Рождество я устроила в большом зале горкинского дома елку, созвала человек десять ребят местных служащих и двух наших племянников»[2726]. Особого участия в празднике, широко освещенном во всей детской лениниане, Ленин не принимал. Крупская: «Елка в Горках была устроена не по инициативе Ильича; его, больного, просто привезли туда».

Ленин выдыхался. 12 января 1924 года «ездил он в лес, но, видимо, устал и, когда после обеда мы сидели с ним на балконе, он утомленно закрывал глаза, был очень бледен и все засыпал, сидя в кресле»[2727]. Пятнадцатого января был консилиум с участием Ферстера, Обуха, Гетье, Крамера, Осипова и Фельдберга. Они обратили внимание на короткие приступы 9 и 13 января и на то, что даже во время приступов Ленин отказывался от лекарств и от врачебной помощи. Доктора подтвердили, что «вследствие отрицательного отношения больного к врачебным мероприятиям, вследствие повышенной чувствительности его организма к ряду лекарственных веществ и существующего у него отрицательного отношения к врачам вообще – не удается использовать в надлежащей степени все лечебные мероприятия, которые врачи находят полезными и существенными»[2728].

Начиная с 17 января, замечала Крупская, «стало чувствоваться, что что-то надвигается: вид стал у ВИ ужасно усталый и измученный. Он часто закрывал глаза, как-то побледнел, а главное, у него как-то изменилось выражение лица, стал какой-то другой взгляд, точно слепой. Но на вопрос, не болит ли что, отвечал отрицательно»[2729].

На открытии XI съезда Советов 19 января Калинин уверил собравшихся, что лечащие Ленина крупные медики выражают надежду на его возвращение к государственной и политической деятельности. Сотрудник охраны Александр Васильевич Бельмас в ту ночь дежурил. «Утром, когда мне надо было уже уходить, Ильич не вышел к завтраку. Подошел грустный Петр Петрович и говорит:

– Ильичу сегодня что-то нездоровится, на прогулку не поедет.

А через некоторое время Мария Ильинична посылает меня на машине за доктором Ферстером в Боткинскую больницу. В доме опять горе. Все ходят мрачные, Надежда Константиновна и Мария Ильинична безотлучно находятся у постели Ильича. Часто звонят по телефону из ЦК, СНК, ОГПУ – все спрашивают, как здоровье Ленина. В доме напряженная обстановка, все молчат»[2730].

Утром 20 января Осипов записал: «После завтрака Владимир Ильич сидел на балконе, выходящем в парк… Надежда Константиновна читала ему газету, которую он слушал с

большим интересом»[2731]. В 18.30 Рукавишников сменил Попова, который, сдавая дежурство, «сказал кратко, что обозначились какие-то неопределенные симптомы, беспокоившие его: ВИ был слабее обычного, был вял и жаловался на глаза – как будто по временам плохо видел. Из Москвы вызвали профессора Авербаха для осмотра зрения… ВИ сидел в это время у себя в комнате с Надеждой Константиновной, и она читала вслух газету… В 7 часов 45 минут Мария Ильинична сказала мне, что ужин готов и что можно звать ВИ. За ужином ВИ почти ничего не ел.

Около 9 часов приехал профессор Авербах (он был у Ленина с 22.00 до 22.45. – *В.Н.*). ВИ, встречавшийся с ним раньше, приветствовал его любезным жестом. Профессор Авербах установил, что зрение прекрасно, что изменений со стороны дна глаза не имеется и что острота зрения та же, что была и прежде. В 11 часов лег спать, и через 15 минут я слышал его ровное дыхание».

Рукавишников дежурил всю ночь у комнаты больного. В 7 часов утра 21 января «поднялась Надежда Константиновна. Спросила, как прошла ночь, прислушалась к дыханию Ильича и сказала: “Ну все, по-видимому, хорошо, выспится, и слабость вечерняя пройдет”. Около 8 часов подали кофе. 9 часов. Ильич еще спит. У меня и Надежды Константиновны все наготове для того, чтобы дать Ильичу умыться, когда он проснется. Я жду обычного зова, часто заглядываю в комнату, потому что настороженность не улетучилась: Ильич все спит. Около 10 часов – шорох. ВИ просыпается.

– Что, ВИ. Будете вставать?

Ответ неопределенный. Вижу, что сон его ничуть не подкрепил и что он значительно слабее, нежели был вчера. Сообщил об этом профессорам Ферстеру и Осипову. Тем временем ВИ принесли кофе, и он выпил его в постели. Выпил, несколько оживился, но вставать не стал и скоро опять уснул.

В 2 часа 30 минут Ильич проснулся, еще более утомленный, еще более слабый. К нему зашел профессор Осипов, посмотрел пульс и нашел, что это слабость, ничего угрожающего нет. Мария Ильинична принесла обед. Ильич выпил в постели чашку бульона и полстакана кофе. Принятая пища не оживила Ильича, и он становился все слабее и слабее… Около 6 часов у Владимира Ильича начался припадок, судороги сводили все тело. Профессор Ферстер и профессор Осипов не отходили ни на минуту, следили за деятельностью сердца и пульса, а я держал компресс на голове. В 6 часов 35 минут я заметил, что температура вдруг поднялась. Я сказал об этом профессору Осипову, и сейчас же поставили термометр. Без 13 минут 7 я вынул термометр и был ошеломлен –

42,3°. Профессор Осипов и профессор Ферстер сразу даже не поверили этому и сказали, что это ошибка. Но это не было ошибкой – через 3 минуты Владимира Ильича не стало»[2732].

Крупская запомнила последние минуты жизни супруга: «Вскоре заклокотало у него в груди… Бессознательнее становился взгляд, Владимир Александрович (Рукавишников. – *В.Н.*) и Петр Петрович (Паткалн. – *В.Н.*) держали его почти на весу на руках, временами он глухо стонал, судорога пробегала по телу, я держала его сначала за горячую мокрую руку, потом только смотрела, как кровью окрасился платок, как печать смерти ложилась на мертвенно побледневшее лицо»[2733].

Вечером 21 декабря в Кремле раздался звонок Марии Ульяновой: «Только что, в 6 часов 50 минут, скончался Ленин». Все партийное и советское начальство было в Москве – шел XI Всероссийский съезд Советов, после которого должен был открыться II съезд Советов СССР. Бонч-Бруевича звонком вызвали на квартиру Зиновьева. «Вошел Дзержинский, Сталин, Зиновьев, Каменев, Калинин – спокойны как всегда, сдержанны, почти не говорят, кто сидит, кто ходит. Разговоров не слышно.

– Владимир Ильич скончался…»[2734]

Молчание, замешательство, но вот уже руководство страны усаживается в аэросани и в полном составе мчится в Горки. Дороги – два часа. Мария Ильинична в отчаянии металась по комнате, плакали врачи, только Крупская сохраняла спокойное смирение. «Ленин лежит на столе, – это Зиновьев специально завел дневник. – На него надели двубортный пиджак. Цветы. Сосновые ветви. Он лежит в большой комнате. Ее окна выходят на веранду. Мороз. На этой веранде летом 1920 года мы пили чай, и тогда же приняли решение занять Варшаву. Он там лежит, как живой… У него такой отличный, свежий вид. Вот только Старик, кажется, чем-то недоволен, и вот почему мы так долго на него глядим, и слезы застилают нам глаза»[2735].

Бонч-Бруевич наблюдал за членами Политбюро. «Все стали здесь, вокруг… Взглянули в спокойное лицо того, кто был всегда дорог им, глубоко близок, и все, словно руководимые единым внутренним голосом, поникли головой…

– Да, да, вот оно что… Вот оно что… – первый проронил слова Сталин…

И стал обходить ВИ своим размеренным шагом, поворачивая то левое, то правое плечо, словно не веря, что смерть совершила свою неумолимую работу, и как бы желая убедиться, что эта роковая работа непоправима, неизменна… За Сталиным пошли и другие и так прошли все, безмолвно, понуро, тихо… Прошли и

вышли… Кое-кто остался ночевать… Большинство поехали на станцию»[2736]. За дело берется скульптор Меркулов, снимающий посмертную маску.

В 2 часа ночи 22 января назначен экстренный пленум ЦК. Возвращались на поезде, на час опоздали. Вошли в зал, 50 человек сидели в безмолвии. Решения принимались быстро. Провести траурное заседание съезда Советов. Его должна была подготовить специальная комиссия Политбюро под председательством Молотова. Хоронить в субботу 26 января на Красной площади, тело перевезти в Москву в сопровождении двухсот руководителей страны, прощание – в Доме союзов. Комиссию по организации похорон возглавляет Дзержинский.

Со Старой площади во все парторганизации идут сообщения о кончине Ленина. Специальная шифровка – в Тифлис: «Передать тов. Троцкому. 21 января в 6 часов 50 мин. скоропостижно скончался тов. Ленин. Смерть последовала от паралича дыхательного центра. Похороны в субботу 26 января 1924 года. Сталин»[2737]. Вспоминал Троцкий: «Я соединился прямым проводом с Кремлем. На свой запрос я получил ответ: “Похороны в субботу, все равно не поспеете, советуем продолжать лечение”. Выбора следовательно не было. На самом деле похороны состоялись только в воскресенье, и я вполне мог поспеть в Москву. Как это не кажется невероятным, но меня обманули насчет дня похорон»[2738]. Троцкий здесь лукавит. Когда ему передавали сообщение, срок похорон еще не был перенесен. Если ему действительно так хотелось проститься с вождем, поезд главы военного ведомства мог бы постараться домчать из Тбилиси до Москвы за четыре дня. Или он мог воспользоваться услугами авиакомпании «Люфтганза», самолеты которой совершали рейсы из Ростова в Москву. Троцкий предпочел продолжить отпуск. Партия этого не поймет.

И вопрос о “Завещании” вождя решался без него. Сразу после кончины Старика несколько ключевых членов Политбюро обсуждали вопросы о конфигурации будущей власти и о том, что делать с ленинским «Письмом к съезду»[2739]. Было решено хода ему не давать – до следующего съезда партии. В качестве основы постленинской власти рассматривалось «коллективное руководство», олицетворять которое по-прежнему должна была «тройка» Зиновьева, Каменева и Сталина. Эта конфигурация надолго переживет Ленина.

В 11 часов утра 22 января Калинин открыл XI Всероссийский съезд Советов. Весть о смерти Ленина «отозвалась воплями скорби и боли. Рыдания становились все громче. Они потрясали

своды и, усиленные акустикой, заполняли все пространство зала. Людское горе грозило вылиться в массовую истерику»[2740]. Только густой бас Авеля Енукидзе, перекричавшего зал, позволил установить тишину и дал Калинину возможность зачитать официальный некролог.

Примерно в это же время доктор Абрикосов в присутствии еще 10 врачей приступил к вскрытию тела «пожилого мужчины правильного телосложения, удовлетворительного питания». Свидетельствовал доктор Розанов: «Тяжелое, даже для врачей, вскрытие. Колоссальный склероз мозговых сосудов, и только *склероз*. Приходилось дивиться не тому, что мысль у него работала в таком измененном склерозом мозгу, а тому, что он так долго мог жить с таким мозгом»[2741]. Осипов увидел, что «болезненный процесс пошел гораздо дальше, чем предполагалось раньше». «Основная артерия, которая питает примерно ¾ всего мозга – “внутренняя сонная артерия” (art carotis interna), при самом входе в череп оказалась настолько затверделой, что стенки ее при поперечном перерезе не спадались, значительно закрывали просвет, а в некоторых местах настолько были пропитаны известью, что пинцетом ударяли по ним, как по кости. На всем левом полушарии мозга оказались кисты, то есть размягченные участки мозга; закупоренные сосуды не доставляли к этим участкам крови, питание их нарушалось, происходило размягчение и распадение мозговой ткани. Такая же киста констатирована была и в правом полушарии. Склероз обнаружен был и в некоторых других органах: в нисходящей части аорты, на клапанах сердца, отчасти в печени». Смерть наступила в результате кровоизлияния в области четыреххолмия, которое парализовало дыхание. Мгновенная смерть.

Вскрытие длилось шесть часов. Было произведено первое бальзамирование путем введения стандартного раствора формалина, спирта, глицерина, воды, хлорида цинка. Мозг извлекли для специальных исследований. «Вес мозга оказался 1340 граммов, но это вес не полный, так как часть мозга была уничтожена болезнью; он ниже нормы»[2742].

Утром 23 января руководители страны, делегации с мест приехали в Горки. «Большой дом полон людей, – наблюдал Бальмас. – Члены ЦК, наркомы, руководители учреждений, рабочие, крестьяне – все идут за гробом с телом великого Ленина. Гроб на руках несут члены Политбюро до станции Герасимовка (в трех километрах от Горок). Стужа невероятная, но люди идут без шапок… Когда поезд проезжал станции Расторгуево, Бирюлево, Коломенское – везде его встречали тысячи народа»[2743]. На Павелецком вокзале гроб опять взяли на плечи, и людской поток

проводил его до Дома союзов.

Отстояв в почетном карауле, руководство страны собралось, чтобы обсудить не праздный вопрос: что делать с телом? Идея сохранить тело Ленина в мумифицированном виде, чтобы выставить на всеобщее обозрение, вызвала острую дискуссию. Оно было и понятно: так не хоронили даже царей и святых. Против бальзамирования и Мавзолея были и Крупская, и все Ульяновы, а в ПБ – Каменев и Бухарин. Тем не менее большинство Политбюро свое мнение продавило. Не последнюю роль сыграло, полагаю, неплохое проникновение Сталина в сакральные чувства жителей России. Привитое православием представление о нетленности тел святых, должно было получить полное, зримое подтверждение при виде сохраняющегося тела вождя мирового пролетариата и придать дополнительную крепость той вере, которую он основал. Столь же нетленным, святыней должен был стать и образ Ленина. Отныне все им сказанное и сделанное станет областью священного писания, предметом поклонения.

«В стране отношение к смерти Ленина двойственное, – писал Бажанов. – Часть населения довольна, хотя и старается это скрыть. Для нее Ленин – автор коммунизма; помер, туда ему и дорога. Другая часть населения считает, что Ленин лучше других, потому что, увидев крах коммунизма, он поторопился возвратить некоторые элементы нормальной жизни (нэп), которые привели к тому, что можно кое-как питаться и жить. Наоборот, большая часть партии потрясена, в особенности низы. Ленин – признанный вождь и лидер»[2744]. Поэтому нельзя сказать, что его культ был навязан сверху, он изначально был выражением чувств многих.

С того момента, как тело Ленина выставили в Доме союзов, человеческий поток был бесконечен. Позакрывались фабрики, заводы, конторы – все шли отдать последний долг. Поезда в Москву были забиты. «Лютый мороз, горящие костры, возле них прыгающие, чтобы согреться, красноармейцы в длинных серых шинелях и глубоко надвинутых на лоб буденовках, – запомнила Анна Ларина-Бухарина. – Ходоки-крестьяне, их было множество, в лаптях, с заледеневшими от мороза бородами, с замерзшими слезами на глазах. Всенародное горе. Круглосуточное шествие в Колонный зал было видно из окон нашей квартиры в “Метрополе”[2745].

Реакция извне была скорее осторожно выжидательной. Скорбить по поводу кончины Ленина у западных лидеров оснований не было, но опасались, как бы преемники не оказались еще хуже. «Ленинский интеллект пал в тот момент, когда его разрушающая сила исчерпалась полностью и начались поиски

корректировки функций власти, – писал тогда Черчилль. – Он один мог завести Россию в заколдованную трясину, он один и мог вывести ее на правильный путь. Он увидел, он обернулся и – умер. Сильный источник света, освещавший его путь, погас, когда он твердо решил вернуться домой. А русский народ остался в трясине. Его наихудшим несчастьем было рождение Ленина, но следующей неудачей – была его смерть»[2746].

Комиссия ПБ «по организации заседания II Съезда Советов СССР, посвященного памяти Владимира Ильича», заседала 25 января. Заседание откроется 26-го в 6 вечера. Открывает Калинин. Оркестр исполняет «Вы жертвою пали». Ораторы: Калинин, Бухарин, Зиновьев, Сталин, Клара Цеткин, Томский, рабочий, крестьянин, работница, товарищи с Востока, из Закавказья, от молодежи, от армии, от науки… «Калинину – полчаса, Бухарину и Зиновьеву – по 40 минут, остальным – по 15»[2747]. Каменев готовил «постановление о склепе». Зиновьев – о переименовании Петрограда в Ленинград и о выпуске сочинений Ленина многомиллионными экземплярами на различных языках. Луначарский – «проекты подписей для склепа», а Бухарин – обращение к человечеству. Памятники Ленину решено воздвигнуть в Москве, Ленинграде, Минске, Ташкенте, Харькове и Тифлисе.

Съезд прошел по утвержденному сценарию. Из общего хора скорбящих голосов об ушедшем выбилось одно выступление – Сталина. Оно было самым коротким – он умел быть немногословным в стране, где слишком много говорили. И было выдержано в непривычном для партийных сфер стиле – клятвы-молитвы, с рефренами и ответствиями, как это принято во время литургии. Эта речь Сталина стала его первой публичной заявкой на роль верховного толкователя Идеи.

– Вы видели в эти дни паломничество к гробу товарища Ленина десятков и сотен тысяч трудящихся. Через некоторое время вы увидите паломничество миллионов трудящихся к могиле товарища Ленина[2748].

В воскресенье 27 января всю неделю бушевавшая пурга неожиданно стихла. Тучи разошлись, резко похолодало. В 8 часов у гроба стал меняться почетный караул, строго отразивший сложившуюся иерархию в высшем руководстве страны. Первыми встали «Тройка» – Зиновьев, Каменев, Сталин – и олицетворявший советскую власть Калинин. Во второй по значимости четверке Бухарин, Рыков, Молотов, Томский. Впервые эта своеобразная «табель о рангах» (за исключением, по известной причине, Троцкого) была явлена стране и партии. Иерархия соблюдалась и

во время движения гроба из Колонного зала, откуда его вынесли Сталин и Зиновьев (плюс шестеро рабочих), передав гроб следующим по старшинству. На Красной площади – море красных стягов. Затянутый в алое полотно гроб с телом Ленина установили на высоком деревянном помосте. Траурный митинг шел несколько часов. В четыре дня по всей России взревели фабричные и паровозные гудки, автомобильные клаксоны, раздался грохот артиллерийских орудий.

Подставили свое плечо под гроб Зиновьев, Каменев, Сталин, Бухарин, Молотов, Томский, Дзержинский, Рудзутак. Идти недалеко – здесь же, у Кремлевской стены, за три дня под руководством Щусева соорудили деревянный мавзолей. Дверь, четыре ступени вниз, тесная усыпальница. Встали вокруг гроба, поклонились. Доносившиеся снаружи грохот, выстрелы, гудки, траурные мелодии и пение внезапно стихли. Из мавзолея выходили под гробовую тишину. В морозной дымке над скованной снегами Москвой всходила молодая луна.

Руководители страны уже давно скрылись в Спасских воротах Кремля, а на площади продолжал толпиться народ. Ближе к утру следующего дня люди разошлись, чтобы к рассвету опять вернуться.

Что-то было в этих большевиках и Ленине помимо диктатуры.

Заключение

Ленин
и теперь
живее всех живых.

Как-то Никита Сергеевич Хрущев заспорит с Мао Цзэдуном о роли Сталина в истории. Ясно, оценка Хрущева была 100-процентно негативной. Мао противопоставил формулу: у Сталина 70 % правильного, 30 % неправильного. Присутствовавший при споре Дэн Сяопин потом применит ту же формулу к исторической оценке фигуры самого Мао. Но какими процентами измерить Ленина?

Помните «брыкаску» из первой главы, которого любил изображать перед младшими братом и сестрами гимназист Володя Ульянов? Помните: «Внезапно выскакивает что-то страшное, мохнатое, рычащее, это и есть “брыкаска” – Володя в вывернутом наизнанку меховом тулупчике. Может быть, “брыкаска” сердитая, злая: от нее нужно бежать, прятаться под диван или под занавеску, а то укусит или схватит за ногу; а может, она только с виду страшная, а на самом деле добрая, и от нее совсем не надо бегать, может, даже с ней подружиться и приласкать ее. Это никто не знает»[2749]. Ленин в истории – как тот же (или та же) «брыкаска».

Ленин был целеустремленным фанатиком идеи – революции и диктатуры обездоленных классов. Но в этой идее не было ценности человеческой жизни, человеческого счастья. «Самый человечный человек» из поэмы Маяковского меньше всего ценил человека.

Ленин – безусловно, умный и трудолюбивый человек. Но этот ум был довольно односторонним и работал на разрушение куда больше, чем на созидание, а трудолюбие нередко оказывалось ражем в очередной разрушительной схватке с бесконечными врагами. Николаю Осинскому принадлежало такое сравнение: «отполированный, блестящий стальной снаряд, начиненный взрывчатым веществом колоссальной силы»[2750]. Его разрушительный потенциал действительно не знал границ – и в переносном и прямом смысле слова «границы».

«Его интеллект был глубоким, а иногда гениальным, – замечал Черчилль. – Он был способен к универсальному осмыслению в степени редко достижимой обычными людьми… Но ленинский ум управлялся не менее превосходной волей.

Несмотря на болезнь, его сильное, массивное, энергичное тело хорошо послужило ему до достижения среднего возраста. Когда ресурсы организма исчерпались, дело было сделано, и то, что произошло, будут помнить тысячу лет… Он занял свое место в истории. По количеству загубленных жизней мужчин и женщин с ним не может сравниться ни один азиатский завоеватель. Ни Тамерлан, ни Чингисхан»[2751].

Ленин – человек, способный подвигать других на нечеловеческие усилия. Но сколько этих усилий было напрасны, к каким человеческим жертвам и трагедиям они приводили.

Ленин – человек, уверенный в своем историческом предназначении и, безусловно, занявший место в пантеоне великих исторических фигур. Он не сыграл роли в свержении царизма – это сделали другие. Но в низложении Временного правительства и утверждении власти большевиков Ленин сыграл решающую роль. Без него бы Октябрьской революции точно бы не случилось. А дальше его роль в определении вектора развития страны абсолютна. Его забальзамированное тело лежит в Мавзолее на главной площади России. Но при этом две трети россиян против того, что оно там лежит.

Ленин, как справедливо замечал Пастернак, «управлял течением мысли». Он был способен формулировать идеи, захватывавшие сначала единицы, потом десятки, потом и десятки миллионов людей. Ленин прекрасный стратег и тактик, иначе не взял бы власть и не удержал ее. Он придумал модель альтернативного развития человечества, отрицавшую всю предшествовавшую историю, заставил в нее поверить миллионы людей и воплотил ее на значительной части поверхности планеты. Но при этом сильно испугал оставшуюся часть планеты. Ленин не был провидцем. Обещанная им мировая социалистическая революция не состоялась. Коммунизм не восторжествовал во всех странах планеты. Польский пролетариат не поднялся на свержение режима Пилсудского. Капиталистическая система не канула в Лету. А придуманная Лениным модель оказалась нежизнеспособной: он же от нее отказался, предложив нэп. А позднее рухнула и трансформированная коммунистическая модель – в годы Горбачева и Ельцина.

Ленин – творец советской государственной модели, он дал ей легитимность, запустил механизм функционирования. И эта государственность просуществовала семь десятилетий, выдержав самые страшные испытания на прочность. Но эта государственность, основанная на идеях диктатуры пролетариата, скрывала власть партии, а точнее – самого Ленина и горстки его

фанатичных сподвижников, имевших те же взгляды.

Ленин отринул царизм, который стоял на столпах самодержавной, единоличной власти, на ее владении и распоряжении всеми основными ресурсами, на абсолютном праве требовать от подданных исполнения любой службы, на государственном контроле над информацией. А Советская власть? «Коммунизм в России принял форму крайнего этатизма, охватывающего железными тисками жизнь огромной страны, и это, к сожалению, вполне согласно со старыми традициями русской государственности»[2752], – подметит Николай Бердяев.

Ленин сломал старую государственную бюрократическую машину и был первым критиком советского бюрократизма. Но он же и был творцом советской бюрократической машины, которая многократно превзошла по размерам и неэффективности аппарат Российской империи, против которого был направлен его разрушительный пафос. И Ленин был творцом террора.

Да, его террор был во многом ответом на белый террор. И можно вечно спорить, какой террор был первым и более страшным – красный или белый. Но бесспорно, что и красный, и белый террор был следствием ленинской революции и ленинской политики всеобщего изъятия собственности, разрушения Веры и провоцирования гражданской войны. Наша многострадальная Родина потеряет по воле Ленина миллионы жизней. Жестокие и кровавые правители не редкость в истории Востока и Запада. Но я затрудняюсь назвать другого правителя, который бы подвел научную базу (учение о диктатуре пролетариата) под массовое истребление огромной части населения собственной страны по идеологическому и социальному принципу. Тотальный террор против «эксплуататоров» и «врагов трудового народа» – изобретение Ленина. Сталин, Мао, Пол Пот будут в этом отношении эпигонами.

Ленинские идеи индустриализации, культурной революции, поголовной грамотности были сильнейшими в его политическом арсенале. Ленин открыл беспрецедентные социальные лифты для миллионов людей из низов. Дал если не лучшую жизнь, то надежду многим обездоленным. Но, прежде чем ко всему этому подступиться, Ленин добился деиндустриализации, культурной и моральной деградации, уничтожил или изгнал значимую часть интеллектуальной и культурной элиты.

Отмена собственности привела к моментальному разорению всех, кто не успел вывезти деньги за границу. Но у большинства собственников – особенно в деревне – опции спасти свои сбережения и собственность просто физически не было. Промышленность осталась без сырья, топлива, сбыта, капиталов.

Отток капиталов из страны был трудноизмерим. Численность рабочего класса резко упала, как и его жизненный уровень. Ленин дал или добавил крестьянам земли. Но у них отобрали большую часть того, что на ней росло или паслось. А наследники Ленина отберут и землю.

Годы правления Ленина с точки зрения чистой статистики были самыми разрушительными в истории России: сокращение экономики в 5 раз, промышленного производства – в 10 раз. Такого не было никогда. Соотношение факторов Гражданской войны и собственно политики большевиков в провале экономики трудно измерить. Но заметим, что и сама Гражданская война была во многом порождена политикой большевиков. И даже в самую страшную войну – с нацистской Германией, куда более масштабную – экономика сокращалась максимум вдвое. Все ленинские экономические новации имели катастрофические последствия и были потом опровергнуты жизнью и им самим.

Ленин признает неправильными свои взгляды начала XX века, когда придет к власти. Он признает неправильной политику первых лет Советской власти, когда начнет переход к нэпу. «Ленин был Великим Низвергателем, – замечал по этому поводу Черчилль. – Он низвергал все подряд: Бога, Царя, Державу, мораль, государственные договоры и обязательства, ренту и займы, вековые законы и обычаи, писаные и неписаные договоры, всю структуру человеческого общества целиком. В конце концов, он низверг самого себя»[2753].

Ленин говорил в октябре 1921 года: «Не было ни одной задачи из тех, какие мы решали, которая не потребовала бы от нас повторного решения взяться за нее опять»[2754]. Он не успел опровергнуть только нэп, продиктованный не марксистской теорией, а императивом выживания. Но нэп отвергнут его наследники в руководстве страны.

Ленин был фактически творцом современной концепции тотальной войны, страны как военного лагеря, полного единства фронта и тыла во имя победы любой ценой. Без Ленина большевики не удержали бы власть, могли проиграть в Гражданской войне. Но не захват ли Лениным власти и его политика привели к Гражданской войне.

Ленин, пусть не сразу, постарался совместить свои цели мировой социалистической империи с геополитическими интересами России, воссоздав ее в виде Советского Союза. Но он же выступил ее разрушителем, предложив такую формулу Союза – с правом выхода из него всех желающих, – которая в конечном итоге и взорвала СССР.

Ленин создал глобальную сеть коммунистических партий, не

только подрывавших устои всех государств-противников, но и поддерживавших политику СССР. Но сделал невозможным нормальное партнерство с этими государствами.

Ленинизм у власти был сложносочиненным и эклектичным продуктом, взращенным объективными условиями российской действительности, возникшей международной изоляцией, а также попытками религиозно фанатичной партии воплотить в жизнь русифицированные марксистские принципы традиционными отечественными методами. Ленинизм стал формой варварского прорыва России в индустриальную цивилизацию.

Воронский писал: «И если теперь на глазах наших растет и лезет изо всех щелей Русь новая, советская, Русь кожаных людей, звездоносцев, красных шлемов, крепко, на славу сбитых, Русь рабфаков и свердловцев, у кого на степной полевой загар легли упрямые тени и стали упрямо-крутыми подбородки, как у кавалеристов пред атакой, в мастерском неподражаемом живописании Л. Н. Толстого, а в лесных, голубых, васильковых глазах сверкает холод и твердость стали, если эта Русь с каждым днем все крепче, все глубже, все шире вспахивает рыхлые целины русского чернозема, то как можно твердить о Ленине, что он аскет, схематик, не знающий почвенной, подлинной России?»[2755]

Ленин окрасил своим ликом и именем целую эпоху нашей истории, на которую приходятся основные символы национальной гордости россиян – победа в Великой Отечественной и прорыв в космос. Его образ – отретушированный и отлакированный – выступал важным воспитательным фактором для поколения победителей и первопроходцев Вселенной. С именем Ленина на знамени Советский Союз стал сверхдержавой.

Хрущев отмел основные фундаментальные постулаты ленинизма. Пролетарский интернационализм как принцип просто был сдан в утиль. Его заменила якобы ленинская концепция мирного сосуществования, которой у Ленина быть не могло. Это поставило окончательный крест на его стержневой идее о мировой коммунистической революции. Теперь уже не только социализм, но и коммунизм можно было построить в капиталистическом окружении, чего Ленин, конечно, даже представить себе не мог. Диктатура пролетариата, то, что Ленин считал самым главным в марксизме, исчезла из любых партийных документов. Ее заменило «общенародное государство», которое Ленин неоднократно высмеивал как главный обман буржуазных правительств. О другой стержневой концепции – уничтожения классов – тоже уже никто не вспоминал, согласившись на справедливость и правильность существования классов рабочих и крестьян и прослойки трудовой интеллигенции.

Последним руководителем страны, клявшимся на своем посту верности заветам Ленина, был Михаил Сергеевич Горбачев. Последняя программа КПСС носила название «К гуманному, демократическому социализму». Ленин точно не был ни гуманистом, ни демократом. Горбачевская идея общечеловеческих ценностей очень рассмешила бы Ленина (или привела бы его в ярость), потому что он всегда признавал только классовые ценности. И Горбачев вступил на раз и навсегда отвергнутый Лениным путь буржуазного парламентаризма.

Не говорю, что все эти изменения были неправильными. Судить об этом невозможно хотя бы потому, что в самом ленинизме было мало правильного. Но все эти изменения привели к тому, что к концу 1980-х ленинизм был мертв в идеологии Коммунистической партии Советского Союза. Не обнаружите вы базовых ленинских идей (слава Богу) и в арсенале современной КПРФ.

Ленин постоянно напоминает о том, что он живее всех живых. Последствия его политики расхлебывают и преодолевают люди не только в России, но и за ее пределами. Включая и Президента Путина.

Он посетил 24 июля 2019 года Дом русского зарубежья – в честь юбилея Натальи Солженицыной. Там Путин остановился только у одного экспоната. Это было постановление ВЦИК и Совнаркома за подписью Ленина о лишении права российского гражданства лиц, пробывших за границей после издания настоящего постановления больше пяти лет; не получивших советских заграничных паспортов до 1 июня 1922 года; выехавших из России после 7 ноября 1917 года; добровольно служивших в армиях, сражавшихся против Советской власти. Президенту объяснили, что этот акт так никогда и не был отменен, и из-за него все из этого списка, кто еще жив, вынуждены в индивидуальном порядке просить у президента вернуть им гражданство России. Путин взялся решить проблему. А присутствовавший при сем корреспондент «Коммерсанта» Андрей Колесников подумал и написал: «Какой на самом деле властью до сих пор обладает тот, кто делает вид, что просто лежит на Красной площади да и лежит»[2756].

Путин вернулся к теме 10 декабря 2019 года на заседании президентского Совета по правам человека, когда сказал, что «господин Ульянов, он же Старик, он же Ленин» «создал государственную структуру, заложив мину под российскую государственность, которая складывалась тысячу лет». На пресс-конференции 19 декабря Путина попросили разъяснить его мысль. И президент разъяснил, что Ленин – «не государственный

деятель, а революционер». На место тысячелетнего централизованного государства он «предложил фактически даже не федерацию, а конфедерацию. По его решению этносы были привязаны к конкретным территориям и получили право выхода из состава Советского Союза… Но даже территории нарезаны были так, что они не всегда соответствовали и до сих пор не соответствуют традиционным местам проживания тех или других народов». В этом процессе «исконно русские территории, которые к Украине вообще никогда не имели никакого отношения (всё Причерноморье, западные земли российские), были переданы Украине со странной формулировкой “для повышения процентного соотношения пролетариата на Украине”». Целостность страны была связана только с одной правящей партией. «Как только партия затрещала, начала рассыпаться – за ней начала рассыпаться и страна». Геополитические интересы страны приносились в жертву идеологии.

А тело Ленина в Мавзолее? Путин ответил и на этот вопрос: «На мой взгляд, не нужно трогать, во всяком случае, до тех пор, пока есть, а у нас есть очень много людей, которые с этим связывают свою собственную жизнь, свою судьбу, связывают с этим определенные достижения прошлого, советских лет. А Советский Союз, так или иначе, безусловно связан с вождем мирового пролетариата Владимиром Ильичём Лениным»[2757].

Подавляющее большинство россиян не хочет, чтобы тело Ленина лежало в Мавзолее. Но до трети наших сограждан хочет. Если мы желаем избавиться от наследия ленинского тоталитаризма и сохранять собственное достоинство, то нам надо научиться уважать права и желания меньшинства и перестать разрушать памятники.

Пусть… А проценты каждый проставит сам.

Январь 2020

Примечания

Введение

1 *Горький А. М.* В. И. Ленин // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 10 т. Т. 3. М., 1989. С. 236.

2 *Волкогонов Д. А.* Ленин. Жрец террора. М., 2018. С. 9.

3 *Пивоваров Ю.* Русская политическая культура и political culture // Pro et Contra. № 3. 2002. С. 28.

4 *Потресов А. Н.* В плену иллюзий. Мой спор с официальным меньшевизмом // *Аксельрод П. Б., Мартов Ю. О., Потресов А.* Н. О революции и социализме. М., 2010. С. 621.

Глава 1

5 *Логинов В. Т.* Владимир Ленин. Путь в революцию. М., 2018. С. 12–20; Волкогонов Д. А. Ленин. Жрец террора. М., 2018. С. 30–35.

6 *Алексеев А.* Дедушка Ильича. В какой семье родился будущий вождь мирового пролетариата // Коммерсантъ? Деньги. № 26. 6 июня 2019. С. 67–69.

7 *Ульянова М. И.* Воспоминания о Владимире Ильиче // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 10 т. Т. 1. М., 1989. С. 252–253.

8 *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Ильиче // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 18.

9 *Ульянова М. И.* Воспоминания о Владимире Ильиче. С. 253.

10 *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Ильиче. С. 18.

11 *Ульянова-Елизарова А. И.* Детские и школьные годы Ильича. М., 1935. С. 6–7.

12 *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Ильиче. С. 19.

13 *Ульянова М. И.* Старший брат // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 198.

14 *Эрлихман В.* Старший брат // Историк. № 4. Апрель 2017. С. 48–50.

15 *Ульянова-Елизарова А. И.* Братья // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 67.

16 *Ульянов Д. И.* Детские годы Владимира Ильича // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 123–124, 127.

17 *Ульянов Д. И.* Как нельзя писать воспоминания о товарище Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С.

327–328.

18 *Ульянов Д. И.* Детские годы Владимира Ильича. С. 124.

19 *Ульянов Д. И.* Любовь к музыке // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 148.

20 *Ульянов Д. И.* Детские годы Владимира Ильича. С. 126.

21 *Ульяновы и Керенские* // Историк. № 4. Апрель 2017. С. 53.

22 *Ульянова М. И.* Стенограмма беседы с учащимися 364 школы г. Москвы 23 ноября 1936 года // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 279.

23 *Ульянов Д. И.* Детские годы Владимира Ильича. С. 127.

24 *Ульянов Д. И.* Шахматы // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 141.

25 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 10 т. Т. 2. М., 1989. С. 27.

26 *Наумов А.* Н. Мои воспоминания. Париж; Нью-Йорк, 1954. Т. 1. С. 42–43.

27 *Валентинов Н.* Недорисованный портрет М., 1993. С. 47.

28 Ленин и Симбирск. Документы, материалы, воспоминания. Саратов, 1970. С. 437–438.

29 *Ульянова А. И.* Рецензия на книгу «К годовщине смерти В. И. Ленина» // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 292.

30 *Кржижановский Г. М.* Великий Ленин. М., 1971. С. 38.

31 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 44. С. 509.

32 *Логинов В. Т.* Владимир Ленин. Путь в революцию. С. 58.

33 *Ульянова-Елизарова А.И.* О В. И. Ленине и семье Ульяновых. М., 1988. С. 78–79.

34 *Эрлихман В.* Старший брат. С. 50–51.

35 *Мясников А. Л.* Александр III. М., 2016. С. 408.

36 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 21. С. 261.

37 *Ричард Саква.* Коммунизм в России. Интерпретирующее эссе. М., 2011. С. 32.

38 *Николай Карамзин.* Избранные труды. М., 2010. С. 284.

39 Цит. по: *Желвакова И.* Герцен. М., 2010. С. 32, 33.

40 *Татищев С.* Император Александр II, его жизнь и царствование. Кн. 2. М., 1996. С. 174–175.

41 *Федотов Г.* Судьба и грехи России. Т. 1. СПб., 1991. С. 148–149.

42 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 21. С. 261.

43 *Пыжиков А.* Незадачливое хождение в народ // Профиль. № 27. 15 июля 2019. С. 40–43.

44 *Туган-Барановский М.* Русская интеллигенция и социализм // Стратегия России. 2007. № 6. С. 92–93.

45 *Бердяев Н. А.* Падение священного русского царства.

Публицистика 1914–1922. М., 2007. С. 24, 28, 23.

46 *Струве П. Б.* Избранные труды. М., 2010. С. 449.

47 *Пайпс Р.* Русская революция. Ч. 1. М., 1994. С. 137.

48 *Уин Ф.* Карл Маркс. М., 2003. С. 5.

49 *Фергюсон Н.* Цивилизация. Чем Запад отличается от остального мира. М., 2014. С. 284.

50 *Рассел Б.* История западной философии в ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней. М., 2009. С. 933.

51 *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 21. С. 173.

52 *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные письма. М., 1953. С. 63.

53 *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 19. С. 20.

54 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 41. С. 7–8.

55 *Валентинов Н.* Встречи с Лениным // Малознакомый Ленин. Сборник: СПб., 2016. С. 65.

56 *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. М., 1989. С. 277–278.

57 *Волк С. С.* Карл Маркс и русские общественные деятели. Л., 1969. С. 122.

58 *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 35. С. 342.

59 *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 19. С. 305.

60 *Уин Ф.* Карл Маркс. С. 407.

61 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 19. С. 313.

62 *Александр Третий*: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 108.

63 *Мясников А. Л.* Александр III. С. 407–411.

64 *Кашкадамова В. В.* Воспоминания // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. М., 1989. С. 13.

65 *Волкогонов Д. А.* Ленин. Жрец террора. С. 44–45.

66 *Эрлихман В.* Старший брат. С. 52–53.

67 *Мясников А. Л.* Александр III. С. 411–412.

68 *Данилкин Л.* Ленин. Пантократор солнечных пылинок. М., 2017. С. 43.

69 *Валентинов Н.* Недорисованный портрет С. 496, 500.

70 *Ульянова А. И.* Образец того, как нельзя писать биографии // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 286.

71 *Ульяновы и Керенские* // Историк. № 4. Апрель 2017. С. 53.

72 *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Ильиче. С. 25.

73 *Кротков А. П.* Ленин. Личная жизнь необычного человека. М., 2010. С. 36, 40.

74 *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Ильиче. С. 27.

75 *Валентинов Н.* Встречи с Лениным. С. 119–120.

76 *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Ильиче. С. 27–28.

77 В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 1. С. 38.

78 *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Ильиче. С. 28.

79 *Ульянов Д. И.* Любовь к музыке. С. 149.

80 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 325.

81 *Дан Ф. И.* Происхождение большевизма. К истории демократических и социалистических идей в России после освобождения крестьян // *Дан Ф. И., Церетели И. Г.* Два пути. Избранное. Ч. 1. М., 2010. С. 263–264.

82 *Валентинов Н.* Встречи с Лениным. С. 218–219.

83 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 324.

84 В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 1. С. 41.

85 *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Ильиче. С. 34.

86 *Ульянова М. И.* Из самарского (алакаевского) периода (1889–1893 гг.) // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 201.

87 *Ульянов Д. И.* В Алакаевке // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 135–136.

88 *Ульянов Д. И.* В Самаре // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 139–140.

89 *Ульянова М. И.* О Владимире Ильиче. С. 211.

90 *Семенов (Блан) М. И.* Самара и подпольные кружки ленинского периода // В. И. Ленин в Самаре. Куйбышев, 1980. С. 61.

91 *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Ильиче. С. 31.

92 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 6. С. 180–181.

93 *Лалаянц И. Х.* О моих встречах с В. И. Лениным за время 1893–1900 годов // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 23.

94 *Семенов (Блан) М. И.* Самара и подпольные кружки ленинского периода. С. 74–75, 77.

95 *Беляков А. А.* Юность вождя // В. И. Ленин в Самаре. С. 137–138.

96 *Семенов (Блан) М. И.* Самара и подпольные кружки ленинского периода. С. 103.

97 *Беляков А. А.* Юность вождя. С. 183.

98 *Зильберштейн И. С.* Молодой Ленин в жизни и за работой. По воспоминаниям современников и документам эпохи. М., 1929. С. 245–247.

99 *Преображенский А. А.* О пребывании В. И. Ленина в Самарской губернии // В. И. Ленин в Самаре. С. 119–120, 121.

100 *Беляков А. А.* Юность вождя. С. 157, 164.

101 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 2017. С. 15.

102 В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 1. С. 57.

103 *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Ильиче. С. 35.

104 *Логинов В. Т.* Владимир Ленин. Путь в революцию. С. 110.

105 *Семенов (Блан) М. И.* Самара и подпольные кружки ленинского периода. С. 93.

106 *Беляков А. А.* Юность вождя. С. 170–173.

107 *Голубева М. П.* Последний караул // В. И. Ленин в Самаре. С. 112.

108 *Голубева М. П.* Моя первая встреча с Владимиром Ильичем // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 14–15.

109 *Беляков А. А.* Юность вождя. С. 181.

110 В. И. Ленин в Самаре. С. 205.

111 В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 1. С. 64–76.

112 В. И. Ленин в Самаре. С. 211.

113 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 324.

114 *Беляков А. А.* Юность вождя. С. 189.

115 *Семенов (Блан) М. И.* Самара и подпольные кружки ленинского периода. С. 90–92.

116 *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Ильиче. С. 35, 34.

117 *Лалаянц И. Х.* О моих встречах с В. И. Лениным за время 1893–1900 годов. С. 21–24.

118 *Кулябко П. И.* Мои встречи с Владимиров Ильичем // Красная летопись. № 6 (21). 1926. С. 26.

119 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 325.

120 *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Ильиче. С. 36

121 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 55. С. 1–2.

122 *Логинов В. Т.* Владимир Ленин. Путь в революцию. С. 148–149.

123 *Сильвин М. А.* К биографии В. И. Ленина // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 52.

124 *Сильвин М. А.* Ленин в период зарождения партии. Воспоминания. Л., 1958. С. 41.

125 *Шелгунов В. А.* Владимир Ильич в Петербурге // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 28, 29.

126 *Кржижановский Г. М.* Из доклада о Владимире Ильиче Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 35–36, 37.

127 *Сильвин М. А.* Ленин в период зарождения партии. С. 32–33.

128 *Сильвин М. А.* К биографии В. И. Ленина. С. 55.

129 *Дан Ф. И.* Происхождение большевизма. С. 271–272.

130 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 1. С. 272, 299–300, 311–312.

131 *Мицкевич С. И.* В. И. Ленин и первая московская

марксистская организация 1893–1895 годов // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 67.

132 Красный архив. (62). 1934. С. 76.

133 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 10, 7, 11.

134 *Волкогонов Д. А.* Ленин. Жрец террора. С. 65.

135 *Тыркова-Вильямс А.* То, чего никогда не будет // Малознакомый Ленин. С. 23–24.

136 Цит. по: *Соколов Б.* Арманд и Крупская. Женщины вождя. Смоленск, 1999. С. 19.

137 *Тыркова-Вильямс А.* На путях к свободе. М., 2007. С. 32.

138 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 55. С. 172.

139 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 11, 12, 13, 14.

140 *Тыркова-Вильямс А.* То, чего никогда не будет. С. 24–25.

141 Цит по: *Кудрина Ю. В.* Мать и сын: Императрица Мария Федоровна и император Николай II. М., 2004. С. 34–35.

142 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 15.

143 *Потресов А. Н.* Ленин // Источник. № 4. 1993. С. 20–21.

144 *Струве П. Б.* Мои встречи и столкновения с Лениным // Новый мир. № 4. 1991. С. 219.

145 *Потресов А. Н.* Ленин. С. 22.

146 *Маслов П. П.* Владимир Ильич Ленин // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 26–27.

147 *Кржижановский Г. М.* Из доклада о Владимире Ильиче Ленине. С. 40.

148 *Ульянова М. И.* О Владимире Ильиче. С. 212.

149 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 55. С. 7, 8.

150 *Гиппиус З.* Дневники. Минск, 2003. С. 142.

151 Цит. по: *Логинов В. Т.* В. И. Ленин. Полная биография. М., 2018. С. 129.

152 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 4. С. 344.

153 *Горький А. М.* В. И. Ленин // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 232.

154 *Логинов В. Т.* В. И. Ленин. Полная биография. С. 130–131.

155 *Луначарский А., Радек К., Троцкий Л.* Силуэты. Политические портреты. М., 1991. С. 48.

156 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 55. С. 9.

157 *Мартов Ю.* Записки социал-демократа. М., 1924. С. 266.

158 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 55. С. 9–10.

159 *Потресов А. Н.* Ленин. С. 22.

160 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 55. С. 11, 12.

161 В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 1. С. 105.

162 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 55. С. 13.

163 *Логинов В. Т.* В. И. Ленин. Полная биография. С. 136.

164 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 46. С. 10.

165 *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Ильиче. С. 43–44.

166 Цит. по: *Млечин Л. М.* Ленин. М., 2018. С. 51.

167 *Ульянова-Елизарова А. И.* Владимир Ильич в тюрьме (декабрь 1895 – февраль 1897) // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 69–70.

168 *Кржижановский Г. М.* Из доклада о Владимире Ильиче Ленине. С. 39.

169 *Мартов Л.* Записки социал-демократа. С. 270–271.

170 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 2. С. 70–74.

171 *Шелгунов В. А.* Владимир Ильич в Петербурге. С. 30.

172 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 2. С. 75–80.

173 *Сильвин М. А.* К биографии В. И. Ленина. С. 55.

174 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 18.

175 *Дан Ф. И.* Происхождение большевизма. С. 278–279.

176 *Кржижановский Г. М.* Из доклада о Владимире Ильиче Ленине. С. 41.

177 Красный архив. № 1(62). 1934. С. 139.

178 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 46. С. 443.

179 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 55. С. 15.

180 *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Ильиче. С. 48–49, 51.

181 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 55. С. 17–18.

182 *Ульянова М. И.* О Владимире Ильиче. С. 212.

183 *Ульянов Д. И.* Воспоминания о жизни семьи Ульяновых в Москве // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 157.

184 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 19.

185 *Млечин Л. М.* Ленин. С. 105.

186 *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Ильиче. С. 53.

187 *Ульянов Д. И.* Воспоминания о жизни семьи Ульяновых в Москве. С. 158.

188 *Ульянова-Елизарова А. И.* Владимир Ильич в ссылке (1897 г.) // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 89.

189 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 55. С. 22–23, 28, 31; Т. 46. С. 451.

190 *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Ильиче. С. 55.

191 *Кржижановский Г. М.* Из доклада о Владимире Ильиче Ленине. С. 42.

192 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 55. С. 35, 47–48.

193 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 24.

194 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 55. С. 50, 53, 66–67.

195 *Дан Ф. И.* Происхождение большевизма. С. 273.

196 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 55. С. 70, 73; Т. 46. С. 453.

197 *Дан Ф. И.* Происхождение большевизма. С. 287.

198 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 21.

199 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 55. С. 84.

200 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 22.

201 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 55. С. 88, 390, 391.

202 Любящий тебя В. Ульянов. Письма В. И. Ленина к матери. М., 1967. С. 37.

203 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 55. С. 90–91.

204 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 24.

205 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 55. С. 172.

206 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 26.

207 *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Ильиче. С. 55.

208 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 10 т. Т. 2. М., 1989. С. 23, 24, 26, 27.

209 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 55. С. 101, 405, 137, 139.

210 *Пайпс Р.* Струве. Биография. М., 2001. Т. 1. С. 340.

211 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 55. С. 154.

212 *Мартов Л.* Записки социал-демократа. С. 411.

213 *Дан Ф. И.* Происхождение большевизма. С. 307.

214 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 30–31.

215 *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Ильиче. С. 62–63.

216 *Ульянов Д. И.* Возвращение из ссылки // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 159.

217 *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Ильиче. С. 60, 61.

218 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 20–21.

219 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 55. С. 183, 186.

220 *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Ильиче. С. 62.

221 *Солженицын А. И.* Царь. Столыпин. Ленин: Из «Красного колеса». М.; Екатеринбург, 2008. С. 319.

222 *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Ильиче. С. 62–65.

223 *Аксельрод П. Б.* Кто изменил социализму? (Большевизм и социальная демократия в России) // Аксельрод П. Б., Мартов Ю. О., Потресов А. Н. О революции и социализме. М., 2010. С. 481.

224 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 55. С. 189.

225 *Стеклов Ю. М.* Моя первая встреча с Лениным // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 85.

226 *Туган-Барановский М. И.* Избранное. М., 2010. С. 669.

227 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 46. С. 79–81, 29, 130, 135.

228 *Парвус А.* В борьбе за правду. М., 2017. С. 18–19.

229 *Дан Ф. И.* Происхождение большевизма. С. 308.

230 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 6. С. 22.

231 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 46. С. 42; Т. 4. С. 359, 376.

232*Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 36, 40.

233 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 46. С. 60, 92, 107.

234 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 5. С. 4, 12.

235 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 42–43.

236 *Потресов А. Н.* Ленин. С. 24.

237 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 42.

238 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. М., 2017. С. 96.

239 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 40–41.

240 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 55. С. 212.

241 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 43.

242 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 6. С. 127, 141, 112, 124–125, 177, 28. Т. 8. 403.

243 *Потресов А.* Н. Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху // *Аксельрод П. Б., Мартов Ю. О., Потресов А.* Н. О революции и социализме. С. 330–331.

244 *Валентинов Н.* Встречи с Лениным. С. 70.

245 *Ульянова О. Д.* Родной Ленин (Владимир Ильич и его семья). М., 2002. С. 26.

Глава 2

246 *Чернов В.* Перед бурей. Минск, 2004. С. 215.

247 *Савинков Б.* Воспоминания. М., 1990. С. 92.

248 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 46. С. 120–121, 186.

249 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. М., 2017. С. 97.

250 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 46. С. 189.

251 *Мещеряков Н. Л.* Из воспоминаний о Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 10 т. Т. 3. М., 1989. С. 94.

252 *Алексеев Н. А.* В. И. Ленин в Лондоне (1902–1903 годы) // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3.С. 89, 90.

253 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. С. 50.

254 *Алексеев Н. А.* В. И. Ленин в Лондоне (1902–1903 годы). С. 90.

255 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 47.

256 *Алексеев Н. А.* В. И. Ленин в Лондоне (1902–1903 годы). С. 92.

257 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 55. С. 224.

258 *Дан Ф. И.* Происхождение большевизма. К истории

демократических и социалистических идей в России после освобождения крестьян // *Дан Ф. И., Церетели И. Г.* Два пути. Избранное. Ч. 1. М., 2010. С. 313.

259 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 46. С. 185, 187.

260 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 50.

261 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 46. С. 202–203, 208.

262 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. М., 2017. С. 87, 91.

263 *Зив Г. А.* Троцкий. По личным воспоминаниям. М., 2017. С. 21, 71.

264 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 55.

265 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 46. С. 277–278.

266 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 58.

267 *Шелестов Д.* Время Алексея Рыкова. М., 1990. С. 63.

268 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 41. С. 6.

269 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. С. 99–100.

270 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 60.

271 Второй съезд РСДРП. Июль-август 1903 года. Протоколы. М., 1959. С. 5–6.

272 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. С. 100.

273 *Троцкий Л. Д.* Сталин. М., 2019. С. 101.

274 Второй съезд РСДРП. Июль-август 1903 года. Протоколы. С. 277–278.

275 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. С. 102.

276 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 8. С. 333.

277 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 63.

278 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 8. С. 77.

279 *Валентинов Н.* Встречи с Лениным // Малознакомый Ленин. Сборник. СПб., 2016. С. 78–79.

280 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. С. 103.

281 *Лядов М. Н.* Мои встречи с Лениным // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 119.

282 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. 103.

283 *Зив Г. А.* Троцкий. С. 79–80.

284 *Валентинов Н.* Недорисованный портрет. М., 1993. С. 104.

285 *Троцкий Л. Д.* Портреты революционеров. М., 2018. С. 24.

286 Цит. по: Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация. Т. 1. М., 1996. С. 566.

287 *Бердяев Н. А.* Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 30.

288 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. С. 102.

289 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 67.

290 *Потресов А. Н.* Ленин // Источник. № 4. 1993. С. 27.

291 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 46. С. 293, 296, 298, 304–305.

292 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 10 т. Т. 2. М., 1989. С. 67.

293 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 46. С. 321–322.

294 *Адоратский В. В.* За восемнадцать лет (Встречи с Владимиром Ильичем) // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 137.

295 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 46. С. 313.

296 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 67.

297 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 46. С. 314–315.

298 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 46. С. 317–318.

299 *Кржижановский Г. М.* Из доклада о Владимире Ильиче Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 46–47.

300 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 68.

301 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 46. С. 338, 345–346.

302 *Валентинов Н.* Встречи с Лениным. С. 49, 87.

303 *Бобровская Ц. С.* Страницы из революционного прошлого (1903–1908) // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 106.

304 *Валентинов Н.* Встречи с Лениным. С. 158–160, 167, 172, 174, 175.

305 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 46. С. 350.

306 *Валентинов Н.* Встречи с Лениным. С. 166.

307 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 46. С. 355, 356.

308 *Новоселова Е.* Дама против Ленина // Российская газета. 2017. 21 апреля, № 86.

309 *Тыркова-Вильямс А.* На путях к свободе. М., 2007. С. 179–181.

310 *Валентинов Н.* Встречи с Лениным. С. 183, 184.

311 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 8. С. 254, 376, 403.

312 *Карпинский В. А.* Ленин как редактор // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 131.

313 *Лядов М. Н.* Мои встречи с Лениным. С. 121–122.

314 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 55. С. 235, 233.

315 *Тэффи.* «Новая жизнь» // Малознакомый Ленин. С. 296–297.

316 *Тыркова-Вильямс А.* То, чего никогда не будет // Малознакомый Ленин. С. 29–30.

317 *Аничкова С. И.* Загадки Ленина. Из воспоминаний редактора. М., 2016. С. 78.

318 *Млечин Л. М.* Ленин. М., 2018. С. 109.

319 *Валентинов Н.* Встречи с Лениным. С. 49.

320 *Крупская Н. К.* Мои ответы на анкету Института мозга (1935 г.) // Малознакомый Ленин. С. 7–8.

321 *Потресов А. Н.* Ленин. С. 26.

322 *Ульянова-Елизарова А. И.* Рецензия на книгу «К годовщине смерти В. И. Ленина» // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 294.

323 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 34. С. 322.

324 *Крупская Н. К.* Мои ответы на анкету Института мозга (1935 г.). С. 15.

325 *Ульянова М. И.* О Владимире Ильиче // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 215.

326 *Ульянова-Елизарова А. И.* Рецензия на книгу «К годовщине смерти В. И. Ленина». С. 294.

327 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 22. С. 89–90.

328 *Ульянова М. И.* О Владимире Ильиче. С. 213.

329 *Ульянова М. И.* Ленин в письмах к родным // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 227–228.

330 *Кржижановский Г. М.* Из доклада о Владимире Ильиче Ленине. С. 42.

331 Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М.,1991. С. 236.

332 *Крупская Н. К.* Мои ответы на анкету Института мозга (1935 г.) // Малознакомый Ленин. Сборник. СПб., 2016. С. 18, 12, 15.

333 *Троцкий Л. Д.* Портреты революционеров. С. 33.

334 *Валентинов Н.* Встречи с Лениным. С. 223, 96–97, 116, 86.

335 *Крупская Н. К.* Мои ответы на анкету Института мозга (1935 г.). С. 14.

336 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 27.

337 *Ульянова М. И.* О некоторых «воспоминаниях» об Ильиче // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 331.

338 *Млечин Л. М.* Ленин. С. 107.

339 *Валентинов Н.* Встречи с Лениным. С. 265.

340 *Крупская Н. К.* Мои ответы на анкету Института мозга (1935 г.). С. 18, 10.

341 *Валентинов Н.* Встречи с Лениным // Малознакомый Ленин. Сборник. СПб., 2016. С. 202, 196.

342 *Потресов А. Н.* Ленин. С. 26.

343 *Соломон Г.* Среди красных вождей. М., 2015. С. 460–462.

344 *Бухарин Н. И.* Памяти Ильича // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 331.

345 *Валентинов Н.* Встречи с Лениным. С. 150–151.

346 *Воронский А. К.* Россия, человечество, человек и Ленин // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 6. М., 1990. С. 356.

347 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 12. С. 70.

348 *Валентинов Н.* Встречи с Лениным. С. 62–63.

349 *Волкогонов Д. А.* Ленин. Жрец террора. М., 2018. С. 147.

350 *Горький А. М.* В. И. Ленин // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 237.

351 Цит. по: *Троцкий Л. Д.* Портреты революционеров. С. 31.

352 *Воронский А. К.* За мертвой и живой водой // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 208.

353 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 53. С. 14.

354 *Фишер Л.* Жизнь Ленина. Т. 1. М., 1997. С. 88.

355 *Струве П.* Мои встречи и столкновения с Лениным // Новый мир. № 4. 1991. С. 219.

356 *Потресов А. Н.* Ленин. С. 24.

357 *Зиновьев Г. Е.* Ленин как человек и товарищ // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленина. Т. 6. М., 1990. С. 11.

358 *Струве П.* Мои встречи и столкновения с Лениным. С. 219.

359 *Потресов А. Н.* Ленин. С. 26, 25.

360 *Луначарский А. В.* Революционные силуэты. М., 1923. С. 12.

361 *Валентинов Н.* Недорисованный портрет@@@ С. 56.

362 *Валентинов Н.* Встречи с Лениным. С. 86, 82.

363 *Горький А. М.* В. И. Ленин. С. 237.

364 *Луначарский А. В.* Ленин как ученый и публицист // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 8. М., 1991. С. 13.

365 *Крупская Н. К.* Мои ответы на анкету Института мозга (1935 г.). С. 9–10, 18.

366 *Луначарский А. В.* Ленин как ученый и публицист. С. 13.

367 *Соломон Г.* Среди красных вождей. С. 460.

368 *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 6. М., 1947. С. 55.

369 *Пивоваров Ю.* Русская политическая культура и political culture // Pro et Contra. 2002. № 3. С. 32.

370 *Троцкий Л. Д.* О Ленине. Материалы для биографии. М., 1923. С. 123–130.

371 *Валентинов Н.* Встречи с Лениным. С. 49–50.

372 *Селезнев Ф. А.* Старообрядческая буржуазия и политические партии в революции 1905–1907 годов // Политические партии в российских революциях в начале XX века. С. 179–183.

373 *Валентинов Н.* Встречи с Лениным. С. 56.

374 *Троцкий Л. Д.* Сталин. С. 230.

375 *Валентинов Н.* Встречи с Лениным. С. 82, 81.

376 *Потресов А. Н.* Ленин. С. 26.

377 *Соломон Г.* Среди красных вождей. С. 461.

378 *Тэффи.* «Новая жизнь». С. 298.

379 *Валентинов Н.* Встречи с Лениным. С. 216.

380 *Солженицын А. И.* Царь. Столыпин. Ленин: Из «Красного колеса». М.; Екатеринбург, 2008. С. 326–327.

381 *Тыркова-Вильямс А.* То, чего никогда не будет. С. 29–30.

382 *Троцкий Л. Д.* Портреты революционеров. С. 26.

383 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 70.

384 *Валентинов Н.* Встречи с Лениным. С. 263.

385 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 71.

386 *Лядов М. Н.* Мои встречи с Лениным. С. 124.

387 *Валентинов Н.* Встречи с Лениным. С. 264–266, 273–274.

388 *Землячка Р. С.* Организация Бюро комитетов большевиков // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 101.

389 История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 50.

390 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 46. С. 405.

391 М. Н. Покровский о В. И. Ленине. Стенограмма выступления в Институте красной профессуры 1 февраля 1924 г. // Отечественные архивы. 1992. № 3. С. 98.

392 *Бобровская Ц. С.* Страницы из революционного прошлого (1903–1908). С. 106.

393 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 46. С. 417–418.

394 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 80.

395 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 46. С. 429.

396 *Чернов В. М.* Перед бурей. С. 202.

397 *Шубинский В.* Азеф. М., 2016. С. 117.

398 *Вертинский А. Н.* Дорогой длинною. М., 2004. С. 67.

399 *Милюков П. Н.* Из тайников моей памяти. М., 2015. С. 279–281.

400 *Троцкий Л. Д.* Сталин. С. 126.

401 Дневники Императора Николая II. М., 1991. С. 243.

402 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 9. С. 158.

403 *Струве П. Б.* Политика внутренняя и политика внешняя // Patriotica. Россия. Родина. Чужбина. СПб., 2000. С. 79.

404 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 73.

405 Ленин В. И. ПСС. Т. 9. С. 159, 264–265.

406 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 73–74.

407 *Ульянова М. И.* Из доклада в Тимирязевке в январе 1925 года // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 264.

408 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 9. С. 282.

409 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 75.

410 *Шубинский В.* Гапон. М., 2014. С. 206–207.

411 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 10. С. 181.

412 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 77.

413 *Троцкий Л. Д.* Сталин. С. 132.

414 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 47. С. 30.

415 *Лядов М. Н.* Мои встречи с Лениным. С. 125.

416 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 80–81, 82.

417 Третий съезд РСДРП. Апрель-май 1905 года. Протоколы. С. 118, 453.

418 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 10. С. 117, 138.

419 Третий съезд РСДРП. Апрель-май 1905 года. Протоколы. М., 1959. С. 183, 185, 196–197, 466.

420 *Шляпников А.* Революция 1905 года. М.; Л., 1925. С. 41.

421 *Васильев-Южин М. И.* В огне первой революции // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 154–156.

422 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 47. С. 43–49, 52–53.

423 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 11. С. 61, 49, 87–88, 44, 222, 62.

424 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 76.

425 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. С. 107.

426 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 80–81.

427 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 11. С. 336, 337.

428 *Шубинский В.* Гапон. С. 228–231.

429 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 47. С. 69.

430 *Ольденбург С. С.* Царствование Императора Николая II. Т. 1. М., 1992. С. 307–308.

431 *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 3. Таллинн; М., 1994. С. 46.

432 Российское законодательство X – XX веков. Т. 9. М., 1994. С. 41.

433 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 12. С. 32, 34; Т. 47. С. 100–101; Т. 11. С. 336–343.

434 *Тэффи.* «Новая жизнь». С. 282–283.

435 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 47. С. 107, 71, 103; Т. 11. С. 303–304.

436 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 86, 87.

437 *Кржижановский Г. М.* Из доклада о Владимире Ильиче Ленине. С. 49.

438 *Красин Л. Б.* Из воспоминаний // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 129.

439 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 41. С. 9–10.

440 *Эссен М. М.* Встречи с В. И. Лениным накануне и в дни первой русской революции // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 114.

441 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. С. 111.

442 *Зиновьев Г. Е.* Речь на заседании Петроградского Совета 6 сентября 1918 года // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 260.

443 *Луначарский А. В.* Из воспоминаний о Ленине в 1905 году // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 182.

444 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. С. 114–115.

445 *Эссен М. М.* Встречи с В. И. Лениным накануне и в дни первой русской революции. С. 115–116, 114.

446 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 88, 91.

447 *Тэффи.* «Новая жизнь». С. 296, 283, 286, 288–289, 291.

448 Октябрьская революция. Мемуары. М., 1999. С. 296.

449 *Троцкий Л. Д.* К истории русской революции. М., 1990. С. 314–315.

450 *Луначарский А. В.* Из воспоминаний о Ленине в 1905 году. С. 182.

451 *Андреева М. Ф.* Ленин и Горький // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 215.

452 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 12. С. 83, 90.

453 *Луначарский А. В.* Из воспоминаний о Ленине в 1905 году. С. 183.

454 *Тэффи.* «Новая жизнь». С. 294–295, 299–300.

455 *Луначарский А. В.* Из воспоминаний о Ленине в 1905 году. С. 185, 186–187.

456 *Троцкий Л. Д.* Сталин. С. 152–153.

457 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 92–93.

458 *Троцкий Л. Д.* Сталин. С. 124.

459 *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 6. С. 55.

460 *Рыбас С.* Сталин. М., 2010. С. 32.

461 *Луначарский А. В.* Из воспоминаний о Ленине в 1905 году. С. 186.

462 *Антонов-Овсеенко В. А.* В огне борьбы // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 253.

463 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 12. С. 150–151, 152

464 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 94, 95.

465 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 13. С. 371, 376.

466 *Ярославский Е. М.* Владимир Ильич руководит боевой работой партии (страничка из истории военных и боевых организаций нашей партии) // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 266.

467 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 96.

468 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 41. С. 371.

469 *Накоряков Н. Н.* Записки делегата IV и V съездов партии // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 253–257.

470 Четвертый (объединительный) съезд РСДРП. Апрель (апрель-май) 1906 года. Протоколы. М., 1959. С. 9.

471 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 12. С. 249; Т. 13. С. 9.

472 Четвертый (объединительный) съезд РСДРП. Апрель (апрель-май) 1906. Протоколы. С. 517–520, 482, 528.

473 *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 6. С. 56.

474 *Канатчиков С. И.* Мои воспоминания о Владимире Ильиче

// Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 196.

475 *Зиновьев Г. Е.* История Российской Коммунистической партии (большевиков). Пг., 1923. С. 124.

476 *Тыркова-Вильямс А.* На путях к свободе. С. 234, 235.

477 История политических партий России / Под ред. А. И. Зевелева. М., 1994. С. 69–70, 71.

478 *Гучков А. И.* Речи по вопросам государственной обороны и об общей политике. Пг., 1917. С. 97.

479 *Тыркова-Вильямс А.* На путях к свободе. С. 243.

480 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 97.

481 *Енукидзе А. С.* Ильич за работой // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 251.

482 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 97–98.

483 *Кржижановский Г. М.* Из доклада о Владимире Ильиче Ленине. С. 50–51.

484 *Солженицын А. И.* Царь. Столыпин. Ленин: Из «Красного колеса». С. 69, 70.

485 История государственной охраны России. Собственная Его Императорского Величества охрана. 1881–1917. М., 2006. С. 396.

486 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 100.

487 *Берзин Я. А.* Первые встречи с Лениным // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 268, 275, 273.

488 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 101.

489 *Тер-Петросян С. А.* Сталин. Мой товарищ и наставник. М., 2017. С. 162, 163, 167–168, 164.

490 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 100–101.

491 *Ярославский Е. М.* Владимир Ильич руководит боевой работой партии. С. 266–267.

492 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 13. С. 339, 343.

493 *Тыркова-Вильямс А.* На путях к свободе. С. 309.

494 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 102.

495 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 14. С. 89, 382.

496 *Накоряков Н. Н.* Записки делегата IV и V съездов партии. С. 259.

497 *Горький А. М.* В. И. Ленин. С. 220–221.

498 *Накоряков Н. Н.* Записки делегата IV и V съездов партии. С. 258.

499 *Горький А. М.* В. И. Ленин. С. 220.

500 *Андреева М. Ф.* Ленин и Горький. С. 217.

501 Протоколы Пятого съезда РСДРП. Май-июнь 1907. М., 1935. С. 7.

502 *Горький А. М.* В. И. Ленин. С. 224, 225, 226.

503 Протоколы Пятого съезда РСДРП. С. 13.

504 *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 2. М., 1946. С. 52.
505 *Горький А. М.* В. И. Ленин. С. 223.
506 Протоколы Пятого съезда РСДРП. С. 48, 388.
507 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. С. 126.
508 *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 6. С. 57.
509 *Рожков Н. А.* Избранные труды. М., 2010. С. 15.
510 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 103.
511 *Валентинов Н.* Встречи с Лениным. С. 201.
512 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 55. С. 238.
513 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 103.
514 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 369.
515 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 16. С. 1–36.
516 Цит. по: *Троцкий Л. Д.* Сталин. С. 200.
517 *Каррер д'Анкосс Э.* Николай II: расстрелянная преемственность. М., 2006. С. 184.
518 *Троцкий Л. Д.* История русской революции. Т. 1. М., 1997. С. 178.
519 *Коллонтай А. М.* Из моей жизни и работы // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 191–192.
520 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. С. 128.
521 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 16. С. 72–73, 79–80, 74.
522 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 104–105, 106.

Глава 3

523 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 47. С. 119–120, 120–121.
524 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. М., 1989. С. 114, 111.
525 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 47. С. 123, 130, 137.
526 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 113.
527 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 16. С. 420.
528 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 109.
529 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 47. С. 142.
530 *Валентинов Н.* Встречи с Лениным // Малознакомый Ленин: Сборник. СПб., 2016. С. 264.
531 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 47. С. 142–143.
532 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 118, 108.
533 *Соломон Г.* Среди красных вождей. М., 2015. С. 128, 129–130.
534 *Троцкий Л. Д.* Сталин. М., 2019. С. 235.
535 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 118.
536 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 47. С. 148, 151, 155.
537 *Горький А. М.* В. И. Ленин // Воспоминания о Владимире

Ильиче Ленине. Т. 3. М., 1989. С. 230–231.

538 *Андреева М. Ф.* Ленин и Горький // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 218.

539 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 47. С. 140, 159–160.

540 *Волкогонов Д. А.* Ленин. Жрец террора. М., 2018. С. 79–81.

541 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине С. 123.

542 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 47. С. 279, 246.

543 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 19. С. 50.

544 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 55. С. 252; Т. 18. С. 11.

545 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 18. С. 317.

546 *Данилкин Л.* Ленин. Пантократор солнечных пылинок. М., 2017. С. 335.

547 *Рожков Н. А.* Избранные труды. М., 2010. С. 539–540.

548 *Лозовский С. А.* Отрывки из воспоминаний // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 203.

549 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 125.

550 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 55. С. 264.

551 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 126.

552 *Лозовский А.* Отрывки из воспоминаний. С. 201.

553 История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 129–130.

554 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 126–127.

555 *Эренбург И. Г.* Тихое семейство // Новости дня. 27 марта 1918.

556 *Вулих Т. И.* Из воспоминаний.

557 *Зиновьев Г. Е.* Речь на заседании Петроградского Совета 6 сентября 1918 года // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 262.

558 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 129, 130–131.

559 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 47. С. 209.

560 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 131, 134, 126, 125.

561 *Аничкова С. И.* Загадка Ленина. Из воспоминаний редактора. М., 2016. С. 80.

562 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 139–140.

563 *Кротков А. П.* Ленин. Личная жизнь необычного человека. М., 2010. С. 203–204.

564 *Валентинов Н.* Встречи с Лениным. С. 110.

565 *Кротков А. П.* Ленин. С. 204–205.

566 *Солженицын А. И.* Царь. Столыпин. Ленин // Из «Красного колеса». М.; Екатеринбург, 2008. С. 331–332.

567 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 55. С. 302, 303; Т. 47. С. 249.

568 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М.,

2017. С. 40.

569 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 135–136

570 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 64, 65.

571 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 136.

572 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 47. С. 235, 250–251, 249; Т. 55. С. 315.

573 *Данилкин Л.* Ленин. С. 353.

574 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 55. С. 315–316.

575 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 137.

576 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. М., 2017. С. 136.

577 *Ульянова М. И.* Воспоминания о Владимире Ильиче // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 254.

578 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 19. С. 354; Т. 47. С. 265.

579 *Ульянова-Елизарова А. И.* Из воспоминаний «О жизни Владимира Ильича Ульянова-Ленина в Казани (1887–88 гг.)» // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 284.

580 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 138.

581 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 48. С. 1.

582 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 59.

583 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 140.

584 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 20. С. 75; Т. 48. С. 12.

585 *Адоратский В. В.* За восемнадцать лет (Встречи с Владимиром Ильичем) // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 142–143.

586 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 48. С. 33, 36.

587 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 143.

588 *Белостоцкий И. С.* Великий учитель // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 303–304.

589 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 145–146.

590 *Догадов А. И.* Памяти учителя-товарища // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 307–308.

591 Цит. по: Россия нэповская. М., 2002. С. 40.

592 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 55. С. 440.

593 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 146.

594 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 2017. С. 63, 87, 89.

595 *Гопнер С. И.* В. И. Ленин в Париже // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 302.

596 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 20. С. 387–388; Т. 48. С. 41–42.

597 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 148.

598 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 21. С. 64.

599 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 48. С. 40.

600 *Воронский А.* К. За мертвой и живой водой // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 208–211.

601 *Пятницкий И. А.* Записки большевика // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 309.

602 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 48. С. 50.

603 VI (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП. 18–30 (5–17) января 1912 г.: Сборник статей и документов. М., 1952. С. 221.

604 *Воронский А. К.* За живой и мертвой водой. С. 212–213.

605 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 48. С. 44, 50, 51, 56; Т. 54. С. 366–367.

606 *Адоратский В. В.* За восемнадцать лет (Встречи с Владимиром Ильичем). С. 143.

607 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 48. С. 59, 53–54.

608 *Бажанов Б. Г.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992. С. 22.

609 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 48. С. 81.

610 *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 5. С. 130–131.

611 Ольминский М. Из эпохи «Звезды» и «Правды». 1911–1914 гг. М.; Л., 1929. С. 43.

612 *Вернадский Г. В.* Ленин – красный диктатор. М., 1998. С. 108.

613 *Пайпс Р.* Русская революция. Т. 2. М., 1994. С. 45.

614 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 152.

615 *Ганецкий Я. С.* Ленин накануне империалистической войны // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 314.

616 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 48. С. 137.

617 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 155.

618 *Ганецкий Я. С.* Ленин в Галицийской тюрьме // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4. М., 1990. С. 13.

619 Личный архив Молотова (далее – ЛАМ). П. 24. Док. 11. Л. 4–5.

620 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 48. С. 70–71.

621 ЛАМ. П. 24. Док. 12. Л. 3.

622 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 48. С. 70, 78, 66.

623 История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 2. М., 1966. С. 393.

624 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 983. Л. 1–2.

625 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 48. С. 69, 80, 81.

626 *Ганецкий Я. С.* Ленин накануне империалистической войны. С. 315.

627 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 154–155.

628 *Коэн С.* Бухарин: Политическая биография 1888–1938. М., 1988. С. 39.

629 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 42. С. 286.

630 *Бухарин Н. И.* Памяти Ильича // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 328.

631 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1503. Л. 1.

632 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 48. С. 83.

633 *Троцкий Л. Д.* Сталин. М., 2019. С. 293, 294.

634 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 48. С. 97; Т. 54. С. 370–371.

635 *Троцкий Л. Д.* Сталин. С. 297.

636 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 48. С. 135, 127, 142, 143.

637 *Петровский Г. И.* Наш мудрый вождь // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 336.

638 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 48. С. 140, 143.

639 *Бадаев А. Е.* Ленин и большевистская фракция Государственной думы // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 334.

640 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 48. С. 145.

641 *Каррер д'Анкосс Э.* Ленин. М., 2002. С. 113.

642 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 48. С. 163.

643 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 170–171.

644 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 48. С. 162.

645 Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 177.

646 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 106.

647 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 48. С. 172, 173.

648 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 171.

649 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 55. С. 338.

650 *Багоцкий С. Ю.* Из встреч с Владимиром Ильичем // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 324.

651 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 55. С. 339.

652 Цит. по: *Волкогонов Д. А.* Ленин. Жрец террора. С. 353.

653 *Млечин Л. М.* Ленин. М., 2018. С. 111.

654 *Багоцкий С. Ю.* Из встреч с Владимиром Ильичем. С. 321–322.

655 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 172.

656 *Ильина М. В.* Встречи в кругу друзей // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4. С. 101.

657 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 173.

658 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 48. С. 217–218.

659 *Покровский Г. И.* В. И. Ленин нас всегда учил быть с народом // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4. С. 94.

660 *Муралов М. К.* Незабываемые встречи // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 342.

661 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 174.

662 История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 149.

663 *Спиридович С.* Троцкий. Сталин. С. 330.

664 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 48. С. 225; Т. 24. С. 211–213, 230–232.

665 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 175, 176.

666 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 121–122.

667 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 55. С. 348.

668 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 176.

669 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 55. С. 351; Т. 48. С. 266, 267.

670 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 123.

671 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 55. С. 352, 354–355; Т. 48. С. 287.

672 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 127.

673 *Розенталь И. С.* Провокатор Малиновский: судьба и время. М., 1996. С. 145–147.

674 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 2017. С. 129, 128.

675 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 48. С. 294.

676 *Бухарин Н. И.* Памяти Ильича. С. 329.

677 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 180.

678 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 161.

679 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 180.

680 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 181, 184–185, 190,191, 195–196.

681 *Петровский Г. И.* Наш мудрый вождь. С. 337.

682 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 178.

683 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 48. С. 297, 298, 299.

684 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 2017. С. 151.

685 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 48. С. 301, 304–305, 314; Т. 25. С. 361–405.

686 *Ганецкий Я. С.* Ленин накануне империалистической войны. С. 316–317.

687 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 48. С. 323, 326.

688 *Петровский Г. И.* Наш мудрый вождь. С. 338.

689 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 48. С. 318, 319, 324.

690 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 159.

691 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 48. С. 154.

692 *Хаас Р.* Мировой беспорядок. М., 2019. С. 34.

693 *Керенский А. Ф.* История России. М., 1996. С. 359.

694 *Ганецкий Я. С.* Ленин накануне империалистической войны. С. 317.

695 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 26. С. 162.

696 *Троцкий Л. Д.* Сталин. С. 345.

697 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 49. С. 3.

698 *Багоцкий С. Ю.* Из воспоминаний о встречах с Владимиром Ильичем. С. 25.

699 *Ганецкий Я. С.* Ленин в Галицийской тюрьме. С. 13.

700 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 49. С. 2.

701 *Ганецкий Я. С.* Ленин в Галицийской тюрьме. С. 14.

702 *Зиновьев Г. Е.* Ленин как человек и товарищ // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленина. Т. 6. С. 10–11.

703 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 182–183.

704 *Ганецкий Я. С.* Ленин в Галицийской тюрьме. С. 21, 22.

705 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 184–185.

706 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 49. С. 2.

707 *Шкловский Г. Л.* Владимир Ильич накануне Бернской конференции // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4. С. 86.

708 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 55. С. 355–356; Т. 49. С. 6, 7.

709 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 49. С. 8, 13; Т. 26. С. 6, 22.

710 *Шкловский Г. Л.* Владимир Ильич накануне Бернской конференции. С. 87–88.

711 *Троцкий Л. Д.* Сталин. С. 345.

712 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 187, 188.

713 *Ильин Ф. Н.* Отрывок из воспоминаний // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4. С. 70–71.

714 *Кедров М. С.* Из красной тетради об Ильиче // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 291–293.

715 *Бухарин Н. И.* Памяти Ильича. С. 329–330.

716 *Кедров М. С.* Из красной тетради об Ильиче. С. 293.

717 *Ильин Ф. Н.* Отрывок из воспоминаний. С. 74.

718 *Харитонов М. М.* Из воспоминаний // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4. С. 48–50.

719 *Бухарин Н. И.* Памяти Ильича. С. 329.

720 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 191.

721 *Шкловский Г. Л.* Владимир Ильич накануне Бернской конференции. С. 91.

722 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 49. С. 12–13, 24.

723 *Карпинский В. А.* Странички прошлого // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4. С. 36.

724 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 49. С. 11; Т. 26. С. 42.

725 *Покровский Г. И.* В. И. Ленин нас всегда учил быть с народом. С. 95.

726 *Муралов М. К.* Незабываемые встречи. С. 343.

727 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 49. С. 36–37; Т. 55. С. 357.

728 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 49. С. 55, 56.

729 *Троцкий Л. Д.* Сталин. С. 346–347.

730 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 194–195.

731 *Харитонов М. М.* Из воспоминаний. С. 52–53.

732 *Бош Е. Б.* Встречи и беседы с Владимиром Ильичем

(1915–1917 годы) // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4. С. 80.

733 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 194–195, 200–201.

734 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 49. С. 79, 80, 81.

735 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 49. С. 148–149, 133, 141.

736 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. С. 155.

737 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 375.

738 *Троцкий Л. Д.* Портреты революционеров. М., 2018. С. 27.

739 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 203, 204.

740 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 55. С. 361.

741 *Парвус А.* В борьбе за правду. М., 2017. С. 110–111.

742 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 204.

743 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 49. С. 174, 175.

744 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 26. С. 352, 353, 354; Т. 30. С. 133.

745 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 207.

746 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 55. С. 366.

747 *Харитонов М. М.* Из воспоминаний // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 10 т. Т. 4. М., 1990. С. 54–57.

748 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 49. С. 192–193.

749 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 376, 377; Т. 49. С. 222; Т. 27. С. 290.

750 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 49. С. 225, 230–231.

751 *Покровский М. Н.* Как рождался «Империализм» // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4. С. 104.

752 *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. М., 2019. С. 232.

753 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 213–214.

754 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 49. С. 263–264.

755 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 219.

756 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 49. С. 269; Т. 55. С. 365.

757 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 30. С. 133.

758 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 214.

759 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 196.

760 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 49. С. 301.

761 *Шляпников А.* Канун семнадцатого года. М., 1923. Ч. I. С. 247–248; Ч. II. С. 71.

762 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 49. С. 315–318.

763 *Харитонов М. М.* Из воспоминаний. С. 59.

764 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 49. С. 338–339, 340–341.

Глава 4

765 *Харитонов М. М.* Из воспоминаний // Воспоминания о

Владимире Ильиче Ленине. Т. 4. М., 1990. С. 62.

766 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 30. С. 328.

767 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 49. С. 383, 387, 390, 391, 397; Т. 55. С. 363.

768 Статистический ежегодник России. 1914 г. Пг., 1915. С. 61.

769 *Вишневский А. Г.* Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 12, 13.

770 *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки. М., 1956. С. 293, 295.

771 *Петров Ю. А.* Российская экономика в начале XX века // Россия в начале XX века. М., 2002. С. 170.

772 Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. N.Y., 1987. P. 202.

773 Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. М., 2001. С. 65.

774 *Керсновский А. А.* История Русской Армии. М., 1999. С. 712.

775 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 36. С. 3.

776 *Каюров Ю.* Шесть дней Февральской революции // Пролетарская революция. 1923. № 1. С. 167; О дате манифеста ЦК РСДРП «Ко всем гражданам» // Исторический архив. 1956. № 5. С. 148; Минц И. И. История Великого Октября. Т. 1. С. 544.

777 Известия. 1917. 28 февраля. Прибавление к № 1.

778 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 49. С. 412, 398.

779 Дневники императора Николая II. М., 1992. С. 625.

780 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. М., 1989. С. 220–221.

781 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 49. С. 399.

782 *Харитонов М. М.* Из воспоминаний. С. 63.

783 *Зиновьев Г. Е.* Приезд В. И. Ленина в Россию // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4. С. 123–124.

784 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 49. С. 399–400, 402.

785 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 31. С. 7, 16, 30.

786 *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 6. М., 1947. С. 333.

787 *Харитонов М. М.* Из воспоминаний // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 10 т. Т. 4. М., 1990. С. 63.

788 Воспоминания о Ленине. Т. 1. С. 434.

789 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 49. С. 404.

790 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 2017. С. 209, 210.

791 *Зиновьев Г. Е.* Приезд В. И. Ленина в Россию. С. 124.

792 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 49. С. 406.

793 Тайна Октябрьского переворота. Ленин и немецко-

большевистский заговор. Документы, статьи, воспоминания. СПб., 2001. С. 302–303.

794 *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918. М., 2005. С. 513.

795 Тайна Октябрьского переворота. Ленин и немецко-большевистский заговор. С. 303, 304.

796 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 49. С. 428–429, 417; Т. 31. С. 73, 75.

797 1917: Частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. М., 2005. С. 143, 145–146.

798 *Шляпников А. Г.* Приезд В. И. Ленина в Россию в 1917 году // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4. С. 116; *Логинов В. Т.* Ленин в 1917 году. На грани возможного. М., 2016. С. 58.

799 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 49; С. 424; Т. 31. С. 83–84.

800 *Логинов В. Т.* Ленин в 1917 году. С. 60, 61.

801 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 49. С. 427, 424–425.

802 *Соболев Г. Л.* Тайна «немецкого золота». СПб.; М., 2003. С. 65.

803 1917: Частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. С. 148–149.

804 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 31. С. 120.

805 *Логинов В. Т.* Ленин в 1917 году. С. 64–65.

806 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 49. С. 428–429.

807 *Молотов В. М.* О Владимире Ильиче Ленине (к 90–летию со дня рождения (рукопись)) // ЛАМ. П. 24. Док. 1. Ч. 2. Л. 5.

808 *Шляпников А. Г.* Приезд В. И. Ленина в Россию в 1917 году. С. 116–117.

809 В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. М., 1973. С. 36, 38.

810 *Шиссер Г., Трауптман Й.* Русская рулетка: немецкие деньги для русской революции. М., 2004. С. 101, 99.

811 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 226, 227.

812 *Сулиашвили Д. С.* Из Швейцарии в Петроград вместе с Лениным // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4. С. 141.

813 *Радек К. Б.* В «пломбированном вагоне» // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4. С. 109.

814 *Логинов В. Т.* Ленин в 1917 году. С. 67–71.

815 *Харитонов М. М.* Из воспоминаний. С. 68

816 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 227.

817 *Силаева М. Н.* «Необходимость не знает законов». (Документы МИД Германской империи о «подрывной деятельности» на территории России во время Великой войны) // Первая мировая война. Исследования. Документы. М., 2014. С.

292.

818 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 31. С. 535.

819 *Сулиашвили Д. С.* Из Швейцарии в Петроград вместе с Лениным. С. 142.

820 *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. М., 1990. С. 131, 139.

821 В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. С. 46–47.

822 *Сулиашвили Д. С.* Из Швейцарии в Петроград вместе с Лениным. С. 142.

823 *Радек К. Б.* В «пломбированном вагоне». С. 111.

824 *Зиновьев Г. Е.* Приезд В. И. Ленина в Россию. С. 125.

825 *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 153.

826 *Логинов В. Т.* Ленин в 1917 году. С. 79, 80.

827 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 49. С. 434.

828 *Зиновьев Г. Е.* Приезд В. И. Ленина в Россию. С. 126.

829 *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте. М., 1993. С. 159.

830 *Шляпников А.* Семнадцатый год. Кн. 3. М., 1927. С. 74–75.

831 *Головин Н. Н.* Военные усилия России в мировой войне. Т. 2. Париж., 1939. С. 192.

832 *Подвойский Н. И.* Приезд Ленина // Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. М., 1957. С. 19–21.

833 *Афанасьев А. М.* Встреча на станции Белоостров // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4. С. 157.

834 *Ульянова М. И.* Приезд В. И. Ленина в Россию в 1917 году // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. М., 1989. С. 238.

835 *Шляпников А. Г.* Приезд В. И. Ленина в Россию в 1917 году. С. 119.

836 *Раскольников Ф. Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. М.; Л., 1925. С. 54.

837 *Солженицын А.* И. Царь. Столыпин. Ленин: Из «Красного колеса». М.; Екатеринбург, 2008. С. 334.

838 *Суханов Н. Н.* Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. М., 1991. С. 6–7.

839 *Подвойский Н. И.* Год 1917. М., 1958. С. 10.

840 *Молотов В. М.* О Владимире Ильиче Ленине (к 90-летию со дня рождения (рукопись). С. 6–7.

841 *Суханов Н.* Записки о революции. Т. 3. Берлин; СПб.; М., 1922. С. 27

842 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 229.

843 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 31. С. 113, 106.

844 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. М., 1957. С. 282.

845 *Драбкина Ф. И.* Всероссийское совещание большевиков в марте 1917 года // Вопросы истории. 1956. № 9. С. 16.

846 *Подвойский Н. И.* Приезд Ленина. С. 30.

847 *Драбкина Ф. И.* Приезд товарища Ленина и апрельское совещание представителей большевистских организаций // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4. С. 174.

848 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 31. С. 117.

849 *Шляпников А. Г.* Приезд В. И. Ленина в Россию в 1917 году. С. 121–123.

850 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 231–232, 235.

851 *Уорт Р.* Антанта и русская революция. 1917–1918. М., 2006. С. 54.

852 *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М.; Пг., 1923. С. 429, 432.

853 *Уорт Р.* Антанта и русская революция. 1917–1918. С. 54.

854 Петроградская газета. 1917. 9 июля, № 158.

855 *Данилкин Л.* Ленин. Пантократор солнечных пылинок. М., 2017. С. 496, 509.

856 *Ульянова-Елизарова А. И.* Речь на вечере воспоминаний «Ленин и октябрь» // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 79.

857 *Самойлов Ф. Н.* Из воспоминаний (1914–1917) // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4. С. 35.

858 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 31. С. 141–142, 145, 147; Т. 49. С. 436, 437.

859 *Сулимова М. Л.* О событиях 1917 года // Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. С. 116–117.

860 *Невский В.* Герой Октября // Немеркнущие годы. Очерки и воспоминания о Красном Петрограде: 1917–1919. Л., 1957. С. 19–20.

861 Цит. по: *Кара-Мурза А.А., Поляков Л. В.* Русские о большевизме. СПб., 1999. С. 32.

862 *Войтинский В. С.* 1917–й. Год побед и поражений. М., 1999. С. 77.

863 *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 6. С. 334.

864 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 31. С. 240–241, 244, 250.

865 *Бенуа А. Н.* Дневник 1916–1918 гг. М., 2006. С. 276–277.

866 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 31. С. 297, 361.

867 *Ульянова М. И.* О В. И. Ленине и семье Ульяновых. Воспоминания. Очерки. Письма. М., 1989. С. 92.

868 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 36. С. 3.

869 *Костеловская М. М.* По поручению московских

большевиков // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4. С. 161–162.

870 *Андреев А. А.* О Владимире Ильиче Ленине // Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. С. 8–9.

871 *Гопнер С. И.* Апрельская конференция // Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. С. 51–52.

872 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 31. С. 362, 363, 345, 346, 403–404, 405.

873 История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 181.

874 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 31. С. 426–427.

875 *Милюков П. Н.* История второй русской революции. М., 2001. С. 54.

876 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 32. С. 2–3, 174, 175, 176.

877 *Сорокин П. А.* Дальняя дорога. Автобиография // Великая русская революция глазами интеллектуалов. М., 2015. С. 20.

878 Первый всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Т. 1. М., 1930. С. 65.

879 *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. СПб., 2000. С. 383–384.

880 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 32. С. 267–268, 286–287.

881 *Керенский А. Ф.* Русская революция 1917. М., 2005. С. 200–201.

882 *Войтинский В. С.* 1917-й. Год побед и поражений. С. 145.

883 *Керенский А. Ф.* Русская революция 1917. С. 201.

884 *Троцкий Л. Д.* История русской революции. Т. 1. М., 1997. С. 421.

885 *Войтинский В. С.* 1917-й. Год побед и поражений. С. 147.

886 Первый легальный ПК большевиков в 1917 г. М., 1927. С. 154.

887 *Подвойский Н. Ч.* Год 1917. С. 59.

888 *Троцкий Л. Д.* История русской революции. Т. 1. С. 430–431.

889 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 32. С. 360, 370, 371, 341, 342.

890 Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. М., 1958. С. 17–18.

891 Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. М., 1959. С. 39.

892 *Подвойский Н. И.* Год 1917. С. 62–63.

893 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 34. С. 23–24.

894 *Троцкий Л. Д.* История русской революции. Т. 2. Ч. 1. М., 1997. С. 45.

895 *Раскольников Ф. Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. С. 129, 130–131.

896 *Никитин Б. В.* Роковые годы. Новые показания участника. М., 2007. С. 179.

897 *Зиновьев Г. Е.* Ленин в июльские дни // Пролетарская революция. 1927. № 8/9. С. 62, 70.

898 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 34. С. 244.

899 *Покровский Г. И.* В. И. Ленин нас всегда учил быть с народом // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4. С. 97.

900 *Логинов В. Г.* Ленин в 1917 году. С. 211.

901 *Покровский Г. И.* В. И. Ленин нас всегда учил быть с народом. С. 97.

902 *Зиновьев Г. Е.* Ленин в июльские дни. С. 62–63.

903 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 49. С. 438–439.

904 История Всероссийской Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. С. 188.

905 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Кн. 1. Т. 1. М., 2015. С. 400–401.

906 *Никитин Б. В.* Роковые годы. С. 142–143, 148–150.

907 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 34. С. 6.

908 *Соболев Г. Л.* Тайна «немецкого золота». С. 185, 186.

909 *Ляндрес С.* Новые документы о финансовых субсидиях большевикам в 1917 г. // Отечественная история. 1993. № 2. С. 128–143.

910 *Никитин Б. В.* Роковые годы. С. 150–151.

911 *Данилкин Л.* Ленин. С. 528–529.

912 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 32. С. 413.

913 *Ульянова М. И.* Подполье в «свободной» России // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 239.

914 *Сулимова М. Л.* О событиях 1917 года. С. 118, 119.

915 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 32. С. 414–415.

916 *Зиновьев Г. Е.* Ленин в июльские дни. С. 63.

917 *Троцкий Л. Д.* История русской революции. Т. 2. Ч. 1. С. 92.

918 Цит. по: *Ахун М., Петров В.* 1917 год в Петрограде. Л., 1933. С. 67.

919 *Флеровский И. П.* На путях к Октябрю // Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. С. 97.

920 *Сулимова М. Л.* О событиях 1917 года. С. 120.

921 *Сулимова М. Л.* Июльские дни // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4. С. 232.

922 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 49. С. 444.

923 *Фофанова М. В.* В. И. Ленин на Выборгской стороне в 1917 году // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4. С. 297.

924 *Аллилуев С. Я.* Мои воспоминания // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4. С. 235.

925 *Подвойский Н. И.* Год 1917. С. 71; *Логинов В. Г.* В. Ленин в 1917 году. С. 214; *Полетаев М. Н.* В июльские дни // Петроградская правда. 1924. 27 января.

926 Цит. по: *Милюков П. Н.* История второй русской революции. М., 2001. С. 247.

927 *Ульянова-Елизарова А. И.* Речь на вечере воспоминаний «Ленин и Октябрь». С. 80.

928 *Ульянова М. И.* Подполье в «свободной» России. С. 240–241.

929 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 242.

930 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 49. С. 445.

931 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 241.

932 *Орджоникидзе Г. К.* Ильич в июльские дни // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4. С. 240–241.

933 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 34. С. 8, 9.

934 *Емельянов Н. А.* В. И. Ленин в Разливе // Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. С. 124.

935 *Логинов В. Г.* Ленин в 1917 году. С. 223; *Данилкин Л.* Ленин. С. 535.

936 *Зиновьев Г. Е.* В шалаше // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 10 т. Т. 4. М., 1990. С. 133, 134.

937 *Шотман А.* Ленин в подполье // Немеркнущие годы. С. 37–38.

938 *Зиновьев Г. Е.* В шалаше // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 10 т. Т. 4. М., 1990. С. 134, 135, 136.

939 *Логинов В. Г.* Ленин в 1917 году. С. 224–225.

940 *Никитин Б. В.* Роковые годы. С. 208.

941 Новая Жизнь. 1917. 9 июля. № 70.

942 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 34. С. 1, 2, 5.

943 *Совокин А. М.* Расширенное совещание ЦК РСДРП(б), 13–14 июля 1917 г. // Вопросы истории КПСС. 1959. № 4. С. 132.

944 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 34. С. 10, 12–13, 14, 17.

945 Петроградская Газета. 1917. 28 июля, № 174.

946 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 34. С. 49, 52.

947 Шестой съезд РСДРП (большевиков). С. 243.

948 *Лещенко Д. И.* Как я снимал Ленина в подполье // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4. С. 245.

949 *Ялава Г. Э.* Две встречи с Ильичем на паровозе // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4. С. 257.

950 *Шотман А.* Ленин в подполье. С. 40–46.

951 *Куусела К.* Как артист маскировал Ленина // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4. С. 275–276.

952 *Ровио Г. С.* Как Ленин скрывался у Гельсингфорсского «полицмейстера» // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 10 т. Т. 4. М., 1990. С. 277–281.

953 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 10 т. Т. 2. М., 1989. С. 244–245.

954 *Данилкин Л.* Ленин. С. 516–517.

955 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 34. С. 48, 33–35, 37, 108–110, 114–115.

956 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. М., 2017. С. 197.

957 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 34. С. 119–121.

958 *Милюков П. Н.* История второй русской революции. С. 456.

959 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 34. С. 147.

960 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. С. 198.

961 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 34. С. 239–241, 242–243,247.

962 *Ровио Г. С.* Как Ленин скрывался у Гельсингфорсского «полицмейстера». С. 281–282.

963 *Шотман А.* Ленин в подполье. С. 47.

964 Московский листок. 1917. 14 сентября. № 208.

965 *Троцкий Л. Д.* История русской революции. Т. 2. Ч. 1. С. 298.

966 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 34. С. 253, 260, 262, 231, 232, 234, 237–238, 263–265.

967 *Палей О.*, княгиня. Воспоминания о России. М., 2005. С. 66, 54.

968 Разложение армии в 1917 г. М.; Л., 1925. С. 143.

969 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 40. С. 9–10; Т. 34. С. 342.

970 Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). Август 1917 – февраль 1918. М., 1958. С. 76.

971 Русская воля. Вечерний выпуск. 1917. 23 сентября. № 227.

972 Речь. 1917. 16 сентября, № 218.

973 *Ялава Г. Э.* Две встречи с Ильичем на паровозе. С. 258.

974 *Данилкин Л.* Ленин. С. 542.

975 *Шотман А. В.* Подготовка восстания // Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник

воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. С. 168.

976 История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. С. 196.

977 *Латукка Ю.* Ленин в подполье в Финляндии // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4. С. 287.

978 *Фофанова М. В.* В. И. Ленин на Выборгской стороне в 1917 году // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 10 т. Т. 4. М., 1990. С. 299–300; *Данилкин Л.* Ленин. С. 542–543, 546.

979 *Фофанова М. В.* В. И. Ленин на Выборгской стороне в 1917 году. С. 299, 300.

980 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 34. С. 290–291, 303, 310–311, 274–275, 278, 279, 280–282, 340–341.

981 Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). С. 74.

982 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 34. С. 350.

983 *Пятницкий И. А.* Из моей работы в Московском комитете // Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. С. 372.

984 Очерки истории Московской организации КПСС. 1883–1965. М., 1966. С. 268–269.

985 *Фофанова М. В.* В. И. Ленин на Выборгской стороне в 1917 году. С. 301.

986 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 34. С. 383, 384, 390.

987 *Суханов Н.* Записки о революции. Кн. VII. Берлин; Пг.; М., 1923. С. 33.

988 *Сокольников Г. Я.* Ленин в Октябре // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4. С. 310.

989 *Троцкий Л. Д.* К истории русской революции. М., 1990. С. 353.

990 Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). С. 83–84.

991 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 34. С. 391–392.

992 Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). С. 85, 86.

993 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 34. С. 393.

994 *Коллонтай А. М.* Из моей жизни и работы. М., 1974. С. 313.

995 Рабочий путь. 1917. 13 октября, № 35.

996 *Фофанова М. В.* В. И. Ленин на Выборгской стороне в 1917 году. С. 301–302.

997 *Лацис М. И.* Из октябрьских воспоминаний // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4. С. 306–307.

998 *Шотман А. В.* Подготовка восстания. С. 169–171.

999 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 34. С. 394, 395.

1000 Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). С. 94–

103.

1001 *Иоффе А. А.* Канун Октября: Заседание в «Лесном» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 203.

1002 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 34. С. 397.

1003 Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). С. 104.

1004 *Фофанова М. В.* В. И. Ленин на Выборгской стороне в 1917 году. С. 302.

1005 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 34. С. 398–399, 403, 405.

1006 *Фофанова М.* В. В. И. Ленин на Выборгской стороне в 1917 году. С. 302.

1007 *Антонов-Овсеенко В.А.* В семнадцатом году. М., 2017. С. 307.

1008 *Подвойский Н. И.* Ленин в Октябре. С. 280–281, 286.

1009 *Антонов-Овсеенко В. А.* В семнадцатом году. С. 308.

1010 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 34. С. 419, 420, 422.

1011 1917: Частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. С. 277.

1012 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 34. С. 425, 426, 427.

1013 Новая жизнь. 1917. 20 октября, № 158.

1014 *Набоков В. Д.* Временное правительство. (Воспоминания). М., 1991. С. 37.

1015 *Минц И. И.* История Великого Октября. Т. 2. М., 1968. С. 971.

1016 История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. Кн. 1. С. 256.

1017 *Минц И. И.* История Великого Октября. Т. 2. С. 990.

1018 *Ленин В.* И. ПСС. Т. 34. С. 434.

1019 *Подвойский Н. И.* Год 1917. С. 120–121, 124–125.

1020 Воспоминания о Ленине. Т. 2. М., 1969. С. 447, 448.

1021 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 34. С. 435–436.

1022 Воспоминания о Ленине. Т. 2. С. 448.

1023 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 49. С. 453.

1024 *Рахья Э. А.* Мои воспоминания о Владимире Ильиче // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4. С. 293–294; Последнее подполье Ильича. Воспоминания. М., 1934. С. 88–91; Логинов В. Ленин в 1917 году. С. 488–490; *Данилкин Л.* Ленин. С. 552–555.

1025 *Рахья Э. А.* Мои воспоминания о Владимире Ильиче. С. 294.

1026 *Троцкий Л. Д.* О Ленине. М., 1924. С. 74–75; Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 56.

1027 Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 56; Последнее подполье Ильича. Воспоминания. М., 1934. С. 91*; Рахья Э. А.* Мои воспоминания о Владимире Ильиче. С. 294–295.

1028 Последнее подполье Ильича. С. 92; Милютин В. П. О Ленине. М., 1924. С. 4–5.

1029 *Сталин И. В*. Сочинения. Т. 4. С. 317–318.

1030 *Подвойский Н. И*. Год 1917. С. 128.

1031 *Ленин В. И*. ПСС. Т. 35. С. 546.

1032 *Каменев Л. Б*. Как произошла организация первого в мире рабоче-крестьянского правительства // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. М., 1990. С. 13–14.

1033 О собрании: *Милютин В. П*. О Ленине.; Ломов Г. В дни бури и натиска // Пролетарская революция. 1927. № 10. С. 171–172; *Луначарский А. В*. О Владимире Ильиче. М., 1933. С. 25; *Молотов В. М*. О Владимире Ильиче Ленине (К 90–летию со дня рождения) // ЛАМ. П. 24. Д. 1. Ч. 2. Л. 13–14; *Луцкий Е. А*. Заседание ЦК РСДРП(б) ночью 25–26 октября 1917 г. // Вопросы истории КПСС. 1986. № 11. С. 84–136; *Логинов В*. Ленин в 1917 году. С. 500–507.

1034 *Милютин В. П*. Страницы из дневника о Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 22–23.

1035 РКП(б): внутрипартийная борьба в двадцатые годы. М., 2004. С. 249.

1036 *Луначарский А. В*. Смольный в великую ночь // Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. С. 300–301.

1037 *Троцкий Л. Д*. Моя жизнь. С. 208.

1038 *Подвойский Н. И*. Ленин в Октябре. С. 288.

1039 *Суханов Н*. Записки о революции. Т. 3. Кн. 7. С. 320.

1040 *Мельгунов С. П*. Как большевики захватили власть. Октябрьский переворот 1917 года. «Золотой немецкий ключ» к большевистской революции. М., 2005. С. 167.

1041 *Уралов С. Г*. Из воспоминаний участника Великого Октября // Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. С. 262–263.

1042 *Бонч-Бруевич В. Д*. На боевых постах Февральской и Октябрьской революции. М., 1930. С. 130.

1043 *Ленин В. И*. ПСС. Т. 35. С. 1.

1044 *Логинов В*. Ленин в 1917 году. С. 511.

1045 *Ленин В. И*. ПСС. Т. 35. С. 1.

1046 *Троцкий Л. Д*. История русской революции. Октябрьская революция. М., 2017. С. 233–235.

1047 Известия. 1917. 26 октября, № 207.

1048 *Троцкий Л. Д*. Моя жизнь. С. 202.

1049 Известия. 1917. 26 октября, № 207.

1050 *Ленин В.И.* ПСС. Т. 35. С. 2, 3.

1051 *Бонч-Бруевич В. Д.* Из воспоминаний и Владимире Ильиче // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4. С. 325–326.

1052 Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. М.; Л., 1928. С. 32.

1053 *Рид Дж.* Избранное. Кн. 1. Десять дней, которые потрясли мир; Восставшая Мексика. М., 1987. С. 126.

1054 *Бонч-Бруевич В. Д.* Как Владимир Ильич писал Декрет о земле // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. М., 1956. С. 544.

1055 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 546.

1056 *Минц И. И.* История Великого Октября. Т. 2. С. 1110–1111.

1057 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 258.

1058 Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. С. 171.

1059 Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. С. 57; Рабочий и солдат. 1917. 26 октября, № 9; Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1917. 28 октября, № 1.

1060 *Рид Дж.* Избранное. Кн. 1. С. 146.

1061 *Вильямс А. Р.* Путешествие в революцию. М., 1977. С. 105.

1062 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 13, 17, 18.

1063 *Стеклов Ю. М.* В этот день // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 30.

1064 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 24, 27.

1065 Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. С. 83.

1066 *Троцкий Л. Д.* История русской революции. Октябрьская революция. С. 317–322.

1067 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 28.

1068 Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. С. 92.

1069 *Зиновьев Г. Е.* Ленин. Харьков, 1920. С. 38.

1070 *Вернадский Г. В.* Ленин – красный диктатор. М., 1998. С. 297.

Глава 5

1071 *Аксельрод П. Б.* Кто изменил социализму? (Большевизм и социальная демократия в России // *Аксельрод П. Б., Мартов Ю. О., Потресов А. Н.* О революции и социализме. М., 2010. С. 478–479, 474–475.

1072 *Парвус А.* В борьбе за правду. М., 2017. С. 109.

1073 *Валентинов Н.* Недорисованный потрет… – М., 1993. С.

535.

1074 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 49. С. 378.

1075 *Черчилль У.* Мировой кризис. Последствия. М., 2014. С. 64–65.

1076 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 34. С. 159, 156, 161, 192–193.

1077 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 39. С. 73. Т. 36. С. 51; Т. 33. С. 83.

1078 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 39. С. 15.

1079 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 37. С. 251, 76; Т. 35. С. 280. Т. 39. С. 82.

1080 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 36. С. 204, 72, 73; Т. 37. С. 257, 501, 267; Т. 33. С. 44, 82.

1081 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 41. С. 375, 16; Т. 37. С. 104, 245; Т. 40. С. 27.

1082 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 36. С. 65, 66; Т. 33. С. 92.

1083 *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 18. С. 221.

1084 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 33. С. 93, 101; Т. 39. С. 279, 15.

1085 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 40. С. 34; Т. 33. С. 99; Т. 41. С. 165.

1086 *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 22. С. 238–239.

1087 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 33. С. 53; Т. 48. С. 234–235; Т. 41. С. 55.

1088 *Фишер Л.* Жизнь Ленина. Т. 1. М., 1997. С. 313.

1089 *Троцкий Л. Д.* К истории русской революции. М., 1990. С. 218.

1090 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. М., 1957. С. 332–333.

1091 *Улам А. Б.* Большевики. Причины и последствия переворота 1917 года. М., 2004. С. 352.

1092 *Бричкина С. Б.* Малое о великом // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленина. Т. 6. М., 1990. С. 100.

1093 *Мальков П. Д.* Записки коменданта Кремля // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. М., 1990. С. 146.

1094 *Скрыпник М. Н.* Крестьяне-ходоки у Ильича в Смольном // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 148–149.

1095 *Минц И. И.* История Великого Октября. Т. 3. М., 1973. С. 106.

1096 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 547.

1097 *Пестковский С. С.* Об октябрьских днях в Питере // Утро Страны Советов. Л., 1988. С. 156.

1098 *Суханов Н.* Записки о революции. Кн. VII. Берлин; Пг.; М., 1923. С. 285.

1099 *Подвойский Н. И.* Год 1917. М., 1958. С. 154.

1100 *Станкевич В. Б.* Воспоминания. 1914–1919. М., 1994. С. 145–146.

1101 *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте.

Мемуары. М., 1993. С. 314.

1102 *Краснов П. Н.* Атаман. Воспоминания. М., 2006. С. 380.

1103 *Керенский А. Ф.* Гатчина // Октябрьская революция. Мемуары. М., 1991. С. 200.

1104 *Рысс П. Я.* Русский опыт. Историко-психологический очерк русской революции. М., 2017. С. 124.

1105 *Минц И. И.* История Великого Октября. Т. 3. М., 1973. С. 262, 263, 244.

1106 *Бунин И. А.* Окаянные дни. Повести. Рассказы. Воспоминания. М., 2006. С. 46.

1107 Московский Военно-революционный комитет. М., 1968. С. 165.

1108 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 44. С. 30.

1109 *Дикгоф-Деренталь А.* Силуэты Октябрьского переворота // Пережитое. В год революции. Кн. 1. М., 1918. С. 54.

1110 *Троцкий Л. Д.* К истории русской революции. С. 372.

1111 *Глобачев К. И.* Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009. С. 169.

1112 *Рид Дж.* Контрреволюция // Утро страны Советов. С. 88.

1113 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 37, 43.

1114 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 2017. С. 215–217.

1115 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 44–45,47–49, 50.

1116 Протоколы Центрального комитета РСДРП (б). Август 1917 – февраль 1918. М., 1958. С. 135.

1117 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 56–57, 54–55.

1118 *Бухарин Н.* На подступах к Октябрю. М.; Л., 1926. С. 170.

1119 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 70–71, 74, 75.

1120 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. М., 1989. С. 266.

1121 Стенограмма заседаний Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Т. 1. М., 2007. С. 683.

1122 *Логинов В. Т.* Ленин. Полная биография. М., 2018. С. 616.

1123 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 87.

1124 Известия. 1917. 10 ноября. № 221.

1125 Декреты Октябрьской революции. Правительственные акты, подписанные или утвержденные Лениным как председателем Совнаркома. Т. I. М., 1933. С. 58.

1126 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 82.

1127 История Гражданской войны с СССР. Т. 2. М., 1947. С. 499.

1128 *Логинов В. Т.* Ленин. Полная биография. С. 617–618.

1129 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 274; Т. 40. С. 254.

1130 *Горбунов Н. П.* Как создавался в октябрьские дни рабочий аппарат Совета Народных Комиссаров // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 122–123.

1131 *Коллонтай А. М.* Первые дни Наркомсобеса // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 110.

1132 *Горбунов Н. П.* Как создавался в октябрьские дни рабочий аппарат. С. 123, 125.

1133 *Кокшарова Е. К.* В. И. Ленин в Совнаркоме в 1917 году // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 131–135.

1134 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. М., 2017. С. 211–212.

1135 *Кокшарова Е. К.* В. И. Ленин в Совнаркоме в 1917 году. С. 134–135.

1136 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 42. С. 205.

1137 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 105, 218.

1138 *Шубин А. В.* Старт Страны Советов. Революция. Октябрь 1917 – март 1918. СПб., 2017. С. 109, 120.

1139 *Пестковский С. С.* Об октябрьских днях в Питере. С. 157–158.

1140 *Боголепов Д. П.* Воспоминания о В. И. Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 104.

1141 *Горбунов Н. П.* Как создавался в октябрьские дни рабочий аппарат. С. 126–127.

1142 *Шляпников А. Г.* Октябрь // Утро Страны Советов. С. 126–128, 130–131.

1143 Декреты Октябрьской революции. Т. 1. С. 76–77.

1144 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 283, 333.

1145 *Рид Дж.* Десять дней, которые потрясли мир. СПб., 2014. С. 360.

1146 *Мстиславский С. Д.* Записи о Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 161–162.

1147 *Рид Дж.* Десять дней, которые потрясли мир. С. 362–363.

1148 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 95.

1149 *Рид Дж.* Десять дней, которые потрясли мир. С. 372, 374–377.

1150 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 102.

1151 *Логинов В. Т.* Ленин. Полная биография. С. 618–619.

1152 *Свердлов Я. М.* Избранные статьи и речи. 1917–1919. М., 1944. С. 58, 56.

1153 *Троцкий Л. Д.* Сталин. М., 2019. С. 461.

1154 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 128.

1155 *Троцкий Л. Д.* История русской революции. Т. 2. Ч. 1. М., 1997. С. 40.

1156 *Луначарский А., Радек К., Троцкий Л.* Силуэты: политические портреты. М., 1991. С. 320–321, 323.

1157 *Волкогонов Д. А.* Ленин. Жрец террора. М., 2018. С. 11.

1158 *Адоратский В. В.* За восемнадцать лет (Встречи с Владимиром Ильичем) // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. М., 1989. С. 141.

1159 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 43. С. 192; Т. 36. С. 162–163.

1160 Декреты Октябрьской революции. Т. 1. С. 154.

1161 Декреты советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 124–126.

1162 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 36. С. 163; Т. 38. С. 115, 169.

1163 *Лацис М. Я.* Возникновение Народного комиссариата внутренних дел и организация власти на местах // Утро страны Советов. С. 213–214.

1164 Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. М., 1996. С. 216.

1165 *Лацис М. Я.* Возникновение Народного комиссариата внутренних дел. С. 214–215, 221, 233.

1166 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 156.

1167 *Петерс Я. Х.* Из воспоминаний о работе в ВЧК в первый год революции // Утро Страны Советов. С. 251.

1168 *Линдер И. Б., Чуркин С. А.* Спецслужбы России за 1000 лет. М., 2012. С. 558.

1169 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 388, 390; Т. 50. С. 7, 8.

1170 *Лацис М. Я.* Возникновение Народного комиссариата внутренних дел. С. 236–237.

1171 *Воеводин П. И.* 20 лет работы в большевистских организациях и встреча с тов. Лениным // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 240.

1172 *Фишер Л.* Жизнь Ленина. Т. 1. С. 208.

1173 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 381–382; Т. 50. С. 14. Т. 40. С. 17; Т. 37. С. 278, 280.

1174 Декреты Октябрьской революции. Т. 1. С. 215–218, 213.

1175 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 135, 137, 140, 162–166.

1176 *Коллонтай А. М.* Ленин думал о большом и не забывал о малом // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 112–113.

1177 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 204, 202.

1178 *Мальков П. Д.* Записки коменданта Кремля. С. 147.

1179 *Ульянова М. И.* О В. И. Ленине и семье Ульяновых: Воспоминания. Очерки. Письма. М., 1989. С. 106.

1180 *Мальков П. Д.* Записки коменданта Кремля. С. 148.

1181 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 221–223, 226.

1182 *Святицкий Н.* 5–6 января 1918 года // Утро Страны Советов. С. 384–385.

1183 *Дыбенко П. Е.* Из недр царского флота к Великому Октябрю. М., 2018. С. 189.

1184 *Святицкий Н.* 5–6 января 1918 года. С. 386–387.

1185 *Шубин А. В.* 1918 год. Революция, кровью омытая. М., 2019. С. 8–9.

1186 *Раскольников Ф. Ф.* Рассказ о потерянном дне // Утро Страны Советов. С. 309.

1187 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 284.

1188 *Бонч-Бруевич В. Д.* Воспоминания о Ленине. 1917–1924. М., 1930. С. 137.

1189 *Раскольников Ф. Ф.* Рассказ о потерянном дне. С. 310–311.

1190 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 284.

1191 *Вишняк М. В.* Всероссийское Учредительное Собрание. М., 2010. С. 191.

1192 *Святицкий Н.* 5–6 января 1918 года. С. 388.

1193 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 286.

1194 *Кедров М.* С. Из красной тетради об Ильиче // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 171–172.

1195 *Вишняк М. В.* Всероссийское Учредительное Собрание. С. 191.

1196 *Бонч-Бруевич В. Д.* На боевых постах Февральской и Октябрьской революции. М., 1930. С. 256.

1197 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 231.

1198 *Раскольников Ф. Ф.* Рассказ о потерянном дне. С. 314–315.

1199 *Вишняк М. В.* Всероссийское Учредительное Собрание. С. 192.

1200 *Святицкий Н.* 5–6 января 1918 года. С. 388–389.

1201 *Вишняк М. В.* Всероссийское Учредительное Собрание. М., 2010. С. 193, 197.

1202 *Святицкий Н.* 5–6 января 1918 года. С. 390.

1203 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 229.

1204 *Святицкий Н.* 5–6 января 1918 года. С. 390.

1205 *Мясников А. Ф.* Мои встречи с товарищем Лениным // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленина. Т. 6. С. 32.

1206 *Раскольников Ф. Ф.* Рассказ о потерянном дне. С. 319–320.

1207 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 227–228.

1208 *Раскольников Ф. Ф.* Рассказ о потерянном дне // Утро Страны Советов. / Сост. М. П. Ирошников. Л., 1988. С. 320–321.

1209 *Святицкий Н.* 5–6 января 1918 года. С. 392–393.

1210 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 241, 240.

1211 Декреты Октябрьской революции. Т. 1. С. 443.

1212 *Раскольников Ф. Ф.* Рассказ о потерянном дне. С. 322.

1213 *Улам А. Б.* Большевики. С. 363.

1214 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 280.

1215 *Шубин А. В.* 1918 год. Революция, кровью омытая. С. 14–15.

1216 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 285.

1217 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 32. С. 7.

1218 *Миллер А.* Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 191.

1219 Декреты Октябрьской революции. Т. 1. С. 28–30.

1220 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 115, 288, 289–290; Т. 40. 43–44.

1221 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 116.

1222 *Жуков Ю. Н.* Первое поражение Сталина. 1917–1922 годы. От Российской империи к СССР. М., 2011. С. 124–142.

1223 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 222.

1224 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 143–145.

1225 Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 – март 1918. М., 2006. С. 84, 89.

1226 *Идман К.* Из воспоминаний финского министра // Утро Страны Советов. С. 378–381.

1227 Декреты советской власти. Т. 1. С. 250.

1228 *Идман К.* Из воспоминаний финского министра. С. 381–382.

1229 *Маннергейм К. Г.* Мемуары. М., 2000.

1230 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 288, 322.

1231 Мирные переговоры в Брест-Литовске. Т. 1. М., 1920. С. 31.

1232 Стати В. История Молдовы. Кишинев, 2003. С. 243.

1233 *Микоян А. И.* Так было. Размышления о минувшем. М., 2014. С. 73–74.

1234 Декреты Октябрьской революции. Т. 1. С. 135.

1235 *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 4. С. 32–35; Декреты советской власти. Т. 1. С. 66.

1236 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 36. С. 151.

1237 *Садуль Ж.* Записки о большевистской революции (октябрь 1917 – январь 1919). М., 1990. С. 146.

1238 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 42. С. 278.

1239 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. М., 2017. С. 211.

1240 *Сорокин П.* Социология революции. М., 2005. С. 475.

1241 *Ларин Ю.* Государственный капитализм военного времени в Германии (1914–1918 гг.). М.; Л., 1928. С. 234.

1242 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 147; Т. 44. С. 50.

1243 *Молотов В. М.* Перед новыми задачами (рукопись) //

ЛАМ. П. 22. Док. 6. Л. 25.

1244 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 273–274, 30.

1245 *Лозовский С. А.* Отрывки из воспоминаний // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 59.

1246 *Цыперович Г. В.* Воспоминания о Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 53.

1247 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 38. С. 141, 140.

1248 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 123.

1249 *Минц И. И.* История Великого Октября. Т. 3. С. 828.

1250 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 134.

1251 *Пайпс Р.* Русская революция. Ч. 2. М., 1994. С. 375.

1252 *Осинский Н.* Из первых дней Высшего Совета народного хозяйства // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 49–50.

1253 *Ломов И. Г.* Как мы начали строить // Утро Страны Советов. С. 258, 260, 261, 262.

1254 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 38. С. 361.

1255 *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 22. С. 518, 520, 523; *Ленин В. И.* ПСС. Т. 37. С. 208–209.

1256 *Данилкин Л.* Ленин. Пантократор солнечных пылинок. М., 2017. С. 678.

1257 *Шлихтер А. Г.* У Ильича // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 143.

1258 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 37. С. 179.

1259 *Литошенко Л. Н.* Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. С. 192, 199.

1260 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 38. С. 361; Т. 35. С. 308.

1261 *Подвойский Н. И.* Год 1917. С. 185.

1262 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 311.

1263 *Цюрупа А. Д.* Владимир Ильич и продовольственная политика // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 360–361.

1264 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50. С. 30, 35; Т. 43. С. 220.

1265 *Парвус А.* В борьбе за правду. С. 142.

1266 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 37. С. 122–123, 295.

1267 *Улам А. Б.* Большевики. С. 380.

1268 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 382, 383.

1269 Декреты Советской власти. Т. I. С. 214.

1270 *Еремеев К.* С. Начало Красной Армии (Организация 1-го корпуса Красной Армии) // Утро Страны Советов. С. 295, 297.

1271 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50. С. 414, 42; Т. 36. С. 82.

1272 *Потапов Н. М.* Начало // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 185–186.

1273 *Кедров М.* С. Из красной тетради об Ильиче. С. 172–173.

1274 *Потапов Н. М.* Начало. С. 187–188.

1275 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 36. С. 13, 14.

1276 *Еремеев К.* С. Начало Красной Армии С. 298, 301–302.

1277 *Потапов Н. М.* Начало. С. 188.

1278 *Еремеев К.* С. Начало Красной Армии. С. 299, 300–301.

1279 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 37. С. 122.

1280 *Слащёв-Крымский Я. А.* Белый Крым, 1920. М., 2013. С. 41.

1281 *Буденный С. М.* Красная Армия в Гражданской войне. М., 2018. С. 11.

1282 *Молотов В.* М. Об опасности войны и борьбе за социализм. Черновик. Июнь 1963 // ЛАМ. П. 25. Док. 2. Л. 54–55.

1283 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 42. С. 76; Т. 41. С. 166.

1284 *Троцкий Л. Д.* Портреты революционеров. М., 2018. С. 30.

1285 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 37. С. 348.

1286 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 3, 278, 279; Т. 37. С. 348; Т. 36. С. 11; Т. 40. С. 169.

1287 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 37. С. 298; Т. 50. С. 37; Т. 41. С. 55.

1288 *Чичерин Г. В.* Ленин и внешняя политика // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 375.

1289 *Пестковский С. С.* Об октябрьских днях в Питере. С. 157.

1290 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 37. С. 256; Т. 41. С. 341.

1291 *Залкинд И. А.* НКИД в семнадцатом году // Утро Страны Советов. С. 198–199, 202–203.

1292 *Чичерин Г. В.* Ленин и внешняя политика. С. 375.

1293 Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М., 1968. С. 210.

1294 *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1999. С. 230.

1295 *Уэллс Г.* История цивилизации. М., 2011. С. 451.

1296 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 324; Т. 36. С. 8, 9.

1297 *Набоков К. Д.* Испытания дипломата. СПб., 2014. С. 121–122.

1298 *Бьюкенен Дж. У.* Моя миссия в России. Мемуары дипломата. М., 2018. С. 297, 296, 301, 304.

1299 *Иоффе А. А.* Эпоха брестских переговоров // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 154.

1300 *Ферро М.* История Франции. М., 2015. С. 415–416.

1301 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. С. 213.

1302 *Шубин А.* Старт Страны Советов. Революция. С. 322–323.

1303 *Бьюкенен Дж. У.* Моя миссия в России. С. 313.

1304 *Керенский А. Ф.* Потерянная Россия. М., 1977. С. 269.

1305 *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. Т. 1. М., 1957. С. 328.

1306 *Лукомский А. С.* Очерки из моей жизни. Воспоминания.

М., 2012. С. 601.

1307 *Симмс Б.* Европа. Борьба за господство. М., 2017. С. 379–380.

1308 *Хаас Р.* Мировой беспорядок. М., 2019. С. 41.

1309 *Дэвис Д., Трани Ю.* Первая холодная война: наследие Вудро Вильсона в российско-американских отношениях. М., 2002. С. 171.

1310 Francis D. R. Russia from the American Embassy. April, 1916 – November, 1918. N.Y., 1921. P. 185.

1311 *Залкинд И. А.* НКИД в семнадцатом году. С. 205.

1312 *Вильямс А. Р.* Путешествие в революцию. М., 1977. С. 278.

1313 Cooper J. M. The Warrior and the Priest. Woodrow Wilson and Theodore Roosevelt. Cambridge (Mass.); L., 1983. P. 338.

1314 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50. С. 22, 23.

1315 Francis D. R. Russia from the American Embassy. P. 216.

1316 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50. С. 24.

1317 *Залкинд И. А.* НКИД в семнадцатом году. С. 204.

1318 Francis D. R. Russia from the American Embassy. P. 217.

1319 *Залкинд И. А.* НКИД в семнадцатом году. С. 204.

1320 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50. С. 24–25.

1321 Francis D. R. Russia from the American Embassy. P. 218.

1322 *Садуль Ж.* Записки о большевистской революции. С. 162.

1323 *Локкарт Б.* Буря над Россией. Исповедь английского дипломата. М., 2017. С. 326–327.

1324 *Иоффе А. А.* Эпоха брестских переговоров. С. 152, 153.

1325 *Улам А. Б.* Большевики. С. 356, 357.

1326 *Гинденбург П.* фон. Из моей жизни. М., 2013. С. 256.

1327 *Пайпс Р.* Русская революция. Ч. 2. С. 243.

1328 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. С. 223.

1329 *Чернин О.* В дни мировой войны. М., 2005. С. 247.

1330 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. С. 223, 232.

1331 *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М., 2014. С. 494.

1332 *Гинденбург П.* фон. Из моей жизни. М., 2013. С. 256.

1333 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 36. С. 22.

1334 *Радек К. Б.* О Ленине. М., 1924. С. 22–23.

1335 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 350–351.

1336 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. С. 235.

1337 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 225, 245, 248, 250.

1338 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 293.

1339 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 256.

1340 Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). Август 1917 – февраль 1918. М., 1958. С. 167–173, 181–184.

1341 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 318, 321, 332.

1342 Мирные переговоры в Брест-Литовске. Т. 1. М., 1920. С. 208.

1343 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50. С. 364; Т. 36. С. 30.

1344 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. С. 238.

1345 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 344.

1346 *Паскаль П.* Русский дневник. Во французской военной миссии. 1916–1918. Екатеринбург, 2014. С. 431.

1347 *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. С. 501.

1348 *Паскаль П.* Русский дневник. С. 434.

1349 *Гофман М.* Главный противник – Россия. М., 2015. С. 446

1350 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 337, 336, 339, 352–353.

1351 *Паскаль П.* Русский дневник. С. 440.

1352 *Гофман М.* Главный противник – Россия. С. 211.

1353 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 354, 357–359, Т. 50. С. 45.

1354 *Бонч-Бруевич М. Д.* Ленин на военной работе // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 188–189.

1355 *Бонч-Бруевич М. Д.* За власть Советов // Утро Страны Советов. С. 331.

1356 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 367.

1357 *Осинский Н.* Образы Ленина // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 6. С. 362.

1358 *Бухарин Н. И.* Избранные произведения. М., 1988. С. 118–119.

1359 Протоколы ЦК РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918. С. 212.

1360 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 369–371, 489–490.

1361 *Свердлова К. Т.* Борьба за мир // Утро Страны Советов. С. 356–357.

1362 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 381.

1363 *Бонч-Бруевич М. Д.* За власть Советов. С. 332–333.

1364 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 383, 399–407, 394, 395; Т. 50. С. 46.

1365 *Бонч-Бруевич М. Д.* За власть Советов. С. 342–343.

1366 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 398.

1367 *Локкарт Б.* Буря над Россией. С. 272, 273, 274.

1368 *Малкин Б. Ф.* Владимир Ильич и Брестский мир // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 161.

1369 *Линдер И. Б., Чуркин С. А.* Спецслужбы России за 1000 лет. С. 562.

1370 Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. М., 2005. С. 287.

1371 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. С. 240.

1372 *Парвус А.* В борьбе за правду. С. 105.

1373 *Вильямс А. Р.* Путешествие в революцию. С. 267.

1374 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 36. С. 31.

1375 7-й Экстренный съезд РКП(б). Март 1918. М., 1962. С. 24, 26.

1376 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 36. С. 35, 43, 44–45.

1377 *Василевский А. М.* Дело всей жизни. Кн. 1. М., 1988. С. 34.

1378 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 408, 409.

1379 *Еремеев К. С.* Начало Красной Армии. С. 305–306.

1380 *Бонч-Бруевич В. Д.* За власть Советов. С. 348–349.

1381 *Бонч-Бруевич В. Д.* Ленин на военной работе. С. 190.

1382 *Бонч-Бруевич М. Д.* За власть Советов. С. 333–334.

1383 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 230.

1384 Декреты советской власти. Т. 1. С. 523.

1385 *Бонч-Бруевич В. Д.* За власть Советов. С. 335.

1386 *Бонч-Бруевич В. Д.* Переезд советского правительства из Петрограда в Москву // Утро Страны Советов. С. 366–377.

1387 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. М., 1989. С. 295, 296.

1388 *Муралов Н. И.* Встречи с Ильичем на военной работе // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. М., 1990. С. 194.

1389 *Вильямс А. Р.* Путешествие в революцию. М., 1977. С. 277, 279.

1390 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 36. С. 91.

1391 Стенографический отчет 4–го Чрезвычайного съезда Светов рабочих, солдатских и казачьих депутатов. М., 1920. С. 33.

1392 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 36. С. 100.

1393 *Муралов Н. И.* Встречи с Ильичем на военной работе. С. 197.

1394 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 296.

1395 *Бельмас А. В.* Воспоминания о В. И. Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленина. Т. 8. М., 1991. С. 127.

1396 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 296.

1397 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 36. С. 255–256, 171, 172, 173, 174, 182, 175, 269, 196.

1398 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 36. С. 138, 139, 181, 190, 213, 150, 200, 160, 208.

1399 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 44. С. 199.

1400 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 303.

1401 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 36. С. 294.

1402 *Савинков Б.* Воспоминания террориста. М., 2013. С. 370.

1403 *Волошин М.* Молюсь за тех и за других. Стихи, поэмы, статьи. М., 2001. С. 295–296.

1404 *Деникин А. И.* Путь русского офицера. М., 2002. С. 346.

1405 *Фрунзе М. В.* Военная доктрина Красной Армии. М., 2018. С. 81.

1406 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 2017. С. 228–229.

1407 *Бонч-Бруевич В. Д.* Ленин на военной работе // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. М., 1990. С. 190.

1408 *Муралов Н. И.* Встречи с Ильичем на военной работе. С. 195–196.

1409 *Бонч-Бруевич В. Д.* Ленин на военной работе. С. 190–191.

1410 *Савинков Б.* Воспоминания террориста. С. 356.

1411 *Керенский А. Ф.* Потерянная Россия. М., 2007. С. 271.

1412 *Слащёв-Крымский Я. А.* Белый Крым, 1920. М., 2013. С. 42–43.

1413 Трамбицкий *Ю. А.* Генерал-лейтенант А. И. Деникин // Белое движение. Т. 1. М., 2018. С. 209.

1414 *Керенский А. Ф.* Потерянная Россия. С. 272–273.

1415 *Локкарт Б.* Буря над Россией. Исповедь английского дипломата. М., 2017. С. 338–339.

1416 *Савинков Б.* Воспоминания террориста. С. 358–359.

1417 *Вильямс А. Р.* Путешествие в революцию. С. 287–288.

1418 *Черчилль У.* Мировой кризис. Последствия. М., 2014. С. 87–88.

1419 *Жуков Ю.* Первое поражение Сталина. 1917–1922 годы. От Российской империи к СССР. М., 2011. С. 216–218.

1420 *Гинденбург П.* фон. Из моей жизни. М., 2013. С. 257–258.

1421 *Гофман М.* Главный противник – Россия. М., 2015. С. 214.

1422 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50. С. 70–71.

1423 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 36. С. 320–321; Т. 50. С. 80–81.

1424 *Гинденбург П.* фон. Из моей жизни. С. 258.

1425 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 36. С. 340.

1426 *Чичерин Г. В.* Ленин и внешняя политика // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 376.

1427 *Локкарт Б.* Буря над Россией. С. 312, 294.

1428 *Вильямс А. Р.* Путешествие в революцию. С. 281–282.

1429 *Локкарт Б.* Буря над Россией. С. 316–317.

1430 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50. С. 74–75, 86.

1431 *Чичерин Г. В.* Ленин и внешняя политика.

1432 *Локкарт Б.* Буря над Россией. С. 317.

1433 Борьба за установление и упрочение советской власти на Мурмане. Мурманск, 1960. С. 145, 147.

1434 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 2017. С. 230, 234.

1435 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 36. С. 322, 332, 330.

1436 *Листиков С. В.* США и революционная Россия в 1917 году: К вопросу об альтернативах американской политики от Февраля к Октябрю. М., 2006. С. 259–261.

1437 *Черчилль У.* Мировой кризис. Последствия. С. 82.

1438 *Локкарт Б.* Буря над Россией. С. 315, 330–331.

1439 *Недбайло Б. Н.* Чехословацкий корпус в России (1914–1920 гг.). Историческое исследование. М., 2004. С. 126.

1440 Цит. по: *Шубин А. В.* 1918 год. Революция, кровью омытая. М., 2019. С. 136.

1441 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50. С. 83.

1442 *Локкарт Б.* Буря над Россией. С. 332–333.

1443 Документы и материалы из истории советско-чехословацких отношений. Т. 1. М., 1973. С. 115, 102–103.

1444 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 36. С. 427.

1445 *Локкарт Б.* Буря над Россией. С. 331.

1446 *Шубин А. В.* 1918 год. Революция, кровью омытая. С. 144.

1447 Архив полковника Хауза. Т. 3. М., 1939. С. 292.

1448 Декреты советской власти. Т. II. М., 1959. С. 611–612.

1449 Борьба за установление и упрочение советской власти на Мурмане. С. 199.

1450 Документы внешней политики СССР. Т. I. М., 1957. С. 376, 379.

1451 *Чичерин Г. В.* Ленин и внешняя политика. С. 376.

1452 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50.87–88, 109; Т. 36. С. 443.

1453 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 309.

1454 Декреты советской власти. Т. 2. С. 261–266; *Ленин В. И.* ПСС. Т. 36. С. 319.

1455 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 36. С. 445, 356.

1456 *Свердлов Я. М.* Избранные статьи и речи 1917–1919. М., 1939. С. 80–81.

1457 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 36. С. 374; Т. 38. С. 143.

1458 Декреты советской власти. Т. 2. С. 413–416.

1459 *Ломов А.* Владимир Ильич в хозяйственной работе // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 80.

1460 *Матонин Е.* Яков Блюмкин. Ошибка резидента. М., 2016. С. 101–102.

1461 *Локкарт Б.* Буря над Россией. С. 346, 344–345.

1462 5-й Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. Стенографический отчет. М., 1918. С. 23.

1463 *Матонин Е.* Яков Блюмкин. С. 93.

1464 5-й Всероссийский съезд Советов. С. 53–54, 59.

1465 *Локкарт Б.* Буря над Россией. С. 347–348.

1466 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 36. С. 491–493, 495.

1467 *Локкарт Б.* Буря над Россией. С. 348–349.

1468 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 36. С. 503, 509.

1469 *Локкарт Б.* Буря над Россией. С. 349.

1470 5-й Всероссийский съезд Советов. С. 74–75, 98–100.

1471 *Локкарт Б.* Буря над Россией. С. 349–350.

1472 ВЧК. Главные документы. М., 2017. С. 91.

1473 *Матонин Е.* Яков Блюмкин. Ошибка резидента. М., 2016. С. 112–115.

1474 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50. С. 112–113.

1475 Красная книга ВЧК. Т. 1. М., 1990. С. 206.

1476 *Локкарт Б.* Буря над Россией. С. 353.

1477 Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 260.

1478 *Даншевский К. Х.* Встречи с Лениным в годы Гражданской войны (1918–1921 годы) // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 213–214.

1479 *Вацетис И. И.* Две встречи с Лениным // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 233–234.

1480 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50. С. 114.

1481 *Вацетис И. И.* Две встречи с Лениным. С. 234–235.

1482 *Муралов Н. И.* Встречи с Ильичем на военной работе. С. 202–203.

1483 *Даншевский К. Х.* Встречи с Лениным в годы гражданской войны. С. 214–215.

1484 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50. С. 115–116.

1485 Декреты советской власти. Т. III. М., 1964. С. 622.

1486 ВЧК. Главные документы. С. 92.

1487 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине С. 312–313.

1488 Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927. М., 1996. С. 40, 42.

1489 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 37. С. 147.

1490 *Саква Р.* Коммунизм в Россию Интерпретирующее эссе. М., 2011. С. 55.

1491 Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 268–269.

1492 *Муралов Н. И.* Встречи с Ильичем на военной работе. С. 199.

1493 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 39. С. 31.

1494 *Муралов Н. И.* Встречи с Ильичем на военной работе. С. 203.

1495 *Чичерин Г. В.* Ленин и внешняя политика. С. 377.

1496 *Гопнер С. И.* Встречи в 1918 году // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 351.

1497 *Чичерин Г. В.* Ленин и внешняя политика. С. 377.

1498 *Жуков Ю.* Первое поражение Сталина. С. 248–251.

1499 *Деникин А. И.* Очерки Русской смуты. Кн. 3. Т. 5. М., 2015. С. 517.

1500 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 37. С. 75.

1501 *Даншевский К. Х.* Встречи с Лениным в годы Гражданской войны. С. 217.

1502 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50. С. 117–118.

1503 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 242.

1504 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 11. С. 41, 68, 158, 263; Т. 32. С. 97, 186; Т. 36.С. 85, 215, 269, 362.

1505 *Боханов А. Н.* Император Николай II. М., 2009. С. 507.

1506 ВЧК. Главные документы. С. 101.

1507 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 243.

1508 ВЧК. Главные документы. С. 101.

1509 *Волкогонов Д. А.* Ленин. Жрец террора. М., 2018. С. 281, 283–284, 270–271.

1510 Декреты советской власти. Т. III. С. 57.

1511 *Троцкий Л. Д.* Дневники и письма. Нью-Йорк, 1986. С. 101.

1512 *Боханов А. Н.* Император Николай II. С. 508.

1513 Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 186.

1514 *Локкарт Б.* Буря над Россией. С. 365–366.

1515 Документы внешней политики СССР. Т. I. С. 403.

1516 *Локкарт Б.* Буря над Россией. С. 359.

1517 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 243–244.

1518 *Чичерин Г. В.* Ленин и внешняя политика. С. 378–379.

1519 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50. С. 123, 124–125, 126–127, 128–129, 133.

1520 *Толстой А. Н.* Хождение по мукам. Т. 1. М., 2018. С. 704.

1521 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 250.

1522 *Марушевский В. В.* Год на Севере. Записки командующего войсками Северной области. М., 2019. С. 36.

1523 *Кедров М.* С. Из красной тетради об Ильиче // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 175–176.

1524 *Керенский А. Ф.* Потерянная Россия. С. 278–279.

1525 *Марушевский В. В.* Год на Севере. Записки командующего войсками Северной области. С. 29.

1526 *Грейвс У.* Американская интервенция в Сибири. 1918–1920. Воспоминания командующего экспедиционным корпусом. М., 2018. С. 49, 45, 50–51.

1527 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 37. С. 58–59.

1528 *Черчилль У.* Мировой кризис. Последствия. С. 84.

1529 *Микоян А. И.* Так было. Размышления о минувшем. М., 2014. С. 85–87.

1530 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50. С. 134; Т. 37. С. 38.

1531 *Локкарт Б.* Буря над Россией. С. 362, 363, 367.

1532 *Матонин Е.* Сидней Рейли. Жизнь и приключения английского шпиона из Одессы. М., 2019. С. 154, 157.

1533 *Чичерин Г. В.* Ленин и внешняя политика. С. 377.

1534 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 248–249.

1535 Документы внешней политики СССР. Т. I. С. 437–459.

1536 *Ульянова М. И.* Одна из самых сильных сторон Ленина // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. М., 1989. С. 271.

1537 *Ульянова М. И.* О В. И. Ленине и семье Ульяновых.

Воспоминания. Очерки. Письма. М., 1989. С. 108–109.

1538 *Зиновьев Г. Е.* Покушение на т. Ленина // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 305–306.

1539 *Ульянова М. И.* Ранение // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 245.

1540 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 37. С. 85.

1541 *Волкогонов Д. А.* Ленин. Жрец террора. С. 294, 295.

1542 *Ульянова М. И.* Ранение. С. 245–246.

1543 *Винокуров А. Н.* Между жизнью и смертью // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 307–308.

1544 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 315.

1545 *Млечин Л.* М. Ленин. М., 2018. С. 114.

1546 *Ульянова М. И.* Ранение. С. 246.

1547 *Розанов В. Н.* Из воспоминаний о Владимире Ильиче // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 10 т. Т. 5. М.: Политиздат, 1990. С. 309–311.

1548 *Зиновьев Г. Е.* Покушение на т. Ленина (Страничка воспоминаний) // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 306.

1549 *Мальков П. Д.* Записки коменданта Кремля. М., 1987. С. 204–205.

1550 *Сапронов Т. В.* Ленин в Горках // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 324–325.

1551 *Бельмас А. В.* Воспоминания о В. И. Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленина. Т. 8. М., 1991. С. 127.

1552 *Ульянова М. И.* Ранение. С. 247.

1553 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 317.

1554 *Сапронов Т. В.* Ленин в Горках. С. 325–326.

1555 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 317.

1556 *Розанов В. Н.* Из воспоминаний о Владимире Ильиче. С. 312.

1557 Цит. по: *Войтиков С. С.* Центральный комитет. Высшее партийное руководство от Ленина и Плеханова до Хрущева. 1890–1964 гг. М., 2019. С. 289.

1558 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 37. С. 296.

1559 Сто сорок бесед с Молотовым. С. 184.

1560 *Троцкий Л. Д.* К истории русской революции. Поправки и дополнения к литературе эпигонов. М., 1990.С. 215.

1561 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 261.

1562 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50. С. 106, 142.

1563 *Горький М.* Книга и русских людях. М., 2000. С 514.

1564 *Горький А. М.* В. И. Ленин // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. М., 1989. С. 240.

1565 *Горький М.* В. И. Ленин (первая редакция) //

Малознакомый Ленин. Сборник. СПб.,2016. С. 323.

1566 *Хлобустов О.* Государственная безопасность: От Александра I до Сталина. СПб., 2017. С. 163, 166.

1567 *Локкарт Б.* Буря над Россией. С. 379.

1568 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 40. С. 101.

1569 *Грейвс У.* Американская интервенция в Сибири. С. 84, 172.

1570 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 39. С. 47.

1571 *Пастернак Б.* Собр. соч. Т. 3. М., 1990. С. 367.

1572 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50. С. 178.

1573 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. М., 2017. С. 247.

1574 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50. С. 178.

1575 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. С. 251.

1576 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50. С. 179; Т. 37. С. 95.

1577 Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927. С. 54, 52.

1578 Цит. по: Млечин Л. Фрунзе. М., 2014. С. 97.

1579 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 37. С. 99, 123, 125.

1580 *Верт Н.* История Советского государства. 1900–1991. М., 1994. С. 133.

1581 *Сахаров К. В.* Белая Сибирь. Внутренняя война 1918–1920 гг. М., 2018. С. 262–263.

1582 *Кузнецов Н. А.* Адмирал А. В. Колчак // Белое движение. Т. 1. М., 2017. С. 239, 242.

1583 *Еремеев Д. Е.* История Турецкой Республики с 1918 года до наших дней. М., 2017. С. 18.

1584 *Свидерский А. И.* Ленин на заседаниях Совнаркома // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 6. С. 131.

1585 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 37. С. 111.

Глава 7

1586 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50. С. 185–186, 193, 194–195, 196, 198–199; Т. 37. С. 113.

1587 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 37. С. 169–170, 162, 163.

1588 *Кайзер Вильгельм II.* Мемуары. События и люди. 1878–1918. М., 2017. С. 264–265.

1589 Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации. М., 2014. С. 575.

1590 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 37. С. 183, 184.

1591 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. М., 1989. С. 321.

1592 *Чичерин Г. В.* Ленин и внешняя политика //

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. М., 1990. С. 379.

1593 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50. С. 454, 211; Т. 37. С. 203.

1594 *Черчилль У.* Мировой кризис. Последствия. М., 2014. С. 192.

1595 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 37. С. 434.

1596 *Черчилль У.* Мировой кризис. Последствия. С. 13.

1597 *Гилберт М.* Первая мировая война. М., 2016. С. 717.

1598 *Черчилль У.* Мировой кризис. Последствия. М., 2014. С. 9, 21, 32.

1599 *Дэвис У. С.* История Франции. С древнейших времен до Версальского договора. М., 2016. С. 667.

1600 *Согрин В. В.* Исторический опыт США. М., 2010. С. 324.

1601 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 37. С. 164.

1602 *Черчилль У.* Мировой кризис. Последствия. С. 16–17.

1603 *Лукомский А.* С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012. С. 617.

1604 *Черчилль У.* Мировой кризис. Последствия. С. 155.

1605 *Кузнецов Н. А.* Адмирал А. В. Колчак // Белое движение. Т. 1. М., 2017. С. 249, 260.

1606 *Слащёв-Крымский Я. А.* Белый Крым, 1920. М., 2013. С. 44.

1607 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50. С. 235–236.

1608 *Кузнецов Н. А.* Адмирал А. В. Колчак. С. 261.

1609 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 2017. С. 259.

1610 История российской внешней разведки. Очерки. Т. II. 1917–1933 годы. М., 2014. С. 60.

1611 *Локкарт Б.* Буря над Россией. Исповедь английского дипломата. М., 2017. С. 368.

1612 *Фергюсон Н.* Империя: чем мир обязан Британии. М., 2015. С. 421.

1613 *Черчилль У.* Мировой кризис. Последствия. С. 160.

1614 Образование СССР. Сборник документов. М., 1949. С. 121.

1615 *Зуев М. Н., Изонов В. В., Симонова Т. М.* Советская Россия и Польша 1918–1920 гг. М., 2006. С. 64–65.

1616 *Дзержинский Ф. Э.* Избранные произведения. Т. 1. М., 1977. С. 165.

1617 *Сиполс В.* Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939–1941. М., 1997. С. 43.

1618 *Манусевич А. Я.* Очерки по истории Польши. М., 1952. С. 272–273.

1619 *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. Т. 2. М., 1957. С. 270.

1620 *Новгородцев П.* О путях и задачах русской интеллигенции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1990. С. 212.

1621 *Войтиков С. С.* История противостояния: ЦК или Совнарком. М., 2018. С. 32.

1622 *Каменев С. С.* Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 6. М., 1990. С. 14, 17–18, 16, 20.

1623 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 37. С. 200; Т. 39 С. 56; Т. 38. С. 53.

1624 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 40. С. 218.

1625 *Каменев С.* С. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. С. 14–16.

1626 *Фрунзе М. В.* Военная доктрина Красной Армии. М., 2018. С. 73.

1627 *Хлобустов О. М.* Государственная безопасность: От Александра I до Сталина. СПб., 2017. С. 151.

1628 *Линдер И. Б., Чуркин С. А.* Спецслужбы России за 1000 лет. М., 2012. С. 580, 590,592.

1629 *Каменев С. С.* Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. С. 20.

1630 *Смилга И. Т.* В. И. Ленин и Красная Армия // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 169.

1631 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50. С. 221.

1632 *Куприн А. И.* Ленин – моментальная фотография //

1633 *Млечин Л. М.* Ленин. М., 2018. С. 115, 116–117.

1634 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 324.

1635 *Ульянова М. И.* О В. И. Ленине и семье Ульяновых: Воспоминания. Очерки. Письма. М., 1989. С. 113–117.

1636 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 38. С. 341–342; Т. 40. С. 291.

1637 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 44. С. 312.

1638 *Черчилль У.* Мировой кризис. Последствия. М., 2014. С. 162.

1639 *Дэвис Н.* История Европы. М., 2007. С. 685–686.

1640 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 38. С. 258, 259; Т. 39. С. 366, 369.

1641 *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. Т. 1. С. 287.

1642 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50. С. 247–248.

1643 *Чичерин Г. В.* Ленин и внешняя политика. С. 379–380.

1644 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 38. С. 135.

1645 *Черчилль У.* Мировой кризис. Последствия. С. 160–161.

1646 *Чичерин Г. В.* Ленин и внешняя политика. С. 379–380.

1647 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 44. С. 299.

1648 *Капитонова Н. К., Романова Е. В.* История внешней политики Великобритании. М., 2016. С. 290–291.

1649 *Черчилль У.* Мировой кризис. Последствия. С. 166.

1650 Образование СССР. Сборник документов. С. 81.

1651 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 39. С. 324; Т. 38. С. 161.

1652 *Пайпс Р.* Россия при большевиках. М., 1997. С. 109.

1653 Гражданская война глазами красных командиров. М., 2008. С. 157–159.

1654 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 38. С. 211.

1655 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 37. С. 153, 455; Т. 50. С. 227–228.

1656 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 37. С. 490.

1657 *Ватлин А.Ю, Романовский Н. В.* Москва и Коминтерн: социологические заметки // Феноменология советского общества. С. 72.

1658 Первый конгресс Коминтерна. М., 1933. С. 217.

1659 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 37. С. 520, 515.

1660 *Аксельрод П. Б.* Кто изменил социализму? (Большевизм и социальная демократия в России) // Аксельрод П. Б., Мартов Ю. О., Потресов А. Н. О революции и социализме. М., 2010. С. 472.

1661 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 39. С. 290, 291.

1662 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 38. С. 212.

1663 Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 г. Протоколы. М., 1959. С. 292, 193, 321–322, 324.

1664 История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 225.

1665 Восьмой съезд РКП(б). С. 428.

1666 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 38. С. 212–213.

1667 Одиннадцатый съезд РКП(б). Март-апрель 1922. С. 418.

1668 Восьмой съезд РКП(б).С. 424–425.

1669 *Волкогонов Д. А.* Ленин. Жрец террора. М., 2018. С. 391.

1670 Правда. № 86, 24 апреля 1919.

1671 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 39. С. 224.

1672 *Аралов С. И.* Из воспоминаний // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 6. С. 39–40.

1673 Речь В. И. Ленин по военному вопросу опубликована: Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 134–190; № 10. С. 171–189; № 11. С. 144–178.

1674 *Аралов С. И.* Из воспоминаний. С. 42–44.

1675 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 284.

1676 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 38. 186, 384; Т. 50. С. 285–286, 310; Т. 39. С. 147.

1677 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50. С. 277.

1678 *Штайнер М.* Гитлер. М., 2010. С. 131–147.

1679 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50. С. 305–306.

1680 *Черчилль У.* Мировой кризис. Последствия. С. 171–174.

1681 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Кн. 3. Т. 5. М.,

2015. С. 468–469.

1682 *Черчилль У.* Мировой кризис. Последствия. С. 245–246.

1683 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 39. С. 96.

1684 *Симмс Б.* Европа. Борьба за господство. М., 2017. С. 393.

1685 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 41. С. 142.

1686 *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997. С. 215.

1687 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 41. С. 325.

1688 *Симмс Б.* Европа. Борьба за господство. С. 390.

1689 *Киссинджер Г.* Дипломатия. С. 230.

1690 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50. С. 289.

1691 *Черчилль У.* Мировой кризис. Последствия. С. 251.

1692 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 41. С. 323–324.

1693 *Зуев М. Н., Изонов В. В., Симонова Т.* М. Советская Россия и Польша 1918–1920 гг. С. 67.

1694 *Манусевич А. Я.* Очерки по истории Польши. М., 1952. С. 288.

1695 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 38. С. 247.

1696 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50. С. 321, 317.

1697 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 289.

1698 *Цветков В. Ж.* Генерал-от-инфантерии Н. Н. Юденич // Белое движение. Т. 1. С. 238–240.

1699 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50. С. 325, 334–335, 389; Т. 38. С. 402.

1700 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50. С. 307.

1701 *Врангель П. Н.* На трех войнах. М., 2013. С. 245.

1702 *Черчилль У.* Мировой кризис. Последствия. С. 240.

1703 *Деникин А. И.* Очерки Русской смуты. Кн. 3. Т. 5. С. 498, 499.

1704 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 39. С. 44, 61.

1705 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 38. С. 317; Т. 50. С. 295–296.

1706 *Каменев С.* С. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. С. 21–22.

1707 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50. С. 316, 329, 336; Т. 54. С. 415.

1708 *Млечин Л. М.* Фрунзе. М., 2014. С. 101.

1709 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 39. С. 39.

1710 *Каменев С. С.* Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. С. 22–23.

1711 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50. С. 352–353.

1712 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. М., 2017. С. 276, 277.

1713 *Данишевский К. Х.* Встречи с Лениным в годы Гражданской войны (1918–1921 годы) // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 225–226.

1714 *Каменев С. С.* Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. С. 26.

1715 *Данишевский К. Х.* Встречи с Лениным в годы Гражданской войны. С. 227.

1716 *Каменев С. С.* Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. С. 26–27.

1717 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 51. С. 16.

1718 *Ульянов Д. И.* Владимир Ильич в Горках // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. М., 1989. С. 175.

1719 *Сапронов Т. В.* Ленин в Горках // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 6. М., 1990. С. 349.

1720 *Мещеряков Н. Л.* Из воспоминаний о Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. М., 1989. С. 96.

1721 *Сапронов Т. В.* Ленин в Горках. С. 340–341.

1722 *Черчилль У.* Мировой кризис. Последствия. М., 2014. С. 235, 236.

1723 *Цветков В. Ж.* Генерал-от-инфантерии Н. Н. Юденич. С. 241–244.

1724 Документы внешней политики СССР. Т.II. М. 1958. С. 242.

1725 *Лукомский А. С.* Очерки из моей жизни. С. 618–620.

1726 *Каменев Л. Б.* Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. С. 27.

1727 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 51. С. 41, 331, 49–50.

1728 *Деникин А. И.* Очерки Русской смуты. Кн. 3. Т. 5. С. 506.

1729 *Каменев Л. Б.* Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. С. 27–28.

1730 Цит. по: *Буденный С. М.* Красная Армия в Гражданской войне. М., 2018. С. 40.

1731 ВЧК. Главные документы. М., 2017. С. 232–233.

1732 *Сапронов Т. В.* Ленин в Горках. С. 338–339.

1733 ВЧК. Главные документы. С. 237.

1734 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. С. 347.

1735 Цит. по: Белое движение. Т. 1. С. 348.

1736 Цит. по: Гражданская война 1918–1921 гг. Т. 2. М., 1928. С. 412.

1737 *Капитонова Н. К., Романова Е. В.* История внешней политики Великобритании. С. 293.

1738 *Черчилль У.* Мировой кризис. Последствия. С. 152..

1739 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 39. С. 197, 209.

1740 *Черчилль У.* Мировой кризис. Последствия. С. 232, 233.

1741 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Кн. 3. Т. 5. С. 509.

1742 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 51. С. 56.

1743 *Каменев С. С.* Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. С. 27–28.

1744 *Буденный С. М.* Красная Армия в Гражданской войне. С.

54.

1745 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 306.

1746 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 40. С. 20, 44–45.

1747 *Жуков Ю. Н.* Первое поражение Сталина. 1917–1922 годы. От Российской империи к СССР. М., 2011. С. 265–267; *Борисенок Е.* Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М., 2006. С. 46–47; *Зуев М. Н., Изонов В. В., Симонова Т. М.* Советская Россия и Польша 1918–1920 гг. С. 66–67.

1748 *Буденный С. М.* Красная Армия в Гражданской войне. С. 98.

1749 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 51. С. 335, 132.

1750 *Буденный С. М.* Красная Армия в Гражданской войне. С. 102–103.

1751 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 51. С. 138, 139.

1752 *Буденный С. М.* Красная Армия в Гражданской войне. С. 104, 107–108.

1753 Цит. по: *Буденный С. М.* Красная Армия в Гражданской войне. С. 181.

1754 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 330–331.

1755 *Слащёв-Крымский Я. А.* Белый Крым, 1920. М., 2013. С. 100.

1756 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. С. 259, 260.

1757 *Каменев С. С.* Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. С. 28.

1758 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. С. 260.

1759 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 51. С. 56, 62–63; Т. 39. С. 230.

1760 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. С. 262, 263.

1761 *Куприн А. Н.* Повести. Рассказы. Очерки. М., 2008. С. 287, 290–291.

1762 *Данилкин Л.* Ленин. Пантократор солнечных пылинок. М., 2017. С.

1763 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 40. С. 90.

1764 *Жуков Ю.* Первое поражение Сталина. С. 346.

1765 *Деникин А. И.* Очерки Русской смуты. Кн. 3. Т. 5. С. 526–527.

1766 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 324.

1767 *Цветков В. Ж.* Генерал-от-инфантерии Н. Н. Юденич. С. 364.

1768 *Черчилль У.* Мировой кризис. Последствия. С. 237.

1769 *Кузнецов Н. А.* Адмирал А. В. Колчак. С. 264–265.

1770 ВЧК. Главные документы. С. 272–273.

1771 *Черчилль У.* Мировой кризис. Последствия. М., 2014. С. 239–240.

1772 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 51. С. 137.

1773 Япония от А до Я. М., 2012. С. 181.

1774 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 42. С. 170.

1775 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 39. С. 407.

1776 *Чичерин Г. В.* Ленин и внешняя политика. С. 380.

1777 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 40. С. 88, 148, 150–151, 154.

Глава 8

1778 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 40. С. 69.

1779 ВЧК. Главные документы. М., 2017. С. 262–263.

1780 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 44. С. 141.

1781 *Волин Б. М.* Из воспоминаний // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 6. М., 1990. С. 57–58.

1782 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 40. С. 239, 244.

1783 *Серж В.* От революции к тоталитаризму. Воспоминания революционера. Оренбург, 2001. С. 150.

1784 *Волин Б. М.* Из воспоминаний. С. 57–58.

1785 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 40. С. 253, 254.

1786 Протоколы девятого съезда РКП(б). Март-апрель 1920. М., 1934. С. 98, 107, 436, 428.

1787 *Волин Б. М.* Из воспоминаний. С. 58–59.

1788 *Мясников А. Ф.* Мои встречи с товарищем Лениным // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 6. С. 36.

1789 *Волин Б. М.* Из воспоминаний. С. 59.

1790 *Мясников А. Ф.* Мои встречи с товарищем Лениным. С. 36.

1791 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 40. С. 325–327, 408.

1792 *Мясников А. Ф.* Мои встречи с товарищем Лениным. С. 36.

1793 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 2017. С. 370–371.

1794 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 40. С. 96, 97; Т. 51. С. 132.

1795 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 326.

1796 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 40. С. 161, 181; Т. 51. С. 146–147, 157–158.

1797 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 41. С. 320.

1798 *Зуев М. Н., Изонов В. В., Симонова Т. М.* Советская Россия и Польша 1918–1920 гг. М., 2006. С. 78, 64, 79.

1799 *Буденный С. М.* Красная Армия в Гражданской войне. М., 2018. С. 157.

1800 ВЧК. Главные документы. С. 320–321.

1801 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 40. С. 333.

1802 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 40. 331–332, 333; Т. 51. С. 424, 191.

1803 *Каменев Л. Б.* Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 6. С. 29.

1804 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 41. С. 110.

1805 *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. М., 2019. С. 328–329.

1806 *Пилсудский Ю.* 1920 год. Советско-польская война. М., 2018. С. 46–47, 56.

1807 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 51. С. 205, 428, 206–207.

1808 *Фрунзе М. В.* Военная доктрина Красной Армии. М., 2018. С. 45.

1809 *Мельтюхов М. И.* 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты 1918–1939. М., 2009. С. 98.

1810 Цит. по: *Буденный С. М.* Красная Армия в Гражданской войне. С. 185.

1811 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 384.

1812 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 41. С. 145.

1813 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. М., 2017. С. 279.

1814 *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 4. С. 332–333.

1815 *Пилсудский Ю.* 1920 год. Советско-польская война. С. 121.

1816 *Черчилль У.* Мировой кризис. Последствия. М., 2014. С. 256.

1817 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 51. С. 237–238.

1818 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 372–373.

1819 *Мельтюхов М. И.* 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты 1918–1939. С. 83–85.

1820 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 51. С. 240.

1821 *Черчилль У.* Мировой кризис. Последствия. С. 256.

1822 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 376.

1823 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 41. С. 324–325.

1824 *Симмс Б.* Европа. Борьба за господство. М., 2017. С. 392.

1825 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 42. С. 104–105.

1826 *Лозовский С. А.* Из воспоминаний о В. И. Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 8. М., 1991. С. 85.

1827 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 40. С. 204–205.

1828 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 41. С. 86, 4, 13, 197.

1829 *Лозовский С. А.* Из воспоминаний о В. И. Ленине. С. 86–87, 94–95.

1830 *Алексеева В. Ф.* На открытии Второго конгресса Коминтерна // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 6. С. 291.

1831 *Угланов Н. А.* О Владимире Ильиче Ленине (в период 1917–1922 гг.) // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т.

8. С. 68.

1832 *Угланов Н. А.* Один день с Владимиром Ильичем Лениным // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 6. С. 285.

1833 *Федин Конст.* Живой Ленин // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 6. С. 297.

1834 *Алексеева В. Ф.* На открытии II конгресса Коминтерна. С. 294–295.

1835 Федин Конст. Живой Ленин. С. 296.

1836 *Яковлев В. В.* И. Ленин и киносъемки // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 8. С. 143–144.

1837 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 41. С. 224–225, 227, 228, 232.

1838 *Угланов Н. А.* Один день с Владимиром Ильичем. С. 285.

1839 *Угланов Н. А.* О Владимире Ильиче Ленине. С. 69–70.

1840 *Волкогонов Д. А.* Ленин Жрец террора. М., 2018. С. 363.

1841 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 41. С. 236, 204–211.

1842 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 41. С. 233–234, 241, 242, 243.

1843 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 41. С. 256, 274–275.

1844 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 43. С. 18–19.

1845 *Мартов Ю. О.* Большевизм в России и Интернационале // *Аксельрод П. Б., Мартов Ю. О., Потресов А. Н.* О революции и социализме. М., 2010. С. 551.

1846 *Соколов Б.* Тухачевский. М., 2008. С. 106.

1847 *Мельтюхов М. И.* 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты 1918–1939. С. 87.

1848 Документы внешней политики СССР. Т. III. М., 1959. С. 62–63.

1849 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 357.

1850 Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927. М., 1996. С. 148.

1851 История Гражданской войны в СССР. Т. 5. М., 1960. С. 145.

1852 Документы внешней политики СССР. Т. II. С. 438–439.

1853 *Бабель И. Э.* Рассказы. Одесские рассказы. Конармия. Пьесы. Из дневника 1920 г. М., 2007. С. 497–498.

1854 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 51. С. 247, 441, 248.

1855 *Буденный С. М.* Красная Армия в Гражданской войне. С. 164, 165.

1856 *Даншевский К. Х.* Встречи с Лениным в годы Гражданской войны (1918–1921 годы) // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. М., 1990. С. 228–229.

1857 *Гилберт М.* Первая мировая война. М., 2016. С. 699.

1858 *Черчилль У.* Мировой кризис. Последствия. С. 256, 258.

1859 *Дэвис Д., Трани Ю.* Кривые зеркала. США и их

отношения с Россией и Китаем в XX в. М., 2009. С. 75.

1860 *Буденный С. М.* Красная Армия в Гражданской войне. С. 186–189.

1861 *Даншевский К. Х.* Встречи с Лениным в годы Гражданской войны. С. 228.

1862 *Черчилль У.* Мировой кризис. Последствия. С. 257.

1863 *Гилберт М.* Первая мировая война. С. 699.

1864 *Мельтюхов М. И.* 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты 1918–1939. С. 99.

1865 *Буденный С. М.* Красная Армия в Гражданской войне. С. 166.

1866 *Пилсудский Ю.* 1920 год. Советско-польская война. С. 19–20.

1867 *Соколов Б.* Тухачевский. С. 106.

1868 *Пилсудский Ю.* 1920 год. Советско-польская война. С. 177.

1869 Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998. С. 174.

1870 *Черчилль У.* Мировой кризис. Последствия. С. 259.

1871 *Гилберт М.* Первая мировая война. С. 699.

1872 *Буденный С. М.* Красная Армия в Гражданской войне. С. 175.

1873 *Даншевский К. Х.* Встречи с Лениным в годы Гражданской войны. С. 229.

1874 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 51. С. 266–267.

1875 *Мельтюхов М. И.* 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты 1918–1939. С. 105–107.

1876 *Даншевский К. Х.* Встречи с Лениным в годы Гражданской войны. С. 229–230.

1877 Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927. С. 156.

1878 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 41. С. 281, 283–284.

1879 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 2017. С. 382–383, 386–387, 389.

1880 История российской внешней разведки. Очерки. Т. II. 1917–1933 годы. М., 2014. С. 10.

1881 *Чичерин Г. В.* Ленин и внешняя политика // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 381.

1882 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 51. С. 286.

1883 *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. М., 1989. С. 353.

1884 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 327–329.

1885 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 51. С. 261, 262, 265.

1886 *Млечин Л. М.* Ленин. М., 2018. С. 117, 118.

1887 *Данилкин Л.* Ленин. Пантократор солнечных пылинок. М., 2017. С. 668.

1888 *Млечин Л. М.* Ленин. С. 118.

1889 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 52. С. 166; Т. 53. С. 119.

1890 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 41. С. 347.

1891 *Кваша О.* Россия – Польша: Повторение пройденного // Известия. 2000. 17 ноября.

1892 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 42. С. 19.

1893 *Черчилль У.* Мировой кризис. Последствия. С. 264.

1894 *Каменев Л. Б.* Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. С. 30.

1895 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 41. С. 340; Т. 51. С. 292–293, 298.

1896 *Слащёв-Крымский Я. А.* Белый Крым, 1920. М., 2013. С. 164.

1897 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 41. С. 358.

1898 *Врангель П. Н.* На трех войнах. М., 2013. С. 489.

1899 М. В. Фрунзе на фронтах Гражданской войны. Сборник документов. М., 1941. С. 415.

1900 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 51. С. 321.

1901 *Врангель П. Н.* Записки. Ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г. Т. 2. Минск, 2002. С. 365.

1902 *Буденный С. М.* Красная Армия в Гражданской войне. С. 204.

1903 *Фрунзе М. В.* Военная доктрина Красной Армии. С. 48.

1904 *Слащёв-Крымский Я. А.* Белый Крым, 1920. С. 168.

1905 *Буденный С. М.* Красная Армия в Гражданской войне. С. 211–212.

1906 *Фрунзе М. В.* Военная доктрина Красной Армии. С. 40.

1907 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 52. С. 6.

1908 *Слащёв-Крымский Я. А.* Белый Крым, 1920. С. 170–171.

1909 *Буденный С. М.* Красная Армия в Гражданской войне. С. 220.

1910 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 42. С. 44.

1911 *Генерал А. П. Кутепов*. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2004. С. 253.

1912 *Данилов Ю.* Н. Великий князь Николай Николаевич. М.; Жуковский, 2006. С. 447–448.

1913 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 42. С. 130.

1914 *Савинков Б.* Воспоминания террориста. М., 2013. С. 401.

1915 *Манусевич А. Я.* Очерки по истории Польши. С. 300, 301.

1916 *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997. С. 232–233.

1917 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 40. С. 98.

1918 *Жуков Ю. Н.* Первое поражение Сталина. 1917–1922

годы. От Российской империи – к СССР. М., 2011. С. 388.

1919 *Микоян А. И.* Так было. Размышления о минувшем. М., 2014. С. 171–174.

1920 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 41. С. 119.

1921 *Черчилль У.* Мировой кризис. Последствия. С. 396–397.

1922 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 41. С. 339–340.

1923 *Баграмян И. Х.* Воспоминания. Ереван, 1980. С. 105.

1924 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 417; Т. 51. С. 322; Т. 52. С. 9.

1925 *Жуков Ю. Н.* Первое поражение Сталина. С. 455.

1926 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 42. С. 47.

1927 *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 4. С. 394–406.

1928 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 719, 437; Т. 42. С. 356; Т. 52. С. 71, 153.

1929 Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957. С. 35.

1930 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 39. С. 327

1931 Erez Mazela. The Wilsonian Moment: Self-Determination and the International Origins of Anticolonial Nationalism. N.Y., 2007.

1932 Mark Mazower. Governing the World. The History of an Idea. L., 2013. P. 163–165.

1933 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 41. С. 207–208, 233.

1934 *Уэллс Г.* Россия во мгле. М., 2018. С. 66–67.

1935 Цит. по: *Васильев А.* От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М., 2018. С. 25.

1936 *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2011. С. 328.

1937 *Черчилль У.* Мировой кризис. Последствия. С. 356–358.

1938 *Васильев Л. С.* История Востока. Т. II. М., 2011. С. 201.

1939 *Жевахов А.* Кемаль Ататюрк. М., 2008. С. 149.

1940 Цит. по: *Жуков Ю.* Первое поражение Сталина. С. 457.

1941 *Капитонова Н. К., Романова Е. В.* История внешней политики Великобритании. М., 2016. С. 318–319.

1942 *Черчилль У.* Мировой кризис. Последствия. С. 365.

1943 Цит. по: *Жуков Ю. Н.* Первое поражение Сталина. С. 457.

1944 *Жевахов А.* Кемаль Ататюрк. С. 161–164.

1945 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 404.

1946 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 42. С. 125.

1947 *Васильев Л. С.* История Востока. Т. II. С. 218.

1948 *Линдер И. Б., Чуркин С. А.* Спецслужбы России за 1000 лет. М., 2012. С. 596.

1949 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 360, 361.

1950 *Млечин Л. М.* Фрунзе. М., 2014. С. 120–122.

1951 *Васильев А.* От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и

Среднем Востоке. С. 27–28.

1952 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 458.

1953 *Васильев Л.* С. История Востока. Т. II. С. 248.

1954 *Васильев А*. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. С. 28.

1955 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50. С. 385–386.

1956 *Васильев А*. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. С. 28.

1957 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 308–309.

1958 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 52. С. 318.

1959 *Одд Арне Вестад*. Беспокойная империя. Китай и мир с 1750 года. М., 2014. С. 184.

1960 Духовная культура Китая. Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура. М., 2006. С. 255–256.

1961 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 482.

1962 *Елисеев Д*. История Китая. Корни настоящего. СПб., 2008. С. 257.

1963 *Юн Чжан, Холлидей Дж*. Неизвестный Мао. М., 2007. С. 34.

1964 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 44. С. 232.

1965 Tharoor Sh. An Era of Darkness. The British Empire in India. New Delhi, 2016. P. 89.

1966 *Кей Дж*. История Индии. М., 2011. С. 611–614.

1967 *Млечин Л. М*. Фрунзе. С. 120.

1968 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 358.

1969 *Ллойд Джордж Д*. Правда о мирных договорах. Т. 1. М., 1957. С. 277.

1970 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 40. С. 68.

1971 *Черчилль У*. Мировой кризис. Последствия. С. 261.

1972 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 40. С. 125.

1973 *Рассел Б*. Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 96–97.

Глава 9

1974 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 40. С. 30.

1975 *Вышеславцев Б. П.* Избранные труды. М., 2010. С. 227.

1976 Цит. по: *Кара-Мурза А.А., Поляков Л. В*. Русские о большевизме. СПб., 1999. С. 247.

1977 *Рассел Б*. Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 17–18.

1978 *Серж В*. От революции к тоталитаризму: Воспоминания

революционера. Оренбург, 2001. С. 125.

1979 *Маркс К. Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 4. С. 449.

1980 *Рассел Б.* Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 7.

1981 *Камю А.* Бунтующий человек. М., 1990. С 86.

1982 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 40. С. 30–31.

1983 Девятая конференция РКП(б). Сентябрь 1920 г. Протоколы. М., 1972. С. 83.

1984 *Волкогонов Д. А.* Ленин. Жрец террора. М., 2018. С. 392.

1985 *Войтиков С. С.* Центральный комитет. Высшее партийное руководство от Ленина и Плеханова до Хрущева. 1890–1964 гг. М., 2019. С. 305, 297, 307.

1986 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 40. С. 31, 32, 30.

1987 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 39. С. 226, 27.

1988 IX съезд РКП(б). Протоколы. М., 1960. С. 28.

1989 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 41. С. 403; Т. 42. С. 32.

1990 *Бажанов Б. Г.* Борьба Сталина за власть. Вспоминания личного секретаря. М., 2017. С. 197.

1991 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 41. С. 394. Т. 42. С. 167; Т. 45. С. 61.

1992 *Бажанов Б. Г.* Борьба Сталина за власть. С. 166.

1993 *Леплевский Г. М.* О работе В. И. Ленина в Совнаркоме в 1921–1922 годах // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 7. М., 1991. С. 70.

1994 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 162; Т. 39. С. 333.

1995 Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 г. Протоколы. С. 427.

1996 *Леплевский Г. М.* О работе В. И. Ленина в Совнаркоме в 1921–1922 годах. С. 56.

1997 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50. С. 274.

1998 *Фотиева Л. А.* Приемы и методы государственной работы В. И. Ленина // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 6. М., 1990. С. 118–119.

1999 *Фотиева Л. А.* Из жизни Ленина. М., 1956. С. 76.

2000 *Луначарский А. В.* Ленин в Совнаркоме // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 7. С. 76, 77.

2001 Цит. по: *Латышев А. Г.* Рассекреченный Ленин. М., 1996 С. 81.

2002 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 40. С. 264.

2003 *Леплевский Г.* М. О работе В. И. Ленина в Совнаркоме в 1921–1922 годах. С. 61–62, 59.

2004 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 2017. С. 318.

2005 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 44. С. 364–365, 367.

2006 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 42. С. 156.

2007 *Леплевский Г. М.* О работе В. И. Ленина в Совнаркоме в

1921–1922 годах. С. 57.

2008 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 42. С. 52; Т. 43. С. 264, 278.

2009 *Пайпс Р.* Россия при большевиках. М., 1997. С. 527.

2010 *Серж В.* От революции к тоталитаризму. С. 93.

2011 *Горький А. М.* В. И. Ленин // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. М., 1989. С. 247.

2012 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 383.

2013 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 383; Т. 52. С. 216.

2014 Цит. по: *Пайпс Р.* Русская революция. Ч. 2. М., 1994. С. 378.

2015 *Рыков А. И.* Избранные произведения. М., 1990. С. 62.

2016 *Гольцман А. З.* Ленин о вопросах заработной платы и организации труда // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 6. С. 184.

2017 *Халатов А. Б.* Владимир Ильич и продовольственная политика // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 7. С. 149–150.

2018 *Фомин В. В.* Ленин и транспорт // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 6. С. 200.

2019 *Горбунов Н. П.* Как Ленин помогал изобретателям // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 7. С. 233.

2020 *Радченко И. И.* Ленин – вождь на хозяйственном фронте // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 6. С. 157.

2021 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 52. С. 136.

2022 *Ергин Д.* Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М., 2011. С. 261.

2023 *Губкин И. М.* Доверие народа – высшая награда // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 6. С. 165, 167–168.

2024 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 42. С. 334, 335.

2025 *Губкин И. М.* Доверие народа – высшая награда // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 6. С. 171.

2026 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 226.

2027 *Сорокин П. А.* Социология революции. М., 2005. С. 500.

2028 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 40. С. 85–86.

2029 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 324–325.

2030 ВЧК. Главные документы. М., 2017. С. 395.

2031 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 114–115.

2032 *Фомин В. В.* Ленин и транспорт. С. 206.

2033 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 42. С. 106; Т. 52. С. 173.

2034 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 37. С. 40, 41.

2035 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 246.

2036 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 37. С. 179, 41, 481; Т. 44. 159. Т. 38. С. 27, 28; Т. 39. С. 273, 277, 275–276.

2037 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 38. С. 352.

2038 *Грегори П.* Политическая экономия сталинизма. М., 2006. С. 41.

2039 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 44. С. 225.

2040 *Боголепов Д. П.* Воспоминания о В. И. Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. М., 1990. С. 104–106.

2041 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 38. С. 100.

2042 *Сорокин П. А.* Социология революции. С. 478.

2043 ВЧК. Главные документы. М., 2017. С. 264, 389.

2044 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 38. С. 62.

2045 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 38. С. 99; Т. 37. С. 399.

2046 *Уэллс Г.* Россия во мгле. М., 2018. С. 19.

2047 *Соломон Г.* Среди красных вождей. Лично пережитое и виденное на советской службе. М., 2015. С. 178–179.

2048 ВЧК. Главные документы. С. 286.

2049 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 40. С. 153.

2050 *Красин Л. Б.* Владимир Ильич и внешняя торговля // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 7. С. 101–102.

2051 *Соломон Г.* Среди красных вождей. С. 312, 313.

2052 *Красин Л. Б.* Владимир Ильич и внешняя торговля. С. 102.

2053 *Гольцман А. З.* Ленин о вопросах заработной платы и организации труда. С. 181.

2054 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 37. С. 473; Т. 39. С. 197.

2055 *Аникст А. М.* Ленин на государственной работе // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 6. С. 81.

2056 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 42. С. 64, 44, 92–93, 96, 45, 77, 110; Т. 52. С. 98–99; Т. 43. С. 188, 167.

2057 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 41. С. 350–351.

2058 *Соломон Г.* Среди красных вождей. С. 115.

2059 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 42. С. 73.

2060 *Ильюхов А.* Как деньги победили коммунизм. Советская финансовая реформа 1922–1924 гг. // Живая история. 2018. № 2. С. 49.

2061 Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. N.Y., 1987. P. 200–201.

2062 *Сорокин П. А.* Социология революции. М., 2005. С. 478, 475.

2063 *Вербицкая О. М.* Крестьянская семья в годы нэпа // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006. С. 417.

2064 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 388.

2065 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 42. С. 159.

2066 *Тоффлер Э.* Третья волна. М., 1999. С. 56.

2067 *Кржижановский Г. М.* В. И. Ленин и работы по электрификации, районированию и плановому хозяйству // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 6. С. 163.

2068 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 52. С. 1; Т. 42. С. 341.

2069 *Кржижановский Г. М.* В. И. Ленин и работы по электрификации. С. 164.

2070 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 44. С. 63, 64.

2071 *Сорокин П. А.* Социология революции. М., 2005. С. 498–500.

2072 *Луначарский А. В.* Ленин как ученый и публицист // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 8. М., 1991. С. 13.

2073 *Мстиславский С. Д.* Записи о Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 166.

2074 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 41. С. 309, 311, 313.

2075 *Черчилль У.* Мировой кризис. Последствия. М., 2014. С. 64–65.

2076 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 41. С. 101; Т. 39. С. 319, 5–6, 22.

2077 *Антоненко С.* От «пособья» до субботника // Воронцово поле. 2019. № 1. С. 51.

2078 *Борисов И. И.* Тов. Ленин на субботнике // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 6. С. 225, 226.

2079 *Шмидт В. В.* Владимир Ильич и вопросы труда // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 7. С. 133.

2080 *Гольцман А. З.* Ленин о вопросах заработной платы и организации труда. Т. 6. С. 186–187.

2081 *Цветаева М.* Записные книжки и дневниковая проза. М., 2002. С. 139.

2082 *Анненков Ю.* Дневник моих встреч. М., 2001. С. 12.

2083 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 433.

2084 *Утесов Л.* С песней по жизни. М., 2009. С. 182.

2085 *Соломон Г.* Среди красных вождей. С. 212.

2086 Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. P. 200.

2087 *Смирнова Т.* Квартирный вопрос испортил их // Живая история. 2018. № 3. С. 42–45.

2088 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 53. С. 106–107, 300–301.

2089 *Сорокин П. А.* Социология революции. С. 446–447.

2090 Гражданская война в СССР. Т. 2. М., 1986. С. 406.

2091 *Грей Я.* Сталин: личность в истории. М., 1995. С. 69.

2092 *Сорокин П.* Социология революции. С. 452–454.

2093 Млечин *Л. М.* Коллонтай. М., 2013. С. 159.

2094 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 39. С. 23, 24.

2095 *Млечин Л. М.* Коллонтай. М., 2013. С. 163.

2096 *Сорокин П. А.* Социология революции. С. 448–449.

2097 Семейный брак // Российская газета. 17 сентября 2018.

2098 *Сорокин П.* Социология революции. С. 501–503.

2099 *Винокуров А. Н.* Ленин и социальное обеспечение // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 120–121.

2100 *Семашко Н. А.* Владимир Ильич и Наркомздрав // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 119.

2101 *Соломон Г.* Среди красных вождей. С. 175–176.

2102 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 39. С. 410.

2103 *Троцкий Л. Д.* Сталин. М., 2019. С. 172.

2104 Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М.,1991. С. 228.

2105 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 37. С. 40–41.

2106 *Млечин Л. М.* Фрунзе. М., 2014. С. 159.

2107 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 44. С. 45–46.

2108 *Антоненко С.* От «пособья» до субботника // Воронцово поле. 2019. № 1. С. 50.

2109 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 36. С. 146, 512–522; Т. 44. С. 161; Т. 37. С. 450.

2110 *Истер Дж. М.* Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010. С. 193.

2111 *Мэтьюз М.* Становление системы привилегий в Советском государстве // Вопросы истории. 1992. № 2–3. С. 48.

2112 *Бажанов Б. Г.* Борьба Сталина за власть. С. 147.

2113 *Соломон Г.* Среди красных вождей. С. 138–139, 140, 147.

2114 *Фотиева Л.* Из жизни Ленина. С. 48.

2115 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 52. С. 171–172, 70–71.

2116 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 282.

2117 *Троцкий Л. Д.* История русской революции. Октябрьская революция. М., 2017. С. 220.

2118 «Все кончено, и никакие компромиссы уже невозможны»: из воспоминаний Е. Е. Драшусова // Россия 1917 года в эго документах. Воспоминания. М., 2015. С. 270.

2119 *Бунин И. А.* Окаянные дни: Повести. Рассказы. Воспоминания. М., 2006. С. 96–97.

2120 *Горький А.* М. В. И. Ленин // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 242.

2121 *Локкарт Б.* Буря над Россией. Исповедь английского дипломата. М., 2017. С. 242.

2122 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 37. С. 194.

2123 *Шаляпин Ф. И.* Маска и душа. Минск, 1999. С. 223–224.

2124 *Достоевская Л. Ф.* Мой отец Федор Достоевский. М., 2017. С. 30.

2125 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 37. С. 77; Т. 36. С. 420; Т. 38. С. 330,

54.

2126 *Слащёв-Крымский Я. А.* Белый Крым, 1920. М., 2013. С. 42.

2127 *Эйзенштейн С. М.* Кино – моя жизнь. Воспоминания величайшего режиссера. М., 2018. С. 106–107.

2128 *Мережковский Д. С.* и др. Царство Антихриста. Третья и четвертая тысяча. М., 2017. С. 28, 29, 32, 33.

2129 *Бердяев Н. А.* Падение священного царства. Публицистика 1914–1922. М., 2007. С. 750–751, 764.

2130 *Латышев А. Г.* Рассекреченный Ленин. С. 32.

2131 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 36. С. 189; Т. 48. С. 302.

2132 *Ульянова М. И.* О В. И. Ленине и семье Ульяновых. Воспоминания. Очерки. Письма. М., 1989. С. 128–129.

2133 *Элен Каррер д'Анкосс*. Ленин. М., 2002. С. 341.

2134 *Булгаков С. Н.* Избранное. М., 2010. С. 638.

2135 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 36. С. 301.

2136 См.: *Никонов В. А.* Российская матрица. М., 2014.

2137 *Волошин М. А.* Молюсь за тех и за других: Стихи, поэмы, статьи. М., 2001. С. 323.

2138 *Сорокин П. А.* Социология революции. М., 2005. С. 530, 526.

2139 Цит. по: *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30–е годы: город. М., 2001. С. 26

2140 *Безыменский А.* Ленин на III Съезде Комсомола // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 6. С. 305–306.

2141 *Жаров А.* Великое напутствие // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 6. С. 318.

2142 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 41. С. 298, 308–309, 317.

2143 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 48. С. 226–227.

2144 Иоанн (Снычев), митрополит. Русская симфония. Очерк русской историософии. СПб., 2015. С. 499–500.

2145 *Логинов В. Т.* Ленин. Полная биография. М., 2018. С. 666.

2146 Цит. по: *Протоиерей Владимир Цыпин*. История Русской Православной Церкви, 1917–1990. М., 1997. С. 406.

2147 Накануне революции в России было около 40 тыс. приходов и 1 тысячи монастырей, «белое» (приходское) и «черное» (монашествующее) духовенство насчитывало 145 тыс. человек (*Пайпс Р.* Россия при большевиках. М., 1997. С. 408).

2148 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 38. С. 95.

2149 *Данилкин Л.* Ленин. Пантократор солнечных пылинок. М., 2017. С. 703–704.

2150 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50. С. 279, 330.

2151 *Мережковский Д. С. и др*. Царство Антихриста. Третья и четвертая тысяча. М., 2017. С. 159.

2152 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 44. С. 333; Т. 52. С. 140.

2153 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 41. С. 305.

2154 *Крупская Н. К.* Из воспоминаний о Ленине // Воспоминания родных о В. И. Ленине. М., 1955. С. 195.

2155 *Фишер Л*. Жизнь Ленина. Т. 2. М., 1997. С. 232.

2156 *Луначарский А. В.* Из октябрьских воспоминаний // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 38.

2157 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 37. С. 77; Т. 38. С. 479; Т. 44. С. 170.

2158 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 36. С. 422.

2159 *Полянский В*. Как начинал работать Народный комиссариат просвещения // Утро Страны Советов. Л., 1988. С. 289.

2160 *Шубин А. В.* Старт Страны Советов. Революция. Октябрь 1917 – март 1918. СПб., 2017. С. 110–111.

2161 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 36. С. 147; Т. 39. С. 13; С. 44. С. 79; Т. 42. С. 330.

2162 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 365, 312; Т. 37. С. 77; Т. 36. С. 420–421.

2163 *Полянский В*. Как начинал работать Народный комиссариат просвещения. С. 289–290.

2164 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 42. С. 87.

2165 *Мережковский Д. С*. и др. Царство Антихриста. С. 149–150.

2166 *Покровский М. Н.* Чем был Ленин для нашей высшей школы // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 6. С. 230–231.

2167 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 37. С. 34.

2168 *Покровский М. Н.* Чем был Ленин для нашей высшей школы. С. 231.

2169 *Сорокин П. А*. Социология революции. М., 2005. С. 510, 513.

2170 *Луначарский А. В.* Ленин как ученый и публицист. С. 22.

2171 *Покровский М. Н.* Чем был Ленин для нашей высшей школы. С. 231.

2172 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 36. С. 372.

2173 *Горбунов Н. П.* Ленин и научно-техническая работа // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 8. С. 37.

2174 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 220–221.

2175 *Аникст А. М*. Ленин на государственной работе. С. 80.

2176 *Халатов А. Б.* Владимир Ильич и продовольственная политика. С. 150–151.

2177 *Мэтьюз М*. Становление системы привилегий в

Советском государстве. С. 50, 52.

2178 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 51. С. 222; Т. 52. С. 303.

2179 *Данилкин Л.* Ленин. С. 621–622, 626.

2180 *Смольянинов В. А.* Штрихи великого портрета // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 7. С. 87–88.

2181 *Горбунов Н. П.* Как Ленин помогал изобретателям // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 10 т. Т. 7. М., 1991. С. 233.

2182 *Линдер И. Б., Чуркин С. А.* Спецслужбы России за 1000 лет. М., 2012. С. 603.

2183 *Горбунов Н. П.* Как Ленин помогал изобретателям. С. 235.

2184 *Горбунов Н. П.* Ленин и научно-техническая работа. С. 36.

2185 *Остряков П. А.* Газета без бумаги и «без расстояний» // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 6. С. 243.

2186 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 51. С. 129, 130.

2187 Декреты Советской власти. Т. 7. М., 1975. С. 567–568.

2188 *Николаев А. М.* Внимание Владимира Ильича к изобретениям и изобретателям // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 6. С. 235–237.

2189 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 52. С. 54.

2190 *Николаев А. М.* Внимание Владимира Ильича к изобретениям и изобретателям. С. 237, 239.

2191 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 194–195.

2192 *Берберова Н.* Александр Блок и его время: Биография. М., 1999. С. 223–224.

2193 В. И. Ленин в литературе и искусстве. М., 1960. С. 667.

2194 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 41. С. 336–337; Т. 42. С. 12.

2195 *Малевич К.* Черный квадрат. М., 2018. С. 155.

2196 Цит. по: *Фишер Л.* Жизнь Ленина. Т. 2. С. 231.

2197 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 51. С. 25.

2198 *Ульянова М. И.* Ленин и Горький // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. М., 1989. С. 281.

2199 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 714–715, 429, 70–71; Т. 52. С. 289; Т. 53. С. 109.

2200 *Прилепин Захар*. Непохожие поэты. М., 2015. С. 47.

2201 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 52. С. 179; Т. 45. С. 13.

2202 *Берзин Я. А.* Первые встречи с Лениным // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. М., 1989. С. 276.

2203 *Васильева Ж.* Выжить после ликвидации // Российская газета. 24 октября 2019.

2204 *Коненков С. Т.* Ленин: «Я назвал бы это монументальной пропагандой» // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5.

С. 283.

2205 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50. С. 101.

2206 *Коненков С. Т.* Ленин: «Я назвал бы это монументальной пропагандой». С. 284, 286–287.

2207 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50. С. 182.

2208 *Коненков С. Т.* Ленин: «Я назвал бы это монументальной пропагандой». С. 287–288, 294–295.

2209 *Коненков С. Т.* Мой век. М., 1972. С. 295–296.

2210 *Шаляпин Ф. И.* Маска и душа. С. 233.

2211 *Станиславский К.* С. Моя жизнь в искусстве. М., 2015. С. 422.

2212 *Крупская Н. К.* Из воспоминаний о Ленине. С. 196.

2213 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 53. С. 142; Т. 54. С. 110.

2214 Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. М., 1999. С. 34–35.

2215 Литературное наследство. Т. 80. Ленин и Луначарский. М., 1971. С. 313.

2216 *Горький А. М.* В. И. Ленин. С. 244.

2217 *Ульянов Д. И.* Любовь к музыке // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 153.

2218 *Ульянова М. И.* Ленин и музыка // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 282–283.

2219 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 44. С. 360–361.

2220 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 51. С. 153.

2221 Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М.,1991. С. 227.

2222 *Пивоваров Ю.* Русская политическая культура и political culture // Pro et Contra. 2002. № 3. С. 28.

Глава 10

2223 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 41. С. 286, 293.

2224 Власть и оппозиция: Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. С. 99.

2225 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 41. С. 77; Т. 42. С. 235, 206.

2226 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 42. С. 235, 218, 219, 35–36.

2227 *Людвинская Т. Ф.* Из истории борьбы за единство партии в 1920–1921 гг. // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 8. М., 1991. С. 76–77.

2228 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 42. С. 236, 220–221.

2229 *Бажанов Б. Г.* Борьба Сталина за власть. Вспоминания личного секретаря. М., 2017. С. 38.

2230 Власть и оппозиция. С. 103.

2231 *Молотов В. М.* О Владимире Ильиче Ленине (К 90-летию со дня рождения). Рукопись // ЛАМ. П. 23. Док. 1. Ч. 3. Л. 5.

2232 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 42. С. 211.

2233 *Буденный С. М.* Красная Армия в Гражданской войне. М., 2018. С. 226, 227.

2234 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 42. С. 237.

2235 *Милютин В. П.* Ленин-хозяйственник // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 7. М., 1991. С. 22–23.

2236 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 42. С. 202–203, 206, 210, 239, 240–241, 242.

2237 *Людвинская Т. Ф.* Из истории борьбы за единство партии в 1920–1921 гг. С. 83.

2238 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 42. С. 234, 259–260, 225.

2239 История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Кн. 1. М., 1970. С. 30.

2240 *Аверченко А., Тэффи.* Рассказы. М., 1990. С. 154.

2241 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 42. С. 131.

2242 *Каменев Л.* Б. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 6. М., 1990. С. 31.

2243 Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 184.

2244 ВЧК. Главные документы. М., 2017. С. 372–375, 312.

2245 *Даншевский К. Х.* Встречи с Лениным в годы Гражданской войны (1918–1921 годы) // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5, 1990. С. 231–232.

2246 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 42. С. 348–350, 352; Т. 52. С. 80. Т. 43. С. 123.

2247 Сто сорок бесед с Молотовым. С. 176.

2248 *Бажанов Б. Г.* Борьба Сталина за власть. С. 112.

2249 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 42. С. 51.

225 ˚Сто сорок бесед с Молотовым. С. 232.

2251 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 44. С. 205; Т. 42. С. 333.

2252 *Левицкий А. А.* На X съезде партии // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 8. С. 33.

2253 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 43. С. 24, 237.

2254 *Даншевский К. Х.* Встречи с Лениным в годы Гражданской войны. С. 232.

2255 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 43. С. 10, 28, 4.

2256 *Коллонтай А. М.* Рабочая оппозиция. М., 1921. С. 25.

2257 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 43. С. 39, 94.

2258 *Микоян А. И.* Так было: Размышления о минувшем. М., 2014. С. 378.

2259 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 2017. С. 419–420.

2260 *Данишевский К. Х.* Встречи с Лениным в годы Гражданской войны. С. 232–233.

2261 См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1983. С. 336.

2262 Десятый съезд Российской коммунистической партии. Стенографический отчет (8–16 марта 1921 г.). М., 1921. С. 310.

2263 И. В. Сталин и «конституирование» партийной власти // Исторический архив. 2017. № 1. С. 120.

2264 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 43. С. 57, 59, 61.

2265 Десятый съезд Российской коммунистической партии. С. 327.

2266 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 52. С. 94.

2267 ВЧК. Главные документы. С. 368–371.

2268 *Аксельрод П. Б.* О большевизме и борьбе с ним // *Аксельрод П. Б., Мартов Ю.* О., Потресов А. Н. О революции и социализме. М., 2010. С. 564, 565.

2269 Гимпельсон *Е. Г.* НЭП и советская политическая система. 20-е годы. М., 2000. С. 70.

2270 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 43. С. 241, 242.

2271 Цит. по: *Гимпельсон Е. Г.* НЭП и советская политическая система. С. 68–69.

2272 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 441; Т. 53. С. 345–346.

2273 *Данилкин Л.* Ленин. Пантократор солнечных пылинок. М., 2017. С. 683.

2274 *Гаврилов И. Г.* Как я узнал Владимира Ильича. Воспоминания крестьянина // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 7. С. 209.

2275 *Смилга И. Т.* В. И. Ленин и промышленность // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 7. С. 120.

2276 *Халатов А. Б.* Владимир Ильич и продовольственная политика // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 7. С. 150.

2277 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 43. С. 358–359, 236–237; Т. 44. С. 315. Т. 52. С. 80.

2278 *Серж В.* От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. Оренбург, 2001. С. 177.

2279 *Устрялов Н.* Под знаком революции: Сборник статей. Харбин, 1925. С. 24, 45.

2280 *Черчилль У.* Мировой кризис. Последствия. М., 2014. С. 65.

2281 *Скундин Б. Г.* Ленинский стиль в решении сложных вопросов // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 7. С.

26.

2282 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 43. С. 149, 148, 160.

2283 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 43. С. 219–220.

2284 *Стронгин Л. И.* Воспоминания о В. И. Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 7. С. 26–27.

2285 *Дурмашкин А. М.* Внимание Ленина к профсоюзам // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 7. С. 188.

2286 *Стронгин Л. И.* Воспоминания о В. И. Ленине. С. 27.

2287 *Угланов Н. А.* О Владимире Ильиче Ленине (в период 1917–1922 гг.) // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 8. С. 70–71.

2288 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 43. С. 299, 306, 326, 329–330, 331, 340, 341.

2289 Протоколы X Всероссийской конференции РКП(б). Май 1921. М., 1933. С. 92.

2290 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 59.

2291 Сто сорок бесед с Молотовым. С. 200.

2292 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 190. Л. 4.

2293 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 460–461.

2294 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 53. С. 393, 84.

2295 Архив Троцкого: Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. Т. 1. Ярославль, 1990. С. 13–14.

2296 *Молотов В. М.* О Владимире Ильиче Ленине. Л. 12–13.

2297 *Бажанов Б. Г.* Борьба Сталина за власть. С. 39.

2298 *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М., 2008. С. 37.

2299 *Волкогонов Д. А.* Ленин. Жрец террора. М., 2018. С. 352.

2300 *Розанов В. Н.* Из воспоминаний о Владимире Ильиче // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 314.

2301 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 201. Л. 5–6.

2302 *Сахаров В. А.* «Политическое завещание» Ленина. Реальность истории и мифы политики. М., 2003. С. 160–163.

2303 *Молотов В. М.* Партия и ленинский призыв. М., 1924. С. 23, 16.

2304 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 43. С. 361; Т. 44. С. 124; Т. 45. С. 17–18.

2305 *Молотов В. М.* Партия и ленинский призыв. С. 22.

2306 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 44. С. 392–393.

2307 *Коржихина Т. П.* Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 – декабрь 1991. М, 1994. С. 25.

2308 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 52. С. 179; Т. 43. С. 322, 350.

2309 Цит. по: Россия нэповская. М., 2002. С. 94.

2310 Цит. по: *Логинов В. Т.* Ленин. Полная биография. М.,

2018. С. 727.

2311 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 53. С. 24–25; Т. 44. С. 116, 67–68.

2312 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 463–464.

2313 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 44. С. 75.

2314 *Красин Л. Б.* Владимир Ильич и внешняя торговля // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 7. С. 102–103.

2315 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 53. С. 110–111.

2316 Цит. по: *Волкогонов Д. А.* Ленин: Политический портрет. Кн. 1. М., 1994. С. 421.

2317 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 53. С. 134, 177–178; Т. 44. С. 313, 312; Т. 54. С. 127.

2318 *Калинин М. М.* Статьи и речи. 1919–1935. М., 1936. С. 86.

2319 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 43. С. 141.

2320 *Мельтюхов М. И.* Советско-польские войны: Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М., 2001. С. 113.

2321 *Молотов В. М.* О Владимире Ильиче Ленине. Ч. 3. Л. 5–6.

2322 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 44. С. 301, 292; Т. 43. С. 176; Т. 52. С. 266; Т. 45. С. 61.

2323 *Пятницкий В. И.* Заговор против Сталина. М., 1998. С. 200–201.

2324 *Соломон Г.* Среди красных вождей. Лично пережитое и виденное на советской службе. М., 2015. С. 318–320.

2325 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 469–470.

2326 *Линдер И. Б., Чуркин С. А.* Спецслужбы России за 1000 лет. М., 2012. С. 603, 604.

2327 *Лозовский А. С.* Из воспоминаний о В. И. Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 8. С. 91–92.

2328 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 450, 452.

2329 *Серж В.* От революции к тоталитаризму. С. 165.

2330 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 44. С. 34, 419.

2331 *Ватлин А. Ю.* Внешняя политика и Коминтерн 1921–1929 гг. // Россия нэповская. М., 2002. С. 331.

2332 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 44. С. 57, 59.

2333 *Лозовский С. А.* Из воспоминаний о В. И. Ленине. С. 92–93.

2334 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 44. С. 98.

2335 *Панцов А. В.* Тайная история советско-китайских отношений: Большевики и Китайская революция (1919–1927). М., 2001. С. 74.

2336 Цит. по: *Волкогонов Д. А.* Ленин. Кн. 2. М., 1994. С. 281.

2337 *Жевахов А.* Кемаль Ататюрк. М., 2008. С. 150.

2338 *Васильев А.* От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М., 2018. С. 30–31.

2339 *Млечин Л. М.* Фрунзе. М., 2014. С. 183.

2340 *Баранов Д.* 95 лет российско-турецким дипломатическим отношениям // Международная жизнь. Июнь 2015. С. 32

2341 *Капитонова Н. К., Романова Е. В.* История внешней политики Великобритании. М., 2016. С. 295.

2342 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 43. С. 188, 69, 67.

2343 Известия ВЦИК. 22 марта № 61. 1921.

2344 Документы внешней политики СССР. Т. IV. М., 1960. С. 9–11.

2345 Москва – Вашингтон: политика и дипломатия Кремля, 1921–1941 / Отв. ред. Г. Н. Севостьянов. Т. 1. М., 2009. С. 17.

2346 Документы внешней политики СССР. Т. IV. С. 225.

2347 *Капитонова Н. К., Романова Е. В.* История внешней политики Великобритании. С. 309.

2348 *Мартенс Л. К.* Воспоминания о В. И. Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 10 т. Т. 7. М., 1991. С. 169–171.

2349 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 53. С. 263, 285, 203, 232, 292; Т. 44. С. 141.

2350 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 53. С. 292, 273–274, 279.

2351 История международных отношений и внешней политики СССР. Т. 1. М., 1986. С. 45.

2352 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 42. С. 68.

2353 *Кантор Ю. З.* Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии 20–30-х годов. М., 2014. С. 294.

2354 *Волкогонов Д. А.* Ленин. Жрец террора. М., 2018. С. 15.

2355 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 44. С. 225.

2356 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 44. С. 207–208, 216–217, 225, 336–337, 346, 344–345, 356–357; Т. 53. С. 186.

2357 *Леплевский Г. М.* О работе В. И. Ленина в Совнаркоме в 1921–1922 годах // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 7. С. 67–68.

2358 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 53. С. 234; Т. 44. С. 336.

2359 *Шейнман А. Л.* Ленин и Госбанк // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 7. С. 129.

2360 *Ильюхов А.* Как деньги победили коммунизм. Советская финансовая реформа 1922–1924 гг. // Живая история. 2018. № 2. С. 50–55.

2361 *Малышев С. В.* Встречи с Лениным во время НЭПа //

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 7. С. 141.

2362 *Красин Л. Б.* Владимир Ильич и внешняя торговля // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 7.С. 102–103.

2363 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 52. С. 280–281; Т. 53. С. 255, 267, 282–283, 316; Т. 43. С. 234–235.

2364 *Волкогонов Д. А.* Ленин. Жрец террора. М., 2018. С. 395.

2365 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 32; Т. 44. С. 337.

2366 *Хлобустов О.* Государственная безопасность: От Александра I до Сталина. СПб., 2017. С. 152.

2367 *Бажанов Б. Г.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992. С. 208.

2368 Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 185.

2369 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 44. С. 328.

2370 *Уншлихт И. С.* О Владимире Ильиче // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 7. С. 288–289.

2371 *Мариенгоф А.* Бессмертная трилогия. М., 2000. С. 218–219.

2372 *Чуковский К. И.* Дневник. 1901–1969. Т. 1. М., 2003. С. 253.

2373 *Иванов Г.* Мемуарная проза: Петербургские зимы. М., 2001. С. 162.

2374 *Берберова Н.* Александр Блок и его время: Биография. М., 1999. С. 253.

2375 Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике 1917–1953. М., 1999. С. 21, 22, 24, 26–28, 29.

2376 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 44. С. 301–302.

2377 *Булгаковы М. и Е.* Дневник Мастера и Маргариты. М., 2001. С. 18, 23.

2378 *Берберова Н.* Курсив мой. Автобография. М., 2010. С. 188.

2379 *Андреевский Г. В.* Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920–1930-е годы. М., 2018. С. 10–11.

2380 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 44. С. 212, 229, 310–311.

Глава 11

2381 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 2017. С. 444.

2382 Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 130.

2383 Цит. по: *Логинов В. Т.* Ленин. Полная биография. М., 2018. С. 748.

2384 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 53. С. 17, 379–380.

2385 В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 11. С. 6; *Ленин В. И.* ПСС. Т. 53. С. 23, 27, 48; Т. 44. С. 72.

2386 РГАСПИ. Ф.17. Оп. 3. Д. 174. Л. 2.

2387 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 53. С. 109, 142.

2388 *Уншлихт И.* С. О Владимире Ильиче // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 7. М., 1991. С. 297.

2389 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54 С. 65–66, 62, 58–581, 74.

2390 *Данилкин Л.* Ленин. Пантократор солнечных пылинок. М., 2017. С. 672

2391 Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 130.

2392 Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 185

2393 *Сахаров В. А.* «Политическое завещание» Ленина. Реальность истории и мифы политики. М., 2003. С. 155.

2394 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 201.

2395 *Данилкин Л.* Ленин. С. 675–676.

2396 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 114–115.

2397 Рабочие и крестьяне России о Ленине. Воспоминания. М., 1958. С. 296–297

2398 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 44. С. 369, 427, 428; Т. 54. Т. 137, 160.

2399 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 144.

2400 Цит. по: Режим личной власти Сталина: К истории формирования / Под ред. Ю. С. Кукушкина. М… 1989. С. 43.

2401 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 44. С. 396–397, 398; Т. 54. С. 196.

2402 Лубянка: Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. М., 2003. С. 15–16.

2403 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 190.

2404 Цит. по: *Гимпельсон Е.* Г. НЭП и советская политическая система. 20-е годы. М., 2000. С. 55.

2405 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 130–131, 148.

2406 Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь – август 1922). Подготовка. Проведение. Итоги. М., 2002. С. 194.

2407 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 50.

2408 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 140–141, 148–149; Т. 44. С. 404–405.

2409 Известия ЦК КПСС. № 4. 1990. С. 189.

2410 *Чичерин Г. В.* Ленин и внешняя политика // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. М., 1990. С. 381–382.

2411 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 117, 134–135, 164, 615, 170–171, 183; Т. 44. С. 374, 376, 385–386.

2412 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 241. Л. 6.

2413 *Логинов В. Т.* Ленин. Полная биография. С. 703.

2414 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 176, 188.

2415 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 510.

2416 *Логинов В. Т.* Ленин. Полная биография. С. 704–707.

2417 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 511–512.

2418 *Дурмашкин А. М.* Внимание Ленина к профсоюзам // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 7. М., 1991. С. 191–192.

2419 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 512.

2420 *Крупская Н. К.* О Ленине. Сборник статей и выступлений. М., 1979. С. 69.

2421 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 203, 228, 232.

2422 *Крупская Н. К.* О Ленине. С. 71.

2423 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 28; Т. 52. С. 140.

2424 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. М., 2017. С. 291–292.

2425 *Протоиерей Владимир Цыпин.* История Русской Православной Церкви, 1917–1990. М., 1997. С. 46.

2426 Архивы Кремля: Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. Кн. 2. С. 52.

2427 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 206.

2428 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 516–517.

2429 *Покровский Н.* Власть и церковь на Руси // Россия. Ноябрь 1997. С. 45.

2430 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 205; В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 515.

2431 Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. М., 1999. С. 35.

2432 Философский пароход // Новая газета. 2003. № 52. С. 16.

2433 *Федюкин С. А.* Борьба коммунистической партии с буржуазной идеологией в первые годы НЭПа. М., 1977. С. 171–172.

2434 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 198, 31, 505, 265–266; Т. 45. С. 174, 175, 23–33, 53.

2435 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 2017. С. 523.

2436 Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 132.

2437 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 214; Т. 45. С. 62, 19–20.

2438 *Митрофанов А. И.* Владимир Ильич Ленин на XI съезде РКП(б) // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 7. С. 40–41.

2439 *Ленин В. И.* ПСС., Т. 45. С. 70, 73, 78, 80, 82, 84, 85, 86–

87, 88–89, 96–97, 99, 114–115.

2440 XI съезд РКП(б). Стенографический отчет. 27 марта – 2 апреля 1922. М., 1922. С. 70, 80, 112, 113, 119.

2441 *Ленин В. И.* ПСС., Т. 45. С. 122–123.

2442 Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 181.

2443 *Сахаров В. А.* «Политическое завещание» Ленина. С. 172.

2444 *Ленин В. И.* ПСС., Т. 45. С. 139.

2445 *Троцкий Л.* Сталин. М., 1995. С. 340–341.

2446 *Бажанов Б. Г.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992. С. 177–178, 38, 23.

2447 *Троцкий Л. Д.* Сталин. С. 332.

2448 Ulam A. The Bolsheviks: The Intellectual and Political History of the Triumph of Communism in Russia. N.Y., 1968. P. 547.

2449 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 131.

2450 *Фельштинский Ю. Г.* Разговоры с Бухариным. М., 1993. С. 60.

2451 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 145, 141.

2452 *Чичерин Г. В.* Ленин и внешняя политика. С. 381–382.

2453 *Данилкин Л.* Ленин. С. 670, 671.

2454 *Эррио Э.* Из прошлого: Между двумя войнами. 1914–1936. М., 1958. С. 145.

2455 *Чичерин Г. В.* Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961. С. 205, 230–231.

2456 *Ленин В. И.* ПСС., Т. 45. С. 160.

2457 РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1968. Л. 6.

2458 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 533–534.

2459 *Ленин В. И.* ПСС., Т. 45. С. 161, 163.

2460 *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997. С. 241.

2461 *Ленин В. И.* ПСС., Т. 45. С. 171, 183, 185.

2462 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 2017. С. 547, 531.

2463 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 229–230; В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 2017. С. 530.

2464 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 229–230.

2465 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 241–242; Известия ЦК КПСС. № 2. 1991. С. 133–134.

2466 Ленин и ВЧК. М., 1987. С. 536.

2467 *Ленин В. И.* ПСС., Т. 45. С. 152–153, 158–159.

2468 Цит. по: *Сахаров В.* А. «Политическое завещание» Ленина. С. 93.

2469 *Ленин В. И.* ПСС., Т. 45. С. 180–182.

2470 *Розанов В. Н.* Из воспоминаний о Владимире Ильиче //

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 315–317.

2471 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 537.

2472 В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 329, 337.

2473 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 538–539.

2474 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 272.

2475 *Розанов В. Н.* Из воспоминаний о Владимире Ильиче. С. 319.

2476 *Данилкин Л.* Ленин. С. 731.

2477 *Логинов В. Т.* В. И. Ленин. Полная биография. С. 755.

2478 *Ульянова М. И.* Об отношении В. И. Ленина к И. В. Сталину // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 8. С. 239.

2479 Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 188.

2480 *Фотиева Л. А.* Неиссякаемая энергия (конец мая – ноябрь 1922 года) // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 7. С. 241.

2481 *Данилкин Л.* Ленин. С. 732.

2482 Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 199–200; № 1. С. 191.

2483 Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 192.

2484 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 541–542.

2485 *Фотиева Л. А.* Неиссякаемая энергия. С. 241–242.

2486 *Бажанов Б. Г.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. С. 38.

2487 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. М., 2017. С. 289.

2488 Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 198.

2489 *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 5. С. 134–135

2490 *Логинов В. Т.* В. И. Ленин. Полная биография. С. 763.

2491 Известия ЦК КПСС. № 4. 1991. С. 188.

2492 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 273.

2493 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 2017. С. 544, 547.

2494 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 273.

2495 *Фотиева Л. А.* Неиссякаемая энергия. С. 244–245.

2496 ВЧК. Главные документы. М., 2017. С. 377.

2497 *Логинов В. Т.* В. И. Ленин. Полная биография. С. 768, 769.

2498 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. С. 289–290.

2499 *Антонов-Овсеенко В. А.* Театр Иосифа Сталина. М., 2000. С. 60.

2500 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. С. 291.

2501 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 280.

2502 В. И. Ленин. Неизвестные документы. С. 544–545.

2503 Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 298.

2504 *Логинов В. Т.* В. И. Ленин. Полная биография. С. 769.

2505 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 542–543.

2506 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 274–275.

2507 *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 5. С. 135–136.

2508 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 282; Т. 45. С. 209–210.

2509 Цит. по: *Логинов В.* Т. В. И. Ленин. Полная биография. С. 779.

2510 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 548–549.

2511 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. С. 292.

2512 Архив Л. Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Т. 1. С. 9–11.

2513 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С 283.

2514 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 549.

2515 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 290.

2516 *Фотиева Л. А.* Неиссякаемая энергия. С. 262–263.

2517 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 286.

2518 Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 198.

Глава 12

2519 *Фотиева Л. А.* Неиссякаемая энергия (конец мая – ноябрь 1922 года) // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 7. С. 269–270.

2520 *Луначарский А. В.* Ленин в Совнаркоме // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 7. С. 77.

2521 *Леплевский Г. М.* О работе В. И. Ленина в Совнаркоме в 1921–1922 годах // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 7. С. 57.

2522 *Фотиева Л. А.* Неиссякаемая энергия. С. 269–270.

2523 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 300.

2524 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 2017. С. 557–558.

2525 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 292.

2526 Известия ЦК КПСС. № 12. 1989. С. 198.

2527 *Фотиева Л. А.* Неиссякаемая энергия. С. 270–271.

2528 Вопросы истории КПСС. № 9. 1991. С. 41–42; Известия ЦК КПСС. № 5. 1991.С. 187–189.

2529 *Фотиева Л. А.* Неиссякаемая энергия. С. 272, 274.

2530 *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 5. С. 141.

2531 Известия ЦК КПСС. № 9. 1989. С. 198.

2532 *Сахаров В. А.* «Политическое завещание» Ленина. Реальность истории и мифы политики. М., 2003. С. 226–227, 646–648.

2533 Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 192–193.

2534 РГАСПИ. Д. 82. Оп. 2. Д. 88. Л. 8.

2535 В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 384.

2536 Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 199.

2537 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 211–213.

2538 *Косаковский А. А.* Большевики удерживают государственную власть // Драма российской истории: большевики и революция. М., 2002. С. 418.

2539 *Медведев Ж., Медведев Р.* Неизвестный Сталин. М., 2002. С. 337.

2540 Известия ЦК КПСС. № 9. 1989. С. 208, 209.

2541 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 88. Л. 11–12.

2542 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 214.

2543 «Грузинский инцидент» // Правда. 12 августа 1988.

2544 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 299–300.

2545 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. 197; Т. 45. С. 208, 220,222.

2546 *Фотиева Л. А.* Из воспоминаний о В. И. Ленине (декабрь 1922 – март 1923) // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 8. С. 179.

2547 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 245, 250.

2548 *Фотиева Л. А.* Неиссякаемая энергия. С. 276.

2549 *Андреевский Г. В.* Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920–1930-е годы. М., 2018. С. 26–28.

2550 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 270.

2551 Вопросы истории КПСС. № 9. 1991. С. 42–43.

2552 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 284; Т. 45. С. 277.

2553 *Аросев А. Я.* Ну что, как Ильич? // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 8. С. 138.

2554 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 278, 283, 286–287, 290.

2555 *Аросев А. Я.* Ну что, как Ильич? С. 138–139.

2556 *Лозовский С. А.* Из воспоминаний о В. И. Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 8. С. 95–96.

2557 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 292, 294.

2558 *Бухарин Н. И.* Избранные произведения. М., 1988. С. 120.

2559 *Яковлев В. В.* И. Ленин и киносъемки // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 8. С. 144.

2560 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 347.

2561 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 566–567.

2562 *Чичерин Г. В.* Ленин и внешняя политика //

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. М., 1990. С. 382.

2563 *Черчилль У.* Мировой кризис. Последствия. М., 2014. С. 408.

2564 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 238.

2565 *Капитонова Н. К., Романова Е. В.* История внешней политики Великобритании. М., 2016. С. 301.

2566 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 239, 241.

2567 *Капитонова Н. К., Романова Е. В.* История внешней политики Великобритании. С. 318–319.

2568 В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 566.

2569 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 302, 305, 309.

2570 Цит. по: *Логинов В.* Т. В. И. Ленин. Полная биография. М., 2018. С. 798.

2571 *Фотиева Л. А.* Из воспоминаний о В. И. Ленине (декабрь 1922 – март 1923). С. 169.

2572 Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 43; Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 188.

2573 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54; Т. 45. С. 327, 328–329, 470.

2574 *Фотиева Л. А.* Из воспоминаний о В. И. Ленине (декабрь 1922 – март 1923). С. 172.

2575 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 671, 323; Т. 45. С. 708.

2576 *Фотиева Л. А.* Из воспоминаний о В. И. Ленине (декабрь 1922 – март 1923). С. 173.

2577 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 331–332; Т. 54. С. 324.

2578 *Фотиева Л. А.* Из воспоминаний о В. И. Ленине (декабрь 1922 – март 1923). С. 178–179.

2579 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 333, 335.

2580 *Ярославский Е. М.* Из личных записей о последней встрече с В. И. Лениным 24 и 27 декабря 1924 года // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 8. С. 160–161.

2581 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 325, 326.

2582 *Ярославский Е. М.* Из личных записей о последней встрече с В. И. Лениным. С. 161.

2583 Известия ЦК КПСС. № 6. 1991. С. 189.

2584 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 338–339.

2585 Известия ЦК КПСС. № 6. 1991. С. 189–190.

2586 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 327.

2587 *Фотиева Л. А.* Из воспоминаний о В. И. Ленине (декабрь 1922 – март 1923). С. 182.

2588 Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 190; 1989. № 12. С. 191.

2589 *Крупская Н. К.* Мои ответы на анкету Института мозга (1935 г.) // Малознакомый Ленин. сборник. СПб., 2016. С. 11.

2590 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 327–328, 672.

2591 Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 191–192.

2592 Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 212–213.

2593 Известия ЦК КПСС. № 12. 1989. С. 193, 198, 192; № 6. 1991. С. 196, 198, 191.

2594 *Троцкий Л.* Моя жизнь. М., 2017. С. 293, 294.

2595 *Сахаров В. А.* «Политическое завещание» Ленина. С. 67, 68, 70–71, 74–75.

2596 *Данилкин Л.* Ленин. Пантократор солнечных пылинок. М., 2017. С. 755, 761–762.

2597 *Хлевнюк О.* Сталин. Жизнь одного вождя. М., 2015. С. 112.

2598 *Логинов В. Т.* В. И. Ленин. Полная биография. М., 2018. С. 809, 810.

2599 Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 191.

2600 *Фотиева Л. А.* Из воспоминаний о В. И. Ленине (декабрь 1922 – март 1923 С. 187.

2601 Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 191.

2602 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 474.

2603 *Ульянова М. И.* О В. И. Ленине и семье Ульяновых. Воспоминания. Очерки. Письма. М., 1989. С. 145.

2604 *Володичева М. А.* Отрывки из воспоминаний // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 8. С. 216.

2605 *Фотиева Л. А.* Из воспоминаний о В. И. Ленине (декабрь 1922 – март 1923). С. 188–190.

2606 *Бажанов Б. Г.* Борьба Сталина за власть. Воспоминания личного секретаря. М., 2017. С. 44–45.

2607 *Гляссер М. И.* О последних днях работы Владимира Ильича // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 8. С. 214.

2608 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 592, 593.

2609 *Фотиева Л. А.* Из воспоминаний о В. И. Ленине (декабрь 1922 г. – март 1923 г.). С. 188–189.

2610 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 343–344.

2611 Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 157–159.

2612 Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 191.

2613 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 710; Известия ЦК КПСС. № 6. 1991. С 193.

2614 *Фотиева Л. А.* Из воспоминаний о В. И. Ленине (декабрь 1922 – март 1923). С. 188–189.

2615 *Логинов В. Т.* В. И. Ленин. Полная биография. С. 806.

2616 Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 198.

2617 Сто сорок бесед с Молотовым. С. 212, 215.

2618 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 474.

2619 Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 45.

2620 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 345–348.

2621 Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 47.

2622 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 346.

2623 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. М., 2017. С. 293–294.

2624 Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 197.

2625 *Радзинский Э С.* Сталин. М.,1997. С. 205.

2626 *Павлюченков С. А.* «Новый класс» и становление системы государственного абсолютизма // Россия нэповская. М., 2002. С. 177.

2627 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 594.

2628 *Сахаров В. А.* «Политическое завещание» Ленина. С. 278.

2629 Московские новости. 23 апреля 1989. С. 9.

2630 Архив Троцкого: Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. Т. 1. Ярославль, 1990. С. С. 56.

2631 Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 203, 205–206.

2632 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 349, 350.

2633 *Волкогонов Д. А.* Троцкий: политический портрет. Кн. 2. М., 1992. С. 10–11.

2634 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 354–355.

2635 *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 5. С. 158.

2636 Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 46.

2637 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 356–362.

2638 Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 108; Троцкий Л. Б. Сталинская школа фальсификаций. Поправки и дополнения к литературе эпигонов. М., 1990. С. 83

2639 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 364, 365.

2640 *Сахаров В. А.* «Политическое завещание» Ленина. С. 295.

2641 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 598, 370, 373.

2642 Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 45, 47–48.

2643 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 711, 378.

2644 *Сахаров В. А.* «Политическое завещание» Ленина. С. 94.

2645 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 383, 367.

2646 *Сахаров В. А.* «Политическое завещание» Ленина. С. 300.

2647 *Элен Каррер д'Анкосс Э.* Ленин. М., 2002. С. 327.

2648 *Троцкий Л. Д.* Сталинская школа фальсификаций. М., 1991. С. 84.

2649 Известия ЦК КПСС. 1989. № 11. С. 189, 192.

2650 Известия ЦК КПСС. 1989. № 11. С. 179, 180; Назаров О. Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. М., 2000. С. 84.

2651 Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 50–51.

2652 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 712

2653 Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 163.

2654 *Фотиева Л. А.* Из воспоминаний о В. И. Ленине (декабрь 1922 – март 1923). С. 202–203.

2655 Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 163.

2656 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 478, 712.

2657 *Фотиева Л. А.* Из воспоминаний о В. И. Ленине (декабрь 1922 – март 1923). С. 203.

2658 Кентавр. Октябрь – декабрь 1991. С. 100–101.

2659 *Гляссер М. И.* О последних днях работы Владимира Ильича. С. 214.

2660 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 483–484, 713.

2661 Кентавр. Октябрь-декабрь 1991. С. 101–102.

2662 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 485–486, 607, 713–714.

2663 *Жуков Ю. Н.* Оборотная сторона нэпа. Экономика и политическая борьба в СССР 1923–1925 гг. М., 2014. С. 36.

2664 Кентавр. Октябрь-декабрь 1991. С. 104–105.

2665 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 393, 389, 385, 404, 405, 406.

2666 Кентавр. 1991. Октябрь – декабрь. С. 107–108.

2667 *Фотиева Л. А.* Из воспоминаний о В. И. Ленине (декабрь 1922 – март 1923). С. 211.

2668 Кентавр. Октябрь-декабрь. 1991. С. 108.

2669 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. С. 296.

2670 Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 153, 163.

2671 Кентавр. Октябрь-декабрь 1991. С. 108–109.

2672 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 486; Т. 54. С. 329.

2673 РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы. М., 2004. С. 229.

2674 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. С. 296–298.

2675 Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 151–152.

2676 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 486.

2677 Кентавр. 1991. Октябрь – декабрь. С. 109.

2678 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 330.

2679 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 426, 608.

2680 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 329–330.

2681 *Логинов В. Т.* В. И. Ленин. Полная биография. С. 827.

2682 Московские новости. 23 апреля 1989. С. 8.

2683 Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 193.

2684 Московские новости. 23 апреля 1989. С. 8.

2685 *Сахаров В. А.* «Политическое завещание» Ленина. С. 338, 601.

2686 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. С. 295.

2687 *Данилкин Л.* Ленин. С. 763–766.

2688 Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 198–199.

2689 *Сахаров В. А.* «Политическое завещание» Ленина. С. 129.

2690 *Ульянова М. И.* В Президиум Объединенного пленума

ЦК и ЦКК // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 8. С. 235–237.

2691 Сто сорок бесед с Молотовым. С. 193, 181.

2692 *Данилкин Л.* Ленин. С. 738.

2693 *Сервис Р.* Ленин. Минск, 2002. С. 512.

2694 *Ульянова М. И.* Ранение // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. М., 1989. С. 247.

2695 Цит. по: *Логинов В. Т.* В. И. Ленин. Полная биография. С. 829.

2696 Кентавр. Октябр – декабрь 1991. С. 109; Волкогонов Д. А. Ленин. Кн. 2. С. 343.

2697 Цит. по: *Логинов В. Т.* В. И. Ленин. Полная биография. С. 832–834.

2698 *Розанов В. Н.* Из воспоминаний о Владимире Ильиче // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. М., 1990. С. 320.

2699 *Логинов В. Т.* В. И. Ленин. Полная биография. С. 834.

2700 Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 198–199.

2701 *Валентинов Н.* Нэп и кризис партии. Воспоминания. Нью-Йорк, 1991. С. 51, 53.

2702 *Логинов В. Т.* В. И. Ленин. Полная биография. С. 837–838).

2703 Знание – сила. Январь, № 1. 2004. С. 62.

2704 *Розанов В. Н.* Из воспоминаний о Владимире Ильиче. С. 320.

2705 *Осипов В. П.* Болезнь и смерть Владимира Ильича Ульянова – Ленина // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 8. С. 290.

2706 *Логинов В. Т.* В. И. Ленин. Полная биография. С. 842.

2707 *Осипов В. П.* Болезнь и смерть Владимира Ильича Ульянова – Ленина. С. 291–292.

2708 *Крупская Н. К.* Последние полгода жизни Владимира Ильича // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. М., 1989. С. 356–357.

2709 Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 186–187.

2710 *Крупская Н. К.* Последние полгода жизни Владимира Ильича. С. 357, 358.

2711 *Данилкин Л.* Ленин. С. 747–748.

2712 *Рукавишников В. А.* Последний год Ильича. Из записок фельдшера // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 8. С. 284.

2713 *Крупская Н. К.* Последние полгода жизни Владимира Ильича. С. 361, 362.

2714 *Осипов В. П.* Болезнь и смерть Владимира Ильича Ульянова – Ленина. С. 292.

2715 *Розанов В. Н.* Из воспоминаний о Владимире Ильиче. С. 321.

2716 *Осипов В. П.* Болезнь и смерть Владимира Ильича Ульянова – Ленина. С. 299, 297.

2717 *Белякова Т. М.* Память сердца // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 8. С. 249.

2718 *Пейн Р.* Ленин: жизнь и смерть. М., 2002. С. 598.

2719 *Рукавишников В. А.* Последний год Ильича. С. 285–286.

2720 *Крупская Н. К.* Последние полгода жизни Владимира Ильича. С. 364.

2721 Цит. по: *Логинов В. Т.* В. И. Ленин. Полная биография. С. 854.

2722 *Осипов В. П.* Болезнь и смерть Владимира Ильича Ульянова – Ленина. С. 293.

2723 *Холодова П. А.* Ильич и глуховцы // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 8. С. 262.

2724 *Крупская Н. К.* Последние полгода жизни Владимира Ильича. С. 363.

2725 *Рукавишников В. А.* Последний год Ильича. С. 286.

2726 *Логинов В. Т.* В. И. Ленин. Полная биография. С. 858–859.

2727 *Крупская Н. К.* Последние полгода жизни Владимира Ильича. С. 364.

2728 Цит. по: *Логинов В.* Т. В. И. Ленин. Полная биография. С. 861.

2729 *Крупская Н. К.* Последние полгода жизни Владимира Ильича. С. 364.

2730 *Бельмас А. В.* Воспоминания о В. И. Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 8. С. 130.

2731 Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 173.

2732 *Рукавишников В. А.* Последний год Ильича. Т. 8. С. 286–288.

2733 *Крупская Н. К.* Последние полгода жизни Владимира Ильича. С. 364–365.

2734 *Бонч-Бруевич В. Д.* Смерть и похороны Владимира Ильича // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 8. С. 307.

2735 *Пейн Р.* Ленин: жизнь и смерть. С. 614–615.

2736 *Бонч-Бруевич В. Д.* Смерть и похороны Владимира Ильича. С. 310, 311.

2737 Цит. по: *Волкогонов Д. А.* Ленин: Политический портрет. Кн. 2. С. 364.

2738 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. С. 311.

2739 Сто сорок бесед с Молотовым. С. 298.

2740 *Пейн Р.* Ленин: жизнь и смерть. С. 629.

2741 *Розанов В. Н.* Из воспоминаний о Владимире Ильиче. С. 321–322.

2742 *Осипов В. П.* Болезнь и смерть Владимира Ильича Ульянова – Ленина. С. 300–301, 296.

2743 *Бельмас А. В.* Воспоминания о В. И. Ленине. С. 131.

2744 *Бажанов Б. Г.* Борьба Сталина за власть. С. 85.

2745 *Ларина-Бухарина А*. Незабываемое. М., 2002. С. 254.

2746 *Черчилль У*. Мировой кризис. Последствия. М., 2014. С. 66.

2747 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 88. Л. 20–22.

2748 *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 6. С. 51.

2749 *Ульянов Д. И*. Детские годы Владимира Ильича // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. М., 1989. С. 123–124.

2750 *Осинский Н*. Ленин // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 4. М., 1990. С. 269, 270.

2751 *Черчилль У*. Мировой кризис. Последствия. М., 2014. С. 64–65.

2752 *Бердяев Н. А*. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 117.

2753 *Черчилль У*. Мировой кризис. Последствия. С. 64–65.

2754 *Ленин В. И.* ПСС. Т. 44. С. 210.

2755 *Воронский А. К.* Россия, человечество, человек и Ленин // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 6. М., 1990. С. 356.

2756 *Колесников А*. Кощей Бессмертный // Коммерсантъ. 25 июля 2019.

2757 http//www.

notes

Примечания

1

Чернь (*фр.*).

2

Революционные песенки.

3

Им подобные.

4

Не ручаясь за дальнейшее (*фр.*).

5

Социал-демократическая партия Германии.

6

Документы.

7

Чрезвычайный уполномоченный Совета Обороны по снабжению Красной Армии.